

ПРАВИТЕЛЬСТВО РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ
САНКТ-ПЕТЕРБУРГСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ
САНКТ-ПЕТЕРБУРГСКОЕ ПСИХОЛОГИЧЕСКОЕ ОБЩЕСТВО

АНАНЬЕВСКИЕ ЧТЕНИЯ – 2023

Человек в современном мире:
потенциалы и перспективы
психологии развития

МАТЕРИАЛЫ МЕЖДУНАРОДНОЙ НАУЧНОЙ КОНФЕРЕНЦИИ

17-20 октября 2023 года

УДК 159.9

ББК 88.3

А64

Редакционная коллегия:

Бурина Е.А., к.п.с.н., доц.;	Костромина С.Н., д.п.с.н., проф.;
Бызова В.М., д.п.с.н., проф.;	Круглова М.А., к.п.с.н., доц.;
Вартанян Г.А., к.п.с.н., доц.;	Ловягина А.Е., к.п.с.н., доц.;
Василенко В.Е., к.п.с.н., доц.;	Миланич Ю.М., к.п.с.н., доц.;
Гнедых Д.С., к.п.с.н. доц.;	Мироненко И.А., д.п.с.н., проф.;
Головей Л.А., д.п.с.н., проф.;	Мухамедрахимов Р.Ж., д.п.с.н., проф.;
Горбунов И.А., к.п.с.н., ст.науч.сотр.;	Наследов А.Д., к.п.с.н., доц.;
Грандильевская И.В., к.п.с.н., доц.;	Прусаков В.И., асс.;
Гришина Н.В., д.п.с.н., проф.;	Солдатова Е.Л., д.п.с.н., проф.;
Гуриева С.Д., д.п.с.н., проф.;	Столярчук Е.А., ст.преп.;
Дейнека О.С., д.п.с.н., проф.;	Стрижицкая О.Ю., д.п.с.н., проф.;
Демьянчук Р.В., д.п.с.н., доц.;	Трусова А.В., к.п.с.н., доц.;
Жегурова О.А., асс.;	Ходырева Н.В., к.п.с.н., ст.преп.;
Зайцева Ю.Е., к.п.с.н., доц.;	Чикер В.А., к.п.с.н., доц.;
Зотова Н.Е., к.п.с.н., доц.;	Шаболтас А.В., д.п.с.н., проф.;
Ильина Н.Л., к.п.с.н., доц.;	Щелкова О.Ю., д.п.с.н., проф.;
Исурина Г.Л., к.п.с.н., проф.;	Яковлева М.В., к.п.с.н., доц.;
Короткова И.С., к.п.с.н., ст.преп.;	Яничева Т.Г., к.п.с.н., доц..

Под общ. ред.

О.Ю. Стрижицкой и А.В. Шаболтас, отв. ред. В.И. Прусаков и Ю.О. Ременюк.

А64 *Ананьевские чтения – 2023.*

Человек в современном мире: потенциалы и перспективы психологии развития

Материалы сборника отражают тематику и содержание докладов, представленных на традиционной международной конференции «Ананьевские чтения». Конференция была приурочена к 25-летию кафедры психологии развития и дифференциальной психологии и 300-летию СПбГУ. В качестве основных тем конференции были выбраны наиболее актуальные области современной психологической науки, такие как психология взросления и старения, потенциал восстановления болеющего человека в контексте клинической психологии, проблемы применения математических методов в психологии, перспективы развития психодиагностики, влияние цифрового мира на детей и подростков и многие другие. В материалах сборника представлены работы психологов Санкт-Петербургского государственного университета, других образовательных организаций, многих научных и практических центров России, а также стран ближнего и дальнего зарубежья.

От редакторов издания

В этом сборнике представлены материалы международной научной конференции «Ананьевские чтения – 2023. Человек в современном мире: потенциалы и перспективы психологии развития», приуроченной к **25-летию кафедры психологии развития и дифференциальной психологии СПбГУ** и **300-летию Санкт-Петербургского государственного университета**.

Конференция была посвящена изучению человека в современном мире с позиций разных направлений психологического знания и практики с акцентом на условия, факторы и механизмы развития на разных этапах жизненного пути, а также в разных контекстах: индивидуальном, социальном, профессиональном, организационном и т.д. «Ананьевские чтения» традиционно стали точкой притяжения психологов, врачей, социологов, физиологов и специалистов смежных профессий: всего участниками конференции стали более 700 учёных, практиков и студентов из 62 городов России и 17 зарубежных стран. Более 100 человек присоединились к конференции в качестве зрителей онлайн-трансляций.

За дни конференции было проведено 47 мероприятий: научных секций, круглых столов, семинаров и мастер-классов. Участие в конференции смогли принять как новички, так и корифеи науки: самым младшим участникам было 16 лет, а одному из спикеров, д.пс.н., профессору Нине Васильевне Кузьминой совсем недавно исполнилось 100 лет! В рамках конференции прошёл ряд мероприятий, посвященных 25-летию кафедры психологии развития и дифференциальной психологии, истории становления психологии развития в СПбГУ, формирования и трансформации традиций Петербургской школы психологии развития.

В данном издании собраны материалы секций «Актуальные проблемы юридической психологии», «Болеющий человек в современном мире», «Взросление в современном обществе», «Дети и подростки в современном информационном мире», «Детская клиническая и специальная психология. Памяти И.И. Мамайчук», «Методология и история психологии», «Человек в науке: теоретическая психология» и «Человек познающий и познаваемый: экспериментальная парадигма» (материалы этих двух секций объединены в раздел «Общая и когнитивная психология»), «Организационная психология и психология менеджмента», «Человек как текст: нарратив и дискурс в психологических практиках», «Политическая и экономическая психология в развитии», «Психическое здоровье и ранее сопровождение детей и родителей», «Практическая психология здоровья», «Психология здоровья», «Психология личности в координатах будущего», «Психология образования и педагогика», «Психология служебной и профессиональной деятельности», «Психология спорта: проблемы развития как ресурс профессионального мастерства», «Психология старения», «Психотерапия и психологическое консультирование: помощь и развитие», «Психофизиология. Памяти В.Д. Балина», «Современная психодиагностика: проблемы и перспективы», «Социальная психология общения», «Организационная социальная психология», «Социальная психология в цифровом мире», «Психосоциальный дизайн рабочего пространства организации» (материалы этих четырех секций объединены в раздел «Социальная психология: фундаментальные и прикладные исследования»), «Человеческий фактор инноваций».

Оглавление

АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ ЮРИДИЧЕСКОЙ ПСИХОЛОГИИ.....	14
<i>Нарушение личностной идентичности ребенка как психологическое последствие конфликтного развода родителей и их спора о праве на воспитание ребенка</i>	<i>14</i>
<i>Психолого-юридические аспекты экспертных исследований несовершеннолетних</i>	<i>15</i>
<i>Особенности смысложизненных ориентаций осужденных, больных туберкулезом</i>	<i>16</i>
<i>Медиация как инструмент управления конфликтами в здравоохранении при проведении психологических исследований.....</i>	<i>17</i>
<i>Основные сложности при производстве судебной психологической экспертизы по семейным спорам, связанным с воспитанием детей: анализ практики.....</i>	<i>18</i>
<i>Взаимосвязь особенностей личности и видов социально опасного поведения у современных подростков</i>	<i>19</i>
<i>Особенности коммуникации мальчиков – жертв кибербуллинга</i>	<i>20</i>
<i>Взаимосвязь психологических драйверов со степенью общественной опасности лиц, признанных невменяемыми</i>	<i>21</i>
БОЛЕЮЩИЙ ЧЕЛОВЕК В СОВРЕМЕННОМ МИРЕ: ОГРАНИЧЕНИЯ ЖИЗНЕДЕЯТЕЛЬНОСТИ VS ПОТЕНЦИАЛ ВОССТАНОВЛЕНИЯ В КОНТЕКСТЕ КЛИНИЧЕСКОЙ ПСИХОЛОГИИ.....	22
<i>Психосоматика миопии и психологические особенности людей с близорукостью</i>	<i>22</i>
<i>Значение когнитивного стиля врача в устойчивости к формированию пролонгированного профессионального стресса</i>	<i>23</i>
<i>Сравнительный анализ соотношения стратегий совладания и суицидальности в клинической и контрольной выборках.....</i>	<i>24</i>
<i>Переходим на МКБ-11: пора свернуть часы</i>	<i>25</i>
<i>Индивидуальные факторы виктимблейминга: психологические особенности сторонних наблюдателей.....</i>	<i>26</i>
<i>Особенности нарушения критичности у больных хроническим алкоголизмом.....</i>	<i>27</i>
<i>Особенности гендерной идентичности женщин с нарушениями пищевого поведения</i>	<i>28</i>
<i>Сепарационная тревога как последствие абьюзивных отношений</i>	<i>29</i>
<i>Психологические характеристики семейной компоненты реабилитационного потенциала личности с ментальными нарушениями.....</i>	<i>30</i>
<i>Восприятие болезни и лечения и клиничко-психологический статус пациентов, находящихся на реабилитации после COVID-19</i>	<i>31</i>
<i>Психологические особенности сексуальности женщин, состоящих в долгих романтических отношениях</i>	<i>32</i>
<i>Взаимосвязь идентификации запахов у пациентов с заболеваниями шизофренического спектра с негативными симптомами</i>	<i>33</i>
<i>Факторная оценка динамики когнитивного функционирования пациентов с ишемической болезнью сердца на протяжении года после коронарного шунтирования</i>	<i>34</i>
<i>Качество жизни больных с контролируемой и неконтролируемой бронхиальной астмой.....</i>	<i>35</i>
<i>Связь генотипов генов BDNF и OXTR с уровнем дистресса, ценностными ориентациями, копинг-стратегиями и качеством жизни онкопациентов, перенесших и не перенесших COVID-19</i>	<i>36</i>
<i>Предикторы представлений о доброжелательности мира у лиц с обсессивными проявлениями</i>	<i>37</i>
<i>Психологическая помощь пациентам с заболеваниями желудочно-кишечного тракта в условиях лечения в стационаре</i>	<i>38</i>
<i>Взаимосвязь опыта психической травматизации и навязчивостей у пациентов с сахарным диабетом 1-го типа.....</i>	<i>39</i>
<i>Субъективная оценка удовлетворенности симуляционным обучением студентов-медиков.....</i>	<i>40</i>
<i>Специфика эмоционального состояния пациентов сахарным диабетом 2-го типа.....</i>	<i>41</i>
<i>Семейные факторы склонности к эмоционально созависимым отношениям в юношеском возрасте.....</i>	<i>42</i>
<i>Особенности копинг-стратегий женщин молодого возраста с самоповреждающим поведением.....</i>	<i>43</i>
<i>Образ тела и качество жизни пациентов различных групп</i>	<i>44</i>
<i>Краткая форма Пертского опросника алекситимии: новый 6-пунктный опросник для измерения алекситимии.....</i>	<i>45</i>
<i>Изучение когнитивных дефицитов у женщин с диагнозом рак молочной железы до начала системного лечения</i>	<i>46</i>
<i>Особенности совладающего с болезнью поведения у женщин с раком молочной железы.....</i>	<i>47</i>
<i>Созависимость и контрзависимость у лиц с социофобией</i>	<i>48</i>
<i>Возможности шкалы “Intolerance of uncertainty scale” (IUS) для предсказания некомплаентного поведения соматических больных.....</i>	<i>49</i>
<i>Отношение к телу как фактор формирования отношения к болезни у пациентов с ревматоидным артритом и хронической обструктивной болезнью лёгких.....</i>	<i>50</i>
<i>Тип рефлексии и отношение ко времени у взрослых с расстройствами аутистического спектра</i>	<i>51</i>
<i>Проблема компенсаторных возможностей личности с когнитивным дефицитом в позднем возрасте.....</i>	<i>52</i>
<i>Качество жизни женщин с раком молочной железы с разным объемом хирургического вмешательства.....</i>	<i>53</i>

Психологические факторы первичного обращения к врачу среди пациентов с раком легкого	54
Когнитивные убеждения женщин с терминальной стадией рака молочной железы при различном течении болезни.....	55
Психологические предикторы отсрочки обращения за лечением по поводу рака кишечника	56
Связь социальной тревоги с толерантностью к неопределенности и locusом субъективного контроля у вынужденных мигрантов (на примере российской выборки)	57
Особенности пищевого поведения и его компонентов у девушек с опытом психологического насилия в подростковом возрасте	58
Родственники 1-ой степени родства пациентов с болезнью Альцгеймера: результаты клинического и нейропсихологического исследования	59
Социально-психологические установки взрослых «пациентов» и «не пациентов» в отношении социально-значимых заболеваний.....	60
Особенности когнитивной регуляции эмоций и психологического благополучия у женщин с раком молочной железы	61
Темперамент и уровень эмпатии студентов-медиков	62
Динамика зрительно-пространственного поиска у пациентов с синдромом неглекта при использовании реабилитационного тренинга	63
О связи ранних дезадаптивных схем с психопатологическим статусом и копинг-стратегиями у больных туберкулезом органов дыхания.....	64
Комплаентность героинозависимых ВИЧ-инфицированных беременных: проблемы и перспективы	65
Компоненты коммуникативной компетентности будущего врача: асертивность и толерантность	66
Оценка ценности жизни как предиктор посттравматического роста у онкологических пациентов	67
Эмоциональные характеристики и качество жизни у пациентов с хронической болью	68
Нормализация дневного состояния и параметров сна через комплексный психосоматический подход по методике PSY2.0 для людей с хронической первичной бессонницей.....	69
Взаимосвязь социально-демографических и клинических факторов с выраженностью переживания «бремени болезни» у родственников, опекающих больных эпилепсией	70
Разработка русскоязычной версии "Опросника посттравматического роста и посттравматического обесценивания"	71
Цифровая тревога как проявление трудностей в адаптации к цифровой среде	72
ВЗРОСЛЕНИЕ В СОВРЕМЕННОМ ОБЩЕСТВЕ.....	73
Связь оценочных представлений подростков о нормативности-девиантности с особенностями их самоотношения.....	73
Межличностные отношения как составляющая мировоззрения в юношеском возрасте.....	74
Представления об ответственности у подростков 13-15 лет.....	75
Типы проактивного совладания в ситуации неопределенности у русской молодежи	76
Танцевально-двигательная терапия со взрослыми людьми, имеющими особенности здоровья.....	77
Возрастные аспекты повседневного стресса	78
Изучение социализации в условиях современного информационного мира: смена методологических стратегий	79
Роль жизнестойкости и стрессоустойчивости в совладании со стрессами у старших подростков	80
Проявления ревности в связи с психоэмоциональным благополучием супругов	81
Психологические особенности студентов, не планирующих работать по специальности.....	82
Любознательность взрослых в связи с их психологическим благополучием.....	83
Психологические факторы эмоционального благополучия школьников: теоретический анализ	84
Статусы виртуальной идентичности: «цифровой разрыв» внутри «цифрового поколения» молодежи	85
Восприятие социального пространства в юношеском возрасте в ситуации неопределенности	86
Соотношение жизненных ориентиров, интересов и психологического благополучия в подростково-юношеском возрасте	87
Как современные подростки представляют себе взрослость?	88
Особенности жизненного выбора взрослых (на примере смены профессиональной деятельности).....	89
«Формирующаяся взрослость» и сепарация от родителей	90
Коэффициент позитивности в структуре эмоционального благополучия и жизнестойкости студентов-медиков.....	91
Адаптационные ресурсы студентов медицинского вуза с разным уровнем учебного стресса.....	92
Возрастные особенности субъективного благополучия учащейся молодежи с разными типами одаренности	93
Личностные черты матерей дошкольников как предикторы практик родительского воспитания	94
Личностный проект как показатель саморазвития в юности и молодости	95
Детско-родительские отношения как фактор становления суверенности личности в юношеском возрасте	96
Социально-психологические особенности готовности к браку и семейной жизни у тувинской молодежи	97
Диадические психологические характеристики разновидностей надежного стиля привязанности у взрослых романтических пар	98
Вопросы психологии развития в трудах П.Я. Гальперина	99

<i>Особенности романтических отношений российских и китайских студентов в связи с их психологическим благополучием</i>	100
<i>Идентификация с отцом и матерью и ее роль в регуляции стресса подростками 12-14 лет</i>	101
ДЕТИ И ПОДРОСТКИ В СОВРЕМЕННОМ ИНФОРМАЦИОННОМ МИРЕ	102
<i>Субъектность в структуре личности подростка</i>	102
<i>Когнитивное развитие младших школьников в контексте их цифровой активности</i>	103
<i>Контроль поведения и социометрический статус младших школьников</i>	104
<i>Психологическое благополучие и проблемы подростков – участников буллинга</i>	105
<i>Нормативное и рискованное информационное поведение молодежи: психологические предикторы</i>	106
<i>Связь депрессивных переживаний и интернет-зависимости подростков</i>	107
<i>Внешние и внутренние ресурсы старшеклассников в период подготовки и сдачи выпускных экзаменов</i>	108
<i>Игра как современный инструмент в психолого-педагогическом сопровождении подростков</i>	109
<i>Применение метода сенсомоторной интеграции в работе с детьми младшего школьного возраста</i>	110
<i>Связь ценностных ориентаций современных подростков с психологическим благополучием</i>	111
<i>Отношение школьников к вынужденному дистанционному обучению:</i> <i>связь с внутренней и внешней мотивацией</i>	112
<i>Общение подростков с родителями «онлайн» и «офлайн»: исследование с помощью метода фокус-групп</i>	113
<i>Субъектность подростков 10-16 лет в связи с отношениями со сверстниками и взрослыми</i>	114
<i>Особенности ценностных ориентаций и социальных установок подростков, склонных к отклоняющемуся поведению</i>	115
<i>Проявления возрастного кризиса у подростков афганской диаспоры в России</i>	116
<i>Отношение к деньгам у подростков с проблемным использованием интернета</i>	117
<i>Поколение Z в современном информационном мире: практики цифровой партисипации</i>	118
<i>Совладающее поведение и психологическое благополучие старшеклассников с учетом их принадлежности к фэндомам</i>	119
<i>Особенности эмоционального воспитания детей старшего дошкольного возраста в семье</i>	120
ДЕТСКАЯ КЛИНИЧЕСКАЯ И СПЕЦИАЛЬНАЯ ПСИХОЛОГИЯ ПАМЯТИ ИРИНЫ ИВАНОВНЫ МАМАЙЧУК	121
<i>Невербальный интеллект у детей с общим недоразвитием речи</i>	121
<i>Технологический прогресс, образованность педагогов и эрудированность родителей затрудняют клиническую психодиагностику детей?</i>	122
<i>Оценка интеллекта и функционального состояния детей 12-15 лет с расстройством аутистического спектра и умственной отсталостью</i>	123
<i>Опыт применения методики «Рисунок гнезда» в детской клинической психологии</i>	124
<i>Диагностика эмоционального состояния и поведения женщин, воспитывающих ребенка с врожденным пороком сердца</i>	125
<i>И.И. Мамайчук о проблемах и перспективах детской клинической психологии</i>	126
<i>Оценка эмоциональной сферы детей с нарушениями развития по методике CEDM</i>	127
<i>Воспитательные установки матерей детей с ОНР I-го уровня с различным темпом формирования активной речи</i>	128
<i>Опыт организации инклюзивной музейной среды для лиц с ментальными нарушениями</i>	129
<i>Роль лечащего врача и родителя в формировании отношения к болезни у подростков с онкологическими заболеваниями</i>	130
<i>Отношения к телу у девушек-подростков, страдающих нервной анорексией</i>	131
<i>Динамика показателей психоземotionalного статуса детей с туберкулезом органов дыхания в периоперационном периоде на фоне психологического сопровождения</i>	132
МЕТОДОЛОГИЯ И ИСТОРИЯ ПСИХОЛОГИИ	133
<i>Historical trajectories from Wundt's Völkerpsychologie to contemporary community psychology</i>	133
<i>Философско-психологическое наследие Ивана Александровича Ильина</i>	134
<i>Понятия как объект исследования истории психологии</i>	135
<i>Созревание понятий: от интуиции автора к «общепринятому» определению</i>	136
<i>Н.С. Говоров – последователь Б.Г. Ананьева</i>	137
<i>Значение идей Б.Г. Ананьева для практической психологии</i>	138
<i>Психология искусства в научной школе Б.Г. Ананьева</i>	139
<i>Анализ текстов и изображений в психологических исследованиях с помощью библиотеки “psyscaling”</i>	140
<i>Перспективы развития научного наследия Н.Н. Обозова как продолжателя идей Б.Г. Ананьева</i>	141
<i>Принцип развития как универсальный принцип психологии</i>	142
<i>Уровневые объяснения в психологии и интеграция психологического знания</i>	143
<i>Историко-психологические идеи в научном творчестве А.Н. Леонтьева (к 120-летию со дня рождения ученого)</i>	144
<i>О начале преподавания психологии на философском факультете ЛГУ в 1942-43 гг.</i>	145
ОБЩАЯ И КОГНИТИВНАЯ ПСИХОЛОГИЯ	146

<i>Вербально-иконические элементы вандализма в городском информационном пространстве</i>	146
<i>Влияние внимания и беглости обработки на роль ожидания в зрительном восприятии</i>	147
<i>Искусственный интеллект, нейросети и когнитивные модели: методологические проблемы</i>	148
<i>Отсутствие влияния перцептивной не-беглости на решение задач</i>	149
<i>Специфика искажений ментальной репрезентации размеров собственного тела человека при погружении в компьютерные VR с разным игровым заданием</i>	150
<i>Роль прерывающей активности в решении творческих задач</i>	151
<i>Почему мы не замечаем рекламу в интернете? Роль типа поиска и эмоциональной информации в возникновении феномена "баннерной слепоты"</i>	152
<i>Адаптивный интеллект: определение понятия</i>	153
<i>ИмPLICITные и эксплицитные представления о лидерстве у студентов вузов</i>	154
<i>Стратегии движения глаз в процессе восприятия лицевых экспрессий</i>	155
<i>Половозрастные детерминанты субъектно-ориентированного сравнения</i>	156
<i>Восприятие и запоминание вандажно нанесенных текстов: половозрастные различия</i>	157
<i>Влияние негативного выбора на широту диапазона эквивалентности цвета многозначного стимула</i>	158
<i>Существует ли аудиальный эффект Зловещей долины?</i>	159
<i>Эстетическая отзывчивость в структуре личности человека</i>	160
<i>Точность межличностного восприятия в ситуации опосредованного общения</i>	161
<i>Флексибильность: свойство или работа?</i>	162
<i>Специфика эмоционального и социального интеллекта студентов медицинского вуза</i>	163
<i>Деформация естественных механизмов познавательной деятельности человека в интернет-пространстве</i>	164
<i>Психосемантический анализ мотивации завистливого поведения</i>	165
<i>Историческое исследование в психологии как инструмент решения текущих проблем: на пути к модели развития проблемы сознания</i>	166
<i>Положительное влияние названий на зрительный поиск объектов, изученных с помощью быстрого картирования</i>	167
<i>Диагностическая информативность методики «Оценка валидности утверждений» при принятии решения о доверии речевому сообщению</i>	168
<i>Влияние ритмичности звукового фона на выраженность иллюзии "Слепота к изменениям"</i>	169
<i>Возможности применения слуховых и мультимодальных интерфейсов в совместной деятельности</i>	170
<i>Образ личного будущего в контексте глобальных кризисов пандемии COVID-19 и СВО</i>	171
<i>О связи мотивации аффилиации с выраженностью внутренних конфликтов и внутренних вакуумов у студентов</i>	172
<i>Как субъективная оценка сложности задачи влияет на имплицитное и эксплицитное научение?</i>	173
<i>Предикторы осмысленности жизни у тувинцев</i>	174
<i>Принятие эмоционального опыта как предпосылка устойчивости к аффективному влиянию негативных автобиографических воспоминаний</i>	175
<i>Эффект кросс-модального соответствия резистентен по отношению к стратегиям когнитивной регуляции эмоций: поведенческие и психофизиологические данные</i>	176
<i>Устойчивость эффекта кросс-модального соответствия к индуцированным эмоциональным состояниям</i>	177
<i>Когнитивные искажения в условиях стресса</i>	178
ОРГАНИЗАЦИОННАЯ ПСИХОЛОГИЯ И ПСИХОЛОГИЯ МЕНЕДЖМЕНТА	179
<i>Взаимосвязь между когнитивными стилями и принятием решений</i>	179
<i>Психологический капитал и профессиональное выгорание женщин-руководителей</i>	180
<i>Преодоление страхов в корпоративной культуре как стимул продолжительного развития персонала</i>	181
<i>Развитие управленческих компетенций как психологическое основание разработки программы повышения квалификации кадрового резерва управленческих кадров медицинских учреждений</i>	182
<i>Исследование убеждений о работе у представителей поколения Z</i>	183
<i>Личностные и ситуативные предикторы выбора формы занятости</i>	184
<i>Комплексный подход в психологии менеджмента как фактор повышения личностной и профессиональной мотивации</i>	185
<i>Субъективное благополучие сотрудников IT-компаний во взаимосвязи с копинг-стратегиями</i>	186
<i>О возможностях имплицитного ассоциативного теста (IAT) для управления культурой безопасности в организации</i>	187
<i>Социальный капитал как ресурс женского предпринимательства</i>	188
<i>Личный брендинг сотрудников: драйверы и методы управления</i>	189
<i>Проявление креативности управленца в современном обществе</i>	190
<i>Лояльность к организации, карьерные ориентации и удовлетворенность трудом работников государственного учреждения с разным стажем работы</i>	191
ЧЕЛОВЕК КАК ТЕКСТ: НАРРАТИВ И ДИСКУРС В ПСИХОЛОГИЧЕСКИХ ПРАКТИКАХ	192
<i>Жизненные события взаимодействия с другими людьми в сценарном и нарративном анализе</i>	192
<i>Трансгенерационное влияние домашнего насилия: потенциал применения проективных методов в парадигме качественных исследований в психодинамическом подходе</i>	193

Образ будущей предпочитаемой идентичности предпринимателя с учетом разной психологической дистанции	194
Благодарность в контексте детско-родительских отношений: качественное исследование	195
Эмоциональный интеллект старшеклассников в полидискурсивном коммуникативном пространстве	196
Полидискурсивное коммуникативное пространство в контексте качественных исследований	197
Особенности представлений о культурно-жизненном сценарии у представителей разных поколений	198
Критерии оценки личных проектов в нарративе удовлетворенности состоянием дел	199
Призвание в историях профессионального становления: как читать и зачем писать	200
ПОЛИТИЧЕСКАЯ И ЭКОНОМИЧЕСКАЯ ПСИХОЛОГИЯ В РАЗВИТИИ.....	201
Изменения пользовательской активности в условиях трансформации современного информационного пространства России	201
Деструктивное информационное воздействие как способ деформации правового сознания и правовых отношений в обществе	202
Использование понятия «долговой психологический контракт» для описания отношений между кредитором и заемщиком	203
Особенности проявления склонности к насильственному экстремизму у студентов	204
Особенности экономического сознания коренных малочисленных народов Севера с высоким уровнем субъективного благополучия	205
Актуализация экзистенциальных проблем при угрозе вере в справедливость мира	206
Трудовые ресурсы Свердловской области: роль миграции	207
Образ русского мира в антироссийской риторике Запада на примере СМИ Греции	208
Виртуальные государства как инструмент влияния на социальные установки населения	209
Политическая тревожность россиян в ситуации неопределенности	210
Психосемантический анализ нарратива, связанного с тематикой пандемии COVID-19 в Узбекистане	211
Обеспечение нормальной жизнедеятельности человека в постоянном тревожном положении	212
Психологическое благополучие беженцев и вынужденных переселенцев	213
Характеристики образов информационного врага и иноагента у представителей профессиональных сообществ	214
Исследование временной перспективы в период системного кризиса	215
Особенности кооперативных стратегий политических элит в современном Китае: что показывают сети?	216
ПСИХИЧЕСКОЕ ЗДОРОВЬЕ И РАННЕЕ СОПРОВОЖДЕНИЕ ДЕТЕЙ И РОДИТЕЛЕЙ.....	217
Анализ эмоционального состояния и источников стресса матерей недоношенных новорожденных, находящихся на отделении реанимации и интенсивной терапии	217
Влияние программы вмешательства на показатели взаимодействия между родителем и ребенком в замещающих семьях	218
Особенности развития речи детей, рожденных с помощью операции кесарева сечения	219
Эмоциональное состояние и самооценка нормотипичных детей в интегративных группах детского сада	220
Оценка развития детей младенческого возраста	221
Система школ осознанного родительства как профилактика семейного неблагополучия	222
Исследование особенностей эмоционального состояния и отношения к новорожденному у женщин с нарушенной репродуктивной функцией	223
Коммуникативное развитие детей при переходе из дома ребенка в замещающую семью	224
Психотерапевтическое сопровождение семей с детьми раннего возраста в пространстве тоддлеровской группы	225
Особенности эмоционального состояния матерей недоношенных детей раннего возраста с экстремально-низкой массой тела при рождении	226
Характер взаимодействия ухаживающих взрослых и младенцев, воспитывающихся в доме ребенка	227
Психологические особенности детей с обычным развитием в интегративных группах 10 лет спустя	228
Характеристики взаимодействия воспитателей и детей с синдромом Дауна и показатели развития коммуникации у детей в связи с программой супервизии персонала в детском доме-интернате	229
Пренатальные предикторы тревожно-депрессивного расстройства у женщин после рождения ребёнка в период пандемии коронавируса	230
Особенности проявлений депрессии у матерей и отцов в семьях, зачавших ребенка с помощью ВРТ (в период дошкольного детства ребенка)	231
Ранние маркеры аутизма у детей в возрасте от 1-го до 2-х лет	232
Близкие отношения взрослых, переживших сексуализированное насилие в детстве	233
Сенситивные периоды и секреция кортизола у детей с ранним опытом институционализации	234
Представления о себе у женщин в период менопаузы	235
ПРАКТИЧЕСКАЯ ПСИХОЛОГИЯ ЗДОРОВЬЯ	236
Социально-психологические предикторы востребованности неконвенциональных практик в сфере здоровья и психологического благополучия	236
Роль внутренних и внешних факторов в оценке безопасности в эпоху кризисов и неопределенности	237

Ценностные ориентации онкопациентов на разных этапах лечения.....	238
Эффективность интермодальной терапии экспрессивными искусствами при коррекции эмоционального статуса у взрослых.....	239
Жизнестойкость пациентов с диагнозом рак толстой кишки.....	240
Совладающее поведение пациентов с диагнозом рак толстой кишки.....	241
Распространенность и практики использования медикаментов для коррекции психологического состояния в студенческой среде.....	242
Парадокс Дж. Бонанно: гибкость vs резильентность.....	243
Личностные и социально-психологические факторы употребления психоделиков молодежью.....	244
Ресурсы сопротивляемости женщин с опытом партнерского насилия.....	245
Особенности отношения к материнству у беременных девочек-подростков и женщин репродуктивного возраста.....	246
К вопросу о системном подходе к исследованию самосознания человека.....	247
Психосоциальные характеристики пользователей приложений для психического здоровья: предварительный анализ.....	248
К вопросу о связи ценностных ориентаций и совладающего поведения у пациентов с избыточной массой тела.....	249
Исследование явлений нервной орторексии у студентов-психологов.....	250
Краткосрочное вмешательство для оценки безопасности донорства яйцеклеток.....	251
Когнитивный тренинг для людей, живущих с ВИЧ: «модель для сборки».....	252
Психологические особенности переживания нарушений питания при различных расстройствах пищевого поведения.....	253
ПСИХОЛОГИЯ ЗДОРОВЬЯ.....	254
Селективное внимание и биоэлектрические маркеры эмоционального стресса у молодых людей первых лет обучения в вузе.....	254
Показатели социальной тревожности у студентов первого курса медицинского университета.....	255
О ресурсах психологического здоровья специалистов экстремального профиля.....	256
Самоотношение и склонность к саморазрушению у подростков с полярными особенностями физического развития.....	257
Отношение к здоровью руководителей строительной отрасли.....	258
Влияние гестационного сахарного диабета на развитие центральной нервной системы детей.....	259
Анализ способов адаптации медицинских работников к круглосуточному графику работы.....	260
Трансформация морального сознания в контексте геронтологической культуры студентов медицинского факультета: вызовы и перспективы цифрового общества.....	261
К постановке проблемы нормального пищевого поведения.....	262
Проблема психологической диагностики установок в отношении здоровья.....	263
Сикорский И.А. о психическом здоровье ребенка.....	264
Психология здоровья: к истории становления.....	265
Особенности личной психогигиены отношений военнослужащих.....	266
Характеристики временной перспективы у подростков с последствиями тяжелых физических травм.....	267
Психалгия: версия Э. Шнейдмана.....	268
Целостность как важнейшая характеристика здоровья человека.....	269
Тревога о здоровье у часто и редко болеющих младших подростков.....	270
ПСИХОЛОГИЯ ЛИЧНОСТИ В КООРДИНАТАХ БУДУЩЕГО.....	271
Образ тела: восприятие мужчинами собственной телесности.....	271
Инициатива развития личности в связи с субъективным опытом раннего взаимодействия.....	272
Личностные изменения в представлениях о возможных Я у девушек.....	273
Структура взаимосвязей зависимости от социальных сетей у молодежи.....	274
Социально-психологические и личностные следствия цифровизации повседневности.....	275
Возможное Я как инструмент саморегуляции личности.....	276
Личностные ресурсы позитивного функционирования в ситуации неопределенности.....	277
Отражение смысловой сферы личности в свободных описаниях живописи.....	278
Влияние характеристик утраты близкого человека на образ мира личности.....	279
Вклад черт темной тетрады в отчуждение моральной ответственности.....	280
Взаимосвязь когнитивных стилей и совладающего поведения молодежи в трудных жизненных ситуациях.....	281
Характеристики ситуаций: инструменты описания.....	282
Имя человека как фактор формирования субъективного переживания близости и доверия к самому себе.....	283
Особенности самодетерминации у молодых людей с разными представлениями о проблемной ситуации.....	284
Принятие решения в ситуации моральной дилеммы воспроизведение экспериментов Дж. Хайдта.....	285
Отношение к неопределенности и переживание успешности личности.....	286
Исследование взаимосвязи внутренних атрибуций и оценки причин стыда и вины.....	287
Интерпретация значимых событий жизни молодыми людьми.....	288
Экзистенциальное пространство личности как виртуальное пространство.....	289

<i>Конструирование идентичности трансгендерными людьми в ситуации трансгендерного перехода: постановка проблемы</i>	290
<i>Связь ценностных ориентаций личности с содержанием сновидений</i>	291
<i>Психологические подходы к анализу детерминации и самодетерминации личностной деструктивности</i>	292
<i>Аутентичность личности в контексте диспозиционного и феноменологического подхода</i>	293
<i>Целевые детерминанты осмысленности жизни представителей разных культур</i>	294
ПСИХОЛОГИЯ ОБРАЗОВАНИЯ И ПЕДАГОГИКА	295
<i>Применение и эффективность коррекционных упражнений в процессе школьного обучения у детей младших классов</i>	295
<i>Особенности гендерной социализации детей дошкольного возраста</i>	296
<i>Учебная мотивация студентов в условиях цифровой образовательной среды</i>	297
<i>Опыт развития профессиональной рефлексии студентов на этапе обучения в вузе</i>	298
<i>Развитие компетенции командной работы студентов в онлайн среде как психолого-педагогическая проблема: результаты анкетирования</i>	299
<i>Педагогический дизайн в цифровом коворкинговом пространстве</i>	300
<i>Проявление готовности к саморазвитию у подростков</i>	301
<i>Психодиагностика эмоциональных нарушений у детей при раннем выявлении расстройств аутистического спектра</i>	302
<i>Организация психолого-педагогического сопровождения цифровой социализации обучающихся 5-9 классов с учетом требований ФГОС ООО</i>	303
<i>Эффективность усвоения учебной информации студентами непрофильных направлений в рамках дисциплины «Психология»</i>	304
<i>Проблемы и перспективы формирования гражданской идентичности у студентов в условиях модернизации образования</i>	305
<i>Научное наследие А.Г. Литвака в становлении современной тифлопсихологии</i>	306
<i>Осмысленность учения в контексте смысловой регуляции жизнедеятельности студентов</i>	307
<i>Методы изучения и коррекции мотивации учащихся, находящихся в трудной жизненной ситуации</i>	308
<i>Оценка эффективности применения смешанных образовательных технологий студентами гуманитарного и естественно-научного направлений подготовки</i>	309
<i>Психологические особенности младших школьников, не посещавших детские сады</i>	310
<i>Исследование взаимосвязи регуляторных функций и тревожности старших дошкольников</i>	311
<i>Взаимосвязь ценностных ориентаций и морально-этической ответственности у студентов</i>	312
<i>Характеристики эмоционального интеллекта и инновационности у студентов специальных специальностей</i>	313
<i>Невербальные средства коммуникации у российских и китайских преподавателей в условиях онлайн-обучения</i>	314
<i>Возможности геймификации в преподавании курса "Психология" студентам непрофильных направлений</i>	315
<i>Адаптация педагогов специальных школ к стрессам социального генеза</i>	316
<i>Взаимосвязь креативности и мотивации вузовских преподавателей</i>	317
<i>Отношение студентов-психологов к реализации технологии проектного обучения в процессе преподавания дисциплины «Этнопсихология»</i>	318
<i>Анализ индивидуально-типологических особенностей взаимосвязей некогнитивных предикторов школьной вовлеченности</i>	319
<i>Развитие представлений о профессии в процессе педагогической деятельности</i>	320
<i>Структура перфекционизма и академической мотивации у студентов различных профилей образования</i>	321
<i>Развитие морального сознания в старшем дошкольном возрасте</i>	322
<i>Проблематика психологии образования в контексте сетевого обучения</i>	323
<i>Особенности формирования копинг-стратегий молодых учителей как фактор ухода из профессии</i>	324
<i>Индивидуально-типологические проявления школьной вовлеченности в разные периоды обучения</i>	325
ПСИХОЛОГИЯ СЛУЖЕБНОЙ И ПРОФЕССИОНАЛЬНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ	326
<i>Мотивация профессиональной деятельности, карьерные ориентации и особенности регуляции эмоций у военнослужащих: вопросы взаимосвязи</i>	326
<i>Социальные представления о профессиональном общении у сотрудников органов внутренних дел</i>	327
<i>Ценностно-смысловая сфера спасателей МЧС в современных условиях: теоретический анализ проблемы</i>	328
<i>Травмафокус как методика сохранения ресурсного состояния современного специалиста</i>	329
<i>Роль и место социально-психологической реадaptации в психологическом вспомоществовании участникам боевых действий</i>	330
<i>Особенности гражданской идентичности и толерантности к неопределенности у военнослужащих и военнообязанных запаса в период начала СВО</i>	331
<i>Особенности психологического благополучия специалистов социэкономических профессий: пилотажное исследование</i>	332
<i>Опыт использования методов психологической реабилитации в целях реадaptации военнослужащих ветеранов ВНГ РФ</i>	333

Русскоязычная версия инструмента оценки выгорания «Burnout Assessment Tool» (BAT):	
результаты апробации в бизнес-среде	334
Совладающее поведение и посттравматический рост у курсантов и военнослужащих по призыву.....	335
Понятнейшие способности и эффективность совладающего поведения	336
Проблема психологической поддержки развития личности будущего профессионала морской профессии	337
Психологические предпосылки возникновения соматических последствий	
у сотрудников пожарно-спасательных служб.....	338
Особенности проявления психологических последствий у специалистов МЧС России	
в результате воздействия экстремальных факторов	339
Сравнительный анализ показателей психологического благополучия при разных уровнях выраженности личностной автономии у спасателей МЧС России и специалистов профессиональной сферы "человек-человек"	340
Психозмоциональное состояние сотрудников ГПС МЧС России,	
участвовавших в ликвидации чрезвычайной ситуации	341
Взаимосвязь метакогнитивных убеждений и эмпатии у студентов-медиков.....	342
Экстремальные условия военно-профессиональной деятельности.....	343
Особенности смысложизненных ориентаций будущих психологов	
в контексте коммуникативной толерантности и стратегий поведения в конфликте	344
ПСИХОЛОГИЯ СПОРТА: ПРОБЛЕМЫ РАЗВИТИЯ КАК РЕСУРС ПРОФЕССИОНАЛЬНОГО МАСТЕРСТВА	345
Образные репрезентации айкидо, дзюдо и карате, создаваемые атлетами этих японских боевых искусств.....	345
Экспертно-аналитическая программа для психолого-педагогического	
сопровождения спортивной подготовки.....	346
Аутентичность спортсмена как профессионально необходимое качество: пилотное исследование	347
Особенности вклада идентичности в спортивные достижения у подростков, занимающихся боксом.....	348
Связь физической активности с субъективным благополучием и уровнем стресса у спортсменов-любителей	349
Трансдисциплинарный подход к коррекции эмоциональных состояний спортсменов.....	350
Особенности системной образной репрезентации спортсменов	
различных видов спорта и уровня мастерства	351
Специфика качества жизни спортсменов с травмами конечностей разной степени тяжести	352
Специфика мотивации атлетов юношеского возраста разных видов спорта из Республики Узбекистан.....	353
Взаимосвязь родительских установок со стилем саморегуляции поведения у юных гимнасток.....	354
Оптимизм и спортивная идентичность у профессиональных спортсменов и любителей.....	355
Обоснование модели запроса на психологическую помощь в спорте.....	356
Методология разработки и возможности использования мобильного приложения "Tune-up Sport"	
в психологическом сопровождении спортивной подготовки	357
Проблема индивидуального и командного копинга в женском мини-футболе.....	358
ПСИХОЛОГИЯ СТАРЕНИЯ.....	359
Digital innovation and the identity continuity of dependent older adults	359
Мотивация старшего поколения к физической активности	360
Отношение к внешнему облику как фактор воспринимаемого возраста пожилых людей	361
Особенности психологического времени у людей с высокими показателями	
эффективности поздней социализации	362
Вклад осознанного образа жизни в формирование позитивного восприятия старения	363
Представления о социальной поддержке в пожилом и старческом возрасте.....	364
Исследование связи субъективного благополучия и временной перспективы в пожилом возрасте	365
Особенности использования юмора пожилыми людьми с разной направленностью на социум.....	366
Автономность личности как фактор удовлетворенности жизнью в пожилом возрасте.....	367
Инвалидность и удовлетворенность жизнью у людей пенсионного возраста	368
ПСИХОТЕРАПИЯ И ПСИХОЛОГИЧЕСКОЕ КОНСУЛЬТИРОВАНИЕ: ПОМОЩЬ И РАЗВИТИЕ	369
Ключевые социально-правовые аспекты индустрии психологической помощи	369
Технология «Консультирование в области субъективного здоровья»	
как воздействие на процесс развития субъектности	370
Опыт применения методики «Позитивная куклотерапия» в центре протонной терапии	
медицинского института им. Березина	371
Представление о психотерапии у студентов – клинических психологов.....	372
Использование экспериенциальных техник в когнитивно-поведенческой терапии	373
Динамика образа матери в сознании личности как эффект психотерапии.....	374
Позитивная динамическая психотерапия как метод, развивающий наследие	
Петербургской (Ленинградской) школы психотерапии.....	375
Психотерапия депрессии в структуре российской ментальности	376
Эмоционально-психическое состояние у людей с нарушением самовосприятия.....	377
Осознанность на русском языке: правомерен ли перенос?	378

ПСИХОФИЗИОЛОГИЯ. ПАМЯТИ ВИКТОРА ДМИТРИЕВИЧА БАЛИНА.....	379
Расширенная сферическая модель психики.....	379
Нейрональные корреляты быстрого научения новым словоформам родного и неродного языка у детей дошкольного возраста.....	380
Электрические сигналы живых и неживых объектов.....	381
Когнитивные и эмоциональные процессы в ситуациях межличностных конфликтов у лиц с биполярным аффективным расстройством.....	382
Перспективы использования больших языковых моделей для понимания семантического пространства человека.....	383
Нейрофизиологические показатели в качестве БОС-сигнала для оценки эффективности процесса мысленного представления движения.....	384
Перспективы использования технологии анализа мимической активности для повышения надёжности результатов психофизиологического исследования с применением полиграфа.....	385
СОВРЕМЕННАЯ ПСИХОДИАГНОСТИКА: ПРОБЛЕМЫ И ПЕРСПЕКТИВЫ.....	386
Валидизация русскоязычной версии опросника “Склонность к ностальгии” и его связь с другими психологическими конструктами.....	386
Проблема валидности методик диагностики копинг-стратегий.....	387
Шкала «отношение к психологическому здоровью» (ШОПЗ): разработка опросника.....	388
Адаптация шкалы «Сравнение физической внешности» на российской выборке.....	389
Внутренний диалог как объект психодиагностики.....	390
Драматические ситуации "36 сюжетов" в профессиональном отборе кандидатов в силовые структуры, службы безопасности, банки, государственные учреждения.....	391
Адаптация методики «Опросник конструктивной и деструктивной зависти» на русскоязычной выборке в Узбекистане.....	392
Факторная структура симптомов РАС у российских детей 3-4 лет.....	393
Адаптация опросника Фрейли "Опыт близких отношений – структуры отношений" (ECR-RS) на русскоязычной выборке.....	394
Оценка жизненного проекта личности: особенности разработки нового инструмента диагностики.....	395
Диагностика психоэмоциональных состояний у студентов с помощью цветового теста Люшера в аспекте реализации учебно-профессиональной деятельности.....	396
СОЦИАЛЬНАЯ ПСИХОЛОГИЯ: ФУНДАМЕНТАЛЬНЫЕ И ПРИКЛАДНЫЕ ИССЛЕДОВАНИЯ.....	397
Факторы оправдания физического, сексуализированного и психологического насилия.....	397
Отражение диспозиционных черт «темной» личности в житейском восприятии.....	398
Конструирование экосистемы социального гериатрического центра.....	399
Студенты новых российских регионов: проблемы идентификации и социально-психологической адаптации.....	400
Современная семья глазами подростков.....	401
Особенности адаптации личности в условиях социальной неопределенности (в контексте кризиса идентичности).....	402
Социальный капитал поколений: реализация в организации.....	403
Гендерный фактор выраженности прокрастинации у современного человека.....	404
Влияние возраста субъекта восприятия на конструирование воспринимаемого возраста.....	405
Личностные особенности и специфика поведения в сексуальных отношениях у студентов.....	406
Особенности социального поведения подростков в процессе социализации.....	407
Что мотивирует дружбу: возрастные и гендерные различия.....	408
Психологический анализ литературных персонажей студентами-психологами.....	409
Предикторы отношения к непрямым формам самоповреждения.....	410
Роль индивидуальных представлений об образе будущего в диагностике асоциального поведения молодежи.....	411
Деловая репутация руководителей на муниципальной службе (гендерный аспект).....	412
Духовность личности и представление об успехе у юношей и девушек.....	413
Показатели черт темной триады и отношения к понятию добра и зла у студентов-психологов.....	414
Деонтологические качества личности в контексте теории социальных поколений.....	415
Гендерные различия социального капитала в организации.....	416
Особенности переживания возрастного кризиса интеллектуально одаренными подростками.....	417
Гражданская активность лиц пенсионного возраста.....	418
Социальная идентичность студентов в условиях кризиса общественного сознания.....	419
Интенциональность речи по данным естественной речевой коммуникации в раннем онтогенезе.....	420
Адаптация методики амбивалентного эйджизма на российской выборке.....	421
Самовыражение в творчестве как фактор, препятствующий эмоциональному истощению.....	422
Роль социального капитала в реинтеграции участников боевых действий.....	423
Психологические причины возникновения асимметрии в межличностных отношениях коллег по работе.....	424
Склонность к предпринимательской деятельности студентов разных областей профессиональной подготовки....	425
Личностные конструкты субъектов с разным социометрическим статусом.....	426

Социально-психологические предикторы жизнеспособности тувинских семей	427
Альтруизм как предиктор удовлетворенности образовательным процессом у китайских студентов в России	428
Общечеловеческая идентичность в социальной категоризации российских и иностранных студентов.....	429
Особенности тревожности студентов тувзу	430
Типы близких отношений у людей с разным уровнем эскапизма.....	431
Рационалистский и эмпирический подходы к моральным дилеммам в контексте пандемии COVID-19	432
Феномен установки при оценке внешности по фотографии.....	433
Тревожность и конспиративистская ментальность современной молодежи	434
Альтруистическая направленность личности в контексте межличностных отношений в юношеском возрасте	435
Взаимосвязь психологической ригидности и особенностей эмоционального реагирования на потенциально травмирующую ситуацию	436
Духовно-нравственные ориентации родителей в замещающих семьях	437
Роль семейной поддержки в формировании социального капитала организации	438
Роль мотивационных оснований в поддержке мифов об изнасиловании.....	439
Социальные представления об экономических угрозах: от социетальных к личным	440
Взаимосвязь между отношением молодых людей к своему внешнему облику, уровнем их социальной фрустрированности и преобладающими тенденциями в общении	441
Доверие врачам: роль сочетания гендера и специализации.....	442
Особенности волевого контроля при разных типах доверительных отношений	443
Активность как фактор повышения самооценки.....	444
Гендерный тип личности как фактор отношения к взаимодействию представителей разных профессий	445
Особенности совладания со стрессом социально-этнического отчуждения российской молодежи в условиях гибридной войны.....	446
Возможности теории социальных представлений для исследования восприятия городского культурного пространства	447
Особенности выраженности интернет-зависимости у студентов-психологов с разным уровнем одиночества	448
Особенности проявления агрессии и аутоагрессии у студентов из разных стран	449
Искусственный интеллект в области психического здоровья: тематическое моделирование отзывов к психологическим чат-ботам	450
Невербальная знаково-символическая коммуникация в социальной психологии: методологические аспекты.....	451
Влияние источника и распространителя информации на воспринимаемую достоверность информационного сообщения	452
Фактор здоровья в структуре предикторов психологического благополучия.....	453
Социальные представления об успешности у современных мусульман Республики Татарстан	454
Внутриличностные критерии зрелой гражданской идентичности молодежи	455
Факторный анализ ценностно-смысловой сферы личности будущих инженеров путей сообщения на начальном этапе профессионального образования.....	456
ЧЕЛОВЕЧЕСКИЙ ФАКТОР ИННОВАЦИЙ	457
<i>Combining the study of the social environment, cognitive sphere and innovation: the experience of successful teacher training</i>	<i>457</i>
<i>IT identity: preliminary results of the scale adaptation on the Russian sample</i>	<i>458</i>
<i>Личностные особенности студентов-медиков и опыт взаимодействия с роботами</i>	<i>459</i>
<i>Инновационные подходы в изучении эмоционального интеллекта</i>	<i>460</i>
<i>О возможности нового направления в мотивации волонтерства – причастности к инновациям.....</i>	<i>461</i>
<i>Ресурсный подход в психолого-педагогической коррекции развития детей с минимальной мозговой дисфункцией</i>	<i>462</i>
<i>Психологические особенности ВИЧ- пациентов из социально-благополучных групп населения.....</i>	<i>463</i>
<i>Конструирование опросника о готовности к инновационной активности детей, находящихся в государственных учреждениях</i>	<i>464</i>
<i>Делегирование морального выбора «цифровой среде» – цена успешной цифровой адаптации?</i>	<i>465</i>
<i>Ценностные ориентации как основа выбора модели поведения в ситуации проведения СВО</i>	<i>466</i>
<i>Технология карьерного консультирования студентов студентами: ресурсный подход.....</i>	<i>467</i>
<i>Религиозная конфликтология и иринология как инновационный процесс в психологии этнорелигиозных конфликтов</i>	<i>468</i>
<i>Психологический фактор инноваций в когнитивной экономике.....</i>	<i>469</i>

Нарушение личностной идентичности ребенка как психологическое последствие конфликтного развода родителей и их спора о праве на воспитание ребенка

Конфликтный развод, родительское отчуждение, личностная идентичность

Конфликтный развод родителей разрушительно сказывается на детской психике. Особо тяжелые последствия наблюдаются в ситуации отчуждения родителя.

Родительское отчуждение – это вид психологического насилия над ребенком, где значимый взрослый (например, мама) запрещает испытывать любовь и привязанность к близкому человеку (папе), необоснованно очерняет его образ, влияет на мнение и позицию ребенка, ограничивает его свободу (не дает общаться) и нарушает физические границы (например, одергивает, зажимает в углу, закрывает в комнате, чтобы тот не вышел на встречу с отцом). Такое воздействие со стороны одного из родителей на ребенка пагубно сказывается на его личностной идентичности (представлении о себе). Если ему внушается «твой папа – нехороший человек», у ребенка формируется представление о себе: «я наполовину нехороший человек».

Цель исследования – выявить особенности личностной идентичности у детей, чьи родители пребывают в конфликтном разводе. Исследуемую выборку составили 63 ребенка, участвующих в судебной психолого-педагогической экспертизе (г. Санкт-Петербург, ООО «Центр независимой профессиональной экспертизы "ПетроЭксперт"»). Возраст группы варьирует от 8 до 14 лет. Средний возраст – 9,8 лет. 59% – мальчики, 41% – девочки. 1 группа – дети, чей родитель оказывает влияние на их мнение и формируют негативный образ отдельно проживающего родителя (N=37); 2 группа – дети, чей родитель предоставляет возможность формировать самостоятельное мнение и отношение к отдельно проживающему родителю (N=26).

Критерий разделения выборки кодировался в дихотомической шкале на основании совокупного анализа невербального поведения ребенка в ситуации взаимодействия с родителем, высказываний ребенка, индивидуально-психологических особенностей родителей и их поведения в ситуации экспертизы, степени конфликтности отношений между разведенными супругами.

В ходе исследования применялась методика «Рисунок несуществующего животного» (автор – М.З. Дукаревич) [1]. Выбор данного диагностического средства обусловлен легкостью выполнения, применимостью для широкого возрастного диапазона (от 5 лет и более).

Проводился математико-статистический анализ множества рисуночных параметров, в том числе рассказа ребенка о вымышленном существе. В данной работе мы остановимся на обсуждении одного из показателей. Отвечая на вопрос о мечте несуществующего животного, дети давали ответы, которые мы объединили в категорию «стать иным» – превратиться в человека, стать полноценным тигром (например, если ребенок изобразил составное существо – полутигр, полукрокодил).

Для оценки достоверности различий использовался критерий углового преобразования j^* -Фишера. Признак «стать иным» показал достоверные различия ($M_1=42,1\%$, $M_2=15,8\%$ $\phi^*= 2,11$, $p<0,01$). Почти у половины детей из первой группы диагностирован ответ – стать другим существом.

Ситуация конфликтного развода с отчуждением одного из родителей расщепляет целостность личности ребенка, что порождает в нем нежелание быть собой, неприятие себя и даже ненависть.

Внушение отвращения к другому родителю равносильно внедрению ненависти у ребенка к самому себе, которая заставляет детей чувствовать себя бесполезными, ущербными, нелюбимыми, нежеланными, находящимися под угрозой и имеющими только ценность для удовлетворения потребностей другого человека [2].

Отдаленным психологическим последствием может быть селфхарм и даже суицид, в основе которого будет лежать механизм «уничтожение в себе врага».

Таким образом, конфликтный развод и беспочвенное отстранение одного из родителей от воспитания ребенка, запрет на любовь к нему деструктивно сказывается на личностной идентичности ребенка и имеет разрушительные последствия для его психики.

1. Дукаревич М.З., Яньшин П.В. Рисунок несуществующего животного. В кн. А.И. Зеличенко, И.М. Карлинская, С.Р. Пантिलев и др., Практикум по психодиагностике. Психодиагностика мотивации и саморегуляции. М.: МГУ. 1990. С.54-73.
2. Baker A.J.L., Darnell D. Behaviors and strategies employed in parental alienation // Journal of Divorce and Remarriage, 2006, 45, 97-124.

Психолого-юридические аспекты экспертных исследований несовершеннолетних

Судебно-психологическая экспертиза, несовершеннолетние, процессуальное положение несовершеннолетних, психологический статус несовершеннолетнего

Современная экспертная практика включает в себя значительное количество различных направлений исследования, которые сопряжены с целым рядом проблем, определяющихся как содержательной сложностью самой процедуры экспертизы, отсутствием значительных теоретических исследований в той или иной области, так и внешними составляющими, а также особенностями субъекта или предмета исследования [1].

В психологической практике наиболее сложным направлением экспертной деятельности является работа с несовершеннолетними. Последнее определяется тем фактом, что, с одной стороны, их статус достаточно полно определен юридически и закреплен статьей 60 Конституции, а также отдельными актами и статьями Уголовного кодекса РФ, Гражданского кодекса РФ и Семейного кодекса РФ, которые регламентируют возраст наступления уголовной ответственности, возраст, начиная с которого ребенок может высказывать свое мнение, а также оцениваться как дееспособный гражданин и т.д. С другой стороны, определение психологического статуса несовершеннолетних является неоднозначной задачей, которая, чаще всего решается исключительно в рамках психологической экспертизы.

Анализ теоретических источников показывает, что наибольшую сложность в экспертных исследованиях несовершеннолетних составляет изучение так называемого реального психологического возраста. И связано это, в первую очередь, со следующими проблемами. Так, в частности, общеизвестно, что диапазон возрастного развития субъекта очень часто может иметь значительные отклонения от среднестатистических норм. Однако, у несовершеннолетних данный «размах» может достигать максимальных значений. При этом, данная тенденция может проявлять себя не только в возрасте до 18 лет, но и в значительно более старших возрастах. В целях фиксации данного факта в рамках УК РФ была разработана статья, которая регламентирует возможность применения некоторых положений кодекса, ориентированных на несовершеннолетних к лицам более старшего возраста (но не старше 20 лет). Возможно и обратное. В правовой практике имеется множество случаев, когда наличие особых обстоятельств (вступление в брак) позволяет формально понизить, к примеру, возраст наступления дееспособности.

Второй важной проблемой экспертной практики в части, касающейся исследования индивидуально-психологических особенностей несовершеннолетних, является четкое разделение проблем, связанных с возрастом и проблем, указывающих на значительные отклонения в личностной сфере, поведении и т.д. Так общеизвестным, однако, недостаточно изученным является тот факт, что многие не только личностные, но и поведенческие нарушения, которые свойственны подросткам, являются следствием возрастного развития и не могут быть значительно скорректированы до определенного момента.

И, наконец, еще одной важной составляющей деятельности психолога в данном направлении является соблюдение этических составляющих, связанных с возрастом несовершеннолетних. Так одной из важнейших задач исследования является не только получение важной для следствия или судебных действий информации, но и проблема снижения травматических переживаний ребенка в процессе получения этой информации. В свою очередь, в юридических науках возраст проведения допроса ребенка, к примеру, четко не определен и проблема требует наличия более определения правового контекста [3]. В свою очередь, организация исследования в значительной степени ложится на плечи специалистов, работающих с детьми и подростками [2].

Все указанные ранее факты, позволяют говорить о том, что проведение судебно-психологической экспертизы является не только важной составляющей любого юридического процесса, но и в целом, любой юридически значимой процедуры или ситуации, связанной с возможными последствиями для несовершеннолетнего.

1. Конституция Российской Федерации: [принята всенародным голосованием 12 декабря 1993 г. с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 01 июля 2020 г.]. – URL: <http://www.pravo.gov.ru> (дата обращения: 01.06.2023).
2. Ситковская О.Д. Психология свидетелей. Психологические особенности участников уголовного процесса: сб. научных трудов. М.: ФГКОУВО «Университет прокуратуры Российской Федерации», 2018. С. 81-90.
3. Цымбал Е.И. Проблемы правового регулирования использования психологических познаний при проведении следственных действий с участием несовершеннолетних // Психолого-криминалистические проблемы раскрытия преступлений. Тезисы докл. научно-практ. конференции. М., 2013. С. 26.

Особенности смысложизненных ориентаций осужденных, больных туберкулезом

Смысложизненные ориентации, осужденные, туберкулез

Актуальность. Понимание смысложизненных ориентаций одна из сложных психологических проблем. Смысложизненные ориентации являются фундаментальным образованием, которое определяет социальное развитие и направленность личности в обществе. В связи с этим возникает необходимость в изучении особенностей смысложизненных ориентаций различных категорий людей.

Стрессовые ситуации провоцируют заболевание туберкулезом, о чем свидетельствуют многочисленные научные исследования (Р. Мэй, Л.И. Панкратова, М.В. Виноградова, и др.). Этот факт доказывает, что осуждение и отбывание наказания в местах лишения свободы является стрессовой ситуацией, т.к. заболеваемость туберкулезом в местах лишения свободы в 18 раз выше, чем среди законопослушных граждан [2, С. 5].

Методологическая и эмпирическая база исследования. С целью изучения особенностей смысложизненных ориентаций осужденных, инфицированных туберкулезом, было проведено исследование при помощи тестовых методик: «Методика изучения смысложизненных ориентаций – СЖО» (Д. А. Леонтьев), «Обзор нормативных ценностей – VPP» (Ш. Шварц, В.Н. Карандашев), «Комплексное исследование личности осужденного (КИЛО)» (Е. А. Чебалова). Эмпирическую базу исследования составили осужденные мужского пола, отбывающие наказание в местах лишения свободы из них 260 здоровые и 296 осужденные больные туберкулезом [2].

Полученные результаты. Проведенное исследование состояло из двух этапов. На первом этапе проведен сравнительный анализ психологических особенностей здоровых и инфицированных осужденных. В результате было выявлено, что у тубинфицированных осужденным значительно ниже уровень «цели жизни» ($t=2,353$ при $p<0,01$), «процесса жизни» ($t=2,16$ при $p<0,05$), «результативности жизни» ($t=2,268$ при $p<0,05$), «локуса контроля – Я» ($t=2,961$ при $p<0,01$) и осмысленности жизни ($t=2,97$ при $p<0,01$). При этом значительно выше уровень тревожности ($t=2,414$ при $p<0,01$), импульсивности ($t=2,421$ при $p<0,01$), склонность к преодолению норм и правил ($t=2,432$ при $p<0,01$), склонности к агрессии ($t=2,023$ при $p<0,05$) [1]. Для тубинфицированных осужденных характерен низкий уровень гедонизма ($t=2,767$ при $p<0,01$), стимуляции ($t=1,765$ при $p<0,05$) и достижений ($t=1,819$ при $p<0,05$). Остальные психологические особенности не имеют статистически значимых различий, и это значит, что они свойственны всем категориям исследуемых осужденных.

На втором этапе исследования установлены значимые взаимосвязи психологических особенностей со смысложизненными ориентациями у осужденных, больных туберкулезом: «цели жизни» связаны с импульсивностью ($R_{xy}=0,487$; $p\leq 0,01$), «результативность жизни» с силой Эго ($R_{xy}=0,488$; $p\leq 0,01$), «Локус контроля – Я» ($R_{xy}=0,514$; $p\leq 0,01$) и «осмысленность жизни» ($R_{xy}=0,453$; $p\leq 0,01$) со стимуляцией, что свидетельствует о нестабильности у них смысложизненных ориентаций, меняющихся под воздействием ситуации.

В заключение необходимо отметить, что у осужденных, инфицированных туберкулезом уровень смысложизненных ориентаций значительно ниже чем у здоровых осужденных. При этом «цели жизни» имеют сильную обратную связь с импульсивностью, «результативность жизни» напрямую зависит от Силы Эго, а «Локус контроля – Я» и «осмысленность жизни» имеют сильную прямую связь со стимуляцией. В результате, при формировании конструктивных смысложизненных ориентаций целесообразно корректировать уровень импульсивности, Силы Эго и стимуляции.

1. Ганищина И.С., Ильиных Н.А. О комплексном исследовании личностных особенностей тубинфицированных осужденных молодежного возраста // Прикладная юридическая психология. 2020. № 1(50). С. 46-51.
2. Ильиных Н.А. Смысложизненные ориентации тубинфицированных осужденных: дис. ... канд. психол. наук. Рязань, 2022. 192 с.

Медиация как инструмент управления конфликтами в здравоохранении при проведении психологических исследований

Медиация, эмоциональная разрядка, проработка деструктивного эмоционального состояния

При взаимодействии пациентов и медицинских организаций (врачей, исследователей) не существует единого порядка разрешения конфликтов, возникающих при проведении клинического исследования или при сборе статистических данных. В связи с чем, пациенты могут обратиться в министерство здравоохранения, минуя разрешение конфликтов в рамках медицинской организации [1]. В частности, в контексте онкологических клинических исследований в сфере здравоохранения пациенты имеют возможность свободно обращаться с жалобами в министерство здравоохранения. Эти жалобы могут содержать субъективную, эмоционально окрашенную информацию о возможных негативных последствиях исследования, нарушениях этики или качества оказываемой медицинской помощи. Основания для обращения толкуются расширительно, что может привести к приостановлению или отмене проводимого исследования по субъективным основаниям.

Сторонам возникшего конфликта сложно прийти к соглашению в связи с тем, что сам конфликт сопровождается высокой степенью эмоциональной напряженности, обусловленной личными интересами сторон, отсутствием необходимых знаний в отношении предмета спора со стороны пациента и информации об обратившемся с жалобой пациенте, у исследователей [2]. Приглашение авторитетного, независимого посредника позволит в переговорном формате понять проблему и урегулировать конфликт с учетом интереса всех участников.

Страх и риск, связанные с жалобами, могут являться значимыми факторами для исследователей-психологов, так как такие жалобы могут создать негативную репутацию исследовательской группе, а также повлиять на их профессиональное развитие и карьеру. Из-за чего может возникать дефицит психологических исследований в сфере здравоохранения.

Этические комитеты, действуя в качестве независимых инстанций, специализирующихся на этическом и юридическом анализе исследований, могут выполнять важную функцию в рассмотрении жалоб пациентов [3]. Данный институт изначально проводит независимую оценку исследования, рассматривает этические аспекты и выносит рекомендации по улучшению качества медицинской помощи и безопасности процесса исследования.

Для управления рисками и снижения страха психологов при проведении исследовательской деятельности в сфере здравоохранения, внедрение процесса медиации может сыграть важную роль. Медиаторы, действуя в качестве независимых посредников, могут способствовать конструктивному разрешению жалоб и споров в момент проведения исследования. Они создают конфиденциальную и нейтральную среду, где пациенты могут выразить свои опасения и проблемы, а исследователи могут представить свои аргументы и объяснения.

Таким образом, этические комитеты и процесс медиации являются неотъемлемыми составляющими онкологических клинических исследований. Они могут обеспечивать этический анализ исследований, рассмотрение жалоб, справедливо, в формате диалога, обеспечивать защиту интересов всех участников процесса. Внедрение медиации может способствовать устранению страха и риска, связанных с жалобами, и способствует разрешению конфликтов, предотвращая приостановление или отмену исследований. Это способствует улучшению качества медицинской помощи и поддерживает доверие к исследователям-психологам и здравоохранению в целом.

1. Басова А.В. Медиация в здравоохранении: проблемы применения и перспективы // *Вестник КГУ* № 1. 2020. С. 190-194.
2. Кашка Д.А. Взгляд практического врача на перспективы медиации в здравоохранении // *Анестезиология и реаниматология*. № 3. 2022. С. 99-104.
3. Лоллини В.А., Величинская О.Г., Дикарева Е.А. Этические комитеты и их роль в сфере медицинских технологий // *Вестник Витебского государственного медицинского университета*. № 4. 2019. С. 113-118.

Основные сложности при производстве судебной психологической экспертизы по семейным спорам, связанным с воспитанием детей: анализ практики

Судебная психологическая экспертиза, детско-родительские отношения, семейные споры, экспертные ошибки

Каждая судебная психологическая экспертиза (далее – СПЭ), связанная с воспитанием детей, является трудоемким, сложным и специфическим исследованием семейных взаимоотношений. В настоящее время актуальность данных экспертиз неоспорима, вместе с этим необходимо отметить потребность в повышении качества производства данных исследований, которое складывается из многих факторов. Эксперт-психолог при производстве экспертиз по данным категориям дел сталкивается с различными сложностями, для преодоления которых требуется достаточный уровень профессиональной компетентности, практический опыт, личные качества эксперта-психолога.

Исходя из практики назначения СПЭ, все еще сохраняется проблема на этапе назначения судебной экспертизы, а именно определение ее вида, ведь именно от него зависит постановка экспертных задач, эффективность применения специальных знаний, а в целом, и доказательственное значение проведенной экспертизы. Данная ситуация поддерживается и судебно-экспертными учреждениями, которые в ответе на запрос суда сообщают о возможности проведения психолого-педагогической экспертизы. Так, при поисковом запросе в 80% случаев возможно производство психолого-педагогической экспертизы в учреждениях/организациях на территории Санкт-Петербурга. Для решения сложившейся проблемы в 2020 году вышло информационное письмо [1]. Одной из ощутимых сложностей является и краткий срок, указанный в определении, за который необходимо выполнить экспертизу (например, 15, 20 дней).

Активное назначение СПЭ в ФБУ Северо-Западный региональный центр судебной экспертизы МЮ РФ сохраняется и по настоящее время. Исходя из анализа проведенных СПЭ (более 40), нами были выделены основные сложности, которые возникают при их производстве. При получении определения и материалов гражданского дела определенные сложности возникают на этапе оплаты экспертизы, так как это требует существенных материальных затрат стороны/сторон. Следующим моментом, требующим внимания, является организация обследований – установка дат, согласование времени, пропуск и отказ от обследований, взаимодействие с подэкспертными. Также к сложностям относятся состояние методического обеспечения и существующих психодиагностических средств; корректная оценка результатов психологической диагностики с учетом системно-структурного подхода с его основными методологическими принципами. Одной из достаточно сложных задач перед экспертом-психологом является собственная оценка выполненного исследования. В данном случае проверка содержания заключения требует куда более тщательной проверки в сравнении с элементами формального характера. Например, логическая обоснованность выводов промежуточных результатов, исследование отношения ребенка к родителям как сложного психологического феномена, подверженного влиянию различных факторов (индивидуально-личностные особенности ребенка, родителей и других членов семьи, характер отношения к ребенку в семье, стиль воспитания, факты жестокости), выявление самостоятельности мнения несовершеннолетнего о месте проживания, порядке общения с родителями. При производстве экспертиз данного вида, помимо основных требований из ФЗ «О ГСЭД» (полнота, всесторонность, научная обоснованность), особого внимания заслуживает профессиональная компетентность эксперта, его личные качества, в особенности этические и деонтологические принципы.

Выявление и анализ представленных сложностей служит не только профилактикой возникновения экспертных ошибок при производстве судебной психологической экспертизы по семейным спорам, но и способом повышением качества экспертной деятельности, уверенной «внутренней» оценкой эксперта результатов своего исследования (выводов).

1. Информационное письмо "О необоснованности назначения и производства психолого-педагогических экспертиз в гражданском судопроизводстве по семейным спорам, связанным с воспитанием детей" (утв. ФБУ РФЦСЭ при Минюсте России (протокол N 1 от 18.03.2020), ФГБУ "НМИЦ ПН им. В.П. Сербского" Минздрава России (протокол N 3 от 29.06.2020)). – URL: <https://bazanpa.ru/fbu-rfjsse-pri-miniuste-rossii-informatsionnoe-pismo-ot29062020-h4976435/> (дата обращения: 01.06.2023).

Взаимосвязь особенностей личности и видов социально опасного поведения у современных подростков

Социально опасное поведение, индивидуально-психологические особенности, подросток

В период пандемии подростки оказались в ситуации изоляции и других ограничений, однако существенного снижения насилия и агрессии не наблюдается.

Российские ученые отмечают связь отклоняющегося поведения с тревожностью, эмоциональностью, конформизмом [2], чувствительностью к замечаниям, несдержанностью, необязательностью, безответственностью, нетерпеливостью [3], эмоциональной нестабильностью, напряжённостью; замкнутостью, подозрительностью; низким самоконтролем, чувством вины [4], пессимистичностью, невротичностью, эмоциональной лабильностью, импульсивностью, тревожностью [1].

Несмотря на многочисленные исследования, изучение влияния психологических особенностей личности на склонность к социально опасному поведению остается актуальным. Цель нашего исследования – изучение взаимосвязи индивидуально-психологических особенностей личности современных подростков с их склонностью к различным видам социально опасного поведения.

Метод организации исследования – массовое скрининговое обследование. Сбор данных проводился с помощью тест-опросника «Склонность к девиантному поведению (СДП)» Э.В. Леус и А.Г. Соловьева и многофакторного личностного опросника 14PF (Sixteen Personality Factor Questionnaire, 14PF).

Выборку эмпирического исследования составили 667 обучающихся 7-9 классов 13-15 лет. Корреляционный анализ проведен с использованием критерия Спирмена в программе «STATISTICA 6».

В результате корреляционного анализа нами выявлено, что чем выше возбудимость, нетерпеливость, несдержанность, импульсивность, активность, беспокойство и ниже уровень эмоциональной устойчивости, тем выше склонность подростков ко всем пяти видам социально опасного поведения (социально обусловленное, делинквентное, зависимое, агрессивное, суицидальное), выделенным в методике СДП. Существует прямая взаимосвязь между упорством в борьбе против норм, склонностью к самоутверждению, авторитарностью и склонностью к противоправному, зависимому и самоповреждающему поведению. Установлено, что чем выше уровень склонности опрошенных подростков к социально обусловленному, агрессивному и суицидальному поведению, тем выше показатели эмоциональной чувствительности. Корреляционный анализ показывает, что склонность к делинквентному и агрессивному поведению связаны с индивидуализмом и направленностью на себя. Склонность подростков к аддиктивному, агрессивному и самоповреждающему поведению коррелирует с независимостью и самостоятельностью. Отрицательная взаимосвязь выявлена между склонностью подростков к суицидальному поведению и неустойчивостью в достижении цели, поверхностью, застенчивостью, сдержанностью.

Полученные результаты подтверждают взаимосвязь эмоциональной неустойчивости, возбудимости, легкомыслия, чувства вины, внутреннего напряжения со всеми видами социально опасного поведения. Отдельные виды социально опасного поведения связаны с доминантностью, эмоциональной чувствительностью, индивидуальностью, внутренней сдержанностью, независимостью. Склонность к суицидальному поведению коррелирует со степенью принятия моральных норм, неустойчивостью, поверхностью.

1. Кузнецова Л.Э., Дризгалова К.А. Влияние индивидуально-психологических особенностей личности на формирование склонности к суицидальному поведению подростков // *Гуманизация образования*. 2019. № 3. С. 24-35.
2. Макианцева Л.В., Зотова М.В. К вопросу изучения внешних и внутренних факторов девиантного поведения подростков // *Человеческий капитал*. 2019. № 1(121). С. 116-127.
3. Носова Н.В., Цатурян М.О. Личностные особенности несовершеннолетних правонарушителей // *Проблемы современного педагогического образования*. 2020. № 66-3. С. 368-370.
4. Хусаинова С.В., Хакимзянов Р.Н. Исследование психологических особенностей личности склонной к девиантному поведению // *Казанский педагогический журнал*. 2019. № 6(137). С. 195-201.

Особенности коммуникации мальчиков – жертв кибергруминга

Интернет, кибергруминг, потерпевшие мальчики, сексуальное домогательство

Активная сетевая жизнь детей и подростков всего мира увеличивает риск их столкновения с кибергрумингом – сексуальным домогательством в онлайн-форме, включающим выстраивание с ребенком доверительных отношений. Общепринятой является позиция, что растлители чаще всего вовлекают в этот процесс девочек [4]. Однако существуют данные о том, что потерпевшие мальчики реже информируют общественность о посягательствах из-за переживаний относительно нарушения норм маскулинности и страха негативной стигматизации ввиду онлайн-коммуникации с мужчинами [3]. Все большее количество работ посвящается изучению факторов уязвимости несовершеннолетних мальчиков для кибергруминга. К числу таких факторов относят: частое использование Интернета, склонность к рискованному онлайн-поведению, выраженный интерес к теме половых взаимоотношений, сниженную чувствительность к угрозе злоупотребления. Кроме того, специалисты обращают внимание на высокую уязвимость мальчиков с гомосексуальной ориентацией [2]. Относительно процесса онлайн-взаимодействия несовершеннолетних мужского пола с посягателями сообщается, что потерпевшие часто отмечают его добровольный характер [1] и чувство возбуждения от происходящего [5].

С целью выявления специфики коммуникации мальчиков-жертв кибергруминга был проведен контент-анализ диалогов между 40 потерпевшими (средний возраст $12,65 \pm 1,96$) и 9 кибергрумерами, реализованных в Интернете. Обработка полученных данных осуществлялась при помощи метода дескриптивной статистики.

Основным результатом исследования стали причины, по которым мальчики контактировали с посягателями: в преобладающем большинстве случаев они стремились создать романтические взаимоотношения (67,5%), а также повысить свою осведомленность в области половых контактов (27,5%), получить от собеседника материальную выгоду (2,5%) или просто подружиться (2,5%). Практически все несовершеннолетние допустили коммуникацию на сексуальные темы (97,5%), многие сообщали о своей готовности к непосредственной интимной близости с посягателем (40%). При этом часть мальчиков были осведомлены о мужском поле своего собеседника (47,5%), а другие – убеждены, что общаются в Сети с несовершеннолетней девочкой (52,5%). Коммуникация большинства потерпевших привела к реализации кибергрумерами криминальных целей (77,5%): были изготовлены и отправлены откровенные фотоизображения и видеозаписи, один ребенок встретился с растлителем в реальном мире.

Сделан вывод о том, что профилактика вовлечения несовершеннолетних в процесс кибергруминга должна организовываться с учетом не только их возрастных особенностей, но также гендерных различий и специфики психосексуального развития.

1. Englander E.K. *Bullying and Harassment in a Digital World // Bullying, Teen Aggression and Social Media. 2014. Vol. 1. № 1. P. 1–29.*
2. Sklenarova H., et al. *Online sexual solicitation by adults and peers – Results from a population based German sample // Child Abuse & Neglect. 2018. № 76. P. 225–236.*
3. Sunde M.J. *Child sexual grooming: An exploratory study into the grooming of sexually exploited boys. College of Business, Law Social Sciences: Department of Criminology and Social Sciences. 2018. 102 p.*
4. Wachs S., Bock S. *Cybergrooming: wenn Jugendliche online sexuelle Grenzverletzungen und Gewalt erfahren // Project: Cybergrooming Victimization among Adolescents. A Cross-national Study (CIVICS). Kapitel 8. 2022. P. 1–18.*
5. Whittle H.C., Hamilton-Giachritsis C.E., Beech A.R. *«Under his spell»: Victims' perspectives of being groomed online // Social Sciences. 2014. Vol. 3. № 3. P. 404–426.*

Взаимосвязь психологических драйверов со степенью общественной опасности лиц, признанных невменяемыми

Невменяемость, общественная опасность, ранние дезадаптивные схемы

Психологические драйверы рассматриваются в качестве внутриличностных механизмов поведения. В концепции схема-терапии считается, что к деструктивным видам поведения приводит активация ранних дезадаптивных схем (далее – РДС) – относительно стабильных способов оценки ситуаций и хранения информации в памяти; и дисфункциональных режимов функционирования схем (далее – ДРФС) – непосредственно когнитивных, эмоциональных и поведенческих реакций, вызванных активацией РДС [1]. Согласно ряду исследований, существует взаимосвязь определённого набора РДС и ДРФС с различными видами агрессии лиц, признанных невменяемыми [3, 4]. Схема-терапия показала высокую эффективность в снижении риска рецидива преступного поведения у лиц с различными расстройствами личности [2].

На основе теоретического анализа сформулирована гипотеза исследования: РДС «недостаточность самоконтроля», «недоверие», «привилегированность» и «подавление эмоций», ДРФС «яростный ребёнок», «импульсивный ребёнок» и «агрессор» положительно взаимосвязаны со степенью общественной опасности лиц, признанных невменяемыми. В выборку вошли 58 пациентов-мужчин от 18 лет до 61 года (средний возраст $36 \pm 9,2$ года), получающих принудительное лечение в Санкт-Петербургской психиатрической больнице специализированного типа с интенсивным наблюдением. Эмпирические методы исследования: опросник «YSQ-S3R» – для оценки выраженности РДС; опросник «SMI» – для оценки выраженности РФС; актуарная методика «HCR-20» – для оценки степени общественной опасности.

Анализ первичных описательных статистик шкал методики «HCR-20» показал, что для большинства респондентов свойственно наличие более половины факторов риска общественной опасности. С использованием рангового коэффициента корреляции Спирмена с поправкой на множественную проверку гипотез Бенджамини-Хохберга обнаружена слабая достоверная положительная взаимосвязь ($r=0,402$; $p=0,01$) РДС «недостаточность самоконтроля» со степенью общественной опасности лиц, признанных невменяемыми. Не обнаружены статистически значимые взаимосвязи остальных РДС и всех ДРФС со степенью общественной опасности. Таким образом, гипотеза исследования подтвердилась частично. Одни из ограничений исследования: относительно небольшое количество респондентов, получивших менее 20 баллов по «HCR-20»; респонденты только мужского пола, провокационный характер ряда утверждений методики «SMI»; отсутствие шкал лжи. Мерами снижения ограничений в будущих исследованиях станут расширение выборки и включение респондентов женского пола; использование адаптированного опросника обмана Д. Паулюса «Paulhus Deception Scale», включение судебной версии опросника оценки частоты режимов «Schema Mode Inventory – Forensic».

Таким образом, РДС «недостаточность самоконтроля» может рассматриваться в качестве психологического драйвера общественной опасности, что согласуется с данными зарубежных исследований [3]. При проведении психологического обследования в рамках экспертизы общественной опасности лиц, признанных невменяемыми, возможен учёт баллов шкалы «Недостаточность самоконтроля» опросника «YSQ-S3R». В связи со слабой силой взаимосвязи одноимённой схемы со степенью общественной опасности рекомендуется дополнение результатов методики анализом обстоятельств уже совершённых пациентом ООД.

1. Янг Дж. Клоук, Дж., Вайсхаар М. *Схема-терапия. Практическое руководство*. СПб.: ООО «Диалектика», 2020. 446 с.
4. Bernstein D.P., et al. *Schema therapy for violent PD offenders: A randomized clinical trial // Psychological medicine*. 2023. V. 53. № 1. P. 88–102.
2. Dunne A.L., et al. *The role of aggression-related cognition in the aggressive behavior of offenders: A general aggression model perspective // Criminal justice and behavior*. 2013. V. 40. № 2. P. 119–138.
3. Lewis D., et al. *Assessing schema modes using self-and observer-rated instruments: associations with aggression // Journal of interpersonal violence*. 2021. V. 36. № 17–18. P. 9908–9929.

Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФ (проект № 23-78-01263).

Болеющий человек в современном мире: ограничения жизнедеятельности vs потенциал восстановления в контексте клинической психологии

Белоконь Е.Г. Краснодар, ООО "Наука Пси2.0"
Филяев М.А. Москва, ООО "Наука Пси2.0"
Виноградова Е.Л. Москва, ООО "Наука Пси2.0"

Психосоматика миопии и психологические особенности людей с близорукостью

Близорукость, психосоматика, миопия, качество жизни

Миопия, или близорукость – наиболее часто встречающаяся патология зрения. Качество жизни человека с данным диагнозом существенно снижается из-за невозможности четко видеть окружающее пространство и объекты [1]. Согласно данным ВОЗ, около 2,2 млрд человек в мире имеют нарушения зрения, из которых 123 млн человек с патологией рефракции. [5] По данным Минздрава, ежегодно в России фиксируют 4,5-5 млн случаев офтальмологических заболеваний, а близорукостью страдает каждый третий-четвертый взрослый житель России [2]. Соответственно, данная проблематика имеет высокую актуальность для исследований, включая роль психологических и психосоматических факторов в развитии патологии.

Психосоматика глазных болезней рассматривает момент, когда человек подсознательно не хочет замечать определенные события или предметы, вследствие чего могут появляться заболевания зрения, указывающие на особенность взгляда на жизнь [4]. Также отмечается роль стрессовых факторов в развитии проблем со зрением [3].

На базе НОЦ «Наука ПСИ 2.0 в 2022 году мы организовали экспериментальное исследование, цель которого – провести оценку эффективности применения авторского протокола психологического консультирования по методике PSY 2.0 (М.А. Филяев) у участников с диагнозом миопия (близорукость), с применением лабораторных и психологических средств диагностики. В результате мы предполагаем, что у участников улучшится общее психологическое состояние и снизится стрессовое восприятие определенных событий негативного характера, что может повлиять на улучшение качества жизни и способствовать остановке прогрессирования заболевания.

В исследовании приняли участие 23 человека в основной группе и 23 в контрольной, женщины и мужчины в возрасте 25-40 лет с подтвержденным диагнозом миопия (диоптрии от -0,5 до -7) согласно заключению врача-офтальмолога. Для психодиагностики были использованы: шкала тревоги Спилбергера-Ханина; тест на тип восприятия Ефремцева; шкала депрессии Цунга; тест Айзенка; тест качества жизни ВОЗ; анкета субъективной оценки качества жизни. Психологический и медицинский скрининг проводился на входе в исследование, через месяц и 6 месяцев после психологических вмешательств.

Эмпирическим путем выявлены и классифицированы основные типы психосоматических «конфликтов», запустивших патологию в результате травмирующего события в прошлом, а также особенности мировосприятия пациентов с миопией. Портрет такого человека включает: высокий уровень нейротизма, личностной тревожности, повышенное чувство контроля и перфекционизм, категоричность суждений, нежелание видеть то, что не нравится, стратегия «спрятаться» в сложной ситуации, страх будущего и другие. После проведения серии консультаций по методам PSY2.0 в основной группе наблюдается положительная и устойчивая динамика в психологическом и физиологическом аспектах. Так, улучшения по визометрии (острота зрения) зафиксирована у 35% участников через месяц и у 52% через 6 месяцев, по рефрактометрии у 39% участников через месяц и у 35% через 6 месяцев, в пределах одной диоптрии.

Полученные результаты свидетельствуют о эффективности применения авторского протокола и могут быть использованы в комплексном психологическом сопровождении пациентов с миопией.

1. Аветисов Э.С. *Близорукость*. 2-е изд. М.: Медицина, 2002. 288 с.
2. *Близорукостью страдает каждый 3-4 взрослый житель России, 2022*. – URL: <https://minzdrav.gov.ru/news/2022/10/13/19398> (дата обращения 01.06.2023).
3. Решетова П.С. *Влияние стресса на снижение зрения //Вестник совета молодых ученых и специалистов Челябинской области, 2016, т. 4, № 3(14), с. 78-82.*
4. Сидоров И.Ю., Решетова П.С., Соболева Е.В. *Психосоматический аспект патологий рефракций. //Вестник совета молодых ученых и специалистов Челябинской области, 2017, т. 3, № 4(19), с. 99-101.*
5. *World report on vision*. – URL: <https://apps.who.int/iris/bitstream/ha> (дата обращения 01.06.2023).

Богданова Е.П. Самара, ФГБОУ ВО СамГМУ Минздрава России
Курбатова Е.Г. Самара, ФГБОУ ВО СамГМУ Минздрава России
Захарова Е.В. Самара, ФГБОУ ВО СамГМУ Минздрава России

Значение когнитивного стиля врача в устойчивости к формированию пролонгированного профессионального стресса

Когнитивные стили, когнитивная гибкость, толерантность к неопределенности, профессиональный стресс

К числу наиболее стрессогенных относятся профессии, в которых работники призваны бороться за сохранение человеческой жизни и по роду деятельности вступают в многочисленные социальные взаимодействия, поэтому с полным основанием к категории лиц, наиболее подверженных профессиональному стрессу, можно отнести врачей. [1]

Гипотеза: определенные параметры когнитивного стиля врача являются факторами устойчивости к формированию пролонгированного профессионального стресса. Цель: определить параметры когнитивного стиля врача, являющиеся факторами устойчивости к формированию пролонгированного профессионального стресса. Объекты исследования: уровни когнитивной гибкости (далее – КФ), толерантности/интолерантности к неопределенности, сознательные механизмы стресс-совладания личности и признаки пролонгированного профессионального стресса. Предмет исследования: взаимосвязь параметров когнитивного стиля врача и пролонгированного профессионального стресса.

Исследуемую группу составили врачи и ординаторы, работающие в COVID-госпитале в терапевтическом корпусе Клиник СамГМУ, а также хирурги и ординаторы по специальности «Хирургия». Всего в исследовании приняло участие 29 врачей, среди которых 19 женщин и 10 мужчин в возрасте от 23 до 49 лет.

Психодиагностические методики: 1) Шкала организационного стресса (McLean, 1979; Н.Е. Водопьяновой, 2009); 2) Опросник когнитивной гибкости (CFI-R) (Dennis, Vander Wal, 2010; С.С. Кургиняна, Е.Ю. Осаволук, 2018); 3) Новый опросник толерантности к неопределенности (Т.В. Корнилова, 2009); 4) Модифицированный вариант методики словесно-цветовой интерференции. Оригинальный тест разработан Джоном Струпом (Stroop, 1935); 5) Опросник «Способы совладающего поведения» (Ways of Coping Questionnaire, WCQ) (Richard Lazarus, Susan Folkman) 1988 года; 6) Тест рисуночной фрустрации (Rosenzweig, 1944; Н.В. Тарабриной, 1994); 7) Интегративный тест тревожности (ИТТ).

Врачи, толерантные к профессиональному стрессу, отличаются большей способностью к самопознанию, готовы с относительной легкостью принимать ценности других, чаще обдумывают и применяют альтернативные способы решения проблем, более активны и продуктивны и в целом более когнитивно гибки. Также отметим, что такие врачи чаще используют копинг-стратегию «планирование решения проблем и отличаются более низким общим уровнем личностной тревожности за счет отсутствия личностной предрасположенности к эмоциональному дискомфорту, страхам будущего, тревожной оценке перспективы. С другой стороны, чем выше общая личностная тревожность, ситуационная тревожность и ниже интегральный показатель КФ у врача, тем выше его подверженность организационному стрессу.

В результате проведенного корреляционного анализа показатели толерантности к профессиональному стрессу и КФ в обследованной группе врачей имеют множественные взаимосвязи с таким параметром когнитивного стиля, как толерантность / интолерантность к неопределенности, хотя статистически значимых различий по уровню толерантности к неопределенности врачей, устойчивых к профессиональному стрессу и подверженных ему, выявлено не было.

Отметим, что чем выше значения интегрального показателя КФ и шкалы «контроль» КФ, тем выше толерантность врача к неопределенности. В то же время способность к самопознанию находится в обратной взаимосвязи с толерантностью к неопределенности. Межличностная интолерантность к неопределенности прямо взаимосвязана со значением шкалы «контроль» КФ и обратно со значениями интегрального показателя КФ и шкалы «альтернативы» КФ.

1. Maslach C. Job Stress and Burnout. Publisher: Sage Editors: W. S. Paine, 1982.

Сравнительный анализ соотношения стратегий совладания и суицидальности в клинической и контрольной выборках

Суицидальность, копинги, SCL-90-R, COPE

Актуальность исследования связана со значимостью изучения различных аспектов суицидальности для повышения качества превентивных и поствентивных мероприятий. Дополнительную значимость им придает гендерная специфика суицидального поведения – уровень и летальность суицидов у мужчин, особенно с психическими заболеваниями, выше, чем у женщин [3].

Данные клинической группы получены в ходе очного обследования 67 мужчин в возрасте от 17 до 34 лет, средний возраст $21,1 \pm 4,25$, госпитализированных в клинику ФГБНУ НЦПЗ, нозологически клиническая группа была разнородна и включала в себя пациентов с расстройствами шизофренического и аффективного спектров (F20, F31, F33). Контрольную группу составили 126 мужчин в возрасте от 18 до 63 лет, средний возраст $40,04 \pm 14,71$, принявших участие в интернет-опросе, в выборку были включены только те, кто отметил, что никогда не обращался за психиатрической помощью. Методы исследования: опросники SCL-90-R [2] и COPE [1]. Для изучения суицидальности использовались два пункта методики SCL-90-R, в которых феномены, характерные для суицидоопасного состояния, необходимо оценить по степени частоты встречаемости в последние 2 недели по 5 бальной лайкертовой шкале от 0 до 4: 15 – Мысли о том, чтобы покончить с собой, 54 – будущее кажется мне безнадежным. Данные пункты были выбраны как ранние предвестники возможного в будущем суицидального поведения

Общими для представителей клинической и контрольной групп оказались следующие корреляции: положительные между частотой ощущений, что «будущее безнадежно» и частотой «мыслей о том, чтобы покончить с собой» стратегией «мысленный уход» ($,478^{**}$ у представителей клинической группы и $,237^{**}$ – у группы сравнения для ощущения что будущее безнадежно; $,240^{**}$ и $,363^{**}$ для частоты мыслей о самоубийстве; * – $p \leq 0,05$; ** – $p \leq 0,01$), «отрицание» ($,218^*$ и $,494^{**}$; $,189^*$ и $,347^{**}$), «поведенческий уход от проблемы» ($,177^*$ и $,466^{**}$; $,217^*$ и $,316^{**}$), «использование успокоительных» ($,208^*$ и $,208^*$; $,189^*$ и $,342^{**}$). У стратегии совладания «концентрация на эмоциях» положительные корреляции в обеих группах с ощущением, что будущее безнадежно ($,304^{**}$ и $,375^{**}$). У представителей контрольной группы отрицательно коррелирует с такими стратегиями совладания как «позитивное переформулирование и личный рост» ($-,249^{**}$), «юмор» ($-,296^{**}$), «активное совладание» ($-,212^*$), а также между «мыслями о том, чтобы покончить с собой» и стратегиями «подавление конкурирующей деятельности» ($-,184^*$), «планирование» ($-,253^{**}$). Кроме того, отмечается положительная корреляционная связь между параметром «мысли о том, чтобы покончить с собой» и «обращением к религии» ($,210^*$).

Полученные результаты показывают сходства и различия в структуре копинг-стратегий, играющих роль в формировании суицидальной готовности. Если у представителей контрольной группы больший разброс стратегий совладания, коррелирующих с суицидальностью, то у мужчин из клинической выборки их меньше, что, возможно, связано с большей однородностью клинической группы. Общими для обеих выборок являются стратегии «мысленный уход», «отрицание», «поведенческий уход от проблемы» и «использование успокоительных». По всей видимости, они противодействуют своевременному обнаружению и решению возникающих сложностей, способствуют доведению ситуации до того состояния, когда разобраться уже становится сложно. Стратегия «концентрация на эмоциях» положительно коррелирует с ощущением безнадежности будущего и, вероятно, способствует повышению длительности переживания аффекта и может служить причиной обращения к способам отрицания реальности из-за нехватки психических средств самоуспокоения и самоподдержки. При этом, стратегия «использование успокоительных», включающая в опроснике и употребление ПАВ, еще сильнее снижает толерантность человека к испытываемым аффектам.

Таким образом, в рамках превентивной и поствентивной антисуицидальной работы стоит уделять внимание развитию навыков эмоциональной регуляции, обнаружения, решения проблемных ситуаций.

1. Рассказова Е.И., Гордеева Т.О., Осин Е.Н. Копинг-стратегии в структуре деятельности и саморегуляции: психометрические характеристики и возможности применения методики COPE // Психология. Журнал высшей школы экономики, 2013, 10(1), 82–118.
2. Тарабрина Н.В. Практикум по психологии посттравматического стресса. СПб.: Питер, 2001.

Переходим на МКБ-11: пора сверить часы

Международная классификация болезней, онтология, стигматизация, психические расстройства

По рекомендации ВОЗ с 2022 г. начался переходный период, по окончании которого будет введена в действие МКБ-11, включающая пересмотренную классификацию психических и поведенческих расстройств [4]. К последней относятся и нарушения нервно-психического развития, что теперь явно указано в названии этого раздела МКБ. Основные новации отражают общие тенденции в систематизации расстройств психического здоровья и в течение десяти лет уже апробированы в DSM-5 [3].

Между тем, в России специалисты в смежных с психиатрией областях зачастую используют давно устаревшие понятия и термины, в своё время заимствованные из психиатрии. В первую очередь это касается дефектологии, специальной и, в меньшей степени, клинической психологии: учебная, методическая, а иногда и научная литература, рабочие документы изобилуют обсуждением «олигофрении», «задержек психического развития» и т. п. — понятий, официально выведенных из употребления ещё в конце прошлого века [2]. Причём речь идёт не о собственной терминологической системе в этих областях знаний, а именно о некорректном её заимствовании у медицины, зачастую эклектичном и внутренне противоречивом.

Это приводит не только к смешению и разрушению онтологий, но и негативно сказывается на междисциплинарном взаимодействии специалистов в конкретных клинических ситуациях, например, при совместном ведении пациентов или выработке рекомендаций членами психолого-медико-педагогической комиссии. С одной стороны, психиатр или невролог оказывается недопонятым и не может донести до смежного специалиста всё, что необходимо для эффективного совместного оказания помощи пациенту. С другой стороны, и сам врач испытывает давление со стороны тех, кто сопротивляется конвенциональной смене используемых терминов и парадигм.

Заложниками ситуации обычно оказываются пациенты и, в приведённом выше примере, их родители, учителя, воспитатели. Для психиатрических ситуаций проблема особенно остра: стигматизация пациента с диагностированным психическим расстройством, как и стигматизация всей системы психиатрической помощи в России, по-прежнему весьма высока. И недопонимание между специалистами, хорошо заметное пациентам и окружающим, только способствует её укреплению.

Представляется, что долгожданный переход на новую классификацию — очень удачный момент для согласования позиций врачей и специалистов из смежных областей. Ведущая роль в этом процессе должна отводиться представителям нейронаук, в том числе психиатрам и клиническим психологам, поскольку в гуманитарных областях нет собственных инструментов для объективного изучения и описания патологических процессов и нарушений развития на современном научном уровне. С этой точки зрения медицинская онтология первична, и использовать её нужно корректно.

Законодательное закрепление приоритета медицинских терминов и классификаций не только в клинических, но и в околоклинических ситуациях, особенно — в юридически значимых документах, будет способствовать скорейшему устранению существующих противоречий и пойдёт на пользу пациентам [1, 2]. Поэтому представляется необходимым согласование используемых в дефектологии, специальной педагогике и клинической психологии медицинских терминов с официально вводимой в действие в Российской Федерации терминологической системой ВОЗ «Международная классификация болезней 11-го пересмотра».

1. Балахонов А.В., и др. О необходимости создания единого нормативного медицинского лексикона как части государственного языка России // *Здравоохранение Российской Федерации*. 2021. Т. 65, № 2. С. 166–171.
2. Вассерман Е.Л. Нарушения интеллектуального развития в современных медицинских классификациях // *Дефектология*. 2020. №3. С. 31–40.
3. *Diagnostic and statistical manual of mental disorders, 5th edition, text revision: DSM-5-TR*. Washington, D.C.: American Psychiatric Association, 2022.
4. *ICD-11. International classification of diseases 11th revision / WHO*. Accessed Dec. 1, 2022. – URL: <https://icd.who.int/en/> (дата обращения: 01.06.2023).

Индивидуальные факторы виктимблейминга: психологические особенности сторонних наблюдателей

Виктимблейминг, сторонний наблюдатель, индивидуальные факторы

В ситуации насилия выделяют три стороны: агрессора, жертву и свидетеля (стороннего наблюдателя). Реакция свидетеля является важным фактором, влияющим на ситуацию. С одной стороны, она может снизить виктимизацию, с другой – в случае перекалывания вины и ответственности на жертву (виктимблейминга) – усугубить ее [1,3]. В России изучение явления виктимблейминга началось сравнительно недавно и полученные данные носят разрозненный характер, как и в зарубежных исследованиях, в первую очередь изучаются социальные и институциональные факторы. Индивидуальные факторы, относящиеся к характеристикам сторонних наблюдателей, изучены недостаточно, а имеющиеся данные носят противоречивый характер и не всегда укладываются в теоретические концепции виктимблейминга [2].

Целью исследования являлось выявление связи между индивидуально-психологическими особенностями свидетелей насилия и их тенденцией к виктимблеймингу. В исследовании приняли участие 91 человек (19-68 лет, 56 женщин и 35 мужчин), которым в авторской анкете были предложены 4 ситуации, описывающие физическое и сексуализированное насилие в отношении женщины со стороны партнера и со стороны незнакомца. По итогам ответов респонденты были разделены на 3 группы: 1) без виктимблейминга (N =27), 2) непоследовательные в обвинениях жертвы (N =49), 3) с постоянным виктимблеймингом (N =15).

Рассмотренные группы достоверно различаются по вере в справедливость мира ($p=0.005$). Значимо различаются 1 и 2 ($p=0.021$), 1 и 3 группы ($p=0.017$). Чем больше респондент верит в справедливость мира, тем с большей вероятностью он обвиняет жертву. Также обнаружены различия по уровню саморукводства ($p=0.001$) и самопривязанности ($p=0.021$). 1 и 2 ($p=0.009$), 1 и 3 группы ($p=0.002$) значимо различаются по уровню самопривязанности. По уровню самопривязанности различаются 1 и 3 группы ($p=0.023$). Чем выше уровень самопривязанности и саморукводства, тем более вероятно обвинение жертвы в ситуации насилия.

Чем значимее респондент считает проблему насилия в отношении женщин, тем меньше вероятность виктимблейминга ($p=0.009$), информированность о его существовании также ведет к менее вероятному обвинению жертвы ($p=0.001$), наличие опыта профессиональной, учебной или волонтерской деятельности с пострадавшими от насилия способствует снижению обвинения жертв ($p=0.014$), молодые менее склонны к виктимблеймингу в отличие от пожилых ($p=0.013$), живущие вне мегаполисов чаще склонны к виктимблеймингу, по сравнению с жителями мегаполисов ($p=0.001$).

Анализ ответов по авторской методике позволил установить, что в случае сексуализированного насилия от незнакомца чаще высказывались более обвинительные по отношению к жертве суждения, чем в случае насилия со стороны партнера ($p=0.001$). При сравнении ситуации сексуализированного насилия со стороны незнакомца жертве чаще приписывается большая степень вины по сравнению с физическим ($p=0.001$), для насилия в партнерских отношениях данные различия не обнаружены.

Таким образом, выявлены некоторые индивидуальные факторы, связанные с тенденцией стороннего наблюдателя обвинять жертву. Полученные данные могут быть полезны при разработке программ профилактики виктимблейминга.

1. Coker A.L., et al. Multi-college bystander intervention evaluation for violence prevention // *American journal of preventive medicine*, Vol. 50, №. 3, 2016, с. 295–302.
2. Gravelin C.R., Biernat M., Bucher C.E. Blaming the victim of acquaintance rape: Individual, situational, and sociocultural factors // *Frontiers in psychology*, Vol. 9, 2019, p. 2422.
3. Spaccatini F., et al. Victim blaming 2.0: blaming sexualized victims of online harassment lowers bystanders' helping intentions // *Current Psychology*, 2022, p. 1–11.

Особенности нарушения критичности у больных хроническим алкоголизмом

Нарушение критичности, хронический алкоголизм, анозогнозия

Понимание критичности в современной науке имеет междисциплинарный характер. Критичность в психологии определяется как системное психическое явление, когнитивное и эмоционально-волевое, свойство развитого мышления, способность осознавать, оценивать свои мысли, чувства, решения, действия и вносить в них необходимые изменения [3]. В патопсихологии критичность анализируется в теоретико-методологической парадигме субъектности и деятельности, где ключевыми понятиями являются психика как система, личность, мотивационная сфера, самооценка и саморегуляция. В психиатрии критичность выступает в качестве диагностического критерия психического здоровья личности.

В определении сущности понятия критичность мы придерживаемся подхода Б.В. Зейгарник, согласно которому нарушение критичности выступает проявлением нарушения личности и ее функций [2]. Критичность нами понимается как способность личности воспринимать информацию о своем поведении, мышлении, эмоциональных процессах, отмечать несоответствие поведения (мышления, реагирования и т.д.) принятым социально-культурным эталонам и исправлять несоответствие между эталоном и собственным поведением.

Под нарушением критичности, или некритичностью следует понимать выраженную перестройку личностных особенностей, приводящую к отсутствию осознанной мотивации и к невозможности вызвать установку на адекватное отношение к окружающей среде. Снижение критичности при алкоголизме входит в структуру синдрома алкогольной деградации личности в качестве общего признака психической деградации личности [1].

В нашем исследовании мы задались целью выявить особенности нарушения критичности как системного психического явления у больных алкоголизмом. Для решения поставленной задачи нами было исследовано больных алкоголизмом, которые находились на стационарном лечении в НМИЦ ПН им. В.М. Бехтерева со средней (II) стадией хронического алкоголизма (N=31). Нами использовались как экспериментальные патопсихологические методики, так и стандартизированные, направленные на исследование различных процессов и свойств личности.

Нами были выявлены значимые взаимосвязи переменных, в которых отражаются характерные особенности нарушения критичности пациентов с данной нозологией. Этим сочетаниям переменных мы дали наименования по содержанию доминирующей психологической тенденции:

1. «Анозогнозия», или некритичность к своему патопсихологическому состоянию. Включает переменные: непризнание алкоголизма своим диагнозом и в целом болезнью, восприятие имеющейся симптоматики как незначительной, не приносящей дискомфорта, восприятие шанса на излечение от алкоголизма как высокого, невовлеченность в трудовую деятельность, Анозогнозический тип отношения к болезни;

2. «Тревожная депрессия»: снижение самооценки, Меланхолический и Апатический типы отношения к болезни, механизмы защиты по типу регрессии и замещения, высокая тревожность, депрессия, высокий уровень ситуативной тревоги, восприятие алкоголизма как болезни и шанса на выздоровление как невысокого, снижение ответа на критику, высокий показатель общего индекса тяжести симптомов (GSI), трудоустроенность;

3. «Агрессивная некритичность»: отсутствие реакции на критику, грубые нарушения при прохождении патопсихологических проб, нарушения категоризации, отрицание как механизм защиты, высокий уровень враждебности и высокий индекс наличного симптоматического дистресса.

1. Альтшулер В.Б. Психические расстройства, вызванные употреблением алкоголя // Психиатрия: Руководство для врачей. В 2 т. / Под ред. А.С. Тиганова. М.: ОАО «Издательство «Медицина», 2012. Т. 2. С. 320-407.

2. Зейгарник Б.В. Патология мышления. М.: Изд-во Моск. ун-та, 1961. 245 с.

3. Рубинштейн С.Л. Бытие и сознание. СПб.: Питер, 2012. 288 с.

Особенности гендерной идентичности женщин с нарушениями пищевого поведения

Гендерная идентичность, нарушения пищевого поведения, феминность

В современной психологии «социальная идентичность» является многогранным конструктом, отражающим сложный феномен, который проявляется в чувстве принадлежности человека к социальным группам, в представлениях о себе, своих социальных ролях и нормах поведения. Гендерная идентичность, как часть социальной, отражает ориентацию на требования к мужской или женской роли и включает эмоциональную оценку себя с позиции гендера, осознание собственного гендера, выстраивание своего поведения согласно гендерным нормам, формирование маскулинных и фемининных черт личности, позволяющих человеку адаптироваться в социуме [2]. В исследованиях обнаружена взаимосвязь особенностей гендерной идентичности со склонностью к нарушениям пищевого поведения (НПП). Авторы указывают на сверхфеминность как фактор формирования искаженных представлений женщин о себе, нелюбви к своему телу и риска возникновения различных НПП [1].

В контексте сказанного нами проведено эмпирическое исследование с целью изучения особенностей гендерной идентичности женщин, подверженных НПП, а именно склонности к нервной анорексии. Сравнительное исследование реализовано посредством анкетного опроса и тестирования. Использовались следующие методики: «Шкала оценки пищевого поведения» О.А. Ильчик и коллег, «Маскулинность–феминность» С. Бем, «Методика изучения гендерной идентичности» (МИГИ) Л.Б. Шнейдера, «Опросник образа собственного тела» (ООСТ) О.А. Скугаревского, С.В. Сивухи, «Методика исследования самоотношения» (МИС) С.Р. Пантелеева. Первичные данные анализировались методом математической статистики. В исследовании приняли участие 40 женщин в возрасте от 18 до 24 лет. Экспериментальная группа (ЭГ), сформированная на основе сопоставления результатов психодиагностики по «Шкале оценки пищевого поведения» и опроса респондентов, включала 20 женщин, склонных к НПП по типу нервной анорексии. В контрольную группу (КГ) вошли 20 женщин без признаков НПП.

Сравнительный анализ показателей методики С. Бем с расчетом критерия Стьюдента выявил, что в структуре гендерной идентичности женщин ЭГ достоверно слабее проявлены маскулинные черты ($M = 0,21$, при $p \leq 0,05$), нежели чем в структуре идентичности женщин КГ ($M = 0,73$ при $p \leq 0,05$). Согласно анализу результатов МИГИ в КГ преобладает диффузная идентичность, а в ЭГ – псевдопозитивная (более 50%). Усредненные показатели идентичности женщин двух групп достоверно отличаются (ЭГ – 2,9; КГ – 1,9 при $p \leq 0,05$). Статус идентичности женщин с НПП по типу анорексии характеризуется отрицанием собственной уникальности и гипертрофированным подчеркиванием феминных черт. Женщины ЭГ обладают ригидной Я-концепцией, сниженной способностью к рефлексии и склонны болезненно реагировать на критику. Гиперфеминность выражается как слабость, пассивность, погоня за внешней красотой, неуверенность в себе и своей внешней привлекательности, уязвимость, что в действительности может быть связано с риском возникновения нервной анорексии.

Анализ результатов МИС показал неудовлетворенность своим телом у женщин обеих групп, однако ее выраженность значимо выше в ЭГ по сравнению с КГ (ЭГ – 30,3; КГ – 19,3 при $p \leq 0,05$). Сравнение результатов методики ООСТ выявило достоверные различия показателей по всем шкалам. Соответственно женщины ЭГ не уверены в себе, не принимают себя, обладают серьезными внутренними конфликтами и критикуют не только свои внешние, но личностные качества.

Таким образом, особенности гендерной идентичности женщин с НПП по типу анорексии проявляются в гиперфеминности и проблемах самопринятия.

1. Зеленкова М.А., Николаева Н.О. Влияние гендера на особенности пищевого поведения у девушек // *Психологическая наука и образование*. 2012. № 17(5). С. 12–18.
2. Костина С.Н., Бритвина И.Б. Теоретические подходы и современные направления исследований феномена гендерной идентичности // *Журнал социологии и социальной антропологии*. 2021. № 24(3). С. 193–215.

Сепарационная тревога как следствие абьюзивных отношений

Психология здоровья, сепарационная тревога, абьюзивные отношения

Насилие со стороны партнера может быть физическим, сексуальным, экономическим и психологическим. В наше время одним из самых распространенных видов насилия является абьюзивный (токсичный) тип отношений. Характерной чертой абьюзивных отношений является нарушение личных границ партнера. По данным Государственного Статистического Комитета в Азербайджане за 2022 год было отмечено 1475 случаев жертв домашнего насилия, из которых 1196 являются представителями женского пола [5].

Имеется большое количество исследований, направленных на изучение влияния насилия на психическое здоровье женщин. Исследования, проведенные в отношении домашнего насилия и психического здоровья женщин, подвергшихся насилию, показали, что распространенные психические расстройства включают в себя депрессию, тревожные расстройства, посттравматическое стрессовое расстройство (ПТСР), расстройства пищевого поведения, зависимость от психоактивных веществ, расстройства личности и т.д. [3]

Одним из факторов, связанных с партнерским насилием, является сепарационная тревога во взрослом возрасте, проявляющаяся в виде непропорциональной озабоченности фактической или ожидаемой разлуки со значимым человеком. Она особенно распространена среди женщин в странах с низким уровнем дохода, что повышает вероятность того, что воздействие травм массовых конфликтов и других экологических стрессов может увеличить риск развития сепарационной тревоги. Повышенный контроль, запреты, поставленные родителями и в дальнейшем наблюдаемые во взрослом возрасте в личных отношениях, приводят к нарушению базовой эмоциональной потребности в автономии и реалистичных границах [4]. Лица, характеризующиеся сепарационной тревогой, имеют заниженную самооценку, им сложно самостоятельно сделать выбор, что приводит к усилению зависимости от партнера. Выделяют следующие характерные признаки сепарационной тревоги [1]: постоянное и чрезмерное беспокойство о потере основных фигур привязанности или о нанесении им вреда, такого как болезнь, травма, несчастье или смерть; нежелание или отказ выйти из дома, на работу или какое-нибудь другое место из-за страха разлуки; нежелание быть одному или без основных фигур привязанности дома или в других местах, спать вдали от дома или спать, не находясь поблизости от основной фигуры привязанности; повторяющиеся кошмары, содержание которых связано с разлукой; жалобы на соматические симптомы, когда происходит или ожидается разлука.

Важным аспектом в возникновении сепарационной тревоги является наличие травмы в анамнезе. Анализ сбора данных из разных стран выявил постоянную связь между подверженностью широкому спектру распространенных травм и риском возникновения сепарационной тревоги на протяжении всей жизни. Результаты исследования показывают коморбидность между сепарационной тревогой и ПТСР, что является дополнительным свидетельством важности изучения наличия абьюзивных отношений в анамнезе.

Изучая научные работы, можно сделать вывод, что проблема сепарационной тревоги, а также последствия её на межличностные отношения с партнером мало изучена. Для дальнейшего исследования нами была выдвинута гипотеза: имеется связь между сепарационной тревогой и уровнем абьюзивных отношений у женщин. Дальнейшим этапом нашего исследования станет проведение эмпирической части исследования, в котором примут участия женщины, состоящие в здоровых и абьюзивных отношениях. Будут использованы методики для выявления уровня психологического насилия, оценки психического состояния испытуемого, а также посттравматических убеждений. Сравнительный и корреляционный анализ данных респондентов даст возможность выявить статистически значимые различия между психологическими особенностями лиц, состоящих в здоровых и абьюзивных отношениях.

Результаты нашего исследования могут быть использованы в психотерапевтической работе психологов с жертвами абьюзивных отношений и профилактики насилия в обществе.

1. Аведисова А.С., Аркуша И.А., Захарова К.В. Тревожное расстройство сепарации у взрослых — новая диагностическая категория // *Журнал неврологии и психиатрии им. С.С. Корсакова*. 2018. 118(10). 66-75.
2. Campbell J.C. Health consequences of intimate partner violence // *Lancet*. 2002. 359(9314). 131–138.
3. Ferrari G., et al. Domestic violence and mental health: a cross-sectional survey of women seeking help from domestic violence support services // *Glob Health Action*. 2016. 9(1). DOI: 10.3402/gha.v9.29890.
4. Schreier S.S., et al. Social anxiety and social norms in individualistic and collectivistic countries. *Depress Anxiety*. 2010. 27(12). 1128-1134. doi: 10.1002/da.20746.
5. The State Statistical Committee of the Republic of Azerbaijan. – URL: <https://www.azstat.org/portal/?lang=az> (дата обращения: 01.06.2023).

Психологические характеристики семейной компоненты реабилитационного потенциала личности с ментальными нарушениями

Семейная система, реабилитационный потенциал, жизнестойкость, домашняя среда

Изучение роли семьи и психологии родственников пациентов с хроническими заболеваниями в системе медико-психологического сопровождения больных представляет интерес в связи с потребностями медицинской практики, способствующей преодолению болезни, поддержанию ремиссии и реабилитации [3]. Реабилитационный потенциал складывается из реабилитационных возможностей личности и микросоциума – семейной системы, в которую непосредственно включен больной человек [2, 4]. В данном контексте определяется значимость участия родственников и рассмотрения их в качестве одного из ключевых элементов реабилитационного процесса. Несмотря на возможность и необходимость включения семьи в программы комплексной реабилитации пациентов, её членам и их готовности уделяется недостаточно внимания.

Актуальность исследования обусловлена востребованностью психологического сопровождения пациентов с участием микросоциального семейного окружения и необходимостью получения конкретных психологических характеристик и эмоциональных особенностей членов семьи больного для построения эффективных реабилитационных программ и повышения качества жизни больных и их родственников.

В исследовании участвовали родственники и ближайшее окружение пациентов, проходящих лечение в медицинском учреждении с диагнозами: астенический синдром различного генеза; болезнь Альцгеймера и другие деменции; эпилепсия; состояние после удаления опухоли головного мозга; постинсультные состояния, экстрапирамидная патология (гиперкинез). Выборку составили 40 человек: 26 женщин и 14 мужчин в возрасте от 31 до 60 лет, средний возраст 38,23 года. По степени близости пациенту 80% опрошенных указали, что приходятся родственниками (в основном супруги, дети и внуки), 12% – близкими друзьями, 8% участников – «Знакомый(ая)». Опрос включал общие вопросы и пять методик: «Шкала субъективного благополучия»; «Уровень жизнестойкости»; «Функциональный ресурс семьи»; «Оценка привязанности к близким»; «Оценка привязанности к дому». Статистический анализ данных (описательная статистика и корреляционный анализ) проводился в программе JASP с использованием коэффициентов корреляции Пирсона и Спирмена.

Установлено, что в основном, респонденты оценивают свое субъективное благополучие как среднее (55,32±3,528), наблюдается низкий уровень жизнестойкости (19±6,475). 42,5% опрошенных функциональный ресурс семьи оценивают как средний с тенденцией к положительному, у большинства респондентов выявлен здоровый тип привязанности к близким людям, наряду с тревожным. Уровень привязанности к дому у 62,5% респондентов является средним, при этом у близких пациентов, нуждающихся в уходе, привязанность к дому достоверно выше, чем у респондентов, чей близкий пациент все делает самостоятельно. Определены статистически значимые положительные корреляции функционального ресурса семьи и степенью привязанности к дому.

Выявленные психологические характеристики родственников связаны с трудностями переживания семейной ситуации, неопределенностью и тревогой в связи с неосведомленностью в лечении и прогнозах заболевания близкого человека. Ближайшее окружение пациента имеет недостаточные личностные ресурсы для сопровождения больных родственников в процессе реабилитации, что в дальнейшем может привести к эмоциональному выгоранию в связи с физическими, социальными и эмоциональными трудностями при взаимодействии с больным родственником [1]. Однако при этом получены данные о среднем с тенденцией к положительному функциональному ресурсу семьи как существенному компоненту реабилитационного потенциала [5]; о привязанности родственников к близким больным членам семьи и о более высоком уровне привязанности к дому у респондентов, чьи близкие и родственники нуждаются в уходе, что может означать заинтересованность и участие в реабилитации больных в условиях домашнего ухода. Таким образом, выявлены психологические особенности ближайшего окружения, влияющие на возможности реабилитации пациентов.

1. Гуткевич Е.В. Адаптационно-превентивный потенциал семьи психически больного как фактор общественного психического здоровья // Психиатрия. 2018. №3 (79). С. 37-43.
2. Кулагина И.Ю., Сенкевич Л.В. Реабилитационный потенциал личности при различных хронических заболеваниях // Культурно-историческая психология. 2015. Т. 11. №. 1. С. 50-60.

Демидов П.М. Санкт-Петербург, ФГБУ "НМИЦ им. В.А. Алмазова" Минздрава России
Яковлева М.В. Санкт-Петербург, ФГБОУ ВО СПбГУ
Софронова М.Г. Санкт-Петербург, ФГБУ "НМИЦ им. В.А. Алмазова" Минздрава России
Демченко Е.А. Санкт-Петербург, ФГБУ "НМИЦ им. В.А.

Восприятие болезни и лечения и клинико-психологический статус пациентов, находящихся на реабилитации после COVID-19

Реабилитация, COVID-19, восприятие болезни, качество жизни

Важным аспектом изучения коронавирусной инфекции COVID-19 является процесс восстановления пациентов, в т. ч. в условиях реабилитации. Существующие данные не дают однозначного ответа на вопрос о распространенности психических нарушений и об особенностях субъективного восприятия заболевания у пациентов разных полов; они также не позволяют с уверенностью говорить о специфичности процесса восстановления после COVID-19 у мужчин и женщин, в особенности о восстановлении их психического благополучия. Целью исследования стало изучение клинико-психологических характеристик, качества жизни (КЖ) и уровня воспринимаемого стресса пациентов, проходящих программу стационарной медицинской реабилитации после COVID-19.

Выборку исследования составили 36 пациентов (средний возраст 63,72; 12 мужчин и 24 женщины), находящихся после перенесенного в средней или тяжелой форме COVID-19 на отделении реабилитации НМИЦ им. В.А. Алмазова Минздрава России. Применялись клинико-психологический метод (структурированное интервью с вопросами о социально-демографических, психосоциальных характеристиках пациентов, об их отношении к заболеванию и лечению) и психометрические методики (опросники «Оценка качества жизни SF-36» и «Шкала воспринимаемого стресса ШВС-10»).

Исследование показало следующие значимые различия между подгруппами. Нарушения сна наблюдались у 33,33% мужчин и 70,8% женщин ($p \leq 0,05$); не употребляли алкоголь 33,33% мужчин и 20,8% женщин ($p \leq 0,01$); только 8,3% мужчин оценивали свою диету как здоровую против 50% женщин ($p \leq 0,05$). В отношении субъективной оценки стресса после перенесенного COVID-19 было показано, что 25% мужчин и 69,5% женщин отмечали тяжелый уровень стресса ($p \leq 0,05$). Исследование оценки качества оказания медицинской помощи и субъективной удовлетворенности лечением также выявило значимые различия: объем полученной медицинской помощи в стационаре как неполный и ее неэффективность отметили 41,6% женщин, мужчины же отмечали полную удовлетворенность оказанной помощью в 91,6% случаев ($p \leq 0,01$; $p \leq 0,05$).

На уровне тенденций отмечались различия в отношении трудностей с засыпанием (были у 25% мужчин и 58,3% женщин), влияния пандемии на профессиональную деятельность (смену формата работы указали 16,6% мужчин и 52,4% женщин), опасения в отношении повторного заражения COVID-19 отмечали 8,3% мужчин и 37,5% женщин.

По результатам психодиагностического обследования значимые различия выявлены между подгруппами в области КЖ и уровня воспринимаемого стресса.

Исследование по шкале SF-36 выявило различия по нескольким показателям, отражая более высокое КЖ мужчин по всем из них. По шкале ВР (интенсивность боли) среднее значение у мужчин составило 68,58 баллов против 47,29 у женщин ($p \leq 0,05$), по шкале ГН (общее состояние здоровья) – 64,75 баллов у мужчин и 51,71 у женщин ($p \leq 0,01$), по шкале РЕ (ролевое функционирование) – 42,00 балла у мужчин и 17,96 у женщин ($p \leq 0,1$), по шкале МН (психическое здоровье) – 70,67 баллов у мужчин и 51,17 у женщин ($p \leq 0,05$), по шкале VT (жизненная активность) – 57,67 баллов у мужчин и 42,71 у женщин ($p \leq 0,05$).

Результаты обследования по методике ШВС-10 показали значимые различия между подгруппами по шкалам перенапряжения (14,67 баллов у мужчин и 18,67 у женщин; $p \leq 0,05$) и противодействия стрессу (8,58 баллов у мужчин и 10,67 у женщин; $p \leq 0,01$).

Полученные данные свидетельствуют о том, что субъективное восприятие ситуации болезни и реабилитации может существенно различаться у переболевших COVID-19 мужчин и женщин. Подобные различия в отношении течения болезни и факторов риска развития осложнений достаточно освещены в клинической литературе, однако психологические особенности реагирования на заболевание и воспринимаемый стресс болезни представляют особый исследовательский интерес. Выявленные гендерные различия могут быть учтены в психотерапевтической работе и при психологическом сопровождении пациентов, перенесших COVID-19 в тяжелой форме.

Психологические особенности сексуальности женщин, состоящих в долгих романтических отношениях

Сексуальность, женщины, отношения

Изменяется отношение к женской сексуальности: отрицание значимости сексуальных отношений сменяется признанием сексуально-эротической сферы, как исключительно важной для женщины. В контексте романтических отношений особое место занимает сексуальная жизнь партнеров, включающая их сексуальные установки, предпочтения и желания.

Исследования феномена сексуальности затрагивали в своих работах ряд авторов, однако большинство исследований посвящено изучению сексуальных дисфункций и их коррекции (Г.С. Васильченко, И.С. Кон, Ю.П. Зинченко) [1, 2, 3].

Исследование проводилось на базе ЛГУ им. А.С. Пушкина, выборку составили женщины 18-23 лет ($n=54$): состоящие в отношениях с одним сексуальным партнером более 3 лет ($n=30$), а также никогда не имевшие сексуального опыта и не состоявшие в романтических отношениях ($n=24$). Женщины, вошедшие в выборку, никогда не были в браке, а также не имеют детей.

Цель исследования – изучить психологические особенности сексуальности женщин, состоящих в долгих романтических отношениях. В исследовании использовались методики: опросник «Установки к сексу» и личностный опросник Г.Ю. Айзенка, опросник «Сексуальный профиль» О.Ф. Потемкиной, шкала социального самоконтроля М. Снайдера. Также были применены методы статистической обработки данных: одновыборочный критерий Колмогорова-Смирнова; Т-критерий Стьюдента; критерий U-Манна-Уитни.

По результатам исследования выявлены достоверные различия. В группе женщин, состоящих в романтических отношениях, наблюдаются более высокие показатели по шкалам опросника «Установки к сексу»: «Реализованность» ($t_{эмп}=7,463$, при $p<0,001$), «Физический секс» ($t_{эмп}=4,06$, при $p<0,001$), «Сексуальная возбудимость» ($t_{эмп}=3,009$, при $p<0,05$), «Агрессивный секс» ($t_{эмп}=3,3$, при $p<0,01$), а также уровень «Сексуальной удовлетворенности» ($U_{эмп}=29$, при $p<0,001$). Высокие значения данной группы женщин по результатам методики «Сексуальный профиль» О.Ф. Потемкиной обнаружены в шкалах: «Гиперсексуальность» ($t_{эмп}=3,263$, при $p<0,01$), «Любовь как высшая ценность» ($t_{эмп}=3,055$, при $p<0,01$), «Решительность» ($U_{эмп}=29$, при $p<0,001$), «Экспрессивность» ($U_{эмп}=29$, при $p<0,001$) и «Ответственность» ($U_{эмп}=29$, при $p<0,001$).

В группе женщин без сексуального опыта наблюдаются высокие показатели по шкалам: «Целомудрие» ($t_{эмп}=2,95$, при $p<0,01$), «Сексуальная застенчивость» ($U_{эмп}=82,5$, при $p<0,01$) и «Социальный самоконтроль» ($t_{эмп}=3,553$, при $p<0,001$).

Исходя из полученных результатов, можно сформулировать следующие выводы: для женщин, состоящих в долгих романтических отношениях, характерны состояние сексуальной реализованности, раскрепощенности и удовлетворенности актуальным состоянием сексуальной жизни, высокий уровень сексуальной чувствительности, активная позиция в сексуальных отношениях, стремление к реальному половому контакту с партнером, желание сохранить отношения с ним, а также яркое и бурное выражение своих эмоций, желаний и чувств. В случае женщин без сексуального опыта наблюдается выдвижение большого количества требований и условий, удовлетворение которых способствует формированию сексуального желания и возбуждения, предпочтение духовных качеств потенциального партнера, воздержание от обсуждения вопросов секса, низкая удовлетворенность фактом отсутствия у них сексуальной жизни, а также ориентация преимущественно на ситуационную адекватность своего поведения.

1. Васильченко Г.С. *Частная сексопатология: практическое руководство для врачей: в 2 томах / под ред. проф. Г.С. Васильченко. М.: Медицина, 1983. 22 см. Т. 2. 351 с.*
2. Зинченко Ю.П. *Клиническая психология сексуальности человека в контексте культурно-исторического подхода: монография. М.: Проспект, 2003. 144 с.*
3. Кон И.С. *Введение в сексологию. М.: Медицина. 1988. 320 с.*

Взаимосвязь идентификации запахов у пациентов с заболеваниями шизофренического спектра с негативными симптомами

Обоняние, шизофрения, негативные симптомы, диагностика

Исследование обоняния на данный момент востребовано в психиатрической практике. Отмечается взаимосвязь дизосмий (преимущественно нарушения идентификация запахов) с нарастанием дефицитарной симптоматики и когнитивного снижения у пациентов с заболеваниями шизофренического спектра[2,4]. Имеющиеся исследования указывают на то, что показатели обонятельной чувствительности могут рассматриваться, как предикторы ранних симптомов психического заболевания с возможностью дифференциальной диагностики[3].

Целью данного исследования является изучить функцию обоняния через особенности распознавания запахов у пациентов с расстройствами шизофренического спектра в сравнении с пациентами с депрессивными расстройствами и здоровыми лицами, также изучить взаимосвязь уровней распознавания запахов с показателями негативной симптоматики и непосредственного запоминания у пациентов с шизофренией.

В исследование были включены пациенты, проходящие стационарное лечение в Научном центре психического здоровья. Пациенты (N=79) с расстройствами шизофренического спектра (F20,F21,F23,F25), пациенты с депрессивными расстройствами (F32,F33), (N=39). В качестве группы сравнения были включены люди, не страдающие психическими расстройствами (N=78).

Для определения нарушений обонятельной функций использовался профессиональный «Набор пахучих веществ ольфактометрический» компании «РАМОРА». Для определения степени выраженности негативной симптоматики использовалась Шкала оценки негативной симптоматики (Scale for the Assessment of Negative Symptoms), для исследования показателей памяти применялась методика «Заучивание десять слов А.Р. Лурия». Для статистического анализа использовался программный пакет IBM SPSS 26. Для сравнения средних значений двух или более выборок использовался однофакторный дисперсионный анализ (ANOVA), учитывая множественные сравнения с применением поправки Бонферрони. Для выявления взаимосвязей использовался корреляционный анализ Спирмена с допустимой ошибкой $p < 0,05$.

В результате однофакторного дисперсионного анализа выявлены статистически значимые различия в идентификации запахов как минимум в двух испытуемых группах ($F(2,191)=[12,736]$, $p < 0,001$). По результатам поправки Бонферрони было выявлено, что среднее значение уровня распознавания запахов значительно различается в группе пациентов с шизофренией по сравнению с контрольной группой респондентов ($p < 0,05$), что подтверждает предыдущие исследования[1].

При исследовании взаимосвязи показателей уровня распознавания запахов с показателями степени выраженности негативной симптоматики в группе пациентов с шизофренией было выявлено, что чем выше уровень негативной симптоматики, тем ниже уровень распознавания запахов ($r = -0,27$, $p = 0,03$). Также отмечается взаимосвязь показателей непосредственного запоминания с уровнями распознавания одорантов. Чем выше уровень распознавания запахов, тем ниже показатели отсроченного воспроизведения ($r = -0,56$, $p < 0,001$). Полученные результаты подтверждают данные предыдущих исследований, где отмечалась взаимосвязь дизосмии с наличием дефицитарной симптоматики у пациентов данной нозологической группы [2,4]. Данные наблюдения могут свидетельствовать о том, что показатели ольфакторной функции являются «биомаркерами» для изучения ранних симптомов психического расстройства. Полученные результаты нуждаются в подробном изучении.

1. Atanasova B., et al. Olfaction: A potential cognitive marker of psychiatric disorders // *Neurosci. Biobehav. Rev.* 2008, 32, 1315–1325.
2. Kamath V., et al. Olfactory Functioning in First-Episode Psychosis // *Schizophr. Bull.* 2018. 44(3). 672–680.
3. Malaspina D., et al. Olfactory processing, sex effects and heterogeneity in schizophrenia // *Schizophr. Res.* 2012. 135(1-3). 144–151.
4. Turetsky B.I., et al. Olfactory physiological impairment in first-degree relatives of schizophrenia patients // *Schizophr. Res.* 2008. 102(1-3). 220–229.

Факторная оценка динамики когнитивного функционирования пациентов с ишемической болезнью сердца на протяжении года после коронарного шунтирования

Когнитивное функционирование, коронарное шунтирование, ишемическая болезнь сердца

Хирургическое лечение обеспечивает значительное улучшение состояния больного ССЗ [1]. Однако эти операции сопряжены с риском как операционных, так и послеоперационных осложнений, в частности когнитивных нарушений [2]. Когнитивные расстройства в послеоперационном периоде проявляются снижением внимания, замедлением психомоторных реакций, а также ухудшением памяти; частота этих расстройств достигает 50–80% [3]. В связи с этим чрезвычайную важность приобретает разработка диагностических мероприятий, направленных на оценку послеоперационного когнитивного статуса пациентов на как можно более ранних стадиях лечения и реабилитации.

Целью настоящего исследования является изучение потенциально значимых для годичного прогноза состояния когнитивной сферы пациентов факторов, включающих клинические особенности основного заболевания и специфики операции, индивидуально-психологические и эмоционально-личностные характеристики пациентов, а также показатели когнитивного функционирования.

Исследование проведено на базе ФГБУ «Национальный медицинский исследовательский центр имени В. А. Алмазова» (Санкт-Петербург). Исследовано 118 больных ишемической болезнью сердца (ИБС), готовящихся к коронарному шунтированию (КШ); средний возраст $59,86 \pm 7,31$ лет. Исследование проводилось в пять этапов: первый – непосредственно перед операцией (за 2 дня до), второй этап – на 12-14 день после, третий этап – через три месяца после операции, четвёртый этап – через 6 месяцев после КШ, пятый этап – через год после КШ.

Исследование реализовано с использованием клинико-психологического метода (структурированное интервью) и набора психодиагностических методик, направленных на изучение различных сфер когнитивного функционирования больных ИБС в период подготовки к высокотехнологичному оперативному вмешательству и на разных этапах реабилитации: «Методика последовательных соединений»; субтесты «Сходства» и «Кубики Кооса» (WAIS); патофизиологические пробы «10 слов», «Запоминание рассказов», «Простые аналогии»; «Тест зрительной ретенции» А. Бентона; «Тест интерференции» Струпа; нейропсихологические методики «Острота зрения» и «Голлин-тест».

Анализ полученных данных был проведен в два этапа с помощью факторного анализа и построения множественных регрессионных уравнений положенных в основу модели предсказания состояния когнитивной сферы пациентов на протяжении года после операции.

Показано, что характеристики вербальной и логической памяти, различных параметров внимания, темпа работы, а также ситуационная тревожность имеют нелинейную динамику изменений в течение года после КШ. Показатели факторов тревоги, зрительного опознания и избирательности внимания увеличиваются в течение первого полугодия после КШ, однако к концу года снижаются с различной амплитудой и кривизной. Наибольшие колебания и изменения в течение года после КШ наблюдаются в сфере восприятия и зрительного опознания. Показатели вербальной памяти, наоборот, сначала снижаются, но к концу года восстанавливаются почти до исходных значений, наблюдаемых при выписке после операции.

Обнаруженные закономерности позволяют предположить, что изменение психических функций после операции вызывается различными физиологическими, биохимическими и адаптационными процессами, противоположно сказывающиеся на разных сферах когнитивного функционирования и этапах переработки поступающей информации.

1. Бокерия Л.А., Гудкова Р.Г., Ступаков И.Н. Хирургическое лечение больных с сосудистой патологией в Российской Федерации // *Здравоохранение РФ*. 2010. No 6. С. 15–23.
2. Eremina D.A., Shchelkova O.Yu. The dynamics of the cognitive functioning and emotional state of cardiac patients during rehabilitation after coronary revascularization // *Psychology in Russia: State of the Art*. 2017. Vol. 10, Iss. 2. P. 201-214.
3. Mathew J.P., et al. Lower endotoxin immunity predicts increased cognitive dysfunction in elderly patients after cardiac surgery // *Stroke*. 2003. Vol. 34. P. 508-513.

Качество жизни больных с контролируемой и неконтролируемой бронхиальной астмой

Качество жизни, бронхиальная астма, контроль над астмой

Проблема бронхиальной астмы (БА) в контексте здравоохранения становится все более актуальной из-за растущего числа заболеваемости [2], экономического и социального бремени болезни, стремления к эффективному лечению, а также влияния астмы на качество жизни пациентов. Существенным аспектом в этом контексте является оценка качества жизни, связанного со здоровьем (КЖЗ), которое основано на субъективном восприятии возможности удовлетворения актуальных потребностей и полноценного социального функционирования больного [1]. Научная проблема настоящего исследования обусловлена недостаточной изученностью разных аспектов КЖЗ у пациентов с контролируемой и неконтролируемой БА. Гипотеза: Параметры КЖЗ различаются в группах больных с контролируемой и неконтролируемой БА. Основные параметры КЖЗ больных с неконтролируемой БА снижены по сравнению с теми же показателями больных с контролируемой БА.

Использованы два стандартизированных опросника для оценки КЖЗ у пациентов с БА: «Краткий общий опросник оценки статуса здоровья» (SF-36) и «Краткий Опросник по качеству жизни больных бронхиальной астмой» (MiniAQLQ). Эти инструменты позволяют оценить общее состояние здоровья и специфические параметры, связанные с астмой. Эмпирическая база исследования представлена данными, собранными в Армении, в г. Ереван, в больничном комплексе №1 им. "Гераци", в медицинском центре "Наири" и в поликлинике № 17 с ноября 2021 по декабрь 2022 года. В исследовании приняли участие 60 больных бронхиальной астмой, из которых 30 с контролируемой и 30 с неконтролируемой БА. Статистический анализ данных для сравнения средних значений показателей качества жизни между группами произведен с помощью критерия У Манна Уитни.

В группе пациентов с контролируемой БА средние значения оказались статистически значимо выше, чем у пациентов с неконтролируемой БА. Выявленные различия между группами обнаружены в аспектах физического функционирования и роли, связанной с физическим здоровьем, где различия между группами имеют наибольшую значимость ($p < 0.01$), что свидетельствует о способности пациентов с контролируемой БА вести более активный образ жизни по сравнению с пациентами с неконтролируемой БА. У пациентов с контролируемой астмой общий показатель КЖЗ, оцененный по шкале AQLQ (4.78 и 4.15, $p = 0.002$), а также средние значения «симптомов» (4.54 и 3.84, $p = 0.042$), ограничений активности (4.89 и 4.23, $p = 0.030$) и ограничений в эмоциональной сфере (4.93 и 4.31, $p = 0.036$) статистически значимо выше, чем у пациентов с неконтролируемой астмой. Выводы: Основная гипотеза исследования подтвердилась для данной выборки: у респондентов с неконтролируемой БА выявлены статистически достоверно более низкие показатели КЖЗ, чем у респондентов с контролируемой БА. Для достижения более высокого уровня показателей КЖЗ рекомендуется ориентироваться не только на уровень тяжести заболевания, но и на контроль астмы. С этой целью образовательным программам для пациентов необходимо обращать особое внимание на правильное использование ингалятора и ежедневный мониторинг бронхиальной обструкции с помощью пикфлоуметра, на своевременные и современные методы лечения и профилактики для достижения контроля БА.

1. Еремян З.А., Щелкова О.Ю. История становления и развития концепции качества жизни в медицине // Психология. Психофизиология. 2022. Т. 15, №1. С. 37-49.
2. Global Burden of Disease 2019 Collaborators. Global burden of 369 diseases and injuries in 204 countries and territories, 1990-2019: a systematic analysis for the Global Burden of Disease Study 2019 // Lancet. 2020. Vol. 396, № 10258. P. 1204-1222.

Ермаков П.Н. Ростов-на-Дону, ФГАОУ ВО "ЮФУ"
Ковш Е.М. Ростов-на-Дону, ФГАОУ ВО "ЮФУ", ФГБОУ ВО РостГМУ Минздрава России
Кит О.И. Ростов-на-Дону, ФГБУ «НМИЦ онкологии» Минздрава России
Максимов А.Ю. Ростов-на-Дону, ФГБУ «НМИЦ онкологии» Минздрава России

Связь генотипов генов BDNF и OXTR с уровнем дистресса, ценностными ориентациями, копинг-стратегиями и качеством жизни онкопациентов, перенесших и не перенесших COVID-19

Ген BDNF, ген OXTR, COVID-19, дистресс

В период пандемии COVID-19 онкопациенты попали в условия повышенного стресса: плановые операции были отложены; неопределенность, вызванная непредсказуемостью течения онкопатологии, была усилена угрозой заражения и осложнения на фоне протекания коронавирусной инфекции течения основного заболевания. Таким образом, онкопациенты в условиях пандемии COVID-19 столкнулись с двойным вызовом, для успешного совладания с которым необходимы высокая адаптивность и устойчивость. Данные психологические характеристики, в свою очередь, имеют биопсихосоциальную природу, связаны с ценностно-смысловой сферой человека и формируются под влиянием генотип-средового взаимодействия. Среди генов, потенциально вносящих вклад в описанные психологические характеристики, выделяют ген мозгового нейротрофического фактора BDNF и ген окситоцинового рецептора OXTR, связанные с нейропластичностью и стрессоустойчивостью. Описанное выше позволяет предположить, что результаты изучения связи структуры данных генов с психологическими особенностями могут быть использованы для составления прогноза адаптационных возможностей человека с целью разработки программ психопрофилактики и психологического сопровождения.

Эмпирическое исследование проводилось на базе ФГБУ «НМИЦ онкологии» Минздрава России (г. Ростов-на-Дону, Россия). Его целью явилось изучение особенностей связи генотипов генов BDNF и OXTR с уровнем дистресса, ценностными ориентациями, копинг-стратегиями и качеством жизни онкопациентов, перенесших и не перенесших COVID-19. В исследовании приняли участие 112 пациентов с онкозаболеваниями гинекологической, урологической систем, а также с раком молочной железы, среди которых 63,3% – женщины; средний возраст – 43 г.

Методы: психодиагностический (Опросник выраженности психопатологической симптоматики SCL-90-R, Опросник «Способы совладающего поведения» Лазаруса, Тест смысложизненных ориентаций Д.А. Леонтьева, методика «Ценностные ориентации» М. Рокича, Шкала ВОЗЖ-100 (ВОЗ – качество жизни), генетический (ПЦР), статистический (ANOVA, пост-хок анализ Тьюки).

Согласно полученным результатам, носители генотипа VM гена BDNF, переболевшие COVID-19, имеют достоверно более высокий индекс выраженности дистресса (SCL-90, $p=0,01$).

У носителей генотипа VV гена BDNF, переболевших COVID-19, по сравнению с носителями других генотипов, достоверно более выражены следующие ценности: ценность «познание» ($p=0,008$), «развитие» ($p=0,01$), «счастливая семейная жизнь» ($p=0,02$).

Носители генотипа GG гена OXTR, не болевшие COVID-19, имеют более высокие показатели удовлетворенности собственной жизнью и реже прибегают к поиску социальной поддержки, по сравнению с носителями генотипа AG ($p=0,049$). Стратегия планирования решения проблем среди носителей генотипа AG достоверно более выражена среди переболевших COVID-19 ($p=0,03$), а факторы «Положительные эмоции», «Самооценка» достоверно более выражены у тех из них, кто не болел COVID-19 ($p=0,009$).

В меньшей степени склонны к конфронтационному копингу носители генотипа AA гена OXTR ($p=0,000$), в большей степени – носители генотипа GG.

Снижение сексуальной активности выявлено у переболевших COVID-19 пациентов (GG, GA OXTR); они также в меньшей степени удовлетворены окружающей средой дома и вокруг; имеют достоверно более низкие показатели качества жизни, составляющие психологическую сферу.

Таким образом, сочетание факторов «онкопатология» и «COVID-19» является критическим для ценностно-смысловой и психоэмоциональной сфер людей. Гипотезы исследования подтвердились: генотипы генов BDNF (VV) и OXTR (GG), связанные с более высокой нейропластичностью и стрессоустойчивостью, ассоциированы с более адаптивными психологическими характеристиками онкопациентов, в том числе, перенесших COVID-19.

Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФ (проект № 22-18-00543).

Предикторы представлений о доброжелательности мира у лиц с обсессивными проявлениями

Обсессии, руминации, доброжелательность, доверие

Динамика и кардинальность социальной ситуации обнаруживают актуальность представлений о доброжелательности мира. Его восприятие и рефлексия зависят от базисных убеждений человека, которые закладываются через доверие и привязанность к родительской фигуре с рождения и впоследствии определяют эмоциональные схемы личности. При формировании картины мира с точки зрения доверия и безопасности ключевым является убеждение о его доброжелательности-враждебности.

Анализ литературы, посвященной обсессивным проявлениям, показывает, что чаще всего эта проблема рассматривается в контексте вопросов негативных базисных убеждений, выборе угнетающих эмоциональных схем, элиминации эмоций в семье [1, 2]. Однако необходимо исследовать, какие факторы и каким образом определяют представления о доброжелательности мира у лиц с обсессивными проявлениями. В качестве гипотезы выступает предположение о различии предикторов представлений о доброжелательности мира у лиц с высоким и низким уровнями обсессивных проявлений.

Выборка состоит из 189 человек (18-45 лет); выделены группы с высоким и низким уровнями обсессивных проявлений (по 50 человек). Используются: шкала базисных убеждений Р. Янофф-Бульман, шкала эмоциональных схем Р. Лихи, шкала обсессивно-компульсивных расстройств Йеля-Брауна, шкала семейных отношений и опросник стилей эмоциональных коммуникаций. Данные обработаны в программе Jasp 0.17.1.0 с помощью множественного регрессионного анализа (исключающий).

В группе лиц с высоким уровнем обсессивных проявлений получена модель, объясняющая 42% ($R^2=0.42$, $p=0.001$) дисперсии. Значимые предикторы: инвалидация эмоций другими ($\beta=-0.321$, $p=0.01$), недостаточная осмысленность эмоций ($\beta=0.449$, $p=0.005$), обесценивание эмоций ($\beta=0.363$, $p=0.008$), склонность к руминациям ($\beta=-0.696$, $p=0.001$), фиксация на негативных переживаниях ($\beta=-0.400$, $p=0.004$). В семье отсутствует фиксация на негативных эмоциях, подключение к настроению другого. При уверенности в доброжелательности мира человек уверен в том, что окружающие люди не будут игнорировать и обесценивать его эмоции, но не смогут понять их в полной мере. При доверительном отношении к миру возникают сложности в понимании собственного эмоционального опыта, что затрудняет ориентацию на свои ценности; снижаются постоянные болезненные размышления об эмоциях, причинах их возникновении.

В группе лиц с низким уровнем обсессивных проявлений получена модель, объясняющая 53% ($R^2=0.53$, $p=0.001$) дисперсии. Значимые предикторы: недостаточная осмысленность эмоций ($\beta=-0.477$, $p=0.001$), упрощенное представление об эмоциях ($\beta=0.286$, $p=0.016$), склонность к руминациям ($\beta=-0.416$, $p=0.008$), низкая эмоциональная экспрессивность ($\beta=0.516$, $p=0.001$), конфликт ($\beta=-0.302$, $p=0.017$). В семье принято открытое выражение гнева, агрессии; присутствуют конфликты. При уверенности в доброжелательности мира человек считает, что эмоции имеют значение, несут важный смысл; снижаются постоянные болезненные размышления об эмоциях и причинах их возникновении. При доверии к миру человек стремится скрывать эмоции, не показывать их открыто.

Руминации вносят негативный вклад в представления о доброжелательности мира. Обнаружена роль семьи: у лиц с высоким уровнем обсессивных проявлений распространена эмоциональная депривация, у лиц с низким уровнем обсессивных проявлений – эмоциональная экспрессия. Уверенность в доброжелательности мира в обеих группах выступает фактором валидации эмоций. Доверие к миру противоречиво связано с эмоциональной сферой: одновременно со снижением интенсивности руминаций происходит фрустрация понимания эмоций у одних, выражения эмоциональных реакций у других. Перспективой исследований выступает изучение взаимосвязи представлений об уверенности в доброжелательности мира и доверительного отношения к миру у лиц с обсессивными проявлениями.

1. Лихи Р. *Терапия эмоциональных схем*. СПб.: Питер, 2019. 500 с.

2. Падуи М.А., Котельникова А.В. *Методика исследования базисных убеждений личности*. М., 2007. 23 с.

Психологическая помощь пациентам с заболеваниями желудочно-кишечного тракта в условиях лечения в стационаре

Заболевания ЖКТ, психологическая помощь пациентам, стационарное лечение

Взаимосвязь физиологических процессов и психоэмоционального состояния человека исследовали многие ученые. Исследователями было доказано, что негативные эмоции деструктивно влияют на соматическое здоровье человека. Постоянная тревога и чувство страха, препятствия в выражении своих эмоций угнетают функции желудочно-кишечного тракта (ЖКТ), негативно влияя на процессы переваривания, всасывания и усвоения пищи. Вследствие чего могут возникать хронические заболевания, сопровождающиеся частыми приступами с необходимостью лечения в стационарных условиях. На сегодняшний день рекомендации об оказании психологической помощи пациентам с заболеваниями ЖКТ на стационарном лечении малочисленны.

Базой исследования является гастроэнтерологическое отделение Тольяттинской городской клинической больницы № 5, г. Тольятти. Выборку составили 95 человек: 55 пациентов с заболеваниями ЖКТ разных клинических форм (за исключением алкогольной и инфекционной этиологии) – 42 женщины и 13 мужчин; 40 здоровых человек (25 родственников больных и 15 граждан города Тольятти) – 31 женщина и 9 мужчин. Возраст испытуемых $58,84 \pm 14,95$. Методы психологической диагностики: психологическая беседа; метод анкетирования (анкета социально-психологических характеристик Чапала, Илич) [1]; исследование темперамента (личный опросник Айзенка); исследование эмоционального состояния (методика исследования реактивной и личностной тревожности Спилбергера-Ханина и шкала депрессии Бека); исследование привычек питания (опросник пищевых предпочтений и голландский опросник пищевого поведения). Методы психологического просвещения: вербальные (просветительские лекции); наглядные (информационные сообщения); интерактивные (презентации). Методы саморегуляции: арт-терапевтические и медитативные техники.

Результаты психодиагностики показали, что большинство людей с заболеваниями ЖКТ, которые приняли участие в исследовании, вели пассивный образ жизни и не следовали рекомендованному врачом диетическому режиму питания. У больных наблюдались признаки тяги к «запрещенным» продуктам питания, таким как острым, соленым, жирным блюдам. Выявлены тенденции к вредным привычкам как компенсаторное поведение при негативных эмоциональных состояниях. У пациентов определялись высокий показатель тревожности, депрессивности и субдепрессивные проявления.

После проведения ряда просветительных лекций и методов саморегуляции (программы расслабления и снятия психического и физического напряжения) у больных наблюдалась положительная динамика в психоэмоциональном состоянии. Пациенты погружались в психологический процесс и чувствовали себя более удовлетворенными, болезненные ощущения и недуги отходили на второй план. По нашим наблюдениям, после ряда просветительных мероприятий пациенты становились более информированы о влиянии эмоционального состояния на соматическое здоровье.

Результаты проведенного исследования позволили определить «мишени» психологической работы:

1. Необходимо внедрять программы психологического сопровождения в отделениях стационара гастроэнтерологии.
2. Следует дифференцировать психологическую работу: индивидуальная и групповая для пациентов с заболеваниями ЖКТ; индивидуальная и групповая для родственников больных.
2. Психологические программы необходимо внедрять как методы психологической профилактики, коррекции и просвещения, как в стационарах, так и в амбулаторной практике.

1. Чапала Т.В. Исследование тревожности у пациентов гастроэнтерологического профиля // *Способности и ментальные ресурсы человека в мире глобальных перемен*. М.: Институт психологии РАН. 2020. С. 1187–1194.

Взаимосвязь опыта психической травматизации и навязчивостей у пациентов с сахарным диабетом 1-го типа

Психическая травматизация, навязчивости, сахарный диабет 1-ого типа

Сахарный диабет (СД) в настоящее время является острой проблемой для здравоохранения всех стран мира. Данное заболевание влияет не только на физиологическое функционирование человека, но и на его психологические особенности и ментальное здоровье. Одним из проявлений психоэмоционального неблагополучия могут быть навязчивости разного рода.

Цель нашего исследования – изучение взаимосвязи опыта психической травматизации и навязчивостей у людей с СД-1. Для достижения поставленной цели были использованы методики: опросник травматических событий (LEQ), опросник ОКР (OCI).

В исследовании приняли участие 31 человек, среди которых 3 мужчины и 28 женщин, в возрасте от 18 до 26 лет, диагноз сахарный диабет I типа (E10). 35,5% из них имеет сопутствующие хронические заболевания. Критерий включения: наличие травматического события в анамнезе, которое по мнению пациента оказало значимое влияние.

В ходе исследования были получены следующие результаты. Постановка диагноза серьёзного заболевания взаимосвязана с навязчивым стремлением проверять правильность или сам факт совершенного дела по нескольку раз (0,365), наличием навязчивых мыслей (0,546), склонностью к выполнению ритуалов для нейтрализации ожидаемых негативных последствий тех или иных поступков (0,357) и общим уровнем навязчивостей (0,428). Это может свидетельствовать о том, что подобный опыт является высоко травматичным для многих людей и может обуславливать дальнейшую невротизацию пациентов, которые ввремя не получили психологической поддержки.

Психотравмирующие факторы как развод родителей, наличие близкого человека с эмоциональными нарушениями и сексуальное насилие, создающие неблагоприятную социальную среду для развития личности, имеют глубокое значение для ребенка и взаимосвязаны с проверкой (0,565), сомнениями (0,512), obsессиями (0,419), нейтрализацией (0,539) и общим уровнем навязчивостей (0,510). Нестабильность внешних условий, которую провоцируют подобные события, может сказаться на появлении аффективно-заряженных obsессий, повышении тревожности пациентов с СД-1. Для совладания с тревогой пациенты могут прибегать к выполнению различных ритуалов, помогающих им не только успокоить себя, но и обрести контроль над ситуацией, связанной с их страхами и мыслями.

Наиболее значимым обстоятельством, способным повлиять на развитие навязчивостей пациентов с СД, является пережитое эмоциональное насилие. Интенсивность его переживания взаимосвязана со шкалами: проверка (0,421), сомнения (0,516), порядок (0,319), obsессии (0,455), нейтрализация (0,533) и общий уровень навязчивостей (0,541). Эмоциональное оскорбление и пренебрежение, которые нередко могут быть вызваны наличием у человека диагноза СД-1, способны значительно снизить психологическое благополучие и специфическую устойчивость к тревоге и многочисленным сомнениям, создавая благоприятный фундамент для развития obsессивно-компульсивной симптоматики.

Физические лишения взаимосвязаны с obsессивной симптоматикой (0,411), что свидетельствует о том, что данный опыт может создать предрасположенность к заикливанию человека на определённых, нередко тревожных, мыслях.

Таким образом, пациенты с СД-1 нуждаются в профессиональном психологическом сопровождении. Работа может быть направлена на помощь в совладании с ситуацией болезни, переживание сопутствующего травматического опыта, который может создавать предрасположенность к развитию навязчивостей.

Клейман Е.О. Санкт-Петербург, ФГБОУ ВО СПбГУ
Грандилевская И.В. Санкт-Петербург, ФГБОУ ВО СПбГУ
Исурина Г.Л. Санкт-Петербург, ФГБОУ ВО СПбГУ
Короткова И.С. Санкт-Петербург, ФГБОУ ВО СПбГУ

Субъективная оценка удовлетворенности симуляционным обучением студентов-медиков

Обучение, студенты, высокотехнологические методы обучения, медицина, симуляционный центр

Симуляционные технологии широко применяются в медицинском образовании для обучения, сертификации, исследований и тестирования медицинского оборудования без риска для пациентов более чем в 50 симуляционных центрах при медицинских вузах РФ [2]. Симуляционные технологии позволяют студентам-медикам практиковать клинические навыки и взаимодействовать с ситуациями, реалистично отражающими их будущую практику. Большинство исследований в медицинском симуляционном обучении фокусируются на эмоциональном состоянии студентов и его влиянии на образовательный процесс [3, 4]. Однако особого внимания заслуживает новый аспект психологического исследования симуляционного обучения, касающийся адаптации студентов к этой форме обучения [1]. Проблема адаптации студентов к такого рода обучению связана, прежде всего, с тем, как студенты-медики воспринимают ситуацию симуляционного обучения, как они оценивают его влияние на их профессиональную подготовку.

Целью настоящего исследования явилось изучение особенностей эмоционального восприятия студентами-медиками ситуации симуляционного обучения с использованием высокотехнологичных тренажеров (ВТТ). В исследовании приняли участие 24 студента, которые были разделены на 2 группы по наличию или отсутствию опыта работы в симуляционном центре. В процессе исследования были применены следующие методы: Семантический дифференциал, методика для диагностики иррациональных установок А.Эллиса, методика «Уровень субъективного контроля». Предполагалось, что наличие иррациональных установок и направление локуса контроля могут влиять на эмоциональное восприятие ситуации симуляционного обучения и его эффективности. Результаты обрабатывались в программе SPSS Statistics 23 с применением критерия U-Манна-Уитни и коэффициента корреляции Спирмена.

Результаты проведенного исследования показали, что студенты, независимо от наличия опыта с ВТТ, в целом оценивают ситуацию симуляционного обучения положительно (высокие баллы по всем факторам методики «Семантический дифференциал» при отсутствии достоверных различий между группами). Студенты с опытом проявляли меньшую выраженность иррациональных установок, особенно в отношении низкой фрустрационной толерантности и самооценки, по сравнению со студентами без опыта. Также они склонны к интернальному локусу контроля в области производственных отношений в сравнении со студентами без опыта. Результаты корреляционного анализа свидетельствуют о наличии положительной взаимосвязи между иррациональной установкой «Долженствование в отношении себя» и оценкой симуляционного обучения как несущественного или существенного ($r=0,469$, $p\leq 0,05$), – меньшая выраженность иррациональной установки влияет на оценку симуляционного обучения как более существенного, а также между уровнем интернальности в области межличностных отношений и оценкой симуляционного обучения как неважного или важного ($r=0,417$, $p\leq 0,05$) – более высокий уровень интернальности в межличностных отношениях взаимосвязан с меньшей значимостью такого обучения.

Исследование субъективной оценки студентами-медиками симуляционного обучения позволяет расширить наши знания в этой области и способствует повышению эффективности данной формы обучения в медицинской сфере.

1. Тромбчиньски П.К., Грандилевская И.В., Исурина Г.Л. Психологическая адаптация студентов-медиков к обучению с использованием симуляционных технологий // *Нейронаука в медицине и психологии*. 2020. С. 460–461.
2. Центры Российского Общества Симуляционного Обучения в Медицине. – URL: <https://rosomed.ru/centers> (дата обращения: 16.05.2023).
3. Юткина О.С. Изучение психоэмоционального уровня студентов при симуляционном обучении в медицинском ВУЗе // *Проблемы современной науки и образования*. 2017. №. 11 (93). С. 73–76.
4. Stecz P., et al. Stress responses in high-fidelity simulation among anesthesiology students // *Scientific reports*. 2021. V. 11. №. 1. P. 170-173.

Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФ (проект № 23-25-00159).

Специфика эмоционального состояния пациентов сахарным диабетом 2-го типа

Сахарный диабет II типа, тревога, депрессия, алекситимия, эмоциональные схемы

Специфика эмоционального состояния пациентов сахарным диабетом (СД) II типа существенным образом может влиять на развитие и исход заболевания, во многом определяя внутреннюю картину болезни, снижая комплаентность и приводя к нарастанию тяжести течения заболевания [1,3]. Поэтому раннее выявление эмоциональных нарушений при СД II типа и профилактическая работа с пациентами будет способствовать лучшей компенсации диабета.

С целью изучения специфики эмоционального состояния пациентов СД II типа на базе эндокринологического отделения ГБУЗРА «Адыгейская республиканская клиническая больница» нами обследовано 949 больных, средний возраст $56,08 \pm 1,26$ лет, средняя продолжительность заболевания $10,04 \pm 0,99$ лет. Группу разделили на две подгруппы: 508 пациентов с инсулиннезависимым СД (ИНСД) и 441 – с инсулинпотребным СД (ИПСД). Психологическая диагностика проведена методиками: опросник депрессии (BDI) А. Бека для выявления симптомов депрессии, шкала А. Бека для оценки уровня тревоги (BAI), шкала безнадёжности А. Бека (BHS), Торонтская шкала алекситимии (TAS), шкала эмоциональных схем Р. Лихи (LESS) [2]. Полученные данные обработаны при помощи программы Statistica 10.

По степени проявления тревожно-депрессивного состояния в группе ИПСД с декомпенсированным течением симптомы тревоги и депрессии более выражены, по сравнению с респондентами I группы ($p=0,048$). В то же время, группе ИПСД 26,3% пациентов с субкомпенсированным течением и 29,7% с декомпенсированным течением отрицают наличие депрессивной симптоматики. Возможно, это связано с защитным механизмом психики в виде вытеснения негативных эмоций, что способствует уменьшению воздействия на пациента возможных отрицательных сигналов окружения, обеспечивая, таким образом, высокую степень свободы поведения [4]. Нами отмечена взаимосвязь вышеописанного процесса ($p=0,05$) с нарушениями пищевого поведения, являющегося одним из механизмов «заедания стресса». Следует отметить, что тяжелой депрессии, повышенного уровня безнадёжности и суицидальных тенденций в данной выборке не выявлено. По мере усиления депрессии повышается уровень алекситимии с нарастанием расстройства пищевого поведения и возникновением симптомов астенического круга, а также снижением фона настроения, способствуя декомпенсированному течению заболевания. По методике Р. Лихи выявлено, что общая напряженность эмоциональных схем в обеих группах пациентов наблюдается по шкалам «Упрощенное представление об эмоциях» и «Склонность к рационализации чувств», выявляя то, что они не переносят амбивалентность, считают, что рациональность предпочтительнее эмоционального опыта. Значимые различия в группе респондентов выявлены по шкале «Эмоциональное оцепенение» ($p=0,014$) и более выражены у пациентов ИПСД с декомпенсированным течением ($p=0,003$), они подавляют эмоции, то есть им кажется, что эмоции не ярко выражены или совсем отсутствуют. Нарушения в сфере осознания проявления эмоций при повышении уровня алекситимии в сочетании с тревожно-депрессивным расстройством приводят к гиперактивации симпатико – адреналовой системы, вызывая повышение содержания кортизола и катехоламинов в крови, что имеет патогенетическое значение в развитии СД II типа.

Таким образом, специфика эмоционального состояния СД II типа заключается в том, что тесно взаимосвязана с тяжестью течения СД II типа. При ИПСД и декомпенсированном течении СД II типа у пациентов чаще проявляются негативные эмоции в виде повышения уровня алекситимии, тревожно-депрессивного состояния, которые рассматриваются ими как тягостные, поэтому испытывают потребность подавлять их или контролировать, используя схемы «Упрощенное представление об эмоциях» и «Склонность к рационализации чувств». Изучение специфики эмоционального состояния пациентов СД II типа с тяжестью течения заболевания поможет более эффективно разрабатывать индивидуальные психотерапевтические программы, делая акцент на тех свойствах эмоциональной сферы, которые в первую очередь нуждаются в коррекции.

1. Бобров А.Е., и др. Психические расстройства у больных сахарным диабетом 2-го типа. *РМЖ*. 2018; 1(1): 28–33.
2. Лихи Р. *Терапия эмоциональных схем*. СПб.: Питер, 2019.
3. Яркова Н.А. Приверженность к лечению больных сахарным диабетом 2-го типа и пути ее оптимизации // *Клиническая медицина*, 94(9), 2016, с. 688-692.
4. Lustman P.J. Depression in diabetic patients: the relationship between mood and glycemetic control // *Diabetes Complications*, 19(2), 2005, p. 113-122.

Семейные факторы склонности к эмоционально созависимым отношениям в юношеском возрасте

Юность, семья, романтические отношения, эмоциональная созависимость

Романтические отношения – важный ресурс личностного развития в юности. Они могут способствовать развитию близости, выступать надежной основой для исследования мира. Но также могут и подрывать психологическое благополучие. Под эмоциональной созависимостью мы будем понимать отношения людей, которые характеризуются чрезмерной эмоциональной зависимостью, вытесняют другие сферы жизни и при этом не приносят удовлетворения участникам этих отношений.

Методики: авторская анкета; опросник «Семейные эмоциональные коммуникации» Холмогоровой А.Б., Воликовой С.В. [4]; шкала созависимости Спенн-Фишер в модификации Бердичевского А.А., Падун М.А., Гагариной М.А. [2]; модифицированная методика «Опыт близких отношений» К. Бреннан и Р.К. Фрейли в адаптации Т.В. Казанцевой [3]; опросник М.В. Яремчук на привязанность к родителям в модификации О.В. Алмазовой и Г.В. Бурменской [1]; незавершенные предложения на тему романтических отношений.

Теоретико-методологической основой выступили: теория стадий психосоциального развития Э. Эриксона; теория привязанности Дж. Боулби; учение о психологическом возрасте Л.С. Выготского; учение о созависимости Дж. и Б. Уайнхольд.

Гипотезы: 1) существует связь между характером эмоциональных отношений в семье и эмоциональной созависимостью в юности; 2) уровень эмоциональной созависимости в юношеском возрасте связан с типом привязанности не только к родителю, но и к романтическому партнеру; 3) существуют значимые различия в склонности к эмоциональной созависимости у юношей и девушек.

Выборку составили 213 респондентов в возрасте от 18 до 25 лет, из них 169 девушек и 44 юноши. К участию приглашались все желающие из данной возрастной группы. 72% выборки росли в полных семьях. Также выборка вариативна по критерию длительности романтических отношений (от отсутствия таковых до 11 лет продолжительности отношений). 82,6% выборки состояли или состоят в романтических отношениях (57% выборки состояли в отношениях на момент участия в исследовании).

Результаты. Обнаружены значимые различия по эмоциональной созависимости у респондентов с надежной и ненадежной привязанностью к матери ($p \leq 0,000$, критерий Манна-Уитни). Таким образом, возможность опоры на родительскую фигуру в детстве служит фактором способности выстраивать гармоничные отношения в дальнейшем. Выявлена связь семейных дисфункций с эмоциональной созависимостью ($k=0,466$ при $p \leq 0,000$, коэффициент корреляции Пирсона) – если взаимодействия молодого человека в родительской семье носили деструктивный характер, он будет более склонен к эмоциональной созависимости. Также выявлена связь между уровнем созависимости и типом привязанности в близких отношениях ($p \leq 0,000$, критерий Краскела-Уоллеса). Респонденты с боязливым типом привязанности в отношениях (высоким уровнем тревоги) обнаружили более высокий уровень созависимости. Можно сказать, что эмоциональная созависимость подразумевает неспособность человека сохранять надежную привязанность.

В исследовании подчеркивается важность создания гармоничного взаимодействия в семье для психологического благополучия личности – рабочие модели отношений с родителями респонденты переносят в свои романтические отношения. Результаты могут быть полезны при проведении психологических консультаций.

1. Алмазова О.В. Привязанность к матери как взаимоотношения взрослых сиблингов: дис....канд. психол. наук: 19.00.13 / Алмазова О.В. М.: МГУ, 2015.
2. Бердичевский А.А., Падун М.А., Гагарина М.А. Апробация модифицированной версии методики «Шкала созависимости Спенн-Фишер» // Клиническая и специальная психология. 2019. Т. 8. № 1. С. 215–234.
3. Казанцева Т.В. Адаптация модифицированной методики «Опыт близких отношений» К. Бреннан и Р. К. Фрейли // Известия Российского государственного педагогического университета им. А.И. Герцена, 2008. С. 139–143.
4. Холмогорова А.Б., Воликова С.В., Сорокова М.Г. Стандартизация опросника «Семейные эмоциональные коммуникации» // Консультативная психология и психотерапия. 2016. Т. 24 № 4 С. 97–125.

Особенности копинг-стратегий женщин молодого возраста с самоповреждающим поведением

Самоповреждающее поведение, стратегии совладающего поведения, тревожность

В последние десятилетия отмечается неуклонный рост самоповреждающего поведения среди молодых людей [1,2]. Целью исследования стало изучение особенностей копинг-стратегий у женщин молодого возраста с самоповреждающим поведением. Задачи данного исследования – изучение социально-психологических характеристик, выявление особенностей стратегий совладающего поведения, депрессивного состояния, структуры ситуативной и личностной тревожности молодых женщин с самоповреждающим поведением и без него.

Для осуществления поставленных задач было разработано клинико-психологическое интервью, направленное на исследование социально-биографических данных и выявления опыта самоповреждения. Экспериментально-психологический метод исследования реализовывался с помощью следующих методик: «Интегративный тест тревожности» (ИТТ), шкала депрессии Бека, тест «Способы совладающего поведения».

В исследовании приняли участие 32 женщины молодого возраста от 18-25 лет ($M=21,8$), разделённые на две группы: девушки, страдающие самоповреждающим поведением, обратившиеся за помощью в «Психологическую службу РГПУ им. А. И. Герцена». условно здоровые испытуемые – студенты разных факультетов РГПУ им. А. И. Герцена.

Клинико-психологическое исследование показало, что 81% опрошенных женщин с ауто-деструктивным паттерном используют самоповреждающее поведение как способ перевести эмоциональную боль в физическую, 37,5% – наказать себя, 37,5% – обретают чувство контроля, а 25% привлекают внимание.

Исследование особенностей стресс-преодолевающего поведения женщин молодого возраста с самоповреждающим поведением и без него позволило выявить значимые различия между двумя группами по показателям «Принятие ответственности» и «Бегство» ($p \leq 0,05$). Женщины молодого возраста с самоповреждающим поведением склонны к принятию ответственности за возникновение сложностей на себя и использованию стратегии уклонения от преодоления стрессовых ситуаций. Обнаружено, что женщины, наносящие себе самоповреждения, страдают от проявлений депрессии умеренной или средней тяжести и нуждаются в профессиональной психологической помощи.

Женщины, наносящие себе самоповреждения, в отличие от женщин без него, имеют статистически значимо более высокие показатели ситуативной и личностной тревожности ($p \leq 0,05$). Им свойственен сниженный эмоциональный фон, неудовлетворённость своей жизнью, вялость и усталость. В свою очередь девушки контрольной группы являются более стабильными в эмоциональном плане, они нацелены на жизненные перспективы и не поддаются тревогам, волнениям и страхам по поводу текущей жизненной ситуации и возможных в будущем перспектив.

1. Зинчук М.С., Аведисова А.С., Гехт А.Б. Несуицидальное самоповреждающее поведение при психических расстройствах непсихотического уровня: эпидемиология, социальные и клинические факторы риска // Журнал неврологии и психиатрии им. С.С. Корсакова. 2019. Т. 119. № 3. С. 108—119.
2. Польская Н.А. Психология самоповреждающего поведения. М.: Ленанд, 2017. 320 с.

Образ тела и качество жизни пациентов различных групп

Образ тела, качество жизни, клиническая психология

Образ тела и качество жизни являются важными компонентами психологического благополучия и жизненной удовлетворенности. Исследования в этой области имеют особое значение для пациентов с различными заболеваниями, так как способствуют пониманию взаимосвязи и влияния на психологическое состояние и удовлетворенность отдельными аспектами жизни среди больных различных групп; а также помогают разрабатывать эффективные стратегии поддержки и реабилитации пациентов. [1,2]

Целью данной работы является изучение характерных различий образа тела у пациентов с рассеянным склерозом, гемабластомами и раком груди, а также взаимосвязь данного феномена с психологическими особенностями больных.

Запланировано пригласить к участию 70 пациентов с рассеянным склерозом, состоящих на учете и получающих медицинскую помощь в Центре рассеянного склероза “Городской больницы №31 г. Санкт-Петербурга”, 70 пациентов с гемобластомами, проходящих лечение в НИИ “Клиника детской онкологии, гематологии и трансплантологии им. Р.М. Горбачевой” Первого Санкт-Петербургского медицинского университета; 70 пациентов с раком груди, получающих социально-психологическую помощь в центре поддержки “Вместе”; и 70 респондентов сформируют контрольную группу.

Для реализации цели исследования и всестороннего анализа исследуемых показателей используются социально-биографическая анкета для сбора основных данных, а также краткого анамнеза заболеваний; Мультикомпонентный опросник образа тела (MBSRQ), Шкала страха негативной оценки (BFNE), Госпитальная шкала тревоги и депрессии (HADS), тест жизнестойкости в версии Осина-Рассказовой, краткий опросник качества жизни Всемирной организации здравоохранения (WHOQOL-BREF).

К участию приглашаются пациенты с подтвержденными диагнозами, в возрасте от 18 до 60 лет, и люди, которым никогда не были поставлены и не подозревались диагнозы исследуемых групп. Сбор данных проходит через онлайн-платформу Google-forms, в связи с чем будет доступна только для тех, кто может самостоятельно ее заполнить: таким образом удастся снизить влияние фактора социальной желательности. В благодарность за участие в исследовании участник может выбрать индивидуальную психологическую консультацию, единовременное участие в психообразовательной группе и/или выразить желание получить первые опубликованные результаты работы, а также отказаться от всего вышеперечисленного.

Для статистического анализа результатов планируется использование следующих методов: однофакторный дисперсионный анализ (ANOVA), корреляционный анализ по критерию Спирмена, регрессионный анализ, частотный анализ.

Предположительно, для всех групп пациентов будет характерно менее положительное отношение к собственному телу по сравнению с контрольной группой; что также будет выявлена взаимосвязь выраженности тревожных и депрессивных переживаний с негативной оценкой собственного тела. Вероятно, высокие показатели жизнестойкости могут формировать более положительное восприятие собственного тела.

Таким образом, данное исследование позволит обнаружить психотерапевтические мишени во время лечения и реабилитации пациентов с рассеянным склерозом и онкологических больных.

1. Еремян З.А., Щелкова О.Ю. История становления и развития концепции качества жизни в медицине // Психология. Психофизиология, Т. 15, № 1, 2022, с. 37-49.
2. Avalos L., Tylka T.L., Wood-Barcalow N. The body appreciation scale: Development and psychometric evaluation // Body image, Vol. 2, №. 3, 2005, p. 285-297.

Краткая форма Пертского опросника алекситимии: новый 6-пунктный опросник для измерения алекситимии

Адаптация, алекситимия, психометрические свойства

Алекситимия — это личностная черта, состоящая из трех компонентов: (1) трудностей с определением собственных чувств, (2) трудностей с описанием собственных чувств и (3) внешне-ориентированного мышления. Алекситимия является фактором риска психопатологии и психосоматических расстройств, а также связана со снижением эффективности психологической помощи [2]. В связи с этим оценка алекситимии в медико-психологической практике представляется важной для решения клинически значимых задач.

Недавно была валидизирована русскоязычная версия 24-пунктного Пертского опросника алекситимии (Perth Alexithymia Questionnaire; PAQ), который служит для комплексной оценки алекситимии и ее компонентов по отношению к негативным и позитивным эмоциям [1, 2]. Русскоязычная версия PAQ обладает хорошими психометрическими свойствами. Подтверждена клиническая значимость выделения подшкал PAQ по отношению к негативным и позитивным эмоциям в предикции симптомов психопатологии и витальности [1].

В 2023 году была разработана Краткая форма Пертского опросника алекситимии (Perth Alexithymia Questionnaire-Short Form; PAQ-S), состоящая из шести утверждений, которые были выделены из PAQ [3]. Благодаря своей краткости, опросник PAQ-S может быть применен в различных исследовательских и клинических условиях. Цель данного исследования — разработать русскоязычную версию PAQ-S и изучить ее предварительные психометрические свойства.

Пилотажное исследование было проведено онлайн в 2023 г. среди русскоязычного населения. В нем приняли участие 73 человека в возрасте от 18 до 47 лет. Респонденты заполняли следующие опросники: PAQ-S, Опросник здоровья пациента-4 (Patient Health Questionnaire-4; PHQ-4) для измерения симптомов депрессии и тревоги, Шкалу воспринимаемого стресса-4 (Perceived Stress Scale-4; PSS-4) и 14-пунктную Шкалу психологического благополучия Варвик-Эдинбург (Warwick-Edinburgh Mental Wellbeing Scale; WEMWBS).

Внутренняя согласованность PAQ-S была высокой (альфа Кронбаха=0,76; омега МакДональда=0,73). Баллы PAQ-S статистически значимо и положительно коррелировали с симптомами тревоги ($r=0,24$, $p=0,044$) и стресса ($r=0,29$, $p=0,014$), но статистически значимо не коррелировали с симптомами депрессии ($r=0,17$, $p=0,159$). Показатели PAQ-S статистически значимо и отрицательно коррелировали с психологическим благополучием ($r=-0,39$, $p=0,001$).

Цель исследования заключалась в изучении предварительных психометрических свойств русскоязычной версии опросника PAQ-S. Внутренняя согласованность PAQ-S была хорошей. В целом, баллы PAQ-S положительно коррелировали с симптомами психопатологии и отрицательно с психологическим благополучием, что подтверждает хорошую конвергентную и дивергентную валидность опросника. Проведенное пилотажное исследование показало, что русскоязычная версия PAQ-S является психометрически хорошим опросником для измерения алекситимии. В настоящее время мы продолжаем исследование, чтобы осуществить полноценную психометрическую проверку опросника, в том числе оценку его факторной структуры и инвариантности измерения, на более репрезентативной общей выборке, а также в клинических группах.

1. Larionow P., et al. *Assessing Alexithymia: Psychometric Properties of the Russian Version of the Perth Alexithymia Questionnaire* // *Clinical Psychology and Special Education*. 2023. 12(1), 43–65.
2. Preece D., et al. *The psychometric assessment of alexithymia: Development and validation of the Perth Alexithymia Questionnaire* // *Personality and Individual Differences*. 2018. 132, 32–44.
3. Preece D.A., et al. *The Perth Alexithymia Questionnaire-Short Form (PAQ-S): A 6-item measure of alexithymia* // *Journal of Affective Disorders*. 2023. 325, 493–501.

Изучение когнитивных дефицитов у женщин с диагнозом рак молочной железы до начала системного лечения

Когнитивные функции, когнитивные дефициты, рак молочной железы, РМЖ

Болезнь оказывает влияние на качество жизни людей. В свою очередь онкологические заболевания являются одной из причин смертности во всем мире, что может нести в себе угрозу психической травмы для заболевших. Согласно распространённому общественному мнению о том, что качество жизни онкологического больного ухудшается из-за проводимого системного лечения, у онкологических больных и их семей может повышаться уровень тревоги перед негативными последствиями, связанными с данной болезнью. Все вышеперечисленное может приводить к отказам от лечения рака [1].

Существует ряд клинических исследований, которые показывают наличие когнитивных нарушений у онкопациентов после прохождения системного лечения рака, что приводит к сильному снижению качества жизни данных пациентов. К тому же опубликованы результаты исследований о наличии когнитивных дефицитов у онкопациентов до начала системного лечения [3], хотя они не многочисленны, а в России таковых и почти нет. Когнитивными функциями, изучаемые при онкопатологиях, которые рекомендованы к включению в клинические исследования, являются память, внимание, мышление, скорость обработки информации [2].

Новизна исследования заключается в том, что впервые в России выявление когнитивных дефицитов у женщин с диагнозом рак молочной железы (далее РМЖ) в рамках проведения данного клинического исследования фокусировалось на изучении данных, полученных до начала системного лечения данной онкопатологии, еще до хирургического, медикаментозных вмешательств.

Цель: изучение когнитивных функций у женщин с диагнозом РМЖ до и после системного лечения.

Методы исследования:

- для исследования КД: монреальская шкала оценки когнитивных функций (MoCA-тест);
- для измерения выраженности механизмов психологической защиты "Индекс жизненного стиля" (Life style index) (Plutchik R., Kellerman H., Conte H., 1979; Вассерман Л. И., 1998);
- сбор анамнеза;

Выборка:

1. Женщины с РМЖ до начала системного лечения.
2. Женщины с РМЖ после системного лечения.
3. Женщины с диагнозом доброкачественное новообразование молочной железы.
4. Женщины без РМЖ.

Результаты. Когнитивные дефициты наблюдаются у женщин с диагнозом РМЖ до проведения системного лечения данной онкопатологии. У женщин с РМЖ после системного лечения уровень когнитивного функционирования снижается по сравнению с женщинами с РМЖ до лечения. Уровень когнитивного функционирования женщин с доброкачественной опухолью в груди и контрольной группой без заболеваний молочных желез выше, чем у женщин с диагнозом РМЖ. При этом уровень напряженности психологических защит самый низкий у женщин с РМЖ до системного лечения.

1. Беляев А.М. Онкопсихология для врачей-онкологов и медицинских психологов. Руководство. Издание 2-ое, дополненное. СПб: Издательство АНО «Вопросы онкологии», 2018. 436 с.
2. Зотов П.Б. Когнитивные нарушения при раке молочной железы у женщин, получающих полихимиотерапию // Медицинская наука и образование Урала. – 2016. – Т. 17. – № 1(85). – С. 87-89.
3. Dijkshoorn ABC., et al. Prevalence of cognitive impairment and change in patients with breast cancer: A systematic review of longitudinal studies // Psychooncology. 2021. 30(5). 635-648.

Особенности совладающего с болезнью поведения у женщин с раком молочной железы

Совладающее поведение, копинг-стратегии, копинг-ресурсы, рак молочной железы

На сегодняшний день рак молочной железы является самым распространённым онкологическим заболеванием среди женщин. Такая патология разрушает привычные стереотипы поведения и ставит больного перед необходимостью адаптации к новым условиям жизни через стратегии совладающего поведения. Исследование посвящено изучению совладающего с болезнью поведения методом контент-анализа продуктов деятельности женщин с РМЖ. Материал исследования составили 30 текстовых документов, опубликованных на интернет-форумах, от лица женщин в возрасте от 31 до 57 лет с раком молочной железы.

Женщины с РМЖ, использующие стратегию «Планирование решения проблемы» склонны к анализу сложных жизненных ситуаций, выработке стратегий решения проблемы и планированию своих действий с учётом прошлого опыта и имеющихся ресурсов. Разнообразные лечебные и восстановительные мероприятия являются для пациенток наиболее адаптивными способами снижения дискомфорта, связанного с заболеванием, путём активного участия в процессе лечения, постоянной смены деятельности. В ситуации заболевания особое значение приобретает стратегия «Поиск социальной поддержки», связанная с усилиями в поиске эмоциональной, информационной и действенной поддержки, взаимодействие с другими людьми с целью получения внимания, сочувствия и совета. Тяжёлое психическое состояние вызывает у женщин страх, ощущение неизбежности смерти, с которыми они не могут справиться самостоятельно, вследствие чего обращаются за внешней поддержкой. Использование «Самоконтроля» как стремления скрыть факт наличия заболевания от окружающих, подавлять свои эмоции, может говорить о боязни самораскрытия, чрезмерной требовательности к себе, приводящей к сверхконтролю за поведением. Женщины справляются с ситуацией болезни путём целенаправленного подавления, сдерживания эмоций и чрезмерной требовательности к себе. У пациенток могут возникнуть трудности в выражении собственных потребностей и побуждений в связи с проблемными ситуациями, что, по нашему мнению, может привести к ещё большему психологическому напряжению. Применение «Дистанцирования» как субъективного снижения значимости и степени вовлечённости в собственное онкологическое заболевание, ведёт к недооценке значимости и возможности действенного преодоления проблемной ситуации путём обращения к специалисту. Пациентки откладывают поход к врачу, сдачу анализов и проведение других диагностических мероприятий, не придерживаются рекомендаций специалистов, что может привести к ухудшению их физического состояния, вплоть до летального исхода.

Фактор социальной поддержки для женщин с РМЖ выступает в качестве ресурса совладания со стрессом. Социальное окружение способствует снижению вероятности возникновения у пациенток психологических трудностей различного характера. Пациентки, прибегающие к использованию социальной поддержки, стремятся получить и предоставить эмоциональный ответ, ориентированы на взаимодействие с окружающими, что позволяет им адаптивно справиться с ситуацией болезни. Способность принимать информационную, психологическую и иные виды помощи, организация социально-поддерживающего процесса снижают психологическую напряжённость. Обращение в фонды, организация групп помощи пациентам, обмен опытом и знаниями позволяет удовлетворить потребности пациенток в эмпатии и аффилиации, и использовать внешние ресурсы в виде обратной связи для преодоления стрессовых ситуаций.

1. Исаева Е.Р. *Копинг-поведение и психологическая защита личности в условиях здоровья и болезни*. СПб.: ПСПбГМУ им. академика И.П. Павлова 2009. 135 с.
2. Московченко П.В. *Совладающее поведение женщин с онкологическими заболеваниями репродуктивной системы: автореф...* дисс. канд. психол. наук. М., 2016. 36 с.
3. Орлова М.М. *Специфичность адаптационных стратегий женщин, больных онкологическими заболеваниями репродуктивной системы* // Вестник ЛГУ им. А.С. Пушкина. 2017. №2. С. 55-64.
4. Сизова Я.Н., Циринг Д.А. *Особенности преодоления ситуации болезни пациентами со злокачественными новообразованиями* // Психология. Ист.-крит. обзоры и совр. исследования. 2019. Т. 8. № 5А. С. 240-246.
5. Сирота Н.А., Фетисов Б.А. *Особенности совладающего поведения женщин больных раком молочной железы с внешне видимым послеоперационным дефектом и при его отсутствии* // Клиническая и медицинская психология: исследования, обучение, практика. 2014. № 3 (5). С. 7.

Созависимость и контрзависимость у лиц с социофобией

Социофобия, созависимость, контрзависимость, привязанность

Сегодня существует множество исследований, посвященных созависимости (Петрова Н. Н., Винников Л. И., Мазурова Л. В. и др.). Контрзависимость как феномен упоминается исследователями гораздо реже. Существует необходимость систематизации имеющихся данных, полученных отечественными и зарубежными авторами, а также их дополнения новыми эмпирическими данными. Под социальной фобией в нашем исследовании понимается боязнь одной или более ситуаций, в которых индивидуум подвергается возможному внимательному наблюдению со стороны окружающих и испытывает страх сделать что-либо, что вызовет у него чувство унижения или замешательство [1]. Под созависимостью понимается аддикция отношений. Созависимые лица используют отношения с другим человеком так же, как химические или нехимические аддикты используют аддиктивный агент [2]. Под контрзависимостью понимается обратная сторона созависимости, болезненное стремление к независимости от другого человека [4]. Концептуальные разработки проблемы созависимости и контрзависимости прежде всего связаны с именем Дулепиной О. А., которая рассматривает созависимость и контрзависимость как необходимый вариант нормы на определенных этапах отношений [3].

Проблемой нашего исследования является противоречие между данными, полученными разными авторами в ходе их исследований. Дулепина О.А. рассматривает созависимость и контрзависимость как необходимый вариант нормы на определенных этапах отношений. Однако, другие исследователи рассматривают созависимость и контрзависимость, как следствие социальной фобии, нарушения привязанностей и неадекватно сформированных психологических границ. Цель исследования – изучить выраженность созависимости и контрзависимости у лиц с разным уровнем социофобии. Выборка состояла из 200 человек (100 юношей и 100 девушек). Возрастной состав выборки – от 18 до 21 года. В качестве базы эмпирического исследования выступил Воронежский государственный университет. Мы выдвинули следующую гипотезу: у лиц с высоким уровнем социофобии будет преобладать контрзависимость; у лиц со средним уровнем социофобии будет преобладать созависимость и соответственно, у лиц с низким уровнем социофобии контрзависимость и созависимость будут отсутствовать. Методы исследования: Методика «Шкала социальной тревожности и социофобии» М. Либовица для выявления социальной тревоги и фобии, и методика определения межличностной зависимости» (Р. Борнштейн в адапт. Макушиной О. П.), направленная на диагностику чрезмерной межличностной зависимости (созависимость), деструктивного отделения (контрзависимость) и нормативной здоровой зависимости. Методы статистической обработки: параметрический критерий Стьюдента.

Проводилось сравнение выраженности созависимости, контрзависимости и здоровой зависимости внутри каждого уровня социальной фобии, затем сравнивалось выраженность каждой из этих характеристик между различными уровнями социальной фобии. Гипотеза исследования была подтверждена частично: 1) у лиц с низким уровнем социофобии преобладает выраженность здоровой зависимости относительно частей выборки со средним и высоким уровнем социофобии. В рамках части выборки с низким уровнем социофобии также значительно представлена средняя выраженность проявлений созависимости и контрзависимости. 2) у лиц со средним уровнем социофобии мы предполагали высокую степень выраженности признаков созависимости, однако в этой группе признаки контрзависимости представлены так же значительно, как признаки созависимости. 3) у лиц с высоким уровнем социофобии нами было обнаружено существенное преобладание выраженности признаков контрзависимости, также значительно выражены признаки созависимости, менее всего в рамках данной части выборки представлены признаки здоровой зависимости.

1. Бердин Р.Д. Социальная фрустрированность как одна из детерминант формирования признаков социофобии // Символ науки. 2015. № 4. С. 251–252.
2. Винников Л.И. Созависимость как психологический феномен // Достижения науки и образования. 2019. № 9–1 (50). С. 40–41.
3. Дулепина О.А. Эволюционный подход к терапии пар. Модель развития пары: созависимость–контрзависимость–независимость–взаимозависимость/партнерство // Психология и психотерапия семьи. 2022. №3. С. 74–76.
4. Уайнхолд Б. Бегство от близости. СПб.: Вече, 2011. 528 с.

Возможности шкалы “Intolerance of uncertainty scale” (IUS) для предсказания некомплаентного поведения соматических больных

Интолерантность к неопределенности, некомплаентное поведение, восприятие болезни, соматически больной

Вопрос некомплаентного поведения больных соматической клиники особенно остро стоит при ведении хронически больного пациента. При невозможности полного излечения, основной целью лечебного процесса становится достижение удовлетворительного качества жизни и профилактика рецидивов. Пациент должен все время отслеживать изменения в своих телесных ощущениях, обращаясь к врачу при появлении маркеров рецидива. Ситуацию осложняет и то, что поддерживающее медикаментозное лечение больного является ежедневным и пожизненным. Находясь в ситуации неопределенности, вызванной тяжелым, хроническим, неизлечимым соматическим заболеванием, пациент вынужден совладать с неопределенностью, неполной подконтрольностью болезни [1]. Успешность совладания зависит в том числе от способности длительно выдерживать ситуацию неопределенности, не поддаваясь панике и не принимая импульсивных решений.

Ранее нами была апробирована на русском языке шкала интолерантности к неопределенности (Intolerance of Uncertainty Scale (IUS) [5] на выборке соматически больных [2]. В данной работе представлены результаты сопоставления выраженности интолерантности к неопределенности и особенностей категоризации телесных ощущений, связанных с болезнью. Теоретической базой исследования выступила концепция психологии телесности [3].

Материалы и методы. Исследование проводилось на выборке кардиологических больных (осложненная артериальная гипертония N=105) и онкологических больных (рак молочной железы начальные стадии N=50). Эмпирические базы: МОНИКИ им. М.Ф. Владимирского и НМИЦ терапии и профилактической медицины Минздрава России. С каждым больным проводилась клиническая беседа с целью выявить, как он понимает заболевание, его причины и механизмы, лечение, прогноз. Из психодиагностических методик применялась апробированная нами шкала интолерантности к неопределенности (IUS) [2] и психосемантический тест «Выбор дескрипторов интрацептивных ощущений» (ВДИО) [4]. Для выявления корреляционных связей использовался критерий Спирмена.

Результаты. Пациенты с высоким уровнем интолерантности к неопределенности не могли переносить ситуацию непредсказуемости, малой контролируемости болезни, это проявлялось в выборе ими большого количества дескрипторов интрацептивных ощущений, описывающих болезнь (при $p \leq 0,05$). Так, пациентки с высокой интолерантностью к неопределенности, страдающие раком молочной железы, чаще прибегали к дополнительным скринингам без назначения врача и смене врачей. Таким образом они пытались сделать неопределенную ситуацию болезни более понятной, контролируемой и предсказуемой. Пациенты, страдающие осложненной артериальной гипертонией, и имеющие высокий уровень интолерантности к неопределенности, значимо чаще (при $p \leq 0,05$) выбирали «психические» ощущения для описания своего телесного опыта болезни. Они связывали свое заболевание с эмоциональными переживаниями в большей степени, чем с органическими нарушениями. Также, из-за низкой медицинской грамотности, они неверно атрибутировали ряд телесных ощущений, что приводило к нарушению приверженности терапии.

Выводы. Диагностические возможности Шкалы интолерантности к неопределенности (IUS) могут быть усилены путем создания ключа на основе ее факторной структуры. Сочетание в одном исследовании шкалы IUS с методиками, диагностирующими особенности восприятия болезни, позволяет наметить возможные аспекты некомплаентного поведения больного для их последующей коррекции.

1. Лифинцева А.А., Деркач Т.Д., Штолде Н. Феномен неопределенности как субъективный опыт пациента в ситуации болезни // *Клиническая и специальная психология*. 2018. Т. 7. № 1. С. 1–12.
2. Тхостов А.Ш., и др. Апробация русскоязычной версии «Шкалы интолерантности к неопределённости (IUS)» // *Теоретическая и экспериментальная психология*. 2022. Т. 15. № 4. С. 43–60.
3. Тхостов А.Ш. *Культурно-историческая патопсихология*. М.: Канон-плюс. 2020.
4. Тхостов А.Ш., Нелюбина А.С., Бузина Т.С. Тест "Выбор дескрипторов интрацептивных ощущений". Уч. пос. для обучающихся по специальностям «Психология» и «Клиническая психология». СПб.: Наукоемкие технологии. 2022.
5. Freeston, M.H., et al. *Why do people worry? Personality and Individual Differences*. 17 (6). 1994. 791–802.

Отношение к телу как фактор формирования отношения к болезни у пациентов с ревматоидным артритом и хронической обструктивной болезнью лёгких

Отношение к болезни, эго-синтонное отношение к телу, эго-дистонное отношение к телу, ревматоидный артрит, хроническая обструктивная болезнь лёгких

Сопоставление факторов отношения к болезни необходимо для обоснования особенностей комплаентного поведения больных двух нозологических групп и изучения формирования у пациентов психопатологических нарушений в условиях соматического недуга [2].

Методики исследования: Опросник ТОБОЛ (адаптация Л.И. Вассермана, Б.В. Иовлева, Э.Б. Карповой, А.Я. Вукс) [1] Цветовой тест отношений А. М. Эткинда [5]. Выборка составила 100 наблюдений, из них 57 – больные ревматоидным артритом (РА – аутоиммунное ревматическое заболевание неизвестной этиологии, характеризующееся хроническим эрозивным артритом и системным поражением внутренних органов) в [4], 43 – больные хронической обструктивной болезнью лёгких (ХОБЛ, характеризующейся не полностью обратимым ограничением воздушного потока в бронхо-легочной системе) [3]. Средний возраст обследованных – 59,2±14,4 лет.

В обеих выборках преобладает эго-синтонное отношение к телу, на долю которого в выборке ХОБЛ приходится 47%, в выборке РА – 42%. Средняя группа по отношению к телу больше в выборке РА (39%), чем в выборке ХОБЛ (17%). Больных с эго-дистонным отношением к телу в выборке ХОБЛ 36%, в выборке РА – лишь 19%.

В группе пациентов с РА выявлено повышение по суммарному показателю блока типов с интрапсихической направленностью конфликта в подгруппе «Эго-дистонное отношение к телу» по сравнению с подгруппой «Эго-синтонное отношение к телу», ($p=0,033$). В том числе, выявлены статистически значимые различия по типам отношения «Меланхолический» ($p=0,036$) и «Апатический» ($p=0,012$) между теми же подгруппами с преобладанием значений также в подгруппе «Эго-дистонное отношение к телу».

У пациентов с ХОБЛ в суммарной шкале блока типов с интрапсихической направленностью конфликта выявлены значимые различия: в подгруппе с «эго-дистонным отношением к телу» более высокие баллы, чем в подгруппе «эго-синтонное отношение к телу» ($p=0,032$). В группе пациентов с ХОБЛ по «Ипохондрическому типу» отношения к болезни обнаружено статистически значимое повышение показателей в подгруппе «Эго-дистонное отношение к телу» по сравнению с подгруппой «Эго-синтонное отношение к телу» ($p=0,013$).

Таким образом, чем эго-синтоннее пациент относится к своему телу, то есть чем больше принятия, понимания своего тела, тем статистически значимо меньше выражены у него дезадаптивные типы отношения к болезни с интрапсихической направленностью конфликта.

1. Вассерман Л.И., и др. Психологическая диагностика отношения к болезни. Пособие для врачей. СПб: НИПНИ им. Бехтерева, 2005. 31 с.
2. Волель Б.А. Небредовая ипохондрия при соматических, психических заболеваниях и расстройствах личности (психосоматические соотношения, психопатология, терапия): дис... докт. мед. наук / Б.А. Волель. М.: 2009. 448 с.
3. Глобальная стратегия диагностики, лечения и профилактики хронической обструктивной болезни лёгких (пересмотр 2014 г.) / Пер. с англ. под ред. А.С. Белевского. М.: Российское респираторное общество, 2014. 92 с.
4. Насонов Е.Л., Каратеев Д.Е. Клинические рекомендации по диагностике и лечению ревматоидного артрита // Ассоциация ревматологов России Общероссийская общественная организация. URL: <https://rheumatolog.ru/experts/klinicheskie-rekomendacii> 2013 (дата обращения: 28.01.2020).
5. Эткинд А.М. Цветовой тест отношений // Общия психодиагностика. Под ред. А.А. Бодалева, В.В. Столина. М., 1987. С. 221—228.

Тип рефлексии и отношение ко времени у взрослых с расстройствами аутистического спектра

Взрослые с РАС, тип рефлексии, временная перспектива

В мире около 2,2% взрослого населения имеют диагностированные расстройства аутистического спектра (РАС). Впервые этот диагноз ставят, как правило, в детстве. На детей, в основном, и направлены существующие программы помощи в адаптации. Взрослые люди с РАС, особенно интеллектуально сохранные, часто остаются без внимания и вынуждены справляться с повседневными сложностями самостоятельно.

Целью этой работы явилось изучение особенностей временной перспективы и типов рефлексии у взрослых с РАС. В исследовании приняли участие 175 человек от 18 до 51 года, из них 92 человека с РАС, среди которых 19 человек имели также диагноз «СДВГ». Изучались: выраженность симптомов РАС (Пересмотренная шкала Ритво для диагностики аутизма и синдрома Аспергера (RAADS-R)), особенности временной перспективы (опросник временной перспективы Зимбардо в адаптации А. Сырцовой), тип рефлексии (опросник «Дифференциальный тип рефлексии» (Д.А. Леонтьев и др.)) и уровень удовлетворенности жизнью (Опросник «Шкала удовлетворенности жизнью» (SWLS, Э. Динер) в адаптации Д.А. Леонтьева и Е.Н. Осина).

Подтверждено наличие особенностей временной перспективы у взрослых с РАС и их взаимосвязь с типами рефлексии. Взрослым с РАС менее свойственно позитивное отношение к своему прошлому, ($F=10,987$; $p=0,001$) и гедонистическое отношение к настоящему ($F=9,838$; $p=0,002$), что может быть связано с трудностями адаптации и социального взаимодействия, вызванными расстройством. Взрослые с РАС наиболее часто прибегают к использованию системной рефлексии, а также, чаще, чем представители контрольной группы, к интроспекции и квазирефлексии. При этом взрослые с РАС в сочетании с СДВГ менее склонны к интроспекции ($F=4,139$; $p=0,045$) – рефлексии, основанной на концентрации на внутренних переживаниях, что может быть связано с присущей им большей импульсивностью или трудностями концентрации внимания.

Интересным считаем результат, что респонденты контрольной группы, имеющие сложности в социальном взаимодействии, ограниченность интересов, социальную тревожность чаще испытывают затруднения в объективном рассмотрении ситуации с применением самодистанцирования (квазирефлексия) ($r=0,408$, $p0,01$), и прибегают к «самокопанию», сосредоточенности на своих переживаниях или избегании, отвлечении от реальности. При этом такие респонденты демонстрируют негативное отношение к своему прошлому ($r=0,359$, $p0,01$), его неприятие, считают невозможным оказывать влияние на жизнь в настоящем ($r=0,328$, $p0,01$), а также ощущают меньшую удовлетворенность жизнью ($r=-0,250$, $p0,05$). У людей с РАС системная рефлексия, позволяющая одновременно рассмотреть и внешние, и внутренние факторы существующей ситуации, подтверждая позитивное значение для социальной адаптации, взаимосвязана и с позитивным прошлым ($r=0,223$, $p0,05$) и с ориентацией на будущее ($r=0,321$, $p0,01$). Также поддерживать представление о позитивном прошлом как о наполненном приятным опытом им позволяет квазирефлексия – склонность к фантазированию и размышлению о ситуации в отрыве от реальности ($r=0,304$, $p0,05$).

Сравнение данных групп показало, что люди, одновременно имеющие РАС и СДВГ, имеют статистически значимо меньше трудностей социального взаимодействия ($F=7,008$; $p=0,010$), имеют менее выраженный уровень социальной тревожности ($F=4,819$; $p=0,031$) и более широкий спектр интересов ($F=5,311$; $p=0,023$), что позволяет предположить, что СДВГ компенсирует некоторые коммуникативные трудности, вызванные РАС.

Привлечение людей с РАС к изучению особенностей их психики уже на этапе исследований может способствовать лучшему пониманию себя и специфики собственного взаимодействия с другими. Полученные в ходе данного исследования данные могут помочь в разработке программ психологической поддержки людей с РАС в соответствии с их нейроотличным статусом для более успешной адаптации в обществе, в результате приводящей к улучшению качества жизни и более полной реализации личностного потенциала.

Проблема компенсаторных возможностей личности с когнитивным дефицитом в позднем возрасте

Синдром мягкого когнитивного снижения, поздний возраст, компенсаторные возможности, адаптация

Исследования последних лет подтвердили, что наряду с тенденцией старения населения, распространенность когнитивных нарушений различной степени выраженности значительно увеличивается в зависимости от возрастной когорты: в 60–64 года – 6,7%, в 65–69 лет – 8,4%, в 70–74 года – 10,1%, в 75–79 лет – 14,8% и в возрасте 80–84 лет – 25,2%. Синдром мягкого когнитивного снижения (МСИ) – это состояние, при котором у пожилых людей проявляется дефицитарность когнитивных функций наряду со снижением функциональной активности в повседневной жизни [1].

Одной из недостаточно разработанных на сегодня проблем является исследование компенсаторных (адаптивных) возможностей личности с синдромом МСИ, в позднем возрасте. Феномен адаптации – это «достижение оптимального соотношения организма и внешней среды за счет конструктивного поведения» (Посыпанов, 2002, с. 94). В западной литературе проблеме адаптации или «self-monitoring» исследовали Г. Олпорт, А. Бандура, М. Снайдер и др., в отечественной психологии А.Л. Журавлев, А.Г. Маклаков, Б.Д. Парыгин и др. [3].

Особенностью изучения данной проблемы является применение клинико-нейропсихологического подхода [1] для исследования когнитивных функций, а также методик, позволяющих определить адаптационные механизмы личности.

Когнитивная стимуляция в работе с пожилыми людьми с синдромом МСИ обладает «нейропротективным потенциалом», а также способствует сохранению и развитию «компенсаторных возможностей в психической деятельности» [4, с. 228].

В рамках биопсихосоциального подхода, исследование позволит оценить влияние нейрокогнитивной реабилитации [1] на улучшение компенсаторных возможностей у пожилых людей с синдромом МСИ и позволит разработать методы, повышающие адаптационный ресурс в позднем возрасте, для того чтобы пожилой человек с когнитивным дефицитом смог присваивать «...нормы, формы, уровни конкретно-исторической действительности и являясь носителем всех отношений и связей действительности...» [5, с. 11] сознательно переделывать её «соответственно своим целям и потребностям» [2, с. 173].

1. Костюк Г.П., и др. Синдром мягкого когнитивного снижения. М.: ГБУЗ г. Москва «ПКБ №1 им. Н.А. Алексеева ДЗМ», 2022. 174 с.
2. Мясницев В.Н. Психология отношений. Под ред. А.А. Бодалева. М.: Институт практической психологии, 1995. 356 с.
3. Посыпанов О.Г. Методика измерения социальной адаптивности личности // Материалы юбилейной науч. конф. ИП РАН "Современная психология. Состояние и перспективы исследований. Ч.2.". Под ред. А.Л. Журавлев. Москва, 2002. С. 93–112.
4. Роцина И.Ф. Пациенты с мягким когнитивным снижением в позднем возрасте – целевая группа для проведения когнитивной стимуляции // Материалы междунар. форума "Cognitive Neuroscience – 2021". Екатеринбург, 2022. С. 227–231.
5. Субъект действия, взаимодействия, познания (психологические, философские, социокультурные аспекты): монография. Отв. ред. Э.В. Сайко. Воронеж: МПСИ, 2001. 288 с.

Качество жизни женщин с раком молочной железы с разным объемом хирургического вмешательства

Онкопсихология, качество жизни, рак молочной железы

Рак молочной железы является наиболее частым видом рака среди женщин [2]. Операции, проводимые по поводу рака молочной железы, оказывают глубокое психотравмирующее воздействие на женщин, их образ тела и качество жизни [4]. Беспокойство, депрессия, гнев, чувство вины, страх, и социальная изоляция являются наиболее часто встречающимися проблемами после мастэктомии [4]. В этой связи, одним из факторов, определяющих выбор методов лечения, должна стать оценка связи объема хирургического вмешательства на дальнейшее послеоперационное качество жизни женщин, больных раком молочной железы. Многими исследованиями показано, что выполнение радикальной мастэктомии, органосохраняющих операций или мастэктомии с одномоментной реконструкцией молочной железы на ранних стадиях заболевания практически равнозначны по своему лечебному эффекту [3]. Именно поэтому актуальным становится вопрос о качестве жизни больных.

Цель исследования: изучить показатели качества жизни женщин с раком молочной железы с разным объемом хирургического вмешательства (секторальная резекция / мастэктомия). В исследовании приняли участие женщины с раком молочной железы (N=56) в возрасте от 45 до 82 лет (средний возраст 57,2), из них 28 женщин, которым была проведена мастэктомия, 28 женщинам – секторальная резекция (органосохраняющая операция). Опрос женщин был проведен в поздний послеоперационный период (по истечении одного года после проведения операции). В поздний послеоперационный период (до 2 лет) происходит социальная адаптация, стабилизация физического и психического состояния [1]. Тем самым показатели качества жизни в данный период имеют особую ценность и отражают более отдаленное во времени влияние мастэктомии и секторальной резекции на различные составляющие качества жизни. В качестве методики исследования выступил опросник качества жизни (SF-36) в адаптации К.Г. Гуревич, Е.Г. Фабрикант. В качестве метода математической статистики использовался t-критерий Стьюдента.

В результате проведенного исследования было обнаружено, что показатели физическое функционирование ($p=0,03$), жизненная активность ($p=0,04$), социальное функционирование ($p=0,01$), психическое здоровье ($p=0,05$) значимо выше у женщин, перенесших органосохраняющую операцию по поводу рака молочной железы. У женщин после мастэктомии (органосохраняющей операции) выше на уровне статистической тенденции показатель ролевого функционирования, обусловленного физическим состоянием ($p=0,08$).

Таким образом, качество жизни в поздний послеоперационный период пациентов, перенесших органосохраняющую операцию, страдает в меньшей степени по сравнению с пациентами после мастэктомии. Полученные данные могут выступить основой для формирования более полного и точного перечня критериев выбора метода лечения злокачественного новообразования, не приводящего к инвалидизации и снижению показателей качества жизни, а также основой для выбора метода психотерапевтической работы с женщинами с раком молочной железы.

1. Важенин А.В., и др. Рак молочной железы: роль психологической помощи в эффективности лечения // Сибирский онкологический журнал. 2021. № 20(6). С. 96–103.
2. Ferlay J., et al. Global Cancer Observatory: Cancer Today. 2020. Lyon, France: International Agency for Research on Cancer. – URL: <https://gco.iarc.fr/today> (дата обращения: 01.06.2023).
3. Kamińska M., et al. Life quality of women with breast cancer after mastectomy or breast conserving therapy treated with adjuvant chemotherapy // Annals of agricultural and environmental medicine. 2015. 22(4). P. 724–730.
4. Mustafa A., et al. Impact of Surgery Type on Quality of Life in Breast Cancer Patients // The Journal of Breast Health. 2014. № 10. P. 222–228.

Исследование выполнено при финансовой поддержке РФ (проект № 19-18-00426).

Психологические факторы первичного обращения к врачу среди пациентов с раком легкого

Онкопсихология, рак легкого, психологические факторы, позднее обращение

Онкологические заболевания являются одной из основных причин смерти, инвалидизации и ухудшения качества жизни людей во всем мире [1]. Диагностированное онкологическое заболевание на ранних стадиях характеризуется более высокими показателями безрецидивной и общей выживаемости. Обнаружение онкопатологии на ранних стадиях позволит снизить показатели смертности от рака.

Данное исследование посвящено изучению совокупности психологических факторов, определяющих момент первичного обращения к врачу (ранние или поздние стадии заболевания), среди пациентов с раком легкого. В структуре онкологической заболеваемости и смертности рак легкого занимает лидирующую позицию во всем мире. В исследовании приняло участие 126 человек с раком легкого разных стадий. В качестве методик исследования использовались: шкала базисных убеждений (адаптация М.А. Падун, А.В. Котельниковой); опросник уровня субъективного контроля (Е.Ф. Бажин, Е.А. Гольнкина, Л.М. Эткинд); тест жизнестойкости (адаптация Д.А. Леонтьева, Е.И. Рассказовой); опросник способов совладания (адаптация Т.Л. Крюковой, М.С. Замышляевой, Е.В. Куфтык); опросник качества жизни (SF-36, адаптация К.Г. Гуревич, Е.Г. Фабрикант). В качестве методов статистической обработки эмпирических данных: методы дескриптивной статистики, дискриминантный анализ.

С целью проверки гипотезы о существовании совокупности психологических факторов, определяющих момент первичного обращения к врачу (ранние или поздние стадии заболевания) был проведен дискриминантный анализ.

Результаты исследования свидетельствуют, что на распределение респондентов на группы с ранней и поздней диагностикой рака легких достоверно влияют такие психологические характеристики как копинг-стратегия «Конфронтация» ($\lambda=0,396$, $F=9,156$, $p=0,001$), интенсивность боли, как показатель качества жизни ($\lambda=0,528$, $F=8,496$, $p=0,002$), и локус контроля в сфере межличностных отношений ($\lambda=0,692$, $F=8,907$, $p=0,007$). Полученная дискриминантная функция, информативна и объясняет 100% дисперсии, а также при значении $\lambda=0,396$ и статистической значимости $p=0,001$, указывает на то, что набор дискриминантных переменных обладает высокой дискриминативной способностью.

Пациенты с диагностированным злокачественным новообразованием на поздних стадиях чаще используют конфронтацию как стратегию совладания. Такой стиль поведения проявляется в агрессивных усилиях субъекта по изменению ситуации, предполагает определенную степень враждебности. Так, конфронтация не способствует продуктивному совладанию и, как следствие, своевременному обращению за медицинской помощью.

Многочисленными исследованиями показано, что для людей с интернальным локусом контроля характерна высокая когнитивная активность, эффективное преодоление стрессов, высокий уровень социальной адаптации, что обуславливает обращение к врачу на ранних стадиях заболевания.

Интенсивность боли, которую испытывает онкобольной с раком легких, значительно ограничивает его активность и влияет на способность выполнять повседневную деятельность, решать текущие задачи. Также учитывая крайне экстернальный локус контроля в сфере межличностных отношений, можно предположить, что пациенты, испытывающие хроническую боль неспособны обратиться к близкому окружению за помощью.

Таким образом, анализ различий больных раком легких на ранних и поздних стадиях заболевания демонстрирует ряд особенностей. Данные о личностных детерминантах выступают научным основанием для использования субъективных психологических факторов, наряду с медицинской практикой, в работе с онкобольными для профилактики заболеваний злокачественными новообразованиями.

1. Ferlay J., et al. *Global Cancer Observatory: Cancer Today*. 2020. Lyon, France: International Agency for Research on Cancer. URL: <https://gco.iarc.fr/today> (дата обращения: 01.06.2023).

Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФ (проект № 21-18-00434).

Когнитивные убеждения женщин с терминальной стадией рака молочной железы при различном течении болезни

Рак молочной железы, течение болезни, когнитивные убеждения, терминальная стадия

Терминальной стадией рака, или IV стадией онкологического заболевания в онкологии признается стадия с отдаленными метастазами, которая, как правило, плохо поддается лечению и приводит к неблагоприятному прогнозу. Стадию заболевания устанавливают при первичном обращении за медицинской помощью, и в дальнейшем ее не пересматривают. Выживаемость и прогноз течения рассчитывают именно по стадии, которая диагностирована изначально. Несмотря на то, что терминальная стадия связана с неблагоприятным прогнозом, в онкологической практике имеются многочисленные примеры наступления ремиссии или стабилизации у больных. Факторами наступления благоприятного прогноза могут быть, во-первых, эффекты лечения и ответ организма больного на него, во-вторых, социально-демографические детерминанты, а также психологические особенности личности. Целью данного исследования является изучение когнитивных убеждений женщин с терминальной стадией рака молочной железы при различном течении болезни.

В качестве методов изучения когнитивных убеждений участниц исследования использовались опросные методы, в частности такие психодиагностические методики как Шкала Базисных убеждений (адаптация М. А. Падун, А. В. Котельниковой); методика Уровня субъективного контроля (Е. Ф. Бажин, Е. А. Голынкина, Л. М. Эткин); Тест жизнестойкости S. Maddi, в адаптации Д. А. Леонтьева, Е. И. Рассказовой; Тест жизненной ориентации (Scheier M. F., Carver C. S, адаптация Циринг Д. А., Эвниной К. Ю.) [1]. Данная психодиагностическая батарея направлена на изучение когнитивных убеждений личности. В исследовании приняли участие женщины с верифицированным диагнозом – рак молочной железы на терминальной (IV) стадии (N=50), возрастной диапазон участниц составил от 24 до 80 лет, средний возраст – 56,9 лет. Кроме того, при анализе медицинских документов участниц исследования установлено, что у 20 женщин (38,5%) благоприятное течение болезни (ремиссия, стабилизация), тогда как у 32 женщин (61,6%) – неблагоприятное (прогрессирование, рецидив, генерализация, второй рак). С целью определения когнитивных характеристик, классифицирующих женщин терминальной стадии на подгруппы с благоприятным и неблагоприятным течением, нами использовался дискриминантный анализ.

Из данных, полученных в результате дискриминантного анализа, следует, что интернальность в сфере здоровья и болезни, а также жизнестойкость выступают когнитивными характеристиками, влияющими на распределение женщин по характеру течения болезни ($\lambda=0,818$, $p=0,009$). Так, наибольший вклад вносит интернальность в сфере здоровья и болезни, причем у обеих подгрупп женщин данный показатель субъективного контроля свидетельствует об экстернальности, то есть женщины на терминальной стадии рака молочной железы, считают здоровье и болезнь результатом случая и убеждены, что выздоровление придет в результате действий других людей, прежде всего врачей. Однако женщины с благоприятным течением болезни отличаются большей экстернальностью данного показателя ($M=-2$), чем женщины с неблагоприятным течением ($M=0,41$). Возможно, это влияет на их приверженность лечению, неукоснительное соблюдение требований врачей. Жизнестойкость как система убеждений, опосредующая действие стрессогенных факторов, также может влиять на течение болезни: у женщин с раком молочной железы на терминальной стадии с благоприятным течением показатель жизнестойкости достигает уровня выше среднего ($M=84,8$), тогда как у женщин с неблагоприятным течением – ниже среднего ($M=77,7$).

Таким образом, в исследовании определены когнитивные характеристики – убеждения женщин на терминальной стадии рака молочной железы, которые могут быть связаны с прогнозом болезни: благоприятным/неблагоприятным течением. Важно обратить внимание практических психологов на данные результаты, осуществляющих психологическое сопровождение онкобольных, с целью осуществления психологических интервенций, направленных на повышение вероятности наступления благоприятного исхода онкологического заболевания.

1. Циринг Д.А., Эвнина К.Ю. Вопросы диагностики оптимизма и пессимизма в контексте теории диспозиционного оптимизма // Психологические исследования, Т. 6, № 31, 2013, с. 6.

Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФ (проект № 19-18-00426П).

Психологические предикторы отсрочки обращения за лечением по поводу рака кишечника

Рак кишечника, отсрочка лечения, психологические предикторы

Своевременное обращение за медицинской помощью при раке кишечника обеспечивает оптимальный выбор методов лечения, благоприятный прогноз течения болезни и выживаемость. Чем больше отсрочка в постановке диагноза и начале лечения, тем менее оптимистичный прогноз течения болезни, радикальнее методы лечения, и больше вероятность наступления последствий, связанных со снижением качества жизни онкологических больных.

Цель исследования – выявить психологические предикторы у больных раком кишечника, связанные с ранним и поздним обращением за медицинской помощью. В исследовании приняли участие респонденты с раком кишечника (N=68), впервые обратившиеся к врачу на различных стадиях заболевания, являющиеся пациентами ГБУЗ «Челябинский областной клинический центр онкологии и ядерной медицины», г. Челябинск, Россия. Возрастной диапазон от 53 до 85 лет. Среди участников исследования мужчин – 29, женщин – 39. Средний возраст – 68,17 год. По стадиям заболевания участники распределились следующим образом: ранние стадии (I, II) – 37чел. (45,7%), поздние стадии (III, IV) – 31чел. (38,3%). Таким образом, обращение за медицинской помощью на поздних стадиях заболевания имеет высокую вероятность.

Совокупность психологических предикторов, определяющих позднее обращение больных раком кишечника за медицинской помощью, устанавливалась с помощью дискриминантного анализа (пошаговый метод). В качестве дискриминантных переменных использовались: когнитивные особенности, системные личностные характеристики, прогностические показатели продолжительности жизни. Результаты дискриминантного анализа свидетельствуют, что на распределение респондентов на группы с ранней и поздней диагностикой рака кишечника достоверно влияет такая психологическая характеристика как копинг-стратегия Конфронтация ($\lambda=0,852$, $p=0,002$).

Обращая внимание на средние значения данного предиктора, можно констатировать, что участники исследования, обратившиеся за медицинской помощью на поздних стадиях заболевания, чаще используют неконструктивную стратегию совладающего поведения – Конфронтацию (M=9,5), чем те, кто обратился на ранних стадиях рака кишечника (M=7,1). Такой стиль совладания может проявляться в агрессивных усилиях субъекта по изменению ситуации, разрешения проблемы за счет не всегда целенаправленной поведенческой активности. Участники исследования, использующие стратегию конфронтации могут проявлять высокую конфликтность, недостаточную целенаправленность и рациональность в поведении, что не способствует продуктивному совладанию и как следствие своевременному обращению за медицинской помощью.

Итак, своевременное первоначальное медицинское обследование с целью установления диагноза и начала противоопухолевого лечения, становится мерой, обеспечивающей благоприятное течение болезни и выживаемость. В исследовании установлены психологические предикторы, которые указывают на пациентов, склонных к отсрочке обращения за медицинским лечением по поводу рака кишечника.

Исследование выполнено при финансовой поддержке РНФ (проект № 21-18-00434).

Связь социальной тревоги с толерантностью к неопределенности и локусом субъективного контроля у вынужденных мигрантов (на примере российской выборки)

Социальная тревога, вынужденная миграция, адаптация мигрантов

С каждым годом миграция приобретает все большие масштабы, и на данный момент, согласно статистике ВОЗ, численность мигрантов охватывает примерно 1/8 мирового населения [1]. При этом вынужденные мигранты, число которых также в этом году достигло рекордных значений, находятся в особенно уязвимом положении и могут представлять собой группу риска для возникновения тревожных переживаний [2]. Так как один из сильных стрессоров при аккультурации – это абсолютно новый социальный контекст, можно предположить развитие именно социальной тревоги у эмигрантов. Исходя из этих предположений, представляется важным изучить социальную тревогу в контексте социально-психологической адаптации вынужденных мигрантов.

Целью исследования было изучить связь социальной тревоги с толерантностью к неопределенности и локусом субъективного контроля. Исследование проводилось в онлайн-формате, респонденты были набраны через объявления в социальных сетях. В качестве методов исследования использовались анкетный опрос, Опросник социальной тревоги и социофобии О.А. Сагалаковой, Опросник “Уровень субъективного контроля”, Новый опросник толерантности к неопределенности Т.В. Корниловой, Шкала воспринимаемого стресса, Уровень социальной фрустрированности. Для анализа данных применялись описательные статистики, анализ нормальности распределения по критериям Шапиро-Уилка и Колмогорова-Смирнова, непараметрические критерии Спирмена и Краскела-Уолиса.

В исследование принимали участие российские мигранты, эмигрировавшие после 2022 года и субъективно оценивающие свою эмиграцию как вынужденную. Выборку составило 85 человек в возрасте от 19 до 52 лет. Важно отметить, что большая часть выборки – это мигранты в страны ближнего зарубежья, что обуславливает некоторую специфичность выборки.

Согласно полученным данным, уровень тревоги 14,1% респондентов соответствует показателям клинически выраженной социофобии, 15,3% имеют высокий уровень социальной тревоги, 34,1% повышенный, а средний и низкий уровни наблюдаются у 14,1% и 7,1% респондентов соответственно.

В результате исследования были выявлены следующие статистически значимые взаимосвязи:

1. Была обнаружена обратная взаимосвязь между выраженностью социальной тревоги и уровнем общей интернальности а также интернальностью в сфере межличностных отношений;
2. Взаимосвязи между проявлением социальной тревоги и общим показателем толерантности к неопределенности обнаружено не было, однако была выявлена прямая связь между уровнем социальной тревоги и показателем межличностной интолерантности к неопределенности;
3. Была обнаружена прямая взаимосвязь между выраженностью социальной тревоги и уровнем социальной фрустрированности;
4. Прямая взаимосвязь также наблюдается между выраженностью социальной тревоги и уровнем воспринимаемого стресса.

Обобщая полученные результаты, можно сказать, что вынужденные мигранты, с экстернальным локусом контроля, тяжело переносящие неопределенность в межличностных отношениях, более подвержены социально обусловленным тревожным переживаниям. В свою очередь, мигранты с повышенным уровнем социальной тревоги испытывают большее нервно-психическое напряжение и неудовлетворенность своим положением в обществе.

Полученные данные могут учитываться различными специалистами при работе с мигрантами и выявления среди вынужденных мигрантов потенциальных групп риска, наиболее подверженных воздействию различных стрессоров.

1. Всемирная организация здравоохранения. Здоровье беженцев и мигрантов. – URL: <https://www.who.int/ru/news-room/fact-sheets/detail/refugee-and-migrant-health> (дата обращения: 02.05.2023).
2. More than 100 million people are forcibly displaced // ООН. 2022. – URL: <https://www.unhcr.org/refugee-statistics/insights/explainers/100-million-forcibly-displaced.html> (дата обращения: 21.04.2023).

Особенности пищевого поведения и его компонентов у девушек с опытом психологического насилия в подростковом возрасте

Пищевое поведение, образ тела, эмоциональное насилие, буллинг

Подростковый возраст — кризисный этап развития личности, когда происходящие с ребенком события накладывают отпечаток на оставшуюся жизнь. Буллинг в школе — распространенный вид психологического насилия, характеризующийся травлей в сторону поведения и внешности [3]. Пищевое поведение в норме рассматривается как реакция на удовлетворение биологических (голод), эстетических (вид пищи) и социальных (общение и др.) потребностей. При нарушении реакций на пищу развиваются расстройства пищевого поведения или аддиктивный тип ПП [2]. В области изучения пищевого поведения недостаточно данных о взаимосвязи психологического насилия в подростковом возрасте и пищевых паттернов в юношеском возрасте, что подтверждает актуальность исследования.

Цель исследования — изучение особенностей пищевого поведения и его компонентов у девушек с опытом психологического насилия в подростковом возрасте. Для достижения цели были использованы авторская анкета и стандартизированные методики: опросник ICAS-T-R; шкала оценки пищевого поведения (EDI); опросник мыслей и паттернов поведения (TBQ); опросник образа собственного тела (ООСТ).

В исследовании приняли участие 73 девушки от 18 до 24 лет, из которых были отобраны 68, набравшие от 1 до 5 баллов по шкале «эмоциональное насилие» по методике ICAS-T-R. Было уточнено наличие других видов насилия: 38 девушек указали наличие признаков физического насилия, 12 сексуального. Отмечено, что проживают в большом городе 17 девушек, 42 в маленьком, 9 в деревне/поселке. Кроме того, студентками ВУЗа являются 42 девушки, колледжа 6, работают 20, 18 совмещают работу и обучение. Исследуемые были разделены на 3 группы по показателю индекса массы тела (ИМТ) согласно ВОЗ: 12 с дефицитной массой тела (ИМТ<18,5); 35 с нормальной массой тела (ИМТ 18,5-24,9), 21 с избыточной массой тела (ИМТ>25).

Причиной буллинга девушки считали особенности конституции тела (41), внешность (9), дефекты кожи/тела (2), случайный выбор на роль жертвы (13).

У девушек с низким ИМТ поведение, связанное с пищей (коллекционирование рецептов, поиск информации о ПП) взаимосвязаны с переяданием и очищением ($r=0,672$; $p\leq 0,05$). Это свидетельствует о том, что физический голод утоляется «созерцанием» пищи, осуществляется стимуляция, связанная с едой, что приводит к переяданию. Данные показатели могут обуславливаться тенденцией к развитию проявлений течения анорексии, что подтверждается в других исследованиях [1].

В группе девушек с нормальным ИМТ чувство общей неадекватности связано с позитивными ($r=0,393$; $p\leq 0,05$) и негативными мыслями ($r=0,391$; $p\leq 0,05$). Это обусловлено отсутствием чувства контроля, ПП носит нестабильный характер. Снижение контроля ведет к появлению позволяющих мыслей, вероятность переяданий и последующих очищений возрастает ($r=0,429$; $p\leq 0,05$). Девушки склонны к контролю за питанием, выбирая стандарты, которым стремятся соответствовать ($r=0,383$; $p\leq 0,05$).

Девушкам с высоким ИМТ свойственно переядание вследствие преобладания эмоциогенного пищевого поведения в ответ на негативные триггеры ($r=0,507$; $p\leq 0,05$). Позволяющие мысли взаимосвязаны со стремлением к худобе ($r=0,704$; $p\leq 0,01$) и «булимическими атаками» ($r=0,637$; $p\leq 0,01$), что свидетельствует о выраженном колебательном состоянии «диета-срыв», и связано с высокими требованиями в отношении достижения «привлекательной» внешности ($r=0,621$; $p\leq 0,01$).

Таким образом, у девушек с низким ИМТ выражено «поведение, связанное с пищей», девушки с нормой ИМТ склонны к большему контролю за пищевым поведением, девушки с высоким ИМТ имеют больше позволяющих мыслей, которые ведут к переяданию.

1. Демешкина Л.В., и др. Нервная анорексия: обзор и клинический случай // *Гастроэнтерология*. 2015. № 3. С. 59-65.
2. Константинова Ю.О., Зеленская М.В. Особенности нарушений пищевого поведения в подростковом возрасте // *Коллекция гуманитарных исследований*. 2018. № 6 (15). С. 49-61.
3. Чекина Л.Ф., Оболенская Ю.Н. Предикторы школьного буллинга // *Управление образованием: теория и практика*. 2021. № 3. С. 257-266.

Родственники 1-ой степени родства пациентов с болезнью Альцгеймера: результаты клинического и нейропсихологического исследования

Родственники пациентов с болезнью Альцгеймера, катамнез, клиническая оценка, нейропсихологическое исследование

Исследования последних лет показали, что у кровных родственников пациентов с болезнью Альцгеймера (БА) имеет место недостаточность вербальных функций, памяти и статистически значимо более низкие показатели по шкале MMSE по сравнению с группой контроля [1,2,3].

Исследуемая группа: 236 родственников 1 степени родства больных БА (80 м., 156 ж.), 208 чел. – дети пробандов, 28 чел. – братья и сестры (средний возраст – $48,3 \pm 13,1$ г.). Контрольная группа: 74 чел. (25 м., 49 ж.), не имевших среди родственников пациентов с БА (средний возраст – $51,2 \pm 11,9$ г.). Методы: клиничко-психопатологический, катамнестический (6 лет), нейропсихологический, психометрический, МРТ-исследование головного мозга, молекулярно-генетический и статистический метод.

Существенным различием между группой родственников и группой контроля оказалось носительство эpsilon 4 аллеля ApoE гена, которое было значимо выше (41,9%) у родственников, чем в контрольной группе (23,0%). За период 6-летнего катамнеза синдром MCI развился у 28 родственников (11,9%) – у 15 детей (46,4%) и 13 братьев и сестер (53,6%). В анамнезе родственников отмечались признаки когнитивной конституциональной недостаточности (трудности усвоения точных предметов в школе, трудности запоминая цифровой информации, имен, фамилий и лиц, пространственной ориентировки, запоминания лиц, усвоения мануальных навыков, снижение концентрации внимания). Наиболее частыми и значимо ($p < 0,05$) отличавшимися от группы контроля были низкий уровень успеваемости в школе, трудности усвоения цифровой информации, трудности пространственной ориентировки, усвоения мануальных навыков и снижение концентрации внимания. Объективно подтвержденные жалобы на когнитивную сферу у родственников при первичном обследовании отмечены у 42 чел. (17,8%). 35 чел. (14,8%) жаловались на ослабление концентрации внимания, 15 чел. (6,4%) – на затруднения припоминания событий отдаленного прошлого. Реакции дезадаптации в виде астенических, тревожных, депрессивных, тревожно-депрессивных, ипохондрических и фобических расстройств (в том числе альцгеймерофобия) при первичном обследовании отмечались у 94 чел. (39,8%). При катамнестическом обследовании их доля возросла до 66,5% (157 чел.). Показана значимая ассоциация личностных акцентуаций с чертами раздражительности (32,6%) и тревожной мнительности (28,4%) с объективно подтвержденным когнитивным ухудшением за период катамнеза и с генотипом ApoE4(+). При катамнестическом обследовании число лиц с объективно подтвержденными жалобами на когнитивное функционирование возросло до 68 чел. (28,8%). Ослабление концентрации внимания отмечали 64 родственника (27,1%), затруднения припоминания событий отдаленного прошлого – 55 чел. (23,3%). Как при первичном, так и при катамнестическом обследовании у детей установлена значимая ассоциация когнитивных жалоб с ApoE4(+) генотипом. Нейропсихологическое обследование через 6 лет показало, что у 131 родственника не наблюдалось изменений (ухудшения) в когнитивной сфере, в то время как у 105 отмечалось значимое ухудшение пространственной организации праксиса, оптико-пространственной деятельности, зрительной и слухоречевой памяти, произвольной регуляции деятельности. Обнаружено значимое усиление тормозимости следов при отсроченном воспроизведении вербальных стимулов, снижение номинативной функции речи, значимые различия при выполнении проб на кинетическую организацию праксиса, а также снижение нейродинамических параметров психической активности.

Указанные когнитивные, личностные и генетические особенности родственников 1-ой степени родства больных БА могут рассматриваться прогностически значимыми для появления и/или прогрессирования у них когнитивного дефицита. Для стабилизации и повышения адаптационных возможностей родственников пациентов БА должна проводиться комплексная медикаментозная, психокоррекционная и психотерапевтическая работа.

1. Backman L., et al. Cognitive impairment in preclinical Alzheimer's disease: a meta-analysis // *Neuropsychology*. 2005. 19. 520-531.
2. Elias M.F., et al. The preclinical phase of Alzheimer disease: a 22-year prospective study of the Framingham Cohort. // *Arch Neurol*. 2000. 57. 808-813.
3. Snowdon D.A., et al. Linguistic ability in early life and cognitive function and Alzheimer's disease in late life findings from the Nun Study // *JAMA*. 1996. 275. 528-532.

Социально-психологические установки взрослых «пациентов» и «не пациентов» в отношении социально-значимых заболеваний

Социально-значимые заболевания, опыт болезни, психологические установки

В настоящее время наблюдается высокий уровень заболеваемости среди определенных групп населения – здесь играют роль и неблагоприятные условия жизни, и повышенные нагрузки, а также редкое и несвоевременное обращение за медицинской помощью. При недостаточной или неверно осуществляемой медико-профилактической работе с населением, у людей формируется неправильные представления о сущности, возникновении и течении социально значимых заболеваний, отмечается недостаток знаний о них, что влечет за собой формирование установок, не подкрепленных научно. Эти установки, в свою очередь, влияют на поведение человека в процессе лечения и реабилитации: способность осознать и принимать тяжесть заболевания и содействовать лечебному процессу, правильно выстраивать отношения с врачом, следовать его рекомендациям и делать правильные выводы на основании опыта болезни.

Замысел настоящего исследования состоял в репликации многоцентрового исследования (Германия, Россия, Турция), сделанного в 2001-2003 гг. [1, 2, 3]. Реконструкция классических, резонансных исследований в современном научном поиске дает возможность проследить особенности развития конкретных психологических и клиничко-психологических явлений в современных условиях.

Методологическими основаниями работы послужили принципы отечественной психологии о единстве сознания и деятельности в психическом отражении в их приложении к проблемному полю клинической психологии, а также положения психологии здоровья.

В работе использовались методики вышеприведенного многоцентрового исследования: модифицированные опросники «Личностные причинные атрибуции в связи с болезнью», а также «Специфические для заболевания локусы контроля» [1, 2, 3].

Результаты проведенного нами исследования на выборке в 207 человек в возрасте от 18 до 74 лет свидетельствуют о том, что фаталистические факторы, а также «магическое мышление» по-прежнему играют значимую роль в установках «пациентов» и «не пациентов» на предмет социально значимых заболеваний. Опыт собственной болезни оказывает неоднозначное влияние на представления о ней. Люди с онкологическим заболеванием указывают как на объективные, социальные и внутренние факторы, так и на фаталистические, а также факторы, связанные с магическим мышлением. Люди, у которых есть близкие, пережившие инфаркт миокарда, указывают на объективные, социальные и внутренние факторы. Наличие высшего образования значимо не влияет на установки «пациентов» и «не пациентов» относительно социально значимых заболеваний. Однако, в случае таких заболеваний как инфаркт миокарда и COVID-19 участники отдавали значительное предпочтение внутренним и социальным факторам.

Представленные результаты указывают на необходимость коррекции магического мышления, развития навыков распознавания необходимости реального медицинского лечения и обращения к компетентным специалистам. Следует также усилить медико-просветительский сегмент в работе с населением. При проведении такого рода мероприятий следует формировать группы так, чтобы в них присутствовали люди разных возрастов, разного пола и с разным опытом заболевания.

1. Kirkcaldy B.D., et al. A comparison of general and illness-related locus of control in Russians, ethnic German migrants and Germans // *Psychology, health & medicine*. 2007. T. 12. №. 3. P. 364–379.
2. Mezzich J.E. An empirical prototypical approach to the definition of psychiatric illness // *British Journal of Psychiatry*. 1989. P. 42–46.
3. Wittig U., et al. Complaints and health care system utilisation of ethnic German migrants from the former Soviet Union to Germany and their families // *Gesundheitswesen (Bundesverband der Ärzte des Öffentlichen Gesundheitsdienstes (Germany))*. 2004. Vol. 66. №. 2. P. 85–92.

Особенности когнитивной регуляции эмоций и психологического благополучия у женщин с раком молочной железы

Когнитивная регуляция эмоций, субъективное благополучие, представления о любви, восприятие угрозы болезни

А.М. Беляев отмечает, что качество жизни является важнейшим критерием при реабилитации онкологических больных [1]. Рак молочной железы (РМЖ) лечится в основном хирургическим путем, что само по себе может являться психологически травмирующей ситуацией. У онкологических больных отмечается страх перед болезнью, возникновение угрозы жизни, крушение жизненных планов, для женщин с РМЖ заболевание ведет к сильным эмоциональным переживаниям, связанным с утратой женственности [1]. В более ранних исследованиях было выявлено, что использование таких стратегий когнитивной регуляции эмоций как руминации и катастрофизации обнаруживают значимые связи с усилением негативных оценок эмоционального состояния [2]. При наличии фиброаденом также проводится хирургическое лечение, но само заболевание не несет угрозы жизни для пациентов. Важно понять, что могло бы выступить в качестве психологического ресурса для пациентов. Любовь – огромный ресурс в жизни человека, позволяющий находить различные смыслы в жизни и справляться со сложными жизненными ситуациями. Мы выдвинули предположение о том, что психологическая реальность женщин с разными заболеваниями будет отличаться. В качестве основных феноменов нашего исследования мы остановились на изучении восприятия угрозы болезни (Краткий опросник восприятия болезни Е. Бродбент (адаптация Ялтонский В.М., Ялтонская А.В., Сирота Н.А., Московченко Д.В., 2017)), субъективного благополучия (Методика диагностики субъективного благополучия личности (в адаптации Шамянова Р.М., Бесковой Т.В., 2018)), а также когнитивной регуляции эмоций («Опросник когнитивной регуляции эмоций» (ОКРЭ) Н. Гарнефски и В. Крайи (в адаптации Рассказовой Е.И., Леоновой А.Б., Плужникова И.В., 2014)) и представления о любви («Опросника представлений о любви» (И.А. Джидарьян, Е.В. Беловол, О.В. Масловой, 2014)). Были выдвинуты гипотезы о том, что для женщин с РМЖ будут более характерны дезадаптивные стратегии когнитивной регуляции эмоций, более низкие показатели субъективного благополучия и более выраженное представление о любви как самоотдаче при более выраженным восприятием угрозы болезни по сравнению с женщинами с фиброаденомами.

В выборку исследования вошли 61 женщина (средний возраст 40,26 лет, $n=10,46$): с раком молочной железы 1 и 2 стадии 36 человек (средний возраст 46,06 лет, $n=6,24$) и 25 женщин (средний возраст 31,2 года, $n=8,49$) с фиброаденомой молочной железы ранее не проходившие лечения по поводу своего заболевания. С помощью U-критерия Манна-Уитни было выявлено, что различий по интегральному показателю восприятия угрозы болезни и параметрам субъективного благополучия нет. Было выявлено, что у женщин с РМЖ значимо более выражены такие «эффективные» стратегии когнитивной регуляции эмоций как «позитивная перефокусировка» ($p=0,040$) и «рассмотрение в перспективе» ($p=0,044$). Для женщин с РМЖ характерны более выраженные переживания любви как возвышающей силы ($p=0,034$) и как самоотдачи ($p=0,008$) по сравнению с женщинами с фиброаденомами.

Можно сделать вывод о том, что женщины с РМЖ проявляют больше адаптивных стратегий когнитивной регуляции эмоций, а их субъективное благополучие фактически не отличается от женщин с фиброаденомой, заболевание которых не несет угрозы для жизни, при этом обе группы одинаково воспринимают угрозу болезни для жизни. Переживания любви оказались более выраженными у женщин с РМЖ, что позволяет ее рассматривать как ресурс для дальнейшей работы и психологической помощи.

1. *Онкопсихология для врачей-онкологов и медицинских психологов. Руководство. Ред. А.М. Беляев, и др. СПб: Любавич, 2017. 352 с.*
2. *Рассказова Е.И., Леонова А.Б., Плужников И.В. Разработка русскоязычной версии опросника когнитивной регуляции эмоций // Вестник психологии. Сер. 14. Психология. 2011. № 4. С. 161-179.*

Темперамент и уровень эмпатии студентов-медиков

Личность студента-медика, темперамент, эмпатия, коммуникативные навыки

Деятельность врача подразумевает постоянное социальное взаимодействие, предъявляет высокие требования к коммуникативной компетентности, эмоциональной стабильности врачей, подверженных стрессу. Способность к сопереживанию, диалогу являются важнейшими качествами врача, в процессе обучения в университете студентам необходимо формировать коммуникативные навыки, навык проявления эмпатии является ключевым. Индивидуально-психологические особенности личности студента и уровень развития эмпатии оказывают влияние на качество и динамику формирования компетенций в процессе подготовки будущего врача [1, 2].

Целью исследования было определить уровни развития эмпатии и соотнести их со свойствами темперамента студентов медицинского вуза.

Для изучения свойств темперамента использована методика В.М. Русалова. Уровень эмпатии студентов определен по тесту В.В. Бойко. Используются методы математической статистики (вычисление первичных статистик, определение достоверности различий по t-критерию Стьюдента). Испытуемыми выступили студенты 1 курса лечебного и медико-профилактического факультетов, 79 человек. Они характеризуются следующими показателями темперамента: предметная эргичность $M=6$; социальная эргичность $M=7$; предметная пластичность $M=8$; социальная пластичность $M=5$; темп, или скорость $M=7$; социальный темп $M=8$; эмоциональность $M=7$, социальная эмоциональность $M=8$. Среди студентов преобладают холерики – 41%, 30% сангвиники, 15% студентов являются меланхоликами, 13% студентов – флегматики. У большинства студентов-медиков первого курса (79%) уровень эмпатии определяется, как «очень низкий» ($M=7$). У 21% студентов выявлен низкий уровень эмпатии ($M=12,4$). Различия в уровне эмпатии (при $p \leq 0,05$) могут быть связаны с различием показателей свойств структуры темперамента. У студентов с относительно более высоким уровнем эмпатии, показатели свойств темперамента отличаются более высокой предметной эргичностью ($M=8$) и темпом ($M=8$); более низкими показателями социальной эргичности ($M=6$); социальной пластичности ($M=4$); социального темпа ($M=6$) и социальной эмоциональности ($M=7$). Очень низкая эмпатия сопровождается более низкими показателями эмоциональности ($M=6$) и социальной эмоциональности ($M=7$).

В условиях получения медицинского образования важно учитывать свойства темперамента студентов, они откладывают отпечаток на все стороны личности, определяют её эмоциональность и поведение, а также способны обусловить психолого-педагогические технологии формирования как коммуникативной компетентности в общем, так и эмпатических способностей, в частности. Эмпатия, как способность воспринимать внутренний мир переживаний другого человека, является важнейшей составляющей во врачебной коммуникации. По результатам исследования, большинству испытуемых студентов характерен холерический и сангвинический типы темперамента, которым присущи такие черты как экстраверсия, высокая эмоциональность, импульсивность, энергичность, подвижность. Результаты свидетельствуют о проблеме не развитой эмпатии студентов-медиков 1 курса и важности включения в образовательные программы медицинских специальностей дисциплины «Коммуникативные навыки врача». Обнаруженная в исследовании взаимосвязь (на уровне тенденции) свойств темперамента и уровня эмпатии нуждается в проверке и подтверждении на более представительной выборке испытуемых в лонгитудинальном исследовании. Одним из направлений будущих исследований может стать оценка уровневой динамики и структурной изменчивости эмпатических способностей студентов в процессе освоения навыка проявления эмпатии при прохождении дисциплины «Коммуникативные навыки врача».

1. Ветлужская М.В., и др. Особенности эмоционального интеллекта и эмпатических способностей у студентов медицинского ВУЗа // ИТС. 2019. Т. 23. № 3 (96). С. 404-422.
2. Кубекова А.С., Сергеева М.А. Связь эмпатии и личностных свойств у студентов медицинского университета // Мир науки. Педагогика и психология. 2022. Т. 10. № 3. С. 39.

Динамика зрительно-пространственного поиска у пациентов с синдромом неглекта при использовании реабилитационного тренинга

Синдром неглекта, зрительно-пространственный поиск, реабилитационный тренинг, теория планомерно-поэтапного формирования умственных действий

Синдром неглекта (СН) является уникальным психоневрологическим феноменом, проявляющимся в неспособности реагировать на раздражители, расположенные на противоположной пораженному полушарию стороне пространства. Реабилитационные мероприятия по преодолению СН представляют особую сложность, т.к. нарушение включает в себя анозогнозию. Работа с пациентами с СН включает обучение различным стратегиям зрительно-пространственного поиска и этап психообразования для осознания дефекта пациентом. Одним из путей реабилитационного процесса выступает немедикаментозный путь, ярким примером которого предстает реабилитационный тренинг.

Цель исследования: разработка, реализация специализированного реабилитационного тренинга, направленного на преодоление СН, и изучение его влияния на возможные изменения динамики зрительно-пространственного поиска у пациентов с СН. Методы исследования: 1. Нейропсихологическая диагностика с применением методик А.Р. Лурии; Trail Making Test и Bells Test; авторских методик «Пазлы» и «Красные фигуры». 2. Количественный и качественный анализ результатов эмпирического исследования; психометрический метод. I этап исследования: оценка зрительно-пространственного поиска у пациентов с СН с применением авторских диагностических методик «Пазлы» и «Красные фигуры». Их чувствительность к СН была доказана с помощью U-критерия Манна-Уитни ($p \leq 0,05$) и коэффициента корреляции Спирмена ($p \leq 0,05$). II этап: разработка и реализация специализированного реабилитационного тренинга, оценка его влияния на изменение динамики зрительно-пространственного поиска у пациентов с СН в сравнении с двумя контрольными группами. Одна из них принимала участие в неспециализированном реабилитационном тренинге, вторая – не участвовала в реабилитационных программах вовсе.

Теоретическая основа тренинга представлена теорией планомерно-поэтапного формирования умственных действий П.Я. Гальперина [1], холистическим подходом к реабилитации И. Бен-Йишай [2] и стратегией «Маяк» [3]. Объективными показателями являются количество поворотов головы влево, общая зрительная активность пациента, результативность выполнения и время, затраченное на выполнение методики.

Исследование проводилось на базе ФГБУ «НМХЦ имени Н.И. Пирогова» (г. Москва) в отделении медицинской реабилитации. В нем приняли участие 83 пациента с неврологическими нарушениями различной этиологии и локализацией очага поражения в области правого полушария головного мозга (I этап) и 37 пациентов с СН (II этап).

Сравнительный анализ (критерий Уилкоксона и ANOVARM) показал наличие статистически значимых различий в показателях зрительно-пространственного поиска у пациентов с СН до и после участия в тренинге. Данное реабилитационное воздействие оказывает влияние на динамику показателей зрительного поиска, увеличивая количество поворотов головы, ориентированных в левую сторону, улучшая показатели зрительной активности и результативности пациентов, а также минимизируя количество пропусков целевых стимулов слева.

У пациентов экспериментальной группы отмечается увеличение латентного времени после инструкции психолога перед выполнением заданий. Им требуется дополнительное время для актуализации стратегии «Маяк» и ее дальнейшего использования. Акт зрительного поиска становится более произвольным и осознаваемым: он осуществляется преимущественно в развернутой форме с проговариванием инструкции «Маяк» вслух или про себя. Изменений в показателях зрительно-пространственного поиска в контрольных групп выявлено не было.

1. Гальперин П.Я. Опыт изучения формирования умственных действий // *Вестник Московского Университета. Серия 14. Психология*. 2017. № 4. С. 3-20.
2. Ben-Yishay Y, Rattok J, Lakin P. Neuropsychological rehabilitation: Quest for a holistic approach. *Seminars in neurology*, 1985, vol. 5, № 3, p. 252-259.
3. Niemeier J. The Lighthouse Strategy: use of a visual imagery technique to treat visual inattention in stroke patients. *Brain injury*, 1998, vol. 12, № 5, p. 399-406.

О связи ранних дезадаптивных схем с психопатологическим статусом и копинг-стратегиями у больных туберкулезом органов дыхания

Туберкулез органов дыхания, психопатологическая симптоматика, ранние дезадаптивные схемы, стратегии совладающего поведения

Проживание кризисной для личности ситуации с готовностью ее преодолеть или дезадаптивное реагирование зависит во многом от личностной predisпозиции человека [3]. Ригидные эмоциональные и когнитивные паттерны восприятия – ранние дезадаптивные схемы (РДС) могут оказывать влияние на поведение человека в стрессовых ситуациях [1, 2]. Стресс при заболевании туберкулезом органов дыхания (ТОД) и необходимости длительного лечения в стационаре провоцирует активацию дезадаптивных стереотипов реагирования личности, которые затрудняют формирование комплаенса и адаптацию пациентов к режиму лечения. Влияние преморбидных убеждений болеющих ТОД на процесс адаптации к предстоящему лечению в стационаре – малоизученная область.

Проведено аналитическое корреляционное исследование, основанное на госпитальных данных общей выраженности психопатологической симптоматики, дезадаптивных схем и копинг-стратегий у больных ТОД, находившихся на стационарном лечении в клинике ФГБНУ «ЦНИИТ» в 2019–2021 гг. Выборка: 78 больных ТОД, возраст 18 – 60 лет, 61 (78,2%) женщин и 17 (21,8%) мужчин; у 83,3% пациентов ТОД был выявлен впервые, 16,7% – ранее получали противотуберкулезную терапию.

Применяли опросники: «Стратегии совладающего поведения» (редакция Л. И. Вассермана), ранних дезадаптивных схем Дж. Янга (YSQ-S3R), SCL-90-R. Результаты по SCL-90-R интерпретировались на уровне общей выраженности психопатологической симптоматики (индекс GSI) – сравнение проводилось в группах пациентов с низкими и высокими показателями GSI. При анализе данных использовались критерии Стьюдента и Фишера, коэффициент г-Пирсона. Различия считались значимыми при $p \leq 0,05$.

Установлено:

- 1) выраженность всех РДС выше у пациентов с высоким индексом GSI;
- 2) для пациентов с низким GSI не характерна актуализация схем «зависимость / беспомощность» и «дефективность / стыдливость»;
- 3) при высоком GSI у больных максимально выражены схемы «покинутость / не-стабильность», «жесткие стандарты / придиричивость», «негативизм / пессимизм», «поиск одобрения», а также копинг-стратегии «бегство/избегания», «конфронтация»;
- 4) существуют обратные корреляционные связи: копинг-стратегии «конфронтация» со схемами «неуспешность», «подавление эмоций»; копинг-стратегии «планирование решения проблемы» – со схемами «неуспешность», «зависимость / беспомощность», «покорность».

При адаптации к лечению тенденции личности к чрезмерной покорности, к переживанию чувства беспомощности, к ощущению себя несостоятельным и вынужденным подавлять собственные потребности и эмоции могут провоцировать у пациентов фтизиатрического стационара усугубление психопатологической симптоматики и появление различных форм пассивно-агрессивного поведения.

При построении терапевтических отношений учет вероятной актуализации проявлений РДС может быть полезен для профилактики возможных затруднений и разработки персонифицированных планов психологической коррекционной работы в противотуберкулезном стационаре.

1. Заварзина А.А., Романова Е.В. Социально-психологическая адаптация взрослых в связи с ранними дезадаптивными схемами // *Ананьевские чтения – 2017: преемственность в психологической науке*: В.М. Бехтерев, Б.Г. Ананьев, Б.Ф. Ломов, 2017, с. 104–105.
2. Кабанова П.В., Капустина Т.В., Кадыров Р.В. Проблема психодиагностики ранних дезадаптивных схем в современной психологии // *Человеческий капитал*, № 11(119), 2018, с. 33–40.
3. Яценко А.Е., Черемискина И.И. Ранние дезадаптивные схемы и жизнестойкость у молодых людей в состоянии переживания личностного кризиса // *Актуальные проблемы социально-гуманитарного и научно-технического знания*, № 3 (27), 2021, с. 26–29.

Исследование выполнено в рамках НИР № 122041100206-7.

Комплаентность героинозависимых ВИЧ-инфицированных беременных: проблемы и перспективы

Комплаентность, наркотическая зависимость, ВИЧ-инфицирование, беременность

Комплаентность ВИЧ-инфицированной беременной один из важных условий эффективности профилактики вертикальной передачи ВИЧ плоду [1,2,3,4]. Цель: изучить комплаентность и её составляющие ВИЧ-инфицированных беременных в условиях наркозависимости. На базе специализированного родильного отделения по ВИЧ-инфекции ГИБ № 30 им. С.П. Боткина проведено интервьюирование и анкетирование 160 ВИЧ-инфицированных беременных с 2Б стадией ВИЧ-инфекции в 3 триместре. Использовалась авторская анкета. Уровень комплаенса оценивался по детерминантам, определяющим медицинское сопровождение. В результате обследования из 160 обследуемых выделены 72 героинозависимые женщины – основная группа и 88 женщин без наркотической зависимости – группа сравнения.

Все наркозависимые беременные инфицированы ВИЧ парентеральным путем, а в группе сравнения в 81,8% половой путь заражения и 18,2% не могут определить путь. У половины всех ВИЧ-инфицированных беременных ВИЧ-негативны их половые партнеры (54,5% в основной и 55,6% в группе сравнения). В группе с аддикцией в 2 раза чаще конкордантность пары (22,2% и 9,1%). У наркозависимых близкие более осведомлены о ВИЧ-статусе женщины, чем в группе сравнения – 55,6% и 36,4% соответственно. Регулярность потребления наркотиков коррелирует с большим стажем наркомании ($r=0,848$; $p=0,002$), женщины с меньшим стажем чаще отмечали ремиссии ($r=0,671$; $p=0,024$), как и женщины, состоящие в браке ($r=0,624$; $p=0,036$). Но, практически у всех наркозависимых беременных отмечается наркозависимость и у партнера. У 66,7% ВИЧ-статус составляет 1-5 лет, а для 72,7% без аддикции ВИЧ подтвержден только во время беременности. Для 77,8% наркозависимых беременность была желанной, в группе сравнения для 18,2% (после появления ощущения шевеления плода или после УЗИ во 2 триместре). У 33,3% наркозависимых ВИЧ-инфицированных беременных негативное отношение партнера к беременности, как и у 9,1% ВИЧ-инфицированных без аддикции. Во время данной беременности 44,5% ВИЧ-инфицированных наркозависимых беременных спонтанно отказались от приема наркотиков, 11,1% с ранних сроков; 22,2% продолжали прием в течение всей беременности. Каждая десятая женщина в обеих группах (9,1% и 11,1%) встала на учет при сроке более 20 недель. Наркозависимые отмечали низкие показатели комплаенса – 22,2% наркозависимых не наблюдались в женской консультации по поводу беременности и 11,1% наркозависимых беременных не получали антиретровирусную терапию во время беременности, треть получала ее на поздних сроках, что не позволяет говорить об осознанном материнстве даже при оценивании ими беременности как желанной. Наличие АРТ во время беременности и ее начало у наркозависимых взаимосвязаны с употреблением наркотиков во время беременности ($r=-0,59$; $p=0,04$). Активность наблюдения в ЖК ($r=-0,37$) и сроки постановки на учет по беременности ($r=-0,67$) также связаны с активностью употребления наркотиков при беременности.

Таким образом, низкая приверженность к терапии, наблюдению, медицинскому обращению характерная для наркозависимых ВИЧ-инфицированных беременных складывается из ряда социально-биологических и психологических факторов – межличностные взаимоотношения с партнерами, членами семьи, окружением, что должно быть учтено при их сопровождении.

Исходы беременности, сопряженные с высоким риском ВИЧ-трансмиссии на коморбидном фоне наркозависимости диктуют необходимость сопровождения беременных по программе психотерапевтической интервенции и медико-психосоциальной реабилитации самой наркозависимости для отказа от приема наркотиков как условия повышения комплаентности и возможности эффективно следовать врачебным рекомендациям.

1. Беликова В.Д., Захарова А.А. Профилактика перинатальной ВИЧ-инфекции // *Бюллетень Северного государственного медицинского университета*. – 2021. – № 1(46). – С. 194–195.
2. Козырина Н.В., и др. Профилактика вертикального пути передачи ВИЧ и проблема перинатальной смертности детей, рожденных женщинами с ВИЧ // *Эпидемиология и инфекционные болезни. Актуальные вопросы*. – 2020. – Т. 10, № 3. – С. 79-86.
3. Мозалева О.Л., Самарина А.В. Особенности диспансерного наблюдения ВИЧ-инфицированных беременных // *Материалы Международ. научно-практич. конф. «Актуальные вопросы ВИЧ-инфекции. Охрана здоровья матери и ребенка», 14-15 сентября 2020 г., Санкт-Петербург*. – «Человек и его здоровье», 2020. С. 44-50.
4. Султанова А.Н., и др. Анализ факторов-предикатов комплаентности ВИЧ-инфицированных пациентов // *Международный научно-исследовательский журнал*, № 12-3(114), 2021, с. 171–174.

Компоненты коммуникативной компетентности будущего врача: ассертивность и толерантность

Ассертивность, коммуникация, толерантность, студенты

Коммуникативная компетентность врача имеет большое значение для повышения эффективности лечебно-диагностического процесса. Исследования подтверждают влияние коммуникации на результаты лечения [2], пациенты дают больше достоверной информации и чаще следуют рекомендациям врача в ситуации коммуникативной компетентности специалиста. Реализация коммуникативной компетентности в поведении необходимо предполагает соответствующие личностные ценности, смыслы, глубинные убеждения и личностные качества. Толерантность как терпимость, способность принимать индивидуальные особенности других, выступает в качестве ценностно-смысловой основы коммуникативной компетентности, помогает в установлении контакта. Ассертивность как способность конструктивно взаимодействовать с другими людьми, уверенность важна в коммуникации [1], предполагает субъект-субъектный подход во взаимодействии с другими, помогает в разрешении и профилактике конфликтных ситуаций, организации лечебно-диагностического процесса в целом.

Коммуникативная компетентность студентов-медиков развивается в период обучения в университете в рамках освоения гуманитарных и клинических дисциплин, а также благодаря специализированному курсу «Коммуникативные навыки врача».

Целью являлось исследование взаимосвязи ассертивности и толерантности с коммуникативной компетентностью. Уровень коммуникативной компетентности оценивался с помощью методики Л.Михельсона; для оценки уровня коммуникативной толерантности использовалась методика В.Бойко; оценка уровня ассертивности осуществлялась шкалой С.Ратуса. В исследовании участвовало 20 студентов 3 курса медицинского вуза в возрасте 19-21 года.

Полученные результаты и их обсуждение.

испытуемых прослеживается высокий уровень толерантности по шкалам «стремление переделать партнера», «терпимость к дискомфорту», «неумение скрывать чувства» что говорит о том, что у респондентов не возникнет трудностей в процессе коммуникации, в понимании или принятии индивидуальных особенностей других людей. Уровень ассертивности респондентов средний (-4,4). У 45% студентов средний уровень ассертивности, а 35% участников исследований имеют уровень ассертивности низкий и ниже среднего. По результатам анализа средних показателей коммуникативной компетентности преобладающее значение имеет склонность к компетентному поведению в отношениях (19,5) при низком зависимом (5,95) и агрессивном (1,05) поведении. То есть большинство студентов умеют вступать в контакт с другими людьми, выражать положительные чувства и оценки по отношению к ним.

По данным корреляционного анализа ассертивность отрицательно связана с зависимостью ($r=-0.5$, $p<0.05$). При сравнении полярных групп (высоко и низко ассертивные студенты) мы наблюдаем тенденцию: при низкой ассертивности – ниже показатель толерантности, чаще наблюдается зависимое поведение; при высокой ассертивности – выше толерантность и коммуникативная компетентность, ниже зависимость и несколько выше агрессивность.

Выводы: 1) Большинство студентов имеют высокий уровень коммуникативной толерантности, средний уровень ассертивности. Студенты склонны к уверенному, партнерскому стилю общения. 2) При снижении ассертивности наблюдается низкая толерантности и зависимое поведение. Высокой ассертивности соответствуют высокие показатели коммуникативной толерантности и коммуникативной компетентности. 3) В ходе освоения коммуникативных навыков студентами-медиками важно развивать их ассертивность.

1. Лебедева И.В. Мотивационные и ценностно-смысловые детерминанты ассертивности личности // *Современные исследования социальных проблем*, 2013, № 4 (24), с. 6.

2. Haskard Zolnierек K.B., DiMatteo M.R. Physician Communication and Patient Adherence to Treatment A Meta-Analysis // *Medical Care*. 2009. Vol. 47. Issue 8. p. 826-834.

Оценка ценности жизни как предиктор посттравматического роста у онкологических пациентов

Посттравматический рост, онкологическое заболевание, ценность жизни

Онкологическое заболевание рассматривается как психотравмирующее событие в жизни пациента. Большинство исследований затрагивают вопросы негативных последствий постановки диагноза «злокачественные новообразования», таких как ПТСР, изменения качества жизни, социального статуса и межличностных отношений. В качестве противоположного последствия переживания ситуации болезни у пациентов выступает феномен «посттравматического роста» (ПТР). ПТР – это комплекс положительных психологических изменений, возникающих в результате переживания тяжелых жизненных событий. Основоположниками изучения данного феномена являются R.G. Tedeschi и L.G. Calhoun. Авторы выделили и описали 5 основных категорий проявления посттравматического роста: оценка жизни; отношения с другими; личная сила; новые возможности; духовные, экзистенциальные или философские изменения.

Цель проведенного исследования – изучить ценность жизни как предиктор формирования посттравматического роста у онкологических пациентов методом контент-анализа. В исследовании приняли участие 50 человек, имеющие диагноз злокачественные новообразования различной этиологии. Выборку составили 11 мужчин и 39 женщин, возраст 32-51 лет. Критерий включения: больше 33 баллов по индексу посттравматического роста по методике «Опросник посттравматического роста Tedeschi & Calhoun. Для достижения поставленной цели использованы метод полуструктурированного интервью и контент-анализ для обработки полученной информации. Структура интервью не подразумевала прямых вопросов, связанных с категориями анализа.

В ходе качественной и количественной обработки интервью были выделены и описаны следующие категории анализа.

1. Повышение ценности жизни – фразы о изменении отношения к ценности жизни, о более аккуратном и осторожном поведении.
2. Положительное отношение к жизни – фразы о изменении отношения к жизни и ценности времени, которые заметили пациенты.
3. Определение смысла жизни – фразы о поиске и определении смысла жизни, поддерживающих ресурсах.
4. Ориентация на будущее – преобладание фраз о планах и целях на ближайшее и отдаленное будущее.
5. Ориентации на настоящее – преобладание фраз пациентов о текущих событиях, отсутствие планирования будущего.
6. Принятие заболевания – фразы об идентификации себя как онкологического пациента, о стабильности состояния, об отношении к болезни и её значимости.

Категория «повышение ценности жизни» встречается в 41 интервью (82 %). Частота встречаемости единиц анализа распределилась следующим образом среди тех, у кого выявлена категория «повышение ценности жизни». Единица «изменение ценности жизни» встречается в 34 интервью (83%), «положительное отношение к жизни» в 29 интервью (70%), «определение смысла жизни» – в 25 интервью (60%), «принятие заболевания» в 21 интервью (51%), «ориентация на будущее» в 22 интервью (53 %), ориентация на настоящее в 16 интервью (39%), принятие заболевания в 27 интервью (65%).

Анализируя частоту встречаемости категорий анализа у пациентов в зависимости от пола, получены следующие данные. В интервью женщин: «повышение ценности жизни»-71%, «положительное отношение к жизни» -79%, «определение смысла жизни» -66%, «ориентация на будущее»- 53%, «ориентация на настоящее» – 41%. В интервью мужчин: «повышение ценности жизни»-71%, «положительное отношение к жизни»-63%, «определение смысла жизни»-41%, «ориентация на будущее»-39%, «ориентация на настоящее»-54%.

Таким образом, проведенный контент-анализ по категории «изменение ценности жизни» может быть подтверждением встречаемости посттравматического роста в группе онкологических пациентов. Исследуемые онкологические пациенты больше внимания уделяют изменению ценности жизни, определению и поиску смысла жизни.

Шиндрик Р.Ю. Санкт-Петербург, ФГБОУ ВО ПСПбГМУ им. И.П.Павлова Минздрава России
Фесенко А.О. Санкт-Петербург, ФГБОУ ВО ПСПбГМУ им. И.П.Павлова Минздрава России
Черных А.М. Санкт-Петербург, ФГБОУ ВО ПСПбГМУ им. И.П.Павлова Минздрава России

Эмоциональные характеристики и качество жизни у пациентов с хронической болью

Хроническая боль, качество жизни, эмоциональные характеристики

Боль является одной из наиболее частых и сложных жалоб пациентов неврологического профиля, которая значительно снижает их качество жизни в целом, затрудняет ролевое функционирование, а также существенно влияет на эмоциональное состояние больных. Международная ассоциация по изучению боли определяет хроническую боль как «продолжающуюся сверх нормального периода заживления и длящуюся более 3-х месяцев» (IASP, 2020). Распространенность хронического болевого синдрома (ХБС) в России варьируется от 13,8 до 56,7%. При этом, более 40% людей, страдающих хронической болью, указывают на то, что болевые ощущения серьезно снижают качество их жизни (Российская ассоциация по изучению боли, 2020). В связи с этим, актуальным является изучение психосоматических и соматопсихических аспектов хронической боли.

Цель исследования: изучение эмоциональных характеристик и качества жизни пациентов с хронической болью. Гипотезы: существует взаимосвязь между характеристиками хронической боли и эмоционально-аффективной сферой пациентов с хронической болью (ХБ); существует взаимосвязь между характеристиками хронической боли и качеством жизни (КЖ) пациентов с ХБ. Выборку исследования составили пациенты 2-го неврологического отделения ПСПбГМУ им. акад. И.П. Павлова с хроническим болевым синдромом (N=36 (мужчин – 8, женщин – 28), средний возраст $47,4 \pm 3,3$). Методы: опросник «SF-36 Оценка качества жизни», опросник враждебности Басса-Дарки (BDHI), симптоматический опросник SCL-90.

Результаты корреляционного анализа показали наличие статистически значимой взаимосвязи между частотой проявления ХБ и уровнем негативизма ($r = 0,335$ при $p \leq 0,05$), что было также подтверждено данными однофакторного дисперсионного анализа ($p \leq 0,05$, $F=4,291$). Обнаружена взаимосвязь между длительностью ХБ и наличием депрессивной симптоматики ($p \leq 0,05$, $F=2,723$). Результаты исследования качества жизни пациентов с ХБ показали, что: существует взаимосвязь между интенсивностью боли и качеством физического функционирования ($r=-0,351$ при $p \leq 0,05$), между интенсивностью боли и ролевым функционированием, обусловленным физическим состоянием ($r=-0,368$ при $p \leq 0,05$). То есть при интенсивной боли в связи с ухудшением их физического состояния снижается способность пациентов выполнять ежедневную деятельность. Кроме того, выявлена статистически значимая взаимосвязь между частотой ХБ и ролевым функционированием, обусловленным физическим состоянием ($r=-0,444$ при $p \leq 0,05$; $p \leq 0,05$, $F=5,970$). Помимо этого, необходимо упомянуть наличие взаимосвязи между уровнем агрессии и общим состоянием здоровья ($r=-0,407$ при $p \leq 0,05$) – чем выше уровень агрессии пациента, тем хуже общее состояние его здоровья. Таким образом, результаты данного исследования подтвердили выдвигаемые гипотезы о взаимовлиянии характеристик болевого синдрома и эмоциональных характеристик и качества жизни пациентов. Частота, длительность и интенсивность ХБ могут приводить к изменениям в эмоциональной сфере пациентов, а также оказывать влияние на уровень их функционирования в повседневной жизни. Кроме того, на состояние здоровья пациентов с ХБС может влиять наличие агрессивных эмоциональных переживаний, так же, как и ухудшение качества здоровья способно к формированию агрессивных проявлений.

1. Кукушкин М.Л. Хронический болевой синдром // *Лечащий врач*, №. 4, 2010, с. 20-20.

2. Палехов А.В., и др. Проблемы использования опиоидных анальгетиков в клинической практике: требования сегодняшнего дня // *Организация противоболевой помощи в российской федерации: методические материалы*, 2020, с. 66-86.

Нормализация дневного состояния и параметров сна через комплексный психосоматический подход по методике PSY2.0 для людей с хронической первичной бессонницей

Хроническая бессонница, психосоматика, нарушение сна

Частота хронической бессонницы среди взрослого населения составляет 9–15% [2] и растет с увеличением тревожности в обществе. Несмотря на профессиональное признание важности работы с психологическими факторами бессонницы и ее преимуществ по сравнению с медикаментозными препаратами в качестве первой помощи человеку с первичной бессонницей, в реализации таких рекомендаций возникает ряд трудностей. Кроме отсутствия в системе ОМС услуг сомнолога, недостаточной готовности терапевтов, неврологов, психиатров и самих пациентов использовать помощь психолога до момента назначения медикаментов, существующие методы работы не всегда имеют высокую эффективность.

По теории А. Spielman, хроническая бессонница является производным трех групп факторов: предрасполагающих, провоцирующих и поддерживающих [1]. В отличие от других методов психологической работы, где работа идет с поддерживающими бессонницу поведением и мыслями [2], задача авторского протокола PSY2.0 в большей степени ориентирована на снижение интенсивности предрасполагающих и провоцирующих дебют бессонницы психологических проблем. Мы полагаем, что работа с такими причинами бессонницы позволит быстро и эффективно помочь человеку и обойти возникающее сопротивление ограничениям гигиены сна. Анализ связи симптомов бессонницы с событием, ассоциированным с ее дебютом, и предрасполагающих факторов позволит оценить направленность психологических проблем, запускающих программу «не спать».

В НОЦ «Наука ПСИ 2.0 в 2022 году мы организовали экспериментальное исследование с целью изучения эффективности применения авторского протокола психологического консультирования по методике PSY 2.0 (М.А. Филяев) [3] и изменение эмоционального состояния человека с бессонницей. Мы оценивали изменения параметров сна и дневного самочувствия по клинически рекомендованным опросникам измерения: индексам качества сна и защитного поведения ISI, SRBQ, PSQI, а также с помощью психодиагностических методик: уровня удовлетворенности качеством жизни и процессом сна у людей с хронической бессонницей, уровня тревожности, депрессии и социальной адаптации.

В результате исследования параметров сна, дневного самочувствия, удовлетворенности состоянием участников в рамках открытого контролируемого сравнительного исследования в двух параллельных группах участников возраста 25-45 лет с хронической бессонницей, мы получили подтверждение эффективности воздействия протокола из 3 сессий на состояние днем и параметры сна, а также высокую приверженность идти до конца работы.

Специализированный протокол методик PSY2.0 для помощи людям с хронической бессонницей показал свою эффективность, определены общие психологические характеристики клиента с бессонницей и мишени для работы. Выявленная в ходе исследования схожая проблематика у участников позволит повысить эффективность протокола и продолжить работу со сном у людей с тревожными и паническими состояниями.

1. Бузунов Р.В. Лечение бессонницы: смена парадигмы // РМЖ «Медицинское обозрение», № 4, 2019, с. 81-88.
2. Полуэктов М.Г., и др. Проект клинических рекомендаций по диагностике и лечению хронической инсомнии у взрослых // Consilium Medicum. Неврология и Ревматология (Прил.). 2016, 2, 41–51.
3. Филяев М.А., Виноградова Е.Л. Практическое применение авторского метода PSY2.0 как инструмента психотерапии для работы с психосоматическим запросом // Материалы межконтинентального экстерриториального конгресса "Антология Всемирной Психотерапии", 23–26 июня 2022 г., Москва. – Москва, 2022. С. 29-31.

Шишкова А.М. Санкт-Петербург, ФГБУ НМИЦ ПН им. В.М. Бехтерева
Бочаров В.В. Санкт-Петербург, ФГБОУ ВО СПбГУ, ФГБУ НМИЦ ПН им. В.М. Бехтерева,
ФГБОУ ВО СПбГПМУ Минздрава России
Шова Н.И. Санкт-Петербург, ФГБУ НМИЦ ПН им. В.М. Бехтерева
Михайлов В.А. Санкт-Петербург, ФГБУ НМИЦ ПН им. В.М. Бехтерева
Твердохлебова А.М. Санкт-Петербург, ФГБУ НМИЦ ПН им. В.М. Бехтерева
Смирнова А.В. Санкт-Петербург, ФГБУ НМИЦ ПН им. В.М. Бехтерева

Взаимосвязь социально-демографических и клинических факторов с выраженностью переживания «бремени болезни» у родственников, опекающих больных эпилепсией

Родственники хронически больных, эпилепсия, объективное бремя, субъективное бремя

Медико-социальные последствия эпилепсии часто значительно снижают качество жизни как самих пациентов, так и их ближайшего окружения. Для разработки эффективной помощи пациентам, больным эпилепсией, и их близким важно понимать какие факторы связаны с выраженностью переживания стрессовой нагрузки, обусловленной наличием хронического заболевания у данного контингента.

Целью данного исследования являлось изучение взаимосвязи социально-демографических и клинических факторов с выраженностью переживания «бремени болезни» у родственников, опекающих больных эпилепсией. В исследовании приняли участие 40 родственников (25 родителей и 15 супругов) пациентов с эпилепсией (G40) и органическими расстройствами (F06.41). Средний возраст родственников составил 49,86 (SD=10,6) лет, средний возраст больных – 29,24 (SD=8,87) лет. Оценка выраженности переживания «бремени болезни» проводилась при помощи методики «Оценка Негативных Последствий Болезни Близкого (ОНПБ)» [1]. Методика состоит из двух блоков: шкалы «Объективное бремя», «Субъективное бремя», «Общее бремя» как переживание «бремени болезни», шкалы «Беспокойство», «Стигматизация», «Позитивные чувства по отношению к больному», «Негативные чувства по отношению к больному», «Ощущение утраты», «Удовлетворенность родственников взаимодействием со специалистами», отражающие аспекты переживания родственников. Также методика включает оценку финансового бремени. Социально-демографические и клинические характеристики обследуемых, особенности отношения родственника к больному и сложившейся в семье жизненной ситуации исследовались при помощи полуструктурированного интервью. В качестве меры связи использовался коэффициент Спирмена.

Изучение взаимосвязей выраженности переживания «бремени болезни» (показатели методики ОНПБ) с социально-демографическими и клиническими характеристиками обследуемых показало, что наибольшее количество связей обнаружено с такими характеристиками как «удовлетворенность лечением близкого» (УЛ) и «характер отношений с больным» (ХО). В частности, выявлены отрицательные корреляционные взаимосвязи показателя УЛ с показателями шкал «Субъективное бремя» ($p \leq 0,01$), «Общее бремя» ($p \leq 0,05$). При этом отрицательные взаимосвязи показатель УЛ обнаруживает с показателями шкал «Негативные чувства по отношению к больному» ($p \leq 0,05$), «Ощущение утраты» ($p < 0,01$). Показатель «характер отношений с больным» (ХО) положительно коррелирует с показателями шкал «Беспокойство», «Стигматизация», «Позитивные чувства по отношению к больному» (при $p \leq 0,01$), а отрицательно – с показателями «Негативные чувства по отношению к больному» ($p \leq 0,01$) и «Ощущение утраты» ($p \leq 0,05$).

Таким образом, чем выше удовлетворенность обследуемого родственника лечением больного, тем меньше у него выражено переживание субъективного и общего бремени и тем ярче он переживает ощущение утраты прежних отношений с больным и испытывает негативные чувства по отношению к нему. Наличие конфликтных отношений с больным сочетается у опекающих с переживанием тревоги и беспокойства за его будущее, ощущением негативного отношения со стороны окружения и связано с признанием ценности общения с болеющим близким и его высокой значимости в целом. В переживании «бремени болезни» у родственников, опекающих пациентов с эпилепсией, значимую роль играют отношения с больным и удовлетворенность оказываемой ему помощью. Эти характеристики необходимо учитывать при разработке психопрофилактических программ для данного контингента.

1. Шишкова А.М., Бочаров В. В., Черная Ю. С. Многомерная система оценки негативных последствий болезни близкого у родственников больных с аддитивными расстройствами // Диагностика и лечение психических и наркологических расстройств: современные подходы: сборник методических рекомендаций. – Вып. 4 / НМИЦ ПН им. В.М. Бехтерева. – СПб.: Коста, 2021. – С. 254–283.

Шишкова А.М. Санкт-Петербург, ФГБУ НМИЦ ПН им. В.М. Бехтерева
Бочаров В.В. Санкт-Петербург, ФГБУ НМИЦ ПН им. В.М. Бехтерева
Цыганкова Е.С. Санкт-Петербург, ФГБУ НМИЦ ПН им. В.М. Бехтерева
Грановская Е.А. Санкт-Петербург, ФГБУ НМИЦ ПН им. В.М. Бехтерева

Разработка русскоязычной версии "Опросника посттравматического роста и посттравматического обесценивания"

Посттравматический рост, посттравматическое обесценивание, родственники хронически больных, кросс-культурная адаптация

Родственники, опекающие хронически больных, являются одним из ключевых элементов, определяющих эффективность и стабильность системы оказания медицинских услуг, развитие стационарзамещающих форм помощи [2]. В настоящее время отмечается недостаточная изученность позитивных последствий переживаний, возникающих в процессе опеки больного. Учет как регрессивных (деструктивных), так и развитых (конструктивных) последствий той психологической ситуации, в которой оказывается родственник больного, важен для формирования целостной картины происходящего и разработки адекватных методов специализированной психологической помощи близким больного.

В этой связи особую значимость приобретают исследования, направленные на разработку и адаптацию инструментов, позволяющих более полно изучить механизмы психического реагирования родственников в ситуации хронической болезни близкого. В качестве инструмента, дающего возможность одновременно оценить как положительные (посттравматический рост – *posttraumatic growth*), так и негативные (посттравматическое обесценивание – *posttraumatic depreciation*) изменения психического функционирования в результате воздействия травматических событий, выступает опросник «*Posttraumatic Growth and Posttraumatic Depreciation Inventory – Expanded version*» (PTGDI-X) [3]. Данный опросник разработан на основе «функционально-описательной модели посттравматического роста» («*Functional-descriptive model*») [4]. В России адаптированная версия этой методики отсутствует, а для оценки посттравматического роста используется устаревшая версия – «*The Posttraumatic Growth Inventory*» (PTGI) [5], адаптированная М.Ш. Магомед-Эминовым в 2004 году [1] и оценивающая только позитивные изменения без их соотнесения с негативными. В литературе нам не удалось найти сведений и о кросс-культурной адаптации существующей в России версии, данных о ее валидации и психометрических характеристиках.

В настоящее время нами проводится кросс-культурная адаптация методики PTGDI-X. Проведена процедура оценки теоретической и методологической применимости теста к отечественной популяции, осуществлен перевод инструмента на русский язык. Использовался метод прямого и обратного перевода с участием экспертов-переводчиков, имеющих и не имеющих психологическое образование, а также метод согласованного перевода, включающий коллективное обсуждение (для достижения семантической и идиоматической эквивалентности). Проводится пилотное исследование на фокус-группе с последующим обсуждением и коррекцией формулировок адаптируемых утверждений опросника. После формирования окончательной версии опросника и проведения его апробации будет осуществлена оценка различных видов валидности и надежности русскоязычной версии психодиагностического теста, а также формирование стандартов выраженности изучаемых явлений (феноменов посттравматического роста и посттравматического обесценивания) на отечественной популяции.

Кросскультурная адаптация усовершенствованного Tedeschi инструмента и данные, полученные при помощи нового валидизированного на русскоязычной популяции опросника, позволят внести существенный вклад в понимание механизмов трансформации ценностно-смысловой сферы личности родственников в процессе опеки хронически больных. Кроме того, наличие русскоязычной версии инструмента будет способствовать изучению культурно-специфических аспектов посттравматического роста и консолидировать информацию об этом явлении. Это, в свою очередь, поможет сократить как методологические, так и методические пробелы, существующие в настоящий момент в области изучения психологии родственников хронически больных.

1. Магомед-Эминов М.Ш. *Феномен экстремальности: 2-е изд. М.: Психоналит. Ассоциация, 2008. 218 с.*
2. Шишкова А.М. *Эмоциональное выгорание родственников больных с химической зависимостью: методология и инструментальная оценка. СПб.: Нестор-История, 2021. 352 с.*
3. Taku K. *Posttraumatic growth (PTG) and posttraumatic depreciation (PTD) across ten countries: Global validation of the PTG-PTD theoretical model // Personality and Individual Differences, Vol. 169, 2021.*
4. Tedeschi R.G. *Trauma and Transformation: Growing in the Aftermath of Suffering. Thousand Oaks, CA: Sage Publications, 1995. 175 p.*
5. Tedeschi R.G. *The Posttraumatic Growth Inventory: measuring the positive legacy of trauma // Journal of Traumatic Stress, Vol. 9(3), 1996, p. 455–471.*

Исследование выполнено при финансовой поддержке РНФ (проект № 23-25-00090).

Цифровая тревога как проявление трудностей в адаптации к цифровой среде

Цифровая тревога, цифровое общество, психическая адаптация

Окружающая среда со времен последней биологической эволюции человека претерпела значительные изменения. Более того, XX – начало XXI столетия ознаменовались лавинообразным развитием технологий, становлением информационного, а затем и цифрового общества, что остро поставило необходимость адаптации человека к новой реальности. Адаптация представляет собой динамическую систему, которая реализуется сразу на всех уровнях функционирования человека. Наиболее гибкой структурой, обеспечивающей приспособление человека к динамично изменяющейся среде, является психика [1]. Именно психическая адаптация позволяет создать наиболее равновесные условия в системе человек-среда. При этом, особую роль в обеспечении эволюционно адаптивной стратегии человеческого вида играет фиксация на негативной информации – «предвзятость негатива» [3], которая в свою очередь актуализирует тревогу как основной механизм психической адаптации. Таким образом, цифровая реальность предъявляет новые, ранее не встречающиеся сигналы угрозы, что модифицирует сам процесс адаптации и предает специфичку механизму, который ее обуславливает – тревоге.

Данный феномен исследовался нами в рамках понятия «цифровая тревога» [2]. С целью выявления отдельных проявлений комплексного феномена нами был проведен опрос среди студентов 1-3 курсов СПИ КемГУ. Всего в пилотажном исследовании приняло участие 46 студентов в возрасте от 17 до 23, преимущественно женщин. Нами использовалась специально разработанная анкета, содержащая 16 вопросов. В результате проведения методики ответы распределились следующим образом: 78% респондентов после пробуждения первым делом проверяют мессенджеры, социальные сети; 61% опрошенных беспокоятся, когда телефон не находится рядом в течение дня; 46% испытывают напряжение из-за того, что постоянно приходится быть «на связи», 39% отмечают, что чувствуют перегруженность информацией; 26% не могут отключить телефон на время отдыха, 69% продолжают следить за новостями даже в отпуске; 35% опрошенных постоянно боятся пропустить уведомление, звонок, 28% считают, что отслеживание новостей и трендов занимает слишком много времени; 28% отмечают ощущение беспокойства относительно своей жизни после чтения новостей, 15% опрошенных зачастую не могут оторваться от чтения негативной информации; 37% чувствуют неудовлетворенность своей жизнью после чтения блогов успешных людей; опрошенные отмечают проблемы со сном: 29% не могут уснуть из-за перенапряжения, 24% не могут оторваться от чтения новостной ленты перед сном, 4% просыпаются ночью для того, чтобы проверить, не упустили ли они звонки, сообщения, уведомления.

Помимо этого, те опрошенные, которые испытывают беспокойство, когда телефон не находится рядом в течение дня, зачастую отмечают проблемы со сном из-за перенапряжения на фоне избытка информации. К тому же, некоторые из респондентов, которые зачастую не могут оторваться от чтения негативных новостей, отмечают постоянный страх пропустить важное сообщение или звонок, а также считают, что тратят слишком много времени на то, чтобы быть в курсе трендов и новостей. Таким образом, отдельные признаки цифровой тревоги как проявления трудностей в процессе адаптации к цифровой среде широко распространены среди учащейся молодежи.

Вероятно, цифровая тревога представляет собой сложный симптомокомплекс, включающий в себя перенапряжение на фоне обилия информационных потоков, чувство беспокойства при информационной депривации, тревожные ожидания новой информации, волнение относительно своей жизни, связанные с этим нарушения сна и т.д. Мы полагаем, что данный феномен представляет особый интерес в патогенезе тревожно-депрессивных состояний, связанных с расстройством процесса адаптации к новой для человека цифровой среде.

1. Березин Ф.Б. Психическая и психофизиологическая адаптация человека. Л.: Наука, 1988.

2. Янко Е.В., Евсеева Е.К., Тетюшкина Л.Г. Цифровая тревога в контексте современного общества // Материалы международной научной конференции. Под общей редакцией А.В. Шаболтас. Отв. ред. В.И. Прусаков. Санкт-Петербург, 2022. с. 428-429.

3. Hofmann S., et al. Emotion dysregulation model of mood and anxiety disorder // *Depress Anxiety*, Epub, 2012, p. 409-416.

Взросление в современном обществе

Аликин М.И. Красноярск, ФГБОУ ВО СибГУ им. М.Ф. Решетнева
Захарова Л.С. Красноярск, ФГБОУ ВО СибГУ им. М.Ф. Решетнева
Лукьянченко Н.В. Красноярск, ФГБОУ ВО СибГУ им. М.Ф. Решетнева

Связь оценочных представлений подростков о нормативности-девиантности с особенностями их самоотношения

Подростки, представления, нормативность, самоотношение

Жизнедеятельность человека как социального субъекта регламентируется нормами, представленными как на интерпсихическом, так и на интрапсихическом уровнях. В динамичном мультикультурном социуме субъективные представления о нормативности-девиантности приобретают особую весомость, особенно в подростковом возрасте. Понимание холической природы личностно-социального становления позволяет предположить, что характер этих представлений связан с особенностями активно развивающегося самосознания, в частности с его самоотношенческими аспектами.

С целью проверки этого предположения проведено исследование с использованием методик: 1. Разработанный на основе анкетирования [1] опросник с перечнем 25 характеристик поведения, наиболее часто рассматриваемых подростками с точки зрения ненормативности (негативной или позитивной). Характеристики предлагается оценить в градациях «недопустимо», «недостойно», «допустимо», «нормально», «предмет гордости» из своей позиции и позиции родителей. 2. Шкала Я-концепции для детей [2] (вариант методики Piers-Harris Children's Self-Concept Scale в адаптации А.М. Прихожан), выявляющая уровни самоотношения подростка в разных сферах и его общий уровень. 3. Тест-опросник самоотношения В.В.Столина, С.Р.Пантилеева [3].

Для выявления характера связи особенностей самоотношения и оценочных представлений подростков использовался корреляционный анализ (коэффициент Спирмена). Выборка: 116 учащихся красноярских школ в возрасте от 14-15 лет, 61 юношей и 55 девушек.

Из всех оцениваемых характеристик поведения самую насыщенную совокупность связей с особенностями самоотношения имеет честность. С большей частью аспектов позитивного самоотношения положительно связаны уровни и собственных оценок подростками проявлений честности и представляемых ими оценок родителей.

Выявлено, что подростки с более выраженным позитивным в различных аспектах самоотношением ниже оценивают категоричность родителей в осуждении криминогенных действий (присваивание и повреждение чужого имущества, убийство, распространение наркотических средств), курения, употребления алкоголя, обнажения в публичных местах/соцсетях, приписывают родителям сравнительно более высокие оценки таких проявлений, как отстаивание своего мнения, честность, соблюдение норм поведения в общественных местах и большее осуждение эгоцентрического, нарушающего чужой комфорт поведения.

Показатели собственных оценок подростками характеристик поведения, представленных в опроснике, имеют менее плотную совокупность связей с особенностями их самоотношения. Оценки криминогенных действий оказались не связаны с самоотношением. Кроме честности подростки с более позитивным самоотношением сравнительно высоко оценивают здоровый образ жизни, активную подготовку к будущей профессиональной карьере, уравновешенное поведение в ситуациях разногласия, хорошую учёбу, успехи во внеучебной деятельности, помощь родителям.

1. Лукьянченко Н.В., Захарова Л.С., Аликин М.И. Представления подростков о критериях нормативного оценивания // Вестник Красноярского государственного педагогического университета им. В.П. Астафьева. 2022. № 3(61). С. 109-124.
2. Прихожан А.М. Диагностика личностного развития детей подросткового возраста. М.: АНО ПЭБ, 2007. 56 с.
3. Столин В.В., Пантилеев С.Р. Опросник самоотношения // Практикум по психодиагностике: Психодиагностические материалы. 1988. С. 123-130.

Исследование выполнено при финансовой поддержке РФ и Красноярского краевого фонда поддержки научной и научно-технической деятельности (проект № 22-28-20026).

Межличностные отношения как составляющая мировоззрения в юношеском возрасте

Мировоззрение, межличностные отношения, Я-концепция, юношеский возраст

В отечественной психологии мировоззрение рассматривается как неотъемлемая часть личности (Л.С. Выготский, С.Л. Рубинштейн, Л.И. Божович). Формирование мировоззрения – важная задача развития юношеского возраста.

Современное взросление разворачивается в условиях информационной социализации, высокой социальной неопределенности и изменчивости общества РФ, его транзитивности (Г.У. Солдатова, Н.А. Голубева, Т.Д. Марцинковская). Мировоззрение позволяет юноше ориентироваться в пространстве выборов и возможностей, которые предлагает мир (И.С. Кон, О.А. Карабанова, Д.А. Леонтьев, А.А. Реан). Мировоззрение в психологии рассматривают как систему человеческих знаний о мире и о месте человека в мире, выраженную в убеждениях относительно природного и социального мира, отношении к миру, к себе, к людям и к своему месту в мире (В.П. Зинченко, Б.Г. Мещеряков, Т. Ойзерман). Личность проявляется в системе отношений с миром и окружающими людьми (В.Н. Мясищев, Б.Ф. Ломов, А.А. Бодалев). Я-концепция личности связана с межличностными отношениями и определяет характер отношения к себе и другому (Р. Бернс). Межличностные отношения интериоризируются в образе другого человека, проявляются в поступках, направленных на партнёра. Активные реакции партнера, в свою очередь, преобразуются в черты, свойства личности.

В нашей работе мы рассматриваем межличностные отношения (МЛО) как составляющую мировоззрения в юношеском возрасте. Мы предположили, что существует специфика МЛО юношей/девушек с различными Я-концепциями, по Н.Р. Markus, S. Kitayama (1991).

Цель: изучить связь особенностей Я-концепции и МЛО в юношеском возрасте. Объект: МЛО в юношеском возрасте. Предмет: МЛО в юношеском возрасте в связи с особенностями Я-концепции.

Гипотезы исследования: 1) Я-концепция отличается вариативностью, можно выделить группы юношей с качественными особенностями Я-концепции, в соответствии с моделью Markus&Kitayama. 2) Выраженность измерений «Родственная Я-концепция» и «Коллективная Я-концепция» в юношеском возрасте соотносится с конформностью, гибкостью, стремлением ладить с окружающими и высокой значимостью МЛО. 3) Выраженность измерения «Независимая Я-концепция» в юношеском возрасте, соотносится с преобладанием в МЛО неконформных тенденций, склонностью к конфликтам и меньшей значимостью МЛО.

Методики: 1. Авторская Анкета для сбора социо-демографической информации; 2. Интерперсональная диагностика индивидуального стиля межличностного поведения Т. Лири: методика ДМО Л.Н. Собчик (1990); 3. Опросники «Коллективная и Независимая Я-концепция» и 4. «Родственная Я-концепция» – в адаптации Дорошевой Е.А., Князева Г.Г. Корниенко О.С.; 5. Методика Незавершенные предложения (1991) в авторской модификации. Выборка: N = 97, M/F = 15 (15,5%)/82 (84,5%), возраст 17-22 года. M = 19,4 SD = 1,4.

Выделены группы респондентов, значимо различающиеся по типу Я-концепции: «гармоничные», «вовлеченные» и «дистантные». При сравнении особенностей МЛО респондентов трех групп, получено, что респонденты группы «гармоничные» характеризуются высокой выраженностью конформности, гибкости, стремлением ладить с окружающими, добродушии и желании помогать; более позитивно оценивают отношения, чем сверстники из группы «дистантные»; МЛО воспринимаются более позитивно и более ценны. Для группы «вовлеченные» характерна конформность, гибкость, ориентация на социальные отношения. МЛО воспринимаются позитивно. Характерна активность и инициатива в отношениях. Для респондентов группы «дистантные» характерна меньшая выраженность желания помогать окружающим, меньшая мягкосердечность; они отличаются неконформностью, склонностью к конфликтам, упорством, тенденцией к лидерству и независимостью мнений; отношения представляют меньшую ценность и значимость.

Полученные данные подтверждают гипотезу о том, что существует связь между типами Я концепции и межличностными отношениями в юношеском возрасте. Таким образом, Я-концепция, опосредствуя межличностные отношения, выступает фактором мировоззрения.

Представления об ответственности у подростков 13-15 лет

Подростки, ответственность, ответственные действия

Актуальность разработки проблемы генеза ответственности человека возрастает в современной ситуации кризисных изменений в обществе, ценностно-смысловых трансформаций, перманентной ресоциализации [1]. Приобретение молодыми людьми ответственности имеет решающее значение для функционирования общества, встраивание ответственности в ценностную систему личности происходит в процессе социализации [3]. Исследования генезиса ответственности в отечественной и зарубежной психологии подчеркивают, что современная система образования в плане формирования ответственности отделена от жизненной практики, есть дисбаланс между осознанием ответственности подростками и ответственным поведением. [4]. Развитие ответственности проходит следующие этапы: добровольное принятие ролей и обязательств, переживание трудностей и напряжения, мотивация к выполнению обязательств и усвоение я-концепции, которая ведет к ответственному поведению в разных контекстах. Сверстники вносят свой вклад, создавая чувство солидарности и одновременно устанавливая взаимную подотчетность.

Представления подростков об ответственности исследовались нами методом письменного опроса, который включал: выявление представлений о характеристиках ответственности (модификация методики «Ответственность как системное качество личности» [2]; самооценки ответственности в учебе, семье, дружеских отношениях, сфере увлечений и занятий (спорте, творчестве и т.д.) по 7-ми балльной шкале. Испытуемые – подростки 13-15 лет (n=118, из них мужчин 48%, женщин 51,6%), ученики общеобразовательных школ. Результаты показали, что среди характеристик ответственности наиболее высоко подростки оценивают «Готовность отвечать за последствия своих действий» (5,73±1,26 из 7 баллов); «Исполнительность» (5,55±1,11) и «Развитость таких эмоциональных черт, как способность к сопереживанию, чуткости к чужой боли и радости» (5,55±1,58). В меньшей степени оцениваются инициативность (4,57±1,44), стремление действовать вместе с другими членами группы (5,02±1,36). С помощью критерия Стьюдента выявлены различия между представлениями о характеристиках ответственности у юношей и девушек: девушки значимо выше оценивают значимость в ответственном поведении способности к эмпатии (к сопереживанию, чуткости к чужой боли и радости) ($p \leq 0,05$), исполнительности ($p \leq 0,05$), инициативности ($p \leq 0,05$), способности самостоятельно формулировать нравственные обязанности ($p \leq 0,05$) и умения сопоставлять свои интересы с интересами других ($p \leq 0,001$). Среди сфер проявления своей ответственности подростки выше оценивают дружескую (5,62±1,13 из 7 баллов), семейную (5,47±1,27) и сферу реализации творческих достижений (5,35±1,36). Сравнительно ниже – учебную (4,95±1,23), что отражает образовательную модель нравственного воспитания с акцентом на передачу знаний, а не на моральную практику. Представления подростков об ответственности смещены в область исполнительности, нежели инициативности; индивидуалистичности нежели ответственной работы в команде. Важным представляется изучение проявления ответственного поведения в индивидуальных поступках и групповом взаимодействии в социальных практиках.

1. Магомед-Эминов М.Ш. Вызов пониманию конкретного человека в психологии пандемии COVID-19 // Влияние пандемии на личность и общество: психологические механизмы и последствия. Отв. ред. Т.А. Нестик, А.Л. Журавлев, А.Е. Воробьева. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2021. 570 с.
2. Прядеин В.П. Психодиагностика личности: Избранные психологические тесты: Практикум. Сургут: Сургутский гос. пед. ун-т, 2014. 215 с.
3. Реан А.А. Свобода: ответственность, негативизм, забота // Вестник Московского ун-та. Сер. 14. Психология, № 3, 2021, с. 83–101.
4. Wei X. The Development Characteristics of Adolescents' Responsibility and Educational Countermeasures // Advances in Social Science, Education and Humanities Research, 2020, vol. 468, p. 272–276.

Типы проактивного совладания в ситуации неопределенности у русской молодежи

Проактивное совладание, молодой возраст, методика «Незаконченные предложения»

Сегодня преодоление стрессов заранее приобретает превентивная «энергосберегающая технология» в современном мире, позволяющая не только распределить ресурсы человека согласно трудным ситуациям, но и спрогнозировать развитие (или прирост) новых качеств или навыков, полученных от преодоления таких ситуаций. Исследование проактивного совладания человека представляет собой трудную задачу, поскольку существует не так много методов его диагностики. Одним из недостатков результатов тестовых методик и шкал, обнаруживает пробел в виде невозможности оценить смысловое содержание проактивных стратегий, отношение человека к неопределенности, общий контекст в котором складывается индивидуальный поведенческий стиль испытуемого.

Нами была разработана методика из 40 незаконченных предложений, позволяющая оценить представления о своем проактивном совладании у молодых людей в ситуации неопределенности [1]. Опрос производился с помощью Google-форм, для анализа ответов респондентов использовался метод контент-анализа. В исследовании приняли участие 102 человека из разных регионов России в возрасте 19-25 лет (M=20,74), 19 мужчин и 83 женщины.

Качественный анализ результатов позволил нам обобщенно выделить три типологические группы молодежи, с разными реактивно-проактивными стратегиями и переживаниями относительно будущего и неопределенности. Первый тип «тревожный» (n=13) характеризуется выраженными установками катастрофизации относительно стрессовых событий, влекущими за собой трудно контролируемые негативные эмоциональные состояния («нервничая», «впадаю в уныние», «паникую», «много страдаю», «сильно тревожусь»). Испытуемые этой группы склонны к избеганию, психосоматизации и не уверены в эффективности социальной поддержки, демонстрируют крайнюю непереносимость неопределенности.

Второй тип «адаптивный» (n=65) характеризуется нормализованной реакцией на проблемы в виде «обычного волнения», «напряжения», «небольшого смятения и беспокойства». Выделен контроль как способ совладания, описаны стратегии превенции и поиска поддержки («ищу информацию что делать», «проанализирую свои ресурсы», «составлю план», «подготовлюсь», «заработаю денег», «спрошу совета»). При этом роль социальной поддержки достаточно велика (многие отметили, что справятся с проблемой только при поддержке). Отношение к будущему у испытуемых разное: одни расценивают его «поводом для расстройства», вторые – «вдохновлены трудностями», третьи «не загадывают вперед». Но в целом, демонстрируют хорошую адаптацию к стрессам и переносимость неопределенных ситуаций.

Третья группа «проактивных» (n=24) характеризуется позитивным отношением к будущему («вдохновение и желание действовать», «приятное волнение и желание идти до конца», «восторг и надежду»), используют «поэтапное решение проблемы», «распишу план», «подумаю пути решения и все варианты событий». Прослеживается элемент прогнозирования своих действий как признак проактивного совладания, многие уверенность в своих силах связывают с «оптимизмом», «эмоциональной устойчивостью «интуицией», «интеллектом». В целом прослеживается отношение к неопределенности как синергисту проактивных действий («вдохновение и желание действовать»).

Полученная типология молодых людей существенно дополняет результаты наших предыдущих исследований, позволяя понять смысловое содержание проактивных стратегий и отношение к неопределенности. Работа по исследованию качественных показателей проактивного совладания молодежи будет продолжена. Перспектива исследования состоит в дальнейшей адаптации и стандартизации методики «Незаконченные предложения».

1. Бехтер А.А., Филатова О.А. Представление о собственном проактивном совладании в ситуации неопределенности у молодых людей: анализ результатов методики «Незаконченные предложения» // Сб. материалов IX научно-практич. конф. "Актуальные проблемы психолого-педагогического и медико-социального сопровождения высшего образования: интеграция науки и практики". Хабаровск, 2022. С. 76-79.

Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ и МОНРЮО (проект № 21-513-07004).

Танцевально-двигательная терапия со взрослыми людьми, имеющими особенности здоровья

Танцевально-двигательная терапия, взрослые люди с особенностями здоровья, психомоторика

Танцевально-двигательная терапия отличается от других форм арт-терапии своей способностью создавать связи между разумом и телом, улучшать физическое здоровье. Результаты исследований свидетельствуют о том, что ТДТ влияет на повышение качества жизни, снижает симптомы депрессии и тревоги, оказывает влияние на настроение, эмоции и образ тела [1; 3]. Оценивались профили психологического здоровья и изменения в нейрогормонах у подростков с легкой депрессией после ТДТ. По завершению курса терапии концентрация серотонина в плазме увеличилась, а дофамина уменьшилась. ТДТ может стабилизировать симпатическую нервную систему, быть эффективным средством для выхода из психологического дистресса [2]. Также предполагается, что она может оказывать положительное влияние на негативные симптомы болезни [1].

Исследование психомоторики взрослого человека актуально в вопросе понимания связи между психическими процессами и двигательной активностью, внедрения новых психотерапевтических и коррекционных вмешательств, для улучшения качества жизни людей. Целью нашего исследования является изучение динамики психомоторных и эмоционально-личностных характеристик взрослых людей с особенностями здоровья в процессе ТДТ. Гипотеза: ТДТ оказывает положительное влияние на психомоторные и эмоционально-личностные характеристики взрослых людей с особенностями здоровья (способствует улучшению моторики, раскрытию эмоционально-личностных переживаний, развитию эмоционального интеллекта). Мы также предполагаем, что существует связь между психомоторными проявлениями и уровнем самооценки и тревожности взрослых людей. Определенные факторы такие как гендер, возраст, образование могут влиять на психомоторику взрослого человека. Психические заболевания могут приводить к нарушению психомоторики взрослого человека. Двигательная активизация может активизировать речь.

В исследовании примут участие около 150 испытуемых от 18 до 55 лет. 80 человек с диагнозом шизофрения F 20, 60 участников взрослые люди без установленного психического заболевания. Использовались методы изучения моторных функций: Кинематометрический тест «Внешний баланс» Е.П. Ильина; Испытания темпа и координации движений Н.И.Толчинский, Н. Озерецкий; «Телесный анализ» Н.Ю. Оганесян. Исследовалась самооценка и тревожность участников с помощью методик Дембо-Рубинштейн, Шкала Дж.Тейлор. Методики оценки вербальной активности и эмоционального интеллекта: рассказ «Самый запоминающийся день в моей жизни», Тест «Кто Я?» М.Кун, Методика на распознавание и название эмоций (R. Emde, K. Izard). Математико-статистическая обработка данных: первичная статистика, критерий t-Стьюдента для зависимых и независимых выборок, регрессионный анализ.

После курса ТДТ в количестве 10 сессий в экспериментальной группе можно говорить о статистически достоверном снижении торможения («Внешний баланс» Е.П. Ильина), по методике Н. Озерецкого данные свидетельствуют о достоверном улучшении координации и приближении темпа движений к нормативному значению, движения стали более вариативные и согласованные. Участники, прошедшие курс терапии, стали лучше понимать эмоций других людей, у них расширился активный эмоциональный словарь. Отмечается снижение тревожности с высокого до среднего уровня, повысилась самооценка.

В контрольной группе за 5-6 недель фармакотерапии в стационаре моторные функции пациентов снизились, по другим предложенным методикам результаты практически не изменились.

1. Ren J., Xia J. *Dance therapy for schizophrenia. Cochrane Library. 2013.* – URL: <https://doi.org/10.1002/14651858.CD006868.pub3> (дата обращения: 01.06.2023).
2. Jeong Y.-J. et al. *Dance movement therapy improves emotional responses and modulates neurohormones in adolescents with mild depression. 2006. The International journal of neuroscience, 115(12), 1711-221720.*
3. Karkou V., Meekums B. *Dance movement therapy for dementia. Cochrane Library. 2017.* – URL: <https://doi.org/10.1002/14651858.CD011022.pub2> (дата обращения: 01.06.2023).

Возрастные аспекты повседневного стресса

Стресс, напряжение, ресурсы, подросток, взрослый

Общепризнано негативное влияние стресса на психологическое здоровье и благополучие. Ученые пишут об усилении стрессогенности повседневной жизни, объясняя это ее транзитивностью, увеличением информационных потоков, высоким темпом и непредсказуемостью изменений [1]. Исследования повседневного стресса взрослых выявили наиболее насыщенные стрессорами жизненные сферы, половые особенности и личностные ресурсы, способствующие уменьшению стрессового напряжения [2]. Однако исследований стрессового реагирования подростков недостаточно. Актуальность работы определяется, как увеличением стрессогенности современной жизни, так и малой изученностью возрастных особенностей повседневного стресса.

Задачи исследования: сравнительный анализ повседневного стресса подростков и взрослых; выявление предикторов повседневного стресса. Гипотезами стали предположения о том, что уровень и проявления повседневного стресса могут иметь возрастные различия; а также о том, что ресурсы совладания со стрессом различаются у подростков и взрослых.

Выборку составили 299 подростков 13-17 лет (155 девушек и 144 юноши). Сравнительная выборка взрослых состояла из 102 чел. (45 мужчин, 57 женщин), 20-29 лет. Методы: опросники повседневного стресса (для подростков и для взрослых) [3]; Шкала социально-психологической адаптации Роджерса, Даймонда; Опросник уровня субъективного контроля (УСК).

Исследование выявило, что подросток сталкивается в течение двух недель, в среднем, с 21,9 (σ 11,9) стрессовым событием, средняя сила переживания события – 3,16 (σ 1,6), половых различий в количестве и силе переживания не выявлено. Факторный анализ выявил сферы жизни, в которых выражен стресс: «Школа, учеба» (4,4; 5,2 б), «Дела, планирование» (3,8; 4,5б), «Общение со старшими» (3,0; 4,4б), «Отвержение» (2,8; 3,1б), «Страхи» (2,7; 3,2б), «Одиночество, самочувствие» (2,1; 2,3б), «Финансы» (2,0; 0,9б), «Самоотношение» (1,6; 2,2б), «Мистические страхи» (0,5;1,2б). Подсчет процента стрессоров по отношению к максимально возможному, выявил три наиболее нагруженные сферы: дела, планирование 56%; школа, учеба – 44; финансы 40%. Силу переживаний подростки оценивают ниже среднего, лишь в сфере школы достигается средний уровень 5,2б.. В выборке взрослых количество стрессоров составляет, в среднем, 17,9, сила переживания 3.1б, т.е. не отличается от подростков. Обнаружены различия, свидетельствующие о большей чувствительности к повседневным стрессорам женщин, среднее количество стрессоров у них составляет 22,3; сила переживания 3,71 б; у мужчин 13,5 ($p=,000$) и 2,54 б ($p=,016$). Наиболее высокий процент стрессоров у взрослых в сферах «Дела, работа» (20,7 – у мужчин; 34,0 у женщин), далее у мужчин следуют стрессоры окружающей среды (14,8), общения (13,0) и финансовые (12,0), наименее стрессовой является сфера личных переживаний (11,0). У женщин, помимо работы, насыщены стрессорами сферы личностная (26,8), финансовая (21,3), общения (19,6). Выявлены различия в предикторах повседневного стресса. У подростков предикторами, снижающими уровень стресса, явились интернальность, удовлетворенность отношениями в семье и в школе ($p=,005$). У взрослых предикторы – уверенность в себе, отношение к будущему, интернальность ($p=,001$; $=,003$).

Таким образом, возрастные группы различаются по структуре и предикторам стресса. У подростков предикторы связаны в большей мере с внешней поддержкой, у взрослых – с ресурсами личности.

1. Головей Л.А., Галашева О.С. Повседневный стресс и удовлетворенность жизнью девушек подросткового возраста // Вестник Санкт-Петербургского университета. Психология. Т. 12. Вып. 4, 2022, с. 431–448.
2. Головей Л.А., Стрижицкая О.Ю. Дифференциально-психологические аспекты восприятия повседневных стрессоров // Психологический журнал. Т.39, №5, 2018. с. 15-25.
3. Марцинковская Т.Д. Информационное пространство транзитивного общества: проблемы и перспективы // Консультативная психология и психотерапия. Т.27, №3, 2019, с. 77-96.

Исследование выполнено при финансовой поддержке РФ (проект № 23-28-00999).

Изучение социализации в условиях современного информационного мира: смена методологических стратегий

Методология, социализация в современном информационном мире, трансдисциплинарный подход

Фундаментальные исследования социализации детей и подростков в условиях современности все чаще опираются на полипарадигмальные и трансдисциплинарные подходы, интерпретируя материалы психологии, социологии, социальной антропологии в широкой аналитической рамке, тем самым формируя общее проблемное поле социальных наук. В психологии методологический поворот вывел на передний план проблемы изменчивости и неопределенности, континуальности и контекстуальности, антиномичности и усложнения процессов развития человека [1], в том числе, фокусируя внимание на феноменах, требующих новых конструктов и концепций.

Представления об однородном пространстве социализации или о молодежи как таковой сменились исследованиями разнообразных сообществ и социальных групп в хронотопе современности. Одно из изменений методологии социальных наук связано с тем, что ученые стали чаще рассматривать молодых людей в качестве субъектов самостоятельности, а не как объект формирующих воздействий со стороны взрослых, социальной среды, культуры. Больше внимания уделяется изучению повседневности, трансформациям ценностей, изменению поведенческих стратегий молодежи в связи с глобализацией, цифровизацией, ростом социальной мобильности.

В социально-психологических исследованиях взросления выявляются антиномии ускоряющихся и запаздывающих аспектов развития, пролонгация периодов детства и юности (вплоть до 30-34 лет), разнообразие жизненных стратегий, нелинейные пути социализации, открытость профессиональных траекторий [3]. В связи с этим появились неологизм «кидалт» (образованный от английских слов kid и adult) – человек, сочетающий психологические черты ребенка и взрослого; конструкты «зарождающаяся взрослость» (emerging adulthood), подчеркивающий процессуальные моменты взросления; «поколение ожидания» (от одноименного документального фильма The Stand-by Generation); «аспирационный капитал» (aspirational capital), характеризующий жизненные стратегии молодых людей, обусловленные семейными традициями и ожиданиями близких [2].

Существенную роль в социализации молодежи играют региональные различия. Паттерны взросления рассматриваются в зависимости от социокультурных традиций и свойственных разным регионам режимам социального обеспечения [3]. Так, благодаря гарантированной системе социальной защиты в скандинавских странах молодые люди склонны к длительному поиску профессиональной и личной идентичности. Представители континентальной Европы с ранних лет нацелены на обретение достойного образования и профессиональную самореализацию, их жизненные траектории отличаются относительной предсказуемостью. В англосаксонских странах социально поощряемым является раннее отделение молодежи от родителей, включение в самостоятельную жизнь. В менее благополучных странах Южной Европы или Латинской Америки молодежь ориентирована на длительную поддержку со стороны родителей и родственников [2].

В отличающемся региональным разнообразием социокультурном пространстве России представлены как общеевропейские, так и локальные «тренды взросления» [2]; выражен разрыв стилей социализации в мегаполисах и малых городах.

1. *Принцип развития в современной психологии / Отв. ред. А.Л. Журавлев, Е.А. Сергиенко. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2016.*
2. Ядова М.А. Тенденции взросления современной российской молодежи: региональный аспект // *Контуры глобальных трансформаций: политика, экономика, право*, № 3, 2022, с. 102–116.
3. Madsen O.J. *Deconstructing Scandinavia's "Achievement Generation". A Youth Mental Health Crisis? London.: Palgrave Macmillan, 2021.*

Роль жизнестойкости и стрессоустойчивости в совладании со стрессами у старших подростков

Старшие подростки, стрессоустойчивость, жизнестойкость, совладающее поведение

Старший подростковый возраст – важный период формирования личности и способов поведения в ситуациях специфических и повседневных стрессов. При этом подростки оказываются особо ранимыми и восприимчивыми к психотравмирующим факторам, зачастую оказываясь в зоне риска при столкновении с такими ситуациями. Исследования показывают тесную взаимосвязанность жизнестойкости и стрессоустойчивости и их положительную роль в совладании со стрессами [1, 2, 3].

Мы предполагаем, что в старшем подростковом возрасте жизнестойкость и стрессоустойчивость в противостоянии стрессу проявляются по-разному. Выборка: 80 подростков 10-11 классов в возрасте 16-17 лет (40 юношей и 40 девушек). Методы: тест жизнестойкости С. Мадди в адаптации Д.А. Леонтьева, Е.И. Рассказовой, тест стрессоустойчивости личности Ю. Щербатых, «Юношеская копинг-шкала» в адаптации Т.Л. Крюковой.

По результатам анализа, жизнестойкость респондентов определяется на уровне средне-нормативных значений (70,9; $\sigma = 16,5$ у 16-летних и 80,0; $\sigma = 20,5$ у 17-летних), и в старшей группе она достоверно выше ($p = 0,31$). Показатели компонентов жизнестойкости выше у 17-летних по «контролю» ($p = 0,28$) и «принятию риска» ($p = 0,14$), по показателю вовлеченности различий не получено. Стрессоустойчивость по всей выборке отмечаются на уровне выше среднего (32,4; $\sigma = 3,5$ для 16 лет и 32,3; $\sigma = 6,9$ для 17 лет) при отсутствии достоверных различий между группами.

Изучение копинг-поведения показало, что чем старше подростки, тем чаще они применяют продуктивные стили совладания («работа и достижения», $p = 0,05$ и «позитивный фокус», $p = 0,03$) и реже – непродуктивные («разрядка», $p = 0,02$ и «избегание», $p = 0,04$) и социальные стили («социальная поддержка», $p = 0,03$).

Корреляционный анализ выявил положительные взаимосвязи показателей возраста и жизнестойкости ($p \leq 0,05$), со стрессоустойчивостью взаимосвязей не обнаружено. Получены тесные положительные взаимосвязи ($p \leq 0,01$) жизнестойкости с показателями «решение проблемы», «работа, достижения», позитивный фокус» и отрицательные – с показателями «надежда на чудо», «несовладание», «разрядка», «игнорирование», «самообвинение». У показателей стрессоустойчивости найдены положительные взаимосвязи ($p \leq 0,05$) с показателями «беспокойство», «самообвинение» и «уход в себя» и отрицательные – с параметром жизнестойкости «принятие риска».

Получены 3 фактора, объясняющие 61,45% дисперсии. В первый фактор (23,34%) вошли параметры возраста с факторной нагрузкой 0,69, жизнестойкости и общего продуктивного копинга (0,8 и 0,62 соответственно). Второй фактор (20,54%) составили показатели стрессоустойчивости (0,79) и общего непродуктивного копинга (0,63). В третий фактор (17,57%) оказались включены показатели пола (0,43) и социального копинга (0,81).

Таким образом, выявлена специфика жизнестойкости и стрессоустойчивости подростков в способах совладания со стрессом. Жизнестойкость от 16 к 17 годам повышается за счет приобретения опыта и возможностей влияния на события своей жизни, а стрессоустойчивость оказывается более стабильной. Жизнестойкость проявляется в продуктивных способах совладания, а стрессоустойчивость у подростков может препятствовать отношению к стрессу как к возможности получения опыта, провоцируя обеспокоенность, реакции самообвинения и затрудняя конструктивное разрешение стрессовых ситуаций.

1. Львова С.В. Жизнестойкость и стрессоустойчивость у старшеклассников и студентов в учебной деятельности // ЦИТИСЭ, №1, 2021, с. 65–75.
2. Федунина Н.Ю., и др. Особенности совладания со стрессом у подростков с самоповреждающим и суицидальным поведением // Консультативная психология и психотерапия. 2018. Т. 26, № 2. С. 33–52.
3. Parikh R., et al. It is like a mind attack: stress and coping among urban school-going adolescents in India // BMC Psychol. 2019. 7(1), 31. URL: <https://doi.org/10.1186/s40359-019-0306-z> (дата обращения 15.05.2023).

Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФ (проект № 23-28-00999).

Проявления ревности в связи с психоэмоциональным благополучием супругов

Ревность, психоэмоциональное благополучие, супружеские отношения

Ревность представляет собой многогранный и амбивалентный феномен, и в настоящее время еще не выработан единый подход к ее пониманию. Кроме того, вопрос о связи ревности с психоэмоциональным благополучием в супружеских отношениях остается недостаточно эмпирически освещенным [1].

Целью исследования стало изучение особенностей ревности в паре, в том числе во взаимосвязи с психоэмоциональным благополучием. Выборку составили 30 пар, состоящих в официальном или гражданском браке продолжительностью от 3 до 15 лет. Средняя продолжительность отношений составила 8 лет, средний возраст испытуемых – 30 лет. Все респонденты проживают в Санкт-Петербурге, имеют высшее образование и работу.

Исследовались: психоэмоциональное благополучие («Шкала психологического благополучия» К. Рифф в адаптации Жуковской Л.В., Трошихиной Е.Г.; «Шкала счастья» М. Фордеса; «Шкала удовлетворенности жизнью» Э. Динера в адаптации Леонтьева Д.А., Осина Е.Н.; «Шкала враждебности Кука-Медлей» в адаптации Собчик Л.Н.; «Методика диагностики уровня субъективного ощущения одиночества» Д. Рассела и М. Фергюсона), чувство ревности в отношениях пары (самооценочные шкалы удовлетворенности отношениями с партнером; опросник для определения преобладающего типа ревности А.Ю. Чичаевой; «Шкала любви и симпатии» З. Рубина в модификации Гозмана Л.Я., Алешиной Ю.Е.). Результаты обработаны в программе «IBM SPSS Statistics 22» с использованием описательных статистик, однофакторного дисперсионного анализа и корреляционного анализа Спирмана.

Результаты анализа типов ревности и параметров психоэмоционального благополучия показали следующее. Во взаимоотношениях респонденты высоко оценивают степень любви и доверия, положительные эмоции существенно преобладают, при этом женщины испытывают больше негативных чувств, чем мужчины. Любовь или напряженность в отношениях – это разделённые чувства в паре.

Ревность, как у мужчин, так и у женщин, выражена в незначительной степени. Это чувство не взаимно, но хорошо распознается в партнере, причем мужчины лучше понимают, когда женщина ревнует. Респондентам в большей мере свойственна привитая ревность – под влиянием установок, связанных с готовностью встретиться с обманом и предательством. У женщин ревность связана со страхом остаться без пары, и чем сильнее она боится потерять партнера, тем больше испытывает собственническую ревность, т.е. нежелание делить возлюбленного с кем-либо. У мужчин привитая и манипулятивная ревность партнерши, наоборот, усиливает готовность к потере отношений. У мужчин ревность не связана с наличием или отсутствием измен партнерши, тогда как женщина, склонная к неверности, испытывает ревность, связанную с готовностью встретиться с обманом и предательством.

Показатели психоэмоционального благополучия респондентов находятся на достаточно высоком уровне. В большей мере оно определяется наличием теплых, доверительных отношений и способностью эффективно реализовывать свои цели, причем у мужчин этот показатель значимо выше. Респонденты чувствуют себя умеренно счастливыми, довольными жизнью и не считают себя одинокими. У мужчин психоэмоциональное благополучие не связано с собственным чувством ревности, однако связано с ревностью женщины. Чем сильнее навязчивая и манипулятивная ревность партнерши, тем несчастнее становится мужчина и испытывает к ней меньше любви. У женщин ревность связана с недостаточным эмоциональным благополучием: с чувствами агрессивности, враждебности, цинизма и одиночеством. Ревность партнера, собственническая и от ущемленности, негативно сказывается на психологическом благополучии женщины: усиливает личностную стагнацию и создает трудности в построении позитивных отношений.

1. Бреслав Г.М., Тимощенко Ю.В. Полезна ли ревность в партнерских отношениях? // Вестник Московского университета. Серия 14. Психология, №3, 2019, с. 27-46.

Психологические особенности студентов, не планирующих работать по специальности

Профессиональное самоопределение, учебный стресс, психологическая адаптация, молодежь

Цель исследования: определить характеристики психического статуса, самооценки и удовлетворенности различными аспектами жизнедеятельности у студентов вузов, не планирующих в дальнейшем работать по специальности.

Опрос осуществлялся дистанционно, на анонимной основе и включал вопросы, позволяющие получить базовую информацию, необходимую для определения состава выборки (пол, возраст, название вуза, направление / профиль обучения, курс обучения, а также вопросы, направленную на оценку удовлетворенности следующими сферами: физическое здоровье, психическое состояние, финансовое положение, благополучие родных, учеба, взаимоотношения с родными, романтические отношения, учебный коллектив, образ жизни, социально-политическая обстановка в стране, мысли о будущем. В ходе исследования использовался опросник «Уровень субъективного контроля» (УСК) [1] для определения локуса контроля и 10-балльные шкалы самооценки (оценивались: интеллект, память, внимание, эмоциональная стабильность, воля, общительность, самопонимание). В опросе приняли участие 203 студента (из них 61 юноша) в возрасте от 17 до 27 лет (медиана – 20 лет). Большинство (97%) составили учащиеся различных факультетов вузов Санкт-Петербурга (РГПУ им. А.И. Герцена, ГУМРФ им. адмирала С.О. Макарова, СПбГИКиТ, СПбГУ), Москвы (ПМГМУ им. И.М. Сеченова), Курска (КГМУ), Волгограда (ВолгГМУ). Из них учащихся 1-х курсов – 30 чел. (14,8%), 2-х курсов – 78 чел. (38,4%), 3-х курсов – 41 чел. (20,2%), 4-х курсов – 28 чел. (13,8%), 5-х курсов – 26 чел. (12,8%).

По результатам анонимного опроса, 17 студентов (2 юноши, 15 девушек) из 203 (8,4%) не планировали в дальнейшем работать по специальности, при этом не было выявлено значимых различий по полу, курсу, профилю подготовки. Студенты, не планировавшие работать по специальности, достоверно чаще указывали на неудовлетворенность/тревогу в связи со своим психическим состоянием (70,6% против 37,1%, $p < 0,05$), учебой (52,9% против 25,8%, $p < 0,05$) и мыслями о будущем (64,7% против 28,5% $p < 0,01$). Различий в степени удовлетворенности другими аспектами жизнедеятельности не выявлено.

Студенты, не планировавшие в дальнейшем работать в соответствии с получаемой специальностью, на уровне тенденции имели более низкий уровень субъективного контроля (по опроснику УСК $3,41 \pm 0,42$ против $4,37 \pm 0,15$, $p = 0,06$), по шкалам самооценки достоверно ниже оценивали свою эмоциональную стабильность ($4,59 \pm 0,62$ против $6,17 \pm 0,18$, $p < 0,05$), волю ($4,65 \pm 0,58$ против $6,58 \pm 0,16$, $p < 0,05$) и самопонимание ($5,29 \pm 0,70$ против $6,94 \pm 0,17$, $p < 0,05$).

В настоящем исследовании было установлено, что неготовность к профессиональной самореализации по специальности обучения в равной степени характерна для студентов разных курсов и направлений подготовки. Она выступает в комплексе проявлений нарушения психической адаптации личности в связи с учебой без нарушения значимых отношений вне учебного контекста. При этом на первый план выходят негативные эмоциональные переживания, сложности в самопонимании, неудовлетворенность учебой, тревога в связи с мыслями о будущем, трудности мобилизации психических ресурсов для преодоления кризисной ситуации, связанной с учебой и профессиональным становлением. В каждом конкретном случае необходимо прояснение степени выраженности, клинической значимости эмоционально-волевых нарушений, их взаимосвязи с трудностями обучения и самоопределения в профессии. Важно уточнить, явились ли они причиной не вполне осознанного выбора направления обучения, фактором, повлиявшим на потерю интереса к учебе/профессии, либо следствием несоответствия учебы и профессии ожиданиям, возможностям и психическому складу студента.

1. Бажин Е.Ф., Голынкина Е.А., Эткин А.М. Метод исследования уровня субъективного контроля // Психологический журнал. Т.5, № 3, 1984, с. 152-162.

Любознательность взрослых в связи с их психологическим благополучием

Любознательность, любопытство, психологическое благополучие, взрослые

Современная наука проявляет интерес к проблеме переживания внутреннего благополучия человека [1]. Изучение компонентов и эффектов психологического благополучия имеет теоретическую и экспериментальную историю. Исследование любознательности и ее характеристик было забытой областью, но в последние годы феномен стал вновь обретать внимание ученых.

Цель исследования: определение соотношения характеристик любознательности и психологического благополучия взрослых.

В ходе исследования были опрошены 65 человек – 16 мужчин, 49 женщин, 23-55 лет ($M=37,98$), проживающие на территории Российской Федерации. Для изучения любознательности и ее характеристик были использованы Пятифакторный опросник любопытства Т. Кашдана (Kashdan et al., 2018), Интеллектуальная шкала достижений П. Муссела (Mussel, 2013). Психологическое благополучие и его компоненты были изучены с помощью Шкалы психологического благополучия К. Рифф в адаптации Л.В. Жуковской, Е.Г. Трошихиной (Жуковская, Трошихина, 2011), Шкалы счастья М. Фордиса (Fordyce, 1988), опросников «Осмысленность жизни» Дж. Крамбо и Л. Махолика, «Смысл в жизни» М. Стегера с соавторами (Steger et al., 2006), «Склонность к скуке» А. Страка (Struk et al., 2015).

Показатели психологического благополучия и любознательности участников исследования находятся на высоком уровне. Респонденты заинтересованы в реализации собственного потенциала, наличии жизненных целей и интересов. У женщин по сравнению с мужчинами выявлена значимо большая способность создавать и поддерживать теплые, доверительные отношения с другими людьми, что указывает на их большую готовность к сотрудничеству и достижению близости. У мужчин по сравнению с женщинами значимо выше показатель ощущения себя несчастным. Для большинства участников характерно выраженное стремление к получению новых знаний при сохранении высокой сосредоточенности и способности противостоять стрессу в незнакомой ситуации. Выражены социальная активность респондентов и упорство в решении поставленных задач.

В ходе исследования была выявлена непротиворечивая взаимосвязь между характеристиками любознательности и психологического благополучия. Высокая стрессоустойчивость в новой информационной ситуации положительно взаимосвязана с автономностью, чувством компетентности, личностным развитием, наличием жизненных целей, осмысленностью и чувством значимости собственной жизни, положительным отношением к себе и окружающим людям, ощущением счастья. Чем выше уровень психологического благополучия респондентов, тем больше они проявляют упорства для достижения поставленных целей. Высокая нацеленность на результат и упорство в его достижении, выраженная социальная активность, явный интерес к окружающей среде и людям способствуют повышению значимости жизни и снижают ощущение бессмысленности происходящего. Осмысленность жизни, в свою очередь, способствует развитию социальной активности. При наличии достаточного количества информации об окружающих людях достигается достаточная степень ощущения спокойствия и стабильности.

Результаты регрессионного анализа показали, что предиктором психологического благополучия взрослых выступает стрессоустойчивость в новой информационной ситуации наряду с осмысленностью и направленностью жизни. Предикторами любознательности взрослых выступают пребывание в нейтральном настроении, осмысленность жизни, стремление к личностному развитию, некоторое недовольство собой и своим прошлым, отсутствие склонности к скуке, избирательность в межличностных отношениях, независимость.

Таким образом, любознательность и психологическое благополучие взрослых имеют значимые положительные взаимосвязи. При этом, психологическое благополучие взрослых имеет большее значение для их любознательности, чем любознательность для психологического благополучия.

1. Карапетян Л.В. Психологическая концепция эмоционально-личностного благополучия: автореферат. Екатеринбург: ФГАОУ ВО "Уральский федеральный университет им. первого Президента России Б.Н. Ельцина". 2019. 48 с.

Психологические факторы эмоционального благополучия школьников: теоретический анализ

Эмоциональный интеллект, позитивное мышление, осознанность, имплицитная мотивация

Современная образовательная среда предъявляет повышенные требования к различным сферам функционирования школьника – когнитивной, аффективной, физиологической. Наибольшую значимость, на наш взгляд, играет аффективная сфера, лежащая в основе эмоционального благополучия, от развития которой зависит последующая когнитивная интерпретация событий и явлений, из которых формируются представления о себе и своих способностях и интересах. Цель исследования: на основании теоретического анализа определить психологические факторы эмоционального благополучия школьников.

Методами исследования выступили анализ, обобщение и интерпретация эмпирических исследований эмоционального благополучия и связанных с ним феноменов. В качестве методологической базы выступили концепция субъективного благополучия, работы современных исследователей проблемы эмоционального благополучия, посвященные таким аспектам, как: позитивное психическое здоровье; позитивное настроение и высокая самооценка; эмоциональная самоэффективность.

Установлено, что эмоциональное благополучие рассматривается как многомерное явление, которое определяет эмоциональное самочувствие [3], является показателем успешности эмоциональной регуляции человека [5], неразрывно связано с его психологическим благополучием [2]. В нашем исследовании мы рассматриваем эмоциональное благополучие как многомерный феномен, включающий в себя позитивные чувства относительно себя самого и своей жизни в целом. При этом учитывается как качество переживания (эмоциональное содержание сиюминутного и повседневного опыта), так и рефлексивные характеристики (суждения об удовлетворенности жизнью). Элементами эмоционального благополучия являются баланс аффекта, эмоциональное разнообразие, счастье и удовлетворённость жизнью [3].

В качестве психологических факторов эмоционального благополучия могут выступать: эмоциональный интеллект, который поддерживает позитивный аффект при столкновении с неприятными условиями [4]; характеристики позитивного мышления (уверенность в себе, самооценка, позитивная атрибуция) [1]; осознанность как способ интерпретации событий и ситуации [6]; имплицитная мотивация достижения цели [4]; академическая успешность как характеристика, объединяющая по своей сути успеваемость школьника и его удовлетворенность учебой.

Таким образом, основываясь на проведенном теоретическом исследовании, мы полагаем, что эмоциональное благополучие школьников обусловлено, прежде всего, такими психологическими факторами, как общее эмоциональное состояние школьника, уровень развития его эмоционального интеллекта, самоощущения и самооценки, удовлетворенность отношениями с педагогами и со сверстниками и академической успешностью. Данное представление будет положено в основу дальнейшего эмпирического исследования, позволяющего выявить характер связи указанных факторов с эмоциональным благополучием школьника.

1. Ciarrochi J., Heaven P.C.L., Davies F. *The impact of hope, self-esteem, and attributional style on adolescents' school grades and emotional well-being: A longitudinal study* // *Journal of Research in Personality*. 2007. Vol. 41. Is. 6. P. 1161-1178.
2. Kendal S., Callery P., Keeley P. *The feasibility and acceptability of an approach to emotional wellbeing support for high school students* // *Child and Adolescent Mental Health*. 2011. Vol. 16. Is. 4. P. 193-200.
3. Park C.L. et al. *Emotional well-being: What it is and why it matters* // *Affective Science*. 2022. P. 1-11.
4. Schultheiss O. C. et al. *The role of implicit motivation in hot and cold goal pursuit: Effects on goal progress, goal rumination, and emotional well-being* // *Journal of Research in Personality*. 2008. Vol. 42. Is. 4. P. 971-987.
5. Schutte N.S. et al. *Characteristic emotional intelligence and emotional well-being* // *Cognition & Emotion*. – 2002. Vol. 16. Is. 6. P. 769-785.
6. Weinstein N., Brown K. W., Ryan R. M. *A multi-method examination of the effects of mindfulness on stress attribution, coping, and emotional well-being* // *Journal of research in personality*. 2009. Vol. 43. Is. 3. P. 374-385

Исследование выполнено при финансовой поддержке РНФ (проект № 23-28-01515).

Статусы виртуальной идентичности: «цифровой разрыв» внутри «цифрового поколения» молодежи

Виртуальная идентичность, статусы, цифровое поколение

Современные молодые люди в индустриально развитых странах живут в «гибридной реальности», образованной интеграцией виртуальности и повседневной реальности, становясь носители виртуальной идентичности – технологически опосредованного образа «Я», моделируемого в виртуальной среде, но основа психологического механизма становления виртуальной идентичности у представителей цифрового поколения современной молодежи остается неизвестной. Психологи изучают влияние цифрового опыта на виртуальную идентичность, однако до сих пор не было проведено ни одного исследования, которое бы фиксировало статусы этого сложного образования в возрастном диапазоне от старшего подросткового возраста до молодости.

Мы предприняли попытку изучить статусы виртуальной идентичности через призму интеграции положений эпигенетической концепции Э. Эриксона касательно идентичности и операционализированной Дж.Марсиа в четыре статуса идентичности [3], культурно-исторической теории Л.С. Выготского об инструментальности психики [2], субъектного подхода Б. Г. Ананьева [1], связанных с пониманием субъекта как носителя активности. Целью настоящего исследования стала разработка психометрической модели для измерения статусов виртуальной идентичности, а также её эмпирическое обоснование.

Выборку исследования составили данные опроса, полученные от 300 человек в возрасте от 15 до 25 лет. Опрос был проведен с использованием оригинальной методики оценки статусов виртуальной идентичности, которая представляет собой шкалу самоотчета из 20 пунктов, где каждый пункт оценивается по 6-тибалльной шкале Лейкерта. Пункты шкалы сгруппированы в 4 субшкалы: достигнутая виртуальная идентичность, предрешенная виртуальная идентичность, диффузная виртуальная идентичность и мораторий виртуальной идентичности. Разработанный вариант шкалы был последовательно подвергнут проверке методом фокус-групп, а затем статистическому анализу в соответствии с психометрическими требованиями.

Проверка шкалы методом фокус-групп показала согласованность ($\kappa \geq 0,86$, при $p < 0,20$; при $p = 0,01$), что может свидетельствовать о «цифровом разрыве» внутри поколения современной молодежи. Сравнительный анализ показателей подтвердил статистически значимые более высокие показатели диффузной и предрешенной виртуальной идентичности ($t = 3,9$; при $p = 0,001$) в группе 15-17-летних старших подростков ($n = 150$), по сравнению с группой формирующихся взрослых 18-25-летних ($n = 150$).

Более молодые подростки испытывают меньше трудностей в поиске и принятии своей идентичности в виртуальном пространстве, чем старшие представители «цифрового поколения» молодежи. Предполагаем, подобный эффект, вероятно, является следствием более раннего включения в цифровую среду, удобного использования цифровых технологий как ресурсов развития в сензитивный период становления идентичности, что делает подростков более адаптированными, самостоятельными и уверенными в способах виртуального самоопределения.

1. Ананьев Б.Г. *Человек как предмет познания*. СПб.: Питер, 2001. 288 с.

2. Выготский Л.С. *Психология развития человека*. М.: Изд-во Смысл; Эксмо, 2005. 1136 с.

3. Schwartz S.J., et al. *Handbook of identity theory and research*. N.Y.: Springer Science, 2011. 1040 p.

Исследование выполнено в рамках госзадания Финуниверситета.

Восприятие социального пространства в юношеском возрасте в ситуации неопределенности

Социальное пространство, референтная группа, юношеский возраст, ситуация неопределенности

Ускорение ритма жизни, многообразие и разнообразие жизненных ситуаций являются неотъемлемыми составляющими современной реальности. Восприятие социального пространства человеком является одной из ведущих характеристик, определяющих трансформации в современном мире, а также позволяющих людям мыслить, чувствовать и действовать, таким образом, чтобы они имели возможность конструировать оптимальную систему взаимоотношений в нем.

Социальное пространство – это гибридная сущность, сформировавшаяся по отношению к природному пространству [1]. Оно не устанавливается как фон для социальной жизни, а формируется через множество изменений текущей социальной жизни.

Современная ситуация развития вынуждает индивида использовать все имеющиеся у него потенциальные способности для самоорганизации, самосохранения и самореализации. Принадлежность к разным социальным группам позволяет ему не только распределять социальные и экономические статусы в этих группах, но и формировать собственное восприятие окружающей действительности. Расширяющееся в юношеском возрасте социальное пространство стимулирует стремление эмансипироваться и определить свое место в жизни. Юношам характерно демонстративное поведение и преувеличение собственной значимости, что стимулирует формирование и развитие чувства особенности и уникальности.

Исследование проходило на базе ФГБОУ ВО «Мурманский арктический государственный университет». В нем приняли участие 566 респондентов в возрасте от 18 до 21 года. Отношение к персональному хронотипу диагностировалось методикой «Значимые сферы социального пространства», наиболее значимые и важные для индивида группы изучались анкетой «Референтные группы».

Юноши положительно воспринимают все составляющие социального пространства. Наибольшее доверие они демонстрируют к себе и своей деятельности (96%). Важным для них становится сохранение собственной независимости и достижение поставленных целей в деятельности. Они осознают необходимость достигать результатов собственным трудом и чувствуют свою ответственность за большинство событий, происходящих в их жизни. Отличительной особенностью этого возрастного периода является поддержание конструктивных взаимоотношений с родителями, бабушками и дедушками, поэтому они принимают и перенимают их ценности и модели поведения.

Доминирующей референтной группой у юношей является семья (7,9+1,6), поэтому они ориентированы на социальные нормы и ценности, принятые в семье. Доминирующим по широкому кругу вопросов для них является мнение родителей и родственников. Семья, в большей степени, определяет социальный статус и социальную мобильность респондентов. Однако «важность мнения» не всегда означает наличие доверительных отношений в семье. Общие интересы и связанное с ним общение способствуют развитию у них референтности и аттракции.

Таким образом, современное социальное пространство требует от личности гибкой позиции, наиболее отвечающей контексту социальной ситуации. Особенно это актуально в юношеском возрасте, когда одновременно осуществляют несколько полярных социальных контекстов – нормативное пространство образовательной организации, семья, формальные и неформальные объединения. Развитие социального взаимодействия является важной частью общего психического развития в юношеском возрасте. В этот возрастной период кардинально изменяется система взаимоотношений человека не только с социальным окружением, но и с самим собой, формируются новые ценностные ориентации, которые помогают рефлексировать.

1. Kharlamov N.A. Politicizing attachment: A sociological glance at Zentella's model // *Culture & Psychology*. Vol.15, №2, 2009, p. 201–207.

Соотношение жизненных ориентиров, интересов и психологического благополучия в подростково-юношеском возрасте

Психологическое благополучие, жизненные ориентиры, интересы

В современном обществе актуальны исследования, направленные на выявление факторов, способствующих благополучию личности. Особенно важно изучение психологического благополучия в подростково-юношеском возрасте, поскольку это период становления жизненных устремлений, направленности личности и системы интересов. Мы задались вопросом, какие жизненные ориентиры и интересы наиболее важны для психологического благополучия в подростковом, раннем юношеском и юношеском возрастах.

Цель: изучить психологическое благополучие в связи с интересами и жизненными ориентирами личности в подростково-юношеском возрасте. Гипотеза: жизненные ориентиры и интересы являются предикторами психологического благополучия в подростково-юношеском возрасте, причем существует возрастная специфика.

Выборка: 100 респондентов, из них 23 юноши и 77 девушек в возрасте от 14 до 20 лет, были поделены на три группы: юношество (18-20 лет): 32 девушки и 8 юношей; ранняя юность (16-17 лет): 22 девушки и 7 юношей; подростки (14-15 лет): 23 девушки и 8 юношей. Для изучения психологического благополучия использовалась шкала К. Рифф в адаптации Л.В. Жуковской, Е.Г. Трошихиной. Для изучения жизненных ориентиров: опросник «Смысл в жизни» М.Ф. Стегера с коллегами (M.F. Steger, et al., 2006); опросник «Склонность к скуке» А.А. Страка с соавторами (A.A. Struk, et al., 2017). Для изучения интересов использовалась «Пятимерная шкала любопытства» Т. Кашдана (T. Kashdan, et al., 2018), состоящая из компонентов: радостное исследование, чувствительность к депривации, стрессоустойчивость, поиск острых ощущений, социальное любопытство; опросник «Направленность на саморазвитие в различных жизненных сферах» Н.Ф. Головановой, И.Б. Дермановой, с показателями «интерес к саморазвитию» и «важность саморазвития». С целью оценки величины вклада каждого из возможных предикторов психологического благополучия применялся множественный регрессионный анализ.

Предикторами общего показателя психологического благополучия выступили следующие переменные: «склонность к скуке» ($\beta = -1.795$, $p = 0.004$) и «интерес к саморазвитию» ($\beta = 0.998$, $p = 0.001$) в группе подростков; «наличие смысла» ($\beta = 1.779$, $p = 0.001$), «стрессоустойчивость» ($\beta = 2.847$, $p = 0.001$) и «поиск острых ощущений» ($\beta = 2.947$, $p = 0.001$) в группе ранней юности; «склонность к скуке» ($\beta = -1.377$, $p = 0.025$), «наличие смысла» ($\beta = 1.137$, $p = 0.006$) и «стрессоустойчивость» ($\beta = 2.011$, $p = 0.003$) в группе юношества. Данные модели позволяют объяснить 68,3%; 73,9% и 58% дисперсии общего показателя психологического благополучия в данных группах, соответственно.

В группах ранней юности и юношества респонденты с высоким уровнем психологического благополучия характеризуются наличием актуального смысла жизни и готовностью принять стресс, связанный с получением новых знаний. В группах подростков и юношества общей чертой респондентов с высоким уровнем психологического благополучия оказалась низкая склонность к скуке. Есть также предикторы, специфические для разных возрастов. Специфическим для группы подростков является предиктор «интерес к саморазвитию», а для группы ранней юности – «поиск острых ощущений».

Хотя на данном этапе мы не можем утверждать, что именно жизненные ориентиры являются предикторами психологического благополучия, а не наоборот, результаты данного исследования говорят о том, что дальнейшее изучение этого вопроса является довольно перспективным.

Как современные подростки представляют себе взрослость?

Подросток, взрослость, событие, образование

Исследования отечественных и зарубежных психологов показывают, что ожидания подростка от будущего, его желание стать взрослым, и собственная активность по достижению взрослости являются ведущими показателями личностной зрелости [1]. Для ответа на вопрос о том, как современные подростки представляют себе собственную взрослость, мы опросили более 600 подростков Красноярского края, и провели контент-анализ ответов на открытый вопрос анкеты: «Что ты должен сделать или что должно случиться, чтобы ты стал взрослым?». Полученные ответы группировались в несколько больших групп – приобретение (развитие) определенных личностных качеств; освоение (приобретение) новых социальных ролей; внешние события, переломные моменты в жизни; изменение образа жизни. Кроме того, достаточно большое количество ответов можно отнести к категории отказов или неопределенности («не знаю», «ждать», «затрудняюсь ответить»), и пессимистичности – типа «никогда».

В ходе опроса выяснилось, что желание стать взрослым характерно только для 46% опрошенных подростков. Примерно четверть опрошенных не уверены в своем желании повзрослеть, и около 30% отрицательно ответили на вопрос о желании стать взрослыми.

Самое большое количество опрошенных – 17,3% связывают наступление взрослости с окончанием школы. Причем для сельских школьников окончание школы является более значимым признаком взрослости, чем для городских.

Близкий к этому по смыслу, но гораздо более насыщенный по содержанию ответ: «Получение профессионального образования», окончание ВУЗа, техникума» выбрали 13,1% опрошенных, причем городские подростки выбирали такой вариант ответа значительно чаще, чем сельские – 16% против 11% среди сельских. (помним, что сельские чаще выбирали окончание школы). Аналогично и для девушек – очевидно, они испытывают более сильный родительский контроль, и поэтому завершение профессионального образования, получение профессии означает наступление взрослости для 15,5% девушек против 10% среди юношей.

Отдельную группу признаков взрослости составляли такие, как «жизнь отдельно от родителей», «переезд в другой город». Этот признак взрослости более значим для сельских подростков, чем для городских (14% против 10% среди городских школьников), и более чем в 4 раза важнее для девушек, чем для юношей (4,8% среди юношей, и 20% – среди девушек). Это еще одно подтверждение того, что в нашей культуре девушки испытывают более сильное давление родительской семьи, и «освобождение» от чрезмерной родительской опеки является для них более значимым признаком взрослости.

Еще одна важная «ролевая» характеристика взросления – профессиональная деятельность, работа – отмечалась 16% опрошенных; причем городские подростки называли эту характеристику чаще, чем сельские (17,4% против 15%), девушки – чаще, чем юноши (19% девушек против 13,4% юношей). Если к этой характеристике добавить «финансовую самостоятельность», «заработок» как показатель взрослости (4,7% в общей выборке; 7,2% у городских подростков, 3,0% у сельских), то в целом получается, что каждый пятый подросток наступление взрослости связывает именно с профессиональной деятельностью, возможностью самостоятельного заработка.

Достаточно часто упоминался такой признак взрослости, как достижение определенного возраста – 16,6% респондентов отметили этот признак. Причем «разброс» этих возрастов был достаточно широк – от 13 до 40 лет у разных респондентов. Этот признак более значим для подростков из села (18,05) по сравнению с городскими ребятами, и для девушек – почти четверть девушек связывают взрослость с достижением определенного возраста, против 10% юношей. Интересно, что у девушек это чаще – совершеннолетие, а юноши значительно чаще называют иные возраста.

Таким образом, наступление взрослости подростки связывают в большей степени именно с освоением новых социальных ролей, что делает возможным оказанием им психологической помощи.

1. Stoll G., et al. The Roles of Personality Traits and Vocational Interests in Explaining What People Want Out of Life. Journal of research in personality, 2020, 86. DOI: 10.1016/j.jrp.2020.103939.

Особенности жизненного выбора взрослых (на примере смены профессиональной деятельности)

Жизненный выбор, жизненная ситуация, субъективное конструирование выбора, качество выбора

В современном, постоянно изменяющемся мире человек все чаще сталкивается с проблемой жизненного выбора, способного кардинально изменить его жизнь. Жизненный путь человека представляет собой последовательную череду выборов, осуществляемых на основе ценностей, присущих личности, в ситуациях, имеющих личностную значимость [2]. В этой связи изучение жизненного выбора представляется нам особо актуальным. В представленном исследовании в качестве такого выбора рассматривалась ситуация смены профессиональной деятельности [1].

Целью исследования стало описание жизненного выбора личности на примере смены профессиональной деятельности, а также выявление оснований данного выбора.

В исследовании приняли участие 46 человек (17 мужчин и 29 женщин) в возрасте от 25 до 47 лет ($M=29,57$; $SD=6,35$), сменивших профессиональную деятельность во взрослом возрасте. Нами использовались следующие методы и методики: полуструктурированное интервью, состоящее из 18 вопросов открытого типа; опросник «Субъективное качество выбора» (СКВ) А.Х. Фам, Д.А. Леонтьева; шкала толерантности к неопределённости Д. Маклейна в адаптации Е.Г. Луковицкой; методика «Семантический дифференциал жизненной ситуации» О.В. Александровой, И.Б. Дермановой; опросник для диагностики потенциала самоизменений личности В.Р. Манукян, И.Р. Муртазиной, Н.В. Гришиной.

В результате качественного анализа полученных с помощью интервью данных нами были выделены следующие наиболее часто упоминаемые респондентами основания смены профессиональной деятельности: интерес (54%), инструментальные основания (52%), уход из старой профессии (37%), смысл деятельности (30%). Также было показано, что существует связь между основаниями выбора смены профессиональной деятельности и личностными особенностями выбирающего: его ценностями, способностью к самоизменениям и отношением к неопределённости.

Было выявлено, что взрослые, описывающие ситуацию смены профессиональной деятельности, как субъективно простую или субъективно сложную, различаются по степени владения ситуацией ($p = 0,032$), её эмоциональному переживанию ($p = 0,017$), вере в её преодолимость и степени включенности в ситуацию выбора ($p = 0,001$), а также по оценке выбора как самостоятельного или детерминированного ситуацией ($p = 0,001$). Взрослые, реализующие выбор смены профессиональной деятельности с опорой на инструментальные основания, стремятся к большему чувственному удовлетворению, получению удовольствия от жизни ($p=0,02$), что в описаниях данной группы лежит за пределами профессиональной сферы. Взрослые, выбор которых базируется преимущественно на желании уйти из старой профессии, в меньшей степени склонны к самоизменениям ($p = 0,012$) и принятию неопределённости выбора ($p = 0,046$), а также склонны ощущать выбор как менее самостоятельный ($p = 0,03$). Взрослые, ориентированные на интерес, более толерантны к неопределённости ситуации ($p = 0,045$), новизне ($p = 0,001$), а также характеризуются более выраженной потребностью в самоизменении ($p = 0,032$).

Как показал корреляционный анализ, удовлетворённость совершенным выбором смены профессиональной деятельности тесно связана с восприятием ситуации выбора как более подконтрольной ($r = 0,392$, $p = 0,001$), связанной с позитивными эмоциями ($r = 0,394$, $p = 0,007$). Кроме того, респонденты с более высокими показателями удовлетворённости жизнью характеризуются большей личной включённостью в ситуацию выбора и верой в её преодолимость ($r = 0,462$, $p = 0,001$).

Таким образом, жизненный контекст и ситуация выбора могут играть значимую роль в удовлетворённости человека выбором о смене профессиональной деятельности, а основания выбора могут быть связаны с особенностями выбирающего.

1. Комлев А.А. Психологические факторы значимого жизненного выбора: автореф. дис.... канд. псих. наук / А.А.Комлев. Тамбов, 2003. 28с.
2. Психология личности: Пребывание в изменении / под редакцией Н.В. Гришиной. СПб.: СПбГУ, 2019. 576 с.
3. Фам А.Х. Индивидуальные особенности выбора в ситуациях различной значимости: автореф. дис.... канд. псих. наук / А.Х. Фам. М., 2014. 35с.
4. Deci E.L., Ryan R.M. The General Causality Orientations Scale: Self-determination in Personality // Journal of Research in Personality. 1985. Vol. 19. P. 109-134.

«Формирующаяся взрослость» и сепарация от родителей

Формирующаяся взрослость, психологическая сепарация, психологическое благополучие

В настоящее время процессы взросления в современном обществе активно обсуждаются психологами во всем мире. Ослабление традиций и возрастающая цифровизация приводят к изменению хронологических, социокультурных и психологических маркеров взрослости, что делает проблему актуальной. Последние 20 лет мы пользуемся термином Дж. Арнетта «формирующаяся взрослость» по отношению к людям 18-30 лет [3], предполагая, что и к этому возрасту она может не сформироваться. Отмечается, что социально-ролевые маркеры взрослости сейчас уступают место психологическим критериям [3]. Взрослость все больше становится субъективным понятием, связанным с переживанием идентичности взрослого. Субъективная взрослость начинает формироваться уже в подростковом возрасте как «чувство взрослости», далее развитие продолжается – показано, что в 18-33 года совершается переход от диффузии к интеграции «подлинного Я» и «взрослого Я» [1].

Важнейшим механизмом взросления является психологическая сепарация от родителей. Это долговременный процесс психического отделения ребенка от родителей, сопровождающийся развитием идентичности и автономии, который запускается в раннем возрасте и продолжается во взрослой жизни. Отмечается, что в 23-25 лет сепарационная активность значительно повышается – это переломный этап конфронтации, окончательного отделения от родителей, начала самостоятельной жизни [2]. Психологическая сепарация имеет сложную структуру: включает когнитивный, аффективный, поведенческий и стилевой компоненты (по Дж. Хоффману), внешнюю и внутреннюю стороны (по Н.Е. Харламенковой). Сложная структура сепарации позволяет предположить, что особенности ее протекания – соотношение структурных компонентов, внешней и внутренней сторон, обуславливает процесс становления взрослости.

Цель исследования – изучить роль психологической сепарации от родителей в становлении идентичности взрослого (субъективной взрослости) и обеспечении психологического благополучия молодых людей. Гипотеза: психологическая сепарация – неоднородный феномен, где компоненты сепарации от отца и от матери имеют разную выраженность и по-разному связаны со становлением идентичности взрослого и психологическим благополучием молодого человека.

Выборка: 126 человек 18-27 лет ($M=22,3$), с разным трудовым и семейным статусом. Измерялись показатели психологической сепарации (Опросник PSI Хоффмана), психологического благополучия (Шкала Рифф), удовлетворенности жизнью (шкала Динера), уровень счастья (шкала Фордуса), показатели пространственной и функциональной сепарации, субъективная взрослость (вопросы анкеты).

Результаты выявили неоднородность процесса сепарации и доминирование функциональной и поведенческой сторон над аффективной и когнитивной, а также большую выраженность сепарации от отца по сравнению с сепарацией от матери ($p<0,001$). На протяжении формирующейся взрослости растут все показатели сепарации, кроме аффективной ($0,003 \leq p \leq 0,05$), что говорит о сохраняющейся потребности в эмоциональной поддержке от родителей. Поведенческие компоненты психологической сепарации от родителей являются предикторами снижения удовлетворенности ($\beta = -0,431$), счастья ($\beta = -0,384$), целенаправленности жизни ($\beta = -0,368$), т.е. желанная самостоятельность дается ценой снижения благополучия. Субъективная взрослость не имеет связи со степенью сепарированности, но имеет связь с психологическим благополучием: наиболее высокие уровни шкал психологического благополучия выявлены у молодых людей со сформированной идентичностью взрослого ($4,09 \leq F \leq 9,34$; $p \leq 0,02$).

1. Клементьева М.В. «Подлинное Я» как предиктор формирующейся взрослости студентов // *Психологическая наука и образование*. Т. 25, №3, 2020, с. 64–74.
2. Петренко Т.В., Сысоева Л.В. Возрастные этапы процесса сепарации от родителей // *Акмеология*, №4, 2016, с. 180-184.
3. Arnett J.J. Presidential Address: The Emergence of Emerging Adulthood: A Personal History // *Emerging Adulthood*. Vol. 2(3), 2014, p. 155-162.

Коэффициент позитивности в структуре эмоционального благополучия и жизнестойкости студентов-медиков

Эмоциональное благополучие, коэффициент позитивности, жизнестойкость

Большинство подходов рассматривает эмоциональное благополучие как переживание удовлетворенности, счастья, преобладание позитивного аффекта над негативным [1,2]. Согласно концепции эмоционального разнообразия, вариативность не только положительных, но и отрицательных переживаний тесно связано с адаптивностью, с психическим и физическим здоровьем личности [3]. Проблемой исследования является противоречие представлений о роли разнообразных переживаний, включая негативные, для эмоционального благополучия в существующих теориях.

Цель исследования – изучить вклад позитивных и негативных эмоций в эмоциональное благополучие личности во взаимосвязи с жизнестойкостью и упорством. Жизнестойкость и упорство рассматривались как основа адаптивности и успешности личности. Проверялась гипотеза о том, что коэффициент позитивности эмоций и разнообразие эмоций получают значительный вес в факторе эмоционального благополучия.

В исследовании приняли участие 148 студентов медицинских вузов Санкт-Петербурга (130 женщин, 18 мужчин). Исследование проводилось на добровольной основе в ноябре-декабре 2022 г. с использованием Google формы. Для сбора данных использованы: Шкала субъективного счастья С. Любомирски, Шкала позитивного аффекта и негативного аффекта (ШПАНА), Тест жизнестойкости С. Мадди, Шкала «Упорство» (GRIT). Для оценки коэффициента позитивности использовалось отношение балла позитивного аффекта (ПА) к баллу негативного аффекта (НА) методики ШПАНА. Суммарный балл ПА и НА применялся для оценки общей интенсивности разнообразных эмоциональных переживаний.

Коэффициент позитивности варьируется от 0,27 до 3,91 ($M=1.33$; $SD=0.72$, медиана=1,14). Факторный анализ методом главных компонент с варимакс-вращением показал, что в факторе 1, описывающем 50,47 % дисперсии, максимальный вес имеет жизнестойкость (Вовлеченность 0,83, Контроль 0,80, Принятие риска 0,78 и Общий балл жизнестойкости 0,91), затем — коэффициент позитивности 0,81, позитивный аффект 0,73, негативный аффект -0,65, субъективное счастье по Любомирски 0,7. Суммарный аффект ШПАНА незначимо представлен в первом факторе (0,01), но возглавляет второй фактор (0,78); объясненная дисперсия — 16,89%. Третий фактор в 13,3% объясненной дисперсией организуют показатели упорства GRIT 0,56.

Обсуждение и выводы. Ключевые показатели эмоционального благополучия объединены в мощный единый фактор, который можно назвать «Эмоционально благополучная жизнестойкость». Ведущим среди показателей эмоционального благополучия является коэффициент позитивности. Это доказывает значимость для эмоционального благополучия аффективного баланса, т.е. здорового соотношения позитивных и негативных эмоций. Коэффициент позитивности, ранее измеренный Лосадой и Фредриксоном, соответствует преобладанию позитивных сообщений над негативными в соотношении 3:1. В нашем исследовании средний коэффициент позитивности значительно меньше — 1,33. Возможно, уменьшение доли позитивных переживаний и увеличение негативных объясняется сложностью обучения в медицинском вузе и большой учебной нагрузкой в конце зимнего семестра.

Заслуживает внимания факт, что общее разнообразие и интенсивность эмоций (суммарный балл интенсивности различных позитивных и негативных эмоций) является относительно независимым аффективным параметром, отражающим психологическое богатство и полноту переживания сложного и не всегда позитивного бытия.

1. Осин Е.Н., Леонтьев Д.А. Краткие русскоязычные шкалы диагностики субъективного благополучия: психометрические характеристики и сравнительный анализ // *Мониторинг общественного мнения: Экономические и социальные перемены*. 2020. № 1. С. 117—142.
2. *Психоземональное благополучие: интегративный подход* / под ред. Л.А. Головей. СПб.: Нестор-История, 2020. 360 с.
3. Quoidbach J., et al. Emodiversity and the emotional ecosystem // *Journal of Experimental Psychology: General*, 143, 2014, 2057–2066.

Адаптационные ресурсы студентов медицинского вуза с разным уровнем учебного стресса

Адаптационные ресурсы, учебный стресс, совладающее поведение, студенты

На сегодняшний день в связи с пандемией COVID-19 университеты активно практикуют смешанный формат обучения. Такой формат обучения – это новые условия, к которым приходится приспосабливаться учащимся, поступившим после школы. Адаптационные ресурсы студента влияют на поведение в ситуации учебного стресса и на уровень освоения учебной программы в целом. Международные исследования [1] адаптации студентов к смешанному обучению продемонстрировали, что переход к смешанному обучению может вызывать у студентов сильный стресс и тревожность, которые отрицательно коррелируют с успеваемостью студентов. Подобных исследований на студентах в смешанном формате проведено мало.

Целью исследования является изучение учебного стресса и адаптационных ресурсов студентов медицинского вуза на смешанном обучении с целью разработки программ адаптации студентов к обучению в медицинском вузе. В исследовании приняли участие 143 студента 1 курса ПСПбГМУ им. И.П. Павлова. Средний возраст выборки составляет $18,02 \pm 0,876$; среди них 27 мужчин и 116 женщин. По уровню актуального стресса студенты были разделены на три группы: 56% имеют низкий уровень стресса, 27% средний и 17% высокий.

Для исследования учебного стресса у студентов применялись тест на учебный стресс (Ю.В. Щербатых) и шкала PSM-25. Личный адаптационный потенциал, стиль саморегуляции поведения и стратегии совладания изучались при помощи методики МЛЮ, Моросановой и копинг-теста Лазаруса.

Анализ причин учебного стресса показал, что ведущими причинами стресса у студентов являются большая учебная нагрузка (7,99), большие объемы материала для запоминания (7,76) и сложности его понимания (7,47), наличие отработок (7,1). Около половины студентов имеют уровень стресса выше нормы. Анализ средних значений сопровождающих учебный стресс физических и соматических проявлений показал, что ведущими из них являются ощущение постоянной нехватки времени (7,42), плохой сон (6,41) и страх, тревога (6,15). Для группы с высоким уровнем стресса все причины стресса являются достоверно ($p \leq 0,01$) более сильными стресс-факторами по сравнению с другими изучаемыми группами. Студенты с высоким уровнем стресса достоверно чаще ($p \leq 0,01$), чем другие группы, испытывают физические и соматические проявления стресса, переживают навязчивые мысли, более чувствительны и ранимы, чаще находятся в подавленном настроении. Все симптомы нарастают с увеличением уровня стресса. Уровень личностной и ситуативной тревожности повышается от группы с низким к группе с высоким уровнем стресса ($p \leq 0,01$).

Ведущие копинг-стратегии у студентов – самоконтроль, положительная переоценка и планирование решения проблемы. Личный адаптационный потенциал у студентов с низким уровнем стресса достоверно выше ($p \leq 0,01$), чем в других группах. Студенты с высоким уровнем стресса чаще игнорируют стрессовую ситуацию либо вступают в конфликт, им сложнее проявлять гибкость в изменяющихся условиях и находить ресурсы для решения проблемы по сравнению с группой с низким уровнем стресса. При этом студенты с высоким уровнем стресса более самостоятельны в принятии решений ($p \leq 0,01$). Для борьбы со стрессом студенты используют вкусную еду, сон и просмотр видео.

Сравнительный анализ взаимосвязей адаптационных ресурсов студентов с разным уровнем учебного стресса показал, что по мере повышения уровня стресса у студентов снижается их способность гибко выбирать стратегии поведения для решения конкретных задач. Личный адаптационный потенциал, нервно-психическая устойчивость и коммуникативный потенциал являются ведущими адаптационными ресурсами у студентов. Группа с низким уровнем стресса более адаптивна за счет гибкости и возможности применения в ситуациях стресса разнообразных стратегий с опорой на саморегуляцию. Студентам со средним и высоким уровнем стресса сложнее находить адаптивные копинги в стрессовых ситуациях.

1. Biwer F., et al. Changes and adaptations: How university students self-regulate their online learning during the COVID-19 pandemic // *Frontiers in Psychology*. 2021. Vol. 12. URL: <https://doi.org/10.3389/fpsyg.2021.642593> (дата обращения: 01.06.2023).

Потапова Ю.В. Омск, ОмГУ им. Ф.М. Достоевского
Маленова А.Ю. Омск, ОмГУ им. Ф.М. Достоевского
Маленов А.А. Омск, ОмГУ им. Ф.М. Достоевского
Потапов А.К. Омск, ОмГУ им. Ф.М. Достоевского

Возрастные особенности субъективного благополучия учащейся молодежи с разными типами одаренности

Субъективное благополучие, одаренность, школьники, студенты

Создание условий для реализации одаренной молодежью своего потенциала выступает одной из приоритетных задач образования. Предположительно, уровень и направленность активности в отрочестве и юности связаны с компонентами субъективного благополучия (эмоциональным, экзистенциально-деятельностным, эго-, гедонистическим, социально-нормативным) [1]. Цель исследования: сравнение уровня субъективного благополучия студентов и школьников, одаренных в интеллектуальной, творческой и спортивной сферах. Методы сбора данных анкетирование и тестирование (диагностика субъективного благополучия личности Р.М. Шамяниной, Т.В. Бесковой) [2], обработки – частотный анализ, U-критерий Манна-Уитни. Выборка – 851 человек: 461 школьник Омска и Омской области 14-17 лет ($M=15,5$, $\sigma=1,4$), 268 девушек, 193 юноши, 390 студентов г. Омска 18-25 лет ($M=19,9$, $\sigma=3,0$), 272 девушек и 118 юношей. Из них одаренных (победители конкурсов, олимпиад, конференций, фестивалей, соревнований) в науке – 71 школьник и 68 студентов, творчестве – 10 школьников и 32 студента, спорте – 27 школьников и 17 студентов, в трех сферах – 126 школьников и 54 студента.

Среди интеллектуально одаренных молодых людей студенты обладают менее выраженными экзистенциально-деятельностным ($U=1845$, $p\leq 0,05$), гедонистическим ($U=1214$, $p\leq 0,01$) и социально-нормативным ($U=1686$, $p\leq 0,05$) компонентами благополучия. Сильнее выражено гедонистическое благополучие у спортсменов-школьников, чем у студентов ($U=122$, $p\leq 0,01$). Такая же картина наблюдается и среди всесторонне одаренных студентов ($U=2720$, $p\leq 0,05$): у них гедонистическое благополучие ниже, чем у учащихся школ и гимназий. Вероятно, это связано с тем, что большинство потребностей, в том числе в безопасности, у школьников удовлетворяется родителями, тогда как студенты сталкиваются с необходимостью самостоятельно обеспечивать себе комфортные условия проживания. Среди творчески одаренных, напротив, студенты обладают значимо более выраженным эмоциональным ($U=81$, $p\leq 0,05$) и социально-нормативным ($U=80$, $p\leq 0,05$) благополучием. Возможно, это связано с тем, что творческие студенты реализуют свой потенциал в проведении различного рода мероприятий, где знакомятся и общаются со сверстниками, за счет чего чувствуют себя более счастливыми и удовлетворенными жизнью.

Через установление связи уровня субъективного благополучия обучающихся и их достижениями в разных сферах можно обнаружить механизмы воздействия и сопровождения личности на конкретных возрастных этапах. Наиболее продуктивным для психологической практики выступает работа по усилению эмоционального, эго- и экзистенциально-деятельностного компонентов благополучия школьников и студентов. Перспективами исследования выступает изучение возрастных особенностей других психологических характеристик одаренной молодежи, прежде всего, относящихся к регулятивной сфере личности.

1. Потапова Ю.В., и др. Гендерные особенности миграционных установок одаренных омских школьников с разным уровнем жизнестойкости и субъективного благополучия // Психологическая наука и образование. 2023. Т. 28. № 1. С. 112-121.
2. Шамянина Р.М., Бескова Т.В. Методика диагностики субъективного благополучия личности // Психологические исследования. 2018. Т. 11, № 60. С. 8.

Исследование выполнено при финансовой поддержке РФ (проект № 22-28-20375), гранта в форме субсидии, предоставленного из бюджета Омской области (соглашение № 22-с).

Личностные черты матерей дошкольников как предикторы практик родительского воспитания

Черты личности, позитивное отношение, применение наказаний, непоследовательность дисциплины

Согласно результатам предыдущих исследований, на особенности родительского поведения влияют как особенности ребенка [например, 4], так и особенности родителей: возраст, пол, особенности саморегуляции [5], установки [3] и т.д. Однако современные данные относительно предикторов родительского поведения (практик) среди черт личности ограничены. Целью исследования является изучение вклада черт личности матерей детей дошкольного возраста в практики воспитания.

Участницами исследования стали 567 женщин в возрасте от 23 до 50 лет ($M = 34,92$; $SD = 5,07$), у 17% из них только один ребенок, 45% из них – двое детей, у 25% – трое. Средний возраст детей – 6,68 лет ($SD = 0,73$).

Практики родительского воспитания были выявлены при помощи Алабамского опросника (APQ-PR), форма для родителей детей дошкольного возраста [2]. Пункты опросника (17 утверждений) складываются в три шкалы: Позитивное отношение, Применение наказания и Непоследовательная дисциплина. Для выявления большой пятерки личностных черт использовался Краткий опросник Большой пятерки [1].

Согласно корреляционному анализу, Позитивное отношение прямо связано с Согласием ($r = 0,28$, $p = 0,001$), Добросовестностью ($r = 0,28$, $p = 0,001$) и Эмоциональной стабильностью ($r = 0,13$, $p = 0,01$). Применение наказаний прямо связано с Экстраверсией ($r = 0,13$, $p = 0,05$) и обратно – с остальными чертами личности. Непоследовательность дисциплины прямо связана с Экстраверсией ($r = 0,13$, $p = 0,05$), обратно – с остальными чертами, кроме Открытости опыту.

Для выявления вклада черт в практики родительского воспитания был проведен регрессионный анализ. Значимый вклад в Позитивное отношение ($F = 7,62$, $p = 0,001$) делают Согласие ($\beta = 0,23$, $p = 0,001$) и Добросовестность ($\beta = 0,22$, $p = 0,001$), доля объяснимой дисперсии – 12%. В Применение наказания ($F = 6,35$, $p = 0,001$) значимый вклад сделали Экстраверсия с положительным вкладом ($\beta = 0,16$, $p = 0,01$) и Добросовестность с отрицательным ($\beta = -0,17$, $p = 0,01$), доля объяснимой дисперсии – 10%. В модели для Непоследовательности дисциплины ($F = 3,75$, $p = 0,001$) значимый вклад принадлежит только Экстраверсии ($\beta = 0,13$, $p = 0,05$), доля объяснимой дисперсии – 6%.

Согласно полученным результатам, сознательность и добросовестность матери предсказывает использование практик позитивного отношения, в то время как экстравертированность может прогнозировать непоследовательность в применении родительских практик, а в сочетании с беспечностью – еще и применение наказаний. Полученные результаты частично соответствуют ранее полученным результатам [2].

1. Корнилова Т.В., Зиренко М.С., Гусейнова Р.Д. Кросс-культурная адаптация краткого опросника Большой пятерки (TRF): сравнение российской и азербайджанских студенческих выборок // *Психологические исследования*. 2017. Т. 10. № 55. С. 7.
2. Логинова С.В., и др. Адаптация опросника для изучения практик родительского воспитания детей дошкольного возраста (APQ-PR) // *Психологические исследования*. 2016. № 9 (47). DOI: 10.54359/ps.v9i47.471.
3. Перегудина В.А. Исследование особенностей родительских установок отцов и матерей, воспитывающих детей дошкольного и младшего школьного возраста // *Мир науки. Педагогика и психология*. 2022. Т. 10. № 4. С. 26.
4. Слободская Е.Р., и др. Произвольная регуляция и психологическое благополучие детей // *Психологический журнал*. 2019. Т. 40. № 5. С. 62-73.
5. Geeraerts S.B., et al. The role of parental self-regulation and household chaos in parent-toddler interactions: A time-series study // *Journal of family psychology*. 2021. № 35(2). С. 236–246.

Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФ (проект № 23-78-30005).

Личностный проект как показатель саморазвития в юности и молодости

Личностный проект, молодые люди, саморазвитие, саморегуляция

Современный и быстро меняющийся мир несет в себе стремительные трансформации общества, требуя от молодых людей ответственности за результативность принимаемых решений. В связи с этим проблема личностных проектов, способствующих саморазвитию в юности и молодости, приобретает все большую актуальность, учитывая социокультурную ситуацию.

Б.Р. Литтл под личностным проектом (ЛП) понимает осознаваемые человеком цели, помогающие в достижении определенного уровня желаемого успеха или прогресса в жизни. [4].

Проблема проектов и проектирования в психологической науке изучена в русле социально-экологического подхода, где ЛП рассмотрен как единица в структуре личности [4], в рамках интегративного подхода, где сознание фокусируется на жизненных целях, а их действенная реализация определяет субъективное благополучие человека [3], в рамках деятельностного подхода, где проекты являются неотъемлемой составляющей образования и развития [1].

Мы полагаем, что ЛП направлены на саморазвитие личности, так как играют важную роль в будущей жизни молодых людей, поскольку их содержание и способы конструирования опираются на возможности и ограничения социальной ситуации развития личности на конкретном возрастном этапе развития.

Цель исследования – изучить личностные проекты в юности и молодости. Выборку составили данные, полученные от 279 молодых людей от 15 до 33 лет. Выборка ранжирована по критерию возраста: юность (15-17 лет – 100 чел.), молодость (18-25 лет – 99 чел. и 26-33 года – 80 чел.).

Методиками исследования выступили: методика Б.Р. Литтла «Анализ личностных проектов» в авторской адаптации [2], методика изучения стилевой саморегуляции (В.И. Моросанова, 2004), тест СЖО (Д.А. Леонтьев, 2000). При обработке данных использован корреляционный анализ (с использованием рангового коэффициента Спирмена).

Корреляционный анализ ЛП с показателями шкал стандартных методик, в которых отражаются показатели саморегуляции показал, что в группе 15-17 лет выявлена положительная связь между показателями ЛП «трудность» и «видимость» (при $p \leq 0,05$) с показателем СЖО и отрицательная между показателем ЛП «взгляд других» с саморегуляцией поведения (при $p \leq 0,01$). Молодые люди ориентированы на достижение целей, но с поддержкой родных и близких. Их проекты кажутся им трудными. В 18-25 лет выявлены положительные связи показателей ЛП «взгляд других» и «ответственность» с показателями СЖО, а также «контроль» и «адекватность времени» с саморегуляцией (при $p \leq 0,05$). Появляется ответственность, контроль и адекватно рассчитанное время на реализацию, но с поддержкой социальных институтов. В группе 26-33 года обнаружена положительная связь показателей ЛП «важность», «контроль», «ответственность», «автономия» с показателями СЖО (при $p \leq 0,05$). Увеличивается осмысленность, осознанность и ответственность. Опираясь на собственные знания и опыт, их проекты становятся более контролируемые, приобретают важность и реализуются по собственному желанию.

Таким образом, с возрастом (18-25, 26-33 года) повышается степень саморегуляции, осознанности и ответственности, отражая механизмы саморазвития – последовательный переход от развития, детерминированного внешними факторами, к саморазвитию.

1. Клементьева М.В. *Личностное проектирование в образовании: структурно-функциональная модель // Проектирование и экспертиза в современном образовании: методология, методы, практики, 2019. С. 35-40.*
2. Рязанцева Е.Ю. *Психометрические характеристики методики оценки личностных проектов // Письма в Эмиссия.Оффлайн (The Emissia.Offline Letters): эл. науч. журн. 2019. №12 (декабрь). ART 2803. URL: <http://emissia.org/offline/2019/2803.htm>.*
3. Эммонс Р. *Психология высших устремлений: мотивация и духовность личности. Под ред. Д.А. Леонтьева. М.: Смысл, 2004. 416 с.*
4. Little B.R., Salmela-Aro K, Phillips S.D. *Personal Project Pursuit: Goals, Action, and Human Flourishing. Lawrence Erlbaum Associates Publishers. 2007. 462 p.*

Детско-родительские отношения как фактор становления суверенности личности в юношеском возрасте

Юношеский возраст, суверенность личности, эмоциональное принятие/отвержение, сепарация от родителей, виртуальная суверенность личности

Суверенность психологического пространства (СПП) личности как способность субъекта контролировать, защищать и развивать свое психологическое пространство [3], по данным исследований, выступает условием безопасности личности (Н.Е. Харламенкова), имеет возрастную специфику (Д.В. Барковская, Е.А. Мартыненко). Погруженность подростков в Интернет-среду связана с показателями принятия-отвержения в отношениях с родителями (Ю.С. Пежемская, А.С. Ступников). Виртуальная СПП взаимосвязана с личностными характеристиками позитивного функционирования [4].

Цель: изучение СПП юношей/девушек в связи с особенностями детско-родительских отношений (сепарация от родителей, родительское принятие-отвержение).

Выборка: 80 респондентов, M/F = 15 / 65, возраст от 17 до 25 лет. Данные собраны с помощью гугл-формы, в рамках курсовой работы А.Д. Мурышкиной (МГУ, 2021), выполненной под руководством автора. Методики: 1. Анкета; 2. Опросник «Суверенность психологического пространства» (СПП-2010) С.К. Нартовой-Бочавер (2010) [3]; 3. Опросник «Суверенность психологического пространства в социальной сети» (СПП-СС), А.А. Шаповаленко (2016) [4]; 4. Опросник психологической сепарации (PSI), J. Hoffman (1984) в адаптации В.П. Дзукаевой, Т.Ю. Садовниковой (2014) [2]; 5. Методика The Parental Acceptance-Rejection Questionnaire (PARQ), R. Rohner (2005) в адаптации Г.В. Бурменской (2016) [1].

СПП в юношеском возрасте. Выявлены значимые различия (критерий Вилкоксона) между шкалами опросников СПП-2010 и СПП-СС. Респонденты, в среднем, чувствуют себя менее безопасно в интернете, чем в реальном мире. Шкалы «Общая суверенность личности» и «Общая суверенность личности в виртуальной среде» значимо отрицательно связаны ($r=-0,387$, $p=0,000$) (r -Спирмена).

Отношения с родителями в юношеском возрасте. В среднем, сепарация от отца значимо выше, чем от матери. Методом кластерного анализа (K-means cluster analysis) выделены 5 групп, значимо различающихся по всем шкалам PSI. Выявленные паттерны сепарации, в основном, подобны паттернам сепарации, выделенным в диссертационной работе В.П. Дзукаевой (2016), выполненной под руководством автора. Сходства – в выделении паттернов сепарации «самодостаточные», «дистанцированные», «бунтующие», «сцепленные». Различие состоит в выделении паттерна «травмированные».

Выводы.

1. Существует связь СПП личности в реальном и виртуальном пространстве. Чем выше уровень «базовой» СПП личности, тем ниже уровень «виртуальной» суверенности личности.

2. Респонденты, с паттерном сепарации от родителей «самодостаточные», чаще обладают оптимальным уровнем СПП личности, чем респонденты с менее благополучными паттернами сепарации от родителей.

3. Родительское принятие благоприятно сказывается на становлении оптимального уровня СПП личности, а родительское отвержение -- неблагоприятно.

Итак, важную роль в благополучном становлении СПП личности юноши, реальной и виртуальной, играют детско-родительские отношения, особенно отношения с матерью.

1. Бурменская Г.В. Принятие-отвержение как фактор детско-родительских и сиблинговых взаимоотношений в детстве и взрослости // Мир психологии. 2018. № 3. С. 108-126.
2. Дзукаева В.П. Садовникова Т.Ю. Опыт использования русскоязычной версии опросника PSI (Psychological Separation Inventory) в изучении сепарации взрослых детей с родителями // Психологическая диагностика. – 2014. – № 3. – С. 3-20.
3. Нартова-Бочавер С.К. Психология суверенности: десять лет спустя. М.: Смысл, 2017. 200 с.
4. Шаповаленко А.А. Психологическая суверенность личности в интернет-среде (на примере студентов-участников социальной сети ВКонтакте): дис... канд. психол. наук: 19.00.01. – Москва, 2016. – 218 с.
5. Rohner R.P. Parental Acceptance-Rejection Questionnaire (PARQ): Test manual // Handbook for the study of parental acceptance and rejection. 4th ed. 2005. P. 43–106.

Социально-психологические особенности готовности к браку и семейной жизни у тувинской молодежи

Готовность к браку, мужчины, женщины

Интенсивное развитие общества приводит к изменению семейных ценностей: представление о браке изменяется, происходит рост альтернативных форм брачно-семейных отношений. Растет число молодых людей, которые не хотят вступать в брак или не стремятся к семейным отношениям. Для создания хорошей и крепкой семьи необходимо формировать готовность к созданию брака и семьи. Отношения между супругами значительно влияют на благополучие всей семьи. Несмотря на имеющиеся многочисленные исследования в области семьи и брака, некоторые аспекты требуют изучения. В частности, данными аспектами на наш взгляд, является проблема удовлетворённости браком, как важнейшая составляющая психологического климата во взаимоотношениях супругов. Поэтому в данной работе была попытка исследования особенностей готовности к браку и семейной жизни среди молодежи Республики Тыва.

После проведения и обработки методик с помощью t-критерия, мы получили следующие данные: различия по хозяйственно-бытовой шкале по ролевым ожиданиям ($6,18, p \leq 0,01$) могут свидетельствовать о том, что девушки более требовательны к участию супруга в организации быта и для них важны навыки и умения в хозяйстве и быту именно супруга. Различия по родительско-воспитательной шкале по ролевым притязаниям ($-7,24, p \leq 0,01$) могут свидетельствовать о том, что мужчины большее значение придают отцовской роли и считают родительство основной ценностью, концентрирующей вокруг себя жизнь семьи. Тувинские мужчины считают, что отцовство является не менее важным и значимым делом для формирования полноценной и успешной личности. Различия по шкале «социальная активность» по ролевым притязаниям ($7,70, p \leq 0,05$) могут говорить о том, что у девушек более выражена значимость вне семейных интересов, являющимися основными ценностями в процессе межличностного взаимодействия партнеров.

По результатам исследования было выявлено, что у мужчин значимых различий больше, чем у женщин. Таким образом, опровергнута гипотеза о том, что психологическая готовность к семейной жизни имеет гендерную специфику: в части, что девушки характеризуются большей готовностью к семейной жизни, нежели юноши, она не подтвердилась.

1. Гуриева С. Д. Социально-психологические феномены в межэтнических отношениях // Социальная психология общения. М.: ООО «Научно-издательский центр Инфра-М», 2017. С. 81-107.
2. Ситников В.Л. Образ ребенка в сознании детей и взрослых. СПб.: Химиздат, 2001. 287 с.

Диадические психологические характеристики разновидностей надежного стиля привязанности у взрослых романтических пар

Романтическая привязанность, стиль привязанности, диадические характеристики привязанности

В обществе современности романтическая привязанность взрослых пар подвержена новым рискам; считается, что наиболее защищены обладатели ее надежного стиля. Однако «надежные пары» как коллективные субъекты далеко не однородны [5]: назрели эмпирические исследования психологических механизмов диадической надежной привязанности и характеристик ее разновидностей.

Исследование базируется на обобщенной концепции взрослой привязанности М. Микулинцера и Ф. Шейвера [5]; на диадическом подходе к исследованию пар [2] вкупе с представлением о значимости «отраженной привязанности», т.е. об особенностях восприятия партнерами характеристик привязанности друг у друга [4]. Цель: выявить характеристики разновидностей надежного стиля привязанности взрослых романтических пар с учетом выраженности «диадического» и «отраженного» его компонентов.

Выборка: 73 взрослые пары; из них 43 «полностью надежные» (с диадической и взаимно отраженной надежностью), 30 – «частично надежные». Методики: авторский тест-опросник взрослой романтической привязанности «БИ-2, v3.1» Д.Г. Сорокова (модификация «Опросника привязанности к близким людям» [3]), позволяющий выявлять «отраженные» характеристики привязанности, и MIMARA – «Мульти-опросник романтической привязанности у взрослых» [1].

Однофакторный дисперсионный анализ ANOVA ожидаемо подтвердил значимо более низкие значения у «полностью надежных» пар (N=43) в сравнении с другими (N=30) по показателям MIMARA «фрустрация» ($p<0,001$), «срастание» ($p<0,001$), «ревность» ($p<0,05$), но значимо более высокие – по «стремлению к сближению» ($p<0,01$).

По результатам ANOVA значения характеристик привязанности «полностью надежных» пар («беспокойство», «избегание» и все показатели MIMARA) не испытывают влияния со стороны учтенных социально-демографических факторов и удовлетворенности отношениями. А в «частично надежных» парах «Длительность отношений» влияет на значения «беспокойства» ($p<0,05$) и «избегания» ($p<0,05$); «Формат отношений» – на «беспокойство» ($p<0,05$) и «срастание» ($p=0,06$; тенденция); «Наличие детей» – на «беспокойство» ($p<0,01$) и «доверие» ($p=0,07$; тенденция); а «Субъективная удовлетворенность отношениями» – на «избегание» ($p<0,05$), «стремление к сближению» ($p<0,01$) и «фрустрацию» ($p<0,05$).

При выявлении характеристик разновидностей надежного стиля с учетом выраженности диадического и отраженного его компонентов (критерий Джонкхиера-Терпстра) выделены: значимая тенденция возрастания значений по показателю «фрустрация» ($p<0,001$) и намечающаяся тенденция убывания по «стремлению к сближению» ($p=0,07$) – в очередности, соответствующей последовательной утрате одним или обоими партнерами компонента надежной отраженности и диадичности.

Таким образом, получили свое первоначальное эмпирическое подтверждение гипотезы: 1) о неоднородности надежного стиля привязанности у взрослых романтических пар, что требует учета выраженности диадического и отраженного компонентов надежности; 2) о наличии разновидностей надежного стиля, отличающихся друг от друга по ключевым диадическим психологическим характеристикам привязанности; 3) об особой устойчивости диадических характеристик привязанности у полностью надежных пар (с диадической и взаимно отраженной надежностью) к влиянию социально-демографических факторов.

1. Екимчик О.А. Когнитивный и эмоциональный и компоненты любви у людей разного возраста: дис... канд. психол. наук: 19.00.03 / О.А. Екимчик. Москва, 2009. 178 с.
2. Куфтяк Е.В. Развитие психологии семейного совладания // Вестник КГУ им. Н.А. Некрасова. 2013. Т. 19. С. 139-144
3. Сабельникова Н.В., Каширский Д.В. Опросник привязанности к близким людям // Психологический журнал. 2015. Т. 36. №4. С. 84-97.
4. Сороков Д.Г. Современная московская молодая семья (по результатам апробации системы социо-психологического мониторинга). М., 2012. 199 с.
5. Mikulincer M., Shaver Ph. Attachment in Adulthood: Structure, Dynamics, and Change. New York, 2016. 690 p.

Вопросы психологии развития в трудах П.Я. Гальперина

Теория П.Я.Гальперина, психология развития, обучение и умственное развитие

В историю психологической науки П.Я.Гальперин вошел как автор оригинальной общепсихологической концепции о предмете и методе психологии. Особенностью метода поэтапного формирования выступила возможность его использования не только в исследовательских, но и практических целях, что и позволило Н.Ф.Талызиной впоследствии разработать с опорой на теорию П.Я.Гальперина деятельностную теорию учения, то есть показать значение идей Гальперина для разработки вопросов педагогической психологии. Однако, по мнению Л.Ф.Обуховой, такое видение теории П.Я.Гальперина, хотя и верное, но недостаточное.

Л.Ф.Обухова [2] высказала предположение о том, что П.Я.Гальперин является автором новой отрасли психологии – общей (генетической) психологии. Это отрасль психологии, которая изучает становление и развитие психических процессов. Она имеет свой предмет: все психические процессы изучаются как различные формы ориентировочной деятельности, выполняющие свою специфическую функцию в регуляции поведения. У этой науки есть свой метод – метод построения психического явления с заранее заданными показателями. Л.Ф.Обухова подчеркнула, что П.Я.Гальперин открыл систему, в которой все психические процессы рассматриваются в том особом качестве, которое интересует психологию как науку о развитии психики. Таким образом, Л.Ф.Обухова рассматривает теорию П.Я.Гальперина как одну из ведущих в области психологии развития, наряду с теориями Л.С.Выготского и Ж.Пиаже.

Продолжая анализ теории П.Я.Гальперина в логике психологии развития, следующим шагом будет обозначение основной проблемы исследования – проблемы соотношения обучения и умственного развития. На теоретическую и практическую значимость проблемы соотношения обучения и развития П.Я.Гальперин указывал еще в конце 60-х годов, обращая внимание на противоречие между требованиями общества к значительно более раннему, углубленному обучению, с одной стороны, и современными учениями о возрастных периодах развития и границах обучения, с другой. Выполненные в 60-80-е гг. XX в. под руководством П.Я.Гальперина исследования позволили экспериментально показать и теоретически обосновать условия, при которых обучение оказывает развивающий эффект. Эти результаты в обобщенном виде изложены в его последней прижизненной публикации «Методы обучения и умственное развитие ребенка» [1].

П.Я.Гальперин поставил задачу выяснения условий, которые обеспечивают формирование у учащихся полноценных знаний и умений, что и привело к созданию системы планомерно-поэтапного формирования умственных действий и понятий. Благодаря такой организации процесса обучения новое действие образуется значительно быстрее и легче, чем при традиционных формах обучения. Преимущества нового метода обучения были продемонстрированы на разном предметном материале: написание букв, начальные понятия грамматики, начальные физические и математические понятия и др. Однако далеко не всякое обучение отвечает этим требованиям. Поэтому П.Я.Гальперин выделил три типа учения, каждый из которых отличается «своей ориентировкой в предмете, своим ходом процесса учения, качеством его результатов и отношением детей к процессу и предмету учения» [1, с. 30] и поставил вопрос о связи типов учения с общим умственным развитием: он показал, что только при третьем типе учения имеет место мощный развивающий эффект.

Таким образом, П.Я.Гальперин обозначил предмет и метод психологии развития, поставил основную проблему и наметил пути ее решения, а потому традиционно рассматриваемая научная школа П.Я.Гальперина как общепсихологическая также может быть представлена и как научная школа психологии развития.

1. Гальперин П.Я. Методы обучения и умственное развитие ребенка. М.: Изд. Моск. ун-та, 1985.

2. Обухова Л.Ф. Основы общей (генетической) психологии. Теория П.Я.Гальперина и формирующий эксперимент: монография. Под ред. Г.В.Бурменской, И.В.Шаповаленко, А.А.Шведовской. М.: ФБГОУ ВО МГППУ, 2022.

Особенности романтических отношений российских и китайских студентов в связи с их психологическим благополучием

Романтические отношения, психологическое благополучие, студенты

Изучение романтических отношений не теряет своей актуальности с течением времени. На сегодняшний день проявляется настолько много трактовок феномена любви, что это вдохновляет специалистов на новые, более многогранные исследования. Психологи отмечают необходимость учета возрастных, гендерных, личностных характеристик людей, а также культурных традиций при определении благоприятности романтических отношений [1]. Поскольку юность – это наиболее активный возраст формирования жизненных устремлений и создания союзов, мы задались целью определить специфику романтических отношений в связи с психологическим благополучием у российских и китайских студентов в современный период развития стран.

Выборку составили 120 человек: по 60 российских и китайских студентов, обучающихся в вузах Санкт-Петербурга (30 юношей и 30 девушек в каждой группе). Романтические отношения измерялись с помощью методик: «Шкала любви и симпатии» З. Рубина, в модификации Л.Я. Гозмана, Ю.Е. Алешиной и «Треугольная шкала любви» Р. Стернберга, в адаптации О.А. Екимчик, включающая шкалы: близость, страсть, обязательства. Для изучения психологического благополучия использовались: шкала К. Рифф, в адаптации Л.В. Жуковской, Е.Г. Трошихиной, с шестью шкалами: автономность, компетентность, личностный рост, жизненные цели, позитивные отношения, самопринятие; «Шкала удовлетворенности жизнью» Э. Динера в адаптации Е.Н. Осина, Д.А. Леонтьева; «Шкала счастья» М. Фордеса. Обработка данных проводилась с применением корреляционного анализа Спирмена и дисперсионного анализа.

Исследование выявило сходные черты и различия, связанные с культурой. Среди общих характеристик отметим, что студенты в целом удовлетворены романтическими отношениями, проявляют в любви высокую степень близости, симпатию, готовы брать на себя обязательства за поддержание отношений с партнером. У них высокий уровень психологического благополучия, удовлетворенности жизнью и благоприятное эмоциональное состояние. Заинтересованность в личностном росте и реализации жизненных целей – важные стороны психологического благополучия в студенческом возрасте.

Различия проявились в значимых взаимосвязях параметров ($p \leq 0,05$). Относительно российских студентов, чем выше удовлетворенность жизнью, чувство счастья, направленность на личностный рост и достижение целей, тем реже они испытывают любовь, страсть и привязанность к романтическому партнеру. Кроме того, российские студенты с высоким уровнем компетентности проявляют меньшую симпатию к партнеру. Видимо, те студенты, которые не ощущают себя достаточно компетентными, выбирают партнера, на кого хотят походить. Российские студенты, легко создающие теплые отношения с другими людьми, предпочитают романтические отношения, насыщенные страстью. Страсть привносит яркие краски в позитивные отношения, но отрицательно сказывается на личностном развитии российских студентов и на их удовлетворенности жизнью.

У китайских студентов иная картина. Чем больше китайские студенты направлены на личностный рост, тем сильнее их любовь к партнеру. Для китайских студентов наиболее сложной стороной романтических отношений оказывается обязательство поддерживать любовь. Принятие обязательств за поддержание чувств любви китайские студенты видимо стараются избегать, поскольку от этого падает удовлетворенность жизнью, снижается самопринятие, усиливается чувство несчастья. Это можно объяснить трудностями планирования будущего в условиях временного проживания в другой стране на период обучения в вузе.

Результаты изучения романтических отношений и психологического благополучия молодых людей двух культур – российской и китайской, позволяют лучше понять культурную специфику студенческой молодежи, и могут быть полезными для успешной подготовки к решению приближающихся задач взрослости.

1. Екимчик О.А., Григорова Т.П., Смирнова Н.С. Динамические аспекты близких (романтических) отношений и совладающее поведение партнёров // Вестник КГУ им. Н.А. Некрасова, №6, 2014, с. 144–150.

Идентификация с отцом и матерью и ее роль в регуляции стресса подростками 12-14 лет

Стресс, идентификация, мать, отец, эмоциональная оценка

Процесс взросления связан с интеграцией опыта преодоления жизненных трудностей и с расширением ресурсов совладания с ними. Одним из маркеров переживания актуально проблемной ситуации является стресс. Подростковый стресс обусловлен разными причинами, однако, его редукция не исключает, а, наоборот, предполагает обращение за помощью к социальному окружению, прежде всего, к родителям.

Цель исследования — поиск и обоснование половых различий в эмоциональной оценке матери и отца подростками 12-14 лет с разным уровнем актуального стресса.

Выборка: подростки 12-14 лет одной из общеобразовательных школ, 71 юноша и 61 девушка. Методики: Цветовой тест отношений (ЦТО) [1]; Шкала воспринимаемого стресса», детский вариант, ШВС-Д [2]; Опросник социальной поддержки – F-SOZU-22 в адаптации А. Б. Холмогоровой, Г. А. Петровой. Гипотеза: различиям в уровне стресса подростков 12-14 лет разного пола сопутствуют особенности эмоциональной оценки родителей и специфика воспринимаемой социальной поддержки. Для проверки сформулированной гипотезы выборка респондентов была разделена на подгруппы: мальчики с низким ($n=37$) и высоким уровнем стресса ($n=34$); девочки с низким ($n=36$) и высоким уровнем стресса ($n=25$). Критерием деления стал медианный показатель уровня стресса по ШВС-Д.

При использовании ЦТО респондентам предлагали выбрать самую приятную по цвету карточку из восьми предложенных. После этого цветные карточки подбирались к объектам «мать» и «отец». Выбор респондентом цветной карточки, соответствующей оценке этих объектов, сопоставляли с выбором карточки, который был сделан в начале тестирования по принципу «от самой приятной до самой неприятной». Полученные результаты кодировали, используя два показателя. Первый — принятие объекта, идентификация с ним — ранг, приписываемый объектам (отцу и матери) в зависимости от того, какое место занимает выбранный для него цвет относительно первой раскладки карточек: область приятного цвета по первой раскладке (идентификация с объектом) – 1-4 ранги, область менее приятного (наличие субъективной дистанции с объектом) – 5-8 ранги. Второй — эмоциональная оценка объекта — предполагал учет цвета карточки: темно-синяя, сине-зеленая, оранжево-красная, желтая карточки — позитивная, а серая, фиолетовая, коричневая и черная — негативная оценки.

Различия между мальчиками и девочками с высоким уровнем стресса по эмоциональной оценке родителей отсутствуют. При низком уровне стресса девочки идентифицируются с позитивно оцениваемой матерью ($\varphi^*=2,9$, $p \leq 0,01$, где φ^* – угловое преобразование Фишера), мальчики устанавливают дистанцию с негативно оцениваемой матерью ($\varphi^*=4,3$, $p \leq 0,01$). Различий в эмоциональной оценке отца не выявлено.

Показано, что вне зависимости от уровня стресса 40% девочек оценивают мать позитивно и идентифицируются с ней. Мать остается объектом идентификации и при негативной оценке, но преимущественно при низком уровне стресса ($\varphi^*=1,67$, $p \leq 0,05$). Эффективными в редукции стресса у девочек являются эмоциональная и инструментальная виды поддержки ($p \leq 0,01$).

У мальчиков идентификация с позитивной ($\varphi^*=2,61$, $p \leq 0,01$) и субъективная дистанция с негативно оцениваемой матерью ($\varphi^*=2,38$, $p \leq 0,01$), а также идентификация с негативно оцениваемым отцом ($\varphi^*=1,96$, $p \leq 0,05$) наблюдаются только при высоком уровне стресса, что, по-видимому, указывает на потребность мальчика в сближении с позитивным отцом и разотождествлении с позитивной матерью, необходимые для редукции уровня стресса. Снижению уровня стресса у мальчиков способствует социальная интеграция ($p=0,03$).

Вывод: регуляция уровня стресса у девочек и мальчиков определяется разной мерой идентификации с отцом и матерью.

1. Бажин Е.Ф., Эткинд А.М. Изучение эмоционального значения цвета // Психологические методы исследования личности. СПб.: Импон, 1995.
2. White B.P. The perceived stress scale for children: A pilot study in a sample of 153 children // *International Journal of Pediatrics and Child Health*. 2014. Vol. 2(2). P. 45–52.

Исследование выполнено при финансовой поддержке РФ (проект № 22-28-00972).

Дети и подростки в современном информационном мире

Ануфриюк К.Ю. Санкт-Петербург, ФГБОУ ВО «СЗГМУ им. И.И. Мечникова», ФГБОУ ВО СПбГУ

Субъектность в структуре личности подростка

Субъектность, личностные факторы, подростковый возраст

Подростковый возраст является одним из наиболее ответственных этапов индивидуального развития человека. Именно в этот период происходит активное становление личности, складываются ее основные компоненты. Подростки все больше начинают ощущать себя авторами своей жизни, стремятся нести за нее ответственность, не только адаптироваться к социальным условиям, но и преодолевать их. В этом возрасте наблюдается наиболее интенсивное формирование субъектности личности, способности, обеспечивающей человеку возможность осуществлять самоуправление в социальном контексте своего бытия [1].

Мы поставили перед собой цель – выявить влияние личностных факторов на субъектность в подростковом возрасте, исследовать специфику этого влияния в зависимости от пола.

Для изучения личностных особенностей подростков использовался опросник М.А. Шукиной «Уровень развития субъектности личности» и многофакторный личностный опросник Р. Кеттелла (юношеский вариант — 14PF). Выборку составили 50 учащихся 10-го класса, 28 девочек и 22 мальчика.

С целью выявления влияния личностных факторов на субъектность был проведен множественный регрессионный анализ. В качестве зависимой переменной был выбран показатель общего уровня субъектности, в качестве потенциальных предикторов выступили все факторы личности. Мы предположили, что отдельные факторы личности могут обуславливать уровень развития субъектности.

В результате анализа по выборке в целом было выявлено 4 фактора, значимо влияющие на уровень субъектности личности: фактор О («склонность к чувству вины – самоуверенность»), фактор G («высокая совестливость – недобросовестность»), фактор Q2 («самодостаточность – социальность»), фактор F («беспечность – озабоченность»). Коэффициент множественной корреляции для полученной в результате анализа модели статистически достоверен, коэффициент множественной детерминации достаточно большой ($R = 0,921$, R квадрат = $0,848$). Таким образом, результаты предсказания по данным факторам могут быть приняты во внимание.

Уравнение регрессии имеет следующий вид: Общий уровень субъектности = $52,650 - 3,110 (O) + 3,018 (G) + 1,947 (Q2) + 1,694 (F)$.

Такие личностные свойства, как озабоченность, склонность к самоупрекам, чувствительность к замечаниям (ф.О), отрицательно сказываются на общем уровне субъектности. Положительными предикторами высокого уровня субъектности выступают настойчивое стремление к соблюдению моральных требований (ф.Г), независимость, самостоятельность (ф. Q2), легкое отношение к жизни, беспечность (ф. F).

Дисперсия модели в группе девочек составляет 89,3%. Уравнение регрессии: Общий уровень субъектности = $103,289 - 3,074(O) + 3,313(G) + 2,476(F)$.

Общий уровень субъектности девочек зависит от стремления соблюдать моральные требования, ответственности и добросовестности (ф. G), от жизнерадостности, общительности, беспечности (ф. F). Чем выше степень выраженности этих свойств, тем выше уровень субъектности. Отрицательная связь фактора О и общего уровня субъектности может свидетельствовать о том, что склонность к чувству вины, ранимость, боязливость способствуют снижению субъектности.

Дисперсия модели в группе мальчиков составляет 89,8%. Уравнение регрессии: Общий уровень субъектности = $32,985 + 5,955(Q2)$.

На общий уровень субъектности у мальчиков значимо влияет фактор Q2, то есть такие личностные свойства, как самостоятельность, готовность пожертвовать любыми удобствами, только бы сохранить свою независимость, отсутствие потребности в «чувстве локтя».

Таким образом, отдельные факторы вносят значимый вклад в уровень субъектности подростков. У мальчиков положительным предиктором уровня субъектности выступает самодостаточность, у девочек – высокая совестливость и беспечность. Выраженный тревожно-депрессивный фон настроения, озабоченность, неуверенность в себе снижают уровень субъектности у девочек.

1. Шукина М.А. Особенности развития субъектности личности в подростковом возрасте: дис. ... канд. психол. наук. СПб., 2004. 167 с.

Когнитивное развитие младших школьников в контексте их цифровой активности

Когнитивное развитие, познавательные процессы, цифровые навыки

Цифровая революция изменила и продолжает изменять не только нашу жизнь, но и жизнь наших детей. Современные дети идут в школу, имея обширный опыт использования цифровых технологий. В связи с этим педагогам и психологам приходится изучать влияние цифровых технологий на развитие детей. Однако результаты таких исследований до сих пор остаются противоречивыми [1]. Часть исследователей считает, что активное использование гаджетов тормозит социальное, эмоциональное, когнитивное развитие детей [2, 4]. При этом другая часть считает, что они скорее способствуют развитию [3,5]. В любом случае информационная среда, ее объем и содержание неизбежно должны оказывать влияние на особенности протекания психических процессов детей.

Целью данного исследования было изучение влияния активного использования цифровых технологий на когнитивное развитие в младшем школьном возрасте. Исследование проводилось на базе ГБОУ «Школа 1542» г. Москвы. В исследовании принимало участие 87 учеников начальной школы, в возрасте от 7-до 10 лет (21, 23, 24 и 19 учеников в 1,2,3,и 4 классов, соответственно). Для оценки степени цифровой активности детей, их родителям предлагалась анкета. В исследовании изучались такие когнитивные переменные как: внимание, память, мышление, изучались также вербальные способности детей.

На основе результатов анкеты все респонденты были разделены на группы. В первую группу вошли школьники, проводящие больше времени в цифровой среде – в среднем 4,5 часа в день по сравнению с 1,7 часом, посвященным другим видам активности (63,22%). Вторую группу (36, 78%.) составили младшие школьники, проводящие больше времени за внеучебной деятельностью, не связанной с использованием цифровых технологий.

Сравнительный анализ когнитивных переменных свидетельствует о статистически значимом различии между показателями когнитивного функционирования младших школьников с разной степенью активности в цифровой среде.

Результаты исследования показали, что активное использование цифровых технологий скорее способствует когнитивному развитию детей. Дети, активно использующие цифровые технологии демонстрируют более высокие вербальные способности, у них лучше переключаемость внимания, они лучше находят логические закономерности, у них лучше зрительная кратковременная память. При этом они проигрывают своим сверстникам в концентрации и устойчивости внимания. Однако можно предположить, что использование гаджетов в раннем возрасте для получения удовольствия (компьютерные игры, просмотр мультфильмов) дает определенное преимущество таким детям. Необходимость самостоятельного овладения цифровой средой становится неизбежным инструментом когнитивного развития детей. Положительный эмоциональный опыт, связанный с овладением и использованием цифровых технологий будет способствовать повышению эффективности дальнейшего обучения в современной цифровой школе.

1. Богачева Н.В., Сивак Е.В. Мифы о «поколении Z» // *Современная аналитика образования*. 2019. № 1 (22). С. 1-64.
2. Armstrong A., Casement C. *The child and the machine: How computers put our children's education at risk*. Beltsville, MD: Robins Lane Press, 2000. 254 p.
3. Hoehe M.R., Thibaut F. *Going digital: how technology use may influence human brains and behavior* // *Dialogues in clinical neuroscience*. 2020. Vol. 22. № 2. P. 93-97.
4. Markey P.M., Ferguson C. *Moral Combat: Why the War on Violent Video Games Is Wrong*. Dallas, TX: BenBella Books, 2017. 248 p.
5. Plowman L., McPake J. *Seven myths about young children and technology* // *Childhood Education*. 2013. Vol. 89(1). P. 27-33.

Контроль поведения и социометрический статус младших школьников

Контроль поведения, социальная компетентность, социометрический статус, младшие школьники

Идеи Б.Г. Ананьева о необходимости исследования социализации личности, становления ее в процессе воспитания и обучения, с учетом смены общественных ролей и общностей, продолжают оставаться актуальными и по сей день, с учетом постоянно происходящей трансформации общества. В последние годы особую актуальность приобрело понятие социальной компетентности, понимаемой как успешность и эффективность социального взаимодействия. И хотя необходимость формирования «социальных компетенций» включена во ФГОС, наши знания о ее содержании, динамике развития, влияющих на нее факторах, еще недостаточны. В работах О.В. Галаковой, Н.В. Калининой, Е.В. Михайловой формирование социальной компетентности школьников рассматривается скорее с педагогических позиций и поиска средств ее повышения, а психологический анализ социальной компетентности ждет более глубоких исследований.

Мы изучали роль контроля поведения – психологического уровня саморегуляции [2] в развитии социальной компетентности младших школьников.

В исследовании участвовали 75 учеников 3-4 классов одной из средних школ Подмосквья (32 девочки, ($M=121$ мес., $SD=9,65$)). Для оценки контроля поведения использовался опросник BRIEF [1]. Он включает 8 шкал, оценивающих различные стороны регуляции, как когнитивной, так и эмоциональной, и отчасти волевой, поэтому мы сочли возможным использовать ее для оценки контроля поведения.

Социальная компетентность детей оценивалась при помощи социометрии. Для каждого участника исследования подсчитывались социометрические статусы по общему количеству выборов. По медианному критерию дети были разделены на 4 группы: группа 1 – дети, которые получают мало как позитивных, так и негативных выборов (20 чел.); группа 2 – популярные дети, получившие больше позитивных выборов и меньше негативных (19 чел.); группа 3 – отвергаемые дети, получившие больше негативных и меньше позитивных выборов (18 чел.); группа 4 – дети, получившие много позитивных и негативных выборов (17 чел.). Далее были проанализированы взаимосвязи контроля поведения детей в этих группах и их социометрических показателей. Таких связей не было найдено в 1 и 2 группе.

В 3 группе – «отвергаемых детей» – чем хуже развит у детей контроль импульсивности, тем чаще их называют среди тех, кого не позвут в новую школу ($r=-0,52$, $p=0,02$).

В 4 группе выявлена парадоксальная связь контроля поведения и популярности: среди более популярных в этой группе оказываются дети с низкими оценками эмоционального контроля ($r=0,50$, $p=0,03$).

Связи контроля поведения и социометрических выборов более явно обнаруживаются в случае отвержения ребенка, при этом они разнонаправлены. Детей со слабым контролем импульсивности чаще называют в качестве нежелательных будущих партнеров по учебе, а детей со слабым эмоциональным контролем – напротив, отмечают в числе популярных. Неумение сдерживать импульсивное поведение часто ассоциируется с низкой социальной компетентностью [3]. Слабый контроль эмоций – эмоциональная лабильность, высокая чувствительность – могут ассоциироваться с искренностью и непосредственностью и привлекать детей, или же дети могут своеобразно понимать слово «популярный» – как «наиболее привлекающий внимание». Полученные данные требуют дальнейшего исследования связей контроля поведения и социальной компетентности для понимания их природы.

1. *Опросник для оценки функций программирования и контроля у детей: методическое руководство / Сост. и пер. Е.Ю. Горинной; под ред. Т.В. Ахутиной. М.: Теревинф, 2019.*
2. *Сергиенко Е.А., Виленская Г.А. Контроль поведения – интегративное понятие психической регуляции // Разработка понятий современной психологии / Отв. ред. Е.А. Сергиенко, А.Л. Журавлев. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2018. С. 343–378.*
3. *Razza R.A., Blair C. Associations among false-belief understanding, executive function, and social competence: a longitudinal analysis // J. Appl. Dev. Psychol., V. 30 (3). 2009. P. 332-343.*

Психологическое благополучие и проблемы подростков – участников буллинга

Подростки, буллинг, психологическое благополучие, личностные проблемы

Подростковый буллинг относится к числу актуальных социальных проблем, при этом исследований личностных предпосылок буллинга меньше, чем следовало бы ожидать. Особенно мало работ, посвященных изучению особенностей свидетелей буллинга. Между тем, эти группы подростков гораздо многочисленнее, они могут составлять до 88% учеников школьного класса (Волкова Е.Н, Волкова И.В., 2021). Также незначительно количество исследований личностных и поведенческих особенностей подростков, которые не достигают статуса социальных девиаций, в том числе, психологического благополучия, школьных успехов и трудностей подростков в зависимости от их ролевой позиции в буллинге.

Цель исследования: изучение психологического благополучия, личностных ресурсов и трудностей подростков в зависимости от их позиции в буллинг-структуре.

Материалы и методы. Опросник «The Olweus Bullying Questionnaire» (Olweus D. 2007, адаптация и перевод Волкова Е.Н, Волкова И.В., 2017); Шкала психологического благополучия К. Рифф (адаптация Жуковской Л. В., Трошихиной Е. Г., 2011); Опросник «Strength and Difficulties Questionnaire», русскоязычная односторонняя версия с самооценкой для детей 11–17 лет, Goodman R.N., 1997).

Выборку исследования составили 394 подростка в возрасте от 11 до 16 лет, учащиеся в 6-9 классах общеобразовательных школ; 45,4% – девочки, 54,6% мальчики. Ролевые позиции в буллинг-структуре варьировались в зависимости от возраста респондентов и класса и составляли от общего количества для жертв от 20,2% до 45,6%, для обидчиков от 5,6% до 8,8%, для обидчиков-жертв от 9,7% до 16,7%, для свидетелей от 38,2% до 59,5%.

Показатели психологического благополучия у подростков неоднородны: различия в показателях шкал «Автономность», «Личностный рост», «Самопринятие» не достоверны и их становление, вероятно, обусловлено общевозрастными особенностями развития личности, а не спецификой ситуации и роли в буллинге, в то время, как показатели шкал «Компетентность», «Позитивные отношения», «Жизненные цели» значимо различаются, причем самые высокие значения этих показателей наблюдаются у обидчиков и свидетелей буллинга. У этих же двух групп общий показатель психологического благополучия также выражен более всего.

У жертв буллинга и у обидчиков-жертв выраженность всех ресурсов психологического благополучия ниже, чем у других участников буллинга. Ресурсы обидчиков и свидетелей буллинга выражены в достаточной мере, при этом у обидчиков значительно лучше выражен показатель позитивных отношений с другими людьми, но несколько хуже сформирована способность ставить жизненные цели. Свидетели буллинга отличаются автономностью и умением ставить цели и достигать их.

Результаты регрессионного анализа показывают, что подростки – жертвы буллинга и обидчики-жертвы достигают благополучия за счет отсутствия ярко выраженных эмоциональных проблем и с помощью демонстрации просоциального поведения. У обидчиков предиктором благополучия является отсутствие эмоциональных проблем, а у свидетелей предикторами выступают просоциальность поведения, отсутствие эмоциональных и поведенческих проблем в школе, а также проблем взаимодействия со сверстниками.

Понимание проблем поведения и взаимоотношений подростков, а также демонстрация ими просоциального поведения, будучи наблюдаемыми и педагогами, и родителями, и психологами могут прогнозировать роли подростков в ситуации буллинга. Вместе с тем, кроме рассмотренных успехов и трудностей, предикторами благополучия подростков и их ролевой позиции в буллинге могут выступать другие переменные личностного свойства, например, связанные с ответственностью, самостоятельностью, эмпатией, что требует дальнейшего изучения.

1. Волкова Е.Н., Волкова И.В. Психология подросткового буллинга. Нижний Новгород: Изд. Мининского университета, 2021. 206 с.
2. Жуковская Л.В., Трошихина Е.Г. Шкала психологического благополучия К. Рифф // Психологический журнал. 2011. Т. 32. № 2. С.82-93.
3. Goodman R. The strengths and difficulties questionnaire: a research note // Journal of Child Psychology and Psychiatry. 1997. № 38(5). P. 581–586.
4. Olweus D. Bully/Victim Problems in School. Facts and Intervention // European Journal of Psychology of Education. 1997. № 12. P. 495–510.

Нормативное и рискованное информационное поведение молодежи: психологические предикторы

Информационное поведение, толерантность к неопределенности, враждебность, психологическая разумность

Приобщенность современного человека к информационному пространству меняет его установки, поведение, образ жизни и способствует появлению информационного поведения человека. Информационное поведение проявляется в умении ориентироваться в информационном пространстве, в навыках владения информационными технологиями, в умении адекватно оценивать и продуктивно использовать полученную информацию, а также создавать, распространять и отвечать за распространение новых информационных продуктов. Исследователи вводят понятия цифровой социализации, указывая, что цифровые технологии интегрируются в когнитивную и социальную систему личности, определяя ее цифровое расширение (достройку).[1] Важно понимать, что современный человек живет в смешанной реальности, удовлетворяя одни потребности в реальной жизни и уводя удовлетворение других - в интернет пространство.

Цель исследования: изучение нормативных и рискованных форм информационного поведения с различной смыслообразующей мотивацией и их психологических предикторов.

В исследовании приняли участие 192 студента очной формы обучения факультета «ППД» ДГТУ (г.Ростов-на-Дону) в возрасте от 17 до 27 лет (91% девушки, 9% юноши). Диагностический инструментарий: Стратегии информационного поведения СИП (А.В.Гришина, И.В.Абакумова, и др.), Опросник Стратегии преодоления стрессовых ситуаций (С.Хобфолл, в адапт. Н. Е. Водопьяновой, Е. С. Старченковой), Шкала толерантности к неопределённости (С.Баднер, в адапт. Т.В.Корниловой), Мельбурнский опросник принятия решений (Л.Манн, в адапт. Т.В.Корниловой), Шкала Психологической разумности (Х.Конте, в адапт. М.В.Новиковой, Т.В.Корниловой), Шкала враждебности (У.Кук, Д.Медлей, в адапт. Л.Н.Собчик). Для статистической обработки результатов применялись приемы описательной статистики, коэффициент ранговой корреляции Спирмена.

У студентов представлен весь спектр стратегий информационного поведения: среди нормативных ведущими являются «Интернет для поиска информации»(37,3%) и «Интернет как мотивирующая сила» (32,6%); среди рискованных- «Интернет для подглядывания за другими» (15,7%) и «Интернет как доступ к альтернативной информации»(14,7%).

Нормативные мотивационные стратегии информационного поведения имеют значимые положительные корреляции с показателями толерантности к неопределенности (предпочтение неопределенности, отношение к новизне, отношение к сложным задачам, открытость новому опыту), что свидетельствует о том, что студентов в интернет-среде привлекает, прежде всего, неопределенность, разнообразие и неоднозначность предлагаемой информации, как при самопрезентации себя в интернет-среде, так и при использовании интернет-контента в качестве мотивирующего стимула для развития. Выявлены значимые положительные связи между стратегиями «Интернет для совершения покупок», «Интернет как мотивирующая сила» и показателями психологической разумности (доступность переживаний, заинтересованность в сфере переживаний), что говорит о том, что для студентов так удовлетворяется потребность в выражении своих эмоций и переживаний.

Стратегия «Интернет как доступ к альтернативной информации» имеет значимые положительные корреляции со шкалами принятия решений, психологической разумности и враждебности, что говорит о важности разнородной информации, а связь с шкалами цинизма и агрессии указывает на деструктивную направленность поведения при потреблении такого рода информации.

Выявленные психологические предикторы различных стратегий информационного поведения позволили построить модель информационного поведения личности, что значительно расширяет понимание особенностей поведения в интернете, их причин и направлений работы по профилактике и снижению рисков при приобщенности к интернет-среде.

1. Солдатова Г.У., Войскунский А.Е. Социально-когнитивная концепция цифровой социализации: новая экосистема и социальная эволюция психики // Психология. Журнал Высшей школы экономики. 2021. № 18 (3). С. 431–450.

Исследование выполнено при финансовой поддержке РФ (проект № 22-78-10107).

Связь депрессивных переживаний и интернет-зависимости подростков

Депрессивные переживания, интернет-зависимость, подростки

Современный подросток живет в мире, который характеризуется неопределенностью, стрессогенностью жизненных событий, виртуализацией жизнедеятельности. Об эмоциональном неблагополучии современного подростка свидетельствуют возрастающее количество суицидальных попыток и склонность к аутодеструктивному поведению. От подросткового к юношескому возрасту психоэмоциональное благополучие личности существенно улучшается [2].

Необходимо отметить, что подростки особенно уязвимы по отношению к формированию депрессивных переживаний в силу возрастных особенностей и интенсивного давления социума, предъявляющего противоречивые требования к их самоопределению, образу жизни, поведению, внешности [1]. На индивидуальные различия в депрессивных переживаниях в подростковом возрасте влияют как генетические, так и средовые факторы. В период раннего подросткового возраста (10-14 лет), как у мальчиков, так и у девочек депрессивные переживания в большей степени обусловлены влиянием средовых факторов [3].

В последнее десятилетие одним из существенных изменений социальной ситуации развития подростка является виртуализация его жизни. Негативным последствием бесконтрольного использования Сети является формирование интернет-зависимости подростка. Мы предположили, что депрессивные переживания подростка связаны с его интернет-зависимостью. В исследовании использовался опросник детской депрессии Ковак «Child Depression Inventory» (CDI) и шкала интернет-зависимости Чена (Chen Internet Addiction Scale, CIAS) в адаптации В. Л. Малыгина и К. А. Феклисова. Для выявления различий был применен Укритерий Манна – Уитни, корреляционный анализ осуществлялся посредством коэффициента корреляции Спирмена. В исследовании приняли участие 78 подростков (13-14 лет), из которых 37 мальчиков и 41 девочка.

Корреляционный анализ позволил выявить значимую прямую связь общего показателя депрессивных переживаний и интернет-зависимости у подростков ($r=0,39$; $p\leq 0,05$). Подростки с более высокими показателями негативного настроения характеризуются более высокими значениями по шкале внутриличностных проблем ($r=0,37$; $p\leq 0,05$); по шкале симптомов отмены ($r=0,43$; $p\leq 0,05$) и по шкале компульсивных симптомов ($r=0,365$; $p\leq 0,05$). Обнаружена достоверная прямая связь межличностных проблем и компульсивных симптомов ($r=0,43$; $p\leq 0,05$), симптомов отмены ($r=0,43$; $p\leq 0,05$). Неэффективность подростков достоверно положительно коррелирует со шкалой внутриличностных проблем ($r=0,437$; $p\leq 0,05$). Чем в большей степени подростки характеризуются ангедонией, тем выше показатели симптомов толерантности ($r=0,33$; $p\leq 0,05$) и внутриличностных проблем ($r=0,36$; $p\leq 0,05$). Обнаружена прямая достоверная связь негативной самооценки (негативная оценка собственной неэффективности, наличие суицидальных мыслей) и внутриличностных проблем ($r=0,51$; $p\leq 0,05$).

Таким образом, подростки, у которых зафиксирована слабая зависимость от Интернета, имеют более низкий уровень депрессивных переживаний. При понимании положительного воздействия информационных технологий в ходе их активного внедрения в образовательный процесс необходимо учитывать те риски, которые могут возникнуть при бесконтрольном влиянии Сети на жизнь подростка.

1. *Депрессия у детей и подростков: группы риска, роль школы, рекомендации для учителей и родителей / науч. ред. Е.В. Сивак. М.: НИУ ВШЭ, 2022. 46 с.*
2. *Психоэмоциональное благополучие: интегративный подход / под ред. Л.А. Головей. СПб.: Нестор-История, 2020. 360 с.*
3. *Сабирова Е.З. Динамика наследственных и средовых влияний на депрессивные переживания у детей на протяжении школьного детства: автореф. дис.... канд. психол. наук / Е.З. Сабирова. М.: ПИ РАО, 2011. 24 с.*

Довгая Н.А. Владивосток, ФГБОУ ВО ТГМУ Минздрава России
Ковалева И.М. Владивосток, ФГБОУ ВО ТГМУ Минздрава России
Камболина П.С. Владивосток, ФГБОУ ВО ТГМУ Минздрава России

Внешние и внутренние ресурсы старшеклассников в период подготовки и сдачи выпускных экзаменов

Старший школьный возраст, стресс, тревожность, психологические ресурсы

Для большинства учеников девятых и одиннадцатых классов выпускные экзамены являются периодом выраженного стресса, обусловленного не только интенсивностью интеллектуальной работы, но и длительным временем ожидания результатов и «ценой» их успешности [4]. Согласно данным современных исследований, на протяжении всего периода подготовки к ОГЭ и ЕГЭ, ситуативная и личностная тревожность учеников растет и достигает высоких показателей, нередко становясь причиной психосоматических нарушений [1, 3]. Кроме того, учителя и родители учащихся зачастую не понимают, какого рода помощь и поддержку они могут оказать детям, и сами, находясь в состоянии тревоги, оказывают сильное давление на них, тем самым усугубляя ситуацию. Вероятно, на сегодняшний день необходимо перейти от обсуждения преимуществ и недостатков ОГЭ и ЕГЭ как форм проверки знаний к разработке эффективных способов поддержки школьников в этот период. В связи с этим целью данной работы было исследование внешних и внутренних ресурсов учащихся 9-х и 11-х классов в период подготовки и сдачи экзаменов. Под психологическими ресурсами будем понимать любые индивидуальные психологические особенности, которые могут осознанно использоваться человеком для достижения тех или иных целей [2].

В исследовании приняли участие 48 учащихся 9-х классов, из них 17 мальчиков и 31 девочка (средний возраст 15,7 лет) и 25 учащихся 11-х классов, из них 13 мальчиков и 12 девочек (средний возраст 17,4 лет).

Для достижения поставленной цели были использованы следующие методики: тест смысло-жизненных ориентаций Д.А. Леонтьева, методика тревожности Ч.Д. Спилбергера в адаптации А.Д. Андреевой, методика исследования личностной тревожности А.М. Прихожан, опросник Р. Кеттелла (подростковый вариант), авторская методика незаконченных предложений.

На основе полученных эмпирических данных была доказана роль смысло-жизненных ориентаций, целеполагания и локуса контроля как внутренних ресурсов в период подготовки учащихся к экзаменам, что, в свою очередь, согласуется с нашим опытом практического психологического сопровождения подростков. Было установлено, что подростки с высоким уровнем осмысленности жизни демонстрируют меньшую тревожность ($p < 0,05$). Кроме того, для них характерна более высокая познавательная активность как на уроках ($p < 0,05$), так и в обычной жизни ($p < 0,05$). Однако, в силу возрастных и индивидуальных особенностей не все подростки могут опираться исключительно на внутренние ресурсы. Чувство полной ответственности за все происходящее и невозможности разделить ее с кем-то также можно расценивать как неблагоприятный фактор. Его нейтрализация возможна за счет внешней поддержки со стороны семьи и учителей.

1. Кравцова Н.А. Психосоматическое развитие и психосоматическое здоровье современных детей и подростков. / В кн.: Методологические и прикладные проблемы медицинской (клинической) психологии. М.: 2018. С. 154-164.
2. Моросанова В.И. Осознанная саморегуляция произвольной активности человека как психологический ресурс достижения целей // Теоретическая и экспериментальная психология. 2014. № 4. С. 62-78.
3. Поляков В.М., Савчук О.В., Протопопова О.Н. Психодинамические аспекты формирования артериальной гипертензии у детей и подростков // Бюллетень Восточно-Сибирского научного центра Сибирского отделения Российской академии медицинских наук. 2007. № 3(55). С. 42-44.
4. Чибисова М.Ю. Психологическая подготовка к ЕГЭ. Работа с учащимися, педагогами, родителями. М.: Генезис, 2009. 184 с.

Игра как современный инструмент в психолого-педагогическом сопровождении подростков

Игровые технологии, интерактивные технологии, психолого-педагогическое сопровождение, кадеты

Существует много педагогических технологий, эффективно используемых в современной психолого-педагогической практике. У каждого метода существуют свои положительные и отрицательные стороны. Преимуществом использования игровых технологий как средства развития и коррекции в психологической работе является то, что игра это естественная и любимая форма деятельности детей и подростков. При этом сама идея использования игры как метода педагогического воздействия не нова, игры применялись в воспитании и обучении детей с древних времен. В трудах Д.Б. Эльконина, основанных на работах советского психолога А.Н. Леонтьева, использовалось понятие ведущего вида деятельности, к которым он, в том числе относил и игру. [2] Однако реальность современного мира накладывает отпечаток на использование различных педагогических технологий в обучении современных подростков. Все больше времени они проводят в информационном пространстве, которое является неотъемлемой частью их жизни. Поэтому включение информационных технологий в процесс обучения подростков становится необходимым условием для эффективной работы любого педагога.

В рамках психолого-педагогического сопровождения кадет пятых классов Кронштадтского морского кадетского военного корпуса было выявлено, что одной из причин снижения успеваемости обучающихся с хорошими интеллектуальными способностями являются низкие показатели развития внимания. В связи с этим была проведена пролонгированная диагностика с использованием методики Тулуз-Пьерона на протяжении трех лет (2020-23 гг.) на выборке из 80 кадет. На входном этапе исследования у 30% респондентов был отмечен слабый уровень показателя «скорость выполнения» и у 20% – «точности выполнения». Для повышения успеваемости кадет нами были разработаны игровые упражнения с использованием интерактивных технологий для развития внимания.

На основе классических таблиц Шульге, красно-черных таблиц Горбова-Шульте, игры «Муха» и других часто используемых методик для развития свойств внимания были созданы игры-тренажеры с использованием интерактивных технологий, такие как: тренажер «Интересные таблицы» – инструмент для диагностики и тренировки периферического зрения, концентрации внимания и параллельного восприятия информации; «Муха» — нейропсихологическая игра для развития концентрации внимания и пространственного воображения и др.

Использование интерактивных технологий позволяет проводить занятия одновременно со всем классом, что значительно сокращает время занятия, а так же облегчает обработку результатов в случае выполнения таких упражнений как «Интересные таблицы» или «Красно-черные таблицы». Педагог-психолог сразу видит данные по всем участникам, может посмотреть динамику по отдельному кадету, по классам, а так же может вывести средний, высокий и низкий результаты по группе в целом. Данные игровые упражнения могут использоваться кадетами для ежедневной самостоятельной тренировки.

Таким образом, внедрение игр-упражнений с применением интерактивных технологий позволило повысить показатели концентрации и устойчивости внимания у кадет. При сравнении данных диагностики с входного исследования с данными после проведения игровых упражнений с использованием интерактивных технологий на группах кадет (средний возраст $M=14\pm 1$), были выявлены статистически значимые увеличение показателей «точность выполнения» на 12% ($p=0,042$) и «скорость выполнения» на 20% (группа кадет со сниженными показателями внимания) ($p=0,051$). Далее нами было проведено сравнение выборок групп подростков, с помощью методики Тулуз-Пьерона, проходивших коррекционно-развивающие занятия с применением интерактивных технологий и без них. По результатам данного сравнения была выявлена более высокая эффективность использования игровых интерактивных технологий в коррекционно-развивающих занятиях (показатели «точность выполнения» и «скорость выполнения» экспериментальной группы выше контрольной на уровне статистической значимости $p=0,032$). Применение интерактивных технологий в играх-тренажерах позволяет работать с большим количеством учащихся и показывает хорошую динамику показателей внимания.

1. Кравцова Е.Е., Кравцов Г.Г. Психология игры. М.: «Левъ». 2017. 390 с.

2. Эльконин Д.Б. Психология игры. 2-е изд. М.: Гуманитарный изд. центр-Владос. 1999. 360 с.

Применение метода сенсомоторной интеграции в работе с детьми младшего школьного возраста

Сенсомоторная интеграция, баланс, школьные трудности

Ни для кого не секрет, что когнитивное развитие ребёнка определяют не только навыки чтения или письма, развитие познавательных функций, но и ловкость движений, моторные навыки [1]. Известно, что дети с нарушениями баланса и равновесия чаще демонстрируют трудности в обучении. Существуют данные, о том, что почти половина детей, страдающих вестибулярными расстройствами, имеют трудности в школьном обучении, включая проблемы в коммуникации с одноклассниками и учителями [2]. В нашем исследовании была поставлена цель определить связь между способностью к удержанию равновесия и решением сенсомоторных задач у детей младшего школьного возраста, сравнить изменения, происходящие в коммуникативной и когнитивной сфере у детей, посещающих занятия лечебной физкультурой и тех, кто посещает программы на подвесном оборудовании. Участвовали учащиеся 1-2 классов начальной общеобразовательной школы в возрасте 7-9 лет, наблюдавшиеся в поликлинике с диагнозом моторная неловкость (разной этиологии) в период 2021-2022 гг.

Дети были разделены на 2 группы по 10 человек: одна группа проходила двигательную реабилитацию по программе традиционной лечебной физкультуры, а вторая по программе сенсомоторной интеграции «Совопрактика» в зале с подвесным оборудованием. Родители участников заполняли анкету, где содержались вопросы о наличии/отсутствии у детей трудностей школьного обучения. Для оценки развития сенсомоторных навыков использовался следующий набор задач: задания, связанные со сформированностью схемы тела, способностью удерживать равновесие с закрытыми глазами; тесты, определяющие умение следовать заданной траектории движения, попадать в цель, удерживать равновесие с открытыми глазами, задания, связанные с переключением внимания, запоминанием инструкции, действием с инструментами. Для оценки баланса использовался тест Берг в детской модификации [3]. Лечебно-профилактические занятия в поликлинике для двух групп начинались одновременно, всего было 16 занятий в каждой группе 2 раза в неделю.

Между группами до начала занятий значимые различия по измеряемым параметрам не определялись. Мы провели внутригрупповое сравнение для экспериментальной и контрольной группы до и после занятий. Были обнаружены значимые различия по отдельным параметрам и в экспериментальной и в контрольной группе после занятий. При этом, общее количество изменений оказалось больше в экспериментальной группе, по сравнению с контрольной. Значимость различий оценивалась по критерию Вилкоксона, использовалась программа SPSS. У экспериментальной и контрольной групп наблюдались изменения в моторной сфере: укрепление мышечного корсета, нормализация мышечного тонуса, увеличение показателей силы мышц спины и живота, увеличение способности по поддержанию равновесия (тест Берг). В экспериментальной группе был отмечен рост показателей по тестам движений, связанных с траекторией и точностью, с координацией, и со схемой тела. Согласно анкете родителей, в экспериментальной группе у детей (в среднем) после курса занятий увеличились показатели, характеризующие двигательную активность, познавательную активность, снизились агрессия, проявления тревоги. 8 детей из экспериментальной группы и три ребенка из контрольной группы согласно анкете стали более общительны и дружелюбны. Родители отмечали большую усидчивость и внимательность детей из контрольной группы во время выполнения домашних заданий.

В связи с полученными результатами было сделано заключение о том, что работа на подвесном оборудовании требует дальнейших исследований, связанных с определением связи когнитивных функций и тренировкой баланса, необходимо изучить связь подобных упражнений с успеваемостью в школе, разделить факторы психологического воздействия, физических упражнений и среды, где проводится занятие и личности тренера.

1. Сергиенко Е.А. Революция в когнитивной психологии развития // *Российский психологический журнал*. 2005. 2 (2). 44-60.
2. Franco E.S., Panhoca I. Vestibular function in children underperforming at school // *Brazilian Journal of Otorhinolaryngology*. V. 74, Issue 6. 2008. P. 815-825.
3. Franjoine M.R., Gunther J.S, Taylor M.J. Pediatric balance scale: a modified version of the berg balance scale for the school-age child with mild to moderate motor impairment // *Pediatr Phys Ther*. 2003. 15(2). 114-128.

Связь ценностных ориентаций современных подростков с психологическим благополучием

Психологическое благополучие, ценностные ориентации, подростки

Необходимость соотнесения времени своей жизни с переживаемой эпохой означает для каждого индивида необходимость достичь адекватности собственных возможностей и возможности их реализации, даваемой данным отрезком исторического времени [1]. Каждое поколение развивается в конкретный исторический период, что несомненно оказывает влияние на их ценностные ориентации, установки, психологическое благополучие [2]. Наиболее важным данный вопрос остается применительно к подростковому возрасту, так как именно в этом возрасте может проявляться состояние психологического неблагополучия, и могут формироваться ценностные ориентации, которые не способствуют полноценному включению во взрослую жизнь [3,4]. Проблеме ценностных ориентаций и психологического благополучия подростков уделяется большое внимание, но она требует своего дальнейшего изучения в меняющихся социокультурных условиях прошлого и настоящего.

Цель: провести сравнительный анализ ценностных ориентаций и психологического благополучия подростков в меняющихся социокультурных условиях прошлого (2006-2007 гг.) и настоящего (2022-2023 гг.).

Исследование проводилось в два этапа в г. Ижевске: первый 2006-2007 гг. выборка А – 30 подростков (15-16 лет); второй 2022-2023 гг. выборка В – 30 подростков (15-16 лет). Методики исследования. Методика исследования ценностей личности Шварца (В.Н. Карандашев), «Шкала психологического благополучия» К. Рифф (Т.Д. Шевеленкова, Т.П. Фесенко).

Результаты исследования. С помощью критерия Манна-Уитни выявлены значимые различия: подростки выборки (А) значительно выше, чем подростки выборки (В) оценивают: «традиции», «универсализм», «доброта» и психологическое благополучие по Шкале «Управление окружением»; подростки выборки (В) значительно выше, чем подростки выборки (А) оценивают «безопасность», «гедонизм», «достижение» и психологическое благополучие по Шкале «Автономия». Также выявлены гендерные различия: девушки выборки (А) значительно выше, чем юноши выборки (В) оценивают «конформность», психологическое благополучие по Шкале «Положительное отношение с другими»; юноши выборки (В) значительно выше, чем девушки выборки (А) оценивают «власть», «самостоятельность», психологическое благополучие по Шкале «Личностный рост».

С помощью корреляционного анализа (коэффициента Спирмена), у подростков выборки (А) обнаружены положительные связи между психологическим благополучием и такими ценностями как «конформность», «доброта»; у подростков выборки В – с ценностями «безопасность», «гедонизм», «достижение».

Для подростков 2006-2007 гг. характерны значимые ценностные ориентации: «традиции», «универсализм», «доброта» и психологическое благополучие по Шкале «Управление окружением». Их психологическое благополучие тем выше, чем выше сохранение благополучия близких людей, и больше сдерживающих действий, которые могут навредить другим.

Для подростков 2022-2023 гг. характерны значимые ценностные ориентации: «безопасность», «гедонизм», «достижение» и психологическое благополучие по Шкале «Автономия». Их психологическое благополучие тем выше, чем выше безопасность, чем больше они достигают успехов и испытывают удовольствия.

1. Андреева Г.М. К вопросу о кризисе идентичности в условиях социальных трансформаций // Психологические исследования: электрон. науч. журн. 2011. N 6(20). С. 1. URL: <http://psystudy.ru> (дата обращения: 01.06.2023).
2. Дубровина И.В. Феномен «психологическое благополучие» в контексте социальной ситуации развития // Вестник практической психологии образования. 2020. Т. 17. № 3. С. 9–21.
3. Подольский А.И., Идобаева О.А. Связь ценностных ориентаций современных подростков с психологическими характеристиками их учителей и родителей // Национальный психологический журнал. 2016. № 2(22). С. 84–93.
4. Психоземциональное благополучие: интегративный подход / под ред. Л.А. Головей. СПб.: Нестор-История, 2020. 360 с.

Отношение школьников к вынужденному дистанционному обучению: связь с внутренней и внешней мотивацией

Учебная мотивация, вынужденное дистанционное обучение, отношение к онлайн-обучению, COVID-19

В 2020 году весь мир столкнулся с пандемией COVID-19. В связи с этим большинство учебных заведений были вынуждены за короткий срок перейти на дистанционное обучение, что повлекло за собой новые вызовы, трудности и задачи. Эти трудности коснулись и особенностей учебной мотивации учащихся при вынужденном дистанционном обучении.

Проблема учебной мотивации является одной из наиболее актуальных проблематик, поскольку именно от мотивации зависит в первую очередь эффективность учебного процесса (Гордеева и др., 2022). Э. Деси и Р. Райан выделяют типы мотивации, представляющие собой континуум от внешних к внутренним формам регуляции: экстернальная, интроецированная, идентифицированная и внутренняя мотивация. Показано, что доминирование внутренней мотивации является предиктором настойчивости и высоких достижений в учебной деятельности (Deci, Ryan, 2000; Гордеева и др., 2014).

Целью настоящего исследования стало сравнение особенностей мотивации школьников и их отношения к вынужденному дистанционному обучению. В исследовании приняли участие 436 школьника 5-8 классов. Исследование проводилось в обычной массовой средней школе г. Москвы. Даты проведения исследования: весна 2021 г.

Для оценки отношения школьников к вынужденному дистанционному обучению и определения у них доминирующего типа мотивации, была использована методика незаконченных предложений, где школьникам нужно было продолжить следующие утверждения: «Мне нравится моя школа за то, что...», «Я учусь потому что...», «Меня заставляет учиться...», «Учиться дома (онлайн) –...». Были сформулированы категории для каждого вида утверждений, с помощью которых были прокодированы ответы учеников.

Результаты исследования показали, что среди учащихся с позитивным отношением к онлайн-обучению значимо больше тех, у кого были обнаружены доминирование экстернальной и интроецированной мотивации, то есть их деятельность регулируется внешними и частично присвоенными правилами поведения. И меньше тех, у кого доминирует внутренний тип мотивации.

В качестве основного недостатка вынужденного онлайн-обучения дети с выраженными автономными типами мотивации выделили его сниженную эффективность. Напротив, школьники с доминирующими экстернальным и интроецированным типами мотивации в качестве основного недостатка обозначили меньшее количество коммуникации с другими людьми.

Основным достоинством вынужденного дистанционного обучения, по мнению школьников с доминирующим экстернальным типом мотивации, является ослабленный внешний контроль во время обучения. В то время как учащиеся с интроецированным, идентифицированным и внутренним доминирующими типами учебной мотивации отметили среди основных достоинств интерес к процессу обучения, удобство в его организации и большее количество свободного времени.

Таким образом, переход на вынужденное дистанционное обучение вызвал неоднозначное отношение у учащихся в зависимости от их доминирующего типа мотивации. Были определены основные недостатки данного формата обучения, над которыми необходимо работать, чтобы в будущем переход на вынужденное дистанционное обучения оказался более эффективным.

1. Гордеева Т.О., Сычев О.А., Осин Е.Н. Опросник «Шкалы Академической Мотивации» // Психологический журнал. 2014. Т. 35. № 4. С. 96-107.
2. Гордеева Т.О., Сычев О.А., Сухановская А.В. Динамика учебной мотивации и ориентация на оценки у российских подростков в период с 1999 по 2020 гг. // Культурно-историческая психология. 2022. Т. 18. № 3. С. 104-112.
3. Deci E.L., Ryan R.M. Self-Determination Theory and the Facilitation of Intrinsic Motivation, Social Development, and Well-Being // The American psychologist. 2000. V. 55. P. 68-78.

Общение подростков с родителями «онлайн» и «офлайн»: исследование с помощью метода фокус-групп

Общение подростков с родителями, онлайн-общение, виртуальная идентичность, качественные методы

Современные исследования показывают изменения когнитивного развития и повышение операциональной стороны информационной социализации подростков, что проявляется в развитии виртуальной идентичности, изменении отношений между поколениями, увеличению значимости проблемы саморегуляции в развитии личности молодого человека (О.В. Алмазова, Е.П. Белинская, О.А. Карабанова, С.В. Молчанов, В.С. Собкин, Г.У. Солдатова, Н.Н. Поскребышева, Е.И. Рассказова, О.В. Рубцова, А.Б. Холмогорова). Качественные методы отвечают запросам исследователей в ситуации транзитивности общества РФ (Н.Н. Богомолова, Н.П. Бусыгина, А.Е. Войскунский, С. Квале, Т.В. Корнилова, Т.Д. Марцинковская, О.Т. Мельникова, А.М. Улановский, Т.В. Фоломеева, Д.А. Хорошилов).

Исследование общения подростков с родителями методом фокус-групп является частью исследований авторов, выполненных в 2017-2020 гг.

Цель: выявить восприятие подростками особенностей общения с родителями. Выборка, процедура, методики: 12 мальчиков и 12 девочек старшего подросткового возраста (15-17 лет), жители Москвы и Московской области. Мальчики и девочки проходили фокус-группы отдельно. 4 фокус-группы проведены в 2017 году и 4 фокус-группы – в 2020 году (средняя продолжительность 2,5 ч). Использовались проективные и зондирующие методики («Коллаж из семантических картинок», «Тестирование стимулов», «меппинг» и др.). Анализ данных выполнен качественными и количественными методами.

Методология: учение о психологическом возрасте (Л.С. Выготский, Л.И. Божович, Д.Б. Эльконин); модель общения Г.М. Андреевой (три стороны общения: коммуникативная, перцептивная, интерактивная); методология качественных методов исследования; модель иерархичной структуры коммуникативных потребностей Л.И. Марисовой (включает 9 потребностей).

Непосредственное общение с родителями («офлайн») подростки описывают, как «разностороннее», «эмоциональное», а общение с родителями «онлайн», как «безэмоциональное», «свободное/непринужденное», «далекое». Исследование перцептивной стороны общения подростков с родителями в формате «онлайн» показало отличие восприятия родителей по сравнению с форматом общения «офлайн» (64% высказываний). Причиной изменения образа родителя при общении «онлайн», выступает низкая цифровая компетентность родителя (100 % высказываний). Родители воспринимаются, как «менее компетентные»: подростки «как будто меняются с родителями ролями», часто выступают в роли «наставников» для своих родителей. Образ родителя при общении «онлайн» может становиться «более мягким», «более взволнованным», «более серьезным». Исследование интерактивной стороны общения подростков с родителями «онлайн» показало, что современные подростки часто предпочитают решать конфликты с родителями «онлайн» (62 %). При общении с родителями «онлайн» подростки чувствуют себя более уверенными, что позволяет им при разрешении конфликтов «онлайн» «свободнее» высказывать свою точку зрения.

Выводы:

1) Подростки предпочитают непосредственные формы общения с родителями по сравнению с «онлайн» общением;

2) Личностный характер «офлайн» общения обеспечивает большую возможность доверительности и вовлеченности за счет возможности воспринимать эмоциональную составляющую общения;

3) Выявлено разнообразие мотивировок обращения к опосредованному общению подростков с родителями (формат «онлайн»): наиболее представлено решение бытовых вопросов (деловая форма общения);

4) Возможности разрешения конфликтных ситуаций в детско-родительском взаимодействии возникают в результате использования «онлайн» общения за счет снижения эмоциональной напряженности.

Полученные данные позволили выявить личностную, деловую и познавательную формы общения (М.И. Лисина). Теоретический анализ особенностей общения подростков с родителями в форматах «онлайн» и «офлайн» является задачей будущих исследований.

Субъектность подростков 10-16 лет в связи с отношениями со сверстниками и взрослыми

Субъект, субъектность, подростки, отношения

Субъектность – системная характеристика человека, обращенная к его деятельностным проявлениям. Субъект – человек, активно и пристрастно создающий свое бытие [3]. Онтогенетические теории субъектогенеза предполагают, что развитие субъекта начинается с первых месяцев и продолжается всю жизнь [2]. Формирование субъектности нельзя представить вне контакта со значимым Другим, который отражает субъекту его самого [1]. Однако, эмпирических данных о проявлении субъектности в отдельно взятые возрастные периоды недостаточно, замечен разрыв между теорией и программами по развитию субъектности.

В данной работе мы ставили своей целью проверить гипотезу о наличии связи между близкими, доверительными отношениями со взрослыми (родителями, учителями) у подростков и уровнем развития их субъектных качеств. Среди них мы рассматривали активность, самостоятельность, локус контроля, рефлексивность, самоотношение, понимание и принятие других, саморазвитие, мотивационную позицию к деятельности (учебную позицию).

В исследовании приняли участие ученики общеобразовательной школы в г. Санкт-Петербург (N=77, возрастные группы 10-11 лет, 12-13 лет, 14-16 лет). Для изучения субъектности методом срезов применялись методики: «Структура субъектности» Волковой Е.Н., Серegiной И.А. стандартная версия и адаптация Гришиной Е.В. для младших подростков., «Субъектная позиция» Зарецкого В.К. и соавторов, «Автономность-зависимость» Прыгина Г.С., Методика решения воображаемых экспериментальных ситуаций Магюхиной М.В., Яриковой С.Г., Тест УСК в адаптации Куликовой Т.И., методика «Кто Я» М. Куна- Т. МакПартленда, «Неоконченные предложения» в модификации Михела В. Для диагностики сферы отношений: «Неоконченные предложения», «Круг общения» Андрущенко Т.Ю., респонденты указывали состав семьи.

Математико-статистической обработка (SPSS Statistics 21): анализ средних, однофакторный дисперсионный анализ, корреляционный анализ по Спирмену.

Число близких, положительных контактов с ровесниками увеличивается от младшего к старшему подростковому возрасту, а негативных – уменьшается. Круг общения со взрослыми количественно и качественно однородный в трех возрастных группах.

У подростков 10-11 лет зависимость субъектных атрибутов от актуального круга общения слабая. Однако, количество близких и позитивных контактов с учителями, эмоциональное отношение к ним выше у учеников с более высоким уровнем проявления ряда субъектных качеств.

В группе 13-14 лет связи между субъектностью подростка и отношением со сверстниками более заметны. Тем не менее, в этом возрасте близкие и позитивно окрашенные отношения со взрослыми в школе показывают корреляции с большим числом параметров субъектности, чем показатели, характеризующие отношения со сверстниками.

У подростков 14-16 лет наблюдается обратная зависимость между количеством контактов со сверстниками и уровнем развития субъектности. Также, слабее проявляют свои субъектные черты подростки, которые имеют отрицательный характер общения с учителями. У данной группы наблюдаем положительные связи между субъектностью и близкими, позитивными отношениями со взрослыми вне школы. Кроме того, подростки 14-16 лет из полных семей опережают по уровню развития субъектных качеств сверстников из неполных семей.

Таким образом, полученные данные подтверждают связь между субъектностью подростка и характером его отношений со взрослыми.

1. Волкова Е.Н., и др. Развитие субъектности в онтогенезе в современном социокультурном пространстве образования и семьи: учеб. пособие. Н.Новгород: НГПУ имени К.Минина, 2012. 250 с.
2. Сергиенко Е.А. Континуально-генетический принцип становления субъекта // Субъектный подход в психологии. М.: Институт психологии РАН. 2009. С. 50–66
3. Сергиенко Е.А. Развитие психологии субъекта и субъект развития // Психологический журнал, Т. 33, № 1, 2012, с. 7-19.

Особенности ценностных ориентаций и социальных установок подростков, склонных к отклоняющемуся поведению

Подростки, отклоняющееся поведение, ценностные ориентации, социальные установки

Подростковый возраст является одним из самых «острых» периодов взросления, в процессе которого происходит перестройка ранее сложившихся психологических структур, возникают новообразования, формируются ценностные ориентиры и закладываются основы сознательного поведения, что определяет актуальность изучаемой нами проблемы [2]. Вопросами ценностных ориентаций, а также социальных установок подростков, имеющих склонность к отклоняющемуся поведению, занимались такие отечественные ученые как Б.С. Алишев, Е.В. Звягина, О.В. Болотова, Л.В. Зубова, Н.А. Плугина, Т.Н. Смотровая, Н.В. Светлова [1].

Цель исследования – выявить и описать особенности ценностных ориентаций и социальных установок подростков, склонных к отклоняющемуся поведению. Были использованы следующие психодиагностические методики: диагностический опросник для выявления склонности к различным формам девиантного поведения; диагностика ценностных ориентаций подростков (В.Ф. Сопов, Л.В. Карпушина); диагностика социально-психологических установок личности в мотивационно-потребностной сфере (О. Ф. Потемкина). Методы математической статистики: коэффициент корреляции г-Пирсона. В исследовании приняли участие 28 девочек и 22 мальчика 8-9 классов, в возрасте 12-15 лет.

В ходе изучения склонности к различным формам девиантного поведения было выявлено, что: подростки с низким уровнем склонности к отклоняющемуся поведению или его отсутствием (40%) имеют удовлетворительную социальную адаптацию; со средним уровнем склонности к отклоняющемуся поведению (50%) и высоким уровнем склонности к отклоняющемуся поведению (10%), имеют признаки ярко выраженного отклоняющегося от общепринятых норм поведения.

Среди подростков, имеющих низкий уровень предрасположенности к проявлению отклоняющегося поведения у 40% преобладают показатели по шкале общественно полезная деятельность, у 25% – по шкале ответственность, у 15% – по шкале Я-ценность и 10% по шкалам другой-ценность и познание. Среди подростков, имеющих средние и высокие показатели склонности к отклоняющемуся поведению и отнесенных к группе риска у 53,4% – высокие показатели по шкале Я-ценность, у 20% – высокий показатель по шкале ответственность, у 13,3% – по шкале общественно полезная деятельность, 10% выбирают другой-ценность и у 3,3% – высокие показатели по шкале познание.

Измерение системы социальных установок в группе 1 выявило: 30% ориентируются на процесс и на результат, ориентация на альтруизм наблюдается у 25% и у 15% имеют ориентацию на эгоизм; в группе 2 наибольшее число испытуемых ориентированы на эгоизм – 36,7%, 26,7% – ориентируются на результат, на процесс ориентированы 23,3% и ориентация на альтруизм – у 13,3%.

Была установлена положительная корреляционная связь на уровне $p \leq 0,001$ между общей склонностью к отклоняющемуся поведению и аддиктивным поведением, делинквентным поведением, суицидальным риском, показателями ценностей «я-ценность», «эгоизм» и «свобода»; на уровне $p \leq 0,05$ между общей склонностью к отклоняющемуся поведению и ценностями эгоизма, власти, денег. Отрицательная корреляционная связь ($p \leq 0,01$) выявлена между общей склонностью к отклоняющемуся поведению и общественно полезной деятельностью, альтруизмом, ответственностью, «другой-ценность» с эгоизмом; на уровне $p \leq 0,05$ между делинквентным поведением и общественно полезной деятельностью, трудом, суицидальным риском и «я-ценность», эгоизмом, «я-ценность» и «другой-ценность», общественно полезной деятельностью и деньгами, но прямо коррелирует с процессом ($p \leq 0,05$).

Таким образом, среди подростков, имеющих низкий уровень предрасположенности к проявлению отклоняющегося поведения, отмечаются высокие показатели по шкале «общественно полезная деятельность», «процесс», «результат» и «труд»; среди подростков, имеющих средние и высокие показатели склонности к отклоняющемуся поведению отмечаются высокие показатели по шкале «Я-ценность», «эгоизм», «свобода» и «власть».

1. Ранняя профилактика девиантного поведения детей и подростков / Под ред. А.Б. Фоминой. М.: Педагогическое общество, 2003. 288 с.
2. Яницкий М.С. Ценностная регуляция поведения личности и ее нарушение при различных формах социальных девиаций // Вестник Краунц. 2011. № 2 (18). С. 119-131.

Проявления возрастного кризиса у подростков афганской диаспоры в России

Подростковый кризис, симптомы кризиса, агрессивные реакции, образ взрослости, образ Я, самооценка

Подростковый кризис – один из наиболее ярких возрастных кризисов, основное его новообразование – появление чувства взрослости [1]. При этом протекание кризиса зависит от многих факторов, в том числе социокультурных. Целью исследования было изучение проявлений возрастного кризиса у подростков афганской диаспоры в России и сравнительный анализ с российскими данными.

Выборка: 40 подростков афганской диаспоры (Москва, Санкт-Петербург): младшие подростки 10-12 лет ($n=21$) и старшие подростки 13-16 лет ($n=19$); 15 мальчиков и 25 девочек. Данные сравнивались с 4 российскими выборками, примерно такого же возрастного диапазона. Методы: опросник симптомов подросткового кризиса В.Е. Василенко; опросник Басса-Дарки в адаптации Г.А. Цукерман (краткая версия); методика исследования образа взрослости О.В. Курышевой, К.Н. Поливановой; методика «Кто я?» М. Куна, Т. Макпартленда и методика Дембо-Рубинштейн в модификации А.М. Прихожан. Использовались Т-критерий Стьюдента, критерий Манна-Уитни, корреляционный анализ по Спирмену и регрессионный анализ.

У подростков афганской диаспоры в России выявлен средний уровень кризиса, наиболее выражены гиперкомпенсация и хобби-реакции. Кризис более выражен у старших подростков по сравнению с младшими без различий по полу. По сравнению с российскими подростками у подростков афганскими корнями ниже кризис в целом, реакция оппозиции, все виды эмансипации, интерес к внутреннему миру ($p \leq 0,001$), хобби-реакции ($p \leq 0,01$). Из агрессивных реакций у подростков афганской диаспоры более всего выражена физическая агрессия (62%), затем чувство вины (52%), менее всего – подозрительность (3%). Различий в связи с возрастом и полом нет. Эти данные сходны с российскими в части преобладания физической агрессии, другие параметры ниже, особенно подозрительность. У подростков из афганской диаспоры недостаточно сформирован образ взрослости, преобладает тип «реальный план действий – внешняя взрослость». У старших подростков образ взрослости более сформирован ($p \leq 0,01$), по гендеру различий не выявлено. Значимых различий с российской выборкой не обнаружено. В образе Я у подростков афганской диаспоры преобладают «Социальное Я» и «Рефлексивное Я», затем идет «Деятельное Я». Различий по возрасту и полу не выявлено. По сравнению с российской выборкой у подростков афганской диаспоры менее представлено «Материальное Я» ($p \leq 0,05$), но более выражено «Перспективное Я» ($p \leq 0,01$). При этом есть различие в структуре: у подростков афганской диаспоры на первом месте находится «Социальное Я», у российских подростков – «Рефлексивное Я». Самооценка и уровень притязаний у подростков афганской диаспоры находятся на высоком уровне. Возрастных различий нет, но выявлены различия по полу, у мальчиков выше средние самооценка ($p \leq 0,01$) и уровень притязаний ($p \leq 0,01$). Что касается сравнения с российской выборкой, то подростки из афганской диаспоры выше оценивают свой авторитет у сверстников ($p \leq 0,001$).

Корреляционный анализ выявил положительные взаимосвязи общего показателя кризиса с физической и вербальной агрессией и в то же время со сформированностью образа взрослости. Симптомы кризиса мало коррелируют с параметрами образа Я подростков, но при этом отрицательно коррелируют с самооценкой и притязаниями по уверенности в себе.

Регрессионный анализ выявил, что на всей выборке подростков афганской диаспоры предикторами кризиса являются более сформированный образ взрослости и меньший уровень притязаний по шкале уверенности в себе ($p \leq 0,05$). У младших подростков предикторами кризиса также выступает более низкий уровень притязаний по шкале уверенности в себе ($p \leq 0,01$), вторым предиктором является более выраженное рефлексивное Я ($p \leq 0,05$). Для старших подростков модели не выявлено.

Таким образом, подтвердилась роль социокультурных факторов в проявлениях подросткового кризиса – у подростков афганской диаспоры в России кризис выражен меньше, при этом преобладает гиперкомпенсация.

1. Поливанова К.Н. Психология возрастных кризисов. М.: Академия, 2000.

Петрова Ю.В. Санкт-Петербург, ФГБОУ ВО РГПУ им. А.И. Герцена
Богдановская И.М. Санкт-Петербург, ФГБОУ ВО РГПУ им. А.И. Герцена
Королева Н.Н. Санкт-Петербург, ФГБОУ ВО РГПУ им. А.И. Герцена

Отношение к деньгам у подростков с проблемным использованием интернета

Отношение к деньгам, интернет-зависимость, подростковый возраст, проблемное использование интернета

В современное время деньги имеют значимое место в жизни каждого человека. Как отмечает О.С. Дейнека, понятие отношения к деньгам представляет собой «осознанное и субъективно-избирательное представление о деньгах, которое проявляется в денежном поведении» [5].

Особую значимость вопрос отношения к деньгам приобретает в подростковом возрасте, когда данная сфера развита ещё не в полной мере, в результате чего отношение к финансам у подростков является достаточно противоречивым и зачастую в малой степени осозанным.

В этой связи огромного внимания заслуживает рассмотрение проблемы отношения молодого поколения к деньгам и последующее целенаправленное формирование финансовой грамотности у подростков. Некоторые ученые отмечают, что азы финансовой грамотности следует закладывать ещё в период раннего детского возраста [1], а некоторые выступают решительно против этого, объясняя это тем, что такое финансовое воспитание может выступать в качестве причины потери значимых личностных черт [2; 3; 4].

Сегодня в социуме доминирует идея рыночных отношений, в СМИ и интернет-источниках подчёркивается значимость потребления. Такое отношение к финансовой составляющей жизни требует особого внимания, в том числе коррекции, формирования адекватной финансовой грамотности.

В исследовании принял участие 1031 подросток в возрасте 14-17 лет. Подростки были разделены на 3 группы, в зависимости от того, насколько у них проявляется склонность к Интернет-зависимому поведению по Шкале Интернет-зависимости С. Чена. Группа 1 (354 чел.) – подростки с нормативным использованием интернета; Группа 2 (461 чел.) – подростки с проблемным использованием интернета; Группа 3 (216 чел.) – подростки с выраженным паттерном интернет-зависимого поведения. Методики исследования: Шкала Интернет-зависимости С. Чена; новая шкала отношения подростков к деньгам И.Ф. Бейтдера, К.Г. Гудмунсона, «Отношение школьников к деньгам» М.Ю. Семёнова. Математико-статистические методы: Критерий Н-Краскела-Уоллиса; коэффициент ранговой корреляции Спирмена.

Проведенный анализ показал, что подростки с проблемным использованием Интернета выше остальных групп оценивают свои права в финансовой сфере и ниже остальных оценивают степень своей финансовой ответственности перед родителями. При этом, они чаще подростков остальных групп испытывают тревожность из-за денег и стремятся к финансовой безопасности. Чем выше склонность к Интернет-зависимости у подростков, тем выше их самооценка финансовых прав и ниже чувство ответственности по отношению к родительским деньгам, а также школьная успеваемость. Позитивное и рациональное отношение к деньгам у подростков связано с высокой самооценкой права получать желаемые вещи, а также с высоким уровнем финансовой ответственности, тогда как тревожность из-за денег и стремление к финансовой безопасности у подростков коррелирует только с высокой самооценкой финансовых прав во всех сферах, однако не связано с ответственностью по отношению к родительским деньгам.

1. Аникаева Е.А. Основные подходы к исследованию денег в социологии // *Экономическая социология*. 2008. № 1. С. 114-124.
2. Грязнова Е.В., Треушников И.А., Мальцева С.М. Тревожные тенденции в системе российского образования: анализ мнений ученых и педагогов // *Перспективы науки и образования*. 2019. № 2(38). С. 47-57.
3. Грязнова Е.В., Шкирнюк П.Г. Здоровоохранение в России и качество жизни населения // *МВ: Экономика, тренды и управление*. 2014. №4. С. 72-85.
4. Мальцева С.М., Комарова А.Н., Строганов Д.А. К вопросу о светском и атеистическом в образовании // *Современные исследования социальных проблем*. 2019. № 4-3. С. 104-108.
5. Фофанова Г.А. Отношение к деньгам школьников и студентов // *София*. 2017. №1. С. 20–26.

Поколение Z в современном информационном мире: практики цифровой партисипации

Цифровая партисипация, поколение Z, цифровые технологии, гражданская активность

В эпоху цифровых технологий, гражданское общество стало активно использовать социальные сети и другие онлайн-платформы для организации своей деятельности [2]. Особенно ярко это проявляется у поколения Z, которое выросло в условиях информационного общества и умеет эффективно использовать цифровые инструменты для достижения своих целей.

Цифровая партисипация поколения Z представляет собой возможность для молодых людей не только выразить свое мнение, но и принимать активное участие в общественной жизни.

Одним из примеров использования цифровых технологий для мобилизации гражданского общества является движение Fridays for Future, запущенное Гретой Тунберг. Благодаря использованию социальных сетей и других онлайн-платформ, движение стало глобальным и привлекло внимание многих людей к проблеме изменения климата [1]. Такие примеры подтверждают высокую эффективность онлайн форм проявления гражданской активности, что делает вопрос изучения цифровой партисипации актуальным.

С целью изучения практик цифровой партисипации молодежи нами было проведено исследование в августе-сентябре 2022 года (онлайн опрос, n- 1150 человек, учащаяся и работающая молодежь, стихийная выборка).

Результаты исследования продемонстрировали, что большинство опрошенных не видят явного преимущества в эффективности онлайн- или офлайн-форм гражданской активности. Примерно в равной степени молодые люди считают, что обе формы могут быть эффективными (40%).

При этом большая часть опрошенных проявляют свою гражданскую активность онлайн: ставят лайки (66%), обсуждают волнующие вопросы на форумах (28%), подписывают петиции (22%), выражают свое мнение в комментариях (23%). Также многие голосуют на новостных сайтах (32%) и делают онлайн пожертвования (20,8%). Большинство опрошенных также отметили, что преимущественно наблюдают за событиями, чтобы быть в курсе (68%). Меньшая часть опрошенных предпринимает более активные действия по проявлению своей гражданской позиции – выступает организатором групп поддержки, инициативных движений (8,7%), создает темы по социально-значимым вопросам (7,1%).

Анализ задач, которые можно наиболее эффективно решать с помощью онлайн формата по мнению опрошенных, показал, что цифровой активизм может помочь предлагать темы для публичного обсуждения и ставить задачи для власти (48,4%), а также привлекать граждан к решению разных социальных задач (41,4%). Организация диалога между жителями и властью также считается эффективной задачей (39,8%), а информирование жителей о состоянии дел, проблемах города и их решении – тоже важной (38,2%).

В целом, цифровая партисипация поколения Z является важным инструментом для реализации мобилизационной функции гражданского общества, активно используемым представителями поколения Z. Она позволяет молодым людям выразить свое мнение, привлекает внимание властей к существующим проблемам, что способствует развитию демократических процессов в обществе.

1. Бровкович П.К. Современный маркетинг в сфере «зеленых инвестиций» // Внедрение стратегий устойчивого развития ЕС для Индонезии и России: сборник науч. трудов в 2 ч. Т. 1. М.: РУДН, 2022. С. 63–71.
2. Мураценков С.В. Социальные сети как инструмент организации эффективной политической коммуникации гражданского общества и органов власти в современной России // Известия ТулГУ. Гуманитарные науки. 2016. № 4. С. 35–40.

*Исследование выполнено при финансовой поддержке РНФ и Правительства Свердловской области
(проект № 22-28-20265).*

Совладающее поведение и психологическое благополучие старшеклассников с учетом их принадлежности к фэндомам

Юношеский возраст, копинг-стратегии, психологическое благополучие, фэндомы

При подготовке к экзаменам старшеклассники могут испытывать стресс, который усугубляется дефицитом времени, сложными отношениями с учителями и т.д. [2]. В то же время исследования показывают, что общение, хобби и творчество вносят вклад в совладание со стрессом [1;3]. Фэндомы, будучи группой людей, объединенных общим интересом (любимой книгой, музыкальной группой, видеоигрой и т.д.) и проявляющих ту или иную степень творческой, социальной и/или фанатской активности внутри своего сообщества, предоставляют возможности для всех этих видов активности. Но их потенциал с точки зрения совладания на данный момент не изучен. Стремясь восполнить этот пробел, мы провели исследование.

Выборку составили юноши и девушки от 15 до 18 лет ($n=248$). Девушки разделены на четыре подгруппы: фэндом «BTS» (посвящен южнокорейской музыкальной группе; $n=60$), фэндом «Гарри Поттер» ($n=44$), фэндом «Genshin Impact» (посвящен компьютерной игре; $n=64$) и контрольная группа девушек, не относящихся к фэндомам ($n=27$). Юноши представляют единую группу участников фэндомов ($n=36$) и контрольную группу ($n=17$). Методы: опросник способов совладания Р. Лазаруса и С. Фолкман, опросник "Юношеская копинг-шкала" Э. Фрайденберг и Р. Льюиса в адаптации Т.Л. Крюковой, методика измерения уровня выраженности эскапизма Т.Н. Савченко с соавторами, шкала психологического благополучия К. Рифф в адаптации Л.В. Жуковской, Е.Г. Трошихиной. Также мы разработали две анкеты для фиксации параметров вовлеченности в фэндом и мотивов вступления в него. Математическая обработка данных: однофакторный дисперсионный, корреляционный и регрессионный анализы.

Результаты. Для девушек фэндомы являются важной частью жизни, они отмечают их потенциал в совладании с негативными эмоциями и преодолении трудностей. Последнее отмечают и юноши. Ведущим мотивом вступления в фэндом у девушек является отдых; у юношей он не выявлен. По сравнению с контрольной группой любительницы Гарри Поттера и Genshin'a в большей мере обращаются к стратегии самообвинения ($p<0,05$), а юноши чаще используют планирование решения проблемы ($p<0,01$). Любительницы Genshin'a имеют более низкие значения по ряду показателей психологического благополучия, чем другие группы. Для степени вовлеченности в фэндом и его субъективной значимости получены модели в группах фанатов BTS, любительниц Гарри Поттера и юношей, состоящих в фэндомах. В обоих случаях предикторами выступили стратегии совладания и показатели эскапизма. У фанатов BTS предикторами также являются «позитивные отношения» для степени вовлеченности в фэндом ($p<0,05$) и «личностный рост» для субъективной значимости ($p<0,01$). Во всех группах девушек, представляющих фэндомы, получены модели для общего показателя психологического благополучия, где в качестве предикторов выступили различные показатели авторских анкет ($p<0,01$). В каждом случае предиктором оказался мотив вступления в фэндом «Бегство от реальности» с отрицательным β -коэффициентом ($p<0,01$); также обнаружено по одному предиктору с положительным коэффициентом. Они, вероятно, определены содержанием фэндома.

Судя по моделям, психологическое благополучие и факт принадлежности к фэндому взаимообуславливают друг друга. С точки зрения совладания фэндомы амбивалентны: они могут выступать в качестве ресурса совладания, эскапизма или иметь компенсирующую функцию в зависимости от общей стратегии совладания старшеклассника.

1. Журавлева Е.А. Копинг-стратегии и творческие хобби студентов в период самоизоляции и дистанционного обучения // *Bulletin of the International Centre of Art and Education*, № 4, 2020, с. 1—17.
2. Меньшикова Т.И. Проявления и причины экзаменационного стресса у старшеклассников // *Постулат*, № 10, 2018. URL: <http://e-postulat.ru/index.php/Postulat/article/view/2007/2044> (дата обращения: 07.05.2023).
3. Wolfers L.N., Utz S. Social Media Use, Stress, and Coping // *Current Opinion in Psychology*, 2022. DOI: 10.1016/j.copsyc.2022.101305.

Особенности эмоционального воспитания детей старшего дошкольного возраста в семье

Старший дошкольный возраст, эмоциональное воспитание, социализация

Семья является первичным институтом социализации ребенка, а оптимальное эмоциональное развитие ребенка – одним из условий становления личности и психологического благополучия. Эмоциональное воспитание – это способность родителей верно реагировать на эмоциональное состояние ребенка, и правильно выстраивать беседы об эмоциях. Проблемы эмоционального воспитания активно разрабатывались в психолого-педагогической литературе, и задачи, которые ставились перед родителями, включали развитие умений ребенка оценивать и различать свои эмоции, обучение ребенка адекватным способам эмоционального реагирования, развитие у ребенка способности управлять своими эмоциями, способности к сочувствию и сопереживанию [1, 2, 4].

Целью работы является изучение отношения родителей к эмоциональному воспитанию детей старшего дошкольного возраста в семье.

Методы исследования включали анкетирование с помощью Google форм родителей детей старшего дошкольного возраста, а также методику «Понимание эмоциональных состояний» Г.А. Урунтаевой, Ю.А. Афонькиной [3], которая предлагалась детям. Работа проводилась на базе дошкольного подразделения № 4 ГБОУ г. Москвы «Школа № 1547». В исследовании участвовало 59 родителей (средний возраст 27 лет) и 15 детей (средний возраст 5 лет 6 месяцев).

Показано, что родители занимаются эмоциональным воспитанием, стремятся развиваться в педагогическом и психологическом направлениях. Родители способны к эмпатии в форме сочувствия и сопереживания, и это помогает им в воспитании детей. Родители знают, что такое эмоциональное воспитание, и применяют его на практике. С помощью родителей дети обучаются распознавать эмоции и эмоциональные состояния другого человека, героев книг и мультфильмов, учатся выражать эмоции и чувства с помощью эмоциональной лексики и увеличивают свой словарный запас при общении со взрослыми. Дети учатся принимать свои эмоции и эмоциональные реакции, а также эмоциональные реакции других людей, «чужих». Попутно отметим, что родители данной выборки не применяют по отношению к ребенку физических методов наказания.

Результаты анкетирования показали, что задачи эмоционального воспитания в целом решаются родителями. Сравнительный анализ ответов родителей и результатов методики «Понимание эмоциональных состояний», проведенной с детьми, показал, что дети получают первоначальные знания об эмоциях, и в семье создаются условия для приобретения ребенком ценного эмоционального опыта.

1. Гаврилова Т.П. Эмпатия как специфический способ познания человека человеком // *Теоретические и прикладные проблемы психологии познания людьми друг друга*, Краснодар: Кубань, 2015. 179 с.
2. Изотова Е.И. Когнитивные и поведенческие репрезентации эмпатии в дошкольном и младшем школьном возрасте // *Психологические исследования*. 2011. № 5(19). С. 8.
3. Урунтаева Г.А., и др. *Практикум по дошкольной психологии*. М.: Академия, 2008. 304 с.
4. Эмоциональный интеллект ребенка: практич. руковод.о для родителей / Дж. Готтман, Дж. Деклер. 7-е изд. М.: МИФ, 2021. 296 с.

Детская клиническая и специальная психология Памяти Ирины Ивановны Мамайчук

Антонова Е.Е. Москва, ФГБОУ ВО МГППУ
Алексеева О.С. Москва, ФГБНУ ПИ РАО
Бурдукова Ю.А. Москва, ФГБОУ ВО МГППУ
Лыкова Н.С. Москва, ФГБОУ ВО МГППУ
Ржанова И.Е. Москва, ФГБНУ ПИ РАО

Невербальный интеллект у детей с общим недоразвитием речи

Дошкольники, недоразвитие речи, невербальный интеллект

Представленное исследование направлено на изучение невербальных способностей у детей с недоразвитием речи. Недостатки речи могут являться следствием различных нарушений развития, однако среди дошкольников довольно существенную группу составляют дети, у которых нарушение речи является первичным дефектом (то есть при сохранном слухе и относительной сохранности когнитивной сферы наблюдается нарушения формирования всех компонентов речевой системы). Для таких детей (детей с ОНР) характерно позднее появление речи, трудности с формированием связной речи, частые фонетические ошибки и аграмматизмы [2]. У исследователей нет единого мнения о снижении интеллекта при ОНР. В ряде работ утверждается, что первичным является нарушение мышления (например, в результате органических поражений головного мозга), которое уже потом влечет за собой нарушение речи [1]. Тогда как по другим данным, снижения, в частности, невербального интеллекта не наблюдается [4], или его уровень находится на нижней границе нормы [3]. Современные тесты интеллекта для детей содержат так называемую невербальную шкалу, которая позволяет оценивать общий интеллект без использования вербальных субтестов (см, например, [5]).

В данном исследовании для диагностики интеллекта использовался детский тест Векслера в его старой редакции, который включает в себя 12 субтестов (6 вербальных и 6 невербальных), и три интегральных показателя (общий показатель, вербальный показатель и невербальный показатель). Выборку составили 49 детей с диагнозом ОНР 3 степени, средний возраст – 6,93 года, стандартное отклонение – 0,5; и 36 нормотипичных детей, средний возраст – 6,64 года, стандартное отклонение – 0,43. Анализ проводился с использованием непараметрических критериев сравнения (Манн-Уитни и Вилкоксона).

Было обнаружено, что дети из группы нормы превосходят детей с ОНР по всем трем интегральным показателям (для вербального показателя $U = 228,5$, $p = 0,00$; для невербального показателя $U = 452,5$, $p = 0,00$; для общего показателя $U = 214,000$, $p = 0,00$). Однако, если сравнивать показатели внутри группы детей с ОНР, то было выявлено, что невербальный показатель значительно превышает вербальный и общий (для вербального показателя $Z = -4,82$, $p = 0,00$; для общего показателя $Z = -4,88$, $p = 0,00$), тогда как в группе нормотипичных детей эти различия незначимы. Также следует отметить, что по вербальному показателю 8 детей с ОНР (16%) получили балл ниже 80 (то есть ниже границы нормы), тогда как по невербальному у всех детей кроме одного показателя были выше 80 баллов.

Таким образом, можно предположить, что несмотря на значимые различия с нормотипичными детьми, показатель невербального интеллекта может рассматриваться как дифференциально-диагностический критерий разделения детей с ОНР от детей с ЗПР или умственной отсталостью.

1. Волковская, Т. Н. *Логопсихология: учебник для вузов. М.: Изд.Юрайт, 2023. 190 с.*
2. Калмыкова А.С. *Особенности состояния связного описательного высказывания у старших дошкольников с общим недоразвитием речи // Коррекционная педагогика: теория и практика. 2022. № 4 (94). С. 42-45.*
3. Левина Р.Е. *Нарушения речи и письма у детей. Избранные труды. М.: Аркти, 2005.*
4. Усанова О.Н., Синякова Т.Н. *Особенности невербального интеллекта при недоразвитии речи // Логопсихология: учеб. пособие для студентов / под ред. Р.И. Лалаевой, С.Н. Шаховской. 2010. С. 206–212.*
5. Wechsler D. *Wechsler intelligence scale for children – fifth edition. Bloomington, MN: Pearson, 2014.*

Исследование выполнено в рамках госзадания FNRE-2021-0001.

Технологический прогресс, образованность педагогов и эрудированность родителей затрудняют клиническую психодиагностику детей?

Психодиагностика, стандартизация, навык, нервно-психическое развитие, стимульный материал

В клинической психодиагностике оценивать степень отклонения результатов пробы от нормативных значений часто бывает непросто, особенно при диагностике состояния психических функций у детей с нарушенным развитием. Причина — невозможность учесть всё множество факторов, влияющих на качество выполнения пациентом пробы, включая индивидуальные особенности, макро- и микросоциальное окружение, этап развития (нормативов для месячных когорт нет и вряд ли они возможны) и т. д.

Большой опыт клинической неврологической и нейропсихологической диагностики детей в медицинских учреждениях Санкт-Петербурга позволяет выделить и проанализировать один из таких факторов. Он давно известен, но в последнее время стремительно приобретает немалое значение. Это не предусмотренная разработчиками проб «натренированность» испытуемого именно на том стимульном материале или задании, использование которого предполагается в ходе исследования.

Если раньше это наблюдалось редко, когда от выполнения проб зависело решение о, например, формальном допуске к определённым видам деятельности (профессии, должности, уровню образования), то сейчас дошкольники подчас первыми радостно демонстрируют специалисту навык, который должен быть использован в качестве неожиданного для этого ребёнка диагностически ценного задания. Особенно печально, когда это касается проб, и без того плохо поддающихся стандартизации, но требующих соблюдения процедуры исследования (инструкции, задания и стимульного материала).

Типичные примеры: пробы «кулак–ладонь–ребро» и Озерецкого, «рисунок человека», «корректирующая», с кубиками Коса, на внимание и т. д. Их можно разделить на две группы. Для одних можно сгенерировать достаточное количество альтернативного стимульного материала без снижения валидности и дрейфа оцениваемых показателей. Из перечисленных это «корректирующая проба» (важны частотности и распределение чисел [1]), пробы на внимание (важны динамические характеристики, количество, разнообразие и типы объектов) — в них наборы можно менять. В других заменить очень трудно: «кулак–ладонь–ребро» (ногами не заменишь, даже попытки стандартизации ориентируются на традиционное задание [2]), «рисунок человека» (иное животное не подойдёт), кубики Коса.

Попытки разобраться почти сразу приводят к простому и удивительному выводу: задания и стимульный материал к ним, используемые для диагностики, сплошь и рядом рекомендуются для тренировок и развития всех мыслимых человеческих способностей. За 14 секунд поиска натыкаешься на заголовок: «Логопедическое упражнение "Кулак, ребро, ладонь" на каждый день» (и это из сборника рекомендаций логопедов!). В детских садах дети играют в кубики Коса!

Судя по всему, вместо разработки комплексов развивающих упражнений за основу просто взяты диагностические пробы. Тем самым всё поставлено с ног на голову: детей тренируют выполнять то, что должен оценивать в процессе диагностики специалист, экстраполируя результаты на всю функциональную систему. Но ведь комплексов упражнений можно придумать множество, а заменить рутинную пробу чрезвычайно трудно!

Что делать? Первое — всеми возможными способами объяснять родителям, педагогам, дефектологам, методистам, что недопустимо использовать ценный диагностический инструментарий для тренинга, особенно повседневного. Второе исследовать, насколько подобная «натренированность» смещает получаемые оценки и снижает диагностическую ценность пробы. Только делать это придётся, вероятно, для каждой скомпрометированной пробы отдельно.

1. Вассерман Л.И., и др. Диагностика одностороннего зрительно-пространственного невнимания: стандартизация и апробация модифицированной цифровой корректирующей пробы // Журнал неврологии и психиатрии им. С.С.Корсакова. 2018. Т. 118. № 2. С. 45–51

2. Хохлов Н.А., и др. Проба на реципрокную координацию рук: апробация количественной модификации методики // Вопросы психологии. 2016. № 6. С. 141–149.

Оценка интеллекта и функционального состояния детей 12-15 лет с расстройством аутистического спектра и умственной отсталостью

Интеллект, функциональное состояние, расстройство аутистического спектра, умственная отсталость

Обучение детей с расстройством аутистического спектра (РАС) и умственной отсталостью позволяет сформировать у них необходимые навыки, повысить степень социально-психологической адаптации. Необходимым условием успешности школьного обучения является выявление «сильных» сторон для каждого ребенка, опираясь на которые педагоги, психологи, дефектологи смогли бы сформировать у ребенка более высокую учебную мотивацию и добиться лучших результатов в обучении. Для детей с РАС важным критерием, на основании которого строится психокоррекционная работа, является уровень их интеллекта. О функциональном состоянии центральной нервной системы детей можно судить по результативности выполнения заданий на простую и сложную зрительно-моторную реакцию. Цель работы – соотнести показатели оценки функционального состояния и уровень вербального, невербального и общего интеллекта детей 12-15 лет с РАС и умственной отсталостью.

Методика. В исследовании приняли участие 11 человек (10 мальчиков и 1 девочка), учащиеся ГКОУ РО Ростовская специальная школа-интернат № 42, возраст 12-15 лет, дети с РАС и умственной отсталостью. В настоящей статье представлены предварительные данные.

Для диагностики интеллекта использовался детский вариант теста Д. Векслера (WISC) в адаптации А.Ю. Панасюка [1]. Тест включает 6 вербальных субтестов и 6 невербальных субтестов. Оценка функционального состояния осуществлялась по параметрам сложной зрительно-моторной реакции (СЗМР) с применением устройства психофизиологического тестирования УПФТ-1/30 «Психофизиолог» («Медиком МТД», Россия, г. Таганрог). Для статистической обработки использовалась программа Statistica 10.0.

Результаты. В результате проведения теста СЗМР были получены следующие показатели для исследуемой выборки: интегральный показатель надежности (ИПН) $22,8 \pm 22,2$, среднее время реакции (мс) $735,7 \pm 196,3$, среднее квадратическое отклонение (мс) $226,3 \pm 105,0$, количество пропусков $2,1 \pm 2,8$, количество упреждений $2,9 \pm 4,7$, количество неправильных ответов $1,6 \pm 1,7$, общее количество ошибок $6,6 \pm 8,4$, оценка уровня сенсо-моторных реакций $0,19 \pm 0,22$, класс сенсо-моторных реакций $1,8 \pm 1,75$. По итогам проведения теста WISC Д. Векслера были получены следующие результаты: вербальный интеллект $62,7 \pm 12,3$, невербальный интеллект $84,7 \pm 21,2$, общий интеллект $68,5 \pm 15,0$.

Оценка статистической достоверности различий распределения данных по вербальному и невербальному интеллекту показала, что различия статистически достоверны ($z=2,7$, $p<0,01$).

Проведенный корреляционный анализ по Спирмену показал, что уровень общего интеллекта положительно коррелирует с показателями выполнения СЗМР: интегральный показатель надежности ($r=0,86$, $p<0,01$), уровень сенсо-моторных реакций ($r=0,88$, $p<0,01$), класс сенсо-моторных реакций ($r=0,87$, $p<0,01$), а также отрицательно коррелирует со средним временем реакции (мс) ($r=-0,88$, $p<0,01$) и количеством упреждений ($r=-0,8$, $p<0,01$). Уровень вербального интеллекта положительно коррелирует с показателями выполнения СЗМР: интегральный показатель надежности ($r=0,76$, $p<0,05$), уровень сенсо-моторных реакций ($r=0,83$, $p<0,01$), класс сенсо-моторных реакций ($r=0,8$, $p<0,05$), а также отрицательно коррелирует со средним временем реакции (мс) ($r=-0,72$, $p<0,05$). Уровень невербального интеллекта положительно коррелирует с показателями выполнения СЗМР: интегральный показатель надежности ($r=0,76$, $p<0,05$), уровень сенсо-моторных реакций ($r=0,81$, $p<0,01$), а также отрицательно коррелирует со средним временем реакции (мс) ($r=-0,83$, $p<0,01$) и количеством упреждений ($r=-0,82$, $p<0,01$).

Выводы. Более высоким показателям интеллекта у обследованных детей 12-15 лет с РАС и умственной отсталостью соответствуют лучшие значения функционального состояния. Невербальный интеллект представляет собой тот «когнитивный ресурс», который наиболее высоко выражен у детей с РАС и умственной отсталостью.

1. Панасюк А.Ю. Адаптированный вариант методики Векслера. М.: [б. и.]. 1973.

Зверева Н.В. Москва, ФГБНУ НЦПЗ
Зверева М.В. Москва, ФГБНУ НЦПЗ
Сергиенко А.А. Москва, ФГБНУ НЦПЗ
Строгова С.Е. Москва, ФГБНУ НЦПЗ
Суркова К.Л. Москва, ФГБНУ НЦПЗ

Опыт применения методики «Рисунок гнезда» в детской клинической психологии

«Рисунок гнезда», детская клиническая психология, диагностика

Проективная методика «Рисунок гнезда птицы» (Bird's Nest Drawing, BND) предложена американским психологом Д.Кайзер (Kaiser D.) в 1996 году для диагностики типа привязанности у детей и взрослых. К созданию методики автора побудило желание найти проективное средство для оценки привязанности, не такое «прямое», как рисунок семьи. Е.В.Куфтяк, подробно проанализировала историю создания оригинальной версии и предложила свой вариант, апробированный в отечественной практике для оценки привязанности у детей дошкольного и младшего школьного возраста в норме развития [1].

Проанализировав методическое руководство Е.В.Куфтяк, сотрудники отдела медицинской психологии ФГБНУ НЦПЗ применили методику в научно-практической работе, расширив группу исследуемых с нормативной и на клиническую группу. Также расширен анализ от фиксации на диагностике привязанности к диагностике того, что можно увидеть в проективных рисунках. В таком формате методика применяется с весны 2022 года в отделе медицинской психологии.

Методика «Рисунок гнезда» принадлежит к типу экспрессивных рисуночных проективных методик; дает простор для самовыражения участников (в самом рисунке, и в содержании ответов на вопросы по нему в обязательной беседе по завершении рисования). Методика основана на том, что такой рисунок отражает детский опыт отношений, связанных с семьей. Методика применялась в группах испытуемых: 1) дети и подростки, пациенты стационара НЦПЗ (11-16 лет, 15 чел.), 2) дети и подростки, клиенты амбулаторного приема с патопсихологической диагностикой (7-16 лет, 16 чел.), 3) дети, зачатые с помощью вспомогательных репродуктивных технологий – участники программы изучения когнитивного и эмоционально-личностного развития (5-13 лет, 3 чел.). Также шел набор в контрольную группу детей соответствующих возрастов (5-15 лет, 17 чел.). Все испытуемые участвовали в исследовании добровольно.

Обследование было либо индивидуальным, либо в небольшой группе. Процедура проведения: предлагался набор из 6 цветных карандашей и лист А4 с инструкцией: «Нарисуй птичье гнездо. Постарайся сделать это как можно лучше». В некоторых случаях испытуемые отказывались от цвета и рисовали простым карандашом.

Инструмент использовался в детской клинической психологии с опорой предложенные Е.В. Куфтяк параметры, но потребовал разработки собственных вариантов качественного и количественного анализа. Это касается коррекция опроса после рисунка и выделенных критериев оценки (ввести оценку качества рисунка, наличия/отсутствия птиц в гнезде и др.).

Примеры из психологических заключений испытуемых 1-3 групп. 1). Дев. С. 14 лет, шизотипическое расстройство: «Рисунок гнезда» и ответы по нему указывают на проблемные семейные вопросы – желание быть свободной и указание на тяжесть другой жизни, качество рисунка высокое, много красного цвета». 2). Мал. Р., 13 лет, патологический пубертатный криз с резидуально-органическим отягощением: «Качество рисунка невысокое, собственно птиц в гнезде нет, можно предполагать проблемную привязанность, как по рисунку, так и по ответам на вопросы по нему»; дев. 13 лет, шизотипическое расстройство «Рисунок и описание к нему позволяют отнести тип привязанности девочки к дезорганизованному (небезопасный). Сам рисунок «висит» в воздухе, изображены яйца и птица слепленными, в описании к рисунку отмечается элемент деструкции: «Яйца случайно раздавили мать». 3). Дев. А, 14 лет «Рисунок выполнен в одном цвете – коричневый, в гнезде нет птиц. По рассказу птицы разлетелись, как только выросли, но выбранные птицы – кукушки, которые не строят гнезда, а подбрасывают своих детей другим птицам».

По параметрам привязанности можно отметить качественные отличия между группами. Предварительный итог применения методики – она может и должна применяться в практике клинической психологии, требуется редакция параметров анализа и вопросов к рисунку (не только про привязанность).

1. Куфтяк Е.В. Диагностика привязанности: методика «Рисунок гнезда». Методическое руководство. М., 2021. 60 с.

Диагностика эмоционального состояния и поведения женщин, воспитывающих ребенка с врожденным пороком сердца

Врожденный порок сердца, эмоциональное состояние, копинг-стратегии, детско-родительские отношения

Огромное влияние на восстановление и реабилитацию здоровья детей с врожденным пороком сердца (ВПС) оказывает влияние семья и особенно мать этого ребенка [1,2]. Рождение ребенка с заболеванием является серьезной стрессовой ситуацией для матери, которая оказывает ведущее влияние на развитие ребенка, формирование детско-родительских и супружеских отношений [3,4].

Исследование осуществлялось на базе ГБУЗ «Самарский областной клинический кардиологический диспансер». Выделены две группы сравнения: 1 группа – матери, воспитывающие детей с тяжелой формой ВПС («Q21.3» – Тетрада Фалло, «Q21.0» – Дефект межжелудочковой перегородки); 2 группа – матери, воспитывающие детей с легкой формой ВПС («Q21.1» – Дефект межпредсердной перегородки). Средний возраст обследуемых женщин составил $28,5 \pm 6,6$ лет. Методы исследования: клиническая беседа, наблюдение, структурированное социально-психологическое интервью. «Способы совладающего поведения» Р. Лазаруса; Опросник «Индекс жизненного стиля»; методика PARI.; «Незаконченные предложения» Д. Сакса и С. Леви; «Интегративный тест тревожности». Статистический анализ проводился с помощью компьютерной программы для статистической обработки данных – SPSS Statistics-2012.

У женщин, воспитывающих детей с ВПС, отмечаются жалобы на нарушение сна и тревогу. Результаты исследования тревожности в обследуемых женщинах установили, что женщины, воспитывающие детей с тяжелой формы ВПС, имеют показатели личностной тревожности ($15,5$ при $p < 0,000$) и ее компонентов – эмоционального дискомфорта ($15,4$ при $p < 0,000$), фобического компонента тревожности ($14,5$ при $p < 0,001$), астенического компонента ($14,1$ при $p < 0,005$) в 1,5 – 2 раза более высокие по сравнению с 2 группой женщин, воспитывающих детей с легкой формы ВПС. У женщин, воспитывающих детей с ВПС, независимо от тяжести заболевания ребенка установлена высокая корреляционная зависимость «астенического компонента» личностной тревожности от копинг-стратегии «бегство-избегание» ($rS=0,588$). Исследование межличностных отношений не выявило достоверных различий. Установлено снижение психологических показателей по шкалам – «нереализованные возможности» (1 группа – $4,4 \pm 1,7$; 2 группа – $4,8 \pm 1$), «страхи и опасения» (1 группа – $-2,5 \pm 3$; 2 группа $2,1 \pm 1,9$), «чувство вины» (1 группа – $-2,9 \pm 1,3$; 2 группа – $-2,7 \pm 1,7$), что говорит о снижении коммуникации у данного контингента женщин. У женщин, воспитывающих детей независимо от тяжести ВПС, преобладают «родительские установки»: вербализации (1 группа – $18,1 \pm 1,3$; 2 группа – $16,6 \pm 2,6$) и уравнивание отношений (1 группа – $16 \pm 2,5$; 2 группа – $16,5 \pm 2,7$), несамостоятельность матери (1 группа – $15,2 \pm 1,2$; 2 группа – $15,9 \pm 1,7$). При тяжелой форме ВПС преобладает психическая защита регрессия у 61,7% женщин; при легкой форме – реактивное образование у 69% женщин. Корреляционный анализ исследования зависимости психических защит и копинг-стратегий и показал высокую зависимость «реактивного образования» от копинг-стратегии «дистанцирования» ($rS=0,609$) в группе женщин, воспитывающие детей с тяжелой формы ВПС.

Таким образом, ведущие факторы нарушения психосоциальной адаптации матерей, воспитывающих детей с ВПС: высокий уровень личностной тревожности ($p < 0,001$), неадаптивные психические защиты по типу регрессии ($p < 0,001$) и высокое принятие ответственности.

Разработана программа психологической коррекции эмоционального состояния и детско-родительских отношений женщин, воспитывающих ребенка с ВПС с целью снизить уровень личностной тревожности и гармонизировать детско-родительские отношения путем формирования у женщины практических навыков воспитания ребенка и психо-социальной адаптации его в болезни.

1. Бубеева Б.Н. Особенности деятельности государства и общественных организаций по поддержке семей, воспитывающих детей-инвалидов // Вестник Бурятского государственного университета. Образование. Личность. Общество, 2016. № 5. С. 270-274.
2. Добряков И.В., Зациринская О.В. Психология семьи и больной ребенок: учеб. пособие: хрестоматия. СПб.: Речь, 2017. 400 с.
3. Campbell M., Reynolds G. The physical and mental development of children with congenital heart disease // Arch. Dis. Child., 2017, vol. 24, p. 294-302.
4. Dulfjer K. Coping in parents of children with congenital heart disease. 2016. P. 13-15.

И.И. Мамайчук о проблемах и перспективах детской клинической психологии

Детская клиническая психология, дизонтогенез, психологическая коррекция

Ирина Ивановна Мамайчук – доктор психологических наук, профессор, ведущий специалист в области детской клинической психологии – не нуждается в подробном представлении. Недавно и неожиданно покинув нас, она оставила большое наследие в своих многочисленных работах, её профессиональные идеи и напутствия продолжают жить в умах и сердцах её коллег и учеников, к которым принадлежит автор. Имея огромный и разносторонний профессиональный опыт, она глубоко и подробно изучала психологические особенности детей и подростков с различными вариантами нарушений – патологией опорно-двигательного аппарата, аутизмом, умственной отсталостью, задержкой психического развития, расстройствами поведения, соматическими заболеваниями и др. При этом её особо интересовали общие вопросы детской клинической психологии, связанный с её методологическими принципами, предметным полем, основными проблемами и перспективами, чему посвящён ряд публикаций [1-3]. Изучение и анализ выделенных И.И. Мамайчук проблем детской клинической психологии чрезвычайно важны для дальнейшего развития этой области в перспективном направлении.

Проведённый анализ работ И.И. Мамайчук позволяет представить следующий перечень основных проблем и перспектив современной детской клинической психологии.

1. Практически не разработан дифференцированный подход к анализу нарушенного развития с учётом этиологических, патогенетических, клинических факторов, что не позволяет раскрыть механизмы нарушений психических функций и на основе этого разработать дифференцированные методы психокоррекции.

2. Мало изучена специфика нарушений межфункциональных связей и взаимодействия различных психологических систем (когнитивных, регуляторных, активизирующих, коммуникативных и пр.) при различных видах нарушенного развития.

3. Недостаточно используются системно-структурный, онтогенетический и гендерный подходы к изучению аномального развития. Системно-структурный подход предполагает определение ведущего симптомокомплекса, лежащего в основе нарушения (синдромный анализ). Онтогенетический подход предполагает учёт возрастного фактора, а также лонгитюдные и катамнестические исследования.

4. Недостаточно изучена проблема адаптации (психической, социально-психологической) при различных вариантах нарушенного развития для выявления значения средовых факторов и адаптационного потенциала ребёнка (подростка) на индивидуальном, личностном и индивидуальном уровнях.

5. Недостаточно изучены особенности распада высших психических функций на разных этапах онтогенеза с выделением типов последствий распада.

6. Далеко недостаточно работ в области психосоматических нарушений в детском возрасте, где важным направлением является исследование факторов и механизмов воздействия эмоционального стресса при возникновении соматических расстройств у детей и подростков.

7. Недостаточно сравнительных этнопсихологических исследований, учитывающих специфику родительского отношения, поведенческих девиаций, рассогласованность социокультурной и семейной среды (например, у детей мигрантов).

8. Проблема дифференцированной и комплексной психологической помощи детям и подросткам с учётом этиопатогенетических механизмов нарушения, его структуры и социальной ситуации развития.

Таким образом, наиболее перспективной задачей современной детской клинической психологии по И.И. Мамайчук является разработка дифференцированных технологий психологической помощи на основе создания онтогенетически-системно-структурных (иерархических) моделей каждого варианта дизонтогенеза.

1. Мамайчук И.И. Проблемы и перспективы развития детской клинической психологии // *Петербургский психологический журнал*, № 8., 2014, с. 26-37.
2. Мамайчук И.И. Психокоррекционные технологии для детей с проблемами в развитии: Учебное пособие. М.: Юрайт, 2020.
3. Мамайчук И.И. Теоретико-методологические аспекты изучения дизонтогенеза // *Вестник Ленинградского государственного университета им. А.С. Пушкина*, Т. 3, № 6(20), 2008, с. 103-114.

Ляксо Е.Е. Санкт-Петербург, ФГБОУ ВО СПбГУ
Фролова О.В. Санкт-Петербург, ФГБОУ ВО СПбГУ
Николаев А.С., ФГБОУ ВО СПбГУ
Клешнев Е.А., ФГБОУ ВО СПбГУ
Граве П.И., ФГБОУ ВО СПбГУ
Ильяс А.Ю., ФГБОУ ВО СПбГУ

Оценка эмоциональной сферы детей с нарушениями развития по методике CEDM

Эмоциональная сфера, отражение эмоций, распознавание эмоций, дети с атипичным развитием

Нарушения развития и атипичное развитие характеризуются особенностями организации разных уровней речевой и эмоциональной сфер. Спектр проявлений эмоционального состояния может быть ограниченным в связи с заболеванием, атипичным, редуцированным, инвертированным, не соответствующим возрасту. Дети с расстройствами аутистического спектра (РАС) отличаются широким спектром и яркой картиной проявлений нарушений. Эмоциональное развитие людей с синдромом Дауна (СД) остается малоизученным, возможно, из-за стереотипа высокой общительности и коммуникабельности. Отмечают, что у большинства детей с интеллектуальными нарушениями (ИН) коммуникативные навыки и эмоциональное развитие находятся на уровне их ментального возраста.

Цель исследования – оценка эмоциональной сферы типично развивающихся (ТР) детей, детей с РАС, СД и ИН по методике оценки эмоционального развития детей – CEDM.

В исследовании приняли участие 180 детей в возрасте 5-16 лет: 65 ТР детей, 56 детей с РАС, 32 ребенка с СД и 27 детей с ИН. CEDM включает два блока: Информацию о развитии ребенка (опросники для родителей – о протекании беременности, раннем и текущем развитии ребенка, поведении, эмоциональных проявлениях, для детей с РАС – опросник CARS, опросник для детей с СД). Второй блок – тестирование детей, содержащее задания, направленные на изучение отражения эмоционального состояния в характеристиках голоса, речи, мимике, поведении (ОЭ) и распознавание детьми эмоциональных состояний других людей по голосу и лицевой экспрессии (РЭ) [1]. Оценку опросников проводили по бальной шкале, разработанной в международной клинической практике. Оценку выполнения тестовых заданий осуществляли по шкале Лайкерта. Проводили оценку физиологических показателей детей – значения частоты сердечных сокращений, ведущее полушарие по слуху и речи (дихотическое тестирование), определение фонематического слуха. Продолжительность исследования составляла от 60 до 120 минут. Осуществляли запись речи, поведения детей и мимической экспрессии детей. Исследование одобрено Этическим Комитетом СПбГУ.

Результаты исследования показали, что дети с РАС, СД и ИД получили более низкие баллы по шкалам опросника «Развитие», «Поведение», «Эмоции (критерий Манна – Уитни). По шкале «Развитие» дети разных групп различались по времени появления первых слов: наиболее позднее – у детей с РАС и детей с СД. Дети с СД имели более позднее по сравнению с детьми других групп время освоения навыков сидения, вставания и ходьбы; дети с ИН – более раннее, по сравнению с детьми РАС и СД появление первых слов; ходьбы, по сравнению с детьми с СД.

Дети трех групп (РАС, СД, ИН) имели более низкие баллы по сравнению с ТР детьми при выполнении тестовых заданий по ОЭ и РЭ. Дети с РАС хуже выполняли тесты, чем дети с ИН и СД; дети с СД выполняли тесты лучше детей с РАС, но хуже детей с ИН. Выявлена корреляция между характеристиками развития детей и результатами тестов (регрессионный анализ и корреляция по Спирмену). Дети с высокими баллами CARS (отражает степень выраженности аутистических расстройств) хуже выполняли задания ОЭ и РЭ и их эмоциональные появления соответствовали младшему возрасту (регрессионный и множественный регрессионный анализ). Выявлена связь между ведущим полушарием по речи (левым) и: правильным изображением эмоций (тест – рисунок эмоций на лице) детьми с ИН; более высокими баллами за задание «беседа» для детей с РАС.

В ходе исследования получены данные об особенностях проявления эмоциональных состояний детьми. Выявлены различия между детьми разных групп по выполнению заданий на отражение и распознавание эмоций. Определены факторы, влияющие на выполнение детьми тестовых заданий.

1. Lyakso E., et al. Approbation of the Child's Emotional Development Method (CEDM) // ICMI '22, 2022, p. 201–210.

Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФ (проект № 22-45-02007).

Воспитательные установки матерей детей с ОНР 1-го уровня с различным темпом формирования активной речи

Воспитательные установки, формирование активной речи, общее недоразвитие речи

Семейное воспитание рассматривается как важнейший фактор успешности коррекции недоразвития речи. При этом подчеркивается значение аспектов родительской компетентности: нормонозогнозический тип отношения, информированность, активное сотрудничество со специалистом, владение приемами речевой работы в повседневной жизни [1-5]. Влияние стиля воспитания на динамику речевых расстройств у детей остается недостаточно изученным. В частности, нет четкого ответа на вопрос, какие родительские установки затрудняют, а какие способствуют запуску активной речи при задержанном речевом развитии.

Цель исследования – изучение воспитательных установок матерей детей с общим недоразвитием речи (ОНР), которые показали разный темп формирования активной речи на фоне логопедической коррекции. В исследовании принимали участие 60 детей с ОНР I уровня от 3 до 4 лет (из них 20 девочек и 40 мальчиков) и 60 матерей (средний возраст – 35 лет). Все дети имели первичное нарушение речи. Исследование проводилось на базе логопедического центра (Санкт-Петербург). Использовались «Методика выявления уровня развития речи дошкольников» по О.С. Ушаковой, «Методика измерения родительских установок и реакций» (PARI) Е. Шефера и Р. Белла в адаптации Т.В. Архиреевой (2002). Все дети проходили программу логопедической коррекции при ОНР I уровня. В процессе фиксировалось время появления активной речи – начало произнесения слов, фраз или звуков, ориентированных на взаимодействие с другими людьми. Наблюдался высокий, средний и низкий темп формирования активной речи на фоне коррекции. Были выделены три группы матерей: 1) матери детей с высоким темпом (N=17), 2) со средним (N=27), 3) низким (N=16). Для сравнения трех групп использовался однофакторный дисперсионный анализ (ANOVA).

Выявлены значимые различия по интегральному показателю PARI «оптимальный эмоциональный контакт» ($p=0.001$) и отвечающим за него шкалам: «вербализация» ($p=0.003$), «партнерские отношения» ($p=0.032$), «уравнительные отношения» ($p=0.004$). Эти воспитательные установки более свойственны матерям первой группы, меньше – второй, и менее всего – третьей. Женщины, активно побуждающие детей к сообщениям, проявляют положительные эмоции в ответ на любые попытки «заговорить», тем самым стимулируют потребность в речевом контакте, дают больше возможностей для опыта. Тенденция устанавливать уравнительные отношения также может определить более благоприятные условия для «запуска» речи: восприятие матери как равноправного партнера по играм и домашним делам, формирует большую уверенность в коммуникативных ситуациях. Обнаружены различия по шкале «чрезмерное вмешательство в мир ребенка» с установлением отношений зависимости ($p=0.006$) и интегральному показателю «излишняя концентрация на ребенке» ($p=0.016$). Эти установки оказались менее выраженными у родителей первой группы. Возможно, такая родительская позиция снижает инициативность ребенка, приводит к заблуждению, что его поймут, как и раньше, «без слов». Выявлены также различия по шкале «раздражительность, вспыльчивость» ($p=0.002$): эту склонность ярче показывают матери второй группы, менее всего – первой. Можно предположить неоднозначное влияние характеристики: с одной стороны, вспыльчивая мать пробуждает чувство небезопасности, что может снизить речевую активность, с другой – женщина дает более яркий, привлекающий внимание контакт.

У матерей детей с ОНР I уровня, которые показали высокий темп формирования активной речи на фоне логопедической коррекции, более выражена установка на оптимальный эмоциональный контакт при отсутствии тенденции к излишней концентрации на ребенке.

1. Глазман Ю.В. Логопедическая помощь детям группы риска в раннем возрасте // *Перспективы науки и образования*. – 2020. – № 4 (46). – С. 383-397.
2. Филличева Т.Б. *Коррекционное обучение и воспитание детей 5-летнего возраста с общим недоразвитием речи*. М.: Просвещение. 2014. 44 с.
3. DeVney S.L., Hagaman J.L., Bjornsen A.L. Parent implemented versus clinician-directed interventions for late-talking toddlers: A systematic review of the literature // *Communication Disorders Quarterly*, 1–10. 2017.
4. Roberts M., Kaiser A. The Effectiveness of Parent-Implemented Language Intervention: A Meta-Analysis // *American Journal of Speech-Language Pathology*. 2011. № 20. P. 180-199.
5. Roberts M., et al. Association of Parent Training With Child Language Development A Systematic Review and Meta-analysis // *JAMA Pediatrics*. 2019. Vol. 173. № 7. P. 671-680.

Миланич Ю.М. Санкт-Петербург, ФГБОУ ВО СПбГУ
Бугрова И.Ю. Санкт-Петербург, ФГБОУ ВО СПбГУ
Яремчук А.Н. Санкт-Петербург, СПб ГБУ ЦСРИ Выборгского района

Опыт организации инклюзивной музейной среды для лиц с ментальными нарушениями

Лица с ментальными нарушениями, инклюзия, музей

Лица с ментальными расстройствами признаются категорией, наиболее уязвимой для стигматизации и социальной эксклюзии. Они имеют высокий риск исключения из привычных для других аспектов жизни: образования, работы, поддержки друзей и семьи, причастности к сообществам, доступа к культурным ценностям. В настоящее время активно реализуется идея развития инклюзивных музеев. Но известные практики преимущественно ориентированы на людей с сенсорными и двигательными нарушениями, а также детскую аудиторию. Охват взрослых лиц с интеллектуальными и психическими расстройствами остается недостаточным. Наибольшие трудности испытывают маломобильные и требующие постоянного сопровождения клиенты. В то же время исследования показывают, что посещение музеев и участие в тематических занятиях имеет реабилитационные эффекты, способствуя стабилизации или даже улучшению психического состояния и адаптации лиц с ментальной инвалидностью.

Одним из способов повышения инклюзивности музейной среды могут быть выездные программы на базе реабилитационных центров. В период с 2019 по 2023 г.г. сотрудниками СПбГУ была реализована программа «Как устроена Земля» для клиентов Центра социальной реабилитации Выборгского района Санкт-Петербурга, имеющих различные ментальные нарушения: умственную отсталость, шизофрению, расстройства аутистического спектра, органическое поражение ЦНС, деменцию, тяжелые множественные нарушения в виде сочетания умственной отсталости и заболеваний опорно-двигательного аппарата. Большинство слушателей входили в маломобильную группу и нуждались в сопровождении. Программа предполагала организацию экскурсий непосредственно в геологических музеях и Гербарии СПбГУ, а также проведение на базе Центра цикла интерактивных занятий на естественнонаучную тематику с демонстрацией образцов минералов, горных пород, окаменелостей, чучел животных, этнографических предметов из учебных и сырьевых коллекций университетских музеев. При разработке программы учитывались следующие клиничко-психологические особенности слушателей: когнитивный дефицит, повышенная утомляемость, плохая переносимость сенсорных нагрузок, речевые трудности, низкая коммуникативная направленность поведения, трудности социального взаимодействия. Программа соответствует критериям безопасности, физической, информационной и коммуникативной доступности музейной среды.

Безопасность и физическая доступность: слушатель получает возможность «посетить» музей в знакомой обстановке и недалеко от места жительства; в учреждении есть специалисты, способные оказать помощь в случае ухудшения психического состояния и дезадаптации; присутствует сопровождающий, поддержка которого необходима в сложной ситуации.

Информационная и смысловая доступность: ведущий занятия использует короткие фразы, простые лексико-грамматические конструкции, дает доступное толкование научных терминов; не использует абстрактные понятия, многозначные слова и аббревиатуры; повествование – в умеренном темпе, с использованием логических ударений и пауз; вербальная информация подкрепляется визуальными образами (презентации, видеосюжеты, 3D модели); есть возможность тактильного знакомства с музейными объектами и их копиями; материал иллюстрируется примерами, связанными с бытовым и социальным опытом слушателей.

Коммуникативная доступность: интерактивный характер занятий, необходимость кооперации при выполнении практических заданий позволяет мягко включить слушателей в более активные социальные контакты, повысить мотивацию к занятию; ведущий поддерживает позитивный эмоциональный фон за счет эмпатичной манеры общения и использования юмора.

Положительные отзывы слушателей и специалистов Центра реабилитации позволяют сделать вывод о доступности и инклюзивной значимости разработанной музейной программы.

Роль лечащего врача и родителя в формировании отношения к болезни у подростков с онкологическими заболеваниями

Подросток, онкологические заболевания, врач, родитель

Введение. Онкологические заболевания содержат в себе реальную витальную угрозу, требуют длительного тяжелого лечения, не дающего гарантии полного излечения. Все это сопровождается сильными переживаниями подростка, оказывает влияние на его психологический статус и качество жизни. Перед подростком стоит психологическая задача адаптироваться к изменившейся жизненной ситуации, справиться с психологическими последствиями, вызванными болезнью. На психологическую адаптацию подростка к болезни огромное влияние оказывают лечащий врач и родители: они, являясь для больного ребенка самыми значимыми людьми, участвуют в формировании его отношения к своему заболеванию и лечению.

Цель: определение роли лечащего врача и родителей в формировании отношения к болезни и лечению у подростка с онкологическими заболеваниями.

Материалы и методы. Исследовано 20 подростков в возрасте от 13 до 17 лет, которые проходили лечение в онкологических клиниках Санкт-Петербурга. Использовался клинико-психологический метод в виде структурированной клинической беседы.

Результаты. Подростки предпочитают получать информацию о болезни (65% – 13 чел.) и лечении (65% – 13 чел.) прежде всего от врача, а не от родителя. Для 75% (15 чел.) подростков достаточно полученной информации, для 25% (5 чел.) – недостаточно; при этом 20% (4 чел.) детей отмечают, что у них есть вопросы по поводу своего заболевания, которые затруднительно обсуждать с кем-либо. 70% (14 чел.) подростков указывают, что их настроение изменилось в связи с заболеванием и они испытывают: 15% (3 чел.) – «тяжесть», 15% (3 чел.) – «грусть», 15% (3 чел.) – «физическая слабость», 10% (2 чел.) – «одиночество», 10% (2 чел.) – «злость», 5% (1 чел.) – «чувство, что стал взрослее». В ситуации болезни дети испытывают страх, тревогу, в отношении лечения у них преобладает такие реакции как «главное, что лечат», «тревога за результат лечения», «напряжение от изменившегося режима жизни». Ведущими мотивами выздоровления для подростков являются: «жизнь как ценность» (65% – 13 чел.), «любовь к родителям» (50% – 10 чел.), а также мотивы, ориентированные на будущее: желание «получить профессию» (40% – 8 чел.) и «продолжить обучение» (35% – 7 чел.). Выдержать тяготы лечения им помогают эмоциональная поддержка родителя, прежде всего, мамы (45% – 9 чел.). Эмоциональная поддержка мамы предполагает внимание к чувствам своего ребенка: не игнорирование переживаний («расслабься», «все хорошо», «ты взрослый»), не отвлечение от переживаний («не думай о болезни», «отвлечись»), не обесценивание переживаний («не ной, улыбнись»), а внимание и сопереживание. 85% (17 чел.) подростков отмечают, что они нуждаются в регулярных и открытых разговорах с родителями о своем заболевании и лечении, их не устраивают «ситуативные» разговоры.

Для 50% (10 чел.) подростков с онкологическими заболеваниями взаимоотношения с врачом – поддержка врача (30% – 6 чел.), вера во врача и медицину (20% – 4 чел.) – являются ведущим ресурсом, помогающим им справиться с тяготами лечения. Врач, информируя больного ребенка о заболевании, лечении, в том числе о новейших перспективных методах лечения, эмоционально поддерживает подростка: 85% (17 чел.) подростков указывают на необходимость знать мнение врача по поводу их болезни.

Выводы. Подростки с онкологическими заболеваниями предпочитают получать информацию о болезни и лечении от врача, они стремятся к наиболее адекватной когнитивной оценке болезни и лечения.

Несмотря на то, что для подросткового возраста характерны эмансипация и отделение от родителей, в ситуации заболевания самым важным фактором совладания с болезнью является поддержка близких (мамы), которая влияет на эмоциональную сторону отношения к болезни и лечению.

1. Чулкова В.А. *Профессиональная позиция врача-онколога*. СПб.: Изд-во ГБОУ ВПО СЗГМУ им. И.И. Мечникова. 2014. 28 с.

Отношения к телу у девушек-подростков, страдающих нервной анорексией

Нервная анорексия, образ тела, отношение к телу

Расстройство образа тела при нервной анорексии часто рассматривают как подчинение диктату преобладающей модели стройности. Однако при нервной анорексии не только искажается визуальная оценка размеров тела, но и становятся тотально негативными различные аспекты отношения к телу.

Основной конфликт при нервной анорексии состоит в фундаментальном отчуждении себя от тела, проходящем несколько стадий: тело как отказ от женственности, искаженное тело, отчужденное тело и исчезающее тело. Конфликт возникает в подростковом возрасте. Половое созревание усиливает конфликтный характер человеческого воплощения. Тело становится «телом для других» – объектом оценки и сравнения. Все эти изменения означают экзистенциальный переход – уход из детства. Пациентки хотят остановить процесс взросления, предотвратив потерю «асексуального» детства. Они стремятся не только к худобе, но и к легкости, невесомости, к «развоплощению». Самодостаточность, независимость как от пищи, так и от тела, сочетается с чувством морального превосходства и становится источником грандиозного триумфа, «саморазрушающего всемогущества». Анорексическое тело богато семиотическим смыслом, оно сообщает то, что пациент иначе не может сообщить иначе.

Цель исследования – изучение отношения к своему телу пациенток, страдающих нервной анорексией. Исследование проводилось на базе Центра изучения расстройств пищевого поведения (ЦИРПП) в городе Москва. В нем приняли участие 20 девочек-подростков в возрасте от 13 до 17 лет с диагнозом «нервная анорексия». Использовались авторские методики:

1. «Отношение к своему телу» (Т.Д. Шевеленкова, Ж.А. Волжина, 2014): многомерное шкалирование по критериям: значимость телесного здоровья, значимость красоты собственного тела, оценка умения управлять своим телом, оценка физического состояния, оценка привлекательности своего тела для других, оценка привлекательности своего тела для себя, оценка способности устанавливать и поддерживать контакт со своим телом, оценка способности отождествлять себя со своим телом.

2. Авторская проективная методика «История моего тела» (Т.Д. Шевеленкова, М.М. Сальникова, 2021), выявляющая различные аспекты отношения к телу: мотивацию похудения, вторичные выгоды от похудения, фиксацию на внешнем виде, субъектное или объектное отношение к телу, расстройства воплощения, восприятие будущего, значимые темы.

В результате исследования выявлено негативное отношение к своему телу у всех пациенток по всем шкалам опросника. В ходе лечения произошли статистически значимые сдвиги отношения к телу в сторону положительного полюса в целом по группе по шкалам: «Интегративный показатель негативного отношения к своему телу», «Оценка способности отождествлять себя со своим телом», «Оценка способности устанавливать и поддерживать контакт со своим телом», «Оценка привлекательности своего тела для себя», «Оценка привлекательности своего тела для других», «Оценка умения управлять своим телом», «оценка физического состояния». «Значимость телесного здоровья» и «Значимость красоты собственного тела» остались прежними, негативными.

Методом контент-анализа выделено четыре типа мотивации похудения: внутренняя и внешняя, положительная и отрицательная, а также «избегание говорить на тему мотивации похудения». Не было выявлено положительной мотивации к похудению, как внешней, так и внутренней; обнаружена фиксация на внешнем виде, «объектное» отношение к своему телу, «телесное развоплощение», различные представления о будущем. Определены также вторичные выгоды от похудения.

На основании результатов исследования можно сделать также вывод о том, что значимость красоты собственного тела и значимость телесного здоровья не являются специфическими маркерами выздоровления при нервной анорексии; а также о том, что с помощью методики «История моего тела» были выявлены возможные психотерапевтические мишени: восприятие будущего, телесное воплощение, образ тела, а также работа с темами «принятие себя» и «ненависть к себе».

Динамика показателей психоэмоционального статуса детей с туберкулезом органов дыхания в периоперационном периоде на фоне психологического сопровождения

Психологическое сопровождение, туберкулез, дети, хирургическое лечение

Разработка эффективных программ психологического сопровождения педиатрических пациентов с туберкулезом органов дыхания (ТОД) на этапе хирургического лечения является актуальной научной проблемой. Данные исследований указывают на то, что 50-70 % пациентов испытывают тревогу даже перед малоинвазивной операцией, торакальные же операции вызывают значительную предоперационную тревогу, особенно у детей [4].

Высокая стрессогенность хирургического лечения обуславливает необходимость проведения психокоррекции эмоционального состояния пациентов уже в раннем послеоперационном периоде в условиях отделения анестезиологии, реанимации и интенсивной терапии (ОАРИТ). В этом случае предпочтение отдается краткосрочным психотерапевтическим методам с доказанной эффективностью. В ФГБНУ «ЦНИИТ» в программе психологического сопровождения детей с ТОД на этапе хирургического лечения используется EMDR подход (десенсибилизация и переработка движениями глаз). Данные исследований демонстрируют высокую эффективность EMDR в терапии посттравматического стрессового расстройства у детей и подростков, а также в уменьшении симптомов фобии, проблем со сном, снижения уровня тревоги и депрессии у детей после ряда медицинских манипуляций и госпитализации [1; 2; 3].

Целью настоящего исследования стал анализ динамики характеристик психоэмоционального статуса у 15 пациентов 7–12 лет с ТОД на этапе хирургического лечения. Клинико-психологическое обследование проводилось с помощью Цветового теста Люшера с последующим математическим анализом цветовых выборов в соответствии с расчетными формулами и Госпитальной шкалы тревоги и депрессии (HADS) трижды: в предоперационном периоде, в раннем (2 сутки после операции) и позднем (2-я неделя после операции) послеоперационном периоде. В статистической обработке использовался критерий Фишера (угловое преобразование Фишера).

Обследование детей перед хирургическим лечением выявило наличие у подавляющего большинства пациентов нервно-психической напряженности, превышающей нормативные значения, и тревоги (13 (86,7%) и 11 (73,3%) соответственно). На фоне психологического сопровождения наблюдалась положительная динамика характеристик психоэмоционального статуса: в раннем послеоперационном периоде в ОАРИТ по сравнению с первичной оценкой достоверно снизилось количество детей с отклоняющимся от нормы уровнем нервно-психической напряженности: с 13 (86,7%) до 7 (46,7%), $p \leq 0,01$. В позднем послеоперационном периоде наблюдалось дальнейшее увеличение числа детей с нормативным уровнем нервно-психической напряженности: с 8 (53,3%) до 14 (93,3%), $p \leq 0,01$. Также по сравнению с первичной оценкой изменилось количество детей с повышенным уровнем тревоги: с 11 (73,3%) до 2 (13%), $p \leq 0,01$.

Таким образом, на фоне психологического сопровождения хирургического лечения нормализация показателей психоэмоционального статуса подавляющего большинства детей с ТОД происходит уже к началу позднего послеоперационного периода.

1. Ahmad A., Larsson B., Sundelin-Wahlsten V. EMDR treatment for children with PTSD: Results of a randomized controlled trial // *Nord J. Psychiatry*. 2007. Vol. 61(5). P. 349-354.
2. Chemtob C.M., Nakashima J., Carlson J.G. Brief-treatment for elementary school children with disaster-related PTSD: A field study // *J. of Clinical Psychology*. 2002. 58(1). P. 99-112.
3. Meentken M.G., et al. EMDR for children with medically related subthreshold PTSD: short-term effects on PTSD, blood-injection-injury phobia, depression and sleep // *Eur. J. Psychotraumatol*. 2020. Vol. 11(1). P. 1–12.
4. Tomaszek L., Cepuch G., Fenikowski D. Influence of preoperative information support on anxiety, pain and satisfaction with postoperative analgesia in children and adolescents after thoracic surgery: A randomized double blind study // *Biomed Pap. Med. Fac. Univ. Palacky Olomouc Czech Repub*. 2019. Vol. 163(2). P. 172-178.

Исследование выполнено в рамках НИР (УН FURE-2022-0019 Рег.№ 122041100210-4).

Historical trajectories from Wundt's *Völkerpsychologie* to contemporary community psychology

History of psychology, community psychology, Wundt, individual

The aim of this paper is to analyze, from a historical perspective, transformations in psychological conceptualizations of the phenomena which transcend individual subject and require different forms of communication among individuals as their condition of possibility.

The historical trajectory from Wundt's *Völkerpsychologie* to the contemporary rise of community psychology is chosen as a good representation of those transformations. The suggested historical analysis is meant also as a critical historiography as it shall reveal the ways how important insights into necessity to include into psychology phenomena transcending individual subject have been ignored or even repressed in the history of psychology.

The starting point of analysis is Wundt's psychology as he is acknowledged as the father of scientific psychology. At the same time, strikingly enough, his psychological views were distorted, even converted into the opposite. Wundt's *Völkerpsychologie* is telling example in that regard. Wilhelm Wundt (1911, 1921) argued that *Völkerpsychologie* is an indispensable part of psychology, a necessary complement to individual, i.e. physiological psychology (4, 5). In spite of Wundt's explicit and available statements *Völkerpsychologie* was forgotten in the history of psychology for almost a century (Jovanović, 2021; 2). Secondly, even when admitted into reception of Wundt's views on psychology, Wundt's justification for the necessity to include *Völkerpsychologie* into comprehensive psychology of human beings has been hardly mentioned. *Völkerpsychologie* has its subject-matter in phenomena (language, custom) which can emerge and function only in human communities, in exchanges among its members and cannot be derived from individual psyche. (Wundt, 1921; 5).

Psychological schools following Wundt's psychology, most notably, behaviorism turned to individual only. However, Vygotsky's cultural-historical psychology, even though usually not included into main-stream historiographies of psychology, opened individual psychology to trans-individual phenomena and ascribed them, first of all, language, a fundamental role in genesis of specifically human cultural psychic functions. Vygotsky famously stated that we cannot master personality if we have not mastered society.

However, strikingly enough, even within social psychology the social has disappeared, as argued by J. Greenwood (2003; 1).

It is only in last decades that a program under the name community psychology has emerged (Orford, 2008; 3). It is understood as "challenging psychology over its neglect of the social", "dissatisfaction with existing research methods" (Orford, 2008, p. 3; 67). As a critical engagement with social issues (poverty, discrimination, injustice) which substantially affect psychic life, community psychology is committed to values of empowerment, liberation, social justice.

In conclusion it is argued that the historical trajectory from Wundt's *Völkerpsychologie* to community psychology is characterized for quite a long period by different ways of repression of Wundt's acknowledgment of the social (except in Vygotsky) and then by a relatively recent return to the social in community psychology. It is also a turn from Wundt's theoretical historical-genetic analysis to a declared socio-political engagement of psychology.

1. Greenwood J. *Disappearance of the social in American social psychology*. Cambridge Univ. Press. 2003.
2. Jovanović G. *How psychology repressed its founding father Wilhelm Wundt // Human Arenas*, 2021, 4, 32-47.
3. Orford J. *Community psychology*. Wiley. 2008.
4. Wundt W. *Völkerpsychologie. Dritte Auflage. Band. 1. Engelmann*, 2011.
5. Wundt W. *Logik der Geisteswissenschaften. Vierte umgearbeitete Auflage. Enke*, 1921.

Философско-психологическое наследие Ивана Александровича Ильина

История психологии, философско-психологические идеи, духовно-нравственная психология, И.А. Ильин

9 апреля 2023 г. исполнилось 140 лет со дня рождения выдающегося отечественного ученого, мыслителя, правоведа, общественного деятеля, ярчайшего представителя отечественной религиозно-философской традиции XX в. – Ивана Александровича Ильина (1883-1954). Родился ученый в дворянской семье губернского секретаря, присяжного поверенного округа Московской судебной палаты. Получив блестящее образование на юридическом факультете Московского университета, занялся научной и преподавательской деятельностью. В 1922 г. за расхождение с курсом власти большевиков с большой группой философов, ученых, литераторов был выслан из России в Германию. В Берлине с 1922 г. по 1934 г. состоял профессором при Русском научном институте. Отказавшись признать партийную программу национал-социалистического режима, через полтора года после прихода к власти Гитлера был уволен. В 1938 г. был вынужден переехать в Швейцарию.

В начале 2000-х годов философско-психологическое наследие мыслителя привлекло внимание научных сотрудников Института Психологии РАН. В своей монографии от 2003 г. «Представления русских о нравственном идеале» М.И. Воловикова отмечала, что в трудах ученого воссоздается картина здорового правового сознания [1]. В.А. Кольцову, В.А. Соснина интересовали взгляды Ильина на проблему патриотизма. С 2005 г. публикуются их совместные статьи, посвященные данному феномену как одному из базовых компонентов общественного сознания [3]. В.А. Соснин анализировал позицию мыслителя относительно проблем психологии конфликта [4]. Работа Ильина «О сопротивлении злу силой» вызвала в свое время оживленную дискуссию в интеллектуальных кругах. Наиболее полное исследование, посвященное психологическому наследию Ильина, осуществили А.А. Гостев, Н.В. Борисова. В 2012 г. в свет вышла монография «Психологические идеи в творческом наследии И.А. Ильина: На путях создания психологии духовно-нравственной сферы человеческого бытия» [2].

На глазах ученого разворачивались исторические события, которые потрясали, меняли сознание людей. Они подвигли его к постижению архетипического в человеке: проблем добра и зла, мужественности и женственности, совести, служения, жертвенности, героизма, любви к Родине, мудрости, святости. Он создал целостную философско-психологическую концепцию личности, пронизанную не только глубоким интересом к человеку, но и внутренним единством и гармонией. Мыслителем серьезно проработаны проблемы духовно-нравственного опыта человека, психологии общения, психологии конфликта, правового сознания, национального самосознания, психологии нравственно-патриотического чувства, психологии воспитания и педагогической психологии. Много и продуктивно он размышлял о причинах духовно-нравственного кризиса человечества и психологических аспектах выхода из него.

Внимание к личности и творчеству Ильина с каждым годом возрастает. Множественные публичные дискуссии, частые цитирования, обращение к идеям ученого, особенно касающимся прогнозов и теоретических разработок относительно будущего России, ее национальных задач, свидетельствуют об их важности, перспективности, а в условиях накала геополитических конфликтов – сверхактуальности.

1. Воловикова М.И. *Представления русских о нравственном идеале*. М.: Изд. Институт психологии РАН, 2003.
2. Гостев А.А., Борисова Н.В. *Психологические идеи в творческом наследии И.А. Ильина: На путях создания психологии духовно-нравственной сферы человеческого бытия*. М.: Изд. Институт психологии РАН, 2012.
3. Кольцова В.А., Соснин В.А. *Социально-психологические проблемы патриотизма и особенности его воспитания в современном российском обществе // Психологический журнал*. 2005. № 4. С. 89-98.
4. Соснин В.А. *Проблема “сопротивления злу силой” в творчестве И.А. Ильина // История отечественной и мировой психологической мысли. Постигая прошлое, понимать настоящее, предвидеть будущее / Под ред. А.Л. Журавлева, В.А. Кольцовой, Ю.Н. Олейника*. М.: Изд. Институт психологии РАН, 2006. С. 317-320.

Исследование выполнено в рамках госзадания № 0138-2023-0001.

Понятия как объект исследования истории психологии

История понятий, история психологии, методология психологии

В последние годы в отечественной науке растет интерес к истории понятий. Применительно к психологии этот тезис может быть проиллюстрирован изданием трех коллективных монографий сотрудников Института психологии РАН, посвященных разработке понятий современной психологии, для многих из которых приводится исторический обзор развития их значений [3, 4, 5].

История понятий (концептуальная история) как направление исторических исследований практически одновременно возникла в Германии и Великобритании в конце 1960-х годов в результате т.н. «лингвистического поворота» в социальных и гуманитарных науках. В ФРГ она была создана трудами Р. Козеллека и его сотрудников, издававшими фундаментальный «Словарь основных исторических понятий», в котором рассматривался генезис концептов в зависимости от социально-политических изменений в обществе; в Англии, в рамках интеллектуальной истории Кембриджской школы, представленной в первую очередь К. Скиннером и Дж. Пококом, проводились контекстуально-понятийные исследования политического мышления эпохи Ренессанса и Нового времени [1].

Понятие (концепт) является отображенной в мышлении совокупностью объектов, имеющих общий признак (или признаки) и отличающих их от других объектов. Р. Козеллек указывает, что «понятие постепенно теряет или приобретает многообразие смыслов, независимо от первоначального употребления, и что история этих временных наслоений может быть изучена» [2, с. 26]. Уже этот тезис ученого делает концептуальную историю привлекательной для истории психологической науки, в которой традиционно рассматривается генезис представлений о предмете психологии.

В понятиях вообще в свернутом, концентрированном виде отражаются представления о каких-либо объектах. В базовых научных понятиях, соответственно, репрезентируются воззрения ученых на объект и предмет своей дисциплины. Изучение процесса изменения значений одного и того же понятия, например «психология», является плодотворным с точки зрения понимания развития мышления психологов различных времен, стран и научных школ.

Помимо контекстуальности, еще одной отличительной особенностью понятия является его многозначность, позволяющая по-разному его трактовать и, соответственно, изучать историю изменений этих трактовок. Такие концепты психологической науки как «психика», «личность», «деятельность» и многие другие вполне удовлетворяют этому критерию.

С нашей точки зрения изучение истории психологических понятий может позволить эксплицировать развитие представлений ученых разных эпох, стран и научных школ о различных аспектах психического, раскрыть изменения особенностей научной рефлексии психологии в целом и отдельных психологов и групп психологов в частности, выявить влияние социально-политических, философско-научных и иных контекстов на представления о психическом и о психологии как науке, обнаружить изменения в семантических сетях психологии, связях между основными концептами, формирующими понятийно-категориальный аппарат науки, установить закономерности трансформации системы психологии.

Все это позволяет предположить, что изучение истории психологических понятий представляет интерес для истории психологии и несет в себе значительный эвристический потенциал.

1. Бёдекер Х.Э. *Отражение исторической семантики в исторической культурологии // История понятий, история дискурса, история менталитета: сб. статей. Под ред. Х.Э. Бёдекера. М.: Новое литературное обозрение, 2010, с. 5-17.*
2. Козеллек Р. *К вопросу о темпоральных структурах в историческом развитии понятий // История понятий, история дискурса, история менталитета: сб. статей. Под ред. Х.Э. Бёдекера. М.: Новое литературное обозрение, 2010, с. 21-33.*
3. *Разработка понятий современной психологии / отв. ред. А.Л. Журавлев, Е.А. Сергиенко. М.: Ин-т психологии РАН, 2018. 699 с.*
4. *Разработка понятий современной психологии. Том 2 / отв. ред. А.Л. Журавлев, Е.А. Сергиенко, Г.А. Виленская. М.: Ин-т психологии РАН, 2019. 813 с.*
5. *Разработка понятий современной психологии. Том 3 / отв. ред. А.Л. Журавлев, Е.А. Сергиенко, Г.А. Виленская. М.: Ин-т психологии РАН, 2021. 730 с.*

Созревание понятий: от интуиции автора к «общепринятому» определению

Научные понятия, практика словоупотребления, семантическое поле понятия

Ряд имеющихся определений понятий (по крайней мере в психологии) слишком оптимистично называются общепринятыми. С одной стороны, сам атрибут «общепринятое» сомнителен в качестве признания, поскольку научный дискурс полемичен по своей природе. А с другой, многие «общепринятые» определения есть результат такого компромисса, который угрожает разрушением самому определяемому понятию. Мы намерены обсудить процессы, благодаря которым складывается научное понятие (сформулированное в определении), что позволит более корректно организовывать процедуры конструирования понятий.

Опорой для определения некоего понятия выступает лингвистическая интуиция автора (чувство языка). Ее содержание – имплицитное семантическое поле понятия, которое сложилось в результате привычной для данного автора практики словоупотребления. Формулировка определения понятия находится автором как экспликация своих интуитивных представлений. Вербальными признаками, что автор руководствуется своими интуитивными представлениями, выступают эрзац-аргументы вида «я считаю», «по нашему мнению», «мы склонны думать, что», «как нам представляется» и т.п. Вероятно, с ростом научной квалификации исследователя в его текстах таких индикаторов становится меньше.

С момента публикации определения запускается коллективная работа над этим понятием в форме научного дискурса. Каждый читатель в фоновом режиме (автоматическом, неререфлексируемом) сравнивает чье-то определение со своими имплицитными представлениями и откликается на него, занимая позицию сторонника (при высокой степени совпадения) или оппонента (при критическом расхождении).

Полемика с коллегами тоже способна строиться на методологически наивном уровне «я считаю» или «мы не согласны», отражая незрелость самого понятия. Столкновение с другими «я считаю» снова поднимает вопрос практики словоупотребления, теперь уже в кругу лиц с повышенной компетентностью в предмете обсуждения. Но и с аргументами уровня «я считаю» зрелость суждений все равно имеет тенденцию повышаться. Потому что, во-первых, нельзя бесконечно обмениваться мнениями, их следует обосновывать (запускается рефлексия участников и в отношении изменений в содержании понятия, и в отношении собственного стиля ведения полемики). И, во-вторых, семантический материал, с которым имеет дело дискурс, становится все более «плотным» и «насыщенным»: обнаруживаются все более тонкие оттенки значения – фрагменты семантики обсуждаемого понятия. Его семантическое поле становится коллективным (заведомо эксплицитным), наполняется новыми оттенками.

С годами в семантическом поле понятия выделяется ядро высокого согласия между коллегами, практика словоупотребления нормируется. Она то – норма употребления понятия – и принимается большинством пользователей за общепризнанное определение. Отметим наличие подмены: общепринятым является не суть определение, а нормированная практика употребления понятия (по факту еще недоопределенного). В идеале же исходно субъективные представления, пройдя процесс согласования, становятся научными понятиями [1].

В качестве возможных процедур конструирования определений можно указать: а) анализ сложившейся семантики в словоупотреблении (на примере определения межличностной манипуляции) [3]; б) создание новой семантической реальности (на примере определения эмоционального интеллекта) [4], в) реконструкция семантического поля обыденного сознания (на примере определения адаптивного интеллекта) [2]. Обсуждаются возможности и ограничения указанных процедур.

1. Гринев-Гриневич С.В., Сорокина Э.А., Молчанова М.А. Еще раз к вопросу об определении термина // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Теория языка. Семиотика. Семантика. Т.13, №3, 2022, с. 710–729.
2. Гут В.В. Эвристический потенциал понятия «адаптивный интеллект» // Материалы VI Международной научной конференции «Психология стресса и совладающего поведения: устойчивость и изменчивость отношений, личности, группы в эпоху неопределенности – Кострома, 2022, с. 106-111.
3. Доценко Е.Л. Психология манипуляции: феномены, механизмы и защита. — М.: ЧеРо, Издательство МГУ, 1997. — 344 с.
4. Mayer J.D., Salovey P., Caruso D. Emotional intelligence: Theory, Findings, and Implications // Psychological Inquiry. V.15, №3, 2004, p. 197-215.

Н.С. Говоров – последователь Б.Г. Ананьева*Ананьевские чтения, Н.С. Говоров, театр рассказа*

Сорок лет исполнилось «Ананьевским чтениям» – ежегодной конференции: проекту коллективного научного исследования, площадке общения /обмена опытом между разными поколениями выпускников факультета и диалога с представителями других научных школ; платформе по продвижению бренда факультета в мировую психологию. Чтения сыграли важную организационную роль в формировании методологических основ Ленинградской (Петербургской) школы психологии. Институциональная капитализация зависит от изучения истории конференции: пройденных этапов, выбранных направлений и рассмотренных тем, сбора сведений об участвующих лицах.

Постоянный участник чтений Н.С. Говоров (1921-2002) – актер, режиссер, философ, психолог, психотерапевт. Он был активным и страстным проповедником Ананьевского учения. Сотрудничество возникло на основе общего отношения к искусству, театру, системе К.С. Станиславского. Оба видели в театре психологию развития. Б.Г. Ананьев отмечал: БДТ (во времена А.А. Блока) был театром революционным, а теперь «стало парадно», поэтому «в Театре Ленинского комсомола нам более интересно для раскрытия дарований» (приведено по книге Н.А. Логиновой, 2006, с. 302, 309). Задумав книгу «Человек как предмет искусства» – поручил Н.С. Говорову подбор материалов. Смерть Б.Г. Ананьева остановила этот проект. Базовым совпадением взглядов обоих было совмещение подходов И.П. Павлова и В.М. Бехтерева. В своих разработках Н.С. Говоров опирался как на работы К.М. Быкова, Ю.П. Фролова, Э.Ш. Айропетьянца, так и на работы А.Ф.Лазурского, В.Н. Мясищева. Главным сблизившим обстоятельством стали результаты занятий по методике Н.С. Говорова «Тренаж мышления» – экспериментально подтвердившие ананьевское обоснование чувственного познания (расширение порогов чувственности под влиянием речи) – благодаря чему Н.С. Говоров получил возможность прослушать практически все выступления Б.Г. Ананьева за последние 10 лет его жизни.

Увлечение театром возникло у Н.С. Говорова в школе. Находился под влиянием идей К.С. Станиславского и Н.Н. Еврейнова. Участвовал в ВОВ: сначала в истребительном батальоне, позже – фронтовой артист. После войны в труппе театра им. Ленинского комсомола с художественным руководителем Г.А. Товстоноговым. Познакомил последнего с Б.Г. Ананьевым. Н.С. Говоров придавал фундаментальное значение самодеятельности, направляя движение по научно – художественной театральной системе. Выявлял объективные законы актерской игры, предлагал реалистическую установку на действие, модифицировал методику Н.В. Демидова, следовал замыслу безрепетитационного спектакля, разрабатывал жанр «Театр рассказа». Решение таких задач предопределило поиск новых форм действий и взаимоотношений в театральном коллективе. Н.С. Говоров входил в проблемную комиссию Общества физиологов «И.П. Павлов и экспериментальный театр» и в общественную лабораторию по экспериментальному театру при факультете психологии ЛГУ. По приглашению В.Н. Мясищева, далее М.М. Кабанова проводил четверть века в институте им. В.Н. Бехтерева исследования по психопатологии деятелей искусства и социальной реабилитации. Внес вклад в предложенный И.Е. Вольпертом (1972) метод психотерапии – имаготерапия. Педагогическая антропология К.Д. Ушинского и Б.Г.Ананьева, идеи П. Сорокина, принцип «школы жизни» Н.И. Пирогова, педагогические опыты Л.Н. Толстого и А.С. Макаренко легли в основу говоровской концепции интегральной социальной педагогики. Центр Н.С. Говорова «Адаптация и развитие человека» был интегрирован в городское педагогическое сообщество. В образовательных учреждениях проводились лекции, семинары, тренинги. Взгляды Б.Г. Ананьева на кибернетику, комплексное/массовое управление повлияли на Н.С. Говорова в занятиях вопросами психологии «Перестройки» и разработке основ концепции научно – общественного полилога, направленного на достижение консенсуса в обществе. Н.С. Говоров захоронен на Серафимовском кладбище, где находится и могила Б.Г. Ананьева. Дело Н.С. Говорова продолжают его ученики: в «Театре рассказчика», Говоровские чтения

Значение идей Б.Г. Ананьева для практической психологии

Б.Г. Ананьев, развитие личности, социальное развитие, практическая психология

О научных идеях и исследованиях выдающегося отечественного психолога, основателя Ленинградской психологической школы Б.Г. Ананьева написано и сказано очень много. Неоценим его вклад в отечественную научную психологию. Многие исследования, начатые и предложенные ученым, в настоящее время разрабатываются его последователями и коллегами Н.А. Логиновой, Л.А. Головей, В.Н. Куницыной, В.Р. Манукян и др.. Психология не стоит на месте, ее развитие во многом обусловлено требованиями современного социума. В настоящее время большое значение имеет не только научная, теоретическая, но и практическая психология. Разнообразные тренинги, развивающие занятия, другие методы практической психологии востребованы в настоящее время для оказания практической помощи людям разных возрастов.

Целью данной статьи является изучение взаимосвязи идей Б.Г. Ананьева с практической психологией, а именно с тренингами личностного и социального развития. Под социальным развитием мы понимаем взаимодействие человека с социумом в следствие чего происходит его развитие. Личностное развитие – приобретение человеком тех или иных особенностей, качеств характера и т.д. Для Б.Г. Ананьева как ученого был важен принцип развития и принцип целостности человека [1,2]. Он утверждал, что человек развивается на протяжении всей жизни, при этом развитие происходит во всех сферах от психики и интеллекта, до социальной, коммуникативной сфер.

Одним из важнейших аспектов в трудах Б.Г. Ананьева было развитие индивидуальности. Индивидуальность раскрывается у него с двух сторон. Во первых, это внутренний мир человека, система психических явлений. Во вторых, индивидуальность – это единичный в своем роде человек. Он рассматривал человека как неповторимого в своем роде, обладающего индивидуальным сочетанием психических свойств, особенностей характера, ценностей, установок и т.д.

Теоретической основой разрабатываемых и применяемых нами программ тренингов являются вышеперечисленные идеи. Программы составляются нами таким образом, что участники тренингов вне зависимости от возраста, получают развитие во многих своих направлениях. Например, в наших тренингах социального развития для детей младшего школьного мы ставим задачи не только развития взаимодействия детей с окружающими, но и задачи, связанные с развитием у них характера, способностей, умений, индивидуальности детей. В беседах с ними мы рассказываем, как влияет общение на личность, способности и умения. В итоге, после прохождения СПТ младшие школьники получают как социальное, так и личностное развитие. Они начинают понимать, что каждый из них индивидуален и неповторим.

Программа тренинга личностного роста, проводимая нами с подростками и старшими школьниками, имеет целью развитие личности, коммуникативной компетентности, профориентации. Эти три сферы взаимосвязаны между собой и развитие одной из них влечет развитие другой.

Отдельно необходимо выделить важность таких программ для детей с отклонениями здоровья. В данном случае идеи целостного развития и развития индивидуальности, развития ресурсов человека, предложенные Ананьевым, незаменимы. Такие дети особенно остро нуждаются в формировании у них понимания того, что они обладают ресурсами для преодоления трудностей, индивидуальны и т.д. Практика показывает, что осознание своей индивидуальности, уникальности придаёт уверенности человеку любого возраста, является ресурсом развития личности и деятельности.

Родители – ещё одна категория клиентов школьного психолога. Часто идеи ученого в работе со взрослыми блокируются стереотипным мышлением, привычками, недоверием, а иногда непониманием. Однако, в процессе работы, происходит осознание родителями не только возможностей собственного развития, индивидуальности или ревоих ресурсов, но и понимание того, что их дети уникальны и неповторимы, что им необходимо дать возможность проявить себя. С родителями и подростками часто проговаривается вопрос уважения к другому человеку. Целью данной дискуссии мы ставим подведение участников тренинга к тому, что человек является ценностью для другого человека.

Таким образом, идеи Б.Г. Ананьева актуальны, востребованы и реализуются в тренингах социального и личностного развития.

1. Ананьев Б.Г. *Человек как предмет познания*. СПб.: Питер. 2001. 282 с.

2. Ананьев Б.Г. *О проблемах современного человекознания*. М.: Наука. 1977. 380 с.

Психология искусства в научной школе Б.Г. Ананьева

История психологии, Б.Г. Ананьев, психология искусства

В истории Петербургской психологической школы есть немало белых пятен. Одно из них – исследования по психологии искусств. Мало известно и не изучено то, что в этой школе были выполнены исследования на основе взглядов Б.Г. Ананьева на психологию художественной деятельности и ее субъекта. Особенностью его взглядов является соотнесение искусства с общепсихологическими механизмами художественной деятельности и структурой человека-индивидуальности. В этой области Ананьевым были поставлены проблемы: психологические особенности и биография субъекта художественного творчества, природа конгениальности, взаимосвязь разных видов ощущений и восприятий включая синестезию, образного и вербально-логического мышления, природа сенситивности в эстетическом восприятии, роль психомоторики в процессах создания художественного образа, для воплощения в спектакле сценического образа, фазы творческого акта, развитие личности художника, практические приложения искусства.

Ананьев считал обязательными эмпирическое фундирование теории и связь исследований с практикой. Эмпирические исследования психологов ЛГУ- СПбГУ были выполнены в разных видах искусства – музыкальном, изобразительном, литературном, театральном, хореографическом. К сожалению, они мало описаны и обобщены. В них участвовали Н.А. Розе, М.Д. Дворяшина, В.Д. Балин, Б.С. Одерышев и другие лаборатории Б.Г. Ананьева.

Сам Борис Герасимович еще в студенческие годы поставил по собственной методике эксперимент о влиянии музыки на поведение и психофизиологическое состояние человека [1]. Позже в 1930-е гг. в Ленинграде преподавал в театральных учебных заведениях, общался с известными ленинградскими актерами, режиссерами театра и кино. В дальнейшем научный интерес к искусству выразился в новых исследованиях ученого и его сотрудников в Институте мозга им. В.М. Бехтерева, где в начале 1930-х существовала лаборатория по психологии художественного творчества (зав. Р.И. Черановский) [3].

В послевоенный период, с открытием отделения, а позже факультета психологии в Ленинградском государственном университете вплоть до настоящего времени были защищены диссертации, например, В.Л. Дранковым [2], написаны научные статьи, например, М.В. Осориной и книги [4, 5]. Связь с практикой и в этой отрасли психологии устанавливалась путем психофизиологической диагностики артистов балета и музыкальных исполнителей, абитуриентов театральных вузов, рекомендаций руководителям учреждений культуры, личных контактов Б.Г. Ананьева и других психологов с деятелями искусства.

1. Ананьев Б.Г. Опыт экспериментально-психологического изучения влияния музыки на поведение // *Вопросы науки о поведении ребенка и взрослого. Владикавказ, 1927, с. 21–26.*
2. Дранков В.Л. *Взаимодействие изобразительной и литературной деятельности в творчестве А.С. Пушкина и М.Ю. Лермонтова. Л.: ЛГУ. 1951.*
3. Логинова Н.А. *Борис Герасимович Ананьев: Биография. Воспоминания. Материалы. СПб.: СПбГУ, 2006.*
4. Осорина М.В. *Рисованные истории в изобразительном творчестве детей и их зрительском опыте / Русский комикс. М.: Новое литературное обозрение, 2010. С. 107–170.*
5. Семенов В.Е. *Искусство как межличностная коммуникация: (Социально-психологическая концепция). СПб.: Изд-во Санкт-Петербург. ун-та, 1995.*

Анализ текстов и изображений в психологических исследованиях с помощью библиотеки “psyscaling”

Psyscaling, психологическое шкалирование, NLP, кластеризация изображений, Python

Современные технические возможности анализа текстов и изображений позволяют быстро и эффективно извлекать информацию. Технологии корпусной лингвистики и машинного зрения широко используются для классификации вербальной и визуальной информации. В данной статье описаны возможности библиотеки *psyscaling*, которая включает в себя функции, максимально упрощающие анализ психологических данных с использованием различных словарей на языке Python. Например, анализ тональности текста потребует от исследователя всего трех строчек кода. Подробнее о современных возможностях использования NLP в психологических исследованиях смотрите в [2].

Установка библиотеки *psyscaling* осуществляется из репозитория GitHub: `pip install git+https://github.com/svmpsy/psyscaling.git`

В нашей библиотеке используется морфологический анализатор *rumorphy2* [4]. Он создан на основе Открытого корпуса русского языка *OpenCorpora*, включающего по состоянию на сентябрь 2022 года 391842 словарных форм слов (лемм). Токенизация лемм реализована с использованием библиотеки NLTK [1].

Библиотека *psyscaling* создана с учетом гибкой настройки для исследовательских задач. Поэтому в пакете *textanalysis* предоставлена возможность загрузки пользовательских словарей в формате csv с одним или несколькими ключами. Например, это могут быть готовые словари тональности, доступные для открытого скачивания: *PolSentiLex* и *RuSentiLex* или пользовательские словари под конкретную научную задачу и выборку испытуемых.

Развитие технологий компьютерного зрения в настоящее время позволяет быстро осуществить попиксельную редукцию изображений с последующей их кластеризацией. Редукция изображений в пакете *imganalysis* реализуется с помощью библиотеки PIL [напр., 3]. Сначала изображение разбивается на заданное количество частей. Каждая из этих частей будет включать в себя определенное количество пикселей. Их цветность усредняется отдельно по каналам R, G, B. Этот новый «средний» цвет приписывается итоговому пикселю редуцированного изображения. Далее, редуцированное изображение кластеризуется. Кластеризация осуществляется относительно заданных заранее центроидов, для чего необходимо загрузить цветовую палитру. Таковыми могут быть, напр., цвета Люшера или основные цвета RGB. Далее с помощью функции *vq* из библиотеки *scipy* оценивается евклидово расстояние пикселей от центров кластеров в трехмерном пространстве RGB. Каждый пиксель в итоге относится к тому кластеру, центроид которого оказывается к нему ближе всего.

Статистические функции библиотеки *psyscaling* позволяют рассчитать для изображений дисперсионную модель, сделать апостериорные сравнения, проверить гомогенность дисперсий, вывести QQ-plot, графики групповых различий, при необходимости рассчитать критерий Н Краскела-Уоллиса. Анализ осуществляется по сути автоматически, единственным аргументом обеих функций является *DataFrame*, который был получен на предыдущем шаге.

Описанная библиотека с 2022 года успешно используется в ряде учебных курсов при подготовке студентов специалитета и магистратуры на факультете психологии СПбГУ.

1. Бенджамин Б., Ребекка Б., Тони О. Прикладной анализ текстовых данных на Python. Машинное обучение и создание приложений обработки естественного языка. СПб.: Питер, 2019. 368 с.
2. Китова Д.А., Журавлев А.Л. Автоматизированный анализ текстов в психологии: состояние и перспективы мировых исследований // Психологический журнал. 2022. Т. 43, № 2. С. 105-115.
3. Солям Я.Э. Программирование компьютерного зрения на языке Python. М.: ДМК Пресс, 2016. 312 с.
4. Korobov M. Morphological analyzer and generator for Russian and Ukrainian languages // International conference on analysis of images, social networks and texts. Springer, Cham, 2015. С. 320-332.

Перспективы развития научного наследия Н.Н. Обозова как продолжателя идей Б.Г. Ананьева

Социальная психология, экспериментальная психология, кибертехнологии

Настоящее время характеризуется сохранением интереса к наследию психологической школы Б.Г. Ананьева, как к уникальному опыту развития научной и педагогической деятельности. В этом контексте обращение к творчеству профессора Н.Н. Обозова, ученика и последователя Б.Г. Ананьева, представляет особый интерес. Сфера научных взглядов Обозова включала общую и дифференциальную психологию, антропологию, социальную и организационную психологию. Н.Н. Обозов создал авторскую концепцию типологии личности, впервые в психологии изучил и дифференцировал явления совместности и сработанности, разрабатывал аппаратно-техническое моделирование общения, совместной деятельности и сотрудничества.

В этом году исполнилось 60 лет лаборатории дифференциальной психологии и антропологии НИИКСИ, в ней и начался профессиональный путь Николая Николаевича Обозова. Он принимал активное участие в комплексном лонгитюдном исследовании взрослого человека, проводимое под руководством Б.Г. Ананьева. Результаты научной работы в лаборатории были представлены Обозовым в его кандидатской диссертации «Дифференциально-психологический аспект индивидуальной и совместной работы», эту тему ему подсказал Б.Г. Ананьев. Докторская диссертация «Психология межличностного взаимодействия» была защищена в 1979 году. С 1975 по 1985 гг. Н.Н. Обозов являлся членом специализированного совета по защитах кандидатских диссертаций на факультете психологии ЛГУ и в то же время он занимал должность Заведующего лабораторией антропологии и дифференциальной психологии НИИКСИ. Итоги исследований руководимого им коллектива лаборатории обсуждались в том числе и на Ананьевских чтениях, участником которых был Николай Николаевич.

Следует отметить научную и организационную деятельность Обозова в Киевском университете, осуществляемую при поддержке Б.Ф. Ломова. С 1985 по 1989 гг., являясь заведующим кафедрой общей и инженерной психологии университета, Н.Н. Обозов одновременно возглавлял специализированный совет по защитах кандидатских и докторских диссертаций при Институте психологии Министерства просвещения УССР. Были защищены диссертации из республик Украины, Молдовы, Белоруссии и России.

Методики Обозова использовались в ЛГУ-СПбГУ при написании курсовых и дипломных работ в области социальной психологии, в научно-исследовательских работах А.Н. Волковой, Т.М. Трапезниковой (исследования семей), В.М. Снеткова (психология менеджмента, организационная психология) и многочисленными его учениками.

Особый интерес в научно-методическом наследии Обозова вызывает созданная им в 1969 году модель кибернометра, которая была продемонстрирована на «генеральских смотрах» (Обозов, 2000, с.52) и одобрена его учителем Б.Г. Ананьевым для применения в комплексных исследованиях.

С 2003 года Н.Н. Обозов и В.С. Белолы модернизируют кибернометры для задач учебного процесса, менеджмента и управления. Системные кибертренинговые технологии для сложных межгрупповых взаимодействий методологически прорабатывались в учебных и трудовых коллективах различных Вузов и предприятий России.

Творческое наследие Н.Н. Обозова насчитывает более 150 научных работ, под его руководством защищены 21 кандидатская диссертация и 5 докторских. Личный архив ученого, сохраненный его родными и коллегами, при посредничестве Ю.Н. Олейника передан на хранение в Научный архив Института психологии РАН и скоро будет введен в научный оборот. С 2019 года ежегодно проводятся международные конференции, с целью изучения и популяризации научного наследия профессора Н.Н. Обозова.

1. Обозов Н.Н. Совместимость и сработываемость людей. СПб.: ЛНПП «Облик», 2000. – 212 с.

Принцип развития как универсальный принцип психологии

Принцип развития, система принципов психологии, мультидетерминация развития, онтогенез

Термин «развитие», скорее, необходимо рассматривать в качестве универсального психологического принципа, который является одним из методологических основ науки. Анализ определений развития в философской и психологической литературе показал отсутствие четких оснований различий развития и изменений. Если процесс изменения схватывает любые объекты, любые их стороны, то процесс развития – далеко не всякое изменение объекта, а лишь то, которое связано с преобразованиями во внутреннем строении объекта, в его структуре, представляющей собой совокупность функционально связанных друг с другом элементов, отношений и зависимостей. Структура характеризуется тремя параметрами: количеством составляющих, порядком расположения и характером зависимости (например, равнозначность/неравнозначность, доминирование/подчинение). При развитии происходит переход структуры от одного качества к другому по количеству, порядку и типу зависимости составляющих. Следовательно, развитие не совпадает с изменением – увеличением или уменьшением числа элементов. В процессе развития даже при неизменности числа составляющих может происходить преобразование структуры за счет изменения функций существующих составляющих, характера отношений между ними. В отличие от изменений, которые обратимы, развитие имеет необратимый характер.

Оставаясь стержневым и основным принципом в психологии принцип развития как бы нанизывает все остальные принципы как “бусины”, создавая общее “ожерелье” методологии психологии развития, да и общей психологии.

В последнее время произошло существенное расширение и обогащение принципа развития другими принципами: дифференциации – интеграции, непрерывности, гетерогенности и гетерохронности, контекстуальности, антиципации, субъектности, неопределенности, составляющими единое пространство современной методологии. Обоснование такого обогащения представлено в теоретических исследованиях современных авторов. Принцип дифференциации–интеграции, указывает на основную закономерность в развитии систем, включая как биологические, так и психологические: от максимальной интегрированности, целостности к дифференциации систем, а затем их интеграции на новом уровне взаимодействия. Однако для дифференциации необходимо наличие потенциала, содержащегося в интегративном целом. Без направляющих принципов организации психического развития, ядерных систем или примитивов, а также предрасполагающих факторов трудно понять и описать адекватность восприятия и действия, избирательность взаимодействий, развитие ментальных внутренних моделей и других психических феноменов. Переход к более дифференцированным системам происходит постепенно. Закон дифференциации развития требует дополнения принципом континуальности, непрерывности развития. Принцип непрерывности (континуальности) психического развития означает взаимосвязанность всех этапов развития человека, их эволюционную подготовленность, связь фило- и онтогенеза, саморазвитие системной организации психики, генетико-средовые координаты психических изменений. Принцип антиципации тесно связан с принципом непрерывности психического развития и предполагает необходимую подготовленность последующих стадий развития предыдущими. Антиципация рассматривается как имманентное свойство всех психических процессов в их развитии. Принцип субъектности – авторства собственного развития, неопределенности и уникальности путей развития психики становится ключевым для нового понимания принципа детерминизма как саморазвития. Расширения принципа развития в современной психологии описываются в категориях разнообразия и вариативности, неопределенности и непредсказуемости, гетерогенности (разнородности) и гетерохронности (неравномерности), континуальности контекстуальности, а также сложности, антиципации. Психическое развитие есть всегда единство прогрессивных и регрессивных преобразований, но соотношение этих разнонаправленных процессов на разных этапах жизненного пути индивида существенно меняется.

1. Принцип развития в современной психологии. Отв. ред. А.Л. Журавлев, Е.А. Сергиенко. М.: Институт психологии РАН, 2016.

Уровневые объяснения в психологии и интеграция психологического знания

Объяснение, уровневый подход, интеграция

Конституирование психологии как самостоятельной области научного знания зависит от соответствия ее требованиям и принципам научности – наличие предмета и метода, возможность проверить и опровергнуть получаемое знание и др. При этом доминирующей в современной психологии стратегией работы с данными является редукционизм, или сведение психологического знания к знанию, соответствующему предмету других гуманитарных и естественных наук. Конечно, преобладающим видом редукционизма в психологии является естественнонаучное сведение – математическое, статистическое, физиологическое и др. При имеющихся достоинствах редуктивных моделей работы с психологическими данными (Ж. Пиаже) редукционизм упрощает представление о предмете психологии и не позволяет рассматривать его во всей сложности и многообразии психических явлений. Распространенность естественнонаучной редукции приводит к тому, что психология не реализует важнейшую функцию научного познания – объяснение, в ходе которого получаемые в исследовании данные встраиваются в действие общих законов предметной области знания. Ввиду последнего объяснение в психологии чаще заменяется интерпретацией – либо в варианте интерпретационных подходов (по Б.Г. Ананьеву), либо в форме описания степени соответствия получаемых данных характеристикам используемых методов и методик исследования. Ведущей причиной преобладания редукционизма и интерпретационных моделей работы с данными является отсутствие в психологии теории объяснения, соответствующей сложности предмета психологии. К сожалению, и в философии науки не было предложено концепций объяснения, использование которых не приводило бы психологию к логическому или естественнонаучному редукционизму (К. Гемпель, П. Оппенгейм, Е.П. Никитин и др.).

Преодоление редукционизма в психологии видится в разработке такой методологии исследования, в ходе которой объяснение психических явлений осуществлялось бы психологическими средствами – по принципу «*psychologica-psychological*» (Э. Шпрангер). С этой целью сама процедура объяснения должна быть встроена в структуру предмета психологии, который должен быть задан максимально широко и учитывать все возможное многообразие психических явлений. Наиболее соответствующей данному требованию формулировкой предмета психологии является современное использование категории внутреннего мира человека [3]. Внутренний мир человека как предмет психологии характеризуется уровневым строением (включает индивидуальные, субъектные, личностные характеристики), соответствует положениям структурно-уровневого подхода в философии науки и психологии (Н.С. Автономова, М.С. Роговин), позволяет реализовать методологию структурно-уровневого анализа психического. Последняя предполагает «фиксацию специфических закономерностей диалектики развития – соотношения низшего и высшего, в том числе сохранения низшего в высшем, анализ энергетических и информационных связей различных уровней в пределах одной структуры, прослеживание включения низшего в высшее, интеграции различных уровней в целостную систему, их трансформации» [1, с. 9].

Структурно-уровневое представление о предмете психологии позволяет использовать в ходе его изучения базовые психологические категории – структура, функция, процесс, генезис, уровень. Как следствие психологические объяснения могут быть простыми (анализ одной категории) и сложными (использование двух категорий).

Заметим, что в психологии давно реализуются простые и сложные модели исследования психических явлений. Однако актуальной задачей является интеграция психологического знания средствами коммуникативной методологии психологии [1].

1. Мазилев В.А. *Методология психологической науки: история и современность*. Ярославль: ЯГПУ, 2017. 419 с.
2. Роговин М.С. *Структурно-уровневые теории в психологии*. Ярославль: ЯрГУ, 1977. 80 с.
3. Шадриков В.Д., Мазилев В.А. *Общая психология*. М.: Юрайт, 2023. 411 с.

Исследование выполнено при финансовой поддержке РФ (проект № 22-28-00089).

Историко-психологические идеи в научном творчестве А.Н. Леонтьева (к 120-летию со дня рождения ученого)

А.Н. Леонтьев, история психологии, Н.Н. Ланге, теория внимания

Алексей Николаевич Леонтьев (1903-1979), как практически все крупные психологи, к числу которых он, безусловно, относится, при разработке своих идей обращался к созданным ранее концепциям и теориям – либо с критической точки зрения, либо опираясь на них. А.Н. Ждан полагает, что вопросы истории психологии составляли один из важных аспектов его научного творчества [1]. А.Н. Леонтьев рассматривает ключевые проблемы психологии с точки зрения принципа историзма, анализируя путь развития представлений о психике на фоне общественно-исторических событий, уровня развития научного знания в разные исторические эпохи. А.Н. Леонтьев пришёл в психологическую науку в переломное для неё время, он был искренним и убежденным марксистом. Поэтому всё историко-психологическое наследие рассматривалось им именно с этой методологической и идейной позиции. Практически во всех своих трудах он ведет диалог с предшественниками – от античных философов и до современников, ссылаясь на них, соглашаясь или критикуя. По мнению А.Н. Ждан, «этот диалог с прошлым указывал на значимость работы предшественников для настоящего, на включенность многих её положений в ткань современного научного поиска» [1, с. 86]. В знании исторического пути развития психологии проявлялась не только исследовательская культура Леонтьева-ученого и уровень его университетской подготовки, но и результат сотрудничества с выдающимися представителями отечественной психологии – Г.И. Челпановым, А.Р. Лурия, Л.С. Выготским, П.П. Блонским, А.В. Запорожцем, П.Я. Гальпериним и многими другими учеными, кто оказал влияние на его взгляды [1; 2].

Во многом благодаря А.Н. Леонтьеву, посвятившему целый ряд статей юбилейным датам и значимым событиям в нашей науке, мы имеем возможность из первых уст узнать о развитии советской психологии и её отдельных ярких представителях [3; 5].

Но А.Н. Леонтьев был отлично знаком не только с трудами своих современников. В «Лекциях по общей психологии» [4], разбирая различные психологические процессы и явления, он постоянно апеллировал к идеям выдающихся зарубежных и отечественных ученых.

Особое внимание обращает на себя разбор теории внимания Николая Николаевича Ланге (1858-1921), одного из представителей дореволюционной российской психологии, чему посвящена отдельная Лекция 29 (а фактически – ещё и вторая половина Лекции 28). [4, с. 126-134]. А.Н. Леонтьев, восстанавливая историческую справедливость, подчеркивает роль Н.Н. Ланге в исследовании произвольного внимания. По Н. Ланге, явления внимания произвольного и произвольного не что иное, как его различные уровни: рефлексорный (на основе безусловных рефлексов), инстинктивный (эмоциональная значимость раздражителя, напряжение потребности) и волевой (имеет социальную природу, направлено на определенную цель). И здесь для Леонтьева наибольшую ценность представляет сдвиг волеизъявления на цель. Теория внимания Н.Н. Ланге оказывается близкой идеям самого А.Н. Леонтьева, вероятно, поэтому, он ей посвящает отдельную обширную лекцию. Лектор проводит параллели: у Ланге «сенсорный образ» – у Леонтьева «чувственная ткань», у первого – «образ памяти» – у второго – «представление», и наконец – «волеизъявление» и «целеподчинённость, целенаправленность».

Отмечая близость взглядов на внимание Н.Н. Ланге и французского психолога Т. Рибо, Леонтьев всё-таки утверждал, что Н.Н. Ланге объясняет процессы и механизмы внимания как материалист, последователь психофизиологической школы И.М. Сеченова. Он подчеркивал схожесть некоторых идей Н.Н. Ланге и Н.А. Бернштейна, А.К. Анохина, Л.С. Выготского. В ходе лекции А.Н. Леонтьев призвал своих слушателей «научиться правильно читать Ланге и правильно видеть его место в истории психологии, понять, что Ланге есть патриарх русской психологической мысли, русской психологии. Это крупнейший русский ученый-психолог». [4, с. 130]. В итоге А.Н. Леонтьев сделал вывод, что обращение к творчеству Н.Н. Ланге «не то что ретроспективно отдаваемая дань его высокой научной деятельности», а то, что книги Н.Н. Ланге относятся к тем, которые долгое время остаются живыми, классическими [4, с. 133].

Данный пример является наглядным доказательством того, что историко-психологические трактовки А.Н. Леонтьева чрезвычайно интересны и важны для расширения и уточнения представлений о развитии психологической науки и идей её ярких представителей.

1. Ждан А.Н. Вопросы истории психологии в трудах А.Н. Леонтьева // Вопросы психологии. 2003. № 2. С. 86-94.
2. Леонтьев А.А. Алексей Николаевич Леонтьев рассказывает о себе // Вопросы психологии. 2003. № 2. С. 33-41.
3. Леонтьев А.Н., Лурия А.Р. Из истории становления психологических взглядов Л.С. Выготского // Вопросы психологии. 1976. № 6. С. 83-93.
4. Леонтьев А.Н. Лекции по общей психологии / Под ред. Д.А. Леонтьева, Е.Е. Соколовой. М.: Смысл, 2000.
5. Леонтьев А.Н. Октябрь и психологическая наука // Вестник МГУ. Сер. 14. Психология. 1977. № 3. С. 3-10.

О начале преподавания психологии на философском факультете ЛГУ в 1942–43 гг.*Преподавание психологии, ЛГУ, Шемякин*

Начало преподавания психологии в Ленинградском университете обычно связывают с деятельностью Б.Г.Ананьева, который в 1944 году организовал и возглавил кафедру психологии в составе философского факультета [1]. Не принижая роли Ананьева в становлении Ленинградской/Петербургской традиции психологических исследований, мы бы хотели обратить внимание на обнаруженные нами архивные документы, согласно которым психология начала преподаваться в ЛГУ на два года раньше.

В учебном плане на 1942/43 учебный год, подготовленном деканом философского факультета М.В.Серебряковым и утвержденном проректором по учебной части А.Комаровым 21 июля 1942 г. (З, д.731, л.29), все учебные дисциплины разделены на четыре комплекса. Первый из них образован курсами, связанными с основами Марксистско-Ленинского учения, во второй вошли философские науки, в третий – исторические. Психология, наряду с математикой, физикой, химией и биологией и астрономией была включена в четвёртый комплекс, обозначенный как «естествознание». На психологию отводилось 68 часов лекций, других форм занятий не предусматривалось. Все эти дисциплины должны изучаться на первых двух курсах, их включение в учебный план обосновывается тем, что они особенно тесно связаны с историей философии и их знание необходимо при постановке и разрешении многих философских задач.

В учебном плане на следующий, 1943/44 учебный год, М.В.Серебряковым предусмотрено выделение в составе факультета отделения логики и психологии. Теперь преподаваемые дисциплины дополнительно разбиты на три «концентра». В первый из них входят те, которые читаются всем студентам всего факультета, во второй – курсы, предназначенные для определенного отделения, в третий – для той или иной специализации; на отделении логики и психологии таковыми специализациями были «логика» и «психология». На этот раз психология включена в число не естественных, но философских наук, входящих в первый концентр, и, как следствие, читаемых для всех студентов факультета. Более того, в штатном расписании университета в 1943 году появляется кафедра логики и психологии (З, д.819, л.46), в составе которой предусмотрены три штатные единицы: зав.кафедрой, профессор и доцент.

К сожалению, в тех условиях, которые сложились в 1942 и 1943 гг., эти планы реализовать было едва ли возможно. Университет был эвакуирован в Саратов в весной 1942 г., после суровой блокадной зимы. По прибытии в эвакуацию он состоял только из четырёх преподавателей, включая декана, и двух студентов второго курса. Только в сентябре того же года сотрудником факультета стал неизвестно как оказавшийся в Саратове профессор А.Н.Шемякин, который и приступил к преподаванию курса психологии на основе им же составленной программы. Последняя сохранилась в архиве вместе с объяснительной запиской к ней. Эта записка написана автором от руки и датирована 14 октября 1942 г. Программа по психологии не была плодом его самостоятельного творчества, но представляла собой сокращённую программу курса для педагогических вузов, изданную наркоматом просвещения в 1938 году. В упомянутой объяснительной записке проф. А.Н.Шемякин объясняет это сокращение следующим соображением: «Так как, программа педвузов рассчитана на 80 лекц. часов – её необходимо сократить, учитывая, что в ЛГУ отводится на весь курс всего 52 лекц. часов». (З, д.736, л.90). Биография и личность А.Н.Шемякина обсуждалась нами в другом месте [2], в оставшейся части доклада мы бы хотели изложить основные моменты содержания программы.

1. *Логина Н.А. Становление психологического образования и научных исследований по психологии в Санкт-Петербургском государственном университете: 1940–1950-е гг. // Научные труды Московского гуманитарного университета. 2019. № 1. С. 59–72.*
2. *Черноскутов Ю.Ю. О первой учебной программе курса «Логика» в ЛГУ и её авторе профессоре А.Н.Шемякине // Логико-философские штудии. 2020. Т. 18, № 4. С. 315–332.*
3. *Центральный государственный архив Санкт-Петербурга.*

Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ (проект № 20-011-00144).

Вербально-иконические элементы вандализма в городском информационном пространстве

Вандализм, городское пространство, языковой ландшафт, информационное пространство

Современное городское пространство – полноценный элемент информационного мира, формирующий смысловые доминанты жителей. Рекламные вывески, билборды, постеры, другой языковой ландшафт – все это формирует коммуникативную сущность города. «Общение» города с жителями – очень важный информационный кластер. Как отмечает в своем исследовании С.В. Иванова: «Город – это текст. Он оформлен вербально и невербально. Он отмечен своей грамматикой – морфологией и синтаксисом. Соответственно, город выступает и завершающим процесс коммуникации текстом и опосредующим коммуникацию средством, или средой» [1, с. 14].

При изучении информационного поля городского пространства на себя обращают внимание элементы, которые, с одной стороны, имеют символическое значение, а с другой – несут определенный смысл и в любом проявлении служат способом коммуникации и привлечения внимания к той или иной проблеме (зачастую политической). Речь, таким образом, идет о графическом вандализме. В современном научном дискурсе большое внимание уделяется информационной составляющей городского пространства, но важно рассматривать все аспекты упомянутого вопроса, в том числе те, которые выходят за рамки правового поля и способны деструктивно влиять на сознание воспринимающего субъекта.

Актуальность данного исследования заключается в том, что ежедневно каждый из нас оказывается под влиянием информационных потоков городской среды и зачастую это влияние имеет скрытый характер, особенно если речь идет о подростках и детях, также являющихся воспринимающими субъектами. Цель исследования видится нам в классификации графического вандализма по смысловым доминантам, способным влиять на мнение горожан, их настроение и миропонимание.

Исследователями проведены контент-анализ и классификация по смысловому наполнению более чем 2000 фотографий графических повреждений городской среды, в результате чего были сделаны выводы о ключевых темах, раскрываемых средствами вербально-иконического вандализма современного городского пространства. На основании этого был выделен потенциал специфики влияния и рисков восприятия графического вандализма.

Семантическая группа «Субкультура». Вербально-иконические элементы таких повреждений содержат политическую символику, подкрепляемую или дополняемую текстами этого же смысла, символику других субкультурных движений, графические повреждения профессиональных художников. Такие надписи способны формировать общественное мнение и настроение, романтизировать деятельность уличных художников и тем самым популяризировать ее в молодежной среде.

Семантическая группа «Бытовая коммуникация». Обычно это текстовые повреждения, отражающие бессмысленные диалоги, комментарии, рекламные элементы или тексты с морально-этической семантикой. Надписи также влияют на формирование общественного мнения и настроения, но в отличие от предыдущей группы часто оказывают фрустрирующее влияние на адресата в силу разрушающего эффекта городской среды.

Семантическая группа «Визуализация». Данная группа включает иконические повреждения или распространение стикеров с различным семантическим наполнением: торговля запрещенными препаратами, информирование населения о событиях (в том числе несанкционированных мероприятиях), популяризация деятельности различных сообществ.

Вандализм участвует в формировании информационного поля городского пространства, в наполнении языкового ландшафта и способен не только регулировать поведение людей, но и «формировать как определенный социальный мир, так и каждого как личность, представляющую этот мир» [1, с. 14].

1. Культурно-языковой ландшафт: на перекрестке исследовательских парадигм: коллективная монография / ред. Р.Т. Садуов, А.Т. Садуова. Уфа: РИЦ БашГУ, 2021. 232 с.

Исследование выполнено при финансовой поддержке РНФ (проект № 23-28-01487).

Влияние внимания и беглости обработки на роль ожидания в зрительном восприятии

Предиктивное кодирование, внимание, ожидание, беглость обработки информации

В теории прогнозирующего кодирования вместо пассивного восприятия информации мозг строит прогнозы и модели того, с чем он столкнется [2]. Основными компонентами данной концепции являются «предсказание» (гипотеза, которая получила апостериорный максимум и предвосхищает поступающие сигналы) и «ошибка предсказания» (разница между нисходящим предсказанием и реальным сигналом, которая поступает в мозг для корректировки следующих гипотез) [2]. Внимание является механизмом отбора реальных ошибок от шума и погрешностей в канале, за счет приписывания первым большего веса [2].

Считается, что предсказание ослабляет сенсорный сигнал из-за подавления тех сенсорных входов, которые согласуются с предсказанием [3], однако существуют исследования, которые показывают обратные результаты [1]. Возможно, данные выводы не верны, так как могло произойти смешивание с фактором внимания, которое наоборот усиливает нейронный ответ и перевешивает негативный эффект предсказания [3]. Мы предположили, что в условиях сфокусированного внимания люди будут меньше опираться на ожидания, так как внимание будет подавлять эффект предсказания.

Важной характеристикой предсказаний является надежность, которая отображает то в какой мере человек полагается на предсказание или реальные сигналы, она зависит от качества входных данных и уровня неопределенности в среде [2]. Существуют исследования, которые показывают, что беглость обработки информации коррелирует с субъективной истинностью [4]. Поэтому мы предположили, что на оценку ожидания как более надежного предсказания можно влиять с помощью беглости обработки (для этого варьировалась контрастность [4] прайминга).

В данной работе исследовалось влияние факторов внимания и оценки предсказания как более или менее надежного на эффект предсказания.

В качестве прайма предъявлялись решетки Габора с разным уровнем наклона и двумя степенями контраста. После чего в центре экрана появлялась задача дистрактор, а рядом с ней целевая решетка или филлерная сетка. Участники первой группы должны были отвечать, увидели ли они решетку, и если да, то отмечать один из 4 вариантов уровня наклона. Во второй группе помимо этого был вопрос по задаче дистрактору. Таким образом внимание участников первой группы было сфокусированным, а у второй – отвлеченным. Решетка появлялась только в половине проб. В случае ее предъявления прайм был конгруэнтным в 50% случаев.

В исследовании приняло участие 40 человек. Для анализа использовалась логистическая регрессия со смешанными эффектами, зависимая переменная – правильность ответа. Для первой группы вероятность правильного ответа была значимо ниже для неконгруэнтных праймов, чем для конгруэнтных: $\beta = -0.504$, $z = -3.004$, $p = 0.003$. А во второй группе прайминг-эффект был не значим: $\beta = 0.517$, $z = 2.198$, $p = 0.028$. Возможно, это произошло из-за смешивания внимания с фактором сложности, который повысил уровень неопределенности среды, поэтому предсказания оценивались как ненадежные. Для низкоконтрастных стимулов эффект прайма был менее выражен, чем для высококонтрастных: $\beta = 0.4708$, $z = 2.004$, $p = 0.045$. Результат подтвердил, что беглость обработки влияет на оценку надежности предсказания, поэтому данная парадигма варьирования беглости обработки прайма может использоваться в последующих исследованиях, посвященных проблеме ожидания в восприятии.

1. Doherty J.R., et al. Synergistic effect of combined temporal and spatial expectations on visual attention // *J Neurosci.* 2005, 25(36), 8259-8266.
2. Hohwy J. *The predictive mind.* OUP Oxford. 2013.
3. Kok P., et al. Attention reverses the effect of prediction in silencing sensory signals // *Cerebral cortex*, 2012, 22(9), 2197-2206.
4. Reber R., Schwarz N. Effects of perceptual fluency on judgments of truth // *Consciousness and Cognition*, 1999, 8(3), 338-342.

Искусственный интеллект, нейросети и когнитивные модели: методологические проблемы

Модель строения психики, коды психики, искусственный интеллект

Одна из крупнейших прикладных задач современных нейронаук – построение искусственного интеллекта (ИИ). Но чисто количественный подход – всё увеличивающаяся скорость и объём вычислительных процедур – не достигает стратегической цели, в соответствии с которой надо смоделировать человеческий интеллект. Теория распознавания образов, с помощью которой в 1960-70-е гг. надеялись достичь обучаемости ЭВМ (эта цель практически достигнута) и скопировать механизмы работы мозговых функциональных систем, не моделирует иные формы интеллектуальной деятельности. Конфликт интеллектуальных технологий состоит в том, что искусственные нейронные сети моделируют работу биологических процессов (собственно нейронных функциональных систем), а искусственный интеллект пытается смоделировать семиотические процессы. Но на самом деле проблема ещё шире и затрагивает философские подходы. Конфликт философских систем состоит в том, что моделирование семиотических процессов (в парадигме классической науки и философии рациональности) недостаточно для построения ИИ, неклассическая наука и философия коннекционизма (модернизм) указывают, что только моделирование логических алгоритмов не приводит к результату – построению истинного ИИ. И ныне глубоко разработанная теория ФАГМ, соответствующая парадигме постмодернизма, это подтверждает. Но есть и чисто психологический аргумент, показывающий методологическую скудость современных разработок ИИ. В фундаментальной психологии уже есть модели, которые могли бы дать прорыв в технологиях ИИ.

Нейросети моделируют работу головного мозга в его физиологических нейронных процессах. А ИИ моделирует работы высших психических функций (ВПФ). Но промежуточные звенья, уровни организации психических процессов, никак не учитываются технологических системах ИИ. Уже подсчитано, что современные мощные ПК могут решать задачи, соответствующие работе диффузной нервной системы (НС) кишечнорастворимых или элементарной НС червей (сенсорная психика). Интеллектуальные нейросети могут решать сложные задачи, соответствующие перцептивной психике (насекомые, головоногие моллюски, нижние классы позвоночных). Но этими уровнями (и этапами) развитие психики не ограничивается. Есть ведь и репрезентативная («представленческая», интеллектуальная психика по А.Н. Леонтьеву [5]), а также собственно рациональное мышление человека, которое и пытается скопировать ИИ. В Ленинградской-Санкт-петербургской школе психологии с 1950-х годов выстроен блок когнитивных процессов: сенсорика, перцепция, представления, мышление. И тут виден разрыв в моделировании психики в технологиях ИИ, не говоря уже о том, что даже перцептивные процессы в их уровнях изоморфизма [4] не удостоились внимания со стороны разработчиков ИИ.

Но помимо когнитивных процессов, на основе строения которых пытаются конструировать ИИ, в психике есть и иные компоненты, которые уже выстроены в естественно-системной модели строения психики [2]. Предложена теория уровней знаковой регуляции [1, 3], которая описывает соотношение регуляторных систем организмов, используя типы кодов и их носителей. В этой теории само понятие кода и его вида позволяет осознать, какие технологии возможно применить в создании ИИ. Это вопрос реального взаимодействия фундаментальной психологии и разработчиков ИИ.

1. Беломестнова Н.В. Уровни знаковой регуляции (от простейших до человека) // Психология человека: интегративный подход. Сб. статей / Под ред. д. пс.н., проф. В.Н.Панферова. СПб.: Изд-во АНО «ИПП», 2007. С. 15-35.
2. Беломестнова Н.В. Естественно-системные основания строения психики // Российский психологический журнал, 2011, т. 8, № 5, с. 24-35.
3. Беломестнова Н.В., Плебанек О.В. Сознание и культура в естественно-научной картине мира // Вопросы философии, 2012, № 10, с. 43-53.
4. Веккер Л.М. Психические процессы: в 3-х т. Л.: ЛГУ, 1974-1981.
5. Леонтьев А.Н. Избранные психологические произведения: в 2-х т. М.: Педагогика, 1983.

Отсутствие влияния перцептивной не-беглости на решение задач

Перцептивная не-беглость, решение задач, когнитивная рефлексия, метапознание

Перцептивная не-беглость представляет собой вызванное формой подачи информации метакогнитивное ощущение сложности обработки информации [2]. Некоторые предыдущие исследования обнаруживали положительное влияние перцептивной не-беглости на мышление. Так, в исследовании А. Алтера и коллег [2] для проверки влияния не-беглости на решение задач использовался тест когнитивной рефлексии, и испытуемые, которым предлагались задания теста не-беглым шрифтом, были значимо успешнее испытуемых из группы с беглым шрифтом. В качестве объяснения этому результату называлась более глубокая и аналитическая обработка информации, так как не-беглость служила метакогнитивным сигналом, что для обработки информации требуется больше ресурсов. Применительно к решению задач были получены и обратные результаты. Было проведено 16 репликаций этого результата в рамках одного исследования с разными вариантами перцептивной не-беглости [3], но ни в одной решение задач теста когнитивной рефлексии не было улучшено за счет не-беглости. Аналогичным образом не было обнаружено положительного влияния не-беглости и для двух расширенных версий теста когнитивной рефлексии [4].

Нами было проведено собственное исследование с целью проверить, будет ли обнаруживаться влияние не-беглости на решение задач на русскоязычной выборке. Мы предлагали испытуемым решить 7 заданий из русскоязычной адаптированной версии теста когнитивной рефлексии [1]. Было сформировано 4 условия. В контрольном использовался шрифт Times New Roman 18 пт, черным цветом на белом фоне. В остальных группах мы изменяли следующие параметры – размер шрифта (10 пт), тип шрифта (Comic Sans с курсивом), цвет шрифта (желтым на белом фоне). В исследовании приняли участие 132 человека, средний возраст – 24 года ($SD = 9.2$). Из итоговой выборки были исключены испытуемые, знавшие условия заданий теста заранее. В ходе эксперимента испытуемым предлагалась инструкция, записанная соответствующим шрифтом, затем следовало по 7-балльной шкале вынести первичное суждение о решаемости, после чего испытуемые решали задачи, и, наконец, оценивали по 7-балльной шкале уверенность в своих ответах. Мы предположили, что перцептивная не-беглость улучшит результаты испытуемых, то есть баллы в контрольной группе будут ниже, чем в других группах.

Вначале было проверено, действительно ли наши манипуляции со шрифтом вызывают ощущение сложности. Испытуемых просили в конце исследования оценить сложность восприятия каждого шрифта по 10-балльной шкале. Шрифт в контрольном условии был значимо оценен как менее сложный, это было проверено тестом Краскела-Уоллиса ($H(3) = 41.76, p.001$), так как дисперсии в группах были неоднородны (это показал тест Левена $F = 12.09, p.001$). Далее мы проверили нашу гипотезу, что не-беглость улучшит аналитическое мышление. Поскольку тест Левена показал однородность дисперсий ($F = 0.90, p = .444$), мы использовали однофакторную АНОВУ – $F(3, 128) = 0.74, p = .528$. То есть, никаких значимых различий, вопреки гипотезе, не было обнаружено. Их также не было и для обоих метакогнитивных суждений ($F(3, 128) = 0.18, p = .913$; $F(3, 128) = 0.16, p = .92$). Таким образом, нами не было обнаружено улучшение аналитического решения задач на примере теста когнитивной рефлексии на русскоязычной выборке, что согласуется с результатами предыдущих исследований.

1. Родина О.Н., Прудков П.Н. Апробация русскоязычных версий теста когнитивной рефлексии // *Вопросы психологии*. 2019. № 4. С. 155-162.
2. Alter A.L. et al. Overcoming intuition: metacognitive difficulty activates analytic reasoning // *Journal of experimental psychology: General*. 2007. V. 136. № 4. P. 569.
3. Meyer A. et al. Disfluent fonts don't help people solve math problems // *Journal of Experimental Psychology: General*. 2015. V. 144. № 2. P. e16.
4. Sirota M., Theodoropoulou A., Juanchich M. Disfluent fonts do not help people to solve math and non-math problems regardless of their numeracy // *Thinking & Reasoning*. 2021. V. 27. № 1. P. 142-159.

Специфика искажений ментальной репрезентации размеров собственного тела человека при погружении в компьютерные VR с разным игровым заданием

VR, виртуальная реальность, ментальные репрезентации

Исследования ментального опыта человека в современных когнитивных исследованиях постепенно вытесняют традиционные категории эффективности познавательной деятельности (Холодная, 2002). В структуре ментального опыта особое место занимают ментальные репрезентации. В качестве его оперативной формы, ментальные репрезентации постоянно формируются и изменяются в процессе взаимодействия психики человека и объективной действительности.

Ментальные репрезентации могут быть рассмотрены как представления об окружающем пространстве, себе и своем месте в объективном мире. Взаимодействие человека с окружающим миром происходит посредством тела и его движений. В ранних исследованиях нами было установлено, что искажения ментальной репрезентации тела человека выполняют адаптационную функцию при погружении в VR (Варламов, Волкова, 2022). В данном контексте актуальным становится установление специфики искажений в зависимости от типа активности испытуемых, реализуемой во время погружения. Соответствующий экспериментальный план был разработан и реализован в рамках исследования.

В эксперименте приняли участие 111 добровольцев (45 М, 66 Ж), которые были случайно разделены на 3 равные по количеству участников экспериментальные группы. Группу 1 составили 37 добровольцев (13 М, 24 Ж). Испытуемые погружались в среду «Audica» (когнитивные дифференцировки цвета и формы, точность реакции). Взаимодействие с объектами происходит на отдалении от виртуального тела испытуемых. Экспериментальную группу 2 составили 37 добровольцев (17 М, 20 Ж). Испытуемые погружались в среду «Beat Saber» (когнитивные дифференцировки цвета и вида стимула, точность реакции). Взаимодействие с объектами происходит в непосредственном контакте в виртуальном теле. Ментальная репрезентация размеров собственного тела до и после погружений измерялась с помощью методики «Промеры по М. Фельденкрайзу» (Фельденкрайз, 2001; Соловьева, 2014).

В группе 1 выявлены искажения репрезентации головы и рук ($p0.01$). Наблюдаются искажения в ментальной репрезентации длины корпуса ($p0.05$), коленных суставов ($p0.01$) и стоп ($p0.01$). В группе 2 искажения репрезентации размеров головы выражены в меньшей степени ($p0.05$), искажения репрезентации рук специфичны – искажения плеч ($p0.01$), локтевых суставов ($p0.01$) и кистей ($p0.01$). Искажения репрезентации тела у испытуемых группы 3 схожи с искажениями в группе 1: наблюдаются искажения головы и рук ($p0.01$), а также коленных суставов ($p0.01$).

Данные результаты свидетельствуют в пользу предположения о связи активности задействованной в погружении части тела и субъективного искажения ментальной репрезентации ее размеров. Данные должны быть использованы при разработке концепции искажений ментального опыта человека при погружении в VR.

1. Варламов А.В., Волкова Е.В. Искажения ментальной репрезентации размеров собственного тела человека при погружении в компьютерную VR с использованием технологии Full-Body Tracking // *Материалы международной научной конференции. Под общ.ред. А.В. Шаболтас. Отв. ред. В.И. Прусаков. Санкт-Петербург, 2022. С. 147-148.*
2. Соловьева И.А. *Бессознательный образ тела: кто ты на самом деле?* – URL: <https://irsol.wordpress.com/2014/08/12/бессознательный-образ-тела-кто-ты-на-с/> (дата обращения: 15.05.2022).
3. Холодная М.А. *Психология интеллекта. Парадоксы исследования.* 2. изд., доп. и перераб. СПб.: Питер, 2002. 264 с.

Роль прерывающей активности в решении творческих задач

Инкубация, прокрастинация, инсайт, прерывающая активность

Каждый день человек решает множество задач. Однако задачи, которые требуют нетривиального подхода, могут вызывать трудности и провоцировать у субъекта состояние тупика, проявляющегося в отсутствии продвижения в решении. Естественным дальнейшим развитием событий становится откладывание задачи и переключение на другую более привлекательную активность. С одной стороны, существуют исследования инкубации, которые рассматривают перерыв, как этап, способствующий инсайтному решению [1]. С другой стороны, исследования прокрастинации показывают негативный эффект прерываний и откладывания проблемы на вероятность и качество ее разрешения [2]. Поскольку эти два типа прерывания обычно изучаются отдельно друг от друга, возникает проблема в определении их различий и особенностей. Мы предполагаем, что различия между инкубацией и прокрастинацией заключаются в специфике прерывающей активности, которая различается по фокусу и степени загрузки внимания. Частичная загрузка внимания и сосредоточенность на внутреннем блуждании ума при инкубации [1] может оказывать положительное влияние на решение творческих задач. Высокая загрузка внимания при прокрастинации, нацеленная на внешний источник, может, напротив, не оказывать подобного эффекта [2].

Для проверки гипотезы нами был разработан эксперимент с использованием задач на отдаленное ассоциирование [3], в котором приняли участие 40 добровольцев (возраст $M=20,75$ лет, $SD=1,32$). Участники случайным образом были распределены в одну из двух групп – прокрастинация (ЭГ1), инкубация (ЭГ2). Эксперимент проходил в два этапа. В качестве подготовки мы намеренно пытались вызвать у участников ложную фиксацию знакомством с выражениями, уведящими в сторону от правильных решений. На первом этапе необходимо было попытаться решить 40 задач, которые предъявлялись последовательно на 20 секунд каждая. На втором этапе каждому испытуемому на 40 секунд снова предъявлялись задачи, которые он не смог решить правильно при первой попытке. В каждой пробе необходимо было отметить инсайтность или аналитичность найденного решения, был ли тупик и в чем он заключался. Между этапами обе группы делали перерыв на 5 минут, в ходе которого варьировалась прерывающая активность, состоявшая в просмотре видео определенного типа. В ЭГ1 показывалась динамичная и увлекательная подборка видеороликов, которая вызывала внешний фокус на источнике, и загружала внимание поступающей информацией. В ЭГ2 предъявлялось спокойное и расслабляющее видео, провоцирующее у участников блуждание ума. Фиксировалась правильность решения, стратегия и тип затруднений.

В результате основная гипотеза о влиянии промежуточной активности разного типа на вероятность правильных решений не подтвердилась. Общее количество решенных задач не различались в зависимости от группы ($F(38) 0,36$, $p=0,55$, $gmANOVA$). Однако значимые различия были обнаружены в распределении стратегий решения на втором этапе: в ЭГ2 значимо чаще решение достигалось инсайтно, тогда как в ЭГ – аналитически ($\chi^2=44,28$ $p<0.001$ для всех ответов, $\chi^2=41,01$ $p<0.001$ для правильных). Таким образом, предварительные результаты показывают, что тип прерывающей активности может влиять на изменение стратегии решения творческих задач, предположительно, за счет расширения или сужения фокуса внимания.

1. Baird B., et al. *Inspired by Distraction: Mind Wandering Facilitates Creative Incubation* // *Psychological science*. 2015. Vol. 23, № 10. P. 1117-1122.
2. Shin J., Grant A.M. *When Putting Work Off Pays Off: The Curvilinear Relationship between Procrastination and Creativity* // *Academy of Management Journal*. 2020. Vol. 64, № 3. P. 772–798.
3. Moroshkina N.V., et al. *How Difficult Was It? Metacognitive Judgments About Problems and Their Solutions After the Aha Moment* // *Frontiers in Psychology*. 2022. Vol 13. DOI: 10.3389/fpsyg.2022.911904.

Почему мы не замечаем рекламу в интернете? Роль типа поиска и эмоциональной информации в возникновении феномена “баннерной слепоты”

Баннерная слепота, зрительное внимание, эмоции

Феномен баннерной слепоты состоит в том, что пользователи не замечают на веб-страницах рекламу и похожие на неё элементы интерфейса [1]. Иногда баннерная слепота связывается с дефицитом ресурсов внимания и рассматривается как частный случай “слепоты по невниманию”, представляющей собой невозможность заметить хорошо различимый объект, когда внимание сосредоточено на другой задаче [2]. Альтернативный подход состоит в рассмотрении баннерной слепоты как отдельного феномена, возникающего в результате целенаправленного подавления нерелевантной информации в ходе многократного взаимодействия с интернет-ресурсами [4]. В пользу последней точки зрения свидетельствуют результаты недавнего исследования, в котором баннерная слепота реже наблюдалась для стимулов с нейтральной валентностью, по сравнению с положительно и отрицательно окрашенными, хотя в большинстве задач на внимание эмоциональные стимулы, наоборот, замечаются испытуемыми чаще [3].

Настоящее исследование ставило своей целью выявить особенности опознания баннерной рекламы в условиях различных типов поиска информации. Испытуемые ($N = 222$) проходили эксперимент на специально созданном сайте, имитирующем интернет-магазин, и выполняли задачу поиска товара. Был использован межгрупповой план с двумя НП – тип поиска (целенаправленный и исследовательский) и тип баннера (положительная, нейтральная и отрицательная валентность). В условии целенаправленного поиска испытуемым необходимо было найти конкретный товар, в то время как условие исследовательского поиска предполагало выбор любого понравившегося товара. В верхней и правой частях страницы были расположены баннеры, которые представляли собой картинки с положительной, отрицательной или нейтральной валентностью. После выполнения задания испытуемые отвечали на вопрос о том, заметили ли они баннеры, а также выбирали предъявленные баннеры из предложенных вариантов. Было обнаружено, что в условии целенаправленного поиска количество респондентов, не заметивших баннеры, больше, чем в условии исследовательского поиска, $\chi^2 = 4.69$, $p = .030$. В условии целенаправленного поиска баннеры с нейтральной валентностью были опознаны чаще по сравнению с баннерами с отрицательной валентностью ($Z = -3.37$, $p.adj = .002$) и с положительной валентностью ($Z = 2.66$, $p.adj = .010$), в то время как в группе исследовательского поиска положительно и нейтрально окрашенные баннеры были опознаны одинаково хорошо ($p.adj = .300$), и значимо лучше, чем отрицательно окрашенные ($Z = 3.76$, $p.adj = .001$; $Z = -2.73$, $p.adj = .010$).

Полученные результаты свидетельствуют о влиянии задачи на вероятность возникновения феномена “баннерной слепоты”. Предполагается, что баннерная слепота представляет собой результат подавления нерелевантной информации, обеспечиваемый настройкой фильтра внимания, а тип задачи обеспечивает настройку фильтра в отношении определённых объектов. В условии целенаправленного поиска внимание направлено строго на релевантные объекты, поэтому эмоционально окрашенные баннеры чаще игнорируются. Напротив, задача исследовательского поиска предполагает более широкий диапазон направления внимания, и традиционно привлекающие внимание эмоциональные стимулы в таком случае могут быть замечены.

1. Benway J.P. Banner Blindness: The Irony of Attention Grabbing on the World Wide Web // *Proceedings of the Human Factors and Ergonomics Society Annual Meeting*. 1998. Vol. 42. № 5. P. 463–467.
2. Resnick M.L., Albert W.S. The Impact of Advertising Location and User Task on The Emergence of Banner Ad Blindness // *Proceedings of the Human Factors and Ergonomics Society Annual Meeting*. 2013. Vol. 57. P. 1037–1041.
3. Sapronov F., Gorbunova E. The Role of Emotional Information in Banner Blindness // *Frontiers in psychology*. 2022. Vol. 13. Article 813440. DOI: 10.3389/fpsyg.2022.813440
4. Sun Y., et al. Why and When Will Banner Blindness Occur? An Analysis Based on the Dual Processing Theory // *Americas Conference on Information Systems*. 2008. Abstract 259. P. 2326–2334.

Исследование осуществлено в рамках Программы фундаментальных исследований НИУ ВШЭ.

Адаптивный интеллект: определение понятия

Адаптивный интеллект, ситуация, конструкты обыденного сознания

Понятие адаптивного интеллекта получает все большее распространение в психологии. Важный шаг в определении понятия адаптивного интеллекта состоит в том, чтобы обосновать различия между практическим интеллектом (как родовой категорией) и адаптивным интеллектом (как его видом). Опираясь на идеи Р.Дж. Стернберга [1], мы обосновали критерий, позволяющий различить их. Это – тип задачи-в-ситуации. Для адаптивного интеллекта это ситуации с задачей на выживание или минимизацию ущерба, обладающие следующими признаками:

- наличие риска – вероятность утратить (нарушить/разрушить) здоровье, материальные ценности, жизнь, уважение к себе (со стороны других или себя), свою идентичность (профессиональную, этническую, личностную) и т.п.
- ограниченное время, отпущенное условиями ситуации на решение задачи;
- запрос на новизну, на творчество – поиск неизвестного еще решения, преодоление ограничений со стороны условий, доступ к пока недоступным ресурсам и т.п.

Наша цель – разработать определение адаптивного интеллекта, опираясь на субъективную семантику (наивную интуицию) носителей обыденного сознания. Речь не о том, чтобы отказаться от имеющихся академических определений, а чтобы обозначить возможности их трансформации в направлении лучшей совместимости с конструктами, уже имеющимися у потенциальных пользователей психологического знания об адаптивном интеллекте. Поэтому, чтобы отобрать признаки, способные однозначно квалифицировать определяемое понятие и содержательно наполнить их, мы обратились к самим потенциальным пользователям.

В феноменологическом исследовании были выявлены конструкты обыденного сознания, релевантные ситуациям с задачей на выживание или минимизацию ущерба. Респондентам (N = 107) предложено ознакомиться с описанием решения проблем в указанных ситуациях (12 образцов), затем ответить на вопросы в отношении этих ситуаций. Обработка семантического материала была выполнена с помощью контент-анализа. Конструкты с наибольшим семантически весом составили критерии искомого определения:

Адаптивный интеллект – это вид практического интеллекта, порождающий позитивно признаваемые обществом изобретательность, находчивость/смекалку и умения, проявленные индивидом или группой при решении жизненно острых задач.

Признак «позитивно признаваемые обществом» подчеркивает наличие полезного результата: сохраненные жизнь и/или здоровье, восстановленное достоинство, полезное многим приспособление, масштабируемый опыт и т.п. Признак также отражает подчеркиваемый Р.Дж. Стернбергом моральный аспект адаптивного интеллекта: публичную подотчетность и ответственность субъекта за полученный в ходе решения результат, за возможные последствия его решений (Person × Task × Situation).

Признаки «изобретательность, находчивость/смекалка и умения» – это указание, что субъект адаптивного интеллекта выполнил полный цикл решения прикладной задачи: сам себе и Архитектор («изобретательность»), и Инженер («находчивость/смекалка»), и Строитель («умения»). Специфичность этого признака для адаптивного интеллекта состоит в том, что он подчеркивает тотальную ответственность субъекта решения задачи за процесс и успешность – он отвечает за них своей жизнью, здоровьем, достоинством, идентичностью, социальным благополучием, именем, «лицом», достатком и т.п.

Признак «жизненно острые задачи» указывает на наличие задачи, направленной на выживание, на сохранение целостности (физического или психического здоровья), на защиту своей персональной или групповой идентичности, решаемые в условиях ограниченного времени.

1. Sternberg R.J. *Adaptive Intelligence: Intelligence Is Not a Personal Trait but Rather a Person × Task × Situation Interaction* // *J Intell*, 2021, 9(4):58. DOI: 10.3390/jintelligence9040058.

ИмPLICITНЫЕ и экспЛИЦИТНЫЕ представления о лидерстве у студентов вузов

ИмPLICITНЫЕ и экспЛИЦИТНЫЕ теории, лидерство, межличностные черты, черты личности (BFI-2-S)

Студенческий возраст является переходным между созреванием и зрелостью. В его динамике формируется социогенный потенциал личности и мировоззрение молодых людей (Малютина, 2004) [1], формируются представления о социуме, социальных объектах, лидерстве. Эти представления бывают двух типов: имPLICITными и экспЛИЦИТными. Первые формируются в результате сознательного обучения и поиска информации, вторые – в процессе непроизвольной когнитивной и аффективной активности. ИмPLICITные представления слабо осознаваемы, но их содержание влияет на оценку действительности (Осгуд, 1972; Петренко, 1988; Серкин, 2008) [2, 3, 4]. Периоду юности и ранней взрослости могут быть свойственны радикальные убеждения и поступки. В современном обществе стоит вопрос распространения экстремистских движений, актуальной становится задача разработки мер профилактики радикализации молодежи. Цель исследования – изучение личностных и социально-культурных предикторов имPLICITных и экспЛИЦИТных представлений о лидерстве.

Выборку составили 141 студентка ПГНИУ в возрасте от 18 до 30 лет. Методики исследования: анкета социальных характеристик субъекта (Зубакин, Шихова, 2021), шкалы межличностных прилагательных (Wiggins, 1995); краткая версия BFI-2 (в адаптации Калугина, Щебетенко, Мишкевич, 2021); тест знаний о лидерстве (Зубакин, Шихова, 2021). Методики предъявлялись испытуемым в электронном виде. Данные анализировались в программе SPSS-15. Использовался корреляционный анализ (по Пирсону).

Восприятие лидера как доминантного положительно коррелировало с воспитанием в расширенном типе семьи ($r = .18$, $p = .04$) и отрицательно с наличием сиблингов ($r = -.22$, $p = .01$), статусом среднего или младшего ребенка в семье ($r = -.17$, $p = .04$). Восприятие лидера как расчетливого положительно коррелировало с проживанием в городе-миллионнике ($r = .19$, $p = .03$), расширенным типом семьи ($r = .18$, $p = .04$). Неполная семья положительно коррелировала с восприятием лидера как экстраверта ($r = .22$, $p = .01$). Чем выше возраст матери, тем выше оценка лидера как скромного ($r = .17$, $p = .05$).

Проживание в малочисленных населенных пунктах положительно коррелировало с высоким уровнем экспЛИЦИТных знаний о лидерстве ($r = .25$, $p = .01$).

Чем ниже возраст отца, тем выше уровень нейротизма ($r = -.18$, $p = .04$). Чем выше возраст испытуемого, тем выше открытость опыту ($r = .24$, $p = .01$). Неполная семья положительно коррелировала с открытостью опыту ($r = .25$, $p = .01$).

Восприятие лидера как расчетливого отрицательно коррелировало с доброжелательностью ($r = -.33$, $p = .01$). Восприятие лидера как холодного отрицательно коррелировало с доброжелательностью ($r = -.42$, $p = .01$). Восприятие лидера как интроверта отрицательно коррелировало с доброжелательностью ($r = -.28$, $p = .01$). Восприятие лидера как неуверенного отрицательно коррелировало с экстраверсией ($r = -.19$, $p = .02$). Восприятие лидера как скромного отрицательно коррелировало с добросовестностью ($r = -.17$, $p = .05$). Восприятие лидера как приятного положительно коррелировало с доброжелательностью ($r = .32$, $p = .01$).

1. Малютина Т.В. Психологические и психофизиологические особенности развития в юношеском (студенческом) возрасте // Омский научный вестник. 2004. № 2. С. 129-132.
2. Осгуд Ч., Сузи Дж., Танненбаум П. Приложение методики семантического дифференциала к исследованиям по эстетике и смежным проблемам // Семиотика и искусствознание. 1972. С. 46-48.
3. Петренко В.Ф. Психосемантика сознания. М.: МГУ. 1988. 208 с.
4. Серкин В.П. Методы психологии субъективной семантики и психосемантики: учебное пособие для вузов. М.: Издательство Пчела, 2008. 382 с.

Стратегии движения глаз в процессе восприятия лицевых экспрессий

Восприятие лиц, фациопсихология, ай-трекинг, эмоциональные состояния

В последние десятилетия тематика изучения человека по выражению его лица нашла широкое распространение [1], маршрут рассматривания лица принято описывать через «Т-паттерн» [1]. На сегодняшний день известно о существовании некоторых констант в восприятии лица [1, 3], о типологии пространственных маршрутов взора [2], однако все эти исследования изучают влияние стимула на личностное восприятие. Зарубежные данные также подчеркивают особенности наблюдателя при рассмотрении экспрессивных лиц – например, соблюдение/избегание зрительного контакта при высокой тревожности [5]. Мы поднимаем нерешенный вопрос о наличии индивидуально-выраженных паттернах движений глаз и возможности их сохранения вне зависимости экспрессии, отображенной на лице.

Целью данного исследования является выявление, дифференциация и описание различных стратегий движений глаз при восприятии лицевых экспрессий. Гипотезы заключались в том, что существуют стабильные индивидуальные паттерны движения глаз в задаче распознавания лицевой экспрессии: они индивидуальны, их параметры сохраняются вне зависимости от экспрессии; различаются по наличию или отсутствию фиксаций в области глаз, отражающих поддержание зрительного контакта; различаются у людей с разными уровнями социально-коммуникативных особенностей. 94 респондента (53 девушки и 41 юноша, средний возраст 23) определяли эмоциональное выражение лиц, предъявлявшихся последовательно на 2000 мс на экране монитора, далее они выбирали представленную эмоцию из заданного списка. В качестве стимулов были использованы фотографии лиц из базы изображений лиц WSEFEP. Были отобраны фотографии троих мужчин и женщин европеоидной расы. Каждое из лиц выражало 6 эмоций по П.Экману (и нейтральное выражение лица). Для регистрации глазодвигательной активности использовалась SMI iViewXTM RED-500 с частотой дискретизации 120 Гц и разрешением 0.1°. Далее испытуемые заполняли опросник социальной тревоги и социофобии [4]. Для обработки данных использовалась программа BeGaze, SPSS Statistics 23, Origin. Зависимыми переменными выступили маршрут перемещения взора по трем зонам интереса (глаза, нос и рот) за первые 2-3 фиксации, длительность фиксаций в каждой из зон интереса и количество фиксаций в зоне глаз.

Мы предположили, что высокий уровень тревоги может быть связан с неосознанным избеганием зрительного контакта. Был проведен частотный анализ маршрутов фиксаций по лицу, корреляционный анализ, выбраны непараметрические критерии. В качестве показателей различий стратегий выступала зона первой фиксации – глаз или нос. По данному критерию мы получили значимые различия для группы высокой и низкой социальной тревожности – более тревожные люди первым делом смотрели на глаза. Вторым критерием выступила устойчивость стратегии в зависимости от экспрессии – по данному критерию выборка делилась на три группы: устойчивые, которые использовали одну стратегию-маршрут обзора независимо от экспрессии, устойчивые, которые использовали несколько маршрутов, равномерно распределенных по разным экспрессиям, и неустойчивые, у которых выбор маршрута подчинялся фактору экспрессии ($X = 10,36$, $p = 0,006$, соответственно), тогда как для первой группы данный фактор незначим ($X = 3,245$, $p = 0,197$), что подтверждает идею о вариативности выбора стратегий обзора разными испытуемыми.

Основная гипотеза частично подтвердилась: мы выделили критерии стратегий движений глаз в процессе опознания лицевой экспрессии. Подтвердилась гипотеза о различиях стратегий в зависимости от наличия или отсутствия фиксаций в области глаз, отражающих поддержание зрительного контакта «глаза-в-глаза».

1. Барабаничиков В.А. Восприятие выражений лица. М.: Изд-во Институт психологии РАН, 2009.
2. Барабаничиков В.А., и др. Организация движений глаз при восприятии изображений лица // *Экспериментальная психология*. 2009. Т. 2. №. 2. С. 31-60.
3. Меньшикова Г.Я., Лунякова Е.Г. Индивидуальные стратегии движений глаз в задаче опознания экспрессий композитных лиц // *Психология человека как субъекта познания, общения и деятельности / Отв. ред. В.В. Знаков, А.Л. Журавлёв*. М.: Изд-во Институт психологии РАН, 2018. С. 767—776.
4. Сагалакова О.А., Труевцев Д. В. Опросник социальной тревоги и социофобии // *Медицинская психология в России: электрон. науч. журн.* 2012. № 4 (15). – URL: <http://medpsy.ru> (дата обращения 01.06.2023).
5. Beck A.T., Clark D.A. An information processing model of anxiety: Automatic and strategic processes // *Behaviour research and therapy*. 1997. Vol. 35. №. 1. P. 49-58.

Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФ (проект №19-18-00474-П).

Половозрастные детерминанты субъектно-ориентированного сравнения

Социальное сравнение, темпоральное сравнение, индивид, половозрастные характеристики

Субъектно-ориентированное сравнение, в отличие от сравнения, касающегося предметов окружающего мира (то есть предметно-ориентированного), предполагает сравнение человеком себя либо с другими людьми (традиционно обозначаемое как социальное сравнение), либо с самим собой, в частности, в разные временные промежутки (в этом случае речь идет о так называемом темпоральном сравнении) [2].

В качестве возможных внутренних детерминант субъектно-ориентированного сравнения выступают разнообразные индивидуально-психологические свойства, среди которых – свойства индивида, и прежде всего половозрастные характеристики. При наличии противоречивых закономерностей, обнаруженных в исследованиях половых различий в особенностях проявления социального сравнения, в отношении его возрастной детерминанты показано, что оно претерпевает содержательные изменения на рубеже возрастных этапов [напр., 1, 2, 4]. Актуальность нашего исследования заключается в дальнейшей разработке данной проблематики путем изучения склонности к субъектно-ориентированному сравнению у взрослых разного пола и возраста.

В исследовании участвовали 819 московских студентов и служащих (521 женщина и 298 мужчин) в возрасте от 17 до 59 лет. Для оценки склонности к субъектно-ориентированному сравнению использовался разработанный Е.С. Самойленко опросник РООСС [3], состоящий из 12 утверждений, часть которых касается сравнения человеком себя со знакомыми и незнакомыми людьми, а другая часть – сравнения себя в настоящем с самим собой в разные временные промежутки и со своим желаемым, возможным, идеальным Я. Респонденты должны указать, используя 5-балльную шкалу, насколько часто они осуществляют определенный вид сравнения. Анализируются общий показатель и показатели по трем факторам опросника: «Ориентированность на сравнение себя с самим собой»; «Ориентированность на сравнение со знакомыми людьми»; «Ориентированность на сравнение с незнакомыми людьми».

В результате проведенного исследования не обнаружено значимых различий между мужчинами и женщинами по общему показателю, отдельным факторам и пунктам опросника РООСС. При этом показано, что чем старше человек юного и зрелого возраста, тем значимо менее он ориентирован на сравнение себя с самим собой, в частности, на сравнение себя в настоящем с собой в прошлом, с собой таким, каким мог бы стать, но не стал, с тем, каким он хочет, может, боится быть и должен стать в идеале в будущем; значимо менее ориентирован на сравнение себя с друзьями и с усредненными типами людей, но значимо более ориентирован на сравнение себя с посторонними людьми.

Выводы: выраженность склонности к сравнению себя с другими людьми и себя с самим собой не различается у мужчин и женщин, но зависит от их возраста.

1. Курышева О.В., Нужных К.В. Социальное сравнение как механизм построения когнитивного компонента Я-концепции // Вестник ВолГУ. Серия 7: Философия. Социология и социальные технологии. 2008. № 2. С. 142-148.
2. Самойленко Е.С. Процесс сравнения в системах познания, общения и личности: дисс. ... д-ра психол. наук. М.: Институт психологии РАН, 2012.
3. Самойленко Е.С., Савченко Т.Н., Корбут А.В. Методический инструмент измерения ориентированности на виды социального сравнения // Фундаментальные и прикладные исследования современной психологии: результаты и перспективы развития / Под ред. А.Л. Журавлева, В.А. Кольцовой. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2017. С. 532–541.
4. Gerber J.P. Social Comparison Theory Encyclopedia of Personality and Individual Differences / V. Zeigler-Hill, T.K. Shackelford. Springer International Publishing AG, 2018.

Восприятие и запоминание вандапно нанесенных текстов: половозрастные различия

Вандализм, айтрекинг, восприятие текстов

Вандальное повреждение городской среды наносит существенный материальный ущерб. Без корректирующих воздействий появление следов вандализма будет приводить к новым вандальным актам и деградации пространства. Следы вандализма наносят урон и психологическому благополучию жителей, сталкивающихся с вандапно преобразованными объектами городской среды, которые воспринимаются как «сломанные», «грязные», «испорченные», «ветхие», а нахождение в вандапно поврежденном пространстве вызывает тревогу и чувство дискомфорта. Наличие вандальных повреждений в среде города достаточно часто связывают и с неблагоприятной или даже криминогенной ситуацией, что вызывает у человека опасения за свою физическую безопасность. Тем не менее, распространенность и типичность вандальных повреждений может восприниматься как фоновая характеристика пространства города. Однако воздействующий потенциал вандализма не ограничивается исключительно материальным ущербом, имея определенное семантическое наполнение и активную форму выражения в пространстве города, вандализм может оказывать скрытое влияние на установки наблюдателей, а многократное восприятие его посланий – к созданию условий для изменения взглядов и позиций человека. Наличие данного потенциала отмечается в работе Т.С. Chang, где указывается, что благодаря инструментам «мягкой силы» городской стрит-арт получает большие свободы для преобразования улиц городов [1]. В то же время и сам стрит-арт (а несанкционированные его формы являются вариантом вандализма), в свою очередь, служит целям реализации soft power. И если санкционированный стрит-арт имеет определенные законодательством механизмы регулирования, то вандализм стохастичен и практически неподконтролен. К социальной практике вандализма как высказывания, призыва, протеста, прибегают наиболее часто оппозиционно настроенные слои населения, представители субкультурных образований, а вандальные тексты обладают высоким воздействующим потенциалом мягкого влияния на установки, а, в последствии, и на поведение человека.

Целью данного исследования выступает изучение особенностей восприятия и запоминания вандапно нанесенных текстов с различными вербально-иконическими компонентами горожанами с учетом пола и возраста последних.

Исследование было проведено с применением технологии айтрекинга в рамках лабораторного эксперимента. С помощью стационарного айтрекера определены ключевые вербально-иконические компоненты вандальных текстов, привлекающие особое внимание респондентов, особенности их запоминания и восприятия.

Проведение исследований на айтрекере позволило выявить половые и возрастные отличия в восприятии стимульного материала для респондентов юношеского (10 юношей и 10 девушек 18-25 лет) и зрелого (10 мужчин и 10 женщин 40-60 лет) возрастов. В результате были обнаружены специфические зоны внимания и «слепые» зоны в восприятии вандальных текстов, выявлены типы вандальных текстов, обладающие наибольшим воздействующим потенциалом (как запоминающиеся, легко узнаваемые при повторном предъявлении и воспроизводимые, вызывающие амбивалентный эмоциональный отклик у респондентов). В частности, отличия с учетом фактора пола проявляются как на уровне запоминания содержания вандапно нанесенных текстов, которые представительницами женского пола в большинстве случаев запоминаются и воспроизводятся чаще, так и в характере визуального поведения и зон внимания при восприятии изображений с вандапно нанесенными текстами. В последнем случае внимание мужчин чаще сосредотачивается на элементах, несущих основную информационную нагрузку, тогда как для женщин важнее социальные объекты и эмоционально насыщенные элементы текста. Присутствуют различия и между возрастными группами респондентов.

1. Chang T.C. Wall dressed up: Graffiti and street art in Singapore // *City, Culture and Society*. 2020. Vol. 20. DOI: 10.1016/j.ccs.2019.100329.

Исследование выполнено при финансовой поддержке РФ (проект № 23-28-01487).

Влияние негативного выбора на широту диапазона эквивалентности цвета многозначного стимула

Негативный выбор, сознание, многозначность, двойственные изображения

На ранних этапах исследования проблема неосознаваемого разрабатывалась в русле множества различных подходов и сопровождалась рядом разночтений. Тем не менее, большинство точек зрения в той или иной степени отражали тезис об особом статусе неосознаваемого в контексте его влияния на сознательный опыт. В настоящее время сознание все чаще рассматривается в рамках когнитивного подхода, к которому, в частности, относится позиция радикального когнитивизма. В контексте последнего сознание представляет собой логический механизм, обеспечивающий непротиворечивость картины мира [1]. С этой целью данный механизм осуществляет выбор: то, что осознается, относится к одному классу; то, что не осознается – к другому. Этот выбор сознание маркирует как позитивный и негативный выбор соответственно. Класс определяется через диапазон и границы. С их преобразованием и связана работа сознания: объект, принадлежащий наиболее широкому классу, в процессе осознанной деятельности включается в более узкие классы [2]. Другими словами, негативный выбор сужает диапазон эквивалентности значения многозначного объекта – он все меньше отождествляется с подобными ему объектами. Эмпирическим отражением данного теоретического положения служат результаты, полученные М.Г. Филипповой и В. М. Аллахвердовым [3]. Однако остается открытым вопрос о характере влияния негативного выбора на признаки, не относящиеся к значению многозначного стимула, но в определенном контексте связанные с ним. Таким образом, мы предполагаем, что осознание только одного из значений многозначного стимула сопровождается сужением диапазона эквивалентности цвета этого стимула.

Пилотажный этап исследования состоял из двух очных экспериментов. Выборка. В пилотажном этапе работы приняли участие 44 человека. Среди них 39 женщин и 5 мужчин, являющиеся студентами факультета психологии СПбГУ. Возраст испытуемых варьировался от 18 до 25 лет ($M=20,6$; $SD=1,8$). Метод и процедура. Был использован внутригрупповой дизайн с контрбалансировкой. В первом эксперименте стимулы представляли собой двойственные и однозначные изображения с цветным фоном. Стимульный ряд составил 56 изображений (28 однозначных и 28 двойственных). Все изображения были представлены в разных цветах (всего было использовано 28 цветов). Каждая проба представляла собой следующую последовательность: фиксационный крест (1000 мс.), маска (1000 мс.), стимул (1000 мс.), маска (1000 мс.), ответ испытуемого, опрос об увиденном на изображении с целью контроля осознания испытуемыми двойственности. Ответ испытуемый давал с помощью двух шкал, между бегунками которых ему было необходимо, согласно инструкции, разместить диапазон цвета, наиболее схожего с цветом фона показанного ранее изображения. Варианты ответа были представлены в виде тональной градиентной шкалы. Во втором эксперименте были внесены изменения в стимульный ряд: стимулы представляли собой двойственные и однозначные изображения с цветным контуром. Методы и процедура остались без изменений.

На данном этапе статистически значимых различий обнаружено не было: ширина диапазона в сравниваемых группах обоих экспериментов значимо не различалась ($W=-.002$, $p=.998$; $W=-.494$, $p=.621$).

По результатам двух пилотажных экспериментов была обнаружена большая согласованность оценок испытуемых при условии цветного контура, в отличие от условия цветного фона. На следующих этапах представляется перспективной дальнейшая работа над дизайном исследования.

1. Аллахвердов В.М. *Сознание как парадокс. (Экспериментальная психология, Т. 1)*. СПб.: Изд. ДНК, 2000. 528 с.

2. Аллахвердов В.М., и др. *Как сознание избавляется от противоречий // Шаги. 2015. № 1(1). С. 165–181.*

3. Филиппова М.Г., Аллахвердов В.М. *Конкретизация выбранного смысла в процессе восприятия двойственных изображений // Психология. Журнал Высшей школы экономики. 2020. № 2(17). С. 356–366.*

Существует ли аудиальный эффект Зловещей долины?

Аудиостимулы, зловещая долина, антропоморфность, оценка симпатии

Эффектом зловещей долины можно назвать резкий переход к негативному аффекту при восприятии человекоподобных объектов [2]. Он формируется, если объект не в полной мере обладает человеческими чертами (например, человекоподобные роботы). В методологическом и в теоретическом аспекте исследований Зловещей долины есть свои сложности: проблема выбора зависимой переменной для фиксации аффекта [4], вид кривой изменения аффекта, существование феномена вообще [1]. Неясно, распространяется ли этот феномен и на другие модальности [3]. Нас заинтересовало, возможно ли при специальном модулировании человеческого голоса добиться эффекта, схожего с визуальной Зловещей долиной.

В начале с помощью метода экспертной оценки из 254 высказываний были отобраны 20: 10 для робота и 10 для человека. В дальнейшем мы работали только с роботическими высказываниями: их средние оценки симпатии и антропоморфности не отличались между собой, что предотвращает влияние смысла высказывания. Были разработаны 12 сетов аудиозаписей, по 10 в каждом, в которых варьировались 3 основные переменные: тип голоса (роботический, человеческий), уровень эквализации высоких частот (заниженные, нормальные, завышенные), а также динамика речи – наличие пауз между словами (их отсутствие/наличие). Испытуемых, случайно распределенных в одну из 12 групп, просили оценить каждое аудио по опроснику симпатии Монатана и опроснику антропоморфности Пауэрса-Кислера. В исследовании приняло участие 240 человек (36 мужчин, $M=21,52$; $sd=4,97$)

Трехфакторный дисперсионный анализ показал, что взаимодействие 3 факторов оказывает влияние на оценки симпатии ($F(2,108)=10,9$, $p\leq 0,001$, $\eta^2=0,168$) и антропоморфности ($F(2,108)=26,41$, $p\leq 0,001$, $\eta^2=0,328$). Аудиозаписи с наличием пауз оцениваются выше, чем с отсутствием, как по симпатии ($F(1,108)=75,31$, $p\leq 0,001$, $\eta^2=0,41$), так и по антропоморфности ($F(1,108)=353,44$, $p\leq 0,001$, $\eta^2=0,76$). Человеческий голос оценивается выше, чем роботический по опроснику симпатии ($F(1,108)=75,53$, $p\leq 0,001$, $\eta^2=0,41$) и по опроснику антропоморфности ($F(1,108)=163,09$, $p\leq 0,001$, $\eta^2=0,60$). Взаимодействие типа голоса и типа эквализации влияет на оценки испытуемых: роботический голос с завышенными и заниженными высокими частотами оценивается ниже, чем человеческий голос той же эквализацией по оценкам симпатии ($F(2,108)=22,42$, $p\leq 0,001$, $\eta^2=0,29$) и антропоморфности ($F(2,108)=34,78$, $p\leq 0,001$, $\eta^2=0,39$).

Наиболее важный результат – обнаружение влияния сохранной динамики речи на оценки антропоморфности и симпатии. Это может говорить, что в достижении эффекта важны не только особенности звука, но и временные особенности записи, и, исходя из силы эффекта, динамика речи оказывает большее влияние, чем измененные хар-ки аудиозаписи. С оговорками, мы можем говорить об успешной апробации разработанного нами стимульного материала и нахождении похожего на визуальную Зловещую Долину паттернов изменения симпатии к объекту и его антропоморфности в аудиальной модальности.

1. Bartneck C., et al. *Is the uncanny valley an uncanny cliff?* // *RO-MAN 2007. The 16th IEEE international symposium on robot and human interactive communication*. 2007. P. 368-373.
2. Mori M., MacDorman K.F., Kageki N. *The uncanny valley [from the field]* // *IEEE Robotics & automation magazine*. 2012. V. 19. № 2. P. 98-100.
3. Tinwell A., Grimshaw M., Nabi D.A. *The effect of onset asynchrony in audio-visual speech and the Uncanny Valley in virtual characters* // *International Journal of Mechanisms and Robotic Systems*. 2015. V. 2. № 2. P. 97-110.
4. Zhang J., et al. *A literature review of the research on the uncanny valley* // *Cross-Cultural Design. User Experience of Products, Services, and Intelligent Environments: 12th International Conference, CCD 2020, Held as Part of the 22nd HCI International Conference, HCII 2020, Copenhagen, Denmark, July 19–24, 2020, Proceedings, Part I 22.* – Springer International Publishing, 2020. P. 255-268.

Исследование выполнено в рамках проекта МК-495.2022.2

Эстетическая отзывчивость в структуре личности человека

Психология искусства, эстетическая отзывчивость, экспериментальная эстетика

Цель данной работы состоит в том, чтобы предложить и обосновать понятие эстетической отзывчивости, а также проанализировать проблемы её измерения. Изучение восприятия искусства крайне актуально, и имеет важность как для решения теоретических вопросов, так и с практической точки зрения (к примеру, при использовании в арт-терапии). Однако, несмотря на интерес к изучению эстетического восприятия в последние годы, большинство исследований на эту тему смешивают воедино понятия «красота» и «эстетика», хотя между ними есть важные концептуальные различия. Кроме того, в исследованиях обычно не учитываются те индивидуальные свойства, которые присущи каждому отдельному классу эстетических объектов.

Термин эстетическая отзывчивость описывает чувствительность человека именно к эстетике, а не красоте. Он также специфичен в том смысле, что касается отзывчивости только к произведениям изобразительного искусства (живописи), а не другим видам искусства или «прекрасным» объектам вообще. Данное понятие сформулировано на основе устоявшегося в западноевропейской философии учения о категориях эстетики (прекрасное, безобразное, возвышенное и проч.), а также включает в себя некоторые искусствоведческие понятия, например, манера изображения, форма, композиция и колорит.

Взяв за основу концепцию вовлеченности в красоту Диснера [1], мы предположили, что существует отдельное устойчивое психологическое свойство, которое обуславливает отзывчивость человека именно к художественным средствам выразительности, и которое не зависит от других свойств и способностей (к примеру, от интеллекта или уровня знаний). Таким образом, мы предполагаем, что даже человек, не имеющий специального образования в области истории искусств или большого опыта в восприятии живописи, но при этом обладающий эстетической отзывчивостью, при контакте с произведениями изобразительного искусства будет демонстрировать большую степень вовлеченности и переживания, чем человек с низкой эстетической отзывчивостью. Эстетическая отзывчивость имеет 2 основных проявления – это способность получать удовольствие от художественной формы и толерантность к эстетике безобразного. Первое свойство означает отзывчивость именно к средствам художественной выразительности (колориту, манере изображения, композиции), вне зависимости от содержания картины. Это проявление особенно ярко можно проследить на примере восприятия абстракционизма. Второе свойство означает, что зритель может испытывать эстетическое удовольствие даже от тех типов изображения, чья эстетика отличается от привычных современному человеку представлений о прекрасном. В истории искусства известно немало направлений, в которых объекты (как намеренно, так и нет) изображались нереалистично – к примеру, авторы средневековых миниатюр не умели достоверно передавать пропорции человеческого тела, а некоторые художники-модернисты специально искажали объекты материальной реальности, чтобы сделать их более выразительными. Для многих людей такие типы изображения являются уродливыми и отталкивающими, однако, умение находить эстетику не только в прекрасном, но и в безобразном – важное проявление эстетической отзывчивости. Предложенная автором методика позволяет измерить реакцию человека на эстетику, выражающуюся в виде эстетических эмоций, протекающих на феноменологическом уровне; методика представляет собой набор картин и тест с самоотчетом.

Первая часть доклада посвящена обоснованию термина «эстетическая отзывчивость» и его операционализации. Вторая – описанию методики, созданной для измерения эстетической отзывчивости и её сопоставлению с другими схожими методиками.

1. Diessner R., et al. Engagement with beauty: Appreciating natural, artistic, and moral beauty // The Journal of psychology. 2008. V. 142. № 3. P. 303–332.

Точность межличностного восприятия в ситуации опосредованного общения

Межличностное восприятие, опосредованное общение, невербальная коммуникация

Во многих областях практики важным умением является адекватное и объективное восприятие и понимание другого человека. При этом большую роль играют то, насколько адекватно воспринимаются интеллектуальные, эмоционально-волевые, коммуникативные и другие особенности человека по выражению его лица, а также какие именно параметры коммуникативной ситуации, характеристики воспринимаемого человека и самого наблюдателя значимо опосредуют точность их восприятия [1]. Кроме того, обращение к изучению «средовых» факторов коммуникации, интерес к языковым особенностям коммуникантов и специфике складывающегося дискурса, анализ возможностей построения образа партнера по взаимодействию на основе исключительно его невербальных проявлений являются интересными точками приложения исследовательских усилий и приводят к возникновению ряда новых теоретических моделей и стратегий исследования точности межличностного восприятия [4]. При этом невербальный канал коммуникации не просто служит дополнением к речи, а является самой быстрой, точной и надежной системой транслирования эмоционального состояния и некоторых индивидуально-личностных особенностей.

Довольно часто нам приходится иметь дело с восприятием личности человека, представленного на фотографии, портрете, скульптурном изображении, а также на видеозаписи его поведения. Подобная ситуация опосредованного общения имеет свою специфику, однако, являясь по сути актом невербальной коммуникации, она принципиально сходна с точки зрения оценки индивидуально-психологических особенностей с ситуацией непосредственного общения [2].

Известно, что портретное изображение человека, благодаря своей специфике (особая способность портрета выделять те черты человеческой личности, которым приписывается смысловая доминанта), по качеству и глубине передачи является намного более сложной и многоуровневой работой, гораздо лучше передающей личность [3,5]. Мы предположили, что процесс восприятия и свободного описания художественного портрета, попытка проникновения в личность изображенного персонажа актуализирует и эксплицирует ряд важных с точки зрения коммуникативного процесса индивидуально-психологических характеристик самого наблюдателя, решающего эту задачу. То есть, по видеозаписи поведения людей при решении задачи свободного описания художественных портретов можно с высокой точностью оценить их собственные индивидуально-психологические характеристики.

Были получены данные о различиях в адекватности восприятия индивидуально-психологических характеристик наблюдателя по видеоизображению его поведения в ситуации оценки его личности исключительно по невербальным проявлениям и в аналогичной ситуации, но с речевым сопровождением. Содержательный анализ характеристик также позволяет говорить о их различном словаре при разных ситуациях восприятия.

1. Барабанищikov В.А. Коммуникативный подход в исследованиях восприятия // *Когнитивные механизмы невербальной коммуникации*. Под ред. В.А. Барабанищикова. 2017. С. 14-47.
2. Барабанищikov В.А., Болдырев А.О. Восприятие выражения лица в условиях викарного общения // *Общение и познание*. М.: ИП РАН, 2007. С. 15-43.
3. Барабанищikov В.А., Лупенко Е.А., Шунто А.С. Восприятие личности человека по изображениям его лица на фотографии и художественном портрете // *Экспериментальная психология*. 2017. Т. 10. № 4. С. 56–73.
4. Белинская Е.П., Бронин И.Д. Точность межличностного восприятия в условиях опосредованного знакомства в социальных сетях // *Социальная психология и общество*. 2015. Т. 6. № 4. С. 91–108.
5. Лупенко Е.А. Портретное изображение человека как предмет психологического исследования: проблемы и исследовательские подходы // *Лицо человека в науке, искусстве и практике*. Отв. Ред. К.И. Ананьева, и др. 2014. С. 269-283.

Флексибельность: свойство или работа?

Работа личности, флексибельность, экстремальность, травма

Экстремальные, предельные трансформации человеческого бытия (индивидуального и общественного) позволяют явно и четко эксплицировать в нем две формы реальности: повседневную и неповседневную. Они различаются по своей смысловой структуре, но соотносятся друг с другом в гетерогенной диалектике – взаимопереходят друг в друга, но удерживая различия. Традиционно на феномены неповседневности смотрели негативно, как на переживания дистресса, травмы, неопределенности, тревоги, страха, горя и др., которые при определенных условиях могут перерасти в такие формы расстройств, как тревожные расстройства, расстройства страха и тревоги – ПТСР, комплексное ПТСР, расстройство адаптации, а также пролонгированное горе и другие проблемы.

Более широкий, личностно-ориентированный, человекомерный взгляд на экстремальные феномены показывает, что за их негативным ликом открывается оборотная сторона в качестве мужества, поступка, героизма, подвига, развития и роста личности, духовного преобразования и трансгрессивных трансформаций. Вот эта дифференциация позволяет нам представить психологические феномены экстремальной ситуации в триадической структуре: расстройство – страдание; стойкость – мужество; духовный рост – трансгрессия [1]. Стоит обратить внимание, что эта таксономия хорошо согласуется с классификацией Н.Талеба. Однако, имеется существенное различие. В нашей модели и хрупкость, и антихрупкость, и стойкость, и резилиенс не являются чертами, индивидуальными различиями, особенностями, свойствами личности. Все они трактуются в горизонте рекурсивной работы личности над собой, в процессах которой они создаются, трансформируются и преобразуются в ходе решения жизненных задач.

Для иллюстрации значения работы личности обратимся к проблеме, на которую указал Дж.Бонанно. Личностные характеристики, обозначенные резилиенсом, слабо предсказывают реальную резильентность человека в преодолении травмы, несчастья [2]. В последнее время в качестве предикторов осложненного горя, травмы используют стабильные факторы, такие как резильентность (resilience), хардинесс (hardiness), самоэффективность (self-efficacy) и др. В связи с этим Бонанно пытается разработать процессуальную модель, трактуя резильентность со стороны флексибельности.

Более продуктивно понимание флексибельности как аутопоэтической работы. Оно охватывает и феномен гибкости, готовности к реагированию, преадаптивности, вариабельности, динамичности и др. В этой работе личности в циркулярных актах порождается диалектика континуального и дискретного, стабильного и флексибельного, идентичности и различий. В соответствии с триадической моделью (если учитывать флексибельность, то три аспекта можно обозначить как расстройство – флексибельность – рост) конкретная человеческая индивидуальность в ситуации горя, утраты, травмы, природных, техногенных катастроф и других, а также глобальных вызовов неопределенности, нестабильности, прекариата, военной травмы, решает разнообразные жизненные задачи.

В этой мультизадачной ситуации решаются задачи адаптации, ресоциализации, протективные, превентивные задачи, задачи развития личности, духовного роста. Становится ясным, что феномен травмы эквивокален, диалогичен. Он выражается не только в травматических синдромах, но и в феномене посттравматического роста – становится источником, пробуждающим духовные силы, волю к жизни.

В завершении подчеркнем, что в работе флексибельности и других феноменах основополагающее значение имеет смысловая работа личности, в рекурсивных циклах которой кристаллизуется, складывается гибкие инструменты, культурные средства, смысловые опоры для осуществления эффективного аутентичного способа бытия в условиях угрозы небытия, смерти, утраты и онтологической угрозы.

1. Магомед-Эминов М.Ш. *Феномен экстремальности*. М.: Парф, 2008. 218 с.

2. Bonanno G.A. *The end of trauma: how the new science of resilience is changing how we think about PTSD*. New York: Basic Books, 2021. 186 p.

Специфика эмоционального и социального интеллекта студентов медицинского вуза

Социальный интеллект, эмоциональный интеллект, студенты

Актуальность данного исследования обусловлена имеющимся дефицитом информации о социальном и эмоциональном интеллекте как образований, оказывающих влияние на качественную адаптацию и социализацию студентов. Следовательно, развитый социальный интеллект детерминирует высокую адаптивность личности, а эмоциональный интеллект, в свою очередь, является важнейшим образованием для будущих медиков.

Попадая в ситуацию трансформации жизненных условий – переезд в другой город, изменение образа жизни, появление независимости, нагрузка на психологические ресурсы и адаптационный потенциал личности возрастает в несколько раз. Адаптация студентов к процессу обучения может быть неблагоприятна вследствие ограниченной способности устанавливать и поддерживать необходимые контакты с другими людьми из-за недостаточно сформированного социального или эмоционального интеллекта. Развитые навыки понимания эмоций других людей, адекватная ситуации трактовка поведения участников взаимодействия, особенно актуальную значимость приобретает именно в период обучения.

Проблемы, связанные с личностным становлением будущих врачей, постоянно находятся в поле зрения психологов. В настоящее время, центральными требованиями, предъявляемыми к специалистам различного профиля, являются профессиональная и личностная зрелость. А.О. Прохоров в своих исследованиях отметил, что эмоциональный интеллект оказывает влияние на развитие и формирование самосознания себя в профессиональном контексте.

Цель проведённого нами исследования – изучить особенности социального и эмоционального интеллекта студентов. В исследовании приняло участие 86 обучающихся 1 и 3 курсов лечебного факультета в ФГБОУ ВО РязГМУ, г. Рязань. Студенты 1 курса – 35 человек, 3 курса – 51 человек. Распределение по полу было следующим: 58 девушек и 28 молодых людей.

Контроль экспрессии, управление своими эмоциями, управление чужими эмоциями более развиты у мужчин, в то время как у девушек более сформированы оказались такие компоненты эмоционального интеллекта как: общее понимание эмоций, понимание своих эмоций, эмпатия и эмоциональная осведомлённость.

Студенты младших курсов гораздо меньше контролируют уровень экспрессии и её интенсивность, но при этом они способны устанавливать сам факт наличия какого-либо эмоционального переживания у других людей по их внешнему виду. У студентов третьего курса, более развиты такие компоненты социального и эмоционального интеллекта как: социальные навыки, понимание поведенческих паттернов, саморефлексия, управление своими эмоциями и использование эмоций в своей деятельности. В зарубежных исследованиях Horvath A.O., Symonds B.D. было отмечено, что ЭИ положительно коррелирует с удовлетворенностью от выполняемым видом работы. Следовательно, можно предположить, что развитый социальный интеллект и понимание чужих эмоциональных состояний является профессионально важным качеством будущих врачей.

Тенденция к анализу поведения у студентов-медиков является отличительной особенностью клинического мышления врачей, а, следовательно, и их профессиональной компетентности. Таким образом будущие врачи соотносят информацию, получаемую не только опытным путём через социальный контекст, но благодаря сопоставлению вербального и невербального информационных потоков.

Результаты проведённого исследования позволяют сделать промежуточный вывод о том, в процессе обучения и формирования своей профессиональной компетентности студенты-медики развивают и совершенствуют навыки понимания эмоций, их регуляции, что в совокупности с умением понимать поведение собеседника, предполагать различные варианты развития событий с возможностью найти конструктивное решение – являются необходимыми для успешной как профессиональной, так и социальной адаптации.

1. Демина Л.Д., Лужбина Н.А. Факторы становления и развития социального интеллекта личности // *Известия АлтГУ*. 2005. № 2. С. 104-108.
2. Люсин Д.В. Структура эмоционального интеллекта и связь его компонентов с индивидуальными особенностями: эмпирический анализ. М.: Институт психологии РАН. 2004.
3. Саутина Е.С. Связь социального и общего интеллектов // *Территория науки*. 2006. № 1. С. 156-161.

Деформация естественных механизмов познавательной деятельности человека в интернет-пространстве

Познавательная деятельность, интеллект, интернет-пространство

Одним из основных вопросов, на который, на наш взгляд, необходимо найти ответ, является вопрос о том, как меняется сам процесс познания в условиях обогащенной информационной среды, который опосредствован активным использованием интернет-технологий. В информационной среде интернета мы по большей части имеем дело с чужими субъективными моделями интерпретации фактов и событий, в некоторых случаях непреднамеренно или преднамеренно искаженными носителями этой информации. Не случайно так остро стоит проблема выработки критериев отличия истинной информации от ложной в интернет-пространстве. Известный американский исследователь К.Э. Шеннон ввел понятие информационного шума, указывая на то, что весь процесс транспортировки сообщения от коммуникатора к реципиенту проходит на фоне помех, которые затрудняют передачу информации. Во многих случаях пользователь информации интернет-пространства имеет дело не с объективными данными, а с информационными шумами, он лишен возможности непосредственного живого восприятия реальности. Нам представляется, что именно это в наибольшей степени деформирует естественные механизмы познавательной деятельности человека и помещает его в искусственную среду, лишая живого контакта с чувственно-предметным миром. О роли такого контакта и важном значении непосредственного познания писал известный русский философ С. Л. Франк: это «...тихое, лучшее знание, в котором истина дана живо, конкретно и которое сущностно отличается от понятийного знания, ...непосредственное сознание реальности есть первичный гносеологический факт, перед которым должна склониться всякая теория. Истинное познание есть всегда откровение, которое, правда, никому не может быть принудительно навязано, но вместе с тем своим высшим светом необходимо озаряет душу и по существу отлично от тусклого, мерцающего света вымыслов, создаваемых человеческим произволом» [1, с. 37]. Этот «тусклый, мерцающий свет вымыслов» и ложных ориентиров наполняет информационную среду, поглощая внимание и энергию пользователей интернет-пространства.

Постоянное пребывание в такой среде притупляет способность отличать объективные сведения от ложных. Человек, «перекормленный» хаотичной информацией, теряет способность удивляться новому, что пагубно отражается на его интеллектуальном поведении, поскольку именно с удивления начинается любой творческий процесс, о чем писали многие философы и психологи.

Состояние удивления – это некое особое переживание, потрясение самой души человека, таящее в себе подобно сжатой пружине побудительную силу, мотивацию, готовую стать началом познавательной деятельности и поддерживающую ее потом на всех этапах. Это не просто внешний толчок, но это живительный источник мышления [2]. Сам момент «интеллектуального созерцания» является важнейшей частью познавательной деятельности. Большое количество разнообразных сведений и легкость их получения в современном информационном пространстве лишает человека способности удивляться и устраняет необходимость совершать интеллектуальное усилие, связанное с созерцанием.

Оценивая позитивную роль информационных технологий в различных сферах жизни и, в частности, в учебном процессе, следует учитывать и их возможное негативное влияние на формирование интеллекта человека. Чтобы достаточно полно представлять все стороны этого явления необходимо к философско-психологическому анализу возможных последствий такого обучения и, в целом, к рассмотрению роли и места информационной реальности в жизненном мире современного человека.

1. Франк С.Л. Гносеология Гете // Живое знание. Берлин, 1923. С. 37.

2. Элен П. Удивление – пафос философской мысли // Разум и экзистенция: анализ научных и вненаучных форм мышления / под. ред. И. Т. Касавина и В. Н. Поруса. СПб.: РХГИ, 1999. С. 74–89.

Психосемантический анализ мотивации завистливого поведения

Зависть, психосемантическая методика атрибуции мотивов, социальные представления, мотивационное пространство

Достаточно часто мы можем услышать, как люди атрибутируют зависть другому человеку, однако почти не упоминают ее при объяснении собственных установок и реакций и вовсе отрицают ее наличие. Несмотря на такую распространенность, по сравнению с другими эмоциональными переживаниями, термин в психологии стал изучаться в недавнем времени [2]. Актуальным будет изучение представлений о том, что именно побуждает личность чувствовать зависть по отношению к другому посредством психосемантического метода [3].

В исследовании приняло участие 80 человек в возрасте от 18 до 29 лет, 24 из которых – мужчины, 56 – женщины, территориально проживающих в Ташкенте. Респондентам предлагалось заполнить методику атрибуции мотивов, в которой 15 мотивационных конструкторов были сформулированы на основе уточненной теории ценностей Ш. Шварца [4]. В качестве шкал-дескрипторов выступали 48 пунктов, объединенных из методики исследования завистливости личности Т.В. Бесковой [1] и опросника конструктивной и деструктивной зависти (BeMaS) J. Crusius, J. Lange (русский перевод Т. Волкова, 2017) [5].

Мы провели эксплораторный факторный анализ 48 пунктов опросной матрицы. Мы осуществляем это с целью выявления факторов завистливых поступков на индивидуально-личностном уровне. В результате было выделено 3 фактора, объясняющих 50,1% общей дисперсии: зависть-уныние (35,8%, конструктивная зависть (10,5%) и зависть-неприязнь (3,8%). Далее мы рассмотрели оценки мотивационных конструкторов в построенном семантическом пространстве отдельно по каждому фактору. Респонденты проявление зависти-уныния объясняют наличием мотивов «потому что так принято в обществе, в котором живет», «из чувства справедливости» и в некоторой степени «чтобы быть успешным в своих делах». Респонденты оценивают общество, в котором проживают как пассивное к приобретению предмета зависти: зависть их не мотивирует ни к конструктивным, ни к деструктивным действиям. Конструктивной зависти респонденты атрибутируют большую часть предложенных мотивов: «чтобы быть успешным в своих делах», «чтобы стать материально обеспеченным», «чтобы развивать собственные идеи и способности», «ради собственного удовольствия», «чтобы иметь возможность поступать так, как хочешь» и «чтобы чувствовать свою власть над людьми». Данные мотивы имеют в большей степени позитивную коннотацию. Однако в представлениях респондентов конструктивная зависть у человека ориентирована больше на достижение собственных целей и не затрагивает потребности других людей. Основным мотивом проявления зависти-неприязни в представлениях респондентов может являться мотив «ради собственного удовольствия». Распространение слухов, желание навредить, использование язвительных выражений по отношению к объекту зависти может являться некоторой защитной функцией: возникающие действия маскируют чувство собственной неполноценности рациональным объяснением снижения уровня значимости объекта. В свою очередь, снижение значимости ведет к удовлетворению и таким образом реализуется мотив. Помимо этого, отмечается высокий балл по мотивам «чтобы чувствовать свою власть над людьми» и «из чувства справедливости». Сравнивая эти три вида зависти, можно говорить о том, что несмотря на отчасти позитивную коннотацию конструктивной зависти, в сознании респондентов она остается завистью с присущими ей негативными атрибутами (выделенные факторы положительно коррелируют).

Мы полагаем, оценивая завистливые поступки через призму побуждающих их мотивов респонденты в большей степени по сравнению с иными психосемантическими методиками (например, множественной идентификации, семантический дифференциал [3]) транслируют личное, глубинное отношение к завистливому поведению. Именно этот метод позволяет получить доступ к наиболее глубинным пластам сознания, связанным с личностной самооценкой.

1. Бескова Т.В. Методика исследования завистливости личности // *Вопросы психологии*. 2012. №. 2. С. 127-141.
2. Бескова Т.В. Представления о сущности и причинах зависти в массовом сознании // *Социология власти*. 2010. №. 1. С. 56-65.
3. Петренко В.Ф. *Основы психосемантики*. 2-е изд., доп. СПб.: Питер, 2005.
4. Шварц Ш., и др. Уточненная теория базовых индивидуальных ценностей: применение в России // *Психология. Журнал высшей школы экономики*. 2012. Т. 9. №. 2. С. 43-70.
5. Ablyazimova N.E., Shaposhnikova P.K., Volkodav T.V. *The two sides of envy: understanding of benign and malicious envy in russian students* // *Форум молодых ученых*. 2018. №. 6-1. С. 3-7.

Мусс А.И. Санкт-Петербург, ФГБОУ ВО СПбГУ
Флеминг Д. Санкт-Петербург, ФГБОУ ВО СПбГУ
Постовалов А.В. Санкт-Петербург, ФГБОУ ВО СПбГУ
Сладкоштиева А.В. Санкт-Петербург, ФГБОУ ВО СПбГУ
Сизова А.Л. Санкт-Петербург, ФГБОУ ВО СПбГУ

Историческое исследование в психологии как инструмент решения текущих проблем: на пути к модели развития проблемы сознания

Проблема сознания, история психологии, история и философия науки, модель развития проблемы

Проблема сознания в ее различных ипостасях является одной из ключевых проблем, затрагивающих, как минимум, интересы философов, психологов и нейрофизиологов. За последние десятилетия было сделано много попыток как более точной формулировки самой проблемы, так и её возможных решений. Изнутри философии эта проблема обернулась вначале трудной проблемой, а затем мета-проблемой сознания – вопросами о том, как можно соотнести индивидуальный субъективный опыт с нейрофизиологическими процессами в мозгу, а также о том, почему для исследователей это вообще становится проблемой [5]. В нейрофизиологии подобная проблема была представлена К.В. Анохиным [1] в виде вопросов о том, кто является реципиентом или агентом субъективного опыта, где локализовано сознание в мозгу, когда, при каких условиях оно возникает. Эти вопросы могут быть как минимум важны для психологов, но не менее важен наш собственный вклад в развитие данной проблемы, причем не только в виде проверки сформулированных философами и физиологами гипотез, но и в виде новых исследовательских идей.

Одно из возможных решений, на наш взгляд, может заключаться в обращении к истории науки, в частности, к истории психологии. Ведь любая фундаментальная проблема, такая как, например, проблема сознания, имеет свою историю развития. И в этой ситуации важно помнить, что при формулировке рассматриваемой проблемы не всегда использовались те же самые термины. Более того, известные термины могли использоваться в ином значении. Кроме того, схожие проблемы могли иметь совсем иной контекст, в котором они возникали и рассматривались.

В отношении исследования указанной проблематики мы могли бы обратиться к существующим работам по истории психологии, однако существуют как минимум, критические замечания со стороны историков философии, которые указывают на популярный характер обзорных работ по истории психологии, а также подчеркивают опору на переводы первоисточников взамен оригинальных текстов, а также пропуск исследователями-психологами ключевых авторов [2, с. 10]. С учетом таких замечаний обращение к истории психологии требует не столько интереса со стороны исследователей-психологов [3], сколько учета в исследовательской опыте развития самой исторической науки и, в частности, источниковедения [4], а также обращения к таким областям истории, как история понятий, история идей и интеллектуальная история.

В отношении проблемы сознания мы предлагаем следующий вариант историко-психологического рассмотрения истории ее развития. Во-первых, без непосредственного обращения к существующим обзорным работам попробовать реконструировать ключевые этапы развития интересующей нас проблемы с опорой на первоисточники, исторические, историко-философские и историко-психологические исследования. Через представленные в первоисточниках цитирования, а также через данные современных исторических исследований уточнить преемственность между авторами, идеями и подходами. Все это поможет нам построить модель, описывающую развитие проблемы сознания в философских и научных трактатах, как последовательные изменения в постановке самой проблемы и способов ее решения.

Таким образом, одна из возможных перспектив изучения проблемы сознания – построение, с опорой на методы исторического исследования и академические первоисточники, модели, описывающей развитие данной проблемы, выделяющей узловые точки, в которых сама формулировка проблемы и способы её решения видоизменялись в соответствии с идеями, ценностями и, в целом, мировоззрением исследователей, которые брались за эту проблему. При этом необходимо учитывать актуальные методические проблемы истории психологии. Такой подход, на наш взгляд, может позволить увидеть идеи и формулировки, которые позволили бы выйти из сложившегося тупика.

1. Анохин К.В. *Когнитом: в поисках фундаментальной нейронаучной теории сознания* // Журнал высшей нервной деятельности им. И.П. Павлова. 2021. Т. 71. № 1. С. 39–71.
2. Васильев В.В. *Философская психология в эпоху Просвещения*. М: Канон+, РООИ “Реабилитация”, 2010. 520 с.
3. Журавлев А.Л., Кольцова В.А., Олейник Ю.Н. *Изучение отечественной и мировой психологической мысли: результаты и перспективы исследований* // Материалы всерос. конф. VI Московские встречи”, С. 7–15.
4. Клейн Л.С. *Археологические источники*. Учеб. пособ. Л.: ЛГУ, 1978. 120 с.
5. Chalmers D.J. *The Meta-Problem of Consciousness* // *Journal of Consciousness Studies*, 25, № 9–10, 2018, p. 6–61.

Перикова Е.И. Санкт-Петербург, ФГБОУ ВО СПбГУ
Филиппова М.Г. Санкт-Петербург, ФГБОУ ВО СПбГУ
Чопчик Д.Ю. Санкт-Петербург, ФГБОУ ВО СПбГУ
Гнедых Д.С. Санкт-Петербург, ФГБОУ ВО СПбГУ

Положительное влияние названий на зрительный поиск объектов, изученных с помощью быстрого картирования

Изучение новых слов, вербальное обозначение, быстрое картирование, явное кодирование

В рамках экспериментальных исследований показано противоречивое влияние названий на процессы различения схожих объектов. Так, обнаружен позитивный эффект наличия названий у объектов на их заметность [1] и более точное сохранение информации о них в памяти [3]. Однако в других исследованиях при необходимости запоминания названий объектов наблюдалось снижение точности усвоения информации об их индивидуальных свойствах [2]. В данном исследовании выдвинуто предположение о вариативности роли вербальных обозначений (названий) в усвоении информации о новых объектах в зависимости от используемых стратегий речевого научения – быстрого картирования (fast mapping, далее FM) и явного кодирования (explicit encoding, далее EE).

32 респондентам (средний возраст 22.5 ± 3.6 ; 22 женщины) было предложено изучить 8 изображений новых плодов, которые в 50% случаев аудиально сопровождалась названиями. Каждый плод был предъявлен 8 раз в различных ракурсах для формирования целостного представления. В качестве проверочного задания использовался зрительный поиск целевого изображения среди 15 дистракторов с записью глазодвигательной активности. Карты для поиска включали в себя 4 неявных квадранта, внутри которых в случайном порядке располагались плоды. Каждый квадрант включал объекты из одного условия научения (FM с названием и без него, EE с названием и без него). Только что изученные плоды помещались во все квадранты по очереди. В качестве показателей успешности поиска целевого объекта выступали: время сканирования карты поиска, количество саккад и время моторной реакции от начала последней фиксации взгляда в области расположения целевого объекта до правильного ответа (латентное время реакции). Для статистической обработки результатов использовались t-критерий Стьюдента и RmANOVA.

Выявлено, что испытуемым требовалось меньше саккад для нахождения плодов, изученных с названиями ($t(31) = -2.07$; $p = 0.047$), чем без названий. Поиск целевых объектов среди дистракторов, имеющих названия, сопровождался меньшим числом саккад ($t(31) = -2.62$; $p = 0.014$) и меньшим временем сканирования карты ($t(31) = -3.29$; $p = 0.003$). В отношении параметра латентного времени реакции обнаружено значимое взаимодействие факторов СТРАТЕГИЯ НАУЧЕНИЯ \times НАЗВАНИЕ ($F(1,31) = 7.45$; $p = 0.010$, $\eta^2 = 0.194$). Для плодов, изученных с помощью FM-стратегии с названиями, время обработки информации было дольше, чем в этом же условии без названий ($t(31) = -2.65$; $p = 0.012$), а в случае с плодами, усвоенными в условиях EE, наблюдалась противоположная тенденция, не достигающая значимости ($t(31) = -1.60$; $p = 0.119$). Поиск плодов, изученных с помощью FM-стратегии при использовании названий, осуществлялся быстрее ($t(31) = -2.67$; $p = 0.011$), чем поиск этих же плодов без названий; для EE-стратегии по данному параметру различий не было обнаружено ($t(31) = -0.45$; $p = 0.656$).

Таким образом, обнаружено положительное влияние названий (как у целевых объектов, так и у дистракторов) на распознавание новых объектов. При этом результаты показывают, что наличие вербальных обозначений объектов является более значимым для стратегии FM, чем для EE.

1. Forder L., Lupyan G. Hearing words changes color perception: Facilitation of color discrimination by verbal and visual cues // *Journal of Experimental Psychology: General*. 2019. 148(7). 1105–1123.
2. Morozov M.I. How the strength of the link between an object and its category label influences visual search performance // *The Russian Journal of Cognitive Science*. 2017. 4(4). 22–28.
3. Souza A.S., Overkott C., Matyja M. Categorical distinctiveness constrains the labeling benefit in visual working memory // *Journal of Memory and Language*. 2021. 119. 104242.

Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФ (проект № 22-28-01040).

Диагностическая информативность методики «Оценка валидности утверждений» при принятии решения о доверии речевому сообщению

ОВУ, КАУК, чувствительность, специфичность, точность

Принятие решения о доверии речевому сообщению можно представить с одной стороны, с позиций внутренних психических механизмов принятия решения, а с другой, с позиций самого сообщения – каким оно должно быть, чтобы вызывать к себе доверие или недоверие. Методика ОВУ (Оценки валидности утверждений), основу которой составляет метод КАУК (контент-анализ на основании установленных критериев) разработана в 1989 г. для верификации достоверных речевых сообщений детей, пострадавших от сексуального насилия, и содержит 19 психолингвистических критериев искренности [1]. Однако, как отмечает Фрай, направленность ОВУ на детские возраста и сексуализированный контекст посягательств продиктовано простой нехваткой доказательств по делам такой категории. Таким образом, теоретически обстоятельств, препятствующих потенциальной применимости ОВУ и КАУК к более возрастной выборке и по более широкому контексту, не обнаруживается.

С целью проверки информативности диагностических характеристик методики – а именно, чувствительности, специфичности и точности – нами в одном из отделов полиции было проведено полевое исследование с использованием ОВУ. В качестве экспериментальных нами было добавлено ещё два критерия неискренности (№№ 20 и 21). Выборка формировалась случайным образом. Выборку составили взрослые респонденты, которые были разделены на 2 независимые группы по принципу подтверждённых искренних (37) и подтверждённых неискренних (31) сообщений.

Одним из спорных положений КАУК является дискуссия о подсчёте общего балла и принятия решения о доверии. Исследователями были предложены разные формулы подсчёта обнаруженных критериев. Так, например, Юиллом предложена формула «5 первых и 2 любых других критерия»; Раскиным – «3 первых и 4 любых других критерия, Крейгом – «5 любых критериев» в номинативной шкале [1].

В результате настоящего исследования при помощи статистического критерия χ^2 -Пирсона для таблиц сопряжённости 2x2 с поправкой на непрерывность Йетса нами были определены три статистически значимых критерия: №1 ($\chi^2=33,76$; $p<0,001$); №8 ($\chi^2=4,45$; $p<0,1$); №19 ($\chi^2= 8,27$; $p<0,01$). Однако, так как все они показали значимость разного уровня p , применение их в ОВУ путём простого арифметического сложения как равноправных слагаемых было бы некорректным, а составление пропорций – умозрительным. В связи с этим, нами был проведён в том числе канонический дискриминантный анализ (КДА) с получением коэффициентов вклада критериев в различие между группами искренних и неискренних высказываний. В итоге, положительный вклад внесли критерии №№: 21 (коэффициент 0,51), 14 (0,22) 20 (0,17), а отрицательный №№: 1 (-0,92), 19 (-0,2), 11 (-0,27), 6 (-0,27), 8 (-0,17).

В результате КДА, из 37 установленных искренних сообщений было правильно определено как искренних 32 сообщения, 5 ошибочно определились как неискренние. В выборке 31 установленного неискренного сообщения были неверно диагностировано как искренние 1 сообщение и 30 – правильно как неискренние. Для сравнения были измерены диагностическая информативность ОВУ по данным анализа χ^2 -Пирсона. Нами были проверены показатели 5 формул: «1» (учитывался только один, самый значимый критерий), «1+8+19», «1+8», «1+19», «8+19».

При сравнении показателей лучшую чувствительность продемонстрировали формулы «1» и КДА – соответственно, по 86,5%. Лучшая специфичность была у формул «1+8+19» и КДА – соответственно, по 96,8%. Стоит отметить, что формула «1» показала не самую высокую специфичность (87,1%), а формула «1+8+19» – посредственную чувствительность (64,9%).

Как видно, подсчёт общего балла по КДА совмещает в себе лучшие показатели чувствительности и специфичности χ^2 -Пирсона, а поэтому обладает лучшей точностью – 91,2%.

1. Фрай О. Ложь. Три способа выявления. Как читать мысли лжеца. Как обмануть детектор лжи. СПб.: Прайм-Еврознак, 2006. 286 с.

Влияние ритмичности звукового фона на выраженность иллюзии "Слепота к изменениям"

Eye tracking, иллюзии, кроссmodalное воздействие

Проблематика влияния аудиальной стимуляции на деятельность и поведения в настоящий момент не имеет полного раскрытия в литературе. Одной из областей, в которой раскрытия данной области практически нет, является движение глаз. В своей работе мы рассматривали мысль о том, что аудиальная стимуляция может влиять на движения глаз, а, следовательно, и на эффективность обнаружения иллюзии слепоты к изменениям (ИСИ)

Выборка: 31 человек (20 ж, 11 м) со средним возрастом 21 год. Измерения производились на айтрекере SMI HiSpeed 1250. Регистрация движений глаз производилась бинокулярно с частотой 500 Гц. В качестве стимульного материала были использованы фотографии, взятые в открытом доступе в сети интернет, которые впоследствии были отредактированы с помощью графического редактора Adobe Photoshop CC для Microsoft Windows 10. На фотографиях изменялось присутствие определенных объектов путем «замазывания» их цветами/объектами, которые должны были бы быть фоном для текущего объекта. Фотографии предъявлялись парами – оригинальное изображение – затемнение – измененное изображение – затемнение. Изображения предъявлялись по 11 раз каждое, длительность предъявления составляла 0.8 секунд, длительность предъявления – 0.45 секунд.

Помимо визуального стимульного материала использовалась также аудиозапись со звуками метронома. Звуковое сопровождение можно разделить на 4 группы:

1. Контрольная группа стимулов, без звукового сопровождения.
2. С ровным BPM ("Beats per minute", удары в минуту), а именно, с частотой в 120 BPM;
3. С восходящим темпом – от 60 до 180 BPM с шагом в 30 ударов в минуту (каждая «ступень» темпа, кроме последней, проигрывалась 5 секунд. Последняя ступень проигрывалась 7.05 секунд);
4. С нисходящим темпом – от 180 до 60 BPM с теми же условиями.

Из 16 пар изображений 4 пары предъявлялись с ровным темпом звука, 4 пары – с восходящим темпом, 4 – с нисходящим темпом и 4 с отсутствием звука.

В результате статистического анализа мы получили следующие данные:

1. Наличие ритмичной звуковой стимуляции влияет на выраженность иллюзии слепоты к изменениям. Число повторов изображений для поиска изменений увеличивается при наличии звукового сопровождения по сравнению с ситуацией отсутствия звуков. При этом было выявлено, что сопровождение с равномерным темпом незначимо влияет на выраженность иллюзии ИСИ, тогда как сопровождение с изменяющимися по темпу звуками значимо повышает выраженность иллюзии.

2. Наличие ритмичной звуковой стимуляции будет влиять на движение глаз при поиске различий. А именно:

2.1. при звуковом сопровождении усиливающегося или замедляющегося темпа наблюдаются более быстрые движения глаз, по сравнению с сопровождением ровного темпа или условием отсутствия звукового сопровождения;

2.2. При звуковом сопровождении не меняющегося темпа – движения глаз мало изменяются по сравнению с условием отсутствия звукового сопровождения.

Возможности применения слуховых и мультимодальных интерфейсов в совместной деятельности

Слуховые интерфейсы, совместная деятельность, общение

Слуховые интерфейсы – это устройства связи между двумя системами (технической системой и пользователем), обеспечивающие коммуникацию между этими системами в обоих направлениях [3]. Устройства со слуховыми интерфейсами часто разрабатываются для слабовидящих пользователей, но звуковые элементы – оповещения, предупреждения, слуховые «иконки» – используются повсеместно, в том числе в сложных технических устройствах, управление которыми требует совместной работы нескольких операторов (напр., летательные аппараты). При этом особенности совместной деятельности пользователей при управлении системой, оснащенной слуховым интерфейсом (или интерфейсом, предоставляющим информацию в разных модальностях), еще недостаточно изучены.

Предпосылкой успешности решения совместных задач выступает формирование общего набора репрезентаций системы и способов работы с ней (с помощью интерфейса), а также понимание действий пользователей, с которыми задача совместно решается [2]. В группах, включающих слабовидящих людей, или при переходе из реальной физической среды в виртуальную или дополненную среды (виртуальные рабочие столы, интернет-конференции, смешанная реальность для коллаборации, многопользовательские игры), выработка этих общих представлений может затрудняться.

Результаты исследований показывают, что использование слуховых сигналов в дополнение к визуальным и тактильным позволяет быстрее выполнять задачи, требующие сотрудничества двух пользователей, у одного из которых закрыты повязкой глаза. Ускорение темпа решения задачи достигается за счет снижения количества уточняющих вопросов и вербальных указаний, так как слуховые стимулы дают достаточно информации для того, чтобы сформировалась общая репрезентация совместных действий пользователей [2]. Пространственные слуховые подсказки улучшают поиск скрытых объектов в виртуальной реальности и оцениваются пользователями систем как ясные, полезные и интуитивно понятные (хотя чувство социального присутствия скорее опосредовано живым общением с «экспертом», дающим направления поиска и отвечающим на вопросы участников, чем невербальными подсказками) [5]. Программа для совместного обучения созданию диаграмм, оснащенная звуковым интерфейсом, который моделировал подключение и действия каждого пользователя с помощью отдельного музыкального инструмента, позволяет пользователям адекватно распознавать, какие действия совершались в системе скриптом, имитирующим действия других пользователей, и в каком направлении они производились, хотя расстояния оцениваются ими относительно хуже [4]. Слуховые интерфейсы исследовались также в ситуации «живого» сотрудничества слепых и зрячих участников исследования; данные интерфейсы не мешали их общению и позволяли слепым пользователям ориентироваться в происходящем и предлагать свои варианты решения. Однако проблемой выступила временная природа звука: если пользователи не совершали манипуляций с системой, звук прекращался, и слепые участники теряли ориентировку в задаче [3].

Таким образом, разработка слуховых интерфейсов для осуществления совместной деятельности требует дальнейшего изучения ряда вопросов. К ним относят: поиск наиболее интуитивных для восприятия способов кодирования пространственной информации в искусственных средах (например, с помощью технологий воспроизведения пространственного звука), необходимость кросс-платформенных решений, кросс-модальность дисплеев (баланс между разными способами сообщения пользователям информации, возможное дублирование информации в разных модальностях) и встраивание дисплея в процесс общения между пользователями (некоторые типы информации могут передаваться быстрее в процессе диалога) [3]. Последняя из выделенных проблем требует других исследовательских подходов, например, по созданию ситуаций референтного общения для прояснения того, как пользователи передают другим опыт взаимодействия с интерфейсом для решения задачи [1].

1. *Технологии сохранения и воспроизведения когнитивного опыта / Отв. ред. В.Н. Носуленко. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2016. 457 с.*
2. Huang Y.Y., et al. *Auditory feedback in haptic collaborative interfaces // International Journal of Human-Computer Studies. 2012. Vol. 70. P. 257–270.*
3. Peres S.C., et al. *Auditory interfaces // HCI beyond the GUI: design for haptic, speech, olfactory, and other nontraditional interfaces / P. Kortum (ed.). Amsterdam: Elsevier/Morgan Kaufmann, 2008. P. 147–195.*
4. Torres M.J.R., et al. *An auditory interface to workspace awareness elements accessible for the blind in diagrams' collaborative modeling // IEEE Frontiers in Education Conference. 2020. P. 1–7.*
5. Yang J., et al. *The effects of spatial auditory and visual cues on mixed reality remote collaboration // Journal on Multimodal User Interfaces. 2020. Vol. 14. P. 337–352.*

Исследование выполнено в рамках госзадания № 0138-2023-0006.

Образ личного будущего в контексте глобальных кризисов пандемии COVID-19 и СВО

Образ будущего, проспективная автобиографическая память, линия жизни будущего, неопределенность

За последние несколько лет население России последовательно сталкивалось с несколькими волнами шока, вызванными глобальными мировыми потрясениями. В 2020 году пандемия COVID-19, стала причиной чрезвычайного положения во всем мире. Спровоцировав возникновение «пандемии страха», пандемия COVID-19 привела к росту тревожности, возрастанию распространенности депрессии, повышению показателей дистресса и т.д. [1].

В феврале 2022 года люди столкнулись с очередной кризисной ситуацией – началом специальной военной операции на территории Украины (СВО). Сложившаяся ситуация характеризуется переизбытком негативной, противоречивой, а зачастую и недостоверной информации, что может провоцировать возникновение «аффекта неопределенности», т.е. интенсивного эмоционального переживания неопределенности, которое нередко сопровождается чувством иррационального страха [2]. Подобные вызовы новой реальности эпохи глобальной нестабильности могут иметь серьезные психологические последствия, которые, в частности, могут отражаться на конструировании человеком временной перспективы (ВП) будущего.

Известно, что ВП может видоизменяться под влиянием кризисных и экстремальных условий внешней среды. Среди трансформаций ВП в подобных ситуациях можно выделить сужение горизонта ВП, негативизацию и сверхобобщенность образа будущего, наличие навязчивых «флэшфорвардов». Однако предполагается и возможность использования ВП в качестве когнитивно-личностного ресурса, который помогает человеку сохранить чувство самопреемственности и стабильности во времени, позволяя выходить за пределы текущего кризиса. Так, исследование влияния пандемии COVID-19 на ВП показало, что в период, когда пандемия приобрела статус «новой нормальности», респонденты демонстрировали удлинение ВП будущего в сочетании с сохранением стабильного уровня позитивности [3], что может интерпретироваться как проявление адаптационной функции ВП. Но ввиду малого количества эмпирических работ, посвященных изучению изменений ВП будущего в экстремальных условиях, вопрос о роли данного психического феномена в процессе совладания с кризисными ситуациями остается открытым.

Наше исследование было направлено на сравнение структурных и содержательных характеристик ВП будущего российских респондентов, выявляемой с помощью методики «Линия жизни будущего», в условиях пандемии COVID-19 и СВО. Сопоставлялись данные, полученные в относительно стабильный период (2019 г., N=106), в период второй волны пандемии (2020 г., N=106) и после объявления мобилизации граждан (2022 г., N=95). Вопреки прогнозам появления дезадаптивных паттернов, респонденты продемонстрировали последовательное от замера к замеру увеличение количества антиципируемых событий и расширение горизонта планирования. Мы также отметили значимое снижение позитивности образов будущего и повышение частоты упоминания собственной смерти: с 23% в 2019 году до 40% и 48% в 2020 и 2022 году соответственно. Требуется интерпретации зафиксированная динамика сценарности образа будущего: в контексте пандемии конгруэнтность проекта личного будущего типичному жизненному сценарию резко падает, а в контексте СВО, наоборот, нарастает. Полученные результаты будут обсуждены в соответствии с гипотезой о потенциале использования ВП будущего как внутреннего адаптационного ресурса личности.

1. Екимова В.И., и др. Травматизация страхом: психологические последствия пандемии Covid-19 // Современная зарубежная психология. 2021. Т. 10. № 1. С. 27-38.
2. Лебедев А.Н. Аффект неопределенности и ценностно-аффективная поляризация больших социальных групп // Ученые записки Института психологии РАН. 2023. Т. 3. № 1 (7). С. 3-17.
3. Nourkova V.V., Gofman A.A. Event Time Perspective in Adaptation to the COVID-19 Pandemic: Preliminary Insights from Two Chinese Samples // Timing & Time Perception. 2022. Т. 1. № 1. С. 1-28.

Исследование выполнено при финансовой поддержке РФ (проект № 22-28-00368).

О связи мотивации аффилиации с выраженностью внутренних конфликтов и внутренних вакуумов у студентов

Мотивация аффилиации, внутренний конфликт, внутренний вакуум, нейтральная зона

В настоящий момент при большом количестве работ по анализу конфликтов в разных сферах деятельности недостаточно исследованной остается эмоциональная регуляция их функционирования. В связи с этим актуальным представляется исследование показателей диссоциации мотивационно – личностной сферы, таких как внутренний конфликт (ВК), внутренний вакуум (ВВ), нейтральная зона (НЗ), с их связью с мотивацией аффилиации.

Данная работа была выполнена под нашим руководством студентом И.И. Сидоровым на контингенте студентов – психологов 3-5 курсов. Объем выборки – 25 человек. Цель исследования – анализ связи показателей внутренних конфликтов, внутренних вакуумов и нейтральной зоны с показателями мотивации аффилиации (стремление к принятию – СП и страх отвержения – СО). Гипотеза настоящего исследования – это предположение о взаимосвязи отдельных показателей мотивационно-личностной сферы с определенными аспектами потребности в аффилиации. В частности, предполагается наличие положительной связи «внутреннего вакуума» (параметр общей мотивации) со «страхом отвержения» (параметр аффилиации).

В качестве основных инструментов исследования были использованы: методика Е.Б. Фанталовой «Уровень соотношения «Ценности» и «Доступности» в различных жизненных сферах». Основные показатели методики -внутренний конфликт (ВК), означающий превышение ценности над доступностью, внутренний вакуум (ВВ), означающий превышение доступности над ценностью, нейтральная зона (НЗ) означающая частичное или полное равенство ценности и доступности (Е.Б. Фанталова, 2011, 2012, 2015); «Тест–опросник для измерения мотивации аффилиации». Модификация теста-опросника А. Мехрабиана (в модификации М. Ш. Магомед-Эминова, 1990).

Анализ результатов. Был проведен корреляционный анализ (матрица интеркорреляций показателей методики УСЦД (индекс Рц-д, ВК, ВВ, НЗ) и показателей теста-опросника мотивации аффилиации (СП и СО). Остановимся подробнее на полученных результатах. На выборке студентов была получена высокая корреляция между показателями ВК и ВВ., что не предполагалось в основной гипотезе нашей работы, а также отрицательная корреляция НЗ с ВК и ВВ. Относительно ответа на гипотезу исследования можно сказать, что есть прямая положительная корреляция выраженности «Внутренних вакуумов» (параметр общей мотивации) с выраженностью «Страха отвержения» (параметр потребности аффилиации).

Таким образом, гипотеза настоящего исследования подтвердилась. Выводы[^]

1. Основная гипотеза данного исследования нашла свое подтверждение в наличии прямой позитивной корреляции между «Внутренними вакуумами» (параметр общей мотивации) и «Страхом отвержения» (параметр аффилиации). Таким образом, здесь имеется некий парадокс: чем больше человек чем-либо обладает или способен обладать, чем больше что-либо ему доступно, даже при незначительной ценности этого, все равно, несмотря на это, у него присутствует страх быть отвергнутым. Возникающее в связи с этим состояние «Внутреннего вакуума» в мотивационно-личностной сфере напрямую связано со «Страхом отвержения».

2. Обнаруженная в нашем исследовании высокая положительная корреляция между «Внутренними конфликтами» и «Внутренними вакуумами» говорит о значительном взаимовлиянии этих конструктов личности.

3. Обнаруженная обратная корреляция нейтральных зон с «Внутренними конфликтами» и «Внутренними вакуумами» вполне закономерна. Чем сильнее в мотивационно-личностной сфере преобладают данные конструкты («ВК» и «ВВ»), тем меньше способность такой личности к компенсаторным механизмам («НЗ»)

4. В исследовании не было обнаружено корреляции между «Внутренними конфликтами» и «Внутренними вакуумами», с одной стороны, и «Стремлением к принятию», с другой. Это говорит о том, что при сильной диссоциации в мотивационно-личностной сфере (высокие «ВК» и «ВВ») потребность «Стремление к принятию» убывает.

1. Фанталова Е.Б. *Диагностика и психотерапия внутреннего конфликта*. М., Берлин: Директ-Медиа, 2015. 72 с.

2. Фанталова Е.Б. *Ценности и внутренние конфликты: теория, методология, диагностика*. М., Берлин: Директ-Медиа, 2015. 141 с

Как субъективная оценка сложности задачи влияет на имплицитное и эксплицитное научение?

Имплицитное научение, комплексные задачи, объективная и субъективная сложность

На протяжении всей жизни человек решает различные проблемы. Часть этих проблем составляют сложные (комплексные) задачи. Решение комплексной задачи (КЗ) предполагает переход из актуального состояния в целевое с помощью поведенческих и/или когнитивных многоэтапных действий [3]. Экспериментальные исследования процесса решения КЗ позволили выявить и описать ряд факторов, определяющих поведение испытуемых, в процессе взаимодействия со сложной системой. Так, Д. Дёрнер в качестве основных критериев КЗ выделял количество переменных и связей между ними; динамику внутренних процессов системы; непрозрачность (невозможность точно оценить текущее состояние системы в данный момент) [1]. Поскольку эти параметры существуют независимо от человека, решающего поставленную задачу, их можно описать как показатели объективной сложности. Помимо объективных параметров задачи, существует и субъективная сложность, которая складывается из опыта выполнения задания, мотивации и когнитивных способностей людей, осуществляющих поиск решения [5].

Сочетание этих двух факторов (объективной и субъективной сложности задачи) влияет на степень вовлечённости эксплицитных (осознаваемых) и имплицитных (неосознаваемых) процессов в решение КЗ. В свою очередь, определение роли сознания и когнитивного бессознательного в решении КЗ имеет принципиальное значение для описания механизмов имплицитного научения и взаимодействия между процессами, протекающими в сознании и за его пределами.

В настоящее время исследователи не пришли к единому мнению о влиянии каждого из этих процессов на результат решения КЗ. Экспериментальные данные также демонстрируют противоречивую картину. Например, исследование Ю.Ш. Ли показало, что при решении сложных задач ведущую роль играют имплицитные процессы [4]. Вместе с тем данные, обнаруженные Р.П. ДеШоном и Р.А. Александером, указывают на то, что высокий уровень сложности может провоцировать применение эксплицитных стратегий решения задач [2]. Кроме того, до конца не ясно, какое влияние оказывают разные аспекты сложности (объективный и субъективный) на степень участия осознаваемых и неосознаваемых процессов в решении КЗ. Поскольку выработка эксплицитных стратегий является намеренным действием человека, вероятно, она вызвана его субъективным представлением о сложности задания. Основываясь на этом, можно сделать предположение, что роль эксплицитных процессов поиска решения повышается в связи с увеличением субъективной сложности задачи. В свою очередь, имплицитная обработка информации менее чувствительна к этому фактору и больше зависит от объективных параметров задачи.

Таким образом, исследование влияния объективной и субъективной сложности на степень осознанности решения КЗ позволит продвинуться в понимании того, как соотносятся имплицитные и эксплицитные процессы обработки информации, и определить наиболее оптимальные условия их эффективного взаимодействия.

1. Дёрнер Д. *Логика неудачи. Стратегическое мышление в сложных ситуациях*. М.: Смысл, 1997. 243 с.
2. DeShon R.P., Alexander R.A. *Goal Setting Effects on Implicit and Explicit Learning of Complex Tasks // Organizational Behavior and Human Decision Processes*. 1996. Vol. 65. № 1. P. 18-36.
3. Frensch P.A., Funke J. *Definitions, Traditions, and a General Framework for Understanding Complex Problem Solving // Complex problem solving: The European perspective*. US: Lawrence Erlbaum Associates, Inc, 1995. P. 19-49.
4. Lee Y-S. *Effects of learning contexts on implicit and explicit learning // Memory & Cognition*. 1995. № 23. P. 723-734.
5. Maynard D.C., Hakel M.D. *Effects of Objective and Subjective Task Complexity on Performance // Human Performance*. 1997. Vol. 10. № 4. 303-330.

Предикторы осмысленности жизни у тувинцев

Смыслжизненные ориентации, этническая идентичность, ценностные ориентации, тувинцы

Современное тувинское общество стремительно меняется. В настоящее время наблюдаются интенсивная миграция сельского населения в города республики и других регионов РФ (Абылкаликов, 2021). Люди едут в города, чтобы получить доступ к современной инфраструктуре и улучшить свое социально-экономическое положение. Вместе с этим исследования показывают, что тувинцы, проживающие в городах, по сравнению с сельскими жителями, чаще сталкиваются с различными психологическими проблемами, в частности, смыслоутратой (Шляпников, 2023). В связи с этим, встает вопрос почему это происходит?

Поскольку многие исследователи отмечают, что важную роль в тувинском обществе играет этничность, мы предположили, что снижение показателей осмысленности жизни у тувинцев связано с трансформацией традиционной этнической культуры, ценностей, образа жизни и этнической идентичности (Ламажаа, 2011).

Чтобы проверить это предположение, было проведено исследование осмысленности жизни у тувинцев, проживающих в городах и сельских районах республики, а также в Москве. Всего было опрошено 727 человека в возрасте от 18 до 79 лет, 466 женщин и 261 мужчин, средний возраст 36,48 лет.

Для определения предикторов осмысленности жизни у тувинцев использовался метод множественной линейной регрессии (пошаговый метод). В качестве зависимой переменной выступали показатели теста СЖО (Д.А. Леонтьев, 2000). В качестве предикторов выступали показатели методик: «Виды этнической идентичности» (Г.В. Солдатова, С.В. Рыжова, 1998), опросник ценностных ориентаций Ш. Шварца (1992). Также в качестве предикторов выступали пол, возраст респондентов, район (сельский или городской), особенности образа жизни.

В результате была получена регрессионная модель, включающая в себя семь факторов ($R^2=0,277$, $F(7)=28,019$ $p<0,01$).

Наибольшие значения стандартизированных регрессионных коэффициентов наблюдаются для показателей этнической идентичности: этнонегативизм (-0,242), позитивная этническая идентичность (0,203), этноизоляция (-0,149). Также были обнаружены значимые связи с ценностными ориентациями: достижения (уровень нормативных идеалов) (0,250), власти (уровень профиля личности) (-0,130), и особенностями образа жизни: приверженностью традициям в повседневной жизнедеятельности (0,091) и интересом к этнической культуре (0,128).

В целом полученные результаты подтверждают наше предположение о смыслообразующей роли этничности у тувинцев. На это указывает связь показателей теста СЖО и этнической идентичности. Позитивная этническая идентичность положительно коррелирует с осмысленностью жизни, тогда как аномальные формы этнической идентичности (этнонегативизм и этноизоляция) – отрицательно. Также с осмысленностью положительно коррелируют интерес к тувинской культуре и приверженность тувинским традициям и обычаям в повседневной жизни.

Другим источником осмысленности у тувинцев выступают ценностные ориентации, причем, значения ценностей на уровне нормативных идеалов положительно коррелируют с показателями теста СЖО, а на уровне профиля личности – отрицательно.

Таким образом, для тувинцев позитивное принятие своей этнической идентичности и связь со традиционной этнической культурой могут выступать значимыми смыслообразующими факторами, а сохранение отдельных традиций может стать как средство профилактики смыслоутраты в условиях городской жизни.

Конечно, возникает вопрос, насколько специфичны полученные результаты для тувинцев? Какой вклад в осмысленность жизни вносит этничность у других народов РФ, в частности у русских? – Поиск ответов на этот вопрос составляет предмет дальнейших исследований.

1. Абылкаликов С.И. Особенности демографического развития Тувы: вклад миграции в демографический баланс // Новые исследования Тувы. 2021. № 4. С. 131-142.
2. Ламажаа Ч.К. Тува между прошлым и будущим. 2-е изд. СПб.: Алтейя, 2011. 368 с.
3. Шляпников В.Н. Особенности волевой регуляции у тувинцев в условиях урбанизации общества // Экспериментальная психология. 2023. Т. 16. № 1. С. 152-166.

Исследование выполнено при финансовой поддержке РФ (проект № 21-18-00597).

Принятие эмоционального опыта как предпосылка устойчивости к аффективному влиянию негативных автобиографических воспоминаний

Регуляция эмоций, автобиографическая память, негативные воспоминания, теория оппонентных процессов, ИПАНАТ

Способность контролировать эмоции – важная характеристика личности [1], наиболее развитая форма которой – возможность заменять нежелательную эмоцию желательной. В недавнем исследовании [3] был зафиксирован нетривиальный факт улучшения эмоционального состояния после обращения к негативному содержанию автобиографической памяти без саморегуляционной цели. Задачей данной работы стал анализ взаимосвязи между самоотчетными стратегиями когнитивной регуляции эмоций и спонтанным эффектом улучшения настроения после воспроизведения негативного эпизода личного прошлого.

В исследовании по межгрупповому плану участвовали 275 респондентов из Китая в возрасте от 15 до 54 лет. Динамика эмоционального состояния до и после воспроизведения воспоминания определенного эмоционального содержания измерялась проективной методикой Тест ИмPLICITного Позитивного и Негативного Аффекта – ИПАНАТ, показавшего высокую кросс-культурную универсальность [4]. Участникам предлагалось вспомнить негативное событие их прошлого либо относящееся, либо не относящееся к волнующей их в данный момент времени проблеме. Для оценки стратегий когнитивной регуляции эмоций был использован опросник CERQ в адаптации для китайской популяции [2].

Для дальнейшего анализа выборка была разделена на три подгруппы в соответствии с верхними и нижними квартилями эмпирических распределений показателей изменения настроения после негативного воспоминания: 83 участника понизили настроение, 57 участников повысили настроение и 135 участников были отнесены к подгруппе нейтрального ответа. Дисперсионный анализ показал значимый эффект взаимодействия факторов «Направление изменения настроения» и «Релевантность текущим проблемам»: $F(2, 257) = 5,292$, $p = 0,006$, $\eta_p^2 = 0,038$. Значимо более высокий уровень выраженности стратегии «Принятие» наблюдался у тех участников, настроение которых улучшалось после обращения к релевантному их проблемам негативному автобиографическому эпизоду. В случае нерелевантного текущим проблемам негативного воспоминания зафиксирована обратная тенденция: максимальную приверженность стратегии «Принятие» демонстрировали те участники, чье настроение ухудшилось после воспроизведения негативного воспоминания.

Таким образом, исследование привело к достаточно парадоксальному результату. Мысленное примирение с тем, что случилось, казалось бы, представляет собой отказ от контроля переживания эмоций. Однако, в отличие от восьми других проанализированных стратегий, именно стратегия «Принятие» показала четкую связь с автоматической редукцией аффективных последствий воспроизведения актуального негативного автобиографического эпизода. Возможно, имеет место рассогласование сознательных и автоматических процессов регуляции психических состояний, когда успешная реализация тенденций к достижению эмоционального баланса после его кратковременного нарушения, в соответствии с принципом «гедонистического контраста» в рамках теории оппонентных эмоциональных процессов Р. Соломона [5], требует ослабления сознательного контроля психической деятельности. Предположим, что намеренная регуляция настроения воспоминаниями, наоборот, вывела бы на передний план иные когнитивные стратегии, например, «Рассмотрение в перспективе».

1. Падун М.А. Регуляция эмоций: процесс, формы, механизмы // Психологический журнал. 2010. Т. 31. № 6. С. 57–69.
2. Dong G., Zhu Y., Yang L. Practice of the Chinese Version on the Cognitive Emotion Regulation Questionnaire (CERQ) // Chin. J. Health Psychol. 2008. V. 16. № 4. P. 456–458.
3. Nourkova V.V., Gofman A.A. Deliberately retrieved negative memories can improve mood beyond the intention to do so // EJOP. 2022. V. 18. № 3. P. 235–248.
4. Quirin M., Kazén M., Kuhl J. When nonsense sounds happy or helpless: the implicit positive and negative affect test (IPANAT) // J. Pers. Soc. Psychol. 2009. V. 97. № 3. P. 500–516.
5. Solomon R.L. The opponent-process theory of acquired motivation: The costs of pleasure and the benefits of pain // American Psychologist. 1980. V. 35. № 8. P. 691–712

Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФ (проект № 22-28-00368).

Щербакова О.В. Санкт-Петербург, ФГБОУ ВО СПбГУ
Андрющенко Е.А. Санкт-Петербург, ФГБОУ ВО СПбГУ
Блинова Е.Н. Санкт-Петербург, ФГБОУ ВО СПбГУ
Мирошник К.Г. Санкт-Петербург, ФГБОУ ВО СПбГУ
Штыров Ю.Ю. Орхус, Орхусский университет

Эффект кросс-модального соответствия резистентен по отношению к стратегиям когнитивной регуляции эмоций: поведенческие и психофизиологические данные

Кросс-модальное соответствие, стратегии эмоциональной регуляции, воплощенное познание, электрическая активность кожи (ЭАК), фотоплетизмограмма (ФПГ)

Эффект кросс-модального соответствия (ЭКМС) проявляется во взаимодействии (не)конгруэнтных характеристик разномодальных стимулов (напр., снижении времени реакции на зрительные стимулы, предъявленные в верхней части пространства одновременно с высокочастотными звуками; Spence, 2011; Janyan et al., 2022). Ранее мы показали, что данный эффект относительно независим от ситуативных эмоциональных характеристик субъекта – индуцированных эмоциональных состояний (Щербакова и др., 2023). Следующим шагом стала проверка того, в какой степени эмоциональные состояния, вызванные перед экспериментальной индукцией ЭКМС, опосредованы выраженностью индивидуальных стратегий регуляции эмоций как устойчивых эмоциональных параметров личности. Также нас интересовало, какой вклад данные стратегии вносят в выраженность ЭКМС.

27 добровольцев (19 жен., 18–30 лет ($M = 22.2$, $SD = 2.9$)) 1) заполняли «Опросник когнитивной регуляции эмоций» Н. Гарнефски и коллег (в адаптации Е.И. Рассказовой и др., 2011), 2) просматривали видеозаписи для индукции положительного/отрицательного/нейтрального эмоционального состояния и 3) выполняли задание, в ходе которого им предъявлялись пары конгруэнтных и неконгруэнтных стимулов, состоящих из звуков разной частоты (низкой – 1000 Гц/высокой – 2000 Гц) и (визуально) слов, семантика которых различалась с точки зрения эмоциональной валентности и ассоциации с пространственной локализацией (верх/низ). Респондентам было необходимо определить высоту предъявленных звуков (подробнее см. в: Андрющенко и др., 2022). В ходе эксперимента регистрировались электрическая активность кожи (ЭАК) и фотоплетизмограмма (ФПГ).

С помощью множественной линейной регрессии было показано, что в начале просмотра видеоролика стратегия позитивной перефокусировки предсказывала ($b = -3.28$, $p = .041$) один из показателей ФПГ – RMSSD (root mean square of successive differences), отражающий связанную с состоянием парасимпатической системы вариабельность сердечного ритма, а стратегия руминации – фазическую ЭАК ($b = -0.001$, $p = .039$). Более того, руминация предсказывала показатели тонической ЭАК на этапе выполнения задания. Однако ни одна стратегия не вносила статистически значимого вклада в предсказание величины ЭКМС ($F(9, 26) = 0.83$, $p = .599$, $adj. R^2 = -.047$).

Вероятно, позитивная перефокусировка и руминация модифицируют эмоциональное состояние субъекта заметнее других стратегий, что выражается в объективных физиологических сдвигах. При этом отсутствие значительного вклада какой-либо из стратегий в предсказание величины ЭКМС согласуется с предположением о том, что ЭКМС является феноменом базового уровня и обладает интегральным семантическим статусом – достаточно прочным и не зависящим ни от ситуативных, ни от устойчивых эмоциональных характеристик человека (Щербакова и др., 2023).

1. Андрющенко Е.А., и др. На повышенных тонах: роль пространственного познания в кросс-модальном взаимодействии эмоциональной семантики и аудиального восприятия // *Психология. Журнал Высшей школы экономики*. 2022. Т. 19. № 4. С. 736–756.
2. Рассказова Е.И., Леонова А.Б., Плужников И.В. Разработка русскоязычной версии опросника когнитивной регуляции эмоций // *Вестник Московского университета. Сер. 14. Психология*. 2011. № 4. С. 161–179.
3. Щербакова О.В., и др. Проявление эффекта кросс-модального соответствия при индуцированных эмоциональных состояниях // *Психологический журнал*. 2023. Т. 44. № 1. С. 30–42.
4. Janyan A., et al. Look and ye shall hear: Selective auditory attention modulates the audiovisual correspondence effect // *i-Perception*. 2022. V. 13. № 3. DOI: 20416695221095884.
5. Spence C. Crossmodal correspondences: A tutorial review // *Attention, Perception, & Psychophysics*. 2011. V. 73. P. 971–995.

Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФ (проект №22-28-01020).

Щербакова О.В. Санкт-Петербург, ФГБОУ ВО СПбГУ
Андрющенко Е.А. Санкт-Петербург, ФГБОУ ВО СПбГУ
Мирошник К.Г. Санкт-Петербург, ФГБОУ ВО СПбГУ
Блинова Е.Н. Санкт-Петербург, ФГБОУ ВО СПбГУ
Тимохов В.В. Москва, НИУ ВШЭ
Штыров Ю.Ю. Орхус, Орхусский университет

Устойчивость эффекта кросс-модального соответствия к индуцированным эмоциональным состояниям

Эмоции, кросс-модальное соответствие, воплощенное познание, электрическая активность кожи (ЭАК), фотоплетизмограмма (ФПГ)

Взаимодействие эмоциональных и когнитивных процессов изучается на материале различных феноменов, в том числе эффекта кросс-модального соответствия, который заключается во взаимодействии (не)конгруэнтных характеристик стимулов разных модальностей (например, ускорении реакции на зрительные стимулы в верхней части пространства при одновременном предъявлении звуков высокой частоты; Spence, 2011; 2020; Janyanetal., 2022). Ранее нами было показано, что данный эффект относительно независим от ситуативных эмоциональных характеристик субъекта (индуцированных эмоциональных состояний; Щербакова и др., 2023). Основным ограничением предыдущего исследования было отсутствие объективного контроля результатов индукции эмоциональных состояний. Следующий этап нашей работы был направлен на преодоление данного ограничения.

Выборку составили 27 добровольцев (19 жен.) в возрасте 18 – 30 лет ($M = 22.22 \pm SD2.85$). Эксперимент состоял из следующих этапов: (1) просмотр видеозаписи для индукции положительного, отрицательного или нейтрального эмоционального состояния, (2) выполнение экспериментального задания, в ходе которого предъявлялись пары конгруэнтных и неконгруэнтных стимулов, состоящих из звуков разной частоты (низкой – 1000 Гц/высокой – 2000 Гц) и (визуально) слов, семантика которых различалась по параметрам эмоциональной валентности и локализации в пространстве (сверху/снизу). Задача респондентов была в идентификации высоты предъявленных звуков (подробнее см. в: Андрющенко и др., 2022). В течение всего эксперимента регистрировались электрическая активность кожи (ЭАК) и фотоплетизмограмма (ФПГ).

Мы ставили своей целью проверить, будут ли психофизиологические маркеры интенсивности индуцированного эмоционального состояния предсказывать величину эффекта кросс-модального соответствия. Простая линейная регрессия (предикторы – психофизиологические показатели, зависимая переменная – разность среднего времени реакции между конгруэнтным и неконгруэнтным условиями) показала, что на некоторых временных отрезках показатели вариабельности сердечного ритма, рассчитанные на основе ФПГ и фазической ЭАК предсказывали величину эффекта кросс-модального соответствия. Однако поскольку эти результаты сильно варьировались в зависимости от способа разбиения данных на временные отрезки, мы склонны рассматривать их преимущественно как методические артефакты, обусловленные повышенной вероятностью ошибки I рода.

Полученные результаты поддерживают высказанное нами ранее предположение о том, что эффект кросс-модального соответствия, основанный на интеграции разноуровневых свойств стимулов, является относительно устойчивым феноменом, опирающимся на комплексные семантические репрезентации и резистентным по отношению к ситуативным эмоциональным параметрам (Щербакова и др., 2023).

1. Андрющенко Е.А., и др. На повышенных тонах: роль пространственного познания в кросс-модальном взаимодействии эмоциональной семантики и аудиального восприятия // *Психология. Журнал Высшей школы экономики*. 2022. Т. 19. № 4. С. 736–756.
2. Щербакова О.В., и др. Проявление эффекта кросс-модального соответствия при индуцированных эмоциональных состояниях // *Психологический журнал*. 2023. Т. 44. № 1. С. 30–42.
3. Janyan A., et al. Look and ye shall hear: Selective auditory attention modulates the audiovisual correspondence effect // *i-Perception*. 2022. V. 13. №. 3. DOI: 10.1177/20416695221095884.
4. Spence C. Assessing the role of emotional mediation in explaining crossmodal correspondences involving musical stimuli // *Multisensory Research*. 2020. V. 33(1). P. 1–29.
5. Spence C. Crossmodal correspondences: A tutorial review // *Attention, Perception, & Psychophysics*. 2011. V. 73. P. 971–995.

Исследование выполнено при финансовой поддержке РФ (проект № 22-28-01020).

Когнитивные искажения в условиях стресса

Когнитивные искажения, информационный стресс, эмоциональный стресс

Начало 2020 года обозначается переходом мира в новую реальность, именуемую «BANI – world» с характеристиками, специфика которых негативно сказывается на психоэмоциональном состоянии и когнитивных процессах. Настоящее исследование посвящено анализу когнитивных искажений в условиях информационного и эмоционального стресса. В условиях стресса когнитивные искажения возникают за счет отсрочки негативных воздействий, не способствуя преодолению психологического кризиса, усиливая и обостряя психоэмоциональное напряжение. В стрессе когнитивные искажения проявляются за счет нарастания механизмов когнитивной тревоги [4]. Результаты исследования могут способствовать разработке эффективных копинг-стратегий для преодоления информационного и эмоционального стресса.

Цель исследования – анализ манифестации когнитивных искажений в условиях эмоционального и информационного стресса. Гипотеза исследования – когнитивные искажения по-разному проявляются в условиях эмоционального информационного стресса. Задача исследования – выявить дифференциальные и типологические отличия в формах манифестации когнитивных искажений в условиях информационного и эмоционального стресса.

Методы исследования: Опросник когнитивных искажений – Cognitive Mistakes Questionnaire, CMQ (Freeman A. M., DeWolf R.) / ОКО (Бобров А. Е., Файзрахманова Е. В.); Стресс-ФИЭ (Иванова Е.С.). Выборка исследования: 107 человек: девушки (61), юноши (46), в возрасте от 17 до 25 лет.

1. Результаты Т-критерия Стьюдента по группирующему признаку «эмоциональный стресс» показали статистически значимые различия ($p < 0,01$) в 7 из 9 шкалах опросника ОКО: «Персонализация», «Морализация», «Катастрофизация», «Выученная беспомощность», «Максимализм», «Преувеличение опасности», «Гипернормативность», для переменной «информационный стресс» были выявлены статистически значимые различия ($p < 0,01$) в 6 из 9 шкалах: «Персонализация», «Морализация», «Катастрофизация», «Выученная беспомощность», «Максимализм», «Преувеличение опасности». Показатели средних статистически значимо выше при выраженности каждого типа стресса.

2. Результаты факторного анализа (метод главных компонент, varimax) для шкал опросников показали типологические различия для видов стресса: когнитивный стресс сопровождают такие искажения «Чтение мыслей» и «Упрямство», а эмоциональный стресс искажения «Персонализация», «Катастрофизация» и «Максимализм». Сравнение факторных моделей позволяет сделать вывод, что когнитивные искажения в условиях информационного стресса характеризуется склонностью к приписыванию субъективных ожиданий о намерениях, поступках и оценках окружающих, с эгоцентрическим отстаиванием своего мнения, связаны со стремлением избегания неопределенности. Когнитивные искажения в условиях эмоционального стресса характеризуется потребностью в поддержке и восхищении, при этом критика воспринимается как отвержение или унижение, происходит преувеличение значимости проблем из-за столкновения идеализированных представлений с реальностью.

Вывод: выявлены статистически значимые дифференциальные и типологические различия в формах манифестации когнитивных механизмов искажения в условиях стресса. Информационный стресс выражается в фиксации человека на негативной проекции, связанной с ригидностью и страхом ошибки, эмоциональный стресс выражается в фиксации на себе в форме проявлений эмоциональной неустойчивости и неуверенности.

1. Бобров А.Е., Файзрахманова Е.В. Опросник когнитивных ошибок как инструмент оценки компонентов патологической тревоги // Доктор.Ру. 2017. № 8 (137). С. 59–65.
2. Freeman A.M., DeWolf R. *The 10 dumbest mistakes smart people make and how to avoid them: Simple and sure techniques for gaining greater control of your life.* HarperCollins, 1992. 320 p.
3. Toffler A. *Future shock.* Sydney. Pan. 1970. 576 p.

Взаимосвязь между когнитивными стилями и принятием решений

Когнитивные стили, принятие решений, управленческое решение

Проблематика когнитивных стилей представляет интерес именно как та потенциальная область психологического знания, где, возможно, будет найден вариант объединения общепсихологического и дифференциально-психологического аспектов изучения человеческого интеллекта с выходом на понимание природы индивидуального разума. (Холодная, 2004, с. 3).

Когнитивные стили мышления и процесс принятия решений постоянно эволюционируют. Меняется мировосприятие людей, условия жизни, развиваются технологии, которые влияют на процесс принятия решений в разных областях деятельности. Современный мир особенно требователен к менеджерам. От менеджера требуется принимать решения, которые будут эффективными для организации, обеспечат прибыль и хорошую репутацию. В сложной, динамичной и многогранной деятельности руководителя можно выделить относительно самостоятельные операции, последовательное выполнение которых и составляет содержание управленческой деятельности (Макаренко 2011, с. 127).

Целью научно-исследовательской работы является изучение взаимосвязи между когнитивными стилями человека и принятием решений.

Гипотеза предполагает, что тип принятия решений человека определяется когнитивными стилями, личностными качествами и креативностью.

Было проведено исследование, в котором изучалась связь между когнитивными стилями и принятием решений среди руководителями низшего и среднего звена. Выборку испытуемых составили 30 человек. В качестве методик выбраны следующие методики: «Мельбурнский опросник для принятия решений», «Опросник Харрисона – Брамсона Стиль мышления», «Опросник Брунера Тип мышления», «Опросник личных качеств творчества Вильямса».

Результаты. Средний показатель по опроснику «Стиль мышления»: Синтетический стиль: 54 Идеалистический стиль: 55 Прагматический стиль: 51 Аналитический стиль: 52 Реалистический стиль: 53.

Средний показатель по Мельбурнским опросником принятий решений: Бдительность: 14, Избегание: 10, Прокастинация: 8, Сверхбдительность: 9.

Средний показатель по опроснику Брунера: Предметное мышление: 7, Символическое мышление: 9, Знаковое мышление: 9, Образное мышление: 9, Креативность: 9

Средний показатель по опроснику личных качеств творчества Вильямса: Воображение: 10, Склонность к риску: 15, Любознательность: 14, Сложность: 14, Самооценка творчества: 53.

Результаты исследований свидетельствуют о том, что идеалистический и синтетический стили выражены у менеджеров низшего и среднего звена. Менеджеры ориентируются на будущее, придавая значение социальным ценностям. Им не свойственно сосредотачиваться на поиске более гибкого, адаптивного способа решения проблемы. Им не свойственно решать задачи интуитивно и на основе личного опыта, вместо этого они придают большее значение имеющимся у них данным.

Было обнаружено, что руководителям низшего и среднего звена свойственен риск, также свойственна склонность к осложнениям, они ищут альтернативные варианты для решения сложных проблем, иногда доверяют интуиции.[2]

1. Макаренко О.Г., Лазарев В.Н., *Креативный Менеджмент. Учебное пособие.* Ульяновск: УлГТУ. 2011. 154 с.

2. Туник Е.Е. *Модифицированные Креативные Тесты Вильямса.* СПб.: Изд. Речь. 2003. 96 с.

3. Холодная М.А. *Когнитивные стили. О природе индивидуального ума.* СПб.: Питер. 2004. 384с.

Психологический капитал и профессиональное выгорание женщин-руководителей

Психологический капитал, профессиональное выгорание, внутренний и внешний найм

В условиях неопределенности и сильной турбулентности современной бизнес-среды на первый план выходит психологическая устойчивость персонала и его готовность успешно справляться с постоянно возникающими вызовами в своей профессиональной деятельности. При этом основная нагрузка приходится на руководителей, которые в условиях неопределенности должны принимать такие решения, которые позволят бизнесу жить и развиваться. Поэтому, для поддержания адекватной работоспособности персонала, особое внимание стоит уделять проблеме профилактики профессионального выгорания, а также поддержанию на оптимальном уровне психологического капитала работников, который является ресурсом для успешного преодоления трудностей и стабильности профессиональной деятельности в целом.

Построение карьеры в организации может складываться по-разному. Кто-то «дорастает» до руководящей позиции внутри компании, начиная с рядового работника, а кто-то приходит сразу на эту позицию из другой организации.

Мы предполагаем, что для каждой из этих двух категорий руководителей, вклад различных аспектов психологического капитала в предупреждение профессионального выгорания будет различаться.

С целью выявления различий проведено исследование женщин-руководителей магазинов розничной сети Санкт-Петербурга (N=297, средний возраст 36 лет). Участники исследования заполняли опросники «Профессиональное выгорание» [1] и «Психологический капитал» [2]. Также были получены данные по стажу трудовой деятельности (стаж в организации, стаж в должности). Выборка была разделена на две группы: сразу принятые на должность директора магазина (стаж в организации равен стажу в должности, N=97, группа «внешний найм») и изначально трудоустроенные на другую должность, но впоследствии ставшие директорами (стаж в организации больше стажа в должности, N=200, группа «внутренний найм»). По результатам сравнения групп с помощью дисперсионного анализа выявлены различия по Жизнестойкости (выше для группы «внешний найм», $p < 0,004$).

Для определения влияния психологического капитала на профессиональное выгорание был проведен регрессионный анализ.

Психологический капитал по-разному проявляет себя в качестве предиктора компонентов профессионального выгорания. Эмоциональное истощение и Редукция профессиональных достижений для групп «внешний найм» и «внутренний найм». Модель Эмоционального истощения для группы «внешний найм» (скорр. КМД=0,4) содержит две переменные: Стаж в организации (Бета= -0,56) и Оптимистичность (Бета= -0,37). Модель Эмоционального истощения для группы «внутренний найм» (скорр. КМД=0,19) содержит три переменных: Возраст испытуемого (Бета= -0,176), Оптимистичность (Бета=-0,23) и Жизнестойкость (Бета= -0,24).

Модель Редукции профессиональных достижений для группы «внешний найм» (скорр. КМД=0,17) содержит две переменных: Жизнестойкость (Бета= -0,26) и Оптимистичность (Бета= -0,25). Модель Редукции профессиональных достижений для группы «внутренний найм» (скорр. КМД=0,31) содержит три переменных: Самоэффективность (Бета= -0,17), Оптимистичность (Бета= -0,33) и Жизнестойкость (Бета= -0,25).

Для Дегерсонализации как компонента выгорания статистически значимого влияния аспектов психологического капитала не выявлено.

Таким образом, показано, что требования к отдельным аспектам психологического капитала, как препятствию выгорания, выше в группе «внутренний найм». Полученные результаты можно использовать для профилактики профессионального выгорания у работников организации, включенных в кадровый резерв.

1. Водопьянова Н.Е. Психодиагностика стресса. СПб.: Питер, 2009. 336 с.

2. Маничев С.А., Погребницкая В.Е. Опросник «Психологический капитал» А. Беккера: адаптация на русскоязычной выборке // Актуальные проблемы психологии труда, инженерной психологии и эргономики. / Ред. А.А. Обознов, А.Л. Журавлев. М.: Изд. Институт психологии РАН, 2018. Вып. 8. С. 489-500.

Преодоление страхов в корпоративной культуре как стимул продолжительного развития персонала

Страх, корпоративная культура, трансформация

В настоящее время высокая рыночная конкуренция и быстрое развитие новых технологий заставляют организации быть более гибкими и изменчивыми, чем когда-либо. В таких рыночных условиях залогом успешной трансформации организаций является готовность сотрудников к изменениям, высокая вовлеченность, инновационность и креативность. В процессе трансформаций личные страхи сотрудника напрямую влияют на качество работы, снижается достоверность предоставляемых отчетов, что в свою очередь делает предпринимаемые шаги неэффективными. Особенно важным становится устранение возможных препятствий к на пути к изменениям, которыми среди прочего являются страхи, возникающие в корпоративной культуре.

Цель исследования: изучить влияние типа корпоративной культуры на социально-психологические установки мотивации сотрудников, страхи и их преодоление. Гипотеза исследования: предполагается, что страхи сотрудников, их преодоление и мотивационная направленность в организации определяются типом корпоративной культуры. Методы: Диагностика организационной культуры (Опросник Куинна и Камерона OCAI) [2] и Тест Потемкиной. Диагностика социально-психологических установок личности в мотивационно-потребностной сфере [3]. Выборка исследования: 172 человека, 18–55 лет.

Результаты исследования:

1. Гипотеза подтвердилась частично.
2. Выявлены пять наиболее распространенных страхов
 - Страх неопределенности
 - Страх не оправдания ожиданий
 - Страх не быть оцененным
 - Страх отсутствия профессионального развития
 - Страх не достижения наивысших результатов
3. Выявлены две наиболее существенные социально-психологические установки сотрудника по мотивационным потребностям: результат и свобода.
4. Корпоративная культура может быть стимулом к возникновению и преодолению страхов в организациях, но не является единственной или первостепенной предпосылкой.
5. Частично установлена связь между страхами сотрудников, их преодолением с корпоративной культурой.
6. В плане мотивационной направленности частично зафиксирована связь не с существующей корпоративной культурой, а с желаемой.

Результаты исследования выявили необходимость принятия мер в направлении преодоления страхов в организациях в самом начале процесса трансформации, чтобы изменение корпоративной культуры было наиболее эффективно. Преодоление страхов можно считать первым шагом в изменении корпоративной культуры.

1. Childress J., Senn L. *The secret of a winning culture. Inc.: Leadership Press, 1995.*

Желнин Ф.А. Екатеринбург, УрФУ
Прилуцкая А.Н. Екатеринбург, УрФУ
Резникова П.Ю. Екатеринбург, УрФУ
Кочкин Д.В. Екатеринбург, УрФУ

Развитие управленческих компетенций как психологическое основание разработки программы повышения квалификации кадрового резерва управленческих кадров медицинских учреждений

*Управленческая психология, кадровый резерв, развитие управленческих компетенций,
эффективный руководитель*

Актуальность. Кадровый резерв управления представляет собой важный элемент стратегической безопасности и развития любой компании, является стимулом профессионального роста сотрудников, их мотивации, а также уменьшает время и затраты на закрытие вакансий [2].

Проблема развития управленческих компетенций кадрового резерва представляет важную задачу управленческой психологии и научного обоснования комплекса мероприятий, связанных с исследованием ресурсов кадрового резерва и его развитие. На решение данной проблемы направлен проект группы магистрантов программы «Технологии в управлении персоналом» под руководством заведующего кафедрой Токаревой Ю.А.

Методологической базой выступил компетентностный подход, основанный на содержательной характеристике компетенций. Анализ кадрового резерва на основе компетенций является достаточно эффективным инструментом оценки, отбора, обучения и развития сотрудников, поскольку основывается на конкретных характеристиках [1].

Качественной характеристикой компетенций являются знания и личностные качества резервистов, влияющие на эффективность его настоящей и будущей управленческой деятельности. Набор компетенций вариативен в зависимости от целей и условий деятельности.

Целью проведенного исследования стало изучение уровня развития управленческих компетенций у кандидатов на руководящие должности медицинских учреждений для разработки программы мероприятий их развития. Эмпирической базой исследования явился «Уральский институт управления здравоохранением им. А.Б. Блохина» город Екатеринбург. Методика оценки управленческих компетенций (автор Токарева Ю.А.), направлена на выявление степени выраженности двенадцати основных компетенций, которые соотносятся с профилем эффективного руководителя.

Результаты проведенной диагностики у 60 резервистов показали уровень развития управленческих компетенций, где наименее выраженными оказались социальная успешность (23 из 50 баллов). Данная компетенция представляет особую важность так как влияют на социальную результативность, умение действовать в рамках социальной значимой деятельности, формируя имидж организации и завоевывая авторитет. Наиболее высокими в развитии обнаружены следующие компетенции: эмоциональная устойчивость (33 из 50 баллов), интеллектуальные качества (36 из 50 баллов), ответственность, исполнительность (37 из 50 баллов), самоактуализация (37 из 50 баллов).

Опираясь на полученные данные, была разработана технология развития управленческих компетенций. программа включает в себя конспекты занятий, презентации, контрольные и оценочные материалы в виде рабочих тетрадей по каждой из компетенций. Каждая рабочая тетрадь нацелена на развитие одноименной компетенции.

Все тетради имеют единый метод и механизм развития. В начале тетради предлагается изучение теоретической основы с вопросами по тексту, а также практические задания, во второй части каждой тетради можно пройти тест на самостоятельное определение требующих развития характеристик, а для закрепления и отработки навыков в третьей части прохождения блока самостоятельной работы, которая включает в себя рефлексию и дополнительную оценку выраженности компетенции.

В ходе прохождения обучения по данному материалу участники кадрового резерва повысят уровень управленческих компетенций.

1. Малкова И.Ю., Еварович С.А. Разработка программ подготовки управленческих кадров в контексте компетентностного подхода и образовательного проектирования // *Вестн. Том. гос. ун-та*. 2011. № 347 С. 139-141.
2. Павленко В.О. Потребность персонала в повышении профессиональной компетенции как мотивационный механизм в управление качеством медицинской деятельности // *МНИЖ*. 2016. № 10-4 (52). С. 83-86.

Исследование убеждений о работе у представителей поколения Z

Убеждения, поколение Z, ценности, гедонизм

Цифровизация изменила подход к подбору персонала, мотивации, адаптации и развитию. Сотрудники поколения Z (молодые люди с 2000 по 2010 г.р.) — это выпускники и студенты ВУЗов, начинающие карьеру. Чтобы оставаться конкурентоспособной, организация должна владеть актуальной информацией о предпочтениях, ценностях, убеждениях молодых людей. Ранее исследования в этой области проводились В. И. Пищик [4], и было выявлено эмпирическим путем, что новое поколение более гедонистично, альтруистично и заинтересовано в социальных инициативах, чем предыдущие поколения. Большинство исследований в этой области сосредоточено вокруг поколений X и Y, представители поколения Z менее изучены, а представленные сведения противоречат друг другу. Нам представляется важным исследование убеждений поколения Z.

Изучая представителей поколения Z десятилетие назад, ученые заметили, что цифровизация повлияла на развитие и нервную систему [1]. Наряду с такими изменениями усиливаются возможности работы с информацией, повышена уверенность в себе, развита способность быстро ориентироваться в информационном поле и выбирать нужное [3]. Клиповое мышление действительно приводит к развитию объема кратковременной памяти и сокращению возможностей долговременной памяти. Умение быстро ориентироваться в информационном пространстве стерты географические границы, дали поколению Z ощущение свободы. Профессиональное или ответственное родительство представителей поколения X сделало из Z уверенных, свободных, самодостаточных молодых людей, а гиперопека привела к инфантилизму, нежеланию становиться самостоятельными в юности и по окончании ВУЗов [2].

Для исследования убеждений о работе мы использовали новый инструмент «Опросник значимых убеждений в работе» состоит из трех частей, которые предъявляются поочередно в течение трех дней одним и тем же испытуемым.

Первая часть опросника представляет собой пятнадцать пар убеждений, в каждой можно выбрать убеждение, репрезентирующее одну ценность. Шесть шкал, представленных в первой части опросника, были выбраны, основываясь на результатах исследований (В.И. Пищик, Д. И. Давер) максимальный интерес для нас представляют альтруизм, выгода, социализация, гедонизм, надежность и реализация. Во второй части представлены семь убеждений, но уже без отражения альтруизма и выгоды. Гедонизм разделен на 2 шкалы: физический комфорт и интерес, положительные эмоции, альтруизм, социализацию, реализацию (достижения) и реализация (статус), надежность. Убеждения требуется проранжировать в соответствие со своими личными убеждениями, то его присвоить ранги от 1 до 7.

В третьей части исследования испытуемые в свободной форме описывают три критерия, важных в хорошей работе. При обработке результатов использовался метод факторного и семантического анализа.

По результатам опросника молодое поколение убеждено, что хорошая работа должны быть надежной, иметь интересные задачи, профессиональный рост. Меньшее значение имеют выгода, статус, физический комфорт (возможность работать из дома, офис рядом с домом оказалось, не так важны для молодежи) и коллектив. Наименьшей значимостью обладает альтруизм и социализация. В первой части опроса по шкале гедонизм высокие показатели у поколения Z, во второй часть, в которой мы разделили физический комфорт с интересом и положительными эмоциями, мы увидели, что не так важен гибридный график, как веселая работа, интересные задачи. Молодежь не так интересуется статусом, как амбициозные цели. При этом они не готовы перерабатывать, чтобы не нарушать равновесие и баланс своей жизни.

1. 30 фактов о современной молодежи: исследование Сбербанка и Validata // Янгспейс. 2017. № 11.

URL: <http://youngspace.ru/faq/sberbank-issledovanie-molodezhi> (дата обращения 16.01.2018).

2. Давер Д.И., Пищик В.И. Убеждения родителей в современном обществе и последствия детоцентризма на примере поколения Z // Технологические инновации и научные открытия / Материалы XII Международной научно-практической конференции, 2 ч. Уфа: Изд. НИЦ Вестник науки, 2023, ч.2. 289 с.

3. Кулакова А.Б. Поколение z: теоретический аспект // Вопросы территориального развития. 2018. №2 (42). –

URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/pokolenie-z-teoreticheskiy-aspekt> (дата обращения: 19.05.2023).

4. Пищик В.И. Поколения: социально-психологический анализ ментальности // Социальная психология и общество. 2011. № 2. С. 80–88.

5. Daver D. Beliefs, attitudes, values and engagement of generation X, Y employees // E3S Web of Conf, v. 381 01034, 2023. DOI:10.1051/e3sconf/202338101034.

Личностные и ситуативные предикторы выбора формы занятости

Форма занятости, ценности и черты личности, локус контроля, пятифакторная модель личности

Актуальность исследования факторов выбора формы занятости связана с высоким темпом развития рынка труда, технологических инноваций и изменением образа жизни современного человека, что создает новые возможности и вызовы для сотрудников. Данное исследование имеет практическую значимость для работников, организаций и общества в целом, помогая понять, какие факторы формируют предпочтения в отношении форм занятости и как эти предпочтения могут влиять на различные аспекты трудовой жизни и благополучие.

Теоретическим базисом исследования выступили теория соответствия личности и среды [5], исследования ценностей и предпочтений фрилансеров [3], исследования базовых ценностей и черт личности в психологии труда [4]. Выборку составили 107 человек, среди которых были 82 женщины и 25 мужчин, имеющих работу в текущий момент (возраст от 18 до 56 лет). Методики: 1. Методика УСК (уровень субъективного контроля), разработанная Е.Ф. Бажиным, Е.А. Голынкиной, Л.М. Эткиндо (шкала интернальности в производственных отношениях) [1]; 2. Опросник ценностей Ш. Шварца [2]; 3. Краткая версия опросника «Большой пятерки» (Корнилова Т.В., Чумакова М.А.) [4]; 4. Опросник предпочитаемой формы занятости (авторская разработка); 5. Дополнительные шкалы.

Основные итоги проведенного корреляционно-регрессионного анализа: 1) Предпочтение гибких или фиксированных форм занятости связано с ценностями Самостоятельности, Добросовестности и локусом контроля. Высокий ранг ценности Самостоятельность является предиктором предпочтения гибкой формы занятости, включая возможность управлять собственным графиком работы, самостоятельно определяя начало и конец рабочего дня. Добросовестность как черта, которая связана с планированием личностью своего графика работы и самостоятельной постановкой целей, также является предиктором выбора гибкой формы занятости. 2) Также ценность Безопасность оказалась связана с предпочтением фиксированного графика работы. Высокий ранг ценности Безопасности взаимосвязан с выбором фиксированной формы занятости, что может быть интерпретировано, как ответ на потребность респондентов с высоким рангом ценности Безопасности в стабильности и предсказуемости их повседневного графика работы. 3) Открытость опыту оказалась предиктором выбора работы «на себя» вместе с ценностью Самостоятельности, внутренним локусом контроля и ситуативными факторами «Возможность совмещать с другой работой/проектами» и «Возможность совмещать с хобби или учебой». 4) Удаленная форма занятости имеет более слабые взаимосвязи с личностными и ситуативными чертами, что также может объясняться изменениями из-за пандемии коронавируса, однако, некоторый вклад предикторов Добросовестности, Экстраверсии и ситуативными факторами «Желание больше времени проводить с близкими людьми» обнаруживается во влиянии на выбор удаленной формы занятости в качестве предпочитаемой.

Вышеперечисленные предикторы являются результатом многолетнего поиска новых взаимосвязей между выбором формы занятости и личностью. В итоге мы можем смело утверждать, что существуют предикторы выбора формы занятости: ценности «Самостоятельность» и «Безопасность», локус контроля, личностные черты «Добросовестность», «Экстраверсия» и «Открытость опыту», а также ряд ситуативных факторов. Данное исследование является вкладом в понимание того, каким образом люди осуществляют выбор формы занятости. Базовые ценности, локус контроля и личностные черты влияют на предпочтения людей в процессе осуществляемого ими выбора формы занятости. Содержание данных ценностей и анализ характеристик личности позволяет понять, почему люди делают тот или иной выбор, какими наиболее общими потребностями они мотивированы.

1. Бажин Е.Ф., Голынкина Е.А., Эткиндо Ф.М. Метод исследования уровня субъективного контроля // Психологический журнал, Т. 5, № 3, 1984, с. 152–162.
2. Карандашев В.Н. Методика Шварца для изучения ценностей личности: концепция и методическое руководство. СПб.: Речь, 2004. 70 с.
3. Стребков Д.О., Шевчук А.В. Трудовые ценности самостоятельной и организационной занятости // Социологические исследования, № 1, 2017, с. 81–93.
4. McCrae R.R., Costa P.T. A five-factor theory of personality / Eds. L.A. Pervin, O.P. John / Handbook of personality: Theory and research. New York: The Guilford Press, 1999, 139–153.
5. Walsh, Bruce W. Person-Environment Fit (P-E Fit) / Eds. Greenhaus Jeffrey H., Gerard A. Callanan / Encyclopedia of Career Development, Vol. 2, 2006, p. 622–625.

Комплексный подход в психологии менеджмента как фактор повышения личностной и профессиональной мотивации

Психология управления, менеджмент, личностная мотивация, комплексный подход

Психология управления (менеджмента) — это наука, сформировавшаяся и развивающаяся на стыке двух научных дисциплин — теории управления и психологии [1]. Благодаря дополнению теории менеджмента [2], которая подразумевает акцент на функции деятельности индивида, реализуемой через выполнение управленческих действий, важным психологическим материалом, формируется комплексный подход к человеку, который позволяет индивиду повысить личную эффективность и грамотно регулировать его профессиональную деятельность.

Множественность определения психологии менеджмента включает в себя управление: личной жизнью человека, его профессиональной и (или) предпринимательской деятельностью, планированием и развитием бизнеса, спортивными достижениями. Управление любой сферой жизни человека подразумевает первоначальное выявление его жизненных ценностей и приоритетов, распределение и грамотный контроль человеческих ресурсов, саморегуляцию внутренней энергии, профилактику выгорания.

В современном мире с множеством гаджетов, планеров, приложений в телефоне, мотивационной литературы, открытым доступом к тренингам личностного роста люди зачастую не могут эффективно управлять собственными ресурсами [3]. Причиной такого поведения могут служить непонимание личностной глубинной мотивации к действиям, своих сильных и слабых сторон, поведенческих стратегий и ценности собственного жизненного опыта.

Авторская методика на основе профессионального опыта работы в бизнес-коучинге представляет перспективы развития менеджмента в системном подходе к человеку, так как каждая личность уникальна и олицетворяет спектр психофизических характеристик.

Она применялась в коучинговой работе с тринадцатью клиентами.

Авторская методика предполагает управление менеджментом индивида через:

1. Профилактику профессионального выгорания с помощью методик самопомощи на разных его стадиях.
2. Выстраивание 20 правил управления эмоциями, временем и работой, авторскую инструкцию и прописывание конкретных шагов.
3. Психотехнику совладания с чрезмерными эмоциями и возвращение человека в реальность путем осознания происходящих с ним в моменте ощущений [4].

Практическими результатами комплексного подхода являются:

1. снижение эмоционального напряжения, тревожности, конфликтности, раздражительности;
2. улучшение взаимоотношений в семье, коллективе, команде, с партнерами;
3. увеличение на 20% целевых действий, напрямую влияющих на производительность труда и, как следствие, улучшению экономических показателей профессиональной деятельности.

Таким образом, автором в данной статье доказывается эффективность управления профессиональной и жизненной деятельностью человека через две дисциплины: теорию управления и психологию.

Особенно актуальным такой подход станет в современном цикле экономического развития России в эпоху глобальной нестабильности и социальной напряженности.

1. Герасимова И.А., Копылов С.И. Проблема личностного развития и мотивации в контексте социально-психологических методов управления // *Опублик. научный журнал «Сервис plus»*, № 3, 2013, с. 34–39.
2. Мескон М., Альберт М., Хедоури Ф. *Основы менеджмента*. М.: Изд. «Дело», 1997. 492 с.
3. Уитмор Д. *Coaching – новый стиль менеджмента и управления персоналом. Практическое пособие*. М.: Изд. «Финансы и статистика», 2001. 160 с.
4. Petunova S.A., et al. *Stress coping strategies of physically disabled adolescents: problem-solving imperfection* // *European Psychiatry*. 2020. V. 63. № S1. P. 208.

Субъективное благополучие сотрудников IT-компаний во взаимосвязи с копинг-стратегиями

Субъективное благополучие, копинг-стратегии

Субъективное благополучие как часть общего понятия здоровья в современной психологии приобретает высокую значимость, поскольку связано со здоровьем и эффективностью деятельности и, как следствие, экономической эффективности организации [2]. Данное понятие определяется как отношение индивида к собственной личности и значимым жизненным процессам [1]. Большую актуальность данная тема приобретает в связи с тем, что многочисленные социально-экономические и политические потрясения, а также высокие темпы изменений в современном мире и неопределенность снижают ощущение субъективного благополучия, следовательно, сказываются на здоровье населения [3].

Проблема, на решение которой направлено данное исследование, выражается в снижении субъективного благополучия сотрудников IT-компаний.

Новизна данного исследования выражается в рассмотрении копинг-стратегий как фактора, связанного с уровнем субъективного благополучия у сотрудников IT-компаний.

Практическая значимость результатов выражается в применимости выводов для работы над снижением субъективного благополучия у сотрудников и команд в организации для повышения эффективности деятельности.

В качестве гипотезы мы выдвигаем предположение о том, что копинг-стратегии выступают предиктором субъективного благополучия и удовлетворенности жизнью.

В исследовании приняли участие 79 сотрудников IT-компаний, из которых 49 мужчин (62%) в возрасте от 19 до 52 лет ($M = 27,19$, $SD = 5,9$).

Методики исследования: опросник совладания со стрессом, COPE, С. Carver, шкала удовлетворенности жизнью, Е. Diener, шкала субъективного благополучия, А. Perrudet-Badoux, G. Mendelsohn, J. Chiche.

Для выяснения вопроса о взаимосвязи применения сотрудниками IT-компаний определенных стратегий преодоления стресса и уровнями субъективно благополучия и удовлетворенности жизнью мы использовали коэффициент корреляции Пирсона. Выявлена статистически значимая взаимосвязь с такими стратегиями, как планирование ($r = -.46$, $p = .001$), положительная переоценка ($r = -.32$, $p = .004$), использование инструментальной поддержки ($r = -.38$, $p = .001$) и активное совладание ($r = -.31$, $p = .005$). Для субъективного благополучия также была характерна взаимосвязь со стратегией отрицание ($r = .23$, $p = .036$), а для удовлетворенности жизнью – с юмором ($r = .28$, $p = .006$).

Для уточнения связи мы использовали регрессионный анализ, модель достигла уровня значимости ($F(5,73) = 6,35$, $p = .001$, $adj. R^2 = .256$), в результате чего удалось выяснить, что предикторами субъективного благополучия являются планирование ($b = -.43$ [95% CI: $-.70, -.17$], $p = .001$) и инструментальная поддержка ($b = -.18$ [95% CI: $-.37, -.006$], $p = .043$). Стратегия планирование также позволяет статистически значимо предсказывать показатели удовлетворенности жизнью ($b = .81$ [95% CI: $.34, 1.59$], $p = .041$). Контекстуальность наиболее предпочитаемых стратегий преодоления стресса, вероятно, и объясняет наибольшую эффективность некоторых из них для той или иной ситуации в разной организационной среде.

Таким образом, нам удалось выяснить, что существует взаимосвязь между наиболее предпочитаемыми копинг-стратегиями и показателями удовлетворенности жизнью и субъективным благополучием у сотрудников IT-компаний. Кроме того, инструментальная поддержка и планирование выступают основными предикторами. Полученный эффект можно объяснить тем, что планирование и инструментальная поддержка могут быть связаны с организационным контекстом, например, с определенным типом организации деятельности в IT-компаниях, то есть гибкой методологией разработки, в рамках которой такие способы преодоления стресса оказываются наиболее эффективными.

1. Шамионов Р.М. *Субъективное благополучие личности: психологическая картина и факторы*. Саратов: Изд. "Научная книга", 2008. 296 с.
2. Kubzansky L.D., et al. *Interventions to modify psychological well-being: Progress, promises, and an agenda for future research // Affective Science, 2023, p. 1–11.*
3. Kumar A., et al. *Supporting Mental Well-Being in the Workplace-A Study // Journal for ReAttach Therapy and Developmental Diversities, Vol. 6, №. 2s, 2023, p. 338–345.*

О возможностях имплицитного ассоциативного теста (ИАТ) для управления культурой безопасности в организации

ИАТ-тест, культура безопасности, установка

Безопасность, охрана труда и адаптация сотрудников к производственным условиям являются составляющими кадровой политики организаций. Несмотря на тенденцию к снижению травматизма, по данным Роструда за 2021 год количество смертельных инцидентов на производствах выросло более чем на 12%.

После аварии на ЧАЭС было введено понятие «культуры безопасности» (КБ) – концепта, агрегирующего в себе ценности, установки и поведение в отношении угроз и безопасности. За приблизительно 30 лет его использования число публикаций в разных отраслях кратно увеличилось [3]. Активно обсуждается комплексный подход, который бы интегрировал в себе вопросы личной безопасности, здоровья сотрудников и организационные характеристики [5]. Одной из перспективных компонент, вероятно, влияющих на КБ и безопасное поведение являются имплицитные установки (ИУ), введенные Э. Гринвальдом, и связанный с ними ИАТ-тест (Implicit Association Test). Несмотря на свидетельства в пользу ИАТ-тестов [2], по-прежнему имеют место вопросы об их прогностической валидности и соотношении их результатов с эксплицитными альтернативами [4].

Настоящая работа направлена на изучение связи между результатами ИАТ-теста на отношение к здоровью и болезни и эксплицитной оценкой КБ в организации. Проведено исследование (N=95), среди операторов установок одного из нефтеперерабатывающих заводов РФ. Мужчины составили 83% выборки. Возраст: M=35, $\sigma = 6,4$; общий стаж: M=12, $\sigma = 6,6$; стаж на текущем месте: M=8,7, $\sigma = 6,5$. Испытуемые были предложены ИАТ-тест «Риск травматизма и заболеваемости» [1], а также «Анкета на оценку культуры безопасности организации» Л. Горюновой и В. Козлова.

Получены различия на 5%-уровне значимости по 10 из 11 компонент анкеты (составляющими КБ) между группами с имплицитным положительным и отрицательным отношением к здоровью (у первых все элементы оценивались выше); для групп положительного и отрицательного отношения к болезни различий в шкалах выявлено не было. При попарных сравнениях 4 имплицитных типов (комбинации отношений к здоровью и болезни одновременно) наибольшее количество значимых различий между группами оказалось в компонентах «Доверие», «Личная ответственность», «Вовлеченность» и «Дисциплина», что подчеркивает значимость ИУ в разрезе индивидуальных элементов КБ. Результаты являются дополнительным обоснованием для применения ИАТ-тестов на разных стадиях работы с персоналом. Различия по ИУ к здоровью также дают перспективы для дальнейшего изучения смежных вопросов в рамках развивающегося раздела «психология здоровья».

1. Методика «Риск травматизма и заболеваемости». – URL: https://dominyak.com/methods/risk_of_injury.php (дата обращения: 25.10.2022)
2. Родионова Е.А., и др. Отношение к профессиональному здоровью как фактор безаварийности водителей-дальнобойщиков // Психология экстремальных профессий. 2019. С. 152–155.
3. Fleming M., Harvey K., Cregan B. Safety culture research and practice: A review of 30 years of research collaboration // Journal of Applied Biobehavioral Research. 2018. Vol. 23. №. 4. P. e12155.
4. Greenwald A.G., et al. Understanding and using the Implicit Association Test: III. Meta-analysis of predictive validity // Journal of personality and social psychology. 2009. Vol. 97. №. 1. P. 17.
5. Hofmann D.A., Burke M. J., Zohar D. 100 years of occupational safety research: From basic protections and work analysis to a multilevel view of workplace safety and risk // Journal of applied psychology. 2017. Vol. 102. №. 3. P. 375.

Социальный капитал как ресурс женского предпринимательства

Ресурсы личности, предпринимательство, женщина-предприниматель, социальный капитал

Исследования женского предпринимательства в настоящее время становятся все более актуальными. При этом они сконцентрированы зачастую на барьерах в бизнес-среде, на факторах принятия решений в различных условиях, а также на выявлении гендерных особенностей. Однако до сих пор в психологии отсутствует достаточное количество работ, посвященных выявлению роли социального капитала в успешности деятельности женщин, выбравших сферой активности ведение собственного бизнеса.

Социальный капитал – одно из наиболее сложных междисциплинарных понятий современной науки, к определению которого до сих пор не существует единого подхода. В экономике он рассматривается в рамках мобилизации ресурсов взаимодействия агентов для повышения отдачи от своих вложений. Политолог Ф. Фукуяма определил его как общественный капитал, возникающий в результате доверия между его участниками [2]. Дж. Коулман понимал в значении продуктивного ресурса, в структуру которого входят социальные нормы, ценности, информационные каналы, обязательства и ожидания [4]. П. Бурдьё связывал с наличием устойчивой сети институционализированных отношений взаимного знакомства и признания [3].

Бесспорно, социальный капитал личности оказывает весомое влияние на трудовую деятельность как в сфере собственного бизнеса, так и в рамках работы по найму. Проведенные исследования уже доказали наличие взаимосвязи между социальным капиталом и эффективностью предпринимательства: он облегчает доступ к информации, рабочей силе, финансам, внедрению новых технологий [5].

Однако до сих пор остаются не проясненными следующие вопросы: обладают ли женщины-предприниматели в России и женщины, работающие по найму, разными по форме и содержанию видами социального капитала, существуют ли гендерные различия в применении социального капитала как личностного ресурса у бизнесменов и т.п. Данную проблематику необходимо рассмотреть именно с точки зрения психологического подхода, для того чтобы понять, как социальный капитал личности влияет на профессиональную активность женщин-предпринимателей в России.

Нами было выдвинуто предположение, что предпринимательницы имеют более выраженные показатели социального капитала личности по сравнению с женщинами, работающими по найму. Кроме того, социальный капитал вносит больший вклад в удовлетворенность трудом также у женщин, занимающихся бизнесом.

В исследовании использовался комплекс социально-психологических методик: анкета «Показатели социального капитала личности» (авторы – Л.В. Марарица, А.Л. Свенцицкий, Л.Г. Почебут) [1], «Утрехтская шкала увлеченности работой» (UWES) В. Шауфели в адаптации Д. Кутузовой, «Диагностика переживаний в профессиональной деятельности» (Е.Н.Осин, Д.А.Леонтьев). Выборка представлена 120 женщинами, 63 из них имеют собственное дело и 57 работают в найме.

Предварительные результаты исследования свидетельствуют о подтверждении выдвинутых предположений.

1. Почебут Л.Г. *Социальный капитал личности: монография*. М.: Инфра-М, 2021. 250 с.
2. Фукуяма Ф. *Доверие: социальные добродетели и путь к процветанию*. М.: АСТ, 2008. 52 с.
3. Bourdieu P. *The Forms of Capital // Handbook of theory and research for the sociology of education / Richardson J. Westport, CT: Greenwood, 1986, p. 241-258.*
4. Coleman J.S. *Social Capital in the Creation of Human Capital // The American Journal of Sociology, 1988, № 94, p. 95-120.*
5. Michelacci C., Silva O. *Why So Many Local Entrepreneurs? // Review of Economics and Statistics, 2007, 89(4), p. 615-633.*

Личный брендинг сотрудников: драйверы и методы управления

Личный брендинг, субъективное карьерное развитие, управление талантами

В последние годы тема личного брендинга стала привлекать внимание исследователей различных областей: маркетинга, социологии, психологии, организационного поведения, образования. Личный бренд состоит из желаемой идентичности и воспринимаемого целевой аудиторией образа [2]. Личный брендинг заключается в стратегическом процессе управления воспринимаемым образом [3].

Целью данного исследования является анализ научной литературы для выявления особенностей создания личного бренда сотрудников организаций. Для проведения исследования мы сделали поиск литературы по десяти базам научной литературы на русском и английском языках. При поиске были использованы слова «личный бренд», «личный брендинг», «personal brand», «personal branding». После первичного отбора литературы мы читали каждую статью и принимали решение о включении её в финальный пул выборки, который составил 36 статей.

В основном академическая литература охватывает личный брендинг знаменитостей. Отдельные работы посвящены брендингу предпринимателей и фрилансеров, для которых он напрямую связан с привлечением клиентов и увеличением доходов. Анализ литературы выявил несколько эмпирических и теоретических работ, в которых были сделаны первые шаги для развития понимания, как сотрудники организаций строят свои бренды. Было предложено, что личный брендинг целесообразен только для отдельных категорий сотрудников, например, менеджеров по продажам, так как их личное продвижение позитивно сказывается на выручке [3]. Другие исследования выявили, что различные сотрудники организаций и студенты предпринимают действия по созданию и развитию своего личного бренда с целью улучшения возможностей трудоустройства [4, 5]. Можно сделать вывод, что особенностями создания бренда сотрудника является нацеленность на работодателя и продвижение карьеры, при этом для сотрудников существуют барьеры, препятствующие определению факторов и инструментов, влияющих на их бренды [1].

Наше исследование показало, что личный брендинг сотрудников внутри организации, где целевую аудиторию представляют их коллеги и руководство, является актуальным вектором исследований в менеджменте, организационной психологии и маркетинге. Наше исследование подчеркивает необходимость определения драйверов личного брендинга сотрудников внутри организации и методов управления личным брендом в их субъективном карьерном развитии. Определение драйверов может быть осуществлено в рамках феноменологического исследования, основанного на проведении полуструктурированных интервью с сотрудниками с сильными личными брендами. Вопросы, касающиеся того, как происходит процесс создания и управления личным брендом внутри организации, могут быть исследованы в рамках метода кейс-стади, включающего проведение полуструктурированных интервью, опроса сотрудников и анализа их страничек в корпоративных социальных сетях. Результаты таких исследований могут быть использованы организациями в рамках функций управления человеческими ресурсами и управления талантами для поддержки сотрудников в развитии личных брендов, что положительно скажется на результатах компании.

1. Figurska I. *Personal branding as an element of employees' professional development* // *Human Resources Management & Ergonomics*. 2016. Vol. 10, №2. P. 33–47.
2. Gandini A. *Digital work: Self-branding and social capital in the freelance knowledge economy* // *Marketing theory*. 2016. Vol. 16, №1. P. 123–141.
3. Gorbatov S., Khapova S.N., Lysova E.I. *Personal branding: Interdisciplinary systematic review and research agenda* // *Frontiers in psychology*. 2018. Vol. 9, doi.org/10.3389/fpsyg.2018.02238.
4. Johnson K.M. *The importance of personal branding in social media: educating students to create and manage their personal brand* // *International journal of education and social science*, 2017. Vol. 4, №1, p. 21–27.
5. Kushal S., Nargundkar R. *Employer-oriented personal branding: methods and skills for Indian business school students* // *Higher Education, Skills and Work-Based Learning*, 2021, Vol. 11, №1, p. 48–58.

Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФ (проект № 23-18-00830).

Проявление креативности управленца в современном обществе

Креативность, управленец, современное общество

Современная парадигма управления предъявляет новые требования к психологическим качествам управленца. Психологические качества, которые образуют компетенции управленца изменились, поэтому мы имеем дело с современным управленцем. Современное креативное управление направлено на решение управленческих задач, создание креативных команд, развитие и проявление в команде креативности личности (индивидуальной) [1]. В этих качествах особо важное значение имеет креативность как вызов современности, обладание которым обеспечиваются трансформационные процессы, создаются новые решения, новые методы. Отметим, что в исследовательском поле креативности есть много нерешенных задач. Одной из них является определение уровня креативности управленца, ее проявление в деятельности, взаимосвязь с мотивацией и личностными качествами. Мы предлагаем модель исследования и развития креативности, в которую входят уровень, критерии, барьеры, а также способствующие факторы креативности личности, мотивация, личностные качества, где системообразующим качеством является креативность.

Цель исследования - выявить взаимосвязь креативности с личностными качествами и мотивацией. Исследование провели среди управленцев ($n=30$) частного сектора. Для выявления уровня креативности использовали методику Ф. Вильямса [3, с.102-106], тесты Кеттела и социально-психологических установок личности в мотивационно-потребностной сфере [2].

Результаты нашего исследования показали, что у управленцев уровень креативности выше среднего ($M=77$), у них высокие показатели по критериям беглости ($M=12$), оригинальности ($M=28$), по средним показателям у них высокая ориентация на результат ($M=7$) и свободу ($M=7$), ориентация на труд средняя ($M=7$): Корреляционный анализ показал, что у современных управленцев при ориентации на труд беглость ($r=-423$), гибкость ($r=-425$), креативность ($r=-327$) не проявляются. То есть получается, если управленец проявляет беглость, гибкость мышления, имеет высокий уровень креативности, он не ориентирован на труд, что труд сам по себе не приносит радости и удовольствия. Интересные взаимосвязи беглость с смелостью ($r=,404$), чувствительностью ($r=,435$), мечтательностью ($r=,390$), то есть при наличии этих личностных качеств управленцы могут предлагать многочисленные идеи. Взаимосвязь гибкости и интеллекта ($r=,389$) свидетельствует о том, при развитом абстрактном мышлении они гибкие, предлагают идеи, которые принадлежат к разным категориям. При высоком уровне гибкости управленцы сдержанны (отрицательная взаимосвязь между гибкостью и импульсивностью ($r=-,561$) в проявлении своих эмоций, действуют осторожно, поглощены своими идеями, легко отказываются от практических суждений, умеют оперировать абстрактными понятиями ($r=405$), энергичны, имеют повышенную мотивацию ($r=,447$). При высоком уровне оригинальности они сдержаны (импульсивность $r=-,366$) в проявлении в своих эмоциях, действуют осторожно, насторожены по отношению к людям ($r=0,346$), проявляют автономию, самостоятельность и независимость в социальном поведении. При высоком уровне креативности и творческом использовании языка они проявляют смелость ($r=,385$), предприимчивость, активность, способны принимать самостоятельные, неординарные решения, чувствительны ($r=,392$), впечатлительны, имеют художественное восприятие мира, развиты эстетические интересы.

В результате анализа наших данных можем определить, что взаимосвязь креативности с мотивацией и личностными качествами проявляется в разных видах деятельности по-разному. Особенно в управленческой деятельности для управленца ключевыми являются гибкость, оригинальность, креативность при наличии которых они проявляют такие качества как смелость, сдержанность, предприимчивость, самостоятельность, чувствительность, лидерство. Креативность как системное качество управленца обеспечивает новый путь достижения цели, результата.

1. Погосян С.Г. Креативное управление. Методическое пособие. Ереван. 2018. 80 с.
2. Райгородский Д.Я. Практическая психодиагностика. Методики и тесты. Учебное пособие. Самара: Изд. Дом "Бахрах-М". 2001. 672 с.
3. Туник Е. Лучшие тесты на креативность. Диагностика творческого мышления. СПб.: Питер. 2013. 320 с.

Исследование выполнено при финансовой поддержке Комитета по науке РА (проект № 21Т-5А103).

Лояльность к организации, карьерные ориентации и удовлетворенность трудом работников государственного учреждения с разным стажем работы

Карьера, мотивация труда, вовлеченность, личность профессионала

Социально-экономические условия развития современного российского общества повышают требования к эффективности труда работников государственных учреждений. Лояльность работников, удовлетворенность трудом и карьерой – важные инструменты для определения ключевых факторов, влияющих на продуктивность персонала. Для этого необходима оценка лояльности к организации, карьерных ориентаций и удовлетворенности трудом работников.

Целью исследования являлось определение лояльности к организации, карьерных ориентации и удовлетворенности трудом работников государственного учреждения с разным стажем работы.

Были использованы следующие методики: «Шкала организационной приверженности» (ШОП) Дж. Мейера и Н. Алена в адаптации Н.Н. Мельниковой, «Удовлетворённость трудом» (УТ) Н.Н. Мельниковой [1] и «Карьерные ориентации» (КарО) Н.Н. Мельниковой [2].

Выборка исследования включала в себя работников государственного учреждения, предоставляющего государственные услуги населению г. Санкт-Петербурга, в количестве 123 человек – 35 сотрудников со стажем работы до 1 года и 88 сотрудников со стажем работы более 3 лет.

С помощью t-критерия Стьюдента были получены следующие значимые различия между показателями шкал исследования у работников со стажем работы до 1 года и от 3 лет и более.

Между показателями организационной приверженности значимых различий обнаружено не было. Работники со стажем работы до 1 года и от 3 лет и более единодушны в своем уважительном и искреннем отношении к руководству, коллегам, их действиям, к учреждению в целом.

При оценке удовлетворенности трудом обнаружены значимые различия между показателями шкал «Внешние условия», «Условия труда» ($p \leq 0,01$). Работники со стажем работы до 1 года в большей степени удовлетворены такими внешними условиями работы, как физические условия, производственно-бытовые, оснащённость рабочего места, месторасположение и продолжительность отпуска.

Были обнаружены значимые различия между показателями карьерных ориентаций «Предпринимательство» и «Общая направленность на построение карьеры» ($p \leq 0,05$). Работники со стажем работы от 3 лет в большей мере, чем работники со стажем работы до 1 года, вносят в свои трудовые обязанности личные вклады, самостоятельность мышления. Накопленный со стажем работы профессиональный опыт способствует более ясному осознанию карьерной мотивации, что определяет и более высокие показатели общей направленности на построение карьеры.

Выводы. Работники государственного учреждения, предоставляющего государственные услуги населению г. Санкт-Петербурга, со стажем работы до года и более 3 лет лояльно относятся к своему учреждению, уважают свой коллектив. Работники со стажем до года в большей мере, чем работники со стажем более 3 лет, удовлетворены внешними условиями труда. Можно предположить, что работникам со стажем более 3 лет уже необходимы другие, более содержательные, мотивационные критерии удовлетворенности трудом. У работников со стажем работы более 3 лет в большей степени, чем у работников со стажем до года, выражена направленность на самостоятельность мышления и включенность в процесс работы.

1. Мельникова Н.Н. Методика диагностики удовлетворенности трудом // Современная психодиагностика России. Преодоление кризиса: сборник материалов III Всеросс. конф. по психол. диагн. / отв. ред. Н.А. Батулин. Челябинск: Издательский центр ЮУрГУ, 2015. Т. 1. С. 204–211.
2. Мельникова Н.Н. Щелокова Е.Г. Карьерная направленность: векторная модель диагностики и интерпретации // Европейский журнал социальных наук. 2012. № 2 (18). С. 270–277.

Жизненные события взаимодействия с другими людьми в сценарном и нарративном анализе

Индивидуальный сценарий, культурный жизненный сценарий, событие, ситуация, нарратив

Проблематика жизненного события как фактора динамики субъективных поведенческих стратегий и образов других людей остается одним из перманентно актуальных предметов психологических исследований, в т.ч. в условиях социальной транзитивности.

Трактовки феномена «событие» в российской психологии основаны на работах Б.Г. Ананьева и представителей его школы. Рассмотренный Б.Г. Ананьевым термин «со-бытие» как совместное бытие с Другими подразумевает изменение особенностей отношений человека с другими людьми и общения с ними [1].

Содержание концепта «жизненный сценарий» включает взаимосвязи прошлых событий и текущих жизненных ситуаций в субъективном восприятии. Цель авторского теоретического исследования заключалась в проведении сравнительного анализа различных концептуальных моделей интерпретации «типичных» и проблемных ситуаций и значимых жизненных событий посредством индивидуальных и культурных сценариев, представленных в биографических нарративах.

В сценарном анализе Э. Берна и К. Штайнера, имеющем психоаналитическую направленность, с 60-х-70-х гг. XX в. сценарий изучается в качестве бессознательной «программы» развития, опосредствующей поведение субъекта и принятие им решений в значимых жизненных ситуациях во взрослом возрасте, отбор и фиксацию значимых событий [2]. В рамках психоаналитически ориентированного трансгенерационного подхода А. Шутценбергер сценарий — это межпоколенческое воспроизведение поведенческих паттернов значимых членов семьи, покойных и ныне живущих, при наступлении соответствующих событий и ситуаций.

В фокусе внимания российских исследователей, рассматривающих сценарий в качестве феномена, отражающего осознанное планирование субъектом своей жизни, находятся культурные жизненные сценарии. Это когнитивные схемы, отражающие разделяемые членами данной социальной общности и усвоенные ими в социальном взаимодействии представления относительно «типичного» жизненного пути, событий и ситуаций, связанных с определенными временными периодами [3, 4]. В русле когнитивно-лингвистического подхода когнитивные сценарии — это ментальные схемы «типичных» ситуаций жизнедеятельности, событий, повторяющихся в коммуникации, и связанных с ними последовательностей стереотипизированных действий (скриптов), выражаемых вербально. Проведены российские исследования взаимосвязей индивидуальных сценариев и системы отношений личности. В течение последних четырех десятилетий в зарубежной и отечественной литературе разработан нарративный анализ индивидуального опыта переживания сценарных и внесценарных биографических событий и ситуаций.

Результаты авторского теоретического исследования свидетельствуют о том, что наиболее продуктивным становится подход к сценариям, основанный на теоретико-методологических принципах нарративной психологии и психологии отношений, позволяющих раскрыть динамику сценариев и биографических нарративов одновременно в течение определенного жизненного периода. Это может составить предмет дальнейших эмпирических исследований.

1. Ананьев Б.Г. *Человек как предмет познания*. СПб.: Питер, 2002. 288 с.

2. Берн Э. *Люди, которые играют в игры*. М.: Эксмо, 2002. 576 с.

3. Костромина С.Н., и др. *Идентификация с субкультурой своего поколения и поколения родителей как фактор выстраивания жизненного сценария молодыми людьми // Материалы междунар. науч. конф. "Психология субкультуры: феноменология и современные тенденции развития"*. М.: Российский государственный гуманитарный университет, 2019. С. 67-71.

4. Нуркова В.В. *Жизнь — инструкция по применению: результаты графической экспликации Культурного Жизненного Сценария // Международный журнал исследований культуры*. 2018. № 1 (30). С. 55-73.

**Трансгенерационное влияние домашнего насилия:
потенциал применения проективных методов в парадигме
качественных исследований в психодинамическом подходе**

Домашнее насилие, проективные методики, качественные исследования, диада мать-ребенок

Домашнее насилие неблагоприятно воздействует не только на прямых жертв, но и на свидетелей, среди которых дети [5]. Также установлено трансгенерационное воздействие домашнего насилия [1,4], что свидетельствует о переносе установленных семейных отношений на последующие поколения [2].

В рамках исследования "Домашнее насилие: позиция матерей-жертв и судебные решения" (VIC-PADEJ) мы анализируем взаимоотношения между матерью и ребенком с целью выявить наличие трансгенерационного воздействия контекста домашнего насилия на тех, кто был его жертвой. Предполагается, что качество и особенности взаимоотношений до и после травмирующего события играют ключевую роль в психологическом и психосоциальном развитии ребенка-свидетеля насилия.

Лонгитюдное междисциплинарное исследование "Домашнее насилие: родительская позиция матерей-жертв и судебные решения", включающее специалистов в области психологии, социологии и права, направлено на анализ родительской позиции матерей, детям которых назначена судебная мера педагогической поддержки. Выборка состоит из 13 матерей, находящихся под опекой соответствующих ассоциаций, и 6 детей в возрасте от 4 до 12 лет, подвергшихся домашнему насилию и находящихся под юридической защитой.

Процедура исследования включает в себя три встречи с участниками в течение года (1, 6 и 12 месяцев), включая клинические интервью, проективные тесты (ТАТ и генограммы) и использование шкалы привязанности для матерей [3]. Взаимодействие с детьми предусматривает две встречи, где применяются САТ или ТАТ в соответствии с возрастом ребенка, а также рисунки семьи.

Сравнительный анализ результатов ТАТ/САТ в диадах мать-ребенок указывает на преобладание таких защитных механизмов, как избегание и подавление, а также позволяет выявить хрупкость представлений субъектов об их телесной оболочке. В одной из диад явным образом выступили параноидальные особенности функционирования психического аппарата как у матери, так и у ребенка. Мы предполагаем, что структурная хрупкость нарциссизма матерей может влиять на формирование неустойчивого образа себя у детей.

Тенденция к обесцениванию отцовской фигуры заметна в данных взрослых и детей, но в представлениях об отце у детей в большей степени наблюдается амбивалентное отношение к отцовской фигуре. Выделено сильное чувство незащищенности и беспомощности у обоих участников диад, что ставит вопрос о роли внутреннего образа отца в контексте домашнего насилия.

Использование проективных методов в анализе матери-ребенок помогло выявить общую тревожность, трансгенерационную передачу страха и чувства бессилия перед лицом агрессивного поведения, а также способствовало глубокому пониманию трансгенерационных процессов, влияющих на особенности взаимоотношений в диаде мать-ребенок.

1. Duval P., et al. *Effect of Perceived Parent Child Relations on Adjustment of Young Women Exposed to Intimate Partner Violence During Childhood // Aggression and Violent Behavior, 2019, 47, p. 274-281.*
2. Granet-Lambrechts F., et al. *Les violences conjugales. Bilan des dispositifs et propositions d'amélioration // Mission de recherche Droit et Justice, Université de Strasbourg, 2016.*
3. Guédeney N., et al. *La version française du Relationship Scales Questionnaire de Bartholomew (RSQ, Questionnaire des échelles de relation): étude de validation du construit // L'encéphale, 2010, 36(1), c. 69-76.*
4. Metz C., Silhan D. *L'enfant exposé aux violences conjugales: une maltraitance destructrice et insidieuse // Dialogue, 2021, 232, c.115-134.*
5. Paul O., et al. *Prentification des enfants exposés à la violence conjugale, développement socio-affectif et symptômes de stress post-traumatique // La revue internationale de l'éducation familiale, 2020, 48, c. 183-209.*

Institut des Etudes et de la Recherche sur le Droit et la Justice.

Образ будущей предпочитаемой идентичности предпринимателя с учетом разной психологической дистанции

Полинарративный подход, психологическая дистанция, конструирование идентичности, рефлексивная перспектива

В России по данным статистики ФНС из микро-бизнеса в малый имеет способность вырасти и перейти всего 1% предпринимателей. Для перехода из микро-бизнеса на следующий уровень нужен опыт решения задач, требующий другого масштаба когнитивных схем, идентичности [1]: расширить идентичность (И) до уровня группового «Я=МЫ», и продлить ее до проектов, соизмеримых с «делом жизни», то успех порождает и закрепляет такой сценарий ведения бизнеса. Возникает вопрос: «Можно ли при помощи коучинга увидеть наличие этого сценария в репертуаре предпринимателя или поспособствовать его постановке»? «Дело жизни» – личный проект (ЛП) в далекой временной перспективе, а значит уровень абстрактности его велик [4], что снижает возможности планирования в краткосрочной перспективе и формирование актуальной позиции «реализующего дело жизни в ежедневных задачах». С этой целью мы изучали снижение психологической дистанции (ПД) [2], актуализацию максимально широкой для предпринимателя рефлексивной схемы, посредством коммуникативного (КС) и функционального свидетельствования (ФС) решения им задач своих актуальных ЛП.

Качественное исследование проведено в парадигме множественного кейс-стади. Целью работы было изучение динамики отношения предпринимателя к делу жизни при КС и ФС. Мы использовали метод управления ПД [2], по мере конструирования перспективного образа будущего. Наблюдали динамику субъективной достижимости целей различных этапов ЛП в сфере предпринимательства в длительной временной перспективе [4], и широком социальном масштабе в процессе КС и ФС будущей И [1], посредством: 1) Снижения ПД посредством анализа контекста решаемых задач на разных этапах, 2) КС позиции через обращение к собеседнику через будущую идентичность, 3) ФС инструмента через постановку задач проекта на ближайшую неделю.

Путь к мечте «дела жизни» мы разделили на три этапа. Мету достижимости мечты анализировали по 5 параметрам: 1) наличие/отсутствие для ее достижения ресурсов, инструментов, опыта; 2) важности для себя и значимости для других; 3) степени уникальности; 4) насущной необходимости; 5) возможности согласовать с другими жизненными проектами.

Анализ будущих предпочитаемых И позволил обнаружить: у автор-агента широкую идентичность «Я=МЫ»; у агентов и одного актер-агента валюацию создания дела с пользой для других и личным следом в истории; у второго актер-агента и актера, образ не функционален, описан свойствами, деятельность имитировалась прото-актер не смог актуализировать будущее предпочитаемое «я». 4

Оценки барьеров и трансформационного потенциала сразу после сессии показали: задачи стали восприниматься менее трудными, более значимыми, желательными и менее препятствующими другим проектам. КС в ряде случаев повысило рефлексивную перспективу (РП). Описательные статистики ФС и КС показали, что мера достижимости мечты «дела жизни» после сессии значительно возрастает и изменение меры при ФС значительно выше, чем при КС. Показатели осмысленности жизни после КС и ФС значимо увеличилась, особенно по параметру «наличие целей».

Выводы: 1) Наиболее эффективно КС для представителей актер-агентской и агентской РП, для более широкой перспективы данная коуч-сессия необязательна, а для актерской перспективы – вредная имитация; 2) КС актуализирует предпочитаемое будущее я, ФС уменьшает ПД до мечты и делает задачу более реалистичной; 3) КС и ФС дает прирост субъективному ощущению "общей осмысленности жизни".

Практически с точки зрения полинарративного подхода [1]: функциональное взаимодействие предпринимателя возможно при наличии когнитивной схемы «мотивированного агента» [3], или более высокоуровневой; при использовании схемы «социального актера» деловой процесс имитируется; актуализация будущего я предпринимателя возникает при КС; конструирование будущего я предпринимателя возникает при ФС;

Варианты рабочей РП для предпринимателя: агент с командой актер-агентов в рамках идентичности, агент является партнером автор-агента, автор-агент с командой агентов.

1. Зайцева Ю.Е. Я-нарратив как инструмент конструирования идентичности: экзистенциально-нарративный подход // Вестник СПбГУ. Сер. 16. 2016. Вып. 1 с. 118–136.
2. Кривошеина И.В., Котов А.А. Теория конструктов разного уровня Н. Либерман и Я. Троупа // Социальная психология и общество. 2016. Т. 7. № 4. С. 5–18.
3. McAdams D.P. The Psychology of Life Stories // Review of General Psychology. 2001. 5, № 2, p. 100–122.
4. Trope Y., Liberman N. Construal-Level Theory of Psychological Distance // Psychological Review. 2010. Vol. 117. № 2. P. 440–463.

Благодарность в контексте детско-родительских отношений: качественное исследование

Детско-родительские отношения, благополучие, благодарность, учебная мотивация

Семья с детства оказывает влияние на развитие человека. Проблеме детско-родительских отношений (ДРО) посвящено большое количество исследований, но большинство из них уделяют внимание влиянию ДРО в детстве и подростковом возрасте (Карабанова, 2014; Wang, Huebner, 2021 и др.). Однако часть исследователей показывает, что ДРО могут оказывать влияние на человека и в студенческом возрасте, в том числе на учебную мотивацию, благополучие (Schwanz et al., 2016; Wei et al., 2022; Guo, 2023 и др.).

Теория самодетерминации Э. Диси и Р. Райана в данной работе взята за основу рассмотрения благополучных ДРО с точки зрения поддержки автономии родителями и проявлений психологического контроля [5]. Благодарность является составляющей психологического благополучия, связана с удовлетворенностью жизнью (Peterson, Seligman, 2004), способствует укреплению физического и психологического здоровья, уменьшению симптомов депрессии, психопатологических симптомов (Alcozei et al., 2018). Поэтому в было принято решение уделить внимание именно ей.

Основной методикой исследования стало «Письмо благодарности родителям», модификация предложенного М. Селигманом упражнения «Письмо благодарности» [1]. В используемой методике студентам предлагалось в свободной форме (5-7 предложений) написать о том, за что они благодарны своим родителям (N=215). В письмах было выделено 12 категорий и проведен анализ значимости различий во встречаемости этих категорий с помощью критерия Хи-квадрат у студентов четырех групп: с низким и высоким уровнем позитивного аффекта [3] и автономии, проявляемой родителями пока они росли [4]. Респонденты с низким уровнем автономии значимо чаще использовали категорию «финансы и обеспеченность» и негативные высказывания, реже благодарили за психологическую поддержку, любовь, заботу в отличие от группы с высоким уровнем. Участники, имеющие низкий уровень позитивного эффекта, реже благодарили родителей за психологическую поддержку и поддержку их целей. Письма также были разделены на две категории: позитивные (включающие только позитивные высказывания) и негативные (описание негативных моментов ДРО или отсутствие письма). Для анализа различий между группами использовался критерий Манна-Уитни для двух независимых выборок. Анализ показал, что негативные письма написали респонденты, имеющие более высокий уровень амотивации [2] и негативного аффекта, родители которых чаще проявляли психологический контроль. По итогам корреляционного анализа значимых связей количества слов и символов с другими показателями обнаружено не было. Однако сумма используемых позитивных категорий положительно связана со всеми шкалами блока автономии, позитивным аффектом, и отрицательно со шкалами блока контроля.

Полученные результаты отражают наличие большого количества позитивных моментов с родителями в семьях студентов, где им предоставляли выбор, объясняли причины запретов и требований, принимали чувства. Такие респонденты в целом сосредоточены на позитивных сторонах ДРО и духовных благах (психологической поддержке, любви), имеют более высокий уровень благополучия и продуктивный тип мотивации. Полученные результаты отражают долгосрочное влияние ДРО, в том числе в студенческом возрасте.

1. Бонивелл И. Ключи к благополучию. М.: Время, 2009.
2. Гордеева Т.О., Сычев О.А., Осин Е.Н. Опросник «Шкалы академической мотивации» // Психологический журнал. 2014. Т. 35. № 4. С. 98–109.
3. Осин Е.Н. Измерение позитивных и негативных эмоций: разработка русскоязычного аналога методики PANAS // Психология. Журнал Высшей школы экономики. 2012. Т. 9. №4. С. 91–110.
4. Mageau G.A., et al. Validation of the Perceived Parental Autonomy Support Scale (P-PASS) // Canadian Journal of Behavioural Science. 2015. 47. P. 251–262.
5. Ryan R.M., Deci E.L. Self-Determination Theory and the Facilitation of Intrinsic Motivation, Social Development, and Well-Being // American Psychologist, 2000, 55(1), p. 68–78.

Эмоциональный интеллект старшеклассников в полидискурсивном коммуникативном пространстве

Эмоциональный интеллект, несогласованность, социально-психологическая адаптация, полидискурсивная коммуникация

Научное психологическое сообщество активно обращается к теории эмоционального интеллекта в попытке найти предикторы психологической устойчивости и социальной адаптации подростков в современном мире. В основе большинства методов диагностики эмоционального интеллекта лежит предположение о наличии единого для общего социокультурного пространства способа выражать, распознавать, понимать, управлять эмоциями. Методики стандартизируются и нормируются на больших выборках [2; 5]. Однако контекстом жизни современного молодого человека выступает множественность социокультурных пространств (полидискурсивность). Единственность этого множества сред не создает для человека единого контекста, для адаптации к которому он бы мог в процессе социализации сформировать устойчивую систему установок поддержания общекультурного социального договора, не задает единого дискурса, общего формата межличностных отношений, и их иерархии [1]. Теперь человеку недостаточно знать общие правила эмоционального языка. Более важным коррелятом социально-психологической адаптации может выступать согласованность человека со своей малой референтной группой по ее собственным, уникальным правилам и способность освоить и применить новые правила при коммуникации с другой группой. Приведет ли чрезмерная гибкость и отсутствие единой модели коммуникативных стандартов к росту дезадаптации, возникновению замкнутых микрогрупп, или увеличит адаптационные возможности современных старшеклассников? Для проверки данных предположений мы воспользовались материалами русскоязычной версии теста Дж. Мэйера, П. Сэловея и Д. Карузо «Эмоциональный интеллект» (MSCEIT-YRV) в адаптации Сергиенко Е.А., Хлевная Е.А., Киселева Т.С., но анализ проводился не по стандартизированным нормам [2], а качественно и количественно оценивалась мера несогласованности в ответах на тест эмоционального интеллекта внутри малой группы старшеклассников. Оценивалась и мера социально-психологической адаптации старшеклассников по опроснику СПА Роджерса-Даймонда (в адаптации А.К. Осницкого, 2004). Далее мы провели 24 очные встречи, сгруппировав участников по пять человек, в которых фиксировали их способности в игровой коммуникации выражать и распознавать аффективные компоненты историй друг друга: заданную экспериментатором эмоцию, выбранную самостоятельно эмоцию, валюацию [4].

Целью работы выступало установление взаимосвязи: способности к выражению и распознаванию аффективных компонентов историй, меры несогласованности проявлений эмоционального интеллекта и самооценки социально-психологической адаптации старшеклассников. Выборку исследования составили 58 учеников 10-11 классов школ Санкт-Петербурга, юноши (55,2%) и девушки (44,8%) в возрасте от 16 до 18 лет. Были получены данные подтверждающие гипотезы: о наличии взаимосвязи меры несогласованности проявлений эмоционального интеллекта со способностью распознавать аффективные компоненты историй; о наличии обратной взаимосвязи меры несогласованности проявлений эмоционального интеллекта и уровня социально-психологической адаптации; о том, что способность распознавать валюацию в рассказе собеседника в большей степени связана с адаптацией старшеклассников, чем способность распознавать и выражать эмоции. Таким образом, не только низкий ЭИ, но и несогласованность проявлений эмоционального интеллекта в малой группе можно рассматривать как важный предиктор коммуникативной дезадаптации старшеклассников в полидискурсивном коммуникативном пространстве.

1. Зайцева Ю.Е. "Это не Адам становится меньше, просто дерево растет": методологические заметки об изменчивом человеке в изменчивом мире (по мотивам одной рецензии) // Вестник Санкт-Петербургского университета. Психология. 2019. Т. 9. № 4 С. 346-358.
2. Сергиенко Е.А., Ветрова И.И. Эмоциональный интеллект: модель, структура теста (MSCEIT V2. 0), русскоязычная адаптация. М.: Институт психологии РАН. 2009.
3. Hermans H.J.M. *The person as a motivated storyteller*. Westport, CT: Praeger Publishers. 2002.
4. Mayer J.D., Salovey P., Caruso D. R. *Mayer-Salovey-Caruso emotional intelligence test: Youth research version manual (MSCEIT: YRV Manual)*. Toronto, Ontario: MHS. 2014.

Полидискурсивное коммуникативное пространство в контексте качественных исследований

Полидискурсивность, нарратив, дискурс, коммуникативное пространство

Одним из объектов качественных исследований является текст, как продукт речевой деятельности, характеризующийся цельностью и связностью. Текст структурируется по правилам дискурса – языка и совокупностью социальных практик его использования для решения коммуникативных задач. Дискурс задает схему будущего текста и его контекстуальные координаты – лингвистические, ситуационные, культурные. Дискурс, основанный на прошлом языковом опыте, представляет собой проектирование будущего опыта на материале непосредственно переживаемой коммуникативной ситуации [2]. В связи с чем идентификация дискурса, по правилам которого создается анализируемый текст, является важной задачей для психолога, ведь понимание ключей дискурса, его предписаний и запретов позволяет получать важный диагностический материал.

Коммуникативное пространство является полидискурсивным, т.е. подразумевающим одновременное сосуществование различных языковых практик, определяющих речевое поведение участников коммуникации. Проблематика полидискурсивности является объектом междисциплинарных исследований. В рамках филологического подхода полидискурсивность понимается как совокупность дискурсов, ограниченная материальными, социальными, территориальными, хронологическими и когнитивными рамками. Философы предлагают понимать полидискурсивность как совокупность языковых практик, позволяющих концептуализировать действительность, порождать способы восприятия, интерпретации и описания событий [4].

В эпоху модерна полифония дискурсов подчинялась строгой иерархии, когда дискурс более широкого уровня включал в себя дискурсы, являющиеся по отношению к нему подчиненными субъективными, что позволяло участникам коммуникации придерживаться единого смысла используемых ими знаков. Контекст жизни современного общества, функционирующего в рамках парадигмы постмодерна, определяется множественностью социокультурных пространств, где разворачиваются коммуникативные ситуации. Каждое из этих пространств транслирует собственные способы для описания и интерпретации происходящего. Отсутствие единой системы правил, определяющих право того или иного дискурса выступать в качестве текстопорождающей единицы, фактически приводит к тому, что смысл высказанного не может быть понят вне контекста коммуникативной ситуации, т.е. задач, которые решает рассказчик, определения позиции рассказчика по отношению к собеседникам – как, кем и кому рассказывается история, аффективного тона высказывания или валюации рассказчика [3]. В связи с этим анализ текста необходимо проводить с учетом характеристик неиерархизированного полидискурсивного коммуникативного пространства, что требует разработки нового инструментария.

Одним из таких инструментов является полинарративный анализ личных историй, ориентированный на изучение личного нарратива как диалогического, порождаемого здесь-и-сейчас, не обязательно устойчивого во времени, но находящегося в стадии совместного конструирования в условиях решаемой коммуникативной задачи и актуализированного контекстом социального дискурса [1].

1. Зайцева Ю.Е., Горюнова Ю.В. Полинарративный подход к анализу личных историй // *Материалы III Междунар. конф. по консультативной психологии и психотерапии, посвящ. памяти Ф.Е. Василюка "Консультативная психология: традиции и новации"*, 2023, Москва. – М.: ФГБОУ ВО МГППУ. С. 125–130.
2. Касавин И.Т. Текст. Дискурс. Контекст. Введение в социальную эпистемологию языка М.: Канон+, 2008. 437 с.
3. Херманс Г. Личность как мотивированный рассказчик: теория валюации и метод самоконфронтации // *Постнеклассическая психология. 2006–2007. Т. 3, № 1. С. 7–53.*
4. Хорошилов Д.А. Психология социального познания в изменяющемся обществе: дис... д-ра психол. наук: 19.00.05. – Москва, 2021.

Особенности представлений о культурно-жизненном сценарии у представителей разных поколений

Культурный жизненный сценарий, поколения, полидискурсивность, линия жизни

Поднятый в свое время Н. Островским вопрос о том, «как прожить жизнь так, чтобы не было мучительно больно за бесцельно прожитые годы» в условиях неиерархизированной полидискурсивности коммуникативного пространства является одним из наиболее актуальных для современного человека. Культурно-историческая психология исходит из того, что представления о жизненном пути формируются посредством влияния общих культурных предписаний, которые воплощаются в биографиях отдельно взятых людей. Инструмент, с помощью которого строится примерный жизненный путь человека, получил название культурного жизненного сценария (далее по тексту – КЖС), под которым понимается культурно обусловленное семантическое знание об ожидаемом в конкретный социально-исторический период событийном составе человеческой жизни, включающее в себя нормативное распределение событий во времени, а также оценку их значимости, валентности и частотности [2]. Выводы прошлых исследований говорят о схожести КЖС у представителей одной культуры, но не об их идентичности. В свете изменчивости культурных-исторических парадигм особый интерес представляют различия представлений о КЖС у представителей разных поколений. Однако, такие исследования носят крайне ограниченный характер, что обуславливает актуальность заявленной темы.

Цель исследования: изучение представлений о КЖС у представителей разных поколений. Объект исследования: графическая экспликация КЖС у представителей разных поколений, предмет: особенности представлений о КЖС у представителей разных поколений. Гипотезы: существуют различия в КЖС у представителей поколений Z (20-42 лет) и X (43-57 лет) по аффективному тону событий, у представителей поколения Z КЖС является более дифференцированным по сравнению с КЖС представителей поколения X.

Выборка исследования: n=22 (17 Ж и 5 М) в возрасте от 20 до 57 лет (ср. возр. 48 лет) разделена на две равные группы: группа молодых людей – Z (n=11, в возрасте 20-43) группа взрослых – X (n=11 в возрасте 43-57). Такой диапазон возрастов взят в соответствии с теорией поколений Штрауса-Хоува [3]. Исследование проводилось с помощью модифицированной методики «Линия жизни типичного человека» В.В. Нурковой [1]. Анализ данных сочетал качественный и количественный метод, в настоящей работе будут представлены результаты качественного анализа полученного материала.

Результаты исследования:

1. В группе представителей поколения Z наблюдается более дифференцированный культурный жизненный сценарий по сравнению с группой X. Среди представителей поколения X происходит более тщательный отбор событий, понимаемых как жизненно значимых.

2. Для исследуемых групп характерна репрезентация КЖС преимущественно через призму положительных событий, однако, представителей поколения Z в большей степени представлены события негативного аффективного тона.

3. Наиболее часто упоминаемые в культурном жизненном сценарии события у обеих групп соотносятся с темой семейных отношений.

4. Для обеих групп характерна ориентация указание событий, связанных с темой семьи и отношений, однако у представителей поколения Z заметно выделяется направленность на профессиональное становление.

1. Нуркова В.В. Жизнь инструкция по применению: результаты графической экспликации Культурного Жизненного Сценария // *Международный журнал исследований культуры*. 2018. 1 (30). С. 56-73.
2. Berntsen D., Rubin D.C. Cultural life scripts structure recall from autobiographical memory // *Memory & Cognition*. 2004. Vol. 32, № 3. DOI: 10.3758/BF03195836.
3. Strauss W., Howe N. *The Fourth Turning: An American Prophecy — What the Cycles of History Tell Us About America's Next Rendezvous with Destiny*. N.Y.: BroadwayBooks. 1997.

Критерии оценки личных проектов в нарративе удовлетворенности состоянием дел

Нарратив, личные проекты, удовлетворенность, коммуникативная нормотипия

Современной психологии присущ интерес к феноменам субъективного благополучия, удовлетворенности, счастья. Удовлетворенность человека своей жизнью связывают и с определенными личностными чертами, и с ситуативным наличием партнера и хороших материальных условий [1]. Но традиционные методы часто оказываются неспособны ухватить феномен счастья в его динамике, с учетом далекой и близкой временной перспективы: почему мечта, к которой человек долго идет, будучи реализованной не приносит ожидаемого счастья, а часть оборачивается разочарованием? Для реализации таких исследовательских задач лучше подходит качественный анализ личных нарративов – когнитивных схем репрезентации развивающихся во времени социальных процессов [3].

С целью выявления критериев удовлетворенности личными проектами разного масштаба мы проанализировали способность человека рассказать историю своего успеха в зависимости от критерия оценки, рефлексивной перспективы и временного масштаба решаемой задачи [2]. Приняли участие 30 человек от 22 до 53 лет ($M=32,5$; $SD=7,92$). Использовался метод выявления и оценки личных проектов Б. Литтла в модификации Ю.Е. Зайцевой, респонденты оценивали по одному делу из значимых для них, завершенных или планируемых к завершению в течении дня, недели, месяца, года, 5 лет и всей жизни (в прошлом и в будущем соответственно) и писали расширенный комментарий о том, какую задачу они решают/решили с помощью этого дела. Далее оценивалась удовлетворенность каждым из 12 дел по 4-балльной шкале, а мера удовлетворенности пояснялась с помощью выбора двух из шести критериев (чем из этого удовлетворен, чем не удовлетворен): «Корректность выполнения», «Актуальность для других людей», «Количество потраченных ресурсов», «Своевременность», «Удовольствие от процесса», «В какой мере выражает меня». Также респонденты давали расширенное устное пояснение к своему выбору. Всего проанализировано 356 описаний и оценок прошлых и будущих дел.

С помощью контент-анализа были проанализированы 356 описаний личных проектов на предмет абстрактности/конкретности речевых конструктов, и меры процессуальности/завершенности задач. Люди с агентской перспективой (12 чел.) демонстрировали более высокую, чем люди с актерской (18 чел.) оценку удовлетворенности своими делами ($U=58,5$; $p=0,035$). Люди с агентской перспективой значимо чаще формулировали успешные дела и проекты конкретно ($\chi^2=26,877$; $p<0,001$) с указанием на завершенность ($\chi^2=11,628$; $p<0,001$), а люди с актерской перспективой абстрактно ($\chi^2=11,159$; $p<0,001$), с указанием на процессуальность ($\chi^2=5,582$; $p=0,018$). При этом значимо конкретней писали дела в перспективе дня ($p=0,003$), чем недели ($p=0,016$), а в завершенности различия были выше в перспективе 5 лет ($p=0,005$), по сравнению с делами всей жизни ($p=0,043$). Факторный анализ методом главных компонент с варимакс-вращением по 6 критериям оценки дел позволил выявить 3 фактора (77,6% дисперсии), обозначенные нами как: этическая (критерии: «Корректность выполнения» (0,942), и «Актуальность для других людей» (0,630)); прагматическая (критерии: «Количество потраченных ресурсов» (-0,775), «Своевременность» (0,671)) и эстетическая (критерии: «Удовольствие от процесса» (0,893), «В какой мере выражает меня» (0,850)) нормотипии. Последнее позволяет говорить о трех различных критериях, на основании которых респонденты ожидают от слушателя оценки успешности своих личных проектов при рассказе личных историй. Попытка получить оценку сразу по нескольким из них, обобщенную по близкой и далекой перспективе, описанную абстрактно и процессуально снижает субъективную удовлетворенность от завершенного дела.

1. Андреевкова Н.В. Сравнительный анализ удовлетворенности жизнью и определяющих ее факторов // Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. 2010. № 5 (99). С. 189-215.
2. Зайцева Ю.Е., Горюнова Ю.В. Полинarrативный подход к анализу личных историй // Материалы III Междунар. конф. по консультативной психологии и психотерапии, посвящ. памяти Ф.Е. Василюка "Консультативная психология: традиции и новации", 2023, Москва. – М.: ФГБОУ ВО МГППУ. С. 125–130.
3. Рикёр П. Время и рассказ. В 2 т. Т.1. СПб.: Университетская книга, 2000. 313 с.

Призвание в историях профессионального становления: как читать и зачем писать

Призвание, нарратив, история становления, профессиональное становление

В настоящее время при осмыслении своего профессионального опыта люди часто используют когнитивную схему «призвание». Особенностью данной схемы является представление о существовании единственной («той самой») сферы профессиональной деятельности, в которой человек сможет реализовать себя в полной мере. В современной парадигме постмодерна это представление культивируется. Данная парадигма говорит о том, что у каждого человека может быть своё призвание, нужно лишь его найти, но при этом конструирование социальной (в том числе профессиональной) идентичности часто стоит под запретом [1,2]. При этом современные молодые люди часто оперируют понятием «призвание» для того, чтобы объяснить переход из одной сферы деятельности в другую. Для того, чтобы оценить, как данная схема влияет на осмысление собственного профессионального опыта, конструирование личных историй профессионального становления и оценку историй других людей нами было проведено исследование, проверяющее гипотезы: (а) существуют дискурсивные предписания, как человек должен рассказывать историю своего профессионального становления, чтобы получить одобрение у слушателя (читателя); (б) респонденты чаще будут положительно оценивать истории, где была использована когнитивная схема «призвания», нежели истории, где такая схема не прослеживается; (в) осмысленность и общая удовлетворенность жизнью у респондентов, использующих когнитивную схему «призвания» выше, чем у респондентов, не использующих её. На первом этапе исследования у респондентов дискурсивно актуализировали тему «призвания» с помощью конструирующего вопроса о том, больше ли 5 часов в неделю они уделяют своему призванию и довольны ли этим, после чего им предлагалось написать краткую историю своего профессионального становления и пройти тесты: Краткая шкала призвания (BCS, Dik, Eldridge, Steger, & Duffy, 2012); Шкала реализации призвания (LCS, Duffy, Bott, Allan, Torrey, & Dik, 2012); СЖО (Д.А. Леонтьева); Шкала удовлетворенности жизнью Динера (Д.А. Леонтьев, Е.Н. Осин, 2003). На втором этапе респондентов просили представить себя в позиции менеджера по персоналу и оценить четыре истории профессионального становления других участников, аргументируя решение принять и/или не принять его на должность. Участниками исследования были 41 человек (26 ж., 15 м., в возрасте от 18 до 62 лет, ср. возраст 32,95 года, ст. откл. – 9,1 года); во втором этапе – 26 человек.

По итогу качественного анализа в текстах респондентов выделены особые слова и фразы, которые могут быть классифицированы как маркеры использования когнитивной схемы «призвания». Тема «призвания» в истории успеха строится по следующей схеме: а) рассказ должен содержать указание на то, что человек идентифицирует себя с той сферой, о которой рассказывает, и гордится этим; б) в рассказе человек должен показать, что данная сфера является неотъемлемой частью его жизни, и он готов уделять ей максимум своего времени; в) человек должен рассказать о том, что та сфера, которую он представляет как призвание, у него хорошо получается и отметить, что в дальнейшем он хочет в ней профессионально развиваться. История поражения – включать описание отказа от текущей идентичности через определение «не мое». Различия в самооценке наличия, поиска и реализации призвания у тех, кто использует когнитивную схему «призвание» в истории профессионального становления не обнаружено (U-Манна-Уитни). Респонденты статистически значимо чаще положительно оценивали («принимали на работу») истории становления с позитивным тоном нарратива ($X^2=15.568$, $p<0.001$), с прослеживающийся в тексте идентичностью ($X^2=13.071$, $p=0.002$) и с наличием когнитивной схемы «призвания» ($X^2=8.078$, $p=0.018$). Таким образом, фактор использования когнитивной схемы «призвания» оказался значимым для оценки историй других участников, но более значимыми оказались факторы наличия идентичности и позитивного тона нарратива в теме становления.

1. Зайцева Ю.Е. Горюнова Ю.В. Жизненный сценарий молодых людей в полинарративной перспективе: культурные запреты и предписания постмодерна // Петербургский психологический журнал. 2021. № 31. С. 89-132.
2. Мартынова Н.А. Трансформация профессиональной этики в эпоху постмодерна // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение // Вопросы теории и практики. 2013. № 10-2. С. 112-115.

Изменения пользовательской активности в условиях трансформации современного информационного пространства России

Пользовательская активность, современное информационное пространство, миграция в Интернете

За прошедший год информационное пространство России значительным образом трансформировалось и продолжает меняться, что отражается на пользовательской активности. Мы выделили несколько аспектов происходящих преобразований.

1. Нарастает столкновение вертикальной государственной и горизонтальной негосударственной информационных систем. При этом власти пытаются выстраивать взаимодействие с новыми медиа и создавать помимо официальных сайтов собственные ресурсы нового формата.

2. Появились ограничения доступа к ряду ресурсов и информации: суд признал компанию Meta* экстремистской организацией, а Facebook* и Instagram*, Twitter* оказались запрещены в РФ. Кроме того, вступили в силу ФЗ № 149 Об информации, информационных технологиях и о защите информации, ФЗ № 32 «О внесении изменений в УК РФ и статьи 31 и 151 УПК РФ, поправки в КоАП РФ Статья 6.21. Пропаганда нетрадиционных сексуальных отношений и (или) предпочтений, смены пола. Регулярно пополняется реестр иноагентов. Все это, на наш взгляд, может привести к самоцензурированию контента пользователей.

3. Наиболее популярными социальными сетями и мессенджерами по результатам опроса ВЦИОМ [1] на территории РФ в апреле 2022 были WhatsApp (87%), YouTube (75%), «ВКонтакте» (62%), Telegram (55%) и «Одноклассники» (42%). Был отмечен значительный отток пользователей российского сегмента из Instagram* (запрещённой в РФ). Наибольший приток пользователей из Instagram* был отмечен в Telegram, ставший лидером прироста аудитории в 2022 году среди всех социальных сетей и мессенджеров.

4. Чтобы подключиться к ресурсам с ограниченным доступом, пользователям приходится использовать различные сервисы VPN, которые нужно периодически менять, так как они перестают работать, или выключать, т.к. они влияют на работу других приложений и сервисов, разрешенных на территории России.

5. Отмечается нарастание милитаризации информационного пространства. Сложно найти медиа, как проправительственные, так и оппозиционные, которые бы на регулярной основе не освещали события, связанные с СВО. И даже пространство города активно вовлекается в это – большое количество билбордов, различные тематические фестивали, места сбора гуманитарной помощи свидетельствуют об этом.

6. Происходят отмены некоторых и/или перенос на неопределенный срок мировых кинопремьер, концертов как зарубежных, так и ряда российских исполнителей, театральных постановок и выставок, а также снимаются с продажи некоторые книги и цензурятся фильмы и сериалы, ранее загруженные в онлайн-сервисы. Все это, возвращает нас к проблеме информационного пиратства.

7. Распространение таких явлений как думскроллинг/думсерфинг, хейта в пространстве социальных сетей, распространение ботов, которых очень сложно идентифицировать как таковых.

Все вышеперечисленное подвело нас к тому, что мы начали исследование «миграционных трендов» в информационном пространстве, на примере пользовательской активности в социальных сетях. В феврале и марте 2023 нами было проведено 27 структурированных интервью среди подростков и молодежи в возрасте от 16 до 24 лет (средний возраст респондентов 19 лет). Анализ ответов показал, что за последний год 21 (77,78%) участник исследования ответили, что меняли свою «дислокацию», удаляли/восстанавливали аккаунт, закрывали/открывали страницу, регистрировались в новой для себя социальной сети по ряду объективных (ограничение доступа и сложности с подключением, дефицит времени, столкновение с хейтом и т.д.) и субъективных (возникновение страха, тревоги, раздражения, потеря интереса и т.д.) причин. Теперь мы ставим перед собой задачу разработать и апробировать закрытый опросник для продолжения исследования миграционных трендов в социальных сетях.

1. Российская аудитория социальных сетей и мессенджеров: изменения на фоне спецоперации. –

URL: <https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/rossiiskaja-auditorija-socialnykh-setei-i-messendzherov-izmeneniya-na-fone-specoperacii> (дата обращения: 01.06.2023).

Исследование выполнено в рамках госзадания FNRE-2021-0001.

Деструктивное информационное воздействие как способ деформации правового сознания и правовых отношений в обществе

Деструктивное воздействие, стокгольмский синдром, манипуляция, индоктринация

Передача недостоверной информации через интернет-сети является одним из действенных способов современной информационной войны. Информационные технологии становятся все более изощренными, широко применяются слухи и фейки, предлагающие аудитории недостоверную, искаженную информацию о происходящих событиях. Информационная война усилилась в связи с проведением специальной операции по денацификации и демилитаризации различных регионов Украины.

В информационной войне используются деструктивные средства и способы, оказывающие деформирующее влияние на правовое сознание и правовые отношения в обществе. Такое деструктивное воздействие следует называть информационным терроризмом.

Психологический анализ сложившейся ситуации позволяет говорить об информационной войне, направленной на изменение социальных представлений, установок и ценностей, всей сложившейся системы общественного и правового сознания. Целью информационной войны является формирование измененных состояний сознания, основанных на страхе, ненависти, предрассудках и интолерантности.

Мы рассматриваем три основные стадии ведения информационной войны.

1. Создание у населения «Стокгольмского синдрома». Признаки и последствия этого синдрома впервые были описаны в 1978 г. В Швеции террористы захватили заложников при ограблении банка. В течение шести дней они угрожали заложникам, но кормили, объясняли причины своих действий. Когда заложники были освобождены, они активно встали на сторону террористов, оправдывая на суде их поведение. «Стокгольмский синдром» – это изменение установок и коллективных представлений людей, оказавшихся под массированным информационным воздействием и не получающих иной информации, кроме той, которую им предоставляют захватчики. Данный синдром возникает, когда террористы хоть и угрожают жизни заложников, но не наносят им явного вреда. Как только угрозы реализуются на деле, когда убивают первого заложника, у остальных «Стокгольмский синдром» быстро проходит (1, с. 160–161).

2. Манипуляция общественным и правовым сознанием. Предложенная технология получила название «Окно Овертона», которую разработали западные журналисты. Технология приводит к разрушению моральных, этических и правовых норм и заключается в популяризации новых идей и создании позитивного образа преступников, как борцов за свободу и справедливость. Создаются специальные группы, которые пропагандируют новые идеи, проводят митинги и демонстрации. Потом новая идеология закрепляется в законодательстве страны, а пропагандирующие ее группы приобретают легитимный статус.

3. «Индоктринация» – внедрение новой идеологии (доктрины) в сознание людей. Индоктринация осуществляется пятью этапами: 1) превращение сознания человека в податливый материал; 2) формирование уступчивости; 3) интернализация – формирование твердой внутренней убежденности в правильности новых идей; 5) укрепление лояльности по отношению к новой власти (2, с. 112–116).

Таким образом происходит деформация не только правового сознания граждан, но правовых отношений в обществе. Власть в обществе захватывается не революционным путем, а с помощью изменения правового сознания граждан и сложившейся системы правовых отношений.

1. Гегель В.Г.Ф. *Философия права* / Ред. и состав. Д.А. Керимов, В.С. Нерсесянц, пер. с немец. Б.Г. Столтнера и М.И. Левиной. М.: Мысль, 1990.
2. Коркунов Н.М. *Лекции по общей теории права*. М.: Изд. РОССПЭН, 2010.
3. Матузов Н.И. *Правовой нигилизм и правовой идеализм как две стороны одной медали* // *Правоведение*, 1994, 2, 3–16.
4. Петражицкий Л.И. *Введение в изучение права и нравственности. Основы эмоциональной психологии*. 3-е издание. СПб.: Типография Ю.Н. Эрлиха, 1908.
5. Полищук Н.И. *Эволюция идеи права и правовые отношения: вопросы теории и практики* / Под ред. С.А. Комарова. СПб.: Изд-во Юридического института, 2005.

Использование понятия «долговой психологический контракт» для описания отношений между кредитором и заемщиком

Психологический контракт, кредитор, заемщик, ожидания, обязательства

Впервые предлагается расширенное применение понятия «психологический контракт» для анализа долгового взаимодействия. Долговое взаимодействие – это поведение двух взаимосвязанных сторон, направленное на заимствование, одалживание и исполнение долговых обязательств [1]. Мы считаем возможным распространение теории психологических контрактов не только на трудовые [4], но и на долговые отношения [2], поскольку в последнем случае – (1) это отношения между минимум двумя участниками заемщиком и кредитором (в качестве последнего может выступать как физическое лицо, так и организация), при которых имеет место как эксплицитное, так и имплицитное соглашение о взаимном обмене; (2) каждая из сторон вносит свой вклад (организация – деньги, заемщик – обязательство в течение определенного времени осуществлять платежи) и получает вознаграждение (организация – проценты по кредиту, заемщик – возможность приобрести товар в настоящее время, а расплатиться в будущем); (3) помимо условий и обязательств, прописанных в официальном документе (эксплицитное соглашение), есть еще целый спектр сопутствующих ожиданий, переживаний, заблуждений и стереотипов, отражающих субъективные представления о том, что имело место обещание, непрописанное в официальном договоре и оно тоже должно быть исполнено (имплицитное соглашение). Например, заемщик может иметь представление о том, что выполнять свои обязательства нужно только в отношении «честных» банков или можно не отдавать долг человеку, значительно превосходящему заемщика по материальному положению, а также что существуют какие-то особые отношения вне договора – «к хорошему заемщику надо отнестись с пониманием». Субъективизм может наблюдаться и в интерпретации прописанных в договоре фактов. Таким образом, отношения между заемщиком и кредитором можно описать как долговой психологический контракт.

Мы считаем, что в основу разработки долгового психологического контракта, как и в случае психологического контракта между работником и организацией [3], должны быть положены ожидания и обязательства, но их конкретное содержание будет определяться особенностями долгового взаимодействия. Таким образом, в нашей теоретической модели долговой контракт представляет собой обмен обязательствами (что я делаю) и ожиданиями (что другой делает). При этом, в отличие от реального кредитного контракта, обязательства другого, представленные в сознании в виде ожиданий, могут не совпадать с тем, как другой понимает свои обязательства.

Методы. Для выяснения структуры долгового психологического контракта был использован «ассоциативный эксперимент» (общее количество ассоциаций N=2200). Выделены ядро и периферия социальных представлений о долговом взаимодействии по П. Верже. Базовые социальные представления о разных типах долговых взаимодействий позволили выявить устойчивые элементы долгового психологического контракта. Полученные результаты. Психологический долговой контракт представляет собой обмен обязательствами (что я делаю или должен делать) и ожиданиями (что делает или должен делать другой) относительно размера кредита – большого или малого, его стоимости – наличие или отсутствие заинтересованности, время взаимодействия – краткосрочное или долгосрочное, четкость условий, обязательство по возврату (полное, просроченное или просроченное), количество участников взаимодействия (индивидуальная или совместная ответственность) и его оценка (рациональная, эмоциональная и ценностная). Заключение. Долговое взаимодействие продолжится, если заемщик и кредитор оценят текущий обмен взносами и доходами как справедливый. Исследование способствует пониманию механизмов долгового поведения людей.

1. Гагарина М.А. Долговой менталитет личности: Экономико-психологическое исследование. М.: Институт психологии РАН. 2021. 275 с.
2. Гагарина М.А. Долговые отношения личности как проблема социальной и экономической психологии // Теоретическая и экспериментальная психология. 2022. Т. 15. № 2. С. 121-136.
3. Ребрилова Е.С. Психометрия авторской методики "структура и свойства психологического контракта" // Вестник Тверского государственного университета. Серия: Педагогика и психология. 2015. № 1. С. 18-32.
4. Рябов В.Б. Теоретические основания психологического контракта как субъективного качества взаимодействия // Человеческий фактор: проблемы психологии и эргономики. 2018. № 1 (86). С. 27-32.

Особенности проявления склонности к насильственному экстремизму у студентов

Насильственный экстремизм, интолерантность, агрессивность, студенты

Экстремизм может существенно дестабилизировать общественную обстановку как в отдельно взятом населённом пункте, регионе, так и в стране в целом. С учетом актуальности проблемы, мы решили исследовать экстремизм как психологический феномен, и проследить особенности его проявления у студентов.

По мнению Н.Н. Красноштановой, под экстремизмом понимается социально-психологического феномен, представляющий собой форму насилия, отражающуюся в целенаправленном преднамеренном агрессивном поведении (речевом или деятельном) по отношению к другим людям или социальным группам, связанном с нарушением чувства доверия и мотивированном идеями личного превосходства, интолерантностью и ксенофобией к объекту насилия. Так как в современном мире экстремизм все чаще проявляется в форме физического насилия, ряд исследователей выделяет «насильственный экстремизм» как отдельный феномен. Согласно Д. Г. Давыдову и К. Д. Хломову, насильственный экстремизм можно определить как использование и пропаганду использования крайних средств (прежде всего, насилия) для достижения каких-либо целей.

Насильственный экстремизм как психологический феномен включает в себя следующие личностные характеристики:

- восприятие насилия как предпочитаемого способа достижения своих целей и разрешения противоречий;
- допустимость проявления агрессии;
- неприятие иных позиций и взглядов, низкую толерантность;
- радикальное отношение к нормам, принуждение к их выполнению;
- протестную активность;
- игнорирование и неприятие законов и д.р.

В качестве диагностического инструментария мы использовали методику диагностики диспозиций насильственного экстремизма (авторы: Давыдов Д.Г., Хломов К.Д.). Выборка представлена студентами ЛПИ-филиала СФУ в количестве 29 человек.

Обобщая результаты методики и принимая во внимание то, что, согласно авторам методики, в группу риска проявления экстремизма попадают испытуемые, превысившие нормативные показатели более чем по трем шкалам, мы приходим к следующему выводу: к группе риска склонности к насильственному экстремизму относятся 10% студентов. Для них рекомендуется организовать индивидуальную коррекцию и профилактику, опираясь на частные шкалы методики в качестве направлений работы. Около половины студентов проявляют некоторые признаки склонности к насильственному экстремизму, однако в комплексе не выходят за грань нормы. Стоит также отметить, что у 42% студентов признаки склонности к насильственному экстремизму не выявлены.

Выявление студентов с высоким уровнем склонности к экстремизму позволяет своевременно организовать индивидуальную коррекцию и профилактику, а наличие частных шкал методики – определить целевые ориентиры коррекционной работы. Кроме того, мониторинг и сравнительный анализ результатов исследований дает возможность выявить социальные группы с высоким и низким уровнем предрасположенности к экстремизму, оценить влияние профилактической работы и различных социальных факторов на распространенность экстремистских установок среди молодежи.

1. Давыдов Д.Г. Личностные диспозиции насильственного экстремизма // *Психология и право*. 2017. Т. 7. № 1. С. 106-121.
2. Красноштанова Н.Н. Социально-психологическая сущность экстремизма и особенности его проявления в российской молодежной среде // *Психопедагогика в правоохранительных органах*. 2018. №4 (75). С. 22–26.

Исследование выполнено при поддержке Красноярского краевого фонда науки.

Особенности экономического сознания коренных малочисленных народов Севера с высоким уровнем субъективного благополучия

Коренные малочисленные народы Севера, экономическое сознание, субъективное благополучие

Развитие рыночных отношений, доминирование добывающей экономики, снижение доли традиционного хозяйствования с конца 90-х годов XX века изменило социально-экономический статус коренных малочисленных народов Севера (КМНС) [1]. Включаясь в незнакомые условия хозяйствования, они сталкиваются с трудностями в реализации возможностей и перспектив в рамках нового для них экономического пространства, наряду с этим возникает масса проблем в адаптации, требующих изменений в их экономическом сознании.

Цель исследования состояла в выявлении особенностей экономического сознания КМНС с высоким уровнем субъективного благополучия. Было выдвинуто предположение, о том что у представителей КМНС с разным уровнем субъективного благополучия сформированы различные экономические аттитюды.

В исследовании приняли участие 314 человек в возрасте от 18 до 73 лет (52% женщин и 48% мужчин) представителей КМНС, а именно долганы, ительмены, камчадалы, коряки, манси, нганасаны, ненцы, нивхи, саамы, ханты, чукчи, эвены, эскимосы, юкагиры, якуты. Для выявления экономических аттитюдов КМНС использовался Опросник экономических аттитюдов (О.С. Дейнека, Е.В. Забелина) и Опросник Фёнема «Шкала денежных убеждений и поведения» (в адаптации О.С. Дейнека). В качестве методики, диагностирующей уровень субъективного благополучия, применялась «Шкала удовлетворенности жизнью» Э. Динера (в адаптации Д.А. Леонтьева, Е.Н. Осина).

Результаты. Нами была получена описательная статистика экономических аттитюдов у представителей КМНС, на основе которой вся выборка была разделена на три группы – с высоким, средним и низким уровнем субъективного благополучия. Результаты показали наличие значимых различий в большинстве измеряемых параметров. Для более детального понимания особенностей экономических аттитюдов мы провели сравнение в двух контрастных группах – с высоким и низким уровнем субъективного благополучия. В результате проведенного исследования было выявлено, что для респондентов с более высокими уровнем субъективного благополучия характерны рациональность и осознанность покупок ($p=0,000$). Они в большей степени удовлетворены возможностями потребления ($p=0,000$) и более активны как потребители ($p=0,000$). У них обнаруживается готовность инвестировать в проекты ($p=0,000$). При этом они стремятся к сбережению, контролю финансов ($p=0,000$), поэтому более уверены в своем будущем ($p=0,000$) и финансово оптимистичны ($p=0,000$). Респонденты считают себя финансово грамотными людьми ($p=0,000$) и стремятся быть в курсе событий экономической и финансовой жизни ($p=0,000$). Для них более важны самостоятельные экономические достижения ($p=0,013$) и финансовый статус ($p=0,002$). Они разделяют убеждения в том, что богатые люди должны нести социальную ответственность ($p=0,002$).

Далее мы сравнивали отношения к деньгам у этих двух групп и обнаружили схожие результаты с предыдущими. Например, респонденты с высоким уровнем благополучия считают, что заработок человека зависит от его способностей и усилий, то есть признают в определенной мере важность самостоятельных экономических достижений ($p=0,003$). Они также более склонны делать сбережения ($p=0,000$) и финансово оптимистичны ($p=0,000$). Респонденты больше времени уделяют мыслям о деньгах ($p=0,007$). Вместе с тем для них характерна терапевтическая функция денег – склонность прибегать к тратам для улучшения настроения и поощрения себя ($p=0,026$).

Таким образом, проведенное исследование показало, что экономическое сознание у КМНС с высоким уровнем субъективного благополучия имеет специфические особенности, что может являться условием успешной адаптации к новым условиям жизнедеятельности. Дальнейшие исследования будут направлены на выявление ряда других факторов влияющих на субъективное благополучие КМНС, в том числе посредством связи с элементами экономического сознания.

1. Харлампьева Н.К., и др. Специфика экономического поведения коренных малочисленных народов севера, проживающих в Арктической зоне Российской Федерации // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Психологические науки. 2020. №4. С. 109–120.

Актуализация экзистенциальных проблем при угрозе вере в справедливость мира

Вера в справедливый мир, экзистенциальные проблемы, критические жизненные ситуации

Наше исследование посвящено влиянию критических жизненных событий (далее КЖС) на веру в справедливый мир и актуализацию экзистенциальных данностей, потенциально возникающую в ситуации КЖС.

24.02.22 произошло событие, которое затронуло существенное, на наш взгляд, количество людей, и до сих пор является для многих из них актуальным и при этом воспринимается, как критическое. Восприятие вышеозначенного события, его влияние на базисные представления о мире, в том числе влияние на веру в справедливый мир, и потенциальная актуализация экзистенциальных данностей в контексте КЖС, представляет безусловный академический интерес.

Наша гипотеза предполагает, что событие, будучи критическим, может представлять угрозу представлению о справедливом мире и актуализировать экзистенциальные проблемы, такие как конфронтация со смертью, изоляция, бессмысленность и свобода [2].

В исследовании принимают участие люди старше 18 лет, не имеющие диагностированных психиатрических заболеваний. Респонденты делятся на следующие группы: (1) релоцировавшиеся из РФ в силу обстоятельств; (2) релоцировавшиеся из РФ в силу убеждений; (3) оставшиеся в РФ в силу обстоятельств; (4) оставшиеся в РФ в силу убеждений. Планируется опросить 300 человек, по 150 релоцировавшихся и оставшихся респондентов.

Для сбора данных по респондентам, которые покинули пределы страны, опросники рассылаются по групповым чатам в социальных сетях, преимущественно в Telegram. Дизайн исследования одобрен Этическим комитетом Санкт-Петербургского психологического общества (протокол №20 от 09.03.2023).

Мы считаем, что существует четыре возможных сценария взаимосвязи веры в справедливый мир и актуализации экзистенциальных данностей:

- 1) Актуализация экзистенциальных проблем и вера в справедливый мир связаны, но не причинно-следственно
- 2) Актуализация экзистенциальных проблем и вера в справедливый мир не связаны
- 3) Актуализация экзистенциальных проблем может угрожать вере в справедливый мир
- 4) Угроза вере в справедливый мир может актуализировать экзистенциальные проблемы

В процессе исследования планируется выяснить, связаны ли вера в справедливый мир и актуализация экзистенциальных проблем, и если да, то каким образом.

1. Гришина Н.В. *Экзистенциальная психология: учебник*. СПб: Изд-во С.-Петерб. ун-та, 2018.

2. Ялом И. *Экзистенциальная психотерапия / пер. с англ Т. С. Дабкиной*. М.: «Класс», 1999.

3. Hafer C.L., Sutton R. *Belief in a Just World // Handbook of Social Justice Theory and Research*, 2016, p. 145-160.

4. Hafer C.L., Begue L. *Experimental Research on Just-World // Psychological Bulletin*, 131(1), 128-167.

Трудовые ресурсы Свердловской области: роль миграции

Мигранты, мотивы, ценности

На протяжении последних трёх лет рынок труда Свердловской области испытывает колоссальные колебания. Исторический максимум уровня безработицы наблюдался с конца 2020 года, исторический минимум – в конце 2022 года.

Решение проблем рынка труда не может ограничиваться экономическим воздействием. Требуется комплексный подход с учетом возможностей социально-гуманитарных наук.

В 2022 году численность работников организаций Свердловской области сократилась на 3 процента [4]. Прослеживается взаимосвязь такого снижения со следующими тенденциями:

1). общероссийским снижением численности рабочей силы в связи с существенной разницей между выбывающими из экономически активного населения (старением) и входящими в экономически активное население, а также естественной убылью населения. Речь идёт не просто о снижении численности рабочей силы, а о снижении молодёжи в составе рабочей силы. По данным исследования аудиторско-консалтинговой сети FinExpertiza, с декабря 2021 года по декабрь 2022 года число трудящихся россиян в возрасте до 35 лет сократилось на 1,33 млн человек и составило 29,8% всех занятых [2]. Это минимальный показатель за всю новейшую историю страны.

2). миграционным движением населения. В 2022 году миграционная убыль населения Свердловской области составила 5 221 человек, в 2021 году миграционный прирост составил 8 343 [3]. При этом внутрироссийская миграция была отрицательной и в 2021 году. Свердловская область в части внутрироссийской миграции является регионом – донором трудовых ресурсов, тогда как сама остро нуждается в квалифицированных кадрах.

Повлиять на демографические факторы, характерные для страны в целом, в краткосрочной перспективе не представляется возможным. Основным источником пополнения и сохранения трудовых ресурсов, прежде всего, молодёжи, становится работа с миграционными потоками.

Для этого необходим учёт мотивов к миграции и ценностей, которые регулируют поведение как самих мигрантов, так и коренных жителей.

Как отмечают исследователи [1, 5], одним из мотивов миграции является стремление к устройству комфорта на всех уровнях своего существования. Представляется, что данная позиция не ограничивается лишь материально-бытовыми условиями проживания, но включает социально-психологические аспекты, такие как межличностные отношения внутри коллектива, межгрупповые отношения внутри принимающего общества, возможности реализации этно-конфессиональных и иных потребностей.

Мотивом к миграции может служить ценность саморазвития.

Стоит обратить внимание на специфику ценностей востребованных групп мигрантов: молодёжи, отдельных социально-профессиональных и этно-конфессиональных групп.

Необходимо создавать комплексную систему привлечения внутрироссийских и иностранных мигрантов, базирующуюся на учёте мотивов, интересов и потребностей различных групп мигрантов.

1. Абдуллаева С.Г., Патраков Э.В., Гордеева Е.Е. О ценностях гуманных межличностных отношений в условиях поликультурной образовательной среды // *Азимут научных исследований: педагогика и психология*. № 2 (15). 2016. С. 128-131.
2. РБК: Исследование аудиторско-консалтинговой сети FinExpertiza. – URL: <https://www.rbc.ru/economics/11/04/2023/6433e7499a7947356c70a065> (дата обращения: 01.06.2023).
3. Свердловскстат: Население. – URL: <https://66.rosstat.gov.ru/folder/29698> (дата обращения: 01.06.2023).
4. Свердловскстат: Среднесписочная численность работников (без внешних совместителей) по полному кругу организаций Свердловской области по видам экономической деятельности за декабрь 2022. – URL: https://66.rosstat.gov.ru/storage/mediabank/Среднесписочная_численность_работников_организаций_Свердловской_области_по_видам_экономической_деятельности_за_декабрь_2022.pdf (дата обращения: 01.06.2023).
5. Tartakovsky E., Schwartz S.H. Motivation for emigration, value priorities, psychological well-being, and cultural identifications among young Russian Jews // *International Journal of Psychology*. 2001. 36(2). 88-99.

Образ русского мира в антироссийской риторике Запада на примере СМИ Греции

Образ России, информационные конструкции, СМИ

«Русский мир» рассматривается как историческая общность людей, объединенных русским языком, культурой, исторической памятью, консервативными ценностями и морально-этическими нормами православия. На фоне сдвигов в международной политике, переустройства системы международных отношений и прокси войны, разжигаемой коллективным Западом, используются разнообразные приемы информационно-психологической войны для деформации не только образа России, но и образа всего русского мира (Дейнека, 2021, с. 225-231).

Средства массовой информации дают, как правило, не чисто информационные материалы – конкретные факты, цифры, тексты тех или иных заявлений. Скорее, они порождают то, что можно было бы назвать информационными конструкциями» (Мезенцев, 2002, с. 28-31).

С целью выявления актуальных идеологических акцентов, формируемых специфическими информационными конструкциями в европейской публицистике, был проведен контент-анализ официальных политических газетных интернет-изданий Греции – «Кафимерини» (пер. «Ежедневная»), «Вима» (пер. «Трибуна»), «Нафтэмборики» (пер. «Морская торговая») – с посещаемостью пользователей более 3 миллионов. Использовался частотный (более 50 000 знаков) и тематический анализ текстов (модальность, содержательные акценты, дискурс анализ, приемы психологической манипуляции).

Частотный анализ подтвердил повышенное внимание к политической повестке России и выявил многократное использование военной терминологии: война, вторжение, нападение, тоталитарное государство, как единственное средство описания СВО. В процессе анализа текста (33 статьи) было выявлено упоминание стран и городов (всего 59). Наибольшее число упоминаний приходится на Россию (19,11%) и Украину (12,9%) – главные участники, Китай (7,69%) – важные участники и Запад (7,69%) от общего упоминания всех перечисленных стран выше. Частотность упоминаний (94 единицы) российского президента В.В. Путина указывает на главенствующую роль этого участника в российско-украинских отношениях на фоне СВО. Особенно это актуально в сравнении с частотностью упоминания В. Зеленского – 3 единицы, что демонстрирует степень их политического веса.

В результате дискурс анализа греческих политических СМИ выявлены лингвистические средства построения образа России русского мира на фоне обострения российско-украинских отношений. Качественный анализ показал, что образ России как ядро русского мира представлен с отрицательной модальностью. Негативная окраска языковых единиц проявляется в субъективных интерпретациях, оценочных мнениях, с частым замалчиванием фактов и искажением событий. Был выявлен ряд манипулятивных приемов: навешивание ярлыков, высмеивание, предвосхищение событий в свою пользу, сравнение с отрицательными образами, использование военной терминологии в отношении объекта дискредитации, риторические вопросы, отрицательные исторические аналогии, гиперболизация и обесценивание. Реже используется ирония как сопровождающая политический нарратив технология дискредитации, инструмент искажения смыслов, действий и образов. Принцип противопоставления России Западу усиливает поляризацию формируемых образов, где эффект убеждения достигается не столько посредством эмоционально окрашенных характеристик, сколько описательной лаконичностью таких понятий как единство, единодушие, благополучие, альтруизм Запада в борьбе против России во имя спасения остального сообщества стран. Нарочитое подчеркивание схожести судьбы релакантов с беженцами, создает критерий принадлежности российского гражданина к русскому миру. Таким образом, деление россиян по принципу согласия или несогласия с государственной политикой достигается путем выпячивания противопоставления граждан, с одной стороны, президента и правительства России, с другой стороны, разобщая русский мир посредством стилистических средств. В качестве контр мер необходимо использовать информационные противовесы и способствовать русской консолидации (Дейнека, 2002, с.265-302).

1. Дейнека О.С. Образ и медиаобраз России в сознании немецких граждан на фоне усиления радикальных установок в обществе // *Общество: социология, психология, педагогика*. 2021. № 12. С. 225–231.
2. Мезенцев Д.Ф. Психологическое воздействие информационных фантомов // *Вестник политической психологии*. №1 (2). 2002. С. 28-31.
3. *Экономико-психологическое поле осознания глобализационных процессов в российской действительности // Россия: планетарные процессы*. Под ред. В.Ю.Большакова. СПб.: СПбГУ, 2002, с. 265 – 302.

Виртуальные государства как инструмент влияния на социальные установки населения

Виртуальное государство, установка, восприятие, национальная самоидентификация

В современном мире использование высоких технологий приводит к ряду изменений протекания социальных процессов в обществе. Активное использование сетевых ресурсов в повседневной жизни практически всеми гражданами повышает возможности для проведения информационного воздействия на пользователей. При этом цели могут быть различные: от коммерческих до политических. Наибольшую опасность для населения представляют информационные атаки со стороны деструктивных организаций, основной задачей которых является изменение восприятия значимых государственных объектов, важных социальных процессов и явлений. Для того, чтобы успешно противостоять негативному влиянию данных процессов, необходимо представлять механизм изменения социального восприятия населения, в том числе с использованием различных виртуальных образований.

Актуальность исследований обусловлена усилением негативного информационного давления (в том числе из-за рубежа) на население с целью дестабилизации ситуации в стране в период мирового и регионального кризиса.

Технологию изменения отношений можно рассматривать с точки зрения теории В.Н. Мясищева, который предложил трехкомпонентную структуру социальной установки (включающую когнитивную, эмоциональную и поведенческую компоненты), непосредственно отвечающую за формирование образа социального явления в сознании индивида [2]. При этом очевидно, что изменение одной из составляющих аттитюда может привести к изменению двух других, и сеть в значительной степени позволяет проводить работу, направленную на изменение как когнитивной, так и эмоциональной составляющей. Это позволяет прогнозировать и управлять поведением человека в отношении избранного объекта.

В настоящее время просматривается тенденция сближения виртуальной и объективной реальности, как по своим качественным характеристикам, так и по степени влияния на сознание человека [1]. Следовательно, возможен перенос некоторых ценностей, а также паттернов поведения и коммуникации из сети в повседневную действительность. В таком аспекте особый интерес представляют т.н. «виртуальные государства» и возможности воздействия на индивида с использованием данных Интернет-ресурсов. Для изучения данной темы использованы методы анализа литературных (интернет) источников, проводится опрос с использованием возможностей социальных сетей (объем выборки составит 200 респондентов).

В сети существуют два основных типа таких государств:

микронации — псевдогосударственные образования, претендующие на суверенитет над какой-то определенной территорией;

полноценные виртуальные государства — псевдогосударственные образования, которые не претендуют на суверенитет над какой-либо территорией, а существуют лишь в виде воображаемого проекта.

В обоих случаях необходимо понимать, что являясь членом подобных интернет-сообществ человек в определенной степени принимает и одобряет ценностные ориентации, групповые правовые и поведенческие нормы, принятые в киберсоциуме (в том числе и не принятые в реальном обществе).

Получение виртуального гражданства предоставляет:

ощущение личной свободы (что особенно важно в период вынужденного ограничения свободы перемещения);

общение с единомышленниками без учета физических границ и расстояний;

удовлетворение амбиций на повышение социального статуса (приобретение виртуальных титулов и чинов), и т.д.

Но в то же время виртуальное гражданство дает возможность объединения этнических общин, формирование и сохранение чувства национальной самоидентификации вдали от исторической родины.

Таким образом, необходимо понимать как негативные, так и позитивные возможности психологического воздействия на население страны.

1. Войскунский А.Е. Социальная перцепция в социальных сетях // Вестн. Моск. ун-та, сер. 14, Психология. 2014. № 2. С. 90-104.

2. Мясищев В.Н. Психология отношений: избр. психол. тр. / Под ред. А.А.Бодалева. 4-е изд. М.: МПСИ, Воронеж: МОДЭК, 2011. 400 с.

Политическая тревожность россиян в ситуации неопределенности

Политическая тревожность, ситуация неопределенности, удовлетворенность жизнью

Ситуация неопределённости может приводить к изменениям в мировоззрении, меняя стереотипы поведения и отношение к происходящему и для многих людей может вызывать состояние психологического дискомфорта и потерю привычных ориентиров. В связи с этим возникает необходимость дать определение понятию политическая тревожность, выявить входящие в него компоненты и определить последствия этого состояния. Реакция на состояние неопределённости и связанная с ним повышенная политическая тревожность влияет на алгоритм принятия решений и подталкивает людей на определенные действия (решение уехать из страны, принять активное участие в СВО или занять нейтральную позицию). Исследования принятий решений в период неопределенности должны быть направлены на выявление того, каким образом граждане принимают решения в условиях неопределенности в сложившейся ситуации. В исследовании нами будут использованы следующие модели принятия решений: модель рационального выбора, модель спонтанного (инкрементального) принятия решений и модель принятия рискованных решений. Использование этих моделей в нашем исследовании поможет понять алгоритм принятий решения и учет их возможных последствий.

Повышение политической тревожности, согласно исследованиям ученых [1,2,3,4], может приводить к снижению уровня доверия к правительству и политическим лидерам, к уменьшению готовности принимать рискованные решения, увеличивает уровень стресса у граждан и снижает уровень удовлетворенности жизнью.

Целью нашего исследования является изучение влияния политической тревожности на способы принятия решений в ситуации неопределенности. Для проведения исследования нами разработан опросник, состоящий из двух частей. Первая часть опросника включает в себя вопросы о таких характеристиках политической тревожности, как: уровень беспокойства по поводу своего будущего, будущего своей семьи и государства, уровень стресса в связи с ситуацией неопределенности, субъективная оценка состояния тревожности. Во второй части представлены вопросы о принятии возможных решений в условиях неопределенности: готовность принимать рискованные решения (переезд из страны, готовность участия в СВО и т.д.), склонность к консервативным или инновационным решениям, оценка возможных последствий собственных решений. Методика «Исследование политической тревожности» включает в себя: авторский опросник для измерения уровня политической тревожности; опросник травматического стресса для диагностики психологических последствий Котенева; шкалу удовлетворенности жизнью Динера. Выборка исследования будет состоять из трех групп: уехавших из страны, активных СВО (например, в зоне боевых действий) и контрольной группы. Каждая группа будет составлять по 100 человек.

Для формирования выборки будут использованы различные методы, такие как случайная выборка, кластерный отбор и стратифицированный отбор. В каждой группе будут учитываться такие факторы, такие как возраст, пол, образование и т.д., чтобы обеспечить максимальную репрезентативность выборки. После формирования выборки будет проведено исследование с помощью опросника, описанного выше. В дальнейшем по результатам пилотажного исследования планируется проведения опроса на выборке 1000 человек. Результаты исследования будут анализироваться статистическими методами для выявления связей между политической тревожностью и принятием решений в различных группах.

По нашему мнению, уровень политической тревожности у респондентов будет выше в ситуации неопределенности, чем в период прогнозируемого развития событий. Политическая тревожность провоцирует как рискованные, так и консервативные, осторожные решения, а также приводит к повышению уровня стресса и снижению уровня удовлетворенности жизнью. На основе результатов исследования можно будет рекомендовать проведение мероприятий, направленных на уменьшение политической тревожности у граждан в ситуации неопределенности.

1. Брандт М.Дж., Баккер Б.Н. Сложные, но разрешимые отношения угрозы и политики // *Тенденции Познан. науч.* 2022. 26. 368–370.
2. Albertson B., Gadarian S.K. *Anxious politics: Democratic citizenship in a threatening world.* Cambridge: Cambridge University Press. 2015.
3. Castano E., et al. *Ideology, Fear of Death, and Death Anxiety* // *Political Psychology.* 2011. 32. 601–621.
4. Müller U.W.D., Bahnson O., Alpers G.W. *State anxiety by itself does not change political attitudes: A threat of shock experiment* // *Frontiers in Psychology.* 2022. V. 13. DOI: 10.3389/fpsyg.2022.1006757.

Психосемантический анализ нарратива, связанного с тематикой пандемии COVID-19 в Узбекистане

Социально-политический нарратив, категориальная структура общественного сознания, типология отношения, СМИ

Пандемия COVID-19 – один из необычных видов вызовов реальности, с которой столкнулся весь мир, подвергнувший кризису большое количество государств мира. Человечество в один момент стало участником глобального социального эксперимента, который потребовал незамедлительных исследований в разных сферах и областях деятельности человечества. Сейчас уже можно говорить об образовании новой сферы социального знания – психологии пандемии [3], в рамках которой актуальны работы общетеоретического типа, основной целью которых было выявление социальных изменений, детерминированных пандемией COVID-19, через призму социологии, психологии и иных смежных наук [1]. Предмет исследования психологии пандемии может пересекаться с предметами таких субдисциплин, как психология катастроф и стихийных бедствий, психология риска, психология выхода из кризиса и т. д. Но тем не менее предмет психологии пандемии является особенным и требует обширного изучения со всех точек зрения.

Цель нашего исследования изучить структуру и содержание сознания, связанного с пандемией COVID-19. В исследовании использовалась методика анализа политического нарратива [2]. Здесь важен учет не только содержания, но и его формы, в том числе эмоциональной окраски каждого высказывания. Выборка исследования составляет 100 человек в возрасте от 16 до 55 лет.

Опросник состоял из 21 утверждения, которые требовалось оценить по 5-балльной шкале лайкертовой шкале. Эти утверждения были взяты из текущего социально-политического нарратива взаимодействия народа с административными органами любого уровня на тему пандемией COVID-19. Авторами суждений явились государственные источники, чиновники, независимые эксперты и оппозиционные государству. Все утверждения в зависимости от их авторов были разделены на две группы «Авторской позиции»: 1) обобщенная государственная позиция: утверждения чиновников и экспертов, поддерживающих государственную политику; 2) экспертное мнение: утверждения экспертов, выступающих против государственных мер.

В результате исследования было построено категориальное пространство пандемического нарратива и все суждения так или иначе группировались в малое количество независимых категорий: негативные последствия COVID – 19; недоверие к проводимым мерам; необходимость жестких карантинных мер; поддержка вакцинации.

Респонденты, считавшие COVID-19 опасным заболеванием с тяжелыми негативными последствиями как на уровне отдельных людей, так и в социальном плане с доверием относились как к официальным источникам, так и к экспертному мнению. Возможно, это связано с тем, что COVID – 19 был недостаточно изучен и в дефиците информации любой источник воспринимался как достоверный. С возрастанием недоверия к государственным источникам возрастает доверие к экспертному мнению оппозиционному официальному государственному. Это можно объяснить тем, что недоверие к государству и его действиям заставляет «примкнуть» к оппозиционной стороне. С ростом доверия к государственным источникам растет понимание необходимости вакцинироваться. Объяснением может служить то, что государство декларировало как наиболее результативный выход – вакцинацию, которая так или иначе пропагандировалась и поощрялась.

Были выявлены различные типы людей по отношению к пандемии. Представители полученных типов отношения к пандемическому нарративу различались на уровне личностных диспозиций, ценностных ориентаций и социально-политических установок.

- a. Доверяющие предпринимаемым государством мерам и позитивно относящиеся к ситуации.
 - b. Испытывающие недоверие к предпринимаемым государством мерам, пессимистично относящиеся к ситуации пандемии и не видящие способа преодоления сложившейся ситуации.
 - c. Положительно относящиеся к вакцинации как спасительному способу преодоления пандемии
 - d. Выступающие за жесткие противоэпидемиологические меры со стороны государства.
- Были получены личностные и ценностные корреляции с типологией людей по отношению к пандемии.

1. Гафиагулина Н.Х., и др. *Российское общество в условиях самоизоляции. Социальные эффекты и последствия пандемии COVID-19*. М.: Русайнс, 2020.
2. Петренко В.Ф., Митина О.В., *Политическая психология. Психосемантический подход*. М.: Наука, 2018.
3. Matthewman S., Huppertz K. *A sociology of Covid-19 // J. of sociology*. 2020. Vol. 56, N 4. P. 675–683.

Исследование выполнено при финансовой поддержке РФ (проект № 21-18-00624).

Обеспечение нормальной жизнедеятельности человека в постоянном тревожном положении

Изменение работоспособности, тревожность, изменение эмоций

В рамках этого исследования постоянным состоянием тревоги считается период от 44-дневной войны 2020 года между Арменией и Азербайджаном до сегодняшнего дня, характеризующийся напряженностью на границе и угрозой повторной войны в Армении. А нормальной жизнедеятельностью является поддержание высокого уровня работоспособности. Проведение исследований по обеспечению нормального функционирования лиц, находящихся в постоянном тревожном положении, особенно актуально в условиях Армении, учитывая продолжающийся конфликт и вероятность повторения войны. Неурегулированный конфликт и непрекращающиеся инциденты на границе с Азербайджаном создают постоянную тревожную атмосферу для тех, кто проживает в приграничных и неприграничных районах Армении. Это сказывается на их способности выполнять повседневные жизненные и рабочие задачи. Поэтому важно провести исследование эффективных стратегий сохранения высокого уровня трудоспособности у людей, живущих в ситуации хронической тревоги.

Цель исследования – изучить особенности трудоспособности человека, проживающего в условиях постоянной пограничной напряженности и риска повторной войны, в зависимости от его чувств, поведения и личностных особенностей. Гипотеза исследования: предполагается, что в условиях войны и угрозы войны у людей, проживающих в пострадавших районах, происходят изменения в чувствах, поведении и работоспособности.

Методы: пятифакторный тест личности МакКрае и Косты «Большая пятерка» [2]; оценка ситуационной и личностной тревожности Спилбергера-Ханина [1]; список преодоления стрессовых ситуаций Эндлера и Паркера (механизмы преодоления личного поведения) [4]; опросник посттравматического роста Тедоши и Калхуна [3]. Выборка исследования: 586 чел., 18–55 лет, 80% женщины, 20% мужчины

Результаты исследования:

1. Гипотеза подтвердилась.
2. Механизмы преодоления в личном поведении и уровень тревожности сильно влияют на то, как человек реагирует на травматический опыт войны.
3. В период с 2020 по 2023 гг. резко снизился боевой и победоносный настрой, усилились гнев, беспомощность и отчаяние.
4. В контексте поведенческих изменений активное отслеживание новостной ленты оказывает наибольшее влияние на снижение работоспособности.
5. Чем выше уровень тревожности человека, тем больше вероятность снижения его трудоспособности.
6. Поведенческие стратегии преодоления, ориентированные на действия (в отличие от стратегий, ориентированных на эмоции и побег), более эффективны для поддержания высокого уровня работоспособности в хронически тревожных условиях.
7. У участников исследования, у которых трудоспособность поддерживалась на высоком уровне, с течением времени уменьшалось ощущение напряжения, неопределенности и бессилия. А у участников, у которых снизилась работоспособность, эти чувства усилились.

Результаты выявили необходимость разработки тренинга, направленного на формирование поведенческих стратегий преодоления, ориентированных на действия, снижение тревожности, ослабление чувств неопределенности, бессилия и напряжения. Исследование было проведено на армянском языке.

1. Հարությունյան Ն.Ա., Ասրիյան Է.Վ., Ստեփանյան Լ.Ս. – Հոգևորականական հոգևորականության պրակտիկում, 2014, 80-84.
2. Սերոբյան Ա., Իսախանյան Ն., Գրիգորյան Ա., Իսախանյան Ն. – Անձի դիսպոզիցիոնալ գծեր և սոցիալ-մշակութային կոմպլեքսները. Հոգևորականական գործընկերի տեղադրում, 2021, 11-47.
3. Tedeschi, R.G., Calhoun, L.G. The Posttraumatic Growth Inventory: Measuring the positive legacy of trauma // *Journal of Traumatic Stress*, 9(3), 1996, 455–71.
4. Coping Inventory For Stressful Situation (CISS). – URL: <https://www.scribd.com/document/518564512/6-Coping-Inventory-for-Stressful-Situation-CISS#> (data обращения: 13.02.2020).

Психологическое благополучие беженцев и вынужденных переселенцев

Психическое здоровье, психологическое благополучие, беженцы, вынужденные переселенцы

С 24 февраля 2022 года мир оказался в новой реальности – реальности специальной военной операции Российской Федерации по «демилитаризации» и «денацификации» Украины [2]. Данное событие для многих стало болезненным, травмирующим [3]. За последний год в связи со специальной военной операцией на Украине, Российская Федерация приняла огромный поток беженцев. Боевые действия негативно влияют на психическое здоровье людей, понимаемое как состояние благополучия.

В настоящее время актуальны исследования, определяющие влияние СВО на различные категории населения. Результаты исследований становятся почвой для психологического осмысления этих событий и их последствий, основой для разработки и внедрения реабилитационных программ для помощи пострадавшим.

Для изучения динамики состояния психологического благополучия беженцев и вынужденных переселенцев нами было проведено эмпирическое исследование. Оно реализовывалось в два этапа: I этап (март 2022 года); II этап (март 2023 года). Целевой группой исследуемых выбраны беженцы и вынужденные переселенцы из Донбасса в Пензенскую область. В первом этапе исследования приняли участие 120 человек, во втором этапе – 185 человек в возрасте от 20 до 70 лет. Методом исследования выбран письменный опрос, который проводился с помощью методики Удовлетворенность жизнью (УДЖ) на определение психологического благополучия личности [1].

В ходе первого этапа исследования (март 2022 года) было выявлено, что у 36% респондентов низкий уровень психологического благополучия по методике, у 43% – средний уровень и у 21% – высокий уровень этого показателя. В ходе второго этапа исследования (март 2023 года) получены иные результаты: низкий уровень психологического благополучия личности диагностирован у 13% опрошенных (что на 8% меньше чем на другом этапе), средний уровень – у 22% (на 13% меньше), высокий уровень – у 65% (на 44% больше). В ходе проверки надежности определена критериальная (эмпирическая) валидность, которая свидетельствует о существовании достоверных различий между I этапом и II этапом исследования.

Сравнение полученных данных на I и II этапах исследования указывают на общую положительную динамику состояния психологического благополучия беженцев и вынужденных переселенцев. Возросло количество беженцев, которые испытывают положительные эмоции в своей ежедневной жизни, положительно относятся к себе, окружающим, имеют оптимистическое представление о будущем, чувствуют социальную поддержку, собственную способность к самопомощи. Такая динамика объясняется более детальным анализом изменений по компонентам этого интегрированного психологического состояния. Так, отмечается, что беженцы и вынужденные переселенцы, пережив стрессовые события, начали чаще испытывать положительные эмоции от обычных вещей, видеть больше причин для радости и интереса в жизни. Вероятно, произошла определенная переоценка ценностей, трансформация их ценностно-смысловой сферы.

1. Мельникова Н.Н. Феноменология удовлетворённости жизнью и трёхфакторная структура опросника УДЖ // Сборник материалов III Всероссийской конференции по психологической диагностике "Современная психодиагностика России. Преодоление кризиса". Чел.: Издат. центр ЮУрГУ, 2015. Т.1. С. 212-222.
2. Обращение Президента Российской Федерации // Президент России, 2022, 24 февраля. – URL: <http://kremlin.ru/events/president/news/67843> (дата обращения: 19.05.2023).
3. Осин Р.В. Психологическое здоровье подростков в условиях военного конфликта // Материалы VIII Всерос. научно-практ. конф., посвящ. 83-летию Педагог. инст. им. В.Г. Белинского Пензенского гос. унив. Пенза: Пензенский государственный университет, 2022. С. 219-221.

Характеристики образов информационного врага и иноагента у представителей профессиональных сообществ

Информационно-психологическая война, образ, информационный враг, иноагент

Современная политика разворачивается не только в физической плоскости: всё чаще инструментами становятся информационные каналы и технологии распространения сообщений разного качества. Возникает необходимость отслеживать связанные с ними психологические эффекты, которые помогают прояснить информационную обстановку и предложить способы регулирования социально-психологических состояний общества. Частным случаем такого воздействия является информационная война как совокупность различных форм, методов и средств воздействия на население с целью изменения психологических характеристик, групповых норм, массовых настроений, общественного сознания в целом. Анализ имеющегося теоретического фундамента позволяет заключить, что понятие информационного врага связано с концепцией информационной политики: он может быть конкретным действующим лицом, а также собирательным термином для обозначения реальных и потенциальных угроз [2, 3].

В апреле 2023 г. нами проведено эмпирическое исследование, в котором мы предположили, что существуют различия в представлениях об информационном враге и иноагентах у представителей профессиональных сообществ. В исследовании приняли участие 224 представителя трех профессиональных сообществ: 86 юристов в возрасте от 18 до 62 лет ($M=39$, $SD=9,3$); 64 журналиста от 18 до 72 лет ($M=38$, $SD=12,3$) и 74 политолога от 18 лет до 21 года ($M=18,4$, $SD=0,6$). Использовались тест свободных ассоциаций со стимульными словосочетаниями «иноагент (иностраный агент)», «информационный враг»; модифицированный вариант методики незаконченных предложений (с вопросами о целях, средствах и результатах деятельности изучаемых акторов информационного пространства); авторская анкета для выявления представлений о качествах информации (Самуйлова, Шлионский, 2013) [1]. Полученные данные обрабатывались с помощью контент-анализа, а также методов математической статистики.

В каждом профессиональном сообществе выделены ведущие и второстепенные характеристики образов информационного врага и иноагента. К ядру образа информационного врага у журналистов относятся оценочные суждения (33%), качество информации (22%) и инструменты воздействия (17%). Юристы, в первую очередь, выделяют качество информации (28%) и инструменты (20%). Политологи раскрывают образ информационного врага через инструменты (21%), качество информации (17%), ассоциации с государством (15%). Аналогично, в каждом сообществе определяются ведущие и второстепенные черты образа иноагентов. Журналисты используют в их отношении оценочные суждения (как позитивные, так и негативные) (28%), соотносят с профессией, организацией или регионом (21%), упоминают государственный аспект (идеологию, стабильность) (18%). Ядро образа иноагентов у юристов составляют категории «Оценка» (19%), «Результат деятельности» (19%), «Финансирование» (18%). Образ иноагента у политологов воссоздан в категориях «Оценка» (20%), «Результат деятельности» (16%). Важным результатом стало и то, что одни и те же категории образа информационного врага и иноагентов имеют разную наполненность и степень выраженности. Например, результат деятельности иноагента – негативные последствия для него самого (ограничение свободы слова, обвинение, цензура и т.п.), а информационного врага – негативные последствия для общества (дестабилизация, дискредитация, вредительство).

1. Бакулева К.К., Самуйлова И.А. Роль медиакомпетентности в оценке сообщений об актуальных социально-политических событиях и проявлении поведенческих реакций на фоне "первой волны" пандемии COVID-19 // Знак: проблемное поле медиаобразования. 2021. № 1 (39). С. 95-108.
2. Гулевский А.Н. Классификация войн: социально-философский анализ // Манускрипт. 2021. №1 2. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/klassifikatsiya-voyn-sotsialno-filosofskiy-analiz> (дата обращения: 20.05.2023).
3. Информационно-психологическая и когнитивная безопасность. Коллективная монография / Под ред. И.Ф. Кефели, Р.М. Юсупова. Санкт-Петербург: ИД «Петрополис», 2017. – 300 с.

Исследование временной перспективы в период системного кризиса

Временная перспектива, системный кризис, пилотажное исследование

Временная перспектива – это то, как человек соотносит свое прошлое, настоящее и будущее. Она необходима для формирования гармоничной личности и позволяет на основе прошлого опыта формулировать цели на будущее. Подобные процессы происходят и в обществе. В нем также соотносятся настоящее с прошлым и строятся планы на будущее.

Психологические и социологические опросы за последние несколько лет показывают существенное нарастание в обществе кризисных настроений, связанных с обострением отношений между странами, экологическими изменениями, увеличением социального неравенства и другие [1]. Подобное ощущение тотального кризиса напрямую влияет на формирование временной перспективы, которое может привести к сложности в построении планов на будущее, а события прошлого в таком случае будут восприниматься в негативном ключе.

Для исследования временной перспективы было составлено и проведено пилотажное исследование. В нем приняли участие 32 респондента, из них – 7 мужчин, 25 женщин в возрасте от 18 до 64 лет. В качестве методик нами было использовано: опросник временной перспективы Зимбардо [3], тест смысложизненных ориентаций Джеймса Крамбо и Леонарда Махолика, а также методика мотивационной индукции в адаптации Л.А. Редуш [2].

Первичная обработка результатов показала, что по всем шкалам методик наблюдаются показатели ниже среднего. Только по шкале фаталистическое настоящее в опроснике временной перспективы Зимбардо результаты у респондентов были выше среднего. Это может свидетельствовать об отсутствии у опрашиваемых контроля над ситуацией и принятие своей жизни как уже кем-то определенной. Корреляционный анализ показал сильную взаимосвязь показателя гедонистического настоящего и всех показателей смысложизненных ориентаций. Такая сильная взаимосвязь показывает, что только в случае наличия у человека понимания смысла жизни человек способен наслаждаться ею.

Таким образом, результаты исследования показывают, что в настоящий момент у респондентов наблюдается дезориентация и неудовлетворенность относительно не только своего прошлого, но и планов на будущее.

Следующий этап обработки результатов будет связан с анализом предложений по методике мотивационной индукции в адаптации Л.А. Редуш.

1. Индекс страхов // ВЦИОМ. – URL: <https://wciom.ru/ratings/indeks-strakhov> (дата обращения 01.06.2023).
2. Редуш Л.А. Психология прогнозирования: успехи в познании будущего. СПб.: Речь, 2003, 177 с.
3. Zimbardo P.G., Boyd J.N. Putting time in perspective: A valid, reliable individual-differences metric // *Journal of Personality and Social Psychology*. 1999. № 77. P. 1271-1288.

Особенности кооперативных стратегий политических элит в современном Китае: что показывают сети?

Стратегии кооперации, политические сети, элиты КНР, специфический интерес, группы влияния

Политический процесс в вопросе выработки политического курса опирается зачастую на кооперативные стратегии элит, образующих ситуативные коалиции вокруг конкретной проблемы. Однако теория игр наглядно показала бесперспективность подавляющего большинства кооперативных стратегий в противовес эгоистическим в сложных игровых симуляциях [2].

Признавая это, тем не менее, теория игр не смогла ответить на вопрос, почему же тогда политические акторы объединяются в группы для обеспечения лучшего результата? Ответ на этот вопрос попытались дать теоретики теории рационального выбора, взятой в качестве методологической основы исследования. В частности, М. Олсон указывал, что естественного единства интересов явно недостаточно для возникновения больших групп в рамках общества, поскольку в этом случае теряется мотивация участия у её членов [1].

В этой связи М. Олсон подразделяет групповой интерес на общий и специфический, где последний выступает более действенным и конституирующим группу элементом. По факту это начало формирования т.н. «привилегированных групп» или групп влияния, члены которой максимизируют свои выгоды нахождения через повышенное получение благ за осуществление непосредственной координации по мероприятиям влияния [1].

В рамках доклада под группами влияния понимаются институты сетевого характера, включённые в систему органов власти и борющиеся за данный ресурс. Западные политические системы отличаются многовекторный характер борьбы за власть, что обуславливает богатство методов как давления, так и влияния, и огромный потенциал воздействия гражданского общества. КНР, в свою очередь, отличается специфический характер организации групп влияния, не вписываемый в западные модели их организации.

Особенность политической системы КНР заключается в наличии единого довлеющего политического актора в лице Коммунистической партии (КПК), сохраняющей у себя монополию на принятие политических решений и большинство ресурсных механизмов и каналов. Группы влияния в Китае не борются за власть как таковую (статусы и полномочия), поскольку этот ресурс уже безраздельно принадлежит партии и распределяется между всеми её членами. В этой связи получается, что противостояние «привилегированных групп» партии состоит не в борьбе за специфическое проявление власти, а в запуске механизмов влияния для извлечения административных ресурсов, включая позиции в номенклатуре и право на кооптацию элит.

Такие внутренние средовые особенности создают основания для неоднородности участников и, следовательно, формирования внутриорганизационных специфических интересов, оформляемых в патронажные сети и группы влияния. Усиливает эффект закрытый характер самой КПК, формируя благоприятную почву для разрастания сетей и сращивания их с клановыми сообществами или кликами [3].

Исходя из этого, сетевой характер организации может выступать дополнительным конституирующим группы влияния элементом, делая кооперативные стратегии более желательными, а коалиции более устойчивыми в условиях специфической среды организации борьбы за власть. Обнаруженные в рамках эмпирической части работы патронажные сети (использование сетевого анализа, кластеризации) в Госсовете КНР с 2013 по 2023 гг. подтверждают этот тезис, а такое конституирование сетей обеспечивается спецификой функционирования самих политических институтов (циклы управления, высокие пороги «входа»).

1. Олсон М. *Логика коллективных действий. Общественные блага и теория групп*. М.: ФЭИ, 1995. 174 с.

2. Печерский С.Л., Яновская Е.Б. *Кооперативные игры: решения и аксиомы*. СПб: Изд-во Европейского ун-та в С.-Петербурге, 2004. 459 с.

3. Dumbaugh K., Martin M.F. *Understanding China's Political System // Congressional Research Service, 2009. – URL: <https://www.refworld.org/pdfid/4b73cd512.pdf> (дата обращения: 16.05.2023).*

Психическое здоровье и раннее сопровождение детей и родителей

Андрущенко Н.В. Санкт-Петербург, ФГБОУ ВО СПбГУ,
ФГБОУ ВО «СЗГМУ им. И.И. Мечникова» Минздрава России
Мухамедрахимов Р.Ж. Санкт-Петербург, ФГБОУ ВО СПбГУ

Иова А.С. Санкт-Петербург, ФГБОУ ВО «СЗГМУ им. И.И. Мечникова» Минздрава России

Анализ эмоционального состояния и источников стресса матерей недоношенных новорожденных, находящихся на отделении реанимации и интенсивной терапии

Недоношенные младенцы, внутрижелудочковое кровоизлияние, родители, эмоциональное состояние, ранняя помощь

Социальные отношения, в которые ребенок включается сразу после рождения, могут рассматриваться в качестве компенсаторного ресурса для преодоления ряда повреждающих факторов, воздействующих на ребенка, рожденного до срока. Этим объясняется возрастающий интерес к изучению эмоционального состояния матерей новорожденного ребенка при планировании программ раннего вмешательства [1,2]. Вместе с тем, отмечается недостаток работ, дифференцированно описывающих эмоциональное состояние и источники стресса у матерей, навещающих своих недоношенных детей на отделении реанимации и интенсивной терапии новорожденных (ОРИТН) в зависимости от выраженности структурных внутричерепных изменений и получающих различные варианты лечения.

Представлены результаты исследования эмоционального состояния и стресса, а также анализ его источников у матерей недоношенных младенцев с различной степенью тяжести церебральных внутрижелудочковых кровоизлияний, находящихся на ОРИТН. Изучены социально-демографические характеристики семьи ребенка, рожденного до срока, а также связи между изучаемыми показателями.

В исследовании включены 77 матерей преждевременно родившихся детей (40 мальчиков) со структурными внутричерепными изменениями, – диагностированным внутрижелудочковым кровоизлиянием (ВЖК) в боковые желудочки головного мозга разной степени тяжести, распределенных по группам на основании степени их выраженности.

Полученные результаты свидетельствуют о том, что у всех матерей недоношенных младенцев, находящихся на ОРИТН отмечены депрессивные переживания различной степени выраженности – 46% матерей проявляют сильный уровень депрессивных переживаний, 32% – умеренный, 22% – слабый. У 63,5% матерей обнаружены высокие и у 33% – умеренные значения реактивной тревожности, у 42% – высокие и у 52% – умеренные значения личностной тревожности. 93,9% матерей свидетельствуют, что переживаемый ими стресс находится в диапазоне от средне сильного до очень сильного. 89,2% матерей испытывают стресс от того, что им приходится находиться отдельно от ребенка, а также от того, что им кажется, что их ребенок испытывает боль. Согласно полученным данным около 88% матерей в качестве источника стресса называют чувство беспомощности от того, что они не могут защитить ребенка от болезненных процедур, или от того, что не знают, как помочь ребенку в этот период его жизни. Показано, что характеристики эмоционального состояния и различные виды семейного стресса матерей связаны с социально-демографическими характеристиками семьи, однако значимо не связаны с показателями состояния здоровья новорожденных и видом их лечения. Результаты исследования обсуждаются с точки зрения необходимости их использования для создания и реализации научно-обоснованных программ ранней помощи новорожденным и их семьям на этапе нахождения детей в отделении реанимации и интенсивной терапии.

1. Андрущенко Н.В., и др. Особенности эмоционального состояния матерей в аспекте их раннего взаимодействия с недоношенными детьми // Журнал неврологии и психиатрии им. С.С. Корсакова. 2019. № 5. С. 148-153.
2. Андрущенко Н.В., и др. Оптимизация выхаживания недоношенных новорожденных на госпитальных этапах ранней помощи при поддержке детско-родительских отношений // Журнал неврологии и психиатрии им. С.С. Корсакова. 2021. № 10. С. 123-130. 153.

Исследование выполнено при финансовой поддержке Российского фонда научных исследований (проект № 18-013-01183).

Влияние программы вмешательства на показатели взаимодействия между родителем и ребенком в замещающих семьях

Приемные дети, взаимодействие, замещающая семья, программа вмешательства

Введение. Многочисленные исследования подтверждают наличие у приемных детей поведенческих и эмоциональных трудностей, которые существенно затрудняют их взаимодействие с новыми родителями. Значительный вклад в стабилизацию семейных отношений и в профилактику потенциального отказа вносят своевременность и индивидуальная направленность вмешательства [1]. Целью исследования явилось изучение влияния программы вмешательства на такие области взаимодействия между замещающим родителем и приемным ребенком, как эмоциональный контакт и воспитание.

Методы. Выборка: 73 ребенка, из них: 21 – приемный ребенок в возрасте от 11 до 16 лет (13 – типично развивающиеся дети (ТР) и 8 – дети с ограниченными возможностями здоровья (ОВЗ)), 52 – дети из биологических семей (24 – ТР, 28 – ОВЗ). Для исследования применялась методика «Взаимодействие родитель – ребенок» (ВРР) И.М. Марковской, 10 шкал которой были объединены в две субшкалы: «Воспитание» и «Эмоциональный контакт». Методика применялась до и после участия замещающих семей в течение 1,5 лет в программе вмешательства, включавшей 4 этапа, объединенных методологией поддержки взаимодействия и формирования привязанности детей и замещающих родителей. Степень участия семей в программе вмешательства оценивалась по шкале от 1 до 3.

Результаты. Для ТР детей отмечается изменение, в зависимости от времени обследования, показателя «Воспитание» ($F(1, 9)=17.780, p=0.002, \eta^2=0.664$), а также взаимодействие времени обследования и степени участия семьи в программе вмешательства для показателей: «Воспитание» ($F(2, 9)=25.817, p=0.001, \eta^2=0.852$) и «Эмоциональный контакт» ($F(2, 9)=14.939, p=0.001, \eta^2=0.769$). Для детей с ОВЗ значимых изменений показателей обнаружено не было. Анализ изменения показателей ВРР при различной степени участия семей в программе вмешательства показал для ТР детей и детей с ОВЗ улучшение следующих показателей: «Воспитание» при минимальной (для ТР $p=0.036$), средней (для ТР $p=0.082$) и максимальной (для ТР $p=0.001$) степени участия; показателя «Эмоциональный контакт» при минимальной (для ТР $p=0.001$, для ОВЗ $p=0.024$) и максимальной (для ТР $p=0.011$) степени участия. При сравнении значений показателей ВРР у приемных детей после проведения программы вмешательства при различной степени участия с детьми из биологических семей обнаружено, что в замещающих семьях среднегрупповые значения показателя «Эмоциональный контакт» ниже, чем в биологических, для детей с ОВЗ (16.10 ± 4.423 , по сравнению с $19.02 \pm 2.677, p=0.005$). Среднегрупповые значения показателя «Эмоциональный контакт» для подгрупп детей с ОВЗ с минимальной (14.26 ± 3.268) степенью участия, меньше, а с максимальным участием (22.80), больше, чем у детей с ОВЗ из биологических семей ($19.02 \pm 2.677, 0.001 p \leq 0.096$); среднегрупповые значения показателя «Эмоциональный контакт» для подгрупп ТР детей с минимальным участием (16.50 ± 2.675), меньше, чем у ТР детей из биологических семей ($19.45 \pm 1.206, p=0.018$).

Выводы. Программа вмешательства оказывает положительное влияние на такие области взаимодействия, как «Воспитание» и «Эмоциональный контакт», для ТР детей и детей с ОВЗ при различных степенях участия. Но даже после вмешательства значения показателя «Эмоциональный контакт» у приемных детей (ТР и ОВЗ) остаются ниже, чем у детей из биологических семей. Проведенное исследование позволяет сформулировать вывод о значимости использования в практике работы с замещающими семьями научно обоснованных программ вмешательства и их позитивном воздействии на показатели взаимодействия между замещающими родителями и приемными детьми. Однако после завершения реализации программы помощь семьям должна быть продолжена с целью поддержки и развития эмоциональных связей между заботящимися взрослыми и детьми, принятыми на воспитание.

1. Khoo E., Skoog V. The road to placement breakdown: Foster parents' experiences of the events surrounding the unexpected ending of a child's placement in their care // *Qualitative Social Work*. 2014. Vol. 13(2). P. 255-269.

Особенности развития речи детей, рожденных с помощью операции кесарева сечения

Речевое развитие, ранний возраст, операция кесарево сечение

В настоящее время в здравоохранении и перинатальной психологии распространено понятие «современные перинатальные технологии», направленные на создание условий «естественных» родов, способствующих физиологической и психологической адаптации матери и ребенка, полноценному гармоничному развитию детей с момента рождения. При этом в России в среднем по стране 25-30% родов заканчиваются кесаревым сечением. Показания для операции сейчас расширены в интересах плода. Но при этом причины такой статистики не всегда кроются в медицинской сфере. Все больше женщин выбирают кесарево сечение как наиболее безболезненный и безопасный способ родов.

Обзор отечественных и зарубежных исследований показывает, что авторы относят детей, рожденных с помощью операции кесарева сечения, к «группе риска». У таких детей недостаточно сформированы кинестетическая чувствительность, кинетическая организация движений, правополушарная переработка визуальной информации, внимание, пространственное мышление, речь. Пассивный и активный словарь ребенка не соответствует возрастной норме, он мало задает вопросов и редко обращается за помощью к взрослому [1,2,3]. Однако существуют современные альтернативные исследования доказывающие, что рождение путем кесарева сечения слабо связано с более низкими общими когнитивными способностями [4,5]. При этом актуальной является проблема раннего выявления нарушений в развитии ребенка, значимость которого связана с возможностью осуществления успешной коррекции отклонений в силу пластичности головного мозга ребенка в раннем возрасте. Ученые и практики отмечают, что современные дети начинают говорить в среднем в 2-2,5 года. Современные дети раннего возраста испытывают затруднения в речевом общении, так как большинство родителей мало общаются с детьми, практически не читают им книг. В настоящее время в нашей стране отсутствуют актуальные исследования, посвященные данной проблеме, при этом медицинские технологии продолжают развиваться и могут позволять снизить риски различных осложнений после операций. Важно изучить состояние проблемы развития речи детей, рожденных с помощью операции кесарева сечения, на данный момент.

Цель исследования – изучение развития речи детей раннего возраста, рожденных с помощью операции кесарева сечения. Основную группу – группу кесарево сечение – составили 28 детей, зачатые естественным способом и рождены с помощью операции кесарева сечения. Контрольную группу составили 77 детей, зачатые и рожденные естественным способом. Дети обеих групп рождены в срок от одноплодной беременности и имели при рождении баллы по шкале Апгар не ниже 7, беременность протекала без патологии. Общая выборка при этом составила 105 детей. Между группами нет существенных отличий по половозрастным показателям и основным социально-демографическим показателям.

Для решения поставленных в исследовании задач были использованы следующие методы: наблюдение, опрос, анализ медицинской документации, тестирование с использованием следующих методик: «Диагностика нервно-психического развития детей раннего возраста» (Пантюхина Г.В., Печора К.Л., Фрухт Э.Л.), «Комплексная оценка развития детей в возрасте от 2 месяцев до 3 лет 6 месяцев» (Шкалы KID-R и RCDI -2000).

Результаты исследования: сравнительный анализ результатов диагностики понимания речи и активной речи по всему исследуемому возрастному диапазону, а также в возрастных срезах не выявил существенных различий между группами. При этом стоит отметить, что при анализе развития активной речи в обеих группах было выявлено в среднем около 40% детей, имеющих отставание в развитии. Вывод: развитие речи детей, рожденных в срок от одноплодной беременности с помощью операции кесарева сечения и имеющих при рождении баллы по шкале Апгар не ниже 7, не имеет значимых отличий от детей, рожденных естественным способом.

1. Горячева Т.Г., Сафонкина А.В. *Нейропсихологический анализ сформированности высших психических функций у детей, рожденных с помощью кесарева сечения // Развитие научного наследия А.Р. Лурия в отечественной и мировой психологии: Материалы третьей международной научно-практической конференции / под. ред. В.А. Москвина. Белгород: Издат.-полиграф. центр «Политерра», 2010. С. 37–43.*
2. Зеленина И.В. *Особенности когнитивной сферы у детей 7 лет, рожденных с помощью планового кесарева сечения // European Social Science Journal. 2016. №6. С. 236–241.*
3. Ревякина Ю.В., Ярославцева И.В. *Особенности умственного и психомоторного развития детей раннего возраста, рожденных с помощью абдоминального способа родоразрешения // Психологическая наука и образование. 2015. Т. 7. №1. С. 30–38.*
4. Ahlqvist V.H., et al. *Caesarean section and its relationship to offspring general cognitive ability: a registry-based cohort study of half a million young male adults // Evidence-Based Mental Health. 2022. Vol. 25. №. 1. P. 7–14.*
5. Curran E.A., et al. *Birth by caesarean section and school performance in Swedish adolescents-a population-based study // BMC pregnancy and childbirth. 2017. Vol. 17. №. 1. P. 1–10.*

Эмоциональное состояние и самооценка нормотипичных детей в интегративных группах детского сада

Самооценка, тревожность, инклюзивная среда, эмоциональное состояние дошкольников, интегративный детский сад

Распространение инклюзивных практик в дошкольных учреждениях объясняется стремлением обеспечить детям с особыми потребностями возможность быть полноправными членами общества, получать социальную поддержку и образование на равных условиях со своими сверстниками [3]. Несмотря на то, что для достижения этой цели предлагаются специализированные программы, инициативы, вводятся нормативные документы, полноценный переход к инклюзивному образованию так и остаётся нереализованным. Большое значение в этой проблеме имеют существующие в обществе стереотипы из-за информационных барьеров [2]. В частности, всё ещё наблюдается значительная разница в количестве исследований, касающихся влияния таких программ на детей с особенностями развития и на нормотипичных детей, участвующих в инклюзивных группах [1]. По этой причине, данное исследование ставит своей целью изучение эмоционального состояния и самооценки нормотипичных детей, выступающих участниками инклюзивных групп детского сада.

В выборку исследования входят дошкольники от 5 до 7 лет. Участники экспериментальной группы посещают детский сад ГДОУ № 41 «Центр интегративного воспитания» Центрального района Санкт-Петербурга, и разделены на тех, кто включён в группы частичной и полной интеграции. В качестве контрольной группы были выбраны дети из детского сада ГДОУ № 17 Центрального района Санкт-Петербурга, где не реализуются программы инклюзивного образования. Всего в данной работе приняли участие 99 детей. Методы исследования: Тест тревожности (Р. Тэмпл, В. Амен, М. Дорки, адаптация М. А. Панфиловой, 2000), методика самооценки детей «Лесенка» (автор модификации В.Г. Щур), методика «Рисунок человека» (К. Маховер, 1996).

По результатам исследования было определено, что у детей, посещающих инклюзивные группы детского сада, а также у детей-участников контрольной группы не были выявлены значимые различия в уровне тревожности и самооценки. Данный факт говорит о том, что интегративные программы образования не оказывают негативного влияния на нормотипичных детей в исследуемых аспектах. Полученные результаты имеют большую значимость для предотвращения части стереотипных представлений, связанных с возможным негативным воздействием инклюзивного обучения, а также важны для развития социальной инклюзии в целом.

1. Пасторова А.Ю. *Инклюзивное образование: исследования и практика в Санкт-Петербурге*. СПб.: Издательский дом Санкт-Петербургского государственного университета, 2012.
2. Сиротюк А. *Воспитание ребенка в инклюзивной среде*. Litres, 2022.
3. Hehir T., et al. *A Summary of the Evidence on Inclusive Education* // Abt Associates, 2016.

Оценка развития детей младенческого возраста

Здоровье; развитие; мать-ребенок; оценка развития; младенческий возраст

Многие исследования показывают значимые связи между отношением матери к ребенку и уровнями его развития: сенсорное развитие, навыки самообслуживания и активной речи у детей в младенческом возрасте [2;3]. Шкала KID является одним из наиболее часто используемых инструментов оценки представления о развитии ребенка в возрасте от 2 до 16 месяцев [3] и заполняется лицом, осуществляющим уход за ребенком. KID содержит 252 вопроса, описывающих поведение из пяти областей: когнитивной, двигательной, языковой, самопомощи и социальной сферы [2]. Исследования показывают высокую степень надежности KID в чешской версии CZ [2] и в испанской версии EDIK [1]. В испанской версии KID чувствителен к возрастным различиям и является хорошим инструментом, позволяющим проводить классификацию между здоровыми младенцами и детьми из группы риска [1]. В данной работе представлены результаты использования KID для оценки развития младенцев в возрасте от двух до шестнадцати месяцев.

Выборка: В исследовании приняли участие биологические матери (N=21), воспитывающие в семьях детей в возрасте от двух до 15,6 месяцев (M(SD)=10,3(3,91) месяцев). Возраст матерей – M(SD)=32,95(2,94) лет, срок родоразрешения – 39,16(1,89) недель (с поправкой на недоношенность у троих детей от 33 до 37 недель).

Результаты: язык общения в семье у 95% русский, у 5% русский и другие языки. У тринадцати (62%) матерей роды были нормальными, у четырех (19%) роды были с осложнениями для матерей, у двух матерей (9%) роды были с осложнениями для детей, у двоих матерей (10%), роды были с осложнениями для обоих.

95% матерей видят своих детей как «здоровых», 5% матерей видят своих детей как «выздоровевших после болезни». Детский сад не посещают 20 детей, а посещает 1 ребенок. В шести случаях (29%) дети были единственными в семье, в двенадцати случаях (57%), дети имели по одному сиблингу, в трех случаях (14%) у детей было по два сиблинга.

В случаях, когда роды проходили с осложнениями для обоих, было отмечено отставание в развитии речи, самообслуживания и движения. У детей с недоношенностью, такое отставание было отмечено только у одного ребенка с отметкой «ребенок развивается нормально».

В трех случаях (14%) было отмечено опережающее развитие детей. В одиннадцати случаях (53%) было отмечено нормальное развитие. В четырех случаях (23%) было отмечено недоразвитие в областях самообслуживания, познания и развития языка у младенцев. В двух случаях (12%) у детей было отмечено опережение развития в областях самообслуживания и движения. В семи случаях (33%) было отмечено отставание в развитии детей по всем оцениваемым параметрам.

Выводы: полученные результаты согласуются с выводами других исследователей [2;3] и поддерживают возможность использования KID для оценки развития детей.

1. García-Tornel Florensa S., et al. Normalización de la Escala de Desarrollo Infantil de Kent. Implicaciones para la práctica pediátrica ambulatoria. *Anales españoles de pediatría*. 1997. 46(2), 172–176.
2. Prochazkova E., Brichacek V., Dittrichova O. Assessment of early development: Kent Infant Development (KID) Scale in the Czech population. *Ceskoslovenská Psychologie*. 2001. 45(1):45-54.
3. Аникина В.О., Пионова К.А. Использование шкалы KID для оценки представлений матери о развитии её ребенка в младенческом возрасте // *Материалы международной научной конференции. Под общей редакцией А.В. Шаболтас. Отв. ред. В.И. Прусаков. Санкт-Петербург, 2021. с. 348-349.*

Система школ осознанного родительства как профилактика семейного неблагополучия

Родительство, семейное неблагополучие, осознанность, детско-родительские отношения

В последние годы феномен родительства претерпевает значительные изменения. Появляется все больше родителей, которые задумываются не только об обеспечении детей всем материально необходимым (одед, накормлен и обучен), но и о важности эмоционального компонента развития и воспитания. Даже самый любящий родитель сталкивается с трудностями в воспитании детей, которые приводят к ухудшению детско-родительских отношений и применению насильственных методов воспитания в семье.

Целью настоящего исследования является выявление влияния обучения родителей основам психофизиологического развития детей, саморегуляции и самопомощи в ходе освоения программы ШОР (Школа осознанного родительства) на качество взаимоотношений с детьми и с партнером.

Методики исследования: наблюдение, беседа и анкетирование родителей перед началом обучения и по итогу прохождения всего курса.

В исследовании приняли участие 111 респондентов (10 мужчин и 101 женщина), средний возраст – 36,4 года, среднее количество лет нахождения в браке – 8,9 лет.

Результаты:

1. В ходе наблюдений и устной обратной связи от Лидеров ШОР было выявлено, что 97% родителей, завершивших обучение, обладают базовыми знаниями из области семейной и детской психологии.

2. После прохождения ШОР процент родителей, считающих наказание – неотъемлемой частью воспитания, снизился на 12 % (с 18% до 6%). Родители разделяют ценности ненасильственного воспитания, осознав и проработав собственный негативный детский опыт.

3. Большинство родителей (93%) укрепили детско-родительские отношения благодаря развитию важных компетенций: навыка укрепления привязанности с детьми, навыка позитивной коммуникации и решения конфликтных ситуаций, а также навыков ненасильственного воспитания. После освоения программы ШОР 34% родителей отмечают свои отношения с детьми на 9-10 баллов по 10 балльной шкале, что является высшим показателем, еще 59% респондентов оценивают на достаточно высокие 7-8 баллов.

4. Родители улучшили психоэмоциональное состояние благодаря горизонтальной социальной поддержке и развитию навыков заботы о себе: 56 % родителей после окончания ШОР оценивают своё актуальное состояние достаточно высоко на 8-10 баллов, где 10 – я в ресурсе («чувствую себя превосходно, у меня много сил»). Данный показатель выше на 23 % по сравнению с началом обучения в ШОР.

Школы осознанных родителей — это инструмент ранней профилактики семейного неблагополучия. Встречи с психологом в офлайн формате один раз или дважды в неделю по программе «Азбука счастливой семьи. 30 уроков осознанного родительства», разработанной опытными психологами и педагогами в партнерстве с Институтом изучения детства, семьи и воспитания Российской академии образования, дают мамам и папам базовые знания из области семейной и детской психологии в формате «равный – равному», а также обеспечивают круг социальной поддержки.

1. Варга А.Я. Системная семейная психотерапия. СПб: Речь, 2006. -352 с.

2. Овчарова Р.В. Материнство в неполной семье. Курган: КГУ, 2014. -356 с.

3. Овчарова Р.В. Родительство как психологический феномен. Москва: Московский психолого-социальный институт, 2006. -496 с.

4. Овчарова Р.В. Психологическое сопровождение родительства. Москва: Изд-во Института психотерапии, 2003. - 319с.

Исследование выполнено при финансовой поддержке ФПГ (проект № 22-1-004176).

Исследование особенностей эмоционального состояния и отношения к новорожденному у женщин с нарушенной репродуктивной функцией

Женщины с нарушенной репродуктивной функцией, эмоциональное состояние, тревожное отношение к новорожденному

Бесплодие является одной из самых важных и значимых проблем нашего времени. Актуальность исследования обусловлена возрастающим количеством случаев наступления беременности с применением вспомогательных репродуктивных технологий. Метод экстракорпорального оплодотворения дает возможность реализовать функцию деторождения при формах бесплодия, которые ранее считались абсолютно бесперспективными для лечения. Реализация материнства посредством ЭКО, несомненно, является повышенной эмоциональной нагрузкой не только для женщины, но и отражается на психологическом благополучии ребенка. Целью нашего исследования является изучение установочного отношения к новорожденному и исследование особенностей эмоционального состояния у женщин с нарушенной репродуктивной функцией в раннем послеродовом периоде.

Для проверки выдвинутых гипотез был осуществлен подбор методик:

метод клинической беседы, которому отводится основная роль при выстраивании конструктивного комплаенса. Исследование проводилось в раннем послеродовом периоде, на 2 – 5 день после рождения ребенка. Был осуществлен индивидуальный подход с максимальной эмпатией «доминантной на лицо другого», сопереживанием и учетом образовательного уровня, возрастного и социального статуса женщины, пониманием волнений, страхов и неопределенности, связанных с рождением ребенка [2]. «Тест отношений беременной И.В. Добрякова» предназначен для определения особенностей отношения, которое транслируют женщины к новорожденному ребенку [1] и клинический опросник К.К. Яхина, Д.М. Менделевича [3], позволяющий выявить основные синдромы невротических состояний, а именно – тревожность, невротическую депрессию, астению, истерический тип реагирования, обсессивно-фобические нарушения и вегетативные нарушения.

Результаты исследования

Были выявлены значимые различия между респондентами основной и контрольной групп в части исследования отношения к новорожденному. Женщины, с нарушенной репродуктивной функцией демонстрируют более тревожное отношение к ребенку ($U = 220,5$; $p = 0,0027$). Женщины, с сохранной репродуктивной функцией чаще демонстрируют оптимальное отношение к новорожденному ($U = 238,5$; $p = 0,022$).

Результаты исследования свидетельствуют о достоверных различиях по болезненному характеру выявляемых невротических проявлений (меньше $-1,28$) по шкале «невротическая депрессия» ($U = 133,5$; $p < 0,001$), и по шкале «астения» ($U = 79,5$; $p < 0,001$) у женщин, с нарушенной репродуктивной функцией.

Описана положительная корреляция между тревожным отношением к новорожденному и показателями по шкале астении у женщин с нарушенной репродуктивной функцией ($r = 0,39$; $p < 0,05$). Чем выше уровень истощения физических и психологических ресурсов женщины, что и проявляется астеническим состоянием, тем более тревожное отношение к новорожденному она транслирует.

Выводы: диагностика особенностей транслируемого отношения к новорожденному, а так же качественные и количественные характеристики негативного эмоционального состояния, проявляющегося в виде невротической депрессии, астении, истерического типа реагирования и других синдромов, могут стать отправной точкой при консультировании и сопровождении женщин с нарушенной и сохранной репродуктивной функцией в раннем послеродовом периоде.

1. Добряков И.В. Клинико-психологические методы определения типа психологического компонента гестационной доминанты // Перинатальная психология и нервно-психическое развитие детей: сб. матер.конф. СПб.: НИИ акушерства и гинекологии им. Д.О. Отта, 2001. С. 39–48.
2. Золотова И.А. Исследование невротических состояний у женщин, беременность которых закончилась рождением ребенка с заболеванием в периоде новорожденности // Сборник материалов Всерос. научно-практич. конф. с междунар. уч. 23–24 марта 2023 г. / под ред. Н.В. Зверевой, И.Ф. Роциной. М.: издательство МГППУ, 2023. 659 с.
3. Яхин К.К., Менделевич Д.М. Клинический опросник для выявления и оценки невротических состояний // Клиническая и медицинская психология: Практическое руководство. М. 1998. С. 545–552.

Коммуникативное развитие детей при переходе из дома ребенка в замещающую семью

Коммуникативное развитие, социально-эмоциональная депривация, дом ребенка, замещающая семья

В исследованиях было показано, что ранний социально-эмоциональный опыт ребенка имеет критическое значение для его коммуникативного развития [3], а раннее коммуникативное развитие является предиктором дальнейшего коммуникативного и когнитивного развития ребенка [1]. В то же время условия домов ребенка (ДР) характеризуются высоким уровнем социально-эмоциональной депривации [4], на преодоление которой направлены программы раннего вмешательства, повышающие показатели постоянства и чувствительности социального окружения ребенка [1]. Целью нашего исследования было изучить коммуникативное развитие детей с ранним опытом институционализации при переходе в замещающую семью (ЗС), учитывая особенности социально-эмоционального окружения в ДР.

В нашем исследовании приняли участие 230 детей (116 мальчиков) из трех ДР: 74 ребенка из ДР без изменений (БИ), 58 детей из ДР, в котором было проведено только обучение (ТО), направленное на повышение чувствительности и отзывчивости сотрудников, и 98 детей из ДР после сочетания обучения со структурными изменениями, направленными на повышение чувствительности и постоянства окружения (О+СИ). Возраст детей составил от 12 до 60 мес. ($M(SD) = 31(13,9)$ мес.). Для оценки уровня коммуникативного развития детей была использована шкала коммуникативного развития стандартизованной методики BDI (Battelle Developmental Inventory)[5].

Результаты ковариационного анализа ANCOVA при исключении влияния возраста перевода в замещающую семью показали, что социально-эмоциональное окружение детей в домах ребенка, влияет на уровень коммуникативного развития детей ($F(2) = 4,36; p = 0,014; \eta^2 = 0,032$) как на этапе в доме ребенка перед переходом в ЗС, так и после перевода в ЗС при проживании в ЗС более 2-х лет. При этом самые низкие показатели коммуникативного развития детей были получены у детей из ДР (БИ), который характеризуется высоким уровнем социально-эмоциональной депривации.

Результаты сравнения уровня коммуникативного развития детей в трех ДР показали значимо более высокий уровень коммуникативного развития детей в домах ребенка, где было проведено вмешательство, что соотносится с результатами оценки эффективности данной программы вмешательства [1]. Также было показано, что ранний опыт проживания в доме ребенка с более чувствительным и стабильным социально-эмоциональным окружением, оказывает положительное влияние на дальнейшее коммуникативное развитие детей в замещающей семье, что поддерживает данные о связи раннего социально-эмоционального опыта с дальнейшим коммуникативным развитием детей.

1. Влияние изменения раннего социально-эмоционального опыта на развитие детей в домах ребенка / Под науч. ред. Р.Ж. Мухамедрахимова. Пер. с англ.; 2-е изд. М.: Национальный фонд защиты детей от жестокого обращения, 2013. 304 с.
2. Bornstein M.H. Human infancy... and the rest of the lifespan // *Annual Reviews of Psychology*, № 65, 2014, p. 121–158.
3. Landry S., et al. Responsive parenting: Establishing early foundations for social, communication, and independent problem-solving skills // *Developmental Psychology*, № 42, 2006, p. 627–642.
4. Muhamedrahimov R., et al. Characteristics of children, caregivers, and orphanages for young children in St. Petersburg, Russian Federation // *Journal of Applied Developmental Psychology*. 2005. № 5. P. 477–506.
5. Newborg J., et al. *Battelle developmental inventory: Examiner's manual*. Allen, TX.: Ddmlinc Associates. 1984.

Психотерапевтическое сопровождение семей с детьми раннего возраста в пространстве тоддлеровской группы

Групповая работа с детьми и родителями, тоддлеры, детско-родительские отношения, раннее вмешательство

Первые годы жизни ребенка являются периодом наиболее интенсивного развития. В возрасте от рождения до трех лет закладывается фундамент физического, психического и нравственного здоровья. Ребенок развивается с потрясающей скоростью и физически, и умственно. Ранний возраст – это важный сензитивный период для овладения ребенком способности регулировать эмоции, для достижения им автономности, а также для формирования отношений с близким взрослым и окружающим миром.

В последние годы вопросы раннего развития детей становятся все более актуальными для современных родителей. Часто они стремятся как можно раньше научить ребенка читать, писать, считать и наполнить его мозг большим количеством информации, форсируя раннее интеллектуальное развитие. При этом, в меньшей степени уделяют внимание особенностям социально-эмоционального развития ребенка и качеству отношений с ним.

Огромный вклад в понимание специфики детско-родительских отношений и их влияния на раннее развитие ребенка внесли ряд теорий, среди которых можно выделить теорию классического психоанализа, теорию объектных отношений, концепцию линий развития А.Фрейд, теорию отделения и индивидуации М. Малер, теорию привязанности (Дж. Боулби, М. Эйнсворт). В своих работах авторы подчеркивали, что недостаток общения с матерью ставит под угрозу жизнь ребенка, препятствует его физическому и психическому развитию (Дж. Боулби). Особая роль матери при этом заключается в создании безопасного окружения и безопасной эмоциональной основы для последующего самостоятельного исследования ребенком окружающего мира (М. Эйнсворт).

Психоаналитическое понимание отношений как фактора полноценного развития ребенка стало реализовываться в пространстве тоддлеровских групп. Заложена в них идея альтернативной точки зрения для сторонников активной педагогической стимуляции раннего развития. В тоддлеровских группах сменился фокус внимания от обучения ребенка к наблюдению за ним и его развитием через развитие отношений с близким взрослым. Для этой цели центральной задачей ведущих группы является создание и поддержание «контейнирующего» пространства и атмосферы принятия, которые являются целительным инструментом для детей, родителей и группы в целом [1]. Психотерапевтический эффект посещения тоддлеровской группы семьей достигается благодаря новому опыту доверительных отношений и переживаний матери и ребенка, который помогает разрешать затруднения у детей до того, как они станут полностью интернализированы. В процессе групповой работы происходят глубокие изменения в эмоциональной сфере, поведении и взаимодействии детей и родителей, модифицируя потенциально разрушительные отношения в положительную модель, где появляется возможность для роста и развития. Наблюдая за детьми и обсуждая возникающие у родителей вопросы в безопасном пространстве группы, ведущие предлагают иной взгляд на то, как думать, понимать и взаимодействовать с детьми. Они также могут выполнять функцию поддержки «материнской фигуры», что способствует процессу отделения ребенка от мамы и раскрытию материнских функций участниц [3].

Наш опыт работы в качестве ведущих тоддлеровской группы показал, что при регулярном посещении семьей групповых занятий удается эффективно преодолеть эмоциональные и поведенческие трудности у детей раннего возраста (агрессивное поведение, упрямство, замкнутость, капризность и др.). Такая форма групповой работы с детьми и родителями способствует бережной социализации детей и повышению родительских компетенций в вопросах, связанных со сном, кормлением, приучением к горшку, самообслуживанием и другими.

Практика ведения тоддлеровской группы с участием полной семьи (мама, папа и ребенок) подчеркнула особую роль отцов в развитии детей раннего возраста. Их присутствие на группе помогает бережно пройти процесс сепарации-индивидуации. При этом фигура отца может быть поддерживающей не только для своего ребенка, но и для других участников группы.

1. Иванова В.Ю. Тоддлеровская группа как метод психологического сопровождения семей с детьми раннего возраста // Психологическое консультирование детей и родителей: учебное пособие / / под ред. В.О. Аникиной. СПб: Изд-во С.-Петерб. ун-та, 2020. 336 с.
2. Woods M.Z. Preventive work in a toddler group and nursery // *Journal of Child Psychotherapy*, Vol.26(2), 2000, p. 209-233.

Особенности эмоционального состояния матерей недоношенных детей раннего возраста с экстремально-низкой массой тела при рождении

Эмоциональное состояние матерей, послеродовая депрессия, недоношенные дети

В связи с преждевременным разъединением психофизиологической связи «мать-ребёнок», матери недоношенных детей часто испытывают выраженные трудности в установлении взаимоотношений со своим ребёнком, которые могут быть связаны с переживаемым ими психологическим стрессом [2]. У них отмечается высокая частота депрессии, острое стрессовое расстройство (ОСР), посттравматическое стрессовое расстройство (ПТСР) [1,3]. Нами был проведён анализ характеристик эмоционального состояния и особенностей поведения матерей в связи с нейропсихическим функционированием их детей раннего возраста с экстремально-низкой массой тела (ЭНМТ) при рождении.

В исследование было включено 10 пациентов (распределение по полу – 7 девочек и 3 мальчика), рождённых с массой тела <1000 грамм (средний гестационный возраст 25,9±1,19 недель (от 24 до 28 нед.); средний вес при рождении – 850,0±113,6 г (720,0 – 945,0 г). Средний хронологический возраст детей – 18,8±3,7 (от 9 до 27 месяцев). Средний возраст матерей недоношенных детей 34,6±4,3 года (от 26 до 40 лет).

Оценка эмоциональных переживаний матерей недоношенных детей проводилась при помощи опросника «Шкала депрессии Бэка» (BDI-II; Beck et al., 1996); Шкалы тревоги Спилбергера – Ханина (State-Trait Anxiety Inventory – STAI, Spielberger C.D. et al., 1983); Шкалы опросника Т. Ахенбаха для взрослых (18-59 лет), кроме того была использована Гейдельбергская шкала стресса (Heidelberger Belastungsskala – HBS; Sidor A. et al., 2007). Оценка нейропсихического функционирования недоношенных детей проводилась при помощи родительского опросника "Ages and Stages Questionnaires" (ASQ-3; Squires J. et al., 2009).

В результате анализа было выявлено, что высокий уровень тревожно-депрессивных переживаний (чувства вины, одиночества, растерянности, незащищенности, беспокойства о будущем) матерей недоношенных детей с ЭНМТ имеет связь с качеством развития познавательных навыков и навыков манипулирования объектами у их недоношенных детей в раннем возрасте. На основании шкал опросника Т. Ахенбаха было выявлена отрицательная корреляция замкнутости матерей, в частности, трудности в установлении контакта с другими людьми, стремление к уединению, избегание установления близких контактов и нежелание делиться своими внутренними переживаниями, с уровнем развития мелкой моторики у их детей раннего возраста, рожденных крайне преждевременно. Описываемые эмоциональные состояния матерей могут приводить к нарушениям взаимодействия и взаимопонимания в диаде «мать-дитя» и оказывают влияние на темп психомоторного развития их детей в раннем возрасте, что проявляется, в частности, снижением их интереса к окружающему.

Показатели стресса по HBS имеют отрицательную корреляцию с уровнем развития навыков манипулирования объектами у недоношенных детей с ЭНМТ при рождении в раннем возрасте. Например, финансовое положение матерей, являющихся для них источником стресса, отмечалось ими как ненадёжное и ограничивающее обеспечение помощи ребёнку в восстановлении его здоровья.

Таким образом, рассмотрение связи характеристик эмоционального состояния и особенностей поведения матерей недоношенных детей с ЭНМТ раннего возраста позволило выявить области сниженного нейропсихического функционирования, что необходимо с целью оказания индивидуальной психологической помощи матерям в установлении взаимоотношений со своим ребёнком.

1. Андрущенко Н.В., и др. Особенности эмоционального состояния матерей в аспекте их раннего взаимодействия с недоношенными детьми // Журнал неврологии и психиатрии им. С.С. Корсакова. 2019. Т. 119. №. 5. С. 148-153.
2. World Health Organization, et al. WHO recommendations for care of the preterm or low-birth-weight infant // Geneva: World Health Organization. 2022.
3. Pace C.C., et al. Evolution of depression and anxiety symptoms in parents of very preterm infants during the newborn period // *Jama Pediatrics*. 2016. Vol. 170. №. 9. P. 863-870.

Характер взаимодействия ухаживающих взрослых и младенцев, воспитывающихся в доме ребенка

Ухаживающие взрослые, младенцы, учреждения закрытого типа

Вопрос о взаимоотношениях между близким взрослым и ребенком на начальных этапах онтогенеза привлекал внимание исследователей, начиная с первой половины 20 века. Основу разработки этой проблематики составили исследования особенностей развития детей, выросших в закрытых детских учреждениях в условиях лишения материнской заботы, проведенные Р. Спитцем [1].

Дальнейшие исследования в этом направлении [1–4] позволяют сделать выводы: 1) поведение взрослых при общении с ребенком является опережающим, стимулирующим фактором его психического развития [1, 2];

2) в интернатных учреждениях присутствует нестабильность и низкая отзывчивость социального окружения, деятельность взрослых в основном сводится к выполнению манипуляций, связанных с уходом за детьми [3, 4]. Подчеркнем, что отсутствие интимно-личностного общения младенца и ухаживающего взрослого при отсутствии матери, по результатам исследований А.Фрейд и Э.Пиклер, приводит к развитию «синдрома госпитализма», проявляющегося в задержке предречевого и речевого развития, «эмоциональной тупости», отсутствию волевого поведения [5]. Минимизировать проявления синдрома вне своевременного вмешательства практически невозможно.

Целью исследования стало определение особенностей среды дома ребенка, одной из единиц анализа которой выступал характер взаимодействия с младенцами ухаживающих взрослых. Основными методами – наблюдение и беседа с персоналом.

Полученные результаты демонстрируют, что поведение большинства (61%) взрослых имеет тенденцию к гипоопеке, но в целом присутствует положительное отношение к детям и средний уровень эмоциональной вовлеченности. В 14% случаев поведение детей преимущественно оценивается на основании соответствия требованиям, при низком уровне эмоциональной вовлеченности взрослых. У 25% сотрудников было отмечено адекватное дифференцированное отношение к детям с элементами безусловного принятия: высокая эмоциональная вовлеченность, понимание и учет состояния детей. У большинства ухаживающих взрослых отсутствует личная заинтересованность в успехах ребенка, незначительны эмоционально насыщенные контакты и субъективно направленные стимулы (подмечают и поощряют успехи ребенка), личностные обращения к детям. Наличие индивидуальных привязанностей к детям с их стороны достоверно ($p \leq 0,01$) коррелирует с показателями психического онтогенеза младенцев (в 6 месяцев $r=0,85$, в 12 месяцев $r=0,61$).

Значительное влияние, помимо характера взаимодействия, оказывает сама организация воспитательного процесса дома ребенка: частая сменяемость взрослых способствует возникновению (наряду с сенсорной и социальной) когнитивной депривации, в основе которой лежит невозможность установления закономерностей отношений между объектами в окружающей среде, отсутствие возможности ребенка понимать, прогнозировать и регулировать происходящее в ней.

Специфика социального окружения находит отражение в особенностях психического онтогенеза детей, воспитывающихся в доме ребенка. Задержка и искажение их развития обусловлены тем, что общение персонала с младенцами не имеет субъективной направленности, что совпадает с мнением [3, 4] о зависимости психического развития детей, воспитывающихся в закрытых детских учреждениях, от специфики отношения к ним ухаживающих взрослых.

1. Валитова И.Е. Клинико-психологическая концепция психического дизонтогенеза в раннем возрасте: монография. Брест: БрГУ, 2019. 300 с.
2. Кушнир Н.Я. Плач как показатель психического развития младенца в первые месяцы жизни // Вопросы психологии. 1993. № 3. С. 17–24.
3. Мухамедрахимов Р.Ж. Влияние опыта жизни в закрытом учреждении на последующее развитие ребенка // Дефектология. 2006. № 1. С. 21–24.
4. Психическое развитие воспитанников детского дома / НИИ общей и педагогической психологии Акад. пед. наук СССР. Под ред. И.В. Дубровиной, А.Г. Рузской. М.: Педагогика, 1990. 264 с.
5. Марищук Л.В., Ивашко С.Г., Кузнецова Т.В. Психология развития и педагогическая психология. Под науч.ред. Л.В.Марищук. Минск: Бгуфк, 2010. 231 с.

Психологические особенности детей с обычным развитием в интегративных группах 10 лет спустя

Полная и частичная интеграция, тревожность, самооценка, дошкольники

Российское образование уже несколько лет развивается в направлении инклюзии. При этом все чаще задаются вопросы о ее эффективности как для детей с особенностями, так и для детей с обычным развитием [3]. Многих родителей волнует, какое влияние оказывает объединение в одном пространстве детей с различными нарушениями на развитие нормотипичных детей [4]. Данное исследование направлено на понимание того, произошло ли значимое изменение характеристик детей с нормотипичным развитием в интегративных и обычных группах детского сада по сравнению с данными, полученными 10 лет назад. Сравниваются результаты исследования 2012 г., полученные в исследовании А.Ю. Пасторовой [1] и данные, собранные весной 2023 г. Целью работы является сравнение данных, полученных в эти периоды. Фокус внимания направлен на описание уровня тревожности и самооценки детей с обычным развитием в группах с разными типами интеграции (частичной и полной). Выборка 2023 г. представлена детьми в возрасте от 5 до 7 лет, посещающими ГДОУ № 41 «Центр интегративного воспитания» Центрального района Санкт-Петербурга; группа сравнения – дети из ГДОУ № 17 Центрального района Санкт-Петербурга, в котором не осуществляются программы инклюзивного образования, по остальным характеристикам воспитания детей данные учреждения сравнимы между собой. В выборку исследования, проведенного в 2012 г., вошли воспитанники этой же возрастной группы с развитием, соответствующим возрастной норме, посещающие упомянутые выше учреждения. Методы исследования: методика «Лесенка» (автор модификации В.Г. Щур), направленная на оценку самооценки детей, и тест тревожности (Р. Тэмпл, В. Амен, М. Дорки, адапт. М. А. Панфиловой, 2000). Анализ межгрупповых различий проводился с использованием U-критерий Манна — Уитни. В результате исследования значимых различий между данными 2023 г. и результатами исследования 10-летней давности не обнаружено, то есть тогда и сейчас значимых различий между рассматриваемыми группами детей нет. Выводы: Вне зависимости от формы интеграции эмоциональное состояние и самооценка дошкольников в образовательных учреждениях не отличаются от таковых у сверстников из обычного детского сада. Эти данные не изменились за 10 лет.

1. Дымова Т.Е. Современный тренд: инклюзивное образование, 2018. URL: <https://rosuchebnik.ru/material/rabota-s-roditeleyami-v-inklyuzivnoy-shkole/> (дата обращения: 01.06.2023).
2. Пасторова А.Ю. Инклюзивное образование: исследования и практика в Санкт-Петербурге. СПб.: Изд. дом Санкт-Петербургского государственного университета, 2012.
3. Пасторова А.Ю. Психофизиологические и психологические особенности адаптации старших дошкольников с обычным развитием в группах интеграции: специальность 19.00.02 "Психофизиология": автореф. дис.... канд. психол. наук / Пасторова А.Ю. Санкт-Петербург, 2006. 23 с.
4. Хлебодарова А.Г., Юрьева В.А. Инклюзивное образование как современная модель образования и принципы его реализации // Развитие современных компетенций педагогов и обучающихся через изучение и популяризацию традиционной культуры народов Российской Федерации. 2021. С. 188-192.

Характеристики взаимодействия воспитателей и детей с синдромом Дауна и показатели развития коммуникации у детей в связи с программой супервизии персонала в детском доме-интернате

Дети с синдромом Дауна, рефлексивная супервизия, детский дом-интернат

Настоящее исследование продолжает серию научных работ, посвященных изучению влияния качества социального окружения на развитие детей в сиротских учреждениях [2, 4]. В ДДИ №4 (Санкт-Петербург), где проводится исследование, с 2014 года в рамках проекта «Детский дом-как дома» [1] были созданы «семейные» группы для 5-6 воспитанников, выделены постоянные воспитатели. Для сотрудников было организовано регулярное обучение. В процессе внедрения преобразований увеличивался репертуар поведения детей и взрослых в процессе взаимодействия, у детей снижались проявления дезадаптивного поведения, но практически не изменялись показатели коммуникации и речи [1].

Цель исследования – изучение уровня развития коммуникации у детей и характеристик взаимодействия воспитателей и детей с синдромом Дауна (СД) в связи с программой супервизии персонала в ДДИ. Актуальность определяется данными предыдущих исследований в ДДИ 4, демонстрирующими недостаточную отзывчивость воспитателей на коммуникативное поведение детей и редкое использование средств АДК [2, 4]. В исследовании приняли участие 17 детей с СД в возрасте от 9 до 20 лет и 15 воспитателей. Дизайн исследования предполагает первичную оценку развития коммуникации и характеристик взаимодействия (базовая линия), затем разработку и проведение программы супервизии для воспитателей и повторный сбор данных. Проводится видеосъемка взаимодействия воспитателя и ребенка с СД (5 минут свободной и 5 минут структурированной игры); для кодирования видеозаписи используется метод «Оценка взаимодействия взрослого и ребенка в игровой ситуации» (Пальмов, Джаошвили, Курохтина). Совместно с воспитателем заполняется Матрица коммуникации [3] по конкретному воспитаннику. Также воспитатели самостоятельно заполняют составленную нами биографическую анкету-опросник, нацеленную на выявление основных трудностей в их работе.

Исследование продолжается, но на данном этапе уже можно выделить некоторые особенности в работе воспитателей и в коммуникативном развитии детей. Многие воспитатели показывают низкую чувствительность к сигналам детей, а взаимодействие со стороны детей характеризуется низкой инициативностью. Средства АДК используются непостоянно – у детей есть коммуникативные книги, но такое средство коммуникации подходит не всем из них. Требуется более корректный подбор средств АДК для увеличения уровня взаимопонимания воспитанников и воспитателей.

Для улучшения качества взаимодействия взрослых с детьми и более эффективного внедрения средств АДК, совместно со специалистами ДДИ будут проведены индивидуальные супервизии воспитателей. Выбранная нами модель рефлексивной супервизии предполагает поддержку воспитателей и обсуждение более эффективных стратегий поведения в работе с детьми. В предыдущих исследованиях использование такого формата супервизий в домах ребенка способствовало улучшению качества контакта детей и персонала, увеличению активности детей при взаимодействии с воспитателями [2].

1. Алексеенко А.А., и др. *Детский дом «как дома» опыт внедрения модели «семейного» проживания в СПб ГБУСО «дом-интернат для детей с отклонениями в умственном развитии № 4»: практическое пособие. СПб, 2017. 73 с.*
2. Джаошвили И.Б., Пальмов О.И. *Характеристики взаимодействия воспитателей с детьми в связи с программой обучения и супервизии в доме ребенка // Научные исследования выпускников факультета психологии СПбГУ. 2014. Т. 2. С. 86-92.*
3. *Матрица Общения: сайт. URL: matritsaobscheniya.org (дата обращения: 17.05.2023).*
4. Пальмов О.И. *Динамика психофизического развития детей и характеристики взаимодействия детей и воспитателей на разных этапах создания в ДДИ условий, приближенных к семейным // Материалы межрегиональной конференции, Санкт-Петербург, 2017. С. 77-85.*

Пренатальные предикторы тревожно-депрессивного расстройства у женщин после рождения ребёнка в период пандемии коронавируса

Тревожность, депрессия, ПТСР, послеродовой период

Согласно исследованиям, тревожность и депрессивность являются наиболее распространёнными расстройствами у женщин в послеродовом периоде [1]. Ранее к факторам высокого риска депрессии и тревоги после родов относили имеющиеся до беременности случаи их появления, а также депрессию и повышенную тревожность во время самой беременности [3]. А симптомы послеродового ПТСР связывали с проблемными родами или с другими травматическими событиями, которые не связаны с беременностью и родами [2]. При этом достаточно редко среди предикторов тревожности и депрессии рассматривались параметры отношения к ребёнку в период беременности и после его рождения. Актуальным также является выявить возможную специфику предикторов тревожно-депрессивных расстройств у женщин после родов в ситуации пандемии коронавируса.

В связи с чем была выдвинута гипотеза: предикторами симптомов тревожно-депрессивных расстройств у женщины после рождения ребёнка является наличие этих же симптомов в период её беременности, а также неконструктивные типы отношения к беременности и ребёнку.

Выборку составили 78 женщин на этапе беременности (средний срок 28,78 недель) и после родов, средний возраст 30,1 лет (21-38). Методы: шкала психологического функционирования Т. Ахенбаха (The Achenbach System of Empirically Based Assessment) (показатели – депрессивные и тревожные расстройства), методика реактивной и личностной тревожности Спилбергера-Ханина (показатель – ситуативная тревожность), шкала оценки влияния травматического события Д. Вейса (Impact of Event Scale – IES), методика пренатальной привязанности (Дж. Кондона), тест отношений беременной И.В. Добрякова.

Результаты исследования. Корреляционный анализ выявил тесные связи показателей постнатальной тревожности, депрессии и ПТСР с пренатальными показателями эмоционального состояния и отношения к беременности и ребёнку. Однако, регрессионный анализ обнаружил, что предикторами постнатальной тревожности, депрессии и ПТСР выступают соответствующие показатели в период беременности. Так, предиктором синдрома тревожности и депрессивности у женщины после рождения ребёнка является этот же синдром во время беременности ($\beta=0,728$, $p<0,001$). Предиктором депрессивных расстройств после родов является наличие депрессивных расстройств в период беременности ($\beta=0,675$, $p<0,001$). Предиктором тревожных расстройств после родов является тревожные расстройства у женщины во время беременности ($\beta=0,621$, $p<0,001$). А предиктором ситуативной тревожности после родов является ситуативная тревожность женщины во время беременности ($\beta=0,589$, $p<0,001$). Исключением являлся только показатель ПТСР после родов, который зависел не только от уровня ПТСР во время беременности ($\beta=0,682$, $p<0,01$), но и от наличия депрессивных расстройств до родов ($\beta=0,365$, $p<0,05$).

Вывод. Таким образом, если у женщины в период беременности отмечаются симптомы тревожных и/или депрессивных расстройств, ситуативная тревожность, ПТСР, то существует большая вероятность сохранения симптомов этих же расстройств и после рождения ребёнка. Предикторами постнатальной тревожности, депрессии и ПТСР выступают соответствующие показатели в период беременности. Отношение к ребёнку в период беременности не оказывает на них значимого влияния.

1. Аникина В.О., Коротких Н., Арицина И.А. Влияние характеристик психического здоровья у женщин, беременных в период пандемии, на исход и оценку родов, а также здоровья их детей // *Проблемы современного педагогического образования*, №75-2, 2022.
2. Grekin R., O'Hara M.W. Prevalence and risk factors of postpartum posttraumatic stress disorder: a meta-analysis // *Clinical psychology review*. Т.34, №5, 2014, с. 389-401.
3. Hutchens B.F., Kearney J. Risk factors for postpartum depression: an umbrella review // *Journal of midwifery & women's health*. Т.65, №1, 2020, с. 96-108.

Особенности проявлений депрессии у матерей и отцов в семьях, зачавших ребенка с помощью ВРТ (в период дошкольного детства ребенка)

Проявления депрессии, вспомогательные репродуктивные технологии, дошкольный возраст

Во всем мире насчитывается более 10 млн. детей, зачатых с помощью вспомогательных репродуктивных технологий (ВРТ), и эта цифра продолжает расти [1]. В настоящее время активно изучаются психические состояния беременных женщин, воспользовавшихся ВРТ. Некоторые исследования показали у них тенденцию к депрессивным расстройствам, повышенную тревожность, сниженное самочувствие, активность и настроение по сравнению с женщинами с естественным зачатием [2, 3]. Однако, данные о психических состояниях и их динамики у матерей после рождения ребенка и, в особенности, данные по отцам встречаются в отдельных исследованиях [4].

Цель исследования заключается в оценке уровня проявления депрессии у матерей и отцов в семьях, зачавших ребенка с помощью ВРТ. Использовалась сокращенная версия шкалы депрессии Центра эпидемиологических исследований (CES-D). Участвовало 130 семей (матери и отцы) на этапе достижения ребенком 5 летнего возраста: 55 семей, воспользовавшейся ВРТ (группа семей ВРТ), и 75 семей с естественным зачатием (группа семей ЕЗ) – участники Проспективного лонгитюдного междисциплинарного исследования детского развития (PLIS).

В изучаемый период у большинства матерей и отцов вне зависимости от типа зачатия уровень выраженности проявлений депрессии соответствует низкому уровню ($M \pm SD$ в группе семей ВРТ: у матерей – $5,68 \pm 4,71$, отцов – $5,30 \pm 4,27$; в группе семей ЕЗ: у матерей – $7,33 \pm 5,52$, отцов – $6,66 \pm 4,36$). Частотный анализ позволил выделить в каждой группе респондентов долю матерей и отцов с повышенным и высоким уровнем выраженности проявлений депрессии, которые составляют группу риска нарушений психического здоровья. Так, очень высокий уровень обнаружен у 2,1% матерей и 2,3% отцов группы семей ВРТ, у 5,1% матерей и 1,7% отцов группы семей ЕЗ; повышенный уровень депрессии обнаружен у 10,4% матерей и 6,8% отцов группы семей ВРТ, у 13,0% матерей и 15,4% отцов группы семей ЕЗ. Тем не менее, уровень выраженности проявлений депрессии у матерей группы семей ВРТ статистически значимо ниже по сравнению с матерями группы семей ЕЗ ($U=2653,0$; $p=0,04$), а различий в уровне выраженности проявлений депрессии между отцами разных групп выявлено не было ($U=2131,5$; $p=0,09$). Как в одной, так и в другой группе, респондентов различий в уровне выраженности проявлений депрессии между матерями и отцами внутри одной семьи не обнаружено. При этом, в отличие от группы семей ВРТ, в группе семей с ЕЗ выявлена положительная корреляция уровней выраженности проявлений депрессии матери и отца ($r=0,27$, $p \leq 0,05$).

Таким образом, по достижении ребенком возрастного периода 5 лет у большинства родителей в семьях, воспользовавшихся ВРТ, и семьях с естественным зачатием отсутствуют проявления депрессии, однако, вне зависимости от типа зачатия, выявлены группа риска нарушений психического здоровья матери и отца, что указывает на необходимость длительного медико-психологического сопровождения семей после рождения ребенка.

1. Европейское общество репродукции человека и эмбриологии. – URL: <https://www.eshre.eu/Europe/Factsheets-and-infographics> (дата обращения: 01.05.2023).
2. Осипенко И.М. Психологические особенности женщин, беременность которых наступила с помощью метода экстракорпорального оплодотворения // Ярославский педагогический вестник. 2020. № 6 (117). С. 105-113.
3. Петрова Н.Н., и др. Психические расстройства и личностно-психологические особенности у женщин с бесплодием при лечении ЭКО // Обозрение психиатрии и медицинской психологии. 2013. № 2. С. 42-49.
4. Sälevaara M. et al. The mental health of mothers and fathers during pregnancy and early parenthood after successful oocyte donation treatment: A nested case-control study // Acta Obstet Gynecol Scand. 2018. Vol. 97. P. 1478–1485.

Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФ (проект № 22-78-00167).

Ранние маркеры аутизма у детей в возрасте от 1-го до 2-х лет

Аутизм, РАС, 1-2 летние дети, маркеры РАС

В первые два года жизни у детей, у которых позже развивается расстройство аутистического спектра (РАС), могут наблюдаться незначительные нарушения в различных показателях, включающих биологические, когнитивные и социальные домены, которые могут быть обнаружены до появления клинических значимых симптомов РАС. Считается, что к 2 годам предвестники развития симптомов аутизма могут быть использованы для надежной диагностики детей, а к 3 годам диагноз считается относительно стабильным. Расширение точности диагностики аутизма в сторону уменьшения возрастных периодов идентификации симптомов является ключевым вопросом при разработке программ раннего вмешательства, применимых к детям группы риска по РАС. Мы анализируем современные знания о ранних маркерах РАС в период раннего детства (1-24 месяцев), отмечая важность учета вариативности траекторий развития РАС.

Хотя РАС обычно не диагностируется до 3-4-летнего возраста, получены четкие биологические маркеры, указывающие на то, что факторы риска по РАС в большинстве случаев присутствуют с рождения (Genovese & Butler, 2020). Так, 30% родителей детей с РАС идентифицируют проблемы в развитии их ребенка до 1 года, а 80% выявляют их к 2 годам (Richards et al., 2016). Младенцы, у которых впоследствии диагностируется РАС, демонстрируют снижение социального внимания к 1 году жизни, сопровождающееся плохим зрительным контактом, отсутствием реакции на обращенную к младенцу речь, сниженной реакцией на попытки вовлечь ребенка в игру или социальное взаимодействие, а также более низкий уровень ориентации на социальные стимулы, такие как лица или голоса, сложности в имитации, меньше социальных улыбок и положительных эмоций (Pierce et al., 2023); более низкие уровни развития речи и жестовой коммуникации (Choi et al., 2020). Повторяющееся поведение наблюдается реже в раннем развитии детей с РАС, чем социальные и коммуникативные нарушения. Однако были отмечены такие особенности, как, абнормальный мышечный тонус, нетипичные позы и модели движений, элементы моторных стереотипий и сенсорная дезинтеграция в виде повышенной слуховой чувствительности и сниженной зрительной, включая зрительное внимание (Caldwell-Harris, 2021). Однако нарушения моторных способностей и сенсорных реакций также распространены у детей с задержкой развития, что указывает на то, что нарушения в этих областях могут быть менее специфичными ранними маркерами РАС.

Таким образом, описанные маркеры аутизма у детей в раннем возрасте являются «красными флажками», которые необходимо фиксировать и учитывать в ранних скринингах для своевременного вмешательства и изменения потенциальной траектории развития ребенка группы риска по РАС. Мы в своем исследовании планируем уточнить описанные маркеры с позиции их точности и весомости как предикторов развития РАС для детей 1-2 лет.

1. Caldwell-Harris C.L. *An Explanation for Repetitive Motor Behaviors in Autism: Facilitating Inventions via Trial-and-Error Discovery* // *Frontiers in psychiatry*. 2021. № 12. DOI: 10.3389/fpsy.2021.657774.
2. Choi B., et al. *Gesture Development, Caregiver Responsiveness, and Language and Diagnostic Outcomes in Infants at High and Low Risk for Autism* // *Journal of autism and developmental disorders*. 2020. № 50(7). P. 2556–2572.
3. Genovese A., Butler M.G. *Clinical Assessment, Genetics, and Treatment Approaches in Autism Spectrum Disorder (ASD)* // *International journal of molecular sciences*. 2020. № 21(13). DOI: 10.3390/ijms21134726.
4. Pierce K., et al. *Level of Attention to Motherese Speech as an Early Marker of Autism Spectrum Disorder* // *JAMA network open*. 2023. № 6(2). DOI: 10.1001/jamanetworkopen.2022.55125.
5. Richards M., Mossey J., Robins D. L. *Parents' Concerns as They Relate to Their Child's Development and Later Diagnosis of Autism Spectrum Disorder* // *Journal of developmental and behavioral pediatrics: JDBP*. 2016. № 37(7). 532–540.

Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФ (проект № 23-18-00155).

Близкие отношения взрослых, переживших сексуализированное насилие в детстве

Сексуализированное насилие, привязанность, стиль привязанности

По определению Американской ассоциации психиатров сексуализированное насилие над ребенком – это любое действие сексуального характера с участием ребенка, совершаемое взрослым и направленное на собственное сексуальное удовлетворение [4]. По данным ВОЗ (2022) каждая 5-я женщина и каждый 13-й мужчина переживали сексуализированное насилие в детстве [3].

Тяжесть последствий данного вида травматического опыта неоспорима, однако внимание научного сообщества в большинстве исследований сосредоточено на установлении взаимосвязи между опытом насилия в детстве и развитием психопатологий, зависимого, рискованного поведения, расстройств сексуальной сферы и повторной виктимизации. Поскольку сексуализированное насилие относится к реляционному (межличностному) виду травмы [2], его влияние на формирование негативных моделей отношений, как набора ожиданий, эмоциональных и поведенческих паттернов, подтверждено исследованиями [1]. Однако остаются малоизученными содержание и структура этих паттернов, и их взаимосвязь со способностью устанавливать и поддерживать надежные и безопасные близкие отношения во взрослом возрасте. Знаний о принципах реализации поведенческих схем в контексте пережитого сексуализированного насилия недостаточно.

Вышесказанное диктует необходимость изучения стратегий построения близких отношений у взрослых, переживших сексуализированное насилие в детстве, для разработки качественных рекомендаций и программ реабилитации.

Цель исследования – изучение стратегий построения близких отношений у взрослых, переживших сексуализированное насилие в детстве.

Гипотеза – существуют специфические стратегии построения близких отношений у взрослых, переживших сексуализированное насилие в детстве, обусловленные травматическим опытом.

Объект – близкие отношения взрослых, переживших сексуализированное насилие в детстве.

Выборка исследования состоит из взрослых, переживших насилие в детском возрасте, обратившихся за психологической помощью в АНО «Тебе поверят», сеть взаимопомощи «ТыНеОдна», независимый благотворительный центр «Сестры».

В исследовании планируется использовать следующие методики: «Опросник детской травмы» (СТQ; Бернштейн и др., 1994), одобренный для использования в клинических и неклинических популяциях (Шер, Штейн, Асмундсон, МакКрири и Форд, 2001); «Шкала взрослой привязанности» (ШВП) (Collins, Read, 1990); «Опыт близких отношений» (ECR-R; Бреннан, Кларк и Шейвер, 1998, адаптация Казанцевой Т.В., 2008); Полуструктурированное интервью.

Для обработки результатов планируется использовать сравнительный, корреляционный, регрессионный и контент-анализ.

На данный момент проводится пилотажное исследование. Мы предполагаем выявить устойчивые эмоциональные и поведенческие паттерны, отражающие пережитый травматический опыт и способ приспособления нему. Вероятно, содержательные характеристики этих паттернов могут включать ненадежный тип привязанности, низкую удовлетворенность отношениями, а так же негативно окрашенные образы себя и своих отношений в прошлом и настоящем. Мы предполагаем выявить защитные механизмы по типу идентификации с агрессором, избегания или подчинения, обнаруживающиеся во взрослом возрасте в виде ассоциаций с близостью и отношениями.

1. Казанцева Т.В., Куницына В.Н. Воспроизведение типов привязанности в отношениях с близкими людьми // Вестник Санкт-Петербургского университета. Социология, №1-2, 2009, с. 3-8.
2. Isobel S., Goodyear M., Foster K. Psychological trauma in the context of familial relationships: A concept analysis // Trauma, Violence, & Abuse. Vol.20, №4, 2019, p. 549-559.
3. Kim J. et al. Childhood Sexual Abuse and Cortical Thinning in Adults With Major Depressive Disorder // Psychiatry Investigation. Vol. 20, №3, 2023, p. 255-261.
4. Lahav Y., Elklit A. The cycle of healing-dissociation and attachment during treatment of CSA survivors // Child abuse & neglect. Vol. 60, 2016, p. 67-76.

Сенситивные периоды и секреция кортизола у детей с ранним опытом институционализации

Сенситивные периоды развития, секреция кортизола, дети с опытом институционализации, замещающие семьи

Введение. Как показывают исследования, пребывание в среде сиротского учреждения оказывает негативное влияние на многие области развития ребенка, в том числе изменяет работу гипоталамо-гипофизарной надпочечниковой (ГН) системы и секрецию гормона кортизола [1]. Целью данного сообщения является анализ и обобщение эмпирических данных исследований о секреции кортизола у детей с ранним опытом институционализации на возрастных этапах, связанных с сенситивными периодами развития.

Метод. Обобщение и анализ результатов исследований секреции кортизола у детей с опытом институционализации на разных возрастных этапах развития.

Результаты. Исследователи обсуждают, что младенческий и ранний возраст является первым периодом, когда ГН система изменяет свою реактивность или, как пишут об этом авторы работ, «перекалибровывается» в связи с воздействием неблагоприятных для развития условий среды сиротского учреждения, что приводит к снижению ее чувствительности, и, как следствие, изменяет секрецию кортизола [2]. Этот период первых лет жизни ребенка соотносится с сенситивными периодами развития, в течение которых организм или отдельные его системы особенно чувствительны к воздействиям окружающей среды. В этот возрастной интервал внешние стимулы могут оказывать наибольшее влияние и способствовать созреванию и успешному функционированию организма, а отсутствие таковых или воздействие неблагоприятных может привести к неблагоприятным исходам [4]. Так, данные исследований свидетельствуют о негативном изменении дневного ритма секреции кортизола у детей в сиротских учреждениях, которые имеют долгосрочный характер и сохраняются при переводе детей на воспитание в замещающие семьи [1]. Другим важным сенситивным периодом ученые выделяют период пубертата [2]. Исследователи говорят о том, что в этот период открывается новое «окно возможностей» для «перекалибровки» работы ГН системы, что в свою очередь, при воспитании ребенка в поддерживающих условиях замещающей семьи, может способствовать улучшению показателей секреции кортизола. Данные свидетельствуют, что в период позднего пубертата, по сравнению с ранним пубертатом, дети с опытом институционализации, воспитывающиеся в замещающих семьях, демонстрировали утреннее повышение секреции кортизола [3] или давали значимое повышение кортизола в ответ на стресс, сходный с таковым у детей из биологических семей [2]. При этом положительные изменения в секреции кортизола не произошли сразу после перевода ребенка в замещающую семью и даже спустя некоторое время – два года и более в семье, а были обнаружены только в период пубертатных изменений организма [2].

Заключение. Таким образом, сенситивные периоды открывают новые возможности для развития ребенка с ранним опытом институционализации и должны быть приняты во внимание при выстраивании программ раннего психологического сопровождения.

1. Gunnar M.R., Bowen M. What was learned from studying the effects of early institutional deprivation // *Pharmacology Biochemistry and Behavior*. 2021. Vol. 210. DOI: 10.1016/j.pbb.2021.173272.
2. Gunnar M.R., et al. Pubertal stress recalibration reverses the effects of early life stress in postinstitutionalized children // *Proceedings of the National Academy of Sciences of the United States of America*. 2019. Vol. 116. № 48. P. 23984–23988.
3. Quevedo K., et al. The confluence of adverse early experience and puberty on the cortisol awakening response // *International Journal of Behavioral Development*. 2012. Vol. 36. № 1. P. 19–28.
4. van IJzendoorn M.H., et al. Institutionalisation and deinstitutionalisation of children 1: a systematic and integrative review of evidence regarding effects on development // *The Lancet Psychiatry*. 2020. Vol. 7. № 8. P. 703–720.

Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФ (проект № 22-28-00626).

Представления о себе у женщин в период менопаузы

Менопауза, представления о себе, образ тела, гендерная идентичность

Менопауза относится к периодам, связанным с гормональными изменениями, и сопровождается нестабильностью эмоциональных состояний. Происходящие изменения могут затрагивать как внешний, так и внутренний мир женщины. Являясь завершающим этапом психосексуального развития женщины, менопауза как процесс в то же время во многом зависит от предшествующих ей лет (Мордас Е. С., 2021). Данные Всемирной организации здравоохранения (ВОЗ) свидетельствуют о важности менопаузы как с социальной точки зрения, так и с биологической. Также исследователями ВОЗ отмечается, что правильный подход к периоду менопаузы и ее переживанию может помочь женщине переоценить свое здоровье, образ жизни и цели (Menopause, 2022).

Цель исследования: изучение особенностей представлений о себе у женщин в период менопаузы в сравнении с женщинами репродуктивного периода. Методики: «Опросник образа собственного тела» О.А. Скугаревского, методика изучения гендерной идентичности Л. Б. Шнейдер (МИГИ), «Личностный семантический дифференциал» (адаптация института им. В. М. Бехтерева) с понятием «Я как мать», тест-опросник удовлетворенности браком (В. В. Столин, Т. Л. Романова, Г. П. Бутенко), методика диагностики межличностных отношений (Т. Лири, Г. Лефорж, Р. Сазек). Математико-статистическая обработка: сравнительный и корреляционный анализ с помощью программы SPSS Statistics 26.0. исследовании приняли участие 107 женщин, из них основная группа – 54 женщины в период менопаузы, средний возраст $49 \pm 3,15$ лет, группа сравнения – 53 женщины репродуктивного возраста, средний возраст $39 \pm 2,83$ лет.

Проведенное исследование позволило установить, что большинству женщин (81,5%) в период менопаузы свойственна неудовлетворенность своим телом, выявлена достоверность различий в сравнении с женщинами без менопаузы ($p < 0,001$). Женщины исследуемой группы в период менопаузы демонстрируют преимущественно диффузную идентичность и преждевременную идентичность, характеризующиеся навязанностью стереотипов, частичной неудовлетворенностью собой, неуверенностью и сомнениями в своей женской роли. Достоверных различий с группой сравнения не обнаружено, что может быть связано с недостаточностью выборки или общими процессами кризиса полоролевой идентичности в обществе в настоящее время. Представление о себе как матери с использованием личностного семантического дифференциала имеет низкий уровень у женщин с менопаузой (оценка – 6,0 баллов, сила – 6,8 балла, активность – 4,1 балл). Достоверные различия между группами получены по показателям оценки ($p < 0,001$) и активности ($p = 0,001$). Женщины с менопаузой значимо ниже оценивают привлекательность себя как матери, менее активны в материнской роли, зависимы от внешних факторов. С точки зрения супружеских отношений практически половина женщин с менопаузой оказались не удовлетворены отношениями с партнерами (55,6%), удовлетворенность браком характерна только для 14,8% респондентов, они достоверно ниже оценивают свою удовлетворенность отношениями с партнером в сравнении с женщинами репродуктивного возраста ($p = 0,001$).

Корреляционный анализ в основной группе показал, что чем старше возраст у женщины, тем больше она не удовлетворена своим телом; чем менее она удовлетворена своими отношениями с партнером, своим представлением о материнстве и женской роли, тем более выражена ее неудовлетворенность своим внешним видом и образом тела. Кроме того, чем менее сформирована половая идентичность, тем меньше удовлетворенности в отношениях с партнером, активности в представлениях о материнской роли, больше неудовлетворенности телом и более проявляются такие черты как эгоистичность и агрессивность.

1. Мордас Е.С., Кузьмичева А.Г. Менопауза как стадия женского развития: психоаналитический взгляд // Психолог. 2021, № 3. С. 15-33.
2. Menopause // World Health Organization. 2022. URL: <https://www.who.int/news-room/fact-sheets/detail/menopause> (дата обращения 08.04.2023).

Практическая психология здоровья

Антонова Н.А. Санкт-Петербург, ФГБОУ ВО РГПУ им. А.И. Герцена
Ерицян К.Ю. Санкт-Петербург, ФГБОУ ВО РГПУ им. А.И. Герцена

Социально-психологические предикторы востребованности неконвенциональных практик в сфере здоровья и психологического благополучия

Обращение за помощью, неконвенциональная помощь, экстрасенсорные и паранормальные практики

В последние годы возрастает интерес к тому, каким образом люди сами заботятся о себе (self-care) [3]. Очевидно, что стратегии self-care могут быть крайне вариабельными: начиная от самопомощи (оптимизации режима сна и отдыха, эмоциональной регуляции и пр.), заканчивая поиском помощи (help-seeking behavior) [4]. Обращение за помощью может быть разным. Люди для решения жизненных проблем могут обращаться как к профессионалам (например, к профессиональным медикам, психологам, юристам и т.д.), так и к альтернативным специалистам (например, к гадалкам, астрологам, народным целителям и пр.). Неконвенциональная помощь (экстрасенсорные и паранормальные практики) представляет сегодня значительный сектор услуг, на который есть спрос, и к которому обращаются люди [2]. Изучение данного вида поведения крайне важно с позиции психологии, поскольку может иметь негативные исходы для здоровья и благополучия человека. Предикторы обращения к таким практикам до сих пор слабо изучены в мире и в России [1, 5].

Цель исследования: изучить востребованность и предикторы обращения за неконвенциональной помощью в сфере здоровья и психологического благополучия. Собраны данные уникального репрезентативного онлайн исследования факторов обращения к альтернативным практикам среди взрослого населения России (N=1498). Сбор данных проходил в декабре 2022 года. Для анализа взаимосвязей предикторов с зависимыми переменными использованы корреляционный и регрессионный статистический анализы.

На общероссийском уровне наиболее распространенными практиками является обращение к «народным целителям» (бабки, ведуньи, знахарки) – к ним обращались 45,1% россиян, и в 18% случаях данные обращения носили неоднократный характер. Также распространены использование услуг гадалок (33,1%), тарологов и рунологов (27,5%), а также составления астрологических прогнозов (21%). Наименее востребованными практиками помощи являются обращения к биоэнерготерапевтам (7%) и парапсихологам (4%). Были выделены следующие самые популярные причины возможных обращений к неконвенциональным видам помощи: желание понять настоящее (34%), улучшение показателей здоровья (32%), самопознание (например, узнать себя лучше) и получение необычного опыта (по 30%), снятие порчи/сглаза (22%), анализ своего прошлого или прошлого другого человека (21%). Наиболее непопулярные причины – улучшение взаимоотношений с другими людьми (18%), влияние на будущее (12%), влияние на других людей (9%), прогноз будущего (8%). Женщины по сравнению с мужчинами имеют больший опыт обращения к провайдерам неконвенциональных практик помощи ($p=0.000$). Респонденты с высшим образованием имеют больший опыт обращения к тарологам/рунологам ($p=0.012$) и к астрологам ($p=0.000$). К «народным целителям» чаще обращаются респонденты со средним специальным и средним профессиональным образованием ($p=0.011$), проживающие в селах/деревнях/поселках городского типа ($p=0.011$).

Практика обращения за альтернативной помощью оказалась не связана с уровнем доверия к официальным институтам оказания медицинской помощи, и положительно связана с уровнем доверия к психологам. В докладе будут также обсуждаться полученные взаимосвязи положительного отношения к неконвенциональным практикам помощи и обращению за помощью к соответствующим специалистам с компонентами конспирологической ментальности, и другими когнитивными и личностными особенностями.

1. Антонова Н.А. Установки студентов к получению помощи в сфере психического здоровья // *Известия Российского государственного педагогического университета им. А.И. Герцена*. 2020. № 195. С. 213-222.
2. Гришина Е.А. Окультизм в потребительском пространстве современного российского общества // *Вестник РГПУ. Сер. Философия. Социология. Искусствоведение*. 2020. Вып. 4. С. 94-108.
3. Colman D.E., et al. The efficacy of self-care for graduate students in professional psychology: A meta-analysis // *Training and Education in Professional Psychology*. 2016. Vol. 10. № 4. P. 188-197.
4. Rodríguez S., et al. Self-Regulation and Students Well-Being: A Systematic Review 2010–2020 // *Sustainability*. 2022. Vol. 14. № 4. P. 2346.
5. Williams R.J., Watts F., Lockhart A. Health Help-Seeking Behaviour in Spiritual Healing Practice: Records from the Panacea Society's Healing Department, 1924–1997 // *Journal of religion and health*. 2022. Vol. 61. P. 2417–2432.

Исследование выполнено при финансовой поддержке РНФ (проект № 22-28-01792, проект МОНГ).

Роль внутренних и внешних факторов в оценке безопасности в эпоху кризисов и неопределенности

Безопасность, личность, кризис, неопределенность

Личная безопасность обусловлена неопределенностью, влиянием стресса и тревоги на здоровье и благополучие, что отражается на экономической и социальной сферах, качестве жизни людей [4], проявляясь в снижении продуктивности и эффективности личности, ухудшении ее отношений с окружающими [3]. Молодежь здесь особенно уязвима [2], о чем свидетельствует рост потребности в психологической помощи (ВЦИОМ, 2022). В эпоху кризисов безопасность не может быть обеспечена только внешними факторами (security), так как скорость изменений среды не всегда поддается контролю и точному прогнозированию, что актуализирует значение внутренних – ресурсов самообеспечения (safety).

Базу составило пилотажное исследование до и после пандемии с использованием авторского онлайн-опросника Safety Box (n=150, 63% – женщины, 18–65 лет) посредством ссылки через социальную сеть VK, а также методов статистического анализа, включая Atlas.ti, оценку связей и различий.

В период пандемии оценки безопасности людей снизились (с 7.1 на 1.1 балла, $\lambda_{\text{эмп}}=2.367$, $p \leq 0.001$), что значимо ($\lambda_{\text{эмп}}=1.362$, $p \leq 0.05$) более характерно для женщин, чем для мужчин (с 7.3 на 1.5 и с 7 на 0.5 баллов соответственно). При этом более половины отметили влияние внешних (68%), а не внутренних факторов ($\varphi^*_{\text{эмп}} = 5.204$, $p \leq 0.01$). На фоне близости оценок до пандемии у первых и вторых (7 и 7.5) их падение представлено 1.4 и 0.4 баллами соответственно ($\lambda_{\text{эмп}}=1.703$, $p \leq 0.05$). Доля лиц со сниженной оценкой безопасности составила 63% и 35%, ($\varphi^*_{\text{эмп}}=4.016$, $p \leq 0.01$), с повышенной – 13% и 22% ($\varphi^*_{\text{эмп}}= 1.683$, $p \leq 0.05$), без особых изменений – 24% и 43% ($\varphi^*_{\text{эмп}}= 2.871$, $p \leq 0.01$), что говорит о большей антихрупкости людей с опорой на внутренние ресурсы. Для поддержки чувства безопасности в период пандемии участники соблюдали меры профилактики и правила (20%), изолировались (18%), ограничивали коммуникацию и социальные контакты, общаясь только с близкими (10%), пытались все контролировать (7%), использовали практики осознанности, мыследеятельности и инструменты саморазвития (6%). Остальные предпочтения представлены созданием «подушки» безопасности, работой, музыкой, прогулками, сном, заботой о здоровье, едой и обращением к религии. Установлены значимые прямые связи оценки безопасности до и после пандемии, а также оценок ее уровня после и влияния на нее внутренних и внешних факторов (0.408 и 0.314, $p \leq 0.001$), что может говорить о роли личности и индивидуальных различий для чувства безопасности.

В период пандемии оценка безопасности снизилась, при этом люди, задействующие внутренние факторы ее обеспечения, оказались менее уязвимыми, что может говорить о необходимости активировать внутренние ресурсы ее самообеспечения в условиях неопределенности и кризисов. Мужчины отдают предпочтение внутренним факторам безопасности, а женщины – внешним, что соответствует результатам [1], демонстрирующим значимость способности контроля для юношей и доброжелательности мира для девушек, обеспечивающих их чувство защищенности. Анализ позволил доработать инструмент для межстрановых исследований безопасности с учетом оценок валидности и надежности.

1. Бубновская О.В., и др. Когнитивный фактор психологической безопасности: гендерный аспект // *Материалы XVсерос. науч. конф. «Психология безопасности и психологическая безопасность: проблемы взаимодействия теоретиков и практиков»*, 9-10 октября 2020 г., Сочи. – М.: Мир науки, 2020. С. 80-92.
2. Kislyakov P., et al. Health and Safety in the Structure of Value Orientations and Needs of the Student Youth // *Journal of Pharmaceutical Sciences and Research*. 2018. 10. P. 1976-1979.
3. Oswald A., et al. Happiness and Productivity. Institute for the Study of Labor (IZA) // *IZA Discussion Papers*. 2009. 1. DOI: 10.1086/681096.
4. Zotova O., et al. Psychological Security as the Foundation of Personal Psychological Well-being (analytical review) // *Psychology in Russia: State of the Art*. 2018. 11 (2). P. 2-6.

Исследование выполнено в рамках реализации договора пожертвования денежных средств от 19.05.2022 №Д-156-22 Фонда целевого капитала ДВФУ на финансирование проектов-победителей открытого конкурса поддержки исследовательских и прикладных проектов на период с

Ценностные ориентации онкопациентов на разных этапах лечения

Ценностные ориентации, здоровье, онкопациенты, отношение к здоровью

Сообщение о диагнозе злокачественного заболевания почти всегда является для человека большим бременем, провоцирующим ряд психоэмоциональных реакций. При обследовании психического состояния онкологических больных учитываются место поиска смысла жизни и контроля. Исследования в русле психологии здоровья посвящены изучению реакции больного на наличие выявленного заболевания, проблемам взаимодействия болезни и личности. Такая психологическая травма несет в себе реальную опасность фрагментации личности, сведения жизни к минимальным стереотипным реакциям, проявляющимся в потере смысла и жесткой привязанности к другим [1]. Психологическая реакция на диагноз является важным прогностическим фактором [2]. Выявлена связь между глубокими эмоциональными реакциями на заболевание и низким риском рецидива при условии принятия в дальнейшем изменившейся жизненной ситуации [3].

Цель исследования: определить различия в ценностных установках онкопациентов на разных этапах лечения.

Методы исследования: теоретический (анализ литературных источников по проблеме); эмпирический (метод тестов – методика «Ценностные ориентации М.Рокича»); методы математико-статистической обработки данных (Н-критерий Краскала-Уоллиса), интерперетационный.

Выборка: 60 онкопациентов разного возраста и локализации опухоли. На диагностическом этапе находилось 40 человек, на лечебном клиническом этапе – 11 человек, на после химиотерапевтическом этапе – 9 человек. Исследование проводилось на базе Республиканского научно-практического центра онкологии и медицинской радиологии им. Н.Н. Александрова.

В результате изучения ценностных ориентаций онкологических больных на разных этапах лечения было выявлено, что у мужчин и женщин не выявлены статистически значимые различия в терминальных ценностях. Так ценность «здоровье» у женщин и мужчин занимает первое место – ранги 1,78 и 2,47. Второе место у мужчин и женщин занимает ценность «счастливая семейная жизнь» – ранги 3,92 и 3,98. Ценность «любовь» преобладает на третьем месте у мужчин и женщин – ранги 4,47 и 6,09, что объясняется большой потребностью онкопациентов в эмоциональной поддержке. Кроме того, и мужчины, и женщины отдают предпочтение таким ценностям, как «хорошие и верные друзья» и «материально обеспеченная жизнь», что отражает сильное стремление к материальному благополучию в связи с лечением, а также потребностью в принятии и эмоциональной поддержке. Ценность «интересная работа» занимает 6 ранг у мужчин и женщин – 6,74 и 6,33. Для онкопациентов важным является включенность в общественные отношения, связанные с внутренней потребностью быть полезным, нужным, быть таким как все, отвлекаться на дело.

Такие ценности как «развитие», «счастье других людей», «творчество», «красота природы и искусства», «развлечение» как для мужчин, так и для женщин-онкопациентов имеют низкий уровень значимости.

Средние значения по показателям инструментальных ценностей показывают, что ценности «рационализм», «самоконтроль» и «независимость» для мужчин более важны, чем для женщин. Эти качества отражают способность человека трезво и логично мыслить, принимать взвешенные и рациональные решения, подчеркивают самодисциплину, сдержанность в поведении, даже в ситуации тяжелого заболевания.

Значимые различия в ценностной сфере у мужчин и женщин выявлены на диагностическом и химиотерапевтическом этапах ($N=8,92$, при $p \leq 0,01$). Так интерес к жизни, ее смыслу, выраженный в активной жизненной позиции, общении с друзьями, познании проявляются у онкопациентов только на после химиотерапевтическом этапе. Жизненная неопределенность в период лечебного этапа, потеря смысла жизни на диагностическом, общая растерянность и страх определяют направление работы медицинского психолога – когнитивная и эмоциональная компоненты личности, работа с негативными мыслями, ориентацией на будущее.

1. Алексеева В.Г. Ценностные ориентации как фактор жизнедеятельности и развития личности // Психол. журн. 1984. Т. 5. № 5. С. 63–70.
2. Галюкова М.И. Здоровье человека как социально-философская ценность // Вестник Тамбов. гос. тех. ун-та. 2007. №13 (2). С. 654–660.
3. Чулкова В.А. Психологическая помощь онкологическим больным // Вестник СПбГУ. 2010. Вып.1. Сер. 12. №2. С.185-191.

Давлятова Л.А. Санкт-Петербург, Университет «Реавиз»
Плахутина А.А. Санкт-Петербург, Университет «Реавиз»
Карпцова Е.В. Санкт-Петербург, Университет «Реавиз»
Ильина Л.В. Санкт-Петербург, Университет «Реавиз»
Скрыбыкина О.В. Санкт-Петербург, Университет «Реавиз»

Эффективность интермодальной терапии экспрессивными искусствами при коррекции эмоционального статуса у взрослых

Арт-терапия, психология, музыкотерапия, экспрессивные искусства

Интермодальная терапия экспрессивными искусствами включает в себя занятия музыкой, театром, танцами, поэзией, рисованием и другим творчеством и стала развиваться во второй половине 20 века, особенно в 70-х годах в США и в Европе. Изучением мультимодальной терапии экспрессивными искусствами занимались следующие авторы: Натали Роджерс, Паоло Книлла, Шон Макнифф, Стивен Левайн, Кит Лоринг [1,5].

К российским исследователям терапии искусствами можно отнести Л.С. Выготского, В.В. Сидорову, Ю.Л. Блинову, А.И. Копытина, М.Е. Бурно, И.В. Бирюкова и другие. Мультимодальная терапия различными видами искусств применяется у здоровых детей дошкольного и школьного возраста и у взрослых для коррекции эмоциональных нарушений, у детей с умственной отсталостью и ЗПР, при болезни Альцгеймера, депрессии, постинсультных состояниях, расстройствах речи и аутизме. Эффекты арт-терапии при депрессивных эпизодах проявляются в симптоматическом улучшении: снижении депрессивных, тревожных и ипохондрических проявлений, коррекции поведения и когнитивных процессов [2,3,4].

Целью исследования являлось изучение влияния мультимодальной терапии различными видами искусств у здоровых взрослых на психологический статус при различных сочетаниях видов искусств.

Материалы и методы. Выборку составили 23 студента от 20 до 50 лет. Психологическое тестирование включало: госпитальную шкалу тревоги и депрессии (HADS), шкалу самооценки уровня депрессии (CES-D), шкалу тревоги Спилбергера-Ханина, тест Люшера и субъективную оценку эмоционального и физического состояния самими участниками. Тренинги включали рецептивную музыкотерапию, активную музыкотерапию, танцотерапию, арт-терапию.

Результаты исследования. Шкала госпитальной тревоги и депрессии показала статистически достоверное снижение уровня тревоги с 5,2 баллов до 2,3 баллов ($p \leq 0,05$) и снижение уровня депрессии от 4,1 балла до 2,5 балла ($p \leq 0,05$) в процессе первого тренинга. Шкала госпитальной тревоги и депрессии показала статистически достоверное снижение уровня тревоги с 6,9 до 5,08 баллов ($p \leq 0,05$) и снижение уровня депрессии с 4,7 до 3,6 баллов ($p \leq 0,05$) в процессе второго тренинга. По шкале Спилбергера-Ханина в процессе первого тренинга наблюдалось снижение уровня ситуативной тревожности с 32 до 26 баллов статистически достоверная разница ($p \leq 0,05$). По шкале Спилбергера-Ханина в процессе второго тренинга наблюдалось снижение уровня ситуативной тревожности с 39,1 до 32 баллов ($p \leq 0,05$). Тест Люшера продемонстрировал, что после мультимодальной арт-терапии у большинства участников наблюдалась тенденция к стабилизации эмоционального состояния, появлялась концентрация, готовность к переживаниям, стремление к новым целям.

Интермодальная терапия различными видами искусств, способствует снижению уровня ситуативной и личностной тревожности, уровня депрессивных тенденций, помогает раскрыть творческие ресурсы участников.

1. Анохин П.К. *Очерки по физиологии функциональных систем*. М.: Медицина, 1975.
2. Выготский Л.С. *Психология искусства: Анализ эстетической реакции*. М.: Лабиринт, 1998. 480 с.
3. Копытин А.И. *Психодиагностика в арт-терапии*. М.: Речь, 2020. 288 с.
4. Макнифф Ш. *Пересмотр представлений об искусстве и природе: на пути к глубинной психологии творчества // Экопоэзис: экогуманитарные теория и практика*. 2021. № 1 (18). С. 76-84.
5. Самофал Р.А. *Использование мульттерапии в коррекции вербальной агрессии у детей старшего дошкольного возраста с задержкой психического развития // Вестник Череповецкого государственного университета*. 2014. №1 (54). С. 94-97.

Жизнестойкость пациентов с диагнозом рак толстой кишки

Рак толстой кишки, жизнестойкость, контроль, принятие риска

Рак толстой кишки – наиболее часто встречающееся заболевание, в структуре злокачественных новообразований желудочно-кишечного тракта, и пятое, среди онкологических заболеваний, в целом. По данным общемировой статистики, в 2021-м году был зафиксировано 1,148,515 случаев диагностирования рака толстой кишки, и 576,858 летальных исходов [1]. Несмотря на появление новых методов диагностирования и лечения рака толстой кишки, выживаемость остаётся на достаточно низком уровне.

Жизнестойкость – способность человека выдерживать стрессовые ситуации без явного снижения качества жизни. Высокие показатели данного личностного ресурса способствуют менее выраженной негативной оценке травматических событий и формированию нового опыта успешного совладания со стрессом, позволяют рассматривать любые происходящие изменения как возможности [2,3]. В контексте онкологического заболевания они могут выполнять положительную роль в восприятии, как самого рака толстой кишки, так и тех методов, что применяются для его лечения.

Цель исследования: изучить особенности уровня жизнестойкости у пациентов с диагнозом рак толстой кишки. Методы исследования: для сбора эмпирического материала использовалась психодиагностическая опросная методика «Тест жизнестойкости» С. Мадди (адаптация Д. Леонтьева). Собранные данные обрабатывались и анализировались с помощью программы SPSS 24 (t-критерий Стьюдента). При взаимодействии с пациентами использовалась индивидуальная форма сбора данных, в основе которой лежит формирование мотивации через установление доверительного контакта, устное согласие на помощь в проведении исследования, содействие в понимании и заполнении опросных методик. Время работы пациента не ограничивалось.

В исследовании приняло участие 30 человек (11 с благоприятным течением заболевания, 19 с неблагоприятным течением заболевания) в возрасте от 29 до 79 лет (средний возраст 61 год), больных злокачественным новообразованием, исходящим из эпителия ткани кишечника (рак толстой кишки), разных стадий с умеренно дифференцированным вариантом опухоли. Все респонденты наблюдаются у онколога не менее 3 месяцев с момента постановки диагноза, проживают на территории г. Челябинска и Челябинской области и находятся на стационарном лечении в ГБУЗ «Челябинский областной клинический центр онкологии и ядерной медицины».

Согласно полученным данным, пациенты с благоприятным течением заболевания обладают более высоким уровнем жизнестойкости ($p=0,070$), что соотносится с более высоким уровнем принятия риска ($p=0,012$). Это выглядит вполне логичным, учитывая, что принятие риска предполагает наличие возможности планирования своей жизни не только на ближайшую, но и долгосрочную перспективу. Так как в обстоятельствах, с которыми столкнулся онкобольной с неблагоприятным течением заболевания, он эту возможность ставит под сомнение, то и стратегия принятия риска выглядит менее актуальной. В связи с этим, можно предположить, что более высокий уровень «контроля» ($p=0,060$) у пациентов с благоприятным течением заболевания подразумевает целенаправленные усилия по управлению своим образом мысли. Тогда как ослабление контроля может привести к состоянию паники или депрессии.

Для нас это предположение значимо тем, что позволяет очертить наиболее оптимальные подходы к взаимодействию с пациентом, например, в актуализации для него долгосрочного планирования, в первую очередь, за счёт демонстрации опыта других пациентов, вышедших в ремиссию, помимо этого, высокий уровень жизнестойкости даёт врачам возможность предлагать пациенту экспериментальные методы лечения, на которые пациент с низким показателем бы не согласился.

1. Леонтьев Д.А., Рассказова Е.И. Тест жизнестойкости. М.: Смысл. 2006. 63 с.
2. Наливайко Т.В. К вопросу осмысления концепции жизнестойкости С. Мадди // Вестник интегративной психологии: журнал для психологов. 2006. № 4. С. 127–130.
3. Global Cancer Facts and Figures 2021 // Miskawaan Integrative Cancer Care. 2021. – URL: <https://www.miskawaanhealth.com/cancer/global-cancer-statistics/> (date of the application: 16.06.2023).

Исследование выполнено при финансовой поддержке РНФ (проект № 21-18-0043).

Демчук М.А. Челябинск, Томск, ФГБОУ ВО «ЧелГУ»,
Финансовый университет при Правительстве РФ, НИ ТГУ
Циринг Д.А. Челябинск, Томск, Финансовый университет при Правительстве РФ, НИ ТГУ
Пахомова Я.Н. Челябинск, НИ ТГУ, ФГБОУ ВО «ЧелГУ»

Совладающее поведение пациентов с диагнозом рак толстой кишки с различными социально-демографическими характеристиками

Рак толстой кишки, личностный ресурс, копинг-стратегии

Рак толстой кишки – наиболее часто встречающееся заболевание, в структуре злокачественных новообразований желудочно-кишечного тракта, и пятое, среди онкологических заболеваний, в целом. По данным общемировой статистики, в 2021-м году был зафиксировано 1,148,515 случаев диагностирования рака толстой кишки, и 576,858 летальных исходов [1]. Несмотря на появление новых методов диагностирования и лечения рака толстой кишки, выживаемость остаётся на достаточно низком уровне.

Под совладающим поведением мы понимаем поведение, предполагающее использование копинг-стратегий для осознания, проработки и, либо изменения стрессовой ситуации, либо адаптации к ней [2, 3].

Цель исследования: выявить и систематизировать копинг-стратегии данной категории пациентов по социально-демографическому признаку (половому). Методы исследования: для сбора эмпирического материала использовалась психодиагностическая опросная методика «Способы совладающего поведения» Р.Лазаруса (адаптация Т. Л. Крюковой). Собранные данные обрабатывались и анализировались с помощью программы SPSS 24 (t-критерий Стьюдента). При взаимодействии с пациентами использовалась индивидуальная форма сбора данных, в основе которой лежит формирование мотивации через установление доверительного контакта, устное согласие на помощь в проведении исследования, содействие в понимании и заполнении опросных методик. Время работы пациента не ограничивалось.

В исследовании приняли участие 27 мужчин и 37 женщин в возрасте от 29 до 79 лет (средний возраст 61 год), больных злокачественным новообразованием, исходящим из эпителия ткани кишечника (рак толстой кишки), разных стадий с умеренно дифференцированным вариантом опухоли. Все респонденты наблюдаются у онколога не менее 3 месяцев с момента постановки диагноза, проживают на территории г. Челябинска и Челябинской области и находятся на стационарном лечении в ГБУЗ «Челябинский областной клинический центр онкологии и ядерной медицины».

Согласно полученным данным, у женщин с диагнозом рак толстой кишки преобладающими копинг-стратегиями являются «дистанцирование» ($p=0,047$), «самоконтроль» ($p=0,043$), «бегство-избегание» ($p=0,027$) и «положительная переоценка» ($p=0,073$). Обратим внимание, что копинг-стратегии «дистанцирование» и «бегство-избегание» гармонично сочетаются друг с другом: человек избегает широкого круга общения, чтобы лишний раз не вступать с людьми в акт коммуникации на тему той ситуации, в которой он оказался. С этими данными органично коррелирует копинг-стратегия «самоконтроль», а именно осознанное управление своим образом мысли, для создания комфортной среды, способствующей минимизации внешних психотравмирующих факторов, что, в свою очередь, содействует актуализации значимых для человека жизненных ценностей.

У мужчин с диагнозом рак толстой кишки наиболее выраженная копинг-стратегия «планирование решения проблемы» ($p=0,085$), направленная на проработку перспектив тактических действий и свидетельствующая, о способности онкобольного строить краткосрочные планы.

Копинг-стратегии «принятие ответственности» у обеих групп респондентов находятся на одинаково выраженном низком, «поиск социальной поддержки» на одинаково выраженном высоком, а «конфронтационный копинг» на одинаково выраженном среднем, что логично соотносится с традиционалистскими и характерными для российской ментальности людей возрастной группы 50-70 лет паттернами: надеждой на более сильного и чувством долга.

1. Леонтьев Д.А., Рассказова Е.И. Тест жизнестойкости. М.: Смысл. 2006. 63 с.
2. Крюкова Т.Л. Психология совладающего поведения: современное состояние, проблемы и перспективы // Вестник Костромского государственного университета им. Н.А. Некрасова. 2008. № 5 (14). С. 147–153.
3. Tsiring D.A., Evstafeeva E.A. Личностные характеристики, копинг-стратегии и качество жизни женщин, больных раком молочной железы // Общество: социология, психология, педагогика. 2020. № 4 (72). С. 87-91.

Исследование выполнено при финансовой поддержке РНФ (проект № 21-18-00434).

Распространенность и практики использования медикаментов для коррекции психологического состояния в студенческой среде

Психологическое благополучие, модификация состояния, самолитедикализация, успокоительные препараты

Научная проблема. Психологический дистресс является неотъемлемой характеристикой обучения студентов университетов как в России, так и во всем мире (Sharp, Theiler, 2018), а для студентов характерен высокий уровень психопатологической симптоматики. Возможно, именно с этим связана высокая распространенность практик самолитедикализации среди студентов разного профиля (Behzadifar et al., 2020), и самолечение седативными препаратами фиксируется в диапазоне 12.0 – 29.0% (Lukovic et al., 2014). Значение в управлении здоровьем и благополучием практик самолитедикализации является одним из дискуссионных вопросов психологии здоровья, поскольку может иметь как позитивные, так и негативные эффекты (Толпыгина и др., 2018). Незначительный объем российских исследований данного феномена позволяет говорить о его достаточно высокой распространенности (Дудина, Руппель, 2020), однако, как именно студенты практикуют этот вид поведения, и какие психологические особенности этому способствуют, пока не ясно.

Цель исследования – оценка распространенности и факторов практики использования успокоительных препаратов студентами российских вузов.

Дизайн исследования и методология. Исследование основывалось на смешанном дизайне: использовалась качественно-количественная методология. Количественное кросс-секционное онлайн исследование было проведено весной 2020 года. Общий объем выборки составил 1443 студента одного из российских университетов (87% девушек, средний возраст – 21.6 лет, SD = 3.30). Качественное исследование (20 полуструктурированных интервью) было реализовано в 2023 году.

Основные результаты исследования. Как минимум раз за последний месяц какие-либо успокоительные препараты применяли 23,4% девушек и 11,4% юношей ($p=0,000$). Подавляющее большинство из них (70,2%) принимали препараты без назначения медицинского специалиста, в том числе 45% приняли решение об использовании препаратов полностью самостоятельно без чьих-либо рекомендаций. Доля тех, кто принимал препараты с сильным успокоительным эффектом, продающимся по рецепту врача, составила 26%. Наиболее частые причины приема успокоительных – тревожность и повышенное беспокойство, паника, их отметили 65% принимавших препараты студенты. Каждый второй принимает эти препараты для нормализации сна (49%) и снижения раздражительности (48%). Распространенной причиной приема препаратов выступает необходимость повышения работоспособности на фоне напряженной учебы/работы (26%). В рамках модели многоуровневой детерминации здоровья в докладе будут рассмотрены взаимосвязи практик приема успокоительных препаратов студентами с социальными и индивидуальными факторами. На материалах качественных интервью будут показаны основные триггеры для принятия решения студентами о начале приема препаратов.

1. Дудина В.И., Руппель А.Ф. «Меня выводит из себя любая мелочь»: самолитедикализация стресса и паттерны употребления фармацевтических препаратов в цифровом обществе // *Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены*. 2020. № 2(156). С. 312-330.
2. Толпыгина С.Н., и др. Ответственное самолечение-основополагающие принципы и место в современной системе здравоохранения // *Рациональная фармакотерапия в кардиологии*. 2018. № 14(1). С. 101-110.
3. Behzadifar M., et al. Prevalence of self-medication in university students: systematic review and meta-analysis // *East Mediterr Heal J*. 2020. Vol. 26(7). P. 846-57.
4. Lukovic J.A., et al. Self-medication practices and risk factors for self-medication among medical students in Belgrade, Serbia // *PloS one*. 2014. Vol. 9(12). P. e114644.
5. Sharp J., Theiler S. A review of psychological distress among university students: Pervasiveness, implications and potential points of intervention // *International Journal for the Advancement of Counselling*. 2018. Vol. 40. № 3. P. 193–212.

Исследование осуществлено в рамках Программы фундаментальных исследований НИУ ВШЭ.

Парадокс Дж Бонанно: гибкость vs устойчивость

Гибкость, устойчивость, психологическая травма, деятельностно-смысловой подход

В настоящее время возрастает актуальность изучения мультипсихических реакций человека в повседневных, стрессовых, кризисных ситуациях. Внимание исследователей обращается к факторам, помогающим преодолеть жизненные трудности, в частности к устойчивости. Дж.Бонанно одним из первых начал разработки в этой области и определял устойчивость как нечто в человеке, что позволяет ему лучше справляться с горем, бедствием, травмой [2].

Наиболее распространенный подход в эмпирических исследованиях устойчивости – это выявление набора характеристик, имеющих отношение к устойчивости (например, поддержка со стороны других людей; оптимизм, вера в свою способность справляться с трудностями). Устойчивые люди, успешно пережившие травму, согласно этим данным, не склонны искать смысл после травмы, но сосредотачиваются на решении проблем: используют различные стратегии совладания и регуляции эмоций, чаще испытывают и выражают положительные эмоции. Чаще такие паттерны встречаются у людей старшего возраста, у которых стрессоров меньше, у которых больше ресурсов, выше доход и уровень образования. Признавая важность этих характеристик, Бонанно утверждает, что они ничего не дают в предсказании устойчивости, когда бедствие случилось.

Понятие гибкости (гибкости) в контексте травмы обычно определяется как нечто, связанное с адаптацией, что поддается модификации, гнется, но не ломается. Этот термин часто используется взаимозаменяемо с такими синонимами, как пластичность, податливость, приспособляемость, эластичность, уступчивость, а иногда даже упругость. Но для Бонанно гибкость и устойчивость не совпадают. Устойчивость интерпретируется как сохранение хорошего психического здоровья после потенциальной травмы, стабильная траектория развития здорового функционирования. Гибкость же – это процесс, который мы используем, чтобы адаптироваться к травматическому стрессу, чтобы найти свой путь к устойчивости. Эмпирическая проверка этой теории показала, что гибкость регуляции эмоций может быть концептуализирована как конструкция, состоящая из нескольких факторов: чувствительности к контексту, репертуара (способности отслеживать эффективность выбранной стратегии) и откликаемости на обратную связь [4]. Авторы идентифицировали преобладающие латентные паттерны гибкости регуляции: от регуляторов с высокой к низкой гибкости, предсказывающих с большей вероятностью депрессивные и тревожные симптомы у переживших травму [5]. Таким образом, концепт устойчивости дополняется новым контекстом гибкости как процесса совладания с психологической травмой.

В деятельностно-смысловом подходе М.Ш.Магомед-Эминова дифференциация гибкости и устойчивости решается на основе теоретического сдвига от психологии стресса и совладания с дистрессом, травмой к аутопоэтической работе личности над собой [1]. В ходе этой работы решаются задачи на смысл как основа преодоления травматического опыта, включающая в себя диалектическую работу по конституированию идентичности (устойчивости) и созданию различий (гибкости).

1. Магомед-Эминов М.Ш. *Феномен экстремальности*. М.: Парф, 2008. 218 с.
2. Bonanno G.A. *The end of trauma: how the new science of resilience is changing how we think about PTSD*. New York: Basic Books, 2021. 186 p.
3. Bonanno G.A. *The resilience paradox*. *Eur J Psychotraumatol*. 2021, 12(1):1942642. doi: 10.1080/20008198.2021.1942642.
4. Chen S., Bonanno G.A. *Components of emotion regulation flexibility: Linking latent profiles to depressive and anxious symptoms* // *Clinical Psychological Science*, 9 (2), 2021. doi: 10.1177/2167702620956972.
5. Robinson M., et al. *A path to post-trauma resilience: a mediation model of the flexibility sequence* // *European Journal of Psychotraumatology*, 13, 2022. DOI: 10.1080/20008066.2022.2112823.

Личностные и социально-психологические факторы употребления психоделиков молодёжью

Психологическая зависимость, психоделический опыт, околосмертные переживания, факторы наркотизации

Психологические аспекты влияния употребления психоделических препаратов изучены крайне мало. Замечена опасная тенденция использования психоделиков для актуализации измененных состояний сознания в так называемых креативных, духовных и шаманских практиках. Последние 10-15 лет отмечается полиморфизм привычной картины наркотизации, характеризующийся ростом употребления новых психоактивных веществ, что приводит не только к изменению клинической картины наркотизации, но и к появлению новых социальных проблем (Асадуллин, Анцыборов, 2017). Важнейший аспект проблемы зависимости от психоактивных веществ – уточнение совокупного влияния факторов, поддерживающих их привлекательность. В данном исследовании проверялась гипотезы о том, что интерес к психоделическим препаратам выступает одной из форм поиска переживаний с экстремально выраженной специфичностью измененных состояний сознания, а также, что сниженная психологическая устойчивость респондентов связана с определенной дисгармонией в межличностных отношениях.

Для выяснения особенностей мотивации к употреблению психоделиков был проведен анкетный опрос. Разработанная нами анкета включала в себя несколько блоков вопросов, относящихся к субъективной картине околосмертных переживаний, приятным и неприятным ощущениям во время употребления ПАВ, последствиям их пролонгированного употребления. В диагностический набор были включены также методики, выявляющие личностные свойства респондентов, особенности их отношений со значимыми людьми, уровень удовлетворения потребностей и некоторые другие релевантные исследовательским задачам параметры. Респондентами выступили 126 человек, имевших опыт употребления психоделических препаратов, 66 мужчин, 57 женщин, один человек с неопределенной половой принадлежностью. Возраст респондентов от 16 до 33 лет, средний возраст 22,7 лет. Размах возрастов, в которые происходило знакомство с психоделиками был довольно значительным – от 12 лет до 32 лет, средний возраст 18,7 лет. Большинство респондентов использовали ЛСД и псилоцибин.

Ответы респондентов были весьма разнообразны, но можно выделить ряд доминирующих по частоте эффектов употребления психоделиков. Подчеркнем, что приводимые описания передают субъективное мнение респондентов, их наблюдения и трактовки. К привлекательным сторонам употребления психоделиков респонденты отнесли случаи: «инсайта», имевшего место в течение нескольких недель или месяцев после употребления психоделиков (у 51,6% респондентов однозначно был этот опыт, частично – 15,9%), уменьшение беспокойства относительно оценок окружающих о них (51,6%, частично – 11,1%), переживания «чувства связанности» со всем существующим в мире и с окружающими (51,5%, частично – 15,1%), появление желания жить более активной и наполненной жизнью (51,2%, частично – 18,4%), повышение интереса к окружающему миру (46,8%, частично – 25,4%). На вопрос о зависимости от психоделических веществ большинство респондентов ответили отрицательно: 90,5% считает, что может прекратить их употребление. 75,4% могут легко представить свою жизнь без повторения психоделического опыта. Что касается зависимости от наркотических веществ, 24% респондентов отметили, что они зависимы от других ПАВ, 15,2% частично согласны с тем, что они могут быть зависимы. Из других ПАВ (кроме психоделиков) респонденты употребляют: алкоголь (77,7%), каннабиноиды (65,3%), психостимуляторы (32,2%).

Полученные данные подтверждают выдвинутые гипотезы.

1. Асадуллин А.Р., Анцыборов А.В. Новые психоактивные вещества: конец эволюции наркотиков или первая ступень // Медицинский вестник Башкортостана. Т. 12, № 4 (70), 2017. С. 98–103.

Ресурсы сопротивляемости женщин с опытом партнерского насилия

Ресурсы сопротивляемости, партнерское насилие, женщины

Проблема партнерского насилия привлекает много внимания, в том числе на законодательном уровне. При возросшем интересе к этой теме необходимо всестороннее изучение последствий партнерского насилия для женщин с целью построения более целостного представления о проблеме и ее преодолении.

Результаты исследования психологических ресурсов личности, способствующих совладанию с последствиями пережитого насилия, могут быть интересны кризисным центрам и практическим психологам для разработки тренингов и стратегий консультирования, направленных на развитие значимых ресурсов.

В исследовании приняли участие 38 женщин в возрасте от 18 лет с опытом физического и/или сексуализированного насилия и без него.

При проведении исследования были использованы следующие методики: «Методика диагностики субъективного благополучия личности» Шамяниной и Бесковой, «Тест жизнестойкости» в адаптации Леонтьева и Рассказовой, «Модифицированная составная шкала насилия» К.Хегерти, Опросник «Способы совладающего поведения» Лазаруса, опросник «Уровень субъективного контроля», Методика «Уровень соотношения ценности и доступности в различных жизненных сферах» Е. Б. Фанталовой, методика «Мотивация аффилиации» А. Мехрабиана.

При статистической обработке данных использовались описательные статистики, критерий Шапиро-Уилка, U-критерий Манна-Уитни.

Для выделения специфических ресурсов совладания с последствиями пережитого физического и/или сексуализированного насилия в отношении респонденты были разделены на 4 группы: пережившие насилие с высоким субъективным благополучием, пережившие насилие с низким субъективным благополучием, не имеющие опыта физического/сексуализированного насилия с высоким субъективным благополучием, не имеющие опыта физического/сексуализированного насилия с низким субъективным благополучием.

В результате попарного сравнения с использованием U-критерия Манна-Уитни, было установлено, что женщины, пережившие насилие и имеющие высокий уровень субъективного благополучия, показывают более высокие результаты по шкалам вовлеченности ($U=24$; $p=0.019$), контроля ($U=13.5$; $p=0.003$), принятия риска ($U=10$; $p=0.001$), жизнестойкости ($U=9.5$; $p=0.001$) теста жизнестойкости; положительной переоценки ($U=19$; $p=0.008$) методики Лазаруса; общей интернальности ($U=10.5$; $p=0.001$); интернальности в области достижений ($U=25.5$; $p=0.022$), интернальности в области неудач ($U=29$; $p=0.042$), интернальности в области производственных отношений ($U=24$; $p=0.018$) методики «Уровень субъективного контроля»; оценки ценности красоты природы и искусства ($U=27.5$; $p=0.034$), оценки ценности познания ($U=28.5$; $p=0.041$), оценки доступности уверенности в себе ($U=26$; $p=0.027$) методики Фанталовой по сравнению с женщинами, пережившими насилие и имеющими низкий уровень субъективного благополучия.

Женщины, не имевшие опыта насилия и имеющие высокий уровень субъективного благополучия, показывают более высокие результаты по шкалам вовлеченности ($U=3$; $p=0.005$), принятия риска ($U=0.000$; $p=0.001$), жизнестойкости ($U=3$; $p=0.005$) теста жизнестойкости по сравнению с женщинами, не имевшими опыта насилия и имеющими низкий уровень субъективного благополучия.

Таким образом, специфическими ресурсами совладания с последствиями пережитого физического и/или сексуализированного насилия в отношении можно считать: убежденность женщины в том, что борьба позволяет повлиять на результат происходящего, пусть даже это влияние не абсолютно и успех не гарантирован, положительная переоценка произошедшего; вера в то, что большинство важных событий в её жизни – это результат её собственных действий, что она сама добилась всего хорошего, что было и есть в её жизни, что она может управлять собственной производственной деятельностью; чувство контроля по отношению к отрицательным событиям и ситуациям, положительная переоценка произошедшего, высокая оценка ценности красоты природы и искусства и ценности познания, уверенность в себе.

Особенности отношения к материнству у беременных девочек-подростков и женщин репродуктивного возраста

Гестационная доминанта, отношение к материнству, личностные свойства, ювенильная беременность, подростковое материнство

Проблемы ювенильной беременности, подросткового материнства в последние десятилетия становятся все более актуальными и широко обсуждаемыми [3,4]. В большинстве исследований представлены акушерско-гинекологические, социологические и профилактические аспекты изучения данной проблемы [5]. В то же время, психологические особенности ранней беременности, отношения современных юных матерей к новой социальной роли, к будущему ребенку и материнству в целом недостаточно изучены и требуют дальнейших исследований [1,2].

Цель нашего исследования заключалась в изучении свойств личности, типов переживания беременности и отношения к материнству у юных матерей-подростков и женщин репродуктивного возраста. Мы предположили, что существуют значимые различия выраженности показателей в выборках беременных женщин и девочек-подростков, а также различен характер интеркорреляций между показателями в исследуемых выборках. Для проверки гипотез были использованы следующие методики: тест отношения беременной (ТОБ) И.В. Добрякова, опросник материнского отношения (ОМО) В.В. Волковой, тест FPI (Фрайбургский многофакторный личностный опросник). В исследовании приняли участие 60 беременных женщин: юные матери – подростки 14-17 лет (30 человек) и женщины репродуктивного возраста 25-40 лет (30 человек). Исследование выполнено в 2022 году на базе родильного дома ГБУЗ ПК ГКБ им. М.А. Тверье г.Перми.

U-критерий Манна-Уитни выявил значимые различия между показателями оптимальности по методике ТОБ (оптимальный тип психологического компонента гестационной доминанты (U-кр.=140,5, $p \leq 0.01$). В группе беременных женщин репродуктивного возраста этот показатель выше, чем в группе юных матерей. Также выявлены значимые различия по шкале «степень осознанности отношения к материнству» по методике ОМО (U-кр.=163,5, $p \leq 0.03$). В группе беременных женщин 25-40 лет этот показатель значимо выше, чем в группе девочек-подростков. Женщины репродуктивного возраста наиболее готовы к освоению новой социальной роли и более ответственно и осознанно подходят к рождению ребёнка, чем матери-подростки. В то же время, выявлено значимое различие по шкале «уровневенность» опросника FPI, (U-кр.=361,00, $p \leq 0.02$), показатель которой выше в выборке юных матерей. Неужели юные матери более устойчивы к стрессовым факторам в жизненных ситуациях, более уверены в себе? Чем объяснить данный факт? Считается, что ранняя беременность, страх оценки социального окружения являются стрессорами для девочек-подростков [5]. Мы интерпретируем этот результат следующим образом: юные матери зачастую личностно незрелы, инфантильны, более свободны от переживаний, ориентированы на помощь взрослых, что подтвердилось нашими наблюдениями за беременными девочками в роддоме и беседами с ними.

В результате корреляционного анализа Спирмена выявлены положительные взаимосвязи между показателем гестационной доминанты оптимального типа и типами отношений к материнству (модальность, эмоциональность) в выборке женщин репродуктивного возраста. В данной выборке получены отрицательные корреляции между показателем модальности отношения к материнству и свойствами личности (невротичность, спонтанная агрессивность, депрессивность, реактивная агрессивность, застенчивость, эмоциональная лабильность). Чем ниже показатель отношения к материнству, тем выше уровень импульсивного поведения и неустойчивости эмоциональных состояний. В то же время, в выборке юных матерей обнаружены отрицательные корреляции между показателем гестационной доминанты гипогестогнозического типа (недооценивание важности и серьезности происходящего) и типами отношений к материнству. Чем выше непризнание матерью-подростком своей беременности, тем более отрицательно ее отношение к материнству. В данной выборке обнаружена также высокая плотность отрицательных корреляций между показателем гестационной доминанты тревожного типа и типами отношений к материнству, готовности к роли матери. Таким образом, гипотезы, выдвинутые в исследовании, нашли свое подтверждение.

1. Нестерова С.Б., Есипович Н.С. Психологические особенности несовершеннолетних мам // *РЕМ: Psychology. Educology. Medicine*. 2018. № 3 (4). С. 75–85.
2. Михайлин Е.С., Иванова Л.А., Шило М.М. Социальный портрет беременной девочки-подростка в современных условиях // *Репродуктивное здоровье детей и подростков*. 2018. Т. 14, № 1. С. 28–34.
3. Панова С.А., Синьковская И.Г. Психологические аспекты подростковой беременности и юного материнства // *Мир человека*. 2022. № 1 (50). С.74-78.
4. Романова Л.Л., Тишковская М.Е., Нюхтик Е.С. Несовершеннолетнее материнство как социальная проблема // *Вестн. АмГУ*. 2017. № 76 (4). С. 92–94.
5. Ростовская Т.К., Шимановская Я.В. Феномен юного материнства: проблемы, тенденции // *Локус: люди, общество, культура, смыслы*. 2017. № 1. С. 119–125.

К вопросу о системном подходе к исследованию самосознания человека

Самосознание, самоотношение, личностный конструкт, ценности, психологические защиты

Традиционно принято выделять три компонента самосознания: 1) когнитивный (знания или представления о себе), 2) эмоциональный (оценка представлений о себе, самооценка и самоотношение) и поведенческий (потенциальные поведенческие реакции и саморегуляция).

Наиболее изучен в психологической науке когнитивный компонент: осознавая себя как субъекта осознания и субъекта деятельности (теоретической или практической), человек формирует представления о себе, содержание которых зависит от особенностей ситуации, содержания деятельности, отношения к ней, специфики социального взаимодействия, индивидуально-психологических характеристик и др. [1].

Следующий компонент – эмоциональный – выражается в самоотношении, аффективной двухуровневой системе: на первом уровне эмоциональные реакции на актуализированные в процессе общения и деятельности знания о себе, на втором – эмоционально-ценностная система, связывающая получаемые знания с ценностями личности; синтез этих систем порождает общее чувство удовлетворённости или недовольства своими личностными свойствами – глобальное самоотношение, определяющее долгосрочную стратегию внешней и внутренней активности личности [4].

Под поведенческим компонентом принято обозначать потенциальные действия или конкретные поведенческие реакции, вызываемые взаимодействием образа Я и самооценки [3], в то же время он описывается как регулирующая компонента, выражающаяся в сознательном контроле своего поведения, разумной организации жизни, установлении и поддержании необходимых социальных отношений и преобразовании своей личности [4]. При этом в трудах учёных нет хоть сколько-нибудь удовлетворительного объяснения того, как именно связаны представления о себе, их оценка и конкретное действие. Мы основываемся на идее о поведенческом компоненте самосознания как на «выносе» Я-концепции во внешний мир через возможность сличить объективный результат работы самосознания и его субъективный образ, что проявляется в процессе саморегуляции, разворачивающейся в двух направлениях: регуляции своих действий, направленных во внешний мир (в процессе деятельности или общения), и регуляции своих действий, направленных во внутренний мир (на самого себя). При этом любой, даже самый незначительный поведенческий акт несёт в себе потенциал обратной связи, по итогам которой индивид может оценить успех или неуспех реализованного поведения. Самосознание стремится к гомеостазу – стабильному функционированию – и выбирает либо менять себя и в дальнейшем своё поведение, снимая конфликт между внутренними структурами самосознания и новыми обстоятельствами внешнего мира, либо отвергнуть нежелательную информацию, используя психологические защиты. В случае выбора первой стратегии базовыми характеристиками адаптации человека являются его ценности, в случае выбора второй стратегии самосознание поддерживает свою устойчивость, перерабатывая поступающую извне информацию уже с помощью бессознательного защитного поведения [2]. Поэтому исследование ценностей индивида как факторов, определяющих поведение и его адаптацию, и психологических защит как способов поддержания непротиворечивой картины о себе представляется нам одним из способов получить довольно ясный эмпирический материал о работе поведенческого компонента самосознания.

Таким образом, максимально объёмное исследование самосознания человека возможно при эмпирическом исследовании всех его структурных компонентов: когнитивного (представлений о себе – личностных конструктов), эмоционального (самоотношение) и поведенческого (регуляторы поведения – ценности и психологические защиты личности), а также самооценки.

1. Harter S. *The construction of the self: A developmental perspective*. New York, NY: Guilford Press, 1999.
2. Белова И.М., Парфенов Ю.А., Сологуб Д.В., Нехвядович Э.А. Структурные и динамические характеристики компонентов самосознания: системный подход // *Фундаментальные исследования*. – 2014. – № 3-3. – С. 620-628.
3. Бернс Р. *Развитие Я-концепции и воспитание*. М.: Прогресс, 1986. – 420 с.
4. Столин В.В. *Самосознание личности*. М.: Изд-во МГУ, 1985 – 284 с.

Психосоциальные характеристики пользователей приложений для психического здоровья: предварительный анализ

Психическое здоровье, мобильные приложения, психосоциальные характеристики пользователей

Бурный рост информационных технологий в сочетании с повсеместной доступностью интернета и гаджетов стимулировали интерес к мобильным приложениям для предоставления психологической и психиатрической помощи. Существующие инструменты включают самодиагностику, мониторинг эмоционального состояния, психотерапевтические техники и виртуальную реальность. Несмотря на их доступность и привлекательные характеристики, научные исследования по оценке их эффективности показывают противоречивые результаты [2].

Цель данного исследования – выявление факторов, ассоциированных с приверженностью пользователей к таким приложениям. В исследовании приняли участие 106 женщин в возрасте от 14 до 50 лет. Опрос проводился онлайн с использованием разработанной нами анкеты, в которую входили вопросы о социально-демографических данных, ряд вопросов об отношении к технологиям и социальным сетям, опросник DASS-21 на выявление стресса, тревоги и депрессии [3], опросник переживания одиночества [1] и опросник проблемного использования социальных сетей как показатель онлайн-активности [4]. При обработке использовался критерий корреляции Пирсона.

Чаще всего к использованию приложений прибегали девушки-студентки (средний возраст — 21 год), не имеющие постоянного партнера и проживающие с родителями. Наиболее популярными приложениями оказались различные дневники эмоций (47% упоминаний), на втором месте — приложения для улучшения концентрации, медитаций и им подобные (22%). Также упоминались комплексные приложения, включающие в себя различные форматы (14%); боты в социальных сетях (8%), приложения по борьбе с тревогой (5%) и депрессией (4%). В среднем опрошенные пользовались приложениями в течение нескольких месяцев и обращались к ним ежедневно (53%). При этом 63% к моменту опроса уже прекратили их использование, наиболее частой причиной было отсутствие эффекта от приложения (60%), в то время как у 27% проблема оказалась решена. Чаще всего респондентки оценивали свое психологическое состояние на 3 балла из 5; 65% знают или предполагают у себя наличие нарушений психического здоровья, чаще всего – тревожных расстройств. Основным декларируемым мотивом использования приложений было отсутствие средств на регулярное посещение специалиста, при этом 70% респонденток уверены, что приложения способны решить лишь незначительные психологические проблемы. Наиболее полезными функциями приложений испытуемые считают возможность отслеживать настроение, а также методы КПТ. По результатам теста DASS-21 у 41%, 65% и 24% опрошенных наблюдаются выраженные депрессия, тревога и стресс. Пассивные суицидальные мысли («Мне кажется, что жизнь не имеет смысла») отмечают у себя на постоянной основе 25% опрошенных. Средние значения показателей по шкалам опросника переживания одиночества незначительно выше нормативных [1]. По данным опросника проблемного использования социальных сетей выявлено, что исследуемая группа склонна прибегать к использованию социальных сетей в основном в надежде справиться с негативными эмоциями.

1. Манакова Е.А. Опросник переживания одиночества // *Сибирский психологический журнал*. 2018. № 69. С. 149-171.
2. Розанов В.А., Самерханова К.М. Приложения для поддержания психического здоровья: обзор оценок пользователей // *Журнал телемедицины и электронного здравоохранения*. 2022. Т. 8. № 2. С. 7-20.
3. Руженкова В.В., Руженков В.А., Хамская И.С. Русскоязычная адаптация теста DASS-21 для скрининг-диагностики депрессии, тревоги и стресса // *Вестник психиатрии, неврологии и нейрохирургии*. 2019. № 10. С. 39-46.
4. Сирота Н.А., и др. Разработка русскоязычной версии опросника проблемного использования социальных сетей // *Консультативная психология и психотерапия*. 2018. Т. 26. № 3. С. 33-55.

К вопросу о связи ценностных ориентаций и совладающего поведения у пациентов с избыточной массой тела

Ценностные ориентации, совладающее поведение, избыточная масса тела

Современный мир является весьма нестабильным. Происходят стремительные изменения во всех сферах деятельности человека. Как никогда остро встает вопрос о том, как адаптироваться к новым и быстро меняющимся условиям жизни. В сложных ситуациях человек использует разного рода механизмы адаптации, психологические защиты и стратегии совладания со стрессом. Одним из способов «совладающего поведения» современного человека является избыточное потребление продуктов высокой калорийности, неразборчивое потребление продуктов за один прием пищи и т.п. Все это приводит к избыточной массе тела. Избыточный вес увеличивает риск развития ряда заболеваний и сказывается на качестве жизни человека.

Особенности совладающего поведения в их связи с ценностными ориентациями современного человека, роль совладающего поведения и ценностных ориентаций в этиологии и патогенезе избыточной массы тела изучена недостаточно. В научной литературе приводятся различные, нередко противоречащие друг другу сведения об индивидуально-психологических особенностях пациентов с избыточной массой тела. Каковы преобладающие ценностные ориентации у пациентов с избыточной массой тела, каково их влияние на совладающее поведение у пациентов с избыточной массой тела, – эти вопросы весьма актуальны, и позволяют поставить проблему исследования.

Анализ литературы посредством научно-информационной базы РИНЦ показал, что имеются различные направления изучения ценностных ориентаций, среди которых в отечественной психологической науке ведущую роль занимает направление, разрабатываемое Д.А. Леонтьевым [3]. В отношении совладающего поведения и копинг-стратегий также имеется ряд подходов, как в отечественной (Л.И. Анцыферова, С.К. Нартова Бочавер, Е.Р. Исаева, Т.Л. Крюкова) [1, 2], так зарубежной науке (Р. Лазарус, С. Фолкман, Н. Хайм и др.).

Таким образом, обширный теоретический и эмпирический материал, накопленный по проблемам «совладающее поведение» и «ценностные ориентации», позволит поставить вопрос о влиянии ценностных ориентаций на совладающее поведение в норме и при разного рода отклонениях, когда речь идет о здоровье и качестве жизни людей с избыточной массой тела.

1. Исаева Е.Р. *Копинг-механизмы в системе приспособительного поведения больных шизофренией*. СПб.: Питер, 1999. 145 с.
2. Крюкова Т.Л. *Психология совладающего поведения в разные периоды жизни*. Кострома: Костромской госуд. унив. им. Н.А. Некрасова, 2010. 296 с.
3. Леонтьев Д.А. *Психология смысла. Природа, строение и динамика смысловой реальности: учеб. пособ. для студентов высш.учеб. зав., обучающихся по напр. и спец. психол.. 3-е изд., дополн. М.: Изд. «Смысл», 2007. 510 с.*

Исследование явлений нервной орторексии у студентов-психологов

Нервная орторексия, качество жизни, здоровое питание, психическое расстройство

В настоящее время современный темп жизни молодых людей характеризуется интенсивным развитием среди молодёжи темы здорового питания. Здоровое питание, конечно, является важным для правильного функционирования организма, но, в сознании у многих молодых людей все чаще развивается излишняя озабоченность качеством своего питания. В современной психологии такое явление называется нервной орторексией [1].

В психологическом плане нервную орторексию можно охарактеризовать как вынужденное состояние индивида прикладывать значительные усилия для того чтобы не нарушать установленные собственные правила по поводу питания. В случае срыва, человек с нервной орторексией испытывает сильное чувство вины и тревоги, это состояние зачастую может сопровождаться своеобразным наказанием. У людей с нервной орторексией чаще всего развиваются такие состояния как анорексия, булимия, расстройство пищевого поведения [2].

Для исследования явлений нервной орторексии нами было проведено эмпирическое исследование среди студентов психологов Тувинского государственного университета. В исследовании участвовали 60 студентов, 30 юношей, 30 девушек, средний возраст респондентов 23 года. Для исследования явлений нервной орторексии нами были выбраны 2 методики: римский опросник нервной орторексии и опросник нервной орторексии Бретмена.

В первую очередь, нами были проанализированы результаты исследования по первой методике. Методика представляет собой опросник, направленный на выявление нервной орторексии. Также в процессе исследования нами сравнивались результаты исследования по гендерному признаку.

Изучение склонности к орторексии у студентов психологов Тувинского государственного университета по римскому опроснику нервной орторексии показывает, что у 33 % юношей значение по опроснику более пороговой величины, то есть данные студенты получили баллы свыше 40, и у них можно сказать есть риск развития нервной орторексии. У 67 % юношей и 62 % девушек выявлены значения менее пороговой величины, у них отсутствует склонность к развитию нервной орторексии. Анализ результатов исследования по гендерному признаку показывает, что у девушек по сравнению с юношами больше склонность к развитию орторексии. Это может объясняться тем, что для девушек более характерно озабоченность состоянием своего внешнего вида, по сравнению с юношами девушки уделяется значительное время по уходу за собой.

Далее нами были проанализированы результаты исследования студентов по опроснику нервной орторексии Бретмена. Методика предназначена для предварительной диагностики психического расстройства, описанного Стивенем Бретменом – нервной орторексии.

Анализ результатов исследования нервной орторексии по методике Бретмена показывает, что высокий риск развития нервной орторексии характерно для 15% юношей и 23% девушек, средний риск выявлено у 36% юношей и 42% девушек. Склонность респондентов к орторексии была связана не только с выбором более здоровых продуктов питания (с содержанием злаков цельной пшеницы, фрукты, овощи, бобовые), но и с покупками в магазинах здорового питания. Также склонность к орторексии связана с некоторыми привычками здорового образа жизни: соблюдение специфического диетического поведения, снижение потребления алкоголя, курения и пр. Люди с более высоким риском развития орторексии также сообщили о желании пропагандировать свое здоровое питание своим друзьям и членам семьи.

Таким образом, можно сделать вывод о том, что среди девушек риск развития нервной орторексии значительно выше по сравнению с юношами. В наше время в обществе сложились установки о необходимости следить за трендами, модой. Человеку необходимо вливаться в общество с его новыми установленными капитализмом правилами.

1. Гузева Л.Н., Ткач Е.Н. Феномен нервной орторексии: причины возникновения, симптоматика, последствия // *Безопасность жизнедеятельности, физическая культура и спорт: современное состояние и перспективы: сборник научных трудов, Хабаровск, 27–28 марта 2019 года. Хабаровск: Тихоокеанский государственный университет, 2019. С. 278-281.*

Краткосрочное вмешательство для оценки безопасности донорства яйцеклеток

Донорство яйцеклеток, оценка риска, краткосрочное вмешательство

В научных публикациях обсуждаются различные аспекты (медицинские, правовые, политические, социально-психологические) реализации репродуктивных технологий, но донорству яйцеклеток (ДЯ) и донорам уделяется недостаточное внимание. Медицинские аспекты донорства связаны с условиями и качеством проведения извлечения яйцеклеток, которое может быть сопряжено с кровотечениями и инфекцией. Около 4% женщин, перенесших экстракцию яйцеклеток, страдают от гиперстимуляции яичников. При этом долгосрочные риски ДЯ остаются в значительной степени неизвестными [1]. На веб-сайтах трех стран из 40 рисков 13 были единичными упоминаниями. Описание риска сопровождалось сведением к минимуму или нормализацией риска [2]. В дополнение к физическим рискам следует учитывать возможные психологические реакции и эмоциональное воздействие этой процедуры. Исследования оценки риска ДЯ, установок, конкурирующей мотивации и конфликта интересов важны для понимания того, обладают ли женщины всей достоверной информацией о последствиях для их здоровья ДЯ и делают ли они осознанный выбор [3].

Целью нашего краткосрочного превентивного вмешательства было информирование молодых женщин о ДЯ для повышения объективности оценки их персонального риска и долгосрочных и краткосрочных последствий донорства. В адаптации превентивной программы участвовали 32 женщины со средним уровнем доходов в возрасте 23-28 лет в группах по 5-6 человек. Процедура занимала 1 — 1,5 часа.

До вмешательства были зафиксированы уровень знаний о ДЯ и оценка индивидуального риска процедуры по 10-бальной шкале. В дальнейшем проводилось обсуждение процедуры ДЯ, договора с репродуктивными клиниками о вероятности негативных последствий донорства, процедуры получения информированного согласия. Проводился анализ полноты описания краткосрочных и долгосрочных последствий и рекламы самого донорства. После вмешательства был зафиксирован уровень индивидуального риска, которые делали участницы при предполагаемом ДЯ за вознаграждение.

Что касается знаний о ДЯ то 75,3% имели незначительные предварительные знания. Большинство из них согласились бы участвовать, начиная с определенного уровня вознаграждения за ДЯ от 30 тысяч рублей. Только 9 % участниц отказались бы при любых вознаграждениях становиться донорами. Средняя оценка риска до вмешательства составляла 3,4 баллов. Что касается анализа текста договора, то найти полноценный договор среди 23 репродуктивных клиник было трудно. Только в одной из них был обнаружен договор онлайн. Реклама в основном была представлена материальными стимулами, которые делали акцент на возможностях конsumerизма для молодых женщин. Мотив пожертвования и помощи людям с бесплодием использовался в 11 % объявлений репродуктивных клиник. После краткосрочного вмешательства оценка риска повышалась до 7,8 баллов. Значимое повышение ($P < 0,01$) уровня оценки риска после вмешательства говорит о необходимости снижать материальный компонент рекламы ДЯ, делать договора доступными и прописывать в них все долгосрочные и краткосрочные риски. В дальнейшем программы вмешательства планируется апробировать в группах молодых женщин с низким социально-экономическим статусом.

1. *Bracewell-Milnes T., et al. Exploring the knowledge and attitudes of women of reproductive age from the generic public towards egg donation and egg sharing: a UK-based study // Human Reproduction, vol. 36, 2021, p. 2189–2201.*
2. *Jacxsens L., et al. The presentation of medical risks and incentives in egg donation: analysis of Belgian, Spanish and UK fertility clinic websites // Human Reproduction, vol. 36, Is. suppl. 1, 2021, DOI:10.1093/humrep/deab125.033.*
3. *Kirejczyk M. On women, egg cells and embryos: gender in the regulatory debates on embryonic research in the Netherlands // European Journal of Women's Studies, vol. 15, 2008, p. 377.*

Хохлова Г.Н. Санкт-Петербург, ФГБОУ ВО ПСПбГМУ им. И.П.Павлова Минздрава России
Исаева Е.Р. Санкт-Петербург, ФГБОУ ВО ПСПбГМУ им. И.П.Павлова Минздрава России
Кольцова О.В. Санкт-Петербург, СПбГИПСР

Когнитивный тренинг для людей, живущих с ВИЧ: «модель для сборки»

ВИЧ-инфекция, когнитивные функции, ВИЧ-ассоциированные нейрокогнитивные расстройства, когнитивный тренинг, люди, живущие с ВИЧ

ВИЧ-ассоциированные нейрокогнитивные расстройства (ВАНР) до настоящего времени остаются сложными и клинически важными проблемами. Для коррекции и компенсации когнитивных нарушений у пациентов с ВИЧ-инфекцией с июня 2022 года на благотворительной основе и в целях исследования проводится когнитивный тренинг для людей, живущих с ВИЧ (ЛЖВ).

Цель тренинга – создание специальной системы групповых занятий, сопровождающихся регулярной динамической оценкой когнитивных функций и эмоционально-личностных характеристик каждого участника в отдельности, побуждающих их к самопознанию, развитию и пониманию своих возможностей с учетом сохранных когнитивных функций и компенсации утраченных.

На группу приходят от 5 до 10 человек. Продолжительность занятия – 2 часа. Периодичность – один раз в неделю по субботам с 11 до 13 часов. Критерии включения: ЛЖВ старше 18 лет, не употребляющие наркотики, вне острого кризиса. Рекомендуется пройти от восьми и более занятий.

Методы. Модель тренинга включает следующие компоненты: 1). Методики оценки на входе и выходе – дают представление об участниках тренинга. 2). Техники для тренировки внимания, памяти, мышления, речи. 3). Задания-индикаторы, которые позволяют проводить мониторинг и оценивать динамику изменений. 4. Обсуждение результатов с каждым участником. 5. Внесение необходимых изменений в тренинг.

Методики оценки: специально разработанная «Информационная карта», «Таблицы Шульте», «Запоминание 10 слов», «Существенные признаки», «Исключение лишнего» (невербальный вариант), Опросник выраженности психопатологической симптоматики «SCL-90-R», методика диагностики иррациональных установок А.Эллиса.

Результаты. Когнитивный тренинг для ЛЖВ проводится с июня 2022 года на благотворительной основе. Проанализированы результаты 30 участников. Средний возраст – 47 лет. Восемь человек с высшим образованием. Семь человек временно не работающие. По тесту «Исключение лишнего» отмечено нарушение динамики мышления по типу «непоследовательности суждений» у 13 участников при сохранной структуре мышления, что может свидетельствовать о повышенной истощаемости психических процессов. По методике «Таблицы Шульте» средний показатель «эффективность работоспособности – 43,7. По тесту «Запоминание 10 слов» участники исследования удерживают в памяти в среднем 8 слов (норма), однако при отсроченном воспроизведении – в среднем 6 слов, что говорит о снижении функции памяти.

Корреляционный анализ показал значимую связь между психопатологическими симптомами и иррациональными установками. Среди иррациональных установок преобладают «катастрофизация» и «долженствование».

Основные трудности связаны с проблемами вовлечения и удержания участников в тренинге. Зачастую люди соглашаются на участие, но не доходят до тренинга, так как стараются сохранить секретность (страх стигмы). Если участнику не с кем оставить ребенка, мы предлагаем его взять с собой, если ребенок старше 7 лет. Основная мотивация участников с их слов – «сохранить мозг здоровым», «не быть обузой для близких в будущем», «научиться быстро принимать решения», «общение». Все восемь занятий посетили 11 человек. 14 – посетили тренинг однократно. Шесть человек заявили об окончании участия в тренинге после четырех – восьми занятий, остальные с разной степенью регулярности продолжают заниматься.

Выводы. В течение года мы разрабатывали алгоритм занятий, меняя очередность упражнений, подбирая индикаторы для оценки индивидуальной динамики изменений, и, в конечном итоге, собрали модель когнитивного тренинга для ЛЖВ. Теперь, по мере увеличения участников исследования, стоит задача – оценить эффективность тренинга для пациентов в зависимости от степени ВАНР.

Психологические особенности переживания нарушений питания при различных расстройствах пищевого поведения

Анорексия, булимия, компульсивное переедание, совладающее поведение

Расстройство пищевого поведения – это ряд поведенческих синдромов, связанных с нарушениями в процессе питания [1]. Это патологическое состояние, при котором человек либо сильно переедает, либо сильно ограничивает себя в еде, либо испытывает дискомфорт из-за собственных пищевых привычек [3]. Особенностью расстройства пищевого поведения является то, что человек ест не для того, чтобы предоставить организму нужный источник энергии, то есть не чувствует грань между насыщением и голодом [2].

Исходя из этого целью нашего исследования является изучение особенностей переживания нарушений питания у представителей с анорексией, булимией и компульсивными перееданиями.

Эмпирический объект исследования – 90 девушек в возрасте от 18 до 30 лет, которые имеют или имели расстройства пищевого поведения. Из 90 девушек: 30 – сталкивались с анорексией, 30 – с булимией, 30 – с компульсивными перееданиями. Гипотеза: Представители различных расстройств пищевого поведения имеют различия в переживании нарушений питания и предпочитают различные стратегии. Методический инструментарий: 1. Шкала оценки пищевого поведения (ШОПП/EDI) (Д.Гарнер); 2. методика «Способы совладающего поведения» (WCQ) (Р. Лазарус); 3. модифицированный автором опросник «Преодоление трудных жизненных ситуаций» (ПТЖС/SVF120) (В. Янке, Г.Эрдманн).

С помощью полученных данных наша гипотеза частично подтвердилась: девушки с различными расстройствами пищевого поведения имеют различия в переживании нарушений питания и предпочитают различные стратегии совладания со стрессом, однако они имеют и сходные стратегии – все чрезмерно обеспокоены своим весом и постоянно думают о процессе похудения. При возникновении стрессовой ситуации склонны решать проблему путем не всегда целенаправленной поведенческой активности, осуществления конкретных действий.

Анорексия. Имеют неадекватно завышенные ожидания относительно своего тела и неспособны прощать себе недостатки, имеют дефицит уверенности в распознавании чувства голода и насыщения, поэтому предпочитают голодать. Предпочитают снижать значение своего расстройства и не замечать последствий своего голодания, а так же подчеркивать отсутствие личной ответственности. Предпочитают делиться своими результатами похудения и искать общего одобрения и восхищения, постоянно прокручивать в голове мысли о похудении и еде, а так же принимать средства для похудения. Склонны снижать значимость стрессовой ситуации или степень вовлеченности в нее, а так же подавлять и сдерживать свои чувства и эмоции.

Булимия. Имеют побуждение к наличию эпизодов переедания и очищения, определенные части тела воспринимаются как чрезмерно толстые, а так же имеют чувство отстраненности от контактов с окружающими. Предпочитают подчеркивать отсутствие личной ответственности в этой ситуации, отвлекаться от ситуаций, которые могли бы напомнить о их расстройстве, а также заниматься психомышечной релаксацией. Предпочитают пытаться избежать повторения данного нарушения, но это остается на уровне намерения, постоянно прокручивать мысли о похудении и еде, сочувствовать самому себе и завидовать другим, обвинять во всем себя, реагировать агрессивно на окружающих, а так же принимать препараты для очищения организма после объедания.

Компульсивные переедания. Определенные части тела ими воспринимаются как чрезмерно толстые, чувствуют отсутствие безопасности и способности контролировать свою жизнь, имеют неадекватно высокие ожидания в отношении своих достижений, имеют чувство отстраненности от контактов с окружающими и не умеют распознавать чувство насыщения. Предпочитают снижать личную ответственность в происходящем, а так же анализировать ситуацию, планировать решение проблемы. Предпочитают избегать повторение объедания, но это остается на уровне намерения, уединяться от других, постоянно прокручивать мысли о похудении, еде и срывах, сдаваться с чувством беспомощности и безнадежности, сочувствовать самому себе и завидовать другим, обвинять во всем себя и проявлять агрессию к окружающим.

1. Келина М.Ю. Социокультурные факторы формирования неудовлетворенности телом и нарушений пищевого поведения // Вестник МГЛУ. 2012. № 7 (640). С. 158–165.
2. Михайлова А.П., Иванова Д.А., Штрахова А.В. Вопросы квалификации и психологической диагностики пищевого поведения в норме и при его нарушениях // Вестник Южно-Уральского государственного университета. 2019. №1. С. 97–117.
3. Скугаревский О.А. Нарушения пищевого поведения: монография. Минск, 2007. 340 с.

Селективное внимание и биоэлектрические маркеры эмоционального стресса у молодых людей первых лет обучения в вузе

Тревожность, селективное внимание, асимметрия ЭЭГ, когнитивные вызванные потенциалы мозга

Селективное внимание – это психофизиологический комплексный процесс, включающий три составляющие: эндогенные процессы внимания экзогенные и эмоциональные [3]. Экзамены, проверочные работы являются триггерами эмоционального стресса у молодых людей, особенно первых лет обучения в ВУЗе. Тревожность, как личностная характеристика способна актуализировать выбор характерного поведения в условиях стресса [1]. Обнаружено, что люди с разными уровнями тревожности имеют разную скорость восприятия зрительных стимулов, с угрожающим содержанием. Однако различия в биоэлектрической активности мозга, поддерживающие реализацию процесса селективного внимания, далеки от полной ясности. Обнаружение надежных электрофизиологических маркёров стресс ответа организма является приоритетной задачей [2]. Цель: изучить психомоторные и сенсомоторные корреляты ЭЭГ параметров произвольной ориентации внимания на быстро предъявляемые зрительные сцены с эмоциональным содержанием, демонстрирующие агрессию, угрозы жизни и здоровью людям. Проведён анализ данных: сенсомоторных реакций на «пробу с точкой»; ЭЭГ; ВП; уровней тревожности, методом Спилбергера –Ханина, у 40 испытуемых, 19±2 лет. Испытуемые разделены на 3 группы: 1 – высокая ситуативная и личностная тревожность (38.1 ± 3.6; 49.9± 3); 2- умеренная тревожность (38.3 ± 4.7; 44.3 ± 3.1); 3 – (32.1 ± 2.7; 43.8 ± 1.4). Данные расчета фронтальной асимметрии ЭЭГ ((F4, F8) – (F3, F7)) позволили обнаружить усиление правополушарной активности, которую в литературе, связывают с негативными эмоциями, отражающими работу системы избегания [4]. Отрицательный результат отражает большую правостороннюю активность мозга. Асимметрия для 1 группы (- 4.3±0,5, t=-7,6 p=0,000000); 2 (- 3.6±0,5, t=-4,4 p=0,000095); 3 (- 2.5±0,4, t=-5,2 p=0,000018). В каждой группе обнаружены различия в селективном эмоциональном внимании, при выполнении задания «проба с точкой». 1 группа – это испытуемые с быстрой реакцией на угрожающую зрительную информацию по сравнению с нейтральной (377.1±62 и 393.8±61; p=0.000000); 2 – с более быстрой реакцией на нейтральную зрительную информацию по сравнению с угрожающей (394.2±50 и 411.8±61; p=0.007); 3 группа – со сходным временем реакции на тревожную и нейтральную зрительную информацию (377.3±43 и 377.2±42; p=0.8). Смещение внимания сопровождалось изменениями параметров компонента P1 ВП в лобных отведениях. P1 регистрировался в более раннее время в правых фронтальных областях головного мозга (115±10; 138±12 мс). Амплитуда P1 была выше у испытуемых в группе 1 «с более быстрой реакцией на угрожающую зрительную информацию», (11.2 мс; 9.3 мс). В литературе P1 свидетельствует о скрытой ориентации зрительно-пространственного внимания. В состоянии тревожности зрительное внимание испытуемых сопровождается «переключением» внимания на/с негативно окрашенной эмоциональной информацией. Трудности отвлечения внимания от эмоциональной (угрожающей) информации (переключение внимания), вероятно, связаны с относительно более высоким уровнем активации лобных зон мозга правого полушария. Асимметрию ЭЭГ альфа диапазона фронтальных зон мозга, компонент P1 ВП следует рассматривать как биомаркеры латентной направленности селективного внимания, в том числе смещения внимания во время эмоционального стресса.

1. Немец В.В., Виноградова Е.П. Стресс и стратегии поведения // *Национальный психологический журнал*. 2017. №2(26). С. 59–72.
2. Паиков А.А., Дахтин И.С., Харисова Н.С. Электроэнцефалографические биомаркеры экспериментально индуцированного стресса // *Вестник ЮУрГУ. Сер. Психология*. 2017. Т. 10, № 4. С. 68–82.
3. Broscha T., et al. Additive effects of emotional, endogenous, and exogenous attention: Behavioral and electrophysiological evidence // *Neuropsychologia*. 2011. № 49(7). P. 1779-1787.
4. Palmiero M., Piccardi L. Frontal EEG Asymmetry of Mood: A Mini-Review // *Frontiers in Behavioral Neuroscience*. 2017. №11. P. 1–8.

Показатели социальной тревожности у студентов первого курса медицинского университета

Риск, страх, тревожность, студенты

Введение. Под социальной тревожностью понимают вид тревожности, где триггером выступают разного рода ситуации социального взаимодействия [3]. Выделяется: социальная тревожность как симптом различных расстройств; социальная тревожность (социальная фобия) как отдельная нозологическая единица [2].

Социальная тревожность – распространенный феномен среди студенческой молодежи, обучающейся в медицинском вузе [4]. Целью исследования является оценка уровня социальной тревожности у студентов первого курса медицинского университета.

Материалы и методы. Опрошено 120 студентов 1 курса мед. университета (53 чел. – юноши; 63 чел. – девушки). Инструмент: шкала социальной тревожности Либовица, LSAS (1987). Адаптация: И. В. Григорьева, С. Н. Ениколопов (2016) [1]. Опросник включает 48 вопросов.

Результаты. 80 студентов прошли опросник полностью. Средний балл – 44,5, что указывает на наличие у студентов минимальных признаков социальной тревожности. На основе полученных баллов по опроснику было выделено три кластера студентов: Кластер 1 (низкий уровень тревожности) – 30 чел. (37,5%) – до 50 б. (16 юношей (ю); 14 девушек (д)); Кластер 2 (умеренный уровень тревожности) – 40 чел. (50%) – от 50 – до 79 б. по шкале (26 ю.; 14 д.); Кластер 3 (высокий уровень тревожности) – 10 чел. (12,5%) – более 80 б. по шкале (2 ю.; 8 д.).

У большинства студентов выявлен умеренный уровень социальной тревожности. Но были определены студенты с высоким уровнем тревожности (особенно среди девушек). В этой группе рекомендуется проводить психологическую работу. Также необходимо проводить мониторинг уровня тревожности у всех студентов медицинского университета и предоставлять студентам необходимую помощь (со стороны психологов, психотерапевтов, психиатров).

Социальная тревожность имеет различные причины и может проявляться в виде страха или избегания различных социальных ситуаций, что требует проведения дополнительных исследований с кластерным анализом по показателям: межличностный контакт, формальное общение, общественные места.

Заключение. Данное исследование – это важный шаг в понимании состояния психологического здоровья студентов медицинского вуза. Анализ результатов показал наличие умеренной социальной тревожности у большинства респондентов. Но несмотря на это, требуется проведение регулярного мониторинга уровня тревожности.

Рекомендации. Регулярно проводить мониторинг уровня социальной тревожности студентов университета; Осуществлять психологическую работу с группой студентов, у которых выявлены высокие уровни тревожности; Обеспечивать студентам достаточную информацию и поддержку в процессе адаптации к новой среде университета. Меры помогут не только снизить уровень социальной тревожности у студентов, но и обеспечить им лучшую адаптацию к университетской жизни и повысить их успеваемость в учебе.

Направления для будущих исследований: расширить выборку; использовать другие методы оценки уровня тревожности (интервью, наблюдение); исследовать влияние различных факторов на уровень социальной тревожности у студентов.

1. Меннин Д.С., и др. Скрининг на социальное тревожное расстройство в клинических условиях: использование шкалы социальной тревожности Либовица // Журнал тревожных расстройств. 2002. 16 (6): 661-673.
2. Никитина И.В., Холмогорова А.Б. Социальная тревожность: содержание понятия и основные направления изучения. Часть 1 // Социальная и клиническая психиатрия, 2010, № 1, с. 80-85.
3. Никитина И.В., Холмогорова А.Б. Социальная тревожность: содержание понятия и основные направления изучения. Часть 2 // Социальная и клиническая психиатрия, 2011, № 1, с. 60-67.
4. Andrews B., Wilding J. M. The relation of depression and anxiety to life-stress and achievement in students // British Journal of Psychology, 95(4), 2004, 509-521.

О ресурсах психологического здоровья специалистов экстремального профиля

Профессиональное здоровье, субъективное благополучие, ресурсы психологического здоровья

Работа в условиях стресса представляет собой серьезное испытание профессионального здоровья специалиста, критической проверкой степени его служебной надежности. В связи с этим особая роль в обеспечении трудовой деятельности специалистов экстремального профиля принадлежит психологической профилактике профессионального стресса, поддержанию их психологического здоровья [1]. Для эффективного решения этих задач необходим поиск ключевых ресурсов психологического здоровья специалистов экстремального профиля, что и стало основной целью настоящего исследования.

Гипотеза исследования: для поддержания субъективного благополучия (СБ) специалистов экстремального профиля необходима активизация таких ресурсов психологического здоровья, как потенциал самоизменений, экзистенциальные способности, жизнестойкость и жизненные стремления.

Выборку респондентов составили действующие пожарные и спасатели Северо-Западного Гарнизона (Санкт-Петербург и Ленинградская область) в количестве 75 (21 спасатель и 54 пожарных), средний возраст – 36,8, с опытом службы от 1-го до 30-ти лет (средний – 9,8).

Для проверки гипотезы выборка была разбита на две группы по уровню субъективного благополучия.

Для оценки СБ использовался «Опросник благополучия PERMA-Profilier» (Дж. Батлер и М. Керн, в адаптации О.М. Исаевой, А.Ю. Акимовой, Е.Н. Волковой). Стремление активизировать ресурсы психологического здоровья оценивалось с помощью методик: 1) Опросник «Индекс стремлений» (Э. Деси, Р. Райан, в адаптации Т.Г. Василенко), 2) Шкала экзистенции (А. Лэнгле и К. Орглер, в адаптации И.Н. Майниной), 3) Опросник «Потенциал самоизменений» (В.Р. Манукян, И.Р. Муртазина), 4) Тест жизнестойкости (версия Е.Н. Осина – Е.И. Рассказовой). Математико-статистическая обработка данных осуществлялась с помощью сравнительного критерия U-Манна-Уитни, коэффициента ранговой корреляции Спирмена.

Установлено, что специалисты экстремальных профессий с высоким уровнем СБ в большей степени стремятся активизировать ресурсы психологического здоровья по сравнению с их коллегами, имеющими низкие показатели благополучия. Об этом свидетельствуют установленные различия между обследованными группами с разным уровнем СБ по следующим показателям: группа внутренних жизненных стремлений («здоровье», «личностный рост», «отношения», «сообщество»); показатели жизнестойкости («вовлеченность», «контроль», «принятие риска»); показатели потенциала самоизменений («потребность в самоизменениях», «способность к осознанным самоизменениям», «вера в возможность самоизменений», «возможность самоизменений»); показатели экзистенции («самодистанцирование», «самотрансценденция», «свобода», «ответственность», «персональность», «экзистенциальность», «исполненность»). Эти результаты подтверждают наличие взаимосвязи между стремлением к активизации ресурсов психологического здоровья и показателями СБ обследованных специалистов.

В результате корреляционного анализа эмпирических данных выявлены значимые взаимосвязи СБ с показателями жизнестойкости, экзистенциальных способностей, потенциала самоизменений. Такие результаты также позволяют сделать вывод о том, что специалисты экстремального профиля с высоким уровнем СБ в большей степени стремятся активизировать ресурсы психологического здоровья.

Результаты исследования дают основание констатировать, что ресурсы психологического здоровья могут выступать в роли фактора защиты и профилактики нарушений индивидуального здоровья специалистов экстремального профиля. Психологическая диагностика исследованных ресурсов может служить инструментом оценки потенциала здоровья и позволяет прогнозировать изменения текущего состояния специалистов в процессе их профессиональной деятельности.

1. Водопьянова Н.Е., и др. Применение ресурсного подхода в практике психологического обеспечения профессионального здоровья // *Субъект труда и организационная среда: проблемы взаимодействия в условиях глобализации*. Под ред. А.Л. Журавлева. Тверь, 2019. С. 124–139.

Самоотношение и склонность к саморазрушению у подростков с полярными особенностями физического развития

Подростки с ОВЗ, юношеский спорт, самоотношение, саморазрушение, отношение к смерти

Физическое развитие подростков влияет на социальную активность и самоотношение. Проверилась гипотеза о различиях в склонности к саморазрушающему поведению у подростков с полярными особенностями физического развития.

В структуру самосознания подростков с ОВЗ включена внутренняя картина дефекта, влияющая на формирование чувства неполноценности, дезадаптивные стратегии поведения [1].

Спорт положительно влияет на самоотношение, смысловые ориентации [4]. Психологические проблемы подростков-спортсменов связывают со специфическими условиями социализации [2]. Тревога, страх ответственности, утомление, невротизация и раздражительность характеризуют эмоционально-личностные особенности; соперничество, непонимание, агрессивность, потребность в поддержке – трудности взаимодействия [2, 3].

Цель исследования: изучение различий в самоотношении, удовлетворенности жизнью, склонности к саморазрушающему поведению и отношению к смерти у подростков с полярными физическими особенностями развития. Участники исследования: 112 обучающихся МБОУ «Школа-интернат спортивного профиля г. Челябинска» 14-18 лет (ср. возраст – $16,04 \pm 1,208$); 41 % девочек; с нарушениями опорно-двигательного аппарата (далее: НОДа) – 23 %, спортивно одаренных – 77 %. Методы исследования: методика самоотношения (В.В. Столин, С.Р. Пантеев), шкала удовлетворенности жизнью (адапт. Д.А. Леонтьева, Е.Н. Осина), тест-опросник склонности к отклоняющемуся поведению (А.Н. Орел), опросник суицидального риска (А.Г. Шмелев), шкала тревожности по поводу смерти Д. Темплера (адапт. Т.А. Гавриловой), авторская методика исследования отношения к смерти. Методы математической статистики: описательная статистика, U – критерий Манна-Уитни.

Анализ результатов выявил средний уровень удовлетворенности жизнью у подростков с НОДа и у спортсменов ($\bar{x} = 23,12$ и $\bar{x} = 21,95$ соответственно). Склонность к самоповреждающему и агрессивному поведению выражена в обеих группах: у подростков с НОДа ($\bar{x} = 48,41$ и $\bar{x} = 48,18$) и у спортсменов – $\bar{x} = 48,28$ и $\bar{x} = 48,19$). Факторы суицидального риска – социальный пессимизм и аффективность: $\bar{x} = 4,37$ и $\bar{x} = 3,21$ – у подростков с НОДа и $\bar{x} = 4,06$ и $\bar{x} = 2,72$ – у спортсменов. Уровень тревоги по поводу смерти – средний ($\bar{x} = 8,4$ у подростков с НОДа и $\bar{x} = 7,91$ у спортсменов). Типы отношения к смерти у подростков с НОДа: «Смерть как естественный процесс» ($\bar{x} = 8,2$), отрицание смерти ($\bar{x} = 7,85$) и «Смерть как переход» ($\bar{x} = 7,50$). У спортсменов: «Смерть как естественный процесс» ($\bar{x} = 8,26$), отрицание смерти ($\bar{x} = 7,67$) и страх смерти ($\bar{x} = 7,12$). В результате сравнительного анализа выявлены статистически значимые различия в особенностях самоотношения и склонности к суицидальному риску. Выше у подростков – спортсменов показатели самоуважения ($U = 436,5$, $p \leq 0,01$); самопоследовательности ($U = 488$, $p \leq 0,01$); самопонимания ($U = 499$, $p \leq 0,05$). У подростков с НОДа более выражен антисуицидальный фактор ($U = 315$, $p \leq 0,01$).

Самоотношение, склонность к саморазрушающему поведению и отношение к смерти в группах подростков с полярными характеристиками физического развития имеют аналогичные особенности. Вероятно, специфика детерминирована возрастными психологическими особенностями, макро- и микро- социальными факторами развития и воспитания.

1. Гайдукевич Е.А. Специфика внутренней картины дефекта подростков с ДЦП // *Вестник психофизиологии*. 2018. №2. С. 45-50.
2. Грецов А.Г., и др. Психологические проблемы молодых спортсменов // *Учёные записки университета имени П.Ф. Лесгафта*. 2017. № 7 (149). С. 217-221.
3. Сагова З.А., Донцова Д.А. Исследование эмоционально-личностной сферы как регулятора функционального состояния юных спортсменов // *Национальный психологический журнал*. 2018. № 4. С. 96-108.
4. Якиманская И.С. Психологические особенности самоотношения подростков, занимающихся спортом // *Психолог*. 2022. № 2. С. 39-47.

Отношение к здоровью руководителей строительной отрасли

Отношение к здоровью, руководители, благополучие, барьеры здоровья

Хорошее здоровье и благополучие – одна из 17 взаимосвязанных целей в области устойчивого развития разработанных в 2015 году Генеральной ассамблеей ООН в качестве «плана достижения лучшего и более устойчивого будущего для всех» [3]. Безусловно сильное влияние на психологическое и физическое здоровье произвела пандемия COVID-19 [4], которая поменяла отношение руководства организаций к проблеме здоровья сотрудников. В стрессовых ситуациях и ситуациях неопределённости люди имеют тенденцию обращаться за помощью к лидерам [1], кем в том числе является непосредственное начальство, на плечи которых добавилась проблема психического нездоровья сотрудников во время и после пандемии [5].

В данной работе будет рассмотрено отношение к здоровью руководителей строительной отрасли. Термин здоровье рассматривается как комплексная единица, состоящая из физического, психологического и социального компонента. Чаще всего в исследованиях строительного сектора внимание уделяется физическому здоровью и безопасности. Межотраслевое исследование отношения к безопасности, проведенное организацией Safe Work Australia [2] показало, что работодатели в строительстве гораздо чаще считают риски на рабочем месте неизбежными (46%), чем работодатели в других сферах промышленности (13%). Четырнадцать процентов строителей согласились с тем, что они нарушат правила безопасности, чтобы завершить работу в срок [2]. Данные факты указывают на высокий шанс травматизации, поэтому, предположительно, это может сказываться на отношении к здоровью в целом.

Цель исследования: изучить отношение к здоровью руководителей строительной компании.

Гипотеза исследования: личностные особенности руководителей строительной отрасли влияют на отношение к здоровью.

Предполагаемая выборка исследования от 80 до 100 работающих на территории СПб в строительном секторе: бригадиры, руководители проектов.

Метод исследования – анкетирование; дизайн – корреляционный.

Методики:

1. «Локаатор большой пятерки» (TheBigFiveLocator);
2. «Смысло-жизненные ориентации»;
3. Опросник отношения к здоровью (Г. С. Никифоров);
4. Опросник САН (самочувствие, активность, настроение).

На первом этапе, по данным опросника будет выделено 4 группы по типу отношения к здоровью. Далее для каждой группы будет произведён корреляционный анализ с остальными показателями.

Предлагаемые результаты исследования: личностные особенности как невротизм, осознанность и интеллект влияют на отношение к здоровью руководителей, и они больше внимания уделяют поддержанию физического здоровья по сравнению с психологическими и социальными аспектами. В результате проведенного эмпирического исследования будет разработана программа для преодоления барьеров здоровья для представителей строительного сектора с информированием о здоровом образе жизни.

1. Rudolph C.W., et al. *Pandemics: Implications for research and practice in industrial and organizational psychology // Ind. Organ. Psychol. Cambridge University Press, 2021. Vol. 14, № 1–2. P. 1–35.*
2. *Safe Work Australia // Work Health and Safety Perceptions: Construction Industry. 2015. № February. P. 1–49.*
3. *United Nations. Transforming Our World: the 2030 Agenda for Sustainable Development // United Nations. 2015. P. 41.*
4. Xiong J., et al. *Impact of COVID-19 pandemic on mental health in the general population: A systematic review // J. Affect. Disord. Elsevier B.V., 2020. Vol. 277. P. 55–64.*
5. Yuan Z., Ye Z., Zhong M. *Plug back into work, safely: Job reattachment, leader safety commitment, and job engagement in the COVID-19 pandemic // J. Appl. Psychol. American Psychological Association, 2021. Vol. 106, № 1. P. 62–70.*

Влияние гестационного сахарного диабета на развитие центральной нервной системы детей

Гестационный сахарный диабет, дети, моторика

Гестационный сахарный диабет (ГСД) является наиболее распространенным метаболическим осложнением беременности. Частота ГСД растет во всем мире и диагностируется у 5-25% беременных в зависимости от стратегий скрининга и диагностических критериев. ГСД может привести к акушерским осложнениям и увеличивает риск метаболических заболеваний у потомства [5]. В связи с этим, изучение этой темы становится актуальным.

При сахарном диабете у беременных женщин могут возникать повреждения центральной нервной системы у плода. Это происходит из-за нарушений метаболических расстройств в результате дисфункции плаценты. Кроме того, гипергликемия может вызвать эндотелиальную дисфункцию, которая также поражает нервную систему ребенка [3].

Однако, проблемы с ЦНС не всегда проявляются сразу после рождения, а могут проявиться позже в виде нарушений моторики, алалии, нервозности, задержки психомоторного развития и других когнитивных проблем. Наиболее часто (70,2%) у детей диагностируется синдром двигательных расстройств, который в большинстве наблюдений проявляется мышечной дистонией или гипотонией. Нарушения мышечного тонуса оказывают влияние на задержку моторного развития и формирования двигательных навыков. Однако у 78,4% детей наблюдаются нарушения со стороны ЦНС, при этом ведущим синдромом (16,4%) является отставание в нервно-психическом развитии [4].

Подобные исследования проводились ФГБУ «НМИЦ» им. В.А. Алмазова Минздрава России, д.м.н. Никитиной Н. Л. и д. р. Они изучали физическое и нервно-психическое развитие детей, рожденных от матерей с ГСД. Было выявлено, что отклонения в нервно-психическом развитии детей 6-месяцев, рожденных от женщин с ГСД и нецелевым метаболическим контролем, в большей степени были представлены нарушениями сенсорной сферы и взаимодействия с предметами; в меньшей степени – развитием эмоциональной и голосовой сфер [2].

Целью нашего исследования стала ранняя диагностика и коррекция нейропсихологических отклонений у детей 3-4 лет, рожденных матерями с ГСД. С этой целью была создана специальная программа нейропсихологической коррекции. В 3–4 года начинается дифференциация корковых отделов двигательного анализатора. Обогащается тонкая моторика, артикуляции, предметные действия. Моторный репертуар ребенка усложняется. Появляется связь движений с речевыми действиями. Именно на этом этапе онтогенеза вводятся в действие механизмы межполушарного переноса, стабилизируются все основные моторные и сенсорные асимметрии операционального уровня, формируются полушарные «локусы контроля»[1]. Поэтому наша программа коррекции направлена на активацию моторных функций и межполушарного взаимодействия. Для этого в ней используются вспомогательные предметы доска Бильгоу и зонды Новиковой.

Ранняя диагностика и нейропсихологическая коррекция в этом возрасте поможет снизить риски социальной и в будущем школьной дезадаптации, а также повысить когнитивный потенциал у этой категории детей.

1. Ковязива М.С., Балашова Е.Ю. О некоторых аспектах межполушарного взаимодействия в двигательной сфере при нормальном и отклоняющемся развитии // *Вестн. Том. гос. ун-та.* 2008. № 312. С. 173–180.
2. Никитина И.Л., и др. Характеристика физического и психомоторного развития детей, рожденных от матерей с гестационным сахарным диабетом // *МС.* 2017. №9. С 14–20.
3. Рожкова О.В., и др. Гестационный сахарный диабет и ожирение: влияние на потомство // *Акушерство, гинекология и репродукция.* 2021. №3. С. 258–269.
4. Харитоновна Л.А., и др. Состояние здоровья детей, рожденных от матерей с сахарным диабетом // *Рос. вестн. перинатол. и педиат.* 2018. №3. С. 25–31.
5. Andersen A.S., et al. The association between second trimester ultrasound fetal biometrics and gestational diabetes // *European Journal of Obstetrics & Gynecology and Reproductive Biology,* 2022, № 276, p. 139-143.

Анализ способов адаптации медицинских работников к круглосуточному графику работы

Круглосуточный график работы, циркадные ритмы, психофизиологическое состояние, искусственное освещение

В последнее время возрастает необходимость здоровьесбережения для населения в целом, и в частности для медицинских работников. Трудовые нагрузки на медицинских работников значительно увеличились из-за начала пандемии COVID-19 с последующими волнами заболеваемости [1,2]. Сохранение здоровья этой высококвалифицированной группы населения в долгосрочной перспективе является запасом прочности в сложно предсказуемых ситуациях (пандемии, новые заболевания, стихийные бедствия и т.д.). Дополнительным негативным фактором работы медицинских работников являются суточные дежурства, но индивидуальные способы адаптации каждого сотрудника к такому графику в данный момент недостаточно изучены. Один из элементов улучшения и коррекции циркадных ритмов может выступать искусственное освещение, так как доказано, что свет влияет на показатели психофизиологического состояния (сон, настроение, работоспособность, эмоциональное состояние и т.д.). Цель исследования: изучить способы адаптации медицинских работников к круглосуточному графику работы и сформулировать персональные рекомендации по сохранению здоровья, где одним из факторов влияния является искусственное освещение. Гипотеза исследования: при персональных настройках искусственного освещения психофизиологическое состояние улучшится.

В данном исследовании проводится долгосрочное наблюдение (7 месяцев 2023 года) за группой медицинских работников (16 человек) на базе поликлиники при Первом Санкт-Петербургском государственном медицинском университете им. академика И. П. Павлова. Первым этапом исследования являлось глубинное интервью с врачами-рентгенологами и лаборантами-рентгенологами. Следующим этапом изучались показатели данных биомониторинга (частота сердечных сокращений, продолжительность сна, уровень стресса) с помощью фитнес-браслетов. Также проходил контроль психофизиологического состояния работников через пакет психологических методик. Помимо изучения динамики психофизиологического состояния персонала в экспериментах исследуется влияние существующего, модернизированного и персонализированного освещения на человека.

В ходе глубинного интервью (в нем участники рассказывали о своих привычках и способах адаптации к круглосуточной работе) было выявлено, что более 80% опрошенных отметили у себя симптомы бессонницы, в частности проблемы с засыпанием. Некоторые участники подчеркнули, что часто, несмотря на сильный уровень усталости, проблемы с засыпанием появляются даже после завершения круглосуточной смены. Стоит обратить внимание, что более 50% участников сообщают о том, что иногда выспаться им не удается в выходные дни и непосредственно перед круглосуточной сменой в следствие различных жизненных обстоятельств. Было выявлено, что участники, совершающие периодические прогулки на свежем воздухе и занимающиеся различной физической активностью, в целом лучше оценивают свое психофизиологическое состояние. Полученные результаты станут основой для персональных рекомендаций по сохранению здоровья медицинских сотрудников при круглосуточной работе с учетом гендерных особенностей, стажа работы и возрастных аспектов.

1. Majumdar P., et al. COVID-19 Pandemic and rotational shift work: impact on physical and mental health of Indian nurses // *International Journal of Research*. 2020. V. 6. № 2. P. 60-72.
2. Lai J., et al. Factors associated with mental health outcomes among health care workers exposed to coronavirus disease 2019 // *JAMA network open*. 2020. V. 3. № 3. DOI: 10.1001/jamanetworkopen.2020.3976.

Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФ (проект № 22-28-20408) и Санкт-Петербургского научного фонда (соглашение от 15.04.2022 г. № 56/2022).

Трансформация морального сознания в контексте геронтологической культуры студентов медицинского факультета: вызовы и перспективы цифрового общества

Гериатрия, студенты, геронтологическая культура, эмпатия

В XX в. произошли определенные демографические изменения и благодаря медицине значительно возросла продолжительность жизни людей [1]. В связи с этим, в области медицины увеличилось количество задач, стоящих перед врачами и другими медицинскими работниками. Данные проблемы лучше всего раскрываются через понятие геронтологической культуры [2]. В связи с этим, геронтологическое просвещение для будущих врачей становится приоритетным, поскольку контингент пожилых людей постоянно увеличивается и за счет этого возрастает количество пожилых пациентов, которые требуют особого подхода и внимания. В настоящее время заботу о пожилых людях берут на себя не только их семьи, но и профессионалы, включая гериатров. Несмотря на очевидную необходимость таких специалистов, численность гериатров растет медленно. Таким образом, важным выступает геронтологическое просвещение будущих специалистов, для того, чтобы заинтересовать их в данной профессии, а также развить у них определенные профессиональные качества, которые будут им необходимы в любой выбранной им области медицины, поскольку морально-нравственные аспекты играют важную роль в эффективности оказания помощи пациентам.

Таким образом, целью данного исследования выступило изучение уровня эмпатии и личностных характеристик студентов медицинского факультета, необходимых для успешной профессиональной деятельности, изучение их отношения к пожилым людям и желания работать в гериатрии.

В исследовании приняли участие 139 студентов различных курсов медицинского факультета. Было проведено анкетирование, направленное на исследование отношения студентов к пожилым людям и желания работать гериатром и их отношения к данной профессии. Изучение личностных характеристик участников исследования производилось с помощью: методики В. В. Бойко «Диагностика уровня эмпатии», методики И.М. Юсупова "Диагностика уровня эмпатии" и теста личности Кетелла (13и факторного).

По результатам исследования было выявлено, что студенты в большей степени демонстрируют средний и заниженный уровень эмпатии, в том числе и по каналам эмпатии, что можно объяснить их особенностями личностно-профессионального развития, которое позволяет им эффективнее решать поставленные перед ними профессиональные задачи.

Доминирующими факторами в личностном профиле студентов были выделены: эмоциональная стабильность, нормативность поведения, чувствительность, радикализм и высокий самоконтроль. Эмпатия зависела от уровня доверия, зависимости от общественного мнения, от общего уровня культуры и от представлений о нормах и правилах в обществе. Было выявлено, что интерес к состоянию пожилого человека был связан с уровнем добросовестности, ответственности, чувства долга, с свободомыслием, экспериментаторством и аналитическим мышлением.

В пожилых людях студенты оценили мудрость и жизненный опыт и негативно отметили такую характеристику, как нравоучение. В целом результаты исследования представлений студентов о пожилых людях продемонстрировали их неустойчивость.

Профессию гериатра студенты не были склонны рассматривать как их основную специализацию в будущем, но отметили ее важность. Как причину отсутствия интереса к данной профессии студенты выделили низкий уровень заработной платы, низкую популярность в обществе, неадекватные эмоциональные и физические затраты. Было выявлено, что желание работать гериатром имеет связь с уровнем эмпатии, терпимости и чувством долга.

Таким образом, данное исследование дает представление о возможной корректировке ценностных, культурных и социальных ориентиров для студентов.

1. Сидоренко А.В., Голубев А.Г. Теория и практика старения в условиях пандемии COVID-19 // Успехи геронтологии. 2020. Т. 33. № 2. С. 497–408.
2. Twigg J., Martin W. The field of cultural gerontology: An introduction // Routledge handbook of cultural gerontology. Routledge. 2015. P. 23–38.

Исследование выполнено при финансовой поддержке РФ (проект № 23-28-00220).

К постановке проблемы нормального пищевого поведения

Питание, нормальное пищевое поведение, нарушения пищевого поведения

Пищевое поведение оказывается чем-то самоочевидным в силу того, что является биологически детерминированным у всех живых организмов. На физиологическом уровне питание связано с работой центров голода и насыщения в гипоталамусе, концентрацией глюкозы в крови, выделением грелина в желудке и других сопутствующих процессов, которые, в конечном итоге, поддерживают гомеостаз [1]. Однако в культурно-историческом контексте у человека формируется и более сложная – социальная функция питания. Способы удовлетворения потребности в пище и пищевая мотивация становятся более вариативными за счёт новых возможностей и предложений среды. Однако замеченным и осмысленным питание не становится, поскольку бессознательно усвоенные привычки и интроецированные установки в отношении пищи автоматизируют этот процесс, минуя, с целью сохранения энергии (организм ленив по своей сути – стремится к максимизации продуктивности за счёт минимальных растрат), область сознания.

Между тем, отметим, что пищевое поведение человек становится объектом изучения в том случае, если форма его реализации принимает вид нарушения [2]. Например, ограничительное питание, суть которого в урезании или полном исключении определённых продуктов. Или эмоциогенное питание, при котором употребление пищи тесно связано с эмоциональными реакциями, подменяющими реальную биологическую потребность эмоциональной. Также выделяют и экстернальный тип, когда человек руководствуется не чувством голода, а внешней мотивацией по типу внешнего вида продукта, приятной компании или давления со стороны близких. В последние годы внимание получил и такой тип нарушений как орторексия: на первый взгляд представляет собой «здоровое» поведение, когда рацион составляется с учётом необходимых для организма макро- и микровеществ, размера порций и калоража в соответствии с энергозатратами. Тем не менее, орторексия представляет собой нарушение, поскольку человек оказывается заикленным на «правильных» продуктах, испытывает тревогу при возможных изменениях в спланированном плане питания, а также склонен к руминированию, что в действительности доставляет дискомфорт и мешает функционированию. Заметим, что перечисленные нарушения пищевого поведения представляют собой, скорее, континуумы с разными вариантами проявлений, нежели строго заданные типы.

Теперь вернёмся к нашей изначальной цепочке размышлений. Нам представляется, что именно очевидность потребности в пище и является тем «камнем преткновения», препятствующим изучению нормы пищевого поведения. «Очевидность» не в почёте исследователей, чьи взоры и интеллектуальные ресурсы направлены на обнаружение причин и механизмов развития нарушений. С одной стороны, уже проявившееся отклонение требует изучения, однако при накоплении эмпирических фактов целесообразным видится их осмысление и систематизация, а не последующее приумножение. Так, уже аккумулировано обширное количество данных о нарушениях пищевого поведения, но возникает вопрос о том, относительно чего эти самые «нарушения» таковыми являются, если норма остаётся слепым пятном в данной области знания.

Мы видим в этом противоречие, которое оформляется в научную проблему: существует дефицит знаний о нормальном пищевом поведении, поскольку в литературе представлены только исследования нарушений пищевого поведения, факторов и механизмов их формирования, а также связей с другими феноменами.

1. Звенигородская Л.А., Мищенко Т.В., Ткаченко Е.В. Гормоны и типы пищевого поведения, эндоканнабиоидная система, пищевая аддикция в развитии метаболического синдрома // *Consilium Medicum*. 2009. №. 1. С. 73-82.
2. Михайлова А.П., Штрахова А.В. Пищевое поведение в норме, в условиях стресса и при патологии: библиографический обзор // *Психология. Психофизиология*. 2018. Т. 11. №. 3. С. 80-95.

Проблема психологической диагностики установок в отношении здоровья

Здоровье, отношение к здоровью, психодиагностика

Научная проблема данного исследования состоит в том, что на настоящий момент не существует ни одной методики, которая выявляла бы типы отношения к здоровью, опирающиеся на осознаваемые и неосознаваемые установки обследуемого. Все существующие и активно используемые отечественные и зарубежные методики исследуют либо структуру отношения к здоровью, либо один из ее компонентов, чаще всего поведенческий.

Из поколения в поколение передается представление о важности сохранения здоровья. Это то, что люди желают друг другу при встрече, то, что имеют в виду родители, когда спрашивают детей, тепло ли они оделись и хорошо ли поели. При проведении социальных и психологических опросов россияне ставят ценность здоровья на одну из первых позиций и одновременно противоречат сами себе на поведенческом уровне, беззаботно расходуя свои физические и психические ресурсы, не заботясь об их восполнении. Возможно, причиной такого отношения являются сформировавшиеся эксплицитные и имплицитные установки, содержащие мотивационный компонент и способные оказывать направляющее воздействие на поведение индивида [1]. Для диагностики подобных установок не подходит ни одна из существующих методик диагностики отношения к здоровью, в связи с этим актуальной является необходимость разработки специальной психодиагностической методики.

Методологическую основу для разработки данной научно-практической проблемы составили исследования отношения к здоровью отечественных и зарубежных ученых: В.Н. Мясищева, И.В. Журавлевой, Р.А. Березовской, В. Ясвина и С. Дерябо, S.N. Walker, K.R. Sechrist, N.J. Pender, З. Ючинского, а также типология отношения к болезни, предложенная А.Е. Личко и Н.Я. Ивановым.

Для создания типологии отношения к здоровью 150 респондентам 18-60 лет было предложено охарактеризовать свое отношение к питанию, сну, работе, отдыху, физической и сексуальной активности в произвольной форме либо при помощи нескольких коротких фраз, пословиц, поговорок. Всего было собрано более 700 установок, которые в процедуре контент-анализа были сгруппированы по схожим признакам (типы отношения к здоровью). Первая версия методики, включающая 141 установку, была предложена для оценки психологам и лингвистам, по результатам часть установок была переформулирована или исключена из методики. Окончательный вариант методики содержит 134 установки в 10 сферах (питание, режим дня, сон, работа и т.д.). Выделенные типы отношения к здоровью: гармонический, модный, неустойчивый, фобический, деструктивный, попустительский, ригидный.

Психометрическая проверка методики включала оценку внутренней согласованности шкал, проверку критериальной и содержательной валидности, оценку надежности, расчет коэффициентов для перевода данных в процентилях. Работа над методикой будет продолжена в направлении стандартизации результатов различных поло-возрастных групп и расширении содержательного наполнения типов отношений к здоровью. Но уже сейчас методика диагностирует типы отношения к здоровью в соответствии с заложенным в них содержанием на основании выбора установок в сфере здоровья и может быть использована для диагностики, а также в консультативном процессе.

1. Андриюшкова Н.П. Психологические особенности феномена социальных установок и стереотипов // Личностные и ситуационные детерминанты поведения и деятельности человека. Монография. Ростов-на-Дону, 2017. С. 131-135.

Сикорский И.А. о психическом здоровье ребенка

Сикорский И.А., психология здоровья, психическое здоровья ребенка

Сикорский Иван Алексеевич (1842-1918) – выдающийся русский ученый, человек масштабного интеллекта. Как ученый Сикорский был широко известен за границей. Он написал более ста научных трудов в области медицины, психологии, педагогики, клинической психиатрии, многие из которых были переведены на европейские языки. Зарубежные Ученые Общества неоднократно избирали его своим членом и присылали почетные дипломы. Из всего обширного учения о здоровой и больной душе ученого особенно глубоко интересовала детская душа. Он является основателем детской психологии в России. В 1912 году открывает в Киеве первый в мире институт детской психологии. Его работа «Душа ребенка» (1909, 2018) стала настольной книгой немецкого учителя и выдержала в Германии 14 изданий.

Большое значение Сикорский придавал нравственному и духовному воспитанию детей, видя в этом залог становления здорового общества. Решающую роль в воспитании детей отводил родителям. Заслуга его состоит в том, что он представил целостную картину психического развития в онтогенезе, впервые предложил классификацию детского возраста с учетом тесной взаимосвязи нервно-психического развития ребенка. Выделил основания для классификации: готовность нервной системы для развития психики и наличие основных видов активности, свойственных определенному возрасту ребенка. Им были разработаны основы нервно-психической гигиены ребенка в разные периоды развития. Он показал, что каждый период является важным звеном формирования здоровой личности. В каждом периоде были отмечены присущие ему главные отличительные признаки и способы перехода к следующему этапу психического развития, что обуславливало развитие здоровой психики. Ученый раскрыл и систематизировал признаки психической деятельности здорового ребенка. Он впервые обозначил критерии развития здорового ребенка.

Особое внимание уделяет вопросам о норме и патологии психического развития, в том числе причинам личностных нарушений в онтогенезе. Развитие личности показано им на протяжении всего жизненного пути, начиная с раннего детства и заканчивая старческим возрастом. Личность человека начинается за многие годы до его рождения. Эти годы приходятся на жизненный срок его родителей. Развитие личности идет, колеблясь между раскрытием прирожденных качеств и влиянием окружающей среды. Окружение ребенка: мать, семья, общество, природа – играют важную роль в раскрытии сущностных характеристик личности. В юные годы здоровая и болезненная наследственность ярче обозначены, отчетливее выступают. Переходный период предвосхищает юность, в котором отмечаются незрелость эмоционально-волевой сферы, неустойчивость характера. В формировании нравственности в этот период особую роль играют родители и учителя. Если учебные программы гуманитарных дисциплин (литература, история) сокращены, возможны нежелательные последствия: узость, односторонность умственного и нравственного развития, наступает «нравственное охлаждение», поведение подчиняется рутине и грубому практицизму. Сикорский считал годы юности наиболее благоприятными для нравственного воспитания. Это период выбора жизненного пути. В юности решаются ключевые вопросы для личности – признание, жизненные цели. Нравственная «узость» затрудняет формирование здоровой личности.

Психология здоровья: к истории становления

Психология здоровья, восточная традиция, концепция здоровой личности, здоровье

В историческом аспекте многие положения, на которые в теоретическом и практическом плане опирается современная психология здоровья, берут свое начало в глубинах восточной традиции, в рамках которой определяющая роль принадлежит Аюрведе, а также тибетской медицине и йоге. Аюрведа является первым опытом накопления и систематизации медицинских знаний в истории человечества. Она подходит к человеку как к единому целому, рассматривая его во взаимосвязи с окружающим миром. Надо устранить не только болезнь, но и породившую их причину. Восточная традиция учит тому, что в гармонии тела и духа, в служении высшим идеалам состоит смысл человеческого существования; что психика влияет на состояние организма и может быть причиной недуга. Таким образом, в аюрведе уже были заложены основы психосоматического существования человека. Уникальный опыт аюрведы все шире переносится в практику современного врачевания. Активное содействие человеку в достижении гармонии психического и телесного здоровья является одной из главных задач, которую ставит перед собой сегодня психология здоровья.

Одним из первых еще в середине 18 века наш великий соотечественник М.В. Ломоносов обосновал в своих трудах пути и способы психического и физического оздоровления в России. Воспитанник Московского университета профессор М.Я. Мудров в том же веке разработал систему гигиенических мероприятий по предупреждению болезней. Он подчеркивал необходимость обращения внимания на людей здоровых, предохранения их от болезней, предписания им надлежащего образа жизни. Выдающимся русским ученым второй половины XIX – начала XX века С.С. Корсакову, И.С. Сикорскому, В.М. Бехтереву принадлежит первая в мировой и отечественной психологии попытка в разработке концепции здоровой личности. Их работы предопределили последующее становление психологии здоровья как самостоятельного научного направления в нашей стране. Программным для развития психологии здоровья стал доклад В.М. Бехтерева «Личность и условия ее развития и здоровья» в сентябре 1905 года в Киеве на Втором съезде российских психiatров.

Двадцатый век был отличен эволюцией взглядов западных ученых на соотношение между психикой и телом. В 30-е годы ряд исследователей обратил внимание на взаимосвязь между эмоциональной жизнью человека и его физиологическими процессами. В 60-е годы формируются подходы и теории, предполагающие взаимосвязь, с одной стороны, психологических и социальных факторов, с другой – физиологических функций. В 1980 году Дж. Матараццо, официально возглавивший психологию здоровья как новое научное направление, включил наряду со здоровьем и феномен болезни в сферу интересов этого направления. Эта позиция нашла отражение и в тематике последующих публикаций и исследований, включающие в свои границы болезнь и здоровье, превенцию и лечение, воспитательную и изменяющую поведение практику. Со временем определение, данное Дж. Матараццо, стало предметом критических замечаний за излишнюю широту этой области знания. Так, неоправданно широкое определение представляет собой проблему, так как оно затрудняет четкое отделение психологии здоровья от других областей психологии, и прежде всего клинической психологии.

Психология менеджмента и психология здоровья – это две новые области знания в российской психологии, к постановке и развитию которых приступила кафедра психологического обеспечения профессиональной деятельности (заведующей кафедрой – профессор Г.С. Никифоров) в 1989 году на факультете психологии Ленинградского (с 1991 г. – Санкт-Петербургского) государственного университета. В разработке психологии здоровья главный акцент сделан на изначальном формировании здоровой психики и последующем поддержании ее функционирования в этом качестве – забота о здоровье здорового человека. В серии изданий под руководством Г.С. Никифорова изложена в развернутом виде концепция психологического обеспечения здоровьем человека на всем протяжении его жизненного пути [2,3,4,5,1].

1. *Геронтопсихология: Учебное пособие / Под ред. Г.С. Никифорова. СПб.: Изд-во С-Петербур.ун-та, 2007.*
2. *Никифоров Г.С. Психология здоровья. СПб.: Речь, 2002.*
3. *Психология здоровья дошкольника: Учебное пособие / Под ред. Г.С. Никифорова. СПб.: Речь, 2010.*
4. *Психология здоровья. Школьный возраст: Учебное пособие / Под ред. Г.С. Никифорова. СПб.: Изд-во С-Петербур.ун-та, 2008.*
5. *Психология профессионального здоровья: Учебное пособие / Под ред. Г.С. Никифорова. СПб.: Питер, 2006.*

Особенности личной психогигиены отношений военнослужащих

Психогигиена, духовное здоровье военнослужащих, психопрофилактика

Цель исследования: выяснение места психогигиены в жизнедеятельности военнослужащих. В анкетировании принимали участие слушатели Военной академии материально-технического обеспечения имени генерала армии А.В. Хрулева. Всего было опрошено 150 человек. Средний возраст опрошенных составил 35 лет, девяносто процентов имеют семьи, по территориальному охвату представлены все регионы России.

Испытуемых просили написать одно или два слова, с которыми понятия ассоциируются». В результате проведенного количественного и качественного анализа было выделено пять модулей понимания психогигиены военнослужащими. Первый модуль мы обозначили как духовный. Респонденты связывали психогигиену с исповедью, духовным исцелением. Второй модуль – психогигиена как саморегуляция. В него были включены такие высказывания как работа над собой, умение управлять собой, относиться проще к раздражающим факторам. Более конкретные высказывания в модуле саморегуляции выделились в отдельный когнитивный блок. В частности, сюда вошли такие высказывания как не думать о страшных бесчеловечных вещах, выбор информации, фильтрация информации, откидывать всю лишнюю информацию, не смотреть видеоролики, подвергать информацию цензуре, не пускать плохие мысли. Третий модуль – психогигиена как моральные и нравственные отношения. Здесь были зафиксированы такие высказывания как уклад правильных жизненных ценностей, этика, культура. В этом модуле как психогигиена воспринималась культура речи, общение без употребления нецензурных выражений. Четвертый модуль был связан с пониманием психогигиены как саморазвития. Пятый модуль сформировался из высказываний, которые можно отнести к охранительному режиму: отдых, сон, входные дни. Условно, его можно назвать физиологическим модулем психогигиены.

В результате анализа ассоциаций, связанных со вторым предложенным стимулом «Мир в душе» выделился основной модуль, который сформировался из высказываний 120 военнослужащих, содержание которых было связано с качеством семейных отношений:

- Мир в душе ассоциировался у военнослужащих с пониманием близких, с детьми, семейной гармонией.
- Личная психогигиена направлена на отношения в семье военнослужащего. Можно полагать, что основным личностным смыслом личной психогигиены военнослужащих является благополучие в семье.
- Второй модуль, представленный высказываниями 30 военнослужащих связан с внутренней гармонией и спокойствием.

Таким образом, результаты исследования, распределенные по модулям, можно рассматривать как инструментальную составляющую психогигиены военнослужащих.

1. Есипова А.А., Шатровой О.В. Составляющие духовного здоровья лиц молодого возраста в контексте оптимизации служебных отношений // *Профессиональное образование и наука*. 2019. № 4 (9). С. 75-81.
2. Одаруценко О.И. Методика оценки эмоционального благополучия в интересах психогигиены, психопрофилактики и психической реабилитации: автореф. дис....канд.психол.наук. Москва, 2015. 23 с.
3. Куликов Л.В. Психогигиена личности. Вопросы психологической устойчивости и психопрофилактики: Учебное пособие. СПб.: Питер, 2004. 464 с.

Характеристики временной перспективы у подростков с последствиями тяжелых физических травм

Подростки, физическая травма, временная перспектива, жизненная ситуация

Интерес к проблеме психологических последствий физической травмы в исследованиях отечественных и зарубежных авторов, связан как с увеличением случаев травматизма, так и со сложностью мероприятий комплексной реабилитации пострадавших. В последние годы увеличилось число тяжелых физических повреждений у подростков. Значительное число таких повреждений получено в результате дорожно-транспортных происшествий (ДТП) и в результате падения с высоты. В подростковом возрасте тяжелая физическая травма может сопровождаться переживанием “разрыва в жизни”, ощущением потери временной перспективы. При этом психологические характеристики, в соответствие с которой происходит распределение личного и социального опыта человека по временным категориям, могут определять мотивацию подростка к лечению, оказывать влияние на формирование жизненных планов в будущем.

Целью исследования было изучение характеристик временной перспективы у подростков с последствиями тяжелых физических травм в контексте их жизненной ситуации. В исследовании приняли участие 20 подростков 12-17 лет, получивших тяжелые физические травмы в результате дорожно-транспортного происшествия (10 чел.), падения с высоты (7 чел.), огнестрельного ранения (2 чел.) и медицинских манипуляций (1 чел.), а также 24 подростка 14-17 лет без физических повреждений.

Процедура обследования включала клинико-психологический и психодиагностический этапы. Изучались объективные и субъективные характеристики жизненной ситуации подростков с последствиями тяжелой физической травмы и здоровых подростков, параметры временной ориентации подростков. Было проведено сравнение показателей жизненной ситуации, а также сравнение выраженности отдельных временных ориентаций у подростков, получивших физические травмы и у их здоровых сверстников. Результаты сравнения выявили специфические особенности жизненной ситуации подростков с последствиями тяжелых физических травм. К ним относятся объективные события, связанные с физическим повреждением и болезненным медицинским лечением, наличием конфликтных отношений в семье. Специфика субъективных ситуационных характеристик состояла в низкой удовлетворенности травмированных подростков своими физическими возможностями, переживании болевых ощущений, наличии эмоциональных проблем, переживании потери социальных контактов.

Были выявлены различия во временной ориентации травмированных и здоровых подростков. Травмированные подростки в меньшей степени ориентированы на будущее, чем их здоровые сверстники ($p \leq 0,01$), что может проявиться в отсутствии воли к выздоровлению, трудностях социальной адаптации в перспективе. У подростков с тяжелыми физическими травмами выявлена тенденция к снижению временной ориентации на позитивное прошлое, что косвенно может указывать на преобладание негативных эмоциональных состояний. Было проведено сравнение параметров временной ориентации у подростков, получивших физическую травму в результате падения и у травмированных подростков, пострадавших в ДТП. Полученные результаты показали, что подростки, получившие физические повреждения в результате ДТП имеют лучшие значения временной ориентации на будущее ($p \leq 0,01$) и более высокие показатели позитивного прошлого ($p < 0,05$), по сравнению с их сверстниками, получивших травму в результате падения с высоты. Показатели временных ориентаций травмированных подростков рассматривались в контексте показателей их жизненной ситуации. Оказалось, что субъективно негативная оценка психического состояния травмированных подростков связана с формированием переживания безнадежности и беспомощности, преобладанием негативных временных ориентаций как в отношении собственного прошлого ($p \leq 0,01$), так и в отношении собственного будущего ($p \leq 0,01$).

Психологическая помощь подросткам, получившим тяжелую физическую травму, должна включать терапию временной перспективы: формирование сбалансированных временных ориентаций и позитивного отношения к будущему

Психалгия: версия Э. Шнейдмана

Психалгия, фрустрация, оценка

Обычно под термином «психалгия» понимают телесные болевые ощущения, возникающие под воздействием сильных душевных переживаний. Американский клинический психолог Эдвин Шнейдман (1918 – 2009) предлагает свою версию данного явления. Он считает, что психалгия может быть недугом чисто психическим, не оказывающим никакого воздействия на физическое здоровье, но причинять очень серьёзные страдания.

Психалгия определяется как «невыносимая, нестерпимая душевная боль, без какого-либо проблеска надежды на облегчение или возможную помощь.» [Шнейдман, 2001, с.77]. Локализуется эта боль «в голове, в душе, в сознании» [Шнейдман, 2018, с.457.]

Психалгия складывается из двух взаимоусиливающих слагаемых: собственно сама боль и острое нежелание её выносить. В основании психалгии лежит множество факторов, но прежде всего чрезмерно увеличенные чувства стыда, вины, страха, тревоги, одиночества, боязни старения или мучительной смерти.

Заметим: каждый человек попадает в ситуации, когда он испытывает чувство стыда, сам себя в чём-то обвиняет (или подозревает, что окружающие считают его в чём-то виноватым), тревожится, переживает одиночество. Также каждый человек в определённом возрасте начинает бояться старения и подытоживающей всё смерти. Однако, психалгия возникает не у каждого. Здесь дело в степени чувства и его предмете. Страдающий психалгией человек не просто переживает, он переживает в сильнейшей степени и всегда, без малейших перерывов. Эта непрерывность вызвана тем, что у психалгии есть постоянно актуализирующийся предмет. Предмет – то событие, процесс, явление, на которое боль направлена. У телесной боли или у кратковременного ухудшения настроения здорового человека никакого предмета нет – есть лишь причина (физические патологии, семейные, служебные, финансовые неприятности). Такая боль ни на что не направлена. Психалгия направлена на определённые обстоятельства, размещённые в пространстве и времени. Она негативизирует эти обстоятельства, причём до очень высокой степени, а кроме того – присваивает им статус непреодолимых.

Чем психалгия порождается и поддерживается? Факторов тут много. Первый фактор – фрустрация психологических потребностей: «Общим стрессором ... являются фрустрированные психологические потребности» [Шнейдман, 2013, с.354]. Латинское слово «frustratio» означает «обман», «неудача», «тщетное ожидание» и проч. Фрустрация имеет две неразрывно связанные между собой части – рациональную и психическую. Рациональная – это вполне логически организованное знание о невозможности удовлетворения определённой потребности. Ввести человека в фрустрацию – в рациональном смысле – это значит убедить его, в том, что желаемое им событие никогда не произойдёт, мечты не сбудутся, проекты не воплотятся в жизнь. Психическая часть фрустрации – вызванная рациональным знанием подавленность настроения. У Шнейдмана речь идёт о рациональной составляющей фрустрации. Если бы это было не так, фрустрация и психалгия оказались бы совершенно неразличимыми категориями.

В самом общем виде можно предположить следующее: психалгия – это душевная боль, вызванная не столько самими жизненными обстоятельствами, сколько их оценкой. Обстоятельства оцениваются как высокотоксичные, длительные и непреодолимые.

1. Шнейдман Э. *Душа самоубийцы. М.: Смысл, 2001. 315 с.*
2. Шнейдман Э. *Десять общих черт самоубийств и их значение для психотерапии // Суицидология: Прошлое и настоящее: Проблема самоубийства в трудах философов, социологов, психотерапевтов и в художественных текстах. М., 2013. С. 353–359.*
3. Шнейдман Э. *Самоубийство как душевная боль // Антология суицидологии: Основные статьи зарубежных учёных. 1912–1993. 2018. С. 457–462.*

Целостность как важнейшая характеристика здоровья человека

Психология здоровья, системный подход, самоорганизующаяся система

В различных учениях о человеке (биологии, медицине, социологии, педагогике, психологии и др.), целостность понимается по-разному, отражая в каждом случае специфические содержательные контексты. Целостность обычно описывается с помощью таких категорий как единство, слитность, неделимость, всеобщность, совокупность, полнота, гармония, и противопоставляется фрагментарности, противоречивости, раздробленности, незаконченности, конфликтности, разбалансированности, хаосу.

Целостность человека трактуется как системное единство, в котором каждая из составляющих его частей занимает свое иерархическое место, что дает возможность наиболее оптимального функционирования. В каждой науке о человеке раскрываются способы ее достижения и реализации, утверждается ее значение для понимания нормы и патологии. Редукция целостности и возникновение рассогласованности может стать причиной нарушения деятельности организма, его жизненных способностей, болезни.

Целостность имеет определенное бытийное родство с цельностью, однако не тождественна ей. Под цельностью понимается функционально-структурная характеристика человека, показатель наличия у него цели. Целостность как отражение статического контекста системы сопряжена с цельностью как динамической ее характеристикой. Примечательно, что слова цель, целостность, целеустремленность, целесообразность, целина, исцеление, целительство, целебность – имеют один корень.

А это значит, что здоровье, понимаемое как состояние полного физического, душевного и социального благополучия [1] и как качество жизнедеятельности организма, характеризующееся совершенной адаптацией к воздействию на организм факторов естественной среды обитания [2] – может быть достигнуто при условии целостности как согласованности, единства всех элементов внутренне-внешней структуры, а также умения человека поставить цель как способ интеграции различных его действий в некую последовательность и привести эту структуру в движение.

Очевидно, что суждения о целостности будут иметь непосредственное отношение к представлению о том, кто есть человек, каким потенциалом он обладает. Чем более сложен и многогранен взгляд на природу человека – тем большее количество элементов его внутреннего и внешнего мира необходимо согласовать. Но тем более масштабный уровень внутренне-внешних контекстов можно охватить.

В какой-то степени можно сказать, что вся практическая психология нацелена на выявление и разрешение внутри и межличностных конфликтов и противоречий, и достижения целостности определенного уровня в контексте различных методологических подходов психологических практикоориентированных школ.

В классических направлениях психологии человек понимается как биопсихосоциальное существо, поэтому цельность будет определяться именно этими измерениями, а здоровье рассматриваться как синтез физического, психического и социального.

С позиций логотерапии человек имеет 3 измерения – физическое, психическое и нозтическое. В экзистенциальной психологии человек рассматривается ракурсом 4х миров: Физический мир (Umwelt), охватывающий материальный мир, природную среду; Социальный мир (Mitwelt) – мир взаимодействия и общения с другими; Личный (внутренний) мир (Eigenwelt) – мир отношения человека с самим собой и Духовный мир (Uberwelt) – мир идей, ценностей и значений, который содержит картину мира человека, веру, принципы по которым он живет. Соответственно целостность будет результатом взаимосвязи и взаимозависимости составляющих этих измерений, а здоровье будет определяться способностью непротиворечивой реализации задач, потребностей, ценностей каждого уровня.

В психологии пока нет общего, единого, цельного взгляда на человека, а это значит, что попытки достичь целостности фрагментарны и представляют собой частные усилия решить конкретные практические задачи.

Интеграция философских подходов и разработок феномена целостности в психологию поможет выявить более масштабный взгляд на человека и его здоровье.

1. Здоровье // Большой психологический словарь / ред. Б.Г. Мецзякова и др. М.: Прайм-Еврознак, 2003.

2. Здоровье // Малая медицинская энциклопедия. М.: Медицинская энциклопедия, 1991-1996.

Тревога о здоровье у часто и редко болеющих младших подростков

Тревога о здоровье, внутренняя картина здоровья, младший подростковый возраст

Тревога о здоровье – конструкт, который является недостаточно изученным и разработанным в современной отечественной клинической психологии и психологии здоровья. Анализ имеющихся на настоящий момент исследований по этой тематике позволяет заключить, что в большинстве из них тревога о здоровье определяется как патологическое состояние, связанное с интерпретацией телесных ощущений как угрожающих здоровью индивида [1, 3]. Известно, что высокий уровень тревоги о здоровье (в особенности в зарубежной науке) традиционно признается симптомом ипохондрии – то есть ярко выраженной уверенностью субъекта в наличии у него заболевания и опасности его развития [2].

Проведя в 2019-2023 году ряд исследований (в том числе, апробацию «Краткого опросника тревоги о здоровье» (Short Health Anxiety Inventory, SHAI) на выборке условно здоровых младших и старших подростков), мы получили результаты, свидетельствующие о том, что тревога о здоровье может рассматриваться как самостоятельный конструкт. Важное значение здесь приобретает рассмотрение неклинических форм тревоги, что может стать значимой «мишенью» при психопрофилактической и психокоррекционной работе с детьми и подростками. Эмпирическая база исследования: MAOY «Лицей №4» г. Рязани, МБОУ «Школа № 40» г. Рязани, МБОУ «Льговская средняя школа» Рязанского района Рязанской области. В данной части исследования приняли участие 101 респондент (44 редко болеющих младших подростка (средний возраст $10,6\pm 0,1$), 57 часто болеющих младших подростков (средний возраст $10,5\pm 0,43$)). Критерием включения в группу часто болеющих детей являлся инфекционный индекс (ИИ), определяемый как отношение суммы всех случаев ОРЗ в течение года к возрасту ребенка: $ИИ = (\text{сумма всех случаев ОРЗ в течение года}) / (\text{возраст ребенка (годы)})$.

В качестве методик исследования были использованы: «Краткий опросник тревоги о здоровье» (SHAI; Salkovskis et al., 2002; адапт. Шишкова, Первичко, 2021) [4, 5], опросник «Индекс отношения к здоровью» (Дерябо, Ясвин, 1999), CPQ (Porter, Cattell, 1985). Для математико-статистической обработки и анализа полученных данных был использован множественный регрессионный анализ.

Результаты множественного регрессионного анализа для выборки младших подростков показали, что шкала действий по сохранению и укреплению здоровья и фактор I (чувствительность) составляют уровень выраженности общей шкалы тревоги о здоровье у редко болеющих младших подростков ($-0,476$, $r=0,045$; $0,628$, $r=0,039$). При этом у часто болеющих младших подростков тревога о здоровье определяется фактором O (тревожность) ($0,316$, $r=0,029$).

Так, мы можем предположить, что редко болеющие подростки обладают большей чувствительностью к состоянию своего здоровья и в большей степени готовы соблюдать нормы и требования по его сохранению и укреплению. Их тревога о здоровье напрямую взаимосвязана с возможностью контроля собственной активности и мотивацией здоровьесбережения. Для часто болеющих же младших подростков характерен достаточно высокий уровень тревожности, который далеко не всегда становится мотивацией для сохранения и укрепления своего здоровья. Высокий уровень личностной тревожности может быть связан и с частотой заболеваний, которая неизбежно приводит к социальным ограничениям (пропуск занятий, ухудшение отношений со сверстниками и пр.).

Рассматривая тревогу о здоровье как самостоятельный конструкт, являющийся показателем неклинических форм тревоги, мы можем проследить его взаимосвязь с личностными особенностями подростков, особенностями их здоровьесберегающего (здоровьеразрушающего) поведения. Это может стать основой для профилактической и коррекционной работы с подростками, направленной на гармонизацию внутренней картины здоровья и отношения к здоровью.

1. Арина Г.А., Иосифян М.А., Николаева В.В. Культурно-исторический подход к внутренней картине здоровья: феномены, структура, онтогенез // *Руководство по психологии здоровья. Под ред. А.Ш. Тхостова. М.: Изд-во Моск. ун-та, 2019. С. 56–102.*
2. *A psychiatric glossary: the meaning of terms frequently used in psychiatry / Edited by the subcommittee of the Committee on Public Information, American Psychiatric Association. Committee on Public Information. NY.: Basic Books, 1975.*
3. Asmundson G.J., et al. Health anxiety: Current perspectives and future directions // *Current Psychiatry Reports. 2010. №12(4). P. 306–312.*
4. Salkovskis P.M., et al. The health anxiety inventory: Development and validation of scales for the measurement of health anxiety and hypochondriasis // *Psychological Medicine. 2002. № 32. P. 843–853.*
5. Shishkova I., Pervichko E. Validation of the “Short Health Anxiety Inventory” on a sample of school-age children (Russian-language version) // *European Psychiatry. 2021. № 64. P. 511.*

Исследование выполнено при финансовой поддержке РНФ (проект № 21-18-00624).

Образ тела: восприятие мужчинами собственной телесности

Тело, образ тела, восприятие тела, мужская общность

Тело человека как первичный, природой данный объект, преобразуемый в процессе социализации и принятия социальных норм [1], последние десятилетия все чаще становится оптикой исследования представителей социогуманитарного знания. Образ собственного тела, являясь компонентом самосознания, предстает как многомерная конструкция, охватывающая то, как мы воспринимаем, думаем, чувствуем и действуем по отношению к своему телу [3]. Несмотря на тот факт, что традиционно объектом исследовательского анализа становились женщины [2], тем не менее и мужчины также проявляют заботу о своем теле и проявляют беспокойство о соответствии его современным представлениям, циркулирующим в культуре, и требованиям, предъявляемым социальными институтами [4].

Объектом нашего исследования стали мужчины в возрасте от 18 до 60 лет, проживающие в городах Свердловской области. Используя метод анкетирования по специально разработанному авторскому опроснику, в 2022 году было опрошено 326 мужчин. Основной целью исследования стал анализ характеристик идеального образа мужского тела и соответствие собственной телесности выдвинутым свойствам.

Материалы исследования свидетельствуют, что несмотря на акцентируемый в современных средствах массовой информации культ внешней красоты и эстетичности (феминизация мужской моды и пр.) и развитие соответствующей индустрии, ориентированной на мужское население, а также развитие гендерной нейтральности в обществах постмодерна, для респондентов идеальный образ мужского тела связан с физической силой (66%), работоспособностью (54%), выносливостью (53%). Отметим, что за мужчиной еще в советский период закрепились статусы труженика и воителя, наше исследование показало, что и в современных условиях эти свойства не потеряли своей актуальности.

56% опрошенных мужчин считают, что их тела соответствуют идеальным образцам. Так, респонденты полагают, что тело может справиться с большими нагрузками (2,93 (средний балл по шкале от 1 до 5)) и может длительное время «работать» без серьезных последствий для здоровья (2,84). Мужчины оценивают себя как физически сильных (2,65) и активных (2,64). Вместе с этим, опрошенные указали на зависимость в оценке своего тела от мнения окружающих: 2/3 респондентов полагают, что мотивацией моделирования тела и заботы о нем является желание быть привлекательным в глазах других людей.

В целом, исследование показало, что для мужской общности не свойственны новые гендерные конструкции (агендерное тело, феминизация мужской телесности и пр.), современный «провинциальный» мужчина остается в традиционной маскулинной роли физически сильного, работоспособного и выносливого человека.

1. Меренков А.В., Антонова Н.Л. Конструирование тела как трансформация биосоциальной природы человека: социологическая концептуализация и интерпретация // Известия Уральского федерального университета. Сер. 3, Общественные науки. 2018. Т. 13, № 1(173). С. 51–58.
2. Bozsik F., et al. Thin Is in? Think again: The Rising Importance of Muscularity in the Thin Ideal Female Body // Sex Roles. 2018. № 79. P. 609–615.
3. Cash T.F. Body image: past, present, and future // Body Image. 2004. № 1(1). P. 1–5.
4. De Jesus A.Y., et al. Media internalization and conformity to traditional masculine norms in relation to body image concerns among men // Eating Behaviors. 2015. № 18. P. 137–142.

Исследование выполнено при финансовой поддержке РНФ и Правительства Свердловской области (грант № 22-28-20365).

Инициатива развития личности в связи с субъективным опытом раннего взаимодействия

Инициатива личностного роста, раннее взаимодействие, психологическое консультирование

Концепция инициативы личностного роста, предложенная К. Робичек (ИЛР; Personal Growth Initiative; Robitschek, 1998), относится к сознательному и намеренному стремлению человека расти в лично важных областях. Робичек видит развитие и рост на протяжении всей жизни показателем здоровой личности. Исследования подтверждают связь ИЛР с психическим здоровьем – отрицательную со стрессом, дистрессом и депрессией и положительную с благополучием (Weigold et al., 2020). Доказана эффективность участия ИЛР в консультировании и психотерапии, по мнению специалистов она может быть эффективным терапевтическим инструментом для решения общих проблем клиентов, использоваться в измерении позитивного психического здоровья, для оценки результатов терапии стресса и депрессии, а также для построения эффективных стратегий укрепления психического здоровья (Aafjes-van Doorn et al. 2020; Weigold et al. 2018).

Психоаналитические теории развития утверждают, что переживания раннего детства и юношества играют решающую роль в формировании личности. Современные исследователи подтверждают, что младенцы, имеющие позитивную рабочую модель «Я» и своих опекунов, формируют надежную безопасную привязанность, в результате проявляют уверенность в себе, позволяющую исследовать и преодолевать новые вызовы окружающего мира, в дальнейшей жизни способны устанавливать надежные, доверительные дружеские и семейные отношения (Бриш, 2012). Так надежная безопасная модель привязанности, позитивная рабочая модель «Я» может стать важным условием для процесса роста, обеспечивая человека открытостью новым идеям и опыту, смелостью к риску. Однако на сегодняшний день отсутствуют исследования связи инициативы личностного роста и опыта раннего взаимодействия.

Цель настоящей работы – изучить связь между инициативой развития личности и субъективным опытом раннего взаимодействия с близким взрослым. В исследовании приняли участие 85 человек: 62 женщины и 23 мужчины в возрасте от 20 до 53 лет, использовался метод референтной выборки. Использованы шкала ИЛР, инструмент родительской привязанности РВИ, шкала депрессии Бека BDI.

Проведенное нами исследование позволило выявить, что в инициативе личностного роста разные компоненты детско-родительских отношений проявляются по-разному. ИЛР в области межличностных отношений связана с восприятием родителей как более заботливых ($R^2=0,10$; $b=0,320$; $p=0,003$). Способность человека принимать ответственность за свою жизнь связана с родительской заботой в детстве ($R^2=0,05$; $b=0,223$; $p=0,040$), а также меньшим вмешательством в принятие решений ($r=-0,298$; $p=0,01$). Сложности в планировании действий, которые приведут к цели, связаны с контролирующим поведением родителей ($r=-0,248$; $p=0,05$). Инициатива личностного роста меньше проявлялась в создании сбалансированной жизни, если, в детстве взрослый чувствовал себя желанным для родителя ($r=-0,304$; $p=0,01$), а также родитель был ласков с ним ($r=-0,214$; $p=0,01$).

Полученные нами результаты могут быть использованы в консультативной практике в контексте построения эффективных стратегий укрепления психического здоровья.

1. Бриш К.Х. *Терапия нарушений привязанности: от теории к практике*. М.: Когито-Центр, 2012. 316 с.
2. Aafjes-van Doorn K., et al. *Psychotherapy for personal growth? A multicultural and multitheoretical exploration* // *Journal of Clinical Psychology*. 2020. № 76(7). P. 1255–1266.
3. Robitschek C. *Personal growth initiative: The construct and its measure* // *Measurement and Evaluation in Counseling and Development*. 1998. № 30 (4). P. 183–198.
4. Weigold I.K., et al. *Personal growth initiative in the therapeutic process: An exploratory study* // *The Counseling Psychologist*. 2018. № 46(4). P. 481–504.
5. Weigold I.K., Weigold A., Martin-Wagar C.A. *Personal Growth Initiative and Mental Health: A Meta-Analysis* // *Journal of Counseling & Development*. 2020. № 98(4). P. 376-390.

Личностные изменения в представлениях о возможных Я у девушек

Я-концепция, возможные Я, желаемые и избегаемые возможные Я

Возможное Я как компонент Я-концепции – сравнительно новый конструкт в отечественных психологических исследованиях. Оно актуально присутствует и определяется в настоящем времени, соответствует наличествующим представлениям личности о своем положении в мире, но также содержит в себе предвосхищаемые изменения и может быть направлено на разные аспекты жизни личности, в том числе на тематику ее собственных изменений [1]. Научная проблема состоит в определении вклада личностных особенностей в выбор путей возможных изменений личности, реализуемых в представлениях о возможных Я. Актуальность данного исследования определяется значимостью тематики личностных самоизменений в молодом возрасте в целом и у девушек в частности. Методологическую базу исследования составили работы зарубежных и отечественных авторов по Я-концепции и возможным Я (Маркус Х., Ойзерман Д., Василевская Е.В., Костенко В.Ю. и др.).

Цель исследования – выявить различия в личностных особенностях девушек, как упоминающих, так и не упоминающих тематику личностных изменений в описании возможных Я, желаемых и избегаемых.

Гипотеза: девушки, не упоминающие тему личностных изменений при описании возможных Я, ориентированы на сохранение своего внутреннего мира без изменений, однако менее критичны к себе, чем те, кто упоминает данную тему в желаемых возможных Я.

В исследовании использовался пятифакторный личностный опросник, методика «Уровень развития субъектности личности» (УРСЛ) М.А. Щукиной, опросник субъект-объектных ориентаций Е.Ю. Коржовой, методика исследования возможных Я в авторской модификации. В качестве статистической обработки использовался однофакторный дисперсионный анализ пакета SPSS Statistics 26.

В исследовании приняло участие 159 девушек, студенток 1-3 курсов медицинских факультетов ФГБОУ ВО РязГМУ Минздрава России, средний возраст 19+0,75 лет. В соответствии с гипотезой исследования, было выделено 4 группы сравнения: 1) упоминающие тематику личностных изменений в желаемых и избегаемых возможных Я (n=50), 2) только в желаемых (n=19), 3) только в избегаемых (n=39), 4) вовсе не упоминающие (n=51).

Результаты показали, что наиболее высокие показатели трансситуативной изменчивости (по методике Е.Ю. Коржовой) были получены по второй группе, а наиболее низкие в четвертой ($F=2,991$; $p=0,033$): ориентация на самоизменения была в большей степени выражена у тех, кто описывал только позитивный результат личностных изменений, и была наиболее слабо выражена среди тех, кто вовсе не упоминал их. Это согласуется с тем, что свое сходство с наиболее вероятным желаемым возможным Я высоко оценивают именно представители четвертой группы, наиболее низкие оценки – во второй ($F=4,839$; $p=0,003$). Респондентам второй группы также свойственно демонстрировать большую склонность к аккуратности ($F=5,133$; $p=0,002$) и к самоконтролю в целом ($F=3,118$; $p=0,028$) (по пятифакторному личностному опроснику). В третьей группе были получены наиболее высокие показатели самооценки ($F=3,328$; $p=0,021$) и креативности ($F=3,083$; $p=0,029$) как компонентов субъектности, а также более высокие оценки собственной способности противостоять воплощению избегаемых возможных Я.

Таким образом, гипотеза исследования подтвердилась: девушкам, описывающим личностные изменения только в рамках желаемых, свойственно стремление к самоизменениям, щепетильность и самоконтроль. Описывающие личностные изменения только в плане избегаемых возможных Я, удовлетворены собой, выстраивают эффективные отношения с окружением. Девушки, не упоминающие личностные изменения в описании возможных Я, ориентированы на сохранение своего внутреннего мира без изменений, максимально удовлетворены собой, однако действуют скорее импульсивно, чем обдуманно, и руководствуются внешними критериями изменений.

1. Erikson M.G. *The meaning of the future: toward a more specific definition of possible selves* // *Review of General Psychology*, Vol. 11, №4, 2007, p. 348–358.

Структура взаимосвязей зависимости от социальных сетей у молодежи

Зависимость, социальные сети, молодежь

Общение в социальных сетях охватывает значительную часть общества и особенно распространено в молодежной среде, являясь для юношей и девушек неотъемлемой частью повседневности. Наряду с получением определенных преимуществ нахождение в социальных сетях может иметь негативные последствия, принимая характер зависимости, которая отражается на различных аспектах жизнедеятельности.

Цель исследования: изучить взаимосвязи зависимости от социальных сетей с личностными характеристиками у молодежи женского и мужского пола. Респонденты – студенты дневных отделений московских вузов (N = 176). В выборку вошли женщины в возрасте от 17 до 26 лет (N = 140; M = 19,79; SD = 1,42); мужчины в возрасте от 18 до 26 лет (N = 36, M = 20,31; SD = 2,05).

Исследование проводилось в онлайн-формате. Респондентам предлагались: Опросник зависимости от социальных сетей [1], Короткий опросник Темной триады, Опросник HEXACO-PI-R. Рассматривались связи 35 личностных характеристик с зависимостью от социальных сетей у женщин и мужчин. Сравнивались средние зависимости от соцсетей в подгруппах, контрастных по выраженности каждой из этих личностных характеристик. Для обработки данных использовался статистический пакет компьютерных программ SPSS 18.0. Применялся критерий Колмогорова-Смирнова, вычислялись корреляции Пирсона и Спирмена, t-критерий Стьюдента и критерий Манна-Уитни.

У женщин зависимость от соцсетей значимо коррелирует с порядочностью ($r = -0,154$), тревожностью ($r = 0,152$), зависимостью ($r = 0,164$), чувствительностью ($r = 0,190$), социальностью ($r = 0,181$), способностью прощать ($r = -0,178$), доброжелательностью ($r = -0,155$), упорством ($r = -0,170$), эстетическим чувством ($r = -0,171$), открытостью ($r = -0,155$), макиавеллизмом ($r = 0,187$), нарциссизмом ($r = 0,179$) и высоко значимо – с искренностью ($r = -0,254$), равнодушием к роскоши ($r = -0,297$), неприязательностью ($r = -0,206$), честностью ($r = -0,250$), уравновешенностью ($r = -0,207$), организованностью ($r = -0,343$), благоразумием ($r = -0,253$), сознательностью ($r = -0,228$), любознательностью ($r = -0,202$), суммарным показателем Темной триады ($r = 0,258$). У мужчин значимые корреляции обнаружены с неприязательностью ($r = -0,373$), высоко значимые – с боязливостью ($r = 0,431$) и зависимостью ($r = 0,462$).

Сравнение зависимости от социальных сетей при разной степени выраженности личностных характеристик у женщин выявило значимые различия между подгруппами, контрастными по искренности, равнодушию к роскоши, неприязательности, честности, способности прощать, уравновешенности, организованности, благоразумию, сознательности, эстетическому чувству, открытости, макиавеллизму и суммарному показателю Темной триады. У мужчин значимые различия зависимости от соцсетей обнаружены в подгруппах, контрастных по выраженности искренности, неприязательности, честности, зависимости, благоразумия, эстетического чувства.

Таким образом, у женщин зависимость от соцсетей за редким исключением связана либо с однозначно социально неприемлемыми качествами (например, со склонностью к манипулятивным тактикам, эгоизмом) либо с характеристиками, которые, не будучи однозначно негативными все же не являются желательными (например, высокая тревожность или низкая любознательность). У мужчин отсутствуют связи зависимости от соцсетей с социально неприемлемыми характеристиками. Зависимость от соцсетей у мужчин обследованной выборки связана преимущественно с эмоциональностью невротического спектра (две связи из трех).

Выраженные различия в структуре связей зависимости от соцсетей с личностными характеристиками у женщин и мужчин, по всей вероятности, свидетельствуют о различных механизмах формирования и функционирования этой зависимости.

1. Шейнов В.П. Разработка надежного и валидного опросника зависимости от социальных сетей // Системная психология и социология, № 2(38), 2021, с. 41–55.

Исследование выполнено в рамках госзадания FNRE-2021-0001.

Социально-психологические и личностные следствия цифровизации повседневности

Цифровизация повседневности, коммуникация, социализация, развитие личности

В настоящий момент динамика предметного поля социогуманитарного знания подчинена глобальной онтологической рамке – изменению бытийности нашего современника в силу повсеместного внедрения новых информационных технологий. Сегодня выделяют следующие социально-психологические и личностно-психологические следствия цифровизации жизнедеятельности, таящие в себе еще не до конца исследованные риски.

Во-первых, глобализация средств массовой информации и коммуникации повлекла за собой: амбивалентное отношение к информации в различных больших социальных группах и кризис доверия к ней; неограниченные возможности манипуляций общественным сознанием со стороны властных субъектов; потерю научным дискурсом своего привилегированного положения [4].

Во-вторых, развитие и все большее внедрение в различные практики жизнедеятельности компьютерно-опосредованных форм коммуникации привело к глобальным трансформациям коммуникативного опыта современного человека. А именно – к возникновению специфического «компьютерного» дискурса, содержащего в себе ряд противоречий (анонимность vs персонифицированность высказывания, ситуативная обусловленность vs социальная и культурная маркированность, следование специфической социальной нормативности vs быстрая радикализация суждений [1]); к необходимости постоянного «достраивания» образа партнера в силу редуцирования невербальных средств при электронной коммуникации, что также содержит в себе ряд противоречий (ошибки атрибуций vs свобода интерпретаций; компенсаторная эмоциональность vs трудности в распознавании своих и чужих эмоциональных состояний [4; 5]); к возникновению новых норм коммуникации, которые нередко вступают в противоречие с нормами «традиционной» коммуникации, создавая новые основания для межпоколенных «разрывов» в ценностно-нормативной сфере [3; 5].

В-третьих, цифровизация повседневности закономерно отразилась в динамике процессов социализации и личностного развития человека. А именно – в доминировании аудиовизуальности при восприятии социальной информации и, соответственно, в процессах социальной категоризации [1]; в изменениях процессов ролевого самоопределения, все более включающих в себя постоянную смену ролей в силу геймификации всех сфер жизнедеятельности, и, соответственно, неопределенности и множественности социо-ролевого репертуара человека [3]; в большей управляемости процессов самопрезентации в силу их преимущественного протекания в виртуальной среде и, соответственно, снижении чувствительности к социальным и психологическим рискам в реальной коммуникации [2; 4]; в диффузии социальных идентификаций и/или формирования множественной идентичности в силу возможностей быстрой смены групповой принадлежности [2].

1. Войскунский А.Е., Солдатова Г.У. Социально-когнитивная концепция цифровой социализации: новая экосистема и социальная эволюция психики // Психология. Журнал Высшей школы экономики. 2021. Т.18. № 3. С. 431–450.
2. Голубева Н.А. Особенности цифровой идентичности подростков и молодежи в современном технологическом обществе // Вестник РГГУ. Серия «Психология. Педагогика. Образование». 2020. № 1. С. 130–150.
3. Марцинковская Т.Д. Информационное пространство транзитивного общества: проблемы и перспективы развития // Консультативная психология и психотерапия. 2019. Т. 27. № 3(105). С. 77–96.
4. Панов В.И., Патраков Э.В. Цифровизация информационной среды: риски, представления, взаимодействия. М.: «Психологический институт РАО», 2020. 199 с.
5. Солдатова Г.У., Рассказова Е.И. Итоги цифровой трансформации: от онлайн-реальности к смешанной реальности // Культурно-историческая психология. 2020. № 1(4). С. 87–97.

Исследование выполнено при финансовой поддержке РНФ (проект № 22-18-00230).

Возможное Я как инструмент саморегуляции личности

Возможное Я, саморегуляция, невозможное Я

Исследование феноменов категории возможного становится все более распространенной темой работ отечественных психологов [1, 2, 3].

Конструкт Возможное Я (ВЯ) является наиболее точной концептуализацией “возможного” феномена [5]. Возможное Я, обладая объяснительным потенциалом, работает “в контексте” переживаемых личностью жизненных ситуаций [4,5]. Феномен агентности, связанный с Возможным Я, или проживание возможности “изнутри”, представляя себя агентом, способным принимать решения и действовать, способствует связи конструкта с направлением поведения личности.

В исследовании предполагается, что ВЯ может выступать инструментом саморегуляции в преодолении трудностей, возникающих в ситуации эмиграции. Проблемой исследования является то, что подтвержденная объяснительная роль конструкта вероятно не только направляет поведение человека, но и может выступать ресурсом в качестве инструмента саморегуляции.

Эмпирическими гипотезами работы являются: 1) позитивное отношение к желаемому ВЯ связано с уровнем толерантности к неопределенности; 2) позитивное отношение к желаемому ВЯ положительно связано с уровнем личностного и событийного самообладания, резилентности и благополучия; 3) Группа уехавших из РФ отличается от группы в РФ по тому, насколько далеко они готовы планировать свое будущее.

В работе были использованы следующие методики: Модифицированный опросник диагностики ВЯ К. Хукер; Шкала толерантности к неопределенности; Краткая шкала резилентности; Спектр психологического благополучия; Тест самообладания; DASS 21; вопрос «На какое время Вы готовы планировать дела?» и вопрос «Как бы Вы оценили число возможностей, открывающихся перед Вами сейчас в жизни...?» (Д.А. Леонтьев).

По результатам пилотного исследования была обнаружена связь между резилентностью и положительным отношением к ВЯ – высоким уровнем подробности формулировки ($p.05$; $r = .30$) и частотой размышлений о желаемой возможности ($p.01$; $r = .41$). Также положительная субъективная оценка числа возможностей в текущий момент показала положительную связь с толерантностью к неопределенности ($p.05$; $r = .27$), общим баллом по методике Спектр психологического здоровья ($p.05$; $r = .22$) и отрицательную со шкалой DASS-21 Депрессия ($p.01$; $r = -.33$). Значимые различия были обнаружены между группой находящихся в других странах и группой находящихся в России в ответах на вопрос «На какое время Вы готовы планировать свои дела?», где первая группа показала более дальний горизонт планирования. Анализ различий отношения к своим желаемым возможностям – оценки способности реализовать и вероятность реализации возможности – показал, что группа из России потенциально более низко оценивает эти утверждения.

Итогом анализа данных было определено частичное подтверждение второй гипотезы – резилентность оказалась положительно связана с положительным отношением к своим возможностям, и третьей гипотезы – группа респондентов, уехавших из России, готовы планировать свое будущее на более дальний срок. Также было обнаружено потенциальное присутствие Невозможного Я – одного из видов ВЯ, характеризующегося сдерживанием агентности личности под влиянием личностных факторов, таких как нейротизм и руминация [1].

1. Гришутина М.М., Костенко В.Ю. *Возможное и невозможное «Я»: уточнение конструктов* // Вестник СПбГУ. Психология, 2019, Т. 9, Вып. 3, с. 268–279.
2. Знаков В.В. *Психология возможного. Новое направление исследований понимания*. М.: Институт психологии РАН, 2022. 365 с.
3. Леонтьев Д.А. *Новые ориентиры понимания личности в психологии: от необходимого к возможному* // Вопросы психологии, 2011. № 1. С. 3–27.
4. Erikson M.G. *The Meaning of the Future: Toward a More Specific Definition of Possible Selves* // Review of General Psychology. 2007. 11(4). P. 348–358.
5. Markus H., Nurius P. *Possible Selves* // American Psychologist. 1986. 41(9). P. 954–969.

Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФ (проект № 23-78-10174).

Личностные ресурсы позитивного функционирования в ситуации неопределенности

Личностные ресурсы, функционирование, неопределенность, совладание

Происходящие изменения, характеризующиеся объективной неопределенностью, актуализируют исследования процессов и явлений, определяющих активность личности, направленную на совладание, снижение негативных эффектов неблагоприятных условий, гармонизацию психологического состояния. Изменения, нарушающие привычные способы функционирования, преломляясь через внутренние условия, могут определять возможные варианты разрешения противоречий: иметь как негативные эффекты, приводящие к неадаптивным способам функционирования, так и позитивные, связанные с поиском возможностей, проектированием вариантов собственного развития. Рассматривая функционирование как процесс, при котором происходит соотнесение желаемого с действительным, регулируемый и корректируемый на основе переживаний как сигналов удовлетворения потребностей, замыслов, целей (Леонтьев, 2020), в качестве его показателей можно выделить функциональное состояние, выраженное в самочувствии, и успешности адаптации. Предполагалось, что самоэффективность, тип ориентации в трудных ситуациях (стремление или уход от трудностей), переживание времени как показатель отношения к ситуации как изменяющейся, динамичной, могут выступать в качестве личностных ресурсов, обеспечивающих позитивное функционирование в условиях неопределенности.

В качестве ситуации неопределенности рассматривалось вынужденное удаленное обучение студентов в период пандемии COVID-19. На выборке 1962 студентов в возрасте 17–26 лет ($M=20,6\pm 1,9$) в результате кластерного анализа были выделены различные варианты функционирования, описываемые через соотношение самочувствия, академической успешности как связи успеваемости и переживаний удовлетворенности и осмысленности в учебной деятельности и характеристик образа жизни.

Пониженное самочувствие, высокая ситуативная тревожность и низкая успешность в учебной деятельности, отсутствие режима дня, большое количество часов, проводимое за компьютером и телефоном, характерно для двух вариантов функционирования: при устойчивой стратегии ухода от трудностей и у испытывающих трудности в адаптации к новым условиям жизнедеятельности и обучения.

Поддержание прежней успеваемости при переживании пустоты, подавленности, высокой тревожности характеризует стремление к сохранению достигнутых результатов за счет высоких затрат и сужения других видов активности.

Переживание удовольствия в учебной деятельности в соотношении с неизменной либо ухудшившейся успеваемостью, средний уровень тревожности характерны для ищущих новые возможности при недостаточном инструментальном обеспечении их воплощения. В данной группе можно выделить тех, кто ситуацию изменений воспринял как вызов, возможность для освоения новых средств, способов, и тех, кто ориентирован на поиск позитивных сторон в различных ситуациях.

Преобладание удовольствия и смысла в учебной деятельности, улучшение успеваемости, хорошее самочувствие и меньшая выраженность ситуативной тревожности, стремление придерживаться здорового образа жизни характерно для тех, кто в новых условиях смог сохранить и поддерживать оптимальное функционирование.

Зафиксированы значимые изменения в характеристиках функционирования при переживании времени как организованного, насыщенного и приятного, устойчиво связанные с позитивным функционированием. Вариативность в функционировании в ситуации неопределенности связана с соотношением самоэффективности и ориентации на стремление или уход от трудностей. Ориентация на взаимодействие с трудностью в соотношении со средним или высоким уровнем самоэффективности связана с переживанием удовольствия в учебной деятельности и субъективной оценкой улучшения успеваемости. Самоэффективность как проявление неадекватной оценки своих возможностей затрудняет совладание и может приводить и к ухудшению самочувствия и успешности адаптации. Таким образом, данные образования можно рассматривать как личностные ресурсы, обеспечивающие более позитивное функционирование в условиях неопределенности.

1. Леонтьев Д.А. *Счастье и субъективное благополучие: к конструированию понятийного поля // Мониторинг общественного мнения: Экономические и социальные перемены, № 1, 2020, с. 14–37.*

Отражение смысложизненной сферы личности в свободных описаниях живописи

Смысложизненная сфера, смысложизненные ориентации, экзистенциальная исполненность, эстетическое переживание

Восприятие и понимание человеком произведений искусства опосредовано его личностными особенностями, что неоднократно обсуждалось в литературе, в частности, в отношении смысложизненных ориентаций личности. Так, в своей работе «Введение в психологию искусства» Д. А. Леонтьев пишет следующее: «с точки зрения личностноцентрического подхода вопрос, скажем, о функциях искусства должен ставиться как вопрос, для чего искусство нужно конкретному человеку, и что оно дает ему» [1, с.11]. Однако, конкретных данных, достоверно подтвержденных фактов о взаимосвязи личностных характеристик и параметров восприятия и интерпретации живописи недостаточно. Нам не удалось в литературе найти примеры подобных данных.

Целью нашего исследования было выявление взаимосвязей особенностей смысложизненной сферы личности и особенностей восприятия и понимания произведений искусства. Для получения характеристик восприятия и понимания последних использовалась методика «Стратегии свободных описаний» (СтСвОп) Д.А. Леонтьева. Также использовались тест «Смысложизненных ориентаций (СЖО) Д.А.Леонтьева и тест «Шкала экзистенции (Existenzskala, ЭИ)» А. Лэнгле и К. Орглер. В исследовании приняли участие 44 человека. Получено 173 описания картин.

Использовались статистические методы парного корреляционного анализа по Пирсону, и кластерного анализа (IBM SPSS Statistics 23). Полученные тексты описаний картин дополнительно анализировались методом критического дискурс-анализа.

Результаты исследования позволили выявить значимые связи между особенностями смысложизненной сферы личности и свободными описаниями живописи.

Результаты теста Свободных описаний показывают, что в нашей выборке встречаемость отдельных стратегий описаний существенно различна. Так, лишь в единичных случаях встречались стратегии культурная и метафорическая. Преобладают стратегии – импрессивная, резюмирующая, эмоциональная и изобразительная. Использование стратегий эмоциональной и изобразительной статистически достоверно связано (положительная корреляция), в то время как обе эти стратегии статистически достоверно связаны отрицательной корреляцией с резюмирующей стратегией. Это можно интерпретировать как показатель противоположности тенденций у испытуемых либо к преимуществу аффективного компонента эстетического переживания, либо когнитивного. Ожидаемо значимо связаны стратегии культурная и стилистическая, так как обе предполагают наличие определенной культурной подготовки.

Важным результатом нашего исследования является то, что удалось обнаружить статистически значимые связи между характеристиками смысложизненной сферы и использованием определенных стратегий описания живописи. Так, стилистическая стратегия (слова и суждения, отмечающие художественные средства и приемы, раскрывающие их назначение и указывающие особенности стиля) статистически значимо положительно связана с показателями «Шкалы экзистенции» (SD, F, V, E, G – общий). Это говорит о том, что использовать данную стратегию склонны люди с хорошим уровнем экзистенциальной исполненности. С показателями СЖО имеются положительные связи на уровне тенденций.

Использование ассоциативной стратегии (наличие ассоциаций на разные темы, вызванных картиной, рассуждения по более общим вопросам) статистически значимо связано отрицательной корреляцией с показателем Локус контроля-жизнь СЖО и тендирует к отрицательным связям со всеми показателями СЖО и ЭИ. Это позволяет предположить, что использование данной стратегии свидетельствует о наличии каких-либо экзистенциальных проблем.

Проведенный дискурс-анализ текстов описаний картин (173 описания) служит дополнением к анализу связей между особенностями смысложизненной сферы и стратегиями свободных описаний живописи.

1. Леонтьев Д.А. Введение в психологию искусства. М.: Изд-во Моск. Ун-та, 1998. 111 с.

Влияние характеристик утраты близкого человека на образ мира личности

Утрата близкого человека, характеристики утраты, образ мира, психология личности

К наиболее значимым вызовам современности можно отнести утрату близкого человека. Мы понимаем утрату, как безвозвратную потерю, смерть. Переживание утраты рассматривается как процесс прохождения 5 стадий горевания [1]. Для многих людей утрата и процесс горевания становятся поворотным событием, связанным с изменением их образа мира, который мы определяем как «интегральную индивидуальную систему значений» (Серкин, 2008, с.91) личности, смысловую составляющую её взаимодействия с миром [2;3]. При этом выделяются три слоя образа мира: перцептивный, семантический, ядерный [4]. Проблема исследования определяется поиском ответа на вопрос, каким образом характеристики утраты влияют на образ мира личности.

Гипотеза: в зависимости от объекта, срока и причины утраты содержание перцептивного, семантического и ядерного слоя образа мира личности различается.

Методы исследования: модифицированный вариант семантического дифференциала Ч. Осгуда, тест экзистенциальных мотиваций А. Лэнгле, технология «Глубина осмысленности жизни» П. Иберсола, опросник посттравматического роста Р. Тадеша и Л. Калхауна. Статистическая обработка результатов: частотный анализ, описательные статистики, контент-анализ, однофакторный дисперсионный анализ (многоранговый тест Дункана).

Выборка: 133 человека (113 – женщин, 20 – мужчин) в возрасте от 18 до 59 лет (средний возраст – 31 год), которые переживают/пережили смерть близкого человека.

Характеристики утраты близкого человека:

1. Срок утраты: от 3 дней до 23 лет назад ($M = 20,14$ месяцев, $\sigma = 39,02$, $M_0 = 6$ месяцев).
2. Объект утраты: смерть бабушек/дедушек (39 чел.), родителей (32 чел.), множественная утрата (потеря от 2 до 5 близких людей) (29 чел.), утрата супругов/партнёров или бывших супругов/партнёров (14 чел.), других членов семьи (12 чел.), других близких людей (7 чел.).
3. Причина смерти: разные причины утраты, так как столкнулись со смертью сразу нескольких близких людей (29 чел.), болезни (87 чел.), несчастные случаи, врачебная халатность, убийства (13 чел.), самоубийства (4 чел.).

Результаты исследования: объект утраты влияет на перцептивный слой образа мира, причина смерти близкого – на семантический слой, срок утраты – на ядерный слой:

1. Перцептивный слой образа мира: люди, которые столкнулись с утратой близкого, наделяют мир следующими характеристиками (при максимальном значении – 7): тяжёлый ($M_0=6$), большой ($M_0=7$), активный ($M_0=6$), хаотичный ($M_0=5$), шершавый ($M_0=6$), сложный ($M_0=7$), напряжённый ($M_0=5$), жёсткий ($M_0=5$; 4), дорогой ($M_0=6;4$), быстрый ($M_0=6$), открытый ($M_0=6;4$). При этом, на представления о мире влияет объект утраты.

2. Семантический слой образа мира: причина утраты отражается на переживании «соотнесённости» ($p=0,042$) и «близости» ($p=0,024$) с другими людьми. Те, кто столкнулись с утратой близкого по причине самоубийства, в меньшей степени чувствуют связь с другими людьми и возможность контакта с ними, по сравнению с теми, кто потерял близкого по другим причинам.

3. Ядерный слой образа мира: большинство респондентов, переживающих утрату близких людей, достоверно чаще указывают ($p=0,000$) на потерю смысла жизни, считают, что смысл жизни отсутствует или находится в его поиске (22,56%). При этом, многие респонденты, даже после утраты близкого человека, находят смысл жизни в межличностных отношениях (21,80%), получении удовольствия (17,29%) и личностном росте (15,79%).

В тоже время, чем больше времени прошло с момента утраты, тем выше значения по показателям «сила личности» ($p=0,035$) и «повышение ценности жизни» ($p=0,009$).

1. Кюблер-Росс Э. *О смерти и умирании*. М.: АСТ, 2021. 416 с.

2. Леонтьев А.Н. *Избранные психологические произведения: в 2 т. Т. 2: Образ мира / Под ред. В.В. Давыдова, и др.* М.: Педагогика, 1983. С. 251-261.

3. Рубинштейн С.Л. *Бытие и сознание. Человек и мир*. СПб.: Питер, 2003. 512 с.

4. Серкин В.П. *Методы психологии субъективной семантики и психосемантики: учеб. пособие для вузов*. М.: Пчела, 2008. 382 с.

Вклад черт темной тетрады в отчуждение моральной ответственности

Темная триада, темная тетрада, отчуждение моральной ответственности

Темная тетрада представляет собой модель, объединяющую четыре негативные черты личности — макиавеллизм, нарциссизм, психопатию и садизм, и является развитием модели темной триады [4]. Проявление негативных черт в поведении связано, в том числе, с тем, каким образом человек оправдывает собственные неэтичные действия в отношении других, что воплощено в понятии «отчуждение моральной ответственности» (ОМО). ОМО характеризуется через обобщенные группы механизмов, описывающих локус оправдания непосредственного поведения, личностный локус оправдания себя как актора, локус переформулирования последствий и локус искажения образа жертвы [2]. Связь черт темной триады с ОМО уже становилась предметом исследования на выборках студентов [2] и сотрудников органов внутренних дел [1], обнаруживая связь механизмов ОМО с психопатией и макиавеллизмом. Исследования, выполненные на выборках преступников с использованием модели темной тетрады, показывают роль садизма в предпочтении механизмов ОМО [3]. В связи с развитием модели темных черт личности представляется актуальным уточнить вклад черт темной тетрады в механизмы ОМО.

Выборку исследования составили 500 студентов в возрасте от 18 до 26 лет ($M=20,8$; $SD=2,20$), 73,2% — женщины. Методы исследования: короткий опросник темной тетрады (Корниенко и др. 2022), краткая версия шкалы отчуждения моральной ответственности MD-8 (Ледовая и др., 2016).

В регрессионный анализ для показателей четырех локусов ОМО в качестве предикторов включались отдельные черты темной тетрады (в разных сериях анализа) при контроле пола и возраста. В модели поведенческого локуса ($R^2=0,26$; $F(6\ 492) = 28,9$, $p \leq 0,001$) значимыми предикторами оказались садизм, психопатия и макиавеллизм, а также показатель возраста. В модели локуса актора ($R^2=0,05$; $F(6\ 492) = 4,18$, $p \leq 0,001$) значимыми предикторами выступили только пол (мужской) и возраст (на уровне тенденции). В модель локуса переформулирования последствий поведения ($R^2=0,15$; $F(6\ 492) = 14,2$, $p \leq 0,001$) вошли садизм, психопатия и пол (мужской), а в модель локуса искажения жертвы жестокого поведения ($R^2=0,24$; $F(6\ 492) = 25,1$, $p \leq 0,001$) — садизм, макиавеллизм и пол (мужской).

Исходя из полученных результатов, можно констатировать, что склонность к агрессии в отношении других и положительное отношение к наблюдаемой агрессии в совокупности с импульсивностью, жестокостью и эмоциональной холодностью, а также мужской пол повышают вероятность отчуждения моральных стандартов и вероятность неэтичного поведения. Следует отметить, что для локуса актора, включающего механизмы смещения и размывания ответственности, личностные черты не выступают значимыми предикторами. Возможным объяснением может служить тот факт, что данные механизмы в большей степени направлены на защиту собственного Я, чем на жертву или рефлексию поведения.

Предыдущие исследования отчуждения моральной ответственности и негативных личностных черт выявили связи данных механизмов с макиавеллизмом и психопатией как их основными предикторами. Однако расширение конструкта, объединяющего темные черты, позволило уточнить их вклады в отчуждение моральной ответственности, обозначив основную роль садизма, превосходящую вклады психопатии и макиавеллизма, в том числе, на нормотипичной выборке.

1. Иванова А.М., Комарова О.Н., Андреев А.М. Стилевые особенности межличностного взаимодействия сотрудников органов внутренних дел-носителей деструктивных черт // Прикладная юридическая психология. 2021. №. 1. С. 112-123.
2. Ледовая Я.А., Боголюбова О.Н., Тихонов Р.В. Стресс, благополучие и Темная триада // Психологические исследования. 2015. Т. 8, N. 43. С. 5.
3. Català G.B., Caparrós B.C. The Dark Constellation of Personality, Moral Disengagement and Emotional Intelligence in Incarcerated Offenders. What's Behind the Psychopathic Personality? // Journal of Forensic Psychology Research and Practice. 2022. P. 1-27.
4. Paulhus D.L., et al. Screening for dark personalities // European Journal of Psychological Assessment. 2020. V. 37. №.3. P. 208–222.

Взаимосвязь когнитивных стилей и совладающего поведения молодежи в трудных жизненных ситуациях

Когнитивные стили, совладание, трудная жизненная ситуация

Когнитивные стили как своеобразные способы усвоения и переработки поступающей к человеку информации являются, на наш взгляд, важными для изучения в сфере вопросов психологии развития. Остается открытым вопрос о связи когнитивных особенностей личности и способов совладания в трудных жизненных ситуациях. Особенно это актуально в современной действительности, где человек находится в условиях неопределенности и подвержен ежедневным стрессорам как личного, так и общественного характера.

Отметим, что научных работ по исследованию взаимосвязи когнитивных стилей и копинга существует недостаточно и они охватывают не весь диапазон данной проблематики. Так, установлена склонность полнезависимых личностей к использованию стратегий совладания, направленных на уход от проблемной ситуации (Отвлечение, Религиозная поддержка, Уход в себя), ригидные респонденты предпочитают Уход в себя, импульсивные – самообвинение и, как итог, несовладание с проблемой [1], а полнезависимые респонденты стараются контролировать свои чувства и действия в решении проблем [4]. Также полнезависимые, рефлексивные участники исследований эффективнее справляются с возникающими трудностями, а полнезависимые и импульсивные склонны к уходу от проблем, эмоционально неустойчивы, надеются на внешнюю помощь [2, 3]. Исходя из теоретического анализа данной проблематики, одной из задач нашего исследования стало изучение взаимосвязи когнитивных стилей и совладающего поведения в трудных жизненных ситуациях.

Участники исследования – 52 человека, средний возраст 20 лет ($SD=1,4$). Используемые методики: 1. Когнитивные стили индивидуальности человека CPS-Q Е.В. Волковой и В.М. Русалова; 2. Опросник способов совладания (ОСС) Р. Лазаруса и С. Фолкман (1988) в адаптации Крюковой Т.Л. и др. (2003).

Обратимся к полученным результатам. Участники исследования характеризуются склонностью к Полнезависимости, Узкому диапазону эквивалентности, Гибкости, Рефлексивности, Конкретной концептуализации и Толерантности к нереалистическому опыту в когнитивных стилях. В стратегиях совладания наиболее выражены: Планирование решения проблемы и Поиск социальной поддержки.

Что же касается взаимосвязи когнитивных стилей и стратегий совладающего поведения (коэффициент корреляции Пирсона, $p \leq 0,05$), то нами были получены следующие данные. Полнезависимые, гибкие, с узким диапазоном эквивалентности участники исследования склонны к использованию стратегий совладания, направленных на решение проблемной ситуации ($r=,322$; $r=,281$; $r=,274$) и ее положительной переоценке ($r=,559$; $r=,319$; $r=,290$). Рефлексивные респонденты с толерантностью к нереалистическому опыту также чаще придадут положительный смысл происходящим с ними трудностям ($r=,451$; $r=,366$).

Таким образом, отметим, что существует взаимосвязь когнитивных стилей и совладающего поведения в трудных жизненных ситуациях.

1. Алексапольский А.А. *Стилевые и уровневые свойства интеллекта как факторы совладающего поведения: автореф. дис.... канд. психол. наук. М., 2008. 26 с.*
2. Медведева И.А., Памфилова С.А. *Изучение связи когнитивного стиля подростков с характеристиками их личности // Фундаментальные аспекты психологического здоровья. 2018. № 3. С. 37–39.*
3. Падун М.А., Загряжская Е.А., Гракова Г.С. *Взаимосвязь когнитивного стиля «полнезависимость-полнезависимость» и предпочитаемой копинг-стратегии // Матер. науч. конф., посвященной памяти В.Н. Дружинина "Психология способностей. Современное состояние и перспективы исследований", 19-20 сент. 2005 г., Москва. – М.: ИП РАН, 2005. С. 216–219.*
4. Седова А.О., Митин С.Н. *Взаимосвязь творческого мышления, когнитивных стилей и копинг-стратегий у студенческой молодежи // Сибирский научный вестник. № 4(34). 2018. С. 43–49.*

Характеристики ситуаций: инструменты описания

8 DIAMONDS, SAAP, ситуационные возможности, цели

Задача поиска языка описания ситуаций, позволяющего объяснять взаимодействие личности с ситуацией, приобретает особую актуальность в современной психологии в силу увеличивающейся критики деконтекстуализированного характера проводимых исследований и получаемых эмпирических данных. Созданные в 80-х годах прошлого века первоначальные описания ситуаций были построены на параметрических основаниях и выделении характеристик ситуаций, относительно независимых от воспринимающего их человека.

Последующий поиск привел к созданию инструментов описания ситуаций, позволяющих выявлять более тесные связи между ситуациями и их восприятием и интерпретацией человеком. К таковым относятся «Ситуационная восьмерка DIAMONDS» и «SAAP» (Situational Affordances for Adaptive Problems – Ситуационные возможности для решения адаптивных задач) для изучения целевых и ситуационных детерминант поведения личности.

Модель «DIAMONDS (S8*)» [4] измеряет восемь личностно-значимых характеристик и интерпретацию значения ситуаций по параметрам: Долг (Duty), Интеллект (Intellect), Неблагоприятные обстоятельства (Adversity), Отношения между полами (Mating), Позитивность (Positivity), Негативность (Negativity), Обман (Deception) и Общение (Sociality). Параметры S8* также связаны с достижением целей, актуальных в данной ситуации. Инструмент S8* широко используется для изучения связей между личностными характеристиками и ситуационными особенностями, для исследования влияния ситуационных характеристик на поведенческие проявления и эмоции [3] и др.

Методика SAAP [2] построена на представлениях о повторяющихся адаптивных проблемах (например, избегание угроз, поиск подходящего партнера, кооперация с другими людьми), которые лежат в основе универсального набора фундаментальных социальных мотивов: (1) самозащита, (2) предотвращение заболеваний, (3) принадлежность или формирование союзов с другими людьми, (4) статус, (5) поиск партнера, (6) удержание партнера, (7) забота о родственниках. SAAP предлагает средство измерения ситуационных характеристик, которые способствуют или угрожают адаптивно релевантным социальным целям. Большая часть исследований, вытекающих из SAAP, направлена на то, чтобы понять, как изменения в ситуационных возможностях приводят к изменениям в стремлениях к достижению целей (например, в поведении).

Оба инструмента описания ситуаций, S8* и SAAP, широко используются в зарубежных психологических исследованиях для решения разнообразных задач; в том числе получены достаточно убедительные данные о корреляциях S8* и SAAP.

Одна из задач проведенного нами исследования [1] состояла в оценке целевых возможностей ситуаций с использованием инструмента SAAP. Основная цель исследования состояла в изучении изменений саморепрезентации человека в ситуациях, в результате изменения которых его первоначальные цели приобретали неконгруэнтный характер. Проведенное исследование подтвердило эффективность использования методики SAAP для изучения восприятия ситуаций и ситуационных влияний на поведение человека.

Продолжением проведенного исследования стала проверка возможности использования инструментов S8* и SAAP в результате их апробации на русскоязычной выборке.

1. Мамаева-Найлз В.Д. Изменение саморепрезентации личности в ситуациях неконгруэнтности целей и ситуационных возможностей // *Вестник СПбГУ. Психология*. 2023. № 3.
2. Brown N.A., Neel R., Sherman R.A. Measuring the evolutionarily important goals of situations: Situational affordances for adaptive problems // *Evolutionary Psychology*. 2015. V. 13. № 3. DOI: 10.1177/1474704915593662.
3. Horstmann K.T., et al. Unveiling an exclusive link: Predicting behavior with personality, situation perception, and affect in a preregistered experience sampling study // *Journal of Personality and Social Psychology*. 2021. V. 120. № 5. P. 1317.
4. Rauthmann J.F., et al. The Situational Eight DIAMONDS: a taxonomy of major dimensions of situation characteristics // *Journal of personality and social psychology*. 2014. V. 107. № 4. P. 677–718.

Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФ (проект № 22-28-00871).

Имя человека как фактор формирования субъективного переживания близости и доверия к самому себе

Близость, доверие, идентичность, имя, семейный атом

Имя является существенным фактором сопричастности к своей семье и отделением себя от других и в том числе внутреннему ощущению целостности, самости, идентичности [1, 2, 3]. Наречение именем человека, с одной стороны является одним из факторов «уникальности» существования, то есть способом отдаления от социума, так как имя является первоначальным выделением себя. С другой стороны – является фактором сближения и приобщения к группе через семейный социальный атом [1, 5]. Деструктивное проживание дихотомии «близость и доверие против изоляции и отчуждения», сопровождается нарушением личностной идентичности, утратой ощущения тождественности, близости и доверия к самому себе [4].

Данное исследование направлено на то, чтобы исследовать взаимосвязи наличия или отсутствия историй о возникновении имени в жизни человека, положительного или отрицательного отношения к собственному имени со смысловой значимостью выстраивания близких и доверительных отношений к самому себе. Предполагалось, что отношение к собственному имени, а также наличие или отсутствие истории о получении своего имени будет связано с тем, как человек выстраивает отношения с самим собой.

В исследовании использовался многофакторный внутригрупповой квазиэкспериментальный план для одной рандомизированной группы. Всего приняло участие 61 человек, 49 женщин (80,3%) и 12 мужчин (19,7%), в возрасте от 18 до 37 лет ($M=24$; $SD=3,64$). Все испытуемые участвовали в исследовании на добровольной основе и были оповещены о возможности прекратить исследование в любой момент. Исследование состояло из двух этапов. На первом этапе респонденты выполняли методику «Оценка доверия к себе» Т.П. Скрипкиной, 2006. Фиксировалась степень выраженности доверия к себе в разных сферах жизни. На втором этапе, респонденты проходили полуструктурированное глубинное интервью «Актуализация истории о получении имени», которое состояло из 5 разделов: 1. «Создатель имени»; 2. «Исторический ракурс»; 3. «Я и социальная группа»; 4. «Реальное Я: отношение к собственному имени»; 5. «Имя и личность». Полученные тексты интервью были проанализированы с помощью контент-анализа. В результате выборка респондентов (60 человек) была разделена на 4 подгруппы по 15-16 человек в группе: 1. Респонденты с положительным отношением к своему имени (имя нравится, не хочет его менять), с историей о получении своего имени (знают почему их так называли, кто принимал участие в придумывании имени); 2. С положительным отношением, без истории о получении имени; 3. С отрицательным отношением, с историей о получении имени; 4. С отрицательным отношением, без истории.

Были получены следующие результаты. По Шкале «Доверие к себе» между всеми группами были выявлены значимые различия (ANOVA, $p \leq 0,000$, $F=22,106$). При этом была показана динамика снижения доверия к себе от группы к группе. Если респонденты имели положительное отношение к собственному имени и были включены в историю о получении, у них наблюдались самые высокие показатели по шкале доверия к себе, самые низкие были в группе с отрицательным отношением к имени и отсутствием истории о его получении (U- Манна-Уитни, $p \leq 0,01$). Важно отметить, что в группах, где отсутствовала история о получении имени, наблюдались низкие показатели по шкале доверия к себе даже при наличии положительного отношения к имени (U- Манна-Уитни, $p \leq 0,01$). Мы предполагаем, что имя человека является уникальным знаком сохранения тождественности самому себе на протяжении всей жизни человека и если по той или иной причине человек отрицает его наличие (не нравится имя, не интересуется его происхождением), то будет наблюдаться снижение близости и доверия к себе.

1. Аллахвердов М.В., Гришина Н.В. Модель имплицитной теории доверия: экспериментальная проверка // Вестник Санкт-Петербургского университета. Социология. 2013. №. 4. С. 28-35.
2. Скрипкина Т. Антиномия доверия к миру и доверия к себе в человеческом бытии // Развитие личности. 2011. №3. С. 111-131.
3. Скрипкина Т.П. Психология доверия. М.: Академия, 2000. 264 с.
4. Эриксон Э. Идентичность: юность и кризис: пер с англ. 2-е изд. / общ. ред. и предисл // АВ Толстых. М.: Флинта: МПСИ: Прогресс. 2006.
5. Aron A., et al. Including others in the self // European review of social psychology. 2004. V. 15. №. 1. P. 101-132.

Особенности самодетерминации у молодых людей с разными представлениями о проблемной ситуации

Самодетерминация, осознанный выбор, самосознание, онлайн-образование

Сегодня ситуация активно развивающихся информационных технологий подталкивает к их использованию в различных сферах нашей жизни. Ввиду сложившейся не так давно эпидемиологической ситуации, а также стремительного подумирования все новых инструментов дистанционного общения и работы, молодые люди столкнулись с многочисленными новыми формами обучения. В частности, наше внимание сосредоточилось на опыте онлайн-обучения, смешанного формата.

На сегодняшний день существуют различные подходы к описанию механизмов и закономерностей усвоения информации и формирования новых знаний в ходе обучения [1].

Однако личность обучающегося и ее особенности играют не маловажную роль в усвоении знаний, а также восприятии учебного процесса как легкого или сложного [2].

Целью исследования стало изучение особенностей самодетерминации у молодежи, имеющей опыт дистанционного обучения.

Выборку исследования составили 300 человек, из них 170 женщин и 130 мужчины, средний возраст – $20,5 \pm 2,4$, $M_o=21$). Анализ полученных данных производился на основании вопросов авторской анкеты об онлайн-обучении, а также переведенной и ранее адаптированной методики «Шкала осознанного выбора и самосознания» (PCASS – Perceived Choice and Awareness of Self Scale), далее PCASS. На основании вопроса о трудности/легкости онлайн-обучения выборка была разделена на 3 группы: 1-е утверждали, что более продуктивны и успешно выполняют задания дистанционного, онлайн-типа чем при обучении в очном формате ($N=100$, груп.1), 2-е – подчеркивали, что временами чувствуют, что учатся не в полную силу из-за меньшего контроля со стороны преподавателей ($N=100$, груп.2), 3-е – считали для себя возможным обучаться онлайн так же эффективно, как и при очном, не видя в этом проблем ($N=100$, груп.3). В ходе сравнительного анализа (t-критерий Стьюдента), были выявлены отличия среди групп.

Наиболее существенные отличия наблюдаются между теми, кто ощущает для себя ситуацию дистанционного обучения как проблемную (груп. 2.) и теми, кто ощущает себя более эффективным именно в дистанционном обучении (груп. 1). Так у Группы 2. менее продолжительный опыт дистанционного обучения ($p<0,05$), они в большей мере предпочитают очный формат обучения ($p<0,001$), а также отличаются меньшей выраженностью самоосознанности (PCASS: Осознание себя) ($p<0,05$), осознанной рефлексией чувств как своих собственных (на уровне тенденции). Выраженных отличий у Группы 3 согласно методике (PCASS) от других групп не выявлено.

Таким образом, можно предполагать, что личностные особенности, а также аспекты самодетерминации личности могут по-разному проявляться у молодых людей, предпочитающих дистанционное обучение, и тех, кто в такой форме обучения ощущает себя менее успешным.

1. Гнедых Д.С. *Эффективность усвоения учебной информации студентами в условиях электронного обучения: автореф. дис.... канд. пед. наук. СПб., 2015.*
2. Клименских М.В., и др. *Психологические особенности, влияющие на качество исследовательской деятельности слушателей массовых открытых онлайн-курсов (на примере студенческой выборки) // Наука о человеке: гуманитарные исследования. 2018. № 3 (33). С. 151-158.*

Исследование выполнено при финансовой поддержке РНФ (проект № 22-28-00460).

Принятие решения в ситуации моральной дилеммы воспроизведение экспериментов Дж. Хайдта

Моральная дилемма, принятие решения, моральная интуиция

Проблема морального выбора в ситуации нарастающей неопределенности и сложности мира становится все более актуальной. Основания морального выбора, его механизмы и детерминанты с неизбежностью привлекают все большее количество исследователей.

Одним из наиболее интересных современных подходов является социально-интуитивная модель Дж. Хайдта. Суть данного подхода заключается в том, что моральное суждение, выносимое человеком, является результатом автоматической оценки, моральной интуиции. Социально-интуитивная модель исходит из того, что существуют некоторые моральные истины, которые достигаются не путем длительных логических размышлений, а путем моральных интуиций. Моральные интуиции, включающие том числе и моральные эмоции, являются основанием моральных суждений и уже вслед за суждениями идут логические моральные рассуждения, если это необходимо.

Хайдт утверждает, что моральная интуиция является врожденным образованием, эволюционным приспособлением, которое, однако, приобретает определенные формы под влиянием определенной культуры («шлифовка интуиции»).

В ходе экспериментов Хайдт пришел к выводу об особой роли эмоции отвращения как детерминанты морального выбора. Хайдт доказывает специфичность связи между отвращением и моралью, демонстрируя отсутствие аналогичного эффекта под влиянием других эмоций.

В данной работе предпринята попытка повторить эксперимент Дж. Хайда, который он проводил в США в Университете Плимута в 2008г., демонстрирующий влияние эмоций на моральные суждения человека (Snal and al., 2008).

В нашем исследовании участвовали 54 человека, 27 мужчин и 27 женщин, в возрасте от 18 до 23 лет. Испытуемым предлагались дилеммы Дж. Хайдта для их оценивания по шкале Ликерта от 0 (совершенно нормально) до 9 (крайне неприемлемо). В качестве фактора, влияющего на принятие решения в ситуации моральной дилеммы, выступало содержание самих дилемм, а именно наличие (отсутствие) в них элемента отвращения. Кроме того, нас интересовало, как различная эмоциональная валентность (позитивная, негативная и нейтральная) влияет на принятие решения.

Полученные данные были обработаны с помощью статистического пакета SPSS Statistics 22.

В ходе работы были получены следующие результаты.

Принятие решения в ситуации моральной дилеммы зависит от наличия (отсутствия) в ней элемента отвращения. Так, испытуемые выносят более строгие моральные суждения в дилеммах, которые содержат элемент отвращения.

Мужчины и женщины выносят разные моральные суждения, причем женщины выносят более строгие моральные суждения, чем мужчины, что совпало с результатами экспериментов Дж. Хайдта. Возможно, это связано с разными типами морали, реализуемыми мужчинами и женщинами, о чем пишет, в частности, К. Гиллиган (Гиллиган, 1992). Мужчинам присущ нормативный тип морали – признание прав другого человека, прав делать то, что нравится, при этом не нарушая права других людей. Женщины склонны к эмпатийному типу морали, основанному на ответственности перед миром и заботе о других людях.

В нашем исследовании мы не получили подтверждения влияния фактора эмоциональной валентности стимульного ряда на принятие решения в ситуации моральной дилеммы. Возможно, этот результат, отличный от результата Хайдта, связан с так называемой «шлифовкой интуиции» культурой, о которой говорит Хайдт, или речь может идти о полноте и точности воспроизведения экспериментов Хайдта, как и в целом о проблеме воспроизводимости психологических исследований.

1. Гиллиган К. *Иным голосом // Этическая мысль: Научно-публицистические чтения. М.: Республика, 1992.*

2. Schnall S., et al. *Disgust as Embodied Moral Judgment / Pers. Soc. Psychol. Bull. 2008, 34(8): 1096–1109.*

Отношение к неопределённости и переживание успешности личности

Неопределенность, мотивация, психологическое благополучие

Мир динамично изменяется, становясь все более непредсказуемым и неоднозначным. Личности, для успешного существования, необходимо научиться взаимодействовать с миром в условиях неопределенности. [2]

Негативное отношение к неопределенности сужает возможности человека, делая его заложником своих страхов. Формируя положительное отношение к неопределенности личность выбирает новые маршруты, при этом развивается, накапливая опыт, который помогает повысить стрессоустойчивость. Переживание успешности связано с психологическим благополучием, которое отражает восприятие и оценку человеком своей самореализации. Личность уже не боится сложных ситуаций, она мотивирована и принимает решения исходя из получения максимального результата. [1]

Цель – изучение взаимосвязи отношения к неопределенности с переживанием успешности и мотивацией достижения успеха. В нашем исследовании приняли участие 31 респондент (средний возраст 37 лет), 15 мужчин и 16 женщин. Большинство респондентов 80,6% с высшим образованием, 19,4% имеют среднее специальное образование. 74,2% респондентов состоят в официальном браке. Были использованы следующие методики: полуструктурированное интервью; шкала толерантности к неопределённости Д. МакЛейна (в адаптации Е. Г. Луковицкой и Е. Н. Осина); шкала психологического благополучия Кэрол Рифф (в адаптации Н.Н Лепешинского); тест-опросник мотивации достижения А. Мехрабиана (в адаптации М. Ш. Магомеда-Эминова).

В контент-анализе вопросы задавались исходя из ситуации неопределенности, с которой столкнулся респондент, а именно вынужденная смена работы, либо увольнение. По результатам контент-анализа было выявлено, что: 75% испытывают отрицательные эмоции столкнувшись с ситуацией неопределенности (страх, неуверенность, сомнения, злость); 15% отметили положительные эмоции (мотивацию, интерес, любопытство, азарт); 5% испытывают нейтральные эмоции; 5% отрицательные эмоции сменили на положительные. 95% респондентов проявляют активные действия, столкнувшись с ситуацией неопределённости. 60% респондентов отмечают, что им помог опыт профессиональной деятельности, 20% отмечают личные качества и 20% говорят о том, что им помогла семья. Все респонденты, испытывавшие отрицательные эмоции, отмечают, что ситуация неопределённости, принесла в их жизнь ценный положительный опыт. 15% респондентов, которые положительно отнеслись к ситуации неопределённости, отмечали у себя наличие личностного роста, мотивации достижения и целеустремлённости. 5% респондентов, взявших перерыв, отмечают, что осознали смысл случившейся с ними ситуации неопределённости, что также помогло им в будущем стать счастливее.

По результатам корреляционного анализа ($p < 0,05$) было выявлено, что коэффициент корреляции г-Пирсона равен: между психологическим благополучием и толерантностью к неопределенности 0,708; между личностным ростом и толерантностью к неопределенности 0,821; между самопринятием и толерантностью к неопределенности 0,681; между целями в жизни и толерантностью к неопределенности 0,705; между автономией и толерантностью к неопределенности 0,672; между управлением средой и толерантностью к неопределенности 0,573; между мотивацией достижения и толерантностью к неопределенности 0,773.

Таким образом, корреляционный анализ показал, что психологическое благополучие (переживание успешности), выше у людей с положительным отношением к неопределённости, чем у людей с негативным отношением к неопределённости. Мотивация достижения успеха выше у людей с положительным отношением к неопределённости.

1. Корнилова Т.В. Принцип неопределенности в психологии выбора и риска // Психологические исследования. 8(40), 2015.
2. Леонтьев Д.А. Вызов неопределенности как центральная проблема психологии личности // Психологические исследования. 8(40), 2015.

Исследование взаимосвязи внутренних атрибуций и оценки причин стыда и вины

Вина, стыд, каузальная атрибуция, эмоции самосознания

Данное исследование является репликацией исследования №4 из статьи «Оценка предпосылок стыда и вины: поддержка теоретической модели» Трейси и Робинса [1]. Исследование взаимосвязи внутренних атрибуций и оценки причин стыда и вины имеет высокую актуальность в связи с ростом интереса к психологическим аспектам самооценки и эмоций самосознания. Опираясь на новые эмпирические данные о взаимосвязи внутренних атрибуций и эмоций самосознания, это исследование уточняет оценочную модель эмоций самосознания. Репликация исследования на ситуации романтической неудачи, являющейся значимой для понимания эмоций самосознания, увеличивает общую генерализируемость результатов.

Основная гипотеза: внутренние стабильные неконтролируемые атрибуции приведут к большему стыду, чем вина, а внутренние нестабильные контролируемые атрибуции приведут к большей вине, чем к стыду. Дополнительная гипотеза: виньетка с наличием прямой речи вызовет меньше таких эмоций самосознания, как вина и стыд, чем виньетка без прямой речи.

Исследование проводилось методом виньеток онлайн с помощью Google Forms. Выборку составили 64 испытуемых (32 мужчины и 32 женщины) в возрасте от 18 до 34 лет ($M = 25$). Все испытуемые были проинформированы о процедуре исследования и дали согласие на участие. Независимые переменные: атрибуции стабильности, атрибуции контролируемости, формулировка виньетки (с прямой речью/без нее). Зависимые переменные: эмоции (гнев, тревога, смущение, страх, разочарование, вина, враждебность, печаль, стыд) и обозначенные причины ситуации неудачи (стабильная контролируемая, стабильная неконтролируемая, нестабильная контролируемая, нестабильная неконтролируемая).

Участникам предлагалось прочитать одну из 8 виньеток (распределение было случайным) с описанием гипотетической ситуации, состоящей из 2-3 предложений в форме второго лица единственного числа («ты»). Каждая виньетка описывала опыт неудачи в романтическом общении: 4 виньетки содержали формулировки с использованием прямой речи, в 4 других виньетках прямой речи не было.

Пример виньетки без использования прямой речи: «Недавно у тебя была романтическая встреча с приятным для тебя человеком. На встрече ты редко проявлял(а) знаки внимания и задавал(а) мало вопросов. После свидания ты предложил(а) человеку продолжить общение, но получил(а) отказ».

После прочтения каждой виньетки испытуемые оценивали эмоции (гнев, тревогу, смущение, страх, разочарование, вину, враждебность, печаль, стыд) по шкале от 1 (нисколько) до 7 (крайне сильно), делали атрибуции причин ситуации неудачи (отношение к романтическому общению, способности, количество приложенных усилий, телесное и душевное состояние на момент встречи) по шкале от 1 (совсем не важно) до 7 (очень важно).

Для обработки данных использовался многофакторный дисперсионный анализ (ANOVA).

По результатам исследования было выявлено, что внутренние стабильные неконтролируемые атрибуции не приводили к большему стыду, чем вина, а прямая речь или ее отсутствие не коррелировали с уровнем эмоций самосознания. Были выявлены взаимосвязь между стабильностью и виной ($F = 4,92$, $p < 0,05$) и статистически значимые различия в переживаниях чувства вины у испытуемых мужского и женского полов ($F = 6,05$, $p < 0,05$).

Ограничения:

Изучался только внутренний локус причинности. Выборка исследования являлась «удобной» и небольшой. Не была проведена проверка надежности манипуляции (виньеток). Также не были отдельно учтены индивидуально-психологические особенности испытуемых и ряд социально-демографических характеристик. Кроме того, проведение исследования в онлайн формате могло оказать влияние на достоверность результатов.

В связи с этим необходимо проведение новых исследований с разрешением имеющихся ограничений и с использованием других жизненных ситуаций.

1. Tracy J.L., Robins R.W. *Appraisal Antecedents of Shame and Guilt: Support for a Theoretical Model // Personality and Social Psychology Bulletin*. 2006. № 32(10). P. 1339–1351.

Интерпретация значимых событий жизни молодыми людьми

Значимые события, интерпретация событий, самоотношение

События имеют особое значение в жизни людей. Значимость каждого события индивидуальна. При этом важным является то, как человек объясняет себе произошедшее, каким смыслом наполняет событие, как трактует его причины и следствия. Разные взгляды на мир, собственная система отношений, особенности мировосприятия отражаются на том, как каждый человек объясняет то, что с ним происходит. С этой точки зрения личные мысли и значения в интерпретации, субъективная окраска события будут определять каким образом произошедшее событие скажется на будущем человека, отразится на нем [1].

Целью исследования стало выявление особенностей переживания и интерпретации молодыми людьми значимых событий жизни. В исследовании приняло участие 30 человек (15 мужчин, 15 женщин); средний возраст – 20,67 (SD=0,7).

Методы: Авторское полуструктурированное интервью, опросник самоотношения [2]); опросник временной перспективы Ф. Зимбардо [3]. Для обработки результатов использовался индуктивный контент-анализ, частотный и корреляционный анализ.

Среди указанных значимых событий прошлого большая часть респондентов выделяет отношения – 70%; образование – 43,3%; переезд – 40%. При этом среди названных событий практически все респонденты выделили положительные – 96,7%; 40% назвали негативные и 10% нейтральные.

Все 30 участников оценили свою вовлеченность в события прошлого через активную позицию. При этом 56,7% назвали события со своим пассивным участием. Оценивая причину произошедших событий в прошлом, респонденты называют судьбу/случайность – 66,7%; или себя как инициатора – 60%, как закономерный этап произошедшего – 30%; и чужая воля – 26,7%.

Говоря о последствиях, респонденты указывают развитие личностных качеств – 70%; изменение мировоззрения – 56,7%; новые отношения – 36,7%; самостоятельная жизнь – 30%; понимание себя – 26,7%;

Связь прошлого опыта с будущим прослеживается в ожидании большинством позитивных событий – 93,3%. Только 20% прогнозируют наступление негативных или нейтральных. Аналогично и ожидание активного участия в событиях будущего – 96,7%.

Среди событий будущего называют проф. деятельность – 60%; обучение – 50%; отношения – 30%.

Были выявлены статистически значимые (r -Спирмена; $p \leq 0,05$) связи между: Негативной оценкой прошлых событий и аутосимпатией (-,420), а также самопринятием (-,413). Молодые люди с более высоким уровнем с самоуважения (,423), аутосимпатии (,415), самопринятия (,364), самопонимания (,397), негативным прошлым (-,394), будущим (,463) и позитивным прошлым (,387) достоверно чаще интерпретируют события связанные в прошлом с образованием. Будущие события чаще описываются респондентами с более высоким уровнем саморуководства (,367), негативного прошлого (-,430) и будущего (,630)

Таким образом, интерпретируя прошлые и будущие события практически все молодые люди больше склонны к позитивной оценке произошедших событий, выделяя себя, как непосредственного участника. Причину случившихся событий чаще видят в случайностях или судьбе. Значимые события прошлого чаще относятся к сфере межличностных отношений, академической деятельности или переезду из своего города; события будущего – к проф. деятельности, образованию, отношениям. Все ожидаемые события, за исключением отношений, рассматриваются, как положительные и интерпретируются с точки зрения перспектив – активное участие, которое обеспечит стабильность жизни.

1. Гришина Н.В. *Жизненное событие: сила обстоятельств и авторство личности* // Вестник Московского государственного областного университета. 2020. № 4. С. 164-182.
2. Столин В.В., Пантилеев С.Р. *Опросник самоотношения* // Практикум по психодиагностике: Психодиагностические материалы. 1988. С. 123-130.
3. Сырцова А., Соколова Е.Т., Митина О.В. *Адаптация опросника временной перспективы личности Ф. Зимбардо* // Психологический журнал. 2008. Т. 29. № 3. С.101-109.

Экзистенциальное пространство личности как виртуальное пространство

Виртуальное пространство, экзистенциальное пространство, психологическая виртуальная реальность

В оптике психологии транзитивности исследования транзитивного и виртуальных офлайн и онлайн пространств базируются на принципе, предполагающим множественность и вариативность пространств существования человека. Из всей этой множественности особого внимания заслуживает проблема внутреннего пространства личности.

Идея виртуальности возникает в культуре задолго до появления Интернета и эпохи интенсивного развития цифровых технологий. Виртуальность является неотъемлемой характеристикой человеческого существования на протяжении всей истории существования *homo sapiens*. В широком контексте можно сказать, что человек живет в виртуальной реальности, и это не только сны или образы воображения, но и феномен субъективности восприятия, познания и переживания реальности [2]. Исходя из понимания виртуальности как онтологической характеристики существования человека и его субъективного внутреннего мира, рассмотрим теоретические обоснования тезиса о виртуальности экзистенциального пространства личности.

Психологическая виртуальная реальность, согласно Носову, это реальность, порожаемая психикой человека. В психологической виртуальной реальности выделяются два вида переживания виртуальных событий: 1) события, которые переживаются как обыденные и привычные и 2) экстраординарные виртуальные события, которые переживаются как выход за рамки обыденности [1]. Носов выделяет восемь свойств экстраординарного виртуального переживания. 1) Непривыкаемость. Сколько бы раз событие не возникало, каждый раз оно переживается как необычное и непривычное. 2) Спонтанность. Возникает неожиданно и ненамеренно, не контролируется сознанием и волей. 3) Фрагментарность. Появляется ощущение отстраненности и отдельности частей своего тела от себя. В объективных терминах человек описывает не всего себя в целом, а лишь части, которые участвуют в выполнении данного акта («руки опережают мысли» и т.д.), хотя само переживание захватывает всего человека в целом. 4) Объективированность. В описании своего состояния, человек говорит о себе не как о субъекте, источнике активности собственных действий, мыслей и переживаний, а как об объекте, которого охватывают мысли, переживания, действия. 5) Измененность статуса телесности. Переживания виртуального события сопровождаются изменениями ощущений собственного тела и внешнего пространства – тело становится легким и приятным, а пространство расширяется и становится аттрактивным. 6) Измененность статуса сознания. Изменяется характер функционирования сознания – переживание ясности сознания, легкость схватывания и переработки необходимого объема информации, обострение чувства прогнозирования и т.п. 7) Измененность статуса личности. Изменение оценки себя и своих возможностей. При сверхэффективности и чрезвычайной легкости текущей деятельности появляется чувство собственного могущества, ощущение крыленности, что «все по плечу», уверенность в возможности преодолеть любые препятствия. 8) Изменение статуса воли. Переживание совершения деятельности без волевых усилий, самопроизвольно, ощущение, что она течет сама собой [1].

Таким образом, общность качественных характеристик описания экстраординарных виртуальных событий и переживаний экзистенциальных событий и опыта (переживания потока, пиковые переживания и др.) позволяют говорить о виртуальности и иммерсивности экзистенциального пространства. При этом субъективно такие события переживаются личностью как реальные.

1. Носов Н.А. *Словарь виртуальных терминов // Труды лаборатории виртуалистики. Вып. 7. М.: Путь. 2000.*

2. Lehman-Wilzig S.N. *Virtuality and Humanity: Virtual Practice and Its Evolution from Pre-History to the 21st Century. Singapore: Springer, 2022.*

Исследование выполнено при финансовой поддержке РФ (проект № 19-18-00516).

Конструирование идентичности трансгендерными людьми в ситуации трансгендерного перехода: постановка проблемы

Идентичность, конструирование идентичности, гендерно-аффирмативный переход

Феномен идентичности в ходе длительной истории развития и трансформации доказал полезность в объяснении направлений жизненного пути, принятия решений и черпаемых ресурсов из принадлежности к социальным общностям [5]. На современном этапе развития данного теоретического конструкта констатируется необходимость комплексного и интегративного понимания феномена с выделением личностного, ролевого и социального уровней [5].

При рассмотрении многогранности и неоднородности исторического развития понятия идентичности, могут быть сформулированы диалектические противоречия «единства-множественности», «дифференциации-интеграции», «константности-изменчивости», «личности-социального контекста», разрешаемых в постнеклассической парадигме за счет диалектического единства оппозиций [1; 5]. Ключевой особенностью современного понимания идентичности в исследованиях является переход от структурно-функционального к пониманию идентичности как феномену, конструируемому личностью в диалоговом пространстве. В связи с вышесказанным идентичность может быть понята как сложный феномен, на который оказывает влияние актуальный социокультурный контекст, включающий онтогенетические и социогенетические основания; в структуре которого можно выделить личностный, ролевой и социальный уровни [5].

В более ранние периоды исследования исходили из предположения о реактивной природе процессов формирования и изменения идентичности. На современном этапе все больше количество исследований принимает гипотезу о пересмотре содержания идентичности человеком посредством активации процессов самопознания, личностного и социального конструирования, что обеспечивает интеграцию личностного и социального опыта, а также переживания ощущения целостности и непрерывности в постоянно меняющихся социальных контекстах [3]. В связи с этим наиболее эвристичным подходом к исследованию идентичности выступает нарративный, рассматривающий конструирование идентичности через «жизненную историю», в которую включено чувства континуальности, целостности и контекстуальности на основе осмысления жизненного опыта [4].

Таким образом проблема исследования на современном этапе может быть сформулирована как обоснование подхода к изучению идентичности как сложного и динамичного феномена, изучение которого невозможно без привлечения качественных методов для исследования феноменологического содержания процессов конструирования и изменения идентичности.

В рамках нашего исследования динамическое функционирование идентичности через оптику данного подхода можно проследить на выборке трансгендерных людей в ситуации трансгендерного перехода, понимаемого как часть процесса исследования и конструирования собственной идентичности [2]. На наш взгляд, изучение данного специфического опыта позволит углубить понимание личностно значимого динамического содержания идентичности, позволяющего сохранить чувство самоидентичности при наличии очевидных изменений телесных, личностных и социальных характеристик.

1. Белинская Е.П. *Современные исследования идентичности: от структурной определенности к процессуальности и незавершенности* // Вестник Санкт-Петербургского университета. Психология. 2018. Т. 8. №. 1. С. 6-15.
2. Ashley F. *Thinking an ethics of gender exploration: Against delaying transition for transgender and gender creative youth* // *Clinical child psychology and psychiatry*. 2019. Vol. 24. №. 2. P. 223-236.
3. Berzonsky M.D. *Identity formation: The role of identity processing style and cognitive processes* // *Personality and individual differences*. 2008. Vol. 44. №. 3. P. 645-655.
4. McAdams D.P. *Narrative identity* // *Handbook of identity theory and research*. New York: Springer NY, 2011. С. 99-115.
5. Vignoles V.L., Schwartz S.J., Luyckx K. *Introduction: Toward an integrative view of identity* // *Handbook of identity theory and research*. New York: Springer NY, 2011. С. 1-27.

Связь ценностных ориентаций личности с содержанием сновидений

Ценностные ориентации, аксиологическая психология, сновидения

Введение. В основе аксиологической психологии лежит идея о том, что ценностные ориентации влияют на поведение и мировоззрение человека, данный подход может помочь в изучении сознания личности. Существуют различные аспекты исследования сновидений, но имеется некоторая нечеткость в понимании того, что они отражают, с чем могут быть связаны и какую роль играют для структуры личности. Анализ сновидений обладает высокой практической направленностью, благодаря ему можно получить информацию о психическом состоянии личности как в бодрствовании, так и в период сна. Личность – это явление многогранное, еще Б.Г. Ананьев отмечал, что немаловажным являются внутренние движущие силы человека, к которым можно отнести ценностные ориентации [1]. Пока недостаточно работ, в которых бы изучалась связь содержания сновидений с ценностными ориентациями, целью данного исследования было найти и изучить эту связь.

Материал и методы. Исследование проводилось с февраля по сентябрь 2022 года. Выборку составили 36 респондентов – 24 женщины и 12 мужчин. Методики исследования: 1) «Ценностные ориентации» М. Рокича в адаптации под руководством В. А. Ядова [3]; 2) Ассоциативный эксперимент в авторской адаптации с использованием слов-стимулов из списка ценностных ориентаций М. Рокича, приведенных к общим значениям среди респондентов на основе эмотивного словаря-тезауруса Л. Г. Бабенко [2]; 3) Обработка сновидений с использованием системы К. Холла и Р. Ван де Касла с адаптацией под данное исследование. Анализ полученных данных проводился с помощью методов математической статистики: U-критерий Манна-Уитни; H-критерий Краскела-Уоллиса; корреляционный анализ – линейный коэффициент корреляции r-Пирсона.

Результаты. В ходе исследования были изучены преобладающие ценностные ориентации среди респондентов в возрасте от 21 до 65 лет. Исходя из полученных данных, имеются значимые прямые и обратные связи между ценностными ориентациями и содержанием сновидений. Чем чаще, например, встречаются образы «Агрессия», тем значимей для респондента такие ценностные ориентации как «Непримиримость к недостаткам в себе и других» и «Развлечения». Так «Успех» в сновидениях имеет прямую связь с такими ценностными ориентациями как «Твердая воля» и «Непримиримость к недостаткам в себе и других», а образ «Счастье» связывается у респондентов напрямую с такой ценностной ориентацией как «Честность» и другие. Это может подтверждать идеи М. Солмса о том, что во время сна направленность личности остается сохранной [4]. Данный факт может указывать на деятельность сознания во сне и в бодрствовании исходя из ценностных ориентаций личности. Ассоциативный эксперимент допускает предположение о существовании связи ценностных ориентаций личности с содержанием сновидений на уровне ассоциативной памяти во сне и в бодрствовании.

Заключение. Результаты исследования позволяют сделать вывод, что ценностные ориентации имеют релевантную связь с образами сновидений, во время сна направленность личности остается сохранной и сознание продолжает свою деятельность как во сне, так и в бодрствовании исходя из ценностных ориентаций личности.

1. Ананьев Б.Г. *Человек как предмет познания*. 3-е изд. СПб.: Питер, 2010. 288 с.
2. Бабенко Л.Г. *Алфавит эмоций: словарь-тезаурус эмотивной лексики*. М-во науки и высшего образования Рос. Федерации, Урал. Федер. ун-т. Екатеринбург, М.: Кабинетный ученый, 2021. 432 с.
3. Ядов В.А. *Саморегуляция и прогнозирование социального поведения личности: Диспозиционная концепция*. 2-е расширенное изд. М.: ЦСПиМ, 2013. 376 с.
4. Solms M. *The Feeling Brain: Selected Papers on Neuropsychanalysis*. London, United Kingdom: Routledge, 2015.

Психологические подходы к анализу детерминации и самодетерминации личностной деструктивности

Деструктивность личности, деструктивное поведение, детерминизм, самодетерминация

Представленные в современной психологической литературе концепции деструктивности личности содержат различные интерпретации причин возникновения и развития разрушительных тенденций в человеке под влиянием тех или иных биологических, социальных или культурных факторов. На наш взгляд, существенным методологическим ограничением преобладающих в академическом поле исследований деструктивного и аутодеструктивного поведения является исключение из рассмотрения внутренних неосознаваемых процессов личности, нелинейных и системных взаимосвязей в её структуре, обеспечивающих автономность и самостоятельность совершаемого действия.

Целью нашей работы является обобщение и систематизация психологических подходов к анализу деструктивности. Мы определяем деструктивность как комплексное и системное личностное свойство, детерминированное не только биологическими или социальными факторами, но и осознанной активностью человека, проявлениями его интенциональности, субъектности и стремления к свободе, т.е. обусловленное механизмом самодетерминации личности. Поскольку конструкт самодетерминации ранее не применялся в анализе деструктивности, мы предполагаем, что такая постановка проблемы может способствовать поиску и разработке новых методологических оснований изучения феномена разрушительности личности.

Основными методами нашего исследования являются теоретический анализ источников по проблеме детерминации деструктивности, а также теоретическое моделирование.

Результатом исследования является выявление и описание трёх основных групп концепций, теорий и эмпирических исследований, каждая из которых отражает определённую позицию в вопросе детерминизма и природы разрушительности человека. Первой группе соответствует позиция биопсихизма или биологического детерминизма, она отражена в психоаналитических концепциях деструкции как формы влечения [4, 5], а также в современных исследованиях нейробиологических, психофизиологических и генетических коррелятов деструктивного поведения [3]. Вторая группа проанализированных нами концепций объединяет исследования социальной природы деструктивности и её обусловленности культурными факторами [1]. Наконец, третья группа обобщает современные исследования в области психологии личности, согласно которым деструктивность можно объяснить с помощью специфически личностных системных детерминант, представляющих собой синтез биопсихического и социокультурного в человеке [2].

Также в ходе теоретического исследования была разработана уровневая иерархическая модель самодетерминированного деструктивного поведения, включающая уровень спонтанных самопроизвольных разрушительных интенций личности (базовый уровень спонтанной самодетерминации), деструктивные цели и произвольные инициации разрушительной активности (уровень деятельностной самодетерминации), а также смыслы и ценности деструкции, отражённые в переживаниях личности (смысловая самодетерминация). Полученные результаты подтверждают эффективность применения комплементарной модели самодетерминации в анализе личностной деструктивности.

1. Злоказов К.В. *Деструктивное социальное поведение*. Екатеринбург: Урал. гос. пед. ун-т. 2017. 183 с.
2. Морозова И.С., Белогой К.Н., Евсеенкова Е.В. *К проблеме систематизации теоретических подходов к изучению аутодеструктивного поведения в традиционной и постнеклассической психологии // Общество: социология, психология, педагогика*. 2018. № 8. С. 59–67.
3. Розанов В.А. *Агрессия и аутоагрессия (суицид) – анализ с позиций нейробиологии // Суицидология*. 2022. Т. 13, № 3 (48). С. 3–38.
4. Фрейд З. *По ту сторону принципа удовольствия. Полное собрание сочинений в 26 томах. Т. 13-14: Статьи по метапсихологии*. СПб: Изд-во ВЕИП. 2020.
5. Шпильрейн С.Н. *Деструкция как причина становления // Сабина Шпильрейн: над временем и судьбой: сб. статей. Сост., автор вступ. ст. Ф.Р. Филатов. Ростов-на-Дону: Мини Тайп, 2020.*

Исследование выполнено при финансовой поддержке РФ (проект № 22-28-00460).

Аутентичность личности в контексте диспозиционного и феноменологического подхода

Аутентичность личности, неопределённость, стиль конструирования идентичности, рефлексия

Скорость изменений окружающего мира, сопряжённая с возрастающей неопределённостью, является специфической характеристикой нашего времени [1]. Изменяющиеся условия жизни заставляют человека обращаться к себе «настоящему», выступают серьёзным испытанием для его идентичности. Обращение к феномену аутентичности как сохранению подлинности личности в условиях высокой неопределённости жизни – важная задача психологической науки и общества. В литературе аутентичность определяется в различных парадигмах, во многих из которых аутентичность представляется как черта личности [2,4,3].

В рамках данного исследования аутентичность рассматривается с двух точек зрения: диспозиционной (черта личности) и феноменологической (переживание человека в конкретной ситуации). Мы предположили, что аутентичность человека связана с отношением к ситуации неопределённости; особенностями построения репрезентации себя в ситуации (тип рефлексии); особенностями того, какой стиль конструирования идентичности предпочитается человеком. Общее число участников исследования 50 человек в возрасте от 19 до 38 лет. Методы: шкала толерантности к неопределённости МакЛейна в адаптации Е.Н.Осина, дифференциальный тест рефлексии (Д.А. Леонтьев, Е.М. Лаптева, Е.Н. Осин, А.Ж.Салихова), опросник стилей конструирования идентичности М.Берзонски, шкала аутентичности А. Вуда в адаптации С.К.Нартовой-Бочавер, глубинное полуструктурированное интервью, направленное на изучение феномена аутентичности в важных жизненных ситуациях.

В результате работы была выявлена связь всех субшкал методики аутентичности с особенностями формирования представлений о себе (стилем идентичности, типом рефлексии): «аутентичная жизнь» (как поведенческое проявление аутентичности) отрицательно коррелирует с интроспекцией ($r=-0,411$; $p=0,003$); «самоотчуждение» и «принятие внешнего влияния» положительно связаны с интроспекцией ($r=0,4$; $p=0,002$; $r=0,3$; $p=0,03$), кроме того обе шкалы связаны с диффузным стилем идентичности ($r=0,3$; $p=0,018$; $r=0,4$; $p=0,007$) и отрицательно – с достигнутой идентичностью ($r=-0,3$; $p=0,042$; $r=-0,4$; $p=0,007$). Связи показателей аутентичности и отношения к ситуации неопределённости не обнаружилось. Однако результаты интервью выявили наличие взаимосвязи между переживаниями неаутентичности (10-балльная шкала) и оценением человеком ситуации высоко неопределённой (10-балльная шкала). Сравнение показателей аутентичности как личностной диспозиции и аутентичности как переживания себя в конкретной жизненной ситуации также демонстрирует неоднозначность показателя субшкалы аутентичности «принятие внешнего влияния». В интервью выявлено, что респонденты, получившие высокие показатели по этой шкале (соответственно, низкие по аутентичности), могут чувствовать себя аутентичными, но не проявлять себя, чувствуя зависимость от других. Данные интервью показали, что аутентичное поведение возникает в ситуациях, располагающих к проявлению себя, своих качеств, которые сложно проявить «в обычной жизни»; неаутентичное поведение в основном проявляется в ситуациях, когда независимость от других людей становится невозможной из-за страха осуждения, желания им понравиться, страха наказания или в ситуациях, связанных с высокой неопределённостью и неподконтрольностью.

1. Леонтьев Д.А. Вызов неопределённости как центральная проблема психологии личности // *Психологические исследования*, 2015, 8(40), 2.
2. Kernis M.H., Goldman B.M. A multicomponent conceptualization of authenticity: Theory and research // *Advances in Experimental Social Psychology*, 2006, 38, 283–357.
3. Reznichenko S.I., Irkhin B.D., Nartova-Bochaver S.K. Do authentic people care about the environment? A view from two paradigms // *Psychology in Russia: State of the Art*. 2021. Vol. 14. № 3. P. 81–102.
4. Wood A.M., et al. The Authentic Personality: A Theoretical and Empirical Conceptualization and the Development of the Authenticity Scale // *Journal of Counseling Psychology*. 2008. № 3. Vol. 55. P. 385–399.

Исследование выполнено при финансовой поддержке РФ (проект № 22-28-00871).

Целевые детерминанты осмысленности жизни представителей разных культур

Осмысленность жизни, жизненные цели, жизненная модель, жизненная ситуация

В современном обществе ускорение темпа жизни, рост мобильности и доступности информации приводят к усилению изменчивости жизненного пространства человека. Поскольку поведение человека обусловлено жизненной ситуацией, а сам человек как субъект собственной жизни способен к активному преобразованию ситуации, поиск жизненных ориентиров в изменяющемся мире становится для него значимой задачей. В данном исследовании культуральные особенности рассматриваются как важный составляющий элемент жизненной ситуации человека, цели изучаются в рамках жизненных моделей, определяемых как фрагмент жизненного сценария, реализуемый человеком в конкретной жизненной сфере [1].

Цель исследования – описание сходства и различий в факторах осмысленности жизни представителей разных культур (на примере русской и китайской культуры). В опросе использовались методика «Жизненная модель» (Костромина, Гришина и др.), тест «Смыслжизненные ориентации» (Леонтьев, Yin Meiqi), блок вопросов о целях в конкретных жизненных сферах (профессиональная, межличностная, персональная и благотворительная сферы). Для обработки данных применялись факторный и дискриминантный анализы. Выборку составили 143 носителя русского языка и 150 носителей китайского, средний возраст $27,4 \pm 7,4$ лет.

Факторный анализ проведен на основе вопросов о целях в основных жизненных сферах отдельно в двух выборках, в результате чего выделен ряд факторов, направленных в основном на такие аспекты, как цели и оценка возможностей их реализации в жизненных сферах, готовность к изменениям ситуации для их осуществления и удовлетворенность актуальной жизненной ситуацией. Далее, на основе факторизации проведен дискриминантный анализ отдельно в двух выборках. В результате анализа разработаны математические модели ($p < 0,05$) для описания отношений между жизненными целями, моделями и осмысленностью жизни (зависимая переменная – уровень осмысленности жизни, независимые – выделенные факторы и показатели жизненной модели человека). Согласно результатам анализа, в обеих выборках с осмысленностью жизни личности тесно связаны активная жизненная позиция, готовность к изменениям, удовлетворенность основными сферами жизни. Также выявлены различия между российскими и китайскими респондентами в факторах, влияющих на осмысленность жизни: наличие целей и оценка возможностей их достижения в своей жизненной ситуации у российских респондентов коррелируют с уровнем осмысленности жизни ($p < 0,01$), этой связи не обнаружено у китайских участников исследования. В осмысленности жизни китайских респондентов важную роль играют традиционные семейные ценности ($p < 0,01$) и близость с родительской семьей ($p < 0,01$), что не характерно для носителей русского языка.

В целом, полученные данные подтверждают, что независимо от культурной идентичности, чем более включен человек в свою жизнь, чем больше он готов к изменениям и доволен своей нынешней жизнью, тем более он ощущает свою жизнь как осмысленную. Существуют и различия, касающиеся особенностей национальной культуры: для российского респондента его личные цели оказывают более важное влияние на его чувство осмысленности жизни, а для китайского – ценности семьи играют более важную роль.

Таким образом, по результатам нашего исследования, в жизни современных русских людей важным жизненными ориентирами являются цели и возможности жизненной ситуации для их осуществления, а для современных китайцев в числе жизненных приоритетов остаются семейные ценности.

1. Костромина С.Н. и др. Жизненная модель как конструкт изучения жизненного сценария личности // Вестник Санкт-Петербургского университета. Психология. 2018. Т. 8. №. 4. С. 341–357.

Применение и эффективность коррекционных упражнений в процессе школьного обучения у детей младших классов

Младшие школьники, детская тревожность, навык саморегуляции, кинезиологические упражнения

Увеличенные школьные и внешкольные нагрузки могут приводить к стрессам у учеников и школьной дезадаптации в целом. Часто причиной неуспешности является высокая тревожность и недостаток устойчивости внимания. Актуальным становится разработка и внедрение в образовательный процесс развивающих профилактических программ. Цель нашего исследования – оценить эффективность использования кинезиологических упражнений и приобретенного ранее навыка по саморегуляции на уровень тревожности и когнитивные функции у младших школьников.

Методы: В исследовании принимал участие класс негосударственной частной средней школы (n=10; 5 девочек и 5 мальчиков) в течение 2-ух лет. Диагностика тревожности проводилась с помощью Многомерной оценки детской тревожности [3] (3-4 классы). В 4 классе изучали функцию внимания с помощью корректурной пробы (модификация В.Н. Амадуни); объем кратковременной зрительной памяти методикой «Память на образы» (автор – Э. Крис), норма 6 образов из 16. В 3-ем классе в течение 4-х месяцев ежедневно по 5-7 минут проводился комплекс упражнений на саморегуляцию [2]. В 4-ом классе в течение 2-х месяцев по 7-15 минут ежедневно проводили кинезиологические упражнения для развития когнитивных функций [1]. Полученные данные были статистически обработаны с помощью программного пакета Excel-97 и Statistica-10.

Результаты: Анализируя эффективность курса упражнений по саморегуляции, отметим, что 100% учеников в 3-ем классе (январь) имели высокий уровень тревожности (выше 5 баллов) в ситуациях проверки знаний (шкала 8) и составлял $7,3 \pm 0,56$ балла. По завершению курса к концу учебного года показатель снизился до $4,5 \pm 0,07$ ($p,05$) баллов и эти значения сохранились до 4-го класса (ноябрь) ($4,3 \pm 0,07$; $p,05$). Зафиксированы высокие показатели тревожности по шкалам 1, 3, 7, 9, 10 [3] и интегрального показателя тревожности (ИПТ), который составил $47,1 \pm 2,39$ баллов. Снижение ИПТ за период отработки навыка по саморегуляции произошло более, чем на 10 баллов – $35,9 \pm 4,15$ ($p,01$) и сохранилось до 4-го класса (ноябрь) – $35,2 \pm 3,55$. Эти данные указывают на улучшение психоэмоционального состояния учащихся, а также на долгосрочный эффект приобретенного навыка по саморегуляции. При изучении кратковременной зрительной памяти только у двух из десяти учеников показатель был ниже нормы и именно у этих учеников после курса кинезиологических упражнений произошло улучшение показателей памяти. У остальных наблюдалась стабильность результатов ($7,7 \pm 0,56$). В показателях функции внимания произошло значимое снижение общего время выполнения задания с $6,0 \pm 0,45$ до $4,9 \pm 0,38$ мин ($p,01$), уменьшение на 1-3 количества ошибок ($p,05$).

Выводы: Все ученики класса начальной школы испытывали тревогу в ситуациях проверки знаний, а также имели высокий уровень интегральной тревожности. Ежедневное применение комплекса упражнений на саморегуляцию в течение 4-ех месяцев оказывает позитивное действие на психоэмоциональное состояние и имеет долговременный эффект. В результате 2-ухмесячного курса кинезиологических упражнений отмечена положительная динамика свойств внимания и памяти, произошло ускорение темпа работы и улучшение качества выполненной работы у учащихся. В целях сохранения результата и улучшения психологического состояния школьников рекомендуем проведение оздоровительных минуток и внедрение их в образовательный процесс.

1. Бартош О.П. *Психоэмоциональные состояния, профилактика и психокоррекция нарушений адаптации детей и подростков: учеб.-метод. пособ.* Магадан: НИЦ «Арктика» ДВО РАН, 2019. 205 с.
2. Бартош О.П. *Проблемы школьной адаптации и определение эффективности психокоррекции // Вестник психофизиологии.* 2022. № 1. Т. 1. С. 140-151.
3. Рوميцына Е.Е. *Многомерная оценка детской тревожности. Учеб.-метод. пособ.* СПб.: Речь. 2006.

Особенности гендерной социализации детей дошкольного возраста

Гендерное воспитание, гендерные представления, дети дошкольного возраста

Современный период развития дошкольного образования детерминирован социокультурными изменениями, актуализирующими значимость развития ценностных ориентаций детей дошкольного возраста с учетом их индивидуальных особенностей и пониманием тех социальных ролей, которые им предстоит освоить в ближайшем будущем.

Необходимость включения гендерного подхода в содержание дошкольного образования определяется его многозадачностью: формирование гендерно-ориентированного поведения, усвоение гендерных ролей, способов гендерного поведения и особенностей взаимоотношений, приобретение навыков гендерной идентичности и социализации.

Несмотря на высокий интерес и понимание значимости гендерного подхода в воспитании дошкольников, о чем свидетельствуют многочисленные исследования (Евтушенко И.Н., Пономарева Л.И., Столярчук Л.И. и др.), в научной литературе не представлена целостная концепция гендерного воспитания детей дошкольного возраста, а также методика сопровождения данного процесса в семье и дошкольных образовательных организациях.

Первым социальным институтом, оказывающим влияние на гендерную социализацию, выступает семья. Чаще всего именно в семье ребенок знакомится с особенностями гендерного поведения, получает подкрепление свои действиям и поведению, либо, наоборот, социальное неодобрение. Кроме этого, именно в семье ребенок находит для себя образцы гендерного поведения и перенимает существующие гендерные стереотипы.

В целях конкретизации и уточнения выделенных особенностей нами было проведено эмпирическое исследование по изучению гендерных установок у детей младшего дошкольного возраста на основе методики «Изучение гендерных установок у детей» (полустандартизированное интервью В.Е. Кагана).

В эмпирическом исследовании приняли участие 60 детей младшего дошкольного возраста (30 мальчиков и 30 девочек).

В результате эмпирического исследования было выявлено, что у детей младшей группы гендерные позиции представлены в процессе развития и соответствуют особенностям данной возрастной группы. Они знают и понимают, какого они пола, появляются четкие параметры гендерных позиций, по которым они определяют, почему они являются девочками/мальчиками. Могут привести пример отличий мальчиков от девочек. У детей есть представления кем они будут и кем они хотят стать, когда вырастут (женами/мужьями, матерями/отцам, тетьями/дядями).

Из результатов методики видно, что, как и отмечают исследователи, первичная внешняя адаптация к своей гендерной роли у детей сформирована уже в младшем дошкольном возрасте – в три-четыре года. На данном возрастном этапе для детей наиболее важна именно внешняя сторона гендера, но не существенные характеристики.

Гендерное воспитание требует создания определенной образовательной среды в семье и дошкольной образовательной организации, отбора содержания, не искажающего представления о гендерной социализации, доступного детям и соответствующего возрасту детей, выбора адекватных средств гендерного воспитания, в том числе и цифровых и медиа технологий.

На этом пути могут возникать такие затруднения, как уровень родительской компетенции в вопросах гендерного воспитания, а также нехватка методической поддержки педагогов дошкольного образования.

1. Евтушенко И.Н. *Гендерный подход к проблеме воспитания детей разного пола: монография*. Челябин.: Изд-во Библиотека А. Миллера. 2019. 197 с.
2. Пономарева Л.И. *Гендерная социализация детей дошкольного возраста // Образовательный вестник «Сознание»*. 2019. Т. 21. № 10. С. 11-16.
3. Столярчук Л.И. *Гендерный подход в образовании*. Волгоград.: Перемена, 2019. 104 с.

Учебная мотивация студентов в условиях цифровой образовательной среды

Цифровая образовательная среда, учебная мотивация, дистанционные образовательные технологии

Процесс цифровой трансформации образования, происходящий в нашей стране особенно активно после начала пандемии, требует осмысления и поиска психолого-педагогических закономерностей, которые позволили бы повысить качество обучения с использованием дистанционных образовательных технологий (ДОТ). Речь идет о создании такой цифровой образовательной среды, которая способствовала бы более успешной адаптации студентов и позволяла использовать преимущества цифровых технологий в обучении [1]. Одним из важных критериев эффективности образовательной среды является учебная мотивация. Существуют разные подходы к трактовке мотивации учебной деятельности с применением ДОТ, например модель ARCS Дж. Келлера [3], теория самодетерминации [2] и другие, однако этот вопрос все еще актуален для психолого-педагогического сопровождения цифровизации образования.

Цель исследования: сравнить учебную мотивацию у студентов, обучающихся очно (1-я группа) и обучающихся с использованием ДОТ (2-я группа). База исследования: ЛГУ им. А.С. Пушкина, выборку исследования составили 58 человек, в том числе 1-я группа – 32 человека, 2-я группа – 26 человек. В исследовании использовались следующие психодиагностические методики: Методика диагностики учебной мотивации студентов А. А. Реана и В. А. Якунина в модификации Н. Ц. Бадмаевой и Методика изучения мотивации обучения в вузе Т. И. Ильиной. Для математико-статистической обработки данных использовался U-критерий Манна-Уитни.

Результаты: по методике А. А. Реана и В. А. Якунина у студентов 1-й группы выше показатели по шкалам: «Мотивы творческой самореализации», и «Учебно-познавательные мотивы» ($p < 0,05$), а у студентов 2-й группы выше показатели по шкале «Профессиональные мотивы» (на уровне статистической тенденции, $p < 0,1$). По методике Т.И. Ильиной у студентов 1-й группы выше показатели по шкалам «Приобретение знаний» и «Овладение профессией», а у студентов 2-й группы выше показатели по шкале «Получение диплома» (при $p < 0,05$). Интересно, что различий по шкале «Социальные мотивы» получено не было, хотя в условиях ЦОС иначе реализуется коммуникативная потребность студента, и коммуникативное взаимодействие участников образовательного процесса, перешедшее в цифровую среду, утрачивает некоторые свои привычные черты. Также интересен факт наличия противоречивых результатов по шкалам «Профессиональные мотивы» и «Овладение профессией» по двум разным методикам. Возможно это связано с небольшим объемом выборки и требует уточнения. Полученные результаты в целом коррелируют с исследованиями других авторов и показывают, что для студентов очного отделения более важны познавательные мотивы, а студенты, обучающиеся с применением ДОТ, скорее руководствуются прагматическим мотивом получения диплома. Очевидно, что эта тема требует дальнейшего изучения с учетом индивидуальных особенностей студентов, уровня их цифровой компетентности и степени разработанности психодидактических средств цифровой образовательной среды вуза.

1. Маклаков А.Г., Ванновская О.В. Психологические проблемы цифровой трансформации системы образования и дальнейшего развития дистанционного обучения // Психолого-педагогическое сопровождение образовательного процесса обучающихся разного возраста: монография / под ред. Т.С. Овчинниковой. СПб.: Изд. ЛГУ, 2022. С. 129–140.
2. Hui E.K., Tsang S.K. Self-Determination as a Psychological and Positive Youth Development Construct // *The Scientific World Journal*. 2012. DOI: 10.1100/2012/759358.
3. Keller J.M., Suzuki K. Learner motivation and E-learning design: a multinationally validated process // *Journal of Educational Media*. 2004. Vol. 29. № 3. P. 229–239.

Опыт развития профессиональной рефлексии студентов на этапе обучения в вузе

Профессиональная рефлексия, профессиональное становление личности, самопрезентация

Опираясь на исследования профессиональной рефлексии, её значимости для успешной самореализации, мы выделяем, что важная роль в развитии рефлексии отводится обучению.

Одной из форм работы над развитием профессиональной рефлексии мы рассматриваем задание на осмысление своего «профессионального пути», выраженное в форме самопрезентации. Мы предложили студентам 3 курса МПГУ поразмышлять на тему как «Я вижу себя в профессии» и отразить свои профессиональные достижения, профессиональную позицию, цели в форме самопрезентации. Такая профессиональная рефлексия и последующая самопрезентация даёт возможность выразить себя в профессиональном образе, и в основе такого самовыражения лежит стремление к самопознанию. В связи с этим предъявление себя основывается на том, как человек осознает и чувствует себя. В форме самопрезентации на основе рефлексии, студентам было предложено изложить свою личную и профессиональную философию, осознать в моменте свою личность, как будущего профессионала. Такая работа над собой явилась моментальным профилем достижений, стремлений, желаний, целей личности в обучении и в жизни. Самопрезентация себя перед одногруппниками вызвала целый спектр различных переживаний: от безразличия, дискомфорта до радости и гордости.

В самопрезентации своего профессионального образа студент имеет возможность не только развивать свою профессиональную рефлексия, но и активизировать «умение подавать себя, привлекая к себе внимание. Студенты старались ответить на вопросы: «Что я делаю? Как я это делаю? Чего я достиг и чего хочу достичь в будущем в своей профессии? На какие психолого-педагогические принципы опирается человек при выстраивании своей профессиональной траектории», «Какие мои личностные качества мне помогают, а какие являются ограничениями в выполнении профессиональной деятельности».

Далее студентам предоставлялась возможность самопрезентовать себя на семинаре. После выступления студентам предлагалось заполнить анкету, основная цель которой заключалась в рефлексии своей работы: над подготовкой к самопрезентации, своего выступления и прослушивания презентаций своих одногруппников. Анкета состояла из 11 открытых вопросов на рефлексия своего профессионального пути. Исследовались такие аспекты как: 1) степень сложности/лёгкости актуализации «образа Я» в профессии; 2) трудности и причины их возникновения в процессе профессиональной рефлексии; 3) сформированность содержательных характеристик в зависимости от времени; 4) эмоции, сопровождающие процесс самопрезентации и подготовки к ней; 5) результаты профессиональной рефлексии.

Исследование профессиональной рефлексии проводилось в рамках курса «Педагогической психологии». В исследовании принимали участие 55 студентов третьего курса очного отделения.

Итак, если подвести итоги проделанной работы, то можно сделать предварительные выводы: 1) Студенты третьего курса в основной своей массе имеют опыт работы по специальности. В осмыслении своего профессионального пути легче рефлексиируются личные и профессиональные достижения, ставятся цели, сложности возникали с формулированием профессиональной позиции. Некоторые студенты имеют трудности в самораскрытии себя, в выступлении перед публикой. 2) В основном, рефлексия своего профессионального пути, последующего выступления сопровождались положительными эмоциями. 3) Опыт работы над профессиональной самопрезентацией, по откликам студентов показал, что такой формат работы несёт в себе огромные возможности для осознания себя в настоящем, прошлом и будущем, для возможностей самораскрытия и самопознания себя, обретение новых смыслов в своей жизни.

Самопрезентация – это инструмент для развития критического размышления о личностном и профессиональном росте, критического осмысления своей теории и практики, канал для коммуникации, а также возможность выделить континуум своей цели, наметить дальнейший путь профессионального развития. Обращаясь к своей самопрезентации можно увидеть какой путь проделал человек, чтобы развиваться дальше.

1. Бизяева А.А. Психология думающего учителя: педагогическая рефлексия. Псков: ПГПИ им.С. М.Кирова, 2004. 216 с.

2. Вульф В.Б. Рефлексия: учить, управляя // Мир образования. 1997. № 1. С. 63–64.

3. Выготский Л.С. Психология развития человека. М., 2004.

4. Давыдов В.В. Личностная рефлексия в подростковом возрасте: Автореф. дис. ... канд. психол. наук. М., 1986.

5. Проблемы развивающего обучения: опыт теоретического и экспериментального психологического исследования. М. 2008

6. Карпов А.В. Рефлексивность как психическое свойство и методика ее диагностики // Психологический журнал. 2003. Т. 24. № 5. С. 45–58.

Развитие компетенции командной работы студентов в онлайн среде как психолого-педагогическая проблема: результаты анкетирования

Командная работа, универсальные компетенции, онлайн обучение

Введение. Одним из актуальных требований к подготовке выпускников вузов является сформированность универсальной компетенции (УК) командной работы (КР) [3]. Это обусловлено как запросом со стороны рынка труда, так и общей тенденцией к распределенной деятельности в информационном мире [1]. В современных образовательных условиях КР студентов все чаще организуется в онлайн режиме, что требует специальной подготовки преподавателей.

Проблема. В процессе дистанционной реализации образовательных программ мы задались вопросом: какими профессиональными умениями должны обладать преподаватели для организации КР студентов в онлайн формате [2]?

Цель пилотажного исследования: выявить отношение студентов и преподавателей к необходимости развития УК КР в онлайн среде и трудности, с которыми они сталкиваются.

Методы и результаты. Пилотажное исследование было проведено в форме двунаправленного анкетирования студентов и преподавателей с помощью ресурса Google Forms. Анкеты содержали 14 вопросов одиночного и множественного выбора. Выборка составила 40 преподавателей и 155 студентов социогуманитарных направлений обучения (средний возраст студентов – 22,5 года). Научно-педагогическая деятельность анкетированных преподавателей сосредоточена в основном в области психолого-педагогических наук (81,8%). Стаж работы варьируется в диапазоне от «1-3 года» до «более 40 лет», при этом 33,3% имеют стаж более 20 лет. Гендерные характеристики анкетированных распределены следующим образом: среди студентов 123 человека – женщины, 30 – мужчины; среди преподавателей 33 человека – женщины, 7 – мужчины.

По результатам обработки анкет удалось сделать следующие выводы.

1. Большинство опрошенных преподавателей и студентов считают сформированность УК КР необходимым компонентом профиля современного специалиста (90% и 76,6%, соответственно).

2. Большая часть респондентов считает, что реализация командного взаимодействия в онлайн среде сложнее, чем в условиях аудиторных занятий: 65% преподавателей и 61,1% студентов.

3. При этом только 12,5% преподавателей никогда не обнаруживают нехватки информации о процессе организации онлайн КР студентов. В то же время 57,5% студентов полагают, что им хватает знаний о работе в онлайн командах.

4. Чаще всего преподавателям не хватает технических умений организации КР в онлайн режиме (57,5%). Также 35% респондентов отметили нехватку педагогических знаний о методике организации КР студентов в онлайн среде. Психолого-педагогических умений (например, опыта урегулирования конфликтов) не хватает 37,5% опрошенных преподавателей.

5. В большинстве случаев педагоги испытывают трудности при мотивировании студентов к работе в онлайн командах (37,5%), организации командного целеполагания (32,5%) и мониторинге взаимодействия студентов в онлайн среде (37,5%).

Обсуждение и вывод. По итогам проведенного исследования можно заключить, что сформированность УК КР является значимым образовательным результатом и для преподавателей, и для студентов. В то же время выявлены трудности, с которыми сталкиваются преподаватели, что указывает на необходимость разработки обучающих семинаров в системе повышения педагогической квалификации.

1. Бордовская Н. В. *Образовательные технологии в современной высшей школе (анализ отечественных и зарубежных исследований и практик)* // *Образование и наука*. 2020. Т. 22, № 6. С. 137–175.
2. Даринская Л.А. *Диагностика отношения студентов к развитию креативности средствами электронной информационно-образовательной среды вуза в период пандемии COVID-19* // *Научное мнение*. 2021. № 5. С. 81–87.
3. ФГОС. – URL: <https://minobrnauki.gov.ru/documents/> (дата обращения 19.04.2023).

Педагогический дизайн в цифровом коворкинговом пространстве

Педагогический дизайн, цифровое коворкинговое пространство, коворкинг

Под коворкингом («co-working» – «совместная работа» (англ.)) понимают физическое место для работы, форму взаимодействия между специалистами, сообщество людей, которые собираются для делового и дружеского общения, для более продуктивной организации своей деятельности, в том числе, в образовательной среде [1].

Новым этапом в развитии коворкинга стало цифровое коворкинговое пространство – сложный, многофункциональный портал, который использует возможности платформ и инструментов («Сферум», «Битрикс-24 и др.) для создания пространства взаимодействия (интеракций) всех субъектов образования. Эта идея стала ведущей в деятельности региональной инновационной площадки на базе ГБОУ лицей №373 Московского района Санкт-Петербурга «Экономический лицей». Цифровое коворкинговое пространство включает: онлайн-площадку для общения с, проведения конференций, хакатонов, виртуальных выставок и др.; переговорные комнаты для взаимодействия обучающихся с педагогами, руководителями и консультантами, тьюторами проектной деятельности; сервисы для работы над индивидуальными и коллективными проектами, возможности для нетворкинга; генератор проектных событий; открытый банк проектных решений; виртуальную комнату отдыха для обучающихся; систему сопровождения для педагогических работников (взаимодействие с наставником) и родителей школьников; сервисы для диссеминации опыта и получения обратной связи (формы), проведения экспертизы.

Рассматривается противоречие между потребностью субъектов образования во взаимодействии в цифровом коворкинге (проведено диагностическое исследование), уровнем сформированности их цифровых компетенций и техническими, методическими, пользовательскими возможностями, предоставляемыми доступными в системе образования Санкт-Петербурга цифровыми платформами и инструментами.

Деятельность в рамках коворкинга регулируется соответствующим Положением. В ней участвуют внутренние резиденты (участники образовательных отношений в лицее) и внешние резиденты (на основе договора). Внутренние резиденты могут использовать все сегменты коворкинга, а внешние – лишь некоторые, например, открытый банк проектных решений. Каждому участнику необходимо соблюдать цифровую этику.

Учащиеся могут взаимодействовать со учителями и руководителями, например, при выполнении индивидуального проекта, использовать генератор образовательных событий, содержащий актуальную информацию о конкурсах и олимпиадах, получать психологическую помощь онлайн, заходить в «комнату отдыха» для занятий спортом или интеллектуальными играми, получать советы о хороших фильмах и книгах.

Основная функция коворкинга – совместная деятельность, это платформа для проведения исследований как школьников, так и педагогов, создания и размещения продуктов образовательной деятельности (учебных и иных материалов), удаленного присутствия на занятии или консультации для школьников и их родителей, проведения родительских собраний и педсоветов в онлайн-режиме. Коворкинг станет мощным образовательным ресурсом, создаваемым самими пользователями, помогающий проектировать материалы для смешанного обучения, создавая условия для взаимообучения. Лендинг коворкинга можно использовать как образовательную инфозону. Использование бота создаст удобную навигацию. Совмещение с порталом Госуслуг расширит возможности профессионального развития педагогов. Работа в цифровом коворкинговом пространстве научит соблюдению правил информационной безопасности.

Коворкинг создается на основе принципов педагогического дизайна, на уровне всего проекта, на уровнях образовательного события и его элементов. Представлены все категории педагогического дизайна: образовательная среда, образовательный ресурс, образовательное средство, учебный материал [1]. Этапы реализации проекта основаны на алгоритме педагогического дизайна: изучение ситуации, прототипирование, оценка [4]. Прототип коворкинга представлен здесь: <https://view.genial.ly/62e40211b152ab0011a1ed4c/interactive-content-tehnologii-cifrovoy-transformacii-v-obrazovanii>

1. Абызова Е.В. Педагогический дизайн: понятие, предмет, основные категории // *Вестник ВятГУ*. 2010. Т. 3. №3. С. 12-16.
2. Бабич С., Пархоменко В. Коворкинг: концепция и перспективы // *Наука и инновации*, № 6 (136), 2014, с. 42-47.
3. Васильева Е.Е. Коворкинг как площадка для реализации научных практик студенческой молодежи в современном социально-культурном пространстве // *Вестник Московского государственного университета культуры и искусств*. 2022. № 6 (110). С. 120-126.
4. Палаткина Г.В., Горина И.В. К определению сущности понятия «педагогический дизайн». – URL: [http://agured.ru/files/2\(2\)/12-22.pdf](http://agured.ru/files/2(2)/12-22.pdf) (дата обращения: 01.06.2023).

Проявление готовности к саморазвитию у подростков

Готовность к саморазвитию, подростковый возраст, классный руководитель

Проблема саморазвития личности является неизменно актуальной для психологии и педагогики. Современная ситуация в отечественном образовании выдвигает новые задачи изучения саморазвития школьников-подростков и организации условий педагогического сопровождения этой деятельности. Важным аспектом психического развития подростков выступает готовность к саморазвитию. Данный феномен мы рассматриваем как комплексную характеристику личности, обеспечивающую проявление потенциальных возможностей саморазвития, их ценностные, рефлексивные и поведенческие признаки. Целью данного пилотажного исследования, входящего в систему опытно-экспериментальной работы по проблеме педагогического сопровождения саморазвития подростков в деятельности классного руководителя, является изучение особенностей проявления готовности к саморазвитию у подростков и апробирование диагностического компонента структурной модели педагогического сопровождения.

Выборку составили 59 подростков ГБОУ школы № 482 Санкт-Петербурга: мальчики (N=21) и девочки (N=38), из них – 26 учащихся 5-х классов (группа 1) и 33 учащихся 7-х классов (группа 2) в возрасте от 11 до 14 лет. Методы: тест М. Куна «Кто Я?» (в адаптации Т.В.Румянцевой); опросник «Готовность к саморазвитию» Г.М. Коджаспировой; «Тест направленности на саморазвитие в различных жизненных сферах» (форма для подростков) Н.Ф. Головановой, И.Б. Дермановой.

Полученные данные показывают, что в группе 1 высокий уровень самооценки проявляют 73% респондентов, а 27% – адекватный уровень. Младшие подростки с завышенной самооценкой более открыты новым знаниям и опыту, легче переносят неудачи. Во второй группе 64% имеют высокий уровень, 33%-адекватный и 3% низкий уровень. В процессе взросления, самооценка становится более адекватной благодаря рефлексии и осознанию сильных и слабых сторон своей личности. По результатам методики готовности к саморазвитию 42,3% учащихся группы 1 проявили желание знать больше о себе, самосовершенствоваться, но считают, что еще недостаточно владеют необходимыми навыками. 42,4% учащихся группы также 2 указывают на наличие трудностей и преград на пути к саморазвитию. Обнаруженная близость данных у 1 и 2 групп, вероятно, может свидетельствовать о том, что подростки и в 11, и в 14 лет ещё неопределённо представляют своё будущее, но искренне стремятся совершенствовать себя сегодняшних. При оценивании направленности на саморазвитие в различных жизненных сферах, подростки первой группы выделяют физическую(5,6±2,02),волевою(5,3±1,78) и профессиональную (5,3±1,63) области, и считают, что они практически в равной степени важны и интересны. Во второй группе вызывают интерес профессиональная(6±1,32),физическая(6±1,32) и духовная(5,7±1,89) сферы, однако, важностью они наделили физическую(6,3±1,35),семейную(6,3±1,09), профессиональную(6,2±1,2) и социальную(6,2±0,9) области.

Опираясь на данные проведённого исследования и многократные включённые наблюдения за подростками в образовательном процессе школы, мы пришли к заключению, что их саморазвитие не может существовать как спонтанный процесс в «тени» всепоглощающей учебной деятельности. Саморазвитие подростка – важная проблема воспитания и нуждается в специальном педагогическом сопровождении. Это предполагает особую позицию классного руководителя в образовательном процессе. Он в различных формах индивидуальной и групповой деятельности выстраивает педагогическое взаимодействие со школьниками, направленное на создание благоприятного психологического климата в классе, на проявление подростками социальной активности и творческого сотрудничества, на преодоление ими трудностей самопознания, построение программы саморазвития, на освоение навыков работы над собой.

Психодиагностика эмоциональных нарушений у детей при раннем выявлении расстройств аутистического спектра

Расстройства аутистического спектра, психодиагностика, маркеры психического развития

Инклюзия в системе дошкольного образования определяет необходимость развития психодиагностики расстройств аутистического спектра (далее – РАС). Разрабатываются инструменты раннего скрининга. Пункты школьной шкалы наблюдения (COS) соотносятся с поведением ребенка в процессе социальной инициации и позволяют сотрудникам дошкольных учреждений выявлять с валидными результатами детей в возрасте до 4,5 лет с большей вероятностью РАС, чем у их сверстников (Au A.H. и др.). Другим перспективным направлением является машинное обучение, в том числе разработка мобильных приложений для скрининга РАС. Например, стандартные контрольные вопросы скрининга аутизма PAAS и алгоритм их обработки, реализованный на платформе Android, продемонстрировали более высокую прогностическую эффективность, чем современные «бумажные» методы (Wingfield B. и др.).

Рассматриваемые инструменты раннего выявления РАС преимущественно ориентированы на параметры, определяющие специфику коммуникативных и поведенческих проблем, проявляемых в социальной недостаточности. Однако эмоциональные нарушения также могут быть концептуализированы как значимый параметр раннего выявления детей с РАС (Rescorla L.A. и др.). Трудности аффективной регуляции при этом включают распознавание эмоций и выбор реакций на эмоции, что отражается, например, в разнообразии и ситуационной уместности выражений лица детей, направленных на сверстников в сценарных ситуационных играх (Bauminger-Zviely N. и др.). В связи с этим актуальным являлось включение в инструмент психодиагностики риска РАС параметров, связанных со спецификой эмоционального реагирования.

Материалы. Разработка методики выявления риска аутизма у детей дошкольного возраста осуществлялась на основе данных эмпирического обследования 324 ребенка в возрасте 3–4 лет, в том числе 116 детей с клиническим диагнозом «РАС».

Результаты. Эмоциональные нарушения рассматривались в рамках построения скринингового инструмента экспресс-диагностики РАС у детей как шкала гипотетических симптомов (маркеров) аутизма. Данный параметр вносит наибольший, наряду с сенсорными нарушениями, относительный вклад в прогноз наличия расстройства. Параметр «эмоции» в результатах факторного анализа определяет 15,58% дисперсии признака в рамках формирования шкал, предсказывающих принадлежность ребенка к группе детей с РАС. Пункты данного фактора образуют надежную по внутренней согласованности шкалу (альфа-Кронбаха 0.859). Наиболее значимые факторные нагрузки отмечены в параметрах способности ребенка устанавливать эмоциональный контакт, выражать свои собственные эмоции и идентифицировать их при социальном взаимодействии.

Полученные результаты – часть исследования по разработке 20-балльной шкалы экспресс-диагностики детского аутизма: скринингового инструмента для идентификации детей группы риска с точностью прогноза свыше 85%. Высокая надежность взаимосвязи между независимыми переменными предполагает важность непосредственного наблюдения за детьми дошкольного возраста.

1. Au A.H., et al. Autism spectrum disorder screening in preschools. *Autism: the international journal of research and practice*. 2021. V. 25. Issue 2. P. 516–528.
2. Bauminger-Zviely N., Shefer A. Naturalistic evaluation of preschoolers' spontaneous interactions: The Autism Peer Interaction Observation Scale // *Autism*. 2023. V. 26, Issue 6. P. 1520–1535.
3. Rescorla L.A., et al. Autism spectrum disorder screening with the CBCL for young children at high risk for autism spectrum disorder // *Autism*. 2019. V. 23. Issue 1. P. 29–38.
4. Wingfield B., et al. A predictive model for paediatric autism screening // *Health informatics journal*. 2020. V. 26, Issue 4. P. 2538–2553.

Исследование выполнено при финансовой поддержке РФ (проект № 23-18-00155).

Организация психолого-педагогического сопровождения цифровой социализации обучающихся 5-9 классов с учетом требований ФГОС ООО

Цифровая социализация, психолого-педагогическое сопровождение, цифровая компетентность

Специфика цифровой социализации, психологические особенности развития и общения современных детей и подростков, а также содержание требований к психолого-педагогическим условиям реализации программы основного общего образования актуализирует потребность в методическом обеспечении психологического сопровождения цифровой социализации, развития цифровой компетентности всех субъектов образовательных отношений и профилактики нарушений психологической безопасности в цифровой образовательной среде. Согласно Г. У. Солдатовой, особая уникальность современного поколения детей заключается в том, что традиционные формы социализации все чаще соседствуют, вытесняются, а иногда замещаются новыми формами приобретения необходимых знаний и навыков — цифровой социализацией [1, 76].

Для уточнения проблематики цифровой социализации, а также уточнения содержания программы психолого-педагогического сопровождения обучающихся ФГКОУ «Кемеровское президентское кадетское училище» осенью 2022 года мы провели анкетирование 5 классов, результаты которого сравнили с ответами кадет 9 классов, полученными в ходе проектного исследования, посвященного данной теме в 2020 году. 100% обучающихся обеих групп имеют свою страничку в интернете на различных платформах, на первом месте – VK. Социальная страница является тем личным пространством, на котором подростки презентуют себя, размещают различную информацию о себе. Интересен тот факт, что, взрослея, подростки чаще размещают реальную информацию о своем имени, фамилии, фотографии. В интернет-среде подростки чаще встречаются с такими угрозами психологической защищенности, как оскорбления, унижения, информация, содержащая сцены насилия, в том числе самоубийства. Обращает внимание, что в 62% случаях подростки сталкивались с негативными комментариями в свой адрес от незнакомых людей. Учитывая результаты анкетирования и анализа современных научных исследований, а также новые требования ФГОС ООО, мы определили целевые ориентиры психологического сопровождения цифровой социализации в рамках программы психолого-педагогического сопровождения:

1. Обеспечение психологической защищенности обучающихся в информационной среде.
2. Развитие психологической культуры поведения обучающихся в информационной среде.
3. Развитие цифровой идентичности обучающихся.
4. Развитие коммуникативной компетентности в цифровой среде.

Эти идеи реализуются через различные направления работы педагогов-психологов и охватывают всех субъектов образовательных отношений. Так, например, в диагностическом направлении предполагается изучение уровня устойчивости личности к неблагоприятным влияниям информационной среды, а также выявление рисков нарушения психологического здоровья в рамках информационной среды. Просветительно-профилактическое направление предусматривает проведение различных мероприятий по развитию представлений об особенностях интернет-коммуникации, рисках и угрозах, представленных в виртуальной среде, со всех субъектами образовательных отношений. Для реализации задачи по формированию психологической устойчивости обучающихся к различным вариантам воздействия в интернет-среде, способности противостоять вредоносным и нежелательным средовым факторам необходимо проведение групповых занятий по развитию критичности мышления, личностной автономии и ответственности. На основании всего вышесказанного следует заключить, что в современных условиях система работы педагога-психолога должна включать задачи организации психолого-педагогического сопровождения цифровой социализации и развития цифровой компетентности современных подростков.

1. Солдатова Г.У. *Цифровая социализация в культурно-исторической парадигме: изменяющийся ребенок в изменяющемся мире* // *Социальная психология и общество*. 2018. Т. 9. № 3. С. 71–80.

Эффективность усвоения учебной информации студентами непрофильных направлений в рамках дисциплины «Психология»

Эффективность усвоения, тренинговые упражнения, эмоциональный интеллект, потоковая лекция

Современное понимание эффективности усвоения учебной информации включает в себя применение полученных знаний на практике, что отражено во ФГОС ВО [3; 4] и требованиях работодателей [1]. Однако, в образовательном процессе по-прежнему отмечается рассогласование между теоретическим и практическим уровнями подготовки будущих специалистов. К примеру, проблема эмоционального интеллекта (ЭИ) рассматривается в основном с практической точки зрения. Тогда как для большинства студентов непрофильных направлений дисциплина «Психология» представлена только лекционными занятиями. В качестве инструмента снятия противоречий между теорией и практикой мы предлагаем включать в структуру потоковой лекции тренинговые упражнения.

Методами настоящего исследования выступают: психолого-педагогический эксперимент, в форме лекционных занятий по теме «Эмоции» в рамках психологии (4 ак.ч.) с включением тренинговых упражнений, направленных на развитие тех компонентов ЭИ, которые наиболее важны в профессиональной деятельности будущих специалистов; психодиагностика ЭИ до и после занятий с помощью теста Дж. Мэйера, П. Сэловея и Д. Карузо «Эмоциональный Интеллект» (MSCEIT v. 2.0), адаптация Е.А. Сергиенко и И.И. Ветровой [2]; контроль усвоения с помощью разработанной авторами системы заданий, направленной на оценку усвоения по показателям «знание», «понимание», «применение».

В исследовании приняли участие 198 студентов первого курса СПбГУ: 99 студентов экономического (выполняли упражнения на развитие компонентов ЭИ «Идентификация эмоций» и «Использование эмоций для повышения эффективности мышления и деятельности»); 70 студентов медицинского (выполняли упражнения на развитие компонентов ЭИ «Понимание и анализ эмоций» и «Управление эмоциями»); 29 студентов стоматологического (не выполняли упражнения в ходе лекции) факультетов.

Студенты, выполнявшие тренинговые упражнения, более успешно справились с контрольными заданиями на оценку знания и понимания ($p < 0,001$) отдельных терминов изучаемой терминологической группы (80,9% и 91,9% от максимального балла) и получили более высокий общий балл по тесту ($p < 0,05$). В то время как студенты, не выполнявшие упражнения, наиболее успешно справились с заданиями на оценку способности устанавливать связи между терминами и понимать структуру между ними, но лишь на 60% от максимально возможного балла. Различий в показателях применения между группами студентов установлено не было.

По результатам первичной диагностики ЭИ различий между группами студентов установлено не было, в то время как при повторной диагностике ЭИ было показано, что у студентов экономического факультета по сравнению со студентами факультета стоматологии более выражен показатель ЭИ «Сознательное управление эмоциями» ($p < 0,05$). Различий при сравнении студентов медицинского факультета и студентов факультета стоматологии установлено не было.

Таким образом, усвоение студентами учебной информации более эффективно при использовании на потоковых лекциях тренинговых упражнений. Однако, переход студентов на уровень применения полученной информации на практике требует дальнейшего изучения.

1. Степашкина Е.А., Суходоев А.К., Гужеля Д.Ю. Исследование профиля надпрофессиональных компетенций, востребованных ведущими работодателями при приеме на работу студентов и выпускников университетов и молодых специалистов // Современная аналитика образования. 2022. Т. 2. № 62. С. 1-32.
2. Тест Д. Мейера, П. Сэловея, Д. Карузо «Эмоциональный интеллект» (MSCEIT v. 2.0): Руководство / Под ред. Сергиенко Е.А., Ветрова И.И. 2010. 175 с.
3. ФГОС ВО бакалавриат по направлению подготовки 38.03.01 Экономика. 2020. – URL: https://fgosvo.ru/uploadfiles/FGOS%20VO%203++/Bak/380301_B_3_31082020.pdf (дата обращения 06.09.2022).
4. ФГОС ВО – специалитет по специальности 31.05.01 Лечебное дело. 2020. – URL: https://fgosvo.ru/uploadfiles/FGOS%20VO%203++/Spec/310501_C_3_18062021.pdf (дата обращения 06.09.2022).

Проблемы и перспективы формирования гражданской идентичности у студентов в условиях модернизации образования

Идентичность, гражданская идентичность, студенты

В связи с современной социально-политической обстановкой в России, изучение гражданской идентичности личности является чрезвычайно важным. Согласно Стратегии государственной национальной политики до 2025 года, одним из основных направлений является укрепление общероссийской гражданской идентичности и национального единства.

Гражданская идентичность является объектом постоянного изучения в сфере социальных наук, так как она отражает изменения в самосознании людей, связанные с экономическими, социально-политическими и другими явлениями в нашей жизни.

В настоящее время не существует единого исследования, которое бы представляло собой комплексный анализ психологических особенностей формирования гражданской идентичности личности. Однако, анализ различных научных публикаций свидетельствует о том, что в психологии и педагогике имеется значительный объем материала, который касается изучения отдельных аспектов данной проблемы.

В психологической литературе (К.А. Абросимова, А.Г. Асмолов, Н.В. Безгина, И.В. Егоров, В.Н. Ефименко, Н.Л. Иванова, О.А. Карабанова, Т.Д. Марциновская, Д.В. Наумова и др.) в большинстве своем подход к определению гражданской идентичности совпадает с точкой зрения, принятой в социологии. Согласно этой точке зрения, гражданская идентичность рассматривается с двух сторон: с точки зрения личности (осознание принадлежности к сообществу) и с точки зрения общности (феномен надиндивидуального сознания).

Кроме этого, в психологических исследованиях обсуждаются различные способы и средства, которые могут быть использованы для формирования гражданской идентичности в социальном контексте. Эти способы включают использование государственной символики и демонстрацию достижений страны, участие в социально-профессиональном сообществе, создание условий для социального роста и профессиональной карьеры, а также использование потенциалов доверия, развития и самоуважения. Такие идеи выдвигаются в работах разных авторов, включая Н.Л. Иванову, Г.Б. Мазиную, Г.В. Гарбузову, Н.М. Лебедеву, Ю.П. Поваренкова, Е.И. Сушкову, Л.Б. Шнейдер и С.А. Корнева [1].

В рамках исследования мы использовали методику «Типы гражданской идентичности», разработанную Р.В. Борисовым [2], и выбрали для нашей выборочной совокупности студентов первого и второго курсов Института современного искусства г. Москвы, которые на момент исследования имели возраст от 17 до 19 лет. Общее количество участников исследования составило 50 человек.

В целом, результаты исследования свидетельствуют о том, что большинство студентов имеют позитивную направленность гражданской идентичности (63%), гиперпозитивная направленность (21%), негативная направленность (16%). Побеседовав со студентами с негативной направленностью гражданской идентичности, мы сформулировали возможные причины подобных результатов:

- недостаточная мотивация, недостаточное осознание значимости гражданских действий, отсутствие возможностей для участия в гражданской жизни общества и пр.;
- негативный опыт взаимодействия с государственными структурами и органами власти;
- ограниченные возможности для включения в гражданскую жизнь;
- отсутствие информации о гражданской жизни, отсутствие образовательных программ по формированию гражданской идентичности;
- религиозные и культурные различия;
- негативное влияние окружающей среды.

Таким образом, можно сделать вывод, что формирование гражданской идентичности у студентов в целом происходит в положительном направлении, но имеются отдельные случаи, требующие внимания и дополнительных мер для коррекции.

1. Болтыков О.В. Междисциплинарный анализ феномена гражданской идентичности и путей её формирования // Мир науки, культуры, образования. 2016. № 4(59). С. 85-88.

2. Борисов Р.В. Гражданская идентичность в терминах психодиагностики // Вестник Дагестанского государственного университета. Сер. 2. Гуманитарные науки. 2016. Т. 31. Вып. 4. С. 95-99.

Научное наследие А.Г. Литвака в становлении современной тифлопсихологии

Тифлопсихология, специальная психология, А.Г. Литвак

В современном российском науковедческом дискурсе учебникам отказывают в статусе научной литературы в отличие от монографических изданий. Учебник воспроизводит базовые теории науки и в этом смысле может быть отнесен к научно-дидактическому жанру. Подобное противопоставление условно можно принять только с учетом исторического контекста и уровня развития самой науки. Так, изданный в 1947 г. учебник «Основы общей психологии» С.Л. Рубинштейна выступал не только в роли дидактического пособия, но и психологической энциклопедии, воспроизводящий узловые проблемы психологии и направления их решения. На фоне недостатка монографических исследований учебники могут выполнять их функции.

Сказанное в полной мере относится к учебнику «Очерки психологии слепых и слабовидящих» [1], автор которого Литвак Алексей Григорьевич (1937 -1999), доктор психологических наук, профессор, заведующий кафедрой тифлопедагогики ЛГПИ им. А.И. Герцена с 1976г. по 1994г. А.Г. Литвак, 85-летие которого пришлось на 2022 год, внес особый вклад в развитие отечественной тифлопсихологии. «Очерки» стали первым учебником по тифлопсихологии, систематизировавшим огромный объем накопленного за многие годы теоретико-эмпирического материала. Более того, именно в этом учебнике отчетливо сформулирована специфика предметного содержания тифлопсихологии как одного из разделов специальной психологии в рамках дефектологии. По этому учебнику знакомились с будущей профессией не одно поколение дефектологов. Он активизировал научно-исследовательскую деятельность и по сей день при его многократном переиздании остается одним из наиболее цитируемых произведений в современной тифлологии. Нельзя не признать, что на сегодняшний день это учебное пособие уже представляет собой только научно-исторический интерес, что вполне естественно. Тем не менее, созданные за прошедшие полвека многочисленные учебники по тифлопсихологии не смогли достичь такого уровня обобщения и доступности в подаче научного материала. Примечательным фактом может служить и то обстоятельство, что материалы «Очерков» знакомили будущих дефектологов с идеями комплексного подхода в традициях В.М. Бехтерева и Б.Г. Ананьева, и впервые примененного в многочисленных экспериментальных исследованиях слепых и слабовидящих детей А.И. Зотовым, А. Г. Литваком и их сотрудниками. В начале 70-ых годов прошлого столетия в дефектологию возвращается наследие Л.С. Выготского. Именно поэтому в «Очерках» его автор знакомит будущих и уже профессиональных тифлопедагогов с основными идеями Л.С. Выготского, в частности с понятием дефект и его структура, объединившими разные отрасли специальной психологии. Нам представляется, что реинтеграция наследия Л.С. Выготского в пространство дефектологии стала причиной ускоренного развития специальной психологии того времени. Именно в этот период появляются учебные пособия по разным отраслям специальной психологии, ставшие сегодня классическими. К заслугам автора «Очерков» следует отнести также и возвращение в научное пространство практически забытого к тому времени имени А.А. Крогиуса – пионера экспериментального изучения психологии слепых, анализу научного наследия которого посвящено центральное место в другом учебном пособии «Теоретические вопросы тифлопсихологии» 1973 г. [2]. Это особенно важно, ибо А.А. Крогиус – один из трех ученых с европейской известностью работавших в области отечественной дефектологии, помимо А.Р. Лурии и Л.С. Выготского. В этом отношении А.Г. Литвак выступал как одаренный историограф, работы которого остаются актуальными и по сей день.

1. Литвак А.Г. *Очерки психологии слепых и слабовидящих: Учеб. пособие для дефектол. фак. пед. ин-тов. Л.: Ленингр. гос. пед. ин-т им. А.И. Герцена. 1972.*
2. Литвак А.Г. *Теоретические вопросы тифлопсихологии: Учеб. пособие. Л.: Ленингр. гос. пед. ин-т им. А.И. Герцена. 1973.*

Осмысленность учения в контексте смысловой регуляции жизнедеятельности студентов

Смысл жизни, жизненный смысл учения, учебная деятельность

В современной психологической науке мотивационно-смысловой компонент учебной деятельности традиционно изучается на основании исследования и систематизации парциальных, локально действующих мотивационных побуждений учащихся. На сегодняшний день сложилась унифицированная парадигма исследований мотивов учения, в основе которой лежит методология анализа мотивационно-смысловых структур, не выходящая за пределы образовательного континуума учебной деятельности. Данный подход вполне правомерен для описания психологических закономерностей осмысленности учения на этапе развития учащихся как субъектов конкретной деятельности (дошкольный, младший школьный возраст), но оказывается не состоятельным в отношении изучения смысловой регуляции учебной деятельности на этапе развития личности как субъекта целостной жизнедеятельности (старший школьный возраст, студенчество). Дело в том, что на ранних этапах онтогенеза формирование личности происходит под действием становления низших форм субъектности, которые, в свою очередь, локализируются в рамках отдельных видов деятельности и определяют развитие высших, интегральных форм субъектности. Однако, в процессе жизненного и онтогенетического развития, на более поздних его этапах, развитие личности обеспечивается высшими формами субъектной активности и уже не в рамках отдельных деятельностей, а интегрально, в рамках целостной жизнедеятельности [1]. И если на уровне субъекта отдельной деятельности основными побудительными силами развития являются локальные (инструментальные) мотивационные образования, то на уровне субъекта жизни основной побудительной силой развития является генеральный мотив всей жизнедеятельности личности – смысл жизни. А потому, изучение учебной и учебно-профессиональной деятельности подростков, студентов и взрослых людей должно основываться на исследовании мотивационно-смысловых образований в соотношении и значении учения для развития личности как субъекта целостной жизнедеятельности и под детерминирующим воздействием индивидуального смысла жизни. Таким образом, фундаментальным регулятором учебно-профессиональной деятельности студентов выступает жизненный смысл учения, под которым понимается субъективное отношение личности к учению на основании его значения для практической реализации смысла жизни [2].

Учебно-профессиональная деятельность может выступать средством и способом осуществления смысла жизни и принимать различные значения на основе её парциального вклада в реализацию индивидуального жизненного замысла. Следовательно, смысловое отношение студентов к учебно-профессиональной деятельности может приобретать форму прагматического, преградного, конфликтного смысла учения, а также бессмысленности учения (форма смыслового отчуждения). Прагматический (ресурсный) смысл учения отражает субъективное отношение личности к учению как к благоприятному и содействующему условию осуществления смысложизненных ценностей. Преградный смысл учения отражает субъективное отношение личности к учению как к неблагоприятному и противодействующему условию реализации смысложизненных ценностей. Конфликтный (амбивалентный) смысл учения отражает двойственное смысловое отношение к учению, при котором учеба способствует реализации одних ценностей и препятствует реализации других. Бессмысленность учения отражает субъективное смысловое отношение к учению как к не имеющему значения для реализации смысложизненных ценностей [3].

1. Карпинский К.В. *Жизнедеятельность как форма активности субъекта жизни // Методология и история психологии, 2010. Т. 5, № 1. С. 184–203.*
2. Карпинский К.В. *Развитие студента как субъекта жизни в контексте учебной деятельности // Высшая школа: опыт, проблемы, перспективы. М., 2020. С. 36-41.*
3. Карпинский К.В. *Смысл жизни и жизненный смысл профессии // Вестник Тамбовского университета. Сер. Гуманитарные науки, 2010. № 6 (86). С. 147–155.*

Методы изучения и коррекции мотивации учащихся, находящихся в трудной жизненной ситуации

Мотивация обучения, "трудные" ученики, коррекция

Мотивация учебной деятельности всегда была в центре внимания педагогической психологии. Накопленные в науке теоретические знания позволяют практическим работникам не только обнаружить трудности в формировании учебной мотивации, но и скорректировать их. Наряду с этим практическим работникам необходимо научиться выделять и корректировать специфические психологические проблемы у так называемых «трудных» учащихся или «трудных» классов. Конечно, и процесс обнаружения тех или иных проблем в обучении, и возможные пути их решения должны опираться на теоретические представления о путях организации учебно-воспитательного процесса, средств и способах, которые будут способствовать осмысленному усвоению знаний учащимися.

В нашей работе мы опираемся на основные положения отечественной педагогической психологии, касающиеся представлений о мотивации и путях ее формирования [1,2]. В частности, под мотивом учебной деятельности понимается направленность учащегося на отдельные стороны учебной работы, связанную с внутренним отношением к ней. Цель исследования – выделить специфические психологические методы исследования и коррекции учебной мотивации классного коллектива и отдельных учащихся, находящихся в трудной жизненной ситуации. Основные методы исследования: 1) беседа с педагогами; 2) анализ документации; 3) опросник мотивации; 4) групповое интервью. В качестве контингента испытуемых был выбран 9 класс подростков, которые педагоги характеризовали как «сложные». Единодушие в оценках педагогов всего класса и отдельных учащихся подтолкнуло нас к изучению учебной мотивации и психологических проблем именно данных учеников.

Анализ документов о средней успеваемости класса, социального паспорта показал, что из 22 обучающихся только пятеро учеников учатся на хорошо и отлично, а остальные 77 % – на удовлетворительно. Анкета-опросник мотивации показал низкий процент заинтересованности в учебном процессе: у 25% испытуемых выявляется мотивация процессом обучения, у 50% – мотивация одобрения или избегания. Содержательная мотивация, обычно характерная для учащихся девятого (выпускного) класса отсутствует.

В ходе внеклассного мероприятия учащимся было предложено переосмыслить учебную деятельность. Это мероприятие проходило в форме группового интервью, в ходе которого участники искали причины начать учиться. Несмотря на опасения, связанные с возможным отказом подростков обсуждать данную проблему, в действительности учащиеся приняли задачу, охотно обсуждали свои проблемы и нашли целых девять причин, которые относились к каждому ученику (лексика и стилистика сохранены): 1. Проверить свои способности, узнать себя; 2. Обустроить свое рабочее место; 3. Изменить стиль одежды; 4. Создавать из обучения увлекательное занятие (метод ассоциативных карт); 5. Поощрять себя за успехи; 6. Одному трудно, вместе легче; 7. Больше работать в школе, чтобы на дом оставалось меньше; 8. Правильно распоряжаться временем; 9. Развивать силу воли. Подробная расшифровка каждого из положений участниками группы имела выраженную индивидуализированную окраску.

В ходе дальнейшего взаимодействия с респондентами в ходе неформальных индивидуальных контактов были вскрыты другие важные аспекты проблемы мотивации, которые не могли быть озвучены подростками публично. Данные этих спонтанных интервью показали более глубокие причины низкой мотивации личностного характера.

Итак, на основании всех полученных данных мы свели причины низкой успеваемости «трудных» подростков в следующий список: 1) педагогическая запущенность; 2) зависимость от компании делинквентных подростков; 3) низкий уровень знаний, как следствие низкий уровень интеллектуального развития; 4) депривация индивидуальных потребностей учащихся в психологической и педагогической помощи; 5) асоциальная направленность жизни семьи; 6) наличие неадекватной самооценки. Наряду с этим, сам факт возникновения подобных откровенных бесед со стороны подростков может свидетельствовать о наличии активизирующего эффекта проведенной работы, в которую также были вовлечены классный руководитель и родители учащихся.

Выводы: 1) Для изучения и коррекции мотивации учения «трудных» учащихся необходимо подбирать индивидуальные методы, активизирующие познавательную мотивацию, затрагивающую решение подростками задач личностного развития. 2) Решение задач коррекции мотивации трудных подростков невозможно без участия родителей, которые также должны не только быть в курсе учебных проблем своего ребенка, но и прилагать усилия для их решения.

1. Маркова А.К. *Формирование мотивации учения в школьном возрасте*. М.: Просвещение, 1983. 96 с.

2. Маркова А.К., Матис Т.А., Орлов А.Б. *Формирование мотивации учения*. М.: Просвещение, 1990. 192 с.

*Исследование выполнено при финансовой поддержке Министерства науки и высшего образования РФ
(грант № 23-075-64781-1-0052-000198).*

Кошкина Е.А. Санкт-Петербург, ФГБОУ ВО СПбГУ
Тихомирова М.А. Санкт-Петербург, ФГБОУ ВО СПбГУ
Бордовская Н.В. Санкт-Петербург, ФГБОУ ВО СПбГУ
Исхакова М.П. Санкт-Петербург, ФГБОУ ВО СПбГУ

Оценка эффективности применения смешанных образовательных технологий студентами гуманитарного и естественно-научного направлений подготовки

Смешанная образовательная технология, студенты, методика оценки эффективности смешанных образовательных технологий

В условиях современного образования усиливается потребность в эффективном отборе и применении актуальных методов и средств для повышения качества результатов, удовлетворения потребностей и учета индивидуально-личностных особенностей обучающихся. Смешанные образовательные технологии (СОТ) за счет сбалансированности применяемых традиционных и цифровых технологий обладают большими возможностями для реализации таких потребностей, помогая преподавателям вовлекать студентов в учебную деятельность за счет предоставления более активного личного контента с опорой на информационно-коммуникативные технологии [3]. При этом, важно учитывать, что эффективность применения СОТ может различаться в зависимости от целей и направления подготовки. Так, применение СОТ в педагогическом образовании позволяет формировать у будущих педагогов собственную модель профессиональной деятельности и индивидуальной методической системы [2]. В то время как для студентов непрофильного направления применение СОТ расширяет возможности для социализации и взаимодействий, активного участия в образовательном процессе [4]. Однако независимо от цели применения СОТ, зная методику изучения их эффективности, можно не только определять, но и сравнивать оценки у разных субъектов образовательного процесса.

На основе разработанной авторской методики изучения эффективности СОТ [1] которая состоит из двух опросников, адресованных студентам и преподавателям, была поставлена цель – изучить оценку эффективности СОТ у студентов гуманитарного (педагоги, 104 студента) и естественно-научного (стоматологи, химики, медики, 141 человек) направления подготовки по трем научно-обоснованным критериям: результативному (образовательные результаты и удовлетворенность ими), дидактическому (организация учебного процесса) и ресурсному (организационно-педагогические и психолого-педагогические условия).

В оценке эффективности применяемых СОТ выявлены значимые различия (U-критерий Манна-Уитни) между оценками студентов педагогического и естественно-научного направлений: показатели результативного ($p=0.28$) и ресурсного ($p=0.38$) критериев выше оценены студентами педагогического направления, однако на уровне тенденций показатели дидактического критерия ($p=0.78$) педагоги оценивают ниже. При этом самый высокий уровень оценки в обеих группах получен для показателей результативного критерия. В силу того, что показатели ресурсного критерия оценены будущими педагогами на высоком уровне, а студентами естественно-научного направления – на среднем, можно сделать вывод, что в процессе подготовки педагогов применение СОТ осуществлялось с более эффективным ресурсным обеспечением, чем будущих специалистов естественно-научного профиля. Так как все студенты, независимо от направления подготовки, оценили показатели дидактического критерия на среднем уровне, можно говорить об оптимальной дидактической эффективности применяемых у них СОТ.

В целом, полученные результаты свидетельствуют о высокой результативности применяемых СОТ в процессе подготовки будущих специалистов, а также о высокой готовности преподавателей и студентов к их применению и высокому ресурсно-вузовскому обеспечению.

1. Бордовская Н.В., и др. Критерии оценки эффективности смешанных образовательных технологий, применяемых в вузе // *Интеграция образования*. 2023. Т. 27, № 1. С. 64-81.
2. Кужабекова А., Жапарова Р. Влияние «обучения через наблюдение» на отношение учителей к методикам социально активного преподавания // *Вопросы образования*. 2016. № 2. С. 208-228.
3. Cervone A., et al. Push or Pull Students into Blended Education: a Case Study at Delft University of Technology. *Internationale Journal of Engineering Education*, Vol. 32, № 5(A), 2016, p. 1911–1921.
4. Nikolopoulou K. Face-To-Face, Online and Hybrid Education: University Students' Opinions and Preferences // *Journal of Digital Educational Technology*, 2(2), ep2206, 2022, doi: 10.30935/jdet/12384.

Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФ (проект № 22-28-00013).

Психологические особенности младших школьников, не посещавших детские сады

Младший школьный возраст, адаптация, психологическая готовность к школе

Актуальная система начального образования предъявляет к учащимся ряд непростых требований: способность удерживать внимание в образовательном процессе, активность на уроке, быстрая адаптация к динамичным условиям школьного обучения. Исходя из этого факта, вопрос психологического изучения особенностей развития младших школьников соответствует актуальным запросам образовательной среды [4].

Проводимое исследование позволяет проследить определенные закономерности, взаимосвязи тех характеристик, которые детерминируют успешность обучения с точки зрения соответствия предъявляемым требованиям. В рамках данного исследования принята попытка расширить имеющиеся представления о влиянии процесса адаптации, психологической готовности к школе и основных новообразований на обучение в младшей школе.

В психологии и педагогике имеются аргументированные данные о том, что факт посещения детских садов оказывает прямое влияние на овладение детьми учебной деятельностью. М.М. Безруких, О.В. Ванновская, К.В. Бардин, А.И. Липкина [1, 2, 3, 5] указывают на то, что дети, прошедшие подготовку в ДОУ, к началу обучения имеют более выраженные познавательные характеристики. Также важно отметить, что детские сады развивают не только знания и умения детей, которые необходимы для вхождения в учебную деятельность, но и навыки общения с окружающими и позитивную эмоциональную реакцию на сверстников и сам процесс обучения.

Целью исследования являлось изучение психологических особенностей младших школьников, не посещавших ДОО. Предполагалось, что имеются взаимосвязи внутри характеристик, отвечающих за основные новообразования, психологическую готовность к школьному обучению и уровень адаптации в группе детей, не посещавших детские сады.

Для достижения цели исследования и реализации комплекса намеченных исследовательских задач использовался ряд диагностических методик: Методика изучения объема и устойчивости произвольного внимания Тулуз-Пьерона для младших школьников; Методика оценки произвольного запоминания «Заучивание 10 слов» А. Р. Лурия; Методика диагностики уровня развития основ теоретического мышления младших школьников «Логические задачи» А. З. Зака; Методика измерения уровня самооценки и притязаний С. Я. Дембо-Рубинштейн; Методика определения мотивов учения М. Р. Гинзбурга; Тест на отношение к школе и учению Т. А. Нежной; Тест Керна-Йерасека; Уровень сотрудничества в детском коллективе Д. Б. Эльконина; Карты наблюдений Стотта; Методика Б. Н. Филлипса на школьную тревожность, Тест-опросник «Оценка настроения» (облегченная версия САН для школьников).

Для выявления взаимосвязей изучаемых характеристик, у детей, не посещавших ДОО, был проведен корреляционный анализ данных с использованием коэффициента ранговой корреляции Спирмена.

Исследование показывает, дети, посещавшие детские сады, имеют более выраженные адаптивные качества, а также выраженные характеристики, определяющие основные новообразования младшего школьного возраста и психологическую готовность к школьному обучению.

Уровень развития сферы произвольности и внутреннего плана у детей, посещавших детские сады находится в тесной взаимосвязи с уровнем самооценки, что говорит о том, что успешность обучения таких детей зависит от позитивной оценки учителем успехов ребенка. В свою очередь, у детей, не посещавших ДОО развитие новообразований строится вокруг сферы произвольности, что позволяет говорить о том, что успешность обучения в данной группе в большей степени зависит от способности регулировать свое поведение и заставлять себя запоминать ту или иную информацию.

Чем более выражена внутренняя позиция школьника у детей, посещавших ДОО, тем более выражены интеллектуальные характеристики присущие младшему школьнику, а также выше его мотивация к обучению. В свою очередь, у детей, не посещавших ДОО, при более выраженных показателях интеллектуального компонента школьной готовности ученик успешнее выстраивает коммуникации со сверстниками и учителем, и тем выше его готовность продолжать обучение в новой для себя роли.

1. Бардин К.В. Подготовка ребенка к школе: Психологический аспект. М.: Знание, 1983. 96 с.
2. Безруких М.М. Чему и как учить до школы. М.: Вентана-Граф, 2003.
3. Ванновская О.В. Психолого-педагогические проблемы цифровой трансформации высшего образования в Российской Федерации // Материалы V Всерос. научно-практич. конф. с междунар.участием "Педагогика, психология, общество: от теории к практике". Чебоксары, 2022. С. 111-113.
4. Дяюнова И.А. К вопросу о социализации детей дошкольного возраста // Начальная школа плюс До и После. 2017. №10. С.89-92.
5. Липкина А.И. Самооценка школьника. М.: Академический проект, 2016. 213 с.

Исследование взаимосвязи регуляторных функций и тревожности старших дошкольников

Дошкольник, саморегуляция, регуляторные функции, ситуативная тревожность

Проблема развития у ребенка способности самостоятельно регулировать свое поведение и мыслительную деятельность привлекает к себе пристальное внимание психологов и педагогов, поскольку является одним из важных достижений дошкольного возраста. В федеральном государственном образовательном стандарте дошкольного образования в качестве целевых ориентиров дошкольного образования выделяется развитие у детей самостоятельности, целенаправленности и саморегуляции собственных действий. [2]

Целью исследования явилось изучение взаимосвязи регуляторных функций и тревожности старших дошкольников. В соответствии с целью исследования была сформулирована гипотеза: существует взаимосвязь регуляторных функций и тревожности старших дошкольников. В исследовании принимали участие воспитанники МБДОУ № 314 г. Ростова-на-Дону старшего дошкольного возраста. Общая выборка респондентов составила 80 человек. Были использованы следующие методики: диагностика сдерживающего контроля (методика «Торможение»); диагностика рабочей памяти (вербальная память – методика «Повторение предложений»; зрительная память – методика «Память и конструирование»); диагностика когнитивной гибкости (методика «Сортировка карт»); тест тревожности (Р. Тэмпл, М. Дорки, В. Амен); методы математической статистической обработки (корреляционный анализ Спирмена). [1]

Диагностика тревожности дошкольников показала, что подавляющее большинство опрошенных (75,4%) демонстрируют средний уровень тревожности, примерно четверть респондентов (24,6%) обладают высоким уровнем тревожности, детей с низким уровнем тревожности в данной выборке не выявлено. Обобщенный анализ типичных жизненных ситуаций старших дошкольников выглядит следующим образом: наибольшее количество отрицательно эмоциональных выборов приходится на ситуации, моделирующие систему отношений «ребенок-взрослый» (80%), значительно меньше тревожности у детей вызывают ситуации в системе «ребенок – ребенок» и в ситуациях повседневной жизни дошкольника (по 32% соответственно).

Результаты диагностики регуляторных функций были следующие: у большинства детей выявлен средний уровень развития скорости мыслительных процессов и переключения (сдерживающий контроль); дошкольникам свойственен средний уровень развития памяти, проявляющийся в хорошо развитой как слухоречевой, так и зрительной памяти; уровень когнитивной гибкости соответствует верхнему пределу среднего уровня, что говорит о том, что у большинства респондентов на среднем уровне развиты процессы переключения и не все дети умеют следовать сложной инструкции.

Изучение взаимосвязи уровня развития регуляторных функций и уровня тревожности, проведенного с помощью корреляционного анализа Спирмена, показало, что уровень тревожности дошкольников значимо отрицательно взаимосвязан с уровнем сдерживающего контроля, с уровнем развития зрительной памяти и с уровнем когнитивной гибкости. Следовательно, можно сказать, что чем ниже уровень тревожности, тем более выражен уровень сдерживающего контроля, тем выше уровень зрительной памяти, и тем более высокий уровень когнитивной гибкости свойственен ребенку.

Поскольку в старшем дошкольном возрасте происходит активное развитие регуляторных функций и подобные задания требуют особых умственных усилий, нами была разработана и апробирована психолого-педагогическая программа развития саморегуляции дошкольников с включением заданий и упражнений на снятие ситуативной тревожности детей.

1. Алмазова О.В., и др. Развитие саморегуляции у дошкольников. М: Мозаика-Синтез, 2019. 48 с.
2. ФГОС дошкольного образования. – URL: <https://fgos.ru/fgos/fgos-do/> (дата обращения: 19.05.23).

Взаимосвязь ценностных ориентаций и морально-этической ответственности у студентов

Ценностные ориентации, ответственность личности, студенты

Проблема формирования и развития ответственности личности является одной из главных проблем современной психологии. В юношеском возрасте происходит интенсивный процесс формирования системы ценностей, который и будет определять дальнейшую жизнь человека [1,2]. Система ценностей неразрывно связана с формированием ответственности.

Цель нашего исследования заключается в том, чтобы определить взаимосвязь ценностных ориентаций и морально-этической ответственности у юношей и девушек студенческого возраста. В ходе эмпирического исследования респондентами выступили 60 студентов Московского педагогического государственного университета (30 юношей и 30 девушек) в возрасте от 20 до 21 года. Были использованы следующие методики: 1) Методика ценностных ориентаций (Ш.Шварц); 2) Опросник ДУМЭОЛП – диагностика уровня морально-этической ответственности личности (И.Г. Тимошук).

По результатам корреляционного анализа с использованием критерия Спирмена среди девушек была выявлена значимая положительная связь между шкалами: самостоятельность и морально – этические ценности ($r = 0,477$ при $p \leq 0,01$), конформизм и морально – этические ценности ($r = 0,409$ при $p \leq 0,05$), традиции и морально – этические ценности ($r = 0,370$ при $p \leq 0,05$). Среди юношей была обнаружена значимая отрицательная корреляция между гедонизм и альтруистические эмоции ($r = - 0,563$ при $p \leq 0,01$), гедонизм и интуиция в морально – этической сфере ($r = - 0,371$ при $p \leq 0,05$), стимуляция и интуиция в морально – этические ситуации ($r = - 0,518$ при $p \leq 0,01$). По результатам исследования для девушек важными являются морально – этические ценности, которые приняты и одобряемы обществом, эти ценности дают им некоторую автономию. Юноши, следуя своим собственным моральным установкам, способны меньше испытывать глубоких переживаний. Когда они думают о своём личном благополучии, у них не возникает потребности в содействии, помощи другим людям.

Для выявления ценностных ориентаций между юношами и девушками был проведён сравнительный анализ с помощью непараметрического U – критерия Манна – Уитни. Были получены следующие различия по методике «Ценностные ориентации» (Ш.Шварца): «конформность» ($U = 159,5$ $p \leq 0,01$; юноши = 20,82; девушки = 40,19), «добродетель» ($U = 160,5$; $p \leq 0,05$; юноши = 35,32; девушки = 25,68), «традиции» ($U = 160,5$; $p \leq 0,01$; юноши = 20,85; девушки = 40,15), «универсализм» ($U = 151$; $p \leq 0,01$; юноши = 40,47; девушки = 20,53), «самостоятельность» ($U = 298,5$; $p \leq 0,05$; юноши = 35,55; девушки = 25,45), «гедонизм» ($U = 148,5$; $p \leq 0,01$; юноши = 20,45; девушки = 40,55), «власть» ($U = 146$; $p \leq 0,01$; юноши = 20,37; девушки = 40,63) и по опроснику ДУМЭОЛП (И.Г. Тимошук): «рефлексия на морально-этические ситуации» ($U = 303,5$; $p \leq 0,05$; юноши = 25,62; девушки = 35,38).

Девушки больше склонны следовать традициям, чем юноши, а также им свойственно обращать внимание на своё поведение, эмоции и чувства в ситуациях связанных с морально – этическими конфликтами. Юноши более склонны к самостоятельности и способны контролировать и целенаправленно регулировать своё поведение. Морально – этические ценности юношей ориентированы на справедливость, достоинство и благо. Им свойственна терпимость, понимание и стремление защищать близких людей и повышать их благополучие. Наиболее ценными качествами юноши считают доброту и способность преодолевать жизненные трудности.

1. Михайлова О.Б., Агафонов М.С. Прогрессирующий инфантилизм личности: ретроспектива причин и современные направления профилактики // *Человеческий капитал*. 2022. № 7(163). С. 228-235.
2. Яшина Л.И. Ценностные ориентации студенческой молодежи // *Вестник Сургутского государственного педагогического университета*. 2020. № 2 (65).

Характеристики эмоционального интеллекта и инновационности у студентов гуманитарных специальностей

Эмоциональный интеллект, инновационность, студенты

Проблема исследований характеристик инновационности личности является актуальной, разрабатываются новые методики и идет их апробация. Данное исследование посвящено анализу взаимосвязей проявлений инновационности и эмоционального интеллекта у студентов гуманитарных специальностей и продолжает цикл исследований, проводимых в области инновационности и инновационного потенциала личности [1; 2].

Эмпирическая база исследования составляла 60 респондентов, обучающихся в Российском университете дружбы народов на филологическом факультете. Это студенты 2 и 4 курсов бакалавриата в возрасте 19-26 лет. В качестве диагностического инструментария были использованы следующие методики: 1) Многомерный опросник инновационности личности (МОИЛ) (Михайлова О. Б.); 2) Шкала самооценки инновативности личности (Н.М.Лебедева, А.Н.Татарко); 3) Опросник эмоционального интеллекта «ЭМИН» (Д.В.Люсин); 4) Методика диагностики эмоционального интеллекта – МЭИ (М. А. Манойлова).

В результате проведения корреляционного анализа Спирмена у студентов 2 курса были выявлены многочисленные связи в показателях инновационности ($p < 0,01$): риск ради новых достижений – риск ради успеха ($r = 0,743$); риск ради новых достижений – ориентация на будущее ($r = 0,704$); настойчивость, ориентация на будущее ($r = 0,481$); независимость – риск ради успеха ($r = 0,562$); независимость – ориентация на будущее ($r = 0,668$); созидательная направленность – креативность ($r = 0,467$); созидательная направленность – риск ради успеха ($r = 0,511$); созидательная направленность – ориентация на будущее ($r = 0,672$). Однако несмотря на многочисленные взаимосвязи характеристик инновационности, между шкалами инновационности и шкалами методик креативности значимые результаты были не выявлены. Как и в случае взаимосвязей между шкалами методик эмоционального интеллекта, был получен лишь один значимый результат по шкалам межличностный эмоциональный интеллект-управление своими чувствами ($r = -0,398$). Вероятно, при наличии достаточно развитого инновационного потенциала у студентов 2 курса эмоциональный интеллект не направлен на реализацию инновационности.

Студенты 4 курса также продемонстрировали многочисленные связи в проявлениях инновационности при ($p < 0,01$): настойчивость-креативность ($r = 0,481$); независимость-риск ради успеха ($r = 0,468$); открытость новому-креативность ($r = 0,516$); открытость новому-ориентация на будущее ($r = 0,533$); интуиция-креативность ($r = 0,633$); интуиция-риск ради успеха ($r = 0,495$); интуиция-ориентация на будущее ($r = 0,544$).

В целом, показатель инновационности у студентов 4 курса оказался выше, хотя корреляционных связей было обнаружено меньше, чем у студентов 2 курса. В характеристиках инновационности проявляется настойчивость, открытость новому и интуиция. У данной группы были обнаружены значимые связи в показателях инновационности и эмоционального интеллекта ($p < 0,01$) по шкалам: понимание чужих эмоций-креативность ($r = 0,552$); понимание чужих эмоций-риск ради успеха ($r = 0,392$); настойчивость-управление чужими эмоциями ($r = 0,450$); настойчивость-межличностный эмоциональный интеллект ($r = 0,407$).

Следует предположить, что эмоциональный интеллект развивается небыстро и уровень его развития связан с особенностями проявления инновационности. В настоящее время необходимо продолжать исследования и разрабатывать технологии развития эмоционального интеллекта и инновационности у студенческой молодежи.

1. Михайлова О.Б. Адаптированность к профессиональной деятельности как условие реализации инновационного потенциала личности // Вестник Новосибирского государственного университета. Серия: Психология. 2013. Т. 7. №1. С. 52-57.
2. Михайлова О.Б. Развитие профессиональной идентичности личности как стратегии преодоления психологических барьеров в инновационной деятельности // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Психология и педагогика. 2011. № 1. С. 61-67.

Невербальные средства коммуникации у российских и китайских преподавателей в условиях онлайн-обучения

Невербальная коммуникация, онлайн-обучение, невербальные средства

Взаимодействие студента и преподавателя, как показывают исследования [2], является наиболее важным из типов взаимодействий в условиях онлайн-обучения. При этом в дистанционном формате не хватает многих коммуникативных преимуществ, которыми обладает традиционное обучение, существуют ограничения в использовании некоторых видов невербальных средств коммуникации. Невербальная коммуникация выполняет следующие функции: дополняет или замещает речь; информирует об отношении участников коммуникации друг к другу; представляет эмоциональные состояния, качества личности и социальный статус человека [1].

Цель нашего пилотажного исследования состояла в выявлении специфики используемых средств невербальной коммуникации у российских и китайских преподавателей на онлайн-занятиях. Методами исследования выступили наблюдение, анкетирование, контент-анализ результатов опроса. Выборку составили 99 китайских и 118 российских студентов юношеского возраста 17-19 лет. Как показали результаты исследования, российские преподаватели активно используют невербальные средства общения. Студенты считают интонацию (11,91%) и громкость (11,87%) наиболее важными средствами невербальной коммуникации преподавателей на онлайн-лекциях, способствующими повышению вовлеченности слушателя, пониманию, запоминанию информации и мотивации. Далее следуют такие сигналы как мимика – 11,56%, внешний вид – 11,39%, темп речи – 11,30%, пауза – 11,26% направление взгляда – 10,85%, поза – 10,60, жесты -10,25%. Как видно из результатов, разница в использовании невербальных средств незначительная, что говорит о важности всех сигналов для взаимодействия в учебном процессе. Анализ ответов китайских студентов также продемонстрировал необходимость использования разнообразных невербальных сигналов, при этом на первой позиции вновь оказались интонация (13,1%) и громкость (12,4%) и другие просодические (темп речи – 12,3%) и экстралингвистические средства (пауза – 11,7%), а также мимика (11,4%), направление взгляда (10,2%), поза (10,5%), жесты (9,7%), внешний вид (8,7%). Особое внимание и китайские, и российские студенты обратили на наличие или отсутствие пауз в речи преподавателя.

Таким образом, пилотажное исследование показало, что все возможные средства невербальной коммуникации важны во взаимодействии преподавателей и студентов. В условиях существования ограничений в использовании некоторых видов невербальных сигналов коммуникации в онлайн-среде интонация и громкость играют первостепенное значение как у российских, так и у китайских преподавателей. Обладание выразительным голосом, соответствующим образом меняющимся по высоте тона и громкости, и наличие других невербальных средств может помочь достичь коммуникативных целей, связанных с сохранением внимания, эффективной передачей информации и побуждением других действовать определенным образом.

1. Лабунская В.А. *Невербальное поведение (социально-перцептивный подход)*. Ростов-на-Дону: Изд-во Ростов. ун-та, 1986. 135 с.
2. Martin F., Bolliger D.U. *Engagement matters: student perceptions on the importance of engagement strategies in the online learning environment*. *Online Learn.* 22, 2018, 205–222.

Возможности геймификации в преподавании курса "Психология" студентам непрофильных направлений

Преподавание, геймификация, вовлеченность, студенты

В настоящее время дисциплина «Психология» входит в учебный план различных непрофильных направлений, включая технические и естественно-научные. Как подчеркивают психологи, занимающиеся методическими аспектами преподавания психологии для студентов непрофильных направлений, студенты, которые не собираются становиться профессиональными психологами, зачастую обладают стихийными представлениями о психологии, а от ее изучения они ожидают не столько «знаний», сколько практической помощи в осознании своего поведения и саморегуляции [5]. Также подчеркивается, что, обучение психологии предполагает психологическое просвещение, формирование психологической грамотности и культуры, развитие у обучающихся умений анализировать и изучать психологические особенности личности [2].

В таком контексте мы считаем, что одной из главных задач преподавателя психологии в процессе обучения студентов непрофильных направлений является повышение уровня вовлеченности в образовательный процесс и способствование достижению более продуктивных образовательных результатов. Специалисты в области использования игровых дидактических инструментов в совокупности с традиционными в изучении психологии отмечают эффекты значительного влияния геймификации на активность учащихся и на эффективность результатов обучения [3]. Кроме того, исследователи подчеркивают, что «механики», используемые в компьютерных играх, примененные к любому другому неигровому виду деятельности, во-первых, усиливают мотивацию субъекта уделять более сильное и качественное внимание процессу деятельности, во-вторых, продлевают приверженность задаче и, наконец, повышают вероятность достижения поставленной цели [4].

В нашем исследовании предполагается проверка гипотезы об эффективности введения геймификации в процесс изучения психологии, а именно взаимосвязи между использованием элементов настольной игры «Эмоциональный интеллект» и показателями вовлеченности студентов в изучение психологии. В ходе игры студентам предлагаются различные задания, направленные на развитие компонентов эмоционального интеллекта: определения и управления своими эмоциями и эмоциями других людей. В качестве элементов геймификации здесь выступают ограничение во времени, смена ролей, работа в команде и конкуренция, разные уровни. Мы предполагаем, что первичная апробация введения элементов геймификации позволит нам сделать вывод о существовании взаимосвязи сложности заданий, быстрая обратная связь и выбор действий. геймификации в преподавании психологии студентам непрофильных направлений и их вовлеченности, предполагающей, в том числе возникновение и/или развитие представлений о возможности использовать знания, полученные на занятиях, для осознания собственных эмоциональных ресурсов и их оптимизации. В качестве теоретического обоснования для формулировки гипотезы мы опираемся на широкий спектр эмпирических исследований, ориентированных на анализ взаимосвязи использования геймификации в учебном процессе и вовлеченностью обучающихся [1].

1. Ермаков С.С. *Современные технологии электронного обучения: анализ влияния методов геймификации на вовлеченность учащихся в образовательный процесс // Современная зарубежная психология. 2020. Т.9, №3. С.47-58.*
2. Касен Г.А. *Теория и методика преподавания психологических дисциплин в вузе. Алматы: Казак университеті, 2013. 287 с.*
3. Орлова О.В., Титова В.Н. *Геймификация как способ организация обучения // Вестник ТГПУ (TSPU Bulletin). 2015. №9 (162). С. 60-64.*
4. Селевко Г.К. *Энциклопедия образовательных технологий. В 2-х т. Т. 1. М.: Народное образование, 2005. 556 с.*
5. Эльконин Б.Д. *Введение в психологию развития (в традиции культурно-исторической теории Л.С. Выготского). М.: Трифола, 1994. 168 с.*

Адаптация педагогов специальных школ к стрессам социального генеза

Психоэмоциональное напряжение, социальный стресс, эмоциональное выгорание, коррекционная психология

В связи с изменением содержания и интенсивности педагогической деятельности значимы вопросы изучения специфики психоэмоциональных реакций учителей на отдельные параметры профессиональной деятельности (Молчанова Л.Н., Малихова Л.Н., Лежепёков А.Н.). Субъективное переживание личной недостаточности ресурсов для управления учебным процессом в контексте изменившихся институциональных требований (Cordes C.L., Dougherty T.W.) может рассматриваться как объективный базис исследования адаптации учителей к стрессам социального генеза (Заширинская О.В.).

Материалы и методы. Эмпирической базой исследования послужили результаты опроса 207 педагогов средних специальных школ (средний возраст 41,97, SD=12,04) и 210 учителей общеобразовательных учреждений (средний возраст 43,47, SD=11,68) г. Санкт-Петербург в мае-июне 2020 г.

Психодиагностический комплекс состоял из опросников: «Профессиональное выгорание» (Н.Е. Водопьянова, Е.С. Старченкова), «Диагностика эмоционального выгорания личности» (В.В. Бойко), реактивной и личностной тревожности (Ч. Д. Спилберга в адаптации Ю. Л. Ханина), а также модифицированная методика «Незаконченного предложения». Статистическая обработка данных проведена в программе «SPSS 12.0».

Результаты. В условиях стресса социального генеза (самоизоляция и локдаун в период пандемии Covid -19) отмечаются изменения селективного соответствия структурно-динамических параметров психоэмоционального состояния педагогов специальных школ (на уровне $p \leq 0,05$). Выявляется согласованность проявлений тревоги с удовлетворенностью отдельными аспектами профессиональной деятельности. Корреляционные связи ситуативной тревожности у сотрудников специальных школ отличаются по параметрам «переживания психотравмирующих обстоятельств» ($r=0.657$) и «расширение сферы экономии эмоций» ($r=0.553$), а также субъективной низкой оценкой педагогом удовлетворенности качеством выполнения своих должностных обязанностей – «моральное удовлетворение» ($r=0.712$). Отмечается субъективное переживание недостаточности когнитивно-поведенческих и эмоциональных ресурсов у педагогов специальных учебных учреждений в процессе адаптации к обстоятельствам социальных изменений. Для сотрудников массовых школ характерна высокая тревожность, обусловленная актуальной стрессовой ситуацией в связи с доступностью психологической поддержки со стороны родителей учеников ($r=0.626$) и удовлетворенностью параметром «признание администрацией профессиональных заслуг» ($r=0.447$), «неадекватное избирательное эмоциональное реагирование» ($r=0.447$).

Регрессионный анализ выявил, что 15,4% дисперсии субъективной оценки педагогами ситуации пандемии как психотравмирующей обусловлено воздействием двух предикторов: значением развития фазы «напряжения» и «расширением сферы экономии эмоций».

Стрессовая коммуникация периода пандемии Covid-19 отражается в специфичности проявлений отдельных параметров эмоционального выгорания педагогов, работающих с детьми с нарушением интеллекта. Учитывая тенденции развития инклюзивного образования, а также рост глобальных рисков социального генеза, материалы исследования могут применяться для прогнозирования динамического состояния учителей в условиях институциональных изменений и разработки программ их адаптации в изменяющейся образовательной среде.

1. Молчанова Л.Н., Малихова Л.Н., Лежепёков А.Н. Влияние стресс-преодолевающего поведения на эмоциональное выгорание педагогов, работающих с детьми, имеющими особые образовательные потребности // *Перспективы науки и образования*, 2020, № 2 (44), с. 317-326.
2. Cordes C.L., Dougherty T.W. A Review and an Integration of Research on Job Burnout // *Academy of Management Review*, 1993, v. 18, issue 4, p. 621–656.
3. Zashchirinskaja O.V. Special education paradigm in contemporary vital environment at educational institutions (Editorial) // *Journal of Intellectual Disability – Diagnosis and Treatment*, 2020, v. 8, issue 3, p. 262.

Взаимосвязь креативности и мотивации вузовских преподавателей

Креативность, мотивация, преподаватель вуза

При современных темпах социально-экономических изменений особо остро стоят трансформационные процессы образовательной системы, парадигма которой меняется, так как вузовское образование готовит специалистов разного профиля. При таких изменениях самым важным психологическим качеством преподавателя является креативность. Наличие у личности креативности не всегда определяет ее проявление и использование. Основная проблема состоит в том, какова мотивация современного вузовского преподавателя, на что он ориентируется в своей деятельности, так как именно мотивация дает возможность обосновать и организовать важность развития креативности. В связи с этим нами определена цель исследовать взаимосвязь креативности, личностных качеств креативности и мотивационных ориентиров.

Взаимосвязь креативности и мотивации рассматривается в разных концепциях, особенно в инвестиционном подходе подчеркивается роль мотивации как один факторов для проявления креативности [1]. Амабайл предлагает компонентную модель креативности, в которую входят навыки, относящиеся к предметной области, мотивация задачи и навыки, относящиеся к креативности[4]. Подчеркивается также роль внешней и внутренней мотивации. Внутренняя мотивация является самым важным фактором креативности.

Для выявления уровня креативности и личностных качеств креативности использованы методики Ф. Вильямса [3, с.102-106] и социально-психологических установок личности в мотивационно-потребностной сфере[2]. Исследование провели среди преподавателей трех вузов Армении (n=40).

Результаты исследования креативности показывают, что у преподавателей высокие показатели креативности (M=80), оригинальности (M=27), беглости (M=12). У них низкие показатели разработанности (M=16) и названия (M=19), то есть они не разрабатывают идею и не используют часто язык творчески. Они ориентированы на результат (M=7), альтруизм (M=7) и на свободу (M=7). У них низкая ориентация на эгоизм (M=3) и на деньги (M=3). Они любознательны (M=15) и склонны рисковать (M=15), не оценивают высоко свою креативность.

Выявленные с помощью корреляционного анализа взаимосвязи дополняют теорию креативности и взаимосвязи с мотивацией. Взаимосвязь между процессом и названием (,354) показывает, что когда преподаватели ориентированы на процесс, они больше всего используют язык творчески. Когда они любознательны и склонны рисковать, то предлагают оригинальные идеи (любознательность и оригинальность (,358), оригинальность и склонность к риску (,347). При любознательности они проявляют альтруизм (,397) и ориентированы на свободу (,545), то есть при свободе они могут проявить любознательность и оценивать высоко свою креативность(,413). Интересны взаимосвязи власти с любознательностью (,491), воображением (,479), склонностью к риску (,444), самооценкой креативности (,534), то есть получается, что преподаватели насколько проявляют любознательность, воображение, склонность к риску, высоко оценивают свою креативность, настолько ориентированы на власть. Результаты исследования показывают, что при ориентации власти преподаватели могут проявить любознательность, склонность к риску. По средним показателям преподаватели не ориентированы на власть, но оказывается, они проявляют и оценивают высоко свою креативность при ориентации на власть. Проблема заключается в том, как организовать систему, где преподаватель имеет возможность проявить и свою креативность и ориентацию на власть.

1. Любарт Т. Психология креативности. М.: Когито-Центр, 2009, 214 с.
2. Практическая психодиагностика. Методики и тесты. Учебное пособие / Ред. и сост. Д.Я. Райгородский Самара, 2001. С. 641-648.
3. Туник Е. Лучшие тесты на креативность. Диагностика творческого мышления. СПб.: Питер, 2013. 320 с.
4. Amabile T.M. Componential Theory of Creativity / Ed. Kessler E.H. Encyclopedia of Management Theory. London: Sage Publications, 2013, p. 134-139.

Исследование выполнено при финансовой поддержке Комитета по науке РА (проект № 21Т-5А103).

Отношение студентов-психологов к реализации технологии проектного обучения в процессе преподавания дисциплины «Этнопсихология»

Технология проектного обучения, преподавание психологии, студенты

Необходимость применения инновационных образовательных технологий определяется возрастающей ролью высшего образования в функционировании рынка труда, когда становится актуальной подготовка конкурентоспособного специалиста, обладающего не только профессиональными компетенциями, но и развитым творческим мышлением.

Одной из данных технологий выступает технология проектного обучения или метод проектов, когда студенты под руководством преподавателя создают новый и практически значимый продукт. Метод проектов связан с самостоятельным решением студентами научной проблемы в течение определенного промежутка времени и презентацией результатов их деятельности (публичным предьявлением).

Реализация технологии проектного обучения осуществлялась в Институте психологии Белорусского государственного педагогического университета имени Максима Танка в процессе преподавания дисциплины «Этнопсихология». Студенты специальности «Психология» готовили и защищали научно-исследовательские проекты по актуальном тематике, которая носит выраженный практический характер: «Этническая идентичность как условие психологического благополучия личности», «Психологические особенности национального характера белорусов», «Психологические характеристики этнической толерантности жителей Республики Беларусь», «Психологические особенности национального самосознания белорусской молодежи», «Изучение социокультурной идентичности студентов». Осуществление технологии проектного обучения предполагает реализацию ряда этапов, подробно описанных нами ранее. Это организационный этап, теоретический этап, этап диагностики, этап презентации проекта, апробации и внедрения его результатов [1]. По завершении проектной деятельности проходит публичная защита проектов.

Для изучения отношения студентов к проектной деятельности авторами разработана анкета [1]. В опросе приняли участие 35 респондентов, обучающихся на 4 курсе. В пределах каждого вопроса возможны несколько вариантов ответов, каждый из которых анализировался, исходя из 100%. При опросе и анализе результатов термины «проектное обучение», «технология проектного обучения» и «метод проектов» использовались нами как синонимы.

Высокое отличие технологии проектов от традиционного обучения отметили 58% опрошенных. Среди преимуществ были выделены проявление творчества (60%), высокая научность (37%), возможность глубокого изучения материала (49%). Значимым для студентов выступает работа в команде (66%). Существуют и недостатки, среди которых самый крупный – большие временные затраты (67%).

Важным представляется ответ на вопрос относительно умений, которые помогли студентам работать над проектом. Большинство четверокурсников констатировали наличие следующих умений: выделять главное, анализировать, сравнивать, планировать и организовывать работу, формулировать научную гипотезу и цель работы. Здесь ответы респондентов распределились от 51% до 88%. Научились обобщать и делать выводы 44% опрошенных. В то же время еще присутствует необходимость научиться создавать и моделировать, это отметили 17%.

Среди этапов проектной деятельности самым сложным оказалась формулировка гипотез и целей, это отметили 44% опрошенных. Самым важным выступил этап выбора темы проекта, на что указали 79%. Самыми интересными были названы этапы подготовки презентации (66%), проведение эмпирических исследований (78%), обработки и интерпретации результатов (55%), защита проекта (50%).

Исходя из полученных данных, можно отметить, что студенты 4 курса в целом владеют навыком осуществления научно-исследовательских проектов по психологии. Эти данные согласуются с полученными нами ранее [1, 2].

Следует более широко внедрять технологию проектного обучения в образовательный процесс. Она может выступать в роли фактора повышения качества профессионального обучения студентов-психологов, так как позволяет моделировать процесс их будущего самообразования и саморазвития.

1. Полещук Ю.А., Черчес Т.Е. Метод проектов как форма активизации профессионального самоопределения студентов-психологов // Науч. тр. Респ. ин-та высш. шк. 2021. № 21-4. С. 312–318.
2. Полещук Ю.А., Черчес Т.Е. Представления студентов-психологов разных лет о технологии проектного обучения // Науч. тр. Респ. ин-та высш. шк. 2022. № 22-3. С. 273–279.

Анализ индивидуально-типологических особенностей взаимосвязей некогнитивных предикторов школьной вовлеченности

Школьная вовлеченность, осознанная саморегуляция, личностные диспозиции, академическая мотивация

Школьная вовлеченность как устойчивое, направленное, активное участие в учебной деятельности является одним из важнейших факторов успешности обучающихся [4]. Вовлеченные ученики характеризуются наиболее эффективной регуляцией и более высокой успеваемостью [3;4]. Современным трендом в исследованиях вовлеченности является изучение ее дифференциальных аспектов [2]. Показано, что профиль школьной вовлеченности связан с академической успеваемостью, мотивационными особенностями, саморегуляцией [2]. Несмотря на большое число исследований дифференциальных особенностей школьной вовлеченности в зарубежной психологии, на отечественной выборке такие работы отсутствуют.

Цель исследования: анализ индивидуально-типологических особенностей взаимосвязей регуляторных и личностных ресурсов школьной вовлеченности. Выборка: ученики 5-11 классов школ г. Москвы и Калуги (N= 1056). Методики: опросник В.И. Моросановой «Стиль саморегуляции учебной деятельности» (2017); «Многомерная шкала школьной вовлеченности» [4], (адаптация Т.Г. Фомина, В.И. Моросанова (2020)); «Большая пятерка – детский вариант» (адаптация С.Б. Малых и др. (2015)); «Шкала академической мотивации школьников (ШАМ-Ш)» (Т.О. Гордеева и др. (2017)); «Отношение к учению в средних и старших классах школы» (ОУУ) (И.Н. Бондаренко и др., 2018). Статистический анализ включал кластерный и сетевой корреляционный анализ [1].

В результате выявлено четыре профиля школьной вовлеченности: два с высокой и низкой выраженностью всех ее компонентов («высокая» (N=276) и «низкая» (N= 253) группы), и два с их средней выраженностью, различающиеся когнитивной и поведенческой вовлеченностью («средние» группы; группа с выраженными когнитивной и поведенческой вовлеченностью – N=318, группа со сниженными когнитивной и поведенческой вовлеченностью – N= 209). В «высокой» и «низкой» группе значимо взаимосвязаны ($p < 0.05$): моделирование, гибкость, оценивание результатов, надежность ($r = 0,20-0,25$); планирование, программирование, ответственность ($r = 0,24-0,35$); тревожность, гнев и нейротизм ($r = 0,25-0,30$). В «низкой» группе также обнаружены корреляции познавательной активности и экстраверсии, планирования и мотивации достижения ($r = 0,18-0,22$). В «средних» группах взаимосвязи между тревожностью, гневом и нейротизмом сохраняются ($r = 0,26-0,28$, $p < 0.05$ – в группе со сниженными когнитивной и поведенческой вовлеченностью, $r = 0,29-0,32$, $p < 0.05$ – в группе с выраженными когнитивной и поведенческой вовлеченностью), а связи между регуляторными и мотивационными показателями отличаются от «низкой» и «высокой». В группе со сниженными когнитивной и поведенческой вовлеченностью значимо связаны моделирование, оценивание результатов и надежность ($r = 0,20-0,26$), а также планирование и ответственность ($r = 0,32$). При высокой когнитивной и поведенческой вовлеченности, связи между моделированием, оцениванием результатов и надежностью ($r = 0,3-0,34$) выше, а также обнаруживаются корреляции открытости опыту и мотивации достижения ($r = 0,22$), добросовестности и ответственности ($r = 0,20$), ответственности и мотивации уважения родителей ($r = -0,18$). Полученные результаты будут использованы в качестве основы дальнейшего анализа психологических ресурсов школьной вовлеченности учащихся с ее разными профилями.

1. Артеменков С.Л. Упорядоченные сети частных корреляций в психологических исследованиях // *Моделирование и анализ данных*. 2021. Т. 11. № 2. С. 31–50.
2. Dai W., Li Z., Jia N. Self-regulated learning, online mathematics learning engagement, and perceived academic control among Chinese junior high school students during the COVID-19 pandemic: A latent profile analysis and mediation analysis // *Frontiers in Psychology*. 2022. Vol. 13. DOI:10.3389/fpsyg.2022.1042843.
3. Morosanova V.I., Bondarenko I.N., Fomina T.G. Conscious Self-regulation, Motivational Factors, and Personality Traits as Predictors of Students' Academic Performance: A Linear Empirical // *Psychology in Russia*. 2022. Vol. 15. № 4. P. 170.
4. Wang M.T., et al. Conceptualization and assessment of adolescents' engagement and disengagement in school: A Multidimensional School Engagement Scale // *European Journal of Psychological Assessment*. 2019. Vol. 35. №4. P. 592-606.

Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФ (проект № 20-18-00470).

Развитие представлений о профессии в процессе педагогической деятельности

Развитие личности, образ профессии, педагогическая деятельность

В современном трансформирующемся социуме концепция Б.Г. Ананьева перманентно демонстрирует, что не является чем-то законченным, застывшим, доказывая востребованность и прогностическую ценность своего динамичного знания. Включая в характеристику личности статус, роли и ценностные ориентации, как вторичные свойства, ученый обозначил механизмы развития человека на всем протяжении жизненного пути [1]. Для изучения подобных изменений в ходе профессионального развития субъекта было проведено исследование изменения представлений о своей профессии и их взаимосвязей с взглядами на благосостояние.

В опросе приняли участие учителя, распределенные по стажу на четыре группы: «начинающие педагоги» (НП) проработавшие в образовательных организациях менее трех лет (35%); «молодые специалисты» (МС) со стажем 3-5 лет (23,75%); «опытные педагоги» (ОП) со стажем от 5 до 15 лет (25%); «педагоги-эксперты» (ПЭ) трудящиеся в школе не менее 15 лет (16,25%).

С целью исследования представлений о профессиональной деятельности был использован авторский опросник [3]. Анализ результатов с помощью U-критерия Манна-Уитни продемонстрировал наличие различий по всем факторам между группами НП и ОП и между группами НП и ПЭ, что указывает на максимальную разницу в оценке своей деятельности учителями с минимальным опытом и педагогами с большим стажем деятельности. В парах МС и ОП; МС и ПЭ хотя и обнаружены статистически достоверные различия по отдельным факторам оценки образов, разница между ними не столь выражена. Отсюда следует вывод, что после трех лет работы в школе, образ профессии у учителей стабилизируется, и поэтому требуется увеличение сроков производственной практики при подготовке учителей по типу ординатуры.

Кроме того, в исследовании выявлена взаимосвязь профессиональных образов учителей с параметрами их удовлетворенности работой, оцениваемой по методике В.А. Разоной [2]. Показаны прямые корреляционные статистически значимые связи во всех группах испытуемых между степенью четкости образа деятельности, и уровнем неудовлетворенности работой. Так, в группе НП $r=0,63$, при $p \leq 0,001$; в группе МС $r=0,48$, при $p \leq 0,001$; в группе ОП $r=0,46$, при $p \leq 0,001$; в группе ПЭ $r=0,63$, при $p \leq 0,001$. Вероятно это обусловлено тем, что учителя более ярко и четко представляющие все тонкости и суть профессии, в меньшей степени довольны своей работой. Кроме того, высокий уровень осознания и понимания объекта своей деятельности позволяет согласовывать идеальный образ с действительностью, санкционирует развитие собственных взглядов на данные явления, что обеспечивает достаточный уровень удовлетворенности.

В группе НП выявлена отрицательная взаимосвязь неудовлетворенности с показателем оценки образа ($r=-0,39$, при $p \leq 0,05$), указывающая на позитивный настрой при взаимодействии с объектом деятельности и ощущение в нем высокой общественной значимости. Рассматриваемая корреляция показывает, что позитивные представления НП о своей деятельности обуславливают удовлетворенность работой. Возможно, это связано с тем, что на первых ступенях профессиональный опыт педагогов не воспринимается как избыточный множеством нестабильных условий, кризисных обстоятельств. Соответственно у НП отсутствуют критерии сравнения и оценки профессиональных образов, у них редко случается крушение надежд, предопределенные рассогласованием идеальных и реальных профессиональных представлений, и данная группа учителей способна придерживаться более положительных взглядов на свою профессию. Однако, высказанные гипотезы нуждаются в более тщательной эмпирической ревизии в дальнейших исследованиях.

1. Ананьев Б.Г. *Человек как предмет познания*. СПб.: Питер, 2001. 288 с.
2. Разонова В.А. *Опросник «Оценка удовлетворенности работой» // Адаптация к профессиональной деятельности*. 2006. С. 30-32.
3. Рогов Е.И. *Особенности представлений психологов об объекте своей деятельности // Известия Южного Федерального университета. Педагогические науки*. 2008. № 3. С. 145-162.

Структура перфекционизма и академической мотивации у студентов различных профилей образования

Перфекционизм, академическая мотивация, профили образования

Предметом исследования являются особенности перфекционизма в связи с академической мотивацией студентов, различающихся по характеристикам профилей подготовки. Методологической основой являются работы Биктиной Н.Н. [1], Гаранян Н.Г. [2], Золотаревой А.А. [3], Хамачек Д. [4], Хьюитта П. [5] и др. Перфекционизм рассматривается как фактор профессиональной деятельности в связи с субъективным благополучием.

Актуальность нашего исследования связана с тем, что перфекционизм мало изучен в контексте учебной мотивации и его специфике у студентов. Кроме того, особенности обучения в вузе значительно различаются по преобладанию теоретических или практических компетенций на различных факультетах и профилях при одинаковом направлении подготовки «Педагогическое образование» в педагогическом университете. Так, на факультетах иностранных языков, музыки, физической культуры обучение в большей мере ориентировано на формирование навыков (условно обозначенная как группа «навыки»), в то время как на факультетах педагогики и методики начального образования, педагогики и психологии детства, филологическом, дошкольного образования – на формирование теоретических знаний и компетенций (обозначенная как группа «теоретические знания, компетенции»).

Гипотеза: показатели перфекционизма и академической мотивации у студентов, различных профилей образовательного процесса могут различаться. Использовались следующие методики: «Многомерная шкала перфекционизма» Хьюитта П. и Флетта Г. (в адаптации Грачевой И. И. (КДТП) и «Шкала академической мотивации» (ШАМ) (разработанная Гордеевой Т. О. с соавторами). Перфекционизм и академическая мотивация диагностировались у групп студентов ПГГПУ в числе 60 человек, возраста 17-20 лет.

По Т-критериальным различиям в группе «теоретические знания, компетенции» выше показатели «перфекционизм, ориентированный на других», «интроецированная» и «экстернальная» мотивация. То есть, студенты данной группы склонны проявлять высокие стандарты к значимым другим, и побуждение к учебе у них основано на ситуации необходимости следовать установленным требованиям, предъявляемым обществом, чувством долга перед собой и значимыми людьми. У этой группы также выше показатели «познавательная мотивация», «мотивация саморазвития» и «мотивация самоуважения», то есть внутренняя мотивация к учебной деятельности выше у данной группы студентов, чем у студентов группы «навыки», и они в большей степени учатся ради повышения собственной значимости и самооценки.

Корреляции показателей перфекционизма и академической мотивации у студентов в группе «теоретические знания, компетенции» демонстрируют наиболее сильные связи показателя мотивации самоуважения с показателями «перфекционизм, ориентированный на себя», «перфекционизм, ориентированный на других» и с интегральным показателем перфекционизма. Чем выше мотивация самоуважения, тем выше перфекционизм, ориентированный на себя, на других и интегральный показатель перфекционизма. В группе «навыки» показатели «перфекционизм, ориентированный на других», «социально-предписываемый перфекционизм» и интегральный показатель перфекционизма имеют отрицательную связь с показателем мотивации достижения. Чем выше показатель мотивации достижения, тем ниже социально-предписываемый перфекционизм и интегральный показатель перфекционизма. Показатели «перфекционизм, ориентированный на других» и интегральный показатель перфекционизма имеют отрицательную связь еще с двумя показателями мотивации – познавательной и мотивацией саморазвития. То есть, чем выше познавательная мотивация и мотивация саморазвития, тем ниже перфекционизм, ориентированный на других и интегральный показатель перфекционизма.

Таким образом, гипотеза нашего исследования о том, что структура перфекционизма и академической мотивации у студентов различных профилей и образовательного процесса подтвердилась.

1. Биктина Н.Н., Дикарева Ю.Н. К вопросу проявления перфекционизма в студенческом возрасте // *Журнал Психологические науки*, 2017, т. 6, № 1(18), с. 268–270.
2. Гаранян Н.Г., Низовцева А.А. Структура мотива достижения у студентов с разным уровнем перфекционизма // *Психологическая наука и образование*, 2012, т. 4, № 1. – URL: https://psyjournals.ru/journals/psyedu/archive/2012_n1/50229 (дата обращения 01.06.2023).
3. Золотарева А.А. Краткий дифференциальный тест перфекционизма: проверка кросс-культурной устойчивости факторной структуры и психометрических характеристик // *Культурно-историческая психология*. 2018. Т. 14. № 1. С. 107–115.
4. Hamachek D. Psychodynamics of normal and neurotic perfectionism // *Psychology*. 1978. № 15. P. 27–33.
5. Hewitt P., Flett G. Perfectionism and depression: A multidimensional study // *J Social Behavior and Personality*. 1990. V. 5. №5. P. 423–438.

Развитие морального сознания в старшем дошкольном возрасте

Моральное сознание, дети, старший дошкольный возраст

Современное общество переживает духовно-нравственный кризис, который характеризуется разрушением системы ценностей, сменой приоритетов и искажением у подрастающего поколения представлений о нормах морали. В то же время недостаточная разработанность методологии, теорий, концепций, посвященных вопросам морального сознания, влечет за собой неопределенность практических вопросов нравственного развития, тем самым, способствуя увеличению случаев девиантного и делинквентного поведения.

Старший дошкольный возраст является важным периодом развития морального сознания ребенка. Именно в это время, по мнению Д.Б.Эльконина возникают первичные этические инстанции [5]. В формировании морального сознания и поведения детей этого возраста ведущую роль играет взрослый, который является образцом поведения, носителем этических представлений, моральных знаний и норм.

В старшем дошкольном возрасте важную роль играют развивающиеся моральные чувства, которые возникают у ребенка в процессе реальных нравственных отношений и взаимодействий. По мнению И.Ф. Сладковского, «эти чувства формируются у ребенка дошкольного возраста в результате развития представлений о плохом и хорошем, о должном и не должном, осознания нравственной основы социальных норм» [3, с. 39]. Как отмечает В.О. Голубков, «в процессе коммуникации со взрослыми и сверстниками у детей развивается способность понимать и уяснять, что такое норма поведения, формируется отношение к ней, результаты соблюдения норм поведения». Для ребенка становятся важными такие качества как эмпатия, доброта, сочувствие, «мотивация к социально-моральному поведению, эмоционально-чувственная реакция на явления окружающей действительности». Именно ценностные ориентации оказывают огромное влияние на развитие нравственных представлений детей старшего дошкольного возраста [1, с. 15].

Данные факты и побудили нас избрать для исследования тему «Развитие морального сознания детей в старшем дошкольном возрасте». Целью нашего исследования было исследование особенностей развития морального сознания детей старшего дошкольного возраста. А гипотеза нашего исследования заключалась в предположении о том, что уровень развития морального сознания детей старшей группы отличается от уровня развития морального сознания детей подготовительной группы. Для проверки нашей гипотезы нами было проведено эмпирическое исследование на базе МОУ «Детский сад № 280» Ворошиловского района города Волгограда. В исследование участвовали 15 детей старшей группы № 5 (9 девочек и 6 мальчиков). Диагностика проводилась среди детей в возрасте 5–6 лет по методике Г.М. Фригман, Т.А. Пушкиной, И.А. Каплунович «Беседа» [4] и по методике И.Б. Дермановой «Закончи историю» [2]. Целью было исследование уровней развития морального сознания детей старшего дошкольного возраста.

Проведенная диагностика показала, что у большинства детей в старшем дошкольном возрасте уровень развития нравственных представлений находится на среднем и на высоком уровне.

В результате исследования мы доказали гипотезу о том, что уровень развития морального сознания детей старшей группы отличается от уровня подготовительной группы. Дети старшей группы при правильном ответе ссылаются на свои потребности, желания, не понимая смысл общественной нормы, а дети подготовительной группы – на эмоциональное состояние другого, у них нравственные нормы становятся мотивом поведения.

Практическая значимость исследования состоит в том, что данные, полученные в ходе исследования, могут быть использованы при диагностике уровня морального сознания детей старшего дошкольного возраста, при подготовке методических материалов, направленных на совершенствование работы по развитию морального сознания.

1. Голубков В.О. Ценностные ориентации детей старшего дошкольного возраста как фактор нравственного воспитания // *Вопросы дошкольной педагогики*. 2016. № 3 (6). С. 14-17.
2. Дерманова И.Б. *Диагностика эмоционально-нравственного развития*. СПб., 2002. С.34-35.
3. Сладковский И.Ф. *Нравственное воспитание*. М.: Академия, 2011. 144 с.
4. Фригман Г.М., Пушкина Т.А., Каплунович И.Я. *Изучение личности учащегося и ученических коллективов*. М., 1988. 206 с.
5. Эльконин Д.Б. *Детская психология*. М.: Академия, 2011. 383 с.

Проблематика психологии образования в контексте сетевого обучения

Образовательные сети, образовательная психология, психологические проблемы

В конце 2020-х годов, с началом пандемии COVID-19, онлайн-образование стало сталкиваться с беспрецедентными возможностями в качестве новой формы образования, однако оно также представляет огромную проблему для индустрии образования. Сетевое образование расширило доступный объем знаний и изменило статус преподавателей и студентов [1]. В результате этих изменений в процессе обучения неизбежно возникают проблемы психологии образования. Для решения этих проблем необходимо провести анализ различных факторов, влияющих на преподавателей, студентов и образовательный процесс.

1. Проблемы своевременности, связанные с сетевым образованием. Психологические особенности студентов при онлайн-обучении могут не быть учтены системой своевременно, и эффективность обучения снижается. Дополнительно, хотя онлайн-образование позволяет контролировать процесс обучения студентов в режиме реального времени, этот контроль включает координацию мышления студентов и их способности к логическому анализу в процессе обучения, что также влияет на эффективность обучения. Для решения данной проблемы производители учебных программ должны обладать не только профессиональными компьютерными навыками, но и глубоким пониманием психологии образования и других соответствующих дисциплин.

2. Проблемы психического здоровья студентов, связанные с образовательной сетью, и меры по их решению. В традиционной модели образования студенты обычно обращают больше внимания на эмоциональное общение с одноклассниками в учебной среде, однако с внедрением сетевого образования студенты получают знания через Интернет и теряют возможность эмоционального взаимодействия со сверстниками, что делает процесс обучения более механическим [2]. В итоге, в условиях сетевого образования студенты могут столкнуться не только с проблемами психического здоровья, но и с проблемами, которые могут отразиться на их физическом здоровье. Для решения этих проблем сетевое образование должно уделять особое внимание обучению психическому здоровью и направлять студентов на формирование правильного представления о безопасности в Интернете [3].

3. Проблемы семейного воспитания учащихся, сопровождающие сетевое образование. Семейное воспитание играет особую роль в психологическом развитии учащихся в процессе их взросления [2]. Родители несут ответственность не только за физическое благополучие своих детей, но и за их психологическое поведение, обеспечивая положительное психологическое развитие. Компоненты семейной среды, такие как ее состав, профессиональные и культурные квалификации родителей, также оказывают влияние на психологическое развитие и рост учащихся. Поэтому оптимальное сочетание школьного образования и воспитания в домашней среде является важным фактором в создании условий для здорового психологического развития [2].

В заключение, важно осознавать, что хотя сетевое образование обладает множеством преимуществ, внедрение этой формы обучения также сопровождается некоторыми психологическими проблемами, особенно в контексте семейного воспитания учащихся. Эти проблемы не могут быть просто проигнорированы и требуют серьезного внимания со стороны общества и образовательных учреждений.

1. Rui X. *Research on the developmental trends of educational psychology in colleges and universities based on social perspective* // *New Curriculum Research*. 2016. № 2. P. 122-124.
2. Ren J. *Analysis of educational networking and the educational psychology issues it raises* // *Knowledge Base*. 2016. № 2. P. 7.
3. Yang Y. *Research on the dilemma of youth ideological and moral education networking and its way out* // *Journal of Shandong Youth Political College*. 2016. № 7. P. 77-81.

Особенности формирования копинг-стратегий молодых учителей как фактор ухода из профессии

Утомление, копинг-стратегии, учителя, уход из профессии

Профессия учителя относится к тяжелым и напряженным видам трудовой деятельности с большой вероятностью развития различных видов хронического стресса на рабочем месте. К наиболее известным последствиям трудового стресса учителя относятся формирование выгорания и хронического утомления с последующим уходом из профессии.

Критичной для успешной адаптации учителей является стажевая группа до 10 лет работы. Чем опытнее учителя (стажевая группа более 20 лет работы), тем чаще «они показывают очень высокую удовлетворенность своей работой» и нежелание сменить профессию, даже «при условии наличия такой возможности» [TALIS, 2019, с.8–9]. Представляется, что успешная адаптация педагогов и дальнейшая эффективная работа во многом связаны с формированием системы стратегий успешного преодоления стресса на начальном этапе трудовой деятельности.

Нами были обследованы с помощью опросников диагностики утомления [2] и копинг-стратегий [1] 73 учителя г. Раменское различного возраста и стажа. Были выделены три группы учителей по стажу профессиональной деятельности: до 10 лет работы (29 человек), от 10 до 20 лет (14 человек) и свыше 20 лет работы (30 человек).

Установлено, что в целом и по стажевым группам у обследованных педагогов выявлен средний уровень стресса, по данным оценки физического, умственного и хронического утомления, без крайних форм развития (очень высоких или очень низких). Различия в уровне утомления в первой и третьей стажевых группах не выявлены.

Практически все копинг-стратегии используются в диапазоне от 40 до 50 Т-баллов, что соответствует средней частоте использования, отсутствуют различия между группами. При этом надо иметь в виду, что человек не использует копинг-стратегии изолированно, по одной, но всегда в комплексе, что дает определенный синергетический эффект. Соответственно, мы выделили корреляционные плеяды (на уровне значимости не ниже, чем 0,001) используемых копинг-стратегий во всех трех стажевых группах. Получены две различных структуры в первой и третьей группах, при этом все корреляции положительны и меняются в диапазоне от 0,55 до 0,71. В первой группе получена «звездная» структура с центром (стратегия Бегство) и лучами к трем другим показателям (Дистанцирование, Самооценка и Конфронтация). В третьей группе выделена кольцевая структура с многократными связями между всеми стратегиями. Показатели Самооценка и Социальная поддержка выступают в качестве своеобразных центров притяжения и имеют по четыре связи с другими компонентами структуры. Показатели Положительная переоценка, Планирование и Дистанцирование имеют по три связи с другими стратегиями.

Таким образом, в первые 10 лет работы у педагогов в условиях выраженного хронического стресса формируется психологическая основа (определенная структура копинг-стратегий) для принятия решения об уходе из профессии как адекватном способе преодоления стресса. У более опытных работников формируется адаптивный комплекс, позволяющий трудиться без особого ущерба для здоровья. Учитывая практически полное отсутствие программ адаптации молодого учителя на рабочем месте, программ психологической поддержки педагогов в школах, проблема текучести молодых учителей может стать весьма актуальной.

1. Вассерман Л.И., и др. *Методика для психологической диагностики способов совладания со стрессовыми и проблемными для личности ситуациями. Пособие для врачей и медицинских психологов.* СПб.: Психоневрологический институт им. В.М. Бехтерева, 2009. 45 с.
2. Леонова А.Б. *Методы субъективной оценки субъективных состояний человека. Практикум по инженерной психологии и эргономике.* М.: Академия, 2004. С. 136–166.
3. TALIS. *Отчет по результатам международного исследования учительского корпуса по вопросам преподавания и обучения TALIS-2018. Ч. 1. М.: Рособназор, 2019. 41 с.*

Индивидуально-типологические проявления школьной вовлеченности в разные периоды обучения

Школьная вовлеченность, осознанная саморегуляция, средняя школа

В последние годы известен широкий интерес к проблеме школьной вовлеченности на разных этапах обучения со стороны российских (Д.А. Александров, И.С. Кострикина, Е.О. Легостаева, и др.) и зарубежных (М.-Т. Wang, A.L. Reschly, H. Lei, и др.) исследователей. Результаты показывают, что это внешнее проявление мотивации, как мобилизованный осознанной саморегуляцией учащегося ресурс обучения, оказывает вклад в успеваемость и способен выступать индикатором познавательной активности (под рук. В.И. Моросановой, 2020-2022). В практическом плане, школьную вовлеченность также можно стимулировать через специально организованные условия обучения, – это способствует усилению интереса учащегося и побуждает его к большей познавательной активности в освоении учебного материала (Д.А. Александров, И.С. Кострикина, и др.).

Цель исследования – выявить индивидуально-типологические проявления школьной вовлеченности учащихся и их различия по осознанной саморегуляции и успеваемости в трех периодах обучения: 1) 5-6, 2) 7-8, 3) 9-11 классы (под рук. В.И. Моросановой, 2020-2022). Исследование выполнено в русле подхода к школьной вовлеченности J. Fredricks [4] и ресурсного подхода к осознанной саморегуляции В.И. Моросановой [1]. Выборка исследования – 1056 учащихся 5-11 классов общеобразовательных школ гг. Москвы и Калуги ($M=13,94\pm 1,92$). Методы исследования: многошкальные опросники: «Многомерная шкала школьной вовлеченности» [3] и «Стиль саморегуляции учебной деятельности ССУД-М» [2], а также методы и процедуры математической статистики пакета IBM SPSS Statistics 21.

Результаты. Для каждого из периодов путем классификации методами кластерного анализа (Уорда, k-средние) были выделены по 4 типологических группы, различающихся профилями показателей поведенческой, когнитивной, эмоциональной и социальной школьной вовлеченности. Общим итогом для каждого из трех периодов ($N=274$; $N=311$; $N=471$) стало отчетливое выделение «верхних» (все показатели профиля выше среднего z-значения) и «нижних» (все показатели ниже среднего z-значения) групп по выраженности компонент школьной вовлеченности. «Верхние» группы ($N=75$; $N=84$; $N=125$; ~27% выборки периода в среднем) значимо ($p\leq 0,000-0,01$) превосходили «Нижние» группы ($N=59$; $N=65$; $N=93$; ~21% в среднем) по общему уровню осознанной саморегуляции и ее стилевых особенностей, а также академической успеваемости ($p\leq 0,01-0,05$).

Выделенные в трех периодах пары «промежуточных» групп учащихся имели два типа профилей школьной вовлеченности. Первый ($N=66$; $N=84$; $N=100$; ~24% в среднем) сочетал более высокие показатели поведенческой и когнитивной вовлеченности. Второй ($N=74$; $N=78$; $N=153$; ~28% в среднем) имел противоположную тенденцию к большим значениям эмоциональной и социальной вовлеченности. Сравнение таких групп внутри периодов позволило обнаружить значимые ($p\leq 0,000$) различия по уровню осознанной саморегуляции только во втором периоде 7-8 классов. По успеваемости «промежуточные» группы во всех трех периодах значимо не различались.

Полученные результаты позволяют предполагать специфические типологические закономерности школьной вовлеченности и осознанной саморегуляции учащихся на разных этапах обучения в средней школе, а также наметить перспективы изучения универсальных и специальных регуляторных ресурсов их успеваемости.

1. Моросанова В.И. Осознанная саморегуляция как метаресурс достижения целей и разрешения проблем жизнедеятельности // Вестник Московского университета. Сер. 14. Психология. 2021. № 1. С. 3–37.
2. Моросанова В.И., Бондаренко И.Н. Диагностика осознанной саморегуляции учебной деятельности: новая версия опросника ССУД-М // Теоретическая и экспериментальная психология. 2017. Т. 10. № 2. С. 27–37.
3. Фомина Т.Г., Моросанова В.И. Адаптация и валидизация шкал опросника «Многомерная шкала школьной вовлеченности» // Вестник Московского университета. Сер. 14: Психология. 2020. № 3. С. 194-213.
4. Fredricks J., Reschly A., Christenson S. Handbook of student engagement interventions: working with disengaged students. London, San Diego: Academic Press, 2019. 399 p.

Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФ (проект № 20-18-00470).

Психология служебной и профессиональной деятельности

Белашева И.В. Ставрополь, ФГАОУ ВО СКФУ
Панина С. Ставрополь, ФГАОУ ВО СКФУ

Мотивация профессиональной деятельности, карьерные ориентации и особенности регуляции эмоций у военнослужащих: вопросы взаимосвязи

*Мотивы профессиональной деятельности, карьерные ориентации, регуляция эмоций,
военнослужащие*

Актуальность изучения мотивации профессиональной деятельности у военнослужащих в настоящее время обусловлена особой социально-политической и экономической обстановкой, сложившейся в нашей стране и мире, когда готовность защищать интересы своей Родины и сограждан выступает как острая необходимость.

В эмоционально сложных условиях несения службы мотивация профессиональной деятельности и сложившиеся карьерные ориентации выполняют регуляторные функции. Представляется актуальным изучить их взаимосвязи с особенностями регуляции эмоций у военнослужащих, что и стало целью исследования.

Выборка: 96 военнослужащих мужчин в возрасте от 22 до 39 лет. Использовались методики диагностики ценностных ориентаций в карьере [3]; основных мотивов выбора профессии [1]; стратегий эмоциональной регуляции [2].

Корреляционный анализ (критерий Спирмена) определил достоверные взаимосвязи ($p \leq 0,01$) между мотивами профессиональной деятельности (моральными, социальными, познавательными, эстетическими, творческими, содержания труда, престижа, материальными) и карьерными ориентациями военнослужащих. Было обнаружено, что стремление к овладению специальными знаниями и их совершенствованию, к эстетике труда, следование моральным принципам, а также достижение значимого социального положения и быстрое продвижение по службе сопряжено с представлением военнослужащих о высоком профессионализме и желанием его достичь. Часто удовлетворение моральных и «трудовых» мотивов военнослужащих происходит в контексте желания через служебную деятельность доказать другим свое превосходство, когда процесс преодоления трудностей и победа важнее, чем профессионализм военного, его квалификация. Военнослужащие, стремящиеся к стабильной длительной службе с гарантированным социальным пакетом, видят в ней возможности удовлетворения потребностей в морально-нравственном развитии и гармонии, при этом перекалывают на командиров ответственность за управление собственной карьерой. Престижной военную службу чаще считают военнослужащие, ориентированные на управление другими, при осознании полноты ответственности за решение служебных задач, желающие доказать свою состоятельность как личности и профессионала. Военнослужащие, ориентированные на служение в смысле помощи другим и желания «сделать мир лучше», удовлетворяют в служебной деятельности актуальные для них мотивы, связанные с её содержанием. В мотивации профессиональной деятельности военнослужащих иногда встречаются и материальные мотивы, сопряженные с предпринимательским типом карьерных устремлений: готов преодолевать препятствия и рисковать для получения индивидуальных благ.

Мотивация профессиональной деятельности и карьерные ориентации коррелируют с особенностями эмоциональной регуляции военнослужащих. Военнослужащие, удовлетворяющие в служебной деятельности мотивы престижа, моральные мотивы, мотивы содержания службы, и ориентированные на самоутверждение, чаще регулируют свои эмоции через их подавление ($p \leq 0,05$). Для военнослужащих с ведущими социальными и познавательными мотивами служебной деятельности, ориентированных в карьере на служение, а также военнослужащих, удовлетворяющих в служебной деятельности материальные мотивы и ориентированных на предпринимательский тип карьеры, более характерна регуляторная стратегия когнитивной переоценки эмоций ($p \leq 0,05$) – адаптивного изменения интенсивности текущей эмоции или её «замена» через осмысление.

Мы предполагаем, что взаимосвязь мотивационных регуляторов профессиональной деятельности военнослужащих со стратегиями регуляции эмоций опосредована их индивидуально-личностными особенностями.

1. Андруник А.П., Безматерных А.Н. Военно-профессиональная мотивация как основа для решения задач в воинском воспитании // *Современные проблемы науки и образования*. 2013. № 3. С. 254.
2. Врублевская М.М., Зыкова О.В. Профориентационная работа в школе: Методические рекомендации. Магнитогорск: МаГУ, 2004. 80 с.
3. Панкратова А.А., Корниенко Д.С. Русскоязычная адаптация опросника ERQ Дж. Гросса // *Вопросы психологии*. 2017. № 5. С. 139-149.
4. Чикер В.А. Опросник "Якоря карьеры" Э. Шейна // *Психологическая диагностика организации и персонала*. 2003. С. 85-96.

Социальные представления о профессиональном общении у сотрудников органов внутренних дел

Социальные представления, сотрудники полиции, профессиональная деятельность

Сотрудник органов внутренних дел (ОВД) в своей профессиональной деятельности несет более высокий уровень ответственности, в сравнении с профессиями, не связанными с защитой жизни, здоровья и прав других людей. Это обстоятельство также требует от сотрудников особенно четкого соблюдения регламента в процессе выстраивания коммуникации с гражданами (пострадавшими, подозреваемыми, обвиняемыми, свидетелями), с коллегами, с руководством. В деятельности сотрудников ОВД один из основных компонентов – коммуникативный. Успешность коммуникации с разными субъектами в профессиональной деятельности сотрудника определяет значимую часть его результативности.

Конструктивность коммуникативного процесса связана со многими факторами. Одним из значимых факторов, определяющих ее, является содержание и структура социальных представлений. Социальные представления – это «мост» между внешними условиями жизнедеятельности и человеком, в его когнитивных, эмоциональных, мотивационных, поведенческих аспектах. Социальные представления возникают в процессе коммуникации и отражают значимые характеристики явления в обыденном сознании человека. Поэтому содержание социальных представлений о профессиональном общении будет отражать отношение сотрудника к субъектам коммуникации, признаки появления и нарастания профессиональной деформации. В организации исследования социальных представлений сотрудников ОВД необходимо использовать приемы и методики, которые менее «прозрачны» с точки зрения прямого оценивания ответа с точки зрения социальной желательности.

В период социальных изменений, роль сотрудников ОВД в жизни общества воспринимается более остро. Поэтому важно обеспечить адекватное психологическое сопровождение их профессиональной деятельности в части коммуникативного компонента.

Методологическая база исследования представлена идеей Б.Г. Ананьева [1] об обусловленности содержания личности общественным бытием и идеями С. Московичи [2] о социальных репрезентациях, об их формировании в ходе коммуникации и отражении значимых характеристик жизнедеятельности.

Выборка состояла из 205 сотрудников ОВД разных подразделений. Метод сбора данных: свободные ассоциации в формате 3 глаголов, 3 прилагательных, 3 существительных на словосочетания «общаться с ... (гражданами, коллегами, начальством)». Исследование проводилось асинхронно, анонимно, добровольно для участников. Обработка данных: частотный анализ, расчет рангов.

Результаты и их обсуждение. Все полученные ассоциации были классифицированы по частотности, однокоренные и семантически близкие – объединены в группы. Далее будут обсуждаться результаты только по наиболее частотным группам. Наиболее частотные группы, в порядке убывания: 1) Качества коммуникаторов: позитивные (254 упоминания), негативные (33); 2) Виды и предмет профессиональной деятельности: общенаправленная (152), специальная [взаимодействие с нарушителями] (39); 3) Субъекты общения (185); 4) Процесс коммуникации (174); 5) Помощь (61); (6) Дружба (26).

Социальные представления сотрудников ОВД о профессиональном общении содержат преимущественно позитивные характеристики коммуникации. Это отражено и в преобладании позитивных качеств коммуникаторов и в выделении отдельных семантических групп «дружба» и «помощь», при одновременном отсутствии семантических групп с негативной коннотацией.

Социальные представления сотрудников ОВД о профессиональном общении являются преимущественно конструктивными и релевантными содержанию профессиональной деятельности и её нормативным требованиям; отражающими задачи социальной поддержки.

1. Ананьев Б.Г. *Человек как предмет познания*. Л.: ЛГУ, 1969.

2. Московичи С. *От коллективных представлений к социальным (к истории одного понятия) // Вопросы социологии*. 1992. Т. 1. № 2. С 83-95.

Ценностно-смысловая сфера спасателей МЧС в современных условиях: теоретический анализ проблемы

Ценностно-смысловая сфера личности, спасатели, МЧС России, пандемия

Глобальные события, например, такие как пандемия «Covid-19» могут оказывать негативное влияние на психическое здоровье. В связи с этим, возрос интерес к исследованию факторов, влияющих на современную личность. Ученые отмечают: увеличение воздействия неопределенности на человека в различных сферах деятельности; изменение привычных форм поведения людей, которое стало источником неблагоприятных психических состояний; повышение рисков психических и соматических расстройств [4].

Система ценностей и смыслов является фундаментальным основанием осознанного выбора личности, а также главным инструментом преодоления неопределенности [2]. Стоит отметить, что в случае недостаточной сформированности смысложизненных ориентаций, критические обстоятельства могут создавать травматический стресс для личности [1].

Существующие исследования показали, что воздействие неопределенности на человека, вызванное пандемией коронавируса и связанная с ней самоизоляция стали контекстом, который повлиял на изменение структуры связей смыслообразующих категорий в мотивационно-смысловой сфере. Например, в исследовании Е. В. Тихомировой утверждается, что в последние годы менее значимыми стали ценности-цели, но актуализировались ценности-ресурсы [3]. А также, согласно исследованию И. А. Филенко: наблюдается перестройка структурных особенностей ценностной и регуляторной систем обеспечения жизнедеятельности в условиях пандемии [4].

Особый интерес представляет влияние глобальных событий на ценностно-смысловую сферу людей, профессиональная деятельность которых сопряжена с риском для здоровья и жизни. В рамках данной работы, нами была выбрана профессия спасателя МЧС России. Рассмотренные нами исследования ценностно-смысловой сферы спасателей МЧС России (Н.В. Потехина, А. В. Маркер, Е. В. Корсакова и др.), позволили нам сформулировать следующие тезисы.

1. Спасатели МЧС обладают такими общими ценностями как семья, любовь, здоровье. В качестве наименее значимой ценности выделяется творчество.
2. Условия жизни человека имеют прямое влияние на его личностные ценности.
3. Актуальность темы исследования ценностно-смысловой сферы спасателей МЧС остается на высоком уровне из-за её недостаточной освещенности в современных научных работах после 2019 года. Таким образом, не раскрыт вопрос влияния пандемии «Covid-19» на ценностно-смысловую сферу спасателей.

В ходе планируемого исследования предлагается изучить особенности ценностно-смысловой сферы спасателей МЧС России на базе ГУ МЧС России по Томской области. В связи с существующими в настоящее время данными возникла гипотеза о том, что: различия в ценностно-смысловой сфере, измеренных на выборке спасателей в 2023 году могут отличаться от предыдущих исследований и отличия могут быть статистически значимыми и в большей степени связаны с фактором пандемии. Планируется использовать следующие методики: тест смысложизненных ориентаций (СЖО) Д. А. Леонтьева, методика диагностики ценностных ориентаций личности С. С. Бубновой. Для статистического анализа данных планируется применить сравнительный анализ. Результаты предложенного исследования позволят продемонстрировать ряд особенностей ценностно-смысловой сферы спасателей МЧС в современных условиях.

1. Потехина Н.В. *Смысложизненные и ценностные ориентации спасателей МЧС России: автореф. дисс... канд. психол. наук.* – СПб, 2005. – 20 с.
2. Салихова А.Б. *Ценностные основания толерантности личности к неопределенности // Вестник Вятского государственного университета.* 2020. № 2 (136). С. 132-141.
3. Тихомирова Е.В., Самохвалова А.Г., Вишневская О.Н. *Психологическое благополучие студентов в условиях высокой неопределенности будущего // Ярославский педагогический вестник.* 2021. № 4 (121). С. 88-96.
4. Филенко И.А. Богомаз С.А. *Изменение характеристик регуляторных процессов и ценностных ориентаций студенческой молодежи в условиях пандемии // Сибирский психологический журнал.* 2022. № 83. С. 46-66.

Травмафокус как методика сохранения ресурсного состояния современного специалиста

Саморегуляция, ресурсное состояние, методика «травмафокус»

Современная ситуация трансформации условий профессиональной деятельности обуславливает актуальность изучения динамики закономерностей изменений личности специалиста для обеспечения его готовности к выполнению функций по предназначению.

Деятельность психологов является значимым фактором обеспечения психического здоровья. Оказание психологической помощи специалистам профессиональных сообществ – всегда щепетильная тема. В кризисные периоды, как правило, психологи организаций подлежат сокращению, а ответственность за помощь перекладывается на специализированные учреждения, обращение в которые является личным делом каждого. Не следует забывать, что у нас не западная, а восточная коллективная философия и множество организаций сохранило психологов, коллективно ответственных за здоровье специалистов. Психолог такой организации должен соблюдать этические нормы неприкосновенности личной истории сотрудника, но в ходе психологического сопровождения обязан способствовать эффективному функционированию коллектива, члены которого могут проявлять ситуативный либо хронический «сбой психики», обусловленный постковидным синдромом, нарастанием военной угрозы и др. В этих случаях резервы саморегуляции психики не дают желаемых результатов. Возникает актуальный запрос на психологический инструментарий, позволяющий учитывать указанное противоречие.

В условиях профессиональной деятельности психолог организаций заинтересован в краткосрочных и эффективных методиках, которые не предусматривали бы раскрытия сути травмирующего события и могли применяться самостоятельно. Имеющийся арсенал можно пополнить методикой – «Травмафокус» (ТФ) Т. Вебера (Австрия), являющейся закономерным результатом дальнейшего развития направления саморегуляции на основе разноуровневых исследований в области физиологии, психологии и психиатрии. Целью метода является полное избавление от блокирующего возбуждения в мозге и в теле человека, сохранение ресурсного состояния. Особенностью ТФ является простота. Это – глубинный и телесно-ориентированный метод сохранения ресурсного состояния, лечения хронических стрессовых расстройств, расстройств личности и болевых расстройств. ТФ позволяет немедленно обрабатывать травматические стрессы без необходимости сознательного доступа к воспоминаниям.

С целью апробации метода ТФ в течение 2022-2023 года в Республике Беларусь психологами государственных организаций для желающих специалистов, испытывающих нересурсные состояния (хроническую усталость, снижение работоспособности, отсутствие настроения для жизнедеятельности) были организованы по три инициированные психологами консультации с применением метода ТФ. После окончания работы каждому из участников было предложено написать эссе о состоянии после эксперимента. Метод обработки эссе – контент-анализ, по его результатам выявлено, что: 1. Большинство участников (65%) указало снижение психологического напряжения, отмечавшегося до эксперимента, 20% из них констатировали появление чувства радости и легкости; 2. Четверть респондентов была удивлена простотой и действенностью проведенной работы; 3. 20% участников самостоятельно использовали в нересурсном состоянии метод ТФ, что позволило улучшить настроение и повысить работоспособность; 4. Около 18% респондентов обесценили метод, сочтя, что ожидаемого эффекта не получили; 5. 15% респондентов в различной форме пожелали предложить такие консультации своим близким и знакомым.

Резюмируем, методика ТФ является действенным инструментом сохранения ресурсного состояния личности и может использоваться в работе психолога со специалистами в организациях, в которых консультация может инициироваться не клиентом. Освоение методики ТФ позволяет специалисту заниматься самостоятельно и обеспечить адекватную саморегуляцию без непосредственного участия психолога.

1. Балинский И.М. Лекции по психиатрии / Под. ред. Н.И. Бондарева, Н.Н. Тимофеева. Л.: Медгиз, 1958. 216 с.
2. Бехтерев В.М. Избранные труды по психологии личности в 2 т. Т. 1 / Под ред. Г.С. Никифорова и Л.А. Коростылевой. СПб.: «Алетейя», 1999. 251 с.
3. Ганнушкин П.Б. Клиника психопатий: их статика, динамика, систематика. М.: Юрайт, 2020. 166 с.
4. Марищук В.Л. Психологические основы формирования профессионально значимых качеств: автореф. дис.... д-ра психол. наук: 19.00.03 / В.Л. Марищук; Ленингр. гос. ун-т. – Л., 1982. – 32.
5. Мержеевский И.П. Об условиях благоприятствующих развитию душевных и нервных болезней в России и о мерах, направленных к их уменьшению // Речь, произнес. при торжеств. открытии Первого Съезда отечеств. психиатров в Москве 5-го янв. 1887 г. пред. его проф. И.П. Мержеевским. – СПб.: 1887. – 25 с.

Роль и место социально-психологической реадaptации в психологическом вспомоществовании участникам боевых действий

*Военная психология, психологическая реабилитация, социально-психологическая реадaptация
военнослужащих*

Специальная военная операция остро поставила перед российским обществом вопрос о психологическом вспомоществовании участникам боевых действий. В ответ на бескомпромиссные вызовы времени в России создаётся уникальная и мощнейшая в истории система психологической реабилитации участников боевых действий. Создан общероссийский фонд «Защитники Отечества» и его многочисленные филиалы в регионах, появляется множество государственных и частных реабилитационных центров, разрабатываются методические рекомендации, определяющие стандарты и протоколы психологической реабилитации, форсированно осуществляется профессиональная переподготовка соответствующих специалистов, выстраивается система органов психиатрической и психотерапевтической помощи. Однако большая часть всей этой работы нацеливается на вспомоществование военнослужащим, страдающим посттравматическим стрессовым расстройством. По оценкам специалистов ожидается, что эта категория военнослужащих может составлять не более 3%-11% от общего количества участников боевых действий (Организация оказания медицинской помощи..., 2022). Таким образом, наибольшие усилия государства и реабилитационных сил нацеливаются на очень важную, но количественно незначительную группу участников боевых действий. Одновременно от 89% до 97% из них оказываются вне поля целенаправленно осуществляемой и всесторонне обеспеченной психологической помощи.

В этих условиях появляется необходимость вновь отчётливо поставить вопрос о необходимости социально-психологической реадaptации, то есть организованном, планомерном психологическом возвращении участников боевых действий и безболезненном встраивании их в мирный социум. Такая вспомоществовающая деятельность касается подавляющего большинства (до 97%) участников боевых действий и нацеливается на решение ряда важнейших психологических задач. Она призвана синхронизировать процессы физического и психологического возвращения участников боевых действий, которые часто не совпадают.

Это достигается, с одной стороны, посредством снижения боевого напряжения воинов, перевода их психики с военного на мирный режим функционирования, перестройки их ценностно-смысловой системы, отреагирования травматических и субтравматических сюжетов, подготовки к конфликтогенным ситуациям мирной жизни, полного удовлетворения обострённых потребностей комплекса «4П», с другой стороны — путём создания реадaptирующей среды в ближайшем, ближнем и дальнем социальном окружении, превращения семьи в эффективный институт социально-психологической реадaptации.

Правильно организованная социально-психологическая реадaptация способна выполнить роль своеобразного «демпфера», гасящего психологические «колебания» ветеранов боевых действий в социуме и предотвращающего нежелательные социальные резонансы и турбулентности.

1. Семенова Н.В., и др. Организация оказания медицинской помощи лицам с посттравматическим стрессовым расстройством: методические рекомендации. СПб.: НМИЦ ПН им. В.М. Бехтерева, 2022.

Особенности гражданской идентичности и толерантности к неопределенности у военнослужащих и военнообязанных запаса в период начала СВО

Военнослужащие и военнообязанные запаса, гражданская идентичность, толерантность к неопределенности

Целостность любой страны обеспечивается не только боеспособностью ее армии, но и единством граждан, входящих в ее состав и их готовностью встать на защиту своих рубежей. Объявление о начале специальной военной операции (СВО) вызвало большой резонанс в обществе. В этой связи исследование гражданской идентичности и толерантности к неопределенности приобрело особую актуальность.

Методологическую базу исследования составили работы Р.В. Борисова, И.В. Вилковой, Ш.Ш. Пирогланова Р.Б. Йохансена, Дж.С. Лаберга и др. по гражданской идентичности, а также труды Т.Л. Крюковой, Л.В. Куликова, Е.Н. Осина, Д. МакЛейн, Р. Лазарус, Г. Селье, С. Фолкман и др., рассматривающие толерантность к неопределенности как основу стрессоустойчивости и саморегуляции личности.

Сбор эмпирических данных осуществлялся весной 2022 года после объявления о начале СВО. В исследовании приняли участие 62 респондента, проходящих военную службу по контракту в вооруженных силах РФ и 30 гражданских лиц, военнообязанных запаса. Все респонденты – мужчины в возрасте от 21 до 41 года.

Основные результаты и их обсуждение. Анкетирование показало, что все респонденты чувствуют себя гражданином своей страны и уважают историческое прошлое России. При этом ответственность за будущее своей страны и готовность ее защищать выразили 97% военнослужащих и 90% гражданских лиц. Понятие «служить Родине» для военнослужащих включает в себя такие категории, как «защищать» (48,39%), «быть полезным» (11,29%), «долг» (11,29%), «выполнение служебных обязанностей» (11,29%), «честь» (3,23%), «патриотизм» (1,61%) и «нет ответа» (12,90%). Для военнообязанных запаса это понятие несколько уже: «защищать» (36,67%), «быть полезным» (20,00%), «патриотизм» (6,67%), «долг» (6,67%), «другое» (6,67%) и «нет ответа» (23,33%).

Исследование гражданской идентичности проводилось по методике «Типы гражданской идентичности» (Р.В. Борисов) [1]. В целом в группе военнообязанных запаса были обнаружены несколько более высокие показатели по всем шкалам сравнению с группой военнослужащих, при этом в обеих группах «Гиперпозитивная гражданская идентичность» выражена на среднем уровне, «Позитивная гражданская идентичность» – на высоком и «Негативная гражданская идентичность» – на низком. Расчёт U-критерия Манна-Уитни показал наличие статистически значимого различия по шкале «Позитивная гражданская идентичность». Таким образом, несмотря на высокий уровень выраженности «адекватной» гражданской идентичности в обеих группах, военнообязанные запаса в большей степени отождествляют себя со своей страной и испытывают умеренный патриотизм.

Методика «Шкала толерантности к неопределенности Д. МакЛейна» (адаптация Е.Н. Осина) [2] показала, что данные практически по всем шкалам в обеих группах находятся в пределах средних значений. Результаты выше среднего в обеих группах по шкале «Отношение к неопределённым ситуациям» указывают на психологическую готовность респондентов принятия различных вариантов развития событий и являются, на наш взгляд, профессионально значимым качеством для военнослужащих. Статистически значимое различие по шкале «Предпочитание неопределённости» свидетельствует о том, что военнообязанные запаса в большей степени открыты неопределённым ситуациям и воспринимают их как менее эмоционально насыщенные.

Выводы. Результаты исследования показали, что и военнослужащие, и военнообязанные запаса призывного возраста в период прохождения специальной военной операции испытывают чувство психологического комфорта от осознания себя гражданами своей страны и готовы ее защищать. У них сформирована позитивная гражданская идентичность, выражающаяся в восприятии себя субъектом собственных действий.

1. Борисов Р.В. Гражданская идентичность в терминах психодиагностики // Вестник Дагестанского государственного университета. Сер. 2. Гуманитарные науки. 2016. Т. 31. Вып. 4. С. 95-99.
2. Осин Е.Н. Факторная структура русскоязычной версии шкалы общей толерантности к неопределённости Д. МакЛейна // Психологическая диагностика, 2010, № 2, с. 65-86.

Особенности психологического благополучия специалистов социномических профессий: пилотажное исследование

Психологическое благополучие, эмоциональное выгорание, сотрудники МВД, преподаватели

Специалисты помогающих профессий чаще других оказываются в ситуации неопределённости: их деятельность менее регламентирована, часто отсутствуют четкие критерии успешного результата их труда. Вместе с тем, к таким специалистам предъявляются повышенные требования, поскольку предметом их трудовой деятельности является человек. Это обуславливает тот факт, что специалисты социномических профессий больше других подвержены риску эмоционального выгорания, что оказывает непосредственное влияние на психологическое благополучие специалистов.

Методологическая база исследования: теории, рассматривающие психологическое благополучие (Б.С. Брагусь, И.А. Джидарьян, И.В. Дубовина, К. Рифф, С.А. Хазова и др.) и эмоциональное выгорание личности (К. Маслач, В.В. Бойко и др.).

Гипотезы исследования: 1) вероятно, в зависимости от специфики сферы профессиональной деятельности представители социномических профессий будут различаться по уровню выраженности психологического благополучия; 2) вероятно, в зависимости от специфики сферы профессиональной деятельности могут быть обнаружены связи параметров психологического благополучия с психологическими особенностями личности.

Эмпирическая база пилотажного исследования: 15 сотрудников МВД, как специалисты, оказывающие помощь в кризисных ситуациях, 15 преподавателей дополнительного образования, как специалисты помогающие развить жизненную перспективу.

Методический инструментарий: «Шкала психологического благополучия» (К. Рифф, адаптация Т.Д. Шевеленковой, П.П. Фесенко) [3]; «Индекс жизненной удовлетворенности» (Б. Ньюгартен, адаптация Н.В. Паниной) [1]; «Определения доминирующего состояния: краткий вариант» (Л.В. Куликов) [2]; Многоуровневый личностный опросник «Адаптивность» (А.Г. Маклаков, С.В. Чермянин) [2].

Расчет U-критерия Манна-Уитни не выявил значимых различий по исследуемым методикам, т.е. представители обеих групп в целом удовлетворены своим актуальным состоянием психологического благополучия.

Корреляционный анализ (Спирмен) показал наличие общей, характерной для обеих групп, статистически высоко значимой ($p < 0,01$) обратной связи между показателями «Управление средой» и «Согласованность между поставленными и достигнутыми целями», т.е. чем больше респонденты прилагают усилий, чтобы контролировать окружающую действительность, тем сложнее им достичь поставленных целей. В группе сотрудников МВД также была выявлена высоко значимая прямая корреляционная связь между «Психологическим благополучием» и «Активным отношением к жизненной ситуации», что свидетельствует об активной жизненной позиции респондентов, их позитивном отношении к жизни, стремлении преодолевать трудности. В группе преподавателей дополнительного образования «Психологическое благополучие» имеет высоко значимые обратные связи с «Последовательность в достижении целей», «Положительная оценка себя и собственных поступков», «Моральная нормативность», что указывает на тот факт, что данные респонденты считают, что достижение психологического благополучия возможно только при смирении с жизненными неудачами, снижении моральных норм и, в целом, указывает на низкую самооценку респондентов.

Вывод: при внешнем сходстве уровня психологического благополучия представителей социномических профессий, его содержание значимо различается по внутреннему психологическому наполнению в зависимости от специфики сферы профессиональной деятельности.

1. Панина Н.В. Индекс жизненной удовлетворенности // *Lifeline и другие новые методы психологии жизненного пути*. М., 1993. 172 с.
2. *Психодиагностика стресса: практикум* / Сост. Р.В. Куприянов, Ю.М. Кузьмина; Мин-во образ. и науки РФ, Казан. гос. технол. ун-т. Казань: Книту, 2012. 212 с.
3. Шевеленкова Т.Д., Фесенко Т.П. Психологическое благополучие личности // *Психологическая диагностика*, 2005, №3, С. 95–121.

Опыт использования методов психологической реабилитации в целях реадaptации военнослужащих ветеранов ВНГ РФ

Военнослужащие, реадaptация, войска национальной гвардии

Данная работа направлена на изучение проводимой над ветеранами войск национальной гвардии (ВНГ) работы по реадaptации после продолжительного нахождения в зоне боевых действий. Военнослужащие, находящиеся долгое время в режиме постоянного стресса, по прибытию в спокойную обстановку не могут адаптироваться к новым условиям.

Актуальность работы обуславливается тем, что военнослужащие по прибытию из зоны боевых действий должны получать качественную психологическую помощь, чтобы предотвратить воздействие стресса и конфликтно-генных событий на поведение (реактивность – проактивность) и саму личность военнослужащего [2, с. 48-55]. Было получено интервью от военного психолога, работающего с реадaptантами и использованы результаты опроса военнослужащих ВНГ, имевших опыт боестолкновений с бандитскими формированиями, а также принимавших участие в текущей СВО. В качестве дополнительных данных использовались научные статьи, посвященные проблеме ОСР (острая стрессовая реакция) или ПТСР (посттравматическое стрессовое расстройство), а также реабилитации и реадaptации военнослужащих.

Реадaptация нужна в первую очередь для возвращения к первоначальному уровню адаптации после смены условий жизни (т.е. адекватный обстоятельствам мирного существования уровень стрессоустойчивости). Военнослужащий после того как закончил выполнять боевые задачи и вернулся в мирную обстановку должен пройти первичное психологическое исследование, которое проводится либо в госпитале или в воинской части у штатного военного психолога. Эти действия выполняются из-за того, что негативное воздействие на психику ветерана создают сильный фактор дезадаптации после возвращения к обычным условиям после экстремальных нагрузок [1, с. 44]. Психотравмы, которые ветеран получает из-за негативного давления на психику и сознание в виде постоянного стресса (деформация внимания, восприятия, представления), а также результаты не долеченного ОСР (проблемы всплывающих воспоминаний или искажающих мыслительные оценки паттерны), тем самым создают предпосылки к таким обстоятельствам как потеря коммуникативной компетентности (обрыв социальных связей с людьми и окружающим миром), ожидание худшего и появления чувства бессмысленности всего того, через что прошёл ветеран (притупление эмоциональных реакций), из-за этого он не сможет выполнять задачи повседневной деятельности по охране общественного порядка и обеспечению общественной безопасности (социальная депривация) [3, с. 97-103].

Поэтому уже в госпитале военнослужащий получает необходимую психологическую помощь и если при выписке из госпиталя повторная диагностика покажет, что остался значительный «след» симптомов ОСР или ПТСР, то ветеран будет направлен в санаторий для прохождения специальных курсов по реадaptации. Диагностированию ОСР или ПТСР помогают различные опросники как «Шкала Стресса», Методики Доктора Куликова «АС/ДС» и др. В обработке полученной информации обычно используется система АРМП (Автоматизированное Рабочее Место Психолога), т.к. на обработку результатов и полученных данных уходит 65-70 мин. По прибытию в санаторий военнослужащий обеспечивается всем необходимым для его нахождения, при этом период реадaptации он может провести как вместе с семьей, так и вместе с военнослужащими своего подразделения.

На этих курсах для военнослужащих работают специалисты по решению социально-психологического конфликта для сглаживания проблемных ситуаций в общении. К примеру действенный метод «психо-соладтики» (маленькие игрушки-гуманоиды) с которыми военнослужащий должен взаимодействовать: инициировать бой, кричать на них, рассказывать всё, о чём он думает. Особое внимание обращают на обучение методике самореабилитации под названием «Ключ» Х.М. Алиева, которая помогает ветеранам в самостоятельной форме снимать стресс, напряжение, головные боли как в группе, так и в индивидуальном порядке.

Результаты исследования военнослужащих ВНГ показывают, что 86,1% из них после выполнения служебно-боевых задач имеют удовлетворительное состояние психического и физического здоровья; более 50% после реабилитации стали чувствовать себя лучше. Результаты опроса показывают, что военнослужащие сами идут в зону СВО, ведомые высокими чувствами: долг защиты Отечества (52,4%); причастность к выполнению важных государственных задач (47,4%); опыт реального боевого опыта (23%); уверенность в войсковом товариществе (12,7%) и принадлежность к судьбе подразделения (12,5%). Большинство военнослужащих, которые изначально сопротивлялись направлению на курс реадaptации, в последствии указали, что направление их на медико-психологическую диагностику и курсы по социальной реабилитации было не только правильным решением, но и полезным для самих военнослужащих, которые получили не только внешнюю помощь, но и получили опыт и возможность научиться методикам самореабилитации и самопомощи.

1. Гзирян В.С. Комплексный подход к реабилитации инвалидов из числа участников боевых действий в Оренбургской области // *Вестник Оренбургского государственного университета*, 2005, № 10-2, с. 43-47.
2. Шабанов Л.В. Психолого-педагогическая инвалидизация как новый вид социальной адаптации // *Актуальные проблемы психологической практики в силовых структурах: Ментальное здоровье и условия его сохранения*, 2022, с. 48-55.
3. Шабанов Л.В. Эстетика горизонта // *Управление персоналом: реалии настоящего и возможности будущего / Материалы I Международной научно-практической конференции. Донецк*, 2022, с. 97-103.

Русскоязычная версия инструмента оценки выгорания «Burnout Assessment Tool» (BAT): результаты апробации в бизнес-среде

Выгорание, опросник, психометрические свойства

Всемирная организация здравоохранения (ВОЗ) определяет выгорание как синдром, являющийся результатом хронического рабочего стресса, с которым не удалось справиться [5]. Данное определение и симптомы выгорания согласно ВОЗ базируются на трехфакторной модели выгорания К. Маслаха и коллег [3]. Эта модель во многом определила исследования в данной области, а основанный на ней опросник – «Maslach Burnout Inventory» (MBI) [3, 1] – стал наиболее часто используемым инструментом оценки выгорания. Однако, будучи разработанным почти 40 лет назад, этот опросник не отражает в полной мере современные представления о феномене выгорания, а также имеет ряд недостатков технического (статистического) характера [4]. Для устранения выявленных недостатков и с целью создания более современного инструмента оценки выгорания была предложена уточненная модель выгорания, а на её основе разработан опросник «Burnout Assessment Tool» (BAT) [4].

В. Шауфели и коллеги [4] определяют выгорание как связанное с работой состояние истощения, характеризующиеся крайней усталостью, сниженной способностью к регулированию когнитивных и эмоциональных процессов, а также эмоциональной отстранённостью от работы. Авторы также выделяют два дополнительных симптома выгорания: психологические и психосоматические жалобы. Основанный на данной модели опросник – BAT – успешно применяется для исследовательских и диагностических целей, в том числе его русскоязычная версия [2]. Однако, предыдущие исследования с использованием русскоязычной версии BAT проведены на выборках сотрудников государственных некоммерческих организаций (школы, библиотеки). Целью данного исследования стала проверка базовых психометрических свойств русскоязычной версии опросника при оценке уровня выгорания сотрудников коммерческих компаний.

Мы использовали русскоязычную версию BAT для оценки уровня выгорания 287 сотрудников российского производственного предприятия. Были использованы четыре субшкалы основной части опросника: «Истощение», «Внутреннее дистанцирование», «Когнитивные затруднения» и «Эмоциональные затруднения». Мы проанализировали внутреннюю согласованность и факторную структуру опросника, а также оценили взаимосвязь между уровнем выгорания и увлеченностью работой с целью проверки конвергентной валидности.

Посредством конфирматорного факторного анализа была проведена оценка моделей измерения выгорания: модели с четырьмя взаимосвязанными факторами первого уровня и модели с общим фактором второго уровня. Обе модели показали хорошее соответствие данным (RMSEA 0.90). Все утверждения опросника имеют достаточно высокие значимые факторные нагрузки. Показатели альфа Кронбаха составили более 0.79 для субшкал и 0.92 для опросника целиком. Также была подтверждена ожидаемая отрицательная взаимосвязь между общим фактором выгорания и увлеченностью работой ($r = -0.44, p.001$).

Результаты исследования подтверждают, что русскоязычная версия опросника BAT является надежной и валидной и может быть использована для оценки уровня выгорания сотрудников коммерческих организаций.

1. Водопьянова Н.Е., Старченкова Е.С., Наследов А.Д. Стандартизированный опросник «Профессиональное выгорание» для специалистов социономических профессий // *Вестник Санкт-Петербургского университета. Социология*, (4), 2013, 17-27.
2. Колачев Н.И., и др. Личностные ресурсы и выгорание у сотрудников библиотек Московской области. *Организационная психология*, Т. 9, №. 2, 2019, с. 129-147.
3. Maslach C., Jackson S. *Maslach Burnout Inventory. Manual, 2nd ed. Consulting Psychologists Press. USA, CA, Palo Alto, 1986.*
4. Schaufeli W., Desart S., De Witte H. *Burnout Assessment Tool (BAT) —development, validity, and reliability // International journal of environmental research and public health. V. 17. №. 24. 2020. P. 9495.*
5. *WHO International Classification of Diseases (ICD-11). WHO: Switzerland, Geneva, 2019.*

Совладающее поведение и посттравматический рост у курсантов и военнослужащих по призыву

Стратегии совладания, адаптация, посттравматический личностный рост, военнослужащие

В контексте текущей социально-политической ситуации все большее число молодых людей, военнослужащих по призыву и курсантов военных училищ, имеют шанс обрести боевой опыт. Их личностные ресурсы еще не полностью сформированы, а жизненного опыта недостаточно для уверенной адаптации в боевой среде, что оборачивается их уязвимостью для расстройств посттравматического характера. Сегодня все чаще публикуются исследования, подтверждающие, что выраженный стресс является предиктором личностного роста на отдаленных этапах переживания травмы, а сам личностный рост связан со стратегиями преодоления [1]. Введение эффективных адресных программ профилактики влияния боевого стресса посредством инициации основных элементов ПТЛР и тренировки навыков осознанного выбора адаптивных стратегий совладания может снизить дезадаптивные последствия участия молодых людей в боевых действиях. Это обусловило цель работы: исследовать совладающее поведение и посттравматический рост (далее – ПТЛР) у молодых людей в условиях военной службы.

Теоретическую основу исследования составили: когнитивная теория стресса Р. Лазаруса и С.Фолкмана, социально-когнитивная модель посттравматического роста личности [Р. Тэдэши и Л. Кэлхоун, 2004], современные исследования взаимосвязи ПТЛР с копинг-стратегиями. Посттравматический личностный рост мы понимаем как субъективный опыт позитивного психологического изменения после воздействия на человека стрессора, угрожающего жизни [1]. Методы исследования: опросник «SACS» (С. Хобфолл); опросник «Копинг-поведение в стрессовых ситуациях» (С. Норман, Д.Ф. Эндлер в адаптации Т.А. Крюковой); опросник посттравматического роста личности Р. Тэдэши и Л. Кэлхоун. в адаптации М.Ш. Магомед-Эминова. Методы статистики: дескриптивный анализ; коэффициент ранговой корреляции Спирмена; U-критерий Манна-Уитни. Выборка исследования: военнослужащие по призыву (N=80); курсанты летного училища (N=60).

Сравнительный анализ стратегий совладающего поведения для групп курсантов и военнослужащих показывает, что у курсантов присутствует более широкий спектр адаптивных стратегий преодоления, в то время, как у военнослужащих наряду с адаптивной проблемно-ориентированной стратегией присутствует неоднозначная стратегия избегания. Реже всего курсанты используют стратегии Принятие ответственности, Избегание; а военнослужащие – Отвлечение.

Посттравматический рост в обеих группах представлен одинаковой иерархией выраженности отдельных шкал (наибольший вклад в него вносит шкала Отношение к другим, наименьший – Духовные изменения) при том, что в группе курсантов общий уровень ПТЛР (M=56,7; $\sigma=4,7$) выше, чем у военнослужащих по призыву (M=6,47,2; $\sigma=3,3$).

Паттерны взаимосвязи ПТЛР и стратегий совладания в группах респондентов существенно различаются, иллюстрируя специфику переживаний, когнитивных процессов и особенностей социальной ситуации их представителей: курсанты достигают Духовных изменений, прибегая к Ассертивным стратегиям; их Новые возможности взаимосвязаны со стратегией Вступления в контакт. У военнослужащих Духовные изменения, Отношение к другим и Новые возможности сопряжены с эмоциональным способом переработки стресса, а Усиление личности и Повышение ценности жизни – со стратегией Социального отвлечения. Кроме того, в группе курсантов лица с высокими способностями ПТЛР обладают намного более выраженными адаптивными стратегиями, а лица, не предрасположенные к ПТЛР, отличаются выраженными манипулятивными и конфронтационными стратегиями при сниженном самоконтроле. Полученные результаты позволяют выстраивать адресные программы профилактики ПТСР.

1. Зелянина А.Н., Падун М.А. К проблеме посттравматического личностного роста: современное состояние и перспективы // Психологические исследования. 2017. Т. 10, № 53. С. 4.

Понятийные способности и эффективность совладающего поведения

Понятийные способности, копинги, эффективность

Научные факты соотношения показателей интеллектуальных способностей и стратегий совладающего поведения неоднозначны: постулируется, что субъекты с более высокими показателями интеллектуальных способностей выбирают проблемно-ориентированные стратегии совладания или же диаметрально противоположное – отсутствуют связи между уровнем интеллекта и выбором определенной стратегии совладания либо констатируется склонность лиц с высокими показателями интеллектуальной продуктивности выбирать социальные и эмоциональные копинги. Соответственно, есть основания сделать заключение о том, что психометрический интеллект не имеет прямого отношения к регуляции совладающего поведения.

Один из вариантов выхода из этой противоречивой ситуации – обратиться к анализу роли понятийных способностей в совладающем поведении, так как для совладающего поведения решающую роль играет способность к концептуализации (оцениванию и интерпретации трудной жизненной ситуации, выявлению ее релевантных признаков, конструированию ее прошлых и будущих состояний и т.п.). Следовательно, можно ожидать, что понятийные способности имеют прямое отношение к регуляции совладающего поведения.

Анализ роли понятийных (категориальных и концептуальных) способностей в совладающем поведении показал, что у респондентов с максимальной мерой выраженности шести типов совладания из семи (социотропный, проблемно-ориентированный, интернализация, эмоциональное реагирование, активное социальное взаимодействие, отстранение, за исключением копинга «мобилизация») значимо выше показатели концептуальных способностей. Характерно, что различия по показателям категориальных способностей между этими подгруппами отсутствовали [2].

В исследовании А.В. Трифионовой (студенческая выборка) была обнаружена слабая связь показателя концептуальных способностей (методика «Понятийный синтез») и копинг-стратегии Планирование решения проблемы (в терминах опросника Лазаруса) ($p \leq 0,05$) [1]. В то же время в рамках факторного анализа стратегии совладания образовали самостоятельные факторы, что свидетельствует о том, что в студенческой выборке обнаруживает себя довольно тревожная тенденция: интеллектуальные способности, в том числе понятийный опыт молодых людей, не участвуют в регуляции их совладающего поведения.

В исследовании старших школьников ($N=113$), согласно результатам факторного анализа, показатели категориальных (методика «Обобщение трех слов») и концептуальных (методика «Понятийный синтез») способностей вошли в один фактор с весом 0,840 и 0,769), тогда как стратегии совладания (в терминах опросника Лазаруса) распределились по двум другим факторам [3] – связи между понятийными способностями и стратегиями совладания отсутствуют. Однако кластерный анализ данных указал на то, что «хорошие ученики» (в данной выборке именно категориальные способности коррелируют с учебной успеваемостью) отличаются меньшей выраженностью стратегии Бегство ($p=0,05$), тогда как «хорошие мыслители» (более выраженной готовности выявлять «невозможные» связи между понятиями и конструировать более сложный контекст) – большей выраженностью стратегий Самоконтроль ($p=0,003$) и Планирование решения проблемы ($p=0,01$). Соответственно, именно старшие школьники с более выраженными концептуальными способностями предпочитают использовать эффективные «контролирующие» копинги, что, возможно, свидетельствует о присущем им более высоком уровне рефлексивной саморегуляции.

Таким образом, концептуальные способности связаны с выраженностью стратегий совладания, и в этих связях четко просматриваются следующие закономерности: респонденты старшего подросткового и юношеского возраста с более высокими показателями концептуальных способностей, во-первых наряду с проблемно-ориентированными копингами преимущественно выбирают эмоциональные и социальные стратегии совладания с трудными жизненными ситуациями, во-вторых, у них шире спектр используемых стратегий совладания и, в-третьих, им присущи стратегии рефлексивного (контролирующего) типа.

1. Трифионова А.В. Взаимосвязь когнитивных способностей и копинг-стратегий у будущих специалистов // *Наукосфера*. 2021. № 12 (1).
2. Холодная М.А. Психология понятийного мышления: от концептуальных структур к понятийным способностям. М.: Институт психологии РАН, 2012.
3. Холодная М.А., Сиповская Я.И. Понятийные способности: теория, диагностика, эмпирика. М.: Институт психологии РАН, 2023.

Проблема психологической поддержки развития личности будущего профессионала морской профессии

Психологическая поддержка, профессионально-личностное развитие, профессиональное самоопределение

Профессиональное самоопределение личности в условиях колледжа (вуза), рассматриваемое в качестве важного этапа социализации молодого человека, который завершается наступлением его мировоззренческой зрелости, характеризуется развитием общественно значимых мотивов, среди них – профессионально значимые мотивы поведения и деятельности будущего специалиста профессии. Чаще всего термин – психологическая поддержка – понимается как система социально-психологических, психолого-педагогических способов и методов помощи личности с целью оптимизации её психоэмоционального состояния в процессе формирования способностей и самосознания, содействия профессиональному самоопределению, повышению конкурентоспособности на рынке труда и направлению усилий человека на реализацию продуктивной профессиональной деятельности. Анализ работ отечественных и зарубежных исследований в области психологии личности и педагогической психологии (И. В. Дубровина, М. Ю. Кондратьев, В. А. Крутецкий, Л. М. Фридман и др.) по определению понятия и содержания психологической поддержки профессионально-личностного развития личности указывают на предпосылки, позволяющие осуществить теоретическое осмысление проблемы, а также позволяют утверждать актуальность данного аспекта сопровождения в рамках образовательного учреждения. Отмечая плодотворность полученных данных научных исследований, следует признать, что в педагогической психологии вопросы психологической поддержки профессионально-личностного развития будущего специалиста профессии не были предметом специального изучения. Потребность устранить данный пробел в научном знании определяет актуальность нашего исследования.

Предметом исследования выступают возможности профессионально-личностного развития будущих специалистов морской профессии средствами психологической поддержки, осуществляемой психологической службой средне-профессионального учебного заведения.

Эмпирическое исследование проводилось с 20.10.2022 по 10.02.2022 года на базе морского колледжа морской академии Морского государственного университета имени Н.И. Невельского, г. Владивосток. Респондентами выступали курсанты, обучающиеся по направлениям подготовки «Судовождение» (специальность: техник-судоводитель), «Эксплуатация судовых энергетических установок» (специальность: техник-судомеханик), «Эксплуатация судового электрооборудования и средств автоматики» (специальность: техник-электромеханик). Для проведения исследования была сформирована выборка, которую составили: курсанты 1 курса – 214 человек.

В соответствии с компетенциями курсантов морского колледжа и темой исследования была подобрана батарея методик: исследование самоотношения (В.В.Столин, С.Р.Пантилеев); диагностика коммуникативной социальной компетентности (Н.П.Фетискин, В.В. Козлов, Г.М.Мануйлов); опросник «Социально-психологические характеристики субъекта общения»; «Якоря карьеры» методика диагностики ценностных ориентаций в карьере (Э.Шейн, перевод и адаптация В.А.Чикер, В.Э.Винокурова); Опросник конструктивности мотивации (А.А.Реан, О.П.Елисеева); Опросник социально-психологической адаптации К. Роджерса и Р. Даймонда; Методика коммуникативного контроля М. Шнайдера «Коммуникативные и организаторские склонности» В.В. Синявский, В.А. Федорошин (КОС).

Полученные данные проведенного исследования о процессе профессионально-личностного развития курсантов 1 курса морского колледжа Морской академии МГУ им. Н.И. Невельского свидетельствуют о существенной потребности в психологической поддержке со стороны Отдела воспитательной работы данного учреждения. По итогу эмпирического исследования по батарее методик были составлены личностные профили каждого курсанта 1 курса. Результаты могут быть применены в разработке и обосновании психологической поддержки профессионального развития курсантов в контексте работы психологической службы морского колледжа морской академии МГУ им. Н.И. Невельского, а также для консультативной помощи: как индивидуальной, так и групповой.

1. Луговский В.А. Психология профессиональной деятельности: учеб. метод. пособие. Краснодар.: КубГАУ, 2015. 101 с.
2. Мартынов С.Д. Профессионалы в управлении. Л.: Лениздат. 1991.
3. Психологическое обеспечение профессиональной деятельности. СПб.: СПбГУ. 1991. 125 с.
4. Сейтешев А.П. Профессиональная направленности личности. Теория и практика воспитания. Алма-Ата: 1990. С.54.

Психологические предпосылки возникновения соматических последствий у сотрудников пожарно-спасательных служб

МЧС России, заболеваемость, посттравматическое стрессовое расстройство, алкогольная зависимость

Вопросы профилактики, раннего выявления патологии, сохранения на службе психически и соматически здоровых кадров особенно актуальны среди специалистов профессий экстремального профиля. Ю.А. Александровский утверждает, что процесс дезадаптации включает «взаимосвязь психических расстройств с вегетативными дисфункциями и соматических расстройств с личностно-типологическими особенностями личности» [1, С. 61]. При этом остается недостаточно изученным и дискуссионным вопрос психологических предпосылок, оказывающих модифицирующее влияние на характер и течение заболеваний.

Цель: изучение роли психологических особенностей в возникновении и динамике общей соматической заболеваемости у специалистов пожарно-спасательного профиля.

Объект исследования: сотрудники МЧС России ($n=228$), мужского пола в возрасте от 25 до 35 лет, стаж службы от 3 до 11 лет, сотрудники МЧС России ($n=228$), с различным опытом ликвидации сложных пожаров.

Методы и методики исследования: стандартизированный метод исследования личности (Л.Н. Собчик), тест М. Люшера, опросник травматического стресса (И.О. Котенева), анонимная анкета (для изучения показателей общей заболеваемости за год, наличия черепно-мозговых травм, алкогольной зависимости, периодичности участия в тушении сложных пожаров). Математический анализ проводился методом моделирования структурными уравнениями.

Анализ структурной модели позволил установить, что возраст и стаж службы косвенно влияют на частоту общей заболеваемости сотрудников МЧС России. Медиаторами этого эффекта выступают систематичность употребления алкоголя ($\beta=0,33$), симптомы «избегания» ($\beta=0,28$) и «физиологической гипервозбудимости» ПТСР ($\beta=0,43$). Многократно болеют в течение года сотрудники МЧС с длительным профессиональным стажем, часто употребляющие алкогольные напитки ($\beta=0,22$). Психическую напряженность ($\beta=0,23$) и фрустрацию усиливают симптомы «избегания» ($\beta=0,41$) и «физиологической гипервозбудимости» ПТСР ($\beta=0,83$). Часто болеют ($\beta=0,19$) в течение года молодые сотрудники МЧС, не имеющие опыта работы в экстремальных условиях. Черепно-мозговые травмы усиливают симптомы «физиологической гипервозбудимости» ПТСР ($\beta=0,83$), «избегания» ($\beta=0,23$) и фрустрации ($\beta=0,23$), создавая predisposition частой утраты трудоспособности ($\beta=0,28$). Длительность заболеваемости опосредованно детерминирована сложностью профессиональной деятельности ($\beta=0,27$). При этом на частоту и длительность заболеваемости косвенно влияют преморбидные личностные особенности сотрудников МЧС – индивидуалистичность ($\beta=0,26$) и импульсивность ($\beta=0,13$) (медиаторы первого порядка). Профессиональные стресс-факторы усугубляют преморбидно существующую неконформность и эмоциональную холодность в межличностных отношениях, актуализируют защитный механизм ухода от реальности. На этом фоне усиливаются симптомы «избегания» ($\beta=0,21$; медиатор второго порядка), «гипервозбудимости» ПТСР ($\beta=0,83$; медиатор третьего порядка) и психическая напряженность ($\beta=0,23$), которые в совокупности способствуют частой заболеваемости ($\beta=0,28$). Многократное участие в ликвидации сложных пожаров усиливает психопатические черты возбудимого типа ($\beta=0,17$; медиатор первого порядка), выраженную конфликтность и импульсивность поведения. Такая predisposition служит почвой для пристрастия к алкоголю ($\beta=0,16$, медиатор второго порядка) и способствует увеличению частоты заболеваемости ($\beta=0,22$).

Таким образом, частота общей заболеваемости зависит от возраста и сложности служебной деятельности, а длительность косвенно детерминирована психологическими медиаторами – психопатическими и шизоидными чертами личности. Импульсивность, индивидуалистичность и черепно-мозговые травмы являются ключевыми факторами, способствующими выраженности алкогольной зависимости, симптомов посттравматического стрессового расстройства, частоты и длительности заболеваемости у сотрудников МЧС России, неоднократно участвовавших в ликвидации сложных пожаров.

1. Александровский Ю.А. *Пограничные психические расстройства*. М.: Медицина, 2000. 496 с.

Особенности проявления психологических последствий у специалистов МЧС России в результате воздействия экстремальных факторов

МЧС России, психологические последствия, чрезвычайные ситуации, постэкспедиционное обследование

Профессиональная деятельность специалистов МЧС России проходит в быстро меняющихся условиях работы, повышенной ответственности, многозадачности и подвергаются сильному и внезапному воздействию стрессогенных факторов, что ведет к перегрузке адаптационных механизмов личности и появлению негативных психологических последствий. Для своевременного выявления негативных последствий экстремальных факторов, личный состав МЧС России проходит постэкспедиционное психодиагностическое обследование (групповая форма), которое позволяет выявить изменения в психологических проявлениях (наличие симптоматики острых стрессовых реакций, уровень депрессии, силу негативного влияния травматического события и др.) (Тарасова, Казакова, 2016). Необходимо отметить, что в настоящее время нет исследований, посвященных изучению взаимозависимости психологических последствий, возникающих у специалистов МЧС России вследствие воздействия экстремальных факторов, с возрастом, трудовым стажем и сроком пребывания в зоне чрезвычайной ситуации (ЧС).

В исследовании приняло участие 2450 специалистов МЧС России, участвующих в ликвидации последствий ЧС: средний возраст $33,6 \pm 7,6$ лет; стаж работы $8,4 \pm 6,6$ лет; количество времени, проведенного в зоне ЧС $10,6 \pm 7,7$ дней (Тарасова, 2022). Психодиагностический инструментарий: Оценка влияния травматического события Горовица; Шкала депрессии Бека-Зунге; Опросник травматического стресса И.О. Котенева. Распределение выборки по возрастным группам (Гуров, 2018): 20-21 год, 22-28 лет, 29-35 лет, 36-43 года, 44-49 лет, 50-56 лет, 57-65 лет; по стажу работы: менее 3 лет, 3-7 лет, 8-12 лет, более 12 лет; по количеству дней пребывания в зоне ЧС: менее 5 дней, 5-7 дней, 8-14 дней, более 14 дней. Согласно корреляционному анализу (Спирмен, IBM SPSS Statistics Version 22) установлено, что чем старше специалисты МЧС России, тем ярче выражены у них диссоциативные симптомы ($r = 0,078$; $p = 0,01$), гиперактивация ($r = 0,078$; $p = 0,01$), они дольше переживают навязчивые воспоминания травматического события ($r = 0,086$; $p = 0,01$), при этом с увеличением возраста снижается избегание ($r = -0,064$; $p = 0,01$). Чем выше стаж работы, тем выраженнее у специалистов МЧС России деперсонализация ($r = 0,062$; $p = 0,01$), симптомы повторного переживания травмы ($r = 0,068$; $p = 0,01$) и гиперактивация ($r = 0,077$; $p = 0,01$). С увеличением количества дней на ЧС увеличивается гиперактивация ($r = 0,052$; $p = 0,05$) и физическая возбудимость ($r = 0,098$; $p = 0,01$), при этом со снижением количества дней пребывания на ЧС будут наиболее выражены депрессивные тенденции ($r = -0,076$; $p = 0,01$), диссоциация ($r = -0,075$; $p = 0,01$) и переживание травматического события ($r = -0,074$; $p = 0,01$). Согласно критерию Краскела-Уоллиса и дескриптивному анализу наиболее выраженные психологические последствия у специалистов МЧС России в зависимости от возраста, стажа и срока пребывания в ЧС распределились следующим образом:

1. Возраст: 20-21 год (повторное переживание травмы), 22-28 лет (дистресс и дезадаптация), 29-35 лет (диссоциативные симптомы), 36-43 года (повторное переживание травмы), 44-49 лет – (повторное переживание травмы), 50-56 лет (гиперактивация и физиологическая возбудимость), 57-65 лет (гиперактивация и физиологическая возбудимость).

2. Трудовой стаж: менее 3 лет (диссоциативные симптомы), 3-7 лет (повторное переживание травмы), 8-12 лет (диссоциативные симптомы), более 12 лет (дистресс и дезадаптация).

3. Срок пребывания в зоне ЧС: менее 5 дней (повторное переживание травмы), 5-7 дней (диссоциативные симптомы), 8-14 дней (гиперактивация и физиологическая возбудимость), более 14 дней (гиперактивация и физиологическая возбудимость).

Полученные результаты позволят специалистам психологической службы МЧС России эффективнее проводить психопрофилактические и психокоррекционные мероприятия со специалистами МЧС России, вернувшихся после работы на ЧС, учитывая особенности изученных параметров (возраст, стаж, срок пребывания на ЧС).

1. Гуров В.А. Хронобиология. Возрастная периодизация // *Universum: Химия и биология: электрон. научн. журн.* 2018. №4(46). – URL: <http://7universum.com/ru/nature/archive/item/5703> (дата обращения: 15.03.2023).
2. Тарасова А.А., Казакова И.А. Изучение индивидуально-психологических и психофизиологических особенностей личности в рамках психодиагностических мероприятий в системе МЧС России // *Сборник материалов II Всерос. съезда психологов силовых структур РФ. Под ред. Ю.П. Зинченко, А.Г. Караяни, Ю.С. Шойгу. М.: ФКУ ЦЭПП МЧС России, 2016. С. 165–176.*
3. Тарасова А.А. Оценка групповой формы постэкспедиционного психодиагностического обследования в МЧС России на основе психологических показателей // *Материалы международной научной конференции. Под общ. ред. А.В. Шаболатас. Отв. ред. В.И. Прусаков, Санкт-Петербург, 2022. С. 593–595*

Сравнительный анализ показателей психологического благополучия при разных уровнях выраженности личностной автономии у спасателей МЧС России и специалистов профессиональной сферы "человек-человек"

МЧС России, психологическое благополучие, личностная автономия

В настоящее время нет единого мнения как рассматривать личностную автономию (ЛА) – как синоним свободы, отдельную диспозицию личности или характеристику отношений с другими людьми. Рассматривая ЛА через межличностные отношения Р. Гиршвильд выделил 3 направления – эмоциональная опора на других, неуверенность в себе и стремление к автономии. При этом Р. Борнштейн выделяет деструктивную сверхзависимость, здоровую зависимость и дисфункциональное отделение. В теории самодетерминации Э. Деси и Р. Райана ЛА представляется одним из главных механизмов человеческой мотивации – не просто способность, но и потребность личности быть самоиницируемой и саморегулируемой. Согласно теории самодетерминации, потребность в автономии необходима для психологического благополучия. Высокий ЛА может быть сопряжен со множеством положительных, с точки зрения психологического благополучия личности, факторов – от повышения производительности деятельности до более высоких оценок собственного благосостояния. Из-за сложной и неоднозначной структуры ЛА трудно сказать, какой из ее аспектов может оказаться непосредственно связанным с уровнем психологического благополучия личности (Леонтьев, 2000).

В исследовании приняли участие 152 человека, из них 76 человек спасатели МЧС России (возраст от 18 до 55 лет, средний стаж работы $8,3 \pm 4,4$ год) и 76 человек специалисты профессиональной сферы деятельности «человек-человек» (возраст от 18 до 55 лет, средний стаж работы $5,0 \pm 5,8$ лет). Психодиагностический инструментарий: «Русскоязычный опросник каузальных ориентаций» в адаптации О.Е. Дергачевой, Л.Я. Дорфман, Д.А. Леонтьева, «Тест профиля отношений» в адаптации О.П. Макушиной, «Уровень субъективного контроля» Е.Ф. Бажина, Е.А. Голынкиной, Л.М. Эткинд., «Шкала психологического благополучия» К. Рифф. Согласно корреляционному анализу (Спирмен, IBM SPSS Statistics Version 22) установлены следующие взаимосвязи и в группе спасателей МЧС России (С) и в группе специалистов профессиональной деятельности «человек-человек» (Ч-Ч): здоровая зависимость и автономная каузальная ориентация: С ($r = 0,468$, $p = 0,01$), Ч-Ч ($r = 0,242$, $p = 0,05$); психологическое благополучие и здоровая зависимость: С ($r = 0,627$, $p = 0,01$), Ч-Ч ($r = 0,601$, $p = 0,01$), психологическое благополучие и интернальность: С ($r = 0,543$, $p = 0,01$), Ч-Ч ($r = 0,438$, $p = 0,01$).

Согласно «U-критерию Манна-Уитни» установлены значимые различия ($p \leq 0,05$) между группой спасателей МЧС России и группой специалистов профессиональной сферы «человек-человек» по параметрам «дисфункциональное отделение», «автономная каузальная ориентация», «внешняя каузальная ориентация», «безличная каузальная ориентация». Для исследования структуры ЛА и психологического благополучия в группах спасателей МЧС России и специалистов профессиональной сферы «человек-человек» был применен факторный анализ. В группе спасателей МЧС России выделены 3 фактора: 1 фактор – «психологическое благополучие» (43 % дисперсии), 2 фактор – «интернальность» (11,3% дисперсии), 3 фактор – «нарушение личностной автономии» (10% дисперсии). В группе специалистов профессиональной сферы «человек-человек» выделены 4 фактора: 1 фактор – «психологическое благополучие» (33% дисперсии), 2 фактор – «интернальность» (14% дисперсии), 3 фактор – «стиль реагирования» (9% дисперсии), 4 фактор – «тип взаимодействия с окружающими» (7% дисперсии).

Таким образом, можно сделать вывод не только о существовании значимых различий между группами, но о специфике понятия ЛА для каждой из изучаемых групп. Для спасателей МЧС России ЛА – это самостоятельность в принятии решений, характеризующаяся большой опорой на внутреннюю мотивационную систему. Для специалистов профессиональной сферы «человек-человек» ЛА ассоциируется с установлением личностных границ, поэтому поддержание доверительных и теплых отношений с гибкостью каузальных ориентаций характеризуется элементом отделения от другого человека.

1. Леонтьев Д.А. Психология свободы: к постановке проблемы самодетерминации личности // Психологический журнал. 2000, Т. 21, № 1. С. 15-25.

Психоэмоциональное состояние сотрудников ГПС МЧС России, участвовавших в ликвидации чрезвычайной ситуации

Психология экстремальных ситуаций, экстремальные состояния, МЧС России

Профессиональная деятельность пожарных протекает в условиях, представляющих непосредственную опасность для жизни специалистов, а также других людей, за которых они несут ответственность. Степень нагрузки предъявляет определенные требования к личностным и профессиональным характеристикам спасателя, психологической подготовленности сотрудников.

В настоящее время наиболее актуальной является проблема психопрофилактики и разработки в рамках ее проведения мероприятий для восстановления оптимального функционального состояния и минимизации психологических последствий, связанных с выполнением деятельности специалистами, деятельность которых связана с высокой психоэмоциональной нагрузкой [1].

Проблема заключается в том, что на данный момент не обозначены личностные характеристики, позволяющие определить психологическую готовность к выполнению работ в экстремальных условиях.

Гипотеза исследования: участие в ликвидации пожара повышенной ранговой сложности имеет негативные последствия для психоэмоционального состояния сотрудников ГПС МЧС России, участвовавших в ликвидации пожара повышенной ранговой сложности. Цель исследования – изучить особенности психоэмоционального состояния сотрудников ГПС МЧС России, участвовавших в ликвидации пожара повышенной ранговой сложности. Объект исследования – психоэмоциональное состояние пожарных. Предмет исследования – психоэмоциональное состояние пожарных, участвовавших в ликвидации пожара повышенной ранговой сложности.

Для решения поставленных задач были использованы следующие методы исследования: анкетирование; опросник травматического стресса (ОТС) И.О. Котенева; многоуровневый личностный опросник «Адаптивность» А.Г.Маклакова и С.В.Чермянина; интегративный тест тревожности А.П. Бизюк, Л.И. Вассерман и Б.В. Иовлев; тест на определение стрессоустойчивости личности Н.В. Киршевой, Н.В. Рябчиковой. Исследование проводилось на базе главного управления МЧС России по Самарской области. Экспериментальную группу (25 чел.) и контрольную группу (25 чел.) составили сотрудники Главного управления МЧС России по Самарской области (мужчины) в возрасте $32,5 \pm 7,5$ лет, со средним стажем службы 9 лет, участвовавшие в ликвидации пожара повышенного ранга сложности на ул. Профильная, 6 (13.07.2020-15.07.2021, г.Самара) и не участвовавшие в тушении данного пожара.

Выводы.

1. У пожарных, принимавших участие в ликвидации пожара повышенной ранговой сложности, выявлено достоверное снижение фона настроения, а также наличие интенсивных эмоциональных переживаний, связанных с участием в профессионально стрессогенном событии ($p < 0,05$).

2. Все пожарные отнесены к группе удовлетворительной адаптации, т.е. успех адаптации определяется внешними средовыми условиями, а повышение количества стрессогенных факторов профессиональной деятельности может привести к проявлениям дезадаптации.

3. У пожарных, принимавших участие в тушении пожара повышенной ранговой сложности, достоверно выше астенический компонент и уровень эмоционального дискомфорта ситуативной тревожности ($p < 0,05$).

4. Всем пожарным характерна высокая способность справляться со стрессами, но в группе пожарных, принимавших участие в тушении пожара повышенной сложности, уровень стрессоустойчивости достоверно ниже, чем в контрольной ($p < 0,05$).

5. Ведущими психологическими факторами при развитии острых и хронических стрессовых расстройств у пожарных являются импульсивность в принятии решений, склонность к излишней эмоциональности, тревожности, низкая способность регулировать своё взаимодействие со средой деятельности, пренебрежение соблюдением общепринятых норм поведения, недостаточный у личности уровень для эффективного процесса социально-психологической адаптации ($p < 0,05$).

1. Елисеева И.Н. *Методические сценарии учебных занятий по психологической подготовке специалистов МЧС России (на примере психологической подготовки спасателей в рамках повышения классности): Метод. рекомендации.* М., 2011. 496 с.

Взаимосвязь метакогнитивных убеждений и эмпатии у студентов-медиков

Когнитивная эмпатия, аффективная эмпатия, метакогнитивные убеждения, студенты

Эмпатия относится к профессионально важным качествам медицинских работников. Эмпатические навыки составляют важную часть коммуникативных навыков врача [2]. Рефлексивные способности и метакогнитивные убеждения могут пониматься как регулятивные контуры эмпатии. Метакогнитивные убеждения формируют оценочные установки по отношению к ситуации, беспокойство как оценка незнакомой ситуации может стать самостоятельным предметным содержанием сознания вместо когнитивного анализа ситуации. Отношение к содержанию собственного сознания и к переживаниям другого, таким образом, может искажаться негативными метакогнитивными установками. Изучение взаимосвязей метакогнитивных убеждений и компонентов эмпатии позволит обнаружить возможные препятствия развития эмпатии, формирования коммуникативных навыков.

Методы исследования. 1. Краткая версия опросника метакогнитивных убеждений: Wells, Cartwright-Natton (2004), Н.А. Сирота, Д.В. Московченко, В.М. Ялтонский, А.В. Ялтонская (2018) [3]. 2. Опросник Когнитивной и Аффективной эмпатии (ЭКА) – QCAE, R.L. Reniers [et al.], (2011), А.И. Белоусова, М.Я. Гейвандова (2021) [1]. Группа исследования: 65 студентов 3 курса медико-психологического факультета Гродненского государственного медицинского университета (75,4 % девушки, средний возраст 20,1 лет). Метод статистической обработки – корреляционный анализ Спирмена, пакет STATISTICA 7.

Когнитивная несостоятельность и децентрация отрицательно взаимосвязаны ($R=-0,387$; $p0,05$). Больше доверие к собственным когнитивным процессам соотносится со способностью посмотреть на ситуацию с перспективы другого человека.

Когнитивная несостоятельность взаимосвязана с эмоциональной заразительностью ($R=0,288$; $p0,05$). Неуверенность в собственной памяти соотносится с подражанием эмоциональным проявлениям другого человека. Позитивные убеждения, касающиеся беспокойства, взаимосвязаны с проксимальной ($R=0,297$; $p0,05$) и периферической ($R=0,254$; $p0,05$) чувствительностью. Убежденность в пользе беспокойства для подготовки к жизненным обстоятельствам соотносима с внимательностью к эмоциям людей, находящихся вокруг. Оценка происходящего как потенциально опасного соотносится с настороженностью к оценочным признакам ситуации: эмоциональному состоянию людей, находящихся в жизненном пространстве индивида. Контроль мыслей и проксимальная чувствительность взаимосвязаны ($R=0,294$; $p0,05$). Убежденность, что вышедшие из-под контроля мысли могут навредить, соотносится с внимательностью к эмоциям тех, кто рядом, как показателю успешности контроля над собственными мыслями.

Когнитивная эмпатическая способность понимать другого как отдельную идентичность соотносима с доверием к собственной когнитивной субъектности. Метакогнитивные убеждения взаимосвязаны с аффективным компонентом эмпатии: чувствительностью к эмоциональной экспрессии других как общему полю, без понимания границ и особенностей переживаний отдельной личности. Эмоциональная настороженность к другому может рассматриваться как основа формирования готовности к поддерживающему эмоциональному ответу.

1. Белоусова А.И., Гейвандова М.Я. Когнитивная и аффективная эмпатия: апробация опросника на российской выборке // Вестник Московского государственного областного университета. Сер.: Психологические науки. 2021. № 2. С. 6–20.
2. Паришкова Л.П., и др. Сравнительный анализ эмпатии и рефлексии у студентов, специализирующихся в психологии и медицине // Ученые записки университета имени П.Ф. Лесгафта. 2021. № 12 (202). С. 518–523.
3. Сирота Н.А., и др. Апробация краткой версии опросника метакогнитивных убеждений на русскоязычной выборке // Психология. Журнал Высшей школы экономики. 2018. Т. 15, № 2. С. 307–325.

Экстремальные условия военно-профессиональной деятельности

Экстремальные условия, военно-профессиональная деятельность, психотравмирующие факторы

Экстремальные условия всегда сопровождаются событиями и происшествиями, влекущими значительные психотравмирующие последствия, происходящими в области военно-профессиональной деятельности силовых ведомств Российской Федерации. Помимо условий, являющихся экстремальными объективно, так же существуют и субъективно экстремальные условия, зависящие от личностной апперцепции каждого отдельно взятого специалиста. Количество субъективных условий, в отличие от объективных, для конкретных специалистов может быть, как значительно большим (для не имеющих когнитивной карты деятельности в экстремальных ситуациях), так и меньшим. Существуют случаи, когда субъект во всех ситуациях (за исключением сна) находит угрозу для жизни и здоровья. А.Н. Леонтьев предупреждал: «против понимания деятельности человека как отношения, существующего между человеком и противостоящим ему обществом. При этом упускается главное – то, что в обществе человек находит не просто внешние условия, к которым он должен приравнивать свою деятельность, но что сами эти общественные условия несут в себе мотивы и цели его деятельности, ее средства и способы; словом, что общество производит деятельность образующих его индивидов» [6].

Рассмотрим определения ключевых понятий. Экстремальная психология – самостоятельная отрасль науки, исследующая психологические аспекты адаптации человека в сверхнормальных условиях существования (Е.В. Филиппова, В.И. Лубовский). Свои размышления о психическом факторе эволюции к изменяющимся, экстремальным (нестационарным) условиям среды высказал Российский биолог А.Н. Северцов (1866-1936) в своей работе «Эволюция и психика» (1922). В дальнейшем это направление было развито теоретиками поведенческой экологии (Кребс и Дэвис), ставивших в своих исследованиях вопрос о значимости поведения человека для выживания в процессе эволюционного развития. В наиболее общем виде к экстремальным следует относить условия, отличные от штатных (нормальной), присущие данной деятельности, которая в свою очередь значимо (объективно или субъективно) повышает вероятность возникновения проблемных и критических ситуаций, грозящих военнослужащему или сотруднику правоохранительной системы потерей здоровья или гибелью. В.Д. Небылицын один из первых ученых в отечественной психологии предложил определение экстремальным условиям. Под ними Владимир Дмитриевич понимал значения элементов ситуации, ощущаемые и переживаемые человеком как источник дискомфорта и предлагал дифференцировать факторы на внутренние и внешние [2].

Негативные психические последствия, проявляются у военнослужащих в условиях экстремальной обстановки: формально-закрепленная принудительная система действий военнослужащего в боевой обстановке; не специфическая активность и непредсказуемость последствий боевых действий; участи солдат и офицеров в жестоком насилии, переходящем грани моральных представлений бойцов, по отношению к военнослужащим противника; нарушение устойчивых социальных связей [3].

Одним из основных психотравмирующих факторов в экстремальных условиях, является фактор опасности получения травм различных категорий. Стресс-фактор совершенно точно присутствует в сознании каждого военнослужащего при выполнении обязанностей служебно-боевой деятельности. По времени проявления и условиям протекания, психические расстройства, в дальнейшем определим их термином «психогении», на прямую связаны с выполнением профессиональной деятельности. Австрийский психолог З.Фрейд (1856-1939) рассматривал психическую травму как нарушение целостности гипотетического защитного слоя психики в результате взаимодействия с внешним травматическим агентом, просачивание его в психическую структуру сознания и дезорганизацию психической деятельности изнутри. Он предполагал, что ситуация может стать травматической в условиях, когда субъект: придает ему травматический стресс, подавляет активные действия противостояния стрессу (отсутствие реакции на событие) и не имеет социального подкрепления со стороны референтной группы. [4]. Смирнов В.Н. классифицирует экстремальные факторы условий деятельности на обстановочные и деятельностные (факторы поведенческого риска). К обстановочным факторам относят: социальное отношение к специальным подразделениям и их деятельности; содержание условий деятельности; динамичность, информационного поля экстремальных условий; информационный дефицит в характеристиках обстановки. К деятельностным факторам относят: недостаточная квалификация по профессиональной специальности; повышенная степень риска; повышенная эмоциональная насыщенность; ошибки в управлении спецподразделениями и профессиональными группами; отсутствие авторитета у командира; ожидание момента начала активных действий [5].

Таким образом, условия военно-профессиональной деятельности характеризуются поливариантностью психотравмирующих факторов, длительность воздействия которых способствует возникновению изменений в психической сфере людей, приводит к снижению эффективности деятельности и возникновению психических травм, напрямую связанных с условиями выполнения служебного долга. Экстремальные условия военно-профессиональной деятельности объективно не противостоят, а предопределяют её и успешность. В связи с чем, систему психологической подготовки военнослужащих целесообразно строить на принципе целостности психического события в условиях неизбежности стресс-факторов обстановки.

1. Караяни А.Г. Психологические факторы экстремальности боевой деятельности // Психология экстремальных ситуаций. – М.: ПИ РАО, 2007. С 28-30.
2. Леонтьев А.Н. Деятельность. Сознание. Личность. – М.: Политическая литература, 1975. С. 83.
3. Небылицын В.Д. Психофизиологические исследования индивидуальных различий. – М.: 1976.
4. Смирнов В.Н. Психология управления спецподразделениями органов внутренних дел в экстремальных условиях. – М.: 2009 С. 15-17.
5. Фрейд З. Массовая психология и анализ человеческого Я. Тбилиси, 1991.

Особенности смысложизненных ориентаций будущих психологов в контексте коммуникативной толерантности и стратегий поведения в конфликте

Смысложизненные ориентации, коммуникативная толерантность, стратегии поведения, конфликт

Современные и меняющиеся условия общества приводят к тому, что в психологической науке предпринимают попытки пересмотреть глобальную категорию «смысл» в 4-х ступенчатой модели и 3-х компонентной структуры в рамках отечественных исследований: Л. С. Выготский, А. Н. Леонтьев, К. А. Абульханова-Славская, В. Э. Чудновский, Е. В. Субботский, А. Ю. Агафонов, Д. А. Леонтьев. Термин коммуникативная толерантность ввел В. В. Бойко, Н. В. Рачиская рассматривала его как интегральное образование, обозначающее психосоциальную характеристику личности, а В. М. Гришук дополняет это доминантной направленности сознания на терпимое [1].

Важно отметить, что проблема исследования комплекса психологических конструкторов при сравнении различий смысложизненных ориентаций, коммуникативной толерантности и стратегий поведения в конфликте будущих психологов на разных этапах профессиональной подготовки свежая и малоизученная в современной науке.

Цель исследования: определить характеристику смысложизненных ориентаций, коммуникативной толерантности и стратегий поведения в конфликте у будущих психологов на начальном и завершающем этапах профессиональной подготовки.

Гипотезой исследования может быть выдвинуто предположение о наличии различий в структуре связей между показателями смысложизненных ориентаций, коммуникативной толерантности и стратегий поведения в конфликте у будущих психологов на разных этапах профессиональной подготовки.

В состав данного исследования, которое проводилось в 2021 году, вошли 79 студентов психологического направления подготовки Петербургского государственного университета путей сообщений Императора Александра I (средний возраст – 19,8): на начальном этапе (1-й и 2-й курсы) – 41 человек (9 юношей, 32 девушки, средний возраст 18,7) и на завершающем этапе (3-й и 4-й курсы) – 38 человек (11 юношей, 27 девушек, средний возраст 21,1).

Методиками исследования стали тест смысложизненных ориентаций (СЖО) Д. А. Леонтьева; опросник коммуникативной толерантности В. В. Бойко; Тест определения стратегий поведения К.Томаса, в адаптации Н. В. Гришиной.

Полученные результаты корреляционного указывают о смене приоритетов при выборе жизненного пути в аспекте взаимоотношений. Если на начальном этапе осмысленность жизни связана со стратегией избегание ($r=-0,43$ $p0,01$), то на завершающем – с сотрудничеством ($r=0,36$ $p0,05$), т. е. студенты на завершающем этапе понимают, чтобы добиться успеха в этой жизни и обрести необходимую социальную и экономическую стабильность им необходимо быть более активными и вступать в конкурентное взаимодействие с другими представителями профессии и отрасли, при этом пытаясь не жертвовать своими интересами. У студентов старших курсов происходит формирование представлений собственной терпимости, которые отсутствуют на начальном этапе, они осознают наличие особенностей у других людей, взаимодействие с которыми может раздражать или приносить дискомфорт. На это указывает наличие корреляций между показателями осмысленности жизни и непринятия индивидуальности ($r=-0,34$ $p0,05$), использование себя как эталона ($r=-0,46$ $p0,01$), стремления переделать партнера ($r=-0,34$ $p0,05$), желания сделать партнера удобным ($r=-0,38$ $p0,05$), общим уровнем коммуникативной толерантности ($r=-0,43$ $p0,01$).

1. Яценко Е.Ф., Порошин Д.А. Личностные качества будущих психологов на начальном и завершающем этапах профессиональной подготовки // *Материалы VI Национальной с международным участием научно-практической конференции. Под редакцией Е.Ф. Яценко, М.В. Иванова. Санкт-Петербург, 2023. с. 16–21.*

Психология спорта: проблемы развития как ресурс профессионального мастерства

Акимова В.И. Москва, МГУ имени М.В. Ломоносова
Донцов Д.А. Москва, МГУ имени М.В. Ломоносова

Образные репрезентации айкидо, дзюдо и карате, создаваемые атлетами этих японских боевых искусств

Айкидо, дзюдо, карате, образ

В 2000 году Дж. Дайхуизен исследовал образное представление сути айкидо у атлетов из Японии и США методом семантического дифференциала. Он выявил, что в обеих выборках айкидо «красивое, доброе, изящное, мирное и округлое». Образ айкидо похож на образ гармонии, которая лежит у него в основе. Однако второй фактор, встречающийся указывает на чувство стойкости, а американский образ – на выраженную агрессивность [1]. Нами было сделано предположение, что образ боевого искусства может различаться в зависимости не только национального менталитета, но и факта занятия боевым искусством. Выборка и процедура

В исследовании приняли участие 92 российских атлета, занимающихся карате, айкидо и дзюдо. Они заполнили сокращенный опросник семантического дифференциала Дж. Дайхуизена, состоящего из 12 пар антонимичных прилагательных [1]. Оценивались понятия «Айкидо», «Дзюдо» и «Карате». Баллы опросников подвергались факторному анализу.

Наблюдается тенденция к увеличению количества факторов в группах атлетов, которые занимаются оцениваемым боевым искусством. Непосредственный опыт позволяет построить образ более детально, чем обыденные представления.

Оценивая айкидо, айкидоисты в первую очередь выделяют нечто красивое, изящное, глубокое, сложное и округлое, что соответствует образу гармонии[1]. Примерно те же слова они применяют для оценки дзюдо и карате, но в качестве второго фактора. Ощущения округлости у айкидоистов при описании других боевых искусств не возникает, они считают карате и дзюдо угловатыми, описывая форму их движений наряду с твердым и тяжелым. При этом они часто видят в чужих боевых искусствах агрессивный компонент: карате и дзюдо сильные, упорные, активные и сложные.

Дзюдоисты выделяют четыре фактора при оценке своего боевого искусства. Первый фактор описывает внешнее впечатление: красивое, доброе и активное. Второй фактор описывает философию боевого искусства об изяществе, глубине и упорстве. Третий фактор можно охарактеризовать как форму движения: тяжелое, сложное, сильное и угловатое. Четвертый фактор иллюстрирует базовую суть гибкого пути дзюдо: это боевое искусство мирное и мягкое. Но в айкидо и карате эти атлеты выделяют всего два фактора, причем принципиально разные. Айкидо описывается как красивое, добрым, изящным, мирным, глубоким, активным, сложным (соответствует философии и принципам) или твердым, тяжелым, сильным, упорным, угловатым (описывает внешнее впечатление). Описание философии и принципов встречается и в образе карате, но второй фактор – моральный компонент: доброе и мирное. Возможно, неполная осведомленность заставляет дзюдоистов считать карате боевой системой, признанной защищать мир, а айкидо для них представляется искусством.

Каратисты в своем боевом искусстве также выделяют принципы (красивое, изящное, твердое, сильное, глубокое, упорное, активное, сложное), моральный компонент (доброе, мирное) и форму. Карате кажется округлым и тяжелым. Фактор «содержания» и фактор «формы» выделяется ими и в других боевых искусствах, но форма разнится: айкидо для них твердое, тяжелое и угловатое, а дзюдо – мирное, доброе и угловатое. Можно говорить, что суть других боевых искусств чужеродна и непонятна для каратистов, так как движения айкидо и дзюдо не предполагают резких ударов или сгибов конечностей под определенными углами.

Разнообразие образных репрезентаций среди айкидоистов, дзюдоистов и каратистов отличается многогранностью и качественным разнообразием. Каждая группа атлетов японских боевых искусств создает уникальные образы айкидо, дзюдо и карате. Во многом их репрезентации зависят от опыта занятий определенным боевым искусством и от специфики оцениваемого ими единоборства.

1. Dykhuizen J.C. Training in culture: the case of aikido education and meaning-making outcomes in Japan and the United States //International Journal of Intercultural Relations. 2000. V. 24. № 6. P. 741-761.

Банаян А.А. Санкт-Петербург, ФГБУ СПбНИИФК
Георгиади В.В. Санкт-Петербург, ФГБУ СПбНИИФК
Шуняева Н.В. Санкт-Петербург, ФГБУ СПбНИИФК, ФГБОУ ВО СПбГУ
Дегтярев В.А. Санкт-Петербург, ФГБУ СПбНИИФК, ФГБОУ ВО СПбГУ

Экспертно-аналитическая программа для психолого-педагогического сопровождения спортивной подготовки

Психологическое сопровождение, спорт высших достижений, информационная база данных

Основными участниками процесса спортивной деятельности являются не только спортсмены, но и тренеры, и судьи [3]. Согласно определению в Федеральном законе от 04.12.07 г. N 329-ФЗ "О физической культуре и спорте в Российской Федерации" спортсмен, тренер и судья – это физические лица, где спортсмен занимается выбранным видом или видами спорта и участвует в соревнованиях; тренер – имеет соответствующее образование и организует учебно-тренировочный процесс, включая проведение тренировок и участие в состязаниях для достижения спортивных результатов; спортивный судья, прошедший специальную подготовку и имеющий определенную квалификацию, назначается организатором соревнований для обеспечения соблюдения правил вида спорта и положений о соревновании.

Создание информационной базы данных особенно актуально для накопления и систематизации результатов психолого-педагогических тестирований, посредством аппаратно-диагностических комплексов и цифровых технологий [1].

В практике психологического и психофизиологического сопровождения участников спортивной деятельности имеется значительное количество различных инструментов и методик для осуществления мониторинга. Однако, есть дефицит эффективных цифровых программ для накопления и систематизации полученных данных. Разработка и внедрение подобных программ позволит повысить эффективность спортивной подготовки в целом [2].

В настоящий момент, уже существуют базы данных для мониторинга физической активности, работа в которых существенно облегчает планирование и контроль подготовки. Для практикующих спортивных психологов подобные базы данных будут способствовать более эффективному психологическому сопровождению. Например, при работе с паралимпийскими командами были проведены исследования методом ГРВ по определению объективных динамических психофизиологических характеристик и успешно внедрена система контроля психологического состояния и психологической поддержки спортсменов спорта лиц с ПОДА и слепых[4].

На базе СПбНИИФК в лаборатории психологии и психофизиологии спорта осуществляется разработка экспертной информационно-аналитической системы для психологического сопровождения. Система является многофункциональной и ориентирована на основных участников спортивного процесса: спортсмена, тренера и спортивного судьи. Данная программа позволит спортивному психологу накапливать, систематизировать и анализировать результаты психологического и психофизиологического мониторинга, отслеживать карьерный рост и профессионализацию представителя той или иной категории. В программе также предусматривается справочная информация, которая будет включать в себя: информацию о видах спорта, представленных в РФ, правила по данным видам спорта, данные о физкультурно-спортивных организациях, нормативные требования ФССП, регламентирующие процесс психологического сопровождения.

1. Аверясова Ю.О., Андрющенко О.Н., Климова О.С. Психолого-педагогическое обеспечение спортивной подготовки баскетболистов резервных сборных команд России // *Культура физическая и здоровье*. 2019. № 1. С. 123–125.
2. Банаян А.А., Георгиади В. В. Цифровизация физической культуры и спорта: перспективы отечественных разработок ООО «Медиапапир», 2022. С. 102–112.
3. Георгиади В.В., Банаян А.А. К вопросу об особенностях психологии спортивного судейства // *Актуальные проблемы и перспективы развития системы спортивной подготовки, массовой физической культуры и спорта*. 2021. С. 170.
4. Коротков К.Г., Короткова А.К. Интернет-система поддержки методик контроля психологического состояния в системе спортивной подготовки спортсменов-паралимпийцев // *Адаптивная физическая культура*. 2017. № 3. С. 34.

Аутентичность спортсмена как профессионально необходимое качество: пилотное исследование

Аутентичность, ментальная прочность, мотивация, стрессоустойчивость

Препятствия в профессиогенезе, обусловленные локдауном в соревнованиях периода пандемии и последующей дискриминацией российского спортивного сообщества, требуют поиска новых решений, которые позволят спортсменам продолжать карьеру и сохранять волю к саморазвитию. Риски снижения мотивации, стресс-индуцированных нарушений ментального здоровья (выгорание, депрессия) и досрочного окончания карьеры затрагивают пласт психологических ресурсов, к числу которых, как ожидается, может быть отнесена мало изученная в спорте черта – личностная аутентичность [2]. Она понимается как верность субъекта своим потребностям, желаниям, ценностям и принципам, понимание себя и внимание к себе [3; 4].

В пилотном исследовании приняли участие профессиональные спортсмены различных видов спорта, по уровню мастерства не ниже МС, N=100, Mвозр=22, 39 женщин. Методики: 1) Московская шкала аутентичности; 2) Шкала стрессоустойчивости Коннор-Дэвидсона; 3) Шкала спортивной мотивации; 4) Шкала ментальной прочности [1].

Корреляционный анализ показал наличие взаимосвязей ($p \leq 0,05$) между изучаемыми феноменами, что позволило построить регрессионную модель. Личностная аутентичность выступает достоверным положительным предиктором общей стрессоустойчивости спортсмена ($\beta=0,7$), специфически-спортивного качества ментальной прочности ($\beta=0,3$), а также ряда мотивов спортивной деятельности. В их число попали все внутренние по типологии Self-determination Theory мотивы: Познание нового ($\beta=0,2$), Саморазвитие ($\beta=0,2$), Положительные эмоции / Радость от спорта ($\beta=0,4$), а также внешний мотив Долженствования / Чувства долга ($\beta=0,3$). Полученные предварительные данные подтверждают гипотезу о потенциальном значении развития аутентичности в структуре личности профессионального спортсмена.

Выявленные закономерности впервые освещают проблему аутентичности в спорте и фактически ставят ее в ряд профессионально необходимых качеств спортсмена как субъекта труда. Учитывая обстоятельства, затрудняющие созидание гармоничной профессиональной траектории, вклад аутентичности чрезвычайно значим. Аутентичность как понимание себя и следование собственным потребностям и моральным ориентирам формирует стрессоустойчивость и ментальную прочность, которые становятся основными ресурсами преодоления острого и хронического стресса. С точки зрения развития экзистенциального кризиса бессмысленности карьеры, аутентичность усиливает конструктивные автономные мотивы, репертуар которых способен разрешить многие внутренние конфликты. Спортсмен, нацеленный на самосовершенствование и познание нового, получающий положительные эмоции от занятий спортом и опирающийся на чувство долга перед близкими, наставниками, Родиной, вероятнее других преодолеет текущие трудности и сохранит энергию для продолжения карьеры вопреки сомнениям и мыслям о пользе ее завершения.

1. Бочавер К.А., Бондарев Д.В., Довжик Л.М. *Психологическая диагностика в спорте*. М.: Спорт, 2023. 232 с.
2. Бочавер К.А., Резниченко С.И. *Личностная аутентичность как ресурс преодоления синдрома профессионального выгорания* // Психологический журнал. 2022. Т. 43. № 2. С. 61-71.
3. Нартова-Бочавер С.К. *Аутентичность личности с точки зрения личностно-центрированного подхода, экзистенциальной психологии и психологии субъекта* // Материалы междунар. конф. Под общ.ред. А.В. Шаболтас. Санкт-Петербург, 2021. С. 199-200.
4. Нартова-Бочавер С.К., Ирхин Б.Д., Резниченко С.И. *Диспозициональная аутентичность во внутриличностном пространстве* // Психология. Журнал Высшей школы экономики. 2020. Т. 17. № 3. С. 500-519.

Исследование выполнено при финансовой поддержке РФ (проект № 20-18-00262).

Особенности вклада идентичности в спортивные достижения у подростков, занимающихся боксом

Идентичность, спортивные достижения, подростки, бокс

Анализ научной литературы показывает высокую актуальность изучения проблемы идентичности в области спорта [1,3]. Однако по-прежнему неизученным остается вопрос, какой вклад вносят компоненты (когнитивный, аффективный, поведенческий) разных видов идентичности (личностной и социальной) в изменение спортивных результатов, особенно у спортсменов, занимающихся индивидуальными видами спорта. Недавнее наше исследование показало, что существуют прямые и обратные связи между показателями идентичности и уровнем спортивных достижений (УСД) боксеров, при этом данная связь детерминирована половозрастными различиями [2]. Таким образом, было выдвинуто предположение, что размер и характер вклада идентичности в УСД боксеров будет также зависеть от пола и возраста.

В исследовании приняли участие 2 группы боксеров: девушки (n=90, возраст 15-16 лет) и юноши (n=90, возраст 15-16 лет). Для измерения результативности спортивной деятельности использовались методика В.А. Сохликовой. Для установления показателей идентичности использовались: «Опросник самооценки» В.В. Столина и С.Р. Панталева, опросник «групповой идентичности» (ГИ) в адаптации О.В. Васильковой, опросник «организационной идентичности» (ОИ) А.В. Сидоренкова. Для определения вклада компонентов идентичности в показатель УСД применялся метод иерархической (последовательной) множественной регрессии (МРА).

В результате регрессионного анализа было установлено, что мощность предсказания зависимой переменной УСД в группах боксеров различается в зависимости от включаемых предикторов, предсказывая в группе юношей 32 % – прирост на 1 шаге (ЛИ), 10 % – прирост на 2 шаге (ГИ), 8 % дисперсии – прирост на 3 шаге (ОИ) регрессии; в группе девушек 11 % – прирост на 1 шаге (ЛИ), 15 % – прирост на 2 шаге (ГИ), 30 % дисперсии – прирост на 3 шаге (ОИ) регрессии. Таким образом, группе юношей-боксеров компоненты ЛИ объясняют большее количество изменчивости дисперсии показателей зависимой переменной УСД, чем компоненты ГИ и ОИ. У девушек наоборот компоненты ГИ и ОИ объясняют большее количество изменчивости дисперсии показателей зависимой переменной УСД, чем компоненты ЛИ.

У юношей положительный вклад в УСД вносят поведенческий компонент ЛИ ($\beta=0,28$, $p\leq 0,01$); когнитивный компонент ГИ ($\beta=0,14$, $p\leq 0,05$); когнитивный компонент ОИ ($\beta=0,25$, $p\leq 0,01$). Аффективный компонент ЛИ вносит отрицательный вклад в УСД ($\beta=-0,24$, $p\leq 0,01$). У девушек положительный вклад в УСД вносят когнитивный компонент ЛИ ($\beta=0,20$, $p\leq 0,01$); когнитивный компонент ОИ ($\beta=0,45$, $p\leq 0,001$); поведенческий компонент ОИ ($\beta=0,26$, $p\leq 0,01$). Когнитивный компонент ГИ вносит отрицательный вклад в УСД ($\beta=-0,30$, $p\leq 0,01$).

Таким образом, установлено, что размер и характер вклада идентичности в УСД боксеров детерминирован их половозрастными особенностями. У девушек наибольший вклад в УСД вносят компоненты ЛИ, однако он носит разнонаправленный характер. У юношей наибольший вклад в УСД вносят компоненты ОИ, при этом данный вклад выше, чем у девушек.

1. Носенко Н.П., Зернова Т.И. Особенности развития Я-концепции у спортсменов подросткового возраста // *Современные проблемы науки и образования*. 2017. № 2. С. 158.
2. Сачкова М.Е., Волков Р.С. Особенности групповой идентичности и ее взаимосвязь с уровнем спортивных достижений у подростков и юниоров, занимающихся боксом // *Вестник Российского университета дружбы народов. Сер.: Психология и педагогика*. 2022. Т. 19. № 1. С. 54-70.
3. Сохликова В.А. Психологические модели успешности выступления высококвалифицированных спортсменов на основе самооценки и уровня притязания: дис.... канд. психол. наук: 19.00.01. / В.А. Сохликова. М., 2020. 196 с.

Довжик Л.М. Москва, НОЧУ ВО "МИП"
Сараполова Д.А. Москва, НОЧУ ВО "МИП"
Голубева А.В. Москва, НОЧУ ВО "МИП"
Комиссаров Д.К. Москва, НОЧУ ВО "МИП"

Связь физической активности с субъективным благополучием и уровнем стресса у спортсменов-любителей

Физическая активность, субъективное благополучие, стресс

В современной психологии наблюдается возрастающая тенденция к изучению связи физической активности с общим состоянием человека, его психологическим благополучием и отношением к стрессу. Это объясняется определенной сложившейся в последние годы социально-экономической ситуацией, сопряженной с различными ограничениями, а также угрозами здоровью во время эпидемии Covid-19 [3]. Впоследствии на смену дистрессу в результате пандемии, пришел стресс, связанный с переживанием ситуации международной напряженности. Целью нашего исследования является изучение связи воспринимаемого стресса и субъективного благополучия со стажем и интенсивностью занятий физической активностью. Для реализации поставленных задач, нами были использованы следующие методики: интервью с респондентами (где оценивались стаж и интенсивность занятий физической активностью), опросник благополучия PERMA-Profilер (разработана Дж. Батлер и М. Керн, адаптирована О.М. Исаевой и соавт.) [2] и Шкала воспринимаемого стресса (ШВС) [1]. В исследовании приняли участие 200 респондентов 15-85 лет ($M_{\text{возр}}=33$, 121 женщина), регулярно занимающихся физической активностью. Проведенный корреляционный анализ позволил сделать нам следующие выводы.

При оценке взаимосвязи параметров благополучия и стажа, были обнаружены достоверные корреляции (R Спирмена, $p<0,05$): все показатели благополучия однонаправлены со стажем, а Негативные эмоции ($r=-0,2$) и Одиночество ($r=-0,2$), являющиеся симптомами нарушения благополучия имеет отрицательную связь со стажем занятий физической активностью. Также была обнаружена взаимосвязь некоторых показателей благополучия, таких как Позитивные эмоции ($r=0,23$), Вовлеченность ($r=0,25$), Смысл ($r=0,19$), Достижения ($r=0,19$), Здоровье ($r=0,25$) и Общий показатель благополучия ($r=0,2$) с интенсивностью занятий. Таким образом, можно заключить, что при более интенсивных и регулярных занятиях физической активностью наблюдается позитивная оценка окружающей действительности, отмечается возможность оценки результативности своей деятельности, что позволяет в дальнейшем совершенствовать навык целеполагания. Все это сопровождается более частым переживанием состояния «потока», что положительно связано с осмысленностью действий и их продуктивностью.

При оценке связи физической активности и уровня воспринимаемого стресса была получена достоверная обратная корреляция (R Спирмена, $p<0,05$): все показатели воспринимаемого стресса (Перенапряжение ($r=-0,28$), Противодействие стрессу ($r=-0,33$) и Общий уровень воспринимаемого стресса ($r=-0,3$)) снижаются при возрастании как стажа, так и интенсивности занятий.

Полученные в ходе начального этапа нашего исследования данные ярко свидетельствуют о связи базовых аспектов занятий физической активности (стаж и интенсивность) с показателями ментального здоровья, такими как уровень субъективного благополучия и уровень воспринимаемого стресса. В целом, стоит отметить, что физическая активность положительно связана с ресурсами (к которым мы отнесли параметры субъективного благополучия) и отрицательно – с дисфункциональными состояниями (такими как уровень стресса и симптомы нарушения благополучия). На данном этапе мы не можем говорить о каузальности явлений, а также о разной значимости физической активности в разном возрасте. Все эти вопросы поставлены нами в качестве дальнейших перспектив исследований.

1. Абабков В.А., и др. Валидизация русскоязычной версии опросника «Шкала воспринимаемого стресса-10» // Вестник Санкт-Петербургского университета. Сер. 16, Психология. Педагогика. 2016. № 2. С. 6–15.
2. Исаева О.М., Акимова А.Ю., Волкова Е.Н. Опросник благополучия PERMA-Profilер: апробация русскоязычной версии // Социальная психология и общество. 2022. Т. 13. № 3. С. 116–133.
3. Короткова И.С., и др. Особенности психологического реагирования и механизмы адаптации к стрессу, вызванному пандемией covid-19 // Консультативная психология и психотерапия. 2021. Т. 29. № 1. С. 9–27.

Трансдисциплинарный подход к коррекции эмоциональных состояний спортсменов

Эмоциональные состояния, трансдисциплинарный подход, модель коррекции

Организация современной практико-ориентированной подготовки спортсменов связана с внедрением новых методологических подходов, направленных на коррекцию неблагоприятных эмоциональных состояний. Нами разработана модель коррекции неблагоприятных эмоциональных состояний спортсменов, обучающихся по программе педагогического бакалавриата. Цель нашего исследования заключается в том, чтобы теоретически обосновать эффективность трансдисциплинарного подхода к коррекции неблагоприятных эмоциональных состояний и проверить эффективность трансдисциплинарных методов коррекции неблагоприятных эмоциональных состояний в процессе пилотажного исследования. Трансдисциплинарность как методологическая стратегия направлена на объединение дисциплин программы педагогического бакалавриата в единое ценностно-смысловое пространство. Так, для спортсменов, обучающихся по программе педагогического бакалавриата, в качестве «ядра трансдисциплинарности» как смыслового контекста подготовки нами были выбрана коррекция неблагоприятных эмоциональных состояний. Инновационность, предлагаемого нами подхода, к коррекции эмоциональных состояний спортсменов на методологическом уровне заключается в реализации концепции трансдисциплинарности в процессе реализации программ педагогического бакалавриата. На конкретно-методическом уровне инновационность нашего подхода заключается в обогащении процесса коррекции неблагоприятных эмоциональных состояний трансдисциплинарными методами обучения, что позволяет и пропедевтически (в рамках изучения темы «Эмоции») и перспективно (в рамках педагогического спортивного физкультурно-спортивного самосовершенствования) интенсифицировать процесс подготовки спортсменов в рамках педагогического бакалавриата.

В пилотажном исследовании приняли участие 20 спортсменов (18-23 года). На первом диагностическом этапе мы исследовали «карту» эмоциональных состояний спортсменов, субъективную значимость эмоциональных состояний и их влияние на достижение спортивного результата. В качестве диагностических методов использовались метод экспертных оценок, контент-анализ самоописательных характеристик эмоциональных состояний спортсменов. Так, было выявлено, что 35% респондентов затрудняются в «узнавании» эмоциональных состояний, 45% недостаточно владеют техниками саморегуляции эмоциональных состояний, 20% «застывают» в эмоциональном состоянии. Эмоциональные состояния спортсменов оказывают влияние и на нервно-психическую напряженность, на способность мобилизоваться в стрессовой ситуации соревнований.

Трансдисциплинарные методы обучения на втором этапе реализации модели стали пусковым механизмом самоорганизации [2], приобретение новых «смыслов эмоциональных состояний», «осознание себя в системе проживания эмоций». В качестве методов психолого-педагогического исследования на втором этапе использовалось педагогическое моделирование: решение практико-ориентированных задач по педагогике и психологии, объединенных в общий трансдисциплинарный контекст, позволяет анализировать «эмоционально положительные и отрицательные ситуации» и ситуации, которые не отражают однозначной модальности, что расширяет «знаниевый» диапазон. Моделирование реальности будущей педагогической деятельности в процессе квазипрофессиональной деятельности позволяет запустить процесс психологического «восстановления», принять «опыт» взаимодействия, опыт рефлексии эмоциональных состояний. В рамках дисциплин методического модуля мы не только обучали студентов-спортсменов навыкам саморегуляции эмоциональных состояний, но и стимулировали актуализацию потенциальных возможностей и опредмечивание эмоциональных состояний в условиях решения задач с элементами имитационного моделирования

На третьем этапе – аналитическом фиксировались как изменения в эмоциональном состоянии спортсменов, так и уровень сформированности когнитивного («знание»), содержательно-процессуального («умение») и рефлексивно-оценочного («владение») компонентов подготовки спортсменов в рамках педагогического бакалавриата. Для оценки изменения эмоционального состояния спортсменов использовалась методика М. Люшера в модификации В.И. Тимофеева и Ю.И. Филимонова [3]. Так, в процессе пилотажного исследования нами отмечено изменение цветовых выборов в период соревнований как стрессовой ситуации, в частности отмечено изменение отношения с синему и зеленому цвету, однако полученные данные не являются статистически значимыми, что обуславливает необходимость увеличения выборки исследования за счет формирования контрольной и экспериментальной группы. Для измерения уровня сформированности компонентов подготовки спортсменов в рамках педагогического бакалавриата применялся метод решения ситуационных задач. Для статистической обработки результатов использовался критерий ϕ^* Фишера. Отмечены статистические различия по компонентам «знание» ($\phi^*_{эмп} = 3,23$, при $\phi^*_{кр} = 1,64$ ($p \leq 0,05$) и $2,31$ ($p \leq 0,01$)), и «умение» ($\phi^*_{эмп} = 2,38$ при $\phi^*_{кр} = 1,64$ ($p \leq 0,05$) и $2,31$ ($p \leq 0,01$)), «владение» ($\phi^*_{эмп} = 4,5$ при $\phi^*_{кр} = 1,64$ ($p \leq 0,05$) и $2,31$ ($p \leq 0,01$)). Таким образом, цель пилотажного исследования достигнута частично, несомненно, в контексте трансдисциплинарности процесс коррекции неблагоприятных эмоциональных состояний, в широком смысле, становится «лично-присвоенным» способом саморазвития и спортивного самосовершенствования. Преодоление разрыва между тренировочным процессом и процессом обучения для спортсменов в условиях трансдисциплинарной образовательной среды обеспечит не только «проживание трудных чувств» в процессе квазипрофессиональной деятельности, но и расширит горизонты личностного роста [1].

1. Жабаква Т.В., Кузьмин А.М. *Управление качеством подготовки будущих педагогов физической культуры в трансдисциплинарной образовательной среде: монография. Челябинск: М-во науки и высшего образования. Рос. Федер., гуманитарно-педагогический ун-т. Южно-Уральский науч. центр РАО. 2019. 208 с.*
2. Мокшанов М.С., Никифоров А.Л. *Методология научных исследований: учеб. для магистров. М.: Юрайт, 2018. 255 с.*

Исследование выполнено в рамках проекта № МК-26-2023/2 от 04.05.2023 г.

Особенности системной образной репрезентации спортсменов различных видов спорта и уровня мастерства

Психология спорта, системная образная репрезентация, квалификация спортсменов

Для повышения мастерства спортсменов важно не только совершенствование физических навыков, но и развитие когнитивной составляющей формирования профессионального мастерства [1]. Одним из таких когнитивных компонентов выступает системная образная репрезентация (СОР) как структурное отражение в сознании спортсмена комплекса необходимых для эффективного выполнения того или иного спортивного действия элементов. СОР состоит из 9 основных 9 факторов, которые представляют собой совокупность параметров, определяющих репрезентативный образ спортивной ситуации: временной фактор; пространственный фактор; информационная координата; технико-тактическая координата; игровой интеллект; энергетическая координата; мотивационно-личностные особенности; социальное окружение; эмоциональный компонент. В диагностике развития различных компонентов системной образной репрезентации приняли участие 399 спортсменов, из них 247 мужчин и 152 женщины. Средний возраст испытуемых — $23,17 \pm 8,64$ года, разряды (звания) варьировались от 1 юношеского до МСМК. В результате проведенного двухфакторного дисперсионного анализа были выявлены значимые различия в выраженности различных параметров системно образной репрезентации в зависимости от специфики вида спорта. Спортсмены индивидуальных видов спорта характеризуются более выраженной мотивационно-личностной координатой, а командных — репрезентацией социального окружения. Кроме того, в динамичных видах спорта в условиях неопределенности (например, единоборства, теннис, хоккей) у спортсменов в большей степени проявляются временной, пространственный, энергетический и информационный факторы. Там, где условия четко заданы (например, синхронное плавание, велоспорт) проявляются технико-тактическая и мотивационно-личностная координаты СОР. Также в результате проведенного анализа были выявлены значимые различия в зависимости от уровня квалификации. Так, кандидаты в мастера и мастера спорта считают, что для победы необходимо учитывать информационную, технико-тактическую и энергетическую координаты, а также мотивационно-личностные аспекты соревнований, чем спортсмены с разрядами ниже. Таким образом, в результате проведенного исследования были выявлены значимые различия в проявлении различных аспектов системной образной репрезентации у спортсменов в зависимости от вида спорта и квалификации. Полученные результаты могут быть использованы с целью повышения эффективности спортивной деятельности с учетом специфики представления спортсмена о выбранном виде спорта и необходимых для достижения успеха качеств [2].

1. Веракса А.Н., и др. *Мысленная тренировка в психологической подготовке спортсменов: науч. монография. М.: Спорт, 2016. 208 с.*
2. Denis M. *Visual imagery and the use of mental practice in the development of motor skills // Canadian Journal of Applied Sport Science. 1985. № 10. P. 8S.*

Исследование выполнено при финансовой поддержке РНФ (проект №19-78-10134).

Специфика качества жизни спортсменов с травмами конечностей разной степени тяжести

Качество жизни, спортивная травма, психологическое здоровье

Качество жизни, связанное с здоровьем рассматривается как интегративный показатель, отражающий степень удовлетворенности индивида и его адаптивность к жизненным событиям. Качество жизни часто рассматривается авторами как критерий психологического здоровья (А.В. Алешичева, Н.А. Лызь) [1]. Целью исследования является изучение специфики качества жизни спортсменов с травмами конечностей. Мы предполагаем, что в ситуации спортивной травмы, качество жизни, связанное со здоровьем, является одним из составляющих структуры психологического здоровья и выступать внутренним механизмом саморегуляции деятельности и поведения спортсмена

В исследовании принимали участие спортсмены с травмами разной степени тяжести: спортсмены, имеющие спортивную травму на момент исследования: 1) спортсмены с макротравмами (резкое и серьезное нарушение функционирования организма в результате сильного воздействия (например, удар)) и 2) спортсмены с микротравмами (менее серьезное нарушение вследствие небольшого воздействия), а также 3) спортсмены, имеющие поражение опорно-двигательного аппарата, в частности ампутации конечностей; 4) спортсмены, не имеющие травм на момент исследования. Всего в исследовании приняли участие 260 исследуемых. В исследовании использовались методики: «Краткая форма оценки здоровья» (SF-36) (J. Ware, 1992), «Индекс отношения к здоровью» С.Д. Дерябо, В.А. Ясвин, Торонтская шкала алекситимии (TAS-20-R) Г.Д. Тэйлор, 2010 г.

Спортсмены с травмами конечностей отмечают высокий уровень неудовлетворенности качеством жизни, связанного со здоровьем, в отличие от спортсменов, не имеющих травм на момент исследования, что подтверждается результатами непараметрического Н-критерия Краскала-Уоллиса (здесь и далее при $p < 0,01$). В группах спортсменов с травмами достоверные различия были выявлены по шкалам, которые связаны с эмоциональной составляющей качества жизни. В частности, спортсмены с ампутациями конечности имеют наиболее высокие результаты по оценке эмоционального аспекта качества жизни, в то время как спортсмены с макро- и микротравмой оценивают данные показатели как низкие и средние соответственно.

Результаты однофакторного дисперсионного анализа ANOVA показывают, что существует влияние степени тяжести травмы на оценку спортсменом его качества жизни: чем серьезнее травма, тем ниже уровень качества жизни, связанного со здоровьем. При этом, спортсмены с ампутацией конечности, не смотря на объективно наиболее серьезное нарушение опорно-двигательного аппарата, в большей степени удовлетворены качеством жизни, связанным со здоровьем. Мы предполагаем, что такая оценка связана с адаптацией к своей травме, осознанием невозможности полного возвращения к прежнему уровню функционирования.

Корреляционный анализ показывает, что качество жизни, связанное со здоровьем в структуре психологического здоровья спортсменов с травмами конечностей связано с показателями выраженности болевых ощущений, отношением к здоровью, алекситимическим радикалом личности. Связь качества жизни и алекситимического радикала была обнаружена во всех исследуемых группах, и наиболее выражена в группах спортсменов с микро- ($r=0,71$) и макротравмами ($r=0,68$). Несмотря на то, что проявления алекситимии, как правило, не всегда осознаются человеком, в ситуации спортивной травмы они могут включаться в оценку качества жизни спортсменом.

Таким образом, оценка качества жизни, связанного со здоровьем спортсменов с травмой конечности опосредуется степенью тяжести травмы. Рассматривая качество жизни, связанное со здоровьем, как один из составляющих уровней психологического здоровья, мы можем предполагать и специфику психологического здоровья спортсменов с травмами конечностей в целом.

1. Алешичева А.В., Байковский Ю.В. Применение методов оценки качества жизни для диагностики состояния психологического здоровья спортсменов // *Спортивный психолог*. 2018. № 2. С. 52–57.
2. Лызь Н.А. О структуре психического здоровья человека // *Информационно-психологическая безопасность человека*. 2004. № 1. С. 241–251.

Специфика мотивации атлетов юношеского возраста разных видов спорта из Республики Узбекистан

Мотивация достижения успеха, мотивация избегания неудач, спортивная деятельность

Изучение мотивации спортивной деятельности атлетов-юниоров, занимающихся разными видами спорта социально значимо. Мотивация – это система мотивов, которыми руководствуется человек в своей повседневной жизни и деятельности [2].

Термин «мотивация достижения успеха» рассматривается как устойчивая для личности потребность достигнуть успешного и значимого результата в своей деятельности, стремление человека сделать что-либо достаточно быстро и на хорошем уровне, осуществить достижение довольно высокого уровня в своей деятельности [1]. Мотивация избегания неудач в деятельности практически не даёт положительных результатов в отличие от мотивации достижения успеха, в долгосрочной перспективе. Человек действует в своей зоне комфорта, он не стремится к собственному развитию, игнорирует потенциальные точки роста и избегает тех действий, которые могут поставить под угрозу его уверенность в себе, своих силах, уходит от ситуаций разумного риска в деятельности [3]. Эти мотивационные направленности личности максимально значимы в спорте. [2]

В эмпирическом исследовании мы использовали: методики Т. Элерса «Мотивация к успеху» и «Мотивация к избеганию неудач». В нем приняло участие 74 атлета в возрасте от 17 до 23 лет, 44 юноши и 30 девушек, практикующих как индивидуальные, так и командные виды спорта. Спортивные игры (бадминтон, баскетбол, волейбол, футбол, хоккей, теннис), – 23 чел.; единоборства (бокс, вольная борьба, грепплинг, греко-римская борьба, дзюдо, джиу-джитсу, карате, ММА, рукопашный бой, самбо, тхэквондо, фехтование, турон), – 29 чел.; циклические виды спорта (конный спорт, легкая атлетика, плавание, триатлон), – 9 чел.; сложнокоординационные виды спорта (спортивная гимнастика, фигурное катание, художественная гимнастика), – 12 чел.

Для сравнения уровня мотивации к успеху и мотивации на избегание неудач в спортивной деятельности у различных групп данной общей выборки, по результатам проведения 2 стандартизированных психодиагностических методик, направленных на выявление указанных мотивов, нами был использован U-критерий Манна-Уитни.

По принадлежности подгрупп общей выборки к разнообразным видам спорта эмпирически были выявлены следующие результаты: 1) У спортсменов игровых видов спорта и единоборцев нет значимых различий (0,4) в уровне мотивации к успеху в спортивной деятельности. 2) У спортсменов циклических видов спорта и сложнокоординационных видов спорта также нет значимых различий (0,2) в уровне мотивации к успеху в спортивной деятельности. 3) У спортсменов-единоборцев и спортсменов циклических видов спорта нет значимых (0,6) в уровне мотивации избегания неудач в спортивной деятельности.

По гендерной принадлежности были получены следующие результаты: 1) В группах спортсменов-юношей и спортсменов-девушек нет значимых различий (0,8) в уровне мотивации к успеху в спортивной деятельности. 2) На уровне тенденции есть различия между спортсменами-юношами и спортсменками-девушками в уровне мотивации избегания неудач в спортивной деятельности (0,07). У девушек-спортсменок уровень мотивации избегания неудач в спортивной деятельности выше, чем у юношей-спортсменов. Девушки-спортсменки, у которых преобладает мотивация к избеганию неудач в спортивной деятельности, чаще выбирают несложные задачи, они часто недооценивают свой потенциал. Юноши-спортсмены, у которых преобладает мотивация к избеганию неудач в спортивной деятельности, слишком тщательно взвешивают свои возможности, им не хватает решительности.

Проведённое эмпирическое исследование показало, что у узбекистанских спортсменов юношеского возраста существует мотивационная личностная специфика в мотивации достижения успеха и мотивации избегания неудач в спортивной деятельности, которая связана с половой принадлежностью этих атлетов и не связана с практикуемым ими видом спорта. Практические данные этого исследования подлежат методическому практическому применению в процессе психологической работы с атлетами юношеского возраста, в ходе их спортивной деятельности: подготовка, сопровождение, поддержка, профилактика, коррекция.

1. Гордеева Т.О. Психология мотивации достижения. М.: Смысл: Академия, 2006.
2. Серова Л.К. Психология личности спортсмена. М.: Юрайт, 2017.
3. Хеккхаузен Х. Мотивация и деятельность. СПб.: Питер, 2003.

Взаимосвязь родительских установок со стилем саморегуляции поведения у юных гимнасток

Юный спортсмен, родители, художественная гимнастика, саморегуляция

Родительские установки – система когнитивного и эмоционального отношения к ребенку, восприятия ребенка родителями и способов поведения с ним. У спортсменов в возрасте 7–10 лет еще велика роль родителей в побуждении занятия спортом. Именно они выступают значимым взрослым и определяют сферу интересов ребенка, вовлекают детей в спорт, инициируют увеличение нагрузок, вкладывают деньги, время и эмоции в их карьеру. Многочисленными исследованиями подтверждена значимость установок родителей на развитие детей, однако исследования взаимосвязи типов родительских установок и саморегуляции ребенка в детско-юношеском спорте отсутствуют. Цель нашего исследования – выявить взаимосвязь типов родительских установок со стилем саморегуляции юных гимнасток.

Методы и организация исследования. Сбор данных был организован с помощью бумажных анкет. Родители и дети анонимно заполняли бланки дома и через тренера передавали психологу для анализа результатов исследования. Нами были применены метод субъективной психодиагностики с применением анкеты и опросников. Для родителей: «Типы родительских установок в психологической поддержке ребенка-спортсмена» (О. Г. Лопухова, Л. Р. Нурхамитова). В результате будут выявлены три типа «Нереализованные родительские амбиции», «Вовлеченный, поддерживающий родитель», «Отстраненный, негативно настроенный родитель». Для детей: Экспресс-методика «Стиль саморегуляции поведения детей» (ССПД2-М) В. И. Моросановой [1]. Будут измерены следующие семь биполярных самооценочных шкал – планирование, моделирование, программирование, оценка результатов, гибкость, самостоятельность и ответственность. Расчеты производились с помощью пакета «анализ данных» в excel.

Выборка. В исследование приняли 62 семьи. Из них родители: 56 матерей, 6 отцов. 53% родителя проводят со своими детьми 1–3 ч. в день; 46% – более 3 ч. в день. Дети: девочки 7–10 лет из трех групп, отличающихся уровнем спортивной подготовки, выраженным в количестве тренировок и нацеленностью на спортивный результат: 1. Группа общего развития, тренирующиеся 8–12 часов в неделю из Московской области, далее «ОРГ»; 2. Группа из спортшколы по художественной гимнастике города Самара, тренирующиеся 12–15 часов в неделю, далее «Спортшкола»; 3. Группа, отобранная с ориентацией на спорт высших достижений из Московской области, и тренирующиеся по 25–30 часов в неделю, далее «Сборницы». Нагрузку по тренировкам эта группа получают такую, которая рекомендована гимнасткам от 12 лет.

Результаты. В результате обработки данных, полученных по методике SSPD2-М с помощью дисперсионного анализа установлены статистически значимые различия по двум шкалам из восьми. У группы «ОРГ» средние значения по шкалам «Ответственность» и «Моделирование» ниже, чем у гимнасток из групп «Сборницы» и «Спортшкола» (Fкрит. = 3,15). Юные спортсменки из группы «ОРГ» в меньшей степени способны выделять значимые условия для достижения целей и брать ответственность за свои результаты. Статистическая обработка полученных данных с помощью критерия Фишера гипотезу, о том, что родители из группы «Сборниц» меньше времени проводят со своими детьми, а значит имеют меньшее влияние на саморегуляцию юной гимнастки не подтвердилась. Взаимосвязь типов родительской поддержки со стилем саморегуляции поведения у юных гимнасток, которую мы выявляли по методу корреляции статистически, не подтвердилась. Это позволило нам сделать вывод, что все показатели саморегуляции спортсменов, занимающихся художественной гимнастикой в возрасте 7–10 лет формируются стихийно и не зависят от типов родительской поддержки.

Полученные в этом исследовании результаты, на наш взгляд представляют определенную ценность, так как ставят дополнительный вопрос: кто оказывает влияние на формирование стиля саморегуляции юных гимнасток? Попробуем ответить на него в наших следующих исследованиях.

1. Моросанова В.И., Бондаренко И.Н. Диагностика саморегуляции человека. М.: Когито-Центр, 2015. 304 с.

Оптимизм и спортивная идентичность у профессиональных спортсменов и любителей

Оптимизм, спортивная идентичность, профессиональная успешность

Личностные качества спортсмена играют важную роль в спортивных достижениях. В ряде исследований также показана значимость оптимистического настроения спортсмена для профессионального успеха. В ситуации давления и неудач оптимизм может стать решающим фактором, определять способность атлета справляться с трудными ситуациями и действовать эффективно. Однако нельзя делать однозначные выводы в пользу оптимизма в связи с результатами исследований о негативных следствиях оптимизма, в частности, нереалистичного. Другой важный параметр профессиональной успешности – спортивная идентичность. Исследования выявили положительную связь между спортивной идентичностью и целеустремленностью, высокой результативностью и удовлетворением от занятий спортом у атлетов-профессионалов [2]. В других работах показаны негативные последствия выраженной спортивной идентичности: отказ от необходимой помощи; недопустимые стратегии повышения производительности – прием анаболических стероидов и других средств, что ведет к перетренированности, травмам и т.д. [1]. На основании вышеизложенных противоречивых результатов проанализированных работ была выбрана цель нашего исследования: изучение связи параметров оптимизма и спортивной идентичности с профессиональной успешностью у спортсменов-профессионалов и любителей.

Мы предполагали, что уровень оптимизма у спортсменов-профессионалов существенно выше, чем у любителей; оптимизм и спортивная идентичность у профессиональных спортсменов значимо связаны с их жизненной удовлетворенностью (субъективной успешностью).

В исследовании применялись методики: «Шкала оптимизма и активности» (Н. Водопьянова, М. Шейн); «Шкала измерения спортивной идентичности (AIMS)» (Б. Брюэр, адапт. А. Кушнирук); «Тест индекс жизненной удовлетворенности (ИЖУ)» (Н. Панина), с помощью которого определялся уровень успешности респондентов, основываясь на утверждениях ряда авторов о том, что субъективная успешность спортсмена является показателем его жизненной удовлетворенности в связи со значимой ролью спорта в жизни спортсмена, влиянием успехов и неудач на его психологическое состояние.

Выборка: 46 спортсменов 16-36 лет из различных видов спорта, 30 мужчин и 16 женщин.

Результаты сравнения спортсменов и любителей по уровню оптимизма оказались не значимы, что противоречит данным других исследований. Вероятно, на протяжении тренировок и соревнований для спортсмена важно поддерживать уровень оптимизма, что позволяет справляться с трудностями и неблагоприятными состояниями, в то же время, сами спортивные занятия часто создают условия для оптимизма; однако любители, видимо, также находят в своей жизни немало поводов для оптимизма. В отличие от любителей у профессионалов выявлена прямая сильная и значимая связь уровня оптимизма и жизненной удовлетворенности. Результаты согласуются с заключениями специалистов о том, что физическая активность способствует улучшению эмоционального состояния и повышению удовлетворенности разными аспектами жизни. Сопряженность регулярной и продолжительной активности с постановкой и достижением целей, получением разного рода вознаграждений – эмоциональных, материальных и др., также улучшает качество жизни. Корреляция спортивной идентичности с индексом жизненной удовлетворенности спортсменов не обнаружена. Вероятно, это связано с тем, что в спорте наряду с победой имеют место и неудачи, поражения, травмы, что способствует снижению субъективной успешности и удовлетворенности жизнью, преждевременному завершению спортивной карьеры. Вместе с тем решение данных проблем входит в круг важнейших задач психологического сопровождения спортсменов.

1. Coker-Cranney A., et al. *How far is too far? Understanding identity and overconformity in collegiate wrestlers // Qual. Res. Sport Exerc. Health, 10, 2018, 92–116.*
2. Horton R., Mack D. *Athletic identity in marathon runners: Functional focus or dysfunctional commitment? // Journal of Sport Behavior, 23(2), 2000, 101.*

Обоснование модели запроса на психологическую помощь в спорте

Психологическая помощь, обращение, запрос, спорт

Введение. Не за горами то время, когда каждая спортивная школа, каждый спортивный клуб, не говоря уже о национальной сборной будет иметь в своем штате достаточное количество таких специалистов как спортивные психологи. Роль спортивной психологии в современном спорте повышается с каждым днем. Принципиально важным моментом для будущего спорта является то, в каком направлении будет развиваться спортивная психология. Отдельным важнейшим направлением спортивной психологии стоит считать консультативную работу со спортсменом, его родителями и тренером, важнейшей частью которой является определение ожидаемой помощи от психолога, выявление запроса на психологическую помощь. Как правило, психологи на основании жалобы спортсмена или тренера ставят перед собой следующие цели психологической помощи (ПП): психическая регуляция, проблемы предстартовой тревожности, развитие мотивации; реабилитация после состязаний; застой спортивных результатов; определение и разрешение кризисных состояний и пр.

Постановка проблемы. На наш взгляд, при таком подходе значительная часть проблем, спортсменов или тренеров в ходе консультирования теряется. Формулирование и решение консультативных задач начинается с предъявления психологического запроса, при этом достаточно не просто обнаружить среди широкого спектра возможных проблем настоящую причину обращения к психологу. В связи с этим мы предлагаем обратить внимание на концепцию, разработанную отечественными психологами, которая, по нашему мнению, способна эффективно применяться не только в области психотерапии и консультирования, но и области психологического сопровождения спортсмена. Это концепция запроса на ПП, которая была представлена в работах Столина, [2] и Лосевой, Лунькова, [1].

Цель работы: на основе вышеназванной концепции разработать модель запросов на ПП в аспекте психологического сопровождения подготовки спортсменов.

Выборку респондентов составили 257 человек, из них: спортивные психологи (n = 52) и спортсмены (n = 205), возраст: 18 – 55 лет, 152-мужчины, 105-женщины.

Обсуждение и выводы. Нами было проведено анкетирование среди спортсменов и психологов на тему «психологические причины и поводы обращения к психологу спортсменов и тренеров». Обработка результатов позволила вместе с информацией, собранной при определении проблемы, произвести группировку причин и поводов обращения к психологу по категориям запросов [1,2], которая в последствии была дополнена нами новыми формами психологических запросов, характерными для спортивной деятельности [3]. Результаты исследования легли в основу обоснования модели запроса на психологическую помощь в спорте.

Представим выявленные группы запросов на ПП: 1. о повышении психологической компетентности (выявлен у 5% респондентов); 2. о помощи в самоисследовании (19% респондентов); 3. о помощи в саморазвитии и совершенствовании спортивно-значимых качеств (28% респондентов); 4. о трансформации (16% респондентов); 5. о снятии симптома (32% респондентов).

Выводы: таким образом, с точки зрения психологического сопровождения нами была разработана и апробирована типологическая модель запросов на психологическую помощь для спортсменов их родителей и тренеров.

Данное исследование предоставляет спортивным психологам эффективный способ концептуализации ожиданий, мотиваций и представлений спортсменов, обращающихся за психологической помощью.

В психологическом сопровождении тренировочного процесса необходимо дополнять профессиональный багаж психолога полезными знаниями, которые позволят в процессе общения со спортсменом или тренером грамотно определять ожидаемую помощь и выявлять актуальный запрос, с целью сформулировать и решать консультативные задачи.

1. Лосева В.К., Луньков А.И. *Рассмотрим проблему...: Диагностика переживаний детей и взрослых по их речи и рисункам.* М.: А.П.О., 1995. 140 с.
2. Столин А.А. *Первичная психодиагностика // Семья в психологической консультации: Опыт и проблемы психологического консультирования.* Под ред. А.А. Бодалева, В.В. Столина. М.; Педагогика, 1989. 257 с.
3. Сохликова В.А. *Запрос на психологическую помощь в спорте // Материалы XVIII Всерос. научно-практич. конф. «Рудиковские чтения-2023» / под общей ред. Ю.В. Байковского.* М.: РГУФКСМиТ, 2023. 204 с.

Методология разработки и возможности использования мобильного приложения “Tune-up Sport” в психологическом сопровождении спортивной подготовки

Психологическая подготовка спортсменов, мобильные приложения, экспресс-диагностика

Использование IT технологий, мобильных устройств и специальных приложений в современном мире стало массовым явлением, затронуло спортивную отрасль и фитнес-индустрию. Однако нам не удалось найти русскоязычные мобильные приложения, касающиеся психологической подготовки спортсменов. При этом актуальность, высокий потенциал, востребованность и широкие перспективы использования таких разработок уже не вызывают сомнения, поскольку психологический «вектор» присутствует в подготовке спортсменов независимо от их возраста, квалификации, специализации и этапа подготовки [1, 2, 3].

Первое бесплатное русскоязычное мобильное приложение “Tune-up Sport” по комплексной психологической подготовке спортсменов разработано в «Национальном институте биомедицины и спорта» для использования спортсменами, тренерами, спортивными психологами и родителями юных спортсменов. Оно базируется на методологической и эмпирической базе психологического обеспечения сборных и клубных команд страны, а также успешном сотрудничестве с детско-юношескими спортивными организациями НМО «Лаборатория физической культуры и практической психологии».

На данный момент “Tune-up Sport” включает шесть методик:

- тест «Иерархия потребностей» И.А. Акиндиновой в модификации О.В. Тиуновой,
- экспресс методику изучения мотивов занятий спортом Г.В. Лозовой,
- методику измерения коротких интервалов времени,
- возможности: фиксировать замечаний тренера и выделять в них свои системные ошибки, фиксировать соревновательный план и количественно оценивать его выполнение спортсменом, проводить анализ полученного соревновательного опыта.

Использование данных методик позволяет спортсмену любой квалификации в любом виде спорта:

- повысить свою эффективность на тренировках,
- лучше подготовиться к ответственным соревнованиям,
- самостоятельно корректировать предстартовое состояние,
- системно анализировать соревновательный опыт,
- контролировать мотивацию к занятиям,
- выявить актуальные жизненные потребности.

Данный мобильный инструментарий будет полезен тренерам, чтобы повысить внимательность спортсменов на тренировках, организовать их предсоревновательную подготовку и др. Родители юных спортсменов смогут лучше понять мотивацию ребенка, повысить его уверенность в себе, снизить страх проигрыша и др. Спортивным психологам будет удобно работать с автоматизированными тестами по определению потребностей и мотивации спортсменов.

Скачать бесплатное мобильное приложение “Tune-up Sport” можно в Google Play. В данный момент оно представлено только на платформе Android. В дальнейшем запланированы обновления и расширение числа методик, в том числе в нем появятся ресурсы для повышения профессионального мастерства тренерского состава.

1. Ловягина А.Е. *Метапроцессы в психической саморегуляции спортсменов на соревнованиях* // *Материалы международной научно-практической конференции «Физическая культура и спорт. Олимпийское образование»*. Краснодар. 2022. С. 117-121.
2. Тиунова О.В. *Организационные аспекты планирования и реализации психолого-педагогического обеспечения спортивной деятельности* // *Спортивный психолог*, 2019. № 1(52). С.4–7.
3. Хацкая Е.Е. *Психологическое сопровождение спортивного резерва: методологические основы и принципы* // *Научно-педагогические школы Университета*, 2022. № 7. С. 70–77.

Проблема индивидуального и командного копинга в женском мини-футболе

Копинг, соревновательная деятельность, мини-футбол, женская команда

Вопросы психологической подготовки к соревновательной деятельности, вероятно, всегда будут в центре внимания тренеров и спортивных психологов. В последнее время фокусом изучения стали вопросы копинга как совладания с различными типами стресса, возникающего в спортивной деятельности. В командных видах спорта, в частности, мини-футболе структура и результаты соревновательной деятельности зависят от многих социально-психологических факторов, таких как сплоченность в команде, лидерство, конкуренция и т.п. Таким образом, можно говорить не только об индивидуальном, но и командном копинге. Под командным копингом мы понимаем доминирующие в спортивной команде поведенческие стратегии взаимодействия внутри своего коллектива, выбираемые для победы в спортивном поединке. Изучение этой проблемы имеет высокую практическую ценность в плане достижения спортивного результата.

Цель нашего исследования – выявить стратегии индивидуального и командного копинга у спортсменок-футболисток, специализирующихся в мини-футболе.

В качестве испытуемых выступили спортсменки-любители команды по мини-футболу Волгоградского социально-педагогического университета со стажем занятий футболом от 1,5 до 15 лет. В качестве методов исследования использовались анкетирование и включенное наблюдение.

Содержание анкет, цели включенного наблюдения были направлены на три основных фокуса: 1) источник соревновательного стресса; 2) способы индивидуального совладания с соревновательным стрессом; 3) особенности командного копинга (взаимодействия с партнерами).

Сравнение ответов и данных наблюдений игроков разного амплуа (вратарь, нападающий, защитник) не выявило существенных взаимосвязей по этому признаку, наиболее значимым явился показатель стажа занятий.

Полученные данные оказались несколько неожиданными. Во-первых, предположение о том, что сильный соперник – основной источник соревновательного стресса, не подтвердилось. Наибольшую тревогу вызывают – 1) поведение тренера; 2) отношения внутри команды, складывающиеся накануне матча. Во-вторых, почти все опрошенные назвали основным методом настроя на игру прослушивание музыки, а наиболее квалифицированные респонденты отметили значимость именно совместных действий. В-третьих, ответы респондентов разделились именно по признаку оценки значимости командного копинга. Если начинающие футболистки (стаж до 2 лет) считают наиболее эффективными стратегиями ориентацию либо на тренера, либо на активизацию собственных эмоций, то для более продвинутых игроков критически важное значение имеют общекомандные действия. Далее, для начинающих футболисток типичным копингом является эмоционально-фокусированный копинг, в то время, как для более опытных – проблемно-ориентированный копинг, связанный с индивидуализированными способами настроя. Однако индивидуальный настрой для этих игроков является лишь началом командной настройки, запуском общекомандных стратегий соревновательной деятельности.

1. Водопьянова Н.В. Психодиагностика стресса. СПб.: Питер, 2009. 226 с.

2. Вяткин Б.А. Управление психическим стрессом в спортивных соревнованиях. М.: Физкультура и спорт, 2002. 112 с.

Исследование выполнено при финансовой поддержке Министерства науки и высшего образования РФ (грант № 23-075-64781-1-0052-000198).

Digital innovation and the identity continuity of dependent older adults

Older adults, gerontological coordination, identity continuity, autonomy

This presentation focuses on the deployment of an information system (IS) for local gerontological coordination in a French department (Humbert, 2023). The purpose of this IS is to promote exchanges between extended care teams in a gerontological field that was previously very compartmentalized between healthcare and medico-social professionals. The French gerontological intervention sector has been widely described in the literature as mainly focused on the biomedical management of ageing bodies, making people in poor health 'objects' of care (Ennyuer, 2007).

We seek to define whether the digital innovation process we followed has enabled the professionals involved in this decompartmentalized exchange to move away from the sole consideration of "body-at-risk" (López, Domènech, 2009). This would allow the older adults to be empowered in the decisions that concern them, thus favoring the continuity of their identity. To this end, we propose a typology of 'forms' of autonomy, supported by other individuals (Chiaperrino et al., 2012), mainly professionals networked via the IS. We mobilize in the analysis both quantitative and qualitative material of online exchanges, as well as semi-structured interviews (N=51). We show that the possibility of supporting several of these forms of autonomy, and thus rehabilitating the older adults as subjects, are not directly correlated to the evolution of the innovation process.

We observe that, for the most part, IS use is an extension of the bio-medical logic outlined above. However, in certain cases, depending on the evolution of the power relations between health care providers and social workers networked by the IS, we will see that the IS has helped to take into account the decision-making power of certain older adults, particularly in a complex situation of end-of-life support. Rejecting the thesis of a hypothetical "technological solutionism" (Morozov, 2013), our analyses show that, in certain cases and under certain conditions, a digital tool that allows networking and traceability of exchanges between caregivers can promote a form of care that respects the decision-making and moral autonomy of patients. This is particularly true when it comes to expressing their desire to end their lives at home. This sometimes makes it possible to maintain a continuity of identity (Humbert, 2022), with caregivers supporting the possibility for dependent older adults to exist as subjects until their last breath.

1. Chiaperrino L., et al. *What autonomy for telecare ? An externalist approach // The American Journal of Bioethics, 2012, 12, 9, p. 55-57.*
2. Ennyuer B. *1962-2007: regards sur les politiques du "maintien à domicile" et sur la notion de "libre choix" de son mode de vie // Gérontologie et société, 2007, 30, 123, p. 153-167.*
3. Humbert C. *The deployment of an information system for local gerontological coordination in the Haut-Rhin: an experience that can still be improved // Network and Communication Studies, 2023, 36, 3-4.*
4. López D., Domènech M. *Embodying autonomy in a home telecare service // Sociological Review, 2009, vol. 56, № 2, p. 181-195.*
5. Morozov E., *To Save Everything, Click Here – The Folly of Technological Solutionism. NY.: PublicAffairs, 2013. 432 p.*

Région Grand Est. Institut de la longévité, des vieillessees et du vieillissement. Espace de réflexion éthique Grand Est.

Бочавер К.А. Москва, НОЧУ ВО "МИП"
Голубева А.В. Москва, НОЧУ ВО "МИП"
Комиссаров Д.К. Москва, НОЧУ ВО "МИП"
Сараполова Д.А. Москва, НОЧУ ВО "МИП"

Мотивация старшего поколения к физической активности

Активное долголетие, здоровье, мотивация, физическая активность

Регулярные занятия спортом в зрелом и пожилом возрасте способны замедлить физиологические процессы старения и обеспечить активное долголетие [3; 4]. Однако, при наличии возможностей и доступности спорта, процент физически активных представителей старшего поколения остается низким, что показывает важность изучения мотивации к двигательной активности и связанных с ней проблем [1].

В исследовании приняли участие 163 респондента (50-83 года, $M_{возр}=60$, 90 женщин). Для оценки привычек проводилось интервью, для оценки мотивации был использован опросник МОДА «МОтивация к Двигательной Активности» (PALMS) [2].

Исследование показало, что к доминирующим мотивам спортивной активности относятся укрепление Физического состояния и здоровья (20,2), поддержка привлекательной Внешности (17,9), Удовольствие от тренировочного процесса (17,2). Наименее значимые мотивы: Конкуренция и реализация амбиций (11,2), Ожидания других как внешний мотив и предписание тренироваться (11,5), Групповая принадлежность и чувство общности с группой единомышленников (13,5).

Результаты корреляционного анализа (R Спирмэна, $p < 0,05$) показали, что с возрастом достоверно связаны поведенческие привычки и мотивы к физической активности. Возраст достоверно связан с повышением интенсивности/частоты занятий любительским спортом ($R=0,2$): чем старше человек, тем на самом деле больше времени в неделю он уделяет тренировкам. Также, с возрастом положительно и достоверно связаны мотивы Групповой принадлежности ($R=0,4$), Физического состояния ($R=0,3$), Психологического состояния ($R=0,2$), Мастерства ($R=0,2$), Удовольствия ($R=0,2$).

Полученные данные опровергли ожидания, что физическая активность в зрелом и пожилом возрасте является для большинства «вынужденной» заботой о здоровье. Мотивация к спорту разнообразна и преимущественно эгоцентрична, сфокусирована на субъективных потребностях: пожилые люди заботятся о своем здоровье и физическом состоянии, о своей внешности, получают удовольствие от занятий. С возрастом наблюдается динамика: чем старше спортсмен-любитель, тем большую значимость приобретают для него или нее (критерий U Манна-Уитни не показал различий по полу) мотивы чувства общности и поддержки, укрепления соматического здоровья, удовольствия от тренировок. С возрастом возрастает мотив индивидуального мастерства, или самосовершенствования, а также улучшения психологического состояния через тренировочную деятельность.

Руководствуясь полученными закономерностями, можно рекомендовать для среднего и пожилого возраста организацию занятий, при которой тренировочный процесс регулярно и планомерно стимулирует индивидуальный рост, снимает чувство одиночества за счет включенности в коллектив единомышленников, а также является своего рода практикой регуляции стресса. Иными словами, в зрелом и пожилом возрасте спорт наделяется множественными функциями, которые могут быть успешно реализованы при организации группы как клуба по интересам с вниманием к экзистенциальным и актуальным потребностям развития, общению и получению положительных эмоций.

1. Бондарев Д.В., Новорадовская Е.А., Бочавер К.А. Двигательная активность: детерминанты и способы управления // *Человек Работающий. Междисциплинарный подход в психологии здоровья*. М.: Перо, 2018. С. 226-280.
2. Бочавер К.А., Бондарев Д.В., Папкина М.А. Апробация опросника для оценки мотивации к досуговой физической активности и первый взгляд на диагностику ценностных установок и мотивов в любительском спорте // *Культура физическая и здоровье*. 2020. № 4. С. 156-160.
3. Голубева Е.Ю., Данилова Р.И. Здоровый образ жизни как часть стратегии активного долголетия // *Успехи геронтологии*. 2011. Т. 24. № 3. С. 380-384.
4. Лощаков А.М., и др. Физическая активность как залог здорового и активного долголетия пожилых людей // *Адаптивная физическая культура*. 2022. № 2 (90). С. 41.

Отношение к внешнему облику как фактор воспринимаемого возраста пожилых людей

Воспринимаемый возраст, внешний облик, отношение к внешнему облику

Введение. «Воспринимаемый возраст» человека (объекта восприятия) представляет собой его возраст, приписанный ему другим человеком (субъектом восприятия, оценщиком) в процессе восприятия его внешнего облика» (Шкурко, Лабунская, 2018, с. 450). Несмотря на то, что воспринимаемый возраст является социально-психологическим феноменом, результатом социального познания и восприятия, он также представляет собой визуально видимый результат влияния на человека многочисленных факторов: от генетических до социально-экологических и способен предсказывать продолжительность жизни человека [3]. Поиск психологических детерминант воспринимаемого возраста человека является актуальной задачей, так как может пролить свет на психологические аспекты благополучного старения и долголетия. Теоретико-методологической основой исследования выступил социально-психологический подход к внешнему облику В.А. Лабунской [1].

Методы: процедура «Фотовидеопрезентации внешнего облика» Т.А. Воронцовой [1]; комплекс методик, разработанных В.А. Лабунской для диагностики отношения к своему внешнему облику [1]. К полученным данным были применены корреляционный анализ Спирмена и множественный регрессионный анализ (пошаговый метод).

Выборка исследования: 155 человек (65 мужчин и 90 женщин, $M_{\text{возр.}}=64,93$) в возрасте от 60 до 75 лет, находящихся на возрастном этапе «пожилой возраст» в соответствии с возрастной периодизацией Д. Б. Эльконина (Эльконин, 1971).

Результаты: в качестве предикторов воспринимаемого возраста пожилых людей выступили различные параметры их отношения к своему внешнему облику, соответствующие когнитивному (значимость внешнего облика, интегральная оценка своего внешнего облика, оценка внешнего облика другими людьми), эмоциональному (удовлетворенность и обеспокоенность внешним обликом) и поведенческому (выраженность арреагансе-перфекционизма) компонентам отношения, а также планируемая продолжительность жизни (выявлялась с помощью вопроса ««до какого возраста планируете прожить?»; зависимой переменной являлась разница между хронологическим и воспринимаемым возрастом (так называемые «спасенные годы» [4]). Обнаружено, что на показатель «спасенные годы» пожилых людей с коэффициентом детерминации 17,7 % в равной степени влияют три предиктора: удовлетворенность внешним обликом ($\beta=0,261$, $p=0,001$), значимость внешнего облика ($\beta=0,246$, $p=0,002$) и планируемая продолжительность жизни ($\beta=0,225$, $p=0,005$).

Обсуждение и выводы: в работе показано влияние на воспринимаемый возраст пожилых людей их отношения к своему внешнему облику, а также планируемой продолжительности жизни: пожилые люди, удовлетворенные своим внешним обликом, признающие его значение в различных сферах жизни, а также имеющие более длительную жизненную перспективу, выглядят моложе своих лет.

1. Социальная психология внешнего облика: теоретические подходы и эмпирические исследования. Коллективная монография / Под науч. ред. В.А. Лабунской, Г.В. Серикова, Т.А. Шкурко. Ростов-на-Дону: Издательство Мини-Тайп, 2019. 456 с.
2. Шкурко Т.А., Лабунская В.А. Почему мы выглядим моложе или старше своих лет: поиск психологических детерминант // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия Философия. Психология. Педагогика. 2018. Т. 18. № 4. С. 450-457.
3. Gunn D.A., et al. Mortality is Written on the Face // The Journals of Gerontology: Series A, 2016. Vol. 71. Issue 1. P. 72-77.
4. Zimm A.J., et al. Objective assessment of perceived age reversal and improvement in attractiveness after aging face surgery // JAMA Facial Plastic Surgery, 2013. Vol. 15. Issue 6. P. 405-410.

Исследование выполнено при финансовой поддержке РФ (проект № 22-28-01763) в ЮФУ.

Особенности психологического времени у людей с высокими показателями эффективности поздней социализации

Поздняя социализация, психологическое время пожилых, субъективный возраст, удовлетворенность жизнью

На фоне современных демографических изменений, связанных с феноменом «старения общества», все более актуальным становится вопрос поздней (вторичной) социализации пожилых людей. При этом прослеживается тенденция к пониманию вторичной социализации как к процессу адаптации к вновь возникающим жизненным ситуациям, способствующему поддержанию высокого уровня удовлетворенности жизнью и психологического благополучия [1, 3].

Удовлетворенность жизнью, как маркер эффективности поздней социализации, зачастую рассматривается через призму лишь внешних факторов: социальный статус, досуговая и творческая активность, наличие брачного партнера, материальное благополучие и т.д. [2]. Однако, не меньший интерес представляет поиск когнитивно-эмоциональных предикторов данного явления. В качестве перспективного направления поиска таких субъективных детерминант видится изучение особенностей психологического времени у пожилых людей, которое выступает важным медиатором субъективного благополучия в целом [4].

Целью настоящего исследования является выявление особенностей когнитивного компонента психологического времени (временного фокуса и субъективного возраста) у пенсионеров с высоким уровнем удовлетворенности жизнью.

В исследовании применялись методики: модифицированный вариант опросника «Age-of-Me» (Barak, 2009), шкала временного фокуса А. Шипп (Shipp, Edwards, Lambert, 2009), шкала удовлетворенности жизнью (Diener, Emmons, Larsen, Griffin, 1985), адаптированная и валидизированная Д.А. Леонтьевым и Е.Н. Осиным. Выборка формировалась рандомно из пенсионеров различных категорий (разных типов профессий, уровня образования, семейного и рабочего статуса), проживающих в г. Челябинске и Челябинской области (Российская Федерация). Общее число респондентов составило 291 человек (34% мужчины, средний возраст 65,5 лет, 16% имеют инвалидность, 53% состоят в браке, 47% имеют высшее образование, 16% проживают в доме престарелых).

Результаты исследования показали, что у пенсионеров, в большей мере удовлетворенных жизнью, более выражен временной фокус на настоящем ($p=0,000$), то есть они больше вовлечены в текущие жизненные события. Выявлены также различия в фокусе на прошлом ($p=0,055$), при этом пенсионеры со средним уровнем удовлетворенности жизнью в меньшей степени концентрируются на событиях прошлого, а в группе с низкой и высокой степенью удовлетворенности жизнью различия по этому параметру выражены слабо. Можно предположить, что удовлетворенность жизнью на пенсии связана с содержанием воспоминаний: позитивные моменты прошлого (удачи, радостные события) способствуют повышению удовлетворенности (счастья) в отличие от негативных (зацикленность на ошибках прошлого, упущенных возможностях). Различий по фокусу на будущем обнаружено не было. Выявлены различия в когнитивно-эмоциональном ($p=0,000$) и физическом ($p=0,014$) типах субъективного возраста пенсионеров. Более счастливые пенсионеры чувствуют себя более молодыми, а также оценивают свою внешность как менее подверженную возрастным изменениям, в отличие от тех, кто заявил о низком уровне удовлетворенности жизнью на пенсии.

Полученные результаты свидетельствуют о важной роли когнитивного компонента психологического времени как маркера эффективности поздней социализации.

1. Прохорова М.В. Адаптационный потенциал к социальному старению // Вестник Нижегородского ун-та им. Н.И. Лобачевского. Сер.: Социальные науки. 2022. № 1 (65). С. 110-116.
2. Хохлова Н. И. Маркеры удовлетворенности жизнью в поздней зрелости // Северный регион: наука, образование, культура. 2022. № 1 (49). С. 55-60.
3. Янцен М.А. Социализация пожилых людей: социологический аспект // Народонаселение. 2020. Т. 23. № 3. С. 71-82.
4. Brianza E., Demiray B. Future Time Perspective and Real-Life Utterances About the Future in Young and Older Adults // The Journal of Gerontopsychology and Geriatric Psychiatry. 2019. V. 32. № 4. P. 161-173.

Исследование выполнено при финансовой поддержке РНФ (проект № 22-28-00421).

Вклад осознанного образа жизни в формирование позитивного восприятия старения

Образ жизни, позитивное восприятие старения, конструирование продуктивной старости

Позитивное восприятие старения тесно координирует с проблемой конструирования продуктивной старости, т.к. именно позитивное восприятие старения связано с физическим и психологическим здоровьем, что в свою очередь является основой для повышения качества жизни пожилого человека, крайне необходимого в условиях смещения демографической ситуации в сторону увеличения продолжительности жизни. Согласно результатам современных исследований качество жизни обеспечивается образом жизни, направленным на укрепление и поддержание здоровья [1]. Известен факт того, что отсутствие режима отдыха, культуры питания, а также наличие вредных привычек приводят к различным заболеваниям в долгосрочной перспективе [3]. В свою очередь, здоровый образ жизни, выбор которого в большей степени вероятен при позитивном восприятии старения [2], способствует более успешному старению, в том числе когнитивному [4]. Мы считаем, что осознанный подход к образу в жизни в настоящем способствует формированию позитивного восприятия старения через включение компонентов, направленных на сохранение и укрепление собственного здоровья.

Выборка из 92 человек в возрасте от 22 до 64 лет, включала три группы: 1-респонденты, которые не задумываются о связи нынешнего образа жизни и конструктивного старения; 2-периодически задумываются об этом; участники 3 группы задумываются, так как считают, что образ жизни создаст «базу» для конструктивного старения.

Методики. Анкета восприятия старения, основанная на зарубежном опроснике The Ageing Perceptions Questionnaire (APQ) (Barker, 2007); опросник «Профиль здорового образа жизни» (Петраш, Стрижицкая, Муртазина, 2018); анкета для изучения образа жизни.

Результаты. Анализ параметров ЗОЖ в группах выявил значимые различия по параметрам «физическая активность», «внутренний рост» и «управление стрессом» в сторону наибольшей выраженности в 3 группе (с осознанным подходом к образу жизни в настоящем). Для определения вклада осознанного подхода к образу жизни в позитивное восприятие старения мы применили подход моделирования структурными уравнениями (SEM). Показано прямое влияние явной переменной «осознанный подход к образу жизни» на латентную переменную, включающую явные переменные ЗОЖ ($p=0,032$): «внутренний рост», «межличностные отношения» и «физическая активность»; а латентный фактор оказывает прямое влияние на явную переменную «положительные последствия» ($p=0,012$). Критерии полученной модели находятся в допустимых пределах, т.е. модель эмпирически подтверждается (хи-квадрат=31,968; $df=25$; $p=0,159$; CFI=0,945; GFI=0,964; RMSEA=0,049; PCLOSE=0,471). Возможность замечать положительные последствия старения формируется через осознанное отношение к образу жизни, за счет включения компонентов, направленных на укрепление здоровья.

Результаты исследования показали значимую роль осознанного подхода к образу жизни в настоящем на формирование позитивного восприятия старения, через включение компонентов здорового образа жизни. Выявленный механизм может выступать в качестве основы конструирования продуктивной старости. Проект поддержан грантом РФФИ № 22-28-00869.

1. Fritsch T., et al. *Cognitive Functioning in Healthy Aging: The Role of Reserve and Lifestyle Factors Early in Life* // *The Gerontologist*. 2007. Vol. 47, N 3. P. 307–322.
2. Levy B.R., Myers L.M. *Preventive health behaviors influenced by self-perceptions of aging* // *Preventive Medicine*. 2004. Vol. 39. N 3. P. 625–629.
3. Leyton-Roman M., et al. *Validation of the Spanish Healthy Lifestyle Questionnaire* // *International Journal of Clinical and Health Psychology*. 2021. Vol. 21. N 2. doi: 10.1016/j.ijchp.2021.100228.
4. Martin S.M., et al. *Long-lasting active lifestyle and successful cognitive aging in a healthy elderly population: The PROOF cohort* // *Revue Neurologique*. 2017. Vol. 173. N 10. P. 637–644.

Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ (проект № 22-28-00869).

Представления о социальной поддержке в пожилом и старческом возрасте

Пожилой и старческий возраст, удовлетворенность социальной поддержкой, эмоциональная поддержка, оценочность суждений о другом

Результаты современных исследований в геронтопсихологии подтверждают отмечаемый Б.Г. Ананьевым многомерный и разновременный характер старения. Ряд функций (например, внимание, социальная жизнеспособность, открытость опыту и др.) демонстрирует инволюционные изменения достаточно рано, добросовестность несколько растет до 60-70 лет, и только после этого возраста начинает снижаться, способность к эмпатии у пожилых респондентов ниже, чем у людей среднего возраста [3] доброжелательность продолжает увеличиваться на протяжении всего пожилого и старческого возраста [2]. В то же время на качество старения в целом влияют генетические, личностные, социальные и средовые факторы [1]. Возрастная динамика удовлетворенности жизнью значимо связана с социо-культурными особенностями выборки [4].

В работах, посвященных изучению факторов психологического благополучия, указывается важная роль социальной включенности респондентов и поддержки, оказываемой им со стороны окружающих. Однако в наших исследованиях было показано, что даже при высоких значениях эмоциональной и инструментальной поддержки некоторые пожилые люди отмечают неудовлетворенность ею, а также низкие значения психологического благополучия. В настоящем исследовании была сделана попытка оценить связь негативных предубеждений относительно людей, незнакомых респондентам, с самооценкой, удовлетворенностью жизнью и представлениями о социальной поддержке. Участники (30 человек, 22 женщины, 8 мужчин в возрасте от 60 до 85 лет, средний возраст 67,0 лет) заполняли бланки анкеты, Опросника социальной поддержки SOZU-22 (адаптация А.Б. Холмогоровой), Шкалы удовлетворенностью жизнью Э. Динера (адаптация Е.Н. Осина и Д.А. Леонтьева), шкалы самооценки здоровья, интеллекта, внешности и характера, а также давали свободное описание по 4 фотопортретам незнакомых им людей.

Было показано, что в целом оценочность суждений отрицательно связана с самооценкой характера и удовлетворенностью социальной поддержкой. Негативные описания по портретам («противная», «неприятный») чаще давались людьми с низкой социальной включенностью, а положительные оценочные характеристики («приятная», «нравится») предлагались респондентами с высокой самооценкой внешности и здоровья, а также с высокими баллами социальной интеграции. При этом чем ниже был общий балл социальной поддержки, тем чаще в описаниях по портретам встречались элементы вымысла (например, «мечтает о подарках к Новому году», «нравится заниматься домашним хозяйством», «с жизненным опытом, который любит назойливо передавать»).

Таким образом, можно предположить что отрицательное отношение к окружающим без каких бы то ни было оснований, что проявилось в критичных описаниях незнакомых лиц, может быть как причиной так и результатом невключенности в социум. И напротив, самодостаточными респондентами с высокой самооценкой окружающие изначально воспринимаются как привлекательные, приятные люди, что упрощает установление и поддержание контактов с ними. Неадекватность представлений об окружающих, необоснованность даваемых им характеристик не позволяет правильно интерпретировать реальные сигналы от близких, в том числе не замечать регулярно предлагаемую ими эмоциональную и инструментальную поддержку.

1. Петраш М.Д., Стрижицкая О.Ю. Средовые факторы как предикторы благополучного старения // *Материалы Междунар. юбилейной науч. конф., посв. 50-летию создания Института психологии РАН "История, современность и перспективы развития психологии в системе Российской академии наук"*. Отв. ред.: Д.В. Ушаков, и др. Москва, 2022. С. 452-453.
2. Donnellan M.B., Lucas R.E. Age Differences in the Big Five Across the Life Span: Evidence from Two National Samples // *Psychology and Aging*. 2008. V. 23(3). P. 558-566.
3. May B., Alligood M. Basic empathy in older adults: Conceptualization, measurement, and application // *Issues in mental health nursing*. 2000. V. 21. P. 375-386.
4. Steptoe A., Deaton A., Stone A.A. Subjective wellbeing, health, and ageing // *Lancet*. 2015. V. 385(9968). P. 640-648.

Исследование связи субъективного благополучия и временной перспективы в пожилом возрасте

Субъективное благополучие, временная перспектива, возрастно-временные изменения, пожилой возраст

Одна из ключевых задач и резервов развития в пожилом возрасте – это переживание удовлетворенности собственной жизнью, интегральным показателем которой является субъективное благополучие – эмоциональная и когнитивная сторона самопринятия [1]. С субъективным благополучием сопряжены феномены, касающиеся оценки различных периодов прожитой жизни, – временная перспектива и готовность к жизненным событиям, связанным с возрастом.

Целью исследования является выявление характера сопряженности субъективного благополучия в пожилом возрасте и показателей временной перспективы. В эмпирическом исследовании приняли участие 254 респондента в возрасте от 60 до 75 лет, мужчины и женщины, проживающие в разных регионах России (большинство на территории Уральского федерального округа). Использовались психодиагностические методики: методика диагностики субъективного благополучия личности Р.М. Шамионова, Т.В. Бесковой), опросник временной перспективы личности Ф. Зимбардо в адаптации А. Сырцовой, Е.Т. Соколовой, О.В. Митиной, опросник «Готовность к освоению возрастно-временных изменений» Н.С. Глуханюк, Т.Б. Сергеевой; для математико-статистической обработки применен корреляционный анализ по Спирмену.

Результаты показали как общие тенденции взаимосвязи видов субъективного благополучия с параметрами восприятия времени жизни, так и отдельные различия. Все диагностированные виды субъективного благополучия (эмоциональное, экзистенциально-деятельностное, эго-благополучие, гедонистическое и социально-нормативное) положительно связаны с ориентацией на будущее и позитивным восприятием прошлого, гедонистическим настоящим (исключение составило только социально-нормативное благополучие), отрицательно – с восприятием негативного прошлого. Субъективно благополучные пожилые люди демонстрируют высокую готовность к освоению возрастно-временных изменений, в первую очередь связанных с внешностью и состоянием здоровья и трансформациями в сфере профессиональной жизни. Они спокойно, без негативных переживаний реагируют на происходящие и предстоящие возрастные изменения. При этом не обнаружено связей субъективного благополучия пожилого человека с когнитивным и мотивационным уровнем готовности. Осознание и понимание возрастных изменений и активный поиск стратегий адаптации к ним с субъективным благополучием оказались не связаны. Этот факт будет проверяться на следующих этапах исследования, поскольку можно предположить нелинейный характер зависимости. Субъективное благополучие пожилого человека также оказалось не связано с ориентацией на фаталистическое настоящее. Исключением стало только эго-благополучие, показавшее слабую отрицательную связь с последним.

Имеются и различия в сопряженности с параметрами восприятия времени жизни, характерные для отдельных видов субъективного благополучия. Так, экзистенциально-деятельностное благополучие, отвечающее за событийную наполненность жизни пожилого человека, оказалось положительно связано практически со всеми параметрами готовности к освоению возрастно-временных изменений. Этот результат хорошо согласуется с содержательным наполнением названных конструктов и подтверждает предположение о готовности как ресурсе субъективного благополучия. Социально-нормативное благополучие как показатель социальной согласованности связан только с ориентацией на прошлое и будущее, но не настоящее. Возможно, интериоризация социальных норм и паттернов в пожилом возрасте плохо сочетается с возможностями «жить настоящим», тем более что настоящий период жизни в поздние периоды нередко обесценивается.

Результаты исследования позволяют уточнить характер сопряженности субъективного благополучия в пожилом возрасте и восприятия времени жизни как его потенциального ресурса, что в свою очередь, послужит основанием для эмпирической валидации модели личностной ресурсности в пожилом возрасте.

1. Emmons R.A., Diener E. Personality correlates of subjective well-being // Personality and Social Psychology Bulletin. 1985. Vol. 11. Is. 1. P. 89–97.

Исследование выполнено при финансовой поддержке РФ (проект № 23-28-00715).

Особенности использования юмора пожилыми людьми с разной направленностью на социум

Юмор, психологическое благополучие, пожилые, социотропность, самодостаточность

Новая демографическая ситуация вызывает интерес исследователей к изучению адаптационных возможностей и факторов, воздействующих на благополучие пожилых людей.

Понятие «психологическое благополучие» многогранно и формируется из различных составляющих, в том числе когнитивных и аффективных (Шулер, Селигман, 2010), является категорией субъективной, внутрипсихологической [1].

В последнее время юмор все чаще рассматривают как положительный фактор влияния на благополучие человека, в исследованиях демонстрируется связь юмора с оптимизмом, автономией, позитивной самооценкой, хорошими социальными отношениями (Abel, 2002; Martin, Ford, 2018), отмечается позитивная роль юмора в снижении уровня стресса, напряженности, тревоги (Lefcourt, 2001; Nezlek, Derks, 2001).

Юмор может применяться как стратегия преодоления внешних трудностей или для решения внутренних психологических проблем (Dozois et al., 2009), выполнять конструктивную или деструктивную роль, через представленность в различных стилях: адаптивные – самоподдерживающий стиль и аффилиативный, а также неадаптивные – агрессивный и самоуничижительный [2].

Результаты последних исследований в целом подтверждают ресурсную роль функций юмора в совладании со стрессом, в том числе и для пожилых людей (Холодная, Хазова, 2017), а также положительное влияние адаптивных стилей юмора на их благополучие (Jiang, Lu, Jiang, Jia, 2020).

На студенческой выборке были выявлены взаимосвязи между самоуничижительным юмором и социотропией, а также между агрессивным юмором и автономностью (Frewen, Brinker, Martin, Dozois, 2008).

Факторы психологического благополучия социотропных и автономных (или самодостаточных) людей пожилого возраста – малоизученная ниша среди психологических исследований. Считается, что предикторами благополучия для социотропных людей выступают устойчивые и предсказуемые отношения, в то время как для самодостаточных или автономных – создание и сохранение независимости, самостоятельности [3].

Мы предположили, что пожилые люди с разной направленностью на социум используют различный стиль юмора для поддержания уровня благополучия.

В исследовании были использованы следующие методики: Опросник стилей юмора Р. Мартина (Иванова, Митина, Зайцева, Стефаненко, Еникопов, 2013); Шкала психологического благополучия К. Рифф (Шевеленкова, Фесенко, 2005); Шкала «социотропность-самодостаточность» (Стрижицкая, Муртазина, Петраш, Вартамян, 2021).

В исследовании участвовал 31 респондент в возрасте 60 -73 лет (средний возраст 63, 3 года), 13 мужчин и 18 женщин, которые были разделены на группы по методике «социотропность-самодостаточность» по уровню самодостаточности. В группе с высокой самодостаточностью по сравнению с группой с низкой самодостаточностью значимо выше уровень самоподдерживающего стиля юмора. Также выявлены различия по интегральному показателю психологического благополучия и отдельным шкалам – «автономия» и «личностный рост»; на уровне тенденций по показателю «агрессивный» стиль юмора.

Полученные результаты позволяют говорить о том, что юмор может быть фактором воздействия на благополучие пожилых людей с различной социальной направленностью. К перспективам дальнейшего исследования следует отнести увеличение выборки и изучение дополнительных факторов, воздействующих на психологическое благополучие людей пожилого возраста с различной социальной направленностью.

1. Джидарьян И.А. Психология счастья и оптимизма. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2013.
2. Мартин Р. Психология юмора. СПб.: Питер, 2009.
3. Стрижицкая О.Ю., и др. Адаптация методики «Социотропность-самодостаточность» на Российской выборке взрослых и пожилых людей // Экспериментальная психология. 2021. Т. 14. № 3. С. 217–233.
4. Jiang F., et al. Does the relation between humor styles and subjective well-being vary across culture and age? A Meta-Analysis // Frontiers in Psychology. 2020. V. 11. P. 1–10.
5. Frewen P., et al. Humor styles and personality-vulnerability to depression // Humor–International Journal of Humor Research. 2008. V. 21(2). P. 179–195.

Автономность личности как фактор удовлетворенности жизнью в пожилом возрасте

Автономность личности, удовлетворенность жизнью, геротрансцендентность, пожилой возраст, регрессионная модель

Автономность личности является сложным и многогранным конструктом, который берет свое начало в философских трудах Джереми Бентама (1789) и Джона Стюарта Милля (1861). В психологии автономность личности изучается в рамках двух проходов: в рамках теории самоопределения как базовая потребность, и в рамках психологии личности как личностная черта [2]. Следует отметить, что изучение автономности личности в основном сосредоточено на ранних этапах онтогенеза. Поздние этапы онтогенеза редко становятся предметом изучения в контексте автономности личности. Однако современный мир стареет. Изменившиеся социально-экономические, политические и демографические особенности современного мира уже не позволяют рассматривать старость как инволюционный процесс, как «убыль одушевленности, совершающаяся с течением времени» как рассматривал ее Платон (Платон, 1986, с. 427). Пожилые в современном мире являются неотъемлемой составляющей процесса развития социума, а сам процесс старения становится предметом изучения.

В данном исследовании изучается автономность личности как фактор успешного старения. По мнению ряда теоретиков чувство автономии имеет решающее значение не только для адекватного внутриличностного функционирования, но и для адекватного функционирования социума [3].

Исследование проводилось в рамках теории Л. Торнстама – теории геротрансцендентности – теории позитивного старения, в рамках которой старение рассматривается как уникальный период в жизни личности [4]. В исследовании приняло участие 97 человек в возрасте от 50 до 75 лет. Среди них 22,5% мужчин и 75,5% женщин. Участие в исследовании было добровольным. В исследовании применялась батарея методик: шкала удовлетворенности жизнью Динера; особенности социальной активности измерялись с помощью шкалы Социальной включенности (О. Стрижицкая); геротрансцендентные изменений измерялись опросником геротрансцендентных изменений (О. Стрижицкая). Для изучения автономности личности был разработан опросник «Шкала автономности» (в печати). Психометрические характеристики опросника проверялись на выборке 227 человек. Надежность опросника по внутренней согласованности составила 0,87, что позволило авторам использовать разработанную шкалу в данном исследовании.

Для анализа данных был использован регрессионный анализ, в результате которого была построена регрессионная модель: Удовлетворенность жизнью = 0,110918 * социальная включенность + 0,533186 * геротрансцендентность + 3,70894 * автономность + 4,04821 * семейное положение + 0,219421 * возраст.

Коэффициент детерминации R-квадрат показывает, что модель объясняет 93,9% общей дисперсии.

Для упрощения модели и исключения переменных с наименьшими коэффициентами была использована пошаговая регрессия. Окончательное уравнение регрессионной модели выглядит следующим образом: Удовлетворенность жизнью = 3,90722 * автономность + 4,2683 * семейное положение + 0,212633 * возраст.

Все переменные в полученной регрессионной модели являются статистически значимыми.

Таким образом, построенная модель показывает, что автономность является одним из факторов удовлетворенности жизнью. Пожилые люди, которые живут со своими супругами, более удовлетворены, чем те, кто живет в расширенных семьях со своими детьми и внуками. Независимость, автономия и самодостаточность делают этих людей более удовлетворенными своей жизнью, нежели необходимость жить в большой семье, приспособливаться к ее потребностям и обязательствам.

1. Платон. Диалоги. М.: Мысль, 1986. 607 с.

2. Ford A.B., Haug M.R., Stange K.C. Sustained personal autonomy: a measure of successful aging // *Journal of Aging and Health*. 2000. Vol. 12. P. 470–489.

3. Serdiuk L., et al. Personal autonomy as a key factor of human self-determination // *Welfare: interdisciplinary approach*. 2018. Vol. 8(1). P. 85-93.

4. Tornstam L. Maturing into gerotranscendence // *The Journal of Transpersonal Psychology*. 2011. Vol. 43. № 2. P. 166-180.

Инвалидность и удовлетворенность жизнью у людей пенсионного возраста

Инвалидность, удовлетворенность жизнью, пенсионный возраст

Теоретический анализ зарубежной литературы по проблеме старения показал, что удовлетворенность жизнью, качество жизни и счастье являются ключевыми факторами успешного старения [2,3,5].

Ряд зарубежных и отечественных исследователей подчеркивают связь здоровья, как объективного, так и субъективного, с удовлетворенностью. Так А. Steptoe физическое здоровье связывает с субъективным благополучием и удовлетворенностью жизнью [4]. Данное исследование было направлено на изучение объективного здоровья, поскольку некоторые заболевания, такие как ишемическая болезнь сердца, гипертоническая болезнь, сахарный диабет и онкологические заболевания и другие являются для большинства пенсионеров спутниками пожилого возраста. Статья 1 Конвенции о правах инвалидов относит к инвалидам людей с устойчивыми физическими, психическими, интеллектуальными или сенсорными нарушениями, которые могут мешать их полному и эффективному участию в жизни общества наравне с другими [1].

Исходя из этого была сформулирована цель исследования: выявить как наличие инвалидности связано с удовлетворенностью жизнью в пенсионном возрасте.

Для исследования была использована методика Шкала удовлетворенности жизнью (SWLS) – краткий скрининговый самоопросник (E. Diener, R.A. Emmons, R.J. Larsen и S. Griffin) в адаптации Д.А. Леонтьева и Е.Н. Осина. Выборка 291 представитель г. Челябинска и Челябинской области в возрасте от 42 до 85 лет (средний возраст 65 лет), из них 75-мужчины, 216- женщины. Выборка респондентов пенсионного возраста была разделена на 2 группы по наличию (n=41) и отсутствию инвалидности (n=250). Анализируя средние значения удовлетворенности жизнью, можно говорить о том, что для респондентов пенсионного возраста характерен средний, либо ниже среднего уровня показатель. Сравнивая данные описательной статистики, можно констатировать, что по всем параметрам удовлетворенности средне-выборочные показатели удовлетворенности респондентов с инвалидностью чуть ниже, чем без неё. Однако сравнительный анализ по критерию Манна-Уитни показал значимые различия только по одному показателю удовлетворенности жизнью: достижение главных целей жизни (U=5514, при p=0,041).

Таким образом, проведенное исследование позволяет сделать ряд выводов: во-первых, удовлетворенность жизнью людей пенсионного возраста находится на среднем и ниже среднего уровня; во-вторых, удовлетворенность респондентов, имеющих инвалидность, чуть ниже, чем без неё. Особенно тяжело пожилым людям пенсионного возраста достигать значимых целей и результатов.

Ограничения исследования: небольшая выборка исследования и отсутствие данных о специфике заболевания ограничивает внешнюю валидность настоящего исследования.

1. Конвенция о правах инвалидов. Принята резолюцией 61/106 ГА ООН 13 декабря 2006.

URL: https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/disability.shtml (дата обращения: 07.05.2023).

2. Fatemeh E., et al. The concept of successful aging: A review article // *Current Aging Science*, 2020, 13(1), 4–10.

3. Martinson M., Berridge C. Successful aging and its discontents: A systematic review of the social gerontology literature // *The Gerontologist*, 2014, 55(1), 58–69.

4. Steptoe A. Happiness and health // *Annual Review of Public Health*, 2019, 40(1), 339–359.

5. Young Y., Frick K.D., Phelan E.A. Can successful aging and chronic illness coexist in the same individual? A multidimensional concept of successful aging // *Journal of the American Medical Directors Association*, 2009, 10(2), 87–92.

Исследование выполнено при финансовой поддержке РФ (проект № 22-28-00421).

Психотерапия и психологическое консультирование: помощь и развитие

Бурдун С.А. Санкт-Петербург, ФГБОУ ВО СПбГУ

Ключевые социально-правовые аспекты индустрии психологической помощи

Индустрия психологической помощи, психотерапия, психологическое консультирование

По данным опроса ФОМ, всего 9% респондентов когда-либо обращались за помощью к профессиональному психологу или психотерапевту (в возрастной группе 18-30 лет – 16%); 75% населения «скорее исключают для себя возможность обратиться (обратиться ещё раз) за помощью, советом к профессиональному психологу или психотерапевту», в возрасте 18-30 лет – 57% [1].

Тем не менее, спрос на психологическую помощь стабильно растёт как в очном, так и в онлайн-формате. Так, в России в 2022 году потребность в психологах выросла в России на 62,87% по сравнению с предыдущим годом. Не последнюю роль здесь сыграли события последних лет, спровоцировавшие тревожное настроение и ухудшение психического здоровья населения – пандемия COVID-19, специальная военная операция и частичная мобилизация граждан [3].

Тем не менее, до сих пор является неразрешённым вопрос о лицензировании деятельности немедицинских психотерапевтов и консультирующих психологов. Ситуацию, в которой существует психотерапевтическая практика в России сегодня, нельзя назвать однозначной. Текущее законодательство закрепляет статус «медицинской психотерапии» как метода лечения и типа медицинской услуги [2]. Однако, в Российской Федерации деятельность лиц, оказывающих услуги по немедицинской психотерапии и психологическому консультированию, не лицензируется.

Уникальность текущего этапа развития психотерапевтической практики в России заключается в её переходе из медицинской сферы в сферу коммерции. Эта важная тенденция связана с неоднозначным правовым статусом психотерапии. Модель психотерапии ряда западных стран, в большой степени задавших направление всемирному терапевтическому повороту, характеризует психотерапию как немедицинское вмешательство, которое включает проработку травм и трудностей, не всегда подразумевающих патологию. Такой подход дестигматизирует получателя психологических услуг, отходя от статуса «пациента». Пользователь психологических услуг – самостоятельный субъект, который не обязательно является пациентом психиатра, а скорее клиентом сферы психологических услуг. Ключевая характеристика такого субъекта – свобода выбора в обращении за помощью. Тонкая грань между психическим здоровьем индивида, испытывающего психологические трудности, и болезнью – основной камень преткновения в определении статуса пользователя психологических услуг [5].

Несмотря на востребованность услуг индустрии психологической помощи, она остается в правовой и научной «серой зоне». Специфической индустрию делает не только сензитивность практик, входящих в перечень услуг, но и процесс ускоренной – «шоковой» – институционализации в начале 90-х, который поместил индустрию в продолжительное состояние правовой неопределённости [4]. Принимая во внимание социально-правовой контекст, в котором возникла и существует индустрия психологической помощи, можно говорить о демедицилизации как об устойчивой тенденции развития рынка.

1. *Востребованность помощи психолога. Официальный сайт ФОМ, 2022.* – URL: <https://fom.ru/Obraz-zhizni/14769> (дата обращения: 03.04.2023).
2. *Постановление Правительства от 16.02.2022 № 181 «О внесении изменений в постановление Правительства Российской Федерации от 1 Июня 2021 г. № 852».* – URL: <http://publication.pravo.gov.ru/document/0001202202180045> (дата обращения: 01.06.2023).
3. *Психологов поднимают по тревоге. Официальный сайт ФОМ, 2022.* – URL: <https://www.kommersant.ru/doc/5748777> (дата обращения: 03.04.2023).
4. Matza T. *Shock Therapy: Psychology, Precarity, and Well-Being in Post-socialist Russia.* Duke University Press, 2018.
5. Rogers A., Pilgrim D. *A Sociology of Mental Health and Illness.* 6th edition. Open University Press: McGraw Hill, 2021.

Технология «Консультирование в области субъективного здоровья» как воздействие на процесс развития субъектности

Развитие субъектности, консультирование в области субъективного здоровья, субъектность

Актуальность решения общегуманитарной фундаментальной проблемы развития здоровой личности в специально организованной среде связана с разрешением проблем субъективной составляющей здоровья, поскольку она носит интегрирующий и направляющий характер..

Исследования субъективной составляющей здоровья преподавателей педагогического вуза и студентов выявили проблемные зоны их адаптации: крайне высокая и высокая стрессонапряженность, иерархия ценностей не сформирована или носит эгоцентрический характер, неудовлетворенность состоянием костно-мышечной системы у 50-60%; не сформировано потребностное напряжение в отношении оздоровления и представление об оздоровлении, как методичности направленной на коадаптацию личности и среды; в качестве референтной группы не указывают профессиональную группу. Анализ «Я-концепций» студентов показал, что 80% имеет «неодушевленную» «Я-концепцию», что говорит о слабо развитой субъектности [1] и высоком уровне зависимости, которая характеризуется повышенной тревожностью и фрустрацией; 40% респондентов с «неодушевленными» «Я-концепциями» («Полет фантазий», «Мир») имеют трудности с формированием границ, что ведет к невротизации личности. Респонденты, осознавая субъективные трудности, так формулируют свою программу развития: для 79% студентов актуальна потребность, «быть понятым». Они стремятся к самоактуализации через самопознание, саморазвитие и самореализацию; для 60 % преподавателей – формирование уверенности в себе и умения выстраивать гармоничные межличностные отношения; для 40 % преподавателей – умение мотивировать себя к деятельности; для 30% – самоутверждение и материальное благополучие. Анализ адресной психологической помощи отражает трудности реализации программы своего развития респондентами (первичный запрос на консультирование): межличностные отношения – 69%; трудности самореализации – 16%; психосоматические проявления – 45%.

Выявленные в ходе исследования проблемные зоны субъективного здоровья говорят о недостаточно развитой субъектности [1], препятствующей коадаптации личности и среды.

Специально организованным воздействием на процесс развития субъектности является технология «Консультирование в области субъективного здоровья» – организация и сопровождение процесса осознания и разрешения субъектом страданий, вызванных нарушением динамического равновесия между пониманием самого себя, позволяющим субъекту реализовывать смысл жизни, то есть прогнозировать и моделировать её свое развитие на основе своих ресурсов и постоянно трансформирующейся социальной средой.

На основе причинно-системной методологии был разработан системный комплекс этого консультирования: психологическая реальность клиента; профессиональная реальность консультирования в области субъективного здоровья (причинно-системное мышление консультанта, знание универсальных законов развития психологических систем; универсальные принципы ментального моделирования как со-настройки консультанта на системный комплекс «психическая реальность клиента; знание уровней отношения человека с миром (психофизический, психо-эмоциональный, когнитивный, межличностный, коллективный, ценностно-мотивационный, концептуальный); универсальность среды – диалектические законы развития и взаимодействия человека; универсальную реальность природно-социальной среды, развивающаяся в соответствии с диалектическими законами природы и бытия.

Анализ эффективности консультирования по вопросам субъективной составляющей здоровья показал статистически значимое снижение дезадаптации по психоэмоциональному, когнитивному, психофизическому компонентам, ($p < 0,03$ (0,025); $p < 0,02$ (0,011); $p < 0,01$ (0,002) (0,000); (0,000;0,001) (0,002)); с пятнадцатой консультации, дезадаптация снижается переходом из высокой зоны в повышенную по показателям фрустрационная напряженность, а тревожность, ригидность и агрессия (с тридцатой консультации).

1. Брушлинский А.В. Психология субъекта / Отв.ред. проф. В.В.Знаков. М.: Институт психологии РАН, СПб.: Алетейя. 2003. 272 с.
2. Валеева Г.В., Тюмасева З.И. Технология консультирования в области субъективного здоровья. Челябинск: Южно-Урал. науч. центр РАО. 2022.

Опыт применения методики «Позитивная куклотерапия» в центре протонной терапии медицинского института им. Березина

Онкопсихология, психотерапия, психология отношений, позитивная куклотерапия

Актуальность. Благодаря результатам многочисленных исследований [1] общепризнана важность включения психологической помощи в программы лечения и реабилитации пациентов с онкологическими заболеваниями. Единые стандарты оказания данной помощи не разработаны.

По В. Н. Мясичеву, цель психотерапии – реституция здоровых и реконструкция больных отношений в 3 кластерах (к себе, к другому, к миру). Развивая идеи психологии отношений А. Ф. Лазурского и В. Н. Мясичева, В. Ю. Слабинский разработал теорию бессознательного с акцентом на концепцию структурных архетипов [2].

Методика В. Ю. Слабинского, Н. М. Воищевой «Позитивная куклотерапия» в арт-терапевтическом жанре позволяет осуществлять глубинную психотерапию путем последовательной активации пяти структурных архетипов в процессе изготовления народной куклы [3].

Процедура и методы исследования. Исследование проведено в 2022 году клиническим психологом О. К. Волошко, находившейся на лечении сына в клиническом Центре протонной терапии Медицинского института им. Березина Сергея (МИБС). В исследовании приняли участие 14 женщин: 8 сами проходили лечение, 6 находились в качестве сопровождающего лица со своими детьми. Средний возраст $42,4 \pm 9,5$ лет.

Методики: 1. The Hospital Anxiety and Depression scale (HADS) в адаптации М. Ю. Дробижева; 2. Proactive Coping Inventory (PCI) E. Greenglass, R. Schwarzer, S. Taubert в адаптации Е. С. Старченковой; 3. Опросник «БАК-конфликт» В. Ю. Слабинского – для исследования трех кластеров системы отношений по В. Н. Мясичеву.

Цель исследования: оценка эффективности методики «Позитивная куклотерапия» в условиях стационарного лечения для прояснения перспективы ее включения в программы лечения и реабилитации пациентов с онкологическими заболеваниями. Тестирование проводилось до начала групповой работы и спустя 10 дней после. Занятия по позитивной куклотерапии проходили ежедневно – по одному на проработку каждого из 5 структурных архетипов.

Результаты. После позитивной куклотерапии уровень тревоги в среднем по группе снизился с субклинического до нормы ($p=0,002$). Показатели по шкале «депрессия» до и после терапии соответствовали норме, но тоже снизились ($p=0,03$).

По показателям теста «БАК-конфликт» значимой коррекции в сторону увеличения подверглись такие черты характера как искренность ($p=0,007$) и терпение ($p=0,05$), что способствовало лучшей адаптации к лечению в условиях онкологического стационара и улучшению комплаенса.

По результатам теста PCI система проактивных копинг-стратегий в среднем по группе сформирована недостаточно. После позитивной куклотерапии наблюдалось статистически значимое снижение показателей по шкалам «Превентивного преодоления» ($p=0,02$) и «Поиска эмоциональной поддержки» ($p=0,03$), что можно объяснить снижением тревожности с уменьшением доли лишних действий и потребности в обсуждении своих проблем.

Врачи отметили, что участницы группы стали более опрятными и жизнерадостными. Улучшились взаимоотношения врач-пациент.

Выводы. Опыт использования методики «Позитивная куклотерапия» для психологической помощи онкобольным женщинам и женщинами, сопровождающим своих онкобольных детей на лечении в МИБС, позволяет рекомендовать данную методику для применения в составе терапевтических и реабилитационных программ с целью снижения показателей тревоги, коррекции характера и улучшению комплаенса.

1. Семенова Н.В. Клинико-психологические особенности пациентов с онкологическими заболеваниями в период активного специализированного лечения в связи с задачами оказания психотерапевтической помощи // *Обзор психиатрии и медицинской психологии им. В.М. Бехтерева*, 2018, № 1, с. 33-41.
2. Слабинский В.Ю. Психотерапия. Учебник для вузов. Стандарт третьего поколения. СПб.: Питер, 2020. 608 с.
3. Слабинский В.Ю. Арт-терапевтическая методика «Позитивная куклотерапия»: методическое руководство. СПб.: Импатон, 2015. 136 с.

Представление о психотерапии у студентов – клинических психологов

Студенты, психотерапия, психологическое консультирование

Что такое психотерапия – лечебное воздействие на психику или воздействие психологическими средствами? Дискуссии по этому поводу не прекращаются и в настоящее время, а ответ на этот вопрос указывает на преимущественно медицинский или психологический подход к этой проблеме. В этой связи представляет интерес позиция студентов – клинических психологов, уже имеющих определенные знания в области психотерапии и психологического консультирования и небольшой опыт практической работы. Публикация основана на анализе более 150 эссе студентов – клинических психологов на тему «Что такое психотерапия» и «Мое отношение к психотерапии», (в рамках курса «Теории и методы психотерапии»).

Студенты, хотя и понимают термин «психотерапия» по-разному, в основном склоняются к психологическому его пониманию. При этом практически все отмечают, что психотерапия – это, прежде всего терапия, т.е., профессиональная помощь в восстановлении и поддержании здоровья человека. Это указывает на их клиническую ориентацию при понимании, что из-за отсутствия соответствующих нормативных документов в отношении деятельности психолога их может ожидать «борьба за свои компетенции и сферу деятельности». Как чрезвычайно позитивный факт следует отметить, что студенты при разграничении понятий психотерапия и психологическое консультирование опираются на содержание и сущностные характеристики этих процессов, а не на формально определенные контингенты (больные и здоровые), рассматривая психотерапию как направленную на глубинные личностные изменения, а психологическое консультирование как ориентированное на помощь человеку в текущей жизненной ситуации: «в консультировании человек ищет пути разрешения ситуации, а в психотерапии – её предотвращения за счет личностных изменений». Это означает, что основные механизмы действия психотерапии они видят, прежде всего, в психологических феноменах и понимают психотерапию как воздействие психологическими средствами.

В качестве одной из важнейших трудностей, с которой сталкиваются студенты при обучении в области психотерапии и психологического консультирования и переходе к практической деятельности, они называют проблему выбора или теоретического самоопределения. Это отрадный факт, свидетельствующий о понимании студентами роли психологической теории в формировании психотерапевтических подходов, понимании того, что только теоретическая база может способствовать успешному обучению и работе в этой области.

Рассматривая свои предпочтения, студенты примерно в равной мере указывают все три направления психотерапии при некотором преобладании когнитивно-поведенческого подхода. В данном случае интерес представляет мотивировка выбора. КПТ воспринимается как высоко структурированная, методически хорошо оснащенная, ориентированная на конкретную проблему, более директивная, выполняющая образовательную функцию и понятная для пациентов. Все эти особенности позволяют «неопытному психотерапевту чувствовать себя более уверенно и комфортно в этой роли». Сторонники КПТ при этом указывают, что другие направления психотерапии представляют им тоже чрезвычайно интересными, но «требуют от терапевта наличия определенного склада личности, богатого жизненного опыта, зрелости и мудрости, высокого уровня осознанности», т.е., качеств, которыми начинающий психотерапевт в полной мере еще не обладает.

В качестве основного недостатка психотерапии подавляющее большинство студентов называют высокую стоимость психотерапевтической помощи и недостаток психотерапевтов в государственных структурах здравоохранения. С этим трудно не согласиться.

В заключении хочется отметить, что студенты, обучающиеся в СПбГУ по специальности «Клиническая психология», демонстрируют хорошие знания в области психотерапии и психологического консультирования, имеют собственные взгляды на преимущества и недостатки этих вмешательств, понимают собственную ответственность и необходимость следовать этическим нормам при психотерапевтической и консультативной работе.

Использование экспериенциальных техник в когнитивно-поведенческой терапии

Когнитивно-поведенческая психотерапия, рационально-эмотивно-поведенческая терапия, экспериенциальные техники

В настоящее время в психологическом консультировании и психотерапии остро стоит вопрос методологии интеграции техник и интервенций, относящихся к разным методологическим подходам. Различные авторы предлагают свои взгляды и идеи относительно принципов интеграции. С некоторой условностью, можно выделить два полюса. Первый, это – эклектика, когда предлагается использовать любую технику, или интервенцию, руководствуясь лишь субъективными критериями целесообразности и второй полюс, это – “чистота жанра”, когда не рекомендуется использовать техники/интервенции, методологически относящиеся к другим направлениям психотерапии.

Когнитивно-поведенческая традиция, основанная на использовании когнитивной модели ABC, предложенной в середине 50-х годов прошлого века изначально предлагала интегрировать методики из других направлений терапии (психодинамических и клиент-центрированных) [1,5]. При этом, многие знаковые фигуры КПТ (А. Эллис, А. Бек, Д. Мейхенбаум, А. Фримен) подчеркивали важность понимания терапевтом принципов интеграции и приоритезации когнитивной модели при использовании интервенций из других подходов.

На практике это означает, что используя, например, экспериенциальные техники (направленные на создание нового когнитивного/эмоционального/поведенческого опыта) важно прояснить новый опыт через когнитивную модель (влияние убеждений на эмоциональные и поведенческие последствия) и закрепить адаптивные формы реагирования в плане поведенческой активации (домашнем задании).

При этом, одной из наиболее часто встречающихся проблем в КПТ является т.н. проблема “голова и сердца” [1], когда клиент говорит, что “головой” он все понимает, но не принимает “нутром”. Для решения таких проблем наиболее эффективными является использование эмотивных (термин использующийся в КПТ – интервенции, направленные на эмоциональную сферу) и/или экспериенциальных техник. Большинство экспериенциальных техник уходят корнями в динамические направления, например в психодраму [2] и их использование КПТ терапевтами может быть осложнено недостаточными знаниями и умениями работы в этой модальности. К сожалению, в настоящее время учебные программы по КПТ, как правило, не предполагают изучение использования динамических техник и это (в том числе) приводит к снижению частоты использования экспериенциальных техник КПТ терапевтами. В 1999 году Робб, Бакс и Томас (Robb, Baks, and Tomas) провели опрос среди РЭПТ(рационально-эмотивно-поведенческая терапия)-терапевтов на предмет какие техники они используют сталкиваясь с проблемой “голова и нутра”. Оказалось, что 40% терапевтов продолжают использовать когнитивные техники и только 4% сообщили о смене стратегии в пользу эмотивных техник.

Настоящая работа ставит перед собой задачу привлечь внимание к важности расширения практики использования экспериенциальных и эмотивных интервенций в КПТ. В работе предлагается авторская адаптация психодраматической техники “компас зависимостей”, описанной А. Чеснер [3], названная “компас убеждения”. Данная техника может использоваться консультантами на этапе оспаривания ядерных убеждений клиента.

1. Джузеппе Р.Ди., и др. *Рационально-эмотивно-поведенческая терапия. Учеб. пособ. СПб.: Питер, 2021*
2. Лейц Г. *Психодрама: теория и практика. М.: Когито-Центр, 2017.*
3. Чеснер А. *Психодрама на двоих: практическое руководство. М.: независимая фирма “Класс”, 2021.*
4. Bruce E. Wampold, Zac E., Imel. *The Great Psychotherapy Debate, Second Edition. NY.: Routledge, 2015.*
5. Ellis A. *Overcoming Resistance: a rational emotive behavioral therapy integrated approach, 2nd edition. NY.: Springer, 2007.*

Динамика образа матери в сознании личности как эффект психотерапии

Образ матери, психологическое благополучие, сепарация

Большой спектр психологических запросов, с которыми клиенты обращаются к практикующим психологам, нередко связан с тем или иным этапом процесса психологической сепарации от материнской фигуры. Под психологической сепарацией мы понимаем процесс достижения «взаимной когнитивной, эмоциональной и функциональной независимости» ребенка и родителя (Дитюк, 2017, с. 313), в результате которого Я субъекта отделяется от внутренних объектов, а образ Я в настоящем отделяется от образов Я в прошлом и будущем [5].

Согласно теории пассивности транзактных аналитиков Шиффов [1], вследствие неуспеха матери в создании здорового естественного симбиоза с младенцем, у ребенка формируются патологические паттерны взаимодействия с другими людьми. Поэтому нередко в психотерапии изменение психологического состояния клиента, изменение его отношений с другими и представления о матери происходят синхронно, однако эмпирические данные, фиксирующие этот феномен, отсутствуют.

Цель настоящего исследования — установить, как изменение психологического благополучия человека в процессе психотерапии связано с изменением образа матери и представления о ней. Опираясь на теорию отражённой субъектности [3, 4] и теорию пассивности [1], мы планируем проследить, как в течение психотерапии меняется в сознании человека образ себя, образ матери, образ себя в контакте с матерью и образ матери в контакте с собой, каковы маркеры этих изменений, каковы признаки процесса психологической сепарации и по каким признакам можно установить степень психологической сепарированности человека от материнской фигуры.

Ответы на поставленные вопросы могут иметь существенное теоретическое и прикладное значение. Результаты исследования могут дать практикующим психологам необходимый инструментарий для определения того, как психологическое состояние клиента может быть связано с этапом сепарации от материнской фигуры, а также того, какие терапевтические стратегии могут продвинуть клиента в этом процессе и улучшить его психологическое состояние. Также важен и теоретический вклад, который расширит текущее научное представление о феномене психологической сепарации, который на данный момент изучен недостаточно глубоко.

Данное исследование представляет собой лонгитюдный эксперимент с внутрисубъектным планом. Желаемая выборка — 40-60 взрослых мужчин и женщин старше 18 лет. В начале исследования, в середине и в конце исследования испытуемым предлагается прохождение опросников функциональных и структурных эго-состояний, шкала удовлетворенности жизнью Динера и шкала психологического благополучия Рифф. Также испытуемым предлагается до начала терапии и после её окончания вербально описать несколько образов: образ себя, образ матери, образ себя в контакте с матерью и образ матери в контакте с собой. Для анализа полученных данных применяются корреляционный анализ, факторный анализ, а также психосемантический анализ текста.

1. Джоинс В., Стюарт И. *Современный Транзактный Анализ. 2-е издание, расширенное и переработанное.* СПб.: Метанойя. 2019.
2. Дитюк А.А. *Теоретическая и диагностическая модели психологической сепарации взрослого ребенка в детско-родительских отношениях // Интегративный подход к психологии человека и социальному взаимодействию людей: векторы развития современной психологической науки. 2017. С. 312-316.*
3. Петровский В.А. *Понятие отраженной субъектности в концепции персонализации // Экспериментальные методы исследования личности в коллективе. 1985. № 1. С. 33.*
4. Петровский В.А. *«Я» в персонологической перспективе.* М.: Litres, 2017.
5. Харламенкова Н.Е. *Психологическая сепарация: феномен, понятие, концепция // Разработка понятий в современной психологии. 2022. Т. 2. С. 346-374.*

Позитивная динамическая психотерапия как метод, развивающий наследие Петербургской (Ленинградской) школы психотерапии

История психотерапии, Петербургская школа психотерапии, позитивная динамическая психотерапия

Основная функция научной школы – организация тесного, неформального общения ученых, обмена идеями и обсуждения результатов. Для научной школы важна самоидентификация члена коллектива, выявление и укрепление его социальной роли в ней, проектирование исследовательской деятельности каждого как частей общего. Петербургская (Ленинградская) школа психотерапии соответствует всем перечисленным критериям и насчитывает более ста лет. Цель данного исследования: концептуальное описание предпосылок возникновения позитивной динамической психотерапии на базе Петербургской школы психотерапии. Основным методом исследования – историко-архивный.

Каждая научная школа имеет мифологического предшественника. Для Петербургской школы психотерапии – это князь Алексей Владимирович Долгоруков (1813-1884). Медицину изучал в России и во Франции, в Парижской клинике Сальпетриер у Ж. Эскироля, учителя Ж. Шарко. Изучал гипноз и прошел собственную терапию у Ф. Делеза, последователя маркиза де Пуисегюра. С 1839 г. работал психотерапевтом в ряде московских клиник. В 1859 г. определен магнетизером на службу при больницах ведомства Санкт-Петербургских учреждений Императрицы Марии и стал первым в России утвержденным психотерапевтом [1].

Официальным основателем Петербургской школы психотерапии является Владимир Михайлович Бехтерев (1857-1927). Студентом В. М. Бехтерев прошел личную психотерапию у И. А. Сикорского и остановил выбор на психотерапии как основной специальности. Гипнотерапию изучал в клинике Сальпетриер у Ж. Шарко.

Примерно в 1900 году для лечения пациентов с психической травмой Бехтерев начал применять авторский метод – психотерапию перевоспитанием, которую отделял от западных методов П. Дюбуа, И. Я. Марциновского, З. Фрейда. Развитию Школы способствовали коллеги. В 1908 году А. И. Яроцкий публикует книгу «Идеализм как физиологический фактор», в которой описывает первый в мире метод позитивной психотерапии. А. Ф. Лазурский разрабатывает первую в мире полноценную теорию личности. П. Ф. Лесгафт, И. А. Сикорский, В. Ф. Чиж публикуют ряд работ по использованию педагогических приемов для коррекции психических расстройств.

После Революции и Гражданской войны при поддержке высшего руководства в СССР укореняется психоанализ. Наибольший вклад в интеграцию идей психоанализа в Петербургскую школу психотерапии внесли представители круга Бехтерева: Т. К. Розенталь (1884-1921) – автор психогенетической психотерапии, В. С. Зигель (1885-1934) – автор ортопедии отношений. Интересовался психоанализом и В. Н. Мясищев, отмечая, что в зарубежной психологии наибольший подступ к пониманию «отношения» намечался у А. Адлера. В 1935 году В. Н. Мясищев в статье «Проблемы личности в психологии и психопатологии» обнародовал патогенетическую психотерапию, развивающую идеи В. М. Бехтерева и А. Ф. Лазурского.

После смерти В. Н. Мясищева его ученик Б. Д. Карвасарский (1931-2013) совместно с Г. Л. Исуриной и В. А. Ташлыковым разработал личностно-ориентированную (реконструктивную) психотерапию (ЛОРПт). Далее в ряде диссертационных исследований под руководством Б. Д. Карвасарского, его ученики и соратники развивали ЛОРПт, интегрируя в базис этого метода идеи и техники западной психотерапии: когнитивно-бихевиоральной терапии (Федоров А. П.), гештальт-терапии (Александров А. А., Курпатов В. И.), эриксоновской терапии (Ташлыков В. А.).

В целях интеграции в ЛОРПт психотерапий позитивного куста в 1999 году на II Всемирном конгрессе психотерапевтов в Вене между Российской психотерапевтической ассоциацией (президент Б. Д. Карвасарский) и Висбаденской академией психотерапии (директор Н. Пезешкиан) подписан договор о создании института психотерапии (директор В. Ю. Слабинский).

В 2003 году начал складываться метод позитивной динамической психотерапии В. Ю. Слабинского, как результат нового этапа интеграции в переосмысленный базис Петербургской школы психотерапии наработок западных психотерапий (К. Юнга, А. Адлера, Дж. Морено, З. Фоулкса, Ж. Лакана, Ж. Делеза, Ж. Дюрана, У. Глассера и др.).

1. Слабинский В.Ю. Психотерапия. Учебник для вузов. Стандарт третьего поколения. СПб.: Питер, 2020. 608 с.

Психотерапия депрессии в структуре российской ментальности

Психотерапия, депрессия, ценности, Российская ментальность

Депрессия связана с утратой жизненной перспективы [5]. Психологическое лечение депрессии осуществляется преимущественно методами когнитивно-поведенческой психотерапии, которая, апеллируя к когнитивным процессам клиента, предполагает распознавание, анализ иррациональных суждений, логических ошибок, провоцирующих депрессивное страдание [1]. Однако, свойственная Российской ментальности переживательность, непосредственно-чувственное восприятие, склонность к эмоциональному резонансу затрудняют логический анализ пациентами собственной когнитивной продукции. Аффективная загруженность не всегда позволяет разобраться в тонких логических взаимосвязях мыслительных процессов. Более продуктивным подчас оказывается подход, опирающийся на акцентирование значимых ценностей жизни клиента.

В силу множества предметов, имеющих значение для человека, а также многообразия его потребностей существует множество различных ценностей. Например, к ценностям материальной жизни относятся природные ресурсы, орудия труда, к социальным ценностям – семья, этнос, Отечество. К высшим ценностям относятся общечеловеческие; ценности общения; культурные; деятельностные; ценности самосохранения; личностные [3]. Базовыми ценностями Восточных цивилизаций, ориентирующихся на коллективизм и традиционализм, являются уравнительность, гуманизм, культ общины, почитание старших. Западные цивилизации, ориентированные на индивидуализм, на культ личности, в качестве ключевых выделяют ценности свободы, лидерства, индивидуальности. Для менталитета русского народа как представителя евразийства характерны: коллективизм, патриотизм, взаимопомощь, открытость, доверчивость, духовность [2].

Социализирующая роль ценностей заключается в том, что в них задается идеал, направление, перспектива развития [4]. В состоянии депрессии, когда меркнет жизненная перспектива личности, утрачивается и мотивирующая роль ценностей. Поскольку мотивирующей силой обладают не столько «знаемые», сколько пережитые ценности как наиболее значимые для индивидуального выживания, эти ценности должны быть в процессе психологической работы заново осознаны, проверены на практике и пережиты [5]. При определении значимости ценности применяется метод моделирования, позволяющий описать последствия ее утраты для клиента. Те потери, которые переживаются как катастрофические, выявляют наиболее значимые ценности, которые и выступают в виде опоры для конструирования субъективной реальности клиента, в которой он может продуктивно существовать. Как правило, к таким ключевым ценностям в Российской ментальности относятся: ценности переживаний (любовь и привязанность); материальные ценности (деньги); ценности влияния (власть и контроль). Выстраивание иерархии значимых для пациента ценностей жизни, придающих ей смысл, наполняющих содержанием повседневное существование, позволяет реконструировать в процессе психологической работы разрушенную депрессивным страданием жизненную перспективу.

1. Бек Дж. *Когнитивно-поведенческая терапия. От основ к направлениям*. СПб.: Питер, 2018. 416с.
2. Зарубина Н.Н. *Повседневность в контексте социокультурных трансформаций российского общества // Общественные науки и современность, №4, 2011, с. 61.*
3. Ильин А.Н. *Массовая культура и субкультура современного общества: специфика соотношения // Общественные науки и современность, №4, 2011, с. 172.*
4. *Клиническая психология: энциклопедический словарь*. Под общ.ред. проф. Н.Д. Твороговой. 2-е изд., перераб. и доп. М.: Практическая медицина, 2016. 608 с.
5. Соловьева С.Л. *Основы психотерапии для «практически здоровых» // Медицинская психология в России: электрон. науч. журн., N 3(38), 2016. URL: <http://mprj.ru> (дата обращения: 20.04.2023).*

Эмоционально-психическое состояние у людей с нарушением самовосприятия

Нарушение самовосприятия, тревога, социальная тревога

Проблематика адекватного самовосприятия на сегодняшний момент признаётся одним из ключевых параметров психического благополучия личности. Самовосприятие внешности предполагает наличие психических образов относительно внешнего образа человека. Подобные представления у людей с нарушением самовосприятия далеко не всегда совпадают с реальностью. Состояние тревоги у людей с нарушением самовосприятия часто приводит к развитию общественной отстраненности, нарушению работоспособности, и выполнению рутинных действий из-за чрезмерной озабоченности собственными изъянами внешности [1].

Существует гипотеза о взаимосвязи в отношении снижения тревоги и самовосприятия. Нарушение самовосприятия, высокий уровень тревоги и социальная тревога имеют общую клиническую тенденцию. Цель исследования – выявить закономерность в снижении уровня тревоги и социальной тревоги на влияние уровня самовосприятия внешности.

В исследовании участвовали 88 человек с выраженной неудовлетворенностью собственным телом по опроснику «Опросник образа собственного тела» (ООСТ) О.А. Скугаревским и С.В. Сивухой. Процесс тестирования участников будет осуществляться при помощи Google Forms. Возрастная группа исследования от 18-47 лет, преимущественно женщины. Выборка была поделена на две группы. Условия проведения исследования у двух групп одинаковые – проведение психотерапии в течение месяца 1 раз в неделю.

Экспериментальная группа – 46 человек, которые проходили психотерапию на снижение уровня тревоги, в.т.ч. снижение уровня социальной тревоги. Средний возраст экспериментальной группы составил 25,89 лет.

Контрольная группа — 42 человека, находящиеся в терапии разрешения повседневных трудностей. Средний возраст контрольной группы составил 23,2 (4,43) лет.

Обе группы проходили исследование уровня социальной тревоги и уровня тревоги. Чтобы выявить уровень социальной тревоги мы использовали шкалу социальной тревожности Либовица (LSAS). Уровень тревоги выявлялся при помощи шкалы тревоги Бека. В качестве психотерапевтической работы с нарушением самовосприятия была произведена работа с когнитивными искажениями в рамках когнитивно-поведенческой терапии.

Измерялись показатели уровня тревоги и социальной тревожности первой и второй группы до и после эксперимента.

Результаты сравнения показателей до психотерапии выявлялся методом статистической обработки по критерию Манна-Уитни для выявления различий в выраженности уровня самопринятия, тревоги и социальной тревоги. Сравнение показателей после месяца выявлялся методом статистической обработки по критерию Уилкоксона. Обработка данных производилась с использованием программы SPSS.

Средние значения экспериментальной и контрольной группы «до» по шкалам тревога, социальная тревога, самопринятие указывают на отсутствие достоверных различий (при $p > 0,05$)

Показатели «после» экспериментальной группы указывают на достоверные различия между показателями тревоги, социальной тревоги и самопринятия (при $p \leq 0,01$). Показатели контрольной группы «после» указывают на отсутствие достоверных различий (при $p > 0,05$). Результаты по итогам эксперимента указывают на статистически значимые различия между экспериментальной группой и контрольной группой. Показатели у экспериментальной группы указывают на значительные положительные изменения уровня самопринятия. Таким образом, мы можем подтвердить значимость работы со снижением уровня тревоги и социальной тревоги при работе с нарушением самовосприятия.

Выводы. Полученные данные могут применяться в психотерапевтической практике, наряду с профилактическими мероприятиями в отношении нарушения самовосприятия образа тела. Изучение эмоционально-психических особенностей у людей с нарушением самовосприятия имеют большое практическое применение для совершенствования процессов психодиагностического исследования для данной категории клиентов, включая улучшение качества психотерапии.

1. Петрова Н.Ф, Ляшова В.А. Особенности самоотношения личности с разным уровнем тревожности // Проблемы современного педагогического образования, 74-4, 2022, с. 299-303.

Осознанность на русском языке: правомерен ли перенос?

Осознанность, медитация, опросник, шкала

Экспоненциальный рост количества публикаций по теме медитации осознанности наблюдается с конца 1990-х гг. [4]. По состоянию на 2015 г. в США около 80 % медицинских образовательных учреждений включают в свои программы элементы тренировки осознанности, также достаточное число зарубежных институтов предлагает образовательные программы, включающие в себя практику медитации [2].

Интервенции на основе осознанности имеют доказанную пользу в увеличении позитивного эмоционального ответа, снижении стресса и тревоги, улучшения эмоциональной регуляции и позволяют решить ряд проблем в образовании, тренинговой и клинической практике [3; 5].

Ввиду растущей популярности и применимости интервенций на основе осознанности на территории бывшего СССР встает вопрос – насколько правомерным является прямой перенос соответствующих методик без их предварительной апробации на русскоязычной выборке?

До момента, когда будет проведена тщательная апробация и валидизация методик и подходов на основе осознанности, их применение на русскоязычном пространстве не является целиком правомерным. Это особенно важно в контексте научно-обоснованных методов терапии.

Цель исследования – оценить возможность развития осознанности с помощью практики медитации на русскоязычной выборке.

Выборка – 21 человек (7 мужчин и 14 женщин) в возрасте от 23 до 46 лет, которые выбрали прохождение тренинга с использованием медитации в формате открытой группы. Контрольную группу составил 21 человек, не практикующий медитацию. Контрольная группа выравнена с экспериментальной по параметрам возраста и пола.

Ход работы. Формирующий эксперимент (тренинг с использованием медитации) проводился на базе школы йоги в Тюмени. Периодичность занятий – один раз в неделю, продолжительность – 1 ч 15 мин. У участников проводились замеры уровня выраженности осознанности до начала программы и после прохождения заданного количества встреч.

Методы сбора данных: Пятифакторный опросник осознанности (ПФОО) и Шкала оценки осознанности и внимательности (ШОВ) [1].

По результатам исследования были выявлены значимые различия в уровне осознанности у людей до и после прохождения тренинга с использованием медитации.

В формате формирующего эксперимента впервые применялись русскоязычные версии опросников для оценки осознанности, недавно прошедшие валидизацию на русскоязычной выборке – Пятифакторный опросник осознанности и Шкала оценки осознанности и внимательности. Фактически была произведена дополнительная валидизация и проверка на соответствие конструкта «осознанность», заложенного в переводные версии опросников.

Экспериментальная часть исследования снабжает русскоязычное научное сообщество необходимыми данными, подтверждающими, что перенос методик на основе медитации, связанных с развитием осознанности в русскоязычное пространство, является правомерным.

В то же время требуется дальнейшая исследовательская работа по дополнительной валидизации тренинговых и исследовательских методик, связанных с медитацией и осознанностью.

1. Юмартова Н.М., Гришина Н.В. Осознанность (Mindfulness): психологические характеристики и адаптация инструментов измерения // *Психологический журнал*. – 2016. – Т. 37, № 4. – С. 105–115.
2. Buchholz L. Exploring the Promise of Mindfulness as Medicine // *JAMA*. 2015. Vol. 314, iss. 13. P. 1327–1329.
3. Gotink R.A., et al. Standardized mindfulness-based interventions in healthcare: an overview of systematic reviews and meta-analyses of RCTs // *PLoS One*. 2015. Vol. 10, Iss. 4. P. 1–35.
4. Kabat-Zinn J. Too Early to Tell: The Potential Impact and Challenges – Ethical and Otherwise – Inherent in the Mainstreaming of Dharma in an Increasingly Dystopian World // *Mindfulness*. 2017. Vol. 8, Iss. 5. P. 1125–1135.
5. Segal Z., Williams J.M.G., Teasdale J. *Mindfulness-Based Cognitive Therapy for Depression / foreword by J. Kabat-Zinn. Second Edition. New York: Guilford Press, 2018. 471 p.*

Психофизиология

Памяти Виктора Дмитриевича Балина

Балин В.Д. Санкт-Петербург, ФГБОУ ВО СПбГУ

Расширенная сферическая модель психики

Явления, ценности, эндопсихика, экзопсихика, метапсихика, мезопсихика,

Можно рассматривать психологическое понятие, во-первых, как категорию, и как психическое явление, имеющее свою цену, во-вторых, и в-третьих.

Категориальная психология. Психика — инструмент познания с помощью категорий, их шесть уровней: 1) общенаучные; 2) протопсихологические; 3) метапсихологические; 4) макропсихологические; 5) базисные; 6) частные.

Психология психических явлений. Психика — инструмент адаптации к среде. Явления делятся по принадлежности к одной из сфер. Эндопсихика — ядро целостной психики. Это состояния, эмоции, чувства и «самость». Экзопсихика — внешний слой целостной психики. Управляет взаимодействием со средой, Мезопсихика — слой средний психики. Функция — совмещение возможностей организма с требованиями среды в целом. Есть четвертая сфера — метапсихика. Это социально-психологические явления. Обоснование схемы: все органы человека развиваются из трех зародышевых листков — эндодермы, мезодермы и эктодермы. Каждый отдел — субстрат для своей психической сферы. Есть классификация типов поведения, описанная Ж. Польти, где все сюжетные линии сводятся к 36 позициям [4,5,6]. Это Мольба; Спасение; Месть за преступление; Месть близкому за близкого; Преследуемый; Внезапное бедствие; Жертва; Бунт, Мятеж, Дерзкая попытка; Похищение; Загадка; Достижение чего-либо; Ненависть к близким; Соперничество близких; Супружеская измена, приводящая к убийству; Безумие; Роковая неосторожность; Преступление любви; Убийство близкого; Самопожертвование во имя идеала; Самопожертвование ради близких; Пожертвовать всем ради страсти; Пожертвовать близким по необходимости; Соперничество; Нарушение супружеской верности; Преступление любви; Узнавание о бесчестии близкого; Препятствие любви; Любовь к врагу; Честолюбие и властолюбие; Борьба против бога; Неосознаваемая ревность, зависть; Судебная ошибка; Угрызения совести; Потерянный и найденный; Потеря близких.

Содержательно-ценностная (аксиологическая) психология. Психика имеет свое содержание. У содержания есть ценность. В основном данный аспект рассматривается искусством и литературой. Пример ценностного подхода — классификация эмоций Б.И. Додонова. Им описываются Альтруистические, Коммуникативные, Глорические, Практические, Пугнические, Романтические, Гностические, Эстетические, Гедонистические, Акизитивные эмоции [3]. К сожалению, в отечественной психологии это направление плохо представлено.

Поведение индивида произвольно. В поведении же больших групп людей просматриваются общие черты [4,5,6].

Развивая представления Б.Г.Ананьева о способах перехода от физиологического отражению среды к психологической модели мира, можно говорить о двух способах: корреляционном методе (корреляции между физиологическими и психологическими показателями позволяют увидеть за них психологический смысл). Есть другой метод: через функциональные состояния. Совокупность физиологических показателей образует функциональное состояние (ФС). При этом некоторой совокупности можно дать психологическую трактовку, а некоторой — нет. Психофизиология и состоит в том, чтобы искать у такой совокупности психологический смысл. Сказанное все напоминает химию, где одна совокупность (бензольные кольца) имеет одни химические свойства, другая — другие. В нашем случае можно говорить о нейронной сети, как основания для такого перехода.

Психика имеет содержательный аспект. В этом смысле можно говорить о содержательной психологии. В границах данного подхода психика рассматривается также и как ценность. В основном данный аспект психики разрабатывается искусством и литературой. Существует раздел философии, направленный на изучение ценностей. Он называется аксиологией.

В литературе принято выделять различные виды ценностей. Поскольку ценностно-оценочное отношение к действительности пронизывает все сферы деятельности, то можно говорить о ценностях: экономических, политических, нравственных, художественно-эстетических, социальных, религиозных, витальных, семейно-родственных.

1. Балин В.Д. *Психическое отражение*. СПб.: Изд. СПбГУ, 2001.

2. Балин В.Д. *Теоретическая психология*. М.: Изд. Юрайт, 2020.

4. Додонов Б.И. *Эмоции как ценность*. М.: Политиздат, 1978.

3. Луначарский А.В. *Тридцать шесть сюжетов* // «Театр и искусство», 1912, № 34, с. 650–652.

5. Cécile De Bary. *Georges Polti, ou l'anticipation du théâtre potentiel* // *Poétique: Revue de théorie et d'analyse littéraires*, 2004, № 138, p. 183–192.

6. Plutchik R., Kellerman H. *Emotion: Theory, Research a experience*. Vol. 1-2. New-York: Academic Press, 1980-1983.

Васильева М.Ю. Санкт-Петербург, ФГБОУ ВО СПбГУ
Князева В.М. Санкт-Петербург, ФГБОУ ВО СПбГУ
Александров А.А. Санкт-Петербург, ФГБОУ ВО СПбГУ
Гарбарук Е.С. Санкт-Петербург, ФГБОУ ВО СПбГПМУ Минздрава России
Бобошко М.Ю. Санкт-Петербург, ФГБОУ ВО ПСПбГМУ

Нейрональные корреляты быстрого научения новым словоформам родного и неродного языка у детей дошкольного возраста

Вызванные потенциалы мозга, семантическое ассоциативное научение, усвоение новой лексики, дети дошкольного возраста

Быстрое усвоение новой лексики может быть опосредовано нейрокогнитивным механизмом, известным как «fast mapping» (ФМ) или «быстрое отображение» [2]. Недавние нейрофизиологические исследования у детей и взрослых показали, что механизм ФМ способствует быстрой интеграции вновь выученных языковых единиц в неокортикальные семантические сети даже после однократного предъявления [1;3;4]. Такое быстрое формирование следов памяти было обнаружено только для стимулов с родной фонологией, исследований сверхбыстрого научения новым словоформам неродного языка не проводилось. Поведенческие работы свидетельствуют о менее эффективном усвоении неродных словоформ в парадигме ФМ у детей. Таким образом, вопрос о специфичности механизма быстрого научения в отношении родной речи и о возможности его задействования при использовании любого другого языкового материала остается дискуссионным. В связи с этим, в нашей работе мы поставили вопрос: возможно ли быстрое семантическое научение с одного предъявления новой лексики неродного языка? Чтобы решить эту задачу, мы использовали вызванные потенциалы мозга для оценки нейрональной динамики при предъявлении новых словоформ родного и неродного языка после однократного семантического ассоциативного научения у детей дошкольного возраста.

В исследовании приняли участие 18 детей дошкольников-монолингвов, носителей русского языка в возрасте 5-7 лет. Использовали парадигму быстрого научения: однократное предъявление в псевдослучайном порядке аудиально-визуальных пар «знакомое слово-знакомый объект»/«незнакомое слово-незнакомый объект». В задаче научения каждой знакомой или новой словоформе (предъявляемой аудиально) присваивался семантический референт: знакомый или незнакомый объект (предъявляемый в наборе из пяти стимулов: четыре знакомых и один незнакомый объект). Визуальные стимулы располагали на подносе перед ребенком. Регистрацию вызванных потенциалов проводили в условиях пассивного прослушивания знакомых и новых словоформ. Звуковые стимулы представляли собой двусложные слова (например, вата [vatʌ]), и псевдослова с родной (например, вапа [vapɐ]) и неродной (например, [thüpe], как комбинация английского [th] и немецкого [ü]) фонологией, выровненные по акустическим характеристикам. Точкой дивергенции стимула служило начало второго слога. Для статистической обработки использовали двухфакторный дисперсионный анализ с повторными измерениями (SPSS Statistics v.23).

Был выявлен значимый эффект быстрого однократного научения: уменьшение нейрональной активации на интервале 308-358 мс (после точки дивергенции стимула) в правых фронто-центральных областях наблюдалось для вновь выученных словоформ родного языка, по сравнению с контрольными псевдословами. Предъявление псевдослов с неродной фонологией выявило повышение фронто-центральной негативности на более позднем временном интервале (408–458 мс от точки дивергенции) по сравнению с таковой на стимулы с родной фонологией и отсутствие значимого эффекта научения.

При усвоении новых словоформ с родной фонологией быстрые пластические изменения наблюдаются в нейронных сетях развивающегося мозга, вовлеченных в обработку родного языка, что свидетельствует о формировании репрезентаций для вновь выученных слов. Нейрофизиологические основы эффективности механизма быстрого научения в отношении лексики неродного языка остаются неясными и требуют проведения дальнейших исследований.

1. Borovsky A., Elman J., Kutas M. *Semantic integration of novel word meanings after a single exposure in context // Proceedings of the Annual Meeting of the Cognitive Science Society. 2010. Vol. 116(2). P. 289-296.*
2. Carey S., Bartlett E. *Acquiring a Single New Word // Papers and Reports on Child Language Development. 1978. Vol. 15. P. 17–29.*
3. Vasilyeva M.J., et al. *Neurophysiological Correlates of Fast Mapping of Novel Words in the Adult Brain // Frontiers in Human Neuroscience. 2019. Vol. 13(304). P. 10.*
4. Vasilyeva M., et al. *Single-Shot Word Learning in the Developing Brain: ERP Evidence // International Journal of Psychophysiology. 2021. Vol. 168. P. 88.*

Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФ (проект № 23-25-00108).

Электрические сигналы живых и неживых объектов

Ритмы, осцилляторы, живое и неживое, гелиогеофизические процессы

Одним из главных абиотических факторов окружающей природной среды являются физические поля планеты, воздействующие на живую и неживую природу [2]. Электрические проявления свойственны многим “неживым” объектам, да и сама планета Земля имеет естественное электрическое поле, которое создается сложным комплексом геофизических явлений [1]. Биоритмы, зарегистрированные у живых существ разного эволюционного возраста, синхронизируются гелиогеофизическими колебательными процессами [1,4]. Живые организмы отличаются от неживых систем (объектов физики и химии) структурной и функциональной упорядоченностью. Эти отличия придают жизни качественно новые свойства, имеющие определенное выражение в электрической активности. Неживые объекты также имеют свойства, отражающиеся в их электрических характеристиках. В чем же их особенности по сравнению с электрическими характеристиками живых объектов?

Электрофизиологические опыты выполнены на трех группах прокариот, на одноклеточных эукариотах, многоклеточных организмах [3]. В экспериментах на неживых объектах применили кусочки бумаги, поролон, марли, проволоки, стекла, песок камчатского Халактырского пляжа, песок пляжа Куршской косы, сухие и свежие листья, кору, щепки и кости. Результаты опытов на живых организмах подтверждают предположение об эволюционной консервативности осцилляторных систем [3]. Регистрация электрических сигналов от поверхности разнообразных предметов окружающего мира показали, что все объекты имеют поверхностный электрический потенциал (ЭП), изменяющийся во времени. В отличие от электрической активности живых существ, потенциалы неживых объектов требуют значительного времени – например, колебание ЭП стекла завершается не менее чем за 8-10 секунд (сравнить с колебанием потенциала у цианобактерии, равном 2-3 мс), и имеют амплитуду не превышающую 15 мкВ. Электрические явления живой и неживой природы совершаются в разных временных диапазонах. На электрические потенциалы влияет температура окружающей среды.

Опыты показали, что феномен генерации потенциалов является свойством живых систем и объектов не биологического происхождения. У неживых объектов зарегистрированы изменяющиеся электрические потенциалы, но ритмическая активность отсутствовала. Еще одной особенностью осцилляторов неживых систем является отсутствие у них паттернов, наличие которых является “визитной карточкой” живых систем [5]. В электрической активности неживых объектов не удалось выявить какой-либо паттернизации колебаний потенциала – их изменения носили непредсказуемый характер.

Данные, полученные в опытах на живых и неживых объектах, приводят к следующим выводам:

1. Ритмические электрические сигналы системы Земля – ионосфера сформировались как интегративное качество от неживых объектов, из которых состоит планета.
2. Ритмические процессы живых систем сформировались под влиянием гелиогеофизических колебаний окружающей среды.

1. Бреус Т.К., Халберг Ф., Корнелиссен Ж. Влияние солнечной активности на физиологические ритмы биологических систем // *Биофизика*. 1995. Т. 40. Вып. 4. С. 737–749.
2. Вернадский В.И. *Биосфера и ноосфера*. М.: Наука, 1989.
3. Греченко Т.Н., и др. *Психофизиологический анализ осцилляторных процессов в поведении биосоциальных систем* // *Психологический журнал*, 2015, т. 36, № 6, с. 75–87.
4. Хабарова О.В. *Биеффективные частоты и их связь с собственными частотами живых организмов* // *Биомедицинские технологии и радиоэлектроника*. 2002. № 5. С. 56–66.
5. Шишкин С.Л. *Исследование синхронности резких изменений альфа-активности ЭЭГ человека: дис. ... канд. биол. наук*. Москва, 1997.

Исследование выполнено в рамках госзадания № 0138-2023-0002.

Когнитивные и эмоциональные процессы в ситуациях межличностных конфликтов у лиц с биполярным аффективным расстройством

Биполярное аффективное расстройство, межличностный конфликт, регуляция поведения, артериальное давление

Остается открытым вопрос о соотношении когнитивных и эмоциональных нарушений у лиц, страдающих биполярным аффективным расстройством (БАР). С одной стороны, сообщалось, что у лиц с БАР выявляются стабильные когнитивные нарушения на всех этапах болезни с нарастанием нейрокогнитивного дефицита, включающие функциональную недостаточность процессов регулирования внимания и дефицит скорости психической деятельности [4]. С другой, найдены подтверждения общего патогенеза эмоциональных и когнитивных нарушений у лиц с БАР [2].

Цель исследования – проверить предположение о влиянии эмоционального контекста на когнитивные процессы, а также определить восприимчивость к содержанию конфликтных ситуаций в группах лиц с БАР. В исследовании участвовало 83 человека (25 мужчин), из них 28 человек (8 мужчин и 20 женщин) имели установленный диагноз: Биполярное аффективное расстройство (F31.0; F31.3; F31.6; F31.7). Обследуемым предъявлялись две видеозаписи ситуаций межличностных конфликтов с унижением достоинства или угрозой физической безопасности. После предъявления каждой видеозаписи обследуемый выполнял тесты «Цвет – слово» Дж. Р. Струпа и «Сравнение похожих рисунков» Дж. Кагана, позволяющие оценивать волевые и аналитические нарушения мыслительной деятельности [1, 3]. Задание в тесте Дж. Р. Струпа выполнялось в течение 1 минуты, оценивалось количество названных слов и количество ошибок. В тесте Дж. Кагана измерялись время решения и правильность ответа.

Во время эксперимента регистрировались показатели систолического артериального давления (САД). Ранее сообщалось, что САД является маркером негативной когнитивно-эмоциональной активности, а низкая реактивность САД является признаком защитного механизма, предохраняющего от переживания негативных эмоций [5]. В исследовании использовались относительные показатели реактивности САД, вычисленные по формуле $\text{САДреактивность} = \text{САДфон} - \text{САДпроба}$. Статистическая обработка включала одномерный дисперсионный анализ с повторными измерениями.

Выявлено сочетанное влияние факторов психического расстройства и содержания видеозаписей на количество слов, обозначающих цвет шрифта в тесте Дж.Р. Струпа ($F=4,46$ $p<0,05$) с наиболее низкой продуктивностью больных БАР после предъявления ситуаций угрозы физической безопасности (в группе больных БАР $46,65 \pm 11,07$ слов; в группе психически здоровых $49,82 \pm 6,99$ слов). Сочетание вышеназванных факторов оказывало влияние и на время выполнения теста Дж. Кагана ($F=9,26$ $p<0,05$). При предъявлении видеозаписи унижения достоинства время выполнения теста Кагана у лиц с БАР ($22,81 \pm 11,19$ с) было значительно выше, чем у психически здоровых ($16,23 \pm 15,23$ с). Количество правильных ответов при предъявлении видеозаписи унижения достоинства в группе лиц с БАР было ниже, чем в группе психически здоровых (соответственно $42,86\%$ и $63,27\%$).

Во время предъявления видеозаписей в группе лиц с БАР реактивность САД отсутствовала, т.е. показатели САД в пробах соответствовали фоновому уровню показателя, более высокого, чем в группе психически здоровых ($F=16,60$ $p<0,01$). В группе психически здоровых лиц, напротив, отмечался рост САД при предъявлении обеих видеозаписей.

Таким образом, лица, страдающие БАР, характеризуются низкой восприимчивостью к содержанию конфликтных ситуаций, в ситуациях угрозы физической безопасности у них снижается произвольная регуляция мыслительной деятельности, а в ситуациях унижения достоинства снижается скорость и эффективность анализа информации.

1. Аллахвердов В.М., Аллахвердов М.В. О чем проще не думать? (О природе струп-интерференции) // Шаги / Steps. 2015. Т. 1. № 1. DOI: 10.22394/2412-9410-2015-1-1-122-137.
2. Палин А.В., и др. Особенности когнитивной ремедиации у пациентов с аффективными расстройствами // Журнал неврологии и психиатрии им. С.С. Корсакова. 2019. Т. 119. № 9. С. 118-122.
3. Скотникова И.Г. Понятие и изучение уверенности в психологии // Разработка понятий в современной психологии, т. 2. М.: Изд-во ИП РАН, 2019. С. 116-152.
4. Чумаков Е.М. Когнитивные нарушения у пациентов с биполярным аффективным расстройством в ремиссии // Журнал неврологии и психиатрии им. С.С. Корсакова. 2021. Т. 121. №4. С. 12-18.
5. Nyklicek I., Vingerhoets A.J.J.M. 'Adaptive' Psychosocial Factors in Relation to Home Blood Pressure: A Study in the General Population of Southern Netherlands // Int. J. Behav. Med. 2009. DOI 10.1007/s12529-008-9019-z.

Перспективы использования больших языковых моделей для понимания семантического пространства человека

Большие языковые модели, семантическое пространство, ERP

В последнее время популяризируется использование больших языковых моделей для изучения механизмов психологических процессов речи. В рамках нашего исследования мы ставим задачу выявления структуры нейронной модели семантического пространства, обученной на эмпирических данных о расстояниях между понятиями, в зависимости от особенностей содержания сознания субъектов, определяемого недавним опытом. Согласно теории К.Фристонa[1], во время обучения мозг старается минимизировать затраченную энергию путем предсказания будущих событий. Данная идея была реализована в ряде исследований с использованием моделей естественного языка и ЭЭГ. Показаны эффективные результаты в области предсказания активности мозга, с выявлением большой предсказательной способности двунаправленных языковых моделей[4], применение нейросетевых моделей для выявления особенностей организации семантического пространства под влиянием предыдущего опыта и его измерения с помощью вызванных потенциалов[2]. Это позволяет нам предположить, что компоненты биоэлектрических реакций головного мозга могут отражать семантическое расстояние между стимулом и контекстом, установленным предыдущими стимулами.

Лингвистические единицы, хранящиеся у нас в лексиконе организуют систему концептов, которые упорядочивают и обобщают информацию о мире, свойствах вещей. Многозначность слов, контекст предложения можно представить в виде “расстояния” между концептами. Различие речевого сообщения можно сопоставить с данными больших лингвистических моделей. Языковые модели все еще остаются несовершенными, но актуальные GPT модели показывают высокие результаты с точки зрения как модели формальных языковых навыков, так и функциональной лингвистической компетенции, благодаря их способности изучать сложные лингвистические паттерны, обобщать их на новые примеры, отображать аспекты статистических закономерностей языка. Модель GPT-3 содержит 175 миллиардов параметров, распространенных на 96 слоях нейронной сети. Исходный набор данных содержит 500 миллиардов лексем. Входные и выходные данные модели представлены токенами. Токены – это числовые репрезентации части слова. В качестве токенов используются числа, а не слова, поскольку они могут обрабатываться более эффективно.

Архитектура трансформера состоит из энкодера и декодера[4]. Упрощенно говоря, структуры энкодера и декодера похожи и состоят из Self-Attention и полносвязного слоя, в декодере дополнительно добавляется слой, принимающий во внимание информацию, пришедшую со слоя энкодера, на каждый слой декодера подается информация с последнего слоя энкодера. В результате мы получаем набор декодеров, которые порождают некоторый вектор, спроецированный на словарь, от этого словаря берется слово с наибольшей вероятностью.

Основываясь на описанной модели, мы предполагаем возможность сопоставления вероятностей некоторого слова и зарегистрированных данных вызванных потенциалов, во время восприятия появления некоторого речевого стимула в зависимости от заданного ранее контекста для испытуемого. Анализируя внутренние представления и механизмы обработки глубоких нейронных сетей, обученных на языковых задачах, мы можем получить более глубокое представление о когнитивных процессах, участвующих в понимании языка.

1. *Выготский Л.С. Мышление и речь. М.: Изд. Гос. учебно-пед. 1934. 325 с.*
2. *Gorbunov V., et al. Using the neural model of the person's semantic space to reveal the occurred with him events // 10th International Multi-Conference on Complexity, Informatics and Cybernetics, 2019/3, v. 2, p. 164-165.*
3. *Schwartz D., Mitchell T. Understanding language-elicited EEG data by predicting it from a fine-tuned language model // Proceedings of NAACL-HLT, 2019, p. 43–57.*
4. *Vaswani A., Shazeer N., Polosukhin I. Attention Is All You Need // 31st Conference on Neural Information Processing Systems, 2017. – URL: https://proceedings.neurips.cc/paper_files/paper/2017/file/3f5ee243547dee91fbd053c1c4a845aa-Paper.pdf (дата обращения 01.06.2023).*

Суханова А.В. Москва, ФГАУ «НМИЦ нейрохирургии им. ак. Н.Н. Бурденко» Минздрава России
Трошина Е.М. Москва, ФГАУ «НМИЦ нейрохирургии им. ак. Н.Н. Бурденко» Минздрава России
Сазонова О.Б. Москва, ФГАУ «НМИЦ нейрохирургии им. ак. Н.Н. Бурденко» Минздрава

Нейрофизиологические показатели в качестве БОС-сигнала для оценки эффективности процесса мысленного представления движения

Медленный негативный потенциал, мысленное представление движения по сигналу, биологическая обратная связь, снижение спонтанной активности

Аспонтанность – нарушение поведения у пациентов с различными формами церебральной патологии, которое затрудняет процесс реабилитации. При выраженной аспонтанности пациент может повторить движение вслед за инструктором или выполнить движение по сигналу, однако, не имеет собственного побудительного механизма для произвольного совершения движения. Так же не известно, формируется ли у таких пациентов мысленное представление о движении, которое необходимо совершить, поэтому важно выявить объективные показатели процесса представления. Мы полагаем, что это могут быть некоторые нейрофизиологические феномены, проявляющиеся в процессе мысленного представления движения, а использование сигналов биообратной связи (БОС) может способствовать повышению эффективности выполнения задачи представления и проявляться в изменении параметров нейрофизиологических феноменов.

В качестве БОС-сигнала выбран параметр амплитуды медленного негативного потенциала (МНП), предшествующего мысленному представлению движения по стартовому сигналу [1, 2].

Была проведена апробация методики на здоровых испытуемых. Обследован 21 человек (правши). Осуществлялась монополярная запись биопотенциалов мозга от электродов расположенных на скальпе (С3, С4, F3, F4, Cz, Fz), референтные электроды – на мочках ушей (А1 и А2), четные отведения справа, нечетные – слева. Регистрировали МНП при мысленном представлении движения (сжатие эспандера) в ответ на короткий звуковой сигнал (серия ПД). Для повышения эффективности выполнения задания «представление движения» использовали БОС-сигнал (оценочный звуковой сигнал) (серия ПД-БОС). Предъявление звукового сигнала соответствующего тона на каждой эпохе анализа было задано программой – увеличение амплитуды МНП не менее чем на 1 мкВ сопровождалось «сигналом успеха» (звук высокого тона), соответственно при отсутствии повышения амплитуды предъявлялся «сигнал неуспеха» (звук низкого тона). «Стартовым» стимулом для начала представления движения был звуковой сигнал, не совпадающей по тону с оценочными. Он же являлся опорным стимулом, запускающим усреднение. Амплитуда МНП определялась от начала подъема негативной фазы волны до ее максимума. Пробы проводились для правой руки.

В сериях ПД и ПД-БОС после «стартового» звукового сигнала в лобных, лобно-сагиттальных и центральных областях полушарий формируется МНП, что отчетливо выражено при топографическом картировании полной мощности исследуемой активности, причем в подавляющем большинстве случаев в полушарии ипсилатеральном по отношению к «работающей» руке.

Увеличения амплитуды МНП в процессе представления движения с БОС-сигналом, при анализе значений средних по группе, статистически подтверждено не было (критерий Стьюдента). Вместе с тем при анализе по каждому обследуемому индивидуально, и в процентном отношении к общему количеству обследованных, выявляется достаточно отчетливая тенденция увеличения амплитуды МНП при представлении движения с БОС-сигналом, преимущественно в ипсилатеральном полушарии по отношению к «работающей» руке. Также была выявлена значительная вариативность значений амплитудных параметров МНП в серии ПД-БОС у разных обследуемых.

Можно полагать, что использование в качестве БОС-сигнала увеличение амплитуды МНП при предъявлении звукового «сигнала успеха» является обоснованным и эффективным, однако для подтверждения данного тезиса необходимо увеличить общее количество испытуемых.

1. Лазуренко Д.М., и др. Электрографические характеристики связанных с движениями потенциалов // Журнал высшей нервной деятельности, 2017, т. 67, № 4, с. 430–444.
2. Трошина Е.М., и др. Исследование медленных преддвигательных потенциалов мозга человека (модификация методики регистрации потенциала готовности) // Международный журнал прикладных и фундаментальных исследований. 2021. № 10. С. 61–66.

Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФ (проект № 23-15-00018).

Перспективы использования технологии анализа мимической активности для повышения надёжности результатов психофизиологического исследования с применением полиграфа

Психофизиология, полиграф, мимическая активность, базовые эмоции

В настоящее время одной из немногих научно-обоснованных и внедрённых в практическую деятельность технологий, позволяющих оценить субъективную значимость вербального или визуального стимула для человека, является проведение психофизиологического исследования с применением полиграфа (ПФИ) [2]. Его использование преследует цель выявить неискренность обследуемого лица путём анализа психофизиологических реакций опрашиваемого. Современные цифровые технологии позволяют фиксировать ряд других физиологических показателей такие как: голос, мимика, пантомимика, которые также связаны с актуальным психологическим состоянием человека и потенциально их использования в качестве источника информации может повысить точность и надёжность ПФИ [1, 5].

Поскольку, согласно требованиям ПФИ, при обследовании ведётся непрерывная видеосъёмка, и человек сохраняет неподвижность, представляется возможность использовать данные о мимике как о дополнительном источнике информации, что возможно позволит повысить точность и надёжность получаемых результатов. Это обусловило актуальность нашего исследования.

Исследование было выполнено в течение февраля 2023 года на базе научно-исследовательской лаборатории информационно-психологической безопасности Калужского государственного университета им. К.Э. Циолковского. В эксперименте приняли участие 56 студентов (45 девушек), обучающихся по программам бакалавриата, специалитета и магистратуры в возрасте от 18 до 37 лет. В эксперименте использовался полиграф «Диана 07» с программным обеспечением ПФК «Диана» версии 7.9.1, а также программный комплекс Noldus FaceReader [3, 4]. Участникам предлагалось вскрыть одну из закрытых карточек, на которых были изображены цветные геометрические фигуры (в эксперименте создавалась ситуация всевозможного выбора: для стандартизации целевой стимул для каждого испытуемого был одинаковым). В ходе психофизиологического обследования ему предъявлялся набор из цветных фигур, среди которых был целевой стимул. Задача испытуемого сводилась к проговариванию вслух названия предъявляемой фигуры, например, «зелёный ромб» и сокрытие от экспериментатора своих реакций на целевой стимул. Порядок предъявления визуальных стимулов в каждом из трех предъявлений стимульного ряда был стандартным для каждого из участника эксперимента, но неожиданным для самих испытуемых. Визуальные стимулы демонстрировались на экране монитора с разрешением 1280x720 (HD). Минимальное время предъявления каждого стимула составляло 12000 мс. Обработка массива данных и статистический анализ проводились с использованием языка статистических вычислений R ver. 4.3.0.

Мы предположили, что при восприятии целевого стимула, участники эксперимента будут пытаться контролировать свои физиологические проявления (чтобы не выдать себя), что будет проявляться в снижении мимической активности и преобладании нейтрального выражения лица. Для оценки различий в проявлениях мимической активности, а также в выявлении различий в физиологических реакциях при восприятии целевых и нейтральных стимулов был выполнен однофакторный дисперсионный анализ по всему массиву данных (замеры производились каждые 33 мс.).

Было получено, что при восприятии целевого стимула мимическая активность резко снижается. Снижается уровень общего возбуждения (arousal): $F=464,664$, $df=1$, $p<0,001$, $\eta^2=0,006$. Снижается выраженность мимических паттернов, соответствующих все базовым эмоциям: нейтральное выражение лица (neutral) $F=79,591$, $df=1$, $p<0,001$, $\eta^2=0,001$. Выявлена выраженность паттернов, соответствующих эмоции страха при восприятии целевого стимула была выше: $F=34,799$, $df=1$, $p<0,001$, $\eta^2=0,001$. Мы объясняем это тревогой испытуемого, обусловленной неуверенностью в том, что он достаточно хорошо скрывает свои реакции. Небольшую величину эффекта мы объясняем использованием при анализе множества коротких временных интервалов. Опыт предыдущих исследований авторов [1, 5] позволяет предположить, что агрегация точечных оценок позволит классифицировать целевые и нейтральные стимулы с высокой точностью.

Полученные в ходе исследования результаты подтверждают предположение о том, что использование параметров мимической активности как дополнительного источника информации позволит повысить надёжность результатов психофизиологического исследования с применением полиграфа.

1. Енгальчев В. Ф., Леонова Е. В., Хавыло А. В. Возможности использования интеллектуальных систем машинного зрения в судебной психологической экспертизе // Вестник Российского фонда фундаментальных исследований. Гуманитарные и общественные науки. 2021. № 104 (2). С. 104–117.
2. Куцова Д. М., Каменсков М. Ю. Теоретическая модель тестирования на полиграфе: проблемы и перспективы их разрешения // Психология и право. 2020. № 4 (10). С. 126–138.
3. Пеленицын А. Б., Сошников А. П. Современные технологии применения полиграфа. Ч. 1. М.: АНО ДПО «Центр прикладной психофизиологии», 2015. 221 с.
4. Adams R.B.J, et al. What Facial Appearance Reveals Over Time: When Perceived Expressions in Neutral Faces Reveal Stable Emotion Dispositions // Frontiers in Psychology. 2016. (7). DOI: 10.3389/fpsyg.2016.00986.
5. Khavylo A.V. et al. Manifestation of Task's Cognitive Complexity in Mimic Micromovements // Prognostic Model Springer. 2021. P. 257–265.

Современная психодиагностика: проблемы и перспективы

Аленина Е.А. Санкт-Петербург, ФГБОУ ВО СПбГУ
Барцева К.В. Санкт-Петербург, ФГБОУ ВО СПбГУ
Лиханов М.В. Пекин, Пекинский педагогический университет
Цигеман Э.С. Санкт-Петербург, ФГБОУ ВО СПбГУ
Солдатова Е.Л. Санкт-Петербург, ФГБОУ ВО СПбГУ

Валидизация русскоязычной версии опросника “Склонность к ностальгии” и его связь с другими психологическими конструктами

Ностальгия, валидизация, тревожность

Ностальгические переживания – эмоционально окрашенный опыт, связанный с воспоминаниями и переживаниями о прошлом [1]. Большинство исследований исследуют ностальгию как положительный эмоциональный опыт. Однако, согласно недавним исследованиям, ностальгия – не просто сентиментальная тоска по прошлому, а многогранная эмоция, которая может иметь отрицательные последствия для благополучия человека. В настоящее время существует теория социоэмоциональной избирательности (эффекты ностальгии на саморегуляцию с возрастом), которая пытается объяснить этиологию ностальгии [2]. Кроме того, в ряде работ продемонстрирована положительная связь ностальгии и с другими психологическими конструктами, а именно, ностальгия как способ снижения тревоги и нейротизма. Таким образом, в современной отечественной и зарубежной литературе представлены противоречивые сведения об эффектах ностальгии и ее связи с другими конструктами.

Текущая работа сосредоточена на валидизации русскоязычного метода склонности к ностальгическим переживаниям. В результате анализа литературы был выдвинут ряд исследовательских вопросов о связи ностальгических переживаний с другими психологическими конструктами (тревожность, ментальная устойчивость, темная триада). Для валидизации опросника склонности к ностальгии на русском языке была собрана выборка из 89 участников (66 юношей, средний возраст=14,40; 23 девушки, средний возраст=14,74). Данные собирались при помощи компьютерного тестирования. Исследование было одобрено этическим комитетом. Для валидизации опросника «Склонность к Ностальгии» командой экспертов был осуществлен двусторонний перевод [3].

В результате анализа полученных данных было выявлено, что все измерения были распределены приблизительно нормально, кроме того все измерения продемонстрировали средне-высокую надежность по внутренней согласованности (Альфа Кронбаха): личностная тревожность, коэффициент $\alpha=0,83$; ментальная устойчивость $\alpha=0,91$; темная триада α =от 0,50 (нарциссизм) до 0,68 (макиавеллизм, психопатия); склонность к ностальгическим переживаниям $\alpha=0,76$. Склонность к ностальгии продемонстрировала значимую и положительную корреляцию с личностной тревожностью (корреляция Пирсона $r=0,32, p<0,05$), со всеми остальными замерами (ментальная устойчивость и темная триада) корреляция оказалась незначимой ($p>0,05$).

Таким образом, русскоязычная версия опросника склонности к ностальгии продемонстрировала приемлемую надежность в русскоязычном варианте и положительную связь с тревожностью. Тем не менее, требуются дальнейшие исследования, которые будут направлены на более комплексную валидацию метода. Кроме того, наличие такого метода измерения позволит проводить эмпирические исследования на русскоязычной выборке для изучения феномена ностальгии и ее связи с другими психологическими характеристиками.

1. Batcho K.I. *Nostalgia: A Psychological Perspective // Perceptual and Motor Skills. 1995. Vol. 80, № 1. P. 131-143.*
3. Routledge C., et al. *Nostalgia as a Resource for Psychological Health and Well-Being: Nostalgia and Psychological Health // Social and Personality Psychology Compass, 2013. Vol. 7, № 11. P. 808-818.*
2. Sedikides C., et al. *Nostalgia: Past, Present, and Future // Current Directions in Psychological Science. 2008. Vol. 17, № 5. P. 304-307.*

Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФ (проект № 23-18-00142).

Проблема валидности методик диагностики копинг-стратегий

Копинг-стратегии, психодиагностика, валидность, факторная структура

Диагностика копинг-стратегий (КС) является одной из актуальных задач современной психологии. Классическая классификация КС была предложена Р. Лазарусом и С. Фолкман [3], также разработавшим методику диагностики КС — «Ways of Coping Checklist» (WCQ, 1978 г.). В настоящее время существует три русскоязычных адаптации этой методики. На удивление, все они обладают своими недостатками, затрудняющими их использование в психодиагностической практике.

Наиболее полная и корректная информация о надежности и валидности доступна для адаптации, предложенной Л.И. Вассерманом и др. («Стратегии совладающего поведения» (ССП), СПбНИПНИ им. В.М. Бехтерева). [2] Однако, этот вариант методики имеет один существенный недостаток – при внесении модификации в инструкцию не была сделана проверка факторной структуры. Другие варианты адаптации хотя формально полностью соответствуют оригиналу, интерпретируемую информацию о факторной структуре не дают. Напр., Е.В. Битюцкая указывает, что предложенная ею модель КФА имеет другую структуру, но основные параметры модели ($\chi^2 = 2634$, $df = 1011$) говорят о том, что модель не соответствует исходным данным. [1] Не понятно, что с воспроизведением оригинальной структуры, автор лишь приводит данные о том, что она не устойчива.

Так как вопрос о факторной структуре касается не только математического моделирования как такового, но в первую очередь внутренней валидности и операционализации КС, предложенных в теории Лазаруса и Фолкмана, мы решили восполнить имеющийся пробел.

Исследование проводилось с ноября 2022 по январь 2023 года на платформе GoogleForms. В нем приняло участие 166 человек (104 женщины и 62 мужчины), от 16 до 70 лет (средний возраст 21,5 года), жители преимущественно СПб и Москвы (77,2%), получающие (56 чел.) или уже получившие высшее образование (94 чел.) в разных областях науки. Сначала мы попросили испытуемых указать краткую информацию о себе, затем им было предложено заполнить «Стратегии совладающего поведения» Л.И. Вассермана и др.

После перевода «сырых» баллов в стандартизированные, был проведен подтверждающий факторный анализ. Так как структура методики оказалась не соответствующей исходным данным, в модель были внесены модификации. В результате удалось воспроизвести структуру 5 факторов из 8 (исключены «конфронтация», «самоконтроль» и «социальная поддержка»). Параметры основной модели КФА: $\text{chisq}=502.556$, $\text{df}=455$, $p=0.061$, $\text{cfi}=0.964$, $\text{gfi}=0.963$, $\text{rmsea}=0.025$. Так как наша выборка была менее 200 человек, также мы проверили устойчивость основных параметров с помощью бутстрэпа, алгоритм Bollen-Stine. Средние значения для 5000 выборок составили: $\text{chisq}= 541.0$, $p= 0.138$.

Следовательно, можно сделать вывод, что факторы «дистанцирование», «поиск социальной поддержки», «принятие ответственности», «планирование решения проблемы», «положительная переоценка» в адаптации Вассермана и др. в настоящее время могут полноценно использоваться в психодиагностике без модификации ключей и пересмотра стандартизации, для трех оставшихся факторов требуется дополнительная проверка.

1. Битюцкая Е.В. Факторная структура русскоязычной версии методики «Опросник способов копинга» // *Вопросы психологии*, №5, 2014, с. 138-150.
2. Вассерман Л.И. Методика для психологической диагностики совладающего поведения в стрессовых и проблемных для личности ситуациях. СПб: НИПНИ им. В.М. Бехтерева, 2008. -37 с.
3. Folkman S., Lazarus R.S. *Manual for the Ways of Coping Questionnaire*. Palo Alto, CA: Consulting Psychologists Press, 1988.

Шкала «отношение к психологическому здоровью» (ШОПЗ): разработка опросника

Субъект, отношение, психологическое здоровье, личность, представления

Тема психологического здоровья признана в науке одной из приоритетных в списке современных разрабатываемых психологических проблем. Под психологическим здоровьем понимается именно психологический аспект психического здоровья, т.е. те процессы, которые позволяют человеку в будущем достичь зрелости, пребывать в постоянном саморазвитии, реализовывать свои жизненные задачи. С целью уточнить и конкретизировать представление о психологическом содержании понятия «психологическое здоровье» в структуре обыденного индивидуального сознания было проведено специальное исследование [2]. В результате проведенного исследования были сделаны акценты на выделение общих и особенных смыслов ассоциативных образов сознания и глубинного бессознательного в восприятии понятия «психологическое здоровье». Изучая представление о психологическом здоровье личности, семьи и нации, мы обнаружили, что наши испытуемые давали эмоционально окрашенные характеристики своего отношения к этому явлению. Поэтому целью дальнейшего исследования стало изучение отношения к психологическому здоровью в структуре индивидуального обыденного сознания. Инструментом для измерения субъективно-личностного представления о психологическом здоровье у отдельного человека может стать шкала отношения. На основании теоретического анализа и контент-анализа результатов проведенных нами исследований мы составили опросник «Шкала отношения к психологическому здоровью» (ШОПЗ) [1].

«Шкала отношения к психологическому здоровью» (ШОПЗ) предназначена для измерения степени проявления внешних и внутренних компонентов отношения к психологическому здоровью личности.

При проведении исследования выборку респондентов составили 939 человек (687 женщин и 252 мужчин) в возрасте от 18 до 60 лет, люди разных профессий с высшим, неоконченным высшим, средне-специальным и средним образованием. Участие респондентов в исследовании было добровольным.

Процедура проведения исследования. Респондентам предлагался бланк опросника и давалась инструкция, где испытуемому предлагалось оценить по шкале от 1 до 6 (где 1 – «абсолютно не верно», а 6 – «абсолютно верно») насколько приведенные высказывания опросника подходят ему, а также заполнить анкетные данные. Респондентам также предлагались и другие методики, использованные нами для проверки шкалы на внешнюю валидность: опросник «Смыслжизненные ориентации (СЖО)», «Шкала экзистенции», «Профиль созависимости», Гиссенский опросник психосоматических жалоб, шкала тревоги Спилберга, опросник ERQ, шкала самооценки Розенберга. Для обработки данных был использован статистический пакет SPSS v12.0 for Windows.

Опросник «Шкала отношения к психологическому здоровью» (ШОПЗ) успешно прошла проверку на внутреннюю валидность и ретестовую надежность. Проведенный анализ показал достаточно высокую согласованность шкалы.

Выводы: опросник ШОПЗ пригоден для использования на русскоязычной популяции, как измерительное средство для исследований и диагностики субъективно-личностного отношения к психологическому здоровью у отдельного человека.

1. Артемова Н.Г., Галкина Т.В. Отношение к психологическому здоровью личности: проблема измерения // *Материалы Всероссийской научной конференции "Процедуры и методы экспериментально-психологических исследований"* 23 – 25 ноября 2016 г. / Отв. ред. В.А. Барабанищikov. М.: Изд-во «Институт психологии РАН». 2016. С. 121–126.
2. Галкина Т.В., Артемова Н.Г. Общее и особенное в представлении о психологическом здоровье личности // *Естественно-научный подход в современной психологии* / Отв. ред. В.А. Барабанищikov. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2014. С. 805–811.

Исследование выполнено в рамках госзадания № 0138-2023-0006 (№ ЕГИСУ НИОКТР 121041500254-5).

Адаптация шкалы «Сравнение физической внешности» на российской выборке

Сравнение внешности, социальное сравнение, образ тела

Сравнение себя с окружающими по внешности представляет собой один из вариантов субъектно-ориентированного сравнения – процесса сопоставления себя с другими людьми или с самим собой в разные моменты жизни с целью понимания уровня собственных достижений, способностей, характеристик и их временной динамики [2].

Субъектно-ориентированное сравнение выражается в процессах установления сходства и различия по ряду параметров, одним из которых является внешность. Сравнение по внешности представляет собой важный фактор, влияющий на удовлетворенность собственным телом, низкий уровень которой может быть сопряжен с нарушениями пищевого поведения, депрессивными состояниями, сниженным субъективным благополучием и т.д. Это обуславливает актуальность разработки и адаптации методических инструментов диагностики ориентированности на сравнение себя с другими людьми по внешности. Один из таких инструментов – разработанная Л. Шаефером и Дж. Томпсоном шкала «Сравнение физической внешности» (PACS-R), которая была адаптирована в нашем исследовании [1].

Шкала PACS-R состоит из 11 утверждений, касающихся сравнения человеком себя с другими людьми в разных жизненных ситуациях (на работе/учебе, в спортзале, ресторане, магазине одежды, на вечеринке, при общении с друзьями, знакомстве и т.д.) по таким параметрам как внешность, размер тела, фигура, жировая прослойка тела и вес. Утверждения необходимо оценить по 5-ти бальной шкале «никогда» – «редко» – «иногда» – «часто» – «всегда». Подсчитывается суммарное количество баллов по всем утверждениям – общий показатель ориентированности на сравнение по внешности.

На предварительном этапе исследования мы опробовали несколько вариантов перевода шкалы на русский язык, которые затем подвергались обратному переводу на английский язык, а также оценивались группой участников с точки зрения легкости понимания инструкции и утверждений.

Апробация русскоязычной шкалы PACS-R осуществлена на выборке из 579 мужчин и женщин в возрасте 18-55 лет. Русскоязычная шкала предлагалась респондентам в совокупности с другими методиками, использованными для ее проверки на внешнюю валидность: опросниками INCOM, POOCC, OOST, «Большая пятерка», шкалой самооценки Розенберга. Подбор этих методик определялся тем, что некоторые из них использовались авторами шкалы PACS-R, а другие измеряли те конструкты, которые, по данным научных источников, являются взаимосвязанными с социальным сравнением. Для статистической обработки данных использован пакет STATISTICA 7.0.

Продемонстрирована высокая одномоментная надежность-согласованность и временная устойчивость пунктов шкалы, ее высокая консистентность. Оценка конструктивной валидности показала возможность использования шкалы как достаточно универсального средства диагностики склонности к сравнению внешности у групп российской популяции разного пола и широкой возрастной категории. При проверке внешней валидности обнаружены значимые корреляции с общей ориентированностью на социальное сравнение, степенью неудовлетворенности внешностью, самоуважением, самооценкой, эмоциональной неустойчивостью, стремлением к независимости и самостоятельности, с волевой регуляцией поведения.

Выводы: проведенное исследование свидетельствует о возможности использовать русскоязычную шкалу PACS-R в качестве инструмента диагностики ориентированности человека на сравнение себя с другими людьми по внешности.

1. Артемцева Н.Г., Самойленко Е.С. Шкала «Сравнение физической внешности»: апробация на российской выборке // Психологический журнал. 2022. Т. 43. № 4. С. 110-119.

2. Самойленко Е.С. Процесс сравнения в системах познания, общения и личности: дисс. ... д-ра психол. наук. М.: Институт психологии РАН, 2012.

Исследование выполнено в рамках госзадания № 0138-2023-0006 (№ ЕГИСУ НИОКТР 121041500254-5).

Внутренний диалог как объект психодиагностики

Конструктивный внутренний диалог, дисфункциональный внутренний диалог, внутренний конфликт

В современной психологии до сих пор нет единого понимания феномена внутреннего диалога (ВД). В зависимости от подхода различаются и взгляды на его функции, природу и формы. Одним из ракурсов рассмотрения ВД является его понимание как речевой формы существования внутреннего конфликта. Через выявление так понимаемого ВД можно не только определять содержание внутреннего конфликта (ВК), но рассматривать характерные для индивида особенности процесса его разрешения или совладания с ним. Однако разработка инструментов выявления ВД наталкивается на известные методические трудности, связанные с самой природой этого явления. Среди немногочисленных методов выявления ВД можно выделить опросниковые (например, Шкала внутренней диалоговой активности Олеса) и проективные методы (прежде всего, Модифицированная методика управляемой проекции) [1, 2]. Однако ни те, ни другие не позволяют изучать реальные ВД в их спонтанном развертывании. Поэтому перед нами встала задача найти способ выявления именно спонтанного ВД, развертывающегося в ограниченный отрезок времени. Нам было важно, чтобы это был реальный и актуальный ВД, а не отчет о нем или искусственно сгенерированный диалог.

Предположив, что ВД может развертываться в речи индивида в ходе внешнего общения с Другим, мы выбрали, в качестве ситуации его актуализации, индивидуальное психологическое интервьюирование, затрагивающее потенциально конфликтные темы удовлетворенности собой и жизнью. Целью исследования было выявление в ответах респондентов внутренних диалогов, реализующих внутренние конфликты, и описать их формы, опираясь на разработанные параметры. Помимо проверки самой возможности спонтанного развертывания ВД в устных ответах, нашей задачей была разработка языка описания, релевантного эмпирическим ВД, закладывающего основу для создания диагностической процедуры выявления и анализа ВД во внешней речи. Было проанализировано 116 внутренне-диалогичных отрывков текста, принадлежащих 60 респондентам. Были выделены основные содержательные и формально-стилистические параметры (цель диалога, содержание позиций, их развернутость, равноправие-неравноправие позиций, наличие взаимодействия между ними, характер отношений между ними, аргументированность каждой из них, длительность диалога и его динамика) и разработаны кодировочные инструкции для их выявления в текстах. Опираясь на такой критерий конструктивности, как наличие или отсутствие позитивной динамики, мы выделили конструктивные и дисфункциональные формы ВД. Дисфункциональные ВД отличаются либо отрицательной динамикой, когда происходит переход конфликтного диалога в защитный, либо ее отсутствием, что характерно как для урезанных ВД со свернутыми, не взаимодействующими позициями, так и для развернутых конфликтных диалогов с застывшим противостоянием позиций. Конструктивные диалоги характеризуются следующими формами позитивной динамики: переход от одностороннего защитного диалога самоубеждения к двустороннему ВД, углубление и наращивание аргументации каждой позиции, появление новой интегральной позиции, учитывающей обе стороны конфликта, аргументированный выбор одной из позиций. Т.о. были разработаны основные параметры, позволяющие выявлять в речи респондента разные формы конструктивных и дисфункциональных диалогов.

Полученные результаты закладывают основу для разработки диагностической процедуры выявления и анализа ВД во внешней речи.

1. Астрецов Д.А., Леонтьев Д.А. Психодиагностические возможности «Шкалы внутренней диалоговой активности» П. Олеса // Вестник Московского университета. Сер. 14. Психология. 2015. № 4. С. 66-82.
2. Визгина А.В. Модифицированная Методика Управляемой проекции (ММУП). А.В.Визгина, В.В.Столин // Психология общения. Энциклопедический словарь. Под общ. ред. А. А. Бодалева. М.: Когито-Центр, 2019. 508 с.

Драматические ситуации "36 сюжетов" в профессиональном отборе кандидатов в силовые структуры, службы безопасности, банки, государственные учреждения

36 сюжетов, драматические сюжеты, перфекционизм

Разработка опросника «36 сюжетов» — это один из возможных путей решения проблемы устаревания методик. Создаваемый опросник разрабатывается в новой парадигме: выясняются не отношение испытуемого к проблеме, а его поступки. Сопоставлялись вопросы исходной формы опросника с рядом психологических и психофизиологических показателей, что позволило уточнить эти вопросы.

Совокупность психологических и психофизиологических коррелят каждого сюжета позволила нам создать (опросник) психодиагностический комплекс, позволяющий изучать (определять) более точно тип поведения человека, соответствующий каждому сюжету. В новом опроснике представлены 36 групп вопросов, каждая из которых соответствует исходному опроснику 36 сюжетов, но вопросы уже более точно соответствуют психологическому портрету каждого сюжета. В каждой группе вопросов есть такие части: 1. Психофизиологический пласт (включает в себя оценку степени выраженности активации трех блоков мозга – корковая активация, вегетативная активация и двигательная активация. 2. Психологический пласт, содержащий вопросы, касающиеся степени выраженности основных психологических черт, соответствующих каждому сюжету. Основные черты-корреляты описаны выше. 3. Социально-психологический пласт. Оценивает влияние на поведение социальных воздействий.

В каждой группе предлагается 9 вопросов: три психофизиологических, 3 – психологических и 3 - социально-психологических. Заключили, что при проектировании тестов целесообразнее определять не отношение человека к проблеме, а алгоритм его действий, поскольку то или иное «отношение» может вести совсем к разным поступкам. Поведение человека формируется под влиянием созданной им «картины мира», которая представляет собой неравновесную структуру, поляризованную его системой ценностей.

Наиболее информативными в свете поставленной задачи становятся результаты факторного анализа и корреляционного анализа сюжетов двух опросников. Факторный анализ традиционно использовался как средство классификации свойств; он также позволяет фиксировать соответствие или несоответствие факторной структуры разрабатываемого инструмента теоретически обоснованным предложениям о трёх видах поведения в сюжетах.

В результате факторного анализа, проведенного методом ротации факторных структур по принципу варимакс-вращения (А.Д. Наследов, 2004, с. 253), было установлено, что опросник не имеет значимых корреляций. Была проведена тщательная психологическая интерпретация факторов (анализ содержания пунктов, входящих в каждый фактор). Эта работа осуществлялась командой экспертов, в ней принял участие научный руководитель диссертации док. психол. наук В.Д. Балин.

Курт Цадек Левин – немецкий, а затем американский психолог, чьи идеи оказали большое влияние на американскую социальную психологию и многие другие школы и направления, в особенности на теорию культурного развития Л.С. Выготского и исследователей «круга Выготского». В 1936 году вывел простое уравнение, изменившее представление о привычках и поведении человека: поведение (В – Behavior) является функцией личности (Р – Person) и окружающей среды (Environment). Это короткое утверждение, известное как уравнение Левина, включает в себя все, что нужно знать о формировании хороших привычек, разрушении плохих и движении к успеху в жизни.

Новый опросник «36 сюжетов» включает не только личностные черты, но и факторы окружающей среды, анализируя поведение человека. Индекс напряженности сюжета высчитывался путем подсчета разницы ответов испытуемых по каждому вопросу по такой формуле: $Sc - Sn = Si$, где Sc – старый вариант опросника, Sn – новый вариант опросника и Si – индекс напряженности сюжета. Индекс напряженности показал значительную разницу в показателях. Личностные ответы указывают на разные измеряемые свойства опросников: старый вариант – реальное положение, а новый вариант – предрасположенность к роли.

1. Жукова Д.И. Опросник «36 ролевых сюжетов» в психофизиологической диагностике типов поведения индивида // *National Health. Политематический сетевой научный журнал*, 2019, № 4.
2. Жукова Д.И., Балин В.Д. Разработка опросника «36 ролевых сюжетов» // *Вестник психофизиологии. Международное научное психофизиологическое содружество*, 2019, № 4, с. 79-85.
3. Луначарский А.В. Тридцать шесть сюжетов // *«Театр и искусство»*, 1912, № 34. С. 650–652. — См.: Луначарский А.В. *О театре и драматургии*. М., 1958. Т. II, с. 113-117.

Адаптация методики «Опросник конструктивной и деструктивной зависти» на русскоязычной выборке в Узбекистане

Адаптация психодиагностической методики, психометрические показатели, зависть

Актуальность работы обусловлена поиском инструментов для исследования зависти в Узбекистане. Резкое изменение образа жизни, высокая конкуренция и социальные конфликты приводят к переменам в сфере межличностного общения и социального взаимодействия людей. Следовательно, меняются ценности и установки у населения. В современном мире существуют много провоцирующих условий для проявления зависти в обыденной жизни: стремление соответствовать эталонному образцу, а также достижению высоких планок.

Цель работы – адаптация «Опросника конструктивной и деструктивной зависти» на русскоязычной выборке г. Ташкент. В исследовании приняли участие 196 человек (122 женщин и 74 мужчин), которые заполняли следующие опросники: 1. «Опросник конструктивной и деструктивной зависти» (BeMaS) J. Crusius, J. Lange (русский перевод Т. Волкодав, 2018) [4]; 2. «Многомерная шкала зависти» (шкалы: когнитивный, эмоциональный и поведенческий компоненты ревности) Пфайффера и Вонга [5]; 3. «Опросник агрессивности Басса-Перри» (физическая агрессия, гнев и враждебность) [2]; 4. Опросник «Темная триада» (нарциссизм, макиавеллизм и психопатия) [1].

Надежность (α -Кронбаха) шкал опросника была высокой ($\alpha=0,76$ для шкалы «Конструктивная зависть» и $\alpha=0,85$ для шкалы «Деструктивная зависть»). С использованием теста Стьюдента для связанных выборок и определения коэффициентов корреляций между двумя замерами, сделанными через месяц было проведено сопоставление результатов выполнения теста и ретеста. Р-значение критерия Стьюдента равны 0,087 и 0,689, а коэффициенты корреляции 0,803 и 0,742 для шкал Конструктивной и Деструктивной зависти соответственно. Это говорит об устойчивости методики к внешним факторам. С помощью эксплораторного факторного анализа была подтверждена оригинальная структура BeMas. Методом главных компонент с косоугольным вращением было выделено 2 фактора, соответствующие деструктивной зависти (вклад фактора в общую дисперсию 35,9%) и конструктивной зависти (вклад фактора в общую дисперсию 22,1%). Корреляция между факторами хоть и невысокая, но положительная ($r=0,208$). Подтверждена внешняя конвергентная валидность: отмечены значимые положительные взаимосвязи деструктивной зависти с когнитивным и поведенческим компонентами ревности ($r=0,22$ и $0,281$ соответственно), также наблюдается прямые значимые связи с физической агрессией ($r=0,234$) и психопатией ($r=0,288$). Конструктивная зависть имеет положительную связь с нарциссизмом ($r=0,198$) и отрицательную – с когнитивным компонентом ревности ($r=-0,24$). Установлено, что уровень зависти у мужчин значительно выше, чем у женщин ($p<0,05$). Подтверждена внутренняя конвергентная и дискриминантная валидность (средняя выделенная дисперсия (AVE) для шкалы Конструктивная зависть = 0,52, а для шкалы Деструктивная зависть = 0,64).

Полученные в процессе валидации «Опросника конструктивной и деструктивной зависти» результаты согласуются с данными авторов, адаптировавшими методику на русский язык [3], что свидетельствует о соответствии нашей версии опросника оригинальной версии. Также установлен профиль личности как с деструктивной реализацией зависти, так и с конструктивной ее реализацией.

Адаптированная методика («Опросник деструктивной и конструктивной зависти») является диагностическим средством, имеющий хорошие психометрические показатели и может быть в дальнейшем использована для практических целей. Также можно говорить о том, несмотря на отчасти позитивную коннотацию конструктивной зависти, в сознании респондентов она остается завистью с присущими ей негативными атрибутами (шкалы положительно коррелируют, а также установлена положительная значимая корреляция со шкалой нарциссизма из Темной триады).

1. Егорова М.С., Ситникова М.А., Паршикова О.В. Адаптация Короткого опросника Темной триады // Психологические исследования. Т.8, №43, 2015, с. 1.
2. Ениколопов С.Н., Цибульский Н.П. Психометрический анализ русскоязычной версии опросника диагностики агрессии А. Басса и М. Перри // Психологический журнал, №1, 2007, с. 115-124.
3. Люсин Д., Амирасланова А. Опросник конструктивной и деструктивной зависти: русская адаптация опросника BeMaS // Психологические исследования. Т.15, №84, 2022, с. 2.
4. Ablyazimova N.E., Shaposhnikova P.K., Volkodav T.V. The two sides of envy: understanding of benign and malicious envy in Russian students // Форум молодых ученых, №6-1, 2018, с. 3-7.
5. Preiffer S.M., Wong P.T. Multidimensional jealousy. Journal of Social and Personal Relationship. Vol. 6, 1989, p. 181-196.

Факторная структура симптомов РАС у российских детей 3-4 лет

Аутизм, структурная и измерительная эквивалентность модели, бинарные данные

В 2020 – 2022 годах нами было проведено обследование 926 детей (383 – с РАС, 200 – с ЗПР, 343 – Норма) с целью разработки скрининговой шкалы для экспресс-диагностики РАС у детей 3-4 лет. Для обследования использовалась разработанная нами онлайн-анкета для выявления 436 возможных симптомов аутизма. Основным результатом исследования стала Шкала аутизма, основанная на 40 симптомах аутизма (пунктов), представляющих 4 вектора его проявления: «Эмоциональные нарушения», «Сенсорные нарушения», «Нарушения коммуникации» и «Гиперактивность/Расторможенность». Шкала обладает точностью прогноза 88,91% (чувствительность 92,1%, специфичность 87,2%) [1]. Мультигрупповой конфирматорный факторный анализ структурной и измерительной эквивалентности подтвердил 4-векторную структуру РАС для выборки детей с РАС, подтверждена ее структурная и измерительная инвариантность в отношении детей с РАС, различающихся по полу и возрасту: мальчиков и девочек, детей 3 и 4 лет. Однако, в отношении детей без РАС наличие такой структуры не подтверждается, и, таким образом, не подтверждается наше исходное предположение о том, что выделенные факторы являются векторами, общими для всех детей, на одном полюсе которых – условная норма, на другом – РАС.

Целью настоящего исследования стало выявление векторов аутизма, которые присущи именно детям 3-4 лет с РАС, исходя из данных обследования 383 детей с РАС с помощью той же онлайн-анкеты. На первом этапе с многократным применением эксплораторного факторного анализа решалась задача выделения наиболее простой факторной структуры, в соответствии со следующими требованиями: а) факторные нагрузки должны быть более 0,35; б) в каждый фактор должны входить не менее 9 пунктов с максимальными факторными нагрузками по данному фактору. В результате была выявлена 7-факторная структура, от 9 до 14 пунктов в каждом факторе (всего 78 пунктов). Каждый фактор отчетливо интерпретировался по входящим в него пунктам: 1) «Настойчивость на одинаковости» (Sam); 2) «Эмоциональные нарушения» (Em); 3) «Отстраненность» (Al); 4) «Понимание речи» (Us); 5) «Расторможенность/Гиперактивность» (Hup); 6) «Эхолалия» (Ech); 7) «Сенсорные нарушения» (Sen). Далее для сокращения размерности применялся «пакетный подход»: бинарные пункты, входящие в каждый фактор случайным образом распределялись по 3-м пакетам, от 3 до 5 пунктов в каждом пакете. Для каждого пакета вычислялось среднее значение входящих в него пунктов, таким образом, далее вместо 78 бинарных пунктов анализировались 21 количественная переменная.

На втором этапе применялся мультигрупповой конфирматорный факторный анализ для проверки факторной валидности, структурной и измерительной эквивалентности полученной 7-факторной модели к разным частям выборки, различающихся по полу (м, ж) и возрасту (3 и 4 года). Факторная валидность 7-факторной модели подтвердилась: факторы Em, Al, Us, Ech коррелировали друг с другом (корреляции от 0,33 до 0,65), образуя группу коммуникативных нарушений, вторую группу составили факторы Sam и Sen ($r = 0,66$), фактор Hup не коррелировал с остальными факторами. Подтвердилась структурная и измерительная эквивалентность этой 7-факторной модели с коррелирующими факторами в отношении выборок, различающихся по полу (м, ж) и возрасту (3 и 4 года).

По всем 7 вычисленным факторам-шкалам выборка детей с РАС статистически достоверно отличалась от остальных детей ($p < 0,001$), с величиной эффекта по Coen's d от среднего до высокого уровня (d от 0,688 до 2,088).

1. Nasledov A., et al. Application of Psychometric Approach for ASD Evaluation in Russian 3–4-Year-Olds // *Mathematics*. 2021. 9(14):1608. URL: <https://doi.org/10.3390/math9141608> (дата обращения 01.06.2023).

Исследование выполнено при финансовой поддержке РФ (проект № 23-18-00155).

Адаптация опросника Фрейли "Опыт близких отношений – структуры отношений" (ECR-RS) на русскоязычной выборке

Привязанность, близкие отношения, психометрические свойства, валидность

Теория привязанности Дж. Боулби [1] была первоначально направлена на изучение природы отношений матери и младенцев. В настоящее время теория привязанности распространилась на исследование отношений людей в разных социальных контекстах на разных этапах онтогенеза. Известно, что первой фигурой привязанности, обеспечивающей "надежную базу" и "безопасное убежище" для младенца, является мать. Впоследствии роль объектов привязанности начинают выполнять другие взрослые, а затем – сверстники (близкий друг, романтический партнер). У взрослого человека, как правило, одновременно существует несколько объектов привязанности, включенных в разветвленные структуры отношений. Изучить взаимоотношения индивида с разными объектами привязанности на разных этапах онтогенеза невозможно без использования надежных и валидных методик, предназначенных для этой цели. Одной из таких методик является вопросник, разработанный Р. Фрейли с коллегами "Опыт близких отношений – структуры отношений" [5]. Инструмент является короткой вариацией широко распространенного вопросника «Опыт близких отношений» [4]. Методика состоит из 36 вопросов – по 9 пунктов, направленных на оценку привязанности к 4 близкими людям (мать, отец, романтический партнер, близкий друг). Задачей нашего исследования стал перевод методики на русский язык и оценка психометрических свойств русскоязычной версии – ECR-RS-Ru.

Выборку исследования составили 364 студента вузов г. Барнаула (82 % – девушки). На платформе «Google forms» они отвечали на вопросы батареи методик, включившей помимо ECR-RS-Ru, опросник привязанности к близким людям (ОПБЛ) [2] и опросник привязанности к родителям и сверстникам (IPPA-Ru) [3].

Конструктивная валидность ECR-RS-Ru доказана путем оценки факторной и конвергентной валидности. Для решения первой задачи применялся конфирматорный факторный анализ. Для шкалы «Привязанность к матери» были получены следующие показатели качества модели: $\chi^2=15.938, p>0.10, RMSEA = 0.031, TLI = 0.991, CFI = 0.95$, для шкалы "Привязанность к отцу": $\chi^2=14.947, p0.045, RMSEA = 0.051, TLI = 0.951, CFI = 0.91$, для шкалы "Привязанность к романтическому партнеру": $\chi^2=14.839, p0.043, RMSEA = 0.042, TLI = 0.971, CFI = 0.94$ и «Привязанность к близкому другу»: $\chi^2=12.135, p0.023, RMSEA = 0.022, TLI = 0.921, CFI = 0.87$.

Конвергентная валидность доказана путем нахождения корреляций между шкалами ECR-RS-Ru и шкалами двух других опросников привязанности. Шкалы ECR-RS-Ru ожидаемо коррелируют со шкалами опросника IPPA-Ru (надежность привязанности к отцу, матери, другу) и ОПБЛ (избегание и беспокойство в отношениях с романтическим партнером) ($p \leq 0,05$).

Надежность оценивалась путем расчета показателей ω Макдональда, α Кронбаха и ретестовой надежности ($N = 54$; интервал между замерами — три недели). Первые два индекса принимали значения в диапазоне 0.85-0.91, а третий индекс для трех шкал был распределен на отрезке 0.82-0.88. Полученные индексы указывают на высокую надежность опросника.

Таким образом, опросник ECR-RS-Ru обладает достаточно высокой валидностью и надежностью и может использоваться в диагностических и исследовательских целях.

1. Боулби Дж. *Привязанность*. М.: Гардарики, 2003. 447 с.
2. Сабельникова Н.В., Каширский Д.В. *Опросник привязанности к близким людям // Психологический журнал, Т.36, №4, 2015, с. 84–97.*
3. Сабельникова Н.В., Каширский Д.В., Садовникова Т.Ю. *Русскоязычная версия "Опросника привязанности к родителям и сверстникам" Г. Армсдена и М. Гринберга // Психологический журнал, Т.44, №2, 2023, с. 89–104.*
4. Brennan K.A., Clark C.L., Shaver P.R. *Self-report measurement of adult romantic attachment: An integrative overview // Attachment theory and close relationships. Eds. J.A. Simpson, W.S. Rholes. New York: Guilford Press, 1998. P. 46–76.*
5. Fraley R.C., et al. *The Experiences in Close Relationships-Relationship Structures questionnaire: A method for assessing attachment orientations across relationships // Psychological Assessment, 2011. Vol. 23. P. 615-625.*

Оценка жизненного проекта личности: особенности разработки нового инструмента диагностики

Жизненный проект, психодиагностика, валидность, надежность

Изучение временной перспективы личности как мотивационного образования обретает особую актуальность в современных условиях неопределенности. Наличие у человека долгосрочных целей и планов является значимой составляющей полноценной жизнедеятельности и психологического благополучия (Kuhl, Beckmann, 2012). Регулирующее влияние временной перспективы будущего на целенаправленное поведение человека в настоящем подчеркивается в трудах многих исследователей. Предложены также и инструменты для оценки различных конструктов, операционализирующих данный психологический феномен (Seginer, 2009). Настоящее исследование связано с русскоязычной адаптацией оригинального опросника «Шкала жизненного проекта» – Life Project Scale (LPS), который был создан международной группой исследователей из нескольких стран (Китай, Колумбия, Финляндия, Израиль, Италия, Нидерланды, Испания и США). В исследованиях получены убедительные доказательства валидности и надежности данного инструмента, основанные на экспертных оценках, исследованиях в фокус-группах, использовании процедур эксплораторного и конфирматорного факторного анализа, анализе инвариантности измерений, оценки дискриминантной и конвергентной валидности. Жизненный проект понимается как процесс, включающий формирование, разворачивание и поддержание осознаваемых и преднамеренных действий, которые осуществляет человек в своей повседневной жизни, которые обеспечивают долговременные нарративы по достижению будущих целей. Индивидуальный жизненный проект отражает степень, в которой человек управляет собой в процессе достижения значимых целей. И в этом смысле в жизненном проекте воплощены экзистенциальные смыслы и идентичность. Опросник состоит из двух частей. В первой части респондент получает инструкцию, в которой в краткой форме дается понятие жизненного проекта («жизненный проект— это набор целей и планов, которым вы придаете особое значение. То есть цели и планы, которые представляют собой то, как вы действительно хотите жить (или продолжать жить) в будущем»). Далее респонденту предлагается перечислить свои основные цели на будущее, связанные с жизненным проектом. Необходимо также указать возраст, в котором, по мнению респондента, он может быть, когда эти цели будут достигнуты.

Вторая часть опросника представляет собой тест, состоящий из 8 утверждений, которые необходимо оценить по шкале от «совершенно не согласен» до «полностью согласен» (7 градаций). Предполагается оценка двух шкал: 1 – идентификация, т. е. осознание намеченного будущего (пример утверждения «У меня есть четкие цели в отношении того, чего я хотел бы достичь в жизни»), и 2 – вовлеченность, т. е. осуществление планов и действий в пользу намеченного будущего (пример утверждения «Я трачу очень много времени на действия, имеющие отношение к моим будущим целям»). В исследовании приняли участие 549 респондентов (66% – респонденты женского пола) в возрасте от 18 до 63 лет (средний возраст – 27,09, стандартное отклонение – 10,9. Русскоязычная версия опросника в настоящее время проходит процедуры психометрической оценки совместно с автором оригинального инструментария (Vinicius Coscioni, Коимбрский университет, Португалия).

1. Coscioni V., et al. *Theoretical Approaches to “Life Project” in Psychology and Related Fields // Trends in Psychology. 2021. Vol. 29. №. 4. P. 684-705.*
2. Kuhl J., Beckmann J. *Action control: From cognition to behavior. Springer Science & Business Media, 2012.*
3. Seginer R. *Future Orientation: A conceptual framework. In: Future orientation: Developmental and ecological perspectives. Springer International Publishing, 2009.*

Диагностика психоэмоциональных состояний у студентов с помощью цветового теста Люшера в аспекте реализации учебно-профессиональной деятельности

Студенты, психоэмоциональное состояние, тест Люшера, рефлексивность, метакогнитивные знания

Цветовой тест Люшера в настоящее время является достаточно популярной методикой в арсенале практического психолога [1]. Вместе с тем, встречается немало критики в адрес данной методики по поводу её валидности [3]. В связи с этим исследование психодиагностического потенциала методики представляется важным и актуальным.

Студенты, реализующие учебно-профессиональную деятельность, представляют социальную группу, уязвимую к повышенным психоэмоциональным нагрузкам, нуждающуюся в развитии психологических ресурсов, в то числе связанных с развитием рефлексивности и метакогнитивных способностей.

Цель нашего исследования заключалась в том, чтобы определить особенности психоэмоциональных состояний студентов с помощью цветового теста Люшера. Объект исследования – студенты-психологи 19–20 лет в количестве 39 человек, из них юношей – 6, девушек – 33. Предмет исследования – психоэмоциональные состояния (индекс тревог и компенсаций (ИТК), суммарное отклонение от аутогенной нормы (СО), вегетативный коэффициент (ВК) студентов. В качестве гипотезы исследования выступили предположения: 1. Распределение показателей ИТК, СО и ВК у студентов не отличается от нормального (у 68,26 % студентов наблюдается средний уровень данных показателей). 2. Существует взаимосвязь показателей психоэмоционального состояния с показателями рефлексивности и метакогнитивных способностей у студентов.

В качестве методик исследования были отобраны: цветовой диагностический тест В.И. Тимофеева, Ю.И. Филимоненко, представляющий отечественную модификацию методики М. Люшера; опросник рефлексивности А.В. Карпова; методика диагностики метакогнитивных знаний и активности Ю.В. Скворцовой, М.М. Кашапова. Методами математико-статистической обработки данных были определены первичная статистика, корреляционный анализ Спирмена.

Распределение показателей ИТК практически не отличается от нормального (у 29 % студентов выявлен низкий уровень, у 53 % – средний, у 18 % – высокий), в то время как распределение показателей СО отличается от нормального. Среди студентов ни у одного человека не выявлен 1–2 уровень, свидетельствующий об отсутствии непродуктивной нервно-психической напряженности, у 22 % студентов выявлен 3 незначительный уровень нервно-психической напряженности, у 39 % студентов – 4 средний уровень, у 33 % – 5 повышенный уровень, у 6 % – 6 уровень, означающий выраженную непродуктивную нервно-психическую напряженность. Распределение показателя ВК также отличается от нормального: у 53 % студентов выявлены признаки утомления, у 41 % – средний уровень (баланс симпатической и парасимпатической нервной системы, у 6 % – высокий уровень (избыточное возбуждение). Полученные результаты требуют уточнения: с одной стороны, целесообразно уточнить нормы для современных студентов, с другой стороны, определить, с чем может быть связана повышенная эмоциональная напряженность у студентов.

Определена взаимосвязь показателя ИТК с показателями ретроспективной рефлексивности ($r = 0,639$, $p \leq 0,01$), метакогнитивных знаний ($r = -0,526$, $p \leq 0,05$) и СО ($r = 0,571$, $p \leq 0,05$). Чем больше студенты испытывают эмоциональное напряжение вследствие неудовлетворенности потребностей и их замещения другими потребностями, тем больше они склонны к анализу прошлого и тем в меньшей степени они отмечают у себя наличие знаний о закономерностях и стратегиях познания.

Таким образом, гипотезы исследования подтвердились частично: распределение уровней эмоциональной напряженности у респондентов смещены в сторону повышенных значений, что требует дальнейшего мониторинга состояний студентов, с одной стороны, и исследования потенциала методики – с другой. Существует взаимосвязь показателя эмоциональной напряженности с показателями ретроспективной рефлексивности и метакогнитивных знаний. Представляется актуальным определение потенциала цветового теста Люшера в различных его модификациях, в том числе в интеграции с психосемантическим методом [2] в аспекте реализации учебной, учебно-профессиональной и профессиональной деятельности.

1. Воронин Р.М., Огородников В.И. Применение модифицированного теста Люшера для оценки эффективности техник психической саморегуляции у курсантов академии ФСИН России // *Прикладная юридическая психология*. 2020. № 1 (50). С. 23–29.
2. Соломин И.Л. Использование методики цветowych метафор для диагностики структуры эмоциональных отношений школьников // *Педагогическая диагностика*. 2015. № 2. С. 75.
3. Сугоняев К.В. Можно ли оценить личностные характеристики с помощью теста Люшера? // *Психология. Психофизиология*. 2019. № 2. С. 41–59.

Факторы оправдания физического, сексуализированного и психологического насилия

Домашнее насилие, социальные верования, социальные установки

Домашнее насилие является глобальной гендерной проблемой, которая усугубляется во время вооруженных конфликтов [3] и имеет ряд неблагоприятных последствий для физического и ментального здоровья и социального положения пострадавших [4]. Современное исследовательское поле по проблеме обширно, но достаточно фрагментарно: исследователи фокусируются либо на специфических выборках [1], либо на ограниченном наборе предикторов [2]. Целью данной работы является эмпирическая проверка многокомпонентных моделей, объясняющих оправдание разных видов насилия.

Исследование проведено на российской выборке (N=746; 359 женщин) в возрасте от 18 до 79 лет (M = 36.8, SD = 11.5). Участникам исследования предлагалось заполнить методики, направленные на измерение мотивационных оснований (вера в опасный и конкурентный мир, разделенная реальность, потребность в когнитивной завершенности), социальных установок (ориентация на социальное доминирование, правый авторитаризм, враждебный и доброжелательный сексизм и оправдание гендерной системы) наряду с социально-демографическими характеристиками и вопросами о возможности оправдания насилия (физического, психологического и сексуализированного).

В рамках регрессионного анализа для каждой формы насилия рассматривались 3 модели, включающие мотивационные основания (1), мотивационные основания и социальные установки (2), мотивационные основания, социальные установки и социально-демографические характеристики (3). Результаты исследования показали, что модель 3 обладает наиболее высокими показателями соответствия. Наибольший вклад в оправдание физического насилия вносят факторы когнитивной завершенности ($\beta = -.09$; $p = .019$), разделенной реальности ($\beta = -.08$; $p = .026$), веры в конкурентный мир ($\beta = .12$; $p = .002$), правый авторитаризм ($\beta = .09$; $p = .046$), доминирование ($\beta = .13$; $p = .001$), антиэгалитаризм ($\beta = .11$; $p = .003$), доброжелательный сексизм ($\beta = -.14$; $p = .001$), враждебный сексизм ($\beta = .10$; $p = .015$) и пол ($\beta = -.48$; $p = .001$). Оправдание психологического насилия предсказывают факторы разделенной реальности ($\beta = -.09$; $p = .023$), веры в конкурентный мир ($\beta = .09$; $p = .023$), правого авторитаризма ($\beta = .10$; $p = .031$), доминирования ($\beta = .09$; $p = .038$), антиэгалитаризма ($\beta = .12$; $p = .001$), доброжелательный сексизм ($\beta = -.12$; $p = .006$), правые взгляды ($\beta = .09$; $p = .017$) и пол ($\beta = -.32$; $p < .001$). Оправдание сексуализированного насилия предсказывают факторы разделенной реальности ($\beta = -.10$; $p = .006$), оправдания гендерной системы ($\beta = -.09$; $p = .046$), доминирования ($\beta = .09$; $p = .032$), враждебного сексизма ($\beta = .11$; $p = .010$), правых взглядов ($\beta = .09$; $p = .010$) и пол ($\beta = -.26$; $p = .001$).

На основе полученных данных можно выделить общие предикторы для оправдания разных форм насилия, среди которых разделенная реальность, доминирование, сексизм и пол. Однако были выявлены и специфичные предикторы: для физического и психологического насилия – вера в конкурентный мир, правый авторитаризм и антиэгалитаризм, для сексуализированного – оправдание гендерной системы. Представленные результаты могут быть использованы для прогнозирования негативных социальных установок, связанных с проявлением агрессии, а также для разработки рекомендаций к программам по снижению терпимости к насилию.

1. Тацёва А.И., и др. Восприятие детьми семейного насилия // Психология и право. 2013. Т. 3. №. 1. URL: https://psyjournals.ru/journals/psylaw/archive/2013_n1/58360 (дата обращения: 01.06.2023).
2. Canto J.M., et al. The influence of ideological variables in the denial of violence against women: The role of sexism and social dominance orientation in the Spanish context // International journal of environmental research and public health. 2020. Vol. 17. №. 14. P. 4934.
3. Cesur R., Sabia J.J. When war comes home: The effect of combat service on domestic violence // Review of Economics and Statistics. 2016. Vol. 98. №. 2. P. 209-225.
4. Jejeebhoy S.J., Santhya K.G., Acharya R. Health and social consequences of marital violence: A synthesis of evidence from India. 2010.

Исследование осуществлено в рамках Программы фундаментальных исследований НИУ ВШЭ.

Отражение диспозиционных черт «темной» личности в житейском восприятии

Социальная перцепция, Темная триада, Большая пятерка, житейские представления

В процессе социальной перцепции личность воспринимается комплексно в том смысле, что сужения о ней не ограничиваются одной моделью черт. Например, внешние признаки экстраверсии могут дополняться описаниями, типичными для макиавеллизма, честности или нарциссизма. Насколько свободный житейский дискурс, используемый при описании Другого, совпадает с научными данными о связях черт [напр.: 4]? Этот вопрос является актуальным, поскольку основная цель теорий личности заключается в «описании закономерностей в действиях людей в естественном потоке их повседневного поведения» [2, с. 141]. В ряде исследований получены данные о способности внешнего наблюдателя верно оценить выраженность черт Темной триады и Большой пятерки при непосредственном восприятии соответствующего поведения [1, 3, 5]. Цель нашего исследования заключалась в проверке гипотезы о способности наивного субъекта вынести суждения о выраженности черт Большой пятерки – экстраверсии, доброжелательности, добросовестности, нейротизме и открытости опыту при наблюдении за проявлениями черт Темной триады – макиавеллизма, нарциссизма и психопатии.

В исследовании приняли участие 460 человек (22% мужчин), средний возраст которых составил $20,38 \pm 0,87$ лет. Участники смотрели постановочные видео-интервью с юношей или девушкой, которые отвечали на вопросы опросника Темной триады как абсолютно «темная» или, наоборот, «светлая» личность. Разные интервью предъявлялись в случайном порядке. После это предлагалось оценить степень выраженности у наблюдаемых персонажей 24 качеств, соответствующих чертам Большой пятерки.

В результате факторизации полученных оценок была обнаружена 5-факторная модель, структура которой воспроизводила черты Большой пятерки. Результаты сравнительного анализа по t-критерию Стьюдента показали, что «темная» личность воспринимается как более экстравертированная, открытая новому опыту, а также менее сознательная, менее честная и менее доброжелательная, чем «светлая» личность ($p < 0,001$). Факторы пола субъекта и объекта восприятия оказали слабое опосредующее влияние на имплицитное восприятие диспозиционных черт, однако девушки воспринимали «светлого» юношу как менее сознательного, чем «светлую» девушку ($p < 0,05$), а «темного» юношу, наоборот, – как более сознательного, чем «темную» девушку ($p < 0,01$). В свою очередь, юноши не видели различий по честности между «светлой» и «темной» девушкой ($p > 0,30$). В целом, полученные данные свидетельствуют о том, что житейские представления о носителе Темной триады согласуются с научными представлениями о профиле его диспозиционных черт по модели Большой пятерки.

1. Егорова М.С., и др. «Темные» черты личности в оценках положительных и отрицательных персонажей фильмов // *Психологические исследования*. 2016. № 9(50). С. 12.
2. Buss D.M., Craik K.H. The act frequency approach and the construction of personality // *Personality psychology in Europe / Eds. A. Angleitner, A. Furnham, G. van Heck*. Berwyn, PA: Swets North America, 1986. P. 141–156.
3. Crysel L.C., et al. Harry Potter and the measures of personality: Extraverted Gryffindors, agreeable Hufflepuffs, clever Ravenclaws, and manipulative Slytherins // *Personality and Individual Differences*, 2015. № 83. P. 174–179.
4. Ellen B.P., et al. Portrait of a workplace deviant: A clearer picture of the Big Five and Dark Triad as predictors of workplace deviance // *Journal of Applied Psychology*, 2021, № 106(12), p. 1950–1961.
5. Mehl M.R., Gosling S.D., Pennebaker J.W. Personality in its natural habitat: Manifestations and implicit folk theories of personality in daily life // *Journal of Personality and Social Psychology*, 2006. № 90(5). P. 862–877.

Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ (проект № 18-013-00329).

Конструирование экосистемы социального гериатрического центра

Социальный гериатрический центр, пожилой и старческий возраст, поздний онтогенез, инволюционные изменения

Демографические тенденции, связанные с увеличением продолжительности жизни, прослеживающийся как во всем мире, так и в нашей стране, показывают стремительный рост количества людей пожилого и старческого возраста. Вместе с этим, пропорционально, отмечается рост количества нарушений психической адаптации, обусловленных неспецифическими процессами старения. Это определяет важность разработок такой среды, которая была бы адекватна характеристикам снижения адаптационных ресурсов в старческом возрасте.

Согласно федеральному закону от 28 декабря 2013 г. №442-ФЗ «Об основах социального обслуживания граждан в Российской Федерации» [1] помощь нуждающимся пожилым людям в настоящее время оказывают учреждения социального обслуживания, к которым относятся социальные гериатрические центры (далее – СГЦ). При организации работы этих учреждений важно учитывать, что пожилой и старческий возраст характеризуется риском возникновения состояний, ограничивающих и даже исключающих возможность самообслуживания. Эти состояния связаны, как правило, с системными инволюционными изменениями соматического, психического и социального статусов в позднем онтогенезе. В этом случае, для предупреждения возникновения ситуаций опасных для жизни и здоровья пожилого человека, мало обеспечить для него присмотр и уход, необходимо привлечение профильных специалистов-медиков, психолога и социального работника, которые во взаимодействии конструируют такую экосистему, которая сама приспособляется под индивидуальные потребности и возможности проживающих в СГЦ пожилых людей. В качестве примера можно привести разработанную в СГЦ «Опека» систему работы, обеспечивающую комплексную медико-социально-психологическую помощь нуждающемуся в ней пожилому человеку и его родственникам.

Коморбидные расстройства депрессивного спектра на фоне неизлечимой соматической патологии являются одной из наиболее характерных их особенностей, что требует обязательного привлечения специалистов терапевтического и психиатрического профилей и определяет в качестве базового компонента экосистемы СГЦ – медицинский.

Важным компонентом является и клинико-психологический: необходимо проведение коррекционно-восстановительных групповых и индивидуальных занятий, организуемых с учетом интересов и запросов пожилых людей, направленных на поддержание их интеллектуальной активности и позитивной эмоциональной включенности. Проведение пато- и нейропсихологической диагностики, в том числе динамической, позволяет осуществлять прогностическую оценку психического состояния проживающих в СГЦ. Для членов семьи пожилого человека возникновение у него инволюционных патологических изменений часто становится травматическим событием, требующим оказания психологической помощи, которая позволяет понять и принять эти изменения и облегчить процесс межличностного взаимодействия между членами семьи.

Изменение социального статуса пожилого человека является для него одним из наиболее эмоционально чувствительных аспектов. Следствием, зачастую, становится обеднение контактов, ограничение или полное отсутствие коммуникации, отгороженность от социального окружения, что усугубляет когнитивный дефицит и дисфорическое состояние. Социально-психологический компонент работы СГЦ реализуется в форме культурно-досуговой активности: ежедневно организуемые мероприятия (празднование дней рождений, государственных, религиозных, фольклорных и сезонных праздников) создает благоприятную психологическую атмосферу и способствует повышению психологического благополучия проживающих в СГЦ.

Таким образом, для повышения качества жизни проживающих в социальном гериатрическом центре необходимо создание такой экосистемы, которая была бы адаптирована к индивидуальным соматическим и социально-психологическим особенностям и потребностям, возникающим в старческом возрасте.

1. Федеральный закон «Об основах социального обслуживания граждан в Российской Федерации» от 28.12.2013 N 442-ФЗ. – URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_156558 (дата обращения: 28.05.2023).

Студенты новых российских регионов: проблемы идентификации и социально-психологической адаптации

Вынужденные мигранты, студенты, социальная идентичность, социально-психологическая адаптация

В связи с проведением СВО, с правого берега Днепра Херсонской области на левый берег эвакуированы университеты, что ставит проблему социально-психологической адаптации перемещенных студентов и преподавателей. Исходя из официальных документов, «беженец» – человек, покинувший пределы своей страны, «вынужденный переселенец» – остался в своей стране, сменив регион проживания. Очевидно, что в данном особенном случае вопрос не только в терминологии, процесс такого кардинального изменения социальной идентичности личности не может быть простым. Пока назовем студентов эвакуированного университета обобщенным понятием «вынужденные мигранты», и, рассматривая особенности их социально-психологической адаптации, считаем важным уделить особое внимание социальной и личностной идентичности.

Логично выделить социокультурную адаптацию как более объективный процесс, отражающий степень вовлеченности в новый социум, а также психологическую адаптацию – чувство удовлетворенности и благополучия человека в месте пребывания. Как показано разными авторами (Е.Е. Бочарова, В.В. Гриценко, В.В. Константинов, Н.М. Лебедева, Г.У. Солдатова, А.Н. Татарко и др.) [1, 2, 3], психологическое состояние вынужденных мигрантов характеризуется тревогой, сложностями социальной и личностной идентификации, потерей чувства уверенности. Ситуация переселения является стрессогенной, поскольку причиной ее стали военные действия, и многие мигранты имеют жизненный опыт пребывания на линии фронта.

Эмпирическое исследование в онлайн-формате проведено в январе-марте 2023 года, т.е. в первые месяцы после эвакуации. Приняли участие 49 студентов, среди них 22 мужчины, 27 женщин. Средний возраст 19,6 лет.

Использованы методики: анкета для выявления факторов, влияющих на направленность и интенсивность переживаний; методика выявления характера адаптации личности к новой социокультурной среде Л.В. Янковского; копинг-тест Р. Лазаруса.

По результатам анкетирования основными факторами, влияющими на негативные переживания студентов выявлены: угроза безопасности и жизни, незапланированность выезда; беспокойство за близких, оставшихся в городе; потеря жилья; важных значимых вещей; неопределенность будущего. Более оптимистичную направленность переживаниям студентов придавали: выезд вместе с семьей; позитивное отношение к РФ («возвращаемся домой»); социальная поддержка (наличие родственников и друзей в регионе переселения); четкая организация учебного процесса в университете.

Методика Л.В. Янковского показала преобладание у студентов интерактивного и адаптивного типов, которые характеризуются активными действиями, расширением социальных контактов, планированием своего будущего в новом регионе своего пребывания. Кроме этого, часть студентов относится к конформному и отчужденному типам адаптации, именно эта категория в наибольшей степени нуждается в социальной и психологической поддержке.

Данные подтверждаются анализом доминирующих копинг-стратегий у испытуемых: конструктивные стратегии (самоконтроль, планирование решения проблемы, принятие ответственности, поиск социальной поддержки) свойственны 38,77% респондентов. Также следует отметить 18,36% испытуемых, выбирающих стратегию позитивной переоценки ситуации.

Полученные результаты могут быть положены в основу разработки эффективной программы психологической помощи для данной категории студентов в ситуации вынужденной миграции.

1. Бочарова Е.Е. Адаптационная готовность личности к ситуациям социальных изменений // *Известия Саратовского университета. Новая серия. Акмеология образования. Психология развития*. 2015. Т. 4, № 1 (13). С. 45–51.
2. Константинов В.В. *Социально-психологическая адаптация мигрантов: теория и эмпирические исследования*. М.: Перо, 2018. 236 с.

Современная семья глазами подростков

Подростковый возраст, образ семьи, фокус-группа

В любом социуме, на каждом этапе его развития семья является важной частью социальной системы. Изменение общественных устоев влияют на внутреннее устройство семьи, ролевые модели, выполняемые функции. Институт семьи претерпевает изменения и в настоящий момент: изменение структуры, форм внутрисемейного взаимодействия и др. Зачастую такие изменения приводят частичному или полному невыполнению ее функций.

Изменения семейной системы, изучение проблем семьи предмет исследований как психологов, так и социологов. О.А. Карабанова отмечает ухудшение психологической атмосферы современных семей, рост дисфункциональности и конфликтности, трансформацию традиционно сложившихся ролей [2]. Дальнейшие трансформации семейной системы связаны с представлениями подростков о семье, т.к. именно они будут воплощать эти изменения в жизнь.

Проблема исследования: специфика образа семьи у подростков, включая собственную будущую семью. Для определения образа современной семьи был использован метод исследования – фокус-группа. Исследование является пилотным этапом, для определения актуальных направлений в исследовании семейной системы. В фокус-группе приняли участие 10 человек: юноши и девушки 15-16 лет, ученики общеобразовательной школы, проживающие в мегаполисе. Для обсуждения были сформулированы 4 вопроса. Для обработки полученных ответов был использован метод контент-анализа, используя регистрацию частот проявления тех или иных единиц в тексте [1].

Первый вопрос связан с определением цели создания семьи. Полученные ответы позволяют заключить, что основным мотивом создания семьи является потребность в продолжении рода. Создание семьи, основанное на рождении детей, без эмоциональных и межличностных компонентов, может привести к ее быстрому распаду, так как достигнутая цель, нивелирует потребность в семье.

Второй вопрос направлен на определение типа семейных взаимоотношений, ее структуры. Вопрос рассматривался с точки зрения родительской семьи, возможной собственной семьи в будущем и идеальной семьи. Для большинства собственная семья перенимает особенности структуры и взаимоотношений родительской семьи. У некоторых участников возникает интерес к межпоколенной семье, которая в постоянно меняющемся, не безопасном мире, может оказаться устойчивой опорой в трудные периоды жизни, стать ресурсом в преодолении препятствий, снижении страха одиночества, переживании чувства уверенности и надежности.

Третий вопрос рассматривает семейные правила (в трех направлениях: родительская, собственная и идеальная семья). Преемственность правил родительской семьи сохраняется. Преобладают правила бытового характера (уборка, дела по дому, разделение обязанностей). Менее выражены правила межличностного взаимодействия.

Четвертый вопрос освещал реализацию функций семьи (родительская, собственная и идеальная семья) [3]. В обсуждение не была включена сексуально-эротическая функция, с целью избежать ложных ответов. В собственной семье преобладают воспитательная функция, хозяйственно-бытовая и эмоциональная. Функция духовного (культурного) общения, по мнению участников фокус-группы, является не обязательной для семьи. Функция первичного социального контроля перекладывается на другие институты социализации.

В представлении участников фокус-группы семья основывается на выполнении хозяйственно-бытовых и воспитательных обязанностях. Межличностное взаимодействие снижается. Возможны нереалистичные представления о семье, так как для большинства участников собственная семья в будущем соответствует представлениям об идеальной семье.

1. Дружинин В.Н. Экспериментальная психология. СПб.: Питер, 2000. 320 с.

2. Карабанова О.А. Психология семейных отношений и основы семейного консультирования: Учебное пособие. М.: Гардарики, 2005. 320 с.

3. Эйдемиллер Э.Г., Юстицкис В. Психология и психотерапия семьи. 4-е изд. СПб.: Питер. 2008. 672 с.

Особенности адаптации личности в условиях социальной неопределенности (в контексте кризиса идентичности)

Кризис идентичности личности, адаптация, ценности, социальная неопределенность

Проблема кризиса личности в изменяющемся мире определяется глобальными переменами, происходящими в течение последних трех лет с высокой интенсивностью, и на сегодняшний день является актуальной. Неспособность быстрой адаптации к изменяющимся условиям социального взаимодействия, возникающая на фоне нестабильных мировых общественных процессов. Неоднозначность личностной идентификации на фоне рассогласования индивидуальных и нормативных ценностей. Сложность адаптации и невозможность быстрой интериоризации формирующихся нормативных ценностей. Вынужденная интенсификация социального взаимодействия между людьми разных культур усиливает социальную неопределенность. Специфика мировых процессов ставит личность в условия необходимости надстраивать систему личностных ценностей с актуальной ситуацией ценностных сдвигов.

Методологическую основу исследования составили идеи опосредованной активности Л.С. Выготского, принцип детерминизма С.Л. Рубинштейна, общепсихологической теории деятельности А.Н. Леонтьева, теории личности И.С. Кона. Гипотеза: у лиц с высоким уровнем принятия себя и других, адаптация к условиям социальной неопределенности будет выше, чем у лиц с низким уровнем принятия себя и высоким уровнем стремления ухода от проблем.

Для получения результатов были использованы следующие методики исследования: методика Т.Элсера «Мотивация избегания неудач», методика К. Роджерса и Р. Даймонда «Диагностика социально-психологической адаптации личности», опросник В. Шутца «Опросник межличностных отношений» (FIRO-B). Статистическая обработка и анализ полученных результатов проводилась с использованием программы Statistica, применялись методы корреляционного анализа, кластерного анализа, факторного анализа.

По результатам кластерного анализа в группу исследуемых были отобраны 102 человека, из них 51 – лица с высоким уровнем принятия себя и принятия других, и 51 – лица с низким уровнем принятия себя и других. 58 % составили граждане мужского пола, 42 % – женского пола. Выявление гендерных особенностей в рамках данного исследования не проводилось.

Исследование показало следующие результаты: лица с высоким уровнем принятия себя и других, – шкала «принятие других» имеет положительную корреляцию со шкалой «эмоциональный комфорт», отрицательную – со шкалами «уход от проблем» и «контроль (выраженный)» (при $p \leq 0,01$).

Лица с низким уровнем принятия себя, – шкала «доминирование» имеет положительную корреляцию со шкалой «контроль (общий)», отрицательную – со шкалой «эмоциональный комфорт (оптимизм, уравновешенность)» (при $p \leq 0,01$).

Факторный анализ: у лиц с высоким уровнем принятия себя – «первичная адаптация» – аффект (требуемый), контроль (автономность), адаптированность, «социальная интеграция» – выраженное поведение, доминирование, принятие других, «адаптация к ситуации неопределенности» – контроль (общий), включенность, принятие себя.

Факторный анализ: у лиц с низким уровнем принятия себя – «первичная адаптация» – требуемое поведение, включенность, уход от проблем, «социализация в условиях неопределенности» – включение, принятие других, эмоциональный комфорт (оптимизм уравновешенность), «субъективное восприятие ситуации неопределенности» – мотивация избегания неудач, контроль, уход от проблем.

В условиях данного исследования гипотеза подтверждена, действительно, уровень адаптированности к ситуации социальной неопределенности зависит от уровня принятия себя и других. Чем выше уровень принятия себя и других, тем успешнее адаптация к условиям неопределенности. При низком уровне принятия себя и других процесс адаптации к условиям неопределенности сопровождается стремлением ухода от проблем.

1. Кон И.С. В поисках себя. Личность и её самосознание. М.: Политиздат, 1984. 336 с.

Социальный капитал поколений: реализация в организации

Социальный капитал, поколения, организация

В современных экономических условиях на рабочем месте активно взаимодействуют представители различных поколенческих групп. Соответственно, работодателям нужны социально-психологические инструменты по социализации сотрудников, взросление которых проходило под воздействием определенных культурно-исторических событий. В этом ключе целесообразно обратиться к теории социального капитала, основанной на качестве социальных связей и доверии между людьми [3], и ответить на следующий исследовательский вопрос: как реализуется социальный капитал в организации в связи с социально-психологическими различиями поколенческих групп?

Поколение – это большая группа, сформированная в конкретный историко-экономический период [4] и обладающая набором ценностно-смысловых детерминант поведения, по которым, можно оценивать предрасположенность людей вести себя определенным образом при взаимодействии друг с другом [1]. Каждое поколение имеет социальные представления, модели коммуникации и убеждения, сформированные в процессе социализации (взросления) индивида под влиянием сложившихся экономических и культурно-исторических событий [5]. Кроме того, в организации каждая такая группа имеет доступ к определенным ресурсам.

В этом ключе социально-психологические инструменты по социализации сотрудников могут быть сформированы с учетом концепции организационного социального капитала поколений (ОСКП). В основе этого феномена лежит «совокупность коммуникативных связей и ресурсов, которые создают основу для коллективных действий в организации и формируются группой людей, родившихся в определенный период времени, с ценностными ориентациями, выработанными в процессе социализации под влиянием одинаковых исторических, политических и экономических событий» [2, с. 47]. Создание и поддержание широкого круга социальных связей с представителями разных поколенческих групп будет выражаться в организационной и личной эффективности сотрудника, а также приведет к преемственности между поколениями.

Мы предлагаем рассматривать реализацию ОСКП в двух аспектах – оценочной и поведенческой объективации. Оценочная объективация может быть измерена через приверженность, вовлеченность и удовлетворенность работой и/или организационной средой, которые выражаются в психологическом благополучии сотрудника. Поведенческая объективация ориентирована на анализ качественных и количественных результатов деятельности, которые выражаются в карьерном успехе, инновационной активности персонала, а также намерении остаться в организации. При этом как оценочная, так и поведенческая объективация должны рассматриваться в тесном взаимодействии с личностными ресурсами, способствующими накоплению ОСКП, и организационными факторами, ведущими к его консолидации. В совокупности эти аспекты будут ориентированы на повышение привлекательности организации, привлечению и удержанию более эффективных сотрудников за счет позитивного бренда работодателя и, как следствие, сокращению издержек на подбор персонала.

1. Волкова Н.В., Чикер В.А., Почебут Л.Г. Различия поколений в консолидации социального капитала: организационный и субкультурный аспекты // *Социальная психология и общество*. 2019. Т. 10. № 2. С. 127–145.
2. Волкова Н.В. Социально-психологические факторы накопления организационного социального капитала поколений // *Человеческий фактор: Социальный психолог*. 2023. № 1(45). С. 45–51.
3. Коулман Д. Капитал социальный и человеческий // *Общественные науки и современность*. 2001. № 3. С. 122-139.
4. Мангейм К. Очерки социологии знания: Проблема поколений – состоятельность – экономические амбиции / Перевод Додина Е.Я.; Отв. редактор Скворцов Л.В. М.: Изд-во ИНИОН РАН, 2000. 164 с.
5. Lyons S., Kuron L. Generational differences in the workplace // *Journal of Organizational Behavior*. 2014. № S1 (35). P. S139-S157.

Исследование выполнено при финансовой поддержке РНФ (проект № 23-18-00830).

Воронцова А.В. Ростов-на-Дону, МАОУ «Школа №60»
Тельнова О.В. Ростов-на-Дону, ФГАОУ ВО "ЮФУ"
Агальцова А.А. Ростов-на-Дону, МАОУ «Школа № 60»
Еремина А.А. Ростов-на-Дону, МАОУ «Школа № 60»

Гендерный фактор выраженности прокрастинации у современного человека

Прокрастинация, мужчины, женщины, гендерные ожидания

Введение. Прокрастинация в последние годы является одной из наиболее изучаемых психологических проблем. В настоящий момент недостаточно изученными остаются гендерные аспекты прокрастинации, а также выявление ее положительных аспектов. Исследования, посвященные выявлению гендерных различий выраженности прокрастинации [3], не обнаруживают статистически достоверных различий, при этом фиксируют, что высокий уровень выраженности прокрастинации значительно более распространен в женских выборках. Также положительные аспекты прокрастинации выделены только в работах современных философов [2]. Целью работы было выявить выраженность прокрастинации у мужчин и женщин и ее связь с базовыми социально-психологическими потребностями.

Методы: 1) методика «Шкала общей прокрастинации» К. Лэй, адаптированная О.С. Виндекер, М.В. Останиной; 2) опросник межличностных отношений ОМО В. Шутца, адаптированный А.А. Рукавишниковым; 3) анкета «Положительные следствия прокрастинации». Выборка исследования: 125 человек от 15 до 76 лет (95 женщин и 30 мужчин). Методы обработки: критерий Манна-Уитни, корреляционный анализ Спирмена, описательные статистики, контент-анализ высказываний.

Результаты: 1) уровень прокрастинации зависит от пола испытуемых, наибольшая выраженность прокрастинации наблюдается в подгруппе женщин, у мужчин выявлен значительно более низкий уровень выраженности прокрастинации ($Z=-1,920$, $p=0,05$, ср. ранг 1 гр.=51,93, ср. ранг 2 гр.=66,49). Также доля высокого и очень высокого уровня прокрастинации преобладает в подгруппе женщин (26,4 %), у мужчин аналогичный показатель составляет всего 10 %. 2) Обнаружен личностный фактор прокрастинации в различных гендерных группах – это потребность во включении в подгруппе мужчин и потребность в зависимости – в подгруппе женщин. Наибольшей прокрастинации подвержены мужчины, которые имеют низкую потребность во включении со стороны других людей (избегают социальных контактов); женщины с высокой потребностью в контроле со стороны других людей (в зависимости). 3) Около 40 % мужчин и женщин выделяют 7 положительных последствий прокрастинации: «Дело могут отменить / его сделает кто-то другой / может оказаться ненужным»; «Время сосредоточится и принять более верное решение»; «Я подумаю об этом завтра»; «Дедлайн мотивирует и будит креативность»; «Получение навыка делать качественно и быстро»; «Экономия времени на наиболее важные дела»; «Приоритизация», пять из которых общие для обеих групп и только два следствия относятся к разным выборкам: «Я подумаю об этом завтра» (для женщин); «Экономия времени на наиболее важные дела» (для мужчин).

Обсуждение. В основе обнаруженных гендерных различий в выраженности прокрастинации, на наш взгляд, лежат традиционные взгляды на семью и гендерные ожидания. Женщинам обществом предписано заботиться о детях, муже, семье в целом, пожилых родственниках, при этом современная женщина также еще работает и учится одновременно, испытывая «ролевой конфликт работающей женщины» (Клецина, Иоффе, 2019, с. 76). Это сказывается на том, что женщины, в силу большого объема обязанностей и задач, откладывают какой-то перечень дел, и при этом испытывают вину по отношению к невыполнению ими всего объема возложенных на них обязанностей. Обнаруженные нами различия в описании положительных следствий прокрастинации также, на наш взгляд, является отражением гендерных стереотипов и ожиданий: для женщин это «я подумаю об этом завтра» – как способ снять беспокойство и уменьшить стресс на некоторое время; для мужчин – это «экономия времени на наиболее важные дела».

1. Клецина И.С., Иоффе Е.В. *Нормы женского поведения: традиционная и современная модели // Женщина в российском обществе. 2019. № 3. С. 72–90.*
2. Талеб Н.Н. *Антихрупкость: как извлечь выгоду из хаоса. М.: КоЛибри, Азбука-Аттикус, 2015. 762 с.*
3. Тангаров М.Э., Макарова А.П. *Гендерные особенности проявления прокрастинации // Журнал Международный студенческий научный вестник. 2015. № 5 (ч. 2). С. 203–204.*

Влияние возраста субъекта восприятия на конструирование воспринимаемого возраста

Возраст, восприятие возраста, фактор субъекта восприятия

Введение. Для изучения воспринимаемого возраста незнакомого человека, который трактуется как возраст, приписанный ему воспринимающим субъектом в процессе восприятия его внешнего облика [2], обычно используется экспонирование фотографий этого человека другим людям – не-экспертам в количестве не меньше, чем 10 человек и вычисление среднего арифметического приписанного возраста, который и является собственно воспринимаемым возрастом оцениваемого человека. Учитывая социально-психологическую природу феномена воспринимаемого возраста, на процесс его конструирования влияет как объект, так и субъект восприятия. Перспективной задачей является выявление влияния гендерно-возрастных, психологических и социально-психологических характеристик субъекта восприятия на приписывание им возраста незнакомому человеку. Решение данной задачи позволило бы более четко формулировать требования к выборкам «оценщиков» для процедур изучения воспринимаемого возраста, а также способствовало бы разработке эмпирической модели конструирования воспринимаемого возраста. В данной статье нами представлено решение одного из аспектов заявленной проблемы, а именно – выявление влияния возраста субъекта восприятия на конструирование воспринимаемого возраста молодых и зрелых женщин и мужчин. Исследование выполнено в опоре на методологию отечественной психологии социального познания Г.М. Андреевой, А.А. Бодалева; социально-психологический подход к внешнему облику В.А. Лабунской; коммуникативного подхода к исследованию когнитивных процессов в общении В.А. Барабанщикова.

Методы: процедура «Фотовидеопрезентации внешнего облика» Т.А. Воронцовой [1]. Из комплекта фотографий № 1 были использованы по две фотографии (портрет и рост) двух моделей-женщин (22 и 58 лет) и двух моделей-мужчин (23 и 58 лет). Модели были выбраны так, чтобы их возраст был максимально приближен к возрасту субъектов восприятия и максимально отдален. Возраст моделей соответствовал возрастным этапам «молодость» (21-35) и «зрелость» (36-60) возрастной периодизации Д. Б. Эльконина (Эльконин, 1971). Предъявление фотографий для оценки возраста происходило в строго контролируемой обстановке, фотографии экспонировались на экране компьютера в процессе использования технологии eye-tracking. К полученным данным были применены критерий Манна-Уитни.

Выборка исследования: 127 женщин в возрасте 17-35 человек. Выборка была разделена на подгруппы «юные» (17-21 год, $M_{возр.}=19,68$) и «молодые» (22-35 лет, $M_{возр.}=24,12$) в соответствии с возрастной периодизацией Д. Б. Эльконина.

Результаты: на первом этапе был проведен сравнительный анализ приписываемого возраста каждой модели по подгруппам юные / молодые оценщики; подсчитано расхождение реального возраста модели и ее воспринимаемого возраста и также проведено сравнение этого показателя в подгруппах юные / молодые по критерию Манна-Уитни. Его применение не показало значимых различий в приписывании возраста моделям в подгруппах оценщиков в возрасте 17-21 и 22-35 лет. На втором этапе исследования будет проведен сравнительный анализ времени принятия решения о возрасте незнакомого человека и траекторий движения глаз субъектов восприятия.

Обсуждение и выводы: в работе показано, что принадлежность к близким возрастным группам (юные / молодые) не оказывает влияния на конструирование возраста незнакомых других, даже если их возраст максимально отдален от возраста субъекта восприятия. Результаты получены на женской выборке и нуждаются в сравнении с аналогичными данными на мужской выборке, а также с данными, полученными на выборке субъектов восприятия старших возрастных групп.

1. *Социальная психология внешнего облика: теоретические подходы и эмпирические исследования. Коллективная монография / Под научной редакцией В.А. Лабунской, Г.В. Серикова, Т.А. Шкурко. Ростов-на-Дону: Издательство Мини-Тайп, 2019. 456 с.*
2. *Шкурко Т.А., Лабунская В.А. Почему мы выглядим моложе или старше своих лет: поиск психологических детерминант // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия Философия. Психология. Педагогика. 2018, Т. 18, № 4, с. 450–457.*

Исследование выполнено при финансовой поддержке РФ (проект № 22-28-01763).

Личностные особенности и специфика поведения в сексуальных отношениях у студентов

Личностные характеристики, сексуальные отношения, сексуальность

Последствия сексуальной революции конца XX в. и рассмотрение в отечественной психологии связи личностных характеристик с сексуальностью часто в ракурсе супружеской совместимости обуславливают актуальность исследования, целью которого является выявление взаимосвязи личностных характеристик с особенностями сексуальных отношений у студентов.

Выборку составили 56 девушек и 52 юноши в возрасте от 18 до 24 лет, с опытом сексуальных отношений, не состоящие в браке. Были использованы методики: «Психодиагностический тест» В.М. Мельникова, Л.Т. Ямпольского [2], «Опросник установок к сексу» Г. Айзенка [1].

Диагностика респондентов отразила благоприятные личностные характеристики и сексуальные установки в поведении студентов. Расчет U-критерия Манна-Уитни показал значимые половые различия. Так девушки более невротичны, фемининны, чаще проявляют психическую неуравновешенность. В сексуальной сфере юноши менее реализованы и не удовлетворены, более тревожны и возбудимы при более высоком уровне сексуального влечения и ориентации на физический компонент отношений, а девушки более сексуально агрессивны.

Расчет коэффициента ранговой корреляции Спирмена в женской группе выявил следующие корреляции ($p \leq 0,01$): 1) невротизм – сексуальная невротичность ($r=0,384$), сексуальная застенчивость ($r=0,417$), агрессивный секс ($r=0,449$); 2) психотизм – агрессивный секс ($r=0,351$); 3) совестливость – либидо ($r=-0,345$), маскулинность-фемининность ($r=-0,357$); 4) расторможенность – дозволенность ($r=0,417$), либидо ($r=0,343$); 5) робость – реализованность ($r=-0,361$), сексуальная застенчивость ($r=0,403$); 6) общительность – сексуальная застенчивость ($r=-0,402$); 7) эстетическая впечатлительность – дозволенность ($r=0,403$), обезличенный секс ($r=0,386$), отвращение к сексу ($r=0,350$), либидо ($r=0,374$), маскулинность-фемининность ($r=0,393$); 8) психическая неуравновешенность – реализованность ($r=-0,371$), сексуальная невротичность ($r=0,401$), агрессивный секс ($r=0,373$), сексуальная удовлетворенность ($r=-0,392$); 9) асоциальность – обезличенный секс ($r=0,371$), либидо ($r=0,353$); 10) интроверсия – реализованность ($r=-0,388$), сексуальная застенчивость ($r=0,376$).

В мужской группе проявились следующие связи ($p \leq 0,01$): 1) невротизм – сексуальная невротичность ($r=0,371$), сексуальная удовлетворенность ($r=0,388$); 2) психотизм – сексуальная невротичность ($r=0,416$), обезличенный секс ($r=0,401$); 3) депрессия – сексуальная невротичность ($r=0,389$), обезличенный секс ($r=0,450$), либидо ($r=0,397$), маскулинность-фемининность ($r=0,411$); 4) расторможенность – дозволенность ($r=0,375$); 5) общая активность – либидо ($r=0,376$); 6) робость – реализованность ($r=0,383$), обезличенный секс ($r=0,361$), сексуальная застенчивость ($r=0,497$), сексуальная удовлетворенность ($r=-0,389$); 7) психическая неуравновешенность – сексуальная невротичность ($r=0,396$), сексуальная застенчивость ($r=0,374$), сексуальная удовлетворенность ($r=-0,425$); 8) асоциальность – дозволенность ($r=0,379$); 9) интроверсии – реализованность ($r=-0,388$), сексуальная застенчивость ($r=0,453$), сексуальная удовлетворенность ($r=-0,335$).

В обеих группах показатели психической неустойчивости, низкой социальной приспособленности и низкой социальной контактности связаны с неблагоприятными сексуальными установками в поведении и нереализованностью в сексуальной сфере, что подтверждает связь личностных характеристик с особенностями сексуальных отношений у студентов. Особенности личности выступают маркерами сексуального поведения, отражая потенциальные возможности человека и условия формирования интимных отношений. Полученные результаты позволяют разработать новые методы диагностики сексуальной сферы и ее коррекции посредством развития личностных качеств.

1. Айзенк Г., Вильсон Г. Как измерить личность. М.: Когито-центр, 2000. 281 с.

2. Мельников В.М., Ямпольский Л.Т. Введение в экспериментальную психологию личности. М.: Просвещение, 1985. 319 с.

Особенности социального поведения подростков в процессе социализации

Социальное поведение, референтная группа, подростки, социальные нормы

Актуальность исследования продиктована тем, что социальное поведение подростков в современном информационном мире происходит как в реальном, так и виртуальном векторе взаимодействия и имеет свои особенности. Методологическая база исследования: работы Е.П. Белинской, Хьюстон, Штребе, Клейбера и Стефансона.

Социализация подростка тесно связана с процессом становления его социального поведения. Социальное поведение – это взаимодействие между индивидами в обществе, проявляющееся в их поступках и отношениях [4]. Люди взаимодействуют друг с другом, чтобы достичь определенных целей или удовлетворить внутреннюю мотивацию. Таким образом, социальное поведение всегда является целенаправленным, при этом цели разного уровня задают разные типы поведенческих реакций [1].

Для осуществления социального поведения необходимы определенные механизмы его регуляции – действия социальных и психологических факторов, упорядочивающих, организующих и направляющих активность человека в обществе и в различных социальных группах. В подростковом возрасте складываются условия для развития рефлексии, определения своей групповой принадлежности, осознания своей уникальности, формирования временной перспективы и формирующаяся идентичность приводит личные склонности и таланты в соответствие с идентификациями и ролями, данными подростку ранее родителями, сверстниками и обществом [2].

Целью нашего эмпирического исследования стало изучение особенностей социального поведения подростков. Выборка: в исследовании приняло участие 120 человек в возрасте от 14 до 16 лет, обучающихся в общеобразовательных учебных заведениях г. Москвы и Московской области. Методики исследования: анкета «Референтные группы» [3], методика диагностики склонности к преодолению социальных норм и правил (Клейберг Ю.А.), методика изучения нормативных предпочтений в группе, опросник В. Стефансона (изучение представлений о себе).

Так, подростки 14-16 лет в качестве референтной группы выбирают группу сверстников. Однако, в качестве примера в жизни, подростки отдают предпочтение своим родителям. Большинство подростков имеют средний уровень склонности к преодолению социальных норм и правил.

У 75% подростков коммуникативные предпочтения выступают в качестве нормативных. Большинство подростков 14-16 лет в реальной группе сверстников проявляют тенденцию к зависимости, то есть внутреннему стремлению к принятию групповых стандартов и ценностей. Тенденция у 95% подростков к общительности свидетельствует о контактности, стремлении образовать эмоциональные связи как в своей группе, так и за ее пределами. У большинства подростков 14-16 лет присутствует тенденция к избеганию борьбы – стремление уйти от взаимодействия, сохранить нейтралитет в групповых спорах и конфликтах, склонность к компромиссным решениям.

Выводы:

1. Подростки в качестве референтной группы выбирают группу сверстников – платформу на которой строится взаимодействие как реальное, так и виртуальное, присутствует доверие и симпатия. Однако, в качестве жизненного примера подростки выбирают родителей как ведущих трансляторов правил поведения, эталонов и ценностей, что является позитивной тенденцией в современном информационном мире.

2. Социальное поведение подростков в реальной группе характеризуется стремлением к принятию социальных норм и правил с ярко выраженной тенденцией к зависимости, через принятие групповых стандартов и ценностей; эмоциональному общению и избеганию борьбы как склонности к компромиссам в конфликтных ситуациях.

3. Нормативными выступают коммуникативные предпочтения: коммуникативные нормы и правила группы опосредуют весь процесс межличностных отношений подростка.

1. Белинская Е.П., Тихомандрицкая О.А. *Проблемы социализации: история и современность: учеб. пособие. М.: МПСУ; Воронеж: Модэк, 2013.*

2. Гринфельд И.Л. *Динамика процесса формирования социокультурной идентичности в подростковом возрасте: автореф.: дис... канд. психол. наук. М., 2004.*

3. Марцинковская Т.Д. *Идентичность и социализация в современном мире: Сборник методик. М.: МПГУ, 2015.*

Что мотивирует дружбу: возрастные и гендерные различия

Мотивы дружбы, возрастные различия, половые различия

Исключительная значимость дружеских отношений для душевного, психического и физического здоровья отмечается во множестве публикаций. Дружеские связи являются ресурсом личности, особенно востребованным в современных условиях повышенных требований к адаптационным возможностям человека. Тем удивительнее весьма небольшое число эмпирических исследований дружбы, осуществленных за последние десятилетия в нашей стране. Среди перспективных направлений — выявление мотивов установления и поддержания дружеских отношений с учетом индивидуальных и групповых различий.

Цель данной работы — сравнительный анализ мотивов дружбы у лиц разного пола и возраста. Проверялись две гипотезы. Первая: эмоционально-экспрессивный компонент дружбы более значим для женщин, а инструментальный — для мужчин. Вторая: более молодые респонденты выше оценивают дружеские связи как возможность для реализации потребности в поддержке и социальных контактах.

В нашем исследовании приняли участие студенты и преподаватели факультета психологии, всего 101 человек; в том числе 74 (73,3%) женщины и 27 (26,7%) мужчины. В группе 19-25 лет 78 человек (77,2%), 26-45 лет 23 человека (22,8%). Для сбора эмпирических данных мы воспользовались опросником, разработанным в частном университете Республики Кипр. Опросник предназначен для определения мотивации дружбы. Пункты опросника и итоги исследования, проведенного посредством его, представлены в статье [1]. Прямой и обратный перевод пунктов опросника осуществлен с участием профессионального переводчика с психологическим образованием. Опросник включает 41 пункт; степень согласия выражается оценкой по 5-балльной шкале Лейкерта. Для обработки полученных данных использованы первичные статистики и U-критерий Манна-Уитни.

Результаты. При сравнении данных мужчин и женщин обнаружены статистически значимые различия по семи пунктам, причем во всех случаях женщины выше оценивали значимость мотивов, чем мужчины. Мотивы, представленные в шести пунктах из семи, относятся к эмоционально-экспрессивному компоненту дружбы («Чтобы был тот, кто меня поддержит...», «Чтоб было с кем обсудить мои проблемы», «Из-за того, что я восхищаюсь человеком» и др.). Лишь мотив «Чтобы расширить круг общения и повысить шанс найти партнера» является инструментальным. Более высокая значимость инструментальных мотивов в мужской выборке по сравнению с женской не обнаружена. Первая гипотеза получила лишь частичное подтверждение.

Сравнение результатов респондентов разного возраста выявило различие по семи пунктам, причем более молодые участники исследования выше оценивают значимость этих мотивов, чем более старшие. В качестве таких мотивов присутствуют «Чтобы было на кого положиться в трудную минуту», «Чтобы кто-то мне помогал», а также отражающие потребность в социальных контактах («Из-за потребности в товарищеских отношениях» и т.п.). Также для более молодых людей важнее эмоциональный контакт (в опроснике связанный с пунктом «Из-за того, что между нами хорошая "химия"»), чем для старших. Вторая гипотеза получила подтверждение.

Результаты нашего исследования близки к тем, что получены авторами опросника и оригинального исследования. В частности, в нем отмечается, что более молодые участники проявляют более сильную мотивацию заводить друзей для получения поддержки, чем более старшие. Также М.Апостолоу с коллегами показывают: женщины более мотивированы начинать и продолжать дружеские отношения с целью получения поддержки, чем мужчины. Эти же различия обнаружены и нами. При этом авторы опросника обнаружили, что мужчины по сравнению с женщинами более заинтересованы в друзьях для поисков сексуальных партнеров и получения карьерных преимуществ. Это не соответствует результатам нашего исследования. Вероятно, выявленные различия объясняются спецификой выборок.

1. Apostolou M., et al. Why people make friends: The nature of friendship. Pers Relationship. 2020. 1–15.

Психологический анализ литературных персонажей студентами-психологами

Психологический анализ текстов, задачный метод, эмпатия, литературный персонаж

В познании психологии человека приоритетное место принадлежит художественной литературе. Многие выдающиеся психологи были талантливыми читателями. Б. Г. Ананьев, Л. С. Выготский, Е. А. Корсунский, А. М. Левидов, Б. М. Теплов, И. И. Тихомирова и другие, отмечали значимость воздействия на личность произведений художественной литературы. Анализ жизненного материала, представленного в литературном произведении, можно рассматривать как полноценный. Этот подход предложил Б. М. Теплов, исходящий из убеждения, что «художественная литература содержит неисчерпаемые запасы материалов, без которых не может обойтись научная психология...» [3, 306]. Данный метод позволяет психологу исследовать процессы, ускользающие от всех прочих методов нашей науки [1, 8]. На занятиях со студентами-психологами (60 человек) был использован задачный метод. Популярность задачного метода обусловлена тем, что задачи стимулируют творческую активность учащегося. При отборе стимульного материала выдерживались следующие критерии: в отрывке имелась проблемная ситуация, допускался дефицит информации, стимулирующий деятельность воображения. Анализируя причины возникновения описанной в отрывке ситуации, предшествующие и будущие события, студенты вынуждены опираться на свое аналитико-синтетическое мышление, творческое воображение, интуицию, эмпатию и прогностические способности. На занятии каждый студент читал выбранный им отрывок и самостоятельно сформулированные к нему вопросы, а группа оценивала в соответствии с критериями выбора стимульного материала представленный отрывок в целом, а также «творческую энергию» вопросов и возможные варианты ответов на них. Приведу наиболее удачный стимульный материал студента Л., который проанализировал отрывок из романа В. В. Набокова «Дар», предварительно представив краткую аннотацию.

Аннотация: Чердынцев – молодой русский поэт-эмигрант в Берлине, переехал на новую квартиру. Творческому человеку непросто осваивать новое бытовое пространство. Содержание отрывка – борьба обаятельной поэтической лени и отвратительной (с точки зрения героя) бытовой действительности. Данный эпизод романа даёт потрясающий материал для осмысления психологии творческой личности.

«Каждое утро, в начале девятого, один и тот же звук за тонкой стеной, в аршине от его виска, выводил его из дремоты. Это был чистый, круглодонный звон стакана, ставимого обратно на стеклянную полочку; после чего, хозяйская дочка откашливалась. Потом был прерывистый треск вращающегося валика, потом – спуск воды, захлебывающейся, стонущей и вдруг пропадавшей, потом – загадочный внутренний вой ванного крана, превращавшийся наконец в шорох душа. Под эту невнятную утреннюю бурю Федор Константинович опять мирно засыпал...когда он встал и сразу перешел из мира многих занимательных измерений в мир тесный и требовательный, с другим давлением, от которого мгновенно утомилось тело и заболела голова; в мир холодной воды: горячая нынче не шла. Стихотворное похмелье, уныние, грустный зверь...» [2, 166].

В связи с накоплением практического опыта психологического анализа большого количества литературных персонажей различных типов, у студентов-психологов углублялось понимание психологических особенностей различных типов личности. Работа с текстами ставила их в позицию исследователей, вследствие чего активизировалось их читательское воображение, эмоции и чувства, образное и абстрактное мышление и другие психические процессы.

1. Есманская Н.Е. *Художественная литература как источник психологических знаний о человеке*. Воронеж: Изд. дом ВГУ, 2020. 71 с.

2. Набоков В.В. *Дар*. СПб.: Азбука-Аттикус, 2017.

3. Теплов Б.М. *Заметки психолога при чтении художественной литературы*. Избр. труды: в 2 т. М.: Педагогика, 1985.

Предикторы отношения к непрямым формам самоповреждения

Самоповреждение, предикторы, расстройства пищевого поведения, аддиктивные расстройства

Самоповреждающее поведение в психологии — относительно широкое понятие, так как среди авторов нет консенсуса насчет того, как именно определить самоповреждение (селф-харм). Под термином «самоповреждающее поведение» нами будет подразумеваться в виду «отравление, порезы/повреждения и другое неосторожное поведение, где саморазрушение или самоповреждение является намеренным действием» [4]. Непрямые типы самоповреждения, рассматриваемые в данной работе, подразумевают собой причинение себе вреда без «немедленного и осознанного повреждения тканей тела» [1]. Нами исследовалось отношение к людям, практикующим такие непрямые виды самоповреждения, как расстройства пищевого поведения (далее — РПП) и алкогольная/наркотическая зависимости. В результате теоретического обзора мы выделили в качестве возможных предикторов отношения к самоповреждающему поведению атрибуцию ответственности, веру в справедливый мир и самоэффективность [2; 3]. Цель настоящего исследования — изучить роль психологических предикторов (атрибуция ответственности, вера в справедливый мир и самоэффективность) в отношении к людям с разными формами самоповреждающего поведения.

В исследовании приняли участие 422 респондента (50.7% женщин, 49.3% мужчин, Mage = 38.09 лет, SDage = 11.12 лет), 196 из которых заполняли опросник, посвященный отношению к людям с алкогольной зависимостью и РПП, 226 — к людям с наркотической зависимостью. Кроме опросника по стигматизации, респонденты заполняли шкалу веры в справедливый мир, шкалу общей самоэффективности, а также отвечали на вопрос атрибуции ответственности и утверждения относительно эмоций, которые люди были склонны испытывать по отношению к одной из данных групп.

Нами был проведен анализ описательных статистик, корреляционный и регрессионный анализы. На основе регрессионных моделей было получено, что значимыми предикторами стигматизации людей с 1) алкогольной зависимостью выступают вера в справедливый мир, атрибуция ответственности и неприязнь по отношению к данной группе людей, 2) наркотической зависимостью — атрибуция ответственности, злость и симпатия (точнее, ее отсутствие), 3) РПП — только атрибуция ответственности.

Таким образом, основным предиктором отношения к представленным в данной работе видам непрямого самоповреждения — алкогольной/наркотической зависимости и РПП — является атрибуция ответственности за состояние человеку, практикующему данные виды самоповреждения. Полученные результаты можно использовать в программах, направленных на снижение предубеждений по отношению к людям с разными формами самоповреждающего поведения.

1. D'Agostino A., et al. *Direct and indirect self-injury: Is it really all the same?* // *Mediterranean Journal of Clinical Psychology*. 2020. Vol. 8. № 2. P. 1—18.
2. Ebner D.S., Latner J.D., O'Brien K.S. *Just world beliefs, causal beliefs, and acquaintance: Associations with stigma toward eating disorders and obesity* // *Personality and Individual Differences*. 2011. T. 51. P. 618—622.
3. Heidari M., et al. *Investigate the structural model of the relationship between parental psychological control and general self-efficacy with adolescents' high-risk behaviors mediated by emotional self-regulation* // *Journal of Psychological Science*. 2022. T. 21. № 115. P. 1463—1484.
4. Webb L. *Deliberate self-harm in adolescence: a systematic review of psychological and psychosocial factors* // *Journal of Advanced Nursing*. 2002. T. 38. №3. P. 235—244.

Исследование осуществлено в рамках Программы фундаментальных исследований НИУ ВШЭ.

Роль индивидуальных представлений об образе будущего в диагностике асоциального поведения молодежи

Образ будущего, индивидуальные представления о будущем, социально-психологическая диагностика

Образ будущего, как психологический феномен, достоин интереса исследователей, поскольку он имеет важное значение для индивидуального и коллективного поведения.

Образ будущего, как сложное психическое явление, несёт существенную проективную информацию, которая многие десятилетия занимали исследователей различных научных направлений. Например, «отец» когнитивной психотерапии Аарон Бек создал ряд диагностических методик на определение уровня депрессивных состояний, основывающихся именно на отношении испытуемых к своему будущему. Тема образа будущего нередко включается в работах таких исследователей, как Ж. Пиаже, Ж. Лакан, Л.С. Выгодский.

Целью нашего исследования было подтвердить или опровергнуть многолетние дискуссии вокруг представлений об образе будущего: действительно ли они могут являться диагностическим инструментом, например, при диагностике асоциального поведения?

В нашем исследовании приняли участие 564 респондента женского и мужского пола в возрасте от 18 до 23 лет, постоянно проживающие в Санкт-Петербурге.

Исследование проходило с января 2021 года по январь 2022 года по следующим методикам: Шкала безнадежности А. Бека; опросник исследования уровня агрессивности А. Басса и А. Дарки; Авторская вариация проективной методики неоконченных предложений Д. Сакса и С. Леви; авторская анкета социально-психологических представлений об образе будущего у испытуемых; интервьюирование респондентов. Так же оценивалось наличие или отсутствие фактов асоциального поведения.

В результате исследования была выделена шкала оценки образа будущего: где по оси абсцисс была градация образа будущего в соответствии с его эмоциональной окраской: от самого мрачного, до светлого образа будущего. А по оси ординат оценивалась степень реалистичности представляемого образа будущего: от абстрактного до реалистичного. Таким образом, было выделено пять групп образа будущего: светлый реалистичный образ, светлый абстрактный образ, нейтральный реалистичный, мрачный реалистичный образ и мрачный абстрактный образ будущего.

После математической обработки обнаружили статистически значимые корреляции (при $p=0,001$) между образом будущего и ключевыми параметрами других методик исследования.

Так, например, испытуемые с мрачным абстрактным образом будущего в 95% случаев имели либо жалобы на самоповреждающее поведение, либо факты асоциального поведения. И наоборот, среди тех, у кого образ будущего был светлым, баллы по шкале безнадежности были ниже и всего у 5% испытуемых наблюдались проявления различных форм асоциального поведения. Чем "светлее" становился образ будущего по оси абсцисс, тем меньше было жалоб испытуемых на враждебность мира, проблемы в семье, непонимание себя, отсутствие сил и мотивации.

Интересно отметить, что в результате исследования не было найдено существенных корреляций между результатами опросника уровня агрессивности Басса-Дарки, фактами асоциального поведения и образом будущего. Что позволяет нам сделать вывод, что внутреннее субъективное переживание агрессивности не всегда ведет к фактам асоциального поведения или существенно влияет на образ будущего. На эти результаты очень важно опираться исследователям, психологам и педагогам во избежания эффекта стигматизации респондентов.

Таким образом, нами была обнаружена значимая связь между представлениями об образе будущего испытуемых и их поведением, самоощущением, жалобами и поступками. Что позволяет внедрять методики анализа представлений об образе будущего в социально-психологическую диагностику испытуемых для получения более полной и панорамной картины исследований.

1. Абрамова С.Б. Образ будущего в представлениях современных подростков: ожидания и страхи // *Logos et Praxis*. Т. 16, № 3, 2017. С. 97-106.
2. Мантрова И.Н. *Методическое руководство по психофизиологической и психологической диагностике*. Иваново: Нейрософт, 2008. 215 с.

Деловая репутация руководителей на муниципальной службе (гендерный аспект)

Муниципальная служба, руководители, гендер

За последние 10 лет термин «репутация» стал активно использоваться в публичном пространстве и это повлекло рост интереса исследователей из разных научных областей к вопросам формирования и управления репутацией как отдельного человека или организации, так и государств или стран. Стоит отметить, что орган муниципальной власти – это организация, деятельность которой направлена на поддержание уровня жизни граждан региона. Для органа муниципальной власти немаловажным является наличие высокого уровня репутации и среди населения, и внутри самой организации. Если рассматривать репутацию организации, то можно представить ее в виде системы, состоящей из нескольких компонентов. Одним из компонентов является внутрикорпоративная репутация руководящего состава. Современный руководитель, помимо высокого профессионального уровня, должен грамотно и эффективно выстраивать взаимодействие с коллективом, уметь правильно расставлять приоритеты и задачи среди подчиненных, а также адекватно воспринимать критику от коллег и руководителей.

Целью нашего исследования стало изучение социально-психологических характеристик руководителей с разным уровнем репутации внутри организации и в зависимости от гендера. В качестве выборки выступили 238 руководителей различных подразделений Администрации города Тюмени в возрасте от 25 до 60 лет. В качестве методики для исследования репутации была взята разработка компании BSSL под название «Азимут 2.0». По итогам данного исследования все руководители были разделены на три группы по уровню репутации. Для изучения социально-психологических характеристик руководителей был собран комплекс методик, оценивающих мотивационные, интеллектуальные и личностные особенности руководителей. По итогам данного этапа были составлены индивидуальные портреты каждого из участников выборки. Для анализа результатов исследования взаимосвязи различных факторов (гендер, уровень репутации) и выраженности социально-психологических характеристик использовался двухфакторный дисперсионный анализ. В результате статистической обработки данных, нами была выявлена социально-психологическая характеристика «активность», которая значимо отличалась у мужчин и женщин в зависимости от уровня деловой репутации. Показатели выраженности фактора составили $F=5.198$ (при $p=0,006$). У мужчин с высоким уровнем деловой репутации показатель выраженности составил 6,4, у женщин – 4,1 (выраженность измерялась в стенах). То есть для руководителей с высоким уровнем деловой репутации характерна большая энергичность, инициативность и готовность браться за новые дела. Мужчины с большей легкостью и быстротой принимают различные решения, готовы идти на риск и оперативно решать возникшие проблемы. В то время как руководительницы стараются максимально избежать потенциальных опасностей, не торопятся в принятии решений и чувствуют себя более комфортно в стабильных условиях. При этом стоит отметить разную тенденцию в выраженности результатов руководителей и руководительниц. У руководительниц прослеживается тенденция более высоких показателей у представительниц со средним уровнем деловой репутации (5,0). Исходя из этого можно предположить, что при превышении допустимых значений может возникнуть обратный эффект и уровень репутации может опуститься с высокого до среднего уровня. Но эта тенденция не характерна для руководителей. В данном случае представители с высоким уровнем деловой репутации имеют наиболее выраженный показатель.

Таким образом, для повышения своей деловой репутации, как руководительницам, так и руководителям важно обращать внимание на развитие некоторых личностных характеристик. Но основным фактором, который будет способствовать повышению деловой репутации это уровень выраженности данных характеристик. Так как в зависимости от гендера, они имеют разные значения выраженности.

Духовность личности и представление об успехе у юношей и девушек

Духовность, представление об успехе, юношеский возраст

В современном обществе большее значение придают материальному благополучию, а не духовным ценностям. Может ли материальное создать основу счастья и успеха или она в духовности – эти вопросы интересуют исследователей.

Понятие «духовность» рассматривают как показатель субъектности личности, здоровья, связанный с ее развитием, обретением смысла жизни и гармоничностью (В.И. Слободчиков, В.В. Знаков, Д.А. Леонтьев и др.), как высшую системообразующую подструктуру, которая выполняет роль регулятора поведения и деятельности человека, его взаимоотношений с другими людьми [1]. Духовная личность подразумевает систему ценностей, способность человека к самостоятельному мышлению, самоопределению и самореализации. Признание свободы выбора и субъектности фиксируется в представлении о секулярной духовности, когда человек находит смысл в жизни вне привязки к религии [4]. Секулярная духовность связана с самопознанием, гармонией с миром, культурными и эстетическими ценностями, социальными связями [3].

Представление об успехе детерминировано социокультурными факторами: для некоторых успех связан с материальным достатком и статусом, для других с профессиональным и личностным развитием, а для людей, которые придерживаются секулярной духовности, успех может быть определен как баланс между финансовой стабильностью и духовной гармонией. Успех может быть определен как достижение поставленных целей и задач, которые основываются на личностном росте и на духовных ценностях [2].

Рассмотрим представления об успехе у юношей и девушек с разным уровнем духовности.

Выборка включала 40 человек в возрасте до 24 лет.

Применялись опросник «Духовная личность» (Г.В. Ожиганова), а с помощью модифицированного варианта методики незавершенных предложений проводилось изучение представлений об успешности.

С помощью *t*-критерия Стьюдента выявлены различия между юношами и девушками по показателям духовности. Так, у юношей более высокие показатели по шкалам «Самоконтроль», «Надежность и ответственность», «Духовность отношений», «Правдивость и удовлетворенность». Они способны противостоять вызовам судьбы, чаще проявляют стойкость, выдержку, спокойствие в трудных ситуациях. У молодых людей лучше получается держать свое слово, проявлять надежность, брать на себя ответственность. Их отличает стремление к справедливости и жизнестойкости, проявление честности, прямоты, стремления к истине.

С помощью контент-анализа незавершенных предложений выявились элементы представления об успехе: упорство, воля, ум, трудолюбие, деньги, везение.

У респондентов с более высоким уровнем духовности успех – результат труда, проявления умственных способностей, постановки целей, планов, стремления развиваться, познавать новое. Успешный человек для них – творческий, счастливый, целеустремленный, мудрый, трудолюбивый, имеющий любимое дело.

У испытуемых с более низким уровнем духовности реже наблюдаются аналогичные характеристики, но они указывают на значимость для успеха фактора везения, удачи, говорят о материальном благополучии и зависимости от обстоятельств. Для них успешный человек – богатый, сильный, организованный, лидер.

Таким образом, обнаружено, что юноши имеют более высокий уровень духовности. Лица с высоким уровнем духовности характеризуют успех через действия, достижения, усердие. Лица с низким уровнем духовности, ассоциируют успех через везение, удачу, материальные блага.

1. Буравлева Н.А. Понятие «духовность» в современной психологии // *Вестник Томского гос. пед. ун-та*. 2011. № 12 (114). С. 189–193.
2. Караханян Е.В. Социально-философская концепция успеха: автореф. дис....канд. филос. наук по спец. 09.00.11 «Социальная философия». Уфа: Башкирский гос. ун-т, 2009. 18 с.
3. Ожиганова Г.В. Адаптация опросника «Духовная личность» на русскоязычной выборке // *Экспериментальная психология*. 2019. Т. 12. №. 4. С. 160–176.
4. Штумпф С.П. Природа духовности: дис.... доктора филос. наук по спец. 24.00.01 «Теория и история культуры». Иркутск. 2016.

Показатели черт темной триады и отношения к понятию добра и зла у студентов-психологов

Психология добра и зла, темная триада, опросник «понимание добра и зла»

Современный мир меняется. Прежние правила, отношения и устои под давлением социально-политический перипетий приобретают новые очертания. Изменение отношения к таким давним категориям как добро и зло, не исключено, что тоже может меняться. «Впервые в своей истории человек оказался перед необходимостью жить в ситуации, когда радикально меняются принятые в обществе понятия о добре и зле, справедливости, понятия о том, как следует поступать в той или иной ситуации и как следует относиться к тем или иным явлениям» [3, с. 8]. Отношение к понятиям добра и зла, особенно важно у будущих психологов, людей, которые вступают в очень тесный контакт с Другим и имеют трепетный доступ к самой глубинной человеческой сущности. Как отмечает Е.П. Кораблина «становление психолога-консультанта как специалиста состоит в убежденности в общечеловеческих духовных ценностях добра, любви, милосердия, мужества быть оптимистом» [2, с. 15]. В этой связи важно понять, как относятся студенты психологи к добру и злу. Что есть добро? А что есть зло? Каковы их критерии? Чем они отличаются? Как соотносятся? Ответы на эти вопросы могут быть связаны с выраженностью определённых черт характера, и мы предполагаем, что показатели черт темной триады: неклинический нарциссизм, неклиническая психопатия и макиавеллизм [1] влияют на отношение к добру и злу.

Цель исследования: анализ выраженности показателей черт темной триады и отношение к понятию добра и зла, у студентов психологов. Гипотеза: оценка понятия зла по критерию «сила» будет выше у респондентов с высокими показателями черт темной триады.

Методы исследования: 1) Семантический дифференциал (СД). Использовались 25 пар прилагательных выражающих противоположные качества. Сначала предлагалось оценить «добро», а затем так же «зло». Результат выводился по трём шкалам: оценка, сила, активность. 2) Опросник «Темной триады» (SD3). «Темная триада» объединяет три психологические черты – макиавеллизм, нарциссизм и психопатию. Идея рассматривать макиавеллизм, неклинический нарциссизм и неклиническую психопатию как единый комплекс, оказывающий влияние на формирование Я-концепции, динамику межличностных отношений и карьерную успешность, принадлежит канадским исследователям Д. Полхусу и К. Уильямсу [4]. 3) Авторский опросник «Понимание добра и зла». Опросник состоит из 31 вопроса, 21 из которых являются открытыми и требуют развернутого ответа, а 10 вопросов закрытых, с перечнем вариантов ответа. Пример открытого вопроса: «Выразите зло, одним термином (это может быть черта характера, симптом, качество, понятие) из области психологии». Пример закрытого вопроса: «Как связано добро и зло в человеке?» А) Чем больше добра, тем меньше зла; Б) Чем больше добра, тем больше зла; В) Они не связаны друг с другом.

Организация исследования: в Google Форме был создан авторский опросник «понимание добра и зла» и короткий опросник «Темной триады». В исследование планируется опросить 50 студентов факультета психологии СПбГУ, 1 и 2 курса бакалавриата. Все респонденты принимают участие в исследовании на добровольной основе. Опрос является анонимным.

После набора данных у 50-ти респондентов предполагается следующее:

1. Провести контент анализ определения добра и зла у студентов психологов для определения наиболее часто встречаемого определения понятий «добро» и «зло»
2. Выявление отношения студентов к взаимосвязи добра и зла: прямая или обратная взаимосвязь.
3. Анализ выраженности показателей черт темной триады у студентов психологов
4. Учет полученных данных в ракурсе возрастного периода (с дальнейшими планами по исследованию понимания добра и зла в различных возрастных группах)

1. Егорова М.С., Ситникова М.А. Темная триада // Психологические исследования. 2014. Т. 7. № 38. С. 12.
2. Кораблина Е.П. Этюды о профессии психолог-консультант: ценностно-смысловой подход. Монография. Изд. 2-е перераб. и дополн. Sillamae: Balti Rakendus Logoterapia Insyituut, 2020. 220 с.
3. Мироненко И.А. Биосоциальная проблема и становление глобальной психологии. М.: Изд-во "Институт психологии РАН", 2019. 406 с.

Деонтологические качества личности в контексте теории социальных поколений

Деонтологические качества, морально-нравственные качества, теория поколений

Теория социальных поколений Н. Хоува и В. Штрауса, основывающаяся на уникальности характеристик и особенностей мировоззрения людей одной возрастной группы, характеризующихся ценностями, убеждениями, сформированными в определенных исторических условиях, в России имеет свои особенности. Существует бытовое мнение, что современная молодежь очень сильно отличается от старших поколений по уровню развития морально-нравственных качеств, так как кардинально различаются события, под влиянием которых формировались основные ценности. Так у «Бумеров» (1943-1963) основные исторические вехи – покорение космоса, СССР – супердержава, гарантии и стандарты образования. На поколение «Икс» (1963-1983) повлияли перестройка, война в Афганистане, распространение наркотиков и СПИДа. Ценности «Миллениалов» (1983-2003) закладывались в эпоху терактов и конфликтов, развития технологий и брендов. Для эпохи «Зумеров» (2003-2023) характерны цифровизация общества, развитие биомедицины, робототехники [1]. Различие в развитии морально-нравственных качеств разных поколений выступило в качестве гипотезы и стало отправной точкой исследования.

В работе использовалась авторская психодиагностическая методика «Деонтологический профиль личности» (Е.А. Коноплева, С.В. Ларионова) [2]. Сбор данных осуществлялся с использованием онлайн-инструмента «Google-Формы». Эмпирическая база исследования представлена респондентами в возрасте 18-77 лет, имеющими разные уровни образования, представляющими различные социальные группы, что полностью соответствует цели исследования. Объем выборки – 171 человек.

Корреляционный анализ, проведенный с использованием коэффициента ранговой корреляции Спирмена выявил взаимосвязи между возрастом респондентов и шкалами методики «Деонтологический профиль личности»: «Коммуникативные качества» ($r=-0,154$; $p\leq 0,05$), «Морально-деловые и морально-экономические качества» ($r=0,157$; $p\leq 0,05$), «Морально-прагматические качества» ($r=0,155$; $p\leq 0,05$). Учитывая уровень значимости и силу связи, можно отметить, что указанные корреляции незначительные и могут не приниматься во внимание. Проведение попарного сравнительного анализа групп (Mann-Whitney U test) показало отсутствие различий в базовых морально-нравственных качествах. Статистически достоверные различия ($p\leq 0,01$) получены между «Миллениалами» и «Зуммерами» по итоговому показателю «Деонтологический профиль личности», интегральному показателю «Формируемые качества» и составляющим его шкалам «Особенности морального регулирования», «Идейно-нравственные и морально-политические качества», «Морально-деловые и морально-экономические качества», «Морально-прагматические качества». Данные респонденты в возрасте от 18 до 40 лет представляют более активную часть населения, наиболее задействованную в социальной жизни общества.

Таким образом, проверяемая гипотеза подтвердилась частично. Выявленное отсутствие различий в базовых, атрибутивных качествах личности позволяет отметить, что морально нравственные качества, представляющие основу нравственности общества, у разных поколений не отличаются. Различия в формируемых качествах, имеющих нейтральную окраску, но под воздействием определенных социальных связей, в определенном социальном контексте приобретающих морально-нравственное значение, присущи только более молодому поколению и связаны с социальной ситуацией, воспитательным и морально-психологическим воздействием.

1. Зайцева Н.А. Теория поколений: мы разные или одинаковые? // *Российские регионы: взгляд в будущее*. 2015. №2 (3). С. 220–236.
2. Коноплева Е.А., Ларионова С.В. *Деонтологический профиль личности. Методическое руководство*. Екатеринбург: Екатеринбургский дом учителя, 2022. 53 с.

Гендерные различия социального капитала в организации

Социальный капитал, гендерные различия, организация

Социальный капитал – относительно новое понятие в психологии, которое, однако, широко изучается в разных аспектах за последние несколько десятилетий. Социальным капиталом называют ресурсы, которые индивид или группа получают через обладание различными социальными связями [3]. В этой статье рассматриваются гендерные различия в доступе к социальному капиталу в организации.

Китайские исследователи изучали, как гендерные роли предпринимателей связаны с их доступом к социальному капиталу и вероятностью получить внешнее финансирование, например, заем в банке. Они выяснили, что женщины больше опираются на социальный капитал, связанный с семьей, но им не хватает связей в бизнес среде, в отличие от мужчин. Оказалось, что гендерные роли связаны с уровнем социального капитала. Так, женщины, ведущие себя более маскулинно или андрогинно, обладают более высоким социальным капиталом в бизнес сфере, чем женщины, придерживающиеся более феминной социальной роли [5].

Социологическое исследование социального капитала и финансового благополучия было проведено в Великобритании. Ученые изучали связь социального капитала и разницу в заработной плате мужчин и женщин. Выяснилось, что мужчины обладают более высоким уровнем социального капитала, поскольку обладают большим количеством ресурсов и социальных связей. Дефицит капитала у женщин по сравнению с мужчинами объясняет значительную долю гендерного разрыва в заработной плате. Этот дефицит капитала в подавляющем большинстве обусловлен гендерными различиями в количестве мужчин среди близких друзей [4].

Необходимо обратить внимания на гендерные различия в России в организации и построении карьеры. С.Д. Гуриева выяснила, что в карьерной сфере женщины обладают меньшим доступом к социальным ресурсам, что мешает успешному продвижению. Женщины также подвержены таким дискриминационным эффектам, как «липкий пол», «стеклянный потолок», «стеклянные стены» и т.п., которые препятствуют карьерному росту и доступу к социальному капиталу [1].

Еще одно различие было замечено Л.Г. Почебут, И.В. Кузнецовой и В.А. Чикер в исследовании группового социального капитала организации. Они обнаружили, что мужчины оценивают нормативный компонент социального капитала выше, чем женщины [2].

Из рассмотренных статей мы можем сделать вывод, что существует тенденция разрыва в социальном капитале среди мужчин и женщин, которое оказывает влияние на доступ к социальным и финансовым ресурсам. Гендерные различия проявляются в том, что мужчины обладают большим доступом к социальному капиталу в организационной среде, в отличие от женщин.

1. Гуриева С.Д., и др. Социально-психологический феномен гендерного неравенства // *Социальная психология. Традиции и современность*. 2020. С. 211–223.
2. Почебут Л.Г., Кузнецова И.В., Чикер В.А. Социальный капитал организации в условиях эпидемии COVID-19 // *Институт психологии РАН. Социальная и экономическая психология*. 2020. Т. 5. № 2. С. 221–244.
3. Свенцицкий А.Л., и др. Социальный капитал и его формирование: социально-психологический подход // *Вестник Санкт-Петербургского университета. Социология*. 2009. № 3–2. С. 140–148
4. Collischon M., Eberl A. Social capital as a partial explanation for gender wage gaps // *The British Journal of Sociology*. 2021. Vol. 72. № 3. P. 757–773.
5. Wang X., et al. Female entrepreneurs' gender roles, social capital and willingness to choose external financing // *Asian Business & Management*. 2020. P. 1–26.

Исследование выполнено при финансовой поддержке РНФ (проект № 23-27-00107).

Особенности переживания возрастного кризиса интеллектуально одаренными подростками

Подростковый возрастной кризис, интеллектуальная одаренность, эмансипация, идентичность

В вопросе определения границ подросткового возраста существуют множественность точек зрения, что подтверждает сложность психологических задач, которые должен решить молодой человек в этот период (эмансипация, новый виток социализации, выбор профессии, обретение взрослой сексуальности, поиск самоидентичности). Гетерохронность развития побуждает рассматривать подростковый период в довольно широком возрастном диапазоне. В связи со сложностью решаемых задач подростки отличаются повышенной остротой реакции на происходящее, неустойчивостью поведения, что делает их психологически уязвимыми. Е.П. Ильин (2001) отмечает предрасположенность к отрицательным эмоциям и рассогласованность в мотивационной сфере, тревожность и чувство изолированности.

На характер протекания возрастного кризиса подростков влияет множество биологических, социальных, психологических факторов. В том числе и уровень интеллекта.

Исследования подтверждают, что одаренные подростки от своих сверстников отличаются не только по уровню достижений и скорости овладения знаниями, но и по характеру протекания подросткового кризиса. Программа АНО «Одаренная молодежь» (в дальнейшем «Программа») являясь социальным проектом, приглашает к сотрудничеству подростков 14 лет с показателями интеллекта выше 120 и высокими показателями по креативности (тест Торренса). Участниками программы становятся 100 человек, ежегодно которым предлагается развивающие и образовательные курсы, консультационная поддержка. Результаты психологического и консультационного сопровождения подтверждают следующие выводы исследователей одаренности:

1. А.А. Рысева (2008) отмечает, что самооценка высокоинтеллектуальных людей зачастую противоречива и неустойчива. Это связано, с одной стороны, с высоким темпом познания, с другой, неудача приводит к ситуативному падению самооценки.

2. У одаренных подростков, могут возникать сложности в построении личностно-значимых отношений со сверстниками и другими людьми. Их интеллектуальные запросы часто кажутся сверстникам чуждыми, а участниками Программы интересы сверстников воспринимаются как «слишком простые».

3. Источником переживаний подростка является также несоответствие между их возможностями и возросшими потребностями (Эйдемиллер Э.Г., Добряков И.В., Никольская И.М., 2006). Для одаренных подростков характерен перфекционизм, высокие ожидания от себя, что обостряет переживания неудач.

4. Для подростков характерна острота процесса эмансипации или, напротив, чрезмерное послушание и зависимость от старших (Прихожан А.М., 1997). У участников Программы АНО «Одаренная молодежь» мы видим большую выраженность общей реакции эмансипации, протест против правил и норм (Лебедева Е.И. Бабурин Б.В., 2016).

5. Интеллектуально одаренных подростков отличает яркая мотивация развития. (Д.Б. Богоявленская, В.Д. Шадриков, 2003), Отсутствие поддержки в этом стремлении вызывает негативные переживания.

6. В процессе формирования идентичности (тест Берзонски) для одаренных подростков не характерно следование готовым решениям. Они склонны откладывать решения (Лебедева Е.И. Бабурин Б.В., 2016), сомневаться в своих действиях и успехе больше, чем их сверстники. Сомнения характерны для участников программы «Одаренная молодежь».

7. Так как подростки с высоким интеллектом видят больше вариантов развития событий, для них характерна неуверенность в позитивном будущем.

8. Достижение относительно взрослого уровня самоидентичности в завершении подросткового кризиса возможно при развитой саморефлексии, глубоком самоисследовании своих личностных качеств и ценностей. Для интеллектуально одаренных подростков характерна многовариантность видения будущего и более длительный поиск самоидентичности.

9. Пик переживания подросткового кризиса у интеллектуально одаренных подростков наступает на 1, – 1,5 позже, чем у сверстников, но может проходить в более острых формах. Возможно, высокий уровень интеллекта, позволяет более длительное время справляться с вызовами подросткового возраста.

1. *Рабочая концепция одаренности. 2-е изд., расш. и перераб. / Под ред Д.Б. Богоявленской, В.Д. Шадрикова. М., 2003. 90 с.*

2. *Рысева А.А. Особенности и развитие самоотношения интеллектуально одаренных подростков. дис... канд. псих. наук: 19.00.07 / Рысева А.А.; Иркут. гос. пед. ун-т, Иркутск, 2008. 252 с.*

3. *Эйдемиллер Э.Г., Добряков И.В., Никольская И.М. Семейный диагноз и семейная психотерапия. Учеб. пособ. для врачей и психологов. Изд. 2-е, испр. и доп. СПб.: Речь, 2006, 352 с.*

Гражданская активность лиц пенсионного возраста

Социальная эксклюзия, гражданская активность, социальные потребности, адаптивный способ переживания старости

Согласно данным Федеральной службы государственной статистики, в России доля населения в возрасте старше трудоспособного (мужчины в возрасте 62 года и старше, женщины 57 лет и старше) составляет 24,1%. Что составляет четверть населения России. Кроме того, доля лиц пенсионного возраста будет увеличиваться, и эта тенденция характерна в том числе для России. При этом явление социальной эксклюзии пожилых людей остается одной из актуальных проблем в современном обществе. Представители старшего поколения исключаются из системы социально-общественных отношений и общественных институтов, ограничивается их возможность принимать участие в решении социальных проблем, а также они сталкиваются с ограниченной реализацией социальных благ и возможностей [1]. Вынужденная социальная пассивность пожилых людей приводит к неадаптивному процессу старения, что подчеркивает необходимость их включения в новые виды деятельности.

Люди старше 60 лет являются основными участниками таких форм гражданской активности как ассоциации пожилых людей, ветеранские организации, ассоциации соседей и ТСЖ [4]. Также, на примере Москвы, для пожилых горожан характерен интернальный тип ответственности. Они наиболее субъектны и ответственны в отношении города [2]. Соответственно, пенсионеры могут быть акторами действий, направленных на преобразование городской среды.

Однако, гражданская активность возможна не только как конструктивный способ переживания старости, но и как защитный механизм против её наступления. Внешне гражданская активность может проявляться одинаково, но при адаптивном способе человек действует, руководствуясь живым интересом, а при неадаптивным – “через силу” [5]. Такой способ совладения с кризисом препятствует развитию личности.

Ведущими внешними социальными потребностями у людей пенсионного возраста оказываются направленные на обеспечение себе и близким комфортного и благополучного существования (взаимная забота о близких людях, воспитание детей, уважение другими людьми, материально обеспеченная жизнь). Среди внутренних социальных потребностей наиболее выражены связанные с гражданской позицией: принадлежность к стране и своему гражданству, языку, традициям; сохранение традиций общества, его ценностей; гордость за свою страну [3].

Можно предположить, что пенсионеры готовы действовать на благо города, но их гражданская активность будет разворачиваться преимущественно по месту жительства. Поэтому привлечение пожилых людей к вопросам благоустройства должно учитывать их потребности как группы.

Таким образом, гражданская активность пенсионеров может быть направлена на удовлетворение вышеперечисленных потребностей, что предполагает ориентированность их действий на благоустройство придомовой территории. При этом, когда обсуждение подобных инициатив происходит с пожилыми людьми, необходимо выстраивать дискуссию не на обосновании инновационности предлагаемых решений, а на том, что они дают возможность удовлетворять ведущие потребности.

1. Азарина М.С. Социальная эксклюзия пожилых людей в условиях постсоветской модернизации // *Социосфера*. 2012. №4. С. 75-76.
2. Емельянова Т.П., и др. Активность москвичей в городской среде: роль фактора ответственности // *Вестн. Российского ун-та дружбы народов. Сер. Психология и педагогика*. 2022. Т. 19. № 1. С. 7-20.
3. Костюк Н.В., Тельманова А.С., Гольская А.О. Исследование социально-культурных потребностей жителей кемеровской области: социологический аспект // *Теория и практика общественного развития*. 2022. № 9 (175). С. 19-27.
4. Трофимова И.Н. Гражданский активизм в современном российском обществе: особенности локализации // *Социологические исследования*. 2015. № 4(372). С. 72-77.
5. Bromley D.B. *Human Ageing: An Introduction to Gerontology*. 3rd ed. Harmondsworth: Penguin, 1988. 366 p.

Социальная идентичность студентов в условиях кризиса общественного сознания

Социальная идентификация, современное поколение, семантический дифференциал

В исследованиях личности, как отмечает Ядов В.А., нет более фундаментальной проблемы, которая могла бы сравниться с изучением механизмов и следствий формирования самоопределения и самоидентификации человеческих индивидов в обществе людей [2]. Она связана с постановкой следующих вопросов: какое сообщество индивид принимает как свой «социум»; где границы этого сообщества и как оно связано с другими; какова его собственная позиция в этих взаимосвязях?

Социальная идентичность – это осознание, переживание своей принадлежности к различным социальным общностям – таким, как малая группа, класс, семья, территориальная общность, этнонациональная группа, народ, общественное движение, государство. Принадлежность к той или иной социальной общности призвано выполнять важные социальные и социально – психологические функции, обеспечивает подчинение индивида социальной группе, но, вместе с тем групповую защиту и критерии оценки и самооценки [2].

В настоящий момент мы являемся свидетелями очередной ломки социальных идентификаций огромных масс людей. Человек должен определить, к какой социальной группе он себя относит, является ли он русским и гражданином России, или не хочет иметь с Россией ничего общего. Будучи подлинной трагедией для многих людей, эта ломка представляет собой, тем не менее, уникальную экспериментальную лабораторию для изучения общих механизмов социальной идентификации личности.

Наше исследование направлено на изучение структуры социальной идентификации и самоидентификации российских студентов, т.к. в условиях стремительно меняющейся социально-политической обстановки современные студенты являются наиболее восприимчивой и открытой к изменениям частью общества.

В качестве инструмента исследования выступила методика семантического дифференциала для измерения социальной идентичности Барановой Т.С. [1]. Оценке по одним и тем же шкалам СД подвергались следующие понятия: «мое поколение», «лица моей национальности», «люди моей профессии» и «я сам».

Участники исследования: студенты факультета клинической психологии Московского института психоанализа; 42 женщины, 6 мужчин в возрасте от 19 до 24 лет ($M = 20,6$; $Sd = 1,45$).

Обработка результатов осуществлялась при помощи сравнения полученных семантических профилей, подсчета коэффициентов корреляции, выделения семантических универсалий и кластерного анализа по всем группам данных.

Результаты исследования свидетельствуют о высокой степени согласованности и высоких корреляционных связях семантического профиля «я сам» и семантических профилей «мое поколение», «лица моей национальности» (русские), «люди моей профессии». В результате кластерного анализа по всем изучаемым группам данных получены по два идентичных по составу переменных кластера. Состав семантических универсалий также очень сходен во всех группах, получены высокие коэффициенты корреляции по всем шкальным профилям, т.е. можно говорить о том, что участники исследования с большой степенью вероятности идентифицируют себя с описанными выше социальными группами, чувствуют принадлежность к современному поколению, русским людям и людям своей будущей профессии, т.е. происходящие социально-политические изменения в российском обществе в настоящий момент времени не повлияли или не существенно повлияли на социальную идентификацию студентов.

1. Баранова Т.С. Психологическое исследование социальной идентичности личности // *Социальная идентификация личности / Под ред. В.А. Ядова. М.: Институт социологии РАН, 1993.*
2. Ядов В.А. Социальные и социально-психологические механизмы формирования социальной идентичности личности // *Мир России. 1995. № 3-4. С. 158-181.*

Интенциональность речи по данным естественной речевой коммуникации в раннем онтогенезе

Речевая коммуникация, интенциональность, ранний онтогенез

Несмотря на разработку проблемы интенциональности речи и коммуникативных потребностей человека в течение XX – начале XXI вв. в различных направлениях психологии и лингвистики (психология общения, лингвистическая прагматика, теории речевой деятельности и речевых актов, дискурсивная психология и лингвистика, интен-анализ), остается открытым вопрос о содержании понятия «интенциональность речи», равно как и вопрос о типологии потребностей, а priori определяющих интенциональность речи, включая ее целенаправленность [4].

Цель исследования – уточнить типологии коммуникативных потребностей и целей на материале детской речи.

В результате анализа речи детей 1–7 лет (7260 единиц) была описана система потребностей – мотиваторов речи [2]. Выделены 11 типов потребностей, входящие в иерархически организованные мотивационные комплексы речи. Это потребность в социальном существе, являющаяся самой ранней и «глубинной», потребности во внимании, позиционировании, в информации, в материальном объекте, в сотрудничестве / поддержке, потребности предотвратить ущерб, выразить свое состояние (эмоцию, мысль), изменить свое эмоциональное состояние, изменить ситуацию (в том числе социальную), потребность в идентификации. Последующая проверка данных, а также проверка на материале взрослой речи (случайная выборка, 1200 единиц анализа) не привела к расширению списка. Каждый тип потребностей представлен в речи детей уже на втором году жизни, что означает необходимость исследовать системогенез потребностей как мотиваторов речи в возрастной динамике, провести оценку их вклада в продуцирование высказываний различных типов (о типологии речи см., напр., [1, 3]).

Выявляются, следовательно, основные классы потребностей, реализуемых в речи: а) экспрессивные (потребности выразить свои состояния); б) собственно коммуникативные, имеющие социальную природу и связанные с социальными целями речевой коммуникации (потребности в социальном существе, во внимании и др.); в) коммуникативно-связанные (потребности в материальном объекте, в информации). Каждый из этих классов потребностей получает развитие / трансформируется в системах социальных взаимодействий в микроструктуре семьи, позднее – в речекommunikативных системах, характеризующих другие институты социализации; в онтогенезе речи с тем или другим уровнем вклада входит в динамические иерархические системы интенциональных комплексов – мотиваторов речи, которые определяют продуцирование каждой конкретной формы речи и типов высказываний; в высказывании может реализовываться на вокально-интонационном и языковом уровнях.

Полученные данные позволяют определить для естественной коммуникации в раннем онтосоциогенезе «векторы» целей речи, а именно: социальный партнер; «я» (субъект речи) как психодинамическая система; «я» как социальный партнер; коммуникативная система («я»+социальный партнер); третьи лица; объекты физического мира; информация о социальном и несоциальном мире, о знаковых системах.

Анализ интенциональности речи значим, как минимум, для нескольких перспективных областей исследований и технологий: разработки проблематики социального сознания, диагностических процедур в отношении нормотипичного и отклоняющегося социального и речекommunikативного развития, технологий искусственного интеллекта, в том числе диагностического. В аспекте нейрокогнитивных исследований речи с учетом имманентной представленности в ней сложно структурированной и динамично-вариативной социально-коммуникативной информации возникает необходимость в более осознанном отборе речевого стимульного материала.

1. Дементьев В.В. *Теория речевых жанров: монография*. М.: Знак, 2010. 600 с.
2. Маланчук И.Г. *Речь как психический процесс: монография*. Красноярск: КГПУ им. В.П. Астафьева. 2009. 258 с.
3. Шмелева Т.В. *Модель речевого жанра // Жанры речи*. 1997. Вып. 1. С. 88–98.
4. Austin J.L. *How to do things with words. The William James Lectures delivered at Harvard University in 1955*. Oxford: The Clarendon Press. 1962. 174 p.

*Исследование выполнено в рамках тематического плана НИЦ Курчатowski институт
(приказ №87 от 20.01.2023).*

Адаптация методики амбивалентного эйджизма на российской выборке

Враждебный эйджизм, доброжелательный эйджизм, ориентация на социальное доминирование

Эйджизм как форма предубеждения и дискриминации людей на основе возраста представляет сложный конструкт, который может включать основания разной валентности (доброжелательный и враждебный). Большинство из существующих методик для оценки аттитюдов к пожилым людям связано с изучением враждебного отношения. При этом на вклад доброжелательного основания в формирование предубеждений указывает то, что пожилых людей высоко оценивают по коммунальным чертам, но низко – по деятельностным [2]. Амбивалентный эйджизм может приводить как к дискриминации пожилых людей, так и к патерналистским паттернам поведения по отношению к ним в виде нежелательной помощи и запрета на трудовую деятельность.

Для оценки двух оснований эйджизма была разработана методика амбивалентного эйджизма [1], которая показывает достаточно устойчивую структуру в разных культурных контекстах. В связи с этим данная методика была выбрана для адаптации на российской выборке.

Процедура адаптации включала прямой и обратный переводы, проведение когнитивных интервью (N = 20), веб-пробинга (N = 237; 55.7% женщин, 35% мужчин; Mвозраст = 38.39, SDвозраст = 10.42) и опроса для проверки конвергентной и дискриминантной валидности.

В опросе принял участие 951 россиянин (53.2% женщин, 46.8% мужчин) в возрасте от 18 до 77 лет (M = 38.02, SD = 11.60). Респонденты заполняли методики Большой Пятерки, амбивалентного эйджизма, депрессии Бека, амбивалентного сексизма, ориентации на социальное доминирование (ОСД), страха смерти, измерения стереотипных представлений по отношению к пожилым и социально-демографические характеристики.

Анализ данных осуществлялся посредством конфирматорного и эксплораторного факторного анализа. Модель с тремя факторами («Нежелательная помощь», «Враждебный эйджизм», «Когнитивная помощь/защита»), предложенная авторами оригинального исследования, показала плохое соответствие данным: $\chi^2(62) = 1200$, RMSEA = .14, SRMR = .09; TLI = .71; CFI = .77. В связи с этим был проведен эксплораторный факторный анализ, выявивший пятифакторную модель («Нежелательная помощь», «Запрет деятельности», «Враждебный эйджизм», «Когнитивная помощь», «Защита от проблем»). Результаты конфирматорного факторного анализа для 5-факторной структуры показали хорошее соответствие данным: $\chi^2(34) = 135$, RMSEA = .06, SRMR = .03; TLI = .96; CFI = .98.

Для оценки конвергентной и дискриминантной валидности был проведен корреляционный анализ. Факторы доброжелательного эйджизма положительно связаны с такими чертами, как экстраверсия, доброжелательность и сознательность, с антиэгалитаризмом (субшкалой ОСД) и теплотой и компетентностью по методике измерения стереотипных представлений, в то время как враждебный эйджизм – с нейротизмом. При этом как факторы доброжелательного эйджизма, так и враждебный положительно связаны с доброжелательным и враждебным сексизмом, страхом смерти и доминированием (субшкалой ОСД). Полученные результаты подтверждают конвергентную валидность. Кроме того, положительная связь враждебного эйджизма со шкалой депрессии Бека свидетельствует о подтверждении дискриминантной валидности.

Таким образом, в рамках настоящего исследования была адаптирована методика для изучения амбивалентного эйджизма. Полученный инструментарий можно использовать для оценки установок по отношению к пожилым людям и разработки программ по снижению дискриминации на основе возраста в разных сферах общественной жизни.

1. Cary L.A., Chasteen A.L., Remedios J. The ambivalent ageism scale: Developing and validating a scale to measure benevolent and hostile ageism // *The Gerontologist*. 2017. V. 57. № 2. P. e27-e36.
2. Fiske S.T., et al. A model of (often mixed) stereotype content: competence and warmth respectively follow from perceived status and competition // *Journal of personality and social psychology*. 2002. V. 82. №. 6. P. 878.

Исследование выполнено при финансовой поддержке Министерства науки и высшего образования РФ (грант № 075-15-2022-325).

Самовыражение в творчестве как фактор, препятствующий эмоциональному истощению

Истощение, эмоциональный дефицит, эмоциональная и личностная отстраненность

В процессе длительной работы на одном и том же месте, с высокой эмоциональной насыщенностью и сложностью межличностного общения, или наоборот, слишком монотонной работы, при наличии ряда стрессогенных ситуаций и невозможности их разрешения, у человека развивается симптом эмоционального выгорания. Если человек в состоянии справиться с нарастающим стрессом, он может вернуться к нормальной трудовой деятельности, если же этого не происходит, у него психическое развивается истощение.

В Большом толковом психологическом словаре дано несколько толкований термина «истощение»: пустота; прогрессирующая утрата функции; выход либидо и другие [2, с. 334]. Эмоциональное истощение – основная составляющая «профессионального выгорания», проявляющаяся в переживаниях сниженного эмоционального тонуса, утрате интереса к окружающему, равнодушии или эмоциональном перенасыщении, в появлении агрессивных реакций, вспышках гнева, симптомов депрессии (Водопьянова, 2005, с. 336).

В исследовании приняли участие работники торговых предприятий г. Минска «Универмаг Беларусь» и «Торговый дом на Немиге». Основной целью исследования было, выявление успешности тех, кто самовыражается или не самовыражается в творчестве, обладает ли самовыражение в творчестве здоровье формирующим действием, кто из сотрудников менее подвержен эмоциональному выгоранию.

Выборка (1000 человек) состоявшая из 247 человек самовыражающихся в творчестве и 753 – не самовыражающихся в нем, была поделена на группы – согласно их успешности (успешные (2 группы), среднеуспешные и неуспешные работники), успешность оценивалась экспертами. Методом У–Манна–Уитни сравнивались группы успешных работников – самовыражающихся и не самовыражающихся в творчестве. Проанализируем различия по наличию третьей фазы эмоционального выгорания – истощения у членов этих групп.

Симптом эмоционального дефицита имеет большие значения ($p < 0,001$) в группе нетворческих работников ($8,04 \pm 0,45$), в группе самовыражающихся в творчестве – $5,63 \pm 0,44$ баллов. Видимо, работники, имеющие большие значения по этому симптому, невнимательны и неотзывчивы по отношению к клиенту.

Симптом эмоциональной отстраненности у работников не самовыражающихся в творчестве – $8,42 \pm 0,42$ баллов, у творческих – $6,72 \pm 0,39$ баллов. Личностная отстраненность (деперсонализация) у лиц, не занятых творчеством – $6,13 \pm 0,46$ ($p < 0,05$), в группе занятых – $3,10 \pm 0,36$ ($p < 0,001$) соответственно. Высокие значения по этим двум симптомам у нетворческих людей указывают на то, что вероятнее всего они эмоционально более сдержаны, в отличие от творческих импульсивных людей. У тех, кто имеет высокий творческий потенциал, более подвижны нервные процессы, поэтому все накопившиеся эмоции они с легкостью могут выплеснуть. Для нетворческих людей таких возможностей нет, в силу отсутствия талантов и меньшей подвижности их нервных процессов.

Психосоматические и психовегетативные нарушения в виде головных болей, повышенного давления, проблем со сном также чаще встречается ($p < 0,001$) у работников не самовыражающихся в творчестве ($5,66 \pm 0,41$), во второй группе этот симптом проявляется реже ($3,05 \pm 0,32$). Первые вынуждены чаще принимать лекарства, а во всех этих бедах они опять же обвиняют работу.

Работники торговли, находящие самовыражение в художественном творчестве, в сравнении с работниками, не находящими его, имеют меньшую величину всех параметров, характеризующих эмоциональное выгорание, а значит и менее ему подвержены. Отвлекаясь в свободное время от каждодневной трудовой деятельности, на увлечения и хобби, работники с высоким творческим потенциалом укрепляют свое психологическое здоровье.

Развитие творческого потенциала – путь к преодолению выгорания (Водопьянова, 2005, с. 106).

1. Водопьянова Н.Е., Старченкова Е.С. Синдром выгорания: диагностика и профилактика. СПб.: Питер, 2005. 336 с.
2. Ребер А. Большой толковый психологический словарь, Т. 1, (А-О). М.: Изд. АСТ, Изд. Вече, 2001. 592 с.

Роль социального капитала в реинтеграции участников боевых действий

Социальный капитал, сообщества ветеранов, реинтеграция, психологическая реабилитация

С 2022 года в специальной военной операции участвуют тысячи профессиональных военных, добровольцев и мобилизованных гражданских лиц. Но уже сейчас актуальным становится вопрос о возвращении ветеранов боевых действий к мирной жизни, интеграции их в общество и адаптации социально-психологических навыков к гражданским условиям жизни.

В период подготовки к службе участники боевых действий переводят психику на «военный режим» функционирования, запускаются навыки повседневного выживания, которые меняют особенности межличностных отношений. Сегодня нет комплексной политики по реинтеграции ветеранов в гражданскую жизнь. Однако по результатам исследований ветераны сталкиваются с многочисленными психологическими, экономическими и социальными трудностями. Реинтеграция участников боевых действий — это социальный процесс восстановления статуса, достигаемый через социальное взаимодействие.

В исследовании мы рассматриваем теоретические подходы к изучению социального капитала, условия его формирования и связанный с социальным взаимодействием успех реинтеграции ветеранов боевых действий в мирную жизнь. Социолог Джеймс Коулман назвал социальный капитал ресурсом, который подразумевает ожидание взаимности и включение в широкие сети взаимодействия, основанные на доверии и общих ценностях. Социальный капитал служит мостом между человеком и коллективом. Политолог Роджер Патнэм выявил зависимость успешного общества от тесной взаимосвязи гражданского общества с государственными органами. Патнэм пришел к выводу, что слабый социальный капитал негативно влияет на многие аспекты общества, лишает личность и сообщество источников процветания.

Для изучения ресоциализации ветеранов боевых действий важно рассматривать социальный капитал в двух формах. Соединяющий социальный капитал – создание неоднородных социальных связей, которым характерны разные статус, профессиональная принадлежность, ценности. Скрепляющий социальный капитал укрепляет идентичных участников группы и поддерживает однородность – профессиональные сообщества, объединения ветеранов войн.

Согласно концепции, Т. А. Нестика и И. А. Соломахи, социальный капитал личности включает принадлежность индивида к социальной группе, социальные связи личности, характер, достоинства и недостатки личности, образование, материальные ценности. Развитие компонентов будет определять устойчивость ветерана внутри сообщества.

В рамках исследования проводился опрос среди ветеранов Чеченской контртеррористической операции, объединённых в сообщество.

Изучались элементы качества жизни ветерана, многие из которых он развивает, прибегая к социальным связям.

Результаты исследования:

1. Ветераны, создавая тесные внутригрупповые связи с бойцами, продолжительное время оставались отчужденными от членов других групп и сообщества. Однако в сообществе приобретали связи и знакомства, которые помогали решать социально-экономические и профессиональные задачи.

2. Причинами выбора однородных сообществ называют – понимание, идеологическую идентичность, схожие юмор и понятный язык общения, взаимопонимание в вопросах здоровья.

3. Ресурсный подход к изучению социального капитала наиболее универсален – рассматривает формы, возможности и личностные характеристики участников групп.

4. Ветераны описывают свои связующие социальные связи с бывшими боевыми товарищами как важный фактор, способствующий реинтеграции.

1. Бурдые П. *Формы капитала* // *Экономическая социология*. 2002. Т. 3. № 5. С. 602-74.

2. *Методы и методология социально-психологических исследований* / под ред. Л.Г. Почебут, С.Д. Гуриевой, В.А. Чикер. СПб.: Питер, 2023. 640 с.

3. Свенцицкий А.Л., и др. *Социальный капитал и его формирование: социально-психологический подход* // *Вестник Санкт-Петербургского университета. Социология*. 2009. № 3-2.

4. Шихирев П.Н. *Природа социального капитала: социально-психологический подход* // *Общественные науки и современность*. 2003. № 2. С. 17–31.

Психологические причины возникновения асимметрии в межличностных отношениях коллег по работе

Асимметрия в отношениях, трактовки партнерства, психология совместимости

В настоящее время проблема партнерства довольно широко изучается экономистами, социологами, политологами, культурологами. Опубликовано немало количество работ, предметом которых выступает социальное, социально-культурное, государственно-частное, некоммерческое, стратегическое партнерство. Значительно меньше работ, посвященных психологическим аспектам партнерства в межличностных отношениях. В них фокус внимания направлен на доверие и разделение ответственности в отношениях. Это, без сомнения, важные вопросы, но вся феноменология партнерских отношений ими не может быть ограничена. Наше исследование направлено на изучение феномена асимметрии в межличностных отношениях коллег. Ее мы понимаем как осознание одним из партнеров неравенства в отношениях, как дисгармонию. Существенную роль в установлении симметричных или асимметричных отношений между коллегами могут играть имеющиеся у них установки на межличностное взаимодействие, которые могут быть соотнесены с такими аспектами отношений, как сотрудничество-соперничество, лидерство-конформизм, общительность-замкнутость, дружелюбие-враждебность, независимость-подчинение, ответственность-безответственность, степень выраженности к пониманию, справедливости [1, 2, 3, 4].

Методологической базой исследования выступают работы Б.Г.Ананьева, В.Н.Мясищева, Б.Ф.Ломова, А.Л.Журавлева. Для формирования эмпирической базы исследования была разработана авторская анкета, включающая 34 закрытых и 6 открытых вопросов, направленных на выявление трактовок партнерства. Данные пилотажного этапа были собраны на выборке 51 человек в возрасте от 20 до 59 лет (средний возраст 32,3 года; SD = 9,8): 43 женщины и 8 мужчин.

В перечне личностных качеств, которые оценивали респонденты, наибольшее количество связей выявлено у готовности быть честным в межличностном взаимодействии. По оценкам респондентов, теснее всего данное качество связано с такими чертами, как и доброжелательность, вера в отзывчивость коллег, дисциплинированность. Этот вывод сделан на основе корреляционного анализа: в центре корреляционной плеяды находится пункт «Предпочитаю быть честным (-ой) с коллегой». В ближнем к нему круге находятся такие показатели, как «Я стремлюсь поддерживать теплые отношения с коллегами», «Ко всем незнакомым людям я обращаюсь на «Вы», «Убежден (-а), что при коллективной работе каждый должен всегда выкладываться на 100%», «Мне очень не нравится, когда кто-то опаздывает на деловую встречу», «Считаю, что смешивать рабочие и личные отношения не следует».

Наибольший разброс мнений обнаружен в согласиях/несогласиях с суждением «Для меня важнее личностные качества коллеги, чем его профессионализм». Те, кто склонен соглашаться с данным суждением на передний план выносят сходство жизненных ценностей, именно это в первую очередь определяет возможность сработаться. В качестве личностных качеств, мешающих эффективному взаимодействию с коллегами, респонденты отметили: высокомерие, лень, сплетни, ложь, вредность, токсичность, пофигизм, неуважение к потраченному времени других членов коллектива, неуважение личных границ коллеги, занудность, непунктуальность, нежелание сотрудничать, непорядочность, незаинтересованность в хорошем результате, закрытость, упрямство, подхалимство, глупость, равнодушие, поверхностное отношение к работе, лицемерие, грубость (лексика респондентов сохранена).

1. Вавакина Т.С. Проблема исследования партнерства в социальной психологии // *Известия Иркутского государственного университета. Сер. Психология*. 2018. Т. 25. С. 38–50.
2. Духновский С.В. *Переживание дисгармонии межличностных отношений: Монография*. Курган: Изд-во Курганского гос. ун-та, 2005.
3. Журавлев А.Л., Купрейченко А.Б. *Социально-психологическое пространство личности*. М.: Институт психологии РАН, 2012.

Склонность к предпринимательской деятельности студентов разных областей профессиональной подготовки

Предпринимательская деятельность, студенты, модель личностных качеств

Молодежь обладает большим потенциалом и способностью к предпринимательской деятельности. Идеальный этап для приобретения основных знаний о предпринимательстве и формирования положительного отношения к предпринимательству – это студенческие годы, так как в это время происходит выбор предпринимательства как будущего трудоустройства, осуществляется переход от предпринимательских намерений к конкретным действиям. Поэтому важная роль в современных социально-психологических исследованиях отводится изучению склонности к предпринимательской деятельности студентов.

Теоретико-методологической основой исследования являлись личностный, поведенческий и контекстуальные подходы к исследованию склонности к предпринимательской деятельности (Широкова Г. В. и др., 2016), теоретическая модель склонности к предпринимательству (Магомедова Х.Н., 2019), теоретические положения о критериях склонности к предпринимательской деятельности (Климова Е. К., 2014).

В исследовании был использован пакет диагностического инструментария, модифицированный для целей исследования, включающий в себя: отобранные кейсы из ситуационного опросника Климовой Е.К. «Диагностика психологической готовности к предпринимательской деятельности»; конструктивный рисунок человека из геометрических фигур; проективный тест «Мое настоящее и будущее»; проективный тест «Предпринимательские способности»; психометрический тест (авторская модификация).

Данный диагностический пакет был использован для тестирования студентов Республики Хакасия с целью определения склонности к предпринимательской деятельности (n=1333). Было сформировано 5 групп из студентов по областям будущей профессиональной деятельности: инженерные, естественно-научные, педагогические, гуманитарные и общественные профессии. Для статистической проверки был использован однофакторный дисперсионный анализ, критерий Бонферрони для апостериорных сравнений.

Склонность к предпринимательству рассматривают как склонность к определенному виду профессиональной деятельности, выявленную на основе диагностики личностных качеств, важных для такого рода деятельности.

Теоретическая модель личностных качеств, определяющих склонность к предпринимательской деятельности, включает пять кластеров: гибкость, адаптивность и стратегическое мышление; стрессоустойчивость, способность действовать в ситуации неопределенности и готовность к риску; амбициозность и мотивация достижения; лидерские, организаторские способности, ответственность, способность принимать решения, предприимчивость; коммуникативность, умение налаживать связи и склонность договариваться.

Итоговый показатель склонности к предпринимательской деятельности у студентов Республики Хакасия, выражен слабо, высокий уровень готовности продемонстрировали по итогам тестирования 17%, 23% характеризуются полным отсутствием такой склонности. В профиле выраженности профессионально важных для предпринимательской деятельности качеств у студентов высокие показатели характеризуют только стратегическое мышление, предприимчивость и предпринимательскую интенцию, в то время как на низком уровне находятся лидерство, ответственность, способность принимать решения, амбициозность.

Если рассматривать по группам, участвующим в тестировании, то более склонны к предпринимательской деятельности студенты области профессиональной деятельности «Общественные науки», а меньше всего склонных к предпринимательству выявлено у студентов-гуманитариев.

Выявлены статистически подтвержденные различия по областям профессиональной подготовки: студенты инженерных профессий оказались более гибкими, адаптивными, способными действовать в ситуации неопределенности. У студентов естественно-научного направления не достаточно сформированы предпринимательские цели. Студенты-представители общественных профессий более амбициозны, у них выше умения налаживать связи и договариваться, выше предпринимательские цели и коммуникативные способности. Будущие педагоги менее гибкие и адаптивные, менее способны действовать в ситуации неопределенности, но они умеют договариваться и налаживать связи, у них развиты коммуникативные способности. У будущих представителей гуманитарных профессий ниже показатели стрессоустойчивости, умения договариваться и коммуникативности.

Личностные конструкты субъектов с разным социометрическим статусом

Личностные конструкты, когнитивное пространство личности, социометрический статус

Актуальность. В настоящее время многие люди сталкиваются с проблемой общения, особенно интенсивно она проявляется в группах обучающихся, в которых жестко стигматизируется социометрическая статусность индивида. Мы предполагаем, что субъекты с разным социометрическим статусом обладают разной когнитивным пространством [1], через призму которого они по-разному выстраивают своё социальное познание.

Постановка проблемы. Не смотря на наличие работ в рамках социальной и педагогической психологии по изучению статуса обучающегося в группе весьма мало исследований по изучению именно когнитивного пространства личности, занимающего определенную социометрическую позицию в группе.

Методы исследования: метод социометрии, модифицированный тест репертуарных решеток Дж.Келли, контент-анализ, критерий углового преобразования Фишера.

Эмпирическая база исследования. В исследовании приняло участие 76 студентов вузов г. Ульяновска.

Основные полученные результаты. Метод социометрии позволил разделить участников исследуемых групп на три категории: лица с высоким социометрическим статусом (далее лидеры), лица с низким социометрическим статусом (далее пренебрегаемые, аутсайдеры) и лица со средним социометрическим статусом. В данной публикации будут рассмотрены эмпирические группы только с лидерским и пренебрегаемым социометрическим статусом.

Для исследования личностных конструктов был применен модифицированный вариант метода Дж.Келли. Простой подсчёт суммы конструктов, выделенных представителями каждой из исследуемых позиций социометрического статуса, позволил нам узнать общее количество конструктов респондентов с разным социометрическим статусом. Используя метод контент-анализа, мы распределили персональные конструкты испытуемых по двум категориям для каждой из позиций разного социометрического статуса. Были выделены «уникальные» конструкты – смысловое содержание которых встречается в единственном экземпляре и «повторяющиеся» конструкты – сходство значений которых стало основанием помещения их в отдельную категорию. В общей совокупности у испытуемых рассматриваемых выборок было получено 205 конструктов. Из них: у студентов с высоким социометрическим статусом было выявлено 50 уникальных конструктов и 68 повторяющихся; у испытуемых с низким социометрическим статусом – 60 уникальных конструктов и 25 повторяющихся. Для выяснения присутствия различий в общем количестве конструктов и их значимости был использован критерий углового преобразования Фишера. Были выявлены значения высокого уровня значимости, где $\phi^*_{эмп} = 2,861$ (при $p > 0,01$). Это подтверждает достоверность преобладания доли общего количества конструктов лидеров над долей общего количества конструктов, выделенных аутсайдерами. По количеству уникальных конструктов испытуемые-лидеры уступают испытуемым-аутсайдерам ($\phi^*_{эмп} = 4,056$, при $p > 0,01$).

Полученные данные позволяет говорить о том, что в данном случае лидеры обладают заметно сниженной вариативной разнообразностью когнитивных конструктов. Лидеры демонстрируют когнитивную простоту: повторяющиеся конструкты превалируют над уникальными. И вместо поиска новых обозначений для явлений, входящих в пояс их когнитивного опыта, они обращаются к тем же структурам, что использовали для упорядочивания сходных ситуаций в прошлом, не внося изменений, т.е. оставляя их неизменными – константными. Студенты-аутсайдеры наоборот, вносят в когнитивное поле восприятия изменения, адаптируя их под себя.

Выводы. Когнитивное пространство студентов-аутсайдерам устроено достоверно сложнее когнитивного пространства студентов-лидеров, то есть имеет более дифференцированную организацию.

1. Таскина С.В. Когнитивный стиль и личностные конструкты студентов с разными социометрическим статусом. ВКР. Ульяновск, 2018. 94 с.

Социально-психологические предикторы жизнеспособности тувинских семей

Жизнеспособность, семья, этнос, культура, тувинцы

Нынешнее столетие ознаменовано появлением новых социальных проблем и сложностей. В условиях растущей глобализации, и стирания этнопсихологических границ встает вопрос о трансформации многих явлений психики. Необходимо иметь в виду, что наблюдается рост национального самосознания и активное приобщение к этнокультурным традициям. На сегодняшний день Тува и мир в целом, проходят переломный период. Это сказывается как на общей удовлетворенности жизнью, так и на эмоциональном состоянии человека. Довольно частыми явлениями становятся состояния фрустрации, беспомощности, потеря идентичности (особенно трудовой). Мощную силу имеет социальная неопределенность, часто вызывающая повышенную тревожность и фрустрацию личности. Фоминова А.Н. справедливо отмечает, что «социальная стратификация порождает изменения уровня притязаний, мотивации, эмоционального самочувствия, общего чувства благополучия» [4].

Тувинский этнос как представитель самобытной, восточной культуры имеет собственную специфику культивирования и воспитания жизнестойкого поведения, обеспечивавшие развитие и воспроизводство своего рода. Сегодня в воспитании подрастающего поколения можно наблюдать некоторую «резкоконтинентальность» и противоречивость, которая обусловлена историческими трансформационными процессами. Из этнонациональных факторов, способствующих развитию того или иного уровня жизнеспособности, существует еще один довольно значимый фактор – религия. Тува является территорией религиозной синкретичной традиции, для нее характерны приверженность нескольким религиям [5]. На традиционный шаманизм накладывается буддизм, который проник на территорию современной Тувы в 17-18 веках. Шаманизм и ламаизм оставили глубокий отпечаток на психологическом облике и характере тувинцев.

Нами, в период с 2022 по 2023 год, в Республике Тыва было проведено исследование жизнеспособности тувинских семей. Выбор респондентов определялся, в частности тем, что по статистике последних лет, качество жизни в Республике Тыва занимает последнее место в Российской Федерации. В исследовании приняли участие 470 респондентов, из них 83% женщины, 17% мужчины. Возрастной состав выборки с 18 до 35 лет. Средний возраст респондентов 25,3.

Методики исследования: Шкала оценки жизнеспособности семьи (Family Resilience Scale, FRAS) в адаптации Е. С. Гусаровой, М. А. Одинцовой, М. Г. Сороковой (2021), а также методика «Жизнеспособность взрослого человека» А.В. Махнача. Методики были отобраны для сравнения в ближайшем будущем жизнеспособности семей у людей, имеющих разный уровень жизнеспособности.

Результаты исследования показали, что:

1. В республике неравномерное соотношение представителей разного пола: женщин – 52,7%, мужчин – 47,3%. Это связано с высокими показателями смертности мужчин в трудоспособном возрасте от внешних причин (отравление алкоголем, травмы, ДТП, суициды), болезней и неустановленных причин. Средний возраст населения республики – 26,1 лет. Молодежь и дети составляют 62,7% всего населения.

2. В Туве типичное количество детей в семьях Тувы 3-4 человека и выше. Доля многодетных семей в республике по статистике за 2021 год – 32,2% (пять и более членов семьи). В республике высокий уровень разводов и достаточно высокие показатели мужской смертности, что приводит к росту числа неполных семей.

3. Тувинские мужчины находятся в ситуации внутриличностного и социально-статусного конфликта. Интроецированность, повышенные ожидания от мужчин, наряду со сравнительно невысокими возможностями самореализации, является следствием конфликта между уровнем притязаний и оценкой своей личности. Аналогичная ситуация с ролью и образом женщины в этносе. Множественность и разнообразие ролей современной женщины как матери дочери, супруги достаточно часто, особенно в Туве, вынужденной выполнять обязанности основного кормильца – главы семьи, предъявляют повышенные требования к жизнестойкости и репертуару копинг-стратегий. И все эти факторы становятся серьезными вызовами для жизнеспособности человека и его семьи.

1. Александрова Л.А. Психологические ресурсы адаптации личности к условиям повышенного риска природных катастроф: автореф. дис.... канд. психол. наук: 19.00.01. – М., 2004. – 24 с.

2. Момбей-оол С.М. Социальная перцепция, жизнестойкость и копинг-стратегии тувинской молодежи: дис.... канд. психол. наук: 5.3.5. – СПб., 2022. – 425 с.

3. Федотова М.Г. К содержанию понятия «Транзитивное общество» // Вестник ВятГУ. 2010. №4. С. 28-31.

4. Фоминова А.Н. Жизнестойкость личности. М.: МПГУ. 2012.

5. Хомушку О. М. Религиозный синкретизм у народов Саяно-Алтая: дис.... д-ра философ. наук: 09.00.13. – М., 2006. – 299 с.

Альтруизм как предиктор удовлетворенности образовательным процессом у китайских студентов в России

Удовлетворенность заданием, альтруизм, Россия, Китай, иностранные студенты

Предрасположенности к альтруистическому поведению, которое способствует формированию социального капитала[1], является актуальной темой данного исследования. Такая направленность может помочь человеку адаптироваться в новой среде, завести знакомства, тем самым улучшить общую атмосферу как внутри стен университета, так и вне его. Ранее было доказано, что альтруизм ведет к повышенной удовлетворенности работой[4], в данном исследовании целью изучения является этот же феномен среди иностранных студентов из Китая в России.

Мы выдвинули следующую гипотезу: альтруизм усиливает удовлетворенность образовательной программой китайского студента в России.

В этом исследовании использовалась шкала удовлетворенности работой с модификацией направленной на учебную программу Хэкмана и Олдхэма [3].(альфа Кронбаха 0.728, $M = 3.85$, $SD = 0.77$) и шкала Альтруизма Фарха [2](альфа Кронбаха при удалении 1 вопроса повысилась с 0.728 до 0.838, $M = 5.91$, $SD = 0.96$). Они обе были представлены на русском, английском и китайском языках (процедура обратного перевода) для заполнения в рамках кросс-культурного исследования международных студентов МГТУ им. Н.Э. Баумана в 2018г.

В подвыборке для данного исследования приняло участие 62(71.3%) китайских мужчины и 25(28.7%) женщин в возрасте 23 лет [22;25]. Размер выборки соответствует критерию 5 участников на элемент опроса.

Анализ данных проводился в IBM SPSS Statistics v.23 и IBM SPSS Amos Graphics v.23.

Пригодность модели была приемлимой $CFI=.994$, $RMSEA=.04$, $PCLOSE=.486$, $SRMR=0.356$. Параметры валидности модели CR и AVE были в норме. Harman's single factor test показал 35.735%, который меньше критерия 50%.

Нулевая гипотеза была отвергнута, $\beta=0.264$, $p=0.035$, иными словами можно сказать, что альтруистическая установка повышала удовлетворенность образовательной программой у китайских студентов.

1. Марарица Л.В., и др. Вклад личности в социальный капитал группы: структура альтруистического инвестирования // Социальная психология и общество. 2018. Т. 9. № 1. С. 43–66.
2. Farh J.L., et al. Impetus for Action: A Cultural Analysis of Justice and Organizational Citizenship Behavior in Chinese Society // Administrative Science Quarterly. 1997. Vol. 42. № 3. P. 421–44.
3. Hackman J., Oldham G. Motivation through the design of work: test of a theory // Organizational Behavior and Human Performance. 1976. Vol. 16. № 2. P. 250-279.
4. Hemakumara M.G.G., Khatibi A.A., Johar M.G.M. Organizational Citizenship Behaviour Among Administrative Staff of State Universities in Sri Lanka // International Journal of Arts and Commerce. 2019. Vol. 8. № 1. P. 16-21.

Общечеловеческая идентичность в социальной категоризации российских и иностранных студентов

Категоризация, идентичность, общечеловеческая идентичность, ингруппа, аутгруппа

Социальное сравнение как механизм формирования идентичности необходимо для достижения удовлетворения, ценности принадлежности к определенной группе [1, 2]. Данные внутригрупповые процессы направлены на выявление различий между своей и другими общностями в пользу ингруппы. Эти процессы мотивированы стремлением к поддержанию положительной самооценки, что приводит к позитивной межгрупповой дифференциации, формированию позитивной идентичности. Общечеловеческая идентичность «человек», «люди» – высшее проявление социальной идентичности.

Методы: тест культурно-ценностных ориентаций (КЦО) Л.Г. Почебут, ответы на индуктор «Мы это», «Они это», контент-анализ.

Исследование проходило в гугл-форме (март 2023). Выборка: 74 (граждане РФ, 26, русскоязычные, гр. РФ; граждане Казахстана, этнические казахи, 24, русскоязычные, гр. БЗ; граждане стран Африки, 24, франко-, англоязычные, с помощью переводчика, гр. ДЗ), 19-25 лет (22,0).

Анализировались средние значения параметров КЦО и категории «люди» с применением классификатора категорий идентичности (А.А. Гудзовская, М.С. Мышкина) и t-критерия Стьюдента.

Результаты. Во всех группах выявлены сходные значения параметров КЦО: представления о времени, природе, человеческой натуре, взаимоотношениях, деятельности.

В описании ингруппы в гр. ДЗ/БЗ (0,167 и 0,167) нет различий в использовании «люди»; выявлено различие в гр. РФ/ДЗ (0,346 и 0,167), РФ/БЗ (0,346 и 0,167): россияне чаще употребляют «люди» и «люди с разными характеристиками».

В описании аутгруппы – различия средних значений «люди» в гр. РФ/ДЗ (0,308 и 0,083) и РФ/БЗ (0,308 и 0,208): россияне и казахи чаще употребляют «люди» и «люди с разными характеристиками» (люди, отличающиеся от меня; люди другой крови).

Обсуждение. Ценностные ориентации как базовые принципы отношения к общечеловеческим проблемам влияют на содержание идентичности и характеризуются сходством у россиян и иностранцев, обучающихся в РФ. Это говорит о совпадении принципов социализации в культурных традициях РФ, Казахстана, стран Африки. Культурно-ценностные ориентации проявляются в осознанной принадлежности к человечеству как к ингруппе через категорию «люди».

В описании ингруппы все респонденты используют положительные оценки и признаки близости (люди, с которыми я и которые со мной; люди, с которыми я себя ассоциирую, сильные, хорошие). Это коррелирует с когнитивным подходом Дж. Тернера [2] о самокатегоризации, направленной на достижение позитивной идентичности.

В описании аутгруппы африканцы реже используют «люди» (0,083), показывая имплицитное сопротивление ей как опасной и дискриминирующей, в отличие от россиян и казахов (0,308 и 0,208). Это связано с тем, что в основе ментальности граждан РФ и Казахстана – позитивное самопредставление, унаследованное от сформированного в советский период, основанного на уважении ко всем людям, независимо от этнопринадлежности, культуры, истории.

Выводы. Культурно-ценностные ориентации влияют на содержание идентичности и характеризуются сходством у российских и иностранных студентов, обучающихся в РФ. Этнокультурные особенности идентичности определяются национальным менталитетом, влияют на восприятие ингруппы/аутгруппы и проявляются в использовании по отношению к ним категории «люди».

1. Тернер Дж.С., и др. Социальная идентичность, самокатегоризация и группа // *Иностранная психология*. 1994. Т. 2. №2(4). С. 8-17.

2. Tajfel H. *Social identity and intergroup relations*. Cambridge: Cambridge University Press. 1982. 546 P.

Исследование выполнено при финансовой поддержке Министерства науки и высшего образования РФ (проект FSSS-2023-0013).

Особенности тревожности студентов ТувГУ

Социально-психологическая адаптация, тревога, стресс

Проблема тревоги и беспокойства – довольно актуальная тема в современной психологии, и первым ее осветил не кто иной, как Зигмунд Фрейд. Он утверждал, что тревога – это полезный адаптивный механизм, побуждающий человека к защитному поведению, чтобы справиться с опасностью.

Тревога действует двояко. Во-первых, она оказывает влияние на психическое состояние, заставляя нас переживать, снижает способность к концентрации внимания, иногда вызывает нарушения сна. Во-вторых, она оказывает эффект и на общее физическое состояние, являясь причиной таких физиологических нарушений, как учащённый пульс, головокружение, дрожь, расстройства пищеварения, потливость, гипервентиляцию лёгких и др.

Студенческая жизнь очень разнообразна. Студенты проходят через различные этапы самореализации, общаются с новыми людьми, заводят новые знакомства, получают знания и знакомятся с совершенно другой средой и факультетом. С самого начала и до окончания учебы сессии являются серьезным испытанием для студентов университета, и каждая сессия – это волнения, тревоги и стрессы. Каждый студент знает, каково это. Однако не каждый может справиться с этим адекватно.

Сегодня проблема тревожности среди студентов стала достаточно актуальной, наряду с высоким уровнем тревожности, связанным с трудностями в процессе социально-психологической адаптации. Процесс обучения также стал достаточно беспокойным, что мешает правильному самовыражению и формированию личностных качеств у подростков и молодых людей.

Анализ данных, полученных в результате данного исследования показал, что сама ситуация экзамена является стрессовой и напряженной для респондентов. Проанализировав полученные данные, был сделан вывод, что эти скачки уровня ситуативной тревожности, наблюдаемые каждый раз перед экзаменами, приводят к утверждению тревожности как устойчивого личностного образования и восприятию учебной ситуации как фрустрации. Это может препятствовать успешному процессу обучения и адаптации человека к социальной среде.

Люди испытывают тревогу всегда и везде и не способны рационально воспринимать жизненные ситуации и чувствовать себя достаточно спокойно, чтобы реагировать на них должным образом. Таким образом, тревожность играет важную роль, когда студенты осваивают новые виды деятельности и готовятся к сложным жизненным ситуациям. Тревожность может двигать студентами и помогает им брать на себя ответственность за выполнение заданий, или, наоборот, создавать напряжение, беспокойство и чувство неудачи.

1. Габдреева Г.Ш. *Формирование способности к самоуправлению психическими состояниями у студентов с высоким уровнем тревожности: автореф. дис. ... канд. психол. наук. М.: Изд-во Москов. гос. ун-та, 1991. 36 с.*
2. Корнев К.И. *Значение когнитивных факторов в процессе преодоления стрессовых ситуаций // Материалы X Всерос. конф. студ., аспирантов и молодых ученых «Наука и образование»: в 6 т. Томск: Изд-во Томского гос. пед. ун-та. 2006. Т. 3. Ч. 1. (Педагогика и психология). С. 48-54.*
3. Прохоров А.О. *Неравновесные (неустойчивые) психические состояния // Психологический журнал, 2009. № 2. С. 24-27.*
4. Шербатых Ю.В. *Вегетативные проявления экзаменационного стресса: автореф. дис. ... д-ра биол. наук. СПб.: 2001. 38 с.*

Типы близких отношений у людей с разным уровнем эскапизма

Эскапизм, близкие отношения, тревога, избегание

Современные работы по исследованию эскапизма ведутся в контексте участия личности в различных видах хобби [3]. При этом феномен рассматривается и как дезадаптивный процесс – «бегство» от реальности, и как нормативная реакция на трудную жизненную ситуацию – переключение внимания на не сопряжённую с отрицательными переживаниями деятельность [2]. К тому же, эскапизм может являться формой активности личности, уменьшающей «рассогласование реальных и желаемых ценностных структур» личности путём погружения в субъективно альтернативную реальность [3, с. 57].

Можно предположить, что рассогласование в удовлетворённости между реальными и желаемыми актуальными и желаемыми базовыми потребностями в близких отношениях могут стать предикторами эскапизма.

Существуют исследования, устанавливающие связь между степенью удовлетворённостью отношениями и стилем привязанности [4]. Небезопасность привязанности имеет два измерения – дискомфорт от расставания (тревогу) и дискомфорт от близости (избегание). Можно предположить, что их высокая выраженность приведёт к стремлению уйти от связанных с ними негативных переживаний – к эскапизму.

Целью исследования стало изучение особенностей близких отношений у людей с разным уровнем эскапизма. Гипотеза исследования: люди с высоким уровнем эскапизма характеризуются повышенной тревогой и избеганием в близких отношениях, а также неудовлетворённостью этими отношениями.

Выборку составили молодые взрослые (как одинокие, так и состоящие в отношениях), идентифицирующих себя как представители фэндомов (англ. fandom) – сообществ поклонников какого-либо произведения, деятеля, явления.

В качестве методов исследования использовались социально-биографическая анкета; методика измерения уровня эскапизма Т.Н. Савченко, О.И. Теславской, Е.В. Беловола, А.А. Кардапольцевой [2]; русскоязычная версия шкалы оценки отношений С. Хенрик в адаптации О.А. Сычёва и адаптация модифицированной методики «Опыт близких отношений» К. Бреннан и Р.К. Фрейли, адаптированная Т.В. Казанцевой, которая позволяет измерить уровни тревоги и избегания в близких отношениях, а также определить стиль привязанности (и, соответственно, типы отношений) [1].

В качестве методов математико-статистической обработки использовались непараметрический критерий Манна-Уитни, таблицы сопряжённости и критерий хи-квадрат.

Результаты исследования. В исследуемой группе оказалось 48,5% респондентов с высоким уровнем эскапизма и 51,5% – с низкими и средними показателями. Сравнительный анализ групп с разным уровнем эскапизма не выявил статистически значимых различий по оценке актуальных близких отношений респондентов, вне зависимости от их семейного положения.

Вместе с тем были обнаружены статистически значимые различия по шкалам тревоги и близости ($p < 0,05$).

Итак, исследование показало, что более выраженная склонность к эскапизму связана не с субъективной оценкой удовлетворённости существующими отношениями, а с опытом близких отношений. При этом люди с более высокой выраженностью возникновения близости и боязни потери близких отношений имеют больше вероятности уходить от возникающего психического дискомфорта в эскапизм.

1. Казанцева Т.В. Исследование психологической близости в теории привязанности // *Вестник Санкт-Петербургского университета*. 2010. № 4. С. 94-98.
2. Савченко Т.Н., Теславская О.И. Эскапизм как фактор и стратегия психологической адаптации личности // *Познание и переживание*. 2022. Т. 3. № 3. С. 38-63.
3. Теславская О.И., и др. Эскапизм как предмет исследования в современной научной психологии // *Психологический журнал*. 2017. № 6 (38). С. 53-65.
4. Mikulincer, M., Shaver, P.R. *Attachment Patterns in Adulthood: Structure, Dynamics and Change*. NY.: Guilford Press, 2007.

Рационалистский и эмпирический подходы к моральным дилеммам в контексте пандемии COVID-19

Моральная дилемма, моральный выбор, рациональность выбора, COVID-19

Исследования моральных дилемм преимущественно основаны на анализе воображаемых, маловероятных ситуаций выбора из двух альтернатив, за каждой из которых стоят определенные ценности. При этом велики шансы столкнуться с социально одобряемыми ответами испытуемых, а не с их реальными предпочтениями и моделями поведения, что вызывает существенные претензии к обоснованности результатов и методов таких работ. Пандемия COVID-19 привела к необходимости столкновения с подобными ситуациями в реальности и на регулярной основе. Должны ли все носить маски, нужна ли самоизоляция, возможна ли принудительная вакцинация, как проводить испытания вакцин и методов лечения, как выбирать, кого лечить дома, а кого забирать в больницу и пр.? Допустимо ли жертвовать свободой (передвижения, собрания, высказывания, предпринимательства и пр.) и комфортом ради общественной безопасности, снижения нагрузки на систему здравоохранения, спасения жизней других людей? Можно ли выбирать безопасность вместо свободы? Множество реальных, а не придуманных ситуаций выбора вызывает широкий исследовательский интерес. Практический интерес: какие стратегии борьбы с пандемией COVID-19 реализовывались различными государствами на практике и какие последствия при этом наблюдались.

Существует два теоретических подхода к моральным дилеммам и их существованию. Рационалисты согласны, что перед человеком может возникнуть ситуация с трудностями в принятии решений, но это не означает того, что между альтернативами существует противоречие, свидетельствующее о несовершенстве моральной системы. Они предполагают, что у одной из альтернатив есть вычисляемый приоритет. Эмпиристы полагают, что не существует такой непротиворечивой моральной системы, поэтому моральные дилеммы существуют.

Изучены карантинные меры и жесткость контроля (государственного и социального) за их соблюдением в разных странах. Большинство стран ЕС, США, Великобритания, Япония, Китай, Сингапур, Южная Корея и пр. вводили строгие ограничения, и наблюдался жесткий социальный и государственный контроль за их исполнением. В странах Азии это можно объяснить культурными особенностями и опытом борьбы с другими эпидемиями. Для стран Запада карантинные меры вступали в противоречие с идеей свободы. Тем не менее, выбор человека здесь обусловлен не выбором одной из ценностей (безопасность или свобода), а рациональными соображениями (несоблюдение мер приводит к санкциям, поэтому выгоднее соблюдать все ограничения). Это реализация рационалистского подхода.

В России, многих странах бывшего ОВД, Латинской Америке и др. в первую волну пандемии наблюдалась схожая картина: жесткие ограничения и жесткий контроль за их выполнением. Однако после середины 2020 г. государственные медиа и чиновники продолжали интерпретировать пандемию как опасное явление, которое требует жестких жертв и ограничений, но фактически контроль за выполнением мер отсутствовал, что приводило людей к множеству ситуаций морального выбора. Сам человек выбирает носить ли ему маску, соблюдать ли социальную дистанцию, ходить ли в места массового скопления или следовать ограничениям. Это реализация эмпирического подхода.

Проанализированы последствия реализации различных стратегий борьбы с пандемией COVID-19. Рассматривались показатели смертности от коронавируса, избыточной смертности, уровень «полной» вакцинации, динамика ВВП (ППС) 2020 к 2019 и 2021 к 2020 гг., психологические последствия. Отсутствие жесткого контроля за вводимыми ограничениями приводит к заметно большей смертности от коронавируса и избыточной смертности. Кроме того, страны с рационалистским подходом имели более высокие показатели «полной» вакцинации (февраль 2022 г.). Необходимость совершения моральных выборов оказывается менее эффективной стратегией в контексте пандемии.

1. Шабалин А.П., Первушина О.Н. Использование метода дилемм в эмпирических исследованиях морали // Вопросы психологии. 2018. № 5. С. 78-87.

Феномен установки при оценке внешности по фотографии

Оценка внешности, представление о красоте, восприятие внешности

Феномен красоты достаточно субъективен и в настоящее время сложно дать однозначное определение. Тем не менее внешняя красота имеет большое значение в сознании людей и в некоторой степени является определяющей категорией достижения счастья, а неудовлетворенность своей внешностью может приводить к развитию депрессивных и тревожных симптомов [1, 2]. При этом оценка внешности другого человека зачастую сопряжена с отношением к личности. К внешним критериям оценивания прибавляется и внутренняя характеристика человека – его поведение и личностные качества. В связи с чем растет интерес к исследованиям не только внешних (телесных) характеристик красоты и привлекательности, но и изучение красоты, с точки зрения внутренней (духовной) составляющей.

В нашем поисковом исследовании, нацеленном на определение особенностей (Критерий Т-Стьюдента) оценки внешности людей по фотографии при позитивной и негативной установке. В исследовании приняло участие 52 респондента в возрасте от 18 до 57 лет. Из них 36 женщин и 16 мужчин. 29 человек в возрасте от 18 до 35 и 23 человека в возрасте от 36 до 57 лет. Для сбора данных был проведен эксперимент с фотографиями, в котором респондентам предлагалось оценить привлекательность человека на фотографии по 10-ти бальной шкале. Далее было необходимо обосновать свой выбор, свою оценку. Перед представлением фотографий давалась положительная (социально приемлемая) или отрицательная (социально неприемлемая) установка в отношении людей на фотографиях.

В результате анализа данных было выявлено, что при наличии асоциальной установки респонденты оценивают внешность людей ниже ($M=4,5$), по сравнению с респондентами, которым давалась положительная установка ($M=6,4$) при $p<0,05$. При этом отмечается, что женщин оценивают более низкими баллами по сравнению с мужчинами при предъявлении асоциальной установки. Основные факторы, выделяемые респондентами при оценке привлекательности мужчин, были: улыбка, добрый взгляд, добродушность; а при оценке привлекательности женщин наиболее частыми ответами является: внешние атрибуты (гармоничное сочетание цветов в одежде, подобранность образа, причёска), улыбка, черты лица.

Также были получены различия в оценке внешности между представителями разных возрастных групп. Молодежь в среднем дает более низкие оценки внешности ($M=5,1$) по сравнению с представителями старшего возраста ($M=7,3$) при наличии социальной установки $p<0,05$. При этом оценки внешности являются низкими в обеих группах, если установка была асоциальной. Отмечается тот факт, что вне зависимости от установки женщины более высоко оценивают женщин на фотографии, а мужчины более высоко оценивают мужчин.

Таким образом, оценка внешности людей может быть обусловлена положительной или отрицательной установкой, что в свою очередь свидетельствует о представлении красоты человека не только как о внешней характеристике, но и о внутренней составляющей личности. Также отмечается большая критичность в оценке внешности людей у представителей молодого поколения, что может говорить о смещении фокуса на внешнюю составляющую при восприятии человека. Необходимы дальнейшие изучение социальных представлений о красоте и красивом человеке для уточнения полученных результатов.

1. Durovic D. *Readiness to accept Western standard of beauty and body satisfaction among Muslim girls with and without hijab // Scandinavian Journal of Psychology. 2016. Vol. 57, №. 5. P. 413–418.*
2. Marengo D., et al. *Highly-visual social media and internalizing symptoms in adolescence: The mediating role of body image concerns // Computers in Human Behavior. 2018. Vol. 82. P. 63–69.*

Тревожность и конспиративистская ментальность современной молодежи

Тревога, молодежь, когнитивно-поведенческая терапия

Расстройства, связанные с тревогой, являются одной из ведущих причин инвалидности и болезней во всем мире. Бремя болезней, связанных с тревожными расстройствами, остается стабильным с 1990 года, несмотря на огромный прирост доказательной базы для эффективных вмешательств [5]. Во время глобальной пандемии COVID-19 показатели распространенности расстройств, связанных с тревогой, выросли до 4802,4 на 100 000 (374 миллиона человек) [4]. Тревожные расстройства также значительно повышают риск развития сопутствующих заболеваний, таких как расстройства настроения, расстройства, связанные с употреблением психоактивных веществ, и риск самоубийства [2]. Актуальность проблемы стимулировало исследование тревожности у российской молодежи.

В нашем исследовании было показано, что среди российских студентов (Южный регион) преобладает высокий и очень высокий уровень тревожности (личностная шкала проявлений тревоги Дж. Тейлора), а среди азербайджанцев – средне-высокий и средне-низкий [1] в период пандемии.

Проведя диагностику (2023 г.) тревожности по методике Ч.Д. Спилбергера, Л. Ханина, на представителях армянской и русской национальностей (от 18 до 35 лет, 300 чел.), нами было установлено, что ситуативная тревожность преобладает у русских, а личностная тревожность у армян. Значимые различия по уровню ситуативной ($U=249,000$, $p\leq 0,000$), личностной ($U=309,500$, $p\leq 0,000$) тревожности. При этом высоки показатели конспиративистской ментальности – веры в заговоры. В группе русских и армян верят в следующие заговоры: продуктовый, общественный, политический, глобальность, фармацевтический. Значимость различий обнаружена по вере в тайные организации ($U=874,0$, $p\leq 0,001$) с преобладанием у русских.

Стандартом лечения расстройств, связанных с тревогой, является когнитивно-поведенческая терапия (КПТ) [3]. Десятки мета-анализов продемонстрировали, что КПТ при тревоге имеет убедительные доказательства для эффективности на протяжении всей жизни и, что преимущества КПТ являются долговременными. В воспитательной деятельности вузов необходимо вводить работу по коррекции убеждений, стимулирующих веру в заговоры.

1. Пищик В.И. Нарциссизм и уровень тревожности Азербайджанских и Российских студентов с различными оценками аутостереотипов поведения // *Психологический журнал*. 2021. Т. 42. С. 24-36.
2. Brown L.A., Gaudiano B.A., Miller I.W. The impact of panic-agoraphobic comorbidity on suicidality in hospitalized patients with major depression // *Depression and Anxiety*. 2010. 27(3). 310–315.
3. Carpenter J.K., et al. Cognitive behavioral therapy for anxiety and related disorders: A meta-analysis of randomized placebo-controlled trials // *Depression and Anxiety*, 2018. 35(6), 502–514.
4. Santomauro D.F., et al. Global prevalence and burden of depressive and anxiety disorders in 204 countries and territories in 2020 due to the COVID-19 pandemic // *The Lancet*. 2021. 398(10312), 1700–1712.
5. Vos T., et al. Global burden of 369 diseases and injuries in 204 countries and territories, 1990-2019: A systematic analysis for the Global Burden of Disease Study 2019 // *The Lancet*. 2020. 396(10258), 1204–1222.

Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФ (проект № 22-28-00520).

Альтруистическая направленность личности в контексте межличностных отношений в юношеском возрасте

Альтруизм, альтруистическое поведение, межличностные отношения, юношеский возраст

В современном цифровом мире, наполненном динамизмом и неопределенностью, особо ценным являются проявления альтруистической направленности личности.

Альтруистическое поведение, по мнению ученых, отвечает следующим критериям: приносит пользу другому человеку; осуществляется добровольно (не в результате угроз или подчинения); намеренно; польза при этом является самоцелью (а не ответной услугой); осуществляется без ожидания каких-либо внешних вознаграждений (допустимы вознаграждения внутренние – удовлетворенность и рост самооценки, которые являются подкреплением альтруистического поведения) [2].

Было установлено, что на альтруистическое поведение влияют определенные черты личности. Так, чаще помогают высокоэмоциональные люди, эмпатийные, склонные самостоятельно принимать решения, отличающиеся высоким уровнем развития самоконтроля [1].

В рамках данной проблемы нами было проведено эмпирическое исследование, направленное на изучение альтруистической направленности личности в контексте межличностных отношений в юношеском возрасте. Выборку составили студенты вуза в количестве 125 человек.

Блок методик включал широкий набор диагностических средств, среди которых были методики, разработанные В.Н. Куницыной: методика КОСКОМ (Коммуникативная и социальная компетентность), методика СТАЛЬ (Стабильность, толерантность и альтруизм в межличностных отношениях и другие свойства личности), опросник СУМО (Саморегуляция и успешность межличностного общения), 16-факторный опросник Р. Кеттелла. Об альтруизме личности свидетельствовали показатели по шкале «альтруизм» методики СТАЛЬ.

Согласно полученным данным, среднегрупповой показатель уровня развития альтруистической направленности личности у респондентов равен 4,38 баллам (из 12-ти максимально возможных), что свидетельствует о низком уровне альтруизма в среднем по выборке. При анализе распределения признака было установлено, что большая часть юношей и девушек имеет низкий (52,8%) и средний (44%) уровни развития альтруизма и только 3,2% высокий.

Как показал корреляционный анализ, альтруистическая направленность личности в юношеском возрасте в первую очередь связана с отсутствием всякого рода предрассудков и ханжеских установок, терпимостью к взглядам, отличающимся от собственных, доверием и благожелательностью по отношению к людям. Кроме того, склонность к совершению альтруистичных поступков напрямую коррелирует с умением контролировать свои эмоции и поведение, самодостаточностью, удовлетворенностью общением с близкими людьми, оптимистичным взглядом на жизнь, не боязнью быть отвергнутым другими. Проявления альтруизма также сочетаются с общительностью личности, открытостью, готовностью к сотрудничеству, вниманием к людям и при этом низким уровнем развития мотивации достижений.

Таким образом, полученные результаты расширяют представление об альтруистической направленности личности в юношеском возрасте. Исходя из них, можно предположить, что основу альтруистического поведения на данном возрастном этапе составляет определенное отношение к себе и окружающим, включающее толерантное отношение к другим людям, свободу личности от предрассудков и комплексов, высокий самоконтроль, уверенность в себе, доброжелательное и уважительное отношение к другим людям, ориентированность на сотрудничество и развитие отношений.

1. Куницына В.Н., Моисеева А.А. Теоретические подходы к определению моделей альтруистического поведения // *Психология и мораль / Сост. и науч. ред. В.Н. Куницына. СПб.: Речь, 2004. С. 137–145.*
2. Bar-Tal D. Altruistic motivation to help: Definition, utility and operationalization // *Humboldt Journal of Social Relations. 1986. Vol. 13. № 1-2. P. 3–14.*

Взаимосвязь психологической ригидности и особенностей эмоционального реагирования на потенциально травмирующую ситуацию

Психологическая ригидность, эмоциональное реагирование, травматическая ситуация, терапия принятия и ответственности

Военно-политические и вооруженные конфликты затрагивают широкий слой населения, однако большинство исследований травматических событий преимущественно уделяли внимание участникам и жертвам боевых действий, пренебрегая тем, что подобные ситуации потенциально нарушают различные аспекты безопасности и у гражданского населения. Значимость данной работы также подтверждается небольшим количеством исследований в рамках Терапии Принятия и Ответственности (АСТ), которая открывает новый взгляд на проблему психической травматизации.

Теоретико-методологическую основу исследования составили концепция психологической ригидности в контекстуально-поведенческом подходе, представление об эмоциональном реагировании как многоуровневом явлении, теория реляционных фреймов. Цель исследования – изучить взаимосвязь психологической ригидности и особенностей эмоционального реагирования на ситуацию проведения специальной военной операции.

Для эмпирической части был использован опросник принятия и действия (ААQ-II), разработана анкета переживания ситуации проведения СВО, переведен англоязычный Многомерный опросник психологической гибкости (MPFI-24), а также модифицирована шкала оценки влияния травматического события (ШОВТС) применительно к специальной военной операции. В исследовании принимали участие 161 человек в возрасте от 18 до 55 лет, имеющие гражданский статус. Данные были обработаны количественно и качественно.

Нами были выделены 4 группы с различным ведущим переживанием ситуации проведения СВО: 1) «Люди с выраженным переживанием сострадания жертвам»; 2) «Люди с выраженным страхом витальной угрозы и негативных последствий СВО»; 3) «Люди с выраженным беспокойством за близких»; 4) «Люди с минимальными эмоциональными реакциями». Каждая группа отличалась содержанием переживаний и эмоциональным фоном, но различий в поведении между этими группами не было.

Сравнительный анализ показал, что группа «людей с выраженным беспокойством за близких» отличается от остальных групп более высоким уровнем психологической ригидности. Это отражается в бездействии, слиянии с мыслями, а также в более низкой способности разделяться с мыслями. Эта группа также отличается более высокими значениями физиологической возбудимости. Схожие между собой значения показателей общего уровня психологической ригидности имеют «люди с выраженным переживанием сострадания жертвам» и «люди с выраженным страхом витальной угрозы и негативных последствий СВО». Они не отличаются и по выраженности навязчивых мыслей, физиологической возбудимости и избегания. Наиболее низкий уровень психологической ригидности обнаружился у «людей с минимальными эмоциональными реакциями». У этой группы были также наиболее низкие показатели признаков избегания, возбудимости и навязчивостей.

Также была найдена прямая корреляционная взаимосвязь между общим показателем уровня психологической ригидности и признаками избегания ($r=0,408$; $p<0,01$), навязчивых мыслей об СВО ($r=0,387$; $p<0,01$), а также физиологической возбудимости ($r=0,468$; $p<0,01$). Кроме того, была найдена отрицательная связь общего показателя и отдельных компонентов психологической гибкости (принятие, присутствие в настоящем моменте, распутывание с мыслями, контакт с ценностями) с этими признаками.

Таким образом, исследование подтвердило взаимосвязь психологической ригидности с и особенностями эмоционального реагирования ситуацию проведения СВО. Чем выше психологическая ригидность, тем более выражены навязчивые мысли, избегание и физиологическая возбудимость. Наиболее интенсивные переживания возникали у тех респондентов, которые беспокоились за близких. Полученные данные могут использоваться АСТ-терапевтами в работе с потенциальными группами риска и для профилактики развития у них травматизации.

1. Ильин Е.П. *Эмоции и чувства*. СПб.: Питер. 2013. 752 с.

2. Тарабрина Н.В. *Практикум по психологии посттравматического стресса*. СПб.: Питер, 2001. 272 с.

3. Hayes S.C., Long D.M. *Contextual behavioral science, evolution, and scientific epistemology // Advances in relational frame theory: Research and application*. 2013. P. 5-26.

Духовно-нравственные ориентации родителей в замещающих семьях

Замещающая семья, сиротство, духовно-нравственные ориентации, религия

На протяжении многих веков ведется поиск оптимального способа преодоления проблемы сиротства. Еще на заре христианства, когда церковь заявляла о праве ребенка на жизнь, перед государством встал вопрос об устройстве брошенных и нежеланных детей. Первые упоминания о детском приюте в Царьграде датируются 335 годом [2]. Сегодня размещение сирот в специализированное учреждение по-прежнему остается востребованным и действенным способом разрешения проблемы. Однако становится все более популярным и другой вариант устройства этих детей – замещающие семьи. Такая семья обладает основными признаками обычной, что дает ее воспитанникам больше возможностей для развития и социализации [1]. Тем не менее устройству детей в семьи сопутствует множество трудностей, осложняющих детско-родительские отношения и препятствующих нормальному функционированию самой семейной системы. Необходимо изучение социальных и психологических особенностей тех, кто уже имеет опыт воспитания приемных детей. Возникает предположение, что значимую роль в психологическом портрете замещающего родителя играют духовно-нравственные ориентации.

Целью исследования – сопоставление вовлеченности родителей в религиозную жизнь с мотивацией к принятию в семью ребенка-сироты. Предполагалось, что для замещающих родителей характерно большая вовлеченность в религиозную жизнь. Допускалось, что более религиозные родители чаще проявляют детоцентрические мотивы. Предметом исследования стала взаимосвязь религиозности родителей и мотивации к принятию ребенка-сироты в семью, объектом — родители с разным опытом замещающего родительства.

Для исследования была разработана специальная анкета, включающая в себя раздел о мотивах принятия ребенка в семью. Мотивы объединялись в пять обобщенных групп: прагматические, детоцентрические, эгоцентрические, компенсаторные и нравственные. Замещающим родителям предлагалось выбрать из предложенного списка те, которыми руководствовались они. Количество отмеченных мотивов отражало уровень «мотивационного напряжения» родителя.

В анкетировании участвовали 52 родителя разных полов: 26 – с опытом воспитания приемных детей и 26 – без такого опыта.

Для статистической обработки эмпирического материала использовались процедуры дескриптивного анализа, проверялась нормальность распределения показателей, использовался U-критерий Манна-Уитни.

Одно из ключевых расхождений в биографических характеристиках родителей с разным опытом замещающего родительства – отношение к религии. В группе родителей, не имеющих опыта принятия на воспитание ребенка-сироту, чаще встречается позиция «верю, но в религиозной жизни не участвую» (52,0%), в то время как замещающие родители, в большинстве, определяют себя, как людей верующих (45,8%). При корреляционном анализе выявлена тенденция к тому, что приемные родители более вовлечены в религиозную жизнь ($r=-0,252$, при $p\leq 0,1$). Важно, что показатель религиозности имеет прямую связь с количеством приемных детей в их семье ($r=0,311$, при $p\leq 0,05$). Чем более религиозно ориентированы родители, тем шире фактический опыт приема детей-сирот в семью.

Также обнаружена прямая связь между вовлеченностью в религию и уровнем детоцентрических ($r=0,288$, при $p\leq 0,05$) и нравственных ($r=0,310$, при $p\leq 0,05$) регламентированных мотивов. Кроме того, существует прямая связь между показателями религиозности и мотивационным напряжением ($r=0,351$, при $p\leq 0,05$).

Результаты исследования показали, что существует тенденция к тому, что люди, принимающие на воспитание детей-сирот, больше вовлечены в религиозную жизнь. Вероятно, что подобная духовно-нравственная сторона жизни формирует психологические, в частности мотивационные условия для расширения спектра позитивных ожиданий от прихода в семью приемного ребенка.

1. Боулби Дж., *Привязанность*. М.: Гардарики, 2003. 447 с.

2. Шипицина Л.М. *Психология детей сирот*. СПб.: Изд. С.-Петербургского университета, 2005. 627 с.

Роль семейной поддержки в формировании социального капитала организации

Социальный капитал организации, семейный капитал, семейная поддержка, профессиональная адаптация

В статье рассмотрены особенности профессиональной адаптации женщин в период после декретного отпуска. Женщины, включаясь в рабочий ритм организации, проходят этапы профессиональной адаптации. Исследования в области организационной социальной психологии показывают, что женщины в это время сталкиваются с проблемами недостаточной поддержки и понимания со стороны коллег и руководства, испытывают стресс в поиске баланса между трудовой и личной жизнью, утрачивают уверенность в собственных способностях и силах. Женщины должны реинтегрироваться в организацию, адаптироваться к новым рабочим задачам и организационным ролям, вносить вклад в консолидацию социального капитала организации наравне с другими сотрудниками [1,4].

Проблемам формирования и консолидации социального капитала уделяется большое внимание в современной зарубежной и отечественной социальной психологии. Социальный капитал проявляется в различных формах: финансовый, физический, человеческий, социальный, семейный. Социально-психологическими компонентами социального капитала являются: взаимное доверие, приверженность целям, ценностям, нормам поведения, укрепление репутации организации. Семейный капитал характеризуется прочностью связей членов семьи, готовностью прийти на помощь и оказать необходимую поддержку [3].

В реинтеграцию женщин в организацию большую роль играют два фактора: моральная поддержка со стороны семьи и социально-психологическая, стимулирующая поддержка сотрудников организации. Мы поставили перед собой цель – выявить особенности семейной поддержки женщины в период адаптации в коллективе организации [2]. Предполагалось, что поддержка семьи (мужа, родителей, старших детей) способствует формированию устойчивой адаптивности и уверенности женщин в себе. Поддержка семьи создает внутрисемейный социальный капитал, который, взаимодействуя с социальным капиталом организации, помогает женщине быстрее и легче адаптироваться в коллективе.

В исследовании использовались следующие методики: анкетный опрос, тест К. Роджерса, Р. Даймонда, измеряющий уровень адаптации, опросник показателей адаптации А.К. Осницкого, опросник Б. Басса, определяющий направленность личности, шкала Э. Динера, в адаптации Д.А. Леонтьева и Е.Н. Осина, определяющая уровень удовлетворенности жизнью.

В исследовании приняли участие 86 женщин в возрасте 23-40 лет. Результаты исследования показали, что успешность профессиональной адаптации женщин зависит от следующих факторов: а) степени семейной поддержки, уровня удовлетворенности жизнью и направленностью личности на дело. 57% опрошенных женщин отметили важность семейной поддержки для успешности профессиональной адаптации. Взаимосвязь успешности адаптации и уровня семейной поддержки равна $r = +0,481$, значимость коэффициента корреляции на 0,01 уровне. Взаимосвязь успешности адаптации и уровня поддержки мужа равнялась $r = +0,39$. Взаимосвязь успешности адаптации и уровня поддержки родителей равнялась $r = +0,342$, значимость коэффициента корреляции на 0,05 уровне.

Таким образом, в исследовании была доказана значимость традиционных семейных ценностей, имеющих значение для социальной поддержки женщин и консолидации социального капитала отечественных организаций.

1. Зандер М. Проблемы профессиональной адаптации матерей после декрета // *Электронный научный журнал "psyjournals"*. 2017, 1, С. 14-28.
2. Одаряева А.В. Особенности профессиональной адаптации женщин по окончании отпуска по уходу за ребенком. ВКР. СПб., СПбГУ, 2023.
3. Почебут Л.Г., и др. Социальный капитал личности. М.: Инфра-М, 2014.
4. Cohen S., Syme S.L. *Social Support and Health*. Academic Press, 1985.

Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФ (проект № 23-28-00107).

Роль мотивационных оснований в поддержке мифов об изнасиловании

Мифы об изнасиловании, страх смерти, потребность в когнитивной завершенности, вера в конкурентный мир

Согласно теории оправдания системы, люди склонны защищать, поддерживать и оправдывать существующий статус-кво и неравенство в разных сферах общественной жизни. Легитимизация статуса-кво обусловлена экзистенциальными (представление о мире как безопасном), эпистемическими (представления об “определенности” мира) и реляционными потребностями (принадлежности к группе) [2].

При изучении экзистенциальных мотивационных оснований исследователи обращаются к факторам страха смерти, веры в опасный и конкурентный мир; эпистемических — потребности в когнитивной завершенности; реляционных — потребности в разделенной реальности [2]. В настоящее время особый интерес представляет изучение гендерного неравенства и предикторов оправдания насилия как механизма, закрепляющего неравенство. Исследования показывают, что верования, оправдывающие систему, связаны с сексуальной объективизацией и установками по отношению к насилию [3]. Анализ предикторов готовности поддерживать мифы об изнасиловании может углубить понимание мотивационных и идеологических оснований оправдания насилия и психологических механизмов, закрепляющих гендерное неравенство. Цель исследования — изучить роль мотивационных оснований в готовности поддерживать мифы об изнасиловании.

Выборку исследования составили 747 жителей России в возрасте от 18 до 79 лет ($M=36.8$, $SD=11.5$). Участникам исследования предлагалось заполнить социально-демографические характеристики и методики на потребность в когнитивной завершенности, веру в опасный и конкурентный мир, страх смерти, разделенную реальность и принятие мифов об изнасиловании [1].

Результаты регрессионного анализа показали, что наибольший вклад в использование таких мифов, как “она этого хотела” вносят факторы веры в конкурентный мир ($\beta=.77$; $p<.001$); потребности в разделенной реальности ($\beta=.16$; $p=.038$), пола ($\beta= -.66$; $p<.001$); “она солгала” — потребность в когнитивной завершенности ($\beta=.24$; $p=.041$), вера в конкурентный мир ($\beta=.52$; $p<.001$), пол ($\beta= -.64$; $p<.001$); “он не имел это ввиду” — потребность в когнитивной завершенности ($\beta=.44$; $p=.002$), вера в конкурентный мир ($\beta=.43$; $p<.001$), пол ($\beta= -.30$; $p<.001$); “это не было настоящим изнасилованием” — потребность в когнитивной завершенности ($\beta=.79$; $p<.001$), вера в конкурентный мир ($\beta=.75$; $p<.001$), пол ($\beta= -.88$; $p<.001$); “она сама напросилась” — потребность в когнитивной завершенности ($\beta=.80$; $p<.001$), страх смерти ($\beta= -.12$; $p=.002$), вера в конкурентный мир ($\beta=.40$; $p=.001$), потребность в разделенной реальности ($\beta=.21$; $p=.018$), пол ($\beta= -.59$; $p<.001$); “изнасилование как девиантное происшествие” — потребность в когнитивной завершенности ($\beta=.36$; $p<.001$), вера в конкурентный мир ($\beta=.23$; $p<.001$), пол ($\beta= -.35$; $p<.001$); “изнасилование как обычное дело” — потребность в когнитивной завершенности ($\beta=.56$; $p=.002$), вера в конкурентный мир ($\beta=.90$; $p<.001$), вера в опасный мир ($\beta= -.17$; $p=.024$), пол ($\beta= -.78$; $p<.001$).

Таким образом, вера в конкурентный мир и потребность в когнитивной завершенности вносят наибольший вклад в поддержку разных мифов об изнасиловании. Вера в опасный мир, страх смерти и потребность в разделенной реальности — в готовность поддерживать мифы “она сама напросилась”, “изнасилование как обычное дело” или “она этого хотела”, что свидетельствует о необходимости рассматривать отдельные мифы как независимые основания. Представленные выводы можно использовать в разработке программ по снижению терпимости к проявлению насилия и повышению психологического благополучия.

1. Balezina M., Zakharova S. *Measuring attitudes towards rape in Russia: translation and validation of the illinois rape myths acceptance scale* // *Current Psychology*. 2023. P. 1–11.
2. Jost J. T. *A quarter century of system justification theory: Questions, answers, criticisms, and societal applications* // *British Journal of Social Psychology*. 2019. Vol. 58. №. 2. P. 263–314.
3. Papp L. J., Erchull M. J. *Objectification and system justification impact rape avoidance behaviors* // *Sex Roles*. 2017. Vol. 76. P. 110-120.

Исследование осуществлено в рамках Программы фундаментальных исследований НИУ ВШЭ.

Прусова И.С. Москва, НИУ ВШЭ
Горохова А.С. Москва, НИУ ВШЭ
Негинская Е.К. Москва, НИУ ВШЭ
Черняева Е.А. Москва, НИУ ВШЭ
Кобылина А.Ю. Москва, НИУ ВШЭ

Социальные представления об экономических угрозах: от социетальных к личным

Экономические угрозы, социетальные угрозы, социально-экономический статус

В рамках теории социальных представлений было показано, что структура представлений о социально-экономических угрозах варьируется в зависимости от воспринимаемого уровня личной финансовой угрозы [2]. На индивидуальном уровне финансовая угроза актуализируется через чувства страха, уязвимости, беспокойства и озабоченности [3]. Представленность таких эмоций может быть обусловлена оценкой актуальности проблемы, социально-экономическим статусом (СЭС) (субъективным и объективным), политическими взглядами и атрибуцией вины конкретному актору или социально-экономическим процессам в целом [4; 1]. Для комплексного анализа представлений о социетальных и личных экономических угрозах в России был реализован онлайн-опрос.

Выборку исследования составили 108 россиян (42,6% женщин, 57,4% мужчин) возрастом от 18 до 81 ($M=38.5$, $SD=11.1$). Респондентам было предложено указать 3-5 общих и 3-5 экономических проблем, с которыми может столкнуться общество или они лично. После участникам предлагалось оценить 42 экономических угрозы по уровню актуальности, личных переживаний, атрибуции вины и потенциальному проявлению выбранных угроз на индивидуальном уровне. Также были запрошены социально-демографические характеристики.

Для анализа социальных представлений была использована процедура частотного анализа ответов респондентов для разграничения ядра и периферии представлений (критерий принадлежности категории ядру – 5%). Результаты показали, что категория бедности входит в ядро представлений обо всех перечисленных проблемах, за исключением проблем мигрантов и финансовых пирамид. Наибольшее количество категорий, связанных с последствиями на индивидуальном уровне, входит в ядро представлений об экономическом кризисе, нищете и росте стоимости коммунальных услуг, наименьшее – в ядро представлений о финансовых пирамидах. Наибольшее затруднение в ответах вызывают проблемы дефолта и экономической небезопасности.

На основании результатов корреляционного анализа были построены регрессионные модели для каждого типа угроз: в качестве независимых переменных выступали актуальность угрозы, атрибуция вины, социально-демографические характеристики (объективный и субъективный СЭС, политические взгляды), в качестве зависимой переменной – личные переживания относительно разных угроз. Результаты регрессионного анализа показали, что наибольший вклад в оценку экономических угроз на индивидуальном уровне вносят факторы актуальности проблемы и объективный СЭС.

Таким образом, в рамках исследования были выделены структура и содержание представлений об экономических угрозах не только на социальном, но и на индивидуальном уровне, и вместе с тем, определены основные предикторы личных переживаний относительно рассматриваемых угроз. В следующих работах планируется изучить роль личных переживаний относительно экономических угроз в финансовом и потребительском поведении.

1. Becker J.C., Wagner U., Christ O. Consequences of the 2008 financial crisis for intergroup relations: The role of perceived threat and causal attributions // *Group Processes & Intergroup Relations*. – 2011 – Vol. 14. – №6. – P. 871–885.
2. Lemoine J., et al. Financial threat during the economic crisis: Connections with the social representation of the economic crisis and the willingness to act // *International Review of Social Psychology*. – 2016. – Vol. 29. – №. 1. – P. 113-126.
3. Marjanovic Z., et al. Psychometric evaluation of the Financial Threat Scale (FTS) in the context of the great recession // *Journal of Economic Psychology*. – 2013. – Vol. 36. – P. 1-10.
4. Mari S., et al. How political orientation and vulnerability shape representations of the economic crisis in Greece and Italy // *International Review of Social Psychology*. – 2017. – Vol. 30. – №. 1. – P. 52-67.

Исследование осуществлено в рамках Программы фундаментальных исследований НИУ ВШЭ.

Взаимосвязь между отношением молодых людей к своему внешнему облику, уровнем их социальной фрустрированности и преобладающими тенденциями в общении

Внешний облик, социальная фрустрированность, межличностное общение

Исследования внешнего облика в социальной психологии, его самооценки, показывают, что отношение к своему внешнему облику, как сложному интегральному образованию, с одной стороны формируется под влиянием многих факторов («Мультифакторная модель изучения отношения к внешнему облику») [3]. С другой стороны, отношение к своему внешнему облику, может быть взаимосвязано с различными эмоциональными и поведенческими проявлениями личности [2], в том числе, с преобладающими тенденциями в межличностных взаимоотношениях (общительность, зависимость и другие), с переживанием личностью неудовлетворенности социальными достижениями, положением в социуме. В результате может проявляться эмоциональное напряжение, социальная фрустрированность [1]. Представляется актуальным изучение отношения молодых людей к своему внешнему облику во взаимосвязи с эмоциональными и поведенческими проявлениями.

Было проведено исследование, в котором проверялась гипотеза о взаимосвязи отношения молодых людей к своему внешнему облику с уровнем их социальной фрустрированности и преобладающими тенденциями поведения в межличностном общении. В нем приняли участие молодые люди – 90 человек в возрасте 20-38 лет, женщины и мужчины с разным уровнем образования, представители различных профессий.

Обнаружены значимые взаимосвязи между компонентами отношения молодых людей к своему внешнему облику, преобладающими тенденциями поведения в межличностном общении и уровнем их социальной фрустрированности. Между самооценкой лица и уровнем социальной фрустрированности обнаружена умеренная обратно пропорциональная корреляционная связь ($-0,211^*$, $p \leq 0,05$). Еще более высоко значимой обратно пропорциональной оказалась корреляционная связь между самооценкой телосложения и уровнем социальной фрустрированности ($-0,398^{**}$, $p \leq 0,01$). То же касается и интегральной самооценки внешнего облика ($-0,266^{**}$, $p \leq 0,01$). Из всех преобладающих тенденций в межличностном общении значимыми оказались взаимосвязи между самооценкой лица ($-0,214^*$, $p \leq 0,05$), самооценкой оформления своего внешнего облика ($-0,298^{**}$, $p \leq 0,01$) и общительностью. Между уровнем социальной фрустрированности и степенью обеспокоенности субъекта тем, как его внешний облик оценивают другие, оказалась положительная значимая взаимосвязь ($0,223^*$, $p \leq 0,05$). Эмпирическое исследование подтвердило выдвинутую гипотезу о наличии значимых взаимосвязей между отношением молодых людей к своему внешнему облику, уровнем их социальной фрустрированности и преобладающими тенденциями в межличностном общении.

1. Балина Т.Н., Малова Н.В. Социальная фрустрированность как результат рассогласования между ценностями личности и возможностью их реализации в поведении // Известия вузов. Северо-Кавказский регион. Общественные науки. 2007. № 3. С. 97–102.
2. Лабунская В.А. Внешний облик человека как культурно-природный конструкт, порождающий психологические проблемы личности // Лицо человека в контекстах природы, технологий и культуры / Отв. ред. К.И. Ананьева, В.А. Барабанчиков. М.: Когито-Центр; Московский институт психоанализа, 2020. 502 с.
3. Лабунская В.А. Я удовлетворен жизнью и чувствую себя благополучным, потому что позитивно отношусь к своему внешнему облику, или наоборот? // Материалы V Международной научной конференции. Отв. ред. М.В. Сапоровская, Т.Л. Крюкова, С.А. Хазова. Кострома, 2019, Т. 1. С. 215–222.

Исследование выполнено при финансовой поддержке РНФ (проект № 22-28-01641).

Доверие врачам: роль сочетания гендера и специализации

Доверие врачам, гендерные ожидания, пилотное исследование

Здравоохранение играет важную роль в жизни общества — 81% россиян обращается к врачам с разной степенью регулярности [1]. Доверие врачу играет одну из ключевых ролей во взаимодействии с пациентом, и гендер врача — это один из важнейших факторов его формирования.

Согласно данным 2020 года на 10000 россиян приходится 104.4 медработника, среди которых существует гендерный дисбаланс — мужчины составляют лишь 29.2% от их общего количества [3]. При этом некоторые специализации — преимущественно «женские» или «мужские» как по фактическому соотношению, так и согласно представлениям [4]. Это отражается на мотивации выбора пациентов: врачей-мужчин склонны выбирать из-за веры в их большую квалификацию, а женщин — из-за ожидания большего сочувствия [2]. Однако непонятно, как связаны гендер врача и конкретная специализация с уровнем доверия ему.

Данное исследование — часть проекта по изучению факторов доверия врачам. Мы предполагаем, что доверие к врачам, имеющим не типичную для их гендера специализацию (например, мужчина-гинеколог) будет ниже из-за влияния гендерных стереотипов. В рамках пилотного исследования были отобраны специализации, в отношении которых наиболее выражены гендерные ожидания. На основе экспертной оценки (N = 5) было отобрано 28 специализаций. Опрос (N = 155, 68 мужчин, M(возр) = 36.75, SD(возр) = 10.61) показал, что в отношении 12 из них имеются ярко выраженные гендерные ожидания. Большинство респондентов считают, что женщины чаще, чем мужчины, работают акушерками (74.8%; процент респондентов, выбравших в качестве типичного представителя профессии женщину по сравнению с мужчиной или вариантами «одинаково часто» и «затрудняюсь ответить»), врачами УЗИ (57.1%), гинекологами (74.1%), маммологами (55.8%), медсёстрами (70.3%), офтальмологами (55.6%), педиатрами (75.5%) и терапевтами (56.5%). Мужчин чаще рассматривают как типичных проктологов (60.8%), травматологов (69%), урологов (51.8%) и хирургов (72%).

Весьма распространено мнение о примерно одинаковом распределении по гендеру с небольшим перевесом в сторону женщин среди дерматологов, отоларингологов и эндокринологов и в сторону мужчин среди ортопедов, наркологов, мануальных терапевтов и анестезиологов. Среди гастроэнтерологов, инфекционистов, кардиологов, неврологов, онкологов, психиатров, рентгенологов и стоматологов однозначно преобладает равномерное распределение. Также было установлено, что в среднем респонденты считают, что и они (M(cp) = 4.27, SD(cp) = 1.06), и другие люди (M(cp) = 4.06, SD(cp) = 1.04) хорошо понимают, в чём заключается род деятельности разных специалистов, что свидетельствует о достаточно четком образе врачей у респондентов.

Полученные результаты связаны с наличием ожиданий о том, каким гендером должны обладать специалисты. Отчасти они формируются из-за реального разрыва в представленности мужчин и женщин среди разных врачей. При этом студенты-медики выбирают специализации, соответствующие гендерным стереотипам, тем самым закрепляя их [4]. На практике полученные результаты могут быть полезны самим врачам: понимание специфики гендерных ожиданий пациентов поможет им выработать эффективные стратегии установления доверительных отношений, необходимых для продуктивного лечения.

1. *Здоровый образ жизни и как его придерживаться*, ВЦИОМ, 2022. — URL: <https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/zdorovyi-obraz-zhizni-i-kak-ego-priderzhivatsja> (дата обращения: 01.06.2023).
2. Ковалева М.Д. Выбор врача и гендерный фактор: результаты социологического исследования жителей крупного промышленного города // *Волгоградский научно-медицинский журнал*. 2019. № 1. С. 7–8.
3. Российская Федерация. Европейская программа работы (ЕПР). — URL: <https://gateway.euro.who.int/ru/country-profiles/russian-federation/#Pillar-1> (дата обращения: 01.06.2023).
4. Davis G., Allison R. *Increasing representation, maintaining hierarchy: An assessment of gender and medical specialization // Social Thought & Research*. 2013. Vol. 32. P. 17-45.

Исследование осуществлено в рамках Программы фундаментальных исследований НИУ ВШЭ.

Особенности волевого контроля при разных типах доверительных отношений

Волевой контроль, доверие, саморегуляция, доверительные отношения

В ситуации сложности мира человек сталкивается с необходимостью выработки личностных ресурсов, позволяющих справиться с информационными перегрузками, скоростью перемен. Опыт замедления и фокус внимания, принятие событий и распознавание символов, доверие и работа с тревогой создает ресурс для реализации намерений субъектом и расширением его жизненного опыта. Доверие, являясь одним из механизмов регуляции активности человека может влиять на особенности волевого контроля, проявляясь на уровне разного соотношения доверия к себе и к миру.

В психологии воли можно выделить регуляционный, мотивационный подходы и теории свободного выбора. В рамках мотивационного подхода Ю. Куль предлагает теорию волевой регуляции, которая проявляется на уровне удержания намерения в действии и изначально предполагает затруднения при реализации личностных намерений. Размышляя о препятствиях в реализации намерения, автор вводит понятия: ориентация на состояние (фиксация на мыслях о состоянии, вследствие чего действие затруднено) и ориентация на действие (непроизвольный переход от намерения к действию) [Kuhl J., 1987]

Исследование направлено на изучение особенностей волевого контроля в зависимости от разных типов доверительных отношений. В исследовании принимали участие 210 человек. Эмпирические методы: Доверие к себе (Т.П. Скрипкина), шкала межличностного доверия (Дж.Роттер в адаптации С.Г. Достовалова), СЖО (Д.А. Леонтьев), склонность к немотивированной тревожности (В.В. Бойко), Контроль в действии (Ю. Куль в адаптации С.А. Шапкина).

В результате изучения системы доверительных отношений были выделены группы: гармоничная система доверительных отношений (А); доверие к себе выше доверия к миру (Б); доверие к себе ниже доверия к миру (В). В группе Б респонденты в большей степени склонны воспринимать себя как обладающие свободой выбора, контролирующие жизнь (локус контроля жизнь (32,4); локус контроля Я (23). В группе В – снижение данных показателей позволяет предположить, что чрезмерное доверие к миру может ограничивать рамки возможного и создавать трудности целедостижения. В гармоничной группе доверительных отношений – снижение значений по всем шкалам СЖО. Результаты изучения контроля в действии: в группе А значения по всем шкалам снижены, причем ориентация на состояние выражена по шкалам Неудача (5), Планирование (5,8). При нарушении баланса доверительных установок (группы Б,В) мы наблюдаем различия в отношении реализации намерения в действии ($p=0,014$ при $p0,05$ по U – критерию Манна-Уитни). Следует отметить, что для группы В сохраняется тенденция с ориентацией на состояние в ситуации постановки целей (Планирование (5,7); в способности удерживать цель в стрессогенных условиях, преодолевая тревогу (Неудача 5,8). В группе Б – высокие значения по шкалам Неудача (6,2), Планирование (7), Общий уровень (21,2) с ориентацией на действие. Когнитивный и аффективный компонент самоконтроля в группе Б наиболее сформирован и предполагает выраженную способность к планированию, удержанию цели, гибкому выбору стратегий в ситуации условий, затрудняющих действие.

Таким образом, волевой контроль взаимосвязан с системой доверительных отношений Доверие к себе может стать мощным ресурсом, позволяющим человеку действовать, обеспечивая волевой контроль на уровне регуляции эмоций, поддержании мотивации, контроля неудач; в меньшей степени способствует формированию неполноценных намерений и создает основу, при которой ценностно-смысловые ресурсы выступают в качестве опоры и дают субъекту уверенность в себе и право на активность в принятии решений. В ситуации отсутствия опор во вне у человека с «фаталистической установкой» могут быть сформированы препятствия в реализации намерений. В ситуации нарушения баланса между доверительными установками человек в большей степени готов к реализации намерений. С одной стороны этот результат позволяет по-новому взглянуть на категорию доверия, с другой – наметить новые исследовательские задачи в изучении взаимосвязи доверия и свободного действия.

1. Kuhl J., Halisch F. *Motivation, intention and volition*. Berlin Heidelberg: Springer-Verlag, 1987, 429 p.

Активность как фактор повышения самооценки

Низкая самооценка, активность, воздействие

В предыдущих работах мы рассматривали феномен активности личности в рамках схемы Л.М.Попова, дополняющей основу концепции С.Л.Рубинштейна, в качестве мотивационного фона для действий. Суть дополнения заключается во включении в основу классической концепции наличие целей и учет рисков: «хочу (- цель) – могу (- способности, – личные дарования, – личные качества) – должен (-нравственные обязательства; – волевая регуляция) – отношение к этому (- переживания) – действия с учетом рисков». Было отмечено, что немаловажный принцип этого проекта заключается в возможности его дальнейшего развития и дополнения, что открывает широкие перспективы для психологического изучения личности, способствует повышению вовлеченности и активности испытуемого, заинтересованности в достижении намеченного результата.

Активность – одна из характеристик, которая проявляется на всех уровнях жизни и во всех сферах деятельности человека на всем протяжении его жизненного пути. Она способствует не только адаптации, необходимой в разные периоды и в различных ситуациях, но и обладает творческой, преобразующей функцией, потенциалом преобразований, в частности, в области развития и саморазвития. В этом случае активность у человека приобретает решающее, определяющее значение [2], ведущую роль [1].

Источником активности является психическая энергия, возникающая путем переработки энергии, поступающей извне (Н.Я.Грот, В.Вундт, В.М.Бехтерев). В широком плане активность представляется тремя базовыми процессами: созерцанием, приспособлением (адаптацией), преобразованием. Она существует как сложная функциональная система, но, вместе с тем, может возникать только для осуществления какой-либо конкретной цели. В практической психологии стимулирование преобразующего потенциала активности может быть применено в качестве мотивационного, побудительного средства к изменению, развитию психологических характеристик личности, в частности, личностной самооценки. Таким образом активность выступает фактором личностной самооценки, например, с точки зрения стремления человека любого возраста к успеху в различных сферах жизнедеятельности (учебной, профессиональной, спортивной, здоровья, полноценного ведения быта и др.).

Рассмотрение активности в ее различных аспектах [3], позволяет сделать вывод о том, что на этапе жизни взрослого человека она носит преимущественно действенно-преобразующий характер, как ведущая деятельность (Л. С. Выготский, А. Н. Леонтьев), которая является продуктом внешнего воздействия и внутренней мотивации.

В конкретно-прикладном аспекте практической психологии в роли такого внешнего воздействия могут выступать специально разработанные процедуры, с определенной целью подобранные упражнения, способствующие созданию у человека внутренней мотивации к психологическим изменениям, к саморазвитию.

Такой комплекс упражнений разработан и включен в практическую основу технологии компенсации низкой личностной самооценки, которая успешно применяется нами в группах третьего возраста (пенсионеров). Эмпирической базой исследования выступает Центральная библиотечная сеть г. Казани. В докладе представлено описание выборки и полученные результаты.

1. Абульханова-Славская К.А. *Стратегия жизни*. М.: Мысль. 1991. 299 с.
2. Мерлин В.С. *Лекции по психологии мотивов человека*. Пермь: Изд-во ПГПИ. 1971. 120 с.
3. Попов Л.М., Устин П.Н. *Энергетический, системно-функциональный, культурно-исторический и когнитивно-поведенческий аспекты жизненной активности субъекта // Бехтерев и современная психология личности: сб. статей. 2020. С. 24-28.*

Гендерный тип личности как фактор отношения к взаимодействию представителей разных профессий

Гендерный тип личности, отношение к взаимодействию, тип профессий

Гендерные отношения в современном обществе существенно меняются, вместе с тем процессы взаимодействия с учетом гендерного фактора изучены мало, что затрудняет их оптимизацию. При этом гендерные установки и гендерные представления определяют взаимоотношения мужчин и женщин, их взаимные ожидания в управлении разнополыми коллективами, влияют на справедливость социальной политики в интересах мужчин и женщин на уровне общества и в организациях.

Гендерный тип личности обуславливает различия между группами людей по сочетанию психологических отношений, специфическими социальными объектами которых выступают мужчины и женщины. Гендерный тип личности проявляется в субъективных оценках иерархичности во взаимодействии мужчин и женщин в сфере политики, в семье, в профессиональной деятельности, в интимно-личностных отношениях, а также – в субъективных оценках сходства или различий между мужчинами и женщинами по их психологическим свойствам, эмоциональным состояниям и поведенческим паттернам [1].

По результатам теоретико-эмпирического исследования нами были выделены и эмпирически верифицированы (N=456 чел.) 4 гендерных типа личности: патриархально-маскулинный, патриархально-эгалитарный, матриархально-маскулинный, матриархально-эгалитарный [1].

Гипотеза: в разных профессиональных группах, определенных в типологии Е.А. Климова по объекту деятельности (техника, человек, художественный образ и т.д.), отношение к социальному взаимодействию людей с разным гендерным типом будет отличаться по значимости его характеристик.

Отношение к социальному взаимодействию изучалось на основе 42 характеристик. С помощью дискриминантного анализа выявлены особенности отношения к социальному взаимодействию людей с разным гендерным типом личности с учетом их профессии.

В профессиях типа «человек – техника» (N=25 чел.) отношение к взаимодействию людей с разным гендерным типом наиболее существенно отличается по характеристикам (77% случаев): отсутствие предварительных ограничений во взаимодействии, зависимость его от ситуации; взаимодействие наполнено эмоциями; спонтанность, стихийность взаимодействия.

В профессиях типа «человек – знаковая система» (N=18 чел.) отношение к взаимодействию людей с разным гендерным типом наиболее существенно отличается по характеристикам (96,3% случаев): оценивают других людей по их действиям и поступкам; взаимодействие наполнено эмоциями.

В профессиях типа «человек – художественный образ» (N=26 чел.) отношение к взаимодействию людей с разным гендерным типом наиболее существенно отличают характеристики (70,2% случаев): практическая польза для себя; ориентация на собственные интересы и цели; взаимодействие не зависит от отношения к нему других людей.

Результаты анализа позволяют сделать следующие выводы:

1) В профессиях, в которых объектами деятельности выступает техника, знаковая система и художественный образ, выявлены наборы характеристик взаимодействия, значимо связанные с гендерным типом личности, то есть с психологическим отношением представителей этих профессий к мужчинам и женщинам и их субъективным восприятием иерархичности взаимодействия.

2) В профессиях типа «человек-человек», несмотря на значительную выборку (N=233 чел.), не обнаружено характеристик взаимодействия, которые существенно по-разному проявлялись бы у представителей разных гендерных типов. Мы предполагаем, что это связано с профессионально обусловленной необходимостью для этой категории специалистов владеть разнообразными моделями общения и взаимодействия.

Полученные данные позволят более целенаправленно осуществлять психологическую поддержку проектных команд, включая профилактику конфликтов – через более глубокое понимание нюансов отношения субъекта к взаимодействию.

1. Титова О.И., Позняков В.П. Гендерный тип личности: теоретическая модель и результаты эмпирического исследования // Вопросы психологии. 2023. № 1.

Особенности совладания со стрессом социально-этнического отчуждения русской молодежи в условиях гибридной войны

Стресс отчуждения, когнитивно-поведенческие стратегии преодоления, личностные изменения, молодежь

Современное российское общество в последнее время вовлечено в гибридные войны, которые ведутся с использованием военных и невоенных форм воздействия с упором на идеологические и психологические средства и современные модели «управляемого хаоса», где национализм и этническая самоидентификация используются в качестве ведущих мотивов подрывной деятельности [4]. Одним из инструментов гибридной войны является социально-этническое отчуждение, которое способствует нарастанию социальной напряженности и является механизмом политической манипуляции. Данная ситуация способствует увеличению этносоциальной дистанции русских с представителями иных этнокультурных групп, отчуждение сменяется неприязнью, растет конфронтация с остальным миром на фоне усиления этнонациональной сплоченности. Двусторонняя эмоционально-психологическая отстраненность «русского» и остального мира является уникальным контекстом взросления, решения задач развития современной российской молодежи. Ситуация социально-этнического отчуждения является не нормативно стрессогенной для молодежи, так как ее основными психологическими спутниками являются смыслоутрата [1; 2] и чувство изолированности, которое, в свою очередь, приводит к развитию депрессивных состояний [3]. В тоже время в юности и молодости жизнестойкость связана со стратегическим планированием и осмысленностью жизни.

Проблема исследования: как молодое поколение совладает с ситуацией социально-этнического отчуждения? Гипотеза: существует связь совладания с социально-этническим отчуждением и особенностей личностных изменений у российской молодежи в контексте ситуации гибридной войны. Методический комплекс: «Когнитивная оценка стрессовой ситуации» А.Ю. Малёновой (2015); методика диагностики когнитивно-поведенческих стратегий преодоления И.Г. Сизовой, С.И. Филиппченковой (2002); «Опросник личностных изменений» К.В. Карпинского, А.М. Кольшко, Т.В. Парфёновой (2008). В исследовании приняли участие 44 человека (мужчины и женщины) от 18 до 35 лет ($M=25,3$; $SD=7,1$).

Анализ результатов анкеты показал, что социально-этническое отчуждение молодежь усматривает в вводе санкций и ограничений для россиян и проявлений русофобии (предвзятость, негативные оценки русских в СМИ и др.). Респонденты отметили, что данная ситуация негативно отражается на качестве жизни и психоэмоциональном состоянии, так как вызывает тревогу, печаль, грусть. Подтверждает стрессогенность данной ситуации и превалирование факторов объективной заданности ($x=12$), контроля ($x=9$) и стрессогенности ($x=8$) в ее когнитивной оценке. На уровне анализа когнитивно-поведенческих стратегий отметим: молодежь чаще прибегает к конструктивно-преобразующим ($x=10$) стратегиям, но при этом также выражены приспособительные и неконструктивные стратегии совладания ($x=7$) с ситуацией социально-этнического отчуждения. На уровне связей стратегий преодоления ситуации отчуждения и личностных изменений в данном контексте, прослеживаются тенденции: показатели, входящие в фактор психологического благополучия (позитивное самоотношение и осмысленность жизни) прямо связан с конструктивно преобразующей стратегией «когнитивная репетиция» ($R=0,57^{**}$), осмысленность жизни как характеристика позитивного функционирования личности в контексте события прямо связана с конструктивными приспособительными стратегиями ($R=0,52^*$), что позволяет сохранить функциональность в ситуации отчуждения за счет ее позитивного переосмысления, а также коррекции собственных ожиданий и надежд. Переживание угрозы экстремального события прямо связан с ее "когнитивной репетицией" (проигрыванием возможных сценариев развития ситуации ($R=0,42^*$)). Фактор «религиозность» обратно связан с коэффициентом конструктивности копинга ($R=-0,49^*$), т.е. обращенность к религии в данном контексте связана с попыткой ухода, отстранения от ситуации. Таким образом, специфика совладания со стрессом отчуждения связана с особенностями контекстуальной динамики личностных характеристик, являющихся метаресурсами преодоления сложных ситуаций.

1. Леонтьев Д.А. Смыслоутрата и отчуждение // *Культурно-историческая психология*, 2007, №4, с. 68–77.
2. Осин Е.Н. Смыслоутрата как переживание отчуждения: структура и диагностика: автореферат дис... канд. психол. наук: 19.00.01 / Осин Е.Н. М.: МГУ, 2007. 23 с.
3. Черная А.В., Бодрухина А.Ю. Психологические особенности субъективного отчуждения у студентов // *Вестник ВятГУ*. 2020. №4. С. 118–130.
4. Черноперов В.Л., Сулейманова У.И. Гибридная война: предпосылки появления, концепции, сущность, цели, инструментарий, правовые вопросы, риски // *Ноосферные исследования*. 2021. № 3. С.33–46.

Исследование выполнено при финансовой поддержке FZEW- 2023-0003.

Возможности теории социальных представлений для исследования восприятия городского культурного пространства

Социальные представления, городская среда, культурное пространство города

В современных исследованиях города и городской среды последняя рассматривается не только как физическое пространство, но и как сфера самоопределения и самоактуализации личности, что в результате образует целостность «субъект-среда». Городская идентичность представляет собой не только факт проживания человека в городе, но и его принадлежность к городу как пространству культуры. Пространство культуры города можно рассматривать как многомерное образование, основание которого составляет культурный ландшафт города: географическое место и наполняющие это место артефакты, который воплощает и несёт в себе смыслы и ценности человеческого бытия.

Одним из продуктивных направлений исследования психологического пространства города является теория социальных представлений (СП). Исследуя специфику социальных представлений о городе и городской среде в обыденном сознании жителей разных городов, ученые выявляют различия в содержании, структуре, факторах и механизмах ментальных репрезентаций представителей разных социальных групп горожан (Социально-психологические исследования города, 2016).

Цель работы – выявить возможности метода социальных представлений для исследования восприятия городского культурного пространства.

Методы исследования: ассоциативный эксперимент, прототипический анализ П. Вержеса. Эмпирическая база исследования: 354 респондента, постоянно проживающих в Краснодаре. Результаты исследования были обработаны для всей выборки респондентов, затем отдельно для выборки мужчин и женщин (131 мужчина, 223 женщины) и двух возрастных групп – старшего поколения (117 респондентов) и младшего (237 респондентов).

На первом этапе респондентам предлагали выполнить следующие задания: «Назовите не менее 5 ассоциаций с понятием «городская культура». Затем ответы подвергались прототипическому и категориальному анализу, в результате которого были выделены четыре зоны социальных представлений. В рамках данной статьи мы рассмотрим структуру и особенности ядра социальных представлений о городской культуре респондентов Краснодара, опишем гендерные и возрастные особенности восприятия городского культурного пространства.

В зону ядра представления о городской культуре респондентов Краснодара вошли элементы городской среды, формирующие визуальный образ города («парковая инфраструктура», «достопримечательности», «памятники», «архитектура»); категория «ухаживенность и комфорт», характеризующая бытовую культуру городского пространства: сдержанная цветовая гамма рекламных, отсутствие «визуального шума», чистота, рекреационный ресурс, и т.д.; феномены, определяющие городскую атмосферу: «культура поведения» (отношения жителей друг к другу, к приезжим, к городу, манера общения, пешеходная и авто культура), «городские традиции»; «городские общественные мероприятия»; городские учреждения культуры (музеи, кинотеатры, театры и филармония, выставочные залы, картинные галереи).

В качестве гендерных особенностей СП о городском культурном пространстве выявлено, что у женщин в ядро СП вошли категории «культура поведения» и «ухаживенность и комфорт». Соответственно, представление женщин о значимых элементах городской культуры более обширное и дифференцированное; для них важными аспектами городской среды является то, что относят к культуре повседневности, что составляет культурный фон города (культура поведения жителей, комфорт и чистота города).

Возрастные особенности СП о городской культуре состоят в том, что в младшей группе в эту зону вошло понятие «традиции, обычаи», а в старшей – «урбанизация» (многоэтажки, высокая плотность застройки, развитая городская инфраструктура, высокий темп жизни). Соответственно, для старшего поколения краснодарцев значимыми являются признаки городской культуры, отличающие город от сельской местности, а для младшего – городские традиции, формирующие атмосферу города.

Таким образом, теоретический конструкт социальных представлений может применяться в качестве инструмента исследования отдельных аспектов городской среды.

1. Социально-психологические исследования города / Отв. ред. Т.В. Дробышева, А.Л. Журавлева. М.: Институт психологии РАН, 2016.

Исследование выполнено при финансовой поддержке РФ и Кубанского научного фонда (проект № 22-28-20292).

Особенности выраженности интернет-зависимости у студентов-психологов с разным уровнем одиночества

Одиночество, зависимость, интернет, студенты

Востребованность и необходимость Интернета стала неотъемлемой частью каждого человека. Такое влияние имеет как положительные, так и отрицательные последствия, опасный и разрушительный для личности путь от сужения круга интересов к избеганию реальности в виртуальном мире – проблема, которая широко обсуждается.

С целью выявления особенностей интернет-зависимого поведения студентов с разным уровнем одиночества было проведено эмпирическое исследование. Респондентами выступили студенты разных курсов ФГБОУ ВО «Тувинский государственный университет». Была использована методика субъективного ощущения одиночества Д. Рассела и М. Фергюсона, а также по методике «Шкала интернет – зависимости Чена». Феномен одиночества заключается в том, что чувство одиночества воспринимается как остро субъективное, сугубо индивидуальное и часто уникальное переживание.

Одна из самых отличительных черт одиночества – это специфическое чувство полной погруженности в самого себя. Чувство одиночества не похоже на другие переживания, оно целостно, абсолютно все охватывающее. Одиночество представляет собой комплексное чувство, которое связывает воедино нечто утраченное внутренним миром личности. Чувство одиночества побуждает человека к энергичному поиску средств противостояния этой “болезни”, ибо одиночество действует против основных ожиданий и надежд человека и, таким образом, воспринимается как крайне нежелательное. В чувстве одиночества есть познавательный момент. Одиночество есть знак своей самости; оно сообщает человеку, «кто я такой в этой жизни». Одиночество – особая форма самовосприятия, острая форма самосознания.

По результатам проведенного исследования были получены следующие данные:

- у 57% респондентов выявлен низкий уровень одиночества (n=54);
- у 37% респондентов выявлен средний уровень одиночества (n=37);
- у 5% респондентов выявлен высокий уровень одиночества (n=5).

Проанализировав показатели по методике «Шкала интернет – зависимости Чена» мы получили следующие результаты:

- у 21% респондентов (n=20) выявлен минимальный риск возникновения интернет-зависимого поведения;

- 49% респондентов (n=46) выявлена склонность к возникновению интернет-зависимого поведения у этих респондентов наблюдается чувство дискомфорта, если приходится прекратить пользоваться интернетом на определенный период времени;

- 30% респондентов (n=28) выявлено сформированное и устойчивое интернет-зависимое поведение, у этих респондентов наблюдается невозможность преодолеть желание войти в интернет; невозможность контролировать длительность времени пребывания в интернете, что приводит к недосыпанию, нарушению питания, чувству усталости днем, невозможность субъективного контроля за использованием интернета и дезадаптация, которая отражает отрицательное влияние его использования на межличностные отношения, здоровье, работу, учебу, эмоциональное, психологическое состояние, финансовый статус, и др.

Таким образом, что интернет-зависимость может быть что-то похожее бегством от одиночества и нерешительных проблем реальной жизни. Больше всего подвержены этому студенты, стремящиеся найти удовольствие в виртуальном мире.

Было выявлено, что невозможность контролировать длительность времени пребывания в интернете у многих респондентов приводит к недосыпанию, нарушению питания, чувству усталости днем. Таким образом, у респондентов невозможность субъективного контроля за использованием интернет и дезадаптация, которая отражает отрицательное влияние его использования на межличностные отношения, здоровье, работу, учебу, эмоциональное состояние, финансовый статус.

1. Ананьев Б.Г. Психология и проблемы человекознания / Под ред. А.А. Бодалева. М.: Институт практической психологии, Воронеж: НПО «МОДЭК». 1996. 384 с.

Особенности проявления агрессии и аутоагрессии у студентов из разных стран

Агрессия, аутоагрессия, опросник Басса-Дарки, студенты

В настоящее время всё более актуальной становится проблема агрессии, в том числе и аутоагрессии среди студенческой молодёжи в разных странах.

В данной работе проведен сравнительный анализ исследований по проблеме агрессии и аутоагрессии. В данных исследованиях применялся опросник Басса-Дарки для диагностики состояний агрессии и враждебности (Buss-Durkee Hostility Inventory), включающий в себя такие шкалы, как физическая агрессия, вербальная агрессия, косвенная агрессия, негативизм, раздражительность, подозрительность, обида, чувство вины (аутоагрессия) [3, с. 16-17]. В данной статье мы сравним только такие формы агрессии, как физическая, вербальная и аутоагрессия среди студентов Курского государственного медицинского университета (КГМУ), студентов Севильского университета (US) (Испания), исследование проведено в 2018г. [2, с. 137], студентов Южного федерального университета (ЮФУ) и студентов Национального университета Узбекистана имени Мирзо Улугбека (НУУз) (Узбекистан), исследование проведено в 2022-2023гг. [1, с. 5].

Студенты КГМУ и US были исследованы при помощи опросника Басса-Дарки, адаптированного Л. Г. Почебут [2, с. 137]. У студентов КГМУ процент выраженности физической агрессии составляет 16,6%, процент выраженности вербальной агрессии 27,7%, процент выраженности аутоагрессии 38,8% [2, с. 138]. У студентов US процент выраженности физической агрессии составляет 0%, процент выраженности вербальной агрессии 33,3%, процент выраженности аутоагрессии 58,3%, таким образом выявлены значимые различия (Критерий Фишера $F=2,701$, $p0,01$). [2, с. 138].

Студенты ЮФУ и студенты НУУз были исследованы при помощи опросника Басса-Дарки, адаптированного А. А. Хван, Ю. А. Зайцевым, Ю. А. Кузнецовой [1, с. 7]. У студентов ЮФУ процент выраженности физической агрессии составляет 6,9%, процент выраженности вербальной агрессии 11,7%, процент выраженности аутоагрессии 13%. У студентов НУУз процент выраженности физической агрессии составляет 9%, процент выраженности вербальной агрессии 10,5%, процент выраженности аутоагрессии 14,3%. Значимых различий по данной шкале не выявлено.

Будет некорректно сравнивать результаты исследования КГМУ и US с ЮФУ и НУУз, поскольку в каждой паре групп использовалась разная адаптация методики Басса-Дарки, но можно заметить определённую ярко выраженную тенденцию: во всех группах показатели физической агрессии наименьшие, далее следуют показатели вербальной агрессии. Самыми высокими являются показатели аутоагрессии. Это можно объяснить неумением студентов в силу возраста выражать конструктивно недовольство ситуацией, вследствие чего они направляют агрессию на себя. В цивилизованном обществе не принято рукоприкладство, поэтому физическая агрессия имеет наименьший показатель. Интересен также тот факт, что в испанской выборке нулевой показатель физической агрессии. Это может быть связано с тем, что испанцы в силу своего темперамента выплёскивают свои эмоции в разнообразных празднествах и у них отпадает необходимость в причинении физического вреда другому. Однако среди испанской молодёжи более выражена аутоагрессивное поведение.

Можно сделать вывод, что тема агрессии и аутоагрессии исследована недостаточно и необходимо исследование студентов разных стран при помощи одной стандартизированной методики. Данный анализ позволяет говорить о социокультурных факторах, влияющих на проявление аутоагрессии в молодежной среде.

1. Ким В.В. Особенности проявления аутоагрессии у российских и узбекских студентов-первокурсников: ВКР: 37.04.01 – Ростов-на-Дону, 2023 – 139 с.
2. Филиппович Ю.С., Ромеро Герреро Э., Мендес Инагас И. Особенности проявления агрессии среди русской и испанской молодёжи // Международная научно-практическая конференция "Агрессия и насилие как явления современного общества", сборник научных статей. – Курск, 2018. – С. 135-139.

Искусственный интеллект в области психического здоровья: тематическое моделирование отзывов к психологическим чат-ботам

Искусственный интеллект, тематическое моделирование, терапевтический чат-бот, доверие к техническим интеллектуальным системам

Текущий уровень развития искусственного интеллекта (ИИ), обусловленный, в том числе, использованием “больших данных” и машинного обучения, открывает перспективы для его применения в области психического здоровья [1]. Актуальность внедрения ИИ-инструментов в психологическую практику также поддерживается низким уровнем затрат при высоких показателях точности и скорости [4]. Тем не менее, многочисленные исследования аттитудов к ИИ подчеркивают склонность респондентов предпочитать ответы, сформированные человеком, а также прямо избегать алгоритмически сгенерированных решений [4]. Одним из способов разрешения представленного противоречия выступает выявление механизмов, лежащих в основе (не)принятия алгоритма. Данная идея способствует построению теоретико-методологической рамки, отражающей структуру взаимодействия человека и алгоритма [1, 5], а также способна дать представление о конкретных способах повышения готовности использовать ИИ в области психического здоровья.

Для поиска потенциальных нарративов, связанных с (не)принятием ИИ-психологической помощи, проводится анализ на выборке отзывов о наиболее популярных чат-ботах, выполняющих функцию онлайн-психотерапевта: Wusa, Woebot и Youper. Текстовая база исследования содержит 7996 уникальных отзывов, полученных с помощью веб-скрапинга из онлайн-магазина приложений App Store, т. е. путем автоматизированного сбора информации из выбранных разделов веб-сайта. Тематическое моделирование методом латентного размещения Дирихле (Latent Dirichlet Allocation, LDA), включающее в себя процессы токенизации и лемматизации текстов [2], позволяет выделить 6 ключевых тем. Так, наиболее часто встречаются нарративы пренебрежения уникальностью (uniqueness neglect), наряду с опасениями, ассоциированными с чрезмерной стандартизованностью ответов, сгенерированных ИИ. Интерпретация результатов показывает, что различные формы персонализации ИИ-инструментов могут являться эффективным решением, способствующим принятию ИИ-советов.

Полученные результаты могут быть использованы для формулирования гипотез, а также поиска эмпирических референтов теоретическим концептам, актуальным для изучения доверия к техническим интеллектуальным системам в сфере психического здоровья. Данная работа также демонстрирует потенциальные возможности использования вторичных данных, представленных в форме цифровых следов, для проведения эмпирических исследований в области социальной психологии.

1. Ahmadi A., et al. *A systematic review of machine learning for assessment and feedback of treatment fidelity // Psychosocial intervention. 2021. Vol. 30, № 3. P. 139–153.*
2. Blei D.M. *Latent dirichlet allocation // Journal of machine learning research. 2003. Vol. 3, № 1. P. 993–1022.*
3. Goldberg S.B., et al. *Machine learning and natural language processing in psychotherapy research: alliance as example use case // Journal of counseling psychology. 2020. Vol. 67, №. 4. P. 438.*
4. Lee E.E., et al. *Artificial intelligence for mental health care: clinical applications, barriers, facilitators, and artificial wisdom // Biological psychiatry: cognitive neuroscience and neuroimaging. 2021. Vol. 6, № 9. P. 856–864.*
5. O'Dell B., et al. *Building trust in artificial intelligence and new technologies in mental health // BMJ Ment. Health. 2022. Vol. 25, №. 2. P. 45–46.*

Невербальная знаково-символическая коммуникация в социальной психологии: методологические аспекты

Коммуникация, социальная психология, общение, знак

Современное развитие различных форм коммуникации человека в технологически разнообразной среде приводит к необходимости пересмотра функционально используемых единиц анализа общения [3, 5]. Классические типологии в рамках социальной психологии традиционно выделяется два больших вида коммуникации, разделенные на основе использования знаковой системы передачи информации [1, 2]. В рамках психологии общения класс невербальной коммуникации представлен в основном такими, которые связаны с языком тела и неречевыми характеристиками речи. Однако в семиотике выделяются различные типологии, которые включают смысловые единицы разных уровней, связанные с визуальным изображением или использованием знаков-предметов. В рамках знаково-символического направления выделяют такие типы единиц-знаков, которые легли в основу актоники, графологии, гасстики и др. Ч.Пирс выделяет три типа знаков: иконические, символные и индексальные. Именно сочетание внешнего сходства объектов с изображаемым и конвенциональность символической интерпретации позволяет выделять класс коммуникативно важных единиц в виде орнаментов и иероглифических знаков в рамках интеракционных процессов в социальных группах.

Однако с развитием сетевой коммуникации на уровне межличностного и внутригруппового общения становится важным рассмотрение смыслового содержания еще одной невербальной составляющей, представленной рисунками, фотографиями и иными изображениями. Такой вид зрительных неязыковых знаков получил широкое распространение в виде мемов в Интернет-среде, использовании изображений с этническим содержанием. Одним из практических областей в современных направлениях развития коммуникации является использование знаков-изображений в коммуникации с техническими агентами. Практическими применениями является развитие систем ChatGPT [5].

Формирование психики человека за счет влияния знаковых систем рассматривается в философии и лингвистике в связи с изучением языка. Предлагая свою программу изучения этнической психологии, Г.Г.Шпет обращается к идеям В.Ф.Гумбольдта о знаке и языке [4]. Такими репрезентантами знаковых систем для этнической психологии становятся язык и искусство, обуславливающие развитие такой смысловой сферы в рамках внутригрупповой коммуникации.

Невербальная знаково-символическая коммуникация чаще используется в рамках больших социальных групп, а в современных сетевых формах общения – это активно развивается в рамках изучения интернет-мемов [5].

Использование изображений и рисунков как форм невербальной знаково-символической коммуникации выступает важным прикладным направлением для изучения сетевой коммуникации и важным направлением методологических исследований.

1. Андреева Г.М. *Социальная психология*. 5-е изд., испр. и доп. М.: Аспект Пресс, 2009.
2. Лабунская В. А. *О смысловом пространстве невербального общения // Российский психологический журнал*. 2014. №3. С. 93-109.
3. Махмутова Е.Н., Данилова А.М., Соломенкова М.И. *Психологические составляющие подготовки специалистов в условиях развития цифровой экономики в России // Материалы международной научной конференции*. Под общ. ред. А.В. Шаболтас, О.С. Дейнека. Отв. ред. И.А. Самуйлова. СПб., 2019. С. 335-336.
4. Шпет Г.Г. *Психология социального бытия*. М., Воронеж: Институт практической психологии, 1996.
5. Ray P.P. *ChatGPT: A comprehensive review on background, applications, key challenges, bias, ethics, limitations and future scope // Internet of Things and Cyber-Physical Systems*, 2023, vol. 3, p. 121-154.

*Исследование выполнено в рамках научной программы Национального центра физики и математики,
направление № 9.*

Влияние источника и распространителя информации на воспринимаемую достоверность информационного сообщения

Восприятие информации, оценка достоверности информации, многоуровневое авторство

В современном мире наблюдается переизбыток информации, обуславливающий недостаток времени, энергии и желания досконально проверять каждое информационное сообщение. Тем не менее, мы всё же оцениваем достоверность информации, принимая во внимание заметные и простые подсказки-индикаторы по типу количества лайков [3, 4].

Характеристики дистрибьютора (автор текста) и источника (тот, на кого ссылаются) информации являются одними из таких подсказок-индикаторов. В то время как влиянию источника уделяется много исследовательского внимания, влиянием дистрибьютора пренебрегают. В связи с этим было важно изучить, как характеристики дистрибьютора и источника вместе влияют на восприятие информации.

Основываясь на Гало эффekte (экстраполяция одной характеристики актора на другие) и концепте легитимации из социологической теории поля [2], мы выдвинули ряд гипотез. Например, ожидалось, что сообщение от источника с низкой достоверностью будет восприниматься более достоверно, если оно распространено дистрибьютором с высокой достоверностью. Согласно теоретическому фреймворку, распространение дистрибьютором с высокой достоверностью могло бы расцениваться как легитимация менее достоверного источника и его мнения, то есть признание этого мнения удовлетворяющим требованиям поля.

Для проверки гипотез использовался межгрупповой эксперимент. Всего было 10 групп. Гипотезы и процедура исследования были пререгистрированы, методика и процедура исследования были одобрены этическим комитетом организации, на базе которой проводилось исследование.

В качестве независимых переменных выступали уровни достоверности дистрибьютора и источника, в качестве зависимой — воспринимаемая достоверность информации. Было и две ковариаты: знакомство с темой текста и убеждения, связанные со здоровьем. Для анализа использовались два метода: ANCOVA и multiple linear regression (MLR). Размер выборки составил $N = 524$ участника.

Сбор данных проводился на базе интернет-платформы Anketolog. Процедура сбора данных включала два основных этапа. На первом этапе собиралась информация об убеждениях, связанных со здоровьем. На втором этапе испытуемым было предложено оценить шесть публикаций в социальных сетях на тему здоровья по шкале воспринимаемой достоверности [1].

По результатам анализа, оказалось, что средние значения воспринимаемой достоверности публикаций не различаются между экспериментальными группами ($p=0.188$). Это означает отсутствие поддержки для упомянутой гипотезы. MLR модель также показала отсутствие значимой связи между воспринимаемой достоверностью сообщения и основными предикторами: источником и дистрибьютором сообщения. То есть, независимо от того, каковы источник и дистрибьютор публикации, публикации в нашем эксперименте воспринимались более или менее одинаково. Тем не менее обнаружались значимые связи воспринимаемой достоверности сообщения с другими переменными. Оказалось, что большая степень доверия альтернативной медицине и знакомство с темой публикации статистически значимо повышают воспринимаемую достоверность публикации ($p \leq 0.001$).

В следующих исследованиях целесообразна проверка того, насколько отсутствие влияния источника и дистрибьютора сообщения на его восприятие характерно и для иных тематических областей, в том числе тех, относительно которых у читателей нет стойких убеждений / экспертизы.

1. Appelman A., Sundar S.S. *Measuring Message Credibility: Construction and Validation of an Exclusive Scale* // *Journalism & Mass Communication Quarterly*. 2016. Vol. 93. № 1. P. 59–79.
2. Bourdieu P., Wacquant L.J.D. *An invitation to reflexive sociology*. Chicago: University of Chicago Press, 1992. 332 p.
3. Metzger M. J., Flanagin A.J., Medders R.B. *Social and Heuristic Approaches to Credibility Evaluation Online* // *Journal of Communication*. 2010. V. 60. № 3. P. 413–439.
4. Sundar S. Shyam. *The MAIN model: A heuristic approach to understanding technology effects on credibility* // *MacArthur Foundation Digital Media and Learning Initiative*. MA.: Cambridge, 2008. P. 73–100.

Исследование осуществлено в рамках Программы фундаментальных исследований НИУ ВШЭ.

Фактор здоровья в структуре предикторов психологического благополучия

Психологическое благополучие, здоровье, студенты

Ускоренный ритм жизни, повышенные требования к достижению целей и самореализации оказывают влияние на эмоциональное состояние и благополучие личности. Важная роль в психологическом благополучии отводится состоянию здоровья личности. В ряде работ фактор физического и психического здоровья рассматривается как один из компонентов, уровней, условий интегрального показателя психологического благополучия [1,2]. Мы рассматриваем его как эндогенный фактор, связанный с особенностями онтогенеза субъекта [3].

Целью статьи является представление фактора здоровья как предиктора психологического благополучия личности, а также его связи с процессом самореализацией.

Выборка исследования представлена студенческой молодежью – 180 человек (8% юношей, 92% девушек) от 17 до 27 лет ($M=19,9$; $SD=1,7$). Первую группу здоровья имеют 78%, вторую – 15%, третью – 5% опрошенных.

Методический комплекс: «Шкала психологического благополучия (RPWB)» К. Рифф, 1989, в адаптации Н.Н. Лепешинского, 2007, шкалы самооценки объективных параметров благополучия (характеристики социально-экономического статуса и статуса здоровья: группа здоровья, состояние здоровья и др.), опросник «Спектр психологического здоровья — Краткая форма» (MHC-SF) К. Киз, 2020, тест суждений самореализации личности (С.И. Кудинов).

Результаты первого этапа исследования показали, что студенты имеют средний ($n=87$) либо низкий ($n=93$) уровень психологического благополучия.

Была установлена связь интегрального показателя психологического благополучия с субъективной оценкой здоровья ($R=0,35$, $p=0,01$). При этом наиболее важна оценка состояния здоровья у юношей ($r = 0,33$; $p = 0,002$). Доказано влияние здоровья на уровень психологического благополучия ($p = 0,02$). В целом, студенты относительно низко оценивают статус собственного здоровья. В свободных высказываниях они отмечают, что для достижения благополучия им необходимо «поправить здоровье», «работать, работать и ещё раз работать», «убить вредные привычки», «выжимать из себя все». Возможно, активный темп жизни, который требует больших ресурсов, определяет в актуальный момент важность поддержания себя в хорошей физической форме.

На втором этапе исследования корреляционный анализ компонентов самореализации и индикаторов психологического здоровья позволил установить, что с повышением уровня личностной самореализации повышается уровень всех сфер благополучия субъекта (социальное, эмоциональное, психологическое благополучие) ($p \leq 0,001$). При этом, чем более оптимистично настроен человек на реализацию своего потенциала, тем более благополучным в психологическом плане он себя ощущает ($p \leq 0,001$). Особое значение имеет конструктивный подход к самореализации, который приводит к большей эффективности респондента, и, как следствие, к психологическому и эмоциональному благополучию ($p \leq 0,001$).

Таким образом, сохранение физического и психического здоровья является одним из важных факторов в достижении психологического благополучия субъекта и его успешной самореализации. Оптимальный уровень здоровья позволяет субъекту реализовывать свои потребности и потенциал, достигать личных и профессиональных целей, быть удовлетворенным жизнью.

1. Воронина А.В. Проблема психического здоровья и благополучия человека: обзор концепций и опыт структурно-уровневого анализа // Сибирский психологический журнал. 2005. № 21. С. 142–147.
2. Идобаева О.А. Психолого-педагогическая модель формирования психологического благополучия личности: автореф. дис....докт. психол. наук: 19.00.07 / Идобаева О.А. М.: 2013. 24 с.
3. Тихомирова Е.В., Самохвалова А.Г., Вишневская О.Н. Психологическое благополучие студентов в условиях высокой неопределенности будущего // Ярославский педагогический вестник. 2021. № 4 (121). С. 88–97.

Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ и КН РА (проект № 20-513-05005\21).

Социальные представления об успешности у современных мусульман Республики Татарстан

Социальные представления, успешность, мусульмане, татары

В двадцать первом веке понятия успеха и успешности приобретают все большее значение, в том числе и в жизни мусульманского сообщества, играющего значимую роль в общественной жизни, как России, так и мире в целом. Для современных мусульман несомненно значимо, как именно он или она реализовывается и воплощает в жизнь собственные цели и устремления. Отражение подобной самореализации представляется возможным исследовать через понятие успешности и социальных представлений о нем.

В нашем исследовании мы проанализировали социальные представления об успешности мусульман республики Татарстан. Для работы был использован структурный подход, рассматривающий социальные представления как иерархически выстроенную систему, состоящую из центральной структуры (ядра) и периферической системы [1]. Для анализа структуры социальных представлений мы опираемся на подход П. Вержерса, однако используем его разновидность, позволяющую выявить частоту и значимость (не ранг) каждой из ассоциаций. Респонденты сами ранжируют названные ими ассоциации к предложенному нами понятию, что дает возможность подходить вопросу не абстрактно, а через личный опыт и собственное видение [3].

В окончательную выборку исследования вошли 118 человек в возрасте 16-37 лет (68 женщин и 50 мужчин), проживающих на территории республики Татарстан. Все респонденты являются татарами, мусульманами и обладают средним уровнем религиозности. В рамках исследования респондентам предлагалось привести 5 ассоциаций с понятием «успешность», а затем распределить их в порядке значимости.

В результате анализа социальных представлений об успешности было выделено всего 575 ассоциаций, которые были подвергнуты прототипическому анализу.

В области ядра социальных представлений, как мужчин, так и женщин было обнаружено понятие «Довольство Аллаха» (37; 2), характеризующееся наибольшими частотой и значимостью. То есть, для мусульман в первую очередь успешность — это вера в Бога, следование предписаниям ислама и духовность, что сходится с результатами исследований зарубежных психологов. Для мужчин в ядро социальных представлений вошло понятие Деньги (24; 2,9), в то время как у женщин оно включено в первую периферическую систему (высокая частота, но более низкую значимость). В зону ядра социальных представлений женщин входят понятия «Спокойствие» (22; 2,4); «Карьера» (22; 2,4) и «Семья» (16; 2,8). Понятие «Удовлетворенность» входит в зону ядра у женщин, являясь значимым как для женщин (2,9), так и для мужчин (2,6), однако в структуре социальных представлений мужской выборки оно входит в зону контрастирующих элементов, из-за низкой частоты повторений. Таким образом, сравнивая зону ядра, можно сказать, что мужчины в первую очередь видят успех скорее в уровне заработка, финансовой обеспеченности, в то время, как женщины чаще сравнивают успех с психологическим состоянием — удовлетворенностью и спокойствием. Кроме того, по результатам исследования периферической системы социальных представлений об успешности всех мусульман было выявлено, что она включает понятия, связанные с качественными особенностями личности.

Таким образом, структура социальных представлений имеет разное количество элементов и включает в себя как общие, так и специфичные понятия в зависимости от гендерной принадлежности. Совпадающие элементы социальных представлений имеют разную значимость и, в частых случаях, разное расположение в структуре социальных представлений у мужчин и женщин. При этом социальные представления татар об успешности являются в высокой степени обусловленными их религиозной принадлежностью.

1. Бовина И.Б. Стратегии исследования социальных представлений // Социологический журнал. 2011. № 3. С. 5-23.
2. Сачкова М.Е., Есина Г.К. Структура социальных представлений о высшем образовании учащихся с разным интрагрупповым статусом // Вестник Российского университета дружбы народов. Сер.: Психология и педагогика. 2019. Т. 16. № 4. С. 582-599.

Внутриличностные критерии зрелой гражданской идентичности молодежи

Гражданская идентичность, патриотизм, социальная зрелость личности

Гражданская идентичность сегодня является активно обсуждаемым в гуманитарных науках и общественной практике феноменом в связи с запросом на укрепление позитивного образа отечественной культуры в молодежной среде [2], [4]. Можно отметить, что в российской традиции исследования этого феномена только набирают обороты [3]. За рубежом идет широкая эмпирическая верификация двух моделей: однофакторной [5] и двухфакторной [1]. Первая рассматривает гражданскую идентичность как ряд смыслов, связанных с категорией конструктивного (или критического) патриотизма, противостоящего некритическому патриотизму в форме национализма [5]. Вторая модель исходит из того, что в зависимости от культуры зрелое чувство патриотизма может дополняться выраженным национализмом [1]. Данные ISSP показывают, что гражданская идентичность в России наиболее адекватно описывается двухфакторной моделью [1]. Проведенный нами обзор литературы показал, что наименее изученной стороной гражданской идентичности являются глубинные внутриличностные корреляты этого чувства, отражающие уровень личностной зрелости. Обнаружение таковых представляет важность для формирования более адресной программы воспитательной работы с молодежью.

В исследовании приняло участие 200 человек – студенты гуманитарных и технических направлений. Средний возраст 20 лет, юношей – 31%, девушек – 69%. Методы: многофакторный личностный опросник «СТАЛЬ» (В.Н. Куницына); шкалы гражданской идентичности из Международного социального опроса (ISSP в адаптации Л.К. Григорян); шкала идентификации с семьей (Е.А. Юмкина). Данные были проверены на нормальность распределения. Использовался корреляционный (t -Пирсона) и факторный анализы (метод главных компонент, вращение Варимакс). Статистический пакет IBM SPSS Statistic 22.0.

Результаты исследования показали, что структура гражданской идентичности является в выборке молодежи неоднородной. Л.К. Григорян отмечает, что шкала «Патриотизм» дает возможность выделить два фактора (гордость государственной системой страны (ГГС) и гордость достижениями культуры (ГДК)) [1], что сработало и в нашем случае. Дальнейшая проверка модели путем факторного анализа показала (КМО=0.9; $p < 0.01$), что выраженный национализм сочетается ($r = 0.78$) с ГГС, а позитивная этническая идентичность вошла примерно с равными нагрузками в оба фактора ($r = 0.50$ и 0.33 соответственно). В целом, студенты отличаются более выраженной ГДК ($M = 3.2 \pm 0.5$ при $max = 4$) в сравнении с ГГС ($M = 2.3 \pm 0.7$ при $max = 4$), а также позитивной этнической идентичностью ($M = 3.9 \pm 0.8$ при $max = 5$) в сравнении с национализмом ($M = 1.6 \pm 1.3$ при $max = 4$).

Анализ внутриличностных коррелятов показал (t -Пирсона), что выраженная гордость как ГГС, так и ГДК, опосредуется большей самодостаточностью ($p < 0.01$), эмоциональной зрелостью ($p < 0.05$), адекватным уровнем самооценки ($p < 0.01$), отсутствием чувства вины ($p < 0.01$) и страха отвержения ($p < 0.01$). Специфической чертой, опосредующей ГГС, является потребность в стабильных отношениях ($p < 0.01$). В то же время ГДК сочетается с потребностью в широких дружеских социальных связях (аффилиация) ($p < 0.01$) и с альтруистической направленностью личности ($p < 0.05$). Отмеченные личностные свойства оказались тесно связаны с протеканием конфликта поколений ($p < 0.01$): чем он острее, тем ярче выражены черты зависимой, неуверенной в себе личности.

Полученные результаты говорят о том, что зрелое чувство гражданской идентичности может быть реализовано через разные объекты категоризации. Базовая составляющая – это чувство этнической принадлежности, на основе которой выстраиваются разные варианты идентификация себя либо с государственной, либо с культурной общностью. Общим внутренним основанием для этого является становление внутренней автономности личности, проявляемой в овладении своими чувствами, независимостью суждений и решений. Ориентация на стабильность социального окружения или его разнообразие опосредует различия в выборах объектов гражданской идентификации.

1. Григорян Л.К. Патриотизм и национализм в России: механизмы влияния на экономическую самостоятельность // *Культурно-историческая психология*. 2012. №3. С. 22–30.
2. Журавлев А.Л., Юревич А.В. Патриотизм как объект изучения психологической науки // *Психологический журнал*. 2016. Т. 37. №. 3. С. 88–98.
3. Разина Т.В. Национальная идентичность vs российская гражданская идентичность // *Вестник Сыктывкарского университета. Серия 2: Биология. Геология. Химия. Экология*. 2022. № 2 (22). С. 7–12.
4. Теняева О.В. Гражданская идентичность как основа формирования социальной активности российской молодежи // *Ученые записки Крымского федерального университета имени В.И. Вернадского. Социология. Педагогика. Психология*. 2018. Т. 4 (70). № S2. С. 248–253.
5. Schatz R.T. Manifestations of Blind and Constructive Patriotism: Summary of Findings // *The Psychology of Good and Evil: Why Children, Adults, and Groups Help and Harm Others*, 2003, p. 513–515.

Факторный анализ ценностно-смысловой сферы личности будущих инженеров путей сообщения на начальном этапе профессионального образования

Ценности, смысл, карьера, счастье

В современных условиях развития общества чрезвычайно важное значение приобретает содержание обучения и воспитания личности будущих профессионалов: формирование у них ценностных, смысловых и карьерных ориентаций при поддержании оптимального субъективного благополучия. Исследование ценностно-смысловой сферы личности и психического здоровья студентов вузов представляется достаточно актуальным, поскольку программа подготовки требует больших психофизиологических ресурсов, а осмысленность и психологическая комфортность профессионального обучения могли бы компенсировать обучающимся отсроченный желанный результат получения высшего образования. Методический инструментарий исследования составили «Морфологический тест жизненных ценностей» (МТЖЦ) В.Ф. Сопова, Л.В. Карпушиной, тест «Смысловые ориентации» (СЖО) Д.А. Леонтьева, опросник «Карьерные ориентации» (КарО) Н.Н. Мельниковой, «Шкала субъективного благополучия» (ШСБ) Perrudet-Badoux, Mendelsohn и Chiche в адаптации М.В. Соколовой. Результаты для интерпретации были получены посредством факторного анализа с применением метода вращения: варимакс с нормализацией Кайзера. Эмпирическая база исследования включала в себя студентов ПГУПС первого и второго курсов инженерных направлений и специальностей в количестве 120 человек в возрасте от 17 до 20 лет, средний возраст 19 лет.

После варимакс-вращения в выборке будущих инженеров было обнаружено четыре фактора.

Первый фактор (ДОД=36,944%) представлен 15 шкалами – 14 из методики МТЖЦ и 1 из опросника КарО: «Развитие себя» (0,866), «Социальные контакты» (0,865), «Духовное удовлетворение» (0,839), «Профессиональная жизнь» (0,839), «Семейная жизнь» (0,829), «Собственный престиж» (0,828), «Общественная жизнь» (0,821), «Обучение и образование» (0,807), «Материальное положение» (0,806), «Достижения» (0,801), «Сохранение индивидуальности» (0,791), «Увлечения» (0,762), «Физическая активность» (0,739), «Креативность» (0,672), «Управление» (0,566). Данный фактор назван «Гуманистический подход в управлении».

Второй фактор (ДОД=20,878%) включает в себя 7 шкал – 6 из методики СЖО и 1 из опросника КарО: «Общая осмысленность жизни» (0,947), «Локус контроля-жизнь» (0,909), «Локус контроля-Я» (0,894), «Результат жизни» (0,892), «Процесс жизни» (0,833), «Цели в жизни» (0,827), «Мастерство» (0,451). Данный фактор обозначен как «Профессиональная осмысленность».

Третий фактор (ДОД=12,271%) включает в себя 5 шкал – 1 из методики МТЖЦ и 4 из опросника КарО: «Креативность» (0,477), «Карьера вглубь» (0,852), «Служение» (0,846), «Мастерство» (0,615), «Общая карьерная направленность» (0,607). Фактор получил название «Профессиональное творчество».

Четвертый фактор (ДОД=10,349%) объединяет в себе 4 шкалы методики КарО: «Карьера вверх» (0,885), «Предпринимательство» (0,845), «Управление» (0,623), «Общая карьерная направленность» (0,611). Фактор назван «Управленческая карьера».

Полученные результаты позволяют сделать следующий вывод. В сознании будущих инженеров путей сообщения как руководителей транспортной сферы нашего государства на начальном этапе профессиональной подготовки карьерные ориентации связаны с ценностями, жизненными сферами и смысловыми ориентациями, что позволяет предположить об осмысленности и социально-гуманистической направленности содержания их профессионального обучения, которое характеризуется такими факторами, как «Гуманистический подход в управлении», «Профессиональная осмысленность», «Профессиональное творчество» и «Управленческая карьера». Однако ни в один фактор не вошло субъективное благополучие, что может свидетельствовать о недостаточном уровне оптимального психологического комфорта при обучении на инженерных направлениях и специальностях.

Человеческий фактор инноваций

Moraes R.C. Rio de Janeiro, Centro Universitário Unicarioca
Valim R.L.M. Rio de Janeiro, Centro Universitário Unicarioca

Combining the study of the social environment, cognitive sphere and innovation: the experience of successful teacher training

Neuroscience, education, cognitive skills, negative cognitive skills, public school

Maturana [2] asserts that people learn to live relevant to their society and environment. At the same time, teachers make a lot of efforts to change the values, behavior and cognitive characteristics of children. Children may be in other social conditions, other values relevant to their community. In the virtual world, everything happens very quickly, from technological changes to new versions that replace the previous ones every day and create a landscape of new practice, new social environments [1]. Also, identities arise and are quickly replaced by others, because the focus of all these changes is not the person, but the functions of the digital environment. The digital environment can "encourage" any kind of consumption, including destructive. Once again, let us recall Vygotsky [5], who argued that learning is not development, but the possibility of developing historically formed human characteristics. In this sense, we also include Mebes [3], who studied negative cognitive characteristics. We believe that a comprehensive approach to learning is necessary in conditions of such risks, where teaching teachers to interact between the "real" and digital worlds is key (fundamentally important). We present the results of a study of master's degree students in the field of digital pedagogy at the Unicarioca University Center (Brazil, Rio de Janeiro), as part of the study of neurobiology. The applied purpose of the discipline is to teach how to create individualized innovative teaching technologies based on digital services. The main idea of such innovations is to rely on positive, socially useful life experience, cognitive and social resources of the child. The technology included: group discussions, including discussion of cases, subsequent psychological and pedagogical reflection and writing reports. Then the reports were combined into one book, supplemented also by the reports of previous students. Thus, we created an opportunity to see the history of problems, specific cases in dynamics over several years. An important part of such an ongoing "collective monograph" was the opportunity to see the dynamics of problems and methods of their solutions in the context of social and cognitive characteristics of children with similar characteristics. At the same time, the authors-magicians were not limited to the social context, combining classes with the study of cognitive characteristics and the functioning of the brain. Accordingly, undergraduates also had to combine information about cases with reports on the results of the study of scientific papers, including bibliographic sources. Such reflexive training allowed students to be included in discussions. According to the results of the training, teachers significantly appreciated the importance of joint reflexive learning and currently the project is actively developing, and schoolchildren are also better trained to manage their risks [4].

1. Cruz-Cárdenas J., et al. *Consumer Extraversion, Novelty Seeking and Use of Mobile Instant Messaging (MIM) // Lecture Notes in Networks and Systems*. 2021. V. 267. P. 181-188.
2. Maturana H.R., et al. *A ontologia da realidade. A ontologia da realidade. UFMG: Psicologia edition*. 2014. 413 p.
3. Mebes G.O. *Arcanos Maiores Do Tarô, Os*. Editora Pensamento, 1988.
4. Patrakov E.V., et al. *Ecopsychological interpretation of risk as a criterion of an individual's psychological readiness for interactions with the digital environment: A cross-cultural study among educators // Psychology in Education*, 2023, v. 5, №1, p. 124–137.
5. Vigotski L.S. *Aprendizagem e desenvolvimento intelectual na idade escolar // Linguagem, desenvolvimento e aprendizagem*. 7.ed. São Paulo: Icone, 2001, p. 103-119.

IT identity: preliminary results of the scale adaptation on the Russian sample

IT identity, relatedness, dependence, emotional energy

The concept of IT identity has appeared in science recently, and there is still no single definition for this phenomenon. In this study, we understand IT identity as a new type of identity, as the degree of person's interaction with information technology (Carter, 2013). Despite the increased interest in this phenomenon, methodological approaches to its study have not yet been developed. It is still not clear what factors drive the development of a healthy IT identity. There is a lack of psychodiagnostic tools to identify the level of IT identity. This study aims to overcome this problem by adapting the short version of the Information Technology Identity Scale (Wang et al., 2022) to the Russian-language sample of the younger generation.

In the first stage, an independent direct and reverse translation of the statements of the original scale from English to Russian and vice versa was performed. This work required several iterations, as the direct translation of the statements from English into Russian did not always accurately and clearly reflect the meaning of the sentences. The scale consists of 9 statements, which are combined into 3 sub-scales: Relatedness, Dependence, Emotional Energy. The instruction was: You will be offered statements regarding your relationship with information technology (Word, MS Office applications, smartphone apps, social networking, WhatsApp messengers, etc.). On a five-point scale (1 – absolutely disagree, 5 – completely agree) choose the answer that most closely corresponds to your opinion». Besides, diverse scales (Cruz-Cárdenas et al., 2019) were used to estimate the tendency to use several technology-based services (online shopping, online banking, online news, mobile messaging).

In a second stage, the validity of the scale was tested. The results of confirmatory factor analysis (N=169) show a good correspondence of the model to the original data: CFI=0.994, GFI=0.970, RMSEA=0.043, Pclose=0.554. The analysis confirmed two factors (not three as in the original version) in the structure of the questionnaire, but the variance of the statements in them is ambiguous. If the second factor is represented by the statements corresponding to the Emotional Energy sub-scale of the original questionnaire, the first factor included not only the statements of the first Relatedness sub-scale, but also the second Dependence. Moreover, the variance of the statements of the original Dependence sub-scale was distributed with an equivalent high load on both factors. The uncertainty of the structure can be overcome by increasing the sample in future studies.

In the third stage, reliability was tested for internal consistency. The analysis showed high reliability of both sub-scales (Cronbach's alpha=0.919 and 0.860 respectively) and the final index (Cronbach's alpha=0.901).

At last, the external validity was checked. The external validity of the scale is confirmed by strong correlation relationships of IT identity with the preference of some forms of online behavior, namely, online shopping ($r=0.282$ at $p=0.000$), online banking ($r=0.354$ at $p=0.000$), and online news ($r=0.233$ at $p=0.002$).

The study enriches the Russian psychological science with new tool that is in demand in the context of global digitalization. As the prospects for further research, it is proposed not only to repeat the psychometric examination of the questionnaire on an increased sample, but also to develop a projective IT identity research methodology that does not include verbal stimulating material.

1. Carter M. *IT identity: developing valid measures through CFA-based MTMM analysis // International Conference on Information Systems (ICIS 2013): Reshaping Society Through Information Systems Design. 2013, Vol. 3. P. 2398-2415.*
2. Cruz-Cárdenas J., et al. *Role of demographic factors, attitudes toward technology, and cultural values in the prediction of technology-based consumer behaviors: A study in developing and emerging countries // Technological Forecasting & Social Change. 2019. V. 149. – URL: <https://doi.org/10.1016/j.techfore.2019.119768> (дата обращения: 01.06.2023).*
3. Wang P., et al. *A Preliminary Validation of the Chinese Version of the Information Technology Identity Scale // Psychol Res Behav Manag. 2022. 15. 751-762.*

Личностные особенности студентов-медиков и опыт взаимодействия с роботами

Взаимодействие с роботами, роботопсихология, экстраверсия, эмоциональная стабильность

Введение. Роботы активно внедряются в жизнедеятельность человека: домашние роботы для уборки, социальные роботы для оказания услуг [2]. Медицинская сфера является одной из высокотехнологических сфер, в которой появляются роботизированные технологии для отработки профессиональных навыков. Использование робота-пациента является одной из последних тенденций подготовки врачей [1].

Постановка проблемы. Остаётся мало изученной проблема отношения человека к роботам, особенности личности человека, который склонен к взаимодействию с роботом. Отечественной психологической наукой недостаточно отражены данные феномены, в то время как роботы активно внедряются в практическую деятельность человека. Гипотеза: существуют различия в личностных особенностях респондентов, имеющих разный опыт взаимодействия с роботами.

Метод. В исследовании приняли участие студенты Пермского государственного медицинского университета им. ак. Е.А. Вагнера (N=161). Респонденты разделены на 2 группы: взаимодействовали с роботами (N=130, возраст: M=19.6, SD=1.99, 30 м., 100 ж.) и не взаимодействовали с роботами (N=31, возраст: M=19.3, SD=1.55, 11 м., 20 ж.). Методики: анкета (опыт взаимодействия с роботами разного типа, взаимодействие с голосовыми ассистентами, степень удовлетворенности от взаимодействия, желание расширить взаимодействие с роботами разных типов), краткий опросник Большой пятерки в адаптации Т.В. Корниловой. Статистические методы обработки данных: U-критерий Манна-Уитни, критерий корреляции Спирмена. Обработка производилась в пакете JASP 0.14.1.

Результаты. Значения экстраверсии выше (U=1579.5, p=0.039) в группе студентов, имеющих опыт взаимодействия с роботами (M=8.16), в сравнении с показателями экстраверсии студентов без опыта взаимодействия (M=6.97).

В группе студентов, взаимодействовавших с роботами, параметр экстраверсии положительно взаимосвязан с частотой использования голосовых ассистентов (p=0.023) и с желанием расширить опыт взаимодействия с системами искусственного интеллекта (p=0.010). Параметр согласия положительно взаимосвязан с частотой использования голосовых ассистентов (p=0.039), а параметр эмоциональной стабильности положительно взаимосвязан с общей удовлетворенностью от взаимодействия с роботами (p=0.019). Были обнаружены положительные взаимосвязи между частотой использования голосовых ассистентов и желанием расширить опыт взаимодействия с зооморфными роботами (p=0.030), с системами искусственного интеллекта (ИИ) (p=0.016), с человекоподобными роботами (p=0.045), а также со степенью удовлетворенности от взаимодействия (p=0.001). Степень удовлетворенности от взаимодействия связана с желанием расширить взаимодействие со всеми типами роботов: механическими (p0.001), зооморфными (p0.001), ИИ (p0.001) и человекоподобными роботами (p0.001).

Обсуждение. Полученные результаты отражают наличие личностного компонента в опыте взаимодействия с роботом. При использовании роботов в обучении студентов-медиков необходимо опираться на личностей с выраженными параметрами экстраверсии, эмоциональной стабильности, а также с опытом взаимодействия с роботами; создавать смешанные группы студентов на основании данных параметров.

Выводы. Экстраверсия более выражена у людей, имеющих опыт взаимодействия с роботами. Экстраверсия, согласие и эмоциональная стабильность отражают желание расширить опыт взаимодействия с системами ИИ, частоту использования голосовых роботизированных ассистентов и степень удовлетворенности от взаимодействия с роботом соответственно.

1. Дьяченко Е.В., Черников И.Г., Самойленко Н.В. *Виртуальный пациент в симуляционном обучении и оценивании коммуникативных навыков общения – коммуникативный робот: фантастика или реальность?* // *Вузовская педагогика.* 2021. С. 178–183.
2. Muller S.L., Richert A. *The big-five personality dimensions and attitudes towards robots: a cross sectional study* // *Proceedings of the 11th Pervasive Technologies Related to Assistive Environments Conference.* 2018. P. 405–408.

Инновационные подходы в изучении эмоционального интеллекта

Эмоциональный интеллект, EQ, эмоции, инновации

В России развитию подходов к изучению эмоционального интеллекта (далее ЭИ), особенно инновационных, уделяется крайне мало внимания. Формирование инновационных подходов к изучению ЭИ ведется в научных кругах уже несколько лет, однако прогресс весьма невелик [4, с. 125].

Эмоциональный интеллект – это способность оценивать, воспринимать и понимать межличностные отношения, выражаемые посредством эмоций, а также управлять собственными и чужими эмоциями с использованием интеллектуального анализа [1, с. 29]. Сущность ЭИ сегодня рассматривается с точки зрения восприятия его в качестве инструмента достижения жизненного успеха за счет высокого уровня развития навыков коммуникации и взаимодействия не только с окружающими, но и с самим собой [1, с. 32].

Инновационные подходы к изучению ЭИ сегодня должны базироваться на нейрофизиологии, психолингвистике, нейронауке и психологии. На протяжении нескольких десятилетий изучением ЭИ с точки зрения нейрофизиологии занимаются крупнейшие мировые университеты, такие как Стэнфорд. Одним из наиболее популярных зарубежных исследований, является исследование Роберта Сапольски, рассматривающего ЭИ с точки зрения биологии эмоций [2, с. 78].

Наиболее инновационным подходом к изучению ЭИ сегодня является подход нейрофизиологии, увязывающий ЭИ с лимбической системой – структурой мозга, отвечающей за проявление эмоций. Термин разработан в 1952 году ученым Полом Д. Маклином. Его исследования гласят, что именно лимбическая система отвечает за формирование страха, гнева, спокойствия, удовольствия и зависимостей [3, с. 64].

В России разработкой инновационных подходов к изучению ЭИ занимается Татьяна Черниговская. Ее научная специализация строится на изучении ЭИ с точки зрения нейронауки и психолингвистики, а также на базе теории человеческого сознания [1, с. 36]. В своих работах она изучает влияние гаджетов на ЭИ у подростков, предполагая, что у них можно развить высокий ЭИ, однако при этом им необходимо общение с животными, межличностная коммуникация, участие в походах на природу, просмотр научно-познавательных фильмов и обязательная взаимовыручка [1, с. 37].

Таким образом, тема ЭИ и его развития сегодня актуальна как никогда, однако инновационные подходы в изучении ЭИ ограничиваются немногочисленными исследованиями и разработками, недостаточными для наиболее полного понимания природы и сущности ЭИ.

1. Литвиненко В.А. Современные исследования эмоционального интеллекта в отечественной психологии // *Северо-кавказский психологический вестник*. 2020. № 18/2. С. 28–43.
2. Сапольски Р. Биология добра и зла. Как наука объясняет наши поступки / ред. и пер. с англ. Ю.А. Аболина. 3-е изд. М.: Альпина нон-фикшн, 2019. 592 с.
3. Торсунова Ю.П. Морфология и функционирование лимбической системы: обзор литературы // *Пермский медицинский журнал*. 2023. №1. С. 61–77.
4. Шабанов С. Эмоциональный интеллект. Российская практика. 6-е изд. М.: Манн, Иванов и Фербер, 2019. 432 с.

О возможности нового направления в мотивации волонтерства – причастности к инновациям

Волонтерство, мотивы, мотивация волонтеров, менеджмент волонтеров, психология инноваций

Мотивация добровольчества традиционно исследуется в сфере про-социальной активности, направленности на социально-значимую деятельность. Но в настоящее время волонтерство движется в сторону трудовой и даже профессиональной деятельности, где для волонтера возрастает значение вознаграждения не столько в моральном, сколько в материальном аспекте; хотя и выражаемом не только в деньгах (напр., путешествия). Мотивация волонтеров в такой ситуации – значимая часть целого ряда управленческих решений, где выбор индивидуальной модели стимулирования добровольцев является решающим фактором [2]. Сказанное актуализирует поиск ресурсов максимально широкого нематериального стимулирования, поскольку в этом сама суть добровольчества. В теоретических поисках таких ресурсов нас привлекла идея мотивации волонтерства на основе принадлежности (причастности) к наиболее передовым научным и социальным достижениям – своего рода «фронтам» науки и практики. Это достаточно узкое и нетрадиционное направление волонтерства, которое не было предметом самостоятельного научного исследования. Например, в типологии мотивов событийных волонтеров есть классификация, которой придерживается Ассоциация волонтерских центров при обучении организаторов волонтерской деятельности [1]: мотив достижения, социальный мотив, процессный мотив, мотив вознаграждения и идейный мотив. С появлением мотивации волонтера, связанной с конкретным событием, у него меняется и тип его поведения. Если до определенного мероприятия оно было поисковым и четко неопределенным, то в конкретной ситуации обретает направленность [5]. Мотивация такой причастности в контексте инноваций (новых, прорывных технологий), по нашему мнению, объединяет все перечисленные типы, к которым также дополняется мотив удовлетворения любознательности, в какой-то мере открытия нового, ранее не бывшего, мотив креативности. Это не традиционный инновационный стартап, где результатом является проект и прибыль [4]; это стимулирование чувства причастности к значимому, чувство новизны.

Для комплексной диагностики такого типа волонтерской мотивации, на наш взгляд мы могли бы использовать не только традиционные тесты волонтерской мотивации, а еще и методики, направленные как на изучение отношения к новым технологиям, предполагающие черты социального технооптимизма на когнитивном уровне и социальной технофилии на эмоциональном уровне, шкалы общего личностного отношения к развитию науки и техники из европейского мониторинга «Специальный Евробарометр», Шкалы технофобии, Опросника о принятии и использовании технологий [3]. Таким образом, в результате применения указанных методик, мы могли бы говорить о формировании нового типа волонтерства, основанного на причастности к новым, инновационным технологиям, которые принципиально полезны обществу и востребованы им.

1. Кисленко А.В. Ценностные основания волонтерских практик российской молодежи // *Научный результат. Социология и управление*. 2021. Т. 7. № 3. С. 82-89.
2. Козель В.Н. Событийное волонтерство как технология вовлечения горожан в системную волонтерскую деятельность. М.: ГБУ города Москвы «Мосволонтер», 2018. 98 с.
3. Патраков Э.В., и др. Отношение к технологическим инновациям: кросскультурное исследование // *Психология человека в образовании*. 2022. Т. 4. № 4. С. 459–474.
4. Салтыкова В.С., Дейнека О.С. Современное состояние психологии денег в отечественной литературе // *Мир педагогики и психологии*. 2022. № 1(66). С. 6-22.
5. Сухарькова М.П. Подходы к изучению мотивации участия в практиках волонтерства // *Теория и практика общественного развития*. 2017. № 9. С. 12–16.

Ресурсный подход в психолого-педагогической коррекции развития детей с минимальной мозговой дисфункцией

Психолого-педагогическая коррекция, школа, семья, ММД

Ресурсный подход, в коррекционной работе с детьми, служит основанием для разработки программ, направленных на достижение устойчивого развивающего эффекта благодаря следующим преимуществам: сочетание исследовательского и методологического направления, определяющего приоритеты стратегий оказания психологической помощи; гуманистическая парадигма, рассматривающая имеющееся состояние психики человека как систему возможностей для развития [5]. В психологическом аспекте под ресурсами понимаются свойства личности, которые помогают эффективно решать различные жизненные проблемы [1]. Под педагогическими ресурсами понимают психологический потенциал участников образовательного процесса, средства педагогического воздействия, а также особенности образовательной среды [4]. Журавлев А.Л. подходил к ресурсам, как к процессу оптимизации взаимоотношений, создающему условия для развития и изменения [2]. Клочкова Л.И. отмечает, что идеи ресурсного подхода имеют серьезные личностно-ориентированные и гуманистические основания [3].

Исходя из вышесказанного, на наш взгляд, ресурсный подход наиболее эффективен с детьми с ММД. Занимаясь психолого-педагогической коррекцией важно создавать условия, способствующие необходимым психологическим изменениям семьи и ребенка. Основной целью психолого-педагогической коррекции является организация и поддержание адаптивной образовательной среды для детей и их родителей, которая будет способствовать достижению максимального эффекта от реализуемых в рамках сопровождения мероприятий.

В пилотном исследовании, направленном на изучение наиболее действенной формы работы с семьей, воспитывающей ребенка с ММД, приняли участие 230 родителей. Результаты анкетирования показали, что большинство (58,70%) готовы к работе в форме психолого-педагогического сопровождения, аргументируя это недостаточностью собственных знаний и представлений о воспитании ребенка с ММД. Другая группа родителей, обладающая определенными знаниями и представлениями о развитии детей с ММД выбрала психологическое (25,22%), педагогическое (8,69%) и социальное сопровождение семьи (7,39%). Полученные данные, демонстрирующие ресурсы семьи и их ограниченность, позволяют планировать и реализовывать работу по психолого-педагогической коррекции более направленно.

Ресурсный подход в психолого-педагогической коррекции, на основании полученных данных, будет реализовываться через создание специальных условий для продуктивного взаимодействия всех субъектов единого воспитательно-образовательного пространства в целях развития детей с ММД через удовлетворения их интересов, потребностей в личностном росте и творческом развитии, чтобы духовные, когнитивные, коммуникативные и др. ресурсы детей стали определяющими в процессе совершенствования воспитательной системы образовательной организации.

1. Афанасенкова Е.Л. Психолого-педагогическое сопровождение детей в период обучения // *Молодой ученый*. 2019. №2. С. 31-37.
2. Волик С.В., Токарева Ю.А. Условия достижения устойчивого коррекционного эффекта в работе педагога-психолога с учащимися, имеющими минимальные мозговые дисфункции // *Материалы Всерос. научно-практич. конф. с дистанц. и международ. участием "Актуальные проблемы современного образования: опыт и инновации"*, 21-22 декабря 2022 г. – Ульяновск: Зебра, 2022. Ч. 1. С. 328-334.
3. Клочкова Л.И. Реализация идей ресурсного подхода в развитии воспитания школьников: к вопросу о системе понятий // *Современные проблемы науки и образования*. 2014. № 3. – URL: <https://science-education.ru/ru/article/view?id=12821> (дата обращения: 28.06.2023).
4. Ларионова Л.И. Проблема ресурсного подхода в психолого-педагогической литературе // *Психология. Историко-критические обзоры и современные исследования*. 2017. № 6. – URL: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=32587129> (дата обращения 28.06.2023).
5. Холепенко Н.А. Работа психолога с родителями детей с ММД // *Социальное развитие современного российского общества: достижения, проблемы, перспективы*. 2019. № 11. С. 210-213.

Психологические особенности ВИЧ- пациентов из социально-благополучных групп населения

Психология здоровья, ВИЧ-инфекция, приверженность лечению, стигма, дискриминация

Социопсихосоматическая концепция здоровьесбережения [3] имеет существенный прикладной потенциал в социальной адаптации лиц с ВИЧ-инфекцией, поскольку адаптация к диагнозу, изменение образа жизни – комплексная задача, стоящая как перед самим пациентом, так и перед социальными и психологическими структурами, включенными в работу с ним. В литературе отмечается, что подавляющее большинство пациентов испытывают изменения личностного самоощущения после диагноза ВИЧ [2]. В тезисах обобщен опыт социального и психологического консультирования в ГАУЗ Свердловской области «ОЦ СПИД» по подготовке пациентов к началу антиретровирусной терапии (далее – АРВТ), n=155, обобщение данных за 3 года. Возраст от 28 до 53 лет. В выборку вошли пациенты, не характеризующиеся принадлежностью к маргинальным группам. В работе применялись структурированные интервью, сценарии мотивационных консультаций, шкала оценки комплаентности Морински-Грин, техники OARS и RESPECT [2]. Для всех пациентов были характерны жалобы на упадок сил, чувство усталости, раздраженность или подавленность различной степени выраженности, что характерно для иммунодефицита и в структуре консультирования включало обязательный первый этап стабилизации психического состояния пациента. Все пациенты отдают себе отчет, в том, что процедура лечения ВИЧ-инфекции не просто затратна по времени и концентрации внимания, но и необходима.

Результаты исследования выявили следующие закономерности, часть из которых мы бы могли отнести к парадоксальным:

1) 82% пациентов сообщили о проблемах, возникающих при коммуникации с близкими или официальными структурами; чувстве страха и подавленности при обсуждении темы ВИЧ-инфекции. Поскольку респонденты отражали внешнюю стигматизацию, мы относим такие реакции к самостигматизации, что подтверждается и другими исследованиями [1].

2) Имеет место более длительный и сложный процесс становления комплаенса. Традиционно факторы повышения комплаентности предполагают высокий уровень научной эрудиции специалиста, развернутое и понятное информирование пациента. Однако в данном случае такой зависимости не было выявлено: более 70% пациентов отмечали несогласие идти на серьезные изменения образа жизни, несмотря на научную и фактологическую аргументацию («не согласен менять свой режим, диету в связи с началом АРВТ», «не считаю верным в отношении себя предлагаемую стратегию лечения»).

3) Консультируемые пациенты признавали тот факт, что при отказе от АРВТ на другой чаше весов – летальный исход. Но фактор «узкого коридора выбора», в 60% случаях был основанием либо отсутствия активности, либо выбора привычной стратегии поведения. Это характерно для маргинальных групп [4], но мы бы отнесли к парадоксальным для социально-благополучной группы.

4) Все пациенты выражали готовность получать социально-правовую помощь при дискриминационных действиях в медицинском учреждении и в семье, если бы таковые случились, что также подтверждает существенную роль социальных факторов в профилактике стресса, связанного с ВИЧ [5].

Материалы анализа были учтены при формировании совместного приказа Минздрава и Минсоцполитики Свердловской области от 07.07.2022 г. №1516-п/233 «Об организации межведомственного взаимодействия...», который регламентирует вовлечение психологических служб социальных центров на основе «Соглашения с доверенным сотрудником о сохранении врачебной тайны», к процессу сопровождения с ВИЧ-пациентов, усиливая социально – средовой фактор поддержки.

Основной вывод заключается в том, что в настоящее время большинство ВИЧ-пациентов может быть отнесено к социально-благополучным, и эта группа характеризуется более длительной адаптацией к диагнозу и парадоксальными реакциями, которые требуют активизации ресурсов специалистов немедицинского сервиса

1. Александрова Н.В., Городнова М.Ю., Эйдемиллер Э.Г. *Современные модели психотерапии при ВИЧ/СПИДе: учебное пособие для врачей и психологов.* СПб.: Речь, 2010. С. 24–27.
2. Дроздова Л.Ю., Лиценко О.В., Драпкина О.М. *Технологии мотивационного консультирования // Профилактическая медицина, 2020, 23(2), 97–101.*
3. Никифоров Г.С., и др. *Психология здоровья в России: история становления // Наука. Общество. Оборона. 2019. №4 (21). DOI:10.24411/2311-1763-2019-10214.*
4. Соболева Е.В. *Адаптация ВИЧ-положительных больных в кризисной ситуации выставления диагноза // Вестник совета молодых учёных и специалистов Челябинской области, 2014, №5 (7), с. 35–38.*
5. Хамама Л., Тартаковский Е., Патраков Э.В. *Отношение медицинского персонала к людям, страдающим ВИЧ/СПИД, и профессиональное выгорание // Вопросы психологии, 2016, № 3, с. 79–89.*

Конструирование опросника о готовности к инновационной активности детей, находящихся в государственных учреждениях

Дети-сироты, инновации, предпринимательство

Экономическая социализация детей и подростков является важным фактором их воспитания и развития [3]. Особенно актуально это для детей, проживающих в государственных учреждениях. К предикторам дезадаптации таких детей относят [4]: низкую самооценку, неадекватность «Я-концепции», слабое развитие волевых качеств, состояние одиночества, изолированности, зависимость от мнения окружающих и несамостоятельность в суждениях и поведении, гипертрофированные защитные тенденции. Это только актуализирует ценность анализа и поиска ресурсов экономической социализации подростков. Для указанной категории детей эта тема не являлась предметом самостоятельного исследования, тем более, для инновационной экономики.

Под социально-экономической адаптацией детей-сирот [2] мы понимаем получение профессии и трудоустройства, т.е. достижения высокого экономического статуса, поддержания достигнутого уровня экономических отношений в конкретной области деятельности. Также отмечено, что процесс социально-экономической адаптации воспитанников считается эффективным, если человек включен в социально-значимую деятельность, как волонтерство. Сюда же мы относим социальное предпринимательство, инновационную деятельность, т.е. то, что предполагает применение новых, уникальных подходов, способствующих увеличению социального воздействия [1].

Базируясь на экономико-психологических исследованиях [5], нами была предпринята попытка конструирования диагностического инструментария с целью: выявить и описать предрасположенность детей-сирот и детей, оставшихся без попечения родителей к развитию и формированию предпринимательских навыков для эффективной социально-экономической адаптации.

Методика включала: шкалу «организаторские способности» опросника «Коммуникативные и организаторские склонности» для подростков методика авторов В.В. Сиявского, В.А. Федорошина (КОС), тест Л. Михельсона «Коммуникативных умений для подростков и старшеклассников», а также авторский опросник о творческой активности ребенка, который предполагал формулировку двух ответов на один вопрос: интерес к какому-либо виду творческой и инновационной деятельности и готовность самому быть организатором такой деятельности.

Первичный сбор данных (n=51, 13-17 лет) показал средний коэффициент надежности (0,56), что несколько ниже необходимого уровня; обращает внимание отсутствие взаимосвязи между интересом к какому-либо делу и готовностью быть организатором этого дела, также 72% респондентов отрицательно ответили на вопрос о желании заниматься общественной работой, проявляя интерес именно к приносящей доход деятельности. В учреждениях для данной категории детей все спланировано и реализуется по графику: питание, посещение иных учреждений, закупка предметов личной гигиены и т.д. Такая организация быта порождает дефицит навыка планирования и организации собственной жизни, что является важным фактором социально-экономической адаптации.

Дальнейшая обработка результатов позволила выявить интегральную характеристику способности подростка не только придумывать инновации, но и прилагать активные усилия (в т.ч., быть субъектом учебного действия – разрабатывать и внедрять свои идеи). Работа над опросником с целью обеспечения конструктивной валидности продолжается.

1. Кортюв С.В., и др. Многовекторная модель понимания рисков инноваций: синтез психологии, экономики и технологий // *Вестник Костромского государственного университета. Серия: Педагогика. Психология. Социокинетика.* 2021. Т. 27, № 2. С. 57–65.
2. Латышев О.Ю., Байер Е.А., Петрова Е.В. Экономическое сознание и поведение выпускников детских домов: проблемы и реальность // *Социальная педагогика.* 2015. №3. С. 117–120.
3. Несытых О.А., Патраков Э.В. Управление социально-психологическими рисками устойчивости семьи // *Apriori.* Серия: Гуманитарные науки. 2016. № 5. С. 5–7.
4. Никитина Д.Е. Психологические особенности механизмов адаптации воспитанников детского дома // *Сибирский педагогический журнал.* 2007. № 15. С. 200–208.
5. Салтыкова В.С., Дейнека О.С. Современное состояние психологии денег в отечественной литературе // *Мир педагогики и психологии.* 2022. № 1(66). С. 6–22.

Делегирование морального выбора «цифровой среде» – цена успешной цифровой адаптации?

Цифровая среда, профессиональное развитие, профессиональное выгорание, делегирование морального выбора

Цифровизация существенно изменила условия и содержание трудовой деятельности, изменяя и психологические характеристики индивидуального и группового субъекта труда [5]. Среди проблем, которые многократно и разносторонне исследуются в научно-психологической литературе – цифровая детерминация профессионального выгорания и профессиональных деструкций в целом [1]. Адаптация к цифровым условиям труда в ряде источников характеризуется как компонент профессиональной успешности и развития; человек, «дополненный» цифровыми сред-ствами рассматривается как более эффективный [3, с. 126]; но мы хотели бы поставить вопрос цены такой адаптации. Для этого нами было проведено пилотное исследование среди специалистов социномического типа, работающих с трудными жиз-ненными ситуациями, поскольку они столкнулись с наибольшими проблемами в период вынужденной цифровизации: такие проблемы носили не только технический характер, но и моральный. Напомним, вся цифровизация носит формально-алгоритмизированный характер, далеко не всегда релевантный деятельности опера-тора.

Пилотное исследование было проведено на выборке специалистов по социальной работе, в чьи функции входило решение этических дилемм, связанных с различными аспектами семейного неблагополучия клиентов (n=86, все респонденты – женщины). Наряду с паспортной частью, совокупность методик включала: группу вопросов о влиянии цифровой среды на основные показатели профессиональной деятельности, опросник «Профессиональное выгорание» для специалистов социномических профессий [2], опросник «Трансформации трудового поведения в цифровой среде» (на основе экпсихологической типологии субъектности В.И. Панова) [2], а также авторский опросник об отношении к этическим дилеммам в профессиональной деятельности, где респондентам предлагалось соотнести этические дилеммы и наиболее частый вариант выбора их решения (в континууме от ориентации исключительно на собственный моральный выбор до полного исключения такого выбора, ориентируясь только на формальные показатели).

Результаты исследования показали, что имеется положительная корреляция между высоким уровнем эмоционального истощения (0, 760 при $p \leq 0,04$) и вынужденностью выполнять основные трудовые функции в цифровой среде (следование алгоритмам) в условиях самостоятельного морального выбора, что представляется вполне очевидным; при этом имеется существенное различие в ситуациях делегирования морального выбора «цифровым алгоритмам» и отсутствия такового. Делегирование имеет связь с низким уровнем эмоционального истощения (0, 520 при $p \leq 0,01$). В на-стоящее время пакет диагностического инструментария дополнен выборочными шкалами опросника социальной адаптации, полу-структурированным интервью для большей диагностической ценности. Исследование продолжается, но уже сейчас становится очевидной тенденция, заявленная в заглавии тезисов.

1. Водопьянова Н.Е., и др. Развитие субъекта труда в XXI веке: тенденции и проблемы цифровизации общества // Психология труда, организации и управления в условиях цифровой трансформации общества. Тверь: Твер. гос. ун-т, 2021. С. 137-150.
2. Водопьянова Н.Е., Старченкова Е.С., Наследов А.Д. Стандартизированный опросник «Профессиональное выгорание» для специалистов социномических профессий // Вестник СПбГУ. Сер. 12. 2013. Вып. 4. С. 17–26.
3. Патраков Э.В., и др. Экпсихологическая интерпретация риска как критерия психологической готовности индивида к взаимодействиям с цифровой средой (кросс-культурное исследование педагогов) // Психология человека в образовании, 2023, т. 5, № 1, с. 124–137.
4. Патраков Э.В. Конструирование опросника о трансформации трудового поведения педагогов в цифровой информационной среде // Вестник Костромского государственного университета. Сер.: Педагогика. Психология. Социокинетика. 2021. Т. 27, № 4. С. 128–136.
5. Патраков Э.В. Цифровая трансформация деятельности трудовых групп (экпсихологический подход). Екатеринбург: Изд. Уральского универ-ситета, 2023. 202 с.

Ценностные ориентации как основа выбора модели поведения в ситуации проведения СВО

Ценностные ориентации, модели поведения, специальная военная операция

Концептуалогические основания исследования и их обсуждение можно свести к нескольким пунктам:

Во-первых, после присоединения территорий Приазовья и Херсонской областей к России, обозначились проблемы межкультурного взаимодействия и адаптации личности. Английские кросс-культурные психологи А.Фэрнхем, и С.Бонкер [6] в рамках модели культурной аккомодации предложили типологию индивидуальных реакций на воздействие второй культуры в виде четырёх возможных моделей межкультурных контактов для индивидов, находящихся на разломах культур: «перебежчики» или переходный тип (отвергают собственную культуру и принимают новую как более высоко-статусную), «шовинисты» (отвергают влияние другой культуры как чуждое и возвращаются к собственной культуре), «маргиналы» (колеблются между двумя культурами, не принимая ни одну из них) и «посредники» (синтезируют свои различные культурные идентичности и становятся бескультурными или мультикультурными личностями). Основная идея А.Фэрнхема и С.Бонкера состоит в том, что этническая идентичность становится переменной, которая подвергается изменению под влиянием второй культуры: человек может принимать её или противостоять ей.

Во-вторых, данная типология ставит новые вопросы о том, почему некоторые индивиды становятся маргиналами, а другие – шовинистами? Что определяет поведение индивида в ситуации взаимодействия с другой культурой? В связи с этим в научный оборот вводятся этнопсихологические феномены: стили реагирования на изменения (СРНИ) [1] и этническая актуальный этнопсихологический статус личности (АЭСЛ) [4]. Е.И. Шлягина и Э.Ц. Данзанова [3.] выделяет пять типов АЭПС: «маргиналы» (кризис культурной идентичности), «националы» (кризис региональной идентичности), монокультуралы (культурная толерантность) и «этноиндифферентные» (этнокультурная выхолащенность). Следом Т.Ю. Базаров и Н.П. Сычёва описывают пять стилей реагирования на изменения: «консервативный» (попытки применения привычных алгоритмов действий в новых условиях), «инновационный» (возможность действий без заданных правил), «реактивный» (аффективные реакции), «реализующий» (рациональный подход к ситуации изменений) стили поведения [1].

Во-третьих, данные методики запускают новые вопросы о ценностях и критериях выбора моделей поведения в ситуации межкультурного взаимодействия. В настоящее время наиболее адаптированным подходом к исследованию ценностей является подход Ш. Шварца Ш., Т.П. Бутенко, Седова Д.С., Липатова А.С. [5], которые считают, что в основе ценностей находятся три универсальных человеческих потребностей (биологические нужды, потребности согласованного человеческого поведения, потребности выживания своей референтной группы). Основываясь на теоретических и эмпирических исследованиях, С. Шварц и Билски предложили деление ценностей на две большие группы: первая группа ценностей выражает интересы индивида и эталоны поведения (власть, достижения, гедонизм, стимулирование, саморегуляция); вторая группа ценностей выражает интересы группы и представления о нормативно-групповых идеалах (благосклонность, традиции, конформность). Два мотивационных ценностных блока: универсализм и безопасность выражают как индивидуальные, так и групповые интересы. По мнению Лебедевой [2], индивиды из разных культур могут приписывать отдельным ценностям разное значение, но все ценности можно организовать в ценностно-мотивационные оппозиции, расположенных на двух биполярных осях: во-первых, открытость/закрытость к изменениям (самостоятельность и стимуляция/безопасность, конформность и традиции) и, во-вторых, направленности на себя (самоутверждение, власть, достижительность, гедонизм)/на других (самопреодоление, универсализм, благожелательность).

1. Базаров Т.Ю., Сычёва М.П. Создание и апробация опросника «Стили реагирования на изменения» // Психологические исследования. 2012. Т. 5. № 25. С. 12.
2. Лебедева Н.М. Ценностно-мотивационная структура личности в русской культуре // Психологический журнал. 2001. Т. 22. № 3. С. 26-36.
3. Лебедева Н.М. Ценностные отношения к инновациям: межкультурные различия // Психологический журнал. 2009. Т. 30. № 6. С. 81-92.
4. Смотров Т.Н., Гриценко В.В. Ценностные ориентации личности и склонность к нарушению социальных норм // Психологический журнал. 2009. Т. 30. № 6. С. 3-16.
5. Шварц Ш., Бутенко Т.П., Д.С. Седова Д.С., А.С. Липатова Уточнённая теория базовых индивидуальных ценностей: применение в России // Психология. Журнал Высшей школы экономики. 2012. Т. 9. № 1. С. 43-70.
6. Furnham A., Bochner S. Culture Shock: Psychological Reactions to Unfamiliar Environments. London. 1986.

Токарева Ю.А. Екатеринбург, УрФУ
Ерпалова А.О. Екатеринбург, УрФУ
Баранова И.Е. Екатеринбург, УрФУ
Евдокимов А.Н. Екатеринбург, УрФУ
Зотов А.В. Екатеринбург, УрФУ

Технология карьерного консультирования студентов студентами: ресурсный подход

Карьерное консультирование, ресурсный подход, технология консультирования

На современном этапе развития общества проблема карьерного консультирования является важной для эффективного построения профессионального развития. Карьерное консультирование – это межличностный процесс, имеющий целью помочь индивидам в решении проблем развития их карьеры. Развитие карьеры включает в себя процесс выбора, освоения, адаптации и продвижения в профессии. Круг относящихся к карьере проблем включает в себя снятие неопределенности и нерешительности в выборе карьеры, рост эффективности деятельности, борьбу со стрессом, адаптируемость, несоответствия человека и рабочей среды, а также проблему неадекватной или неудовлетворительной интеграции профессиональных и иных жизненных ролей, например, ролей родителя, друга, гражданина (Браун и Брукс, 1991, с. 5).

Технология карьерного консультирования представляет собой механизм алгоритмизированной работы консультанта с клиентом. Анализ теоретико-методологических основ консультирования показал, что не смотря на большое количество предложений об осуществлении помощи, а также методов работы, готового к использованию алгоритма нет.

Целью работы выступила разработка технологии карьерного консультирования студентов студентами-магистрантами в рамках проектной деятельности, реализуемой в Университете. Уникальностью данной работы является: осуществление карьерного консультирования студента студентом, оказание помощи в вопросах профессиональной реализации лицу без опыта работы, информирование клиента о будущей профессиональной деятельности на основе теоретического моделирования, использования в работе партнерской, а не экспертной позиции.

Методологической основой работы явился ресурсный подход [2]. Согласно представлениям современной науки суть карьерного консультирования с позиции ресурсного подхода – раскрытие, актуализация заложенных в субъекте и объекте консультирования, потенциала, возможностей, ресурсов развития.

Дружилов С.А. [1] раскрывает понятие индивидуального ресурса профессионального развития человека, как реальные профессиональные возможности, его готовность к эффективной профессиональной деятельности с одной стороны, а с другой – нереализованные профессиональные свойства, внутренние резервы человека.

В современной литературе ресурсы в наиболее обобщенном виде рассматриваются как условия, необходимые для реализации каких-либо процессов, в нашем случае карьерного консультирования.

Задачами исследования являлись – изучение теоретических источников, проведение консультирования среди студентов по вопросам карьеры и профессионального развития, разработка технологии на основе полученных результатов карьерного консультирования.

Технология карьерного консультирования была отработана в рамках трех проектов под руководством заведующего кафедрой управления персоналом и психологии УрФУ Токаревой Ю.А., в которых приняло участие 18 студентов-клиентов и карьерных консультантов. Результатом апробации явилась разработка пятиэтапного алгоритма:

- знакомство и обсуждение запроса;
- оказание поддержки и информирование;
- анализ самостоятельных шагов (результаты домашнего задания),
- подведение итогов и завершение работы;
- проверка устойчивости эффекта согласно срокам (планам) профессионального развития.

В качестве рекомендаций для карьерных консультантов предложены методы минимизации рисков.

1. Дружилов С.А. *Индивидуальный ресурс человека как основа становления профессионализма. Воронеж: Научная книга, 2010. 262 с.*
2. Токарева Ю.А., Сороколат Е.В. *Модель психологического консультирования по телефону: ресурсный подход // Актуальные проблемы экстремальной и кризисной психологии. 2021. С. 106-109.*

Религиозная конфликтология и иринология как инновационный процесс в психологии этнорелигиозных конфликтов

Религиозная конфликтология, иринология, межрелигиозное сотрудничество

Предлагаемое сообщение – аналитико-стратегическое обобщение двадцатилетнего опыта преподавания курса «Психология этнорелигиозных конфликтов» на кафедре психологии кризисных и экстремальных ситуаций СПбГУ. Инициатива зав. кафедрой проф. Н.С. Хрусталевой сформировать курс «Психология миграции и этнорелигиозных конфликтов» привела к углублению и расширению психологических глав конфликтологического и иринологического содержания в читаемом курсе. Имеются в виду главы «Психология фундаментализма», «Психология экстремизма», «Агрессивная интолерантность как причина формирования концепции толерантность», «Развитие духовного интеллекта как профилактика экстремизма». Этому способствовало сотрудничество как с христианскими, так и с мусульманскими учебными заведениями, что и явилось инновацией [2, с. 432-441]. Другой вектор инновации – реализовано сотрудничество духовного (СПбДА) и светского (СПбГУ) вузов, что потребовало не только межрелигиозного, но и межконфессионального сотрудничества. Сегодня стало очевидно, что потребность в упомянутых курсах испытывают не только клинические и социальные психологи и религиоведы, но и юристы, политологи, педагоги, социологи, образовательные структуры различных силовых ведомств.

В частности, опыт участия одного из авторов данного сообщения в формировании и реализации духовно-просветительских программ в социальном пространстве уголовно-исполнительной системы подтверждает необходимость такого комплексного подхода на базе психологии и в контексте различных конфессиональных и этнических культур.

В академической среде уже отмечалось, что в российском обществе «сложился «культ экспертов» соответствующих видов деятельности, и существует такой феномен как «клики экспертов», которые организованы по дисциплинарному принципу, но не только спрос рождает предложение, но и предложение влияет на спрос» [3, с. 221].

Уделение должного внимания подготовке экспертов по актуализированной комплексной программе является несомненно инновацией. Другой вывод из упомянутого опыта создания курса «Религиозная конфликтология» – признание того, что в ситуации силового противостояния всегда была, есть и будет потребность психологического образования и воспитания в культуре мира. Мир в душе, мир в семье, в общине, в производственном коллективе, во взаимоотношениях соседей – в общежитии, в регионах, между государствами и народами. И тем более, в ситуации военных действий чрезвычайно востребовано знание законов психологии и опыт практических психологов. Основным выводом из описанного опыта можно считать убеждение в том, что не конфессиональная, религиозная или этническая культура обуславливают девиантное поведение, но тип и уровень развития личности.

1. Вайсман С.Е. *Инновационные процессы в психологии. Психологическое просвещение. 2015.* – URL: <https://www.b17.ru/article/27852/?ysclid=lia1mwcaux593087715> (дата обращения: 01.06.2023).
2. Федоров В.Ф. *О необходимости межрелигиозного сотрудничества в процессе создания учебного курса «Религиозная конфликтология и иринология» // Матер. междунаrod. науч.-практич. конференции "Опыт исламоведческих исследований в контексте возрождения и развития отечественной богословской школы", 20–22 ноября 2029 г., Казань. Казань: ИД «МеДДоК», 2020. С. 432–441*
3. Чернявская В.С. *Инновационный потенциал психологии в развитии современного человека и общества. Территория новых возможностей // Вестник Владивостокского государственного университета экономики и сервиса. 2009. Вып. 1 (1). С. 220–225.*

Психологический фактор инноваций в когнитивной экономике

Когнитивная экономика, инновации, психология инноваций, человеческий фактор инноваций

Категория «Инновации» является предметом исследований в экономике (вложения, риски, эффективность), технических дисциплинах (новизна, надежность), маркетинге (ресурсы продвижения среди различных целевых групп). В психологии такие исследования преимущественно сфокусированы на отношении к новым (инновационным) технологиям, восприятию различными группами потребителей инновационных продуктов [3]. Основную ценность обращения к психологическим знаниям мы видим в том, что, по данным международных исследований, свыше 70 % инноваций не могут выйти на рынок [5]. Поэтому, в контексте исследуемой когнитивной экономики [2], мы видим ценность психологических знаний на нескольких уровнях:

На уровне создателя инноваций (индивидуального субъекта труда): креативность и ресурсы её оценки и развития; сочетание прикладных и научных знаний; обладание полипрофессиональными компетенциями в смежных областях знаний, такие компетенции мы бы назвали комплиментарными – взаимодополняющими.

На уровне рабочих групп (коллективного, группового субъекта труда): способность руководства объединять работников с комплиментарными компетенциями в интересах создания, развития и продвижения инновационного проекта; способность анализировать технологические, гуманитарные, социально-экономические тенденции развития технологий и общества на базе какой-либо концепции или совокупности концепций. В качестве примера здесь можно привести исследования китайских коллег [1].

На уровне общества (например, государства или совокупности государств) ситуация выглядит более сложной и комплексной. На уровне Европы, мы можем привести пример такой оценки – European Innovation Scoreboard [4] который включает уровень образованности, международную цитируемость и ряд других показателей.

Соответственно, комплексная оценка всех ресурсов человеческого фактора на уровне индивидуального и группового субъектов и социума, способна внести вклад в существенное развитие когнитивной экономики.

1. Бао О. Основные вопросы философии инженерии // *Вопросы философии*. 2014. № 7. С. 59-67.
2. Дейнека О.С., Николаев А.Е. Экономико-психологические типологии в практике организационного и политического управления // *Вестник Санкт-Петербургского университета*. 2009. Сер. 12. Вып. 4. С. 170-176.
3. Патраков Э.В., и др. Отношение к технологическим инновациям: кросскультурное исследование // *Психология человека в образовании*, 2022. Т. 4. № 4. С. 459-474.
4. *European Innovation Scoreboard 2021*. – URL: <https://ec.europa.eu/docsroom/documents/46013> (дата обращения: 01.06.2023).
5. Gourville J.T., *The Curse of Innovation: A Theory of Why Innovative New Products Fail in the Marketplace* // *HBS Marketing Research Paper*. 2005. № 05-06. – URL: <http://dx.doi.org/10.2139/ssrn.777644> 2005 (дата обращения: 01.06.2023).

Научное издание

АНАНЬЕВСКИЕ ЧТЕНИЯ — 2023

Материалы международной научной конференции
17-20 октября 2023 года

Подписано к публикации 24.11.2022. Формат 60×90/16. Усл. печ. л. 29,375.
Заказ 12831.

© Издательство «Союзкниг», 2023, Н. Новгород:
ул. Усилова, д.1, корп.2, кв. 138, г. Нижний Новгород, Россия, 603093